

БИБЛІОГРАФІЯ.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. *Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Часть первая, Спб. 1856.*

Когда идетъ рѣчь объ историческихъ наукахъ, о томъ, что настоящее состояше ихъ еще очень неудовлетворительно, всѣ мы начинаемъ говорить, что матеріалы еще мало разработаны,—но хорошо было бъ, еслибъ дѣло ограничивалось только необходимостью подвергнуть матеріалы историческихъ наукъ болѣе внимательной, полной и точной разработкѣ. Нѣтъ, не въ этомъ одномъ состоитъ дѣло: самая идея каждой отрасли историческихъ наукъ понимается еще слишкомъ узко; нужно не только разработать матеріалы, нужно расширить границы содержаія науки, о какой бы отрасли историческихъ наукъ ни должна была итти рѣчь. Возьмемъ въ примѣръ хотя исторію литературы. Не будемъ говорить о томъ, что до сихъ поръ, вмѣсто игторіи литературной мысли въ обществѣ, намъ дается обыкновенно только обзоръ произведеній, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи; вмѣсто того, чтобы говорить объ обществѣ, о націи, говорится только объ исключительныхъ явленіяхъ, каковы гениальные или, вообще, знаменитые поэты,—то есть дѣлается тоже самое, какъ если бы географія, вмѣсто описанія страны, въ которомъ равнины, болота, степи, луга занимаютъ гораздо болѣе мѣста, нежели картины горныхъ хребтовъ, давала намъ только описанія вершинъ Монблана, Сенъ-Готарда и Мон-Сени. Нѣтъ, намъ нужно знать и такія книги, которыя доставляли умственную пищу массѣ, и Фодотъ Кузмпчовъ скажетъ намъ какова была умственная жизнь той безчисленной массы, которая не знала и не требовала другой пищи, кромѣ его произведеній.

Но оставимъ въ сторонѣ это требованіе, къ принятію котораго слишкомъ мало еще приготовлены понятія современныхъ изслѣдователей. Положимъ даже, что исторія литературы должна говорить намъ только о писателяхъ замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи, пренебрегая, какъ пренебрегаетъ теперь, книгами, доставляющими чтеніе огромпѣйшему числу грамотнаго населенія. И съ этою уступкою, все таки мы не дошли еще до того, чтобы находить удовлетворительно широкими нынѣшнія границы исторіи литературы. Теперь она почти исключительно занимается только оригинальною литературою, не обращая почти никакого вниманія на пере-

водную. Это было бы совершенно справедливо, если бы исторія литературы должна была представлять не рассказъ о развитіи литературныхъ понятій народа, а простой списокъ людей извѣстной націи, прославившихся въ литературѣ. Правда, переводчики рѣдко приобрѣтаютъ знаменитость, а часто и вовсе не бываютъ литераторами въ настоящемъ смыслѣ слова,—но чтожъ изъ того? Никто и не проситъ исторію литературы говорить о переводчикахъ—пусть она говоритъ о переведенныхъ произведеніяхъ,—вѣдь наука имѣетъ предметомъ факты, и какой бы странѣ, какому бы народу на принадлежалъ человекъ, отъ котораго ведетъ начало литературный фактъ, о фактѣ все таки должна говорить исторія того народа, на жизни или понятіяхъ котораго отразился этотъ фактъ. Вѣдь пароходы американское изобрѣтеніе, а говоритъ же о нихъ англійская статистика, потому что они перенесли и въ англійскую жизнь; паровозы англійское изобрѣтеніе, а говоритъ же о нихъ французская статистика. Такъ и Байронъ, если только переводы его произведеній имѣли, положимъ, на французскую публику не менѣе вліянія, нежели, на примѣръ, произведенія Шатобриана или Ламартина, долженъ занимать собою исторію французской литературы не менѣе, нежели Ламартинъ или Шатобрианъ. Мы говоримъ не о произведеніяхъ французскихъ подражателей или послѣдователей Байрона,—нѣтъ, о самыхъ произведеніяхъ Байрона во французскомъ переводѣ.

Вообще, надобно принять за правило, что если исторія литературы должна рассказывать о развитіи общества, то ей слѣдуетъ обращать одинаковое вниманіе на факты, имѣющіе одинаково важное значеніе для этого развитія, какой бы націи, какой бы литературѣ ни принадлежало первоначальное появленіе этихъ фактовъ.

Переводная литература у каждаго изъ новыхъ европейскихъ народовъ имѣла очень важное участіе въ развитіи народнаго самосознанія или (чтобы говорить опредѣлительнѣе, замѣнимъ другимъ выраженіемъ эту обиходную фразу, слишкомъ часто ведущую къ недоразумѣніямъ) въ развитіи просвѣщенія и эстетическаго вкуса. Потому историко-литературныя сочиненія только тогда не будутъ страдать очень невыгодною односторонностью, когда станутъ на переводную литературу обращать гораздо больше вниманія, нежели какъ это обыкновенно дѣлается теперь.

Есть нѣкоторое извиненіе для такой односторонности, когда дѣло идетъ объ исторіи литературъ очень развитыхъ, богатыхъ силами, литературъ, въ которыхъ иноземныя вліянія тотчасъ выражаются подражаніями, по своему относительному достоинству занимающими въ литературѣ, принимающей вліяніе, такое же мѣсто, какое принадлежитъ оригиналамъ этихъ подражаній въ литературѣ, отъ которой исходитъ вліяніе.

У насъ до сихъ поръ было не такъ. Участіе иностранныхъ литературъ въ развитіи нашего эстетическаго вкуса производилось преимущественно чистыми переводами. Исключеніе развѣ за однимъ байроновскимъ направленіемъ, которое отчасти въ Пушкинѣ, отчасти въ Лермонтовѣ имѣло у насъ достойныхъ представителей,—между тѣмъ, какъ самого Байрона мы знали очоно мало. Можно прибавить еще, что начавшееся отъ Вальтера Скотта направленіе имѣло у насъ также представителей, заслужившихъ любовь пу-

блики,—но, тѣмъ не менѣе, романы самого Вальтера Скотта были у насъ распространены гораздо болѣе, нежели достойные вниманія оригинальные романы того же рода. Объ остальныхъ иноземныхъ писателяхъ надобно рѣшительно сказать, что если они дѣйствовали на насъ, то исключительно прямою, а не косвеннымъ образомъ,—дѣйствовали только переводами, рѣшительно не имѣя у насъ достойныхъ послѣдователей. Монтескье, Вольтеръ, Руссо, Шиллеръ, Гете, Диккенсъ,—всѣ эти писатели имѣли, или имѣютъ, участіе въ нашей умственной жизни—исключительно черезъ переводы.

Огромную важность имѣетъ у насъ переводная литература. До самого Пушкина, она была несравненно важнѣе оригинальной. Да и теперь еще не такъ легко рѣшить, взяла ли надъ нею верхъ оригинальная литература. Какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе Гоголя, но мы колеблемся, можно ли сказать положительнымъ образомъ, чтобы иностранные писатели имѣли на развитіе литературной мысли въ русскомъ обществѣ менѣе вліянія, нежели творецъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь кровный, родной намъ, его содержащіе ближе къ намъ,—прелесть его рассказа непосредственнѣе чувствуется нами,—все это такъ, мы любимъ его живѣе и сильнѣе. Но содержащіе чужихъ гениальныхъ писателей,—что дѣлать, надобно сознаться,—шире; художественная форма ихъ произведеній,—и въ этомъ надобно сознаться,—совершеннѣе; они стоятъ дальше отъ насъ, но фигуры ихъ колоссальнѣе; мы не съ такою кровною любовью подчиняемся ихъ мысли,—но если на сторонѣ Гоголя наше субъективное сочувствіе, то на сторонѣ ихъ превосходство объективнаго величія и совершенства,—и на чьей сторонѣ перевѣсъ вліяній, трудно рѣшить.

Если таково отношеніе оригинальной и переводной литературы теперь, послѣ Гоголя, когда оригинальная литература получила развитіе несравненно высшее и сильнѣйшее, сравнительно съ прежнимъ, то до Гоголя, и особенно до Пушкина, когда оригинальная наша литература была еще очень слаба, переводная литература имѣла надъ нею рѣшительный перевѣсъ. Если вникнуть въ дѣло безпристрастно, то, кажется намъ, едва ли можно не прийти къ заключенію, что до Пушкина, въ исторіи нашей литературы, переводная часть почти одна только имѣетъ право считаться истинною питательницею русской мысли.

При случаѣ мы подтвердимъ это мнѣніе подробнымъ разборомъ фактовъ, а теперь укажемъ пока на одинъ примѣръ, представляемый книгою, заглавіе которой мы выписали. Поэзіи Шиллера какъ будто родная намъ—а между тѣмъ у насъ не было ни одного замѣчательнаго оригинальнаго поэта въ этомъ родѣ. Произведенія Шиллера были переводимы у насъ,—и этого довольно, чтобы мы считали Шиллера своимъ поэтомъ, участникомъ въ умственномъ развитіи нашемъ. Чувство справедливой благодарности понуждаетъ насъ признаться, что этому нѣмцу наше общество обязано болѣе, неужели кому бы то ни было изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, кромѣ Пушкина.

Благодаря переводамъ Жуковскаго, онъ сталъ нашъ поэтъ. Но Жуковский перевелъ только меньшую половину ого стихотвореній. Другая, гораздо большая половина усвоенныхъ нашему языку его стихотвореній, до сихъ поръ почти совершенно погибала для русской публики, потому что эти

пьесы были разсѣяны по старымъ журналамъ и сборникамъ стихотвореній разныхъ нашихъ поэтовъ, большею частью мало распространенныхъ въ публикѣ.

Г. Гербель рѣшился собрать эти переводы, и, дополнивъ массу ихъ новыми переводами тѣхъ стихотвореній, которыя или не были переведены, или не были удовлетворительно переведены на русскій языкъ, издать полное собраніе лирическихъ стихотвореній Шиллера въ русскомъ переводѣ.

Мысль эта прекрасна. Жаль только, что изъ нѣсколькихъ переводовъ одной пьесы выбирая лучшій г. Гербель часто ошибается въ выборѣ, и, отбрасывая лучшій, печатаетъ менѣе удовлетворительные,—но это не болѣе, какъ ошибка, а „ошибка въ фальшь не ставится“; при томъ же, онъ даетъ полный списокъ всѣхъ переводовъ, обозначая, гдѣ поимѣненъ каждый изъ нихъ,—стало быть, самъ даетъ средство исправлять ошибки своего выбора. Правда, въ обзорѣнннхъ переводахъ Шиллера на русскій языкъ онъ положительнымъ образомъ хвалитъ переводы г. Гр. Данилевскаго, г. Алексѣева, не удостоивая (на той же страницѣ) этой чести переводы Козлова, Губера, г. К. Аксакова, г-жи Павловой, г. А. Григорьева, г. Яхонтова, которые безспорно во сто разъ лучше переводовъ г. Гр. Данилевскаго, г. Лялина и проч.,—но это опять ошибка, не болѣе. По за то г. Гербель обнаружилъ при составленіи своего сборника много трудолюбія; отыскивая повсюду переводы пьесъ Шиллера, онъ пересмотрѣлъ почти всѣ наши журналы, альманахи и собранія стихотвореній съ 1800 года,—что, по его словамъ, составляетъ 9000 томовъ—работа обширная, и въ этомъ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости г. Гербелю.

Онъ много трудился,—и потому, несмотря на довольно частыя его ошибки при оцѣнкѣ достоинства различныхъ переводовъ, въ его изданіи все таки собрано очень много хорошихъ переводовъ, которые погибли бы въ старыхъ журналахъ и книжкахъ стихотвореній посредственныхъ поэтовъ, если бы г. Гербель не собралъ этихъ пьесъ. Мало того. Многія пьесы Шиллера переведены,—и часто переведены хорошо,—собственно для его сборника, различными поэтами; многіе другіе переводы, уже сдѣланные прежде, но до сихъ поръ остававшіеся ненапечатанными, напечатаны у него въ первый разъ. Изъ числа послѣднихъ г. Гербель справедливо указываетъ на прекрасный переводъ „Пѣсни о колоколѣ“ г. Мина, „который одинъ есть уже приобретеніе для литературы“.

Такимъ образомъ, несмотря на сдѣланное нами замѣчаніе, „Сборникъ“, изданный г. Гербелемъ, достоинъ всякаго вниманія.

У насъ привыкли нераздѣльно соединять Шиллера съ Жуковскимъ, и тѣ, которые находятъ, что время поэзіи Жуковскаго прошло, часто воображаютъ, что точно также прошло и время поэзіи Шиллера. Это совершенно несправедливо. Жуковскій прекрасно перевелъ многія изъ лучшихъ стихотвореній Шиллера, познакомилъ съ этимъ поэтомъ русскую публику.—но, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ переведилъ много изъ второстепенныхъ англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, произведенія которыхъ нынѣ, конечно, кажутся устарѣлыми по своему содержанію; особенно забавны теперь баллады Соути, въ которыхъ, кромѣ вѣдьмъ, чертей и колдовства, нѣтъ ничего. Рядомъ съ

этими переводами, помѣщены собственныя прозвешенія Жуковского, которыя нынѣ, поелѣ Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ новѣйшихъ поэтовъ, конечно, утратили болыиую часть своей прежней цѣны. Такимъ образомъ, стихотворенія Шиллера, въ собраніи стихотвореній Жуковского, какъ будто несутъ на себѣ отвѣтственность за остальные произведенія, среди которыхъ разсѣяны.

Но Шиллера не должно смѣшивать ни съ кѣмъ. Его поэзія никогда не умретъ, — это не какой нибудь Соути или Геббель. Люди, гордящіеся своею мнимою положительностью, между тѣмъ, какъ имѣютъ только сухость сердца, — своимъ знаніемъ жизни, между тѣмъ, какъ пріобрѣли только знаніе мелочныхъ интригъ, говорятъ иногда о Шиллерѣ съ-высока, какъ объ идеалистѣ, мечтателѣ, — иногда рѣшаются даже намекать, что у него больше было сантиментальности, нежели таланта. Все это можетъ быть справедливо относительно иныхъ поэтовъ, которыхъ считаютъ у насъ сходными, по направленію, съ Шиллеромъ, но не относительно Шиллера. Характеръ своей поэзіи онъ самъ объявилъ намъ въ „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣческаго рода“, излагая свои понятія о существенномъ значеніи поэзіи вообще. Это сочиненіе написано въ 1795 г., въ эпоху французскихъ войнъ, отъ результата которыхъ зависѣла не только политическая самостоятельность или подчиненность Германіи, но также рѣшеніе вопросовъ внутренняго быта нѣмецкихъ племенъ. Шиллеръ хотѣлъ доказать въ немъ, что путь къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ — эстетическая дѣятельность. По его мнѣнію, необходимо нравственное возрожденіе человѣка для того, чтобы измѣнить къ лучшему существующія отношенія: устройство ихъ можетъ быть усовершенствовано только тогда, когда облагородится человѣческое сердце. Средствомъ такого возрожденія должна быть эстетическая дѣятельность. Она должна давать благородное и твердое настроеніе умственной жизни. Суровые принципы душевнаго благородства пугаютъ людей, когда излагаются строгою наукою. Искусство незамѣтно внушаетъ человѣку понятіи, достоинство которыхъ не хочетъ онъ оцѣнить, когда они являются ему безъ поэтической одежды. Своими идеалами приводитъ поэзія лучшую дѣятельность: внушая благородные порывы юношѣ, готовитъ она его къ благородной практической дѣятельности.

Такова дѣйствительно поэзія Шиллера. Это вовсе не сантиментализмъ, не игра мечтательной фантазіи, — нѣтъ, паюсъ этой поэзіи — пламенное сочувствіе всему, чѣмъ благороденъ и силенъ человѣкъ.

Мы желаемъ, чтобы изданіе г. Гербеля имѣло успѣхъ въ публикѣ. Шиллеръ много принесъ, и можетъ принести еще гораздо больше пользы нашему эстетическому развитію. Недостатки, нами замѣченные въ изданіи г. Гербеля, доказываютъ только, что дѣло могло бы быть исполнено лучше, еслибъ въ него не замѣшалась претензія. Но, все таки, само по себѣ дѣло такъ хорошо, что, несмотря на несовершенную удачность исполненія, остается прекраснымъ.

Внѣшній видъ изданія красивъ. Оно напечатано въ форматъ „Легкаго Чтенія“, на хорошей бумагѣ. Оно будетъ состоять изъ двухъ томовъ. При второмъ г. Гербель хочетъ приложить біографію Шиллера, — отъ души желаемъ, чтобы она была написана хорошо.

Оды Квинта Горация Фланка. Переводъ съ латинскаго, А. Фета.
Спб. 1856

Кронъ очень немногихъ, слишкомъ строгихъ, или, лучше сказать, слишкомъ придирчивыхъ критиковъ, по нашему мнѣшю, несправедливыхъ къ труду г. Фета, всѣ цѣнители соглашаются, что этотъ переводъ Горация приноситъ большую честь переводчику,—это очень много значить, при томъ высокомъ понятіи о талантѣ г. Фета, которое имѣютъ всѣ люди съ изысканнымъ вкусомъ. Произведеніе, дѣлающее честь г. Фету, должно быть превосходно. И однако же, этотъ переводъ, имѣющій такое высокое достоинство, не приввелъ ни на публику, ни на литераторовъ живого впечатлѣнія, и въ большинствѣ даже людей образованныхъ (не говоримъ уже о людяхъ, неприготовленныхъ къ наслажденію повзією классическаго міра) не возбудилъ того увлеченія, на которое, невидимому, должна бы давать ему право неутомимость и достоинство работы, взявшей у талантливаго переводчика столько времени, совершенной съ любовью и внимательностью. Конечно, многіе изъ людей съ наиболѣе развитымъ вкусомъ восхищались переводомъ г. Фета; но многіе другіе, одаренные такимъ же тонкимъ вкусомъ, и съ нимъ вмѣстѣ масса публики, остались довольно равнодушны къ Горацию.

Иного, впрочемъ, и не должно было ожидать. Холодность щѣма, сдѣланнаго Горацию, недостаточно приписывать одной неприготовленности большинства нашей публики къ наслажденію произведеніями классической поэзіи. Гомеръ и Анакреонъ съ восхищеніемъ читаются у насъ (какъ и вездѣ) многими, не находящими особеннаго удовольствія въ Горациевыхъ одахъ; Ювеналь, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ у насъ чрезвычайно популяренъ, лишь бы только былъ хорошо переведенъ. Нѣтъ, есть особенныя причины равнодушія большинства къ Горацию.

Этотъ изящный поэтъ—чисто поэтъ формы, тонкой и тщательной отдѣлки, точнаго слога, граціознаго выраженія. Этимъ, по преимуществу, и ограничиваются его достоинства. Мы привыкли искать въ лирической поэзіи другихъ качествъ,—паеоса, пламеннаго одушевленія, задушевнаго чувства, глубокой скорби, или страстной жизни. Ничего подобнаго нѣтъ у Горация,—паеосъ его поэзіи выражается знаменитою одою его къ Лиципію, по переводу г. Фета:

Счастливей проживешь, Ляцинь, когда спѣсиво
Не станешь въ даль пучинъ прокладывать слѣдовъ,
Иль, устрашася бурь, держаться боязливо
Невѣрныхъ береговъ.

Далѣе говорится о томъ, что „золотая середина лучше всего“,—словомъ, паеосъ поэзіи Горация—мудрое правило, внушаемое баснею Крылова „Водолазы“, изъ которыхъ одинъ, слишкомъ державшійся береговъ, едва доставалъ себѣ насущный хлѣбъ, собирая дрянныя раковины, другой, захотѣвшій искать безцѣнныхъ сокровищъ въ пучинахъ океана, утонулъ, а третій, избравшій мѣстомъ своихъ поисковъ мѣсто, гдѣ было ни глубоко, ни мелко, наловилъ множество жемчуга,—наводученіе очень пригодное для житейскихъ дѣлъ, но вовсе не поэтическое. У Горация во всемъ почти соблю-

дается умѣренность и аккуратность. Воспѣваетъ ли онъ вино—онъ воспѣваетъ пиры умѣренные, чинные, добропорядочные, гдѣ пьютъ по расчету, чтобы, не оставаясь трезвымъ, не быть и пьянымъ; у него нѣтъ ни разгула, ни страсти. Но кромѣ анакреонтической поэзіи можетъ быть поэзія стоицизма, поэзія суровой нравственной чистоты. Горацій—защитникъ нравственности,—но какой нравственности? умѣренной, уступчивой, снисходительной, допускающей все на свѣтъ: и вино, и развратъ, но только въ приличномъ, благопристойномъ видѣ, на сколько вино и развратъ не вредятъ здоровью, денежнымъ дѣламъ и добропорядочному имени. Такова его поэзія во всемъ: и въ любви, и въ гражданскихъ доблестяхъ, и въ патриотизмѣ,—во всемъ онъ воспѣваетъ „умѣренность и аккуратность“—онъ поэтъ житейской мудрости.

Такое содержаніе не увлечетъ людей нашего вѣка, требующихъ отъ лирической поэзіи огня, страсти или глубины чувства. Латинисты восхищаются превосходною обработкою стиха у Горація, и намъ кажется, что если переводъ Горація имѣетъ цѣлью произвестъ впечатлѣніе на большинство, то эта цѣль можетъ быть достигнута только однимъ путемъ: нисколько не заботясь о вѣрности, переводчикъ долженъ всѣмъ,—и размѣромъ, и словами, и фразами, и, пожалуй, цѣлыми строфами жертвовать для всевозможной гладкости и легкости стиха,—безцеремонно откидывать большую часть собственныхъ именъ, миеологическихъ и историческихъ намековъ, которыми щеголяетъ Горацій и которые темны для обыкновеннаго читателя,—словомъ, чтобы читатель не запнулся ни на чемъ и пробѣгалъ страницы Горація съ такою же легкостью, какъ страницы какого нибудь современнаго поэта. При этомъ стихъ долженъ быть совершенно легокъ и изященъ,—нигдѣ, ни одного натянутого выраженія, ни одной принужденной разстановки словъ—пусты стихи льются, какъ вода. Что и говорить, такой переводъ будетъ варварскимъ искаженіемъ текста—будетъ Дюсисовскою или даже хуже, нежели Дюсисовскою передѣлкою. Но только такая передѣлка и можетъ сообщить переводу тѣ достоинства, которыя составляютъ очаровательность подлинника, только она можетъ придать переводу совершеннѣйшую гладкость и легкость.

Г. Феть, конечно, не могъ унизиться до такого варварства. Онъ хотѣлъ дать намъ переводъ, а не самоуправную передѣлку Горація. Потому его переводъ, отличающійся высокими достоинствами въ глазахъ истиннаго цѣнителя, хорошо знакомаго съ древнимъ міромъ, сдѣланъ не для большинства, а только для избранныхъ читателей и для обогащенія русской литературы. Г. Феть трудился серьезно и добросовѣстно, и, дѣйствительно, успѣлъ дать намъ переводъ, который долженъ быть названъ капитальнымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы.

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. „Чудодѣй“. А. Ѳ. Вельмана. 2 ч. Москва. 1856.

Явился „Чудодѣй“ г. Вельмана въ ту пору, когда еще въ модѣ были романы, раздражительно дѣйствующіе на нервы читателей, онъ имѣлъ бы значительный успѣхъ; но теперь сомнительно, чтобы кто прочелъ его отъ

начала до конца, а если и найдутся такіе охотники, то сомнительно, чтобы романъ имъ понравился. Въ этомъ виновата, конечно, натуральная школа: она до такой степени испортила вкусъ публики, что теперь самый неопытный юноша, прочитавъ „Приключенія Чудодѣя“, назоветъ ихъ хитросплетеніями, почерпнутыми не изъ моря житейскаго, а изъ причудливой фантазіи автора. Полю Февалу и Дюма съ компаніею едва ли приходилось когда рассказывать такія хитрыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаться, такія скучныя вещи, какія рассказываетъ г. Вельтманъ. Тѣ какъ-то умѣютъ и небылицамъ сообщать видъ заманчивый, такъ что онѣ читаются, и читаются иногда даже безъ скуки, несмотря на всю ихъ пустоту; но увы! намъ это рѣшительно не удастся, и, можетъ быть, это наше лучшее свойство, что мы не умѣемъ заманчиво рассказывать небылицы. Г. Вельтману, можетъ быть, хотѣлось представить въ лицѣ Даянова (Чудодѣй) типъ пылкаго, безпрестанно увлекающагося юноши, въ которомъ потребность любить и быть любимымъ беретъ верхъ надъ всѣми чувствами; но хотѣть и умѣть — два дѣла разныя: у г. Вельтмана этотъ типъ превратился въ такого сумасброда, которому гораздо приличнѣе было бы сидѣть подъ присмотромъ сторожей или сестеръ милосердія, нежели такъ долго обнаруживать симптомы своихъ странностей въ обществѣ.

Считаемъ не лишнимъ дать поштіе нашимъ читателямъ объ этомъ штукарѣ Даяновѣ.

„Въ затѣйливо убранномъ всюю роскошью свѣтскихъ причудъ, небольшомъ кабинетѣ лежалъ на полу, навзничъ, прекрасный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати... Мертвенная блѣдность покрывала его лицо...

— Ты, братецъ, умеръ, или еще нѣтъ? оказалъ навоець молодой мужчина.

Какъ будто гальваническій токъ пробѣжалъ по членамъ молодого человѣка, онъ встрепенулся, повалился по полу и конвульсивно застучалъ ногами; потомъ вдругъ всвоичилъ съ полу и бросился къ молодому мужчинѣ, обхватилъ его и повисъ на шеѣ.

— Сдѣлай одолженіе, нельзя ли избавить отъ этихъ объятій!.. Ты съ ума сошелъ, Даяновъ!

— Не могу! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Оставь пожалуйста, что за шутки, — проговорилъ сердито молодой мужчина, освобождаясь отъ насильственныхъ объятій.

— Шутки? Ты думаешь, что это шутки? вскричалъ снова молодой человѣкъ, вскочивъ на ноги. — Ты, душа моя, не знаешь сердца человѣческаго, ты принимаешь это за шутки? Она даетъ балъ—это шутка? а? Да говори, Ранѣвъ! Ну? шутка, или серьезное это дѣло?—Софи даетъ балъ! Уууу!..

И Даяновъ взвизгнулъ, перекинулся, застучалъ ногами, схватилъ шитую подушку изъ подъ головы, бросилъ ее, какъ говорится, въ чорту; подушка ударилась въ тумбу съ мраморной вазой; ваза слетѣла на полъ, разбилась въ дребезги“.

На другой день послѣ бала Софи совершенно неожиданно дѣлается невѣстой сумасброда Даянова; но свадьба на время откладывается. Даяновъ кричитъ своему другу Ранѣву:

„Знаешь, что, говорить,
Что она говоритъ,
Милый другъ, говорить,
Счастье — Glück, говорить,
Да не вдругъ, говорить:
По тебѣ, говорить,

Тянь—да—ляпъ, говорить,
И корабль, говорить;
Да нельзя, говорить:
Теперь пось, говорить,
Сядь въ маль-пость, говорить,
И ступай, говорить,
Въ Петербургъ, говорить“.

„Повторивъ говорить тысячу разъ, „говорить“ Даяновъ вдѣпилъ себѣ въ волосы, бросился навзничь, прокатился по полу, вскочилъ и исчезъ, какъ привидѣніе“.

Отсюда собственно начинаются затѣйливыя приключенія штукаря Даянова, но мы не беремся слѣдить за ними, потому что, при всѣхъ усиліяхъ, едва до половины дочитали нервую часть ихъ.

Что это такое? Неужели это талантъ? Неужели это творческая фантазія? Нѣтъ, это просто неудачное хитросплетеніе, выдающее себя за легкость и игривость разсказа.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Декабрь 1856.

Разказы графа Л. Н. „Толстаго. — Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“, Кавелина. — „Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя“ изъ воспоминаній А. Тарасенкова. — „Русскій Вѣстникъ“ и Тургеневъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, когда, по случаю изданія „Дѣтства“, „Отрочества“ и „Военныхъ Разказовъ“, мы выражали свое мнѣніе о тѣхъ качествахъ, которыя должны считаться отличительными чертами въ талантѣ графа Л. Н. Толстаго, мы говорили только о силахъ, которыми теперь располагаетъ его дарованіе, почти совершенно не касаясь вопроса о содержаніи, на поэтическое развитіе котораго употребляются эти силы. Между тѣмъ нельзя не помнить, что вопросъ о паеосѣ поэта, объ идеяхъ, дающихъ жизнь его произведеніямъ, — вопросъ первостепенной важности. Нельзя также не замѣтить, что было бы очень легко опредѣлить границы этого содержанія, на сколько оно раскрылось въ произведеніяхъ бывшихъ извѣстными публикѣ въ то время, когда писалась наша статья. Но мы не сдѣлали этого, считая такое дѣло преждевременнымъ, потому что рѣчь шла о талантѣ молодомъ и свѣжемъ, до сихъ поръ быстро развивающемся. Почти въ каждомъ новомъ произведеніи онъ бралъ содержаніе своего разказа изъ новой сферы жизни. За изображеніемъ „Дѣтства“ и „Отрочества“ слѣдовали картины Кавказа и Севастополя, солдатской жизни (въ „Рубкѣ лѣса“), изображеніе различныхъ типовъ офицера во время битвъ и приготовленій къ битвамъ, — потомъ глубоко-драматическій разказъ о томъ, какъ совершается нравственное паденіе натуры благородной и сильной (въ „Запискахъ маркера“), затѣмъ, изображеніе нравовъ нашего общества въ различныя эпохи („Два Гусара“). Какъ расширяется постепенно кругъ жизни, обнимаемой произведеніями графа Толстаго, точно также постепенно развивается и самое воззрѣніе его на жизнь. Настоящія границы этого воззрѣнія было бы легко опредѣлить, — но кто поручится, что всѣ замѣчанія объ этомъ, основанныя на прежнихъ его произведеніяхъ, не окажутся односторонними и невѣрными съ появленіемъ новыхъ его разказовъ? Въ послѣднихъ главахъ „Юности“, которая напечатана въ этой книжкѣ „Современника“, и читатели, конечно, замѣтили, какъ, съ расширеніемъ сферы разказа, расширяется и взглядъ автора. Съ новыми лицами вносятся и новыя симпатіи въ его поэзію, — это видитъ каждый, припомни-

ная сцены университетской жизни Иртеньева. То же самое надобно сказать о рассказѣ графа Толстаго „Утро помѣщика“, помѣщенномъ въ декабрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Мы упоминаемъ объ этомъ рассказѣ не съ намѣреніемъ разематривать основную идею его, — отъ этого насъ удерживаетъ увѣренность, что опредѣлять идеи, которыя будутъ выражаться произведеніями графа Толстаго, вообще было бы преждевременно. Тотъ ошибся бы, кто захотѣлъ бы опредѣлять содержаніе его севастопольскихъ рассказовъ по первому изъ этихъ очерковъ, — только въ двухъ слѣдующихъ вполне раскрылась идея, которая въ первомъ являлась лишь одною своею стороною. Точно также мы должны подождать втораго, третьяго, рассказовъ изъ простонароднаго быта, чтобы опредѣлительнѣе узнать взглядъ автора на вопросы, которыхъ касается онъ въ первомъ своемъ очеркѣ сельскихъ отношеній. Теперь очень ясно для насъ только одно то, что графъ Толстой съ замѣчательнымъ мастерствомъ воспроизводитъ не только внѣшнюю обстановку быта поселянъ, но, что гораздо важнѣе, ихъ взглядъ на вещи. Онъ умѣетъ переселяться въ душу поселянина, — его мужикъ чрезвычайно вѣренъ своей натурѣ, — въ рѣчахъ его мужика нѣтъ прикрасъ, нѣтъ реторики, понятія крестьянъ передаются у графа Толстаго съ такою же правдивостью и рельефностью, какъ характеры нашихъ солдатъ.

Въ новой сферѣ его талантъ обнаружилъ столько же наблюдательности и объективности, какъ въ „Рубкѣ Лѣса“. Въ крестьянской избѣ, онъ такъ же дома, какъ въ походной палаткѣ кавказскаго солдата. Сюжетъ рассказа очень простъ: молодой помѣщикъ живетъ въ деревнѣ за тѣмъ, чтобы заниматься улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ. Для этой, какъ онъ вѣруеть, святой и достижимой цѣли, онъ бросилъ все, — и столицу, и знакомства, и удовольствія, и честолюбивыя надежды на блестящую карьеру, — онъ хочетъ жить для блага своихъ крестьянъ, — это у него не фраза, а правдивое дѣло: онъ трудится неутомимо, онъ рвется изъ всѣхъ силъ. Каковъ же результатъ его усилій? Это мы видимъ изъ рассказа объ одномъ его „Утрѣ“, когда онъ, по обыкновенію, ходитъ по избамъ тѣхъ мужиковъ, которымъ случалось до него дѣло втеченіе предыдущей недѣли, чтобы своими глазами видѣть состояніе семейства, разобрать, основательна ли просьба, и если основательна, то съ общаго совѣта придумать способъ, какъ исполнить ее. Каковы эти консультаціи и къ чему приводятъ онѣ, читатель можетъ видѣть изъ первой сцены — въ избѣ Чуриса или Чурисенка. Мы выбираемъ этотъ отрывокъ потому, что фигура Чурисенка — одна изъ самыхъ законченныхъ, самыхъ рельефныхъ и вмѣстѣ самыхъ типичныхъ въ рассказѣ, который, вообще, представляетъ очень много страницъ, дышащихъ правдою:

— Вотъ помощь! сказады баринъ, входя на дворъ.

„Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиліе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только воткнулъ топоръ въ колodu, и, оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

— Съ праздникоиъ, ваше сіятельство! сказады онъ, низко клаявясъ и встряхивая волосами.

— Спасибо любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать, съ дѣтокинъ дружелюбнѣнъ и застенчивостью сказады Неллюдовъ, оглядывая одежду мужика. — Покажи-ка миѣ, на чтѣ тебѣ сохи, которыя ты просады у меня на сходкѣ.

— Сошки-то? Извѣстно, ва что сошки, батюшка, ваше сѣтельство. Хоть нало жальсви подпереть хотѣлось, сами изволите видѣть; вотъ авадьсь уголь завалился, еще помидоваль Вогъ, что свогтвы въ ту пору не было. Все-то еле-еле висить, говорилъ Чурись, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сарай. — Теперь и стропила, и переметы только тронь: глядишь, дерева дальнего не выйдесть. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сама изволите знать.

— Тавъ на что жъ тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, переметы, столбы—все новое нужно, сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ званіемъ дѣла.

„Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

„Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходитъ! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сѣтельству за всякинъ добромъ на барскій дворъ кланяться, каше мы крестьяне буденъ? А коли милость ваша на то будетъ, на счетъ дубовыхъ макушекъ, что на господскомъ гумнѣ такъ, безъ дѣла лежать, сказалъ овъ кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу:—такъ, може, я, которыя подибню, которыя порѣжу и изъ стараго какъ нибудь соорудю.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и тнало: нынче этотъ уголь обвалился, завтра тотъ, послѣ завтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать все за-ново, чтобъ не даромъ работа пропадала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму, или нѣтъ?

— А кто ее знаетъ!

— Нѣтъ, ты какъ думаешь? завалится онъ, или нѣтъ?

Чурись на минуту задумался.

— Должонъ весь завалиться, сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь-ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ пристроить, а не одиѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашей милостью, недовѣрчиво и не глядя на барина отвѣчалъ Чурисенокъ.—Мнѣ хоть бм бревна четыре, да сошекъ пожаловали, такъ я можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

— А развѣ у тебя изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавить кого-нибудь, равнодушно сказалъ Чурись.—Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила!

— Какъ убила?

— Да такъ, убила, ваше сѣтельство: по опинѣ какъ полыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что-жъ прошло?

— Прошло то прошло да все хвораеть. Она, точно, и отъ роду хворая.

— Что ты, больна? спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продолжавшей стоять въ дверяхъ я тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пушаетъ меня, да и шабашъ, отвѣчала она, указывая ва свою грязную, тощую грудь.

— Опять! съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами:—отчего же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не оповѣщали?

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое...

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя заокочевая стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимся около образовъ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной, шести-аршинной избенки, въ потолкѣ была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

— Да, изба очень плоха, свазалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенва, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавить насъ, и ребяташевъ задавить, начале слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатями.

— Ты не говори! строго свазалъ Чурисъ, и съ тонкой, чуть замѣтной улыбкой, обозначившейся подъ его пошевельившимися усами, обратился къ барину:—и ума ве приложу, что съ ней дѣлать, ваше сѣтельство, съ избой то; и подпорки, и подкладки кладь—ничего нельзя издѣлать!

— Какъ тутъ зину зимовать? Охъ-охъ-о! сказала баба.

— Оно, воли еще подпорки поставить, новый вакатникъ настлатъ, перебилъ ее мужъ, съ сповойнымъ, дѣловымъ выраженьемъ: да кой-гдѣ переметы переимѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму то. Прожить можно, только забу всю подпорками загородашь—вотъ что; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоять, держится, заключывъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ ообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде въ нему, тогда ванъ онъ, съ самаго своего прѣвала ни разу не отказывалъ мужинамъ и только того добивался, чтобъ всё прямо приходили въ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже вѣкторую злобу ва мужика, сродито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среды этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ? съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную, кривую лавву.

— Не посмѣлъ, ваше сѣтельство, отвѣчалъ Чурисъ съ той же, чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ придти въ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!.. начала было, всхлипывая баба.

— Ну, гуторъ, снова обратился къ ней Чурисъ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вадоръ! сказала Нехлюдовъ, помолчавъ вѣсвольво времени. А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

Чтобы помочь Чурисенку совершенно, а не на время, не кое-какъ, Нехлюдовъ предлагаетъ ему выселиться на новыя мѣста, на хуторъ,—тамъ онъ найдетъ себѣ готовую новую забу. Чурисенокъ не можетъ рѣшиться на это—ему дорога родная изба, дорогъ родной дворъ съ ветлами, которые посадилъ его отецъ, да и разорительно было-бъ ему бросить свой удобренный участокъ, свой конопляникъ, чтобы получить на хуторѣ глинистую, неудобренную землю.

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то ва Чуриса, то въ пустую, неотопленную печь.

— Что, вы ужъ обѣдали? ваковецъ спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшливая улыбка, какъ будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ? тяжело вадыхая, проговорила баба:—хлѣбушка посвѣдали, вотъ и обѣдъ нашъ. За снятвой нынче ходить нѣволи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, ваше сѣтельство, вѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы:—хлѣбъ да лукъ—вотъ и пища наша мужицкая. Еще, слава-ти Господи, хлѣбушка то у меня, по милости вашей, по сю пору хватало, а то сплошь у нашихъ муживовъ и хлѣба то вѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Митанла огородника авадьмысь посылали, за пучевъ по грошу берутъ, а покушать нашему брату нѣ откуда. Съ

Пасхи почитай что и въ церкву Вождю не ходимъ, и овѣчку Мвколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ ужъ давно аналъ не по слухааъ, не ва вѣру къ словаъ другихъ, а ав дѣлѣ воу ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но жся дѣйствительность ата была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складонъ ума в образокъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ену, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо тяжело и грустно, какъ-будто вспоминаше о какомъ-то свершенномъ, невышудленномъ преступленіи мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны? сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какимъ же намъ и быть батюшка, ваше сінтельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая—вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видно, прогнѣвли мы Бога, вотъ ужъ съ холеры почитай хлѣба не родить. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые показали въ экономіи, которые тоже въ барщія поля поприбрали. Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и радъ бы поллопоталъ—сикъ монгъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсъ, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хотъ бы прибралъ вторыхъ Вогъ поскорѣе; и мнѣ бы легче было, да и имъ то лучше, тѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ! громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіи оловъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ, продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго шаршаваго мальчика гѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время робко, тихо скривнувъ дверь, вошелъ въ избу и, уставивъ исподлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса.—Вотъ и подсобка моя вся тутъ, продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проволя своей шершавой рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка:—когда его дождешься? а мнѣ ужъ работа не въ мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хотъ крикомъ кричи. А вѣдь ужъ мнѣ давво съ тягла, въ старики пора. Воиъ Ермиловъ, Демкинъ, Зябревъ—всѣ моложе мевя, а укъ давво землп посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого—вотъ бѣда моя. Кормитъся надо: вотъ и бьюсь ваше сінтельство.

— Я бы радъ тебя облегчить, точно. Какъ же быть? сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо—ужъ порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусъ. Только, будетъ милость ваша, на счетъ училища его увольте; а то намедни зеискій приходилъ, тоже, говорить, и его ваше сінтельство требуетъ въ училищу. Ужъ его то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сінтельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслить.

— Нѣтъ, ужъ это, братъ, какъ хочешъ, сказалъ баринъ:—мальчикъ твой ужъ можетъ повивать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуда, вавъ онъ у тебя подростеть, хозяйномъ станеть, да будетъ грамотъ знать и читать будетъ умѣть, и въ цервви читать—вѣдь все у тебя дома съ Вождей помощью лучше поидеть, говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выразаться вавъ можно понятнѣе и вывѣствъ съ тѣмъ почему то краснѣя и заминаясь.

— Неспорно, ваше сінтельство:—вы вамъ худа не желаете, да дома то побыть некому: мы съ бабой на барщигѣ—ну, а онъ хотъ и наленеть, а все подсобляетъ, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ и Чурисенокъ съ улыбкой взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

— Все-таки присылай его, когда самъ дома и когда ему время—слышишь? не-премѣнно.

Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

Эта сцена показалаась намъ одною изъ лучшихъ въ разсказѣ. Но если бы мы захотѣли указать всѣ удачныя лица мужиковъ, всѣ правдивыя и поэтическія страницы, намъ пришлось бы представить слишкомъ длинный перечень, потому что большая часть подробностей въ „Утрѣ помѣщика“ прекрасны.

Въ декабрьской книжкѣ „Библиотеки для Чтешія“ также помѣщена повѣсть гр. Толстаго „Встрѣча въ отрядѣ съ Московскимъ знакомцемъ“. Но о „Библиотекѣ для Чтешія“ мы будемъ говорить въ другой разъ, а теперь возвращаемся къ „Отечественнымъ запискамъ“, послѣдняя книжка которыхъ представляетъ, кромѣ разсказа, о которомъ мы говорили, еще двѣ замѣчательныя статьи,—одна изъ нихъ—„Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя“, изъ воспоминаній г. А. Т. Т—ва, чрезвычайно интересна по своему предмету, а другая и по ученому достоинству—это критическій разборъ книги г. Чичерина: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“, написанный г. Кавелинымъ. Уже давно г. Кавелинъ ничего не печаталъ; блистательная роль, которую онъ игралъ въ изслѣдованіяхъ о русской исторіи, заставляла сожалѣть о томъ, что онъ покинулъ дѣятельность, столь полезную и для науки и для публики. Ему безспорно принадлежать одно изъ первыхъ мѣстъ между учеными, занимающимися разработкою русской исторіи; его статьи, которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно украшались „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, отличались рѣдкими достоинствами изложенія при капитальномъ значеніи для науки и пролили свѣтъ на многіе затруднительнѣйшіе вопросы ея. „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, критическіе разборы сочиненія г. Соловьева „Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикава Дома“, книги г. Терещенко „Бытъ русскаго народа“, „Чтешія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ и многія другія его статьи принадлежать къ небольшому числу гѣхъ изысканий, на которыя опираются господствующія нынѣ понятія о ходѣ и характерѣ русской исторіи. Для внутренней исторіи быта никто изъ нынѣшнихъ нашихъ ученыхъ не сдѣлалъ болѣе, нежели г. Кавелинъ. Потеря, понесенная наукою отъ его безмолвія, продолжавшагося уже нѣсколько лѣтъ, очень велика. Мы не винимъ его за это безмолвіе, очень хорошо зная, что у него, какъ и у многихъ другихъ, могли быть на то причины очень уважительныя. Но мы не можемъ не радоваться, что наконецъ онъ рѣшился возобновить свою литературную дѣятельность. Статья, помѣщенная имъ теперь въ „Отечественныхъ Запискахъ“, очень замѣчательна по проницательному объясненію причинъ и смысла учрежденій, развившихся въ теченіе московскаго періода и отношеній этого порядка дѣлъ къ прежнему быту русской земли.

Статья г. А. Т. Т—ва драгоцѣнна для исторіи нашей литературы потому, что представляетъ довольно полное изложеніе хода загадочной болѣзни, имѣвшей своимъ слѣдствіемъ кончину Гоголя.

Была-ли это болѣзнь чисто физическая, или тѣлесное разстройство происходило отъ душевнаго разстройства? И, какова бы ни была эта болѣзнь, дѣйствительно-ли Гоголь умеръ отъ болѣзни или смерть была приведена самопроизвольно его рѣшимостью не принимать пищи? Г. А. Т—въ—докторъ, который посѣщалъ и по возможности лечилъ Гоголя въ послѣдній періодъ этой таинственной агоніи. Всѣ симптомы ея, всѣ дѣйсвія Гоголя въ это время такъ странны, что авторъ не отваживается ни одного изъ этихъ предположеній отрицать рѣшительнымъ образомъ. Онъ только разсказываетъ факты, свидѣтелемъ которыхъ былъ,—это, конечно, лучшее изъ

всего, что можно сказать въ настоящее время. Но въ примѣчаніяхъ онъ склоняется къ тому мнѣнію, что психическія причины болѣзнь, нежели физическія страданія участвовали въ разрушеніи организма Гоголя, и что самой сильнѣйшею изъ этихъ причинъ было слишкомъ продолжительное воздержаніе отъ пищи. Конечно, мы не имѣемъ возможности съ достовѣрностью рѣшить вопросъ, которымъ затрудняется врачъ и очевидецъ. Но сколько можно судить по фактамъ, которые онъ представляетъ, надобно, кажется, считать ближайшимъ къ истинѣ то ужасное предположеніе, что Гоголь самъ уморилъ себя голодомъ, — не безсознательно, не вслѣдствіе психической болѣзни, а сознательно и, быть можетъ, даже преднамѣренно. Вотъ, по разсказу г. А. Т. Т—ва, факты, которые, кажется намъ, ведутъ къ такому заключенію:

Давно мнѣ не случалось быть въ домѣ, гдѣ жилъ Гоголь, и я не слышалъ ничего о его болѣзни. Въ среду на первой недѣлѣ поста прислали изъ этого дома за мною и объяснили, что происходило съ Гоголемъ. Озабоченный положеніемъ больного, хозяинъ дома (графъ Т—овъ) желалъ, чтобъ я видѣлъ и сказалъ свое мнѣніе о его болѣзни.

Однакожь Гоголь на этотъ разъ не изъявилъ желанія меня видѣть. Наводецъ, посѣщавшій его врачъ захворалъ и уже не могъ къ нему ѣздить. Тогда графъ настоялъ на своемъ желаніи ввести меня къ нему. Гоголь сказалъ: „напрасно, но пожалуй“. Тутъ только я въ первый разъ увидѣлъ его въ болѣзни. Это было въ субботу первой недѣли поста.

Увидѣвъ его, я ужаснулся. Не прошло мѣсяца, какъ я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ; онъ казался мнѣ человѣкомъ цѣлѣющаго здоровья, бодрымъ, свѣжимъ, вѣркимъ, а теперь передо мною былъ человѣкъ, какъ бы изнуренный до крайности чахоткою, или доведенный какимъ-либо продолжительнымъ истощеніемъ до необыкновеннаго изнеможенія. Все тѣло его до чрезвычайности похудѣло; глаза сдѣлались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ ослабъ, языкъ съ трудомъ шевелился, выраженіе лица стало неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго взгляда. Онъ сидѣлъ протянувъ ноги, не двигаясь и даже не перемѣняя прямого положенія лица; голова его была нѣсколько опрокинута назадъ и покоилась на спинкѣ кресла. Когда я подошелъ къ нему, онъ приподнялъ голову, но недолго могъ ее удерживать прямо, да и то съ замѣтнымъ усиліемъ. Хотя не охотно, но позволилъ онъ мнѣ пощупать пульсъ и посмотреть языкъ: пульсъ былъ ослабленный, языкъ чистый, но сухой; кожа имѣла натуральную теплоту. Но всѣмъ соображеніямъ видно было, что у него нѣтъ горячечнаго состоянія и неу употреблеііе пищи нельзя было приписать отсутствію аппетита...

Я настаивалъ, чтобъ онъ, если *не можетъ* принимать плотной пищи, то во крайней нѣрѣ непременно употреблялъ бы по болѣе питья и притомъ питательнаго—молока, бульона и т. д. „Я одну полюлю проглотилъ, какъ *последнее* средство; она осталась безъ дѣйствія: развѣ надобно пить, чтобы прогнать ее“, сказалъ онъ. Не обременяя его долгими разговорами, я старался ему объяснить, что питье нужно для смягченія языка и желудка, а питательность питья нужна, чтобъ укрѣпить силы, необходимыя для счастливаго окончанія болѣзни. Не отвѣчая, больвой опять склонилъ голову на грудь, какъ при наплетъ входѣ; я пересталъ говорить и удалился вмѣстѣ съ графомъ наверхъ.

Испуганный, встревоженный мыслью, что *Гоголь можетъ скоро умереть*, я долженъ былъ собраться съ силами, чтобы придти въ спокойное положеніе, въ какомъ должно разговаривать съ больнымъ. Удалившись отъ графа, я почелъ обязанностью зайти опять въ больницу, чтобъ еще сильнѣе выказать ему мои убѣжденія. Черезъ служителя я выпросилъ у него позволеніе войти къ нему еще на минуту. Мнѣ вообразилось, что онъ колеблется въ своихъ нагѣревіяхъ; я не терялъ надежды, что Гоголь, привыкнувъ видѣть мою искренность, послушается меня. Подойдя къ нему, я съ виднымъ гладнокровіемъ, во съ полною теплотою сердечною употребилъ всѣ усанія, чтобъ

содѣйствовать ва его волю. Я выразилъ ему мысль, что врачи въ болѣзни прибѣгаютъ въ совѣту ввоилъ собратій и ихъ слушаются; не врачу тѣмъ болѣе надобно слѣдовать медицинскимъ наставленнымъ, особенно преподаваемымъ съ добросовѣстностью и полными убѣжденіемъ; и хотъ, кто поступаетъ иначе, дѣлаетъ преступленіе предъ санннхъ собою. Говоря это, я обратилъ свое вниманіе на лицо страдальца, чтобы подсмотрѣть, что происходитъ въ его дупѣ. Выраженіе его лица висколько не измѣнилось: оно было такъ же спокойно и такъ же мрачно, какъ прежде: ни досады, ни огорченія, ни удивленія, ни сомнѣнія не показалось и тѣмъ. Онъ смотрѣлъ какъ человѣкъ, для котораго всѣ задачи разрѣшены, всякое чувство замолкло, вояші слова напрасны, волебаніе въ рѣшеніи невозможно. Ворочешъ, когда я пересталъ говорить, онъ въ отвѣтъ произнесъ внятно, съ разетановной и хотя вяло, безжизненно, но со всею полнотою увѣренности: „Я знаю, врачи добры: они всегда *желаютъ* добра“; но вслѣдъ за атамъ опять наклонилъ голову, отъ слабоотн-ля, или въ знакъ прощанія—не знаю. Я не смѣлъ его тревожить долѣе, пожелалъ ему поскорѣе поправляться и простился съ нимъ; вбѣжать въ графу, чтобы сказать, что дѣло плохо, и я не предвижу ничего хорошаго, если это продолжится.

„Какъ и чѣмъ было дѣйствовать при такомъ необыкновенномъ случаѣ на эту исключительную личность? Графъ употреблялъ все, что возможно было для его исцѣленія. Совѣтовался съ духовными лицами, знакомыми своими и друзьями Гоголя, призывалъ для оубѣщанія знаменитѣйшихъ московскихъ докторовъ. Одно духовное лицо подало совѣтъ убѣждать Гоголя, что его опасеніе не въ постѣ, а въ послушаніи, и просило его непрекооловно исполнять назначенія врачебныя во всей полнотѣ. Духовникъ навѣщалъ его часто; приходившій священникъ являлся къ нему ежедневно. При немъ нарочно подавали тутъ же кушать саго, черносливъ и проч. Священникъ начиналъ первый и убѣждалъ его ѣсть вѣдетъ съ нимъ.

„Неохотно, немного, но употреблялъ онъ эту пищу ежедневно; потомъ слушалъ молитвы, читаемыя священникомъ. Какіи молитвы вамъ читать? спрашивалъ онъ. „Все хорошо; читайте, читайте!“ Друзья старались подѣйствовать ва него привѣтомъ, сердечнымъ расположеніемъ, умственнымъ вліаніемъ: но не было лица, которое могло бы взять надъ нимъ верхъ, не было лекарства, которое бы перевернуло его понятія; а у больного не было желанія слушать чьи-либо совѣты, глотать какіи-либо лекарства. Въ воскресенье приходившій священникъ убѣдилъ больного принять ложку клещевиннаго масла, и въ этотъ же день онъ согласился было употребить еще одно медицинское нособіе (слуха), но это было только на словахъ, а на дѣлѣ онъ рѣшительно отказался, и во всѣ послѣдующіе дни онъ уже болѣе не слушалъ ничьяго увѣщанія и не принималъ болѣе никакой пищи (три дня), а спрашивалъ только пить краснаго вина.

„Силы больного падали быстро и невозвратно. Несмотря на свое убѣжденіе, что постель будетъ для него смертнымъ одромъ (почему онъ старался оставаться въ креслахъ), въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста онъ улегся, хотя въ халатѣ и сапогахъ, и ужъ болѣе не вставалъ съ постели. Въ этотъ же день онъ приступалъ въ напутственнымъ таинствамъ покаянія, причащенія и елеосвященія.

„Слѣшить съ медицинскою помощью теперь казалось еще нужнѣе. Пріѣзжали врачи; каждый высказывалъ свое мнѣніе. Душали, судили, толковали; никто не присовѣтовалъ ничего рѣшительнаго, да в ве видно еще было близкой опасности. Между тѣмъ трудно было предпринимать что-нибудь съ человѣкомъ, который въ полномъ сознаніи отвергаетъ всякое леченіе. Уже разъ оасенъ онъ былъ отъ болѣзни въ Римѣ безъ медицинскихъ пособій, онъ приписывалъ это *чуду*. И въ настоящее время сказалъ онъ одному изъ убѣждавшихъ его лечиться: „ежели будетъ угодно Богу, чтобы я жилъ еще—буду жить“...

„Во вторникъ являюсь я и встрѣчаю гр. Т., чрезвычайно встревоженнаго сверхъ ожданія. „Что Гоголь?“—„Плохо, лежать. Ступайте къ нему, теперь можно входить“.

„Меня пустили прямо въ комнату больного, безъ затрудненія, безъ доклада. Гоголь лежалъ ва широкомъ диванѣ, въ халатѣ, въ сапогахъ, отвернувшись къ стѣнѣ, на боку, съ закрытыми глазами. Противъ его лица—образъ Богоматери; въ рукахъ чотки; возлѣ него мальчикъ его и другой служитель. На мой тихій вопросъ онъ не отвѣчалъ ян слова. Мнѣ позволили его осмотрѣть, я взялъ его руку, чтобы пощупать пульсъ.

Онъ сказалъ: „Не трогайте меня, пожалуйста“. Я отошелъ, разспросилъ подробно у окружающихъ о всѣхъ отправленіяхъ больнаго: никакихъ обстоятельствъ овитомовъ, которые бы указывали на важное страданіе, какъ теперь, такъ и во всѣ эти дни не обнаруживалось.

„Между тѣмъ врачи, одинъ за другимъ, пріѣзжали провѣдывать больнаго и узнавали, что съ нимъ происходитъ. Одинъ изъ почтенныхъ врачей предложилъ магнетизировать больнаго, чтобъ покорить его волю и тѣмъ образомъ заставить его дѣлать что нужно. На слѣдующій день положили собрать больной консилиумъ изъ опытейшихъ врачей, чтобъ приступить къ нѣрванъ энергическимъ.

„Цѣлый вторникъ Гоголь лежалъ, ни отъ кѣтъ не разговарывая, не обращая вниманія на всѣхъ, подходившихъ къ нему. По временамъ поворачивался онъ на другой бокъ, всегда съ закрытыми глазами, нерѣдко находился какъ бы въ дремотѣ, часто просилъ пить краснаго вина, и всякій разъ смотрѣлъ на егѣтъ, то ли ему подаютъ. Вечеромъ подмѣшали вино сперва краснымъ питьемъ, а потомъ бульйономъ. Невидному, онъ уже неясно разлвчалъ качество питья, потому что сказалъ только: „затѣмъ подаешь мнѣ мутное?“ однакожь выпилъ. Съ тѣхъ поръ ему стали подавать для питья бульюнъ, когда онъ спрашивалъ пить, повторяя быстро одно и тоже слово: „подай, подай!“. Когда ему подносили питье, онъ бралъ рюмку въ руку, приподнималъ голову и выпивалъ все, что ему было подано.

„Вечеромъ этого же дня пришелъ врачъ для магнетизированія. Когда онъ положилъ свою руку больному на голову, тотомъ подъ ложку, и сталъ дѣлать пассы. Гоголь сдѣлалъ движеніе тѣломъ и сказалъ: „Оставьте меня!“ Продолжать магнетизированіе было нельзя.

„На слѣдующій день, въ среду утромъ, больной находился почти въ такомъ же положеніи, какъ и наканунѣ; но слабость пульса усилилась весьма замѣтно, такъ что врачи, видѣвшіе его въ это время, полагали, что надобно будетъ прибѣгнуть въ ередствамъ возбуждающимъ (шошсов). Около полудня собрались вмѣстѣ приглашенные доктора (пятеро), а также нѣсколько друзей Гоголя и множество званныхъ. Предложенъ былъ вопросъ: оставитъ ли теперь больнаго безъ пособій, которыя онъ отвергаетъ самъ, или поступить съ нимъ, какъ съ человекомъ, не владѣющимъ собою? Рѣшили: лечить больнаго, несмотря на его нежеланіе лечиться.

„Всѣ врачи вошли въ больному, стали осматривать и разопрашивать. Когда дали ему животъ, который былъ такъ мягокъ и пустъ, что чрезъ него легко можно было ошупать позвонки, то Гоголь застоялъ, закричалъ. Прикосновеніе къ другимъ частямъ тѣла, вѣроятно, было для него болѣзненно, потому что также возбуждало стонъ или крикъ. На вопросы докторевъ больной или не отвѣчалъ ничего, или отвѣчалъ коротко и отрывисто „нѣтъ“, не раскрывая глазъ. Наконецъ, прв продолжительномъ изслѣдованіи, онъ проговорилъ съ напряженіемъ: „не тревожьте меня, ради Бога!“

„Кромѣ исцолненныхъ явленій, ускоренный пульсъ и носовое кровотеченіе, показавшееся было въ продолженіе его болѣзни само-собою, послужили показаніемъ къ приложенію пиявокъ въ незначительномъ числѣ. Было поставлено восемь пиявокъ къ зодрямъ, приложены холодныя примочки на голову, а потомъ сдѣлано обливаніе головы холодною водою въ теплой ваннѣ. Когда больнаго раздѣвали и сажали въ ванну, онъ сильно стоналъ, вричалъ, говорилъ, что это дѣлаютъ напрасно. Послѣ ванны его опить положили въ постель, обернувъ въ простыню. Видно, онъ провабъ, потому что проговорилъ: „Покройте плечо, закройте спину!“ Во время приложенія пиявокъ онъ повторялъ неоднократно: „Не надо, не надо!“ Когда онѣ были поставлены, онъ твердилъ: „снимите пиявкя, поднимите (ото рта) пиянки!“ и стремился въ достать рукою, которую удержалъ силою. Одинъ изъ консультантовъ, пріѣхавшій позже другимъ и знаваый лично Гоголя, выслушавъ исторію его болѣзни, назвалъ болѣзнь *gaetrointeritis ex inapitione*, объявилъ дурное предсказаніе, сказавъ, что „наврядъ ли что-либо успѣете сдѣлать съ *этимъ* больнымъ при такомъ его нежеланіи лечиться“; во другіе врачи не теряли надежды на его спасеніе, и въ шесть часовъ вечера опять собрались у больнаго.

„Гоголь лежалъ молча, какъ безчувственный, и какъ будто не обращать внима-

нѣ или не понималъ того, что около него происходило, несмотря на громкій разговоръ окружающихъ. Предлагали ему вопросы, называли его по имени, но не добились ни одного слова. Тутъ положили ему на голову ледъ, на руки и на ноги горчичники, поддерживали кровотечение изъ носа, внутрь давали лекарство. Но и эти дѣятельныя пособія не оказали благоприятнаго дѣйствія. Пульсъ дѣлался все слабѣе; дыханіе, затрудненное уже утромъ, становилось еще тяжелѣе. Вскорѣ больной пересталъ самъ поворачиваться и продолжалъ лежать смирно на одномъ боку. Когда съ нимъ ничего не дѣлали, онъ былъ покоенъ; но когда ставили или снимали горчичники и вообще тревожили его, онъ издавалъ стоны или вскрикивалъ; по временамъ онъ явственно пронырялъ: „давай пить!“ уже не разбирая, что ему подаютъ.

„Позже вечеромъ онъ, повидному, сталъ забываться и терять память. „Давай бочечюкъ!“ пронзаетъ онъ однажды, показывая, что желаетъ пить. Ему подали прежнюю рюмку съ бульйономъ, но онъ уже не могъ самъ приподнять голову и держать рюмку; надобно было придержать и то и другое, чтобы онъ былъ въ состояніи выпить поданное.

„Еще позже онъ по временамъ бормоталъ что-то невнятно, какъ бы во снѣ, или повторялъ нѣсколько разъ „давай, давай! ну что жъ?“ Часу въ одиннадцатомъ онъ закричалъ громко: „лѣстницу, поскорѣе, давай лѣстницу!“ Казалось, ему хотѣлось встать. Его подняли съ постели, посадили на кресло. Въ это время онъ уже такъ ослабѣлъ, что голова его не могла держаться на шеѣ и падала машинально, навѣ у новорожденного ребенка. Тутъ прививали ему мушку. Во все это время онъ не глядѣлъ и непрерывно стоналъ. Когда его опять укладывали въ постель, онъ потерялъ все чувства; пульсъ у него пересталъ биться, онъ закричалъ, глаза его раскрылись, но представлялись безжизненными. Казалось, наступаетъ смерть, но это былъ обморокъ, который длился нѣсколько минутъ. Пульсъ возвратился скорѣе, но сдѣлался едва примѣтнымъ.

„Послѣ этого обморока Гоголь уже не просилъ болѣе ни пить, ни поворачиваться; постоянно лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами, не произнося ни слова.

„Въ двѣнадцатомъ часу ночи стали холодѣть ноги. Я положилъ кувшвъ съ горячею водою, сталъ почаще давать проглатывать бульйонъ, и это, повидному, его оживляло; однакожь, скорѣе дыханіе сдѣлалось хрипкое и еще болѣе затрудненное; кожа покрылась холодною испариною, подъ глазами посинѣло, лицо опустилось, какъ у мертвеца. Въ это время пріѣхалъ докторъ, который распорядился леченіемъ. Онъ продолжалъ почти всю ночь давать лекарства и употреблять разныя медицинскія мѣры. Больной только стоналъ, но не произносилъ болѣе ни слова.

„На другой день, въ четвергъ 21-го февраля 1852 года, доктора не успѣли устроить новаго совѣщанія, которое предполагали невозможнымъ. Пріѣхавъ въ назначенный часъ, они нашли не Гоголя, а трупъ его: уже около восьми часовъ утра превратилось дыханіе, исчезли все признаки жизни...“

Если дѣйствительно Гоголь самъ былъ причиною своей смерти, — въ чемъ, кажется намъ, трудно сомнѣваться послѣ разсказа г. А. Т. Т-ва, — если дѣйствительно онъ остался бы живъ и сдѣлался бы здоровъ, когда захотѣлъ бы о томъ позаботиться, не отвергалъ бы и пицу и медицинскія пособія, то въ самомъ безразсудствѣ, съ которымъ онъ губилъ себя, все таки обнаруживается высокая и сильная натура. Какое жалкое, дикое убѣжденіе, — но какая высокая жертва ради убѣжденія! Какое поразительное свидѣтельство съ одной стороны—слабости, съ другой стороны—высоты этого человѣка.

Мы нанли столько хорошаго въ декабрьской книжкѣ „Отечеств. Записокъ“, что намъ уже не хочется говорить объ отвѣтѣ г. Галахова (въ журналистикѣ декабрьской книжки) на замѣчанія, сдѣланныя нами на его статью противъ г. Лайбова. Да и нѣтъ надобности отвѣчать ему: отъ г. Лайбова

овъ обращаетъ свой гнѣвъ на насъ -- пусть гнѣвается, особенно, если это приносить ему удовольствіе; собственно за себя, мы не намѣрены вступать въ полемику ни съ вѣмъ,— тѣмъ болѣе не находимъ нужды дѣлать этого въ настоящемъ случаѣ; потому что г. Галахову не удалось сказать противъ нашихъ замѣчаній ничего такого, что заслуживало бы отвѣта.

Точно также мы не будемъ ничего отвѣчать и на „письмо къ г. Филиппову“, напечатанное въ четвертой книгѣ „Русской Бесѣды“, — авторъ письма выражаетъ полное свое согласіе съ мнѣніями, которыя высказаны г. Филипповымъ въ статьѣ, которая помѣщена была въ первой книжкѣ „Русской Бесѣды“ и въ свое время была строго осуждена нами. Авторъ письма весьма негодуетъ на насъ за это осужденіе,—что весьма естественно въ человѣкѣ, вполне раздѣляющемъ мнѣнія г. Филиппова; статья г. Филиппова безвозвратно осуждена не нами одними, а всею публикою, стало быть, возобновлять исторію о ней совершенно бесполезно.

Въ прошедреніи мѣсяцѣ мы сказали, что тѣ особенныя воззрѣнія, которыми славянофилы хотятъ отличиться отъ огромнаго большинства публики, не достигли еще ясности, и потому не имѣютъ еще особенной важности. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы сказали, что „Русская Бесѣда“, независимо отъ своего направленія, заслуживаетъ вниманія по довольно значительному числу дѣльныхъ статей, — въ числѣ сотрудниковъ ея есть люди ученые и даровитые, которые судятъ очень здраво, когда рѣчь идетъ не о туманныхъ отвлеченностяхъ (которыми, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ сликомъ часто заняты), а такихъ вопросахъ, которые имѣютъ дѣйствительный смыслъ. Мы пользуемся выходомъ четвертой книжки „Русской Бесѣды“, чтобы обозрѣть всѣ четыре книги ея, составляющія годичное изданіе, и обратить вниманіе публики на статьи, заслуживающія одобренія.

Прежде всего, мы должны назвать прекрасныя „обозрѣнія“ кн. Черкаскаго: „Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ“ (кн. первая), „Протоколы Парижскаго Конгресса“ (кн. вторая) и „Обозрѣніе внутренняго законодательства“ (кн. третья): онѣ заслуживаютъ большаго вниманія по ясности и благородству взгляда и по замѣчательной основательности; въ томъ предметѣ, которымъ занимается кн. Черкасскій, мы имѣемъ очень мало спеціалистовъ; но еслибъ у насъ было ихъ много, авторъ статей, нами названныхъ, все-таки оставался бы писателемъ замѣчательнымъ; теперь же, мы почти не можемъ указать въ этомъ родѣ ничего равнаго по достоинству его дѣльнымъ статьямъ, написаннымъ съ большимъ знаніемъ предмета. Кто хочетъ узнать „Русскую Бесѣду“ съ самой выгодной стороны, долженъ прочесть эти статьи и стихотворенія г. И. Аксакова (въ первой книгѣ; въ свое время мы представили нашимъ читателямъ эти стихотворенія; къ сожалѣнію, въ трехъ слѣдующихъ книгахъ г. Аксаковъ не помѣстилъ ни одной пьесы. Неужели онъ такъ мало пинетъ?).

Очень дѣльны три статьи г. Коншелева о желѣзныхъ дорогахъ -- двѣ первыя были напечатаны въ первой книгѣ; на одну изъ нихъ, заключающую замѣчанія противъ статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ нашего журнала, г. Журавскій написалъ въ „Современникѣ“ возраженія; третья статья (въ четвертой книгѣ) служитъ отвѣтомъ на эти возраженія. Споръ этотъ са-

мым выгоднымъ для „Русской Бесѣды“ образомъ отличался отъ скучныхъ преній о народномъ возрѣнш, въ которыхъ каждымъ новымъ объясненіемъ славянофилы все только больше затемняли вопросъ о томъ, чего они хотятъ. Тутъ, напротивъ, дѣло было совершенно ясно и разумно, каждый читатель очень хорошо понималъ, чего и по какимъ основаніямъ хочетъ г. Кошелевъ; мы не беремся рѣшать, на чьей сторонѣ было больше справедливости, но самый нерасположенный къ „Русской Бесѣдѣ“ читатель согласится, что г. Кошелевъ говорилъ не безъ доказательствъ, защищая мысль, что Москва должна быть центральнымъ пунктомъ всей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Съ этии мнѣніемъ можно соглашаться или не соглашаться, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ за себя многіе факты и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Правда и то, что въ немъ нѣтъ ничего специально славянофильскаго. Можно быть заклятымъ западникомъ и все-таки думать, что Москва, центръ мануфактурной дѣятельности и сухопутныхъ торговыхъ путей, должна быть центромъ желѣзныхъ дорогъ; можно быть заклятымъ славянофиломъ, и предпочитать въ этомъ случаѣ Москвѣ Кіевъ, или какойнибудь другой городъ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ „Русской Бесѣды“ возбудили много толковъ статьи г. В. Григорьева о Грановскомъ. Многіе думали видѣть въ нихъ слѣды какой-то вражды противъ Грановскаго, какого-то желанія унизить его: справедливо или несправедливо такое предположеніе, во всякомъ случаѣ нельзя совершенно одобрить удалаго тона, въ которомъ написаны эти воспоминанія, и довольно частыхъ панегириковъ автора самому себѣ. Но какъ бы то ни было, статьи эти драгоцѣнны, потому что заключаютъ въ себѣ очень много интересныхъ фактовъ. Біографическая отрасль литературы у насъ еще очень слаба, и потому всякіи біографическія воспоминанія, по своей рѣдкости, имѣютъ у насъ двойную цѣну.

Интересъ, возбужденный „Семейною хроникой“ г. С. Аксакова, дѣлаетъ излишними всякія похвалы двумъ статьямъ его, помѣщеннымъ въ „Русской Бесѣдѣ“.

Чтобы заключить перечень статей „Русской Бесѣды“, имѣющихъ положительное достоинство независимо отъ славянофильскаго или неславянофильскаго своего направленія, упомянемъ извѣстія г. Гильфердинга о современной литературно-ученой жизни у нѣкоторыхъ западныхъ славянскихъ племенъ. Можно посмѣяться надъ г. Гильфердингомъ, когда онъ оплакиваетъ участь нынѣшнихъ пруссаковъ и саксонцевъ, къ величайшему своему несчастію разучившихся говорить по славянски, или доказываетъ, что персіяне—европейцы, а славяне—азіатцы; но его статьи, помѣщенные въ „Русской Бесѣдѣ“, заключаютъ много интересныхъ фактовъ.

Этотъ перечень былъ бы гораздо длиннѣе, если бы прибавить къ нему статьи, сильнѣе пострадавшіи отъ слишкомъ неумѣренной примѣси ствлеченныхъ эпизодовъ въ славянофильскомъ вкусѣ, но все таки имѣющихъ много дѣльныхъ страницъ. Вообще, кто захочетъ безпристрастно взглянуть въ „Русскую Бесѣду“, найдетъ въ ней много хорошаго. Правда и то, что быть безпристрастнымъ въ этомъ случаѣ довольно трудно. Мы увѣрены, многимъ даже не понравится то, что мы, не ограничиваясь выставленіемъ слабыхъ сторонъ этого журнала, указываемъ и хорошее въ немъ. Нерасположеніе

противъ „Русской Бесѣды“ въ огромнонъ большинствѣ публики очень сильно. Иные воображаютъ, что это нерасположеніе относится собственно къ самому славянофильскому направленію. Нѣтъ; нельзя, конечно, думать, чтобы славянофильство, въ какомъ бы видѣ ни являлось оно, могло пріобрѣсть многихъ приверженцевъ,—оно слишкомъ противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ, и положительнымъ потребностямъ русскаго общества. Но все таки, въ немъ, если разсматривать его въ лучшихъ его представителяхъ, нѣтъ ничего антипатичнаго. Оно заблужденіе, но заблужденіе, могущее имѣть очень благородный характеръ и соединяться со многими прекрасными элементами. Славянофиламъ вредитъ не то, что они славянофилы; есть другія причины предубѣжденія противъ нихъ. Придавая слишкомъ большую важность своимъ отвлеченнымъ понятіямъ о всеобъемлющемъ характерѣ русской народности, о такъ называемой односторонности и несостоятельности западной науки и жизни, они слишкомъ готовы безъ разбора восхищаться всякимъ сужденіемъ, лишь бы только оно было въ пользу народности противъ европеизма. Чтобы объяснить эту ошибку, мы воспользуемся прелестною исторією, которая открыта была однимъ изъ сотрудниковъ „Русской Бесѣды“.

Въ „Земледѣльской Газетѣ“ (1856 г.) № 23 и 24 помѣщена была статья г. Великосельцева „Замѣтки о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту“. Авторъ рассуждаетъ: отчего многіе изъ нашихъ крестьянъ бѣдны? Отчего многіе изъ нихъ пьютъ? И какимъ бы образомъ помочь этому дѣлу?—Вся бѣда, по мнѣнію г. Великосельцева, происходитъ оттого, что жены крестьянъ не заботятся объ артистической красотѣ своихъ позъ, не стараются имѣть красивую талію.—А помочь бѣдѣ также очень легко,—пусть крестьянскія женщины заботятся о красотѣ таліи,—и дѣло пойдетъ прекрасно. Вы не вѣрите? Но нѣтъ, г. Великосельцевъ говоритъ не въ шутку.

Возможно ли читать безъ смѣха эти предположенія, что для улучшенія быта поселянъ нужно затянуть сельскихъ дѣвушекъ въ корсеты, набить имъ головы романами, выучить ихъ танцевать французскую кадрили, а мужиковъ приучить къ тому, чтобы они цѣловали ручки у своихъ дамъ? По мнѣнію „Русской Бесѣды“, г. Великосельцевъ—западникъ; въ самомъ дѣлѣ, подобно западникамъ, онъ толкуетъ о просвѣщеніи, объ улучшеніи быта, о смягченіи нравовъ! Спрашивается теперь, какое мнѣніе стала бы имѣть публика о западникахъ, еслибъ они, основываясь на томъ, что г. Великосельцевъ съ жаромъ говоритъ о просвѣщеніи, вздумали защищать его проекты, печатать въ своихъ журналахъ его статьи, а когда кто нибудь осмѣлился бы сказать, что напрасно они компрометируютъ себя союзомъ съ г. Великосельцевымъ, стали бы печатать въ своихъ журналахъ объявленія, что г. Великосельцевъ рассуждаетъ очень здраво и основательно? Кто былъ бы тогда виноватъ въ томъ, что публика стала бы смѣяться надъ западниками?

Величайшій вредъ славянофиламъ приноситъ, какъ мы сказали, неразборчивость въ выборѣ союзниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы „Русская Бесѣда“ остерегалась отъ статей и мнѣній, имѣющихъ такое же отношеніе къ славянофильству, какъ проекты г. Великосельцева къ западничеству, то исчезло бы предубѣжденіе противъ славянофильства. Публика ни въ какомъ

случаѣ не сдѣлалась бы послѣдовательницею славнофильскихъ теорій, но, по крайней мѣрѣ, смотрѣла бы на нихъ съ большимъ уваженіемъ.

Читатели наши знаютъ о странной выходкѣ редактора „Русскаго Вѣстника“ противъ г. Тургенева. Г. Тургеневъ отвѣчалъ на нее слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя г. редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ и напечатаннымъ въ № 151 этой газеты.

М. Г.,

Парня 4-го (16-го) декабря.

„Я на дняхъ получилъ № Московскихъ Вѣдомостей, въ которонъ помѣщено объявленіе объ изданіи „Русскаго Вѣстника“ въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ мнѣ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично меня касающагося—я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

„Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю „Русскаго Вѣстника“ повѣсть подъ наивашемъ „Призраки“, за которую я принялся въ то же время, во которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями „Современника“ условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ нтъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ „Русскому Вѣстнику“. Слѣдовательно, вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ „Фаустъ“ въ № IX „Современника“, тогда вавъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщалъ планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нтъ никакого сходства. Я наложу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова раарѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что появленіе моея повѣсти въ листахъ его журнала, вѣроятно, никому замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что содѣйствіе мое въ одвомъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію—ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ „Русскаго Вѣстника“—лучшее тому доказательство.

Примите в пр.

Иванъ Тургеневъ.

Справедливость должна бы была внушить г. Каткову, что, прежде нежели позволять себѣ оскорбительные намеки о г. Тургеневѣ, онъ долженъ былъ бы узнать отъ г. Тургенева положительнымъ образомъ, имѣютъ ли какое нибудь основаніе подозрѣнія, которыми увлекся онъ, г. Катковъ. Еслибъ не пренебрегъ онъ этимъ простымъ и прямымъ путемъ къ разсѣянью своихъ несправедливыхъ предположеній, онъ былъ бы избавленъ отъ необходимости, — конечно, непріятной для него, извиняться... Но дѣло было сдѣлано, и г. Тургеневъ вынужденъ былъ выходкой г. Каткова напечатать письмо, которое привели мы выше. Въ слѣдующемъ номерѣ (152-мъ) „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Катковъ помѣстилъ въ свою очередь письмо къ редактору этой газеты; въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ благороднаго человѣка, которому раскрыта его ошибка, извиняется передъ г. Тургеневымъ. Вотъ подлинныя слова г. Каткова:

„Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ „Русскій Вѣстникъ“, съ *Фаустомъ*, напечатанныхъ въ „Современникѣ“, оскорбила г.

Тургенева... Высказывая эту догадку, я впрочем не придавалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно навивидеъ передъ г. Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ... Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой дастъ онъ названіе *Призраковъ*, вѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ“.

Въ этомъ „чистосердечномъ извиненіи“ г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность отвѣта г. Каткова.

КРИТИКА.

Письма объ Испаніи. В. П. Воткина. Сбн. 1857 г.

Послѣ произведеній поэзій, путешествія вездѣ составляютъ самую популярную часть литературы. По числу издашій и по отчетамъ публичныхъ библиотекъ видно, что и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи разеавы о путевыхъ впечатлѣніяхъ в приключеніяхъ, о природѣ чужихъ земель и нравахъ народовъ, населяющихъ эти земли, читаются съ большею жадностью, нежели какія то ни было другія книги серьевнаго содержанія. Даже изелѣдованія о политическихъ вопросахъ, даже историческія сочиненія не могутъ отнять у путешествій первенства въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, путешествіе, соединяя въ себѣ элементы исторіи, статистики, государственныхъ наукъ, естествовѣдѣнія и приближаясь къ такъ называемой легкой литературѣ своею формою, какъ разсказъ о личныхъ приключеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ отдѣльнаго человѣка, въ столкновеніяхъ его съ другими людьми,—людьми, жизнь которыхъ тѣмъ любопытнѣе для насъ, что они живутъ въ условіяхъ иной обстановки, нежели публика, для которой предназначается книга,—путешествіе совмѣщаетъ въ самой легкой формѣ самое богатое и заманчивое содержаніе. Путешествіе—это отчасти романъ, отчасти сборникъ анекдотовъ, отчасти исторія, отчасти политика, отчасти естествовѣдѣніе. Каждому читателю даетъ оно все, что только хочетъ найти онъ.

Какъ вездѣ, и у насъ путешествіи изстари были любимымъ чтеніемъ. Не заходя въ старину слишкомъ далеко, вспомнимъ только, что новѣйшая русская литература началась „Письмами русскаго путешественника“, которыя читались навѣрное не меньше, нежели „Вѣдная Лива“ и „Мареа Посадница“.—„Всемирный Путешественникъ аббата Делапорта“, несмотря на свою страшную массивность, принадлежалъ къ небольшому числу наиболѣе распространенныхъ въ публикѣ книгъ. Во времена Екатерины и Александра I, когда, сравнительно, переводилось у насъ очень много книгъ, путешествій переводимо было едва ли не больше, нежели какихъ нибудь другихъ книгъ серьевнаго содержанія.

Тѣмъ прискорбнѣе, что, когда стала у насъ сильнѣе развиваться оригинальная литература, число путешествій, особенно путешествій по Западной Европѣ, не было такъ велико, какъ можно было бы желать и ожидать. Но все таки, до послѣдняго десятилѣтія, количество этихъ книгъ было до-

вольно значительно, по сравненію съ другими отраслями серьезной литературы. Довольно много выходило даже такихъ путешествій, которыя отличались замѣчательными достоинствами. Такъ, на примѣръ, въ десять лѣтъ (1836—1846), предшествовавшія послѣднему десятилѣтію, изъ однихъ воспоминаній нашихъ путешественниковъ по различнымъ странамъ Западной Европы можно назвать „Записки и воспоминанія о путешествіи по Англіи Франціи, Бельгіи и Германіи“, Симонова; „Очерки Южной Франціи и Ниццы“, Жуковой; „Воспоминанія о Сициліи“, г. Черткова; „Путешествіе въ Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ“, г. Всеволожскаго; „Парижъ, путевыя замѣтки“, г. В. Сроева; „Годъ въ чужихъ краяхъ“, г. Погодина; „Замѣтки за гоаницею“, г. Ф. П. Л.; „Прогулка русскаго въ Помпеи“, г. Левшина; „Четыре мѣсяца въ Черногоріи“, г. Ковалевскаго. Не считаемъ различныхъ „Путевыхъ писемъ“ и т. п., г. Греча.

Конечно, итогъ этотъ не великъ; можно было бы даже подивиться его скудости,—въ десять лѣтъ, девять сочиненій о всѣхъ различныхъ странахъ Западной Европы! Но когда мы сравнимъ съ этимъ количествомъ число книгъ того же рода, вышедшихъ въ слѣдующее десятилѣтіе, мы должны будемъ назвать предъидущій періодъ очень обильнымъ. Въ 1847 году вышло „Путешествіе въ Черногорію“ г. Попова. Затѣмъ — до настоящаго времени не являлось ни одной хорошей книги, кромѣ „Италіи“ г. В. Яковлева.

Такимъ образомъ, мы не можемъ хвалить „Писемъ объ Испаніи“ г. Боткина по сравненію съ другими подобными книгами въ современной нашей литературѣ—такихъ книгъ нѣтъ, и сравнивать „Писемъ объ Испаніи“ у насъ рѣшительно не съ чѣмъ *).

Но тѣмъ бѣольшую цѣну приобретаетъ отъ этого книга г. Боткина, которая по своимъ достоинствамъ заняла бы почетное мѣсто и въ самой богатой литературѣ. Хотя въ предисловіи авторъ откровенно говоритъ, что онъ счелъ излишнимъ ссылаться на газетныя статьи, путешествія и историческія сочиненія, которыя служили ему пособіемъ при составленіи этихъ писемъ, и что многимъ изъ прочитаннаго воспользовался онъ, имѣя единственно въ виду уясненія предмета для читателей, но тѣмъ не менѣе читатели не могутъ не быть благодарны автору за то, что онъ такъ умно воспользовался прочитаннымъ и умѣлъ представить такую живую и полную картину страны, имъ описываемой. „Письма объ Испаніи“ помѣщались первоначально въ „Современникѣ“ (1847 и 1848 годовъ), и потому неумѣстно было бы намъ распространяться въ похвалахъ имъ,—да это и не нужно: всѣ, читавшіе нашъ журналъ въ то время, какъ онъ украшался письмами г. Боткина, слишкомъ хорошо помнятъ его блистательные очерки Испаніи. Извѣстность книги, о которой мы должны говорить, уже составлена, и намъ остается только сдѣлать обзоръ содержащаго этихъ „Писемъ“,

*) „Италія“ г. Яковлева написана почти исключительно съ артистической точки арвія; она говоритъ преимущественно о картинахъ природы и произведеніяхъ искусства, и потому, при всѣхъ достоинствахъ наложенія, принадлежитъ совершенно другому роду, нежели „Письма объ Испаніи“.

какъ одного цѣльнаго сочиненiя, прринкнутого строгимъ единствомъ возрѣшiя.

Никто не зналъ происхожденiя первоначальныхъ обитателей Испанiи, но надобно предположить, что они пришли туда съ сѣверо-востока, черезъ Пиринен. Финикiяне и греки находились съ ними въ сношенiяхъ и основали по морскому берегу нѣсколько городовъ, преимущественно для торговыхъ цѣлей. За тѣмъ карагенiяне короткое время владѣли Испанiей и наконецъ римляне, подъ властiю которыхъ находилась она почти пятьсотъ лѣтъ. Въ началѣ V столѣтiя послѣ Р. Х. вторглись туда германскiя племена, — преимущественно вестготы, владычество которыхъ пало предъ храбростiю и религиознымъ энтузиазмомъ арабовъ. Только на сѣверо-восточной оконечности Испанiи сохранился небольшой остатокъ христiанскаго владычества.

Впродолженiе 780 лѣтъ (отъ 712 до 1492) была Испанiя частiю христiанскою, частiю магометанскою страню. Равнудиннiе, внутреннiя междоусобiя, честолюбiе дворянства и ошибочная политика — все это замедляло окончательное рѣшенiе борьбы между двумя племенами. Только женитьба Фердинанда Арагонскаго на Изабеллѣ Кастильской (1469), соединивъ до того времени раздѣльныя два государства въ одну цѣльную Испанiю, дала возможность уничтожить поелѣднiе остатки арабскаго владычества. Затѣмъ открытiе Америки и усмиренiе самостоятельнаго и неукротимаго феодальнаго дворянства, казалось, надолго положило прочную основу государственному могуществу Испанiи. Вскорѣ ватѣмъ, при Карлѣ V, городовыя общины, бывшiя препоною королевской власти, потеряли свою силу, послѣ извѣстнаго возстанiя, окончившагося пораженiемъ ихъ въ битвѣ Вильяларѣ 23 апрѣля 1521 года.

Карлъ V, первый король всей Испанiи, возвелъ эту страну на вершину могущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаются уже и въ то время первоначальныя причины ея послѣдующаго упадка и постоянно возрастають въ страшной постепенности. Мы припомнимъ здѣсь только самыя главныя изъ нихъ, чтобъ сдѣлать понятными позднѣйшiя событiя ея исторiи.

Благотворныя основанiя испанскаго государственнаго права не только не имѣли никакого дальнѣйшаго развитiя, но, изъ преувеличеннаго опасенiя всякаго противодѣйствiя, королевская власть уничтожила всѣ гарантiи прежняго общественнаго устройства. Созванiя кортесовъ были совсѣмъ прекращены и они утратили все свое прежнее значенiе. Вмѣстѣ съ этимъ исчезновенiемъ государственной жизни, — открытiе Америки бросило нацiю въ совершенно другое направлеше. Какого-то особаго рода лихорадочная дѣятельность охватила Испанiю. Много героическихъ подвиговъ вызвала она, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и много самыхъ ужасныхъ варварскихъ дѣлъ. Жажда обогащенiя повела за собою многочисленныя переселенiя въ Америку, значительно ослабившiя Испанiю, чему также способствовали многiя войны, предпринятыя безъ достаточныхъ причинъ, неискусно веденныя и несчастливо окончившiяся.

Нигдѣ законъ христiанской любви и милосердiя не получилъ такого страннаго и суроваго извращенiя, какъ въ Испанiи, и нигдѣ не служилъ

онъ предлогомъ къ такимъ авёрскииъ жестокостямъ и преслѣдованіямъ. По своей фанатической основѣ и тиранскииъ формамъ, инквизиція имѣла самое вредоносное вліаніе и на умъ и на жизнь цѣлаго города. Она и ея ослѣпленные ревнители способствовали къ совершенно безумному, несправедливому и жестокому изгнаію мавровъ изъ Испаніи. Черезъ это въ сильнѣйшей степени уменьшилось и народонаселеніе, и образованіе, и дѣятельность, а бѣдность увеличилась до такой степени, что даже и до сихъ поръ видны страшныя слѣды ея.

Все это совпало вмѣстѣ съ другимъ, безпримѣрнымъ въ исторіи несчастіемъ. Ни одинъ изъ послѣдующихъ королей Испаніи, начиная съ мрачнаго Филиппа II, не былъ сколько нибудь мудрымъ, благотѣльнымъ властелиномъ. Напротивъ, ихъ духовная посредственность и ничтожность, можно сказать, увеличивалась съ каждымъ поколѣніемъ; и кромѣ того, не было ни одного великаго министра, который бы (какъ, напримѣръ, Ришелье во Франціи) могъ замѣнить ихъ неспособность. Нѣсколько лучше,—да и то въ ничтожной степени, были короли изъ дома Бурбоновъ; при Карлѣ III (отъ 1739 до 1788) даже были попытки нѣкотораго возрожденія. Но, несмотря на трехвѣковое, жалкое, сонное, постоянно угнетавшее управленіе, въ народѣ сохранились еще и жизненная сила и мужество къ настоящему обрѣненію.

Между тѣмъ, внутри самого государства держались взаимно враждебныя провинціальныя раздѣленія: Бискайскія провинціи, по происхожденію своему, языку, нравамъ и учрежденіямъ, отдѣлялись отъ прочей Испаніи; Астуріи и Галиція напоминали собою средневѣковое состояніе; арагонецъ гордился своими прежними политическими правами и ни въ чемъ не хотѣлъ равняться съ кастильянцемъ; Каталонія пробовала нѣсколько разъ приобрѣсть самостоятельность; въ Валенсіи, Гренадѣ, Кордовѣ и вообще въ Андалузіи живы были слѣды восточнаго вліанія. Всюду господствовала любовь не только къ стариннымъ, давностью освященнымъ учрежденіямъ, но вмѣстѣ съ нею и къ сохраненію всѣхъ укоренившихся вредныхъ обычаевъ; на всякое нововведеніе народъ смотрѣлъ съ недоувѣрчивостію и враждебностію. И, однакожь, въ продолженіе этихъ темныхъ вѣковъ своей исторіи,—испанцы сохранили свое врожденное вѣрное чувство всего великаго и благороднаго. Какъ ни трудно иностранцамъ сохранять бевпристрастіе при обсужденіи такого совершенно особеннаго народнаго характера,—но тѣмъ не менѣе почти всѣ они согласны въ томъ, что испанецъ полонъ преданности и вѣрности въ своемъ раположеніи,—горячъ и страстенъ въ ненависти,—терпѣливъ, честенъ, надеженъ, умѣренъ, одаренъ самымъ живымъ воображеніемъ и самымъ щекотливымъ чувствомъ чести.

Всѣ эти различныя явленія исторической жизни испанскаго народа отражаются въ „Письмахъ“ г. Боткина и придають особенную ясность его взгляду на характеръ и нравы народа, особенный интересъ его очеркамъ.

До г. Боткина, у насъ такъ мало было писано объ Испаніи, что большая часть русскихъ читателей воображали эту страну какимъ-то громаднымъ цвѣтникомъ, расширяя на весь полуостровъ тотъ благоухающій садъ, который цвѣлъ подъ балкономъ Лауры:

„Приди, открой балвонъ. Какъ небо тихо!
Недвижныи теплый воздухъ; ночь дивноноиъ
И лавромъ пахнетъ...“

(„Каменный Гость“).

На самомъ дѣлѣ Испанія вовсе не такова. Ея природа скорѣе напоминаетъ Африку, нежели Европу: степь, выжженная солнцемъ, угрюмая, грозная степь, среди которой разсѣяны дивно роскошные оазисы, поражающіе не столько своею граціозностью, сколько величественностью. Только очень немногія мѣстности, какъ Гренада, вполне граціозны,—общій характеръ страны—величіе, часто отзывающееся печально-страстнымъ характеромъ. Г. Боткинъ мастеръ изображать природу—потому что умѣетъ сочувствовать ей, любить ее.

„Красота Испаніи давно вошла въ пословицу (говорить онъ); съ давнихъ поръ поэты воспѣваютъ ея апельсиныи ц лимонныи рощи... увы! Это одво изъ заблужденій, существующихъ насчетъ Испаніи. Впрочемъ, можетъ статься, за нѣсколько оотъ лѣтъ оно было и иначе, теперь же ничего нельзя себѣ представить унылыъ этой природы. Но унылость эта необыкновенно величава. Представьте себѣ, что нигдѣ не встрѣчаешь дерева, по окраинамъ полей одинъ только вусты розмарина; нзрѣдка маленькіи деревни, безъ зелени, выкрашенны темно-глинистою краскою,—и деревни эти такъ рѣдки, что, встрѣчая одну, давно забылъ уже о предшествовавшей. Глаза свободно пробѣгаютъ пространство въ 8, 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилища, ня одной малѣйшей рощицы оливоъ, ничего, кромѣ душистыхъ кустовъ розмарина; вое это объято самою прозрачною, чистѣйшею атмосферой. Въроятно, на этой почвѣ могли бы расти и дубъ, и липа, и каштанъ; въ Испаніи богатство лежитъ у ногъ человека,—стоитъ только наклониться за нимъ; но Испанцы еще не любятъ наклоняться“.

Таково было впечатлѣше, произведенное на него равнинами Кастиліи. Пробѣжавъ съ сѣвера на югъ почти всю Испанію, изъ Севильи—этого города, которой мы привыкли было воображать потонувшимъ среди безконечныхъ лимонныхъ и апельсиновыхъ рощъ, онъ пишетъ:

„Находясь въ самомъ сердцѣ Авдалузіи, могу навонецъ положительно сказать, красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть не болѣе: какъ предразсудокъ. Я разумѣю здѣсь красоту природы въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ ее себѣ видѣвшіе Италію. Правда, ва югѣ Испаніи растительность такъ величава и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется сѣвровою, но это только рѣдкими мѣстами; африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю; въ Алмеріи, наприѣръ, уже три года какъ не было дожда, и жители южныхъ береговъ Испаніи безпрестанно переселяются во францускіи владѣніи Африки. Здѣсь часто случается, что на три мили въ окружности невозможно найти воды. Не думайте, однакожь, чтобъ эта пламенная природа не виѣла своей особенной, только ей одной свойственной красоты. Она здѣсь не разлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ мягкихъ, ласкающихъ итальянскихъ формъ: здѣсь она или уныла и дика, или поражаетъ своею тропическою, величавою роскошью. По дорогѣ изъ Кордовы въ Севилью, наприѣръ, воалѣ много *cortijo* *) нѣтъ ничего, кромѣ одинокаго апельсиноваго дерева; но надобно видѣть, что это за могучій стволъ, и какъ широко раскинулось оно своими густыми вѣтвями: апельсиныи деревья Сициліи покажутся передъ ашь не болѣе, какъ отростками. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что имѣешь подъ ногами огненную землю, нелюбящую золотой средины, ва которой или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ влагѣ удастся охладить жгучіе лучи солнца, ра-

*) Такъ называются здѣсь маленькіи фермы (дворики).

стительность вырывается на воздухъ съ такою полнотою красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ горахъ, эти чудные оазисы среди каменннхъ пустынь пронаводятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которонъ не можетъ дать понятія кроткая и ровная красота Италіи. Здѣсь и пустыня (*despoblado*), и голыя, рѣдкія на солнцѣ скалы, и растительность дышать какою-то сосредоточенной, пламенной звертійю“.

Одно только изъ наннхъ обыкновенныхъ мнѣній о характерѣ испанской природы вполне подтверждается г. Боткиннмъ,—мнѣніе о дивной чистотѣ ея атмосферы, объ ослѣпительности солнечнаго блеска, почти непрерывно озаряющаго горы и долины Пиринейскаго полуострова. Тамъ, гдѣ горизонтъ стѣсненъ громадными, скалистыми горами,—а бблшая часть Испаніи прорѣзывается горными хребтами,—тропическое солнце придаетъ новую чудную энергію пейзажу яркими тонами, въ которые одѣваются горы подъ его блескомъ:

„Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть; глаза, привыкшувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и мертвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, ва которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенные тоны колорита. Въ равнинахъ—природа только на первомъ планѣ, тагъ сказать, у ногъ; дальніе—одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти: отсюда, вѣроятно, и склонность въ мечтательности въ жителяхъ равнинъ. Въ горахъ надо проститься съ этою туманною безпредѣльноотію: глаза всюду встрѣчаютъ не однообразную, сѣрую даль, а яркіе переливы зелени, или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ еообщаютъ нѣжныя радужныя цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, едва ли будетъ хорошимъ колористомъ: только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ свемѣ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя ва отлогостяхъ и въ ущеліяхъ затишьемъ вечера, равнинъ утромъ розовыя, потягоньву встаютъ и уходятъ; постепенно, вавъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, врасоватыя свалы, темныя ущелія. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ в лучей есть что-то музыкальное; не живопись—передъ этими красками всѣ ваши краски кажутся грязью—а симфонія, сыгранная оркестромъ, можетъ только дать понятіе объ этомъ чудномъ разнообразіи и гармоническомъ сочетаніи цвѣтныхъ тоновъ. Какъ смѣлы, рѣзаны и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца, пробѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ ва самой высотѣ горизонта и лучи его падаютъ перпендикулярно: яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными: въ эти минуты овѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чтмъ ниже опускается солнце, тмъ становится золотистѣе свѣтлоголубой зепрь, облегающій горы: своа начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелія начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золотистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежавшая ва вилъ съ санаго утра, совершенно исчезла: теперь картина горъ начинаетъ походить на заключительные, восходящіе аккорды симфоніи. Въ эти минуты чувствуешь, что то же очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глазъ заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотисто-палевымъ цвѣтомъ; но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе, дельовые тоны, и все сильнѣе, и все гуще, и черезъ минуту

горы облиты лиловымъ сіяніемъ; какъ нѣжата, утомленные яркостію прежнихъ цвѣтовъ, глаза на атомъ мягномъ, ласкающемъ цвѣтѣ, въ какнѣ-то задумчивомъ отрешеніи хочешь подолѣе насмотрѣться на него! во все больше я больше рдѣю на лиловыя горы, в мгновение разливается по нимъ яркій огненный пурпуръ; съ минутой стоятъ они словно объятія краенымъ пламенемъ... нѣтъ еяль смотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ... онъ слабѣетъ уже,—это заключительный аввордъ горной свмфоніи. Последніе кровавые лучи заката едва на мгновение обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, вавъ уже нивовыя отлогости ихъ тоуютъ въ евромъ вочновъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догораетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я ва горы, и каждый день все ннѣ кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ. Сколько разъ благословляю я судьбу за то, что я родился и выросъ въ странѣ равнинѣ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія, сердце не билось бы этииъ блаженствомъ; я не чувствовалъ бы тогда во всемъ существѣ свеемъ этой нѣги, которая проникаетъ мой организмъ среди южной природы“.

Какъ въ Африкѣ, въ Испаніи—гдѣ нѣтъ обильной воды, тамъ величественная пустыня, гдѣ есть вода—тамъ чудная сила растительности; гдѣ почва орошается ручьями, только тамъ дѣйствительно вся мѣстность превращается въ испанскій цвѣтникъ. Немного такихъ мѣсть — зато они очаровательны, и самое очаровательное изъ нихъ Гренада:

„Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день послѣ моего прѣзда сюда пошелъ я по Гренадѣ. Представьте себѣ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жару—вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи, и разносятся прохлада... нѣтъ! это можно оцѣнить только здѣсь, подъ этииъ африканскимъ еолнцемъ. По городу только и слышался шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ—садъ. Часто попадаютъ садки снаружи, обнесенные желѣзными рѣшетчатыми заборами и наполненные густыми купаи цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасахъ и на балконахъ *); а когда я подошелъ въ холму Альгамбры, до самого верху покрытому густою рощею, я не умѣю передать этого ощущенія. Три дня горной дороги веркомъ, подъ этииъ знойнымъ солнцемъ, просто сожгли меня; голова моя и все тѣло горѣли. Передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отрадѣвшая прохлада охватывала меня. Лучи солнца не проникла сквозь гущу лясцевъ; ручьи журчали со всѣхъ сторонъ; по дорожкамъ фонтаны били самую чистую, холодную водою. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда я не видалъ такого разнообразія, такой свѣжести зелени! Дниіъ виноградъ обвивался оволо дубовъ, олеавдръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополдемъ, изъ плавучей нвы весело торчали вѣтви душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ в ваштановъ—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера. Вотъ климатъ Гренады и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ свѣгъ на Сьеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны. Это сляше воды и огня дѣлаетъ влиять Гренады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что если вѣтеръ со стороны Сьерры Невады, то, несмотря ва весь зной солнца, воалухъ наполненъ прохладой. Въ этихъ гу-

*) Нигдѣ я не видалъ такой страсти къ цвѣтанію, какъ въ Гренадѣ. Кромѣ того, что каждая женщина непремѣнно носить въ волосахъ свѣжіе цвѣты, здѣсь даже првнадлежать къ хорошему тону по праздникамъ выходить изъ дому съ хорошимъ букетомъ въ рукахъ и дарить изъ него по нѣскольکو цвѣтовъ встрѣчающимся знакомымъ дамамъ. По праздникамъ боченки продавцевъ воды обвиты виноградными вѣтвями, а тѣ, которые возятъ ихъ на ослѣ, даже и ослевъ убираютъ виноградомъ.

стыть аллея рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина; но все вокруг журчит и шелеститъ, словно роца живетъ и дышитъ. Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мхомъ; по инымъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походить ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною, сверкающею красотою юга. Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчанье ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ мелодіи^а.

Не трудно рѣшить, отъ самыхъ ли условій климата и мѣстности зависить унылый и пустынный характеръ природы въ нынѣшней Испаніи, или виновать въ томъ народъ, населяющій эту страну. Земля, еще не заселенная людьми, можетъ имѣть цвѣтушій видъ,—она можетъ быть покрыта дѣвственными лѣсами, роскошными лугами и пажитями. Но какъ скоро человекъ овладѣваетъ страню, это первобытное состояніе природы уничтожается его потребностями,—онъ сжигаетъ и вырубаетъ лѣса, и какъ скоро населеніе становится многочисленнымъ, самыя поля липаются той чистой растительности, которою очаровывали прежде, почва теряетъ влажность съ истребленіемъ лѣсовъ и обнажается или зарастаетъ печальными и уродливыми травами, въ родѣ полыни, репейника, бурьяна. Только неутомимое трудолюбіе человека можетъ сообщить природѣ новую, высшую красоту, въ замѣнъ дикой, первобытной красоты, неудержимо исчезающей подъ его ногами. Человекъ долженъ ухаживать за лѣсами, стеречь ихъ, чтобы сохранить отъ истребленія часть ихъ, нужную для его матеріальныхъ потребностей и эстетическаго наслажденія, долженъ замѣнить садами другую часть; онъ долженъ одѣть землю нивами и искусственными лугами, въ замѣнъ не выносящихъ его прикосновенія первобытныхъ травъ. Гдѣ является человекъ, тамъ природа должна воосаждаться трудомъ человека. Народъ вноситъ запустѣніе и одичалость въ свою страну, если не вноситъ въ нее культуры. И если вы видите печальной, унылой страну, имѣющую осѣдлое населеніе, не вините въ томъ природу страны,—нѣтъ, знайте, что народъ, ее населяющій, не хочетъ или не можетъ трудиться. Природа, конечно, гораздо бѣднѣе залогами красоты въ Голландіи, Гольштиніи, нежели въ какой бы то ни было другой европейской странѣ,—и однако же Голландія и Гольштинія радуютъ глазъ своими цвѣтушими полями и веселыми родами. Есть страны, въ которыхъ не можетъ жить осѣдлое населеніе,—за ихъ красоту не отвѣчаетъ человекъ. Но гдѣ есть возможность провести воду,—гдѣ живутъ земледѣльцы, тамъ унылость страны свидѣтельствуетъ только, что народъ не можетъ или не хочетъ жить въ своей странѣ такъ, какъ долженъ жить счастливый народъ,—не можетъ или не хочетъ трудиться.

Мы сказали: „не можетъ или не хочетъ“ — второе изъ этихъ словъ совершенно излишнее. Не хочетъ трудиться только тотъ, кто не имѣетъ возможности трудиться въ благопріятныхъ для труда условіяхъ. Не знаемъ, можно ли считать лѣность естественнымъ порокомъ даже у немногихъ отдѣльныхъ лицъ: обыкновенно, стоитъ только всмотрѣться ближе въ исторію лѣнница, и мы убѣдимся, что не природа создала его лѣнникомъ, а обстоятельства отняли у него охоту работать. Но если поверхностные наблюдатели могутъ еще думать, что иные отдѣльные люди отъ природы расположены къ лѣности, то совершенно нелѣпо и ненатурально воображать, чтобъ цѣлый

народъ могъ имѣть по природѣ особенное влеченіе къ этому пороку. Нѣтъ, человѣкъ по природѣ своей находитъ наслажденіе въ трудѣ, имѣетъ естественную потребность работы, томится тоскою, если не работаетъ, если бездѣйствіе не есть только отдыхъ послѣ работы, отдыхъ, вызывающій на новую работу съ свѣжими силами. Когда вы видите цѣлое населеніе цѣлаго округа, обезображенное кретинизмомъ или колтуномъ, вы не говорите, что по своей натурѣ оно должно быть уродливо, — вы приписываете его физическую болѣзненность неблагопріятному влѣнію мѣстныхъ физическихъ условій его жизни. Точно также, когда вы видите цѣлое племя, предавшееся тому или другому пороку, не говорите, что въ натурѣ самого племени лежитъ этотъ порокъ: онъ развился наперекоръ натурѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Переселенные въ чистую атмосферу, кретины становятся здоровы, во второнъ или третьемъ поколѣніи становятся и красивы не менѣе другихъ счастливыхъ племенъ. Точно также, лѣнливый, пьяный, буйный ирландецъ, переселившись въ Сѣверную Америку, гдѣ трудъ его вознаграждается, становится дѣятельнымъ и трезвымъ человѣкомъ съ благородными манерами.

Есть избитая фраза: „южные народы лѣнливы; знойный климатъ ослабляетъ ихъ энергію“ — это избитая фраза, и больше ничего. Пороки и добродѣтели не принадлежать исключительно тому или другому земному поясу; — между бурятами или самоѣдами сластолюбіе не менѣе сильно, нежели между жителями Отаяти, и страсть къ наркотическимъ средствамъ вездѣ одинаково сильна, — мало разницы въ томъ, опьяняется ли человѣкъ грибомъ-мухоморомъ, или пѣнникомъ, или опиумомъ, или настоемъ того корня, которымъ угощали Кука жители Сандвичевыхъ острововъ. Подобно разврату, подобно страсти къ затемнѣнію разсудка наркотическими средствами, и лѣнность развивается не вслѣдствіе климатическаго вліянія, а вслѣдствіе историческихъ отношеній, и, подобно тѣмъ порокамъ, исчезаетъ съ перемѣною обстоятельствъ народной жизни. Во времена Цезаря и Тацита, германцы, британцы, галлы были отчаяннѣйшими лѣнтяями, ничуть не хуже нынѣшнихъ киргизовъ или тухменцовъ. Римляне, конечно, не лѣнились пахать въ тѣ времена, когда Регулъ самъ обрабатывалъ свое маленькое поле. Всѣ привычки народа зависятъ отъ обстоятельствъ его жизни.

Теперь испанцы лѣнливы. Но г. Боткинъ замѣчаетъ, что трудно найти въ мірѣ такого хорошаго работника, какъ испанецъ, когда испанецъ, наконецъ, принимается за работу. Почему же онъ такъ рѣдко считаетъ нужнымъ приниматься за работу? — Ему нужно очень немного, говорить г. Боткинъ: потребности испанца очень ограничены и очень легко удовлетворяются въ его тепломъ климатѣ, при чрезвычайномъ плодородіи земли. Это совершенно справедливо. Но есть и другая причина, которую также указываетъ г. Боткинъ: праздность считается въ Испаніи гораздо почетнѣйшимъ препровожденіемъ жизни, нежели трудъ, такъ что бѣдный кавалеро скорѣе пойдетъ въ лакеи, нежели займется какимъ-нибудь ремесломъ, — будучи лакеемъ, онъ сохраняетъ свое почетное право — ровно ничего не дѣлать. Въ Испаніи дѣйствительно можно часто встрѣтить слугу, который гордится древностью и высокимъ благородствомъ своей фамиліи и гордится основа-

тельно, потому что имѣть въ рукахъ генеалогическіе пергаменты. Само собою разумѣется, каково служить эти лакеи,—вотъ случай, свидѣтельствующій о томъ, какъ успѣшно они отстаиваютъ свою привилегію—ничего не дѣлать:

„Недавно въ Гренадѣ я былъ свидѣтелемъ презабавной сцены. У меня здѣсь есть знакомый французъ, химвкъ и дагеротипистъ. На дняхъ приложу я къ нему; онъ держадъ нѣ рукѣ письмо в ввалъ своего слугу, чтобы послать его отвѣсть письмо по адресу. Слуга только что воротился изъ аптеки, куда ходилъ за какимъ-то химическимъ составомъ. Онъ вошедъ въ комнату, жалуясь на жаръ, важно посмотрѣлъ на француза и рѣшительно объявилъ, что онъ теперь не можетъ идти, потому что очень жарко.

„— Но мнѣ надо непременно послать это письмо! — кричалъ разгорячившійся французъ.—Ваша милость рааговариваетъ какъ какой-нибудь идалго! Ужъ лучше бы нашей милости оставаться при своихъ дипломахъ!

„— А ваша милость думаетъ, что у меня нѣтъ дипломовъ?—возразилъ очень спокойно слуга:—есть, да еще такіе, кавыхъ нѣтъ у вашей милости.

„— Такъ зачѣмъ же ваша милость пошли въ слуги?

„— Зачѣмъ? зачѣмъ, чтобы не работать, *para no trabajar*“.

Не должно дивиться этому понятію: „благородіе быть ничего не дѣлающимъ лакеемъ, нежели трудящимся ремесленникомъ или купцомъ“—совершенно подобныя явленія мы встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ,—напримѣръ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, очень многіе шляхтичи служатъ теперь лакеями, какъ прежде, во времена польской независимости, служили паразитами у магнатовъ, съ радостью подвергаясь всякимъ продѣлкамъ со стороны своихъ патроновъ, лишь бы только ѣсть даровой хлѣбъ. И если мы вспомнимъ исторію, мы увидимъ, что эти странныя понятія—естественное слѣдствіе историческихъ отношеній народа. Семьсотъ лѣтъ испанцы вели непрерывную борьбу съ маврами,—всѣ энергическіе люди цѣлой націи посвящали свои силы исключительно войнѣ, снискивали себѣ и средства для жизни и почетное имя въ обществѣ мечомъ, а не мирными промыслами, которые доставались въ удѣлъ только людямъ, не имѣвшимъ смѣлости духа, и потому естественно должны были не пользоваться особеннымъ уваженіемъ. Войны прекратились, но старое презрѣніе къ робкому труду осталось въ умахъ.

Есть и третья причина этого явленія, которая также не ускользнула отъ вниманія г. Боткина. Эта причина, быть можетъ, важнѣйшая изъ всѣхъ,—долговременное отсутствіе хорошаго управленія въ странѣ. Сами испанцы, по словамъ г. Боткина, говорить о своемъ управленіи такимъ образомъ. Санъ-Яго, національный святой Испаніи, по кончинѣ своей, предсталъ предъ Богомъ, который, за святость его земной жизни, обѣщаль угоднику исполнить все, чего ни попроситъ онъ. „Санъ-Яго проситъ, чтобы Богъ даровалъ Испаніи плодотворное солнце, изобиліе во всемъ.—Будеть, былъ отвѣтъ.—Храбрость и мужество народу, продолжалъ Санъ-Яго, славу его оружію.—Будеть, былъ отвѣтъ.—Хорошее и мудрое правительство.—Это невозможно: если ко всему этому въ Испаніи будетъ еще хорошее правительство, то всѣ ангелы уйдутъ изъ рая въ Испанію“.

Трудолюбивыя привычки могутъ развиваться или сохраниться въ народѣ только при хорошемъ управленіи, которое обезпечиваетъ каждому неприкос-

новенность собственности, приобретаемой его трудомъ, и ограждаетъ его трудъ отъ пренятствій и обремененій, какимъ онъ подвергается, какъ скоро является производъ съ безпорядками и злоупотребленіями, необходимыми своими спутниками. Ирландецъ въ своей родинѣ старается работать какъ можно меньше, потому что все выработанное долженъ будетъ отдать за наемъ земли,—испанецъ также не видитъ,—или, по крайней мѣрѣ, до недавняго времени не видѣлъ пользы для себя въ трудолюбіи, потому что не былъ обезпеченъ отъ грабительствъ.

Не будемъ много говорить о страшной неурядицѣ, господствовавшей въ Испаніи со временъ Филиппа II,—эта плачевная исторія, продолжавшаяся около трехсотъ лѣтъ, вся передается однимъ словомъ: произволъ, безграничный и вмѣстѣ безсильный произволъ тяготѣлъ надъ несчастною страню во все теченіе этого долгаго періода. Мы много начитались въ газетахъ о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, о грабежахъ и разореніяхъ, которымъ подвергалась Испанія съ того времени, какъ появились имена христиносовъ и карлистовъ, съ ихъ безконечными стычками, контрибуціями, разсгрѣливающими и т. д., и т. д.;—вся эта неурядица, какъ ни страшна и ни недѣпа она, однако же далеко не такъ произвольна, бестолкова и гибельна, какъ порядокъ, или, вѣрнѣе сказать, безпорядокъ дѣлъ, угнетавшій Испанію до той эпохи. Какъ ни велики бѣдствія, которыми мучилась эта страна въ послѣдвіи десятилѣтій,—прежде было въ ней нѣчто еще худшее, еще болѣе тяжкое, которое исключительно виновно и во всѣхъ страдающихъ на-стоящаго.

Испанія полна унынія; народъ ея словно находится въ томъ тяжкомъ забытіи, какое испытываетъ человекъ, долго находясь на яорозѣ. Не въ настоящемъ должно искать причинъ этимъ тяжкимъ политическимъ страданіямъ: они въ прошедшемъ, они далеко позади. На междоусобную войну въ Испаніи смотрѣли, какъ на событіе необыкновенное и неожиданное. Но развѣ эта война не есть результатъ золь предшествовавшихъ? это та же самая болѣзнь, только вышедшая наружу. И прежде наваррскаго вооставія, въ Испаніи была междоусобная война, предпринятая инквизиціею противъ всякой живой, благотворной мысли, противъ всякаго развитія человѣческихъ способностей. Настоящее положеніе Испаніи есть только преобразование этой внутренней, душевой борьбы въ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, уготованную тремя вѣками невѣжественной, фанатической, безнравственной администраціи.

„Ни новое политическое устройство Испаніи, ни даже прежнее причиною несчастій ея. Правда, инквизиція, монахи были для нея страшнымъ зломъ; но гдѣ феодальное устройство Испаніи было общее съ Европою; отчего же оно только на Испаніи оставило такіе гибельные слѣды? Не оттого ли, что въ Европѣ при дурномъ устройствѣ было всегда правительство, которое хотя иногда было также дурно, но всегда болѣе или менѣе вращалось въ кругу идей современной себѣ цивилизаціи. Въ Испаніи ни въ какое время, ни въ какой формѣ не было правительства: былъ только одиъ произволъ со всеми своими заблужденіями и личными страстями; никогда администрація не видѣла другихъ законовъ, кромѣ собственнаго каприза и своихъ личныхъ интересовъ. Такъ было прежде, то же в тепись. Три вѣка правительственнаго безумства не прошли даромъ: тяжело легли они на благородной странѣ. Мудрено ли, что народъ ея теперь равнодушно смотритъ на всѣ эти конституціи, говоря про себя свое любимое *que importa* (что за нужда). Онъ знаетъ, что надъ всеми этими конституціями есть иная высшая власть—анархія“.

При такомъ положеніи дѣлъ не могла сохраниться въ націи привычка

трудиться. Кому охота работать, когда плоды трудовъ истребляются или похищаются?

„Но, могутъ сказать, если исторія Испаніи объясняетъ равнугіе привычки къ бездѣйствію, къ лежанью на-боку, то все-таки это объясненіе нимало не оправдываетъ испанцевъ:—развѣ не сами они довели себя до такого положенія, въ которомъ невозможно было имъ работать“—И на это опять надобно сказать: все зависитъ отъ обстоятельствъ,—они даютъ направленіе жизни цѣлаго народа, какъ и жизни отдѣльнаго человѣка; они столь же часто губятъ насъ посредствомъ нашихъ такъ называемыхъ добрыхъ качествъ, какъ и посредствомъ нашихъ недостатковъ,—и, наоборотъ, столь же часто обращаютъ намъ въ пользу наши недостатки, какъ и наши добрыя качества. Не судите о нравственныхъ или умственныхъ качествахъ человѣка по его счастью или несчастью въ жизни, ---

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла,
Сколькихъ низкихъ рокъ шадить!
Нѣтъ великаго Патрокла,—
Жизнь презрительная Терситъ...

И уцѣлѣлъ Терситъ именно потому, что былъ подлъ и трусливъ,— умеръ Патроклъ именно потому, что былъ благороденъ и силенъ душою. Несправедливо вдаваться въ крайность, и для противорѣчія бездушному правилу судить о достоинствѣ человѣка или народа по его участи, говорить, что все прекрасное обречено судьбою на гибель,--нѣтъ, прогрессъ и развитіе не пустыя слова. Но власть обстоятельствъ всемогуща, и надобно ближе вникать въ обстоятельства дѣла, чтобы судить о томъ, дѣйствительно ли слабъ или силенъ, хорошъ или дуренъ страдающій или торжествующій.

Обстоятельства неблагопріятно расположились для Испаніи: они расположились такъ, что именно лучшія качества испанскаго народа обратились во вредъ ему. Укажемъ хотя одинъ примѣръ—инквизицію, которая изъ всѣхъ золъ, губившихъ Испанію, была пагубнѣйшимъ. Конечно, мы не чувствуемъ ни малѣйшаго влеченія защищать инквизицію или хвалить испанскій народъ за то, что онъ имѣлъ у себя это учрежденіе. Но, однако, въ чемъ же состоитъ сущность дѣла? Въ томъ, что испанцы, по своему глубокому и сильному характеру, серьезно, искренно приняли тотъ идеалъ, который былъ идеаломъ всѣхъ западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Другіе народы, можно сказать, только шутили, забавлялись между дѣлъ этимъ идеаломъ, не имѣя ни столько пламенной твердости въ характерѣ, ни столько преданности убѣжденію, чтобы серьезно устремить свои силы на осуществленіе этого идеала. Испанцы принялись за это дѣло серьезно,—„и погубили себя“,—скажете вы. Такъ, погубили себя—но осудите ли вы человѣка, который по ошибкѣ отравилъ себя и своихъ друзей ядомъ, считая этотъ ядъ жизненнымъ бальзамомъ,—осудите ли вы его, если онъ пожертвовалъ своими сокровищами для пріобрѣтенія этого мнимаго жизненнаго бальзама?

Ослѣпленіе у испанцевъ было общее со всѣми западными народами среднихъ вѣковъ,—за это нельзя ихъ винить. Они одни дѣйствовали совершенно искренно и серьезно—въ этомъ они были выше другихъ. Они по-

губили себя, но погубили именно потому, что имѣли сильный и возвышенный характеръ.

Мы сказали объ инквизиціи, странничествѣ изъ ложныхъ принциповъ, погубившихъ Испанію. Всмотритесь въ исторію среднихъ вѣковъ, XVI и XVII столѣтій,—вы увидите, что точно также и всѣ остальные ложные принципы, содѣйствовавшіе гибели Испаніи, были общи испанцамъ съ другими тогдашними народами Западной Европы. Заблужденіе въ убѣжденіяхъ было одинаково повсюду,—но убѣжденіе было у испанцевъ искреннѣе, серьезнѣе, нежели у какого-нибудь другаго народа,—этимъ они погубили себя—но за искренность и серьезность упрекать нельзя, и тѣ же самыя качества характера, которыя обращаются во вредъ, когда служатъ къ достиженію ложныхъ цѣлей, приносятъ благо, когда посвящаются на осуществленію истинныхъ цѣлей.

Испанія доведена была обстоятельствами до состоянія самаго жалкаго; она очень долго не могла избавиться, и теперь только начинаетъ избавляться отъ бѣдствій, угнетавшихъ ее,—и процессъ внутренняго броженія, которымъ совершается возрожденіе этого народа, такъ тяжелъ и продолжителенъ, задерживается такими частыми и прискорбными рецидивами, что естественно родится мысль: приведетъ ли все это броженіе къ чему нибудь лучшему, или Испаніи не суждено оправиться отъ своего долговременнаго униженія и страданія?—Г. Боткинъ не колеблется утверждать, что Испанію ожидаетъ лучшая будущность, — и, несмотря на всю видимую беспорядочность въ исторіи послѣднихъ ея десятилѣтій, нельзя, дѣйствительно, сомнѣваться въ томъ, что многое стало нынѣ въ этой странѣ лучше, нежели было за тридцать лѣтъ, что успѣхи развитія, еще слишкомъ незначительные сравнительно съ тѣмъ, что надлежитъ совершить, уже, однако, не могутъ назваться ничтожными, и что каково бы ни было настоящее состоявіе Испаніи, но эпоха возрожденія уже началась для нея. Въ этомъ убѣждаетъ постепенное распространеніе просвѣщенія, замѣтное усиленіе умственной дѣятельности въ націи, столь долго дремавшей,—всею болѣе убѣждаютъ, въ возможности возрожденія, качества, сохранныя испанскимъ народомъ. Онъ даровитъ, благороденъ и твердъ духомъ, — и, если онъ выдержалъ трехвѣковое бѣдствіе, не утративъ душевныхъ силъ, то, конечно, способенъ возродиться, когда вліяніе неблагоприятныхъ обстоятельствъ на его судьбу ослабѣетъ.

Испанія была очень надолго задержана въ своемъ развитіи,—во многихъ отношеніяхъ даже подалась назадъ подъ гнетомъ обстоятельствъ, сравнительно съ прежней степенью своего развитія. Но эти тяжелыя обстоятельства не могли, однако, подавить врожденныхъ дарованій испанскаго народа:

„Во мвогахъ отношеніяхъ Испанія столько же принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ, сколько къ вашему времени; многое въ ней странно, но не бессмысленно. Она много назадъ, но далеко не поражена тою нравственною окаменѣlostію, которая заставляеть отчаиваться за будущность народа.—Скорѣе должно дивиться, соображая исключительныя, роковыя обстоятельства, которыя такъ долго сдерживали политическую жизнь Испаніи, какъ она все еще болѣе назадъ, какъ еще успѣла она сохранить въ себѣ эти эвергическія сѣмена жизни! .

„Всею болѣе заставляеть вѣрить въ будущность Испаніи рѣдкій умъ ея народа.

Когда имѣешь дѣло съ людьми изъ простаго народа, совершенно лишенными всякаго образованія, невольно изумляешься ихъ здравому смыслу, левому уму, легкости и свободѣ, съ какими они объясняются. Въ этомъ отношеніи, они, напротивъ, далеко выше французскихъ крестьянъ. Въ нихъ нѣтъ ихъ грубости, ихъ умственной тяжеловатости. Умственная сфера испанца не велика, но то, что онъ понимаетъ, онъ понимаетъ вѣрно; и если воспитае и здравыя идеи разовьютъ ихъ умственныя способности, испанцы ввезутъ тогда и въ высшія сферы жизни это прямодушіе, эту отчетливость, которая, кажется, врождена имъ, и которая теперь прилагается у нихъ только въ самымъ мелкимъ интересамъ. Среди этихъ безчисленныхъ смуть, раздирающихъ Исоавію, чувствуешь какую-то необходимость безпрестанно оглядываться назадъ, хотя бы для того, чтобы сколько нибудь облегчить настоящее отъ ошибокъ и несчастій, завѣщанныхъ ему прошедшимъ, для того, чтобы сохранить вѣру въ народъ, который, несмотря на три несчастныхъ вѣка, умѣлъ сберечь въ себѣ свои природныя качества, столь прекрасныя и драгоценныя.

Не только живость, здравость ума сохранилась въ испанцѣ: вѣковое униженіе и угнетеніе не могло подавить въ немъ и удивительнаго его благородства, доходящаго до самой утонченной деликатности. Единственный вѣрный признакъ невозвратнаго паденія народа—то, когда народъ мелокъ и низокъ душою, продаженъ и подлъ;—единственный прочный залогъ народной будущности—сохраненіе въ народѣ благородныхъ чувствъ. Въ этомъ отношеніи испанцы могутъ гордиться своими нравами:

„Испанецъ прежде всего *caballero*. Вскорѣ по прїѣздѣ моемъ въ Мадридъ, я отъискивалъ одну улицу, гдѣ мнѣ надобно было сдѣлать ввѣтъ. Улица была далеко, и я разспрашивалъ о ней у прохожихъ. Между прочимъ, отнесся я въ одному бѣдно одѣтому человѣку. „Если хотите, я провожу васъ туда“, отвѣчалъ онъ. Мы пошли. Дорогой вздуналь я сдѣлать еще нѣсколько визитовъ, в, намѣреваясь заплатить этому человѣку за трудъ его, просилъ дожидаться меня на улицѣ. Визиты мои продолжались часа три; вожатый мой говорить мнѣ, наконецъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться со мною. Я подаю ему дуру (5 руб. асе.), благодаря его за одолженіе. „*No, senior, no, muchissima gracia*.“ (Нѣтъ, сударь,—нѣтъ, покорнѣйше благодарю.)— „Но почему же вы не хотите получить за ваши труды, я отнялъ у васъ время...“—„*No, senior. gracias, soy pobre, pera soy caballero*.“ (Нѣтъ, сударь, благодарю—я бѣденъ, но я кавалеръ),—и раскланявшись, кастильянецъ ушелъ отъ меня, оставивъ меня въ замѣшательствѣ и съ деньгами въ рукѣ. Никогда не случилось мнѣ, давая за труды прислугѣ, встрѣтить недовольную мину. Если слуга испавей очень доволенъ, это выражается только тѣмъ, что онъ прибавитъ къ своему обычвому „*gracias*“ (благодарю),—*gracias, caballero* (благодарю, кавалеръ). Вообще чувство личнаго достоинства въ этомъ народѣ поразительно; не даромъ существуетъ у него пословица: Король можетъ дѣлать дворянами, одинъ Богъ дѣлаетъ кавалерами“.

Раздѣленіе народа на враждебныя касты бываетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій улучшенію его будущности,—въ Испаніи нѣтъ этого пагубнаго раздѣленія, нѣтъ непримиримой вражды между сословіями, изъ которыхъ каждое было бы готово пожертвовать самыми драгоценными историческими приобрѣтеніями, лишь бы только нанести вредъ другому сословію,—въ Испаніи вся нація чувствуетъ себя однимъ цѣлымъ. Эта особенность такъ необычайна среди народовъ Западной Европы, что заслуживаетъ величайшаго вниманія, и уже одна, сама по себѣ, можетъ считаться ручательствомъ за счастливую будущность страны.

„При наружности, почти совершенно сходной со всѣми неограниченными монархіями, Испанія на самомъ дѣлѣ имѣла историческое развитіе совершенно различное отъ

остальной Европы; кровѣ того, элементы, изъ которыхъ сложилось испанское общество, и по началу оному и по направленью, совершенно различны отъ тѣхъ, которые лежатъ въ основѣ прочтѣ европейскихъ государствъ. Посмотрите, наприимръ, на положеніе и значеніе дворянства испанскаго. Во Франціи—страшнѣ равенства, народъ враждебно смотритъ на дворянство в аристократію; въ Испаніи, гдѣ чувство равенства гораздо сильнѣе, аристократія не только не возбуждаетъ противъ себя ни ненависти, ни зависти, но пользуется въ народѣ уваженіемъ. Мнѣ кажется это обстоятельство довольно любопытнымъ, и я, имѣя теперь подъ рукою нѣкоторые матеріалы, хочу воспользоваться ими, чтобъ сказать нѣсколько словъ о дворянствѣ въ Испаніи и объ отношеніи его къ народу. Мнѣ кажется, что, уяснивъ себѣ эти отношенія, вы будете лучше понимать современныя событія Испаніи и еще болѣе навинитъ народъ ея за его равнодушіе къ нимъ.

„Послѣ паденія римской имперіи (простите, что я начинаю такъ издали) вся Европа была завоевана и занята варварами; племя побѣдившее и племя побѣжденное поселились на одной и той же землѣ, одни какъ властители, другіе какъ вассалы. Въ исторіи Франціи и Англіи есть ничто другое, какъ постепенное освобожденіе племени завоеваннаго. Казалось бы, что французская революція, провозгласивъ политическое, гражданское и религіозное равенство, должна была заглушить самое воспоминаніе о прежней взаимной борьбѣ и ненависти; но такова глубина этой ненависти, что она пережила даже и самую причину ссоры.

„Въ Испаніи не найдете вы ничего подобнаго; здѣсь дворянствѣ не гордѣ и не епископѣ, простолюдинѣ въ нему не завистливѣ; между ними одно только различіе—богатство, и нѣтъ никакого другаго. Здѣсь между сословіями царствуетъ совершенное равенство тона и самая деликатная короткость обращенія, и не только гражданствѣ, но иужавѣ, черноработчѣ, водоносѣ обращаются съ дворяниномъ совершенно на равной ногѣ. Если имъ открыть входъ въ домъ испанскаго гранда, они пойдутъ туда, придутъ, сядутъ и говорятъ съ своимъ благороднымъ хозяиномъ въ тонѣ совершеннѣйшаго равенства. Причина такихъ удивительныхъ для насъ отношеній должна заключаться въ самой исторіи Испаніи, и именно въ томъ, что въ Испаніи никогда не было плебейства, простолюдинѣ, что испанскій мужикъ не принадлежитъ въ племени завоеванному, а дворяне въ племени завоевательному. Новая Испанія началась съ изгнанія мавровъ; только съ этого времени здѣсь ведутъ свое начало права на владѣніе землею.—Но самое это изгнаніе показываетъ, что въ Испаніи остались одни только побѣдители. Известно, какъ послѣ завоеванія маврами всей Испаніи, горсть сѣвѣлыхъ и непреклонныхъ людей, укѣпившихся въ горахъ Астуріи, сдѣлалась впоследствии спасителемъ и знаменосцемъ національной независимости. По мѣрѣ того, какъ оны ихъ увеличивались, завоевали они постепенно провинціи Леонъ, Кастилью, Арагонъ, оттѣсня мавровъ далѣе и далѣе, и наконецъ взятіе Гренады уничтожило политическое значеніе мавровъ въ Испаніи. Быть низкаго происхожденія, по понятіямъ испанца, значило имѣть въ своихъ жилахъ кровь арабскую, кровь племени вдвойнѣ презираемаго, какъ невѣрное и какъ побѣжденное. По той же самой причинѣ дворянство испанца состоитъ прежде всего въ томъ, чтобъ быть стариннымъ христіаниномъ; и это одно достоинство стариннаго христіанина,—если его считаетъ за своимъ родомъ самый послѣдній носильщикъ, онъ гордится имъ, и въ глазахъ его оно равняетъ его съ самыми важными лицами въ государствѣ. Между здѣшними *aquadores* (водоносцами), которые всѣ почти изъ Астуріи, много дворянъ; они знаютъ это и величаются своимъ происхожденіемъ. *Yo soy mejor que mi amo* (я больше дворянствѣ, я благороднѣе моего хозяина), говоритъ *aquador*, принявъ гордый видъ и держа свое ведро воды на плетѣ. И, дѣйствительно, самыя старыя и благородныя фамиліи стараются отъискивать начало своихъ родовъ преимущественно въ Астуріи. А такъ-какъ въ прочіхъ провинціяхъ всѣ равно участвовали въ изгнаніи арабовъ, то всякій гордится на свой маверъ, и всѣ обращаются между собой на равной ногѣ, потому что, повторяю, самое великое и главное событіе испанской исторіи есть борьба противъ исламизма; отъ нея ведутъ начало свое и собственность и дворянство.

„Причина того всеобщаго уваженія, которымъ всегда пользовалось въ народѣ

дворянство, заключалась въ томъ, что предки его были первоначальными освободителями Испаніи отъ ига арабовъ. Тогда какъ народъ вавлялся земледѣіемъ, дворянство билось съ невѣрными и расширало границы испанскаго христіанства. Отсюда происходитъ вочтевіе, оказываемое ему народомъ, но опять въ этомъ почтеніи не было ничего поддвигическаго, ивнвно потому, что между дворянствомъ и оамымъ послѣднимъ мужикомъ здѣсь не лежала бедна завоеванія, какъ въ остальной Европѣ, а только одна различная степень дѣятельности и храбрости. Теперь нѣсколько словъ о владѣвшихъ дворянства.

„Короли Кастильи в Арагона обыкновенно награждали ва услуги, оваваыныя имѣть въ войнахъ противъ арабовъ, частью зквоеваныхъ земель. Иногда эти маленкіе владѣтели, имѣя деньги, привкупали себѣ новыя участки; случалось также, что ивой *caballero* строилъ себѣ крѣпость вблизи арабской границы и держался въ ней отъ своимъ гарнизономъ; крестьяне приходили селиться подъ защитою крѣпости, и тогда испанская граница распространялась дальнѣе, владѣтель крѣпости естественно становился и владѣтелемъ земли, которую онъ долго покровительствовалъ и защищалъ отъ нападений арабовъ. Такимъ образомъ владѣнія дворянства въ источникѣ своемъ, какъ видите, ничего не имѣли ненавистнаго для народа. Майоратство, учрежденіе чисто феодальное, безпреставно сосредоточивало и безъ того значительныя владѣнія въ однихъ лицахъ, которыя чрезъ это становились по могуществу своему почти независимыми отъ короля,— такъ-что теперь, при всемъ своемъ жалкомъ состояніи, при всей разоренности своей, дворянство испанское, послѣ увячтоженія монастырей и вонфиснаціи ихъ имѣній, составляетъ въ Испаніи власть самыхъ большихъ владѣтелей и имѣетъ въ своихъ рукахъ оамыя лучшія земли.

„Но по этой же самой причинѣ; по феодальной значительности своей, дворянство испанское никогда не было въ милости у королей. Во многихъ случаяхъ, когда тяжкія войны истощали девежвыя средства королей, они принимались повѣрять дарственнымъ грамоты своимъ предниственникамъ, по которымъ дворянство владѣло землями, и если эти грамоты оказывались веточивы (а въ этомъ случаѣ придирались ко всему), ихъ объявляли недѣйствительными, и отобравши имѣнія поступали снова въ королевскую казну. Но совершенный упадокъ испанскаго дворянства начался со вступленія на испанскій престоль бурбоновъ. Когда, по итриганъ Людовика XIV, слабоумный Карлъ II, распорядившись Испаніею, какъ своею частвою собственностію, завѣщавъ ее внуку Людовика XIV, дворянство испанское было противъ этого завѣщанія и держало сторону австрійскаго дома. Этого бурбоны, разумеется, не забывали, к съ тѣхъ поръ превратилось политическое значеніе дворянства въ Испаніи. Бурбоны, кромѣ упомянутыхъ повѣрокъ прежнихъ дарственныхъ грамотъ, постоянно держали дворянство вдали отъ правительства. Съ тѣхъ поръ ве встрѣчается уже въ исторіи Испаніи ни одно изъ старыхъ дворянскихъ имевъ, знаменитыхъ при прежней испанской монархіи; вмѣсто ихъ являются на сцену иностранцы, дворянство второстепенное или вовсе новое.

„Удаленная отъ правительства, аристократія испанская, наконецъ, постепенно утратила и свои преданія и способности. Дѣти ея, владѣя, подобно авглійской аристократіи, огромными состояніями, но не имѣя передъ собою никакого поприща для политической дѣятельности, совершенно пренебрегали всякимъ осовоательнымъ образованіемъ и наконецъ даже въ Испаніи отличались своимъ вевѣжествомъ; забавы, безцутство и расточительность были ихъ единственными занятіями. Слѣдствіемъ этого сдѣлалось то, что дворянство испанское стало еще бѣднѣе. Большая часть знатныхъ фамилій обременена долгами: и какъ большіе землевладѣльцы, они чрезвычайно пострадали въ войну за независимость, съ 1808 по 1814 годъ, а уничтоженіе майоратства теперь нанесло послѣдній ударъ и ихъ значенію большихъ земельныхъ владѣтелей.

„Я говорилъ выне о равенствѣ тона и обращенія, которое установила здѣсь между дворянствомъ и народомъ одинаковость племени; но если отъ отношеній чисто нравственныхъ перейдемъ къ интересамъ положительнымъ, матеріальнымъ, къ отношеніямъ землевладѣльца и наемщика явили, то еще становится понятнѣе, какъ это національное единство, выработанное въ Испаніи своеобразнымъ историческимъ развитіемъ, имѣло вліяніе не ва одну только всеобщую вѣжливость обращенія, но и на собственность,—

этот общій источникъ всѣхъ политическихъ ссоръ,—такъ что и собственность здѣсь воентъ ва себѣ глубокіе слѣды этого урожденнаго равенства.

„Дворянство встарь чрезвычайно кротко обращалось съ наемщиками своихъ земель; есть вѣрстляскія семейства, которыя въ продолженіи 200 и 300 лѣтъ имѣютъ въ наймѣ ту же землю, такъ что давность этихъ отвошепій придава имъ особенный семейный характеръ. Кроме того, большія земельныя собственности владѣльца, продолжительность и прочность, которую яайоратство вводило во взаимные интересы, часто позволяли собственяву отсрочивать плату за наемъ, что почти невозможно въ тѣхъ странахъ, гдѣ дробность и безорестанное дѣяженіе собственности заставляетъ всякаго скорѣе самому искать кредита, нежели давать его. Самые законы особенно покровительствовали наемщику. Хотя здѣсь въ каждой провинціи свои обычаи и законы, и можно ихъ изучать только ва мѣстѣхъ, во есть ваъ нихъ нѣкоторыя, общіе всѣмъ среднимъ и гнжнимъ провинціямъ и которыя особенно замѣчательны. Напримеръ, если наемщикъ дурно платитъ, то владѣлецъ не можетъ принуждать его къ исправнѣйшему платежу; если онъ вовсе не платитъ, владѣлецъ можетъ отказать ему, но долженъ предупредить его объ этомъ за годъ впередъ, въ мѣстахъ провинціалъ за два года. Если другой наемщикъ вредлагаетъ владѣльцу дороже, ярежшій, давши такую же цѣну, имѣетъ право остаться, даже противъ воли владѣльца. Въ Андалузіи и Эстремадурѣ наемщикъ можетъ, несмотря на заключенное условіе, требовать послѣ жатвы перецѣвки земли; а такъ какъ оцѣнщики всегда берутся изъ класса земледѣльцевъ, то наемщикъ никогда не останется въ накладѣ отъ перецѣпки. Вы видите, что если здѣсь кто и терпитъ, то уже вовсе не вѣрстлянинъ. Кроме этого здѣсь еще существуетъ слѣдующаго рода наемъ: земле-владѣлецъ уступаетъ свою землю на условіи ежегодной и разъ навсегда опредѣленной платы; и съ сей минуты наемщикъ, платя исправно условную сумму, пользуется землею, какъ своею полною и неограниченною собственностью; онъ можетъ на ней строить, садить,—удесятерять цѣнность земли: владѣлецъ никогда не смѣетъ требовать съ него ничего больше условной платы. Упадокъ цѣнности въ деньгахъ ввеволько не измѣняетъ силу разъ навсегда сдѣланнаго условіи, такъ что есть много семействъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ земли за самую, до телерешимъ цѣнамъ, ничтожную плату.

„Послѣ всего этого можно ли опасаться здѣсь такихъ вародвыхъ движеній, какия нѣсколько разъ потрясали Германію, Англію, Францію? Можно ли бояться изнерженій вародваго вувава въ отравѣ, гдѣ у самаго бѣднѣйшаго мужика есть всегда вдоволь хлѣба, вина и солнца, и гдѣ даже у нищаго есть на зиму и шерстяные штаны и шерстяной плащъ! Вотъ почему здѣсь вародъ такъ равнодушно смотритъ на политическія событія. Какъ нація, онъ безъ всякаго соинѣннн безконечно выиграетъ отъ возрожденія Испаніи, но собственно какъ вародъ, въ своихъ отвошепійхъ къ дворянству, къ среднему сословію—ясно, что не онъ именно здѣсь особенно нуждается въ освобожденіи. Если здѣсь что дѣйствительно страдаетъ, такъ это интересы среднего сословія—проедѣшеніе, торговля, промышленность...“

Наслышавшись о серенадахъ, шелковыхъ лѣстинцахъ, и, особенно, наслушавшись „Донъ Жуана“, мы часто воображаемъ себѣ Испанію страню распушенныхъ нравовъ, цинизма, разврата,—на самомъ дѣлѣ, это вовсе не такъ. Свобода нравовъ дѣйствительно велика въ Испаніи, страсти дѣйствительно пылки,—но тамъ не знаютъ холоднаго, продажнаго разврата, который одинъ точитъ нравственныя силы народа. Теперь мы на столько знаемъ Востовъ, что не вѣрнимъ въ нравственность, охраняемую гаремами и евнухами. Сравнивая различныя цивилизованныя націи, мы видимъ, что именно тѣ страны, гдѣ наиболѣе допускается свобода нравовъ, отличаются наибольшою чистотою нравственности,—въ примѣръ довольно указать на Сѣверо-Американскіе Штаты. Послѣ этого мы легко повѣримъ, что Испанія есть одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ отношенія между мужчинами и женщинами наи-

болѣе чисты. Любовь и поэзія неразлучны въ Испаніи,—а гдѣ поэзія, тамъ не можетъ быть разврата; и Севилья, знаменитая своими серенадами, въ нравственномъ отношеніи стоитъ, безъ всякаго сомнѣнія, выше, нежели большіе города чопорныхъ и лицемерныхъ сѣверныхъ странъ. Описаніе севильскихъ нравовъ—одно изъ лучшихъ мѣстъ въ книгѣ г. Боткина:

„По вечерамъ съ 8 и 9 часовъ начинается гулянье на *alameda del Duque*. На югѣ вѣтъ нашихъ долговъ сумеревъ: ночь наступаетъ тотчасъ по заходѣніи солнца. *Alameda del Duque* небольшая площадь, обсаженная высокими, густыми акаціями и освѣщенная множествомъ фонарей; по обѣимъ сторонамъ сдѣланы скамьи, посреди огромный фонтанъ, широкий, разсыпаящій букетомъ бросающій воду и постоянно освѣжающій душливо-теплый воздухъ. Около площади расположены кофейни, лавочки съ холодною водою, лимонадомъ. *Alameda del Duque* — царство черныхъ севильянокъ. Не ужасно ли, что эта поэтическая красота не показывается при дневномъ свѣтѣ, а бываетъ видима только по ночамъ. Къ счастью для меня, теперь стоятъ яркія, лунныя ночи. Что за живые разговоры, что за откровенный смѣхъ раздаются яа этомъ гуляньи! О свободѣ, царствующей здѣсь, въ Европѣ не имѣютъ понятія: здѣсь словно каждый у себя дома. Эта непринужденность, этотъ громкій смѣхъ, эта живость разговоровъ, какъ все это не походитъ на европейскія гулянья, а тѣмъ менѣе на наши, на которыя мужчины и женщины выходятъ съ такими натянутыми, заученными лицами и манерами. Но что особенно замѣчательно—эта непринужденность, эта свобода проникнута здѣсь самою изящною вѣжливостью; это не заученная, не условная вѣжливость, принадлежащая въ Европѣ одному только хорошему воспитанію, а, такъ сказать, врожденная; вѣжливость и деликатность чувства, а не одинокъ вѣншигъ форіа, какъ у насъ, и которая здѣсь равно принадлежитъ и гранду и простолюдину. Испанецъ вѣжливъ не изъ приличія, не съ одними только порядочно одѣтыми людьми, — въ этомъ отношеніи здѣсь одежда не значитъ ничего,—онъ равно вѣжливъ со всѣми, я девки здѣсь не стыдятся поклониться одѣтому въ плащъ съ заплатами, или сказать, что онъ знакомъ вонъ съ тѣмъ лавочникомъ. У женщинъ, въ живости разговора, иногда мантилья спадаетъ съ головы; эти мурильовскія головки съ нардомъ или жасминомъ въ великолѣпныхъ волосахъ, освѣщенная луною, производятъ впечатлѣніе обаятельное; ночной запахъ цвѣтовъ, особенно нарда, страшно раздражаетъ нервы: надобно быть здѣсь, среди этой жаркой ночи, освѣжаемой фонтаномъ, ходить между этими толпами золотисто блѣдныхъ женщинъ, одинаково одѣтыхъ въ черное, одинаково оокрытыхъ чернымъ кружевными мантильями, видѣть эту яркую живость физіономій, этотъ африканскій блескъ глазъ, сверлящихъ изъ-за вѣера, ваконецъ, дышать воздухомъ, яапоеннымъ нардомъ и жасниномъ язъ этихъ волосъ,—словомъ, надобно испытать одну такую ночь, чтобъ понять все очарованіе Севильи.

„На *alameda* не слышно словъ *senor* и *senora*, а только *dona Dolores*, *don Fernando*, *dona Angeles*, *don Luis*; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ средней Испаніи, влѣдуютъ обычаю звать другъ друга по именамъ. Подумаешь, что находишься на какомъ нибудь семейномъ праздникѣ. А какъ вамъ покажется слѣдующій обычай: на *alameda* можно заговорить съ своимъ сосѣдомъ или съ *сосѣдкой* на скамьѣ... не смѣйтесь надъ моими словами, не судите о Севильѣ по обычаямъ европейскимъ я не спѣшите изъ этого заключать о *легкости* севильянокъ. Здѣсь это не удивляетъ, не оскорбляетъ женщины: здѣсь это въ нравахъ. Отъ этого нѣтъ города въ Европѣ, въ которомъ было бы больше случаевъ въ знакомствѣ и сближеніи. Но, по странному противорѣчію, для дѣвушекъ здѣсь больше свободы, нежели для женщинъ. Въ Севильѣ вообще женщинъ втрое болѣе, нежели мужчинъ; слѣдствіемъ этого то, что здѣшнія дѣвушки томатся не одною только любовью, но и желаніемъ выйти замужъ, въ аадалузскихъ нравахъ каждой дѣвушкѣ нѣтъ своего *novio*—жениха. Если вы понравились дѣвушкѣ, ова тотчасъ дастъ вамъ это замѣтить; заговорите съ ней, когда она вечеромъ прогуливается, и, хоть бы съ матерью, ова отвѣтитъ вамъ и скоро позволить придти ночью къ ея окву. Прогулка по Севильѣ ночью особенно интересна. Безпрестанно видишь у оконъ мужчинъ въ плащахъ и аадалузскихъ шляпахъ: на ноч-

ныя бесѣды у ововъ я балконовъ неаренѣвно ходитъ въ простовародномъ костюмѣ. Мужчина, при вашей приближеніи, завертывается въ плащъ такъ, что закрываетъ имъ свое лицо; разговоръ прервался—и, проходя ниню окна, вы увидите въ сторонѣ его два сверкающихъ глаза... глаза андалузца и въ темнотѣ сверкають! Но остерегайтесь по нѣскольку разъ проходить передъ окномъ, у котораго идетъ таинственная бесѣда: васъ могутъ принять за подсаживающаго соперника, а здѣсь никто не ходитъ на ночное свиданіе, не запасаясь стнлетомъ или, по вѣрней мѣрѣ, ножомъ. Даже ночные патрули уважають кавалеровъ ночи, позволяя себѣ только невинныя остроты ва ихъ счетъ. Мать знаетъ, что дочь ея разговариваетъ по ночанъ у овна съ молодымъ человѣкомъ; дочь говоритъ, что это ея *novio*—женихъ. Большая часть бравовъ составляется посредствомъ этихъ ночныхъ разговоровъ; случается, что ные разговариваютъ такъ по цѣлому году и послѣ женятся, видаясь только или у окна, или въ церкви. Если *novio* отсталъ, на дѣвушку это не бросаетъ ни малѣйшей тѣни, да и на его мѣсто тотчасъ же является другой. Сколько иностранцевъ, пріѣхавъ сюда на недѣлю, заживаются здѣсь по году и болѣе, между тѣмъ, какъ въ Севильѣ, кромѣ „бѣга быковъ“ и плохаго театра, нѣтъ никакихъ развлеченій. Но эти нравы имѣють столько романтической прелести, въ этихъ чудныхъ женщинахъ столько потребности любить (здѣсь это ихъ единственное занятіе!), и я понимаю, какъ въ двадцать лѣтъ, при торжестей крови, нылвомъ, увлекающемся сердцѣ, а если, при этомъ, стремленіе къ наладженіямъ преобладаетъ надъ всѣми другими стремленіями, — я понимаю, какъ можно въ Севильѣ прожить цѣлые годы въ самомъ блаженномъ снѣ, который, право, стоитъ многихъ другихъ, *дѣловыхъ* сновъ. Но я долженъ, однавожь, сказать, что адѣшніе молодые люди жалуются на севиальскихъ дѣвушевъ, будто овѣ няють постоянною цѣлю выйти замужъ и въ своихъ сближеніяхъ съ молодыми людьми, въ своихъ ночныхъ свиданіяхъ у оконъ, слѣдуютъ совѣтамъ матерой, съ которыми будто бы заключенъ у нихъ оборонительный и наступательный союзъ. Впрочемъ, мѣв случилось удостовѣриться и въ противномъ. Я знакомъ здѣсь съ однимъ молодымъ американцемъ изъ Новаго Орлеана: онъ пріѣхалъ взглянуть на Севилью,—и живетъ здѣсь уже восьмой мѣсяцъ. Онъ любитъ и любимъ. Мать запретила даже его любезной сидѣть по ночамъ у окна, оконная рама была задѣлана желѣзомъ, но дочь все-таки нашла средство видѣться съ нимъ... Правда, что здѣсь нѣтъ ничего легче, какъ познакомиться съ дѣвушкой и получать отъ нея свиданіе у окна, но между этого рода сближеній и ея любовью—далеко. Первое есть, можетъ быть, не болѣе, какъ страшное средство раздражить чувственность и привязанность, чтобъ заставить жениться; другое... да другое не требуютъ объясненій...

Андалузца въ высшей степени кокетлива; она тотчасъ чувствуетъ на себѣ глазъ мужчины и никогда не переноситъ его равводушво. Надобно привыкнуть къ тону севиальскихъ женщинъ: въ ихъ манерѣ есть что-то рѣзкое; но это рѣзкое не отъ грубости, а отъ необыкновенной живости, стремительности чувствъ; можетъ быть, отсюда происходитъ и фамильярность адѣшнихъ женскихъ обществъ, фамильярность, исполненная самаго тонкаго, такъ сказать, внутреняго приличія, этой изыщной вѣжливости, такъ не похожей на приторную церемонность сѣверныхъ обществъ (не исключая и парижскаго), которую, Богъ знаетъ почему, считаютъ за хоропій тонъ. При всеобщей одинавости чернаго платья и мантильи, севиальцамъ невозможно щеголять модными костюмами: ихъ главное щегольство въ маленькихъ ножкахъ, и, надобно сказать, что ихъ руки и ноги—формы совершеннѣйшей. Если о *породѣ* женщинъ можно судить по рукамъ, ногамъ и носу, то, безъ всякаго сомнѣнія, порода андалузокъ самая совершеннѣйшая въ Европѣ. Я думаю, щегольство маленькой ножкой заставляетъ севиальность даже выносить страданія: онѣ носятъ такіе башмаки, въ которыхъ нѣтъ возможности помѣститься никакой ногѣ въ вѣрѣ: кромѣ того, ихъ башмаки едва охватываютъ пальцы ноги. Глаза севиальновъ состоятъ изъ мрава и блеска, *mucho negro y mucha luz*,—много тьмы и много свѣта,—какъ выражается одва севиальская пѣсня, и дѣйствительно, за чернымъ блескомъ ихъ не видать бѣлка, и столько въ нихъ дерзкой выразительности, что, повѣрьте, нужно обжиться здѣсь для того, чтобъ не чувствовать отъ нихъ особенаго волненія. У испанцевъ есть особенный глаголъ — *ojear*, бросать

взглядъ, и каждая севильянка владѣть этипъ въ совершенствѣ. Она епвчала потупяетъ глава и, поровнявшася съ вавъ, вдругъ вскидываетъ яхъ: внезапный блескъ в пристальность взгляда дѣйствуютъ, вавъ электричество. А это еще взглядъ равнодушный!

Здѣсь женщины ничего не чтвтъ; и это отсутствіе всякой начитанности придаетъ андалузцамъ особенную оригинальность: ихъ не коснулись книжность, вычитанная чувства, идеальная фантазія, претензія на образованность. Вѣдь остроумное невѣжество лучше внижнаго ума. Невѣжество севильянки при ея живомъ воображеніи, вон огненной подвижности ея чувствъ, при этой врожденной, свойственной однимъ южнымъ племенамъ тонкости ума, исполнено предести увлекательной, передъ которою такъ называемая образованность европейскаго дамъ важета приторною книжностью. Нигдѣ не истрѣчалъ я такого страннаго слініи дѣтской наивности съ дерзостью и удалю: это и ребеновъ и вакханка внѣств. Въ наружности севильянки нѣтъ и тѣня того сповойствія, которое болѣе или менѣе отличаетъ женщинъ всѣхъ націй въ Европѣ: это въ высшей степени нервическая натура, но только не въ болѣзненномъ, сѣверномъ смыслѣ этого слова. Я думаю, никакая женщина въ Европѣ не можетъ возбудить въ себѣ такого эвтузіазма, какъ андалуза. Въ глазахъ ихъ нѣтъ выраженія кротости, вавъ въ глазахъ сѣверныхъ женщинъ: въ ихъ глазахъ блестятъ смѣлый дуть, рѣшительность, сила характера. Того, что мы называемъ женственностью, сердечностью, — не ищите у нихъ. Въ кокетствѣ андалузки проступаетъ что-то тигровое, въ ихъ улыбкѣ есть что-то дикое; чувствуешь, что самое прекрасное лицо тотчасъ можетъ принять выраженіе свирѣпое... и чтожъ удивительнаго! эти обаятельные головки, эти женщины съ невообразимой нѣгою движеній, эти глаза, о выразительности которыхъ невозможно имѣть понятія, не бывъ въ Андалузіи, — онѣ нынѣе утромъ наслаждались убійствомъ, равнодушно смотрѣли ва лошадей, которыхъ внутренности влачили по землѣ, онѣ знаютъ до тонкости всѣ подробности смертныхъ судорогъ, онѣ смотрѣли на смерть съ увлеченіемъ, со страстью... а вечеромъ вы слышите здѣсь, какъ слышалъ я вчера, поздно возвращаясь въ себѣ домой, неандалузскіе аккорды гитары, и тѣ же уста задумчиво поютъ:

Mas vale trocar
Placer por dolores
Que estar sin amores...

Лучше промѣнять радость на горе, чѣмъ жить безъ любви.

Въ счастіи и умереть сладко; жить въ забвешіи—все равно, что не жить; лучше переносить страданіе и печаль, чѣмъ жить безъ любви.

Жизнь безъ любви—пропадающая жизнь, а умѣнье употребить жизнь важнѣе самой жизни; лучше томиться, переносить горести, чѣмъ жить безъ любви“.

Испанскій народъ сохранилъ въ себѣ плодотворные залоги быстрыхъ успѣховъ на пути развитія: живость ума, благородство характера, свѣжесть и энергію чувства. Между народами Западной Европы трудно указать такой, который стоялъ бы выше его по всѣмъ этимъ качествамъ. Напротивъ, надъ болынею частью цивилизованныхъ націй испанскій народъ имѣетъ безспорное преимущество въ одномъ, чрезвычайно важномъ отношеніи: испанскія сословія не раздѣлены между собою ни закоренѣлою ненавистью, ни существенною противоположностью интересовъ; они не составляютъ кастъ, враждебныхъ одна другой, какъ то видимъ во многихъ другихъ западныхъ европейскихъ земляхъ; напротивъ, въ Испаніи всѣ сословія могутъ дружно стремиться къ одной цѣли. Одно только существенное препятствіе мѣшаетъ теперь блистательному возрожденію Испаніи,—но это препятствіе такъ гибельно, что до сихъ поръ совершенно останавливало всякій прогрессъ, — выше мы называли это препятствіе лѣнностью, привычкою къ бездѣйствію.

и говорили объ историческихъ причинахъ, оородившихъ эту пагубную привычку къ бездѣйствію. Теперь надобно нанъ ближе опредѣлить ея характеръ и указать обстоятельства, которыми до сихъ поръ поддерживается она.

Бездѣйствіе можетъ происходить отъ безсилія или отъ беззаботности. Не знаемъ, есть ли на самомъ дѣлѣ племена безсильныя, какъ часто говорятъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать безсильнымъ испанскаго племени. Его бездѣйствіе—слѣдствіе беззаботности. Вотъ какъ, напримѣръ, смотритъ испанецъ на государственныя дѣла своего отечества:

„Политическая Испанія есть какое-то царство вризраковъ. Здѣсь никакъ не должно принимать вещи по ихъ вменанъ, но всегда искать сущности подъ кашпостью, лицо подъ маскою. Сколько уже лѣтъ говорить въ Европѣ объ нопавсой вонстатуцш, о партіяхъ, о журналистикѣ, разныхъ подитическихкъ доктринахъ, о волѣ народа и т. п.; все это слова, которыя въ Европѣ нгвють извѣстный, опредѣленный смыслъ,—приложенныя же въ Испаніи, нгвють свое особое значеніе. Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что массы, народъ здѣсь совершенно равнодушны къ политическимъ вопросамъ, вторыхъ они, въ тому же, нисколько не понимаютъ. Настальпу-простодядну нужно работать, можетъ быть, только двѣ недѣли въ году, что въ вспалать свое поле и собрать хлѣбъ, да еще большею частію приходитъ жать его валенсіянцы; остальное время овъ спитъ, куритъ, ѣсть и нисколько ве заботится о всемъ томъ, что лично до него не касается.

„Испаніи, удушленная тремя вѣками самой ужасной админнстраціи, подпавшая двумъ чужестравнымъ дннастіямъ, изъ которыхъ первая начала жестокостію, насиліемъ и койчала рѣшительнымъ идіотизмомъ,—другая почти беворерывно занималась однѣми дворцовыми интригами,—бѣдная Испанія силится разбитъ теперь эту вору невѣжества, подъ которою столь долго томилась она. Глубоко ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена пятьюдесятью годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея „золотаго вѣка“, въ продолженіи двухъ вѣвовъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, вочечно, всѣми силами старалось о поддержаніи стараго общественного устройства, въ второмъ само господствовало. Посмотрите теперь на непаненіе журналы всѣхъ партій! Меня больше всего поражаетъ въ нихъ рѣшительное отсутствіе всякой разоудятельной теоріи, даже всякой практической, мысли. Идей нѣтъ,—есть одинъ лица и имена; ни однѣй вопросъ государственнаго устройства не подвергается анализу. Перевороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массы, которыя даже не имѣють о нихъ понятія. Здѣсь самый бѣдный, послѣдній мужикъ всегда вдоволь имѣеть хлѣба, вина и солнца, здѣсь у самаго нищаго есть ва зиму и шерстяные панталоны и теплый шерстяной плащъ, тогда какъ французскій мужикъ, напримѣръ, и зиму и лѣто прикрывается одною тощею, холстинною блузой. Кромѣ того, этотъ народъ одаренъ удивятельнымъ чувствомъ повинности; лучнй примѣръ—все царствованіе Фердинанда VII. Испанцу словно недоступна никакая общая идея, хотя отвмеченное повятіе объ общезъ дѣлѣ“.

Видите ли, ему нѣтъ охоты позаботиться объ этомъ, онъ махнулъ рукою на все, воображая, что эти дѣла — не его дѣла: „пусть себѣ идутъ, какъ хотять,—лично мнѣ ни тепло, ни холодно не будетъ отъ общаго порядка дѣлъ“.

Надобно ли говорить, что такое равнодушіе возможно только при совершенномъ невѣжествѣ? Невѣжество—вотъ коренная язва Испаніи.

Привычка довольствоваться въ жизни слишкомъ малымъ, обходиться безъ всякихъ удобствъ—вотъ другой источникъ этой беззаботности. До послѣдняго времени испанецъ не чувствовалъ надобности ни въ хорошей мебелировкѣ дома, ни въ хорошихъ товарахъ, ни въ удобныхъ путяхъ со-

общеніи; комнаты самыхъ богатыхъ людей были до послѣдняго времени меблированы самымъ скуднымъ образомъ, платье шилось изъ плохихъ матеріаловъ, пища соответствовала меблировкѣ и качеству матерій, и когда испанецъ пускался въ путь, онъ не чувствовалъ безпокойства, медленности и дороговизны ѣзды верхомъ на мулахъ, по убійственно дурнымъ дорогамъ— „чтонибудь“ и „какънибудь“ совершенно удовлетворяло его, — лучшаго ничего и не воображалъ онъ себѣ.

Нашъ вѣкъ неблагопріятенъ такимъ невзыскательнымъ понятіямъ о житейскихъ удобствахъ, неблагопріятенъ и для невѣжества. Прежде люди могли успокоиваться на томъ, чтобы жить какънибудь, лишь бы не умереть голодною и холодною смертію. Теперь въ душѣ каждаго неизгладимо напечатлѣлась мысль о благосостояніи, по крайней мѣрѣ, въ житейскомъ быту. Испанцы уже чувствуютъ необходимость въ желѣзныхъ дорогахъ, въ дешевыхъ и хорошихъ товарахъ, въ развитіи торговли, промышленности. Этого чувства уже довольно—оно приведетъ за собою все остальное; кто началъ думать о благосостояніи, тотъ скоро пойметъ, что ни одно изъ условій благосостояніи не можетъ существовать безъ разумнаго порядка дѣлъ, которымъ бы обезпечивались пріобрѣтенія каждаго отдѣльнаго лица, скоро пойметъ, что возможность благосостоянія для отдѣльнаго лица обуславливается общимъ хорошимъ порядкомъ дѣлъ. А чтобы водворить такой порядокъ дѣлъ, нужно знаніе, и потому стремленіе къ матеріальному довольству всегда влечетъ за собою пробужденіе жажды знаній, оживленіе умственной дѣятельности въ націи. Невѣждою можетъ оставаться только тотъ, кто, находясь въ жалкомъ положеніи относительно своего житейскаго быта, не чувствуетъ неудовлетворительности этого жалкаго положеніи. Потребность улучшить свой бытъ необходимо влечетъ за собою потребность умственнаго труда.

Испанія вошла уже въ такую тѣсную связь съ остальною Европою, что не можетъ оградить себя отъ сочувствіи стремленіямъ вѣка. Единственные важные недостатки, которыми страдаетъ испанскій народъ, — беззаботность невѣжества и равнодушіе къ улучшенію матеріальнаго быта,—эти недостатки прямо противоположны потребностямъ и стремленіямъ нашего вѣка, и потому нѣтъ нужды въ особенной отважности, чтобы рѣшиться сказать: недостатки эти должны исчезнуть, и исчезнуть быстро.

Мы сдѣлали много выписокъ изъ книги г. Боткина, но читатели, помнящіе его „Письма объ Испаніи“, видятъ, что мы касались почти исключительно только одной стороны разнообразнаго содержанія, представляемаго его разсказами. Не одна природа и общественная жизнь Испаніи занимаютъ его вниманіе—частный бытъ, памятники искусства, историческія воспомнанія не меньше этихъ предметовъ интересовали его и являются не менѣе интересными читателю въ его описаніяхъ.

Мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія читателей на „Письма объ Испаніи“, ибо, повторяемъ, подобнаго рода путешествіи, въ которыхъ серьезность взгляда соединяется вмѣстѣ съ глубокимъ поэтическимъ чувствомъ, являются не часто.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ньюномы, исторія одной весьма достопочтенной фамиліи. Романъ В. М. Теккерей *Дель части. Спб. 1856.*

Теккерей обладаетъ колоссальнымъ талантомъ. Изъ всѣхъ европейскихъ писателей настоящаго времени, только одинъ Диккенсъ можетъ быть поставленъ на ряду съ авторомъ „Ярмарки Тщеслвія“ или выше его. „Ньюкомы“ — одинъ изъ тѣхъ романовъ Теккерей, которые самымъ блестящимъ образомъ обнаруживаютъ всю громадность его дарованіи. И, однакоже, „Ньюкомы“, говоря по правдѣ, произведеніе не вполне достойное автора. Странно такое противорѣчіе между степенью таланта, обнаруживаемаго произведеніемъ, и степенью достоинства самого произведенія. Оно такъ странно, что мы, быть можетъ, не рѣшились бы выставить его во всей рѣзкости, опасаясь за вѣрность впечатлѣнія, сдѣланнаго на насъ чтеніемъ послѣдняго романа Теккерей, еслибъ не знали, что и на другихъ онъ дѣйствовалъ такимъ же образомъ. Удивленіе къ таланту автора и вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство самимъ романомъ чувствовалось почти каждымъ, кто имѣлъ терпѣніе внимательно прочитать весь романъ; а у многихъ и не доставало на то терпѣнія. Мы знаемъ поклонниковъ Теккерей, которые въ послѣднемъ его романѣ пропускали цѣлыми десятками страницы, хотя и были увѣрены, что каждая изъ этихъ небрежно перелистываемыхъ страницъ написана превосходно. Талантъ автора возбуждаетъ удивленіе, произведеніе этого таланта вызываетъ только равнодушное пренебреженіе, — это хороший урокъ для Теккерей, который, конечно, читаетъ по русски и чрезвычайно интересуется успѣхомъ своихъ романовъ въ русской публикѣ. Безъ сомнѣнія, авторъ „Ньюкомовъ“ ожидаетъ, что скажутъ о его послѣднемъ романѣ русскіе журналы, чтобы воспользоваться ихъ замѣчаніями. Надобно предполагать, что и другіе англійскіе романисты съ интересомъ и не безъ пользы прочтутъ русскіе отзывы о писателѣ, котораго берутъ образцомъ для себя. Искренно желая успѣховъ англійской литературѣ, мы откровенно выскажемъ мысли, возбуждаемая печальнымъ несоотвѣтствіемъ незначительнаго содержанія съ прелестнымъ рассказомъ „Ньюкомовъ“.

Мы ищемъ, какъ сказали, не для русскихъ читателей, а для самаго Теккерей, который конечно, помнитъ, содержаніе своего романа, по-

тому и нѣтъ надобности пересказывать его. Да и изъ нашихъ обыкновенныхъ читателей, вѣроятно, всѣ читали или, по крайней мѣрѣ, перелистывали „Ньюкомовъ“—стало быть, и для нихъ будетъ понятна наша статья. Займемся же прямо впечатлѣніями, которыя возбуждаются послѣднимъ романомъ Теккерей.

Разсказъ, какъ мы говорили, прекраенъ. Такъ какъ мы пишемъ свою статью собственно съ тою цѣлю, чтобъ она была прочитана г. Теккереемъ, то и распространимся предварительно въ похвалахъ достоинствамъ романа, чтобы смягчить для г. Теккерей горечь замѣчаній, которыя намѣрены мы ему сдѣлать, а также и для того, чтобы г. Теккерей не вздумалъ назвать рецензента „московскимъ медвѣдемъ, не имѣющимъ понятія о законахъ изящнаго и требующимъ отъ искусства одной грубой утилитарности“.

„Ньюкомы“ заставляють насъ восхищаться вашимъ талантомъ, г. Теккерей. Отъ пролога, съ чрезвычайною прелестью составленнаго изъ соединенія нѣсколькихъ басенъ и сказокъ, до эпилога, заключающаго въ себѣ граціозное напомианіе о прологѣ, и проникнутое задушевною теплотою обращеніе автора въ творческой фантазіи и созданнымъ ею лицамъ,—каждый эпизодъ, каждая сцена вашего романа таковы, что могли быть написаны только такимъ гешальнымъ поэтомъ, какъ г. Теккерей. Всѣ лица, выведенныя въ романѣ, живые люди, очерченные превосходно. Мы не будемъ хвалить прелестнаго *monsieur de-Floraka*, этого неподдѣльнаго француза, сорокалѣтняго юношу, плачущаго о томъ, что огорчаетъ своею безпутною жизнью обожаемую мать,—это лицо по достоинству было уже оцѣнено и англійскими журналами, отзывы которыхъ давно уже, конечно, прочитаны г. Теккереемъ. Но еще больше восхищаютъ насъ Эсель и полковникъ Ньюкомъ. Въ обрисовкѣ этихъ лицъ видно истинное мастерство первокласснаго художника. Эсель—дѣвушка вполне милая, совершенно очаровательная. Въ комъ есть хотя искра поэзіи, тотъ не можетъ не полюбить ее. И, однако же, эта дѣвушка постепенно охлаждается къ человѣку, котораго искренно любила,—охлаждается только потому, что выйти за него значило бы сдѣлать неровный бракъ: быть женою живописца Клейва, когда можно быть женою лорда Фаринтоша—вѣдь это ужасное пожертвованіе! Эсель дѣлается невѣстою лорда Фаринтоша. Нуженъ необыкновенный талантъ, чтобъ изобразить эту перемену, не уничтожая очаровательности и благородства въ молодой дѣвушкѣ,—только великіе писатели умѣютъ понять и изобразить это соединеніе прекраснаго и мелочнаго въ одномъ и томъ же сердцѣ. Только г. Теккерей могъ остаться вѣренъ жизни, изображал это положеніе, могъ заставить насъ „понять и простить“ въ романическомъ лицѣ то, что даже въ живомъ лицѣ дѣйствительнаго міра понимается и извиняется только опытнѣйшими, проникательнѣйшими знатоками жизни и человѣческаго сердца. А этотъ, по истинѣ дивный, полковникъ Ньюкомъ,—этотъ идеалъ доброты, любви, благородства, этотъ старикъ, сохранившій всю нѣжность, всю чистоту, всю пылкую самоотверженность юношескихъ своихъ лѣтъ,—какъ мастерски задумано и создано это лицо! Еслибъ г. Теккерей не написалъ ничего, кромѣ сценъ, въ которыхъ является полковникъ, этихъ однихъ сценъ было бы достаточно для истинныхъ цѣнителей искусства, чтобы назвать г.

Теккерей великимъ поэтомъ. Да не подумаютъ читатели, что мы говоримъ подъ влияніемъ увлеченія,—нѣтъ, мы говоримъ холодно и безпристрастно: полковникъ Ньюкомъ—лицо, достойное самого Шекспира, который умѣлъ изображать идеаль челоуѣка такъ, чтобы этотъ идеаль былъ не безцвѣтнымъ отвлеченіемъ, не риторическою фигурою, не бевплотнымъ совершенствомъ, а живымъ челоуѣкомъ, съ румянцемъ горячей крови на щекахъ. Это дѣло, доступное только немногимъ избраннѣйшимъ гешямъ, это высочайшая степень искусства. Да, самъ Шекспиръ позавидоваль бы Теккерей въ томъ, что Теккерей далъ намъ этого полковника Ньюкома. Мы не хотимъ послѣ этого говорить о совершенствѣ, съ которымъ обрисованы Теккереемъ всѣ второстепенныя лица романа,—Фредъ Бейамъ, Гониманъ и его сестра, другіе родственники полковника,—начиная съ честной, холодной и практически мудрой бабушки до негодяя Бариса,—не говоримъ ни о лэди Кью, ни о ш-ше де-Флоракъ, ни о Розѣ, первой женѣ Клэйва, ни о ея матери, этомъ драгунѣ въ юбкѣ,—всѣ эти лица прекрасны, всѣ достойны великаго художника,—такъ, мы восхищаемся ими;—но создать полковника Ньюкома—это истинный подвигъ въ искусствѣ, это почти тоже, что создать Дездемону или Офелію.

Пусть не упрекаютъ насъ въ восторженномъ тонѣ рѣчи, —да, исполнскою силою таланта обладаетъ писатель, который создалъ полковника Ньюкома. И какою благородною, симпатичною натурою долженъ быть одаренъ челоуѣкъ, могннй создать полковника Ньюкома! Талантъ могучъ и воавыпенъ только тогда, когда соединенъ съ благородною и сильною натурою. Можно лгать довольно складно въ прозѣ,—въ поэзіи ложь невозможна, она скажется вычурною, нелѣпою риторикою; чего нѣтъ въ душѣ автора, того не будетъ въ его созданихъ. И дѣйствительно, какою любовью согрѣты рассказы Теккерей! у него нѣтъ ни одной холодной страницы, у него нѣтъ ни одного мертваго слова. Радостно сочувствуетъ онъ всему живому и прекрасному. И какую прелесть даетъ эта широкая, горячая симпатичность его разеказу! Не книгу читаете вы, раскрывал „Ньюкомовъ“,—нѣтъ, вы бесѣдуете съ другомъ о его и вашихъ друзьяхъ,—онъ самъ, этотъ благородный Теккерей, котораго не можете вы не любить подъ именемъ Пенденниса, хлопочетъ о нихъ, горюетъ и радуется за нихъ—и ваша дружеская бесѣда оживлена, освящена присутствіемъ, участіемъ его милой жены, его Лауры; говоря о нихъ, онъ говоритъ о ней,—вѣдь и она любила ихъ, вѣдь она являлась ангеломъ утѣшителемъ ихъ, и его дружескій разговоръ озаряется воспоминаніемъ о его собственной, вѣчной, вѣчно-счастливой любви,—и она, краснѣл, жметъ его руку...

Боже! какъ хороши бываютъ люди! Сколько любви и счастья, сколько свѣта и теплоты!

Но... но отчего же меня утомляетъ эта сладкая бесѣда съ другомъ, котораго я такъ люблю, который такъ хорошо говорить?

Но... отчего же, когда я дочиталъ книгу, я радъ, что наконецъ дочиталъ ее?

Будемъ говорить прямо: бесѣда ведена была о ничтожныхъ предметахъ, книга была—пуста.

Послѣ всего сказаннаго нами о лицахъ и разсказѣ „Ньюкомовъ“, надѣмся, никто не заподозритъ насъ въ желаніи не замѣчать достоинствъ этого романа; — а кого не убѣдитъ это доказательство, тотъ можетъ повѣрить, что, конечно, мы не стали бы переводить этого огромнаго романа въ нашемъ журналѣ, есибъ не думали, что, несмотря на всѣ свои недостатки, „Ньюкомы“ — одно изъ лучшихъ произведеній новой литературы. Дѣйствительно, романъ этотъ написанъ чрезвычайно хорошо, — съ этимъ согласятся всѣ наши читатели. Заговоривъ о его достоинствахъ, мы, хотя и старались, не могли удержаться отъ увлеченія, — и мы далеко не кончили всего, что могли бы сказать о его достоинствахъ — каждый читатель легко прибавитъ къ нашимъ похваламъ новыя похвалы, столь же справедливыя и важныя. Не только лица романа задуманы очень вѣрно природѣ и обрисованы очень отчетливо, — не только разсказъ согрѣтъ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ автора, — о какомъ бы чисто формальномъ требованіи художественности вы ни вздумали, — каждому такому требованію романъ удовлетворяетъ почти безукоризненно. Какая въ немъ легкость и безыскусственность рѣчи! Отъ него не пахнетъ потомъ, этимъ столь противнымъ и обыкновеннымъ запахомъ такъ называемыхъ „художественно обработанныхъ“ произведеній, — въ немъ не видно ни малѣйшей претензіи со стороны автора, — этой несносной претевзіи раздувающегося самолюбія, кокетничанья своею граціозностью, своимъ знаніемъ жизни или своимъ умомъ, своимъ олимпійскимъ величіемъ — о, какъ немногіе счастливыя между поэтами умѣютъ прятать эти красныя павлиньи ноги, безобразящія надутую птицу! — а какое знаніе челоувѣческаго сердца, кака обширная и вѣрная житейская опытность, какое богатство и разнообразіе наблюденій, какой мудрый и безпристрастный, какой широкій и любящій, какой благородный и кроткій взглядъ на жизнь, какая непреклонная правда въ разсказѣ! И если говорить о манерѣ автора, какой тонкій и милый юморъ, какая веселая и вмѣстѣ ѣдкая иронія!

Мы опять увлекаемся въ восклицательный тонъ; — дѣйствительно, если говорить о достоинствахъ Теккереева таланта и Теккереевыхъ романовъ, то нельзя говорить равнодушно, — такъ многочисленны и велики они, и въ „Ньюкомахъ“ эти достоинства обнаруживаются не менѣ блестящимъ образомъ, нежели въ „Ярмаркѣ Тщеславш“ или „Пенденнисъ“. Однако же, невозможно остановиться на этомъ восхищеніи; нельзя забыть того назидательнаго факта, что русская публика, — которая скорѣе пристрастна, нежели строга къ Теккерееву, и во всякомъ случаѣ очень хорошо умѣетъ понимать его достоинства, — осталась равнодушна къ „Ньюкомамъ“, и вообще готовится, невидимому, сказать про себя: „если вы, г. Теккерей, будете продолжать писать такимъ образомъ, мы сохранимъ подобающее уваженіе къ вашему великому таланту, но — извините — отстанемъ отъ привычки читать ваши романы“.

Для Теккереева, конечно, не много горя отъ такой угрозы, — онъ, бѣдныяжка, въ простотѣ души и не подозреваетъ, сколькихъ поклонниковъ имѣетъ на Руси и сколько изъ этихъ поклонниковъ готовы измѣнить ему. Но было бы хорошо, есибъ этотъ опытъ, намъ посторонній и никому не

обидный, обратилъ на себя вниманіе русскихъ писателей,—было бы хорошо, еслибъ они подумали о томъ, нельзя ли имъ воспользоваться этимъ урокомъ.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, русская публика насилу одолѣла, протирая смыкающіяся сномъ вѣжды, „Ньюкомовъ“ и рѣшительно не одолѣветъ другаго романа Теккерей въ такомъ же родѣ? Почему не принесли никакой пользы „Ньюкомамъ“ всѣ тѣ совершенства, о которыхъ нельзя говорить безъ искренняго восторга, если только говорить о нихъ?

Не вздумайте сказать: „Ньюкомы“—слишкомъ растянуты. Это объясненію внушается слишкомъ громаднымъ размѣромъ романа, но оно нейдетъ къ дѣлу,—во-первыхъ, потому, что оно не совсемъ справедливо, во-вторыхъ, и потому, что ничего не объясняло бъ, еслибъ и было справедливо.

Если кто, то уже, конечно, не мы будемъ защитниками растянутости, этой чуть ли не повальной болѣзни повѣствователей нашего вѣка. Сжатость—первѣйшее условіе силы. Драма обязана преимущественно строгой ограниченности своихъ размѣровъ тѣмъ, что многіе эстетика считаютъ ее высшею формою искусства. Каждый лишній эпизодъ, какъ бы ни былъ онъ прекрасенъ самъ по себѣ, безобразитъ художественное произведеніе. Говорите только то, о чемъ невозможно умолчать безъ вреда для общей идеи произведенія. Все это правда, и мы готовы были бы причислить къ семи греческимъ мудрецамъ почтеннаго Кошанскаго, за его золотое изрѣченіе: „всякое лишнее слово есть бремя для читателя“.—Но „Ньюкомы“, если и грѣшатъ противъ этого правила, и даже очень сильно грѣшатъ, то все же не больше,—напротивъ, даже меньше, нежели почти всѣ другіе современные романы и повѣсти. Не обманывайтесь тѣмъ, что „Ньюкомы“ составили 1042 страницы журнальнаго формата въ нашемъ переводѣ,—цифра дѣйствительно ужасна, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что еслибъ, вмѣсто 1042 страницъ, Теккерей написалъ на эту тему только 142, то-есть въ семь разъ меньше, то романъ былъ бы въ семь разъ лучше,—но почему мы такъ думаемъ, скажемъ послѣ,—а теперь пока замѣтимъ, что въ томъ видѣ, какой имѣетъ его романъ, вы не можете при чтеніи пропустить пяти—шести страницъ, не потерявъ нити и связи разсказа—вамъ придется воротиться назадъ и перечитать эти пропущенныя страницы. Въ иной вѣкъ это не служило бы еще особенной честью,—а въ нашъ вѣкъ безконечныхъ разведешій водою гомеопатическихъ дозъ романнаго матеріала и то уже чуть не диво. Когда то, выведенный изъ терпѣнія укоризнами многихъ тонкихъ цѣнителей изящнаго, зато, что не читалъ пресловутой „*Dame aux Camélias*“, рецензентъ взялъ въ руки эту книжку,—прочитавъ страницъ десять—скучно,—перевернулъ пятьдесятъ страницъ—„не будетъ ли интереснѣе тутъ, около 60 страницъ“—и къ великому удовольствію замѣтилъ, что ничего не утратилъ отъ этого скачка—на 60-й страницѣ тянулось тоже самое положеше,—или можетъ быть и другое, но совершенно такое же, какъ и на 10-й страницѣ; прочитавъ двѣ-три страницы, опять перевернулъ тридцать—опять то же,—и дальше, и дальше по той же системѣ, и все шло хорошо, связно, плавно, какъ будто бы непрочитанныхъ страницъ и не существовало въ книгѣ. А книжка и не велика, кажется. Вотъ это можно назвать растянутостью.

Теккерю такъ читать нельзя—какъ же винить его въ растянутости? У него очень обилень запасъ наблюдений и мыслей,—онъ плодovitъ, „слогъ его текущъ и обилень“, но терминологія Копанскаго,—оттого и романы его очень длинны, это порокъ еще не большой, сравнительно съ другими. „Но все-таки 1042 страницы—это ужасно!“—Нѣтъ, числомъ страницъ не опредѣлишь законнаго объема книги. „Томъ Джонсъ“ или „Пиквикскій Клубъ“ не меньше „Ньюкомовъ“, а эти обширные рассказы прочтываются такъ легко, какъ самая коротенькая повѣсть. Все дѣло въ томъ, чтобы объемъ книги соответствовалъ широтѣ и богатству ея содержанія.

Но пусть „Ньюкомы“ назовутся растянутымъ равсказомъ—это слово само по себѣ ничего не объясняетъ,—оно только указываетъ на необходимость другаго объясненія, заставляетъ вникнуть въ вопросъ не о томъ, хорошо ли вообще роману имѣть 1042 страницы журнальнаго формата,—вообще ничего опредѣлительнаго нельзя сказать объ этомъ,—почему не написать и 1042 страницы, если такого широкаго объема требуетъ содержаніе?—нѣтъ, надобно вникнуть въ вопросъ о томъ, каково содержаніе романа,—можетъ ли оно занять читателя болѣе, нежели на четверть часа? О серьезномъ предметѣ можно толковать и нѣсколько дней, и нѣсколько недѣль, если онъ такъ многосложенъ,—но если пустое дѣло растянется въ такую длинную исторію, то не лучше ли бросить его? Вѣдь игра не стоитъ свѣчь: если пустяковъ нельзя рѣшить въ пять минутъ, лучше предоставить ихъ рѣшеніе судьбѣ, чтобы не ломать головы понапрасну.

Вотъ въ этомъ-то смыслѣ для „Ньюкомовъ“ было бы лучше имѣть вмѣсто 1042 страницъ только 142. Къ сожалѣнію, Теккерю вздумалось вести съ нами слишкомъ длинную (умную, прелестную, все это такъ, но длинную) бесѣду о пустякахъ.

Сначала, мы попробуемъ доказать это съ литературной точки зрѣнія, а потомъ и съ простой житейской точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія здраваго смысла.

Восхищаясь отъ втораго до послѣдняго всѣми лицами романа, мы не упомянули о первомъ лицѣ его, о героѣ романа—сынѣ полковника Ньюкома, Клэйвѣ Ньюкомѣ. Дѣло извѣстное, что рѣже всего удается романисту очертить главное лицо романа,—герой выходитъ безцвѣтенъ. Есть этотъ грѣхъ за бѣднымъ Клэйвомъ,—блѣдновать выходитъ онъ сравнительно со всѣми другими лицами, изъ которыхъ каждое имѣетъ такую выразительную физиономію. Но этотъ грѣхъ, важный въ художественномъ отношеніи, очень легко прощается читателемъ, привыкшимъ къ снисходительности относительно всякихъ первостепенныхъ личностей, даже и первостепенныхъ личностей въ романахъ. На героя,—именно зато, что онъ герой,—возлагаются самыя легкія требованія: пусть только служить онъ центромъ, около котораго группируются лица и событія, мы, пожалуй, и тѣмъ останемся довольны. Но тогда пусть онъ не имѣетъ и претензіи приковывать преимущественно въ себѣ наше вниманіе,—у Клэйва есть этотъ недостатокъ, онъ своею мизерною судьбою и своими жиденькими ощущеніями отвлекаетъ наше вниманіе отъ другихъ лицъ, истинно интересныхъ,—онъ хочетъ быть не только центромъ, но и двигателемъ романа,—ну, это ему не по силамъ,—и романъ

движется—не то чтобы медленно, это бы еще ничего,—но вяло, движется къ цѣлямъ вовсе не интереснымъ. Кляйвъ хочетъ давать тонъ всему хору, — и хоръ поетъ довольно пустые мотивы, довольно безжизненнымъ, хотя и стройнымъ тономъ. Голоса хороши, но чтожь дѣлать, если капельмейстеръ слабъ и плохъ? Полковникъ Ньюкомъ только и дѣла дѣлаетъ, что хлопочетъ объ обезпеченіи участи своего сына,—старается разбогатѣть, чтобы милый Кляйвъ могъ на досугъ рисовать милыя картинки (Кляйвъ, видите ли, хочетъ быть живописцемъ),—хочетъ женить его на Эсели, которую Кляйвъ любитъ. Чтожь, со стороны полковника это очень похвально; но намъ-то какое дѣло, будетъ ли однимъ посредственнымъ живописцемъ больше или меньше, и будетъ ли мистеръ Кляйвъ умѣренно-счастливъ, съ своею милою Эселью? Мы знаемъ, что бѣдный юноша не застрѣлится и не утопится, выслушавъ отъ Эсели, что она не хочетъ быть его женою,—куда ему застрѣлиться! онъ не выпьетъ даже лишней рюмки хересу съ горя,—мы не увѣрены даже, вырветъ ли онъ хотя волосокъ изъ своихъ прекрасныхъ локоновъ,—онъ будетъ плакать,—это его дѣло,—но вѣдь извѣстно, что слезы—вода для такихъ натуръ. Выдетъ ли за Кляйва Эсель? и это слабо насъ интересуетъ: любовь такого человѣка щаятна, если хотите—почему же не желать хорошей дѣвушкѣ смирнаго и любящаго мужа? Дай Богъ ей всякаго счастья! Но, по нашему мнѣнію, миссъ Эсель очень невыгодно рекомендовала бы себя, еслибъ сходила съума отъ отчаянія, что отказала Кляйву, или восхищалась восторгомъ до седьмаго неба, удостоиваясь наконецъ счастья быть его супругою,—къ счастью она и не дѣлаетъ этого: намъ кажется, что полковникъ Ньюкомъ имѣетъ надъ ея мыслями гораздо больше власти, нежели его прекраснотрудный сынокъ, котораго, впрочемъ, и мы любимъ отъ всей души, какъ человѣка хорошаго. Мы не имѣемъ никакого основанія не любить его. Только намъ кажется, что и Эсель любить его не болѣе сильною любовью, нежели мы.

Но Теккерей вздумалъ питать къ нему болѣе сильное участіе. Это ошибка со стороны мистера Пенденниса,—и мы переходимъ отъ литературной точки зрѣнія къ простымъ соображеніямъ здраваго смысла,—записные любители художественныхъ разсужденій могутъ называть эти соображенія излишними, нейдущими къ дѣлу,—но для насъ, признаемся, они важнѣе и интереснѣе всѣхъ другихъ предметовъ,—мы даже скажемъ, что они-то собственно и составляютъ цѣль нашей рецензіи,—все предъидущее написано только для того, чтобы не получить отъ Теккерей укоризны за пренебреженіе къ художественнымъ совершенствамъ и условіямъ, „пренебреженіе, достойное московскаго медвѣдя, не имѣющаго ни чувства художественной красоты, ни понятія объ ея условіяхъ“.

Съ литературной точки зрѣнія, „Ньюкомовъ“ погубилъ герой, Кляйвъ; а съ простой точки зрѣнія, погубила этотъ романъ мысль Теккерей, что великій художникъ можетъ серьезно говорить о чемъ его душѣ угодно, хотя бы о такихъ вещахъ, какъ жизнь и приключенія мистера Кляйва Ньюкома. Видите ли, все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы разсказать хорошо,—что ни разскажи хорошо, все будетъ хорошо. Хорошо или нѣтъ, пока не станемъ разбирать,—а подумаемъ только о томъ, нуженъ ли комунибудь, интересенъ ли комунибудь будетъ вашъ разсказъ.

Вамъ нравится говорить о мистертъ Клэйвѣ Ньюкомѣ, потому что вы его любите. Прекрасно. Но мнѣ онъ человѣкъ посторонній,—примите же на себя трудъ сообразить, есть ли какой нибудь объективный интересъ въ ваниемъ разсказѣ, интересны ли для меня, для одного изъ толпы, вани разсказы. Мистеръ Клэйвъ восхищается, находя въ себѣ талантъ къ живописи—очень интересно это для меня! Иное дѣло, еслибъ съ дѣломъ о живописи соединялись для Клэйва серьезные, дѣйствительные, общепонятные интересы: еслибъ вы поставили это дѣло какъ вопросъ о средствахъ къ жизни, или о борьбѣ генія съ обстоятельствами, призванія съ предубѣждениями,—о, тогда иное дѣло,—картины и живопись были бы для васъ случаевъ говорить о человѣческой жизни, о силахъ, ея управляющихъ, о бытѣ людей,—но ваниему мистеру Клэйву отъ нечего дѣлать вздумалось писать картины, которыя никому не нужны (потому что плохи), да и самому ему бесполезны (потому что живетъ онъ въ довольствѣ, сначала на счетъ отца, потомъ на счетъ жены)—вы такъ и ставите это дѣло: „послушайте, какъ мистеру Клэйву вздумалось, отъ нечего дѣлать, что онъ будетъ живописцемъ“ да что же тутъ слушать?—Далѣе, мистеру Клэйву случилось полюбить миссъ Эсель,—прекрасно; что жъ, это была истинная страсть?—Да, говорите вы.—Посмотримъ. Миссъ Эсель говоритъ ему: „бросьте ваню глупую живопись, будьте офицеромъ, адвокатомъ, купцомъ, банкиромъ, членомъ парламента, чѣмъ хотите, только не живописцемъ, и я выйду за васъ, потому что вы человѣкъ хорошій; но согласитесь, вѣдь до сихъ поръ вы не занимаете никакого положенія въ обществѣ; я не хочу быть женою ничтожнаго человѣка“.—„Не могу бросить живописи, буду рисовать свои картины, которыхъ не допускаютъ на выставку за то, что онѣ плохи“, отвѣчаетъ Клэйвъ. Ну, глубока же его страсть къ Эсели! Такія положенія и страсти годятся для водевиля, для повѣсти въ водевильномъ духѣ,—но если говорить о вздорѣ серьезно, то кому же будетъ охота слушать разсказъ?

Правда, можно брать какой угодно сюжетъ,—но если сюжетъ пусть, онъ долженъ выкупаться богатствомъ обстановки. Пусть приключенія и ощущенія Клэйва служили бы рамою для соединенія эпизодовъ болѣе глубокаго содержанія,—тогда истинное содержаніе романа состояло бы уже не въ приключеніяхъ Клэйва, а въ эпизодахъ, чуждыхъ этому пустому сюжету, связывающему ихъ внѣшнимъ образомъ. Но нѣтъ, Теккерей хотѣлъ сдѣлать содержаніемъ своего романа именно Клэйва съ его приключеніями и его никому не нужными, ни для кого не интересными ощущеніями. Тратить свой талантъ на подобные пустяки нельзя безнаказанно. Наказаніе Теккерее было то, что „Ньюкомы“ ничего не прибавили къ его славл.—мы говоримъ, конечно, о славл его въ Англии.

Зачѣмъ написанъ этотъ романъ? спрашиваешь себя, дочитавъ его.—Ни за чѣмъ, если не за тѣмъ, что Теккерее вздумалось изъ ничего создать романъ. Въ романѣ нѣтъ содержанія, и это убиваетъ его.

„Какъ нѣтъ содержанія? А сколько въ немъ прекрасно задуинныхъ и прекрасно очерченныхъ характеровъ?“—И кромѣ того, много другаго прекраснаго: удивительное знаніе жизни и т. д., и т. д., о чемъ смотри выню. Но именно потому и досадно читать его, что въ немъ есть всѣ эти про-

врасныя вещи. Онѣ ни къ чему не служатъ, и потону ни на что не годны. Зачѣмъ, на примѣръ, выводятся всѣ эти прекрасно обрисованные характеры? Затѣмъ, чтобы вы знали, въ каквхъ отношеніяхъ были они къ герою и главнымъ событіямъ романа,—а герой и событія пусты, потому и роль всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ ничтожна. Вотъ, на примѣръ, полковникъ Ньюкомъ—онъ прекрасный человѣкъ; что жъ изъ того?—ничего, онъ прекрасный человѣкъ.—А, ну такъ мы очень рады тону, что онъ прекрасный человѣкъ, но очень жалѣемъ о томъ, что не представилось ему случая сдѣлать ничего хорошаго въ романѣ—надѣмся, въ жизни онъ дѣлалъ много хорошаго, но Теккерей не почелъ нужнымъ выставить такихъ положеній и столкновеній.

Обидно за этого бѣднаго полковника, обидно за всѣхъ другихъ лицъ романа, столь прекрасно очерченныхъ—они являлись передъ нами безъ всякаго дѣла, и, какъ ненужные намъ люди, должны были умолять насъ о благосклонномъ вниманіи, считать себя осчастливленными, если мы нехотя, съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, позволяли имъ оставаться въ нашемъ присутствіи,—бѣдны, они, кажется, каждую минуту трепетали, что читатель, наскучивъ ихъ празднословіемъ, скажетъ имъ: „извольте убираться изъ моей комнаты,—ни вамъ нѣтъ дѣла до меня, ни мнѣ нѣтъ дѣла до васъ“. Жалкая судьба! въ какое странное положеніе поставлены отсутствіемъ дѣльной мысли эти люди, которые могли бы быть такими интересными, такими дорогими для насъ гостями, еслибъ пришлось имъ говорить или дѣлать что нибудь достойное вниманія.

Въ прискорбное положеніе ставитъ себя авторъ, когда является передъ читателемъ съ правднословіемъ. Вѣдь онъ хочетъ занимать своею рѣчью общество,—а въ этомъ случаѣ неизбеженъ выборъ между двумя положеніями; если человѣкъ не имѣетъ права сказать: „вы должны меня слушать, потому что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, нужно и важно для васъ“, онъ долженъ заискивать прайднаго вниманія слушателей, долженъ для ихъ забавы сдѣлаться сказочникомъ, потѣшникомъ,—а роль забавника, потѣшника ни мало не завидна.

Досадно видѣть, когда силы истрачиваются попусту, когда здоровый и умный человѣкъ,—лучше ужъ ничего не дѣлалъ бы онъ, если не хочетъ дѣлать чего нибудь нужнаго,—нѣтъ, онъ занимается толченіемъ воды, пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее,—вырѣзываніемъ изъ очень милой цвѣтной бумаги очень милыхъ лошадокъ, овечекъ, деревцевъ, даже человѣчковъ, рисованіемъ замысловатыхъ и пріятныхъ арабескъ.

„Это капризъ таланта“—кому нужны капризы?—„Это свобода творчества“—развѣ свобода состоитъ въ празднословіи?—„Это мнѣ доставляетъ удовольствіе“—жаль, если вы не находите другаго источника удовольствіи, кромѣ пустяковъ, не заслуживающихъ вниманія.—„Я не нуждаюсь въ вашемъ ввжманіи“—такъ зачѣмъ же напрашиваетесь на него, выставляя книгу въ окнахъ кнвжныхъ магазиновъ?

Такимъ-то образомъ отразились на „Ньюкомахъ“ послѣдствія ошибки, порожденной или гордостью или предубѣжденіемъ: „съ моимъ талантомъ нѣтъ надобности ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣльномъ содержаніи. Отдѣлка хороша, рассказъ прекрасенъ—чего же больше?—и романъ будетъ хорошъ“.

И романъ оказался имѣющимъ мало достоинства, — даже художественнаго достоинства. Великолѣпная форма находится въ нескладномъ противорѣчьи съ бѣдностью содержанія, роскошная рама съ пустымъ аэизажемъ, въ нее вставленнымъ. Въ романѣ нѣтъ единства, потому что нѣтъ мысли, которая связывала бы людей и событiя; въ романѣ нѣтъ жизни, потому что нѣтъ мысли, которая оживляла бы ихъ.

Совѣтуемъ прочесть „Ньюкомовъ“ тѣмъ, которые думаютъ, что для романа не важно содержанiе, если есть въ немъ блестящая отдѣлка и прекрасный рассказъ. О необходимости таланта нечего и говорить, — нечего говорить о томъ, что безсильный работникъ — не работникъ, что слѣпой — не живописецъ, что хромой — не танцоръ, что человекъ безъ поэтического таланта — не поэтъ. Но талантъ даетъ только возможность дѣйствовать. Каково будетъ достоинство дѣятельности, зависитъ уже отъ ея смысла, отъ ея содержанiя. Если бы Рафаэль писалъ только арабески, птичекъ и цвѣтки — въ этихъ арабескахъ, птичкахъ и цвѣткахъ былъ бы виденъ огромный талантъ, — но скажите, останавливались ли бы въ бдагоговѣннш передъ этими цвѣтками и птичками, возвышало ли бы, очищало ли бы вашу душу разсматриванiе этихъ милыхъ боздѣлушекъ? — Но зачѣмъ говорить о васъ, будемъ говорить о самомъ Рафаэлѣ — былъ ли бы онъ славенъ и великъ, если бы писалъ боздѣлушки? Напротивъ, не говорили ли бы о немъ съ досадою, почти съ негодовашемъ: онъ погубилъ свой талантъ?

Въ настоящее время, изъ европейскихъ писателей никто, кромѣ Диккенса, не имѣетъ такого сильнаго таланта, какъ Теккерей. Какое богатство творчества, какая точная и тонкая наблюдательность, какое знанiе жизни, какое знанiе человѣческаго сердца, какое свѣтлое и благородное могущество любви, какое мастерство въ юморѣ, какал рельефность и точность изображенiй, какая дивная прелесть разсказа! — колоссальнымъ талантомъ владѣетъ онъ! — все могущество таланта блестящимъ образомъ выразилось въ „Ньюкомовѣ“, — и что же? останется ли этотъ романъ въ исторiи, произвелъ ли онъ могущественное впечатлѣнiе на публику, заслужилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, хотя одобренiе записныхъ цѣнителей изящнаго, которые требуютъ только художественныхъ совершенствъ отъ поэтического произведенiя? — Ничего подобнаго не было. Равнодушно сказали цѣнители изящнаго: „въ романѣ виднѣнъ огромный талантъ, но самъ романъ не выдерживаетъ художественной критики“; равнодушно дочитали его иные изъ большинства публики, иные и не дочитали. Не упомянетъ о немъ исторiя, и для славы самого Теккерей было бы все равно, хотъ бы и не писать „Ньюкомовъ“.

Записки объ уженъи рыбы. С. Аксакова. *Изданiе третье, съ политипажамъ и примѣчанiями* К. Ф. Рулье. Москва. 1856.

Замѣчанiя мосновскаго охотника на ружейную охоту съ лягавою собакою. Н. Основскаго. *Изданiе второе, дополненное лечебникомъ для собакъ.* Москва. 1857.

Съ легкой руки С. Т. Аксакова, читающая публика полюбила сочиненiя объ охотѣ, и у насъ въ короткое время образовалась своя дѣльная

литература по этому предмету. Одни сочинешя, какъ книга В. Вакселя, о которой мы своевременно отдали отчетъ, говорятъ объ охотѣ вообще, другія объ охотѣ въ данной мѣстности. Дѣятелями на поприщѣ послѣдней явились господа Аксаковъ и Ооновскій. Труды двухъ послѣднихъ напечатаны нынѣ новыми изданіями и пополнены специалистомъ въ изученіи животныхъ, К. Ф. Рулье. Значить, есть въ нихъ и научный интересъ, который, конечно, увеличивается самыми примѣчательными. Первое изданіе обоихъ сочинешей оцѣнено уже публикою, и потому намъ нѣтъ надобности говорить объ нихъ подробнѣй, — скажемъ только, что оба труда пополнены новыми статьями. „Записки объ уженьи“ — статьей К. Ф. Рулье о ходѣ рыбы противъ теченія воды, которая кидаетъ яркій свѣтъ на одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ жизни рыбъ, почитаемое обыкновенно загадочнымъ и инстинктивнымъ, которое г. Аксаковъ описываетъ въ мастерской картинѣ. Приложены политипажи, изъ которыхъ нѣкоторые превосходны.

Книга г. Н. Основскаго пополнена лечебникомъ для собакъ, украшена хорошими литографіями и отличается спокойнымъ, всестороннимъ изложешемъ естественной исторіи изображенныхъ птицъ съ особенными замѣчаніями относительно жизни ихъ въ Московской губерніи, что даетъ возможность сравнивать ихъ съ образомъ жизни тѣхъ же птицъ въ Оренбургской губерніи („Записки Оренбургской ружейной охоты“ г. Аксакова), Воронежской губерніи (диссертацин г. Оѵверцова), Харьковской губерніи (профессора Чернова) и Кіевской (Кесслера).

Биржевыя операціи. Соч. В. Безобразова. Москва. 1856.

Со временъ Ло, страсть къ биржевымъ операціямъ никогда не овладѣвала въ такой степени умами парижскаго населенія, какъ въ послѣдніе два—три года. Парижская биржа превратилась въ истинный игорный домъ, или „адъ“, какъ называется на техническомъ языкѣ мѣсто, гдѣ ведутся запрещенныя азартныя игры. Долго радовались этому, такъ называемому „развитію духа промышленности и предпріимчивости“ люди, ослѣпленные одностороннею теоріею, и ловшіе интриганы, находившіе свою выгоду въ развращеніи общественныхъ нравовъ. Наконецъ, биржевая игра достигла такихъ ужасныхъ размѣровъ, что грозила погубелью не только сотнямъ отдѣльныхъ людей, — она уже погубила тысячи, развратила десятки тысячъ людей, — но и падешемъ всей системѣ французскихъ кредитныхъ учрежденій, банкротствомъ всей французской торговлѣ и промышленности, разорешемъ государственной казнѣ. Устрашенное этою перспективою, французское правительство увидѣло необходимость принять мѣры для обуздашя пагубной страсти. Оно выразило свое неодобрешіе, оно думаетъ обложить пошлиною всѣ биржевыя сдѣлки, чтобы прекратить возможность фальшивой продажи кредитныхъ бумагъ со стороны не имѣющаго ихъ, и фальшивой покупки со стороны не имѣющаго ни денегъ, ни намѣренія дѣйствительно купить ихъ.

Основной механизмъ биржевой азартной игры очень простъ. Государственные фонды и акціи промышленныхъ предпріятій постоянно колеблются въ цѣнѣ, сообразно различнымъ финансовымъ и политическимъ обстоятельствамъ. И вотъ, положимъ 20 числа, сходятся на биржѣ два человѣка, —

оба безъ большихъ наличныхъ денегъ, оба безъ всякихъ билетовъ государственнаго долга, безъ всякихъ акцій въ карманѣ, но съ желаніемъ спекулировать. Положимъ, что трехъ-процентныя облигаціи государственнаго долга (номинальная цѣна которыхъ 100 франковъ) продаются 20 числа по семи-десяти франковъ—къ 1 числу слѣдующаго мѣсяца поднимутся онѣ въ цѣнѣ, или упадутъ? и если упадутъ или поднимутся, то на сколько именно? Одинъ думаетъ, что 1-го числа онѣ будутъ продаваться по 72 франка, или выше. Другой полагаетъ, что онѣ будутъ стоить тогда не болѣе 71 франка. И вотъ, эти люди заключаютъ между собою условіе: тотъ, который думаетъ, что облигаціи будутъ стоить болѣе 72 франковъ, обязывается взять у другаго, думающаго, что онѣ будутъ тогда стоить менѣе 71 франка, 1,000 облигацій по 71 франку, а этотъ обязывается продать ихъ ему. Приходитъ первое число мѣсяца. Цѣна облигацій 70 франковъ съ половиною,—и такъ, обязавшійся купить долженъ взять ихъ, по условію, пятьюдесятью сантиматами дороже дѣйствительной цѣны,—онъ проигрываетъ (по $\frac{1}{2}$ франка на каждой облигаціи) 500 франковъ,—столько же выигрываетъ продающій. А если бы цѣна облигацій была 68 франковъ, проигрышъ одного и выигрышъ другаго равнялся бы 3 франкамъ на каждую облигацію,—всего, равнялся бы суммѣ въ 3,000 франковъ. Напротивъ, будь цѣна облигацій выше 71 франка, проигралъ бы продавшій, выигралъ бы купившій. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ денегъ и намѣренія дѣйствительно покупать или продавать облигаціи,—они имѣли въ виду только этотъ выигрышъ отъ разницы между условной цѣной, по которой заключена сдѣлка, и дѣйствительной цѣной облигаціи въ назначенный срокъ, и весь расчетъ между ими состоитъ въ томъ, что проигравшій уплачиваетъ выигравшему сумму проигрыша.

Это, какъ видимъ, не покупка и не продажа,—это не болѣе, какъ пари о томъ, какова будетъ цѣна облигацій въ назначенный срокъ.

Мы говорили объ основномъ видѣ биржевой игры,—онъ усложняется разными условіями и правилами, такъ что формы сдѣлокъ становятся чрезвычайно разнообразны, но сущность ихъ остается всегда одна и та же; всѣ онѣ—пари о томъ, какова будетъ черезъ нѣсколько времени цѣна государственныхъ облигацій или акцій какого нибудь промышленнаго предпріятія.

Огромные размѣры, которыхъ въ послѣднее время достигла игра на парижской биржѣ, вызвали всеобщее вниманіе къ этому явленію. Въ различныхъ нашихъ журналахъ за прошлый годъ явилось нѣсколько статей о биржевыхъ спекуляціяхъ и операціяхъ. Изъ этихъ статей, лучшія были написаны г. В. Безобразовымъ и напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Книжка, заглавіе которой мы привели выше,—отдѣльный оттискъ этихъ статей. Рекомендуемъ ее всѣмъ желающимъ ближе познакомиться съ биржевыми оборотами.

Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. Томъ III. Спб. 1857.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ „Трудовъ русской миссіи въ Пекинѣ“, первая и важнѣйшая по содержанию—„Событія въ Пекинѣ при паденіи минской династіи“, г. М. Храповицкаго. Разсказъ этотъ составленъ по документамъ, сохранившимся отъ того времени.

Паденіе минской династїи совпадаетъ съ завоеваніемъ Китая манджурами, которые съ того времени господствуютъ въ Китаѣ. Эти событія совершились въ 1644 году.

Послѣднимъ государемъ Минской династїи былъ Чунъ-чжэнь, царствовавшій уже около 17 лѣтъ, когда послѣдовалъ рѣшительный переворотъ, лишившій его престола и жизни. Причиною паденія была наличная довѣрчивость Чунъ-чжэна къ окружающимъ его вельможамъ и бѣдствія народа, угнетаемаго ими; имперія волновалась, но Чунъ-чжэнь ничего не вналъ о томъ въ своемъ дворцѣ:

„Возмущенїя, заранѣе происходившія въ разныхъ концахъ Виперїи, требовали особенной бдительности и усилій правительства; но государь, котораго едва ли не единственнымъ недостаткомъ были наличныя доброта и кротость, слабо смотрѣлъ за окружающими его престолъ вельможами и часто не могъ видѣть дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ изъ-за темнаго покрыва, воторыя недостойныя, но любимѣйшіе сановники закрывали ему глаза; даже въ то время, когда мятежники овладѣли областнымъ городомъ *Чжэнь-динъ-фу* и находились отъ столицы на разстояніи только 300 кит. верстъ, всѣ молчали объ этомъ и государь уже послѣ узналъ объ этой потерѣ. Поэтому дворъ не слишкомъ беспокоился и смотрѣлъ ва дѣла въ уменьшительное стекло; но тѣмъ тревожнѣе было его пробужденіе, когда надо было дѣйствовать рѣшительно и сїяю, когда опасность была передъ глазами“.

Ли-дэнь-чэнь, предводитель мятежниковъ, приближался уже къ Пекину съ юга; въ то же время взбунтовались войска, стоявшія къ сѣверу отъ Пекина, — это было въ концѣ марта 1644.

„При двойной опасности съ сѣвера и юга, жители столицы пришли въ сильное злѣе; не безпокоились, кажется, только одни главнѣйшіе сановники: они спокойно засѣдали въ своихъ Палатахъ и, вавъ всегда, заняты были мыслію о своей важности; дѣла государственныя какъ будто не касались ихъ; государь былъ неспокоенъ, но не вѣдалъ столько силы воли и мудрости, чтобъ рѣшительными распоряженіями заставить бояться и уважать себя, сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ въ это трудное время и стать во главѣ противодѣйствія мятежу. Онъ былъ не способенъ въ тому, напротивъ, еще больше прежнего полагался на усердіе оружавшихъ его еввуховъ и другихъ сановниковъ, которые в довершили паденіе династїи. Въ столицѣ начали принимать мѣры предосторожности, но вѣдѣя? Онъ состояли въ тщательномъ дозорѣ и аабраніи подъ стражу лицъ подозрительныхъ, въ унеленїи правилъ взаимнаго обезопасенія жителей, въ запрещенїи ходить ночью по улицамъ, въ свидѣтельствowanїи вазвохравленїищъ и магазновъ. Что касается до мятежниковъ, то только повалѣно было командующему войсками въ Чжэнь-шо наблюдать за дѣйствїями и направленїемъ ихъ“.

Овладевъ городами и укрѣпленїями, стоявшими на ихъ пути, мятежники приближались къ Пекину. Войска императора большею частью измѣняли ему; жители провинцій присоединялись къ мятежникамъ; правительство не имѣло ни денегъ, для энергическаго веденїи войны, ни возможности заготовить хлѣбъ для пропитанія жителей и гарнизона столицы на время осады. Оно надѣялось на пожертвованїя, — но высшіе сановники первые подавали примѣръ равнодушія къ общему дѣлу и корыстолюбія. Тогда императоръ издалъ слѣдующій манифестъ, объясняющій причины волненїя и обещающій устраненіе этихъ причинъ на будущее время:

„Уже семнадцать лѣтъ, вавъ я наследовалъ великій законъ правленїя; въ глубинѣ сердца помышляя о величїи Верховнаго Царя, низводящаго и возводящаго Царей, — о важности порученїа, возложеннаго на меня отъ предковъ, — я трепещу днемъ

и ночью, не дерзая предаться безнечности. Между тѣмъ бѣдствія сдѣдуютъ одно за другимъ, духъ мятежа день ото дня распространяется подобно пламени. Забывъ благодѣяніе воспитаніи въ продолженіи столькихъ поволѣній, мятежники свирѣпствуютъ двадцать лѣтъ съ жаждою неистовства: простить ихъ—дѣлается еще надменнѣе, приласкать—вдругъ поднимаютъ бунтъ, и, что всего гибельнѣе, заражаютъ другихъ тѣмъ же мятежнымъ духомъ, а вновь увлеченные ими вовсе забываютъ при этомъ долгъ мести бунтовщикамъ. Я—отецъ я мать народа и не могу прикрыть своихъ птенцовъ крыльями; народъ—мои дѣти и не могутъ защитить и охранить меня. Губерніи Шань-си и Хэ-нань представляютъ груды развалинъ, губерніи Цзянь-нань и Ху-гуань подверглись гибели и злодѣйствамъ; если виною всего этого не я, то кто же приметъ вину на себя? По этому острая стрѣла, поражающая народъ, смерть его въ огнѣ и водѣ, кровь, текущая потоками, трупы, образовавшіе собою цѣлыя горы—все это моя вина. Пожертвованіи коня для лошадей я продовольствія для войскъ, перевозка войска и провіанта и вспомоствованіе войску въ пути, множество прибавочныхъ налоговъ безъ средствъ къ пріобрѣтенію достоянія, обременительные займы казны на предварительное обезпеченіе будущихъ нуждъ государства—опять моя вина. Жилища народа, пустымъ какъ висячій колоколъ, совершенно заброшенные и заросшія травой поля, бѣдствіи пожара безъ дверей для спасенія, вопли, вынужденные жестокостью холода и вѣтра, и въ слѣдъ за ними лишеніе жизни—опять моя вина. Постоянный ропотъ на неурожайные годы, засуди и ваводненіи, взаимно сибѣниющіяся, непрерывныя войны, гибель отъ заразительныхъ болѣзней, нарушеніе согласія между небомъ и землею, отсюда всеобщія жалобы—опять моя вина. Что касается до властей, занимающихъ высшіи должности и не соблюдающихъ закона,—до низшихъ чиновниковъ, не знающихъ чести, до совѣтниковъ государственныхъ, которые лишь двигаютъ головою и равсуждаютъ безтолково,—до надменныхъ военачальниковъ, которые угнетаютъ слябыхъ я не совершаютъ вѣкакихъ подвиговъ; то этому причиною то, что я въ управленіи потерялъ истинный законъ и не возбудилъ въ сердцахъ истинной благодарности. Думая объ этомъ день я ночь, я не нахожу мѣста для успокоенія. Теперь я объявляю всей имперіи, что отнынь я возложу на себя большія заботы и труды, глубоко виновку въ прежній ошибки, буду особенно заботиться о добродѣтели, хранить древніе уставы, чтобъ утолить скорбь и стенанія, идти путемъ челоуѣколюбія, чтобъ привлечь сердца людей, уничтожу прибавочныя повинности, чтобъ укрѣпить силы народа. Что касается до сборовъ на продовольствіе войскъ, то они вынуждены лишь необходимостью, поэтому главные нравители губерній, взымая народъ къ жертвованіямъ, не должны нарушать закона успокоенія и питанія. Если же нѣкоторые изъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ будутъ прибавлять хоть каплю къ сборамъ,—незаконно и самовольно собирать повинности, или будутъ извращать уставы о штрафахъ и несправедливо подвергать казнямъ, и такимъ образомъ доводить народъ до того, что онъ не радъ будетъ жизни, то такихъ немедленно предавать оуду. Если будутъ между народомъ таіе, которые стануть перебѣгать изъ одного мѣста въ другое, то не только освободать ихъ отъ взысканія повинностей, во еще стараться пріютить ихъ и оказать имъ вспоможеніе, чтобъ они не были вынуждены оставить свое мѣстопробываніе. Что касается до чиновниковъ, за разныя преступленія лишенныхъ должностей, то если между ними есть честные, вѣрные, справедливые и прямодушные, некорыстолюбивые и способные, которые достойны того, чтобъ употребить ихъ на должности,—о такихъ Палаты Чиновъ и Военная должны представить, по тщательномъ наслѣдованіи, и опредѣлить. Если между лицами, вышедшими изъ незначнаго рода, будутъ отлично храбрые, которые возьмутъ обратно какой либо городъ, то такихъ открытъ доступъ къ полученію чиновъ, переходящихъ по закону къ потомкамъ; если тѣ, которые подпали общему бѣдетвію и присоединились къ мятежникамъ, оставятъ ихъ, обратятся на путь законный и возвратятся, то простить имъ преступленіе и дать возможность оказать заслуги; если кто представитъ главу мятежниковъ живаго или мертваго, то такого наградить достоинствомъ *Хоу*. Вѣрность государю и любовь къ отечеству общи сердцамъ всѣхъ; при омытіи посрамленіи и уничтоженіи бѣдствій, кто ве раздѣлать общаго труда? Получивъ великія милости отъ предковъ, пусть всѣ постараются содѣйствовать великому дѣлу полваго усмиренія государства!¹⁴

Но было уже поздно: непріятели шли прямо на столицу и „сердца людей затрепетали“.

Государь каждый день ориамвалъ сановниковъ для совѣщаній, но совѣтники ограничивалась еажни пустыни предложеніями, вавъ было и въ прежнее собраніихъ. При этомъ высшіе сановники старались удержать нишихъ отъ лашнихъ рѣчей,—желали зажать имъ ротъ,—а низшіе хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, чрезъ угожденіе высшамъ, енисвать ихъ милость и имѣть надежды на хорошее будущее. Поэтому при всякомъ совѣщаніи низшіе чиновники, въ виду своихъ начальниковъ, только старались показать свое смиреніе, а большая часть изъ нихъ вовсе молчала. Государь ясно видѣлъ, что не было людей, желавшихъ поддержать его въ это трудное время, и, по омончаніи важдаго совѣщанія, съ горькими слезами возвращался во дворець“.

Мятежники подступили къ стѣнамъ столицы; гарнизонъ защищался слабо; сановники большею частью измѣняли и присоединялись къ мятежникамъ, успѣхъ которыхъ предвидѣли; наконецъ, виѣшній городъ былъ взятъ,—надежды на спасеніе не оставалось. Собственною рукою, Чунъ-чжэнъ убилъ любимую жену, оотомъ другихъ женъ и дочерей своихъ, чтобы не достались онѣ на позоръ мятежникамъ,—послѣ того, лишилъ и себя жизни, кровью изъ своего пальца написавъ на верхней полѣ платья: „Уже 17 лѣтъ я сидѣлъ на престолѣ, какъ мятежники стѣснили столицу. Правда, мои добродѣтели ничтожны, и я возбудилъ гнѣвъ Верховнаго Неба; но причина всего „этого въ томъ, что Чины вводили меня въ обманъ. Пусть мятежники раздробятъ на части мой трупъ, но не наносятъ вреда ни одному изъ народа“.

Между тѣмъ, мятежники овладѣли всѣми частями города. Они жгли, грабили, рѣзали, неистовствовали всячески. Множество людей, особенно женщинъ, лишали себя жизни, чтобъ избѣгнуть мученій и позора. Ли-дзы-чэнъ, предводитель инсургентовъ, принималъ самыя энергическія мѣры для укрощенія буйства своихъ солдатъ, но не могъ удержать ихъ. Тѣла Чунъ-чжэна и его первой жены были похоронены имъ со всѣми почестями. Вскорѣ начались жестокія истязанія чиновникамъ и богатымъ людямъ, чтобы вынудить ихъ къ отдачѣ денегъ въ казну Ли-дзы-чэна.

Одинъ изъ провинціальныхъ правителей, У-сань-гуй, остался вѣренъ дѣлу Минской династіи. Видя невозможность собственными силами противиться мятежникамъ, овладѣвшимъ столицею, онъ обратился за помощью къ маяджурамъ. Ли-дзы-чэнъ самъ пошелъ противъ него изъ Пекина съ огромными силами, и побѣдилъ отрядъ У-сань-гуя; но манжуры уже приближались, соединились съ У-сань-гуемъ, и началась рѣшительная битва. Сильный отрядъ манжуровъ, ударивъ на правый флангъ Ли-дзы-чэна, склонилъ побѣду на сторону У-сань-гуя. Ли-дзы-чэнъ бѣжалъ въ Пекинъ; манжуры шли по его слѣдамъ. Будучи не въ силахъ удержаться въ столицѣ, Ли-дзы-чэнъ зажегъ императорскій дворець и велѣлъ своимъ войскамъ безпощадно рѣзать всѣхъ жителей покидаемаго города. Пекинъ съ окрестностями представлялъ одно огненное море. Говорятъ, что вопли убиваемыхъ слышались за нѣсколько десятковъ верстъ. Къ счастью для пекинцевъ, на третій день показались въ виду столицы манжуры; они явились спасителями жителей отъ неистовства грабителей и заняли городъ безъ сопротивленія. Манжурскій князь объявилъ себя правителемъ государства, пославъ У-сань-

гую преслѣдовать бѣжавшаго Ли-дзы-чэна. Съ этого времени начинается владычество манжуровъ въ Китаѣ.

Такъ быстро и легко овладѣли манжуры громадною имперією, воспользовавшись внутренними раздорами, ее раздиравшими.

За разсказомъ о паденіи Минской династіи, въ третьемъ томѣ „Трудовъ членовъ пекинской миссіи“ слѣдуютъ статьи о соляномъ производствѣ въ Китаѣ, іеромонаха Цвѣткова; о разведеніи китайскаго картофеля и благовопнаго пшена, г. Гошкѣвича; о болеутолительныхъ средствахъ и гидротатіи въ Китаѣ, г. Татаринова; „Записки китайца о Наигасаки“, іеромонаха Цвѣткова; о христіанствѣ въ Китаѣ, несторіанскомъ памятникѣ VII вѣка и о домашнихъ обрядахъ китайцевъ, его же, и проч. Всѣ онѣ довольно кратки, кромѣ послѣдней, излагающей со всѣми подробностями домашніе обряды китайцевъ, именно: обрядъ надѣванія шапки (на мальчика) и украшенія головы (дѣвушки) иглою (эти церемоніи означаютъ, что лицо, надъ которымъ онѣ совершаются, достигло совершеннолѣтія), далѣе: бракъ и похороны.

Представляя въ этой книжкѣ „Современника“ разсказы Гюка о Китаѣ, мы не будемъ дѣлать извлеченій изъ этихъ правоописательныхъ и статистическихъ статей, и замѣтимъ только, что многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, не лишеныя интереса. Свѣдѣнія эти-тѣмъ важнѣе, что почти всѣ переведены изъ витайскихъ книгъ и, слѣдовательно, должны передавать обычаи и занятія китайцевъ съ совершенною точностью.

Новый опытъ о богатствѣ народноиъ. Гавріила Каменскаго, бывшаго агента министерства финансовъ въ Лондонѣ. *Спб. 1856.*

Г. Каменскій, въ предисловіи къ своей книгѣ, говоритъ о ней, какъ о самостоятельномъ сочиненіи. На самомъ же дѣлѣ, его книга только неполный переводъ извѣстнаго сочиненія Милля, какъ уже было замѣчено г. Бабстомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 11).

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Томъ II. Москва. 1856.

Въ этомъ томѣ, которымъ заключается собраніе сочиненій Грановскаго, бывшихъ напечатанными при жизни автора, помѣщены критическія статьи его, которыя являлись первоначально въ „Современникѣ“ и другихъ журналахъ, и статьи для дѣтскаго чтенія, которыя напечаталъ онъ въ „Библіотекѣ для воспитанія“. Черезъ нѣсколько времени мы надѣемся подробнѣе говорить о содержаніи этого тома.

Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ государственныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, составленное Ф. Проскуряковымъ. Второе изданіе, съ измѣненіями и дополненіями. Спб. 1856.

По отзывамъ юристовъ, сочиненіе г. Проскурякова—лучшая учебная книга нашего законодательства. Этотъ отзывъ подтверждается тѣмъ, что вскорѣ поелѣ перваго издашя, автору надобно было сдѣлать второе. Онъ включилъ въ него вновь вышедшія постановленія и, кромѣ того, во многихъ мѣстахъ улучшилъ изложеніе.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Январь 1857 г.

„Отечественныя записки“ (Дудышкинъ) о Тургеневѣ. — „Богданъ Хмѣльницкій“, Костомарова. — „Столичные родственники“, Григоровича.

Очень много написано было въ послѣдніе годы о старыхъ нашихъ авторахъ, сочиненія которыхъ теперь служатъ болѣе памятниками прошедшаго, нежели чтеніемъ современной публики. Ломоносовъ и Сумароковъ, Тредьяковскій и Кантемиръ, Лукинъ и Княжнинъ, и проч. и проч. становились поочередно предметомъ внимательнаго изслѣдованія. Это было хорошо; но дурно было то, что, углубившись въ старину, мы забывали о настоящемъ. Почти ни одинъ изъ писателей, дѣйствующихъ нынѣ, не былъ оцѣненъ надлежащимъ образомъ. О г. Тургеневѣ, г. Григоровичѣ, г. Островскомъ, г. Писемскомъ и другихъ нашихъ современникахъ, вообще вы найдете въ журналахъ только отзывы или слишкомъ краткіе, или слишкомъ поверхностные. Пора намъ перестать довольствоваться такими бѣглыми замѣчаніями, пора заговорить съ должнымъ ввѣщаніемъ о дѣятельности писателей, которые въ исторіи литературы занимаютъ, конечно, не менѣе важное мѣсто, нежели писатели предшествовавшихъ періодовъ, сочиненія которыхъ для насъ гораздо важнѣе, нежели все то, что писалось сорокъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и уже не читается теперь.

Съ этой точки зрѣнія, мы очень рады появленію, въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, большой статьи г. Дудышкина о сочиненіяхъ г. Тургенева. Она еще не кончена въ этой книжкѣ, — но взглядъ критика на автора „Записокъ Охотника“ уже совершенно выразился въ той части разбора, которую прочли мы.

Г. Дудышкинъ очень справедливо считаетъ интереснѣйшимъ для критики вопросъ о томъ, какое воззрѣніе на жизнь выразилось въ произведеніяхъ писателя. Онъ считаетъ первую обязанностью критика опредѣлить отношеніе писателя къ современной идеѣ. — „Стать въ уровень съ идеєю въ томъ объемѣ, какъ она выработана современною наукою, современною жизнью, въ томъ значеніи, которое она получаетъ, какъ послѣднее слово исторіи—это одна изъ первыхъ потребностей и вѣсть заслугъ každого

писателя. Кто не имѣетъ никакого отношенія къ этой идеѣ, тотъ не имѣетъ и значенія въ современной литературѣ—это понятіе очень справедливо.— „Но, продолжаетъ критикъ,—стать на высотѣ современной идеи нашему русскому писателю еще недостаточно, по крайней мѣрѣ, не значить рѣшить вопросъ окончательно. Нашъ писатель долженъ показать отношеніе идеи къ той почвѣ, на которой заставляетъ онъ идею жить, къ тому обществу, которое должно служить ей обстановкой“—и это правда; одно только выраженіе въ этихъ словахъ кажется намъ не совсѣмъ точнымъ: „*нашему русскому писателю* недостаточно... *нашъ* писатель долженъ“. Почему жъ именно „нашъ“ писатель, а не вообще всякій писатель, всякой націи долженъ опредѣлить отношеніе идеи къ обществу, имъ изображаемому? Эта обязанность равно лежитъ и на нѣмецкомъ, и на англійскомъ и французскомъ писателѣ, и ни одинъ изъ ихъ замѣчательныхъ писателей не уклонялся отъ нея,—если у китайцевъ или персіянь есть въ настоящее время замѣчательные писатели, то, конечно, и они показываютъ отношеніе своихъ идеаловъ къ изображаемому ими обществу. Или, при опредѣленіи отношенія идеала къ жизни, на русскомъ писателѣ лежатъ какіи-нибудь особенныя условія, которыми не обязаны стѣсняться другіе писатели? Кажется, что критикъ думаетъ такъ:—„что, если эти отношенія будутъ чисто отрицательныя, какъ тогда примирить ихъ?“ продолжаетъ онъ.—„А если писатель найдетъ, что между ними можетъ быть гармонія, то въ какия формы облечь онъ свои идеи?“—Если не ошибаемся, въ этихъ словахъ уже выражено мнѣніе, что идеаль непрѣнно долженъ представляться у писателя, о которомъ говоритъ критикъ, гармонирующимъ съ окружающею его жизнью. Если это условіе имѣлъ онъ въ виду, то едва ли можно назвать его мнѣніе справедливымъ. Почему жъ идеаль необходимо долженъ представляться примиреннымъ съ дѣйствительностью? Этого примиренія въ такомъ смыслѣ, какъ понимается оно обыкновенно людьми, требующими его, нѣтъ даже у Шекспира, не только величайшаго, но и спокойнѣйшаго изъ всѣхъ поэтовъ. Ни одинъ изъ его идеаловъ не умѣетъ устроить свои дѣла такъ, чтобы жить да поживать въ довольствѣ и благополучіи. Гамлетъ и Офелія, Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона,—всѣ они надѣлали много хлопотъ и горя и себѣ и другимъ, ни одного изъ нихъ Шекспиръ не могъ поставить „въ гармонію съ обстановкою“. Зачѣмъ же налагать на русскаго писателя обязанность, которой не исполнялъ самъ, это невозмутимо спокойный, гений Шекспира? Намъ кажется, что г. Дудышкинъ не совсѣмъ правъ, приговариваясь выражать неодобреніе современному писателю, у котораго не найдетъ „гармоніи идеала съ обстановкою“—ни у какого писателя, никакой націи и эпохи не найдетъ онъ этой гармоніи;—или поголовно осудить онъ всѣхъ поэтовъ, отъ Гомера по 1857 годъ включительно?

Опредѣливъ такимъ образомъ свои требованія, г. Дудышкинъ хочетъ опредѣлить черты идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ, но прежде считаетъ нужнымъ объяснить, каковы были господствующіе литературные взгляды въ то время, когда явились первыя произведенія господина Тургенева. Тутъ слѣдуютъ выписки изъ „Отеч. Записокъ“ 1841—1845 годовъ, и г. Дудышкинъ подсмѣивается надъ неосновательностью мнѣній, какия тогда вы-

ражались журналомъ, который теперь украшается прекрасными статьями г. Дудышкина. Журналъ въ превебреженіемъ отзывается о своемъ прошедшемъ—это вообще было бы неловко; а когда прошедшее журнала имѣетъ неоспоримое и высокое достоинство, это и несправедливо. Неужели прошедшее „Отеч. Записокъ“ такъ забавно, что сами „Отеч. Записки“ не могутъ вспомнить о немъ безъ улыбки сожалѣнія? Но какое намъ дѣло до того, увалаютъ ли „Отечественныя Записки“ свое прошедшее! Въ настоящемъ случай жаль только, что эта насмѣшка вовлекла г. Дудышкина въ нѣкоторыя ошибки при опредѣленіи идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ. Выясавъ изъ „Отеч. Записокъ“ старыхъ годовъ сужденія о герояхъ Баратынскаго и Лермонтова и посмѣявшись надъ этими сужденіями, г. Дудышкинъ рѣшаетъ, что главные лица многихъ повѣстей г. Тургенева сходны съ героями Баратынскаго и Лермонтова, что повѣсти г. Тургенева принадлежатъ той же литературной школѣ, какъ „Герой нашего времени“. — На какомъ же это основаніи?— На томъ, что всѣ ихъ главные лица „лишніе люди“, не находяще себѣ счастья и благотворнаго труда въ жизни. Послѣ того и „Гамлетъ“, вѣроятно, покажется написаннымъ подъ влияніемъ литературной школы, къ которой принадлежалъ Лермонтовъ, — вѣдь Гамлетъ тоже лишній человѣкъ. Какимъ же образомъ явилась эта натяжка? Г. Дудышкинъ предполагаетъ, во-первыхъ, что всѣ главные лица мужескаго пола во всѣхъ повѣстяхъ г. Тургенева, отъ „Андрея Колосова“ до „Рудина“—изображаются г. Тургеневымъ, какъ идеалы;—во-вторыхъ, что всѣ эти лица списаны съ одного и того же типа. Вотъ до какихъ предубѣжденій доводить односторонняя теорія! Но какое же сходство между Пасынковымъ и Вязовянымъ, между Рудиннымъ и Бреттеромъ? и возможно ли сказать, что хотя одно изъ этихъ лицъ выставлено идеаломъ? Ничего подобнаго и не бывало. И какое же сходство между мыслью тѣхъ повѣстей, въ которыхъ дѣйствуютъ эти лица, и мыслью „Героя нашего времени?“ Всѣ выводы эти основаны на недоразумѣніи. Г. Дудышкинъ читалъ въ старыхъ „Отечеств. Запискахъ“ и въ первыхъ годахъ „Современника“, что Бѣгшій Онѣгинъ смѣнился въ нашемъ обществѣ и литературѣ Печориннымъ, Печоринъ—Вольтовымъ,—недавно прочелъ онъ въ „Современникѣ“, что за этими типами послѣдовалъ Рудинъ—онъ вздумалъ развить эту параллель,—но понялъ ее вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ она высказывалась; ему вздумалось, что Печоринъ списокъ съ Онѣгина, что Бельтовъ—списокъ съ Печорина,—естественнымъ продолженіемъ такой ошибки было, что и въ Рудинѣ ему вздумалось видѣть списокъ съ Печорина. Но параллель между ними проводилась вовсе не ватѣмъ, чтобы показать ихъ одинаковость—сходства между этими четырьмя людьми четырехъ разныхъ эпохъ общественнаго развитія, вовсе нѣтъ—а затѣмъ, чтобы показать различіе между характеромъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они. Онѣгинъ скучаетъ потому, что онъ, хотя и добрый, но въ сущности пустой человѣкъ, начитавшійся Байрона и избалованный обществомъ. Чего ему хочется, о чемъ онъ тоскуетъ—онъ самъ не знаетъ,—а въ сущности онъ скучаетъ о томъ, что не о чемъ ему погоревать серьезно, о томъ, что въ головѣ у него нѣтъ сильной мысли, а сердце его износилося отъ волокитства. Печоринъ человѣкъ совершенно другаго ха-

рактера и другой степени развитія. У него душа дѣйствительно очень сильная, жаждающая страсти; воля у него дѣйствительно твердая, способная къ энергической дѣятельности,—но онъ заботился только лично о самомъ себѣ. Никакіе общіе вопросы его не занимаютъ. Надобно ли говорить, что Бельтовъ совершенно не таковъ, что личные интересы имѣютъ для него второстепенную важность? Но Бельтовъ еще не находитъ никакого сочувствія себѣ въ обществѣ, и мучится тѣмъ, что ему совершенно нѣтъ поля для дѣятельности. Всѣ эти три типа были изображены, какъ идеалы. Рудинъ изображенъ вовсе не идеаломъ—только въ концѣ повѣсти авторъ нѣсколько смягчается къ выведенному имъ типу и, думая, что уже съ достаточною силою выставилъ его недостатки, говоритъ, что было въ немъ и нѣчто хорошее,—именно, его пламенная ревность трудиться, трудиться неутомимо,—но, прибавляетъ онъ, возвращаясь къ прежней точкѣ зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на него во все продолженіе разсказа,—но эта ревность мало принесла пользы, потому что у Рудина не доставало практическаго такта, не было умѣнья взяться съ надлежащей стороны за дѣло. Вы видите разницу между Рудинимъ и Бельтовымъ: одинъ — натура созерцательная, бездѣйственная, быть можетъ потому, что еще не приходило время являться людямъ дѣятельнымъ. Другой трудится, трудится неутомимо,—но почти безплодно. Еще менѣе возможно найти сходство между Рудинимъ и Печоринимъ: одинъ — эгоистъ, не думающій ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ наслажденій; другой—энтузіастъ, совершенно забывающій о себѣ и весь поглощаемый общими интересами; одинъ живетъ для своихъ страстей, другой—для своихъ идей. Это люди различныхъ эпохъ, различныхъ натуръ, — люди, составляющіе совершенный контрастъ одинъ другому. Скорѣе вы найдете сходство между Донъ-Кихотомъ и Манфредомъ, между Фаустомъ и Донъ-Жуаномъ, нежели между Рудинимъ и Печоринимъ или Онѣгинимъ, который еще дальше отъ Рудина.

Какимъ же образомъ можно было сказать, что Рудинъ не представляетъ ничего новаго послѣ Печорина и Онѣгина? въ немъ все ново, отъ его идой до его поступковъ, отъ его характера до его привычекъ. Мы здѣсь не можемъ пересматривать всѣхъ повѣстей г. Тургенева съ ихъ дѣйствующими лицами,—но довольно и этого одного примѣра, чтобы видѣть, до какихъ странныхъ ошибокъ довело г. Дудышкина ошибочное развитіе мысли, вычитанной имъ въ старыхъ „Отеч. Запискахъ“, но не понятой имъ. Скажите, какимъ образомъ можно соединять въ одинъ типъ съ Печоринимъ, Онѣгинимъ, Бельтовымъ (которые и по себѣ представляются каждый особеннымъ типомъ) не только Рудина, но точно также и Астахова (въ „Затишьѣ“) — этого бездушнаго пошлеца, который свою низость и безчувственность прикрываетъ европейскими фразами и приличными манерами,—и Вязовкина (въ „Двухъ пріятеляхъ“), человѣка хорошаго и образованнаго, но вовсе не мечтательнаго и наклоннаго къ тихому, счастливому успокоенію среди самой будничной обстановки? Все это люди совершенно различныхъ типовъ.

Какимъ образомъ произошла эта странная ошибка, спутавшая въ одинъ портретъ черты совершенно различныхъ людей? Г. Дудышкинъ увлекся

теорією о необходимости „примирять идеаль съ его обстановкою“ и мыслью, впрочемъ прекрасною, о необходимости „трудиться“. Въ этомъ увлеченіи создалась у него довольно любопытная эстетическая система, которую изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Что такое значить „человѣкъ долженъ гармонировать съ обстановкою?“ Вотъ что: если у васъ есть тетка или бабушка, держите себя такъ, чтобы она была вами довольна; если у васъ есть начальникъ, держите себя такъ, чтобы онъ отзывался о васъ: „славный человѣкъ NN“; если у васъ есть сосѣди, живите съ ними въ пріятельскихъ отношеніяхъ; если вы еще не женаты, то женитесь на первой дѣвушкѣ, которую сосѣдскія сплетни объявятъ вамъ вѣнцомъ; иначе, тетка будетъ вами недовольна, начальникъ не дастъ вамъ повышенія, сосѣди объявятъ васъ фармазономъ, дѣвушка, на которой сосѣди вздумали женить васъ, подвергнется осужденію за то, что не умѣла удержать жениха,—всѣ будутъ вами недовольны, и будетъ ясно, какъ дважды-два четыре, что „вы не годитесь для окружающей васъ обстановки“, что вы „лишний человѣкъ“, что вы даже пустой и жалкій человѣкъ.

Что такое значить: „трудиться“?—трудиться значить быть расторопнымъ чиновникомъ, распорядительнымъ помѣщикомъ — значить устраивать свои дѣла такъ, чтобы вамъ было тепло и спокойно, не нарушая, однако же, при этомъ устроеніи своихъ дѣлшекъ, условія, которыя соблюдаетъ всякій порядочный и приличный человѣкъ.

Если вы недовольны такими правилами, вы не годитесь для окружающей васъ обстановки, вы не хотите трудиться, вы опять таки пустой и праадношатающійся человѣкъ.

Г. Дудыкинъ въ статьѣ, о которой мы говоримъ, такъ увлекся этою теорією „гармоніи съ обстановкою“, что чей бы равсказъ ни попался ему подъ руку, онъ тотчасъ отыскиваетъ главное лицо мужескаго пола и спрашиваетъ его: „гармонируешь ли ты съ обстановкою?“ — „трудись ли ты?“ Герои Баратынскаго и Пушкина, Лермонтова и г. Тургенева—всѣ одинаково конфузятся отъ этихъ вопросовъ—не очевидно ли, что всѣ они люди одного и того же разряда, всѣ—портреты съ одного и того же типа. Если бы продолжить такое слѣдствіе и допросить по двумъ вышеприведеннымъ пунктамъ героевъ Шекспира и Лопе де Беги, Гете и Корнеля, Байрона и Софокла, всѣ они были бы точно также перекофужены, не умѣли ничего отвѣчать въ свою защиту, оказались бы подходящими подъ одинъ и тотъ же типъ „людей не трудящихся и не гармонирующихъ съ обстановкою“, — словомъ сказать, оказались бы ни болѣе, ни менѣе, какъ передѣлками лермонтовскаго Печорина, и вмѣстѣ съ нимъ подверглись бы строгому осужденію.

Вотъ до какихъ результатовъ доводитъ даже умнаго человѣка желаніе построить систему на основаніи не понятой имъ мысли.

Достигнувъ открытія, что главныя дѣйствующія лица г. Тургенева „не гармонируютъ съ обстановкою“, онъ не считаетъ уже нужнымъ разсматривать, дѣйствительно ли эти лица изображались г. Тургеневымъ, какъ идеалы, какъ люди безукоризненно дѣйствующіе и вполне удовлетворяющіе своими поступками его воззрѣнію на жизнь,—или г. Тургеневъ изображалъ своего Вязовкина, Рудина и проч. вовсе не идеальными, а простыми людьми, имѣю-

щии и дурныя и хорошия качества, поступающими въ иныхъ случаяхъ умно и благородно, въ иныхъ ошибочно,—нѣтъ, онъ воображаетъ, что всѣ они были идеалами автора, и каждое ихъ слово принимаетъ выраженіемъ понятій самого автора.

Если не объяснять эту ошибку запутанностью понятій, до которой довела его система „гармоніи съ обстановкою“, то мы не знаемъ, чѣмъ и объяснить ее. Да и вообще мы не можемъ объяснить многихъ мѣстъ въ статьѣ г. Дудынкина никакими литературными основаніями. Она производитъ самое странное впечатлѣніе,—видно, что критику хочется сказать что-то такое, чего онъ не рѣшается высказать прямо, — видно, что онъ старается какъ-нибудь примирить тѣ сужденія, которыя принадлежать исключительно ему, съ мнѣніемъ, которое непоколебимо утвердилось въ публикѣ о произведеніяхъ г. Тургенева. Онъ кружится около мысли, которую хотѣлъ бы, но не отваживается высказать, намекаетъ на нее,—старается особенно распространяться о тѣхъ произведеніяхъ г. Тургенева, которыя слабѣе другихъ, — о лучшихъ его произведеніяхъ онъ или старается сказать какъ можно меньше, или вовсе не говорить,—видно, что ему хочется понатнуть нѣчто такое, до чего не ловко ему коснуться. Видно, что ему хотѣлось бы возобновить сужденія „Москвитянина“ и „Московскихъ Сборниковъ“ о талантѣ и произведеніяхъ г. Тургенева, но что онъ не рѣшается этого сдѣлать... Почему жъ бы не говорить прямо? Или опасеніе возбудить противъ себя общественное мнѣніе мѣшаетъ ему сдѣлать это? Къ счастью, у насъ есть общественное мнѣніе. Оно слабо,—но все-таки оно уже приноситъ большую пользу нашей литературѣ,—теперь никто не отважится открыто возставать противъ таланта, признаннаго общественнымъ мнѣніемъ. Великое дѣло общественное мнѣніе.

Мы не заговорили бы вовсе о январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, если бы кромѣ вещей, которыхъ нельзя одобрить, не должны были указать въ ней другую статью, достоинства которой заставили насъ обратить вниманіе на эту книжку. Мы говоримъ о „Богданѣ Хмельницкомъ“ г. Костомарова.

„Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи“ — обширное историческое сочиненіе, которое должно упрочить за ученымъ авторомъ одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими историками. Трудолюбивыхъ изслѣдователей у насъ довольно много; но мало людей, которые по всей справедливости заслуживали бы имя замѣчательныхъ ученыхъ, потому что для этого мало трудолюбія и учености,—нужна, кромѣ того, особенная сила ума, нужна широта и пронизательность взгляда, нужно соединеніе слишкомъ многихъ и слишкомъ рѣдкихъ качествъ. Своимъ „Богданомъ Хмельницкимъ“ г. Костомаровъ доказалъ, что принадлежитъ къ подобнымъ людямъ.

Исторія возвращенія Малороссіи къ русскому царству, представляя великій интересъ по важности предмета, съ тѣмъ вмѣстѣ требуетъ и большаго критическаго таланта, потому что ея событія дошли до насъ въ видѣ, искаженномъ пристрастіемъ поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ. Многія несправедливыя мнѣнія и о характерѣ лицъ, и о смыслѣ событій укоренились до такой степени, что трудно побѣдить въ себѣ предубѣжденія, ими

поселенные. Г. Костомаровъ счастливо боролся съ этою трудностью, — онъ очистилъ исторію временъ Богдана Хмельницкаго отъ множества ошибочныхъ взглядовъ и ложныхъ разсказовъ. Внимательно и полно изучилъ онъ источники, изъ которыхъ многіе въ первый разъ открыты его неутомимыми изысканіями, провѣрилъ каждый фактъ, каждое слово, обнаружилъ истинныя отягченія лицъ, сословіи и племень, о которыхъ мы до сихъ поръ имѣли самыя сбивчивыя понятія, и, наконецъ, передалъ результаты своихъ изысканій въ блестящемъ, истинно драматическомъ разсказѣ, совершенно объективномъ. Ученые оцѣняютъ въ его сочиненіи ученость, безпристрастіе, проникательность и вѣрность взгляда; большинство публики прочтетъ его исторію съ жадностью, по увлекательности изложенія, въ воторомъ г. Костомаровъ едва ли имѣетъ себѣ соперниковъ. Мы надѣемся не одинъ разъ возвратиться къ его сочиненію, котораго только начало помѣщено въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Теперь мы скажемъ только, что очень давно не читали на русскомъ языкѣ ничего подобнаго.

Кромѣ „Богдана Хмельницкаго“, надобно замѣтить въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ статью г. Забѣлина „Черты русской жизни въ XVII-нѣ столѣтіи“, отличающуюся достоинствами, которыя мы привыкли находить во всѣхъ его изслѣдованіяхъ.

Мы не могли не хохотать отъ души, читая первую часть повѣсти „Столичные родственники“, которую г. Григоровичъ, исполняя свое обѣщаніе, помѣстилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (№ 1). — Это водевильный, шаржированный разсказъ, съ начала до конца проникнутый легкою, неподдѣльною веселостью,—разсказъ безъ всякихъ претензій, кромѣ одного желанія нарисовать нѣсколько живыхъ каррикатуръ. Проматавшіеся Фуфлыгины, съ тремя тысячами серебромъ, оставшимися послѣ продажи имѣнья, отправляются въ Петербургъ, по совѣту столичныхъ родственниковъ, въ надеждѣ поправить свои дѣла, получивъ выгодное мѣсто. И вотъ они изъ экономіи ѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ третьихъ мѣстахъ, а между тѣмъ желаютъ сохранить аристократическій тонъ, даже, если можно, показать на станціяхъ, что они ѣдутъ въ первомъ классѣ,—этимъ начинаются ихъ приключенія. Дружескій разговоръ самого Фуфлыгина съ сосѣдомъ, который кажется ему и его супругѣ столичнымъ львомъ, а оказывается лакеемъ какого-то графа,—потомъ дружба мадамъ Фуфлыгиной съ дамою, которая объясняетъ, какъ она, женщина, благородное, возвышенное созданіе, увлекалась въ жизни, и между прочимъ, жила съ извергомъ—старикомъ, который приревновалъ ее, благородное, возвышенное созданіе, къ молодому человѣку, у котораго деликатная натура,—затруднительное положеніе г-жи Фуфлыгиной въ семейномъ вагонѣ, который занять хорошенькою женщиною съ двумя поклонниками ея прелестей, и изгнаніе г-жи Фуфлыгиной изъ этого вагона зоркимъ кондукторомъ—всѣ эти сцены забавны, разсказаны живо и весело, — а потомъ сцены между Фуфлыгиними и юнымъ львомъ Коко, ихъ родственникомъ, развязно объясняющимъ Фуфлыгину, при его супругѣ, что г-жа Фуфлыгина очень хорошо сложена, и потомъ приглашающимъ своихъ новопріѣзжихъ родственниковъ провести вечеръ у Дюссо, куда онъ привезетъ одну очаровательную женщину,—потомъ этотъ несравненный Пигуновъ, другой род-

ственникъ Фуфлыгиныхъ, человекъ съ нѣжнымъ сердцемъ и страстною любовью къ своей доброй женѣ, ангелу женѣ, съ біешемъ себя въ грудь рассказывающій всѣмъ, какъ онъ пучится страдашями ангела жены, въ которыхъ признаетъ себя виновнымъ, при этомъ выпрашивавшій у всѣхъ деньги, чтобы прокормить жену и дѣтей, и потомъ пропадающій съ деньгами, оставляя ангела жену безъ гроша, — наконецъ, третій родственникъ Фуфлыгиныхъ, практическій и благонамѣренный Мирзоевъ, объясняющій, какъ онъ самъ получилъ и какъ Фуфлыгинъ долженъ получить черезъ просьбу жены доходное мѣсто при какой-то компаніи на акціяхъ—всѣ эти сцены ведевы быстро и весело, всѣ эти лица кажутся живыми, знакомыми, не смотря на то, что шаржированы. А жалкая ангелъ жена нѣжнаго Пигунова, бѣдно одѣтая, больная женщина, съ ячменемъ на глазу и голодными, оборванными дѣтьми около себя, напоминаетъ вамъ, что всякая пошлость и глупость одного изъ насъ отзывается страдашемъ на другомъ... и вы предчувствуете, что скоро придется плохо и самимъ Фуфлыгинымъ. Что-то будетъ съ этими провинціальными чудаками, среди Пигунова, Коко, Мирзоева и столичной дороговизны во всемъ?

„Столичные родственники“ — едва ли не самый удачный изъ всѣхъ шуточныхъ рассказовъ г. Григоровича.

КРИТИКА.

Собрание писемъ Царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ „Уложенія Соколинчья Пути“ и проч., издалъ Петръ Бартеповъ. Москва. 1856.

Съ самаго начала, скажемъ прямо, что статья наша написана не о книгѣ, изданной г. Бартеповымъ, а только по поводу ея. Книга эта вовсе не такъ важна, чтобы нужно было много говорить о ней. Письма, собранныя г. Бартеповымъ, всё уже были напечатаны,—новаго ничего не нашель или не хотѣлъ искать онъ, и едва ли была особенная надобность перепечатывать матеріалы, уже напечатанные въ издашіяхъ; доступныхъ всёмъ вслѣдователямъ, и, по правдѣ говоря, не представляющіея слишкомъ важными для историка. Г. Бартеповъ думаетъ иначе, — онъ считаетъ изданія, въ которыхъ были напечатаны письма Алексѣя Михайловича, рѣдкими,—но съ этимъ трудно согласиться: что же за рѣдкость „Акты“ Археологической Экспедиціи и Археологической Коммиссіи (въ которыхъ напечатаны письма къ Матюшкину), „Полное Собрание Законовъ Россійской Имперіи“ (въ которомъ напечатано „Уложеніе Соколинчья Пути“), „Акты Археологической Экспедиціи“ и „Чтенія въ Обществѣ Исторіи“ (въ которыхъ напечатаны письма къ Никону), „Акты Археологической Экспедиціи“, „Москвитянинъ“ 1851 года (иное дѣло, еслибъ то былъ „Москвитянинъ“ 1856 года, составляющій, дѣйствительно, чрезвычайную рѣдкость) и „Описание Рукописей Румянцевскаго Музея“ (въ которыхъ напечатаны остальные письма)—всѣ эти книги трудно считать рѣдкими. Трудно также согласиться, чтобы письма, собранныя теперь г. Бартеповымъ, имѣли слишкомъ большую важность для исторіи,—письма къ Никону, дѣйствительно, интересны по содержанию, хотя не представляютъ особенно важныхъ новыхъ фактовъ,—о большей части другихъ писемъ нельзя сказать и того, чтобы они были даже особенно любопытны. Ни одного важнаго факта они не содержатъ, ни одной новой черты въ характерѣ царя Алексѣя Михайловича не открываютъ. Все, что мы читаемъ въ нихъ, мы знали-бъ и безъ нихъ — именно, что Алексѣй Михайловичъ былъ государь умный и правдивый, имѣлъ доброе сердце, любилъ соколиную охоту и уважалъ Никона.

Но если бы книга г. Бартепова и была такъ важна, чтобы заслуживать подробнаго разбора, теперь было бъ уже излишнимъ много говорить о

ней, послѣ того, какъ г. Забѣлинъ (въ № 1 „Отечественныхъ Записокъ“ нынѣшняго года) далъ очень основательную оцѣнку ея и показалъ какъ неполноту плана, по которому составленъ этотъ сборникъ, такъ и недостатокъ критики и частую ошибочность понятій въ примѣчаніяхъ, составленныхъ къ изданнымъ въ ней письмамъ и „Уложению Сокольниковъ Пути“.

Мы не хотѣли писать разбора книги, а еслибъ и думали сдѣлать это, то уже опоздали бъ съ своимъ трудомъ. Но мы хотѣли воспользоваться появленіемъ книги г. Бартенева для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ времени, къ которому относятся собранныя въ ней письма. Въ примѣчаніяхъ, которыми сопровождаются эти письма, сильно отразился такъ называемый славянофильскій взглядъ, видящій до-петровскую эпоху въ свѣтѣ, гораздо болѣе выгодномъ, нежели въ какомъ представляется она всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ за исключеніемъ славянофиловъ, и вызывающій жестокаго опроверженія со стороны всѣхъ людей, знакомыхъ съ исторіею,— за исключеніемъ опять только славянофиловъ. Мы хотѣли сказать нѣсколько словъ о русскомъ бытѣ въ XVII вѣкѣ.

Но при этомъ мы вовсе не имѣли въ виду оспаривать мнѣнія славянофиловъ о древней Руси—мнѣнія эти находятъ себѣ такъ много противниковъ (опирающихся на тѣ книги, которыя г. Бартеневъ считаетъ рѣдкими,— на изданія Археографической Комиссіи и „Полное Собраніе Законовъ“) и такъ мало защитниковъ, что, по нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ надобности сильно огорчаться ошибками, въ которыя впадаютъ славянофилы при втомъ случаѣ; ошибки эти безвредны, потому что не находятъ себѣ ни сочувствія въ обществѣ, ни такихъ послѣдователей, потеря которыхъ для безпристрастной разработки русской исторіи могла бы считаться прискорбною утратою для науки.

Нѣтъ, мы вовсе не считаемъ нужнымъ къ тысячѣ возраженій и опроверженій, вызванныхъ славянофильскими особенностями понятій о русской исторіи, присоединять еще новое, тысяча -- первое. Мы хотимъ не для специалистовъ, а для большинства публики,—сказать нѣсколько словъ объ одной чрезвычайно важной отрасли свѣдѣній относительно стараго русскаго быта,— объ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей. Ученые пользуются для своихъ изслѣдовацій этими источниками съ полнымъ сознаніемъ ихъ драгоцѣнности и уже, конечно, не нуждаются для этого въ чьихъ либо наставленіяхъ и указаціяхъ. Но массѣ публики матеріалы, представляемые сочиненіями иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, къ сожалѣнію, не такъ доступны, какъ бы того надлежало желать,—мы хотѣли бы обратить вниманіе на этотъ чрезвычайно чувствительный недостатокъ.

Вмѣсто того, чтобы перепечатывать матеріалы, которые давно уже напечатаны въ издаціяхъ, доступныхъ каждому, не лучше ли было бы позаботиться объ изданіи на русскомъ языкѣ важнѣйшихъ сочиненій, написанныхъ о старой Руси иноземцами? По своей драгоцѣнности для изученія нашего стариннаго быта, они важны не менѣе, нежели наши отечественные источники, быть можетъ, даже важнѣе ихъ. Герберштейнъ и Олеарій, конечно, не уступаютъ обиліемъ и драгоцѣнностью сообщаемыхъ ими фактовъ самому Кошихину, и далеко превосходятъ его наблюдательностью и проницательностью.

Говоря это, мы повторяемъ то, что думаетъ каждый изслѣдователь русской старины. Но изъ числа читателей, не занимавшихся спеціально этимъ дѣломъ, вѣроятно, найдутся нѣкоторые, готовые уже возразить: „Но авозвмные путешественники большею частью смотрѣли на насъ глазами, предубѣжденными не въ нашу пользу, и слишкомъ мало знали нашъ бытъ“.

Такое предубѣжденіе противъ достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ иноземными писателями о старой Руси, совершенно несправедливо. Въ XVI, въ XVII вѣкѣ не было у Западной Европы и не могло быть никакихъ причинъ чувствовать недоброжелательство къ русскому царству или русскому народу. У насъ не было никакихъ политическихъ столкновеній съ Франціею, Австріею или Англіею; онѣ в не предчувствовали, что наше могущество или расширеніе нашихъ предѣловъ на югъ и западъ можетъ когда нибудь возбудить ихъ зависть. Напротивъ, торговая выгода внушала англичанамъ естественное благорасположенію къ странѣ, сношенія съ которою доставляли имъ значительную пользу. Австрія дорожила нами, какъ своими естественными союзниками противъ турокъ. Вся Германія, посылая на службу къ намъ столько тысячъ своихъ сыновей, не могла не чувствовать расположенія къ государству, кормившему многочисленную ея колонію; всѣ остальные народы Западной Европы, имѣя болѣе или менѣе многочисленныхъ соотечественниковъ въ этой же самой московской колоніи, питали къ намъ подобное же чувство. Вражда къ намъ могла въ XVII вѣкѣ существовать только у ближайшихъ нашихъ сосѣдей—шведовъ и поляковъ,—но какое вліяніе имѣло мнѣше этихъ народовъ на образъ мыслей Западной Европы? Ровно никакого.

Съ Петра Великаго положеніе дѣлъ измѣняется. Россія принимаетъ участіе въ европейской политикѣ и, смотря по ходу дипломатическихъ отношеній, имѣетъ каждое изъ государствъ Западной Европы то въ числѣ друзей, то въ числѣ недруговъ,—но до Петра Великаго, повторяемъ, не имѣя никакихъ столкновеній съ европейскими политическими дѣлами, не возбуждая никакихъ опасеній, она не могла ожидать и, дѣйствительно, не находила въ народахъ и правительствахъ Западной Европы никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ готовности къ благорасположенію, которое постоянно и обнаруживалось ими при всѣхъ случаяхъ. Западные послы всегда являлись къ намъ съ какими нибудь дружественными предложеніями, если не просто съ деликатными, предупредительными поздравленіями и подарками; наши послы всегда бывали принимаемы въ западныхъ государствахъ дружелюбно и ласково, какъ дорогіе гости, которыхъ всѣ правительства радушно готовы были баловать. При такихъ отношеніяхъ никакъ нельзя предполагать возможность систематической вражды къ намъ въ западныхъ путешественникахъ XVI и XVII столѣтій.

„Но они были предубѣждены, что мы народъ грубый, невѣжественный“,—это ужъ совсѣмъ иное дѣло. Мнѣше о степени народной образованности вовсе не то, что любовь или нелюбовь къ народу. Мы не будемъ говорить о томъ, справедливо ли было общее мнѣше Западной Европы о низкой степени нашего образованія, и замѣтимъ только, что, еслибъ даже было оно несправедливо, и тѣ понятія о нашемъ невѣжествѣ, съ которыми

иноземецъ XVII вѣка вѣзжалъ въ Россію, были совершенно неосновательны, это отразилось бы въ его путевыхъ запискахъ самымъ выгоднымъ для насъ образомъ. Чѣмъ меньше человекъ ожидаетъ найти, тѣмъ выше оцѣниваетъ онъ найденное: у кого велики ожиданія, тотъ строгъ; чѣмъ менѣе ожиданій, тѣмъ болѣе бываетъ снисходительности. Никто не восхищается, находя въ парижемскомъ Институтѣ людей, хорошо знающихъ астрономію; но никто не можетъ безъ восторга говорить о курскомъ мѣщанинѣ, составлявшемъ таблицы ватмѣшій, потому что никто не ожидалъ найти между курскими горожанами астрономовъ. Такъ было и съ иноземными путешественниками въ Россіи XVII вѣка,—все хорошее, что они могли замѣтить, они выставляютъ на видъ сильнымъ образомъ, именно потому, что приготовились къ самымъ умѣреннымъ требованіямъ, которымъ легко удовлетворить, которыя легко превзойти. Они хвалятъ природную красоту лица русскихъ, удивляются ихъ благотворительности, восхищаются ихъ здравымъ смысломъ и проникательностью, замѣчаютъ въ нихъ сильное расположеніе къ просвѣщенію, удивляются образованности Матвѣева, благоговѣютъ передъ геніальностью и благими планами Голицына, съ умилешемъ превозносятъ кротость царя Алексѣя Михайловича. Все, что могутъ замѣтить они хорошаго въ Россіи, возбуждаетъ въ нихъ самый живой интересъ и самое дружеское участіе.

„Но если они говорили и безпристрастно, или, скорѣе, даже съ готовностью нѣсколько выше мѣры хвалить хорошее въ насъ, то съ достаточнымъ ли знаніемъ дѣла они говорили? Иные утверждаютъ, будто они не понимали и не знали насъ“. Само собою разумѣется, что изъ нѣсколькихъ сотъ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, многіе были люди не достаточно наблюдательные или проникательные, многіе не имѣли достаточно времени, чтобы хорошо узнать описываемую страну,—но не о нихъ, конечно, идетъ рѣчь, на нихъ никто и не проситъ обращать вниманіе. Но такіе люди, какъ Герберштейнъ, Флетчеръ, Олеарій, Мейербергъ и многіе другіе, были люди замѣчательнаго ума и проникательности и имѣли довольно времени, чтобы хорошо узнать насъ.

Но лучше всего можетъ разсѣять всякую предубѣжденіи противъ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ важнѣйшими изъ иноземныхъ писателей о Россіи, знакомство съ этими извѣстіями, еще слишкомъ мало извѣстными у насъ людямъ, не занимающимся специально разработкою русской исторіи и не имѣющимъ охоты и времени отыскивать старинные фолианты и утомлять себя чтеніемъ поддѣльной латыни и устарѣлаго нѣмецкаго или англійскаго слога. Всѣ наши домашніе источники едва ли могутъ доставить намъ столько вѣрныхъ и важныхъ замѣчаній о старинномъ русскомъ бытѣ, какъ рассказы иноземныхъ писателей.

Чтобы доказать справедливость этого мнѣнія людямъ, не имѣвшимъ случая читать въ подлинникъ Герберштейна, Олеарія, Нѣвилля, Вебера, Корба, и проч., мы сообщимъ здѣсь краткій очеркъ частнаго быта русскихъ въ XVI—XVII вѣкахъ, составленный исключительно по иноземнымъ писателямъ и заимствуемый нами изъ компіляціи знаменитаго полигистора Мейнерса,—*„Vergleichung dee ältern und neuern Ruaslandes etc. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber, топ С. Meiners. Leipzig.*

1798".—Само собою разумѣется, что книга о Россіи, составленная чело-вѣкомъ, никогда не бывавшимъ въ Россіи, не можетъ не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ и особенно опечатокъ въ собственныхъ именахъ,—но по всей справедливости надобно сказать, что, несмотря на всѣ свои опечатки и мелочныя недоразумѣнія, Мейнерсъ лучше познакомить своего читателя съ Россіею, нежели цѣлыя сотни русскихъ книгъ, въ которыхъ собственныя имена напечатаны безъ ошибокъ.

Впрочемъ, и то сказать, что сравнивать книгу Мейнерса въ нашей литерату-рѣ до сихъ поръ ровно не съ чѣмъ,—вѣдь мы до сихъ поръ не имѣемъ сочиненія, которое изображало бы намъ бытъ старой Руси въ полной картинѣ,—если не считать „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“ Успенскаго, сочиненіе, которое, впрочемъ, никѣмъ и не принимается въ счетъ, когда дѣло идетъ о русской исторіи.

Предварительно замѣтимъ, что Мейнерсъ вообще очень сильно рас-положенъ въ пользу Россіи, и компиляцію свою составилъ онъ главнымъ образомъ съ тою цѣлю, чтобы защитить Россію искуснѣе и лучше, нежели какъ то дѣлали иные неловніе панегиристы ея явъ западныхъ писателей, возбуждавшіе только недовѣрчивость и вызывавшіе въ разсудительныхъ чи-тателяхъ невыгодное мнѣніе о странѣ, которую хвалили съ очевиднымъ на-рушеніемъ и правды и правдоподобіи. Мейнерсъ хочетъ своею компиляціею защитить Россію и отъ ея худителей и отъ тѣхъ панегиристовъ, похвала ко-торыхъ опаснѣе самой брани.

Мы не будемъ касаться тѣхъ главъ его книги, въ которыхъ изда-ются такъ называемыя государственныя древности, — это завлекло бы васъ слишкомъ далеко, а ограничимся только извлеченіемъ изъ главъ, касающихся частнаго быта, — и тутъ, впрочемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ описанія обрядовъ, — свадебъ и т. п., и обращая вниманіе исключительно на черты нравовъ.

Читатели, сравнивая факты, сообщенные иноземцами о старинѣ, съ тѣмъ, чтѣ извѣстно каждому изъ насъ, знакомому съ бытомъ сословія, не првнявшихъ европейскаго образа жизни, могутъ судить, вѣрно ли изобра-жали нашъ старинный бытъ путешественники, подобные Олеарию и другимъ названнымъ нами выше. Тѣхъ, которые вздумали бы сомнѣваться въ вѣр-ности того или другаго изъ дѣлаемыхъ ими замѣчаній, мы просимъ поду-мать о томъ, не существуютъ ли до сихъ поръ остатки указаннаго ими факта народныхъ привычекъ и понятій въ тѣхъ классахъ, которые спра-ведливо считаются наиболѣе сохранившими старину въ своихъ нравахъ и идеяхъ.

По тѣлосложенію и чертамъ лица русскіе являлись путешественникамъ европейцами; врожденная, хотя чрезвычайно придавленная обстоятельствами, склонность къ любознательности также убѣждала путешественниковъ, что въ Московіи живетъ народъ, близко родственныи по складу ума другимъ евро-пейцамъ. Но привычки и нравы, даже понятіи русскихъ казались имъ на-поминающими Азію. Теперь мы знаемъ, что это противорѣчіе формъ жизни съ характеромъ русской природы происходило отъ обстоятельствъ историче-скаго развитія, что почти всѣ тѣ явленія, которымъ изумлялись европейцы,

были болѣзненными наростами въ народномъ организмѣ, образовавшимися подѣ влияніями чуждыми и враждебными славянскому характеру, между прочимъ, отъ угнетающаго сосѣдства съ кочевыми дикарями, — вліяніе этого тяжелаго сосѣдства, по мнѣнію проницательнѣйшихъ между нашими историками, не должно ограничивать однимъ фактомъ порабожденія Руси монголами, — уже раньше, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ отъ половцевъ и ихъ предмѣстниковъ, въ народной жизни получили силу таія явленія, которыя были чужды ей и отъ которыхъ остался чистъ сѣверный край русской земли, отдаленный отъ кочевыхъ грабителей. Такъ, на примѣръ, новгородцы были люди, что называется, работяще, промышленные, и остались совершенно чужды предрасудку, что праздность есть необходимая принадлежность знатности. Тоже надобно сказать и о многихъ другихъ чертахъ народной жизни. Азіатскаго и вивангійскаго въ нее вошло чрезвычайно много, такъ что народный духъ совершенно изнемогалъ подѣ игомъ чуждыхъ вліяній.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ нашего сближенія съ Европою обыкновенно представляютъ вторженіе чуждыхъ элементовъ въ нашу жизнь, — это справедливо; но очень часто забываютъ прибавлять, что это вторженіе изгнало другія, еще болѣе чуждыя нашей народной организаціи вліянія... Подчиненіемъ европейской живни мы освобождались отъ гораздо болѣе тягостнаго подчиненія инымъ, не западно-европейскимъ и не славянскимъ народностямъ. Наша народная литература была придавлена иноземными вліяніями гораздо раньше сближенія нашего съ Западною Европою; такъ было и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни. Вѣрность старинѣ въ началѣ XVIII вѣка была просто вѣрностью болѣзненнымъ привычкамъ, навѣянными на насъ предъидущими вліяніями. Сближеніе съ Европою не было отреченіемъ отъ самобытности (уже давно не существовавшей), а только переходомъ изъ одного, стѣснительнаго и бесплоднаго подчиненія къ другому, плодотворному и болѣе легкому.

Но пора намъ отъ всѣхъ этихъ замѣчаній возвратиться къ Мейнерсу и его путешественникамъ. Привычки и нравы нашихъ предковъ казались имъ — и справедливо казались — чисто азіатскими. Начнемъ съ наружности. Красивая славянская организація, миловидное славянское лицо искажались, сообразно восточнымъ понятіямъ о красотѣ, такъ что русскій мужчина и русская женщина, могшіе слѣдовать требованіямъ тогдашняго хорошаго тона, придавали себѣ совершенно азіатскую наружность и совершенно монгольское безобразіе.

Подобно народамъ татарскаго и монгольскаго племени, русскіе считали тучность однимъ изъ главныхъ условій красоты. Когда бывалъ торжественный приѣмъ иноземныхъ пословъ, во дворецъ призывались торговцы, отличавшіеся особенною полнотою тѣла, чтобы своимъ присутствіемъ усилить выгодное впечатлѣніе, производимое блескомъ двора (Петрей *). Правдиво ли это замѣчаніе? Конечно; кто изъ насъ не слышалъ отъ людей, не испорченныхъ западомъ, что красота мужчины въ дородствѣ; это поштіе до сихъ поръ живо въ простомъ народѣ; оно породило многія выраженія на-

*) Цитаты мы не приводимъ, — онѣ могутъ быть найдены у Мейнерса.

роднаго языка, напримѣръ, „раздобрѣть“—значить растолстѣть. Коренное значеніе слова „дородство“—знатность; и такъ признакъ знатности—дородство. Чтобы пріобрѣсть это завидное качество, наши простодушные предки старались по больше спать послѣ обѣда, и въ томъ же соображеніи подпоясывались очень низко и слабо, чтобы поясъ не стѣснялъ живота и не мѣшалъ пищеваренію (Петрей). Простолюдины носятъ поясъ дѣйствительно очень низко и слабо, и объясняютъ этотъ способъ ношенія пояса тѣмъ, чтобы „не помять живота“ или „кишокъ“. Что послѣобѣденный сонъ содѣйствуетъ тому же результату, извѣстно у насъ каждому, обращавшемуся съ людьми, любящими этотъ способъ препровожденія времени. Итакъ, замѣчаніе иноземцевъ о главномъ условіи мужской красоты по старымъ русскимъ понятіямъ подтверждается; для женщинъ красота состояла въ томъ же качествѣ. Имѣть тонкую талію женщина считала такимъ же порокомъ, какъ и имѣть наленкия ножки (Нѣвилль). Рѣдко случается слышать сужденія простаго народа о маленькихъ ножкахъ—онъ очень мало обращаетъ вниманія на этотъ предметъ, но когда заговорить о немъ, то дѣйствительно требуетъ дебелости и прочности. Что же касается тонкости таліи, то, конечно, всякому извѣстно, что въ быту купцовъ и зажиточныхъ мѣщанъ, дѣвушка невѣста считается тѣмъ красивѣе, чѣмъ она толще; что на „поджарую“ или „сухопарую“ женихъ съ „неиспорченнымъ“ вкусомъ не польститя. Для достиженія этого совершенства женщины не щадили никакихъ жертвъ,—лежали на кровати цѣлый день, старались, если можно, и спать цѣлый день, и даже пили водку, отъ которой дѣйствительно тучнѣли (Нѣвилль)—все это соблюдается до сихъ поръ; извѣстно, что еще полезнѣе простаго пѣвника для отучнѣнія считается настойка изъ сарсапарили, которую многія женщины и пьютъ цѣлыми стаканами ежедневно, безъ всякой нужды, кромѣ желанія быть тучными.

Извѣстно также, что пристрастіе къ безпрестанному наливанію себя чаемъ у купчихъ основывается на томъ расчетѣ, чтобы разбухнуть отъ этого нантка, помогающаго добрѣію, когда пьютъ его въ огромномъ количествѣ и не крѣпкій, а особенно съ прибавленіемъ рому. Такимъ образомъ и заморскіе обычаи обращены на служеніе эстетическому требованію старины. Ганве передаетъ, что часто слыхалъ отъ русскихъ женщинъ: „далъ бы Богъ быть дородной, а за красотой дѣло не станетъ“. Рексоллю говорили, что если въ женщинѣ меньше пяти пудовъ вѣса, то и красавицею нельзя ее вазвать. Онъ прибавляетъ, что эти пятипудовыя красавицы имѣли тѣло вялое и дряблое,—это вещь извѣстная каждому, кто видывалъ красавицъ, образуемыхъ сарсапарилію, чаемъ и лежаніемъ на пуховикахъ. Не говоримъ о томъ, что имѣть черные зубы считалось принадлежностью хорошаго тона,—дѣйствительно, отъ бѣлилъ, употребляемыхъ нашими неиспорченными западомъ модницами, необходимо чернѣютъ зубы—стало быть, имѣть бѣлые зубы можетъ только женщина, не заботящаяся о своей красотѣ, не соблюдающая условій хорошаго тона; а женщины хорошаго тона румянились и бѣлились безъ всякой умѣренности, точно также безопадно сурмили брови и рѣсницы,—даже расписывали на лицѣ жилки синей краскою,—все это и теперь можно видѣть. Воберъ (современникъ Петра Великаго) говорить, что

въ его время было еще въ свѣжей памяти, какъ русскія женщины расписывали себѣ лицо разными изображеніями деревьевъ, звѣрковъ и т. п. Иноземцы находили, что русскія женщины до безобразія расточительны на прикрасы. Вообще путешественники съ большими похвалами отзываются о природной красотѣ русскихъ женщинъ, но говорятъ, что онѣ безобразяютъ себя искусственною тучностью и безпощаднымъ раскрашиваньемъ лица. Пристрастіе къ очень частому употребленію бань было у нашихъ старинныхъ модницъ совершенно восточнымъ способомъ пряхаровожденія времени; онѣ, какъ турецкія одалиски, очень скоро старились отъ неумѣренности въ этомъ развлеченіи.

Это пристрастіе къ банямъ не мѣшало общему восточному пороку—неопрятности, которая удивляла и смущала иноземцевъ. Мы ничего не будемъ говорить объ этомъ предметѣ, слишкомъ замѣтномъ каждому. Замѣтимъ только, что поразительнымъ явленіемъ для путешественниковъ были неизвѣстныя въ Европѣ насѣкомыя—тараканы, тогда, какъ и теперь, покрывавшіе потолки и стѣны, наполнявшіе поставцы и обѣдненные столы. Путешественники рассказываютъ о нихъ съ ужасомъ, — и говорятъ, что ночью они страшно кусаются, — но русскіе изобрѣли средство приводить себя въ безопасность отъ этихъ укушеній: они клали на ночь кусочки хлѣба къ тѣмъ щелямъ, гдѣ особенно многочисленны стада таракановъ, и этою жертвою искупали свои бока. Таннеръ, который первый изъ путешественниковъ замѣтилъ этихъ враговъ, такъ надѣется заинтересовать Европу необычайностью своего открытія, что, не довольствуясь очень подробнымъ описаніемъ интереснаго насѣкомаго, срисовалъ его въ назиданіе нѣмцамъ.

Неопрятность доходила до небрежности, въ иныхъ случаяхъ преступной. Тотъ же Таннеръ рассказываетъ, что видѣлъ, какъ мать всовываетъ въ ротъ младенцу рожокъ съ коровьимъ соскомъ, совершенно уже почернѣвшимъ отъ того, что давнымъ давно началось его разложеніе. Когда онъ говорилъ матери, что давать младенцу такой сосокъ вредно, мать спокойно отвѣчала—„такой у насъ обычай“,—что онъ сохранился доселѣ, знаютъ всѣ, имѣвши случай смотрѣть на кормленіе рожкомъ въ сословіяхъ, не знающихъ заморскаго слова „гигіена“.

Что касается до нравственныхъ качествъ нашихъ предковъ, путешественникамъ казались русскіе самыми хитрыми людьми въ Европѣ. Рейтенфельсъ говоритъ: „русскіе хитрѣ всѣхъ европейцевъ, а москвичи хитрѣ всѣхъ русскихъ“, — отчасти объясняется строгость этого замѣчанія тѣмъ, что путешественники имѣли дѣло преимущественно съ дьяками и подъячими, у которыхъ это качество было достояніемъ ремесла, и съ торговцами, которые также замѣняли плутовствомъ недостатокъ правильности, быстроты и обширности въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Если мы будемъ имѣть въ виду это обстоятельство, то, конечно, намъ не будетъ повода сомнѣваться въ словахъ Рейтенфельса, — кто не имѣлъ случая повѣрить ихъ на дѣлѣ, вѣроятно знаетъ Гоголя, г. Островскаго и г. Щедрина; не надобно только упускать изъ виду, читая ихъ произведенія, что описываемые ими нравы и обычаи—наслѣдіе глубокой старины, въ чемъ могутъ увѣрить насъ иностранные путешественники. Тѣ путешественники, которые имѣли случай по-

знакомился съ русскими людьми, говорить, что это народъ даровитый и очень легко пробуждающійся къ любознательности; и что если они оставались въ невѣжествѣ, то единственно вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Флетчеръ прибавляетъ, что поддержка невѣжества въ руссамъ народъ была дѣломъ систематическаго плана: этимъ средствомъ бояре, подъячіе и пр. хотѣли предотвратить всякую возможность мысли о нововведеніяхъ, которыя были бы несогласны съ ихъ выгодами, — объясненію, подтверждаемое всею исторіею XVII вѣка. Система эта имѣла двѣ стороны: такъ какъ необходимо было для различныхъ государственныхъ потребностей имѣть людей съ техническими знаніями—артиллеристовъ, инженеровъ и проч., и такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ не хотѣли допускать русскихъ къ образованію, то и держались такого плана: всѣхъ нужныхъ для государства техниковъ брать изъ-за границы, не допуская того, чтобы сами русскіе учились чему-нибудь. До Петра Великаго пріемъ иноземцевъ въ русскую службу былъ средствомъ къ предотвращенію развитія образованности между самими русскими. Подобное объясненію находимъ и у Мейерберга. Борисъ Годуновъ и Никонъ, задумавъ нѣсколько отступить отъ этой системы, возбудили противъ себя общее неудовольствіе. Бояре, вѣрные хранители системы, находили для себя личную выгоду неуклонно поддерживать ее. Иноземцы не могли быть ихъ соперниками, а если бы явились образованные люди между русскими, то каждый бояринъ могъ опасаться, что они перебьютъ у него дорогу къ почестямъ.

Корбъ (современникъ Петра Великаго) приводитъ еще другую причину того, что до Петра Великаго не дозволяли русскимъ посѣщать Европу: бояре не хотѣли давать русскимъ возможности узнать, что въ Западной Европѣ больше благосостоянія, нежели въ Россіи. Нынешній царь (Петръ Великій) напротивъ желаетъ этого, прибавляетъ Корбъ, чтобы они могли видѣть, чего имъ недостаетъ, и старались исправить свои недостатки.

Иноземцы, служившіе въ Россіи до Петра, были полезны государству, удовлетворяя ого потребностямъ, но на развитіе самого народа не оказывали почти никакого вліянія, если исключить нѣкоторыя ереси, происхождение которыхъ приписывается вліянію лютеранъ, соцініанъ или квакеровъ, но которыя находили себѣ очень мало послѣдователей, не имѣя ничего общаго съ русскимъ расколомъ. Планъ, объясняемый намъ наблюдательными иноземцами, основанъ былъ на томъ вѣрномъ разсчетѣ, что сами иноземцы, призываемые въ Россію, будутъ находить свою выгоду въ его соблюденіи: распространеніе внаній въ рускомъ народѣ прекратило бы необходимость въ иноземцахъ, и потому они дѣйствительно не имѣли ни малѣйшей охоты сообщать русскимъ свои знанія или возбуждать въ русскихъ любознательность: иноземцы, находившіеся въ русской службѣ, хранили свою образованность, какъ тайну своей касты, говорятъ о нихъ путешественники.

Изъ всѣхъ качествъ или привычекъ русскаго народа путешественники удивлялись болѣе всего терпѣливости русскихъ людей въ перенесеніи лишеній всякаго рода. Правда, смертность между взрослыми, и особенно между дѣтьми, была чрезвычайно велика, — но за то тѣ, которые оставались въ живыхъ, не боялись, — повидимому, не чувствовали—ни холода, ни внезап-

ныхъ переходовъ наъ зноя въ морозъ (не забудемъ знаменитаго обычая перевернуться въ снѣжномъ сугробѣ или окунуться въ проруби, соскочивъ съ баннаго полка—этого обычая, по мнѣнію иныхъ, даже нашихъ современниковъ, дающаго намъ право съ гордостью смотрѣть на хилое здоровье всякаго иноземца, даже англичанина или шведа, мускулы котораго сильнѣе нашихъ), не боялись и, повидному, не чувствовали голода, могли, не морщась, кормиться самою несытною и тяжелою пищью и т. д. Чувства и желудокъ ихъ были уже привычны ко всему этому. Раасказы иноземцевъ совершенно противорѣчатъ повѣрью, которое полагаетъ, что въ старину Русь жила въ родѣ того, какъ мечтали иногда жить современные намъ простолюдины на рѣкѣ Дарѣ, у которой берега кисельные, а вода сытовая: не говоря уже о частыхъ голодныхъ годахъ, и въ обыкновенные годы нищета была страшная. „Не думаю,—говорить одинъ путешественникъ,—чтобы на цѣломъ земномъ шарѣ нашелся народъ столь бѣдный, какъ жители Россіи. Множество несчастныхъ постоянно находятся тамъ въ опасности умереть съ голоду и, дѣйствительно, голодная смерть въ Россіи—ежедневный случай. Лѣтомъ многіе питаются травкою и кореньями; древесною корою иногда питаются круглый годъ“. (Дженкинсонъ, въ половинѣ XVI вѣка).

„Народъ терпитъ такіа притѣсненія и подвергается такимъ поборамъ,—говорить другой путешественникъ, посѣтившій Россію лѣтъ черезъ пятьдесятъ,—что въ каждой провинціи есть очень много совершенно запустѣвшихъ мѣстечекъ и деревень. Угнетеніе и поборы отнимаютъ у мѣщанъ и поселянъ всякую охоту заниматься своею работою съ усердіемъ. И если у какого-нибудь русскаго простолюдина есть что-нибудь цѣнное, онъ самымъ старательнымъ образомъ прячетъ эту вещь въ землю или отдаетъ въ монастырь,—какъ это бываетъ въ иныхъ земляхъ тогда, когда ждуть непріятельскаго нашествія. Я самъ часто видѣлъ, какъ они, когда показывали намъ лучшую свою шубу или какую-нибудь другую цѣнную вещь, постоянно озирались, особенно посматривали на дверь, какъ будто каждую минуту боялись, что вотъ взойдетъ кто нибудь и отниметъ у нихъ эту вещь. Пьянство и лѣность развиваются въ русскихъ главнымъ образомъ отъ необезпеченности имущества. Они только о томъ и думаютъ, какъ бы изъ рукъ да прямо въ ротъ,—иначе, все равно, отнимутъ же у нихъ, полагаютъ они. Потому-то и всѣ русскіе продукты—сало, кожи, воскъ, медъ вывозятся за границу гораздо въ меньшихъ количествахъ, нежели вывозились бы при обезпеченности имущества“. (Флетчеръ).

Страшныя лишенія, которымъ подвергался русскій въ старину, притупляли его чувства въ перенесеніи физической боли,—но точно также притупляли въ немъ и жалость къ страданіямъ другихъ,—при всей врожденной добротѣ сердца, вообще русскіе были въ старину народъ безжалостный; помочь ближнему и заставить его страдать было для нихъ одинаково легко; первое было внушеніемъ врожденнаго качества; второе, гораздо сильнѣе и чаще выступавшее наружу, было слѣдствіемъ ожесточенія отъ скорби и лишеній.

Дурно вообще ѣли русскіе и часто терпѣли нужду — по извѣстному закону психологіи, недостатокъ вызываетъ стремленіе къ излишеству, и ха-

ракторомъ обычнаго хода жизни, иодиѣченнаго Дженкинсоновъ и Флетчеровъ, надобно объяснять развитію страсти къ многоѣдешю, которому русскій встарину предавался всегда, если только могъ.

Дѣло извѣстное, что наши предки любили много покушать. Герберштейнъ говоритъ, что многіе изъ людей небогатыхъ, когда бывали приглашаемы къ обѣду какого нибудь боярина, по два и по три дня передъ этимъ ничего не ѣли, чтобы плотнѣе поѣсть вкуенныхъ блюдъ. Мейербергъ прибавляетъ, что даже при торжественныхъ обѣдахъ во дворцѣ, когда во всемъ соблюдался такой строгій этикетъ, бояре ѣли чрезвычайно много, до обжорства и тошноты.

Простой народъ по праздникамъ предавался тѣмъ безмѣрнѣйшему разгулу, чѣмъ болѣе терпѣлъ лишешій въ простые дни. Очень обыкновеннымъ случаемъ бывало, что, пропивъ все, даже одежду, человекъ выходилъ изъ кабака въ одной рубашкѣ и падалъ въ грязь (Олеарій).

Особенно предавался народъ пьянству на масляницѣ и на Свѣтлой недѣлѣ,—на масляницѣ множество несчастныхъ пьяницъ находили на улицахъ замерзшими, множество другихъ, упавшихъ на улицѣ, бывало растерзано собаками, другихъ убивали мошенники. „Прежде бывало на масляницѣ буйства больше, нежели теперь,—говоритъ патеръ Авриль (путешественникъ конца ХVІІ вѣка),—а между тѣмъ, меня увѣряли, что и нынѣ въ одну первую ночь масляницы найдено по московскимъ улицамъ болѣе 40 человекъ убитыхъ,—но что простой народъ недоволенъ незначительностью этого числа: они полагаютъ, что чѣмъ больше окажется людей, убитыхъ въ эту ночь, тѣмъ урожайнѣе будетъ годъ“. Невилль увѣряетъ, что число пьяныхъ, замерзающихъ на улицахъ въ Москвѣ на масляницѣ, бываетъ отъ двухъ до трехъ сотъ,—онъ самъ видѣлъ, что каждое утро провозятъ на однѣхъ розвальняхъ десять или двѣнадцать труповъ, изъ которыхъ иные изгрызаны собаками,—„это зрѣлище довольно возмутительное“, по его мнѣнію.

Такъ какъ эта черта старины исчезла, то мы подкрѣпимъ неправдоподобныя слова очевидцевъ иноземцевъ свидѣтельствомъ Кошихина, — онъ говоритъ, правда, не о масляницѣ, но тѣмъ пріятнѣе будутъ здѣсь стариннолюбцу его слова: они показываютъ умилительную неизмѣнность принципа, пользующагося всякимъ случаемъ для того, чтобы проявиться во всемъ своемъ трогательномъ постоянствѣ:

„Когда случится царю отъ сего свѣта переселиться во оный покой... горе тогда людямъ, будущимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество; а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска полу и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ болши ста человекъ“.

Грабежи и разбои были повсемѣстны. Даже въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, не проходило ночи безъ того, чтобы не было разграблено нѣсколько домовъ и не было найдено по утру на улицѣ нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Грабители были такъ смѣлы, что среди дня нападали на улицѣ на человека, при которомъ думали найти деньги, чтобы убить и ограбить его.

Когда ночью раздавались на улицѣ вопли убиваемаго, никто изъ живнпхъ въ сосѣднихъ домахъ не смѣлъ выходить за двери, чтобы помочь ему — остатки этого обычая очень сильны до сихъ поръ, какъ то можетъ всякій узнать по опыту, если поживетъ въ провинціальномъ городѣ. Даже ночные сторожа, находившіеся при богатыхъ домахъ, не выходили на крикъ, пли потому, что сами трусили грабителей, или потому, что бывали съ ними въ согласіи. Не нужно послѣ этого говорить о степени безопасности до-рогъ. Слова Олеарія подтверждаются Мейербергомъ, Вебсомъ, Корбомъ п Брюсомъ. Мейербергъ прибавляетъ, что нищіе очень часто крали и звѣр-скимъ образомъ уродовали дѣтей, чтобы собирать больше милостыни, пока-зывали ихъ увѣчья и язвы, — изрѣдка подобные случаи повторялись, какъ всякому извѣстно, до недавняго времени.

Часто случается слышать мнѣніе, что пьянство распространяется въ народѣ. Не знаемъ, до какой степени можетъ распространяться порокъ, издавна бывший всеобщимъ. Олеарій находилъ кабаки во всѣхъ деревняхъ. Мы знаемъ, что правительство въ XVI и XVII столѣтіяхъ пыталось иногда воспрещать продажу пѣннаго вина, чтобы удержать гибельную привычку. Но эти запрещенія оставались безеильны, говорить Олеарій, объясняющій и спосо-бы, которыми дѣйствіе запрещенія обезеивалось.

Въ чувственной любви многіо предавались такимъ излишествомъ и по-рокамъ, что Флетчоръ замѣчаетъ: „Я не хочу говорить объ этомъ, потому что это слинкомъ гнусно, такъ что позорно и рассказывать. Вся страна наводнена всевозможными грѣхами этого рода“. Пстрей, Олеарій, Рейтен-фельсъ и Карлейль говорить, что эти пороки въ Московні столь же часты, какъ и безнаказанны, что подобными привычками хвастають, какъ дѣломъ хорошаго тона, что на улицахъ показываются райки съ маршнетками, пред-ставляющими неблагопристойныя сцены, и что па эти представленія смотреть молодые люди обоого пола, даже мальчики и дѣвочки. Путешественники упоминають и о слѣдствіяхъ обычая женить малолѣтняго мальчика на взрослой дѣвушкѣ, — слѣдствія этого обычая бывали пріятны для свекра, и по-тому духовенство напрасно усиливалось препятствовать подобнымъ бракамъ. Нечего говорить о томъ, что всѣ эти гнусныя привычки имѣли чисто во-сточный характеръ.

Очень наивны кажутся послѣ этого предположенія, что сближеніе съ Западною Европой могло имѣть дурное вліяніе на нану нравственность.

По крайней мѣрѣ, не изъ Западной Европы перешло къ намъ очень игривое устройство, которое до недавняго времени сохраняли въ столицахъ (а въ иныхъ провинціяхъ, говорить, сохраняють и до сей поры) торговыя бани, въ которыхъ мужчины и женщины моются вмѣстѣ, — это устройство подробно описано путешественниками, прибавляющими рассказы о различ-ныхъ видѣнныхъ ими случаяхъ самаго наглаго цинизма со стороны женщинъ, которыя вовсе не принадлежали къ записнымъ жертвамъ порока. Кто чн-талъ хотя что нибудь о востокѣ, тому ясна связь этихъ фактовъ съ га-ремпою жизнью.

Не нужно ничего говорить о томъ, какой характеръ имѣли семейныя отношенія при подобной обстановкѣ. Не будемъ распространяться о сурово-

сти отношений отцовъ къ дѣтямъ, хозяевъ къ домашней челяди, мужей къ женамъ, — тѣмъ болѣе, что слишкомъ ясные слѣды этихъ привычекъ сохранились до сихъ поръ. Но кстати, замѣтимъ, что у Герберштейна есть анекдотъ, подтверждавшій давность знаменитаго преданья, будто, по мнѣнiю русскихъ женъ, мужъ мало любитъ жену, если мало бьетъ ее. Герберштейнъ говоритъ, что у него былъ въ Москвѣ знакомый кузнецъ, нѣмецъ Йорданъ, который женился на русской. Этотъ почтенный кузнецъ однажды рассказывалъ самъ Герберштейну, что до сей поры не билъ своей жены, а теперь началъ бить. „Зачѣмъ же“? спросилъ Герберштейнъ. — „Да она все тосковала, и наконецъ сказала мнѣ, отчего тоскуешь: думаетъ, что я не люблю ее. потому что не бью“. Въ простомъ народѣ до сихъ поръ вы всегда можете услышать подобный рассказъ. Несмотря на всю неправдоподобность предположенiя, что можетъ челрвѣкъ измѣрять степень любви силою побоевъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что это соразмѣренiю дѣйствительно существовало: если бы Герберштейнъ самъ выдумалъ приводимый имъ анекдотъ, то вѣдь не изъ Герберштейна же узнали о неразрывности любви супружеской съ побоями тѣ простолюдины, отъ которыхъ вы слышите подобные рассказы. Надобно также вспомнить изрѣчешіе, столь часто повторяемое нашимъ народомъ „кого люблю, наказую“, и пословицу „жену люби какъ душу, трепи какъ грушу“ и т. д., и т. д. Кстати, бывали иногда люди, которые считали клеветою или непонимашемъ русскихъ нравовъ увѣренiе иностраннхъ писателей, что знаменитый элементъ нашихъ свадебныхъ обрядовъ — плеть, по смыслу народнаго обычая вручается мужу не для одной аллегорiи, а для серьезнаго употребленiя.

О церемонiяхъ свадебнаго пира и т. д., съ ихъ циническими подробностями относительно состояшiя невѣсты мы не говоримъ, — не говоримъ и вообще о церемонiяхъ и обрядахъ домашней жизни нашихъ предковъ, — восточный характеръ всего этого такъ и рѣжетъ глаза своею рѣшительною несообразностью съ основными качествами славянскаго характера. Коренной славянскій смыслъ ихъ совершенно закрывается чисто азиатскою формою, въ какую облеклись они.

Всѣ путешественники говорятъ объ удивительной недовѣрчивости русскихъ, не къ иностранцамъ только, но также и другъ къ другу — она очень натуральна была при всеобщихъ безпорядкахъ и отсутствiи безопасности, — хитрить и притворяться было дѣломъ необходимости.

О торговыхъ людяхъ Герберштейнъ говоритъ: „они очень строго требуютъ исполненiя всѣхъ условiй со стороны того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, но сами стараются не исполнять никакихъ обѣщанiй и обманывать всячески. Разъ я попросилъ одного боярина купить мнѣ шубу, — какъ только узнали объ этомъ торговцы, тотчасъ же сбѣжались къ нему, предлагая подѣлиться съ нимъ частью барыша, если онъ устроитъ дѣло повыгоднѣе для нихъ. Вообще, русскіе торговцы запрашиваютъ за товаръ въ десять и двадцать разъ больше настоящей цѣны; но при томъ и сами такъ плохо знаютъ цѣну многихъ вещей, что часто платятъ за вещь въ десять разъ больше, нежели она стоитъ“. Тоже говорятъ Петрей, Мейербергъ и Корбъ. „Русскіе, рассказываетъ Петрей, обыкновенно просятъ 10 или 12 талеровъ за вещь, ко-

тору ю потомъ уступать ва полгульдена. Это они дѣлають потому, что находятя незнающіе покупщики, дающіе 30 или 40 талеровъ за вещь, которая не стоитъ больше 10. Чтобы обмануть такого покупщика, сговариваются четверо или пятеро плутовъ. Только что входитъ покупщикъ, является, будто посторонній человекъ, одинъ изъ числа шайки, и даетъ за вещь гораздо больше цѣны, предложенной покупщикомъ,—если удастся обмануть его этою уловкою, и онъ даетъ больше, соумышленники дѣлятъ барышъ и смѣются надъ глупцомъ. Въ торговлѣ, отецъ не вѣритъ сыну, сынъ отцу“. „Единственное средство не быть обмануто въ торговомъ дѣлѣ съ русскими, говорить Мейербергъ, состоитъ въ томъ, чтобы отдавать деньги не иначе, какъ взявъ уже вещь въ руки“.—Мастеровые были похожи на торговцевъ.

Бережливость русскихъ путешественники хвалять; по ихъ словамъ. расточительность была неизвѣстна нашимъ предкамъ; замѣчаютъ также и ихъ щедрія милостыни нищимъ, которыхъ отъ того развелось безчисленное множество.

О продажности суда и администраціи, о взяточничествѣ воеводъ и подъячихъ и т. д., и о томъ, что всякія строгости къ некорененію взяточничества оставались совершенно бесполезны, мы ничего не говоримъ — это фактъ извѣстный, при томъ же онъ и не входитъ въ планъ нашего извлеченія, ограничивающійся одними частными отношеніями частныхъ лицъ.

Какое заключеніе слѣдуетъ изъ всего этого обзора? По нашему мнѣнію, то самое, какое дѣлаеть Мейнерсъ:

„Какъ бы ни судили мы о настоящемъ нравственномъ состояніи русскихъ, но должно согласиться, что въ прежнія времена они были гораздо въ худшемъ состояніи; что у русскихъ теперь, и въ высшихъ сословіяхъ и въ простомъ народѣ, исчезли многія дурныя черты стараго времени и приобрѣтены многія хорошія качества, которыхъ не доставало ихъ предкамъ. Въ будущемъ нравы конечно еще улучшатся, при улучшеніи внутренняго управленія и воспитанія и при распространеніи образованности, и мало по малу будутъ истребляться въ народѣ всѣ дурныя наклонности. Но для этого необходимо имъ не ослѣплять самихъ себя на счетъ своего состояніи“. (Meiners, Vergleichung etc. I, 295—296).

— Этою единственною цитатою и закончимъ нашъ обзоръ, чтобы хотя послѣдняя строка его удовлетворяла требованіямъ формы, относительно которыхъ были такъ взыскательны наши предки. Прибавимъ только, что изданію „Библиотеки иноземныхъ писателей о Россіи до Петра Великаго“ было бы величайшею услугою для расширенія взглядовъ на смыслъ русской исторіи. Мы слышали, что планъ такого изданія существуетъ,—надобно желать, чтобы онъ былъ скорѣе приведенъ въ исполненію. Мы слышали, будто этотъ планъ полагаетъ необходимою издавать писателей въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, — но не хотимъ вѣрить тому. Томы русскихъ лѣтописей издавались же не въ хронологическомъ порядкѣ и изданію ничего не потеряло отъ того,—а еслибъ Археографическая Коммиссія вздумала отлагать печатанію готовой къ изданію „Ипатьевской Лѣтописи“ до той поры, пока кончатся приготовленія къ изданію и изданію Нестора, — мы конечно до сихъ поръ не имѣлибъ и половиннаго числа томовъ, изданныхъ теперь. Безъ дальнихъ промедленій за составленіемъ полнѣйшаго (и вѣчно вуждаю-

шагося въ дополненіяхъ новыми открытіями, вѣчно неполнаго) хронологическаго списка путешествій, лучше всего прямо взять да и начать переводить важнѣйшія сочиненія, — Герберштейна, Олеарія и т. д. — въ какомъ угодно порядкѣ, это все равно, лишь бы только дѣло шло безъ излишнихъ проволочекъ, и лишь бы только не начинать изданіемъ перевода именно тѣхъ писателей, въ переводѣ которыхъ всего менѣе надобности, какъ, паприи́врѣ, Приска, который почти столько же касается русской исторіи, сколько и Титъ Ливій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія Н. Щербини. Два тома. Спб. 1857 г.

Первый, очень небольшой по объему сборникъ стихотвореній, изданный г. Щербиною, показалъ въ немъ поэта съ замѣчательнымъ талантомъ. Съ того времени прошло семь лѣтъ. Г. Щербина въ продолженіе этихъ лѣтъ постоянно печаталъ свои произведкія въ разныхъ журналахъ. Многія изъ новыхъ пьесъ были прекрасны,—но извѣстность г. Щербини мало возвышалась до послѣдняго времени, когда начали появляться его „Ямбы“. Благородная мысль, одушевлявшая эти пьесы, живо вызвала сочувствіе каждаго порядочнаго человѣка. Но если мы подумаемъ о томъ, какою громкою одобреніе заслужили пьесы съ современнымъ содержаніемъ г. Бенедиктова, то не можемъ скрыть отъ себя, что поэтъ съ такимъ талантомъ, какъ г. Щербина, касаясь живыхъ идей, долженъ былъ бы возбудить гораздо болыніи восторгъ, — не можемъ защититься отъ мысли, что „Ямбы“ г. Щербини, хотя и не были безсильны, но не производили того дѣйствія, какого должно было бы ожидать отъ пьесъ подобнаго содержанія, писанныхъ человѣкомъ истинно даровитымъ, какимъ не возможно не признавать г. Щербину.

Г. Щербина видитъ, и, мы увѣрены, оцѣнить прямо, съ которою мы говоримъ о его стихотвореніяхъ. Еслибъ мы не были убѣждены въ силахъ его таланта, были увѣрены, что при болѣе вѣрномъ употребленіи своихъ силъ, талантъ его не можетъ явиться публикѣ въ блескѣ, несравненно болѣе высококомъ,—еслибъ мы не были увѣрены въ этомъ, мы не коснулись бы щекотливаго вопроса, нами поставленнаго на видъ. Мы просто сказали бы, что г. Щербина— „одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ въ настоящее время“, что „его прекрасный талантъ отличается такими-то и такими-то превосходными достоинствами“, что „хотя, конечно, и у него, какъ у всякаго другаго, ость произведкія слабыя“ (о чемъ упомянули бы только слегка, для формы), но что „такія-то и такія-то пьесы у него истинно очаровательны своею прелестью, а такія-то и такія-то очень замѣчательны своею благородною энергіею“, — наговорили бы множество похвалъ этимъ прекраснымъ пьесамъ,—и тѣмъ кончили бы нашъ отзывъ. О недостаткахъ пьесъ ничего, или почти ничего; о достоинствахъ—много, очень много. Такъ мы поступили бы, еслибъ дѣло шло о талантѣ обыкновенномъ, который пусть себѣ развивается, какъ случилось, отъ котораго нельзя ожидать ничего луч-

шаго, нежели тѣ прекрасныя пьесы, которыя онъ уже далъ намъ. Но талантъ г. Щербинѣ—это дѣло совершенно другое. Вопросъ о немъ довольно важенъ для того, чтобы отбросить въ сторону всякую щекотливость, и высказать не только то, что пріятно, но и все, что нужно высказать. Такиѣ таланты являются не каждый день. Если такой талантъ не сдѣлаетъ всего, что можетъ сдѣлать, это будетъ уже потерей для литературы. Тутъ дѣло важнѣе всякихъ личныхъ отношеній.

Мы прямо поставили вопросъ о несоотвѣтствіи извѣстности, которую доставили г. Щербинѣ напечатанныя имъ до сихъ поръ произведенія, съ силами его таланта. И также прямо отвѣчаемъ: это несоотвѣтствіе происходитъ оттого, что г. Щербина до сихъ поръ еще не нашелъ вѣрнаго употребленія для силъ своего таланта; онъ все еще стѣсняетъ себя или принужденностью формъ или принужденностью тона, боясь отдаться естественному влеченію своего таланта.

Онъ началъ стихотвореніями, которыя самъ называлъ „греческими“, и которыя всего лучше можно охарактеризовать, сказавъ, что они очень близки по духу, а часто и по достоинству формы, къ стихотвореніямъ Шенье. Мы не знаемъ, на сколько участвовало въ ихъ происхожденіи вліяніе Шенье, на сколько личная симпатія автора къ античному міру, на сколько разныя другія вліянія или сочувствія. Если бы талантъ г. Щербинѣ по натурѣ своей могъ удовлетвориться этимъ родомъ поэзіи, мы ничего не сказали бы противъ того,—но увидѣли бы только, что въ этомъ случаѣ капризъ природы произволъ среди насъ человѣка, который говоритъ прекрасно, но говоритъ не нашимъ языкомъ, котораго мы можемъ понимать, но не иначе, какъ при помощи ученыхъ соображеній и искусственно возбужденнаго настроенія мыслей. Но не всѣ такъ думаютъ. Для многихъ именно то и кажется поэзіею, что удалено отъ нашей обыкновенной жизни, что понимается только посредствомъ особеннаго напряженія мысли. Люди, увлеченные этимъ предразсудкомъ, сдѣлали два предложенія: во-первыхъ, что такъ называемая античная форма есть высочайшее совершенство искусства; во-вторыхъ, что г. Щербина по натурѣ своего таланта не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ поэтомъ античной формы.

Не знаемъ, самъ ли г. Щербина проникся такимъ понятіемъ о сущности своего таланта и о достоинствахъ античной формы, или это предубѣжденіе было навѣяно на него толками, которые поднялись въ этомъ смыслѣ послѣ появленія его „Греческихъ стихотвореній“, но только послѣ изданія сяонхъ „Греческихъ стихотвореній“ онъ долго поступалъ такъ, какъ будто убѣжденъ былъ, что вообще поэтъ будетъ дѣлать прекрасно, если станетъ держаться античной формы, а ему, г. Щербинѣ, рѣшительно необходимо держаться этой формы. Онъ все писалъ въ томъ же духѣ, въ той же манерѣ, какъ были написаны его „Греческія стихотворенія“.

Мы не знаемъ, собственною ошибкою или чужою виною вовлеченъ былъ онъ въ эту односторонность, но дѣло въ томъ, что эта односторонняя манера скоро оказалась искусственною и натянутою. Мы видимъ, что, по собственному ли влеченію или подъ вліяніемъ Шенье, но во всякомъ случаѣ первыя греческія стихотворенія г. Щербинѣ были написаны безъ на-

тяжки, безъ насилуванія таланта,— въ такой формѣ сани собою рождались поэтическіи идеи фантазією поэта,— а у поэта этого есть сильный талантъ,— потому эти пьесы и вышли хороши, какъ выходитъ хорошо все, что пишеть человекъ съ талантомъ, не насилуя свой талантъ. Форма была тѣсна, но чтожъ за бѣда, если поэтъ еще не чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ ней?

Если бы г. Щербина могъ остаться на всегда, по свободному влеченію, вѣрнымъ античной формѣ, его стихотворенія никогда не приобрѣли бы большаго значенія въ литературѣ, — хотя сами по себѣ могли быть прекрасны.

Это однако продолжалось очень не много времени. Скоро г. Щербина исчерпалъ содержаніе, какое естественно представляется соединеннымъ съ античною манерою, — и все-таки продолжалъ, по теоріи, писать въ античной формѣ, — стихотворенія его стали казаться уже повтореніями прежнихъ; идеи и образы, сами собою являвшіеся его воображенію въ этой формѣ, были истощены,—онъ началъ придумывать ихъ— пьесы стали имѣть характеръ искусственности, талантъ являлся стѣсненнымъ, произведенія — натянутыми.

Еслибъ онъ остановился на этомъ, мы сказали бы, что его талантъ болѣзненно остановился на первой ступени развитія, и потерялъ способность идти впередъ. Но черезъ нѣсколько времени г. Щербина перенесъ любовь свою отъ стихотвореній античнаго содержанія къ пьесамъ, въ которыхъ идея принадлежитъ или вообще новому міру, каковы „Пѣсни о природѣ“, или даже именно нашему обществу, каковы „Ямбы“. Но долгая привычка писать въ античной манерѣ не могла быть покинута сразу,—и форма очень многихъ изъ этихъ пьесъ не соответствовала идеѣ. Въ другихъ, покинувъ, повидимому, античную форму, онъ еще не оторвался отъ привычки, приобретенной вслѣдствіе искусственныхъ прѣимовъ, посредствомъ которыхъ писались его позднѣйшія античныя пьесы,—и въ формѣ замѣтна придуманность, ухищренность; а часто его мысль остается отвлеченною мыслью, потому что фантазія автора, отъ долгой привычки имѣть дѣло только съ античными образами, не находитъ еще образовъ, которые были бы живымъ поглощеніемъ новыхъ идей, вошедшихъ въ его умъ, или потому что авторъ все еще не рѣшается сойти съ треножника Пиеіи и заговорить простымъ языкомъ, свойственнымъ поэзіи нашего времени. Онъ, по старой привычкѣ, все еще стѣсняется мыслью о живописности и величественности позъ; онъ еще не привыкъ чувствовать себя какъ дома въ нашемъ мірѣ, хотя античный міръ уже наскучилъ ему. Держитесь непринужденнѣе, говорите проще, забудьте о стѣснительныхъ претензіяхъ на величіе, не стыдитесь являться просто человекомъ, а не олимпійцемъ, скажемъ мы ему.

До сихъ поръ г. Щербина не рѣшился еще предаться безвозвратно, безъ оглядокъ на древній міръ, влеченію жизни и таланта. Онъ давно почувствовалъ, что въ Петербургѣ или Москвѣ неудобно и холодно носить хитонъ аеинянина, и нельзя довольствоваться созерцаніемъ звѣздъ, лежа на роскошной зелени,—во-первыхъ, роскошной зелени у насъ нѣтъ, — во-вторыхъ, если остаться на цѣлую ночь на открытомъ воздухѣ, да еще лежа на травѣ, то поутру непременно почувствуешь ревматизмъ въ боку. Г. Щербина замѣтилъ это и вошелъ въ ваши сѣверныя комнаты съ двойными ра-

мани,—но онъ все еще не привыкъ непринужденно говорить о сапогахъ и двойныхъ рамахъ,—его все еще смущаетъ мысль, что это предметы не всѣмъ благородные сравнительно съ сандалями и перистилемъ,—объ исключительно изящныхъ предметахъ онъ наконецъ пересталъ говорить, но еще не заговорилъ о не изящныхъ, потому-то мысль въ его „Ямбахъ“ остается отвлеченною мыслью.

Не для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ нужны были доказательства (вѣроятно, каждый читатель, думавшій о етихотвореніяхъ г. Щербинны, давно уже самъ замѣчалъ то же самое, что говорили мы)—но чтобы насъ нельзя было упрекнуть въ бездоказательности, мы представимъ хотя по одному примѣру тѣхъ ошибокъ, въ которыя вовлекала г. Щербинну ошибочная теорія, заставлявшая его держаться античной формы послѣ того, какъ образы, ею непринужденно рождаемые, были истощены и талантъ началъ увлекать поэта къ другинъ сферамъ поэтическихъ идей.

Мы говорили объ искусственности, изысканности, которая явилась въ его античныхъ етихотвореніяхъ, когда истощились античные идеи и образы, непринужденно возникавшіе въ фантазіи автора,—примѣромъ этого пусть служить пьеса „Волосы Вероники“.—„Вероника, жена Птолемея-Эвергета, отправлявшаяся въ Азію для завоеваній (объясняетъ авторъ въ примѣчаніи), дала обѣтъ богамъ отрѣзать свои волосы имъ въ жертву, если мужъ ея возвратится побѣдителемъ,—что и исполнилось. Волосы были положены въ храмъ Венеры-Зефириты; но жрецы сказали, что они исчезли ночью изъ храма, в Кононъ, знаменитый александрійскій астрономъ, вѣроятно по наущенію жрецовъ, объявилъ, что открытое имъ въ это время новое созвѣздіе—волосы *Вероники*, превращенные богами въ звѣзды, подобно звѣзду Ариадны“.—Въ этомъ разсказѣ есть поэтическіе моменты: грусть любящей жены, отпускающей мужа на войну,—тоска разлуки, мучительность опасеній за его жизнь,—готовность жертвовать всѣмъ, даже лучшимъ блескомъ своей красоты, для счастья в безопасности любимаго человѣка,—наконецъ апотеоза этой любви, дающей человѣческому существу высочайшую красоту. Но въ этихъ чувствахъ и ситуаціяхъ нѣтъ ничего, специально античнаго,—они общи всѣмъ народамъ и вѣкамъ, въ томъ числѣ и европейцамъ и нашему вѣку, а г. Щербиннѣ нужны специально античные образы и мотивы, — и вотъ овъ придумываетъ слѣдующіе мотивы:

„Рѣчь веду я со звѣздами,
Говорю свои внѣ сны
И люблюсь волосами
Эвергетовой жены.

И они съ небесъ заплѣли
Пѣсню жалобы своей;
Ихъ мелодіи летѣли
Съ неба золотомъ лучей:

„Воалинья я обѣты
Отъ земли несутся къ намъ,
Мы величіемъ одѣты,
Жены, дѣвы в поэты
Причинаятъ насъ къ богамъ.

„Намъ въ эфирѣ исотрадно
Семизвѣдіемъ сіять,
Гдѣ сіяетъ Аріадна,
Упиваться славой жадво,
Өнімшвы обонять.

„Съ головы холодной сталью
Мы, вакъ жертва, снесены.
Беревикиной печалью
И такой безмѣрной далью
Отъ вѣя отдалены“ и т. д.

Какъ могла прійти поэту мысль заставить насъ слушать жалобы посредствомъ „золота лучей“, воспѣваемые отрѣзанными волосами? Не гораздо ли проще было заставить женщину плакать о своихъ утраченныхъ волосахъ? Но это была бы такая ситуация, которая можетъ случиться вездѣ и всегда. не въ одномъ античномъ мірѣ, а г. Щербинѣ нужно было взглянуть на предметъ не такъ, какъ смотреть на него въ новомъ мірѣ, и, вмѣсто плача женщины о волосахъ, онъ придумалъ плачь волосъ о женщинѣ. И такъ, волоса Береники плачутъ о ней, жалуются на нее; положимъ, пусть они плачутъ, хотя это и неправдоподобно; послушаемъ однако, въ чемъ они винять ее? вѣроятно, просто въ томъ, что она не пожалѣла свои прекрасныя кудри,—винять въ безжалостности къ самой себѣ?—Нѣтъ, въ преступленіи передъ искусствомъ: „прежде, говорятъ кудри,—

Наполнялась вся палата
Благовоніемъ отъ васъ,
Отгнѣняли мы когда то,
Лоснясь маоломъ аромата,
Снѣгъ чела и краски (?) глазъ.

Но престувою женою
Предъ Искусствомъ стала ты,
Разлучая васъ съ собою
И разбивъ своей рукою
Стройность женской красоты,—

ради античнаго воззрѣнія, вмѣсто живой женщины, которая дѣлаетъ огорченію себѣ, является уже статуя, которую разбить значить сдѣлать преступленію не предъ идеею человѣка, даже не предъ богинею красоты, а просто передъ отвлеченнымъ понятіемъ искусства. Преклони боговъ мольбами, говорятъ Береникѣ волоса, чтобы они нозвратили насъ на твою голову,—зачѣмъ же это нужно? за тѣмъ ли, чтобы ей была возвращена прежняя красота, или чтобы волоса перестали грустить? Нѣтъ, опять выдумка: волоса Береники должны быть взяты съ ноба, чтобы не разлучать на небѣ дна созвѣздія, которыя пнтають любовь другъ къ другу:

„Преклови жъ боговъ слезами,
Даромъ жертвы дорогой,
Чтобъ съ падучими звѣздами
Мы скатилась волосами
Падъ твоею головою;

Чтобы мы не раздѣляли
Въ небѣ любящихъ друзей;
Чтобъ какъ прежде заблестали
И свѣтить бы рядонъ стало
Оріонъ и Водолей.

— Да почему жъ мы знаемъ, что Оріонъ и Водолей — любящіе друзья?
О ихъ дружбѣ даже и миеологія ничего не говоритъ.

На такую тему, на такіе мотивы написано стихотвореніе въ 102 стиха.

Мы привели примѣръ патянутости, въ которую впадалъ господинъ Щербина, отыскивая античныя темы и придумывая античные мотивы, когда уже истощился запасъ, естественно представлявшійся его фантазіи сферою идей античной манеры. Теперь приведемъ примѣръ того, какъ вложенная античною теоріею привычка уничтожала соотвѣтствіе между идеею и формою, когда онъ, утомившись античными темами, началъ изображать явленія болѣе близкой къ намъ дѣйствительности.

Вотъ его „Нимфа вьюги“ — какимъ же образомъ *Нимфа* вьюги? были Нимфы цвѣтущихъ, благоухающихъ полей, сладко шепчущихъ ручейковъ, свѣтлыхъ рѣчоекъ, текущихъ среди бархатныхъ луговъ, испещренныхъ яркими цвѣтами, подъ задумчиво пріютною, сладострастно густою тѣнью розовыхъ и миртовыхъ кустарниковъ; — по какъ можно вообразить себѣ это нѣжное, живущее еолицемъ и цвѣтами существо среди громаднхъ сугробовъ снѣжной степи, во время вьюги? — бѣдная Нимфа, она такъ легко одѣта, что смертельно простудится, если вздумаетъ явиться среди такой обстановки, когда и у старой вѣдьмы въ овчпнномъ тулупѣ стучать зубы во время сатанинской пляски! — Но, — говоритъ г. Щербина, —

„Но классическія грезы,
Грезы вѣчныя людей!
Вась пятають и морозы
Бѣдой родныи моея;
Вамъ такая же подруга
Какъ аттическая ночь,
Наша сѣверная вьюга
Дочь Гекаты, мрава дочь.

Бду я... передо мною
Нимфа Вьюги возстаетъ,
И надъ снѣжной пеленою
Все кружится, да поетъ

(Нѣтъ, во время пьюги даже перепосливая къ холоду вѣдьма можетъ только завывать, — голосъ дрожить отъ мороза).

„А когда сквозь прахъ сыпучій,
Сквозь лохмотья бѣлыхъ тучъ,
На покровъ полей зыбучій
Бросить мѣсяць блѣдный лучъ, —
Бѣломраморной рукою

(Нѣтъ, у ней ручка ужъ давно посинѣла отъ холода, — мы боимся даже, не отмерзла ли).

Нимфа вдаль меня манить

(Ну, это уж напрасный трудъ; не только Нимфа какаянибудь, — сама Венера Анадіомена не выманить меня изъ плотно застегнутой фартукомъ кибитки во время вьюги).

„И хохочеть надо иною
И рыдаетъ, я грозить...
То меня охватить страстно,
Токомъ буря обовьетъ;—
И безчувственно—прекрасна,
Въ пляскѣ съ вихремъ отойдетъ...
Но развѣтъ шаловливо
Вѣтеръ туннику у вей,—
Нимфа спрячется стыдливо
Въ волны снѣжныхъ полей...
Но глядишь, на волкѣ смѣло
Нимфа скачетъ предо мной
И его по шерсти бѣлой
Гладить ласковой руной.

(Левъ, благородный, великодушный властитель лѣсовъ, смирялся передъ красотою; но злобный волкъ только и смотритъ, какъ бы схватить за горло; при томъ же, онъ безобразенъ, отвратителенъ; Нимфѣ должно быть и непріятно и опасно даже издали видѣть волка,—сѣсть на него она не рѣшится, это вѣрно).

„И улыбкой открываетъ
Рядъ роскошныхъ жемчуговъ,
Волшебствомъ ея сзываетъ
Хоръ лолуночныхъ духовъ“ и т. д.

Античный образъ Нимфы, олицетворяющій вьюгу существомъ граціознымъ, нѣжнымъ, прелестнымъ,—совершенно разрушаетъ всякое соотвѣтствіе между сущностью изображаемаго явленія и его изображеніемъ.

Вотъ другой примѣръ раздора, вносимаго античнымъ представленіемъ въ созданіе, по идеѣ принадлежащее нашему міру,—эта пьеса не велика и потому выписываемъ ее вполнѣ:

П О Э Т Ъ.

„На служеніе мысли высокой,
На служеніе правдѣ я варось;
Но кивжалъ ея спряталъ глубоко
Между вѣткою миртовъ я розъ...
И, въ рукѣ съ этой вѣткою душистой,
Какъ Гармодій я въ міръ выхожу,—
Красотой ея мирной и чистой
Я неправду в зло поражу.
Эта битва безъ крови и гнѣва,—
Наслажденіемъ дышитъ она:
Ей причастны и старецъ, и дѣва,
И младевецъ, я мужъ, и жева.
Тѣмъ велико твое назначенье
Между братій, поэтъ гражданинъ,
Что безъ терній свое поученье
Насадить ты способевъ одинъ.

И ты каждое дѣло и чувство
Обреки ва добро и оемысль...
Твоя вѣтка—созданье искусства,
А ввижалъ твой—правдивая мысль.

Обратите вниманіе на двѣ первыя строфы,—какой стройный и точный образъ!—Но античная манера требуетъ невозмутимости духа, олимпійскаго спокойствія въ самой борьбѣ (то есть, по нашему обычному понятію объ античности; по греческой миеологіи не такъ,—тамъ и самыя олимпійцы страдаютъ, вопіють стъ ранъ и болятся Стикса; но вѣдь мы имѣемъ дѣло не съ истиннымъ греческимъ міромъ, а съ обыкновенными современными понятіями объ античности),—античность требуетъ невозмутимости, отвращается отъ наносимыхъ и претерпѣваемыхъ страданій,—и вотъ въ угоду этой теоріи, г. Щербина прибавляетъ, что битва поэта съ неправдою должна быть „безъ крови и гнѣва“, и поученіе его „безъ терніи“,—забывая, что даже на вѣткѣ розъ, которую онъ держитъ въ рукѣ, есть шипы, иначе сказать, терпія, которая всетаки оцарапаетъ до крови и разсердитъ, если онъ станетъ „поражать“ этою вѣткою.

Поэтъ по античной теоріи долженъ быть невозмутимо спокоенъ въ своемъ служеніи искусству,—онъ смотритъ на землю съ высоты Олимпа,—поэтому-то, въ пьесѣ о волосахъ Береники, г. Щербина и говоритъ, что поэтъ долженъ, лежа на травѣ у потока, созерцать небо, не касаясь земныхъ тревоженій;

„Я лежу ночной порою
У потока ва травѣ,
Весь очами и душою
Въ лучезарной синевѣ.

Я на ловѣ мирной страсти,
Мысли сердца помонъ я;
Красотѣ въ объятія власти
Отдана душа моя:

Вижу яркій образъ всюду
И прекрасныя черты...
И всегда поэтомъ буду
Я любви и красоты!

Ванъ, художники другіе,
Горе дня и ложь людей,
Вамъ мечташа больныя,
Стовъ я жалобы страстей!
То моя отвергла лвра,
Что проходитъ еъ каждымъ днемъ,
Что изгонится изъ віра
Вѣчной правды тсржествомъ...

Вѣрьте, молча я страдаю
И больнѣй страдаю вась,
Сокрушаюсь, наблюдаю
Каждый жизни вашей часть;
Но того, что не достойно,
Я искусству ве даю,
И въ душѣ горячкой знойной
Зло безъ образонъ таю.

Рѣчь веду я съ небесами,
Говорю свои имъ сны,
И люблюсь волосами
Эвергетовой жевы“... и т. д.

Мы ужъ замѣтили, что выборъ предмета, которымъ любовался г. Щербина, неудаченъ. Но теперь не о томъ дѣло, — мы уже объяснили, какъ умѣли, неудачность результатовъ, до которыхъ доводила г. Щорбину теорія античности. Надобно теперь замѣтить, что если онъ очень долго держался ея, то, наперекоръ влеченію своего таланта, насилуя свои мысли,—античность давно ужъ неудовлетворяла его, и напрасно усиливался онъ въ 1853 году (годъ, которымъ отмѣчена пьеса „Волосы Береники“) запрещать своей лирѣ „пѣсни о томъ, что проходить съ каждымъ днемъ, что изгонится изъ міра торжествомъ правды“,—онъ давно ужъ не могъ удержать себя отъ того, чтобы говорить о „страдающихъ и горѣ“, которыя, по теоріи, гордо признавалъ „предметами, недостойными искусства“, — большая часть „янбовъ“, карающихъ зло, написана имъ до 1853 года, иные и въ 1853 году,—слѣдовательно, давно ужъ онъ отступилъ и въ то самое время отступалъ на дѣлѣ отъ своей антично-безэстрастной теоріи, когда такъ гордо и упорно провозглашалъ ее.

Но теоретическія ошибки, когда теорія такъ упорна и горда, какъ была античная теорія у г. Щербины, не проходили даромъ. Пусть практика тайкомъ измѣняетъ теорію,—теорія все-таки наложить на нее свою печать. Печать эта видна на „Ямбахъ“ г. Щербины.

Его фантазія по требованію теоріи отвергала всякіе образы, кромѣ невозмутимо прокрасныхъ, античныхъ картинъ,—онъ, какъ человѣкъ, „страдалъ и сокрушался, наблюдая жизнь“,—мы вѣримъ ему, что онъ страдалъ о скорбяхъ людей „больше“ многихъ другихъ поэтовъ, во, какъ поэтъ, онъ насильно изгонялъ образы, которые могли бы быть поэтическимъ воплощеніемъ этой человѣческой скорби, — онъ, не будучи въ состояніи изгнать изъ сердца скорбной мысли, въ угоду теоріи старался по крайней мѣрѣ отнимать у нея поэтическое воплощеніе; „я въ душѣ зло безъ образовъ таю“, говорилъ онъ,—это и отразилось на его „Ямбахъ“.

Мысль каждаго ямба—благородна, жива, современна; но она остается отвлеченною мыслью, не воплощаясь въ поэтическомъ образѣ,—она остается холодною сентенціею (это не противно античной теоріи,—нѣтъ: античная теорія любитъ сентенціи, — свидѣтельствомъ тому безчисленное множество изреченій и отвлеченныхъ размышленій, написанныхъ новѣйшими поэтами въ древнемъ элегическомъ размѣрѣ, и похвалы, которыми осыпались эти перемѣшанные съ пентаметрами гексаметры), она остается внѣ области поэзіи, какъ то и усиливался сдѣлать поэтъ, по его собственному признашію.

Мы приведемъ примѣръ этой отвлеченности, этого чуждаго поэзіи отсутствія живыхъ образовъ, которыми бы воплощалась мысль:

Ж Е Л А Н І Е.

„Чуждо совершенства
Нашей звзвы здавѣе;

Цѣль ея—блаженство,
А она - страданье.

Все въ вей пропадаетъ,
Все, что такъ прекрасно;
Только ало всплываетъ
Въ наготѣ ужасной.

Въ этомъ авучномъ морѣ
Сроднаго нѣтъ звука;
Въ совѣ всходитъ горе,
Страсти вторитъ мука.

Счастьемъ ве согрѣта
Ни одна минута,
Мысли нѣтъ привѣта,
Чувству нѣтъ пріюта...

Пусть же крупкой чашей
Эта ложь прольется:
Хаосъ жизни нашей
Въ вѣчность разовьется“.

Поэзія требуетъ воплощенія идеи въ событіи, картинѣ, нравственной ситуациі, какомъ бы то ни было фактѣ психической или общественной, матеріальной или нравственной жизни. Въ пьесахъ, нами выписанныхъ, этого нѣтъ: идея остается отвлеченною мыслью, потому остается холодною, неопредѣленною, чуждою поэтическаго паеоса...

Мы такъ много и такъ прямо говорили о недостаткахъ, которыми вообще страдала поэзія г. Щербины, отчасти уже и въ „Греческихъ стихотвореніяхъ“, но гораздо больше въ послѣдующіе годы, что—чего добраго—иному можетъ показаться, будто мы находимъ особенное удовольствіе въ анализированіи этихъ слабыхъ сторонъ. Что сказать на такоо предположеніе?—Да, пожалуй, мы нашли бы не только удовольствіе, но и положительную заслугу въ этой строгости, если бы г. Щербина согласился въ справедливости нашихъ замѣчаній,—тогда, рѣшительно отбросивъ теорію, ого запутывавшую, и предавшись естественному влеченію своего таланта, онъ далъ бы русской литературѣ произведенія, которыя поставили бы его на ряду съ первыми нашими поэтами. Если жъ онъ не оправдаетъ нашей требовательности полнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ употребленіемъ силъ своего таланта (требовательность умѣстна только относительно человѣка сильнаго),—ны, конечно, будемъ раскаяваться въ нашей строгости, какъ въ дѣлѣ, которое по достигло своей цѣли, осталось бесполезно. Во всякомъ случаѣ, мы обязаны представить доказательства тому, что имѣемъ право многого ожидать отъ замѣчательныхъ силъ его таланта, если онъ рѣшится совершенно отбросить ошибочную теорію, до сихъ поръ сковывавшую силы его. Намъ случалось слышать сомнѣніе въ томъ, сохранилась ли сила и свѣжесть этого таланта послѣ „Греческихъ стихотвореній“. Чтобы уничтожить всякое колебаніе въ отвѣтъ на это, мы въ доказательство силы таланта г. Щербины приводимъ только такія пьесы, которыя писаны послѣ 1850 года.

ДѢВУШКА У ХАРОНА.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПИСНЬ.

— „Хорошо вамъ, горы, счастье вамъ, долины:
Вы себѣ живете безъ тоски-кручины!
Вѣчно вы цвѣтете, вѣтъ для васъ Харона!
Какъ в вы, цвѣла я, роза Кнеерона,
Любовалась также утренней зарею,
И вена скосила смерть своей косою...
Безъ меня на свѣтѣ все живеть я дышитъ,
И меня не знаетъ, в меня не слышитъ!
Тамъ зазеленѣло Божіей весною,
И дуга запахла молодой травою;
Ярко зацвѣли всѣ поля цвѣтами,
И холмы покрылись бѣлыми стадами;

„Въ густотѣ дубравы, солнцемъ во палимой,
Палкарь гуляетъ съ дѣвучкой любимой,
И, цѣлуя жадно ей уста и плечи,
Говоритъ о въ милой золотымъ рѣчи;
Мать красивой дочкѣ расточаетъ ласки,
Бабушка-старушка сказываетъ сказка...
О, когда бы можно, вѣчно бы жила я,
Какъ ребенокъ съ куклой, съ жизнью играя.
Илибъ наши клефты въ адъ сюда попали,
Вѣрно бъ и съ Харономъ въ битвѣ совладали;
Жалобною рѣчью я бъ ихъ улажила,
И, ласкаясь къ храбрымъ, такъ бы говорила:

„Я въ жилищѣ смерти выплакала очи,
Въ холодѣ могильномъ, средь подземной ночи.
Здѣсь темно и тѣсно... Зрѣнье просить свѣта.
Сердце просить ласки, а душа—привѣта...
Клефты-паликары! убѣгу я съ вами
Въ край, гдѣ лется воздухъ свѣтлыми струями,
Гдѣ раздолье жизни, гдѣ толпятся люди,
Гдѣ любить приволье лебединой груди;
Я хочу утѣшить мать мою въ печали,
Я хочу, чтобъ сестры слезъ не проливали,
Чтобъ не горевали неутѣшно братья,
И свою Зонцу приняли бъ въ объятія“...

— „Не крушись, Зонца, но роднымъ напрасно:
Имъ живется сладко, весело и ясно!..
На землѣ, подруга, все тебя забыло!
(Такъ, вошедши, Деспа къ ней заговорила).
Отъ людей въ Харову вынче отошла я,
И тебя лишь годомъ дольше прожила я...
Видѣлась недавно я съ твоей роднею:
Всѣ они довольны, счастливы судьбою...
Братья,—да я сестры, позабывъ печали,
У сосѣда Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала подъ окномъ съ кумою,
И своей хвалилась давней стариною;
Мать все хлопотала о невѣстѣ сыну:
О тебѣ жъ, бѣдняжка, не было помнну“!

ПРОСЬБА ВЕСНЫ.

На-орошавши гвѣзду говорила,
Отлетая надолго, весна:
„О, поэтъ мой, тебя я любила,
Я была и тепла в ясна.

Разстаюсь я съ яялой землею,
Миѣ такъ долго ея не лобзать,
Не легчать своей теплотою,
И цвѣтущихъ врасотѣ полвотою
Миѣ ея головы не вѣнчать!

Повидаю я женщинѣ прекрасныхъ
И ласковыхъ мною дѣтей,
Для ночей безразсвѣтво-вевастныхъ,
Для холодныхъ, безсолнечныхъ дней...

И не будутъ, роскошными сами
Упиваясь блаженно, они
Пробуждаться я спать съ соловьями...
Повидаю я ихъ сиротами...
Замѣни ихъ меня, замѣни!

Разлучаться миѣ горько съ землею...
Но, поэтъ мой, я въ сердцѣ твоёмъ
Неразлучной живу врасотою,
И твоинѣ пламенѣю стихомъ;

Я оставлю въ немъ звуки и краски,
И мой свѣтъ, и мою теплоту,
Вѣтерка перелѣтныя ласки,
И поточковъ журчанія сказки,
И луной разлитую мечту.

Какъ померкнетъ сіянье лазури,
Какъ поблекнутъ безъ жизни поля,
Да завоютъ холодныя бури,
Да одѣнется въ саванъ земля,

Мой избранникъ, людей утѣшая,
Возроди меня въ гвѣздахъ своихъ,
Чтобъ предъ ними опять разцвѣла я,
Влагововва, свѣжа, молодая,
Въ трепетавья стиховъ золотыхъ...

Но, весеннее счастье зямою
Разливая нежъ братьевъ людей,
Надѣли ихъ возлюбленныхъ мною
Всѣхъ обильяте, жезъ и дѣтей;

Чтобъ я въ гвѣснѣ твоей зеленѣла,
Согрѣвал озябнувшій гдѣсь,
На свѣгахъ бы цвѣтами пестрѣла,
Наливалась въ колосья и зрѣла
И сіяла бы съ зямнихъ небесъ;

Чтобы все, забывая морозы,
Погрузилось въ звакомые сны,
Въ ароматныя найскія грезы,
Въ обаянье волшебной весны...

И подъ власть твоего вдохновенья
 Все отдастся, поэтъ-чародѣй,
 И, винная словаяъ пѣснопѣнья,
 Отъ аеяли моего удаленья
 Не замѣтитъ никто изъ людей.

Итъ прольюся я полною чашей
 Изъ искусныхъ художника рукъ,
 Имъ я буду и лучше и краше,
 Облеченная въ образъ и звукъ“.

З Е М Л Я.

„Ты помнишь-ли случай, родная?
 Когда я ребенкомъ была,
 Въ саду, ижъ цвѣтами летая,
 Меня укусила пчела.

Какъ палецъ итѣ жало палило,
 И слезы ручьями текли,—
 На палецъ ты вѣтъ положила
 Щепотку холодной земли...

И боль оттого увялася,
 И радостно ввдѣла ты,
 Какъ я побѣжала, рѣзвяся,
 За бабочкой пестрой въ кусты...

Пора наступила нная,
 И боль загорѣлася вновь...
 Боюсь и признаться, родная,
 Что сердце итѣ жалить любовь!

Но тѣмъ же и этой порою
 Ты можешь меня исцѣлить:
 Холодной могильной землею—
 На вѣки итѣ сердце покрыть“...

NOCTURNO.

„На меня изъ цвѣтущаго сада
 Освѣжительно вѣетъ прохлада;
 Ароматы несутся въ окно,
 Въ небесахъ и свѣтло и темно.
 Многозвѣздная ночь окаймля
 Отливнымъ серебромъ дерева,
 На озерахъ горятъ синева,
 И такъ страстно ночныя свѣтила
 На красавицу землю глядятъ,
 Будто пасть ей въ объятъя хотятъ.
 Опускаясь, вдымаются воды:
 Онѣ кажутся грудью природы,
 И биеіе сердца ея
 Будто слушаетъ ухо мое.

Ко всему во мгѣ дышитъ сострастье,
 И похожее что-то ва счастье
 И ва жизнь провеслось вадо мной...
 Я расцвѣлъ первобытной весной.
 О, давно позабытая мною,
 Ты мевя позабыла давно!
 Но нежданно мгѣ этой порою
 Твое имя призвать суждено,
 И спросить тебя съ прежнею страстью:
 Что въ душѣ у тебя въ этотъ часъ?
 Хоть мгновеввому вѣришь ли счастью,
 Что ва вѣки умчалось отъ насъ?
 И полна ль твоя жпавь благодатью,
 Иль хотъ тнхимъ забвевьемъ полна,
 Или все предала ты проклятью,
 Чѣмъ тебя чаровала она?
 Пламенѣеть ли взоръ твой порою,
 И цвѣтеть ли румянецъ былой?..
 О, скажи маѣ, вой другъ, что съ тобою,
 И душой угадай, что со мной!..

Но отъ милой не слышно отвѣта,
 Все вовругъ равнодушно молчатъ;
 На привѣтъ ве дають мгѣ привѣта:
 Голосъ милой моей не звучатъ.
 Объ участья полящія очи
 Я къ свѣтланѣ торжественной ночи
 Простодушнымъ младенцемъ возяесь;
 Но, въ потокъ молещій и слезъ,
 Я участья къ себѣ не замѣтвалъ:
 Былъ прекрасно, но холодно свѣтелъ
 Обаятельный воздухъ вочной,
 Везъ созвучья съ моею душой...
 Я хотѣлъ, чтобъ суровыя бури
 Помрачили сянье лазури,
 И въ гарновію, тьмой и борьбой,
 Чтобъ природа слялася со мной“.

Такия вещи можетъ писать только человекъ съ истиннымъ и сильнымъ талантомъ,—и въ томъ, что г. Щербина обладает талантомъ, никогда не сомнѣвался никто изъ людей, внимательно изучавшихъ его произведенія. Во многихъ изъ его пьесъ были замѣтны ошибки, внушаемыя ошибочною теорією; часто было видно, что его фантазія увлечена къ ложнымъ, натянутымъ цѣлямъ; но сильный талантъ былъ виденъ всегда.

Мы возвращаемся къ тому, съ чего начали. Г. Щербина, занимающій и нынѣ почетное мѣсто между поэтами, долженъ стать гораздо выше, когда рѣшится дать просторъ своимъ живымъ влеченіямъ, совершенно отбросивъ насидованіе таланта ради теоретическихъ предубѣжденій. Онъ началъ стихотвореніями въ античномъ родѣ,—этотъ родъ наименѣе способенъ возбуждать живую симпатію современнаго міра, но, къ несчастію, многіе такъ называемые цѣнители искусства,—понимающіе подъ искусствомъ искусственность,—очень дорожатъ античною манерою отчасти за то, что она трудна, отчасти за то, что она чаще всего бываетъ искусственна. Несмотря на не-

симпатичность манеры, господствовавшей въ первыхъ стихотвореніяхъ г. Щербина, они были приняты съ громкимъ одобреніемъ, потому что непринужденно возникли изъ фантазіи поэта;—вслѣдствіе субъективныхъ условій развитія, она была переполнена античными образами,—„отъ избытка сердца должны говорить уста“, и г. Щербина былъ правъ передъ своимъ талантомъ.

Любители и цѣнители искусственности истолковали успѣхъ г. Щербина такимъ образомъ: не потому онъ имѣетъ успѣхъ, что онъ человекъ съ талантомъ, не насилующій своего таланта, а потому, что онъ пишетъ въ античной манерѣ, которая восхитительнѣе всѣхъ другихъ манеръ; и такъ, пусть онъ, во что бы то ни стало, вѣчно продолжаетъ писать въ античной манерѣ. Самъ г. Щербина увлекся этимъ ошибочнымъ соображеніемъ.

Мы видѣли слѣдствіи этой теоріи, заставлявшей г. Щербину, наперекоръ новымъ влеченіямъ своего таланта, все облекать одеждою античности, — это значило „вливать новое вино въ старый мѣхъ“, и новое вино разрывало старый мѣхъ, и то и другое, — вино и мѣхъ, — погибало. Онъ насилывалъ свой талантъ.

Но „вольному воля“, а поэтъ по преимуществу долженъ быть воленъ. Уста его должны говорить о томъ, чѣмъ переполнено его сердце. Мы видѣли, куда влечется г. Щербина новою наклонностью своего таланта, — къ современной жизни. Пусть же безбоязненно онъ погрузится въ нее. Пусть онъ пишетъ античныя стихотворенія только тогда, когда именно къ античному міру обращается его талантъ, — въ другое время, въ минуты другихъ настроеній, пусть его перо забываетъ объ античности, какъ забываетъ сердце, пусть онъ даетъ своей мысли свободно облекаться въ образы, рождаемые ея сущностью, не втискивая ея насильно въ чуждыя ей рамки.

Автономіи — верховный законъ искусства. Если онъ будетъ соблюдать этотъ верховный законъ поэзіи, — „храни свободу своего таланта, поэтъ“, — что тогда будетъ онъ писать? Пока не измѣнится господствующее теперь стремленіе его таланта, онъ будетъ писать проникнутые жгучимъ сарказмомъ укоры людямъ. Но если бы расположенію духа, которое, кажется намъ, должно вести къ подобнымъ произведешіямъ, миновалось въ г. Щербинѣ, — что тогда? — тогда, все-таки пусть пишетъ онъ въ такой родѣ, къ какому влечетъ его талантъ въ данное время, — хотя бы то была поэзія радости, примиренія, кто имѣетъ право требовать отъ поэта, чтобы онъ насилывалъ свой талантъ? Можно требовать только того, чтобы онъ старался развить себя, какъ человекъ. Это развитіе человекъ въ поэтѣ составляетъ великое преимущество г. Щербина передъ многими; онъ не можетъ не быть гуманенъ, не можетъ не сочувствовать живымъ вопросамъ современности, въ какой формѣ, въ какомъ направленіи найдетъ удовлетворенію себя талантъ поэта, который сталъ человѣкомъ, — должно быть рѣшаемо жизнью самого поэта. Пусть только онъ блюдетъ свободу своего таланта отъ всякихъ насилуваній; пусть всю фантазію свою предаетъ тому, чѣмъ переполняетъ жизнь душу его: отъ избытка сердца должны говорить уста поэта, особенно поэта, одареннаго столь прекраснымъ талантомъ и столь живою натурою, какъ г. Щербина.

Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Сочиненіе Леопольда Ранке. *Переводъ съ нѣмецкаго Петра Бартевева. Съ приложеніемъ портрета Чернаго Георгія и картою Княжества сербскаго. Москва. 1857.*

Сербы, вмѣстѣ съ болгарамъ, ближайшіе къ намъ по родству изъ всѣхъ славянскихъ единоплеменниковъ нашихъ, должны возбуждать въ насъ самое живое сочувствіе. И, однакоже, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было ни одного порядочнаго сочиненія о Сербіи. „Желаніе хотя сколько-нибудь восполнить такой существенный недостатокъ въ русской словесности“ побудило г. Бартевева „издать въ русскомъ переводѣ книгу о Сербіи одного изъ славныхъ современныхъ историографовъ, берлинскаго профессора Леопольда Ранке“. Этотъ трудъ г. Бартевева заслуживаетъ всякой признательности: перевестъ хорошее сочиненіе—гораздо полезнѣе, нежели перепечатать въ одну книгу изъ разныхъ общедоступныхъ изданій документы, не принадлежащіе къ числу важнѣйшихъ для исторіи, снабдивъ ихъ пристрастными замѣчаніями. Выборъ сочиненія для перевода сдѣланъ очень удачно. Г. Бартевевъ совершенно справедливо говоритъ, что, „кромѣ занимательнаго изложенія, книга Ранке отличается изъ всѣхъ иностранныхъ сочиненій о Сербіи наибольшою точностію“. Она составлена преимущественно по рассказамъ знаменитаго собирателя сербскихъ пѣсень, Бука Стефановича Караджича; который самъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія Сербіи отъ турецкаго ига, и потомъ участвовать въ составленіи сербскихъ законовъ.

Подъ турецкимъ владычествомъ очень немногіи мѣстности Сербской земли управлялись христіанскими князьями (князьями, старшинами). Во всемъ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, главной области сербскаго края, и почти всѣхъ другихъ округахъ деревни принадлежали спахіямъ—мусульманскимъ помѣщикамъ, которымъ раздана была вся завоеванная христіанская земля. Спахи получали десятину отъ всѣхъ произведеній сельскаго хозяйства и подать съ каждой головы скота, кромѣ того, собирали поголовную подать (главницу)—по два шастра съ каждой супружеской четы. Въ иныхъ мѣстахъ, вмѣсто десятины и главницы, платился только оброкъ по десяти шастровъ съ супружеской четы,—и спахи были очень довольны этимъ оброкомъ. „Спахи не требовали барщины и не вмѣшивались въ судебную расправу; они не только не выгоняли самовластно своего подданнаго изъ деревни, но даже не могли переселить его въ другое мѣсто. Имъ предоставлялось только „какъ бы наследственное кормленіе, за которое они, какъ воины, были обязаны нести военную службу“ (стр. 34). Они даже не жили въ деревняхъ. Кромѣ того, христіанское населеніе уплачивало расходы по государственному управленію. Для этого оно обязано было сначала отправлять барщину турецкому правительству (пашѣ), которая вѣкогда была очень тяжела, простираясь до ста дней въ году (два дня въ недѣлю). „Но въ концѣ прошлаго столѣтія не было уже слышно о подобныхъ отягощеніяхъ“. Турецкіе судьи (кади, зависѣвшіе отъ бѣлградскаго муллы) брали пошлины при переходѣ имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія и съ тяжбныхъ дѣлъ.

Духовное управленіе принадлежало епископамъ, которые поставлялись изъ грековъ. „Уже по самой внѣшней обстановкѣ своей, епископъ-грекъ „былъ чуждъ народу. Онъ ѣздилъ на роскошно убранной лошади, вооруженный мечомъ и буздованомъ, знаками власти“, которые давались ему отъ султана (стр. 36).

Часто между пашами, янычарами и спахіями бывали раздоры, сила турецкаго правительства тогда ослабѣвала, и райи (христіане) благоденствовали въ эти времена. Если же кто изъ сербовъ подвергался слишкомъ сильному притѣненію, тотъ бѣжалъ въ лѣсъ и дѣлался гайдукомъ (нѣчто въ родѣ нашихъ козаковъ XVI—XVII столѣтія). Гайдуки грабили турокъ, а иногда и своихъ братьевъ христіанъ.

Спахи-мусульмане были большею частію сербы по происхожденію, продолжавшіе говорить по сербски, но происходившіе отъ людей, принявшихъ мусульманство.

Мусульмане владычествовали, христіане—повиновались. Но нѣкоторымъ облегченіемъ въ судьбѣ христіанъ было то, что турки жили исключительно въ городахъ, между тѣмъ какъ сербы исключительно въ селахъ. Потому повседневныхъ столкновеній не могло быть между владыками и подчиненными.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Россія и Австрія начали въ 1788 году войну съ Турціею. Эти державы призвали сербовъ къ оружію. Въ австрійскихъ арміяхъ явилось много сербскихъ волонтеровъ. При заключеніи мира, Сербія оставлена была подъ турецкимъ владычествомъ, но важно было то, что нѣкоторое время сербскія области, занятія австрійцами, пользовались свободою отъ мусульманскаго господства, и что между народомъ явилось много людей, привыкшихъ поражать турокъ. Притѣненія теперь должны были казаться сербамъ вдвое несноснѣе, нежели когда вибудъ.

А притѣненія начались скоро, — не отъ законнаго турецкаго правительства, не отъ бѣлградскаго паши, — напротивъ, сербы называли пашу своею „матерью“ (сербска майка),—а отъ янычаръ.

Султанъ Селимъ уже задумывалъ уничтожить это буйное ополченіе, болѣе опасное султану и пашамъ, нежели врагамъ Турціи. Янычары уже догадывались о его намѣреніяхъ, и открыто враждовали противъ многихъ пашей, раздѣлявшихъ планы султана, между прочимъ, и противъ бѣлградскаго паши, который принужденъ былъ, убивъ главнаго мятежника, изгнать остальныхъ янычаръ изъ своего пашалыка. Въ этомъ помогали ему сербы. Но константинопольскій муфти принудилъ султана возвратить изгнанныхъ бѣлградскихъ янычаръ въ пашалыкъ. Скоро янычары убили пашу, захватили въ свои руки власть надъ пашалыкомъ и начали неудержимо буйствовать надъ христіанскимъ населеніемъ, грабили и оскорбляли сербовъ—не легко пришлось отъ нихъ и туркамъ. Буйные варвары, равно ненавидя и законное турецкое правительство и христіанъ, терзали страну безпощадно. Не одни христіанскіе поселеніе бѣжали отъ ихъ притѣненій,—бѣжали и мусульманскіе спахи. Депутаты ограбленныхъ спахiovъ нашли себѣ въ Константинополѣ покровительство у султана, который послалъ сказать бѣлградскимъ янычарамъ, что „если они не уймутся, то онъ поступитъ съ ними, какъ не поступалъ ни „съ однимъ туркомъ: онъ пошлетъ противъ нихъ войско,—но не турецкое,—

„ибо *вѣрно*му тяжело сражаться съ *вѣрными*, а изъ другаго народа и „другой *вѣры*“.—Что это значить?—думали янычары:—султанъ не призываетъ же въ свои владѣнія австрійцевъ или русскихъ. Вѣрно, онъ говоритъ о сербахъ,—овъ хочетъ поднять ихъ противъ насъ. Надобно предупредить это, надобно истребить всѣхъ, кто можетъ быть предводителемъ возстанія. Они поѣхали по селамъ, захватывая и умерщвляя каждаго серба, который навѣстенъ былъ храбростью, умомъ или богатствомъ, умерщвляя и множество незначительныхъ людей. „Ужасъ распространился по Сербіи. Никто не „зналъ, кому именно грозила смерть; но разнеслась молва, что искоренено „будетъ все народонаселеніе, и потому самый послѣдній дрожалъ за жизнь. По „селамъ турки встрѣчали однихъ стариковъ да дѣтей; всѣ, кто были въ „силахъ—бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища гайдуковъ“ (стр. 89). Это было въ началѣ 1804 года.

У несчастныхъ бѣглецовъ было сначала только одно желаніе—„возвратиться въ свои дома, и продолжать безопасно прежнюю жизнь. Но для „этого необходимо было поднять общее земское ополченіе и собственными „средствами положить конецъ наглому насилію“. Повсюду начали являться толпы вооруженныхъ сербовъ, съ цѣлю изгнать янычаръ. Въ каждомъ округѣ былъ свой предводитель. Возстаніе быстро разлилось повсюду, стало поголовнымъ. Турки спаслись въ укрѣпленные города. За исключеніемъ крѣпостей, вся страна была мгновенно очищена отъ мусульманъ. Сербы могли теперь соединиться, чтобы начать общими силами осаду крѣпостей. Въ каждой области былъ выбранъ народомъ главный предводитель. Въ Шумадиш, центральной и самой обширной изъ областей, выборъ палъ на богатаго и предприимчиваго торговца, Георгія Чернаго, который успѣлъ уже прославиться смѣлыми подвигами и умомъ. Онъ сталъ было говорить, что не опытенъ въ управленіи. Кнезы обѣщались помогать ему совѣтами. „Но вѣдь я жестокъ, „сказалъ онъ:—и у меня крутой нравъ. Я не стану долго толковать, и на „кого разсержусь, убью на мѣстѣ“. — Теперь такой намъ и нуженъ, отвѣчали кнезы. И Георгій Черный сдѣлался „комендантомъ Сербіи“ (командантъ Србіи),—пока, его власть ограничивалась одною Шумадією, но скоро всѣ другіе сербскіе областные предводители подчинились ему, какъ самому даровитому и самому сильному изъ нихъ.

Георгій Петровичъ Черный правду говорилъ, что на кого разсердится, убьетъ на мѣстѣ. Пѣсня о немъ, переведенная Пушкинымъ, рассказываетъ не выдумку. Въ 1787 году, по первому слуху о русско-австрійской войнѣ съ турками, онъ рѣшился возстать противъ мусульманъ и принужденъ былъ, съ другими сообщниками, искать спасенія въ Австріи. Онъ взялъ съ собою и отца, котораго не хотѣлъ оставить на жертву туркамъ. Старикъ шелъ не охотно, и уговаривалъ сына возвратиться и покориться. Бѣглецы приближались къ рѣкѣ Савѣ.—„Лучше, пойдемъ назадъ, началъ снова говорить отецъ:—турки простить насъ“. Сынъ не соглашался.—„Ну, такъ иди же ты одинъ, а я отправлюсь домой“, сказалъ старикъ.—„Нѣтъ, вскричалъ Георгій:—я не потерплю, чтобъ турки тебя замучили, лучше, умри теперь отъ моей руки“!—Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ отца, и, видя, что старикъ мучится предсмертною агоніею, велѣлъ одному изъ товарищей сократить его страданія. Въ

ближайшей деревнѣ, онъ отдалъ поселянамъ стадо, которое гналъ съ собою, сказавъ: „похороните коего старика, да выпейтъ за упокой его души“, и переправился за Саву, въ австрійскія владѣнія. Онъ сражался потомъ, какъ австрійскій волонтеръ, съ турками, но разсердившись за то, что ему не дали медали, ушелъ къ гайдукамъ. По заключеніи мира, онъ жилъ въ Австріи лѣснымъ сторожемъ; потомъ, услышавъ о кроткомъ управленіи бѣлградскаго паши, воротился на родину, началъ торговать свиньями (это самый выгодный промыселъ въ Сербіи) и скоро сталъ однимъ изъ первыхъ сербскихъ богачей. Когда начались неистовства янычаръ, онъ гналъ на продажу въ Австрію стадо свиней,—на дорогѣ, онъ услышалъ, что турки ищутъ его, и явился предводительствовать возставшими поселянами своей волости. Достигнувъ верховной власти, онъ не оставилъ своихъ прежнихъ привычекъ, и жилъ какъ простой поселянинъ. Онъ продолжалъ носить старые свои голубые штаны, истасканный полушубокъ и старую черную шапку, самъ вѣдилъ за дровами, спускалъ воду на мельницѣ, пахалъ и косилъ, и разъ излоналъ пожалованный ему орденъ, набивая обручъ на бочку. Дочери его сами ходили за водою. Но въ битвѣ этотъ поселянинъ былъ героемъ и выказывалъ таланты необыкновеннаго полководца.

Суровость и безмѣрная вспыльчивость были всегда чертами его характера. Разсердившись, онъ убивалъ своею рукою преступника или спорщика. Кнезу Теодосію онъ былъ обязанъ своимъ выборомъ въ предводители возстанія,—но и его убилъ въ порывѣ ярости, какъ убилъ отца. Однако, опомнившись, онъ плакалъ и говорилъ: „Богъ судья тому, кто загвѣялъ ссору“. Однажды прогнѣвъ врага, онъ уже не помнилъ обиды—злопамятность была чужда ему. Онъ хотѣлъ порядка въ гражданскихъ дѣлахъ, справедливости въ судѣ, и соблюдалъ законъ, сколько то позволялъ ему бѣшеный характеръ. Единственный братъ, надѣясь на него, воображалъ, что все можетъ дѣлать безнаказанно. Но когда Георгію пожаловались родственники дѣвушки, обезчещенной этимъ братомъ, говоря, что и турокъ они прогнали за танія дѣла, Георгъ велѣлъ повѣсить любимаго брата на воротахъ и запретилъ матери плакать о немъ.

Когда онъ являлся среди битвы, — а его легко было узнать по его высокому росту, сухощавому стану, широкимъ плечамъ, большому рубцу на щекѣ (—онъ хотѣлъ взять монастырскую лошадь для войны, игуменъ не давалъ ея, и, въ ссорѣ, ударилъ Георгія саблею по щекѣ,—такъ произошелъ этотъ рубецъ;—нечего и говорить, что игуменъ былъ изрубленъ на мѣстѣ),—когда онъ являлся среди сражающихся, унывали турки — побѣда считалась его спутницею.

Этотъ суровый воинъ, этотъ отцеубійца, изрубившій столько сербовъ въ припадкахъ гнѣва,—если не былъ раздраженъ, былъ добродушенъ. Трезвый, онъ былъ угрюмъ. Часто онъ просиживалъ цѣлые дни, не говоря ни слова и кусая себѣ ногти, и на всѣ вопросы только покачивая головою. Но выпивъ, онъ становился разговорчивъ и даже пускался плясать.

Таковъ былъ одинъ изъ предводителей сербскаго возстанія, скоро ставшій властелиномъ Сербіи. Другіе предводители были достойные товарищи такому вождю. Напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ, котораго звали Турчія,

разсказываютъ, что онъ, никогда не бравши ружья въ руки, разъ смотрѣлъ, какъ турки стрѣляютъ въ цѣль. Всѣ промахивались, — такъ далеко была цѣль. Тюрчія взялъ ружье, прицѣлился—и первой своей пулею попалъ въ цѣль. Съ того времени, говорятъ, турки стали опасаться его. Другой, гайдукъ Велько, изъ-за нѣсколькихъ шаштровъ добычи всегда готовъ былъ рисковать жизнью, но добывши денегъ, тотчасъ же раздавалъ ихъ. „Коля у меня что есть—говорилъ онъ:—приходи всякій, я никому не откажу; а коли все выйдетъ, такъ пойду отымать у богатыхъ“. Безъ войны онъ жить не могъ.—„Дай Богъ, чтобы сербы не мирились съ турками покажѣсть я живъ, — были его любимыя слова, — а когда я умру, дай Богъ имъ жить спокойно“. Своихъ момковъ (воиновъ, составлявшихъ его постоянный конвой) онъ считалъ своими братьями, и бросилъ жену за то, что она не хотѣла за столомъ прислуживать имъ, какъ прислуживала ему.

По этимъ образцамъ можно судить, каковы были люди, поднявшіеся на защиту родины отъ янычаръ. Скоро крѣпости пали отъ ихъ натиска, и янычары были совершенно изгнаны изъ предѣловъ Сербш.

Они возстали противъ разбойниковъ и бунтовщиковъ янычаръ, а не противъ всѣхъ турокъ, не противъ султана, —напротивъ, многіе турки приходили на помощь имъ, султанъ велѣлъ боснійскому пашѣ дѣйствовать заодно съ ними,—султану было пріятно усмиреше янычаръ, съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ, чтобы боснійскій паша, явившись союзникомъ, сдѣлался начальникомъ людей, воевавшихъ съ янычарами, и забралъ въ руки сербское христіанское ополченіе, помощь котораго оказалась столь полезна, но самостоятельность котораго могла сдѣлаться еще болѣе опасною для турецкаго самовластія. Паша пришелъ къ сербамъ, когда они осаждали Бѣлградъ. Янычары, увидѣвъ, что имѣютъ дѣло съ султаномъ, сдались. „Теперь ваше дѣло кончено, цѣль ваша достигнута, сказалъ паша сербамъ:—расходитесь же по домамъ“. Сербы поняли, въ чемъ дѣло, и, конечно, не разошлись,—вѣдь имъ нужно же было достигъ обезпеченія себя отъ возобновленія прежнихъ неистовствъ со стороны янычаръ, — они видѣли ужъ однажды, какъ изгнанные изъ Бѣлграда янычары воротились и начали свирѣпствовать надъ ними необузданнѣе, нежели когда нибудь. Притомъ же, и дѣло очищенія Сербш отъ янычаръ было еще не кончено: въ разныхъ крѣпостяхъ они еще держались, да и бѣлградская цитадель оставалась въ рукахъ Гушанць-Али, предводителя кирджалиевъ (отставные турецкіе солдаты, отчасти нанмавшіеся въ службу къ пашамъ, отчасти промышлявшіе грабежомъ), союзника янычаръ, удержавшаго за собою власть наружною покорностью пашѣ.

Надобно было сербамъ принять мѣры къ обезпеченію себя. Они знали, что мусульмане не считаютъ себя обязанными соблюдать обѣщанія, сдѣланныя христіанамъ, и нарушать всѣ свои обязательства, если эти обязательства не будутъ поставлены подъ охраненіе сильной христіанекой державы. Австрія всегда возвращала туркамъ области, отнятыя у нихъ во время войны — на нее они не надѣялись и рѣшили просить покровительства у Россш, которая недавно (1802) вытребовала гарантіи для Молдавіи и Валахіи. Въ августъ 1804 отправились сербскіе депутаты въ Петербургъ и (въ февралѣ 1805) воротились съ благопріятнымъ отвѣтомъ: русскій дворъ совѣтовалъ

имъ просить себѣ льготъ у султана, и обѣщаль свое заступничество по этому дѣлу въ Константинополь.

Сербы отправили въ Константинополь пословъ съ просьбою позволить имъ самимъ, безъ всякихъ турецкихъ войскъ, содержать гарнизонъ во всѣхъ крѣпостяхъ Сербской земли, а съ тѣмъ вмѣстѣ положили немедленно выгнать янычаръ изъ тѣхъ крѣпостей, въ которыхъ они еще держались.

Сербы воображали, что султанъ исполнитъ ихъ просьбу — они воображали себя вѣрными воинами султана, возставшими противъ его враговъ. Дѣйствительно, это было такъ: сами турки въ сербскихъ городахъ радовались изгнанію мятежныхъ янычаръ.

Но султанъ, прежде, нежели былъ государь, былъ мусульманинъ, — мусульмане не могли допустить мысли о самостоятельности христіанъ, бывшихъ рабами ихъ. Сербскіе спахи, изгнанные янычарами, теперь требовали возвращенія своихъ помѣстьевъ, — то есть воображали, что сербы взяли за оружіе для того, чтобы возвратитъ къ себѣ изгнанныхъ своихъ господъ. Султанъ посадилъ подъ стражу пріѣхавшихъ въ Константинополь сербскихъ пословъ и велѣлъ нишскому пашѣ Афизу (Нишскій пашалыкъ граничитъ съ Сербією на юго-востокѣ) обезоружитъ сербскихъ христіанъ.

Одинъ изъ пословъ, Стефанъ Живковичъ, хитростью уѣхалъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ, сказалъ истину только вождямъ, а народу объявилъ, что Афизу велѣно взять съ собою въ Бѣлградъ только 300 человѣкъ, а если онъ приведетъ больше, то султанъ не велитъ сербамъ пускать его, — народъ повѣрилъ, и когда Афизъ явился на границѣ съ войскомъ, сербы приняли его за ослушника султанской волн, друга мятежныхъ янычаръ, и, послѣ жестокой битвы, прогнали назадъ.

Послѣ пораженія второстепеннаго паши, султанъ двинулъ на Сербію (1806) могущественныхъ правителей, имѣвшихъ огромныя войска: съ сѣверо-запада наступилъ на Сербію боснійскій визирь съ 30,000 войска; съ юго-востока скутарійскій паша съ 40,000-ю армією.

Теперь сербы увидѣли, къ своему изумленію, что имѣютъ дѣло не съ мятежными янычарами, а съ султаномъ и всѣми силами турецкаго правительства. Многіе упали духомъ. „Зачѣмъ вы начали войну, — говорилъ народъ своимъ предводителямъ: — когда увѣрены были, что она не поведетъ къ добру? Вы думали, будто султанъ за насъ, а вотъ онъ теперь посылаетъ страшную силу“. Многіе изъ вождей должны были скрыться въ лѣсахъ отъ народнаго гнѣва за грозящую гибель. Но Георгій Черный не потерялъ мужества. Онъ пошелъ на боснійцевъ, разбилъ нѣсколько отрядовъ ихъ, и когда турки стянулись у Шабца, сталъ противъ нихъ съ 7,000 пѣхоты и 2,000 конницы, и, по сербскому обычаю, окопался въ лагерѣ. Турки, слишкомъ вдвое превосходившіе его числомъ, потребовали отъ него покорности и выдачи оружія. „Придите и возьмите“, отвѣчали сербы. Два дня нападали турки на окопы, — и безуспѣшно. На третій день, Георгій придумалъ рѣшительный маневръ: онъ спокойно подпустилъ ихъ къ самымъ окопамъ, безъ выстрѣла, — и вдругъ, однимъ залпомъ, сербы выстрѣлили почти въ упоръ, — ми одна пуля не пропала даромъ, — тысячи враговъ упали, ряды смѣшались, — въ эту самую минуту, конница сербская, ночью посланная въ объ-

ѣздъ, ударила на турокъ сзади,—турки бѣжали, и большая часть ихъ легла на полѣ битвы или по лѣснстымъ дорогамъ, гдѣ поджидали бѣгущихъ сербы.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ Сербш, крѣпостца Делиградъ, героически защищаемая Добринцемъ, остановила скутарійскаго пашу, и когда Георгій, разбивъ перваго врага, обратился на него, онъ заговорилъ объ мирѣ, потому что Турціи грозилъ уже разрывъ съ Россією (1806) и туркамъ нужно было сосредоточивать войска на востокъ, въ дунайскихъ княжествахъ. Улемы не допустили примиренія съ невѣрными бунтовщиками, но паша скутарійскій отступилъ, пока велись переговоры, и Георгій могъ на свободѣ заняться покорешемъ тѣхъ сербскихъ крѣпостей, въ которыхъ еще сидѣли турки.

Прежде всего онъ приступилъ къ Бѣлграду, гдѣ удержался Гушанць-Али. Албанецъ православной вѣры, Конда, прежде служившій Гушанцу, перешелъ къ своимъ единовѣрцамъ и доставилъ имъ Бѣлградъ отважныи дѣломъ. Въ день байрама, взявъ съ собою шестерыхъ рослыхъ и сильныхъ сербовъ, онъ провелъ ихъ черезъ валъ, мимо карауловъ, обошелъ кругомъ по улицамъ и вдругъ бросился на стражу, охранявшую городскія ворота,—сначала выстрѣлы не встревожили подгулявшихъ турокъ, потому что въ день байрама у нихъ въ обычаѣ потѣшная стрѣльба, и никто не являлся на помощь стражѣ. Она отчаянно сопротивлялась,—четверо сербовъ были убиты, еще одинъ и Конда ранены, цѣль остался только одинъ — но этотъ одинъ успѣлъ отворить ворота и впустить сербскій отрядъ, — турки бросились къ воротамъ,—въ это время, Георгій Черный перешелъ въ другомъ мѣстѣ валъ, оставпійся безъ защиты, и городъ былъ взятъ; Гушанць-Али скрылся въ цитадель, его принудили къ сдачѣ голодомъ. Турки, сдавшіеся на капитуляцію, были перерѣзаны. Всѣ случаи войны за независимость прославляются пѣснями, но объ этой рѣзвѣ нѣтъ пѣсни, сербы сами стыдились вн. „Недоброе мы сдѣлали дѣло и поплатимся за него“, говорили старики. Скоро были заняты всѣ другія крѣпости. Ни одного турецкаго воина не оставалось въ Сербской землѣ.

Теперь и внутреннее управленіе приняло нѣсколько правильный видъ. Предводители возстаія конечно сохраняли преобладающее вліяше на дѣла; они каждую зиму около новаго года съѣзжались на общій сеймъ, „скушштину“, для соглашенія въ планахъ дѣйствія на слѣдующій годъ. Георгій Черный обыкновенно имѣлъ рѣшительный голосъ въ этомъ собраніи. Для управленія гражданскими дѣлами составленъ былъ сенатъ изъ депутатовъ областей (нахій), которыхъ считалось двѣнадцать. Депутатовъ этихъ было также двѣнадцать, по одному изъ каждой нахш. Приверженцы Георгія обыкновенно имѣли перевѣсъ и въ этомъ собраніи. Главными агентами его въ сенатѣ были Юговичъ и Младенъ, люди не совсѣмъ честные и впоследствии погубившіе общее дѣло своими интригами.

Занятые войною съ Россією, турки на время оставили сербовъ въ покоѣ. Георгій Черный хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы очистить отъ турокъ Герцеговину и Боснію (на западѣ отъ собственной Сербш), которыя также имѣютъ сербское населеніе, и расширить такимъ образомъ границы независимой Сербш на всю сѣверо-западную часть Турціи до самаго Черно-

горя. Онъ выступилъ въ походъ весною 1809 года; турки бѣжали передъ нимъ. Черногорцы уже спускались съ своихъ скалъ навстрѣчу ему; великая цѣль похода—освобожденію всѣхъ сербовъ, соединенію всѣхъ сербскихъ пашалыковъ въ одну независимую область, — была уже въ половину достигнута,—но въ это самое время дошло до него извѣстіе, что турки съ страшными силами ворвались въ собственную Сербію съ юго-востока. Георгій самъ былъ виноватъ въ этой бѣдѣ: прежде, юго-восточную границу геройски и всегда успѣшно берегъ отъ турокъ Добринецъ, — но, по интригамъ своего клеветы Младена, Георгій отнялъ у него власть и передалъ ее Милою, пріятелю Младена и также своему клевету. Милою не сумѣлъ удержать турокъ и они осадили Делиградъ. Георгій долженъ былъ вернуться на защиту своихъ границъ. Но русскіе отвлекли турецкія силы на Нижній Дунай, потомъ прислали отрядъ въ помощь сербамъ. Такимъ образомъ, война продолжалась безъ потерь со стороны сербовъ до того времени, какъ въ 1812 году, заключая миръ съ Турціею, Россія вынудила у султана для сербовъ самостоятельность внутренняго управленія, въ замѣнъ платежа опредѣленной дани.

Въ это время, Георгій Черный уже безъ всякихъ соперниковъ и ограниченій владычествовалъ въ Сербіи: областные воеводы были поставлены въ полную зависимость отъ верховнаго вождя и отъ сената, въ которомъ господствовали клеветы Георгія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первыя попытки Георгія оттѣснить отъ участія въ правительствѣ всѣхъ людей самостоятельныхъ, подвергали страшной опасности общее дѣло, когда неспособный Милою былъ поставленъ полководцемъ вмѣсто Добринца. Теперь, всѣ мѣста были заняты клеветами Георгія; готовность интриговать въ его пользу была единственною причиною ихъ возвышенія,—и когда, по примиреніи съ Россіею, Турція обратила свои силы на сербовъ, неспособность клеветовъ Георгія погубила Сербію.

Какъ только убѣдились турки, что Россія совершенно занята французскою войною, они не захотѣли соблюдать условій Бухарестскаго мира относительно Сербіи. Они потребовали сдачи всѣхъ крѣпостей, выдачи всего оружія и боевыхъ снарядовъ и возвращенія изгнанныхъ изъ Сербіи мусульманъ. Сербы не могли согласиться отдать себя безоружными на произволь враговъ. Турки двинулись на Сербію, и осадили крѣпость Неготинъ, гдѣ заперся гайдукъ Велько, который былъ въ немилости у Георгія. Велько геройски защищался,—но Младенъ, который долженъ былъ подать ему помощь, не хотѣлъ итти на выручку. „Пусть самъ справляется! — говорилъ этотъ клеветъ Георгія: — у него на пиру по десяти гусяровъ воспѣваютъ его подвиги; онъ самъ себѣ поможетъ, на то онъ и герой“. Велько былъ убитъ и крѣпость пала, и турки пошли впередъ. Ничтожные воеводы, поставленные Младеномъ, бѣжали; Младенъ совершенно растерялся, и почти не пытался противиться; безъ сопротивленія уступалъ туркамъ и другой полководецъ Георгія, князь Сима. Самъ Георгій былъ теперь окружонъ уже не героями, какъ прежде,—героевъ онъ удалилъ отъ себя или погубилъ,—а раболѣпными интригантами, которые струсили въ минуту опасности и своими робкими совѣтами навели уныніе на самого Георгія,—турки шли впередъ, онъ

почти не пытался остановить ихъ,—явился въ лагерь всего на одинъ день, и 3 октября (1813) бѣжалъ въ Австрію.

Его дарованія сильно помогли первому освобожденію Сербіи; его властолюбіе, лишившее родину способныхъ слугъ, отдавшее ее подъ господство людей никакихъ и ничтожныхъ, погубило ее.

Сенаторы, воеводы, тысячи другихъ сербовъ бѣжали въ Австрію, спасаясь отъ мести турокъ. Мщеніе было ужасно.

Изъ всѣхъ воеводъ, остался въ Сербіи одинъ Милошъ Обреновичъ. Онъ поддался туркамъ и обманулъ ихъ своею видимою покорностью. Но когда первый ужасъ народа прошелъ, уступивъ мѣсто ожесточенію отъ грабительства и казней, когда снова начали собираться недовольные, Милошъ явился во главѣ ихъ. Въ 1815 году, въ пятницу передъ Вербнымъ воскресеньемъ, онъ выгналъ турецкихъ чиновниковъ изъ своего округа и поднялъ оружіе. Теперь уже не въ первый разъ было сербамъ выгонять турокъ изъ своей родины,—послѣ нѣсколькихъ искусныхъ маневровъ и счастливыхъ битвъ, страна была снова освобождена.

Султанъ теперь не могъ дѣйствовать противъ сербовъ съ прежнею беспощадностью: французская война была кончена, Россія могла заступиться за православныхъ. Онъ далъ полномочіе пашѣ румелійскому, Марашп-Али, вступить въ переговоры. Съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы уступки. Турки были допущены въ Бѣградъ; верховное управленіе Сербіею передано было пашѣ, но областными начальниками остались сербы; въ управленіе Милошу дано было нѣсколько округовъ; паша окружилъ себя совѣтомъ изъ сербовъ. Теперь христіане уже не были такъ беззащитны, какъ прежде.

Милошъ, единственный предводитель возстанія, пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ, и не щадилъ ни хитростей, ни насилій, чтобы увеличить его. Людей, которые могли быть ему соперниками, онъ губилъ беспощадно. Между прочимъ, онъ донесъ туркамъ о возвращеніи въ Сербію Георгія Чернаго, и, по требованію наши, послалъ приказанію умертвить его. Такъ погибъ отъ предводителя втораго сербскаго возстанія предводитель перваго. Оставшись безъ соперниковъ, Милошъ былъ признанъ всѣми кнезами за верховнаго кнеза.

Онъ былъ агентомъ турецкаго правительства, отъ котораго получилъ на откупъ казенныя подати и таможи. Въ то же время, народное довѣріе ставило его главою національной партіи. Положенія дѣлъ оставалось шатко, неопредѣленно; но сила Милоша все увеличивалась съ теченіемъ времени. Наконецъ, въ 1820 году, турецкое правительство утвердило его въ санѣ „верховнаго кнеза“ Сербіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ возникли несогласія между имъ и бѣградскимъ нашею. Милошъ отказалъ пашѣ въ повинненіи и отправилъ въ Константинополь посольство, требуя исполненія всѣхъ условій Бухарестскаго мира. Послы были посажены въ темницу. Милошъ не огорчился этимъ; не подчиняясь пашѣ и не возставая противъ султана, онъ предался заботамъ объ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Сербіи, при всѣхъ преобразованіяхъ имѣя въ виду расширеніе своей власти.

Самостоятельныхъ кнезовъ онъ замѣнилъ своими чиновниками, и мало-

по-налу сталъ управлять со всею безграничною властью, какую имѣли паши. Поборы были теперь не легче, нежели при туркахъ. Въ народѣ начался ропоть, обнаруживались даже движенія противъ самовластія Милоша, — но онъ легко подавлялъ ихъ, потому что казался еще необходимымъ народу — на его личной власти основывалась независимость Сербш отъ турокъ. А турки не беспокоили его, видя въ немъ челоуѣка, который удерживаетъ сербовъ отъ новаго возстаія.

Между тѣмъ, вспыхнуло греческое возстаіе; христіанскія державы, особенно Россія, были теперь страшнѣе султану, нежели когда нибудь, и, Аккерманскою конвенціею 1826, Порта вновь обязалась строго соблюдать условія Бухарестскаго мира относительно Сербш. Условія были истолкованы сообразно желаніямъ сербовъ. Это было великою радостью для сербовъ. Но до самаго Адрианопольскаго мира, турки медлили привести въ исполненіе свои обѣщанія, — побѣды русскихъ вынудили это, и въ 1830 году обнародованъ былъ султанскій хаттишерифъ, обезпечивающій самостоятельность Сербш.

Внѣшняя безопасность теперь была приобрѣтена народомъ: надобно было позаботиться о внутреннемъ порядкѣ, — и съ этого времени начинается борьба сербовъ противъ Милоша, который имѣлъ въ виду исключительно свои личныя выгоды.

Онъ бралъ себѣ въ собственность все, что ему нравилось, платя прежнимъ владѣльцамъ покупаемаго дома или луга такую цѣну, какую самъ хотѣлъ назначить; однажды, онъ сжегъ цѣлое предмѣстье въ Бѣлградѣ, чтобы очистить мѣсто для своихъ предполагаемыхъ зданій; онъ принуждалъ народъ даромъ исправлять сельскія работы на своихъ поляхъ; его гонцы ничего не платили за подводы и за постои; выгоднѣйшую торговлю Сербш, — торговлю щетиною, онъ взялъ себѣ въ монополію. „Развѣ я не властитель? — говорилъ онъ: — развѣ я не могу дѣлать, что мнѣ угодно“?

Въ хаттишерифѣ было сказано, что онъ будетъ править, совѣщаясь съ старшинами, — онъ не думалъ исполнять этого, хотя бы только формальнымъ образомъ.

Общее неудовольствіе возрасло до такой степени, что даже люди, близкіе къ Милошу, говорили о необходимости ограничить его произволь. О смѣлыхъ рѣчахъ одного изъ его любимцевъ, Милутина Петровича, донесли Милошу. Онъ призвалъ Милутина и сталъ упрекать его. — „Не я одинъ такъ думаю, сказалъ Милутинъ: — всякій думаетъ теперь точно также!“ — „Какъ всякій“? — возразилъ Милошъ. — „Да, продолжалъ Милутинъ: — даже и тотъ, кто стоитъ съ тобою рядомъ“ — то былъ самый вѣрный любимецъ „князя, старый служитель Милошева дома, по имени Іосифъ. Милошу еще прежде напоминали, что своими поступками онъ подвергаетъ себя опасности, ибо всѣ, рѣшительно всѣ, были имъ недовольны; но онъ презиралъ подобными предостереженіями. — „Правду ли говоритъ Милутинъ“? спросилъ онъ теперь стараго Іосифа. — „Правду, князь, отвѣчалъ тотъ: — люди говорятъ, что долѣе нельзя такъ жить“.

„Одаренный быстрымъ соображеніемъ, Милошъ въ одну минуту измѣрилъ всю опасность, всю силу враговъ своихъ и немедленно рѣшился оставить Сербію.

„Но его стали просить, чтобъ онъ не спѣшилъ отъѣздомъ; ему ска-
зали, что никто не намѣренъ посягать ни на лицо, ни на жизнь его, ни
даже самое правленію, а желаютъ только правъ и обезпеченія“.

Между тѣмъ, вооруженныя толпы народа уже сходились отовсюду въ
Крагуевацъ, чтобы требовать отъ него законности въ правленіи. Безпоряд-
ковъ не производили онѣ никакихъ, но тѣмъ страшнѣе была ихъ спокойная
сила. Милошъ понялъ невозможность сопротивленія, и, созвавъ сеймъ (скуп-
штину), обѣщалъ отказаться отъ произвольнаго правленія (1835). Обнаро-
дованъ былъ подробный органическій уставъ, учреждавшій новый порядокъ дѣлъ.

Но Милошу вовсе не хотѣлось отказаться отъ произвола; онъ поѣхалъ въ
Константинополь, склонилъ на свою сторону султана Махмуда богатыми по-
дарками, и, возвратившись, сталъ дѣйствовать еще самовластнѣе прежняго,
опираясь на объявленію султана, что въ Сербіи князь есть „единственный
властелинъ“. Онъ захватилъ исключительное право торговать солью и во-
обще всѣмъ заграничнымъ вывозомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, на случай изгнанія,
закупалъ себѣ помѣстья въ Валахіи.

Неудовольствіе возростало въ Сербіи; черезъ нѣсколько времени, раз-
ными неосторожными поступками, Милошъ возстановилъ противъ себя и
Порту. Тогда недовольные сербы нашли себѣ покровительство въ Констан-
тинополѣ, и султанъ, по ихъ внушенію, издалъ фирманъ, которымъ законо-
дательная власть въ Сербскомъ княжествѣ отдѣлялась отъ исполнительной
и передавалась сенату изъ семнадцати старшинъ, а исполнительная власть
князя ограничивалась назначеніемъ четырехъ отвѣтственныхъ министровъ.
Милошъ притворно смирился, но подъ рукою хотѣлъ поднять возстаніе въ
народѣ; это не удалось, интриги его были открыты, и люди, которыхъ пре-
жде гналъ Милошъ и которые теперь торжествовали, рѣшили, что онъ дол-
женъ быть удаленъ изъ Сербіи. Главою побѣдившей партіи былъ Вучичъ.
Взявъ съ собою вооруженныхъ людей и вооружившись самъ, онъ вошелъ
въ комнату Милоша и сказалъ ему: „Народъ не хочетъ тебя больше; если
не вѣришь, я позову людей, и они подтвердятъ тебѣ слова мои“. — „Ну,
хорошо, отвѣчалъ Милошъ: — если они не хотятъ меня, яимъ не навязываюсь“.

Онъ отправился въ Австрію, въ сопровожденіи конвоя (въ іюнѣ 1839).
Во всю дорогу до самыхъ австрійскихъ границъ не произнесъ онъ ни од-
ного слова.

Княземъ сдѣлался сынъ Милоша, Михаилъ Обреновичъ. Съ этой новы
начинается новая эпоха для внутренней исторіи Сербіи. Законность должна
еще бороться съ произволомъ, но, вообще, уже водворяется въ дѣлахъ нѣ-
который порядокъ.

Русскій библиографическій указатель за 1855 годъ. Спб. 1856. 160.

Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ пользѣ библиографиче-
скихъ указателей, и потому нельзя не быть признательнымъ г. Ламбину,
библіотекарю Академіи Наукъ, за его „Указатель“, составленный съ пол-
нымъ знаніемъ дѣла. Важность „Указателя“ увеличивается тѣмъ, что подъ
многими книгами отмѣчены рецензіи, помѣщенные въ разныхъ журналахъ.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Февраль 1857.

„Экономическій Указатель“.—„Теорія и практика“, Бабста.—„Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“, Струкова.—
„Старая барыня“, Писемскаго.

Угодно ли вамъ, читатель, выслушать исторію о „голодѣ въ Багдадѣ при Гарунѣ-аль-Рашидѣ?“ Это исторія не изъ „Тысячи и одной ночи“, а изъ „Экономическаго Указателя“, на который хотимъ мы обратить ваше вниманіе.

Случился, видите ли, неурожай въ Багдадской области, а за неурожаемъ, по обыкновенію, послѣдовалъ голодъ,—дѣло очень натуральное, но вовсе непріятное. Созвалъ Гарунъ-аль-Рашидъ своихъ мудрыхъ совѣтниковъ, спрашиваетъ ихъ, какъ помочь горю?—„Привезти хлѣбъ изъ тѣхъ областей, гдѣ урожай былъ хорошъ“, говорятъ совѣтники. Сказать легко, а исполнить трудно, дороги въ гаруновомъ царствѣ были плохи,—будь хорошія дороги, пожалуй, подвезли бы запасъ скоро, а теперь, если и повезутъ, то нескоро довезутъ. Увидѣлъ Гарунъ-аль-Рашидъ, что надобно построить хорошія дороги,—но когда-то еще успѣешь ихъ построить, а дѣло не терпитъ отсрочки. Какъ быть? По обычаю, пошелъ ночью халифъ бродить по улицамъ Багдада, чтобы посмотреть, какъ живетъ народъ, послушать, что онъ говоритъ. Услышалъ онъ разговоръ старика съ молодымъ человѣкомъ.—„Бѣда! говоритъ молодой человѣкъ:—дорогъ хлѣбъ!“—„Можно бы этой бѣдѣ помочь, говоритъ старикъ:—установить, чтобы ни одинъ хлѣбопекъ не смѣлъ продавать хлѣбъ дороже прежней дешевой цѣны“. Умна показалась рѣчь старика Гаруну-аль-Рашиду; по утру онъ установилъ таксу на хлѣбъ. Прошло нѣсколько недѣль—вбѣгаетъ къ халифу визирь съ испуганнымъ видомъ и говоритъ: „Пѣтъ въ Багдадѣ ни одного зерна хлѣба на базарѣ, и народъ страдаетъ пуще прежняго. Торговцы и богачи, имѣющіе запасы, не хотятъ продавать ихъ по таксѣ и попрятали въ подвалы свой хлѣбъ“.—„Чтожь дѣлать?“ говоритъ Гарунъ-аль-Рашидъ.—„Отмѣни таксу“, говоритъ визирь. Гарунъ-аль-Рашидъ послушался и отмѣнилъ таксу.—Теперь, пусть самъ „Экономическій Указатель“ говоритъ, что было далѣе:

„Ужаснулся народъ, узнавъ о такомъ рѣшеніи своего властелина, не яонкая, что было причиною такой перемѣны. Начались опять бѣдствія, худшія, чѣмъ прежде, потому что хлѣбники подыали цѣны несравненно выше, чтобы вознагражить себя за убытки и опасности, которымъ они подвергались. Гарунъ-аль-Рашидъ заалъ, какъ страдаетъ народъ, но дѣлать было нечего: овъ ужъ опытомъ убѣдился, что, назначивъ цѣны, ва мѣсто пользы, сдѣлалъ вредъ. Ужъ если язъ двухъ волъ выбирать меньшее, то пусть народъ ѣсть мало, да вавъ нибудъ доживеть до привоза припасовъ, нежели съѣсть сегодня много, чтобы завтра быть безъ хлѣба. Такъ и случилось. Хотя народъ крѣпко бѣдствовалъ, во все же вое какъ прожилъ, и Гарунъ-аль-Рашидъ пришелъ къ тому убѣжденію, что для того, чтобы спасти народъ отъ голода, нужна не такса на предметы первой необходимости, а хорошія дороги, по которымъ можно было бы быстро севеоваять съѣстные припасы съ одного мѣста на другое, и торговая предпріимчивость между купцами, которые откладывали бы изъ своихъ выгодъ сколько можно хлѣба въ дешевые годя, ва случай голода, а слѣдовательно и высокиа цѣнъ“.

Мы выбрали эту незначительную статью, разборомъ которой не можетъ оскорбиться „Экономическій Указатель“, чтобы сказать наше мнѣніе о системѣ *laissez-faire*, которой, невидимому, „Экономическій Указатель“ не столько опасается, сколько надобно желать и для пользы русской публики, п для пользы самого журнала.

Нѣтъ въ мірѣ такой науки, которая была бы скучнѣе политической экономіи въ томъ смыслѣ, какой приданъ ей школоу такъ называемыхъ французскихъ экономистовъ, иначе сказать, послѣдователей Сэ. У нихъ, политическая экономія имѣеть страшно отвлеченный характеръ. Имъ мало дѣла до того, какіе именно вопросы имѣють существенную важность для той или другой страны въ извѣстное время, — такъ они заняты своею одностороннею теоріею. Кстати и не кстати, вѣчно твердить они одно и то же: „не стѣсняйте конкуренцію, не устанавлиайте таксъ“ — таковъ смыслъ и сказки, которую мы взяли примѣромъ для разбора этой теоріи.

Мы, русскіе, ровно ничего не выиграемъ отъ этого нравоучешія. Таксы не имѣють важнаго значешя въ нашемъ экономическомъ бытѣ. А послѣдователи Сэ готовы вѣчно толковать о вредѣ таксъ, котораго мы, русскіе, вовсе не чувствуемъ (если только благоразумно устанавливаемые таксы дѣйствительно могутъ приносить вредъ, въ чемъ еще не всѣ или, лучше сказать, уже не всѣ ученые согласны). Вопросъ о таксахъ вовсе не принадлежитъ къ числу живыхъ, интересныхъ для русскаго общества. Какая же намъ будетъ охота слушать толки о немъ? Говорите намъ о способахъ улучшить наше земледѣльческое производство, говорите о способахъ расширить сбытъ фабричныхъ произведеній въ нашемъ сельскомъ населеніи, которое теперь очень мало ихъ покупаетъ. Эти вопросы для насъ важны; — но теорія послѣдователей Сэ очень мало занята ими, а вѣчно твердить о вредѣ таксъ. Можетъ ли она возбудить живой интересъ въ нашемъ обществѣ, имѣя страсть хлопотать о предметахъ маловажныхъ для насъ и не обращать вниманія на предметы, существенно интересующіе наше общество? Предаваться ей значило бы впередъ отказываться отъ живаго сочувствія публики.

Но мало того, что теорія Сэ мертва для насъ. Она сама по себѣ поверхностна и фальшива. Въ наукѣ это уже давно доказано. Для тѣхъ, которые не имѣли случая узнать объ успѣхахъ, сдѣланныхъ наукою со

время Сэ, мы докажемъ поверхностность и фальшивость его теоріи разборомъ сказки, ею порожденной и переданной нами выше со словъ „Экономическаго Указателя“.

Какой урокъ извлекають жители Багдада изъ перенесеннаго ими бѣдствія?— „Надобно улучшить дороги, и не надобно устанавливать таксъ“. Какой бѣдный, неполный урокъ! Видно, что жители Багдада—люди, отставшіе отъ вѣка. Если бы между ними былъ человѣкъ, знакомый съ политической экономіею не по одному Сэ, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, онъ повелъ бы съ ними рѣчь слѣдующимъ образомъ.

Въ Багдадѣ былъ страшный голодъ. Какъ могло это случиться?— У насъ былъ неурожай.— Но вѣдь при жестокомъ неурожаѣ сборъ хлѣба все таки равняется двумъ-третьимъ обыкновеннаго сбора. Развѣ вы имѣете пѣ обыкновенные годы такъ мало хлѣба, что едва достаетъ вамъ на пропитаніе? иначе, если бы вы, напримѣръ, производили хлѣба въ обыкновенные годы вполтора раза болѣе, нежели нужно для вашего пропитанія, вы не терпѣли бы голодъ, когда сборъ оказался одною третью менѣе обыкновеннаго.— „Да, дѣйствительно, мы и въ обыкновенные годы кушали хлѣба меньше, нежели бы хотѣлось намъ“.— Почему же такъ? Развѣ у васъ мало земли?— „Нѣтъ, земли у насъ довольно“.— Значить, она неплодородна?— „Нѣтъ, земля у насъ хороша“.— Стало быть, у васъ земледѣліе въ дурномъ состояніи?— „Правда“.— Итакъ, друзья мои, старайтесь улучшить ваше земледѣліе. Это пригодится вамъ не только на случай неурожая (тогда и при неурожаѣ вы не будете слишкомъ голодны), но и въ обыкновенные годы; вы теперь едва кормитесь, а тогда будете жить въ избыткѣ. Такъ ли? Надобно вамъ улучшить ваше земледѣліе?— „Надобно“.— Такъ подумаемъ же вмѣстѣ, какъ бы вамъ приняться за это.— И онъ объяснилъ бы жителямъ Багдадской области, какія экономическія отношенія должны быть измѣнены, чтобы земледѣліе могло улучшиться.

Это нравоученіе полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

„Гарунъ-аль-Рашидъ хотѣлъ купить для насъ хлѣба въ сосѣднихъ областяхъ, да перевезти его нельзя было бы скоро, потому что дороги у насъ плохи“, говорятъ багдадскіе жители своему совѣтнику.— „Какъ! у васъ нѣтъ хорошихъ дорогъ? Значить, вы народъ безпечный, если не позаботились давно объ этомъ важномъ дѣлѣ. Какія же причины сдѣлали васъ такими безпечными людьми? Надобно наследовать это“.— И началось бы объясненіе экономическихъ отношеній, развивающихъ въ народѣ безпечность.

Это нравоученіе также полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

„Мы очень бѣдствовали, и помочь было нельзя: таксы не помогли“, продолжаютъ жители Багдадской области.— Но вѣдь, кромѣ таксъ, существуетъ множество способовъ помочь народу во время голода, замѣчаетъ пхъ собесѣдникъ:— укажу вамъ хотя одинъ: во время голода, объявляютъ хлѣбникамъ, что они должны продавать фунтъ хлѣба по прежней дешевой цѣнѣ; а разницу между дорогой цѣной и обыкновенной будетъ имъ приплачивать городъ,— для этой цѣли можно сдѣлать особенный заемъ. Это средство испытанное.

„А таксы дѣйствительно бесполезны или даже вредны?“ спрашиваютъ любопытные багдадцы.—Прежде такъ думали всѣ ученые, отвѣчаетъ имъ ихъ собесѣдникъ,—а теперь многіе, самые ученыѣйшіе и глубокомысленнѣйшіе люди напротивъ доказываютъ, что разумная таксація—одинъ изъ лучшихъ способовъ значительно улучшить экономическій бытъ народа.—И онъ объяснить бы имъ теорію таксаціи, принимающей за основаніе цѣнности вещей стоимость ихъ производства.

Такимъ образомъ, онъ доказалъ бы имъ, что если Гарунъ-аль-Рашидъ не могъ установить таксу на хлѣбъ, то не умѣлъ бы онъ и безъ таксы имѣть средства помочь народу, если бы зналъ открытія, сдѣланныя наукою.

Мы обратили вниманіе на эту сказку о Гарунѣ-аль-Рашидѣ потому, что она явилась въ № 1-мъ „Экономическаго Указателя“, какъ бы предвѣстницею направленія, котораго будетъ держаться журналъ,—къ счастью, многія изъ послѣдующихъ статей не оправдываютъ этого предзнаменованія. Въ семи нумерахъ, которые мы прочли, находится не одно изслѣдованіе, касающееся предметовъ очень интересныхъ. Особенно мы замѣтимъ статьи о жвѣвшихъ дорогахъ г. Вернадскаго, Гагемейстера, г. Д. Г.; „Теорія и практика“, г. Бабста и „Опытъ изложенія условій сельскаго хозяйства“, г. Струкова.

Умный купецъ, порядочный чиновникъ чувствуютъ, ежели не у насъ, то вездѣ по крайней мѣрѣ, что безъ науки, безъ образованія каждый шагъ тяжелъ и труденъ (говоритъ г. Бабстъ).—Необходимость экономическаго образованія сознаетъ въ настоящее время въ Европѣ каждый рабочій—надобно желать, чтобы тоже самое было и у насъ. Но распространить охоту знакомиться съ политической экономіею нельзя отвлеченными разсужденіями о банкирскихъ операціяхъ, необходимости безграничной конкуренціи и предоставленіи экономическимъ отношеніямъ полной воли развиваться подъ вліяніемъ односторонняго принципа конкуренціи, въ зависимости отъ банкирскихъ операций. Чтобы возбудить интересъ къ себѣ, наука должна говорить преимущественно о вопросахъ, имѣющихъ для страны наибольшую важность. Если „Экономическій Указатель“ будетъ держаться этого правила, онъ принесетъ очень большую пользу своему дѣлу,—дѣлу распространенія у насъ экономическихъ понятій. Статью г. Бабста нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы она не удовлетворяла этому требованію.

Тема его—разъясненію побужденій, по которымъ очень многіе возстаютъ у насъ противъ политической экономіи,—тема очень живая, потому что, дѣйствительно, недостатокъ уваженія къ наукѣ—одинъ изъ главныхъ нашихъ недостатковъ. Коренною причиною вражды, чувствуемой многими къ наукѣ, онъ справедливо считаетъ то, что ея выводы противорѣчатъ эгоистическимъ и близорукимъ желаніямъ невѣждъ. Но онъ такъ добросовѣстенъ, что не умалчиваетъ и о другой причинѣ недовѣрчивости къ теоріи,—„теоретики часто вредятъ себѣ и благому дѣлу народнаго развитія своею исключительностью и неумолимостью“. Иногда они воображаютъ, что, сказавъ: „цѣна зависитъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ“,—„конкуренція не должна быть ограничиваема ни подъ какимъ видомъ“—они

уже высказали всю истину и дали рецепт для излеченія всѣхъ экономическихъ болѣзней,—они часто забываютъ, что безграничная конкуренція (новѣйшая форма средневѣковаго кулачнаго права) ведетъ къ монополіи, противъ которой сами же они такъ сильно возстаютъ; и что, такъ какъ чело-вѣкъ есть не экономическая машина, а живое существо, одаренное съ одной стороны различными потребностями, а съ другой—рауумомъ, то в надѣ слѣпымъ, неразумнымъ и безжалостнымъ принципомъ отяошенія между за-просомъ и предложеніемъ долженъ въ чело-вѣческомъ обществѣ возвышаться другой принципъ—законъ удовлетворенія естественныхъ потребностямъ чело-вѣка и разумной организаціи экономическихъ силъ. Воображая, что все наилучшимъ образомъ устроивается безъ вмѣшательства разумной воли, однимъ инстинктомъ промышленниковъ, они тѣмъ самымъ отвергаютъ необ-ходимость теоріи и признаютъ ненарушимость практики.

Г. Бабста нельзя упрекнуть въ такой односторонности. Онъ признаетъ, что наука должна принимать въ соображеніе жизненные потребности чело-вѣка, и прилагаетъ это правило къ дѣлу. Статья его наполнена не алге-браическими формулами, а живыми объясненіями фактовъ нашей экономиче-ской жизни. Онъ говоритъ о состояніи нашего земледѣльческаго производ-ства, о монопольномъ характерѣ нашей промышленности и торговли и т. д. Такихъ живыхъ статей, какъ его „Теорія и практика“, надобно желать больше.

Такого же вниманія заслуживаетъ статья г. Струкова: „Опытъ изло-женія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“. Она написана не съ отвлеченной точки зрѣнія, говоритъ не о вредѣ таксъ и тому подоб-ныхъ болѣе или менѣе бесполезныхъ предположеніяхъ, а о томъ, до какой степени благоприятны для экономическаго развитія тѣ условія, въ которыхъ производится у насъ земледѣльческій трудъ. Танія наследованія будутъ всегда читаться съ интересомъ и только они могутъ дѣйствительно быть по-лезны дѣлу распространенія здравыхъ научныхъ понятій.

О желѣзныхъ дорогахъ въ первыхъ семи нумерахъ „Экономическаго Указателя“ помѣщенъ уже цѣлый рядъ статей. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ— „Замѣтки о желѣзной дорогѣ“, г. Д. Г. Кроме того, замѣтимъ „Письмо г. Редактору Экономическаго Указателя“, г. Гагемейстера, и „Нѣчто о средствахъ сообщенія“, г. Вернадскаго.

Изъ разныхъ проектовъ, имѣющихъ цѣлью дополнить второстепенными линіями ту сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, о построеніи которой уже включенъ правительствомъ контрактъ, г. Вернадскій наиболѣе важнымъ и наиболѣе исполнимымъ считаетъ три линіи: 1) отъ Рыбинска къ Верхнему Волочку; 2) отъ Кіева до Одессы; 3) отъ Москвы на Моршанскъ. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что эти дороги очень важны; но чтобы доказать рѣшительное пре-имущество ихъ передъ всѣми другими линіями, необходимо подкрѣпить бо-лѣе точными и подробными доводами общія соображенія, представляемыя въ ихъ пользу г. Вернадскимъ.

Г. Гагемейстеръ, въ „Письмѣ къ редактору“, доказываетъ, что едва ли можно разсчитывать на доходъ, много превышающій пять процентовъ въ первые годы по сооружеиш линій, нынѣ уступленныхъ компаніи барона

Штиглица, а потому напрасны опасенія, что иностранные акціонеры этой компаніи будутъ вывозить изъ Россіи большія богатства, — мысль, совершенно справедливая. Онъ не считаетъ основательнымъ и того опасенія, что компанія можетъ наводнить Россію иноземными рабочими,—это было бы невыгодно для самой компаніи,—и этотъ расчетъ совершенно вѣренъ; наконецъ онъ не раздѣляетъ и того предположенія, что проценты, приносимые дорогами, будутъ очень незначительны, и правительству придется доплачивать имъ слишкомъ большія суммы. Дѣйствительно по всей вѣроятности, средній доходъ будетъ не менѣе трехъ процентовъ,—черезъ нѣсколько лѣтъ, конечно, болѣе, такъ что скоро достигнетъ до пяти процентовъ, гарантируемыхъ правительствомъ.

Что касается значенія желѣзныхъ дорогъ для Россіи, г. Гагемейстеръ, подобно автору статьи, помѣщенной въ № 2 „Современника“ за прошлый годъ, полагаетъ, что желѣзныя дороги въ Россіи должны, по сравненію съ другими способами сообщенія, имѣть болѣе преимуществъ, нежели въ иныхъ земляхъ.

Вотъ его слова:

„По недостаткамъ естественныхъ путей въ Россіи, искусственные пути предназначены къ большому еще значенію, тѣмъ въ другихъ государствахъ. Рѣки ваши судоходны только въ продолженіи нѣвольшихъ мѣсяцевъ въ году, сколько отъ амерзавія ихъ зимою, столько отъ лѣтяго мелководія; а по мѣрѣ вырубки лѣсовъ—веселія воды стекаютъ скорѣе, снѣга я дождя вообще выпадаетъ менѣе. Между прочимъ, уменьшившейся въ атмосферѣ влажности и меньшему затѣмъ приливу водъ въ Каспійское море должно отчасти приписать, что средній уровень Каспія отъ 1804 по 1853 годъ понизился на 12 футовъ. Съ этимъ сопряжено, разумѣется, соотвѣтственное пониженіе уровня всѣхъ притоковъ Каспійскаго моря, т. е. водной системы всей восточной полосы Россіи.

„Отъ этихъ климатическихъ причинъ сухопутныя сообщенія страдаютъ не менѣе подяныхъ. Снѣгъ, который часто будетъ затруднять движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ихъ пользу болѣе ощутительною въ Россіи, чѣмъ въ странахъ, пользующихся климатомъ болѣе умѣреннымъ, ибо нынѣ сообщеніе юга съ сѣверомъ Россіи возможно только въ лѣтше мѣсяцы, а пресловутая русская зима облегчаетъ перевозку только въ сѣверной полосѣ Имперіи. По этимъ причинамъ съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ все товарное движеніе перейдетъ къ онымъ, тѣмъ болѣе, что во время осени и зимы, когда нынѣ совершенно прекращается рѣчная и отчасти затруднена сухопутная перевозка, настоятъ наибольшая надобность въ перевозкѣ произведеній, составляющихъ главное богатство Россіи. Что касается пассажировъ, то число ихъ будетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ полагаютъ, потому что нѣтъ народа, болѣе сохранившаго при осѣдлости склонность къ кочевой жизни, какъ великороссіяне, промышляющіе во всѣхъ концахъ Имперіи. Одно уже число косарей, отправляющихся изъ сѣверныхъ губерній въ южныя для уборки хлѣба и сѣна, даетъ немало занятія Московско-еодосійской дорогѣ“.

Не совсѣмъ таково мнѣніе г. Д. Г. (въ статьѣ „Замѣтки о желѣзной дорогѣ“). Онъ, само собою разумѣется, увѣренъ, что желѣзныя дороги дадутъ чрезвычайно сильное развитіе нашей экономической жизни, и, конечно, не менѣе другихъ сочувствуетъ великому дѣлу ихъ устроенія; но—говоритъ онъ—не должно увлекаться и преувеличенными ожиданіями,—надобно дать мѣсто безстрастному разчету.

У насъ вошло въ обычай сравнивать результаты, ожидаемые отъ же-

лѣзныхъ дорогъ для Россіи, съ движеніемъ, которое производится по желѣзнымъ дорогамъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Сходство тутъ заключается въ огромности разстояній и малой плотности населенія. Но есть и важныя различія, которыхъ не должно упускать изъ виду.

Въ ту эпоху, когда начали строиться желѣзныя дороги въ Сѣверной Америкѣ, промышленная дѣятельность имѣла уже громадныя размѣры; огромныя пространства земли на Западѣ ждали только желѣзныхъ дорогъ, чтобы населиться колонистами: условія производительнаго труда были очень благопріятны, характеръ народа былъ дѣятеленъ и предприимчивъ. У насъ этихъ условій нѣтъ. Потому не должно и ожидать, чтобы въ первые годы по открытіи желѣзныхъ дорогъ движеніе товаровъ и пассажировъ приняло такія размѣры, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Притомъ, направленіе линій въ Сѣверной Америкѣ опредѣлялось исключительно экономическими потребностями, безъ всякаго вліянія административныхъ или стратегическихъ соображеній.

Но если справедливо, что желѣзныя дороги у насъ въ первые годы не будутъ перевозить столько товаровъ, какъ въ Америкѣ, то, по нашему мнѣнію, все-таки онѣ у насъ имѣютъ еще болѣе рѣшительное превосходство надъ прежними путями сообщенія, нежели въ Америкѣ. Факты, указываемые г. Гагемейстеромъ, столь же вѣрны, какъ и тѣ, на которые указываетъ г. Д. Г. Соображая тѣ и другіе, мы должны прийти къ такому выводу. Положимъ, что промышленная дѣятельность въ Америкѣ до устройства желѣзныхъ дорогъ была въ четыре раза больше нежели у насъ. Если съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ она удвоилась, то у насъ должна утроиться, — но, конечно, и тогда еще не сравнится своими размѣрами съ сѣверо-американскою. Сѣверо-американцы посредствомъ желѣзныхъ дорогъ возвысили свое производство отъ 4 до 8; мы возвысимъ отъ 1 до 3, — перевѣсъ абсолютной величины производства останется за Сѣвѣрною Америкою — въ этомъ правъ г. Д. Г.; но степень усиленія производства значительнѣе для насъ, нежели для сѣверо-американцевъ, — въ этомъ правъ г. Гагемейстеръ.

Конечно, мы говоримъ объ усиленіи экономической дѣятельности только въ тѣхъ полосахъ, по которымъ пролегаютъ желѣзныя дороги; области, не охватываемыя дѣйствіемъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, почти ничего не играютъ отъ нихъ, — и замѣчаніе г. Д. Г. о необходимости проведенія многочисленныхъ отраслей и соединительныхъ линій отъ главныхъ, длинныхъ путей остается совершенно справедливымъ.

Отъ всей души желаемъ, чтобы въ „Экономическомъ Указателѣ“ сдѣлалось преобладающимъ то дѣловое, живое направленіе, которымъ отличаются статьи, нами указанныя вниманію читателей. Только тогда „Экономическій Указатель“ дѣйствительно будетъ удовлетворять настоятельной потребности нашего общества въ политико-экономическомъ журналѣ.

Настоятельная потребность политико-экономическаго журнала — какой шагъ впередъ въ развитіи нашей публики обнаруживается этимъ фантомъ! Десять лѣтъ тому назадъ такой журналъ былъ бы явленіемъ почти совершенно излишнимъ; онъ не нашелъ бы десятой части тѣхъ читателей, кото-

рые теперь заинтересованы инъ; онъ былъ бы явленіемъ невозможнымъ. Да, что ни говорите, а мы таки развиваемся, и чтобы ни говорили мы о нашей литературѣ, все-таки въ ней замѣтнѣе всего отражается это развитіе.

Любопытно сравнить характеръ журналовъ нашихъ за послѣдніи тридцать лѣтъ, — постепенное развитіе нашей мысли очень отчетливо обнаруживается такимъ сравненіемъ.

До 1830 года оригинальная повѣсть была въ нашихъ журналахъ рѣдкостью. Говоря: оригинальная, мы, конечно, разумѣемъ только „написанная русскимъ авторомъ“, вовсе не разумѣя того, чтобы въ ней было сколько нибудь самостоятельности. Нѣсколько времени спустя „Телеграфъ“ сталъ чаще прежняго украшаться оригинальными повѣстями, — но это было дѣломъ не столько времени, сколько случая: Н. А. Полевой вздумалъ быть беллетристомъ, другой причины тому не было. Какъ явленіе случайное, эта черта — частое помѣщеніе русскихъ повѣстей, — еще исключительно принадлежало одному журналу Полеваго. Другіе журналы оставались по прежнему безъ повѣстей. Въ 1834 году основалась „Библиотека для Чтенія“, и однимъ изъ постоянныхъ отдѣловъ своей программы сдѣлала „Русскую Словесность“, понимая подъ этимъ словомъ повѣсти, рассказы, комедіи въ прозѣ. Дѣйствительно, съ того времени постоянно въ каждой книжкѣ „Библиотеки“ бывала русская повѣсть. Но это все-таки было еще не дѣломъ времени, а просто натяжкой со стороны редакціи, обязавшейся во что бы то ни стало печатать чтобы то ни было въ отдѣлѣ „Русской Словесности“, — статьи, наполнявшія этотъ отдѣлъ, большею частью писались точно также, какъ статьи отдѣла „Сельское Хозяйство“ — фабричнымъ образомъ, и вовсе не претендовали на литературныя достоинства. Въ другихъ тогдашнихъ журналахъ русская повѣсть все еще была явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, хотя съ каждымъ годомъ становилась явленіемъ менѣе рѣдкимъ.

Ученый отдѣлъ журналовъ былъ и того бѣднѣе оригинальными статьями.

Такъ продолжалось до основанія „Отечественныхъ Записокъ“ (1839). Тутъ въ первый разъ русскія повѣсти, писанныя не фабричнымъ образомъ, какъ въ „Библиотекѣ для Чтенія“, стали явленіемъ обыкновеннымъ, хотя все-таки далеко не на каждую книжку доставало этихъ произведеній. Тутъ въ первый разъ и ученые оригинальныя статьи довольно большаго объема и довольно важнаго достоинства перестали быть рѣдкостью, но все-таки ихъ было менѣе, нежели повѣстей.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, — и русская беллетристика достигла уже такого развитія, что каждая книжка журнала непременно имѣла русскую повѣсть. Это началось около того времени, какъ основался нашъ журналъ (1847). Ученый отдѣлъ все еще гораздо чаще наполнялся во всѣхъ журналахъ переводами или компиляціями. Всего только пять-шесть лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ журналахъ оригинальныя статьи серьезнаго содержания и положительнаго достоинства начали являться постоянно.

Но если мы сравнимъ нынѣшніе журналы съ журналами лѣтъ за десять по отношенію къ ученымъ статьямъ, мы замѣтимъ разницу не только въ количествѣ, но и въ содержаніи. Публика была такъ еще нетребовательна, что статьи самаго сухаго содержанія не считались неудобными для

журнала, имѣющаго читателями всю массу публики. Какъ то съ годъ тому нааадъ вѣ удивились, нашедши въ одномъ изъ хорошихъ журналовъ статью о Кириллицѣ или о Глаголицѣ, — помилуйте, да лѣтъ дееять-пятнадцать тому нааадъ такія ли статьи помѣщались лучшимъ тогдашнимъ журналомъ сплошь да рядомъ—припомните только, чего вы не видали въ журналахъ, издававшихся для всей массы публики!—статьи о музыкальныхъ гаммахъ, объ анатоміи, 'о русскихъ азбуковникахъ, о леченіи болѣвней искусствомъ я натурою, о тмутараканскомъ камнѣ и тому подобныхъ предметахъ.

До послѣдняго времени не предполагалось возможнымъ, чтобы могъ существовать большой журналъ, исключительно благодаря статьямъ серьезнаго содержанія. Теперь это очевидно для всякаго. Есть даже многіе, которые думаютъ, что беллетристика становится въ нашей литературѣ на второе мѣсто, — положимъ, это мнѣіе пока еще преждевременно; но каждый знаетъ, что пять-шесть лѣтъ тому назадъ статьи серьезнаго содержанія не имѣли и половины той публики, какую имѣютъ нынѣ.

До сихъ поръ единственными журналами, нужными массѣ публики, были журналы энциклопедическіе. Теперь, каждый видитъ, что начинается возможность существовать журналу, не только ограничивающемуся однѣми серьезными статьями, но и статьями, принадлежащими къ одной опредѣленной области наукъ. Никто, конечно, не усомнится нынѣ, что, кромѣ журнала политико-экономическаго (существованіе котораго есть уже фактъ), могъ бы существовать журналъ историческій.

Люди, еще не старые, пережили на своемъ вѣку всѣ эти различныя эпохи нашей журналистики. Двадцать лѣтъ тому назадъ почти не существовало въ нашихъ журналахъ русской беллетристики. Пятнадцать лѣтъ назадъ были еще очень малочисленны въ нашихъ журналахъ самостоятельныя статьи серьезнаго содержанія, имѣющія положительное достоинство или заслуживающія, по нынѣшнимъ понятіямъ, имя общинтересныхъ статей. Еще менѣе лѣтъ прошло съ той поры, когда публика стала обращать на серьезныя статьи столько же вниманія, сколько и на беллетристику, и пріучилась быть сколько нибудь разборчивою относительно этихъ статей. Критика, правда, явилась въ нашихъ журналахъ дѣйствительно заслуживающею вниманія раньше, нежели беллетристика или ученый отдѣлъ, — но и тому прошло только съ небольшиниъ тридцать лѣтъ,—до „Телеграфа“ она была ничтожна, какъ и самые журналы были незначительны.

А между тѣмъ давно ужъ публика наша читаетъ преимущественно журналы; за долго до „Телеграфа“ слышались мнѣшя, что журналы — главная отрасль нашей литературы, и повторялись слова:

„И вижу наконецъ въ странѣ моей родвой
Журналовъ тысячи, а книги ни одной“.

Спрашивается теперь: съ давняго ли времени наша литература стала дѣйствительно замѣтнымъ элементомъ нашей народной жизни?

Часто жаловались у насъ на то, что въ прежнее время не заботились о сохраненіи матеріаловъ для біографіи нашихъ писателей, — эта небрежность, конечно, очень прискорбная для историка литературы, происходила отъ причины очень естественной и даже основательной. Литература

не была важнымъ явленіемъ народной жизни, — какая же могла представляться потребность собирать и сохранять свѣдѣнія, относящіяся до литературы и до литераторовъ? Въ послѣднее время, небрежность эта стала мало-по-малу уступать мѣсто заботливости о еобираниіи біографическихъ данныхъ. Такую перемѣну приписывали различнымъ причинамъ, иногда великолѣпнымъ, иногда очень незавиднымъ. По нашему мнѣнію, проще и вѣрнѣе другихъ объясненій то, что собиратели фактовъ обратили вниманіе на нашу литературу (и, слѣдовательно, на ея дѣятелей) съ того времени, какъ важность ея стала очевидна. Послѣ Пушкина и во время Гоголя пріобрѣла она важность, — съ Пушкина и Гоголя и начинается рядъ писателей, жизнь которыхъ кажется ихъ современникамъ достойною того, чтобы современники и потомство знали о ней. И прежде литераторы превозносили другъ друга, — даже гораздо усерднѣе превозносили, нежели нынѣ. Но до послѣдняго времени общество не вѣрило въ важность ихъ дѣла, — и они сами невольно, инстинктивно сомнѣвались въ его важности. Въ Пушкинѣ общество въ первый разъ признало писателя великимъ историческимъ лицомъ, — очень натурально, что о немъ стали собирать біографическія данныя, какъ и о всякомъ важномъ лицѣ въ народной исторіи. Гоголемъ серьезное вниманіе общества занялось еще сильнѣе, — о немъ пишутъ еще болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, о Гоголѣ теперь собрано ужъ едва ли не болѣе біографическихъ свѣдѣній, нежели о всѣхъ внаменитыхъ нашихъ писателяхъ до Пушкина. Г. Николай М*** издалъ два толстые тома „Записокъ“ о его жизни, — публика не утомилась этими двумя томами, — напротивъ, въ ней только пробудилось ими желаніе узнать о его жизни еще болѣе, и люди, бывшіе къ нему близкими, спѣшатъ удовлетворить этому желанію, — за одною статьею о жизни Гоголя слѣдуетъ другая. Въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ г. Тарасенковъ разсказалъ намъ, какъ медикъ, исторію послѣднихъ дней великаго писателя, — въ февральской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“ — г. Анненковъ свои воспоминашя о Гоголѣ.

Г. Анненковъ былъ однимъ изъ близкихъ знакомыхъ Гоголя въ періодъ его петербургской жизни, до отъѣзда за границу въ 1836 г. Потому въ Римѣ, онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ нимъ. Воспоминанія такого человѣка должны были быть очень интересны, — и дѣйствительно, они очень интересны. Статья, напечатанная въ февральской книжкѣ „Библиотеки“, доводитъ разсказъ только до встрѣчи г. Анненкова съ Гоголемъ въ Римѣ въ 1841 и, конечно, будетъ имѣть продолженіе. Теперь мы скажемъ только, что факты, сообщаемые г. Анненковымъ, значительно объясняютъ намъ Гоголя, какъ человѣка, и что вообще взглядъ г. Анненкова на его характеръ кажется едва ли не справедливейшимъ изъ всѣхъ, кашіе только высказывались до сихъ поръ. Г. Анненковъ не усиливается, въ противность правдѣ и правдоподобию, воображать или изображать Гоголя человѣкомъ безъ всякихъ слабостей, безъ всякихъ недостатковъ, какъ то дѣлали другіе; онъ откровенно признается, что въ Гоголѣ была частица притворства, частица искательства, частица хитрости, — но, понимая эти недостатки, г. Анненковъ понимаетъ также, что они съ избыткомъ вознаграждались другими качествами его натуры, прекрасными и благородными. Онъ

ве дѣлаетъ нашего великаго писателя идеаломъ всевозможныхъ добродѣтелей, но видитъ въ немъ человѣка, котораго трудно было не полюбить, соединись съ нимъ, и нельзя было не уважать, понявъ его, — и читатель вѣрить тому. Это не панегирикъ и не апологія, — это просто правдивый рассказъ, который для доброй славы человѣка бываетъ лучше всякихъ панегириковъ и апологій.

Г. Анненковъ, кажется, хочетъ представить намъ цѣлый рядъ воспоминаній и біографическихъ этюдовъ о замѣчательныхъ людяхъ русской литературы послѣднихъ десятилѣтій, — въ то самое время, какъ въ „Библиотека для Чтенія“ печатаетъ онъ свой рассказъ о Гоголѣ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 3-ій) является первая часть написанной имъ біографіи Н. В. Станкевича, этого юноши, объ очаровательно-возвышенной личности котораго не могутъ безъ умиленія вспоминать люди, имѣвшіе счастье знать его, о чрезвычайно сильномъ и благотворномъ влияніи котораго на развитіе избраннѣйшихъ нашихъ писателей вѣчно будетъ съ признательностью говорить исторія нашей литературы.

Въ примѣчаніи къ этому этюду г. Анненковъ увѣдомляетъ насъ, что письма Станкевича, послужившія ему главнымъ матеріаломъ для составленія біографіи, приготовляются къ издавію. Этюдъ г. Анненкова, вмѣстѣ съ этими письмами, познакомятъ русскаго читателя съ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ важныхъ эпизодовъ исторіи умственной жизни нашей родины. Мы надѣемся возвратиться къ этому предмету.

Нельзя не желать, чтобы г. Анненковъ, который болѣе, нежели кто либудь, имѣетъ средствъ для обогащенія нашей литературы такими трудами, какъ его „Матеріалы для біографіи Пушкина“, „Воспоминанія о Гоголѣ“ и біографіи Станкевича, неутомимо посвящалъ свои силы этой прекрасной дѣятельности, которая доставила ему уже столько правъ на благодарность русской публики. Послѣ славы быть Пушкинымъ или Гоголемъ прочнѣйшая извѣстность — быть историкомъ такихъ людей.

Наши замѣтки о журналахъ за прошедшій мѣсяцъ были бы неполны, еслибъ мы не упомянули о прекрасной повѣсти г. Писемскаго „Старая барыня“ („Библиотека для чтенія“, № 2). Старая барыня — гофъ-интендантша Катерина Евграфовна Пасмурова, дѣйствительно барыня старыхъ временъ, и притомъ большая, богатая, для своей губерніи даже знатная барыня. Какимъ почетомъ пользуется она въ губерніи! Когда начальникъ губерніи поѣдетъ по своей области, онъ долгомъ своимъ считаетъ заѣхать къ ней засвидѣтельствовать свое уваженіе, — с мелюзгѣ и говорить нечего: исправники и засѣдатели говорятъ съ нею чуть не на колѣнахъ стоя. Она требуетъ и умѣетъ внушить почтеніе къ своей высокой особѣ. Зато, и сама она знаетъ, какъ съ кѣмъ должно обходиться. Ёдетъ новый губернаторъ, — она шлетъ своего двоуецака съ поклономъ къ нему, подноситъ дворецкій самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей въ серебряной лохани и говоритъ, что „такъ и такъ, госпожа его, гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама пріѣхать не можетъ, но заочно дѣлаетъ ему поздравленію съ пріѣздомъ и, какъ обывательница здѣшняя, кланяется ему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ лохани“.

Почетъ почетомъ, но и выгода въ почетѣ. Когда продается имѣнье съ торговъ, и пришелъ на торги ея повѣренный, никто ужъ изъ покупателей не сунется, вонкъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ.

То ли она еще дѣлала! Разъ дворянина въ очередь вмѣсто своего мужика въ рекруты сдала,—конечно, не по неволѣ, волею пошелъ, таковъ ужъ былъ у нея повѣренный, Яковъ Ивановъ дворецкій,—всякое дѣло умѣлъ устроить.

Этотъ самый Яковъ Ивановъ, теперь уже двяносто-семилѣтній старикъ, обѣднѣвшій, слѣпой, ведетъ рѣчь о своей старой барынѣ, „которая была, можетъ, цанпервая особа въ Россіи; только зваше имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дана“.

Разсказъ ведется на постояломъ дворѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женщины по женскому слабому понятію говорить приличіе, Яковъ Ивановъ позволяетъ или приказываетъ говорить жонѣ; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ Яковъ Ивановъ, лицемѣря не только передъ другими, но и передъ собою, но лицемѣря съ достоинствомъ человѣка, говорящаго правду (такъ привыкъ онъ чтить госпожу), хочеть прикрыть все, что было не ладно, перебиваетъ его содержательница постоялаго двора, которая не раздвѣляетъ благоговѣшія Якова Иванова къ его госпожѣ,—„каменнаго сердца госпожа была“,—и напрямки доказываетъ, какія безбожныя дѣла его госпожа дѣлала, какъ людей губила ради своей гордости, —да и сына-то, можетъ быть, черезъ это погубила—а онъ во всемъ ей слугою или еще и поддустителемъ былъ, точно Бога они съ госпожою не имѣли.

Сюжетъ повѣсти немногосложенъ. Любимая, единственная внука гофъ-интендантши, на которую не надышалась старуха, полюбила бѣднаго офицера, сына сосѣдки помѣщицы, которая велѣла ему выйти въ отставку,—можно себѣ представить, какъ приняла гофъ-интендантша сватовство: выгнала мать жениха, осмѣлившуюся говорить ей такія дерзшія рѣчи,—быть можетъ, что и внучку свою по щечкѣ ударила изволила, какъ полагаетъ жена Якова Иванова,—внука бѣжала и повѣнчалась съ офицеромъ,—страшную нужду терпѣли они: онъ искалъ мѣста, никто не давалъ мѣста, потому что гофъ-интендантша не желала. Мало того, когда началъ бѣднякъ съ горя выпивать, Яковъ Ивановъ устроилъ такъ, что жена убѣдилась въ измѣнѣ мужа (она не даромъ была внука гофъ-интендантши), бросила его и воротилась къ бабушкѣ, которая приняла ее, какъ будто и не было вражды между ними,—но съ мужемъ видѣться не позволила. Но выдержалъ мужъ, перерядился разбойникомъ и увезъ жену. Но измучившаяся женщина не перенесла страшнаго испуга. А бабушка надъ нею памятникъ поставила.

Разсказъ превосходенъ. Одинъ только недостатокъ можемъ мы замѣтить въ немъ—Грачиха, содержательница постоялаго двора, нѣсколько разъ вмѣшивается въ разсказъ, который, по намѣренію Якова Иванова, долженъ прекратиться,—вмѣшательство Грачихи каждый разъ поддерживаетъ его. Это связываніе обрывающейся нити не всегда введено съ достаточною естественностью,—вмѣшательство Грачихи и возобновленію рѣчи Якова Иванова иногда не мотивировано и, кажется, будто разсказъ продолжается не по-

тому, чтобы могъ въ самомъ дѣлѣ продолжаться, а только по намѣренію автора дослушать его насильно натягивается его продолженіе, — да и авторъ но всегда скрываетъ, что онъ не столько слушаетъ разсказъ, сколько за-нять мыслью: „а вѣдь я перескажу его публикѣ“. Писатель не довольно скрылся въ слушателѣ.

Еще замѣчаше, соглашаться или не соглашаться съ которымъ мы уже готовы предоставить на произволъ автора, потому что оно основано на нашей догадкѣ, а угадали-ль мы намѣреніе автора въ этомъ случаѣ, не знаемъ. Яковъ Ивановъ на постояломъ дворѣ за тѣмъ, что провожаетъ внука въ рекрутское присутствіе, внукъ промотыжничался и нанялся въ рекруты; въ этой погибели виноватъ дѣдъ, — пропиталась его душа правилами интендантши, и на его любимцѣ отразились эти правила тою же судьбою, какъ на внукѣ гофъ-интендантши, и онъ на старости лѣтъ понесъ ту же кару. ту же скорбь, какъ она. Но отношеніи дѣда къ внуку не выставлены съ достаточною опредѣленностью. Намъ кажется, должно было сдѣлать одно изъ двухъ: или хотя двумя-тремя словами опредѣлить характеръ участія Якова Иванова въ погибели внука, или измѣнить нѣсколько-фразъ, заставляющихъ видѣть такое отношеніе, между тѣмъ какъ нельзя знать, въ чемъ же именно состояло оно.

Намъ кажется также, что характеръ мужа гофъ-интендантской внуки не обрисованъ съ такою отчетливостью, чтобы его развратъ и потомъ возвращеніе къ женѣ были достаточно мотивированы, — но это лицо второстепенное, — мы можемъ догадываться, что это былъ одинъ изъ тѣхъ „хорошихъ“ людей, о которыхъ говорятъ „ни рыба, ни мясо“ — потому за этимъ недостаткомъ мы не гонимся.

За то какъ хороша гофъ-интендантша, какъ хорошъ вѣрный слуга Яковъ Ивановъ и въ какомъ эффектномъ свѣтѣ является онъ девлностосемилѣтнимъ старикомъ, слѣпымъ, но совершенно крѣпкимъ душою, „каменнаго сердца человѣкомъ“, съ однимъ старымъ чувствомъ, — фамильной гордостью родового слуги евоею госпожею, — это фанатикъ челядинства; какъ хороша ого жена, какъ эффектно его мужское владычество надъ бабою, — старость не смягчила суровости этого господства, какъ обыкновенно смягчаетъ его въ другихъ супружествахъ простолюдиновъ — она и не должна смягчить его: таковъ закаленный правилами госпожи характеръ этого человѣка. А какая правда въ самомъ разсказѣ! Какъ соблюденъ характеръ старины и въ языкѣ и въ понятіяхъ! — „Старая барыня“ принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ талантливаго автора, а по художественной отдѣлкѣ — эта повесть, безспорно, выше всего, что доселѣ издано г. Писемскимъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Стихотворенія Н. Арбузова. *Спб. 1856 г.*

Очень выгодно положеніе того писателя, который является передъ публикою не предшествуемый толпою слишкомъ услужливыхъ друзей и не увѣнчанный преждевременными лаврами по приговору слишкомъ самоувѣренныхъ покровителей. Книга его выходитъ скромно, тихо, безъ всякихъ особенныхъ претензій, не подавая никому основанія къ слишкомъ высокимъ ожиданіямъ, не представляя повода къ строгимъ сужденіямъ. Непредупрежденный и непредубѣжденный читатель тѣмъ съ большею готовностью и радостью оцѣнить въ ней все хорошее, если неожиданно найдетъ что нибудь хорошее. А если и не найдетъ ничего такого, бѣда не велика для книги: не ожидая ничего особеннаго, читатель не имѣетъ основанія досадовать или сердиться, онъ спокойнымъ, снисходительнымъ, мягкимъ тономъ говоритъ: „книга такъ—себѣ, если не слишкомъ хороша, то и не слишкомъ дурна“.

Таково именно положеніе книги г. Арбузова. Если бъ онъ самъ или кто нибудь другой требовалъ, чтобы г. Арбузовъ былъ признанъ особенно даровитымъ поэтомъ, пришлось бы доказывать, что такое требованіе неосновательно. Но книга г. Арбузова явилась скромно, безъ всякаго шума, безъ всякихъ претензій, и мы спокойно можемъ смотрѣть на нее съ настоящей точки зрѣнія, не имѣя нужды возставать противъ какихъ нибудь преувеличеній самолюбія или пристрастія.

Книга г. Арбузова имѣетъ очень почтенный объемъ; она заключаетъ до девяноста пьесъ, занимающихъ болѣе 400 страницъ печати. Если бы г. Арбузовъ имѣлъ сильное дарованіе, оно, конечно, отразилось бы хотя на нѣсколькихъ изъ этихъ многочисленныхъ пьесъ и страницъ; но мы нигдѣ не замѣтили особенно сильнаго дарованія, потому и заключаемъ, что его нѣтъ у г. Арбузова. Стихъ вообще у него довольно хорошъ, смыслъ рѣчи вообще благороденъ, оборотъ рѣчи иногда не лишень нѣкоторой граціи,—и мы находимъ, что г. Арбузовъ—одинъ изъ тѣхъ диллетантовъ поэзіи, которые, не обладая особеннымъ талантомъ, умѣютъ писать иногда довольно звучные, гладкіе и пріятные стихи. Чтобы читатели могли видѣть это, приводимъ двѣ—три пьесы изъ тѣхъ, которыя показались намъ наиболѣе удачны.

NOCTURNO.

„Сходить на поляны
Тьнь и тишина;
Робко сквозь туманы
Крадется луна.
Звѣзды заблестали
Въ бѣднѣ вышны;
*Въ окнахъ замелькали
Мирные огни.*
Съ сѣнокоса вѣетъ
Теплый ароматъ;
*Вѣтерокъ не смѣетъ
Листьевъ колыхать;*
Слышна ляшь, какъ звонко
Катится ручей,
Да какъ въ роцѣ громко
Свещетъ соловей;
И лежить дорога
Въ соввой тишинѣ...
Другъ мой! ради Бога
Выдь сюда ко мнѣ.
Потуши ка свѣчку,
Ужъ ве до труда;
Подойди къ крылечку,
Посмотри сюда.
Ночь какая встала
Посреди небесь!
А земля устала,
Спать среди чудесь.
Знать одно ей дѣло—
Цѣль свершить одну:
Накормить лишь тѣло
Наше—и ко сну.
Ночь же... ночь приносить
Пищу для души;
Сердце громче просить
Пищи той въ тиши.
Ночью размышленьемъ
Мысли обнови,
Сердце — наслажденьемъ
Радостной любви.
Ночью сбрось тревогу,
Духомъ укрѣпвсь,
Помыслами къ Богу
Тайно обратись.
Ночью ве напрасно
Звѣздъ сіяеть хоръ:
Онъ маянить всечасно
Мысли, какъ и взоръ.

Ночью не случайно
Умолкает шумъ:
Міровая тайна
Заннаетъ умъ.

Мудрый въ ночь не дреялетъ,
Но еще живѣя
Чувствуегъ я внемлетъ
Мыобыю своей.

Ночь зоветъ насъ въ миру
Отъ двеввыхъ тревогъ,
Ночь живому міру
Тайно шепчетъ: Вогу!

Чу! вотъ часъ полночи
Колоколъ пробвѣтъ...
*Милый другъ, ужъ очи
Сонъ тебѣ смежилъ,*

*Клонитъ станъ твой гибкой
И уста твои
Оковалъ улыбкой
Мирною любви.*

И средь ихъ коралла
Замеръ поцѣлуй.
О любовь! сначала
Ты восторжествуя!

Если бы намъ нужно было непременно смотрѣть на эту пьесу, какъ на произведеніе поэта, мы сказали бы, что талантъ этого поэта не великъ, пьеса слаба. Но теперь намъ нѣтъ этой необходимости; мы смотримъ на пьесу, какъ на произведеніе диллетанта, не предполагая въ ней никакихъ особенныхъ протензій на поэтическое достоинство, мы можемъ не спрашивать о ней того, удовлетворяетъ ли она художественнымъ требованіямъ, а просто смотрѣть, нѣтъ ли въ ней чегонибудь хорошаго—и находить, что стихи въ ней вообще гладки и легки, а иные даже довольно милы, что авторъ могъ не стыдятся написать ее въ какойнибудь альбомъ, что если бы какойнибудь изъ нашихъ композиторовъ, нашедши ее въ этомъ альбомѣ, вздумалъ бы сочинить къ ней музыку, то „Nocturno. Романсъ. Слова Н. Арбузова, музыка NN“ могъ бы правиться многимъ дѣвицамъ, поющимъ романсы—чего же больше? мы довольны, и хвалимъ пьесу. За этой пьесой слѣдуетъ въ книгѣ г. Арбузова другая, которая даже нѣсколько лучше первой:

ВЕСНА.

„Въ лазури небснаго свода
Съ улыбкой глядится весна:
Ликуетъ и блещетъ природа!
Ледъ синій взломала волна,
И рѣзво помчалась, и въ морѣ
Гуляетъ ва вольвомъ просторѣ.“

Роскошнымъ зеленымъ покровомъ
Одѣлись я поле и лѣвъ;
Надъ ними, въ румянцѣ багровомъ,
По темному своду небесъ,
Катится дневное свѣтло—
И золотомъ доль окропило.

Опять по лугамъ оживленнымъ
Раздался пастушечій рогъ;
Опять по волнамъ позлащеннымъ
Рыбачій помчался челнокъ;
И въ рошѣ, какъ смолкнуть свирѣли,
Звучать соловьиныя трели.

Веселое, цвѣтущей долиной
Красавица снова съ своей
Соломенной вышла корзиной
За первую данью полей,
И долго стоитъ надъ водою,
Стыдливо любясь собою.

Въ тѣни, подъ ракитою зыбкой,
Предъ ней отражаетъ волна
Уста ея съ милой улыбкой,
И робко мечтаетъ она:
„Кто жъ первый, счастливецъ, ликуя,
Зажжетъ въ вѣтъ огонь поцѣлуя?“

Ни особеннаго таланта, ни поэзіи мы не обязаны требовать отъ г. Арбузова: ни самъ онъ, никто другой не давалъ намъ повода къ такимъ высокимъ притязаніямъ; но стихи, воля ваша, недурны, и есть въ нихъ даже нѣчто граціозное. Итакъ, г. Арбузовъ одаренъ способностью писать легкіе, иногда звучные и милые стихи—ужь и это вѣдь такое качество, котораго иные не имѣютъ, качество, скорѣе заслуживающее похвалу, нежели осужденіе. Но кромѣ того, г. Арбузовъ человѣкъ съ честными и благородными чувствами—это ужь рѣшительно заслуживаетъ полного одобренія. Не будемъ приводить пьесъ въ этомъ родѣ,—читатель легко отыщетъ ихъ, если ему попадется въ руки книга г. Арбузова, и не откажетъ въ своемъ уваженіи автору какъ человѣку, если и не назоветъ его поэтомъ. Скажемъ только, что такихъ пьесъ у г. Арбузова довольно много, и что по всей вѣроятности, когда г. Арбузовъ писалъ свою „молитву“:

МОЛИТВА.

Одну молитву отъ себя
Я шлю къ престолу Провидѣнья:
Пусть сберегу до гроба я
Въ борьбѣ земнаго бытія
Души высопія движенья!

Изъ устъ моихъ—какъ предо мной
Свой мракъ откроетъ ужь могила—
Да не услышитъ вѣвъ младой
Упрека старости слѣпой
Къ восходу новаго свѣтила.

И хоть угаснетъ въ тишинѣ
Для творчества ной слабый гввій,
Но пусть всегда живетъ во ивѣ
Любовь къ разумной новизнѣ
И къ мысли вовыхъ поколвнй!

Когда онъ писалъ это, по всей вѣроятности, онъ говорилъ не пустую, мимолетную фразу, а выражалъ чувство, сроднившееся съ его жизнью, проникающее его до глубины души.

Издание „Стихотвореній“ г. Арбузова превосходно, особенно хороша сатинированная бумага—едва ли какой изъ русскихъ поэтовъ издавалъ свои произведенія такъ изящно.

Очерни изъ крестьянскаго быта. А. Ѳ. Писемскаго. Спб. 1856.

Давно извѣстно, что написать хорошее произведеніе можно только тогда, когда пишешь о предметѣ, хорошо извѣстномъ. При отсутствіи же знакомства съ дѣломъ, не спасетъ ни талантъ, ни умъ: произведеніе будетъ имѣть развѣ риторическую красоту, но не будетъ имѣть ни поэтического достоинства, если вы поэтъ или беллетристъ, ни ученой цѣны, если вы хотѣли написать что нибудь въ ученоемъ родѣ. За примѣрами ходить не далеко. Напримѣръ, г. Писемскій пишетъ прекрасные рассказы изъ простонароднаго русскаго быта—это потому, что онъ хорошо знаетъ простонародный русскій бытъ. А если бы тотъ же г. Писемскій вздумалъ написать повѣсть изъ быта готтентотовъ или бразильцевъ, повѣсть, при всемъ его талантѣ, была бы дурна, потому что бытъ готтентотовъ или бразильцевъ извѣстенъ ему только по чужимъ слухамъ, которые не могутъ замѣнить собственнаго знанія. Впрочемъ, какъ человѣкъ очень умный, г. Писемскій никогда и не вздумаетъ писать рассказы изъ бразильской жизни, въ этомъ, конечно, можно быть увѣрену.

Когда видишь какой нибудь прекрасный примѣръ, невольно думаешь: почему не всѣ подражаютъ ему? Почему, напримѣръ, всѣ не пишутъ только о томъ, что знаютъ? Особенно навязчиво приходитъ на умъ такой вопросъ, когда видишь, что именно прекрасный примѣръ подаетъ кому нибудь случай поступать вовсе не по тому правилу, благодаря которому возникъ этотъ прекрасный примѣръ. Хотя бы вотъ именно „Очерки изъ крестьянскаго быта“, написанные съ большимъ знаніемъ дѣла, подаютъ случай къ сочиненію статей, написанныхъ вовсе безъ знанія того дѣла, котораго касаются. Напримѣръ, что хорошаго было бы, если бы вы, читатель, никогда не изучавшій плотничнаго дѣла, вздумали написать по поводу „Плотничьей артели“ разсужденіе о плотничномъ дѣлѣ?

О плотничномъ дѣлѣ, конечно, никому не прійдетъ въ голову писать, не зная его: предметъ не заманчивый, не блистательный. Но есть предметы болѣе заманчивые—и объ нихъ-то безъ всякаго знанія написаны цѣлыя статьи по поводу книги г. Писемскаго.

Есть на свѣтѣ паука, называемая эстетикою. Хорошія книги по этой наукѣ написаны на нѣмецкомъ языкѣ. Ни на французскомъ, ни на аягльскомъ языкахъ хорошихъ трактатовъ объ этой наукѣ нѣтъ. Предположимъ теперь, что вы не приобрѣли привычки читать нѣмецкія книги — преступнаго тутъ ничего нѣтъ, но согласитесь сами, что если бы вы захотѣли слѣдовать прокрасному примѣру г. Писемскаго, пишущаго только о томъ, что онъ хорошо знаетъ, вы не стали бы писать объ эстетикѣ, которой не можете знать хорошо, не читавъ нѣмецкихъ трактатовъ объ этой наукѣ.

Предположимъ теперь, что наперекоръ прекрасному правилу, соблюдаемому г. Писемскимъ, вы вздумали именно по поводу его книги разсуждать объ эстетикѣ, съ которой мало знакомы, — что было бы тутъ хорошаго?

Сдѣлаемъ еще другое предположеніе. Чтобы опредѣлить значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы, надобно хорошо знать исторію русской литературы. Предположимъ, что вы ее не совсѣмъ знаете, а между тѣмъ вздумали опредѣлять значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы — опять, вы нарушили бы прекрасное правило, о которомъ говорено выше, и не сдѣлали бы ничего хорошаго.

Не только для васъ, но и для г. Писемскаго, книгою котораго вы пользуетесь для развитія вашихъ соображеній объ эстетикѣ и русской литературѣ, нарушеніе вами прекраснаго правила, упомянутаго выше, имѣло бы неблагопріятныя слѣдствія. Его повѣстями вы оправдываете ваши ошибочныя понятія о вопросахъ искусства — какое заключеніе можетъ иной читатель вывести изъ гармоніи, находимой вами между вашими понятіями и повѣстями г. Писемскаго? „Фактъ, оправдываемый ошибочною теоріею или оправдывающій ее, самъ ошибоченъ“. Вы назначаете г. Писемскому въ развитіи литературы мѣсто, которое до него уже занято было другими — какое заключеніе можетъ вывести изъ этого иной читатель? То, что г. Писемскій вовсе не занимаетъ никакого мѣста въ развитіи нашей литературы. И вотъ, по прочтеніи вашей статьи, у многихъ читателей родятся мысли, неблагопріятныя для произведеній г. Писемскаго.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, вы еще не захотѣли признаться, что эстетика и исторія русской литературы не совсѣмъ хорошо знакомы вамъ. Именно поэтому вы не замѣчаете, что каждое ваше слово о нихъ заключаетъ въ себѣ ошибку. Надобно доказать вамъ это. Мы уже предположили, что вами написана, по поводу книги г. Писемскаго, статья, касающаяся эстетическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ. Просмотримъ эту предполагаемую статью.

Статья говоритъ, напримѣръ, будто въ сороковыхъ годахъ русская критика проповѣдынала, что искусство должно имѣть дидактическую цѣль. Статья ошибается. Критика положительно говорила, что сочиненіе, написанное съ дидактическою цѣлью, никакъ не можетъ назваться произведеніемъ поэзіи. Она всѣми силами гнала изъ искусства дидактику.

Статья говоритъ, далѣе, что критика сороковыхъ годовъ учила художниковъ преднамѣренно чернить дѣйствительность. Статья ошибается. Критика сороковыхъ годовъ положительно говорила: 1) что преднамѣренность губитъ поэзію; 2) что не должно ни чернить, ни бѣлить дѣйствительность, а на-

добно стараться изображать ее въ истинномъ ея видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и безъ всякой клеветы*).

Статья рѣшительно не такъ понимаетъ критику, противъ которой вооружается.

Даже, предположимъ, что статья говоритъ, будто критика сороковыхъ годовъ не хотѣла печатать стихотвореній въ тѣхъ журналахъ, которые починались ей, и что едва голосъ этой критики замолокъ, какъ стихотворенія снова появились въ журналахъ. Статья ошибается. Дѣло было какъ разъ наоборотъ: стихи печатались въ журналахъ въ теченіи всего того времени, когда, по мнѣнію статьи, журналы не печатали ихъ; стихи перестали печататься въ журналахъ именно тогда, когда по мнѣнію статьи начали ихъ печатать, — именно въ 1848 году. Пусть авторъ предполагаемой статьи спросится съ тогдашними журналами.

До „Питершина“, говоритъ предполагаемая статья, простонародныя лица, выводимыя нашими беллетристами, были однообразны; всѣ они были безсильны передъ житейской случайностью. Статья ошибается. До „Питерщика“ было уже выведено множество самыхъ разнообразныхъ типовъ изъ простонародья, между прочимъ, множество мужиковъ, бойкихъ, изворотливыхъ, энергическихъ. Въ этомъ легко убѣдиться, проемотрѣвъ рассказы изъ простонароднаго быта, написанные гг. Тургеневымъ и Григоровичемъ до 1850 года. Напримѣръ „Записки охотника“ начинаются портретомъ Хоря и его дѣтей; — семейство это все состоитъ изъ людей веселыхъ, бойкихъ и здоровыхъ.

Предполагаемая статья говоритъ, что до появленія „Питерщика“ число людей, писавшихъ рассказы изъ простонароднаго быта, было очень велико—

*) Авторъ предлагаемой статьи, вѣроятно, удивится, если мы укажемъ ему на примѣръ, слѣдующее мѣсто изъ статьи Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Лермонтова „Какая цѣль поэзіи?—вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль. Какъ красота, такъ и поэзія, въ разнѣльвица и жрица красоты,—сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка, настраиваетъ ее къ благимъ дѣяніямъ и чистымъ помысламъ — это уже не цѣль ея, а дѣяніе, это дѣлается само собою безъ всякаго предначертанія со стороны поэта“ и т. д.—Изъ этого можно видѣть расположенъ ли былъ Бѣлинскій внушать поэтамъ какія вѣбудь дидактическія цѣли

„Для поэта (продолжаетъ онъ) всѣ явленія въ мѣрѣ существуютъ сами по себѣ (въ объясненіе этихъ словъ, безъ сомнѣнія, темныхъ человѣку, не привыкшему къ терминологіи той науки, о которой судить и рядятъ, замѣтимъ для автора статьи что выраженіе „предметъ, существующій самъ по себѣ“ на языкѣ науки означаетъ предметъ, существованіе котораго не имѣетъ какой-либо вышней цѣли, который существуетъ только для того, чтобы, такъ сказать, наслаждаться своимъ бытіемъ). Онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью и съ любовью дѣлаетъ ихъ на своей груди, такъ какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности“ и т. д.—Изъ этого можно видѣть, расположенъ ли былъ Бѣлинскій учить поэтовъ тому чтобы они чернили изображаемую ими жизнь.

Мысли, нами выписанныя, г. противникъ Бѣлинскаго найдетъ въ XIV томѣ „Отеч. Зап.“—въ отдѣлѣ „Критика“—ва какой страницѣ, мы не скажемъ, чтобы онъ отыскивая выписанныя нами строки, имѣлъ случай просмотрѣть хотя нѣсколько страницъ, написанныхъ тѣмъ человѣкомъ, на котораго онъ нападаетъ, и такимъ образомъ убѣдиться, что до сихъ поръ имѣлъ самое невѣрное понятіе о духѣ критики Бѣлинскаго.

До сихъ поръ вѣдь онъ и не воображалъ, что Бѣлинскій говорилъ: „поэзія есть сама себѣ цѣль и не имѣетъ вышней цѣли“ и т. д. А Бѣлинскій вѣкогда не говорилъ ничего иного.

напротивъ, тогда ихъ было мало; въ послѣдующіе годы число такихъ людей значительно увеличилось.

Такимъ образомъ, предполагаемая статья не помнитъ самыхъ осязательныхъ фактовъ въ исторіи литературы даже послѣднихъ десяти лѣтъ, — фактовъ, извѣстныхъ каждому.

Предполагаемая статья не только не знаетъ той эстетической теоріи, противъ которой возстаетъ, не только спутываетъ историко-литературные факты, о которыхъ очень легко бы навести справки, если ужъ измѣняетъ ей память, — она (вѣроятно, преднамѣренно) не даетъ себѣ отчетливаго понятія о смыслѣ тѣхъ самыхъ рассказовъ, по поводу которыхъ входитъ въ теоретическія и историко-литературныя сообщенія. А тутъ, казалось бы, даже и справокъ наводить не нужно — стоитъ только заглянуть въ книгу, которая, конечно, лежала на томъ столѣ, на которомъ писалась статья о ней.

Въ самомъ дѣлѣ, статья воображаетъ, что существенная особенность рассказовъ г. Писемскаго изъ простонароднаго быта — примирительное, отрадное впечатлѣніе, ими производимое. Посмотришь, каково на самомъ дѣлѣ это впечатлѣніе.

Раскрываемъ „Питерщика“. Питерщикъ возвратился изъ Петербурга, кончивъ ремесленное ученіе — мать хочетъ его женить и отправляется къ барину просить невѣсту для парня.

„— У кого же вы думаете взять? — спрашиваетъ помѣщикъ.

„— У кого ваше приказанье будетъ, — отвѣчаетъ мать“ (стр. 9).

Какъ живутъ питерщики (поселяне, промышляющіе ремеслами въ Питерѣ)? На это отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ слѣдующимъ образомъ:

„— Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное? — спрашиваетъ у своего хозяина авторъ.

„— Жалованье идетъ разное, про это кто говорить, только въ карманѣ выходитъ одно и то же. На что ужъ, кажись, по жалованью лучше кузнечнаго дѣла! послѣдшій работникъ получаетъ четыреста рублей ассигнаціями въ годъ, а который поискуснѣе, такъ и четыреста на серебро хватить — а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большаго, что въ недѣлю заработалъ, то на праздникъ въ харчевнѣ и спустил“ (стр. 16).

Изъ той деревни, о которой ведется рѣчь въ рассказѣ, всѣ мужики живутъ въ Питерѣ. Дома остались только бабы. Бабы и пахутъ (стр. 26) и даже десятскими служатъ (стр. 11 и 26). Каково ведутъ себя ихъ мужья въ Петербургѣ? — если есть у мужика въ Питерѣ деньги, онъ непременно содержитъ любовницу, „вѣстимо, ужъ безъ того не бываетъ“, говоритъ десятскій Марья (стр. 28). Зато, если кому изъ мужиковъ случилось по какимъ нибудь обстоятельствамъ жить въ деревнѣ, то эта же самая десятскій Марья, имѣющая мужа въ Питерѣ, заводитъ съ нимъ связь (стр. 29). А вѣдь у мужика этого есть жена, — правда и то, что онъ женатъ на ней безъ собственной воли. „За глаза меня, сударь, сговорили, да помолвили на дѣвущкѣ изъ макарьевскаго имѣнья, я и не рассмотрѣлъ хорошенько, накануне только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многаго не рассмотрѣлъ (говоритъ онъ самъ). Опомился отъ ихъ угощенья, какъ домой прѣхалъ, и только всплеснулъ

руками. Затаилъ л, сударь, все на сердцѣ, и черезъ недѣлю же поелъ свадьбы махнулъ въ Питеръ“ (стр. 34)—тамъ, конечно, обзавелся любовницейю.

Какъ вамъ нравится быть, обрисованный первою изъ трехъ повѣстей, находящихся въ книгѣ г. Писемскаго? Отрадное и примирительное дѣйствіе производить на васъ онъ,—не правда ли?

Сюжетъ повѣсти — рассказъ о томъ, какъ питерщикъ, убѣжавшій въ Питеръ отъ жены, обзавелся въ Питерѣ любовницею, и какъ эта любовница со своею теткою обобрали его кругомъ. Эти женщины, обирающія мужика, „званіе имѣютъ офицерское“ (стр. 40). Тетка насильно принуждала къ этому дѣлу свою племянницу, которая отъ того „здоровье потеряла“ (стр. 52); бѣдняжка гибнетъ отъ чахотки, а мужикъ, имѣвшій прежде нѣсколько тысячъ капитала, дошелъ, какъ самъ говорить, до того, что, „какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣвши былъ, одежда—словно рубище. сапоги только одно званіе. Стыдно признаться, а грѣхъ потаить: бывали такіе случаи, что Христа ради просилъ“ (стр. 54).

По мнѣшю статьи, этотъ рассказъ составляетъ рѣшительную противоположность „мрачнымъ картинамъ дѣйствительности“, тѣмъ же качествомъ отличаются и слѣдующіе два рассказа, которые также интересно разсмотрѣть по отношенію ихъ къ предполагаемому статьею отрадному ихъ впечатлѣнію.

„Лѣпшій“, второй рассказъ, вѣроятно, памятенъ читателямъ нашего журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ три года тому назадъ. Они, конечно, помнятъ, что рассказъ ведется отъ лица кокинскаго исправника, который честенъ, какъ Аристидъ, дѣятеленъ, какъ Цезарь, искусенъ въ веденіи дѣлъ, какъ Чичиковъ. У него въ земскомъ судѣ дѣла идутъ живо и исправно. Какимъ же способомъ поддерживается у него такой порядокъ? Онъ самъ говоритъ: „приказную братью эту запру въ судѣ, да и не выпускаю, пока не приведутъ всего въ порядокъ“ (стр. 61). Рассказъ идетъ о продѣлкахъ марковского управляющаго, отъявленнаго негодяя, который разоряетъ мужиковъ и барина, за что и наказывается въ концѣ рассказа. Этотъ Егоръ Парменовъ постоянно мошенничаетъ самымъ наглýmъ образомъ, дерзость его доходитъ до того, что даже исправнику осмѣливается онъ давать подводы не изъ отличныхъ барскихъ лошадей, а изъ мужицкихъ, которыя едва ноги таскаютъ (62), и даже не считаетъ нужнымъ выходить изъ своей комнаты къ исправнику, такъ что исправникъ принужденъ былъ послать за нимъ (стр. 69) — наглость необычайная, почти безпримѣрная, особенно когда мы подумаемъ, что исправникъ лично находится въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и постоянной перепискѣ съ марковскимъ помѣщикомъ и даже получилъ отъ него довѣрительное письмо, по которому можетъ смѣнить Егора Парменова, какъ только захочетъ (стр. 75)—если такъ нагло поступаетъ Егоръ Парменовъ съ человѣкомъ, въ руки котораго отдана его участь, то какъ же онъ долженъ поступать со всѣми другими? Онъ долженъ быть не мошенникомъ, а, просто, разбойникомъ. И, однако же, Аристидъ-исправникъ, при всей своей ловкости и опытности, цѣлые четыре года ведетъ съ нимъ напрасную войну, цѣлые пять лѣтъ не можетъ ни уличить

его въ какомъ нибудь преступленіи, чтобы наказать его по закону, ни обнаружить его продѣлки такъ, чтобы убѣдить помѣщика. — „Играль я съ нимъ эту игру года четыре“, говоритъ самъ исправникъ (стр. 76), „пять лѣтъ я не зналъ его главной продѣлки“, продолжаетъ онъ (стр. та же 76). И такъ, самому честному и ловкому надсмотрщику нужно было не менѣе пяти лѣтъ, чтобы поймать и уничтожить наглѣйшаго разбойника. Что же должно происходить въ уздахъ, не имѣющихъ такихъ рѣдкихъ исправниковъ? Наконецъ, на пятомъ году, Егоръ Парменовъ уличенъ въ томъ, что погубилъ дѣвушку, обманомъ напоивъ ее до безчувствія (стр. 113)—вѣдь это по закону уголовное преступленіе; чѣмъ же онъ поплатился за него? Его смѣняютъ съ должности управителя, и только,—хорошо наказаніе! Да по закону этого молодца слѣдовало бы въ каторжную работу отправить. А исправникъ и авторъ думаютъ, что наказаніе отрѣшешемъ отъ должности еще слишкомъ тяжело для него: „Два совершенно противоположныя чувствованія овладѣли мною: я и былъ радъ униженію, которымъ наказанъ Егоръ Парменовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка, жаль ого было. Иванъ Семеновъ (исправникъ-Аристидъ) тоже былъ мраченъ. Я откровенно высказалъ ему свои мысли.—Я самъ то же чувствую-съ, отвѣчалъ онъ“ (стр. 129). По правдѣ говоря, мы сами замѣчаемъ въ себѣ склонность раздѣлять съ исправникомъ и авторомъ это преступное состраданіе — такъ причены мы, что потворство преступнику, оставшемуся почти безнаказаннымъ, кажется намъ чувствомъ естественнымъ. Но это сочувствіе можетъ ли быть выгоднымъ для нравовъ общества?

Почему же Егоръ Парменовъ попалъ въ управители? — потому что, „бывши камердинеромъ господина, вступилъ въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшею нѣкоторое время при господинѣ должность мадамы“ (стр. 64).

Мароуша, дѣвушка, надъ которою совершилъ Егоръ Парменовъ преступленіе, наказанное столь легко, имѣла къ нему любовь, а между тѣмъ, у этого человѣка, растолстѣвшаго до безобразія, была „скверная сальная рожа“ (стр. 110)—бѣдняжка прельстилась его казинетовымъ пальто, жилетомъ пике и часами на золотой цѣпочкѣ (стр. 66) — неужели же самому скверному лицу человѣку довольно щеголять въ нѣмецкомъ платьѣ, чтобы побѣждать нашихъ поселянокъ?

Дѣвушка похищена изъ дому; возвратившись, она не смѣетъ открыть своего стыда и, по наущенію Егора Парменова, сваливаетъ вину на лѣшаго—„лѣшій, говоритъ, ее къ себѣ таскалъ“—и вся деревня, весь околотокъ вѣрять ея разсказу (стр. 80) — неужели наши поселяне такъ просты и тупы? Неужели въ цѣломъ приходѣ не нашлось ни одного такого, который догадался бы, что лихой человѣкъ чаще бѣса бываетъ виноватъ въ нашихъ бѣдахъ?

Можно было бы извлечь сотни такихъ замѣчаній изъ этого разсказа Г. Писемскаго; не менѣе богатъ подобными матеріалами и третій разсказъ— „Плотничья артель“. Пуэничъ, хозлинь артели, самая отвратительная и зловредная гадина — онъ подлъ, безжалостевъ, льстецъ и наглецъ, не имѣющій понятія ни о чемъ, кромѣ мошенничества. Всѣ работники — въ совер

шенной, безвыходной зависимости отъ этого плута, — онъ ихъ, просто, въ кабаль держитъ; онъ искусно пользуется тѣмъ, когда кому изъ поселянъ понадобятся деньги для какой нибудь необходимой уплаты—даетъ нѣсколько цѣлковыхъ въ займы, потомъ беретъ должника къ себѣ въ артель зарабатывать долгъ, и платитъ ему за работу сколько самъ хочетъ. Вотъ какъ говорить объ этомъ Сергвичъ, одинъ изъ трехъ рабочихъ, поставленныхъ Пузичемъ на постройку риги тому помѣщику, отъ имени котораго идется рассказъ.

„ — Сударь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, всѣ въ кабаль у него состоимъ. Вотъ хоть бы этотъ Митюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю по рублемъ ассигнаціями надо цѣнить“ (стр. 168). Самъ Сергвичъ также въ кабаль у него, занявъ денегъ на уплату за сына двухъ-сотъ рублей мірскихъ денегъ, которыя сынъ прогулялъ, бывши добросовѣстнымъ при волостной конторѣ (стр. 162)—теперь зато и получаетъ вмѣсто одного цѣлковаго—два съ половиной ассигнаціями. А пора бы отдохнуть Сергвичу—ому ужъ седьмой десятокъ, и глаза слѣпнуть стали. Но онъ долженъ расплачиваться съ міромъ. Петруха, который всѣмъ мастерствомъ въ артели заправляетъ, и безъ котораго Пузичъ бревна положить не сумѣетъ, тоже работаетъ Пузичу за пол-цѣны, взявъ у него триста рублей, когда два года лежалъ больной (стр. 164). Исторія этого Петра и есть настоящій сюжетъ разсказа; но прежде, нежели мы обратимся къ ней, замѣтимъ, какъ хорошо молодымъ бабамъ работать, по словамъ Петра. Старосту Семена называетъ онъ волокитю; Семенъ обидѣлся такимъ намекомъ, сдѣланномъ при баринѣ— „ты молчи, клинья борода, говоритъ Петръ;—не серди меня, а то обличу“. — „Не въ чемъ, братъ, обличать меня“, проговорить кротко, но ве совѣтъ искренно Семенъ“. — Не въ чемъ? А ну-ка, сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? потупился? Самъ, вѣдь, я своими глазами видѣлъ: какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать, простить, а она и помни это: получка послѣ будетъ!“ (стр. 173).

Начинается исторія Петра. Его заѣла и загубила мачиха — это еще не диво, мачихѣ натурально быть недоброжелательной къ пасынку, но любопытна причина, за которую она взѣлась на пасынка — она хотѣла слюбиться съ нимъ, а онъ не хотѣлъ обидѣть отца, да и дѣвушка у него была на примѣтъ (стр. 179). Неужели исторія Фодры свойственна нравамъ нашихъ простолюдиновъ?

Хитрая и развратная женщина сначала старается поссорить Петра съ женою, и хотя Петръ женился на дѣвушкѣ, которую любилъ, однако же, по наговорамъ мачихи, каждый день либо бранилъ свою Катюшку, либо давалъ ей зуботычину (стр. 180). Однажды, крѣпко побивши жену, Петръ пожалѣлъ ее, увидѣвъ, что билъ понапрасну, и въ утѣшеніе купилъ ей ситцу на сарафанъ—сестры Петра и мачиха за то обозлились на Катюшку (стр. 181), пожаловались отцу Петра, и тотъ, отнявъ у снохи подарки (купленные ей мужемъ не на отцовскія, а на заработанныя сыномъ деньги), отдалъ ихъ своей женѣ и дочерямъ (стр. 181). Свекоръ, по наговору до-

черей, совсѣмъ заморилъ работою сноху; между прочимъ, нѣ послѣднее время беременности, заставлялъ ее взваливать бревна на телѣгу. Сынъ сталъ говорить отцу, что ей теперь такой работы дѣлать нельзя. Отецъ за шиворотъ стащилъ его къ бурмистру, который побилъ его (стр. 184). Даже ѣсть не давала семья Петру съ женою, хотя онъ своею работою всю семью содержалъ. Наконецъ, сантиментальная барыня упростила барина отдѣлить Петра отъ отца; Петръ отошелъ почти нищимъ, вскорѣ занемогъ, два года былъ боленъ и задолжалъ Пузичу, у котораго теперь работаетъ, будто въ кабалѣ. Пришелъ Успеневъ день. Народъ весь сошелся въ село, въ церковь. Пузичъ сидитъ въ кабацѣ пьяный; отъ нечего дѣлать, колотить одного изъ своихъ работниковъ, безответнаго парня Митюшку. На крикъ Митюшки пришелъ Петръ, сталъ отымать парня у Пузича. Пузичъ накинулся на него, впился зубами ему въ плечо и заплатился жизнью. Какъ Петруха-то оборанивался, да какъ ухватить его за поперегъ, на аршинъ приподнял да и хрясь о землю—только и проохнулъ“ (стр. 225) — убилъ Петруха подрядчика на мѣстѣ. Петруху связали и препроводили въ судъ, откуда препроводятъ въ Сибирь. Тѣмъ кончается третій и послѣдній очеркъ изъ крестьянскаго быта.

Мы все рассказывали, по возможности, словами автора, и ни въ одномъ мѣстѣ не употребили ни одного выражешя, болѣе рѣзкаго, нежели какое стоитъ въ книгѣ; напротивъ, въ большей части мѣстъ смягчали выражешя.

Какъ же нравятся вамъ, читатель, нравы и быть, которые изобразить г. Писемскій? Производить ли на васъ эти картины отрадное, веселое впечатлѣше? Мы говоримъ пока не о томъ, вѣрны ли дѣйствительности, или не вѣрны эти картины, а только о томъ, каковъ оттѣнокъ колорита, въ нихъ господствующаго?

На основаніи этихъ-то самыхъ очерковъ, предполагаемая статья, о которой мы надолго позабыли для просмотра книги, ею разбираемой,—на основаніи этихъ картинъ беззакошія и разврата, преступленій и плутней, — благодушная эта статья рѣшаетъ, что г. Писемскій „нанесъ смертный ударъ повѣствовательной рутинѣ, явно увлекавшей русское искусство къ узкой и во что бы то ни стало мизантропической дѣятельности“; что рассказы г. Писемскаго существенно противоположны прежнимъ рассказамъ „погрязавшимъ въ темной сторонѣ жизни“. Между тѣмъ, кажется, должно быть ясно для всякаго, что дѣло вовсе не таково; что никто изъ русскихъ беллетристовъ не изображалъ престопаднаго быта красками болѣе темными, нежели г. Писемскій; что если о комъ нибудь, то именно о немъ надобно сказать, что изъ подъ пера его гыходятъ „мрачныя картины преднамѣренно зачерненной дѣйствительности“, что въ немъ мы имѣемъ самаго энергическаго дѣятеля „узкой мизантропической тенденціи“.

Предполагаемая статья не хочетъ ничего видѣть. Таково ли признаніе писателя? долженъ ли языкъ писателя быть выразителемъ до такой степени ошибочныхъ мыслей, имѣетъ ли онъ право добровольно закрывать глаза и уши на факты, которые такъ и бросаются въ глаза, такъ и гремятъ въ

уши? Такое самоослѣпленіе можетъ быть сравнено только съ самоослѣпленіемъ тѣхъ лицепріятныхъ судей, которымъ говорить Державинъ:

„Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невѣдывыхъ,
Несчастливыхъ подать покровъ;
Отъ свѣдывыхъ зацѣплять весилывыхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.“

Не внимаютъ! вѣдать и не знаютъ;
Покрываютъ вздохомъ очеса...

Отъ ошибокъ, порожденныхъ въ предполагаемой статьѣ слабымъ знакомствомъ съ эстетикою и сильною самоувѣренностью, могъ бы подвергнуться опасности г. Писемскій. По незнакомству съ дѣломъ, статья назначаетъ господину Писемскому такое мѣсто въ развитіи русской литературы, котораго онъ не можетъ занимать. Каждому, знакомому съ ходомъ русской беллетристики, извѣстно, что никакихъ перемѣнъ въ ея направленіи г. Писемскій не производилъ, по очень простой причинѣ — такихъ перемѣнъ во всѣ послѣдніе десять лѣтъ не было, и литература болѣе или менѣе успѣшно шла однимъ путемъ, — тѣмъ путемъ, который проложилъ Гоголь; да и надобности въ измѣненіи направленія не было, потому что избранное направленіе хорошо и вѣрно. Поелъ этого, иной читатель, какъ мы сказали, можетъ остановиться на отрицательномъ выводѣ: „такого значенія, какое приписываетъ ему статья, г. Писемскій не имѣлъ; его произведенія своимъ направлениемъ не отличаются отъ произведеній, написанныхъ раньше его другими даровитыми писателями; стало быть, въ его произведешяхъ нѣтъ ничего особенно новаго или оригинальнаго“.

Но такое отрицательное заключеніе было бы столь же ошибочно, какъ и разеужденія предполагаемой статьи, приводящей къ нему своими ошибочными понятіями о развитіи русской литературы. Надобно просто сказать, что, приписавъ г. Писемскому роль, которая вовсе не принадлежала ни ему, ни кому другому изъ современныхъ даровитыхъ писателей, — роль спасителя литературы отъ воображаемыхъ предполагаемою статьею опасностей, — опасностей, никогда не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ, — предполагаемая статья не хотѣла понять и опредѣлить его истинной роли въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, сдѣлать это было очень легко: роль г. Писемскаго на столько блистательна, характеръ его произведеній на столько опредѣлительнъ и оригиналовъ, что при малѣйшемъ знаніи предмета бросаются въ глаза черты, которыми его повѣсти и рассказы отличаются отъ произведеній всѣхъ другихъ нашихъ даровитыхъ беллетристовъ.

Мы теперь должны говорить только объ „Очеркахъ изъ крестьянскаго быта“, а не о всей дѣятельности г. Писемскаго. Но тѣ особенности, которыя замѣчаются въ его „Очеркахъ“ при сравненіи этихъ рассказовъ съ другими лучшими равсказами изъ сельскаго быта, находятся также во всѣхъ остальныхъ произведешяхъ г. Писемскаго и отличаютъ его отъ всѣхъ тѣхъ беллетристовъ, которые раздѣляютъ съ авторомъ „Тюфяка“ вниманіе публики.

Въ своей критической статьѣ о Гоголѣ, г. Писемскій выражалъ мнѣніе, что талантъ Гоголя чуждъ лирнзма. Про Гоголя, какъ намъ кажется,

этого сказать нельзя, но, кажется намъ, въ талантѣ самого г. Писемскаго отсутствіе лиризма составляетъ самую рѣзкую черту. Онъ рѣдко говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ, надъ порывами чувства у него постоянно преобладаетъ спокойный, такъ называемый эпическій тонъ. Достоинство это, или недостатокъ, вообще мы не беремся рѣшить; но конечно г. Писемскій не думалъ порицать Гоголя за отсутствіе лиризма, и намъ кажется, что у г. Писемскаго отсутствіе лиризма скорѣе составляетъ достоинство, нежели недостатокъ; намъ кажется, что хладнокровный рассказъ его дѣйствуетъ на читателя очень живо и сильно, и потому полагаемъ, что это спокойствіе есть сдержанность силы, а не слабость. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ, обманываясь этимъ спокойствіемъ, говорили, что г. Писемскій равнодушенъ къ своимъ лицамъ, не дѣлаетъ между ними никакой разницы, что въ его произведешяхъ нѣтъ любви и т. д. — но это совершенная ошибка. Любить умѣетъ не только тотъ, кто любитъ кричать о своей любви: у иного чувство выражается и словомъ и дѣломъ, у иного только дѣломъ, и быть можетъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ молчаливѣе. Довольно припомнить хотя бы „Очерки изъ крестьянскаго быта“, чтобы убѣдиться въ томъ, что у г. Писемскаго спокойствіе не есть равнодушіе. Онъ очевидно имѣетъ сильное расположеніе къ своему питерщику Клементію, который въ самомъ дѣлѣ стоялъ расположенія; онъ очевидно очарованъ сильною и благородною личностью своего Петра и, если бы могъ, стеръ бы съ лица земли, какъ гнусную гадину, Пузича (въ „Плотничьей Артели“) или Егора Парменова (въ „Лѣшемъ“) — какое тутъ равнодушіе, помилюйте! — на чьей сторонѣ горячее сочувствіе автора, вы ни разу не усомнитесь, перечитывая всѣ произведенія г. Писемскаго. Но чувство у него выражается не лирическими отступленіями, а смысломъ цѣлаго произведенія. Онъ излагаетъ дѣло съ видимымъ безстрастіемъ докладчика, — но равнодушный тонъ докладчика вовсе не доказываетъ, чтобы онъ не желалъ рѣшенія въ пользу той или другой стороны, напротивъ, весь докладъ такъ составленъ, что рѣшеніе должно склониться въ пользу той стороны, которая кажется правою докладчику.

Въ „Очеркахъ изъ крестьянскаго быта“ г. Писемскій тѣмъ легче сохраняетъ спокойствіе тона, что, переселившись въ эту жизнь, не приноситъ съ собой рациональной теоріи о томъ, какимъ бы образомъ должна была устроиться жизнь людей въ этой сферѣ. Его воззрѣніе на этотъ бытъ не подготовлено наукою — ему извѣстна только практика, и онъ такъ сроднился съ нею, что его чувство волнуется только уклоненіями отъ того порядка, который считается обыкновеннымъ въ этой сферѣ жизни, а не самымъ порядкомъ. Если курная изба крѣпка и тепла, для него совершенно довольно; онъ не считаетъ нужнымъ бевпокоиться изъ-за того, что она курная. Съ извѣстной точки зрѣнія, онъ въ этомъ ближе къ настоящимъ понятіямъ и желаніямъ исправнаго поселянина, нежели другіе писатели, касавшіеся этого быта. Они готовы спорить съ поселяниномъ, доказывать исправному мужику, что лучше жить въ бѣлой избѣ, нежели въ курной, готовы толковать ему о средствахъ, которыми можетъ его бытъ улучшиться на столько, чтобы вмѣсто печи, сбитой изъ глины, могла у него быть изразцовая. Г. Писемскій не таковъ. Онъ соглашается съ Сидоромъ Пантелеевымъ, что лучше того,

чѣмъ живетъ сосѣдь Сидора, Паранюхъ Тимоооевъ, и жить мужику не приходится,—желать лучшаго было бы только Бога гнѣвить,—и пожалѣеть о Сидорѣ только тогда, когда у Сидора не хватаетъ хлѣба ва годъ, — согласно тому, что и самъ Сидоръ находитъ свое житье плохимъ только въ этомъ крайнемъ елучаѣ. Онъ не хлопочеть о томъ, чтобы существующая система сельскаго хозяйства замѣнилась другою, приносящею болѣе обильныя жатвы; онъ жалѣеть только о томъ, когда бываетъ неурожай. Онъ не судить существующаго.

Поэтому-то инымъ и могло показаться, что въ его „Очеркахъ изъ крестьянской жизни“ должно быть болѣе отраднаго, нежели въ рассказахъ подобнаго рода, написанныхъ людьми, болѣе требовательными,—людьми, которые возмущаются не тѣми только случаями нарушенія существующихъ обычаевъ, но и многими изъ самыхъ обычаевъ какъ слишкомъ грубыми и вредными. Но на дѣлѣ выходитъ едва ли не иначе: онъ былъ бы доволенъ, если бы соблюдался обычай; но обычай нарушается, по его словамъ, такъ часто и такимъ вопіющимъ образомъ, что вы, читая со вниманіемъ его рассказы, получаете о дѣйствительномъ бытѣ понятіе еще менѣе пріятное, нежели читая рассказы, написанные людьми менѣе уступчивыми. Впрочемъ, для человѣка внимательнаго и мыслящаго, почти всегда такъ бываетъ, если только писатель добросовѣстенъ. Однѣмъ, положимъ, доказываетъ, что взяточничество есть преступленіе, гибель для народа и т. д.; другой говоритъ: „это бы еще ничего — взяточничество — обычай самъ по себѣ извинительный и безобидный, жаль только, что этимъ обычаемъ слишкомъ часто злоупотребляютъ люди безсовѣстные“; — понятія перваго справедливѣе, но слова втораго показываютъ дѣйствительность въ свѣтѣ, гораздо болѣе темномъ. Тутъ возмущаются даже люди, нимало не возстающіе противъ умѣреннаго взяточничества, признаваемаго обычаемъ.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
Книжка XI. Издана подъ редакціею В. Г. Ерофьева. Спб. 1856.

Записки Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества.
Книжка II, изданная подъ редакціею секретаря Общества, Е. И. Ламанскаго. Спб. 1856.

Одиннадцатая книжка „Записокъ Географическаго Общества“ составлена преимущественно изъ статей совершенно специальныхъ, каковы „Геогностическое изслѣдованіе девонской полосы средней Россіи, отъ рѣки Западной Двины до рѣки Воронежа“, академика Гельмерсена; „Геогностическое изслѣдованіе, произведенное въ губерніяхъ Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской, отъ Воронежа до Самары“, г. Пахта,—и „Таблицы показанія времени лунныхъ и солнечныхъ затмѣній съ 1840 по 2001 годъ, на московскомъ меридіанѣ“, вычисленные и составленные г. Θ. Семеновымъ. Большинству читателей доступны статьи: академика Бэра—„Ученныя замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ“, и г. Марковича — „Рѣки Полтавской губерніи“. Статьи, вошедшія въ составъ второй книжки „Записокъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“, всѣ могутъ быть

прочитаны каждымъ образованнымъ человѣкомъ, хотя также почти всѣ вносятъ въ науку новые факты. Кромѣ „Лѣтописи Общества“ и разнообразной „Смѣси“, мы замѣтимъ въ этой книжкѣ „Путевой журналъ плаванія по рѣкѣ Амуръ, отъ Усть-Стрѣлочнаго Караула до впаденія ея въ Татарскій проливъ“, г. Пермикина; „Объ открытіи и проложеніи путей кругомъ Байкала“, г. Мордвинова; описанія древнихъ памятниковъ и чтенія надписей на нихъ, г. Юренскаго, г. Д. Давыдова и архимандрита Аввакума; наконецъ „Замѣчанія о золотыхъ пріискахъ Нерчинскаго округа“, гг. Аносова и Верилова.

Вопросъ о геологической судьбѣ Каспійскаго моря принадлежитъ къ числу самыхъ загадочныхъ въ наукѣ. Несомнѣнные геогностическіе факты (нахожденіе морскихъ раковинъ, солончаки, песчаные бугры, форма и составъ которыхъ изобличаетъ, что они могли быть образованы только морскими теченіями, а викакъ не вѣтрами) доказываютъ, что степи, нынѣ простирающіяся по лѣвому берегу Волжскаго Понизовья, были еще покрыты водами Каспійскаго моря, когда уже давно поднялись изъ моря всѣ или почти всѣ другія части нынѣшнихъ материковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, замѣчанія старожилловъ и сравненіе старыхъ географическихъ картъ съ нынѣшними, доказываютъ, что во многихъ мѣстахъ воды Каспійскаго моря отступаютъ назадъ: особенно быстро это совершается въ устьяхъ большихъ рѣкъ — Волги, Урала и Терека. Соединяя эти наблюденія съ геологическими фактами, многіе полагали, что объемъ Каспійскаго моря уменьшался постепенно, и до сихъ поръ оно продолжаетъ высыхать. Нѣкоторые, основываясь на словахъ Приска, что скиены приходили съ сѣвера на Персію по болотамъ (въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х.), предполагаютъ даже, что назадъ тому полторы тысячи лѣтъ полоса земли, отдѣляющая Каспійское море отъ Чернаго, еще не просохла, и, стало быть, еще не за долго передъ тѣмъ, оба моря соединились между собою. Нашъ знаменитый естествоиспытатель, г. Бэръ, считаетъ всѣ эти предположенія несправедливыми. Онъ доказываетъ, что уменьшеніе объема Каспійскаго моря совершилось внезапно, вслѣдствіе мгновеннаго геологическаго переворота, что уменьшеніе это относится къ временамъ доисторическимъ, что съ того времени Каспійское море не измѣнилось значительнымъ образомъ въ объемѣ, и что наносныя дельты рѣкъ, въ него впадающихъ, имѣютъ гораздо меньшіе объемы, нежели обыкновенно предполагается.

Болота, по которымъ проходили скиены черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ Геродота, невозможно считать неуспѣвшимъ еще высохнуть дномъ Каспійскаго моря, говоритъ онъ, потому что размѣры Каспійскаго моря во время Геродота были уже совершенно таковы же, какъ и теперь; болота, по которымъ проходили скиены, — донныя существующія болота вокругъ Азовскаго моря или вокругъ устья Маныча. Кромѣ того, рассмотрѣніе нижняго теченія Волги и Урала доказываетъ, что для образованія нынѣшняго русла этихъ рѣкъ нуженъ былъ періодъ времени, гораздо продолжительнѣйшій, нежели какія нибудь полторы или двѣ тысячи лѣтъ. У Каменнаго Яра теченіе Волги должно было сгладить слой довольно твердаго сланца; выше Царицына русло Волги прорыто въ довольно твердыхъ породахъ, — а это

русло прорыто слишкомъ на десять сажень ниже слоя морскихъ раковинъ (у Чернаго Яра) и, однакоже, течение воды, прорывшее столь углубленное русло, уже совершенно сгладило его, такъ что на Волгѣ не только теперь нѣтъ пороговъ или быстринь, но и въ лѣтописяхъ не упоминается о ихъ существованіи.

Какимъ образомъ совершилось это измѣненіе въ объемѣ Каспійскаго моря? Оно совершилось внезапно; главнымъ доказательствомъ тому служатъ холмы, составленные изъ плотнаго степнаго солонцеватаго грунта и идущіе по берегу Каспійскаго моря отъ Волги до Терека, — они образованы быстрымъ стокомъ огромной массы морской воды. Тоже доказываютъ, по мнѣнію г. Бѣра, толстый слой смѣшаннаго съ пескомъ волжскаго ила, лежащій нѣсколькими десятками футовъ выше нынѣшняго уровня Волги на елоѣ морскихъ раковинъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣющій до нѣсколькихъ аршинъ толстоты, — это не накопленіе множества постепенно образовавшихся тонкихъ слоевъ, потому что въ немъ вовсе не замѣтно подраздѣленія мелкой прослойки, а одновременно, вдругъ осадившійся толстый слой ила, — овъ указываетъ на увлекавшее въ себѣ огромную примѣсь земли, чрезвычайно быстрое теченіе, которое должно было образоваться на Волгѣ при внезапномъ пониженіи уровня каспійскихъ водъ на нѣсколько десятковъ футовъ.

„Описаніе рѣкъ Полтавской губерши“ г. Марковича — трудъ, очень полезный для статистическихъ соображеній, и, сколько можно судить, но проверивъ его на мѣстѣ, составленный отчетливо и добросовѣстно. Всѣхъ большихъ и мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Полтавской губерши онъ насчитываетъ 242, кромѣ Днѣпра, въ который всѣ оны впадаютъ. Ихъ общее протяженіе около 7,000 (6,832) верстъ; а съ частью Днѣпра, омывающею границу Полтавской губерши, болѣе 7,000 (7,172) верстъ. И однакоже, надъ рѣками и рѣчками живетъ, по вычисленію г. Марковича, только $\frac{2}{3}$ населенія Полтавской губерши (1,108,448 душъ); остальная треть (556,882 души) живетъ не на проточныхъ водахъ, а надъ прудами и колодцами. Рѣкъ, имѣющихъ болѣе 200 верстъ длины, г. Марковичъ насчитываетъ 6 (кромѣ Днѣпра); 19 другихъ рѣкъ имѣютъ отъ 130 до 50 верстъ длины. Однако же, ни по одной изъ нихъ, кромѣ Днѣпра, нѣтъ судоходства; бесполезны для торговаго движенія остаются даже такіа значительныя рѣки, какъ Сула (въ Полтавской губерши 12 — 73 сажени ширины, отъ 1 до 3 сажень глубины), Пселъ (въ Полтавской губерши 25 — 60 сажень ширины, $1\frac{1}{2}$ до 3 сажень глубины), Орель (400 верстъ длины, 20 — 50 сажень ширины, отъ 3 до $3\frac{1}{2}$ сажень глубины). Въ старину, по многимъ изъ полтавскихъ рѣкъ было судоходство, но теперь всѣ оны перегорожены плотинами. По официальнымъ показаніямъ, въ Полтавской губерши находится 356 плотинъ, — въ дѣйствительности, число ихъ, по мнѣнію г. Марковича, гораздо больше; почти всѣ оны построены для того, чтобы поставить на нихъ мельницы, — но многія такъ и остаются безъ мельницъ, совершенно бѣвъ всякаго дѣла задерживая рѣку; да и изъ мельницъ, по мнѣнію г. Марковича, двѣ трети совершенно бесполезны, потому что всего на двѣ, на три недѣли имѣютъ работу, а весь остальной годъ стоятъ за-да-

ромъ. Эти бесполезныя плотины уничтожаютъ возможность судоходства,— но не въ томъ еще главное зло отъ нихъ. Онѣ наполняютъ побережья рѣкъ гнилыми болотами и затонами, отнимал огромное количество земли у жителей и заражая воздухъ. Чтобы опредѣлить степень этого вреда, г. Маркевич беретъ въ примѣръ рѣчку Удай, имѣющую 208 верстъ длины и впадающую въ Сулу. Подъ русломъ Удая находится 780 десятинъ; подъ его болотами 39,780 десятинъ, погибшихъ для земледѣлія и скотоводства. На этой рѣкѣ живетъ 21,183 души населенія. Если бы уничтожить бесполезныя плотины (которыхъ числомъ 19), болота высохли бы, в на каждую душу населенія прибавилось бы почти по двѣ десятины удобной земли, естественное богатство края увеличилось бы слишкомъ на половину (теперь приходится менѣе 3¹/₂ десятинъ на душу) и здоровье мѣстныхъ жителей улучшилось бы, съ очищеніемъ атмосферы отъ вредныхъ испареній; да вѣроятно и вода въ рѣкахъ была бы тогда чище и здоровѣе. Не говоримъ уже о томъ, что тогда по рѣкѣ Удаю можно бы сплавать черезъ Сулу въ Днѣпръ земледѣльческія произведенія, которыя теперь возятся къ рынкамъ сухимъ путемъ, то есть почти не имѣютъ сбыта. Спрашивается, говоритъ г. Маркевичъ, приносить ли удайскія мельницы, изъ которыхъ половина стоитъ безъ дѣла, столько пользы, сколько принесло бы уничтоженіе плотинъ, для нихъ построенныхъ? „Но— я не правъ продол- жаеть онъ): измѣнить то, къ чему привыкли столѣтія, и не легко, и (безраз- судно. Можно ли мѣнять статью доходовъ извѣстную, старинную, прадѣдовскую, хотя бы она была весьма посредственна, на статью, быть можетъ, по расчетамъ и полезную, но неизвѣстную, новую? Не рѣдко, видя, какъ вѣютъ рожь машиною, я мысленно ругаю Бутнопа: то ли дѣло, когда я былъ во младенчествѣ! — невольно въ душу вкрадываются сладкія воспоминанія. Прихожу на токъ, дожить зерно не перевѣянное, мужички стоять, опершись на лопаты: они въ раздумьи о томъ, что вѣтеръ вдругъ затихъ. И вотъ начинается тихое посвистыванье вѣяльщикоу: это они мапять вѣтеръ, а заколдованный вѣтеръ отъ этого свиста чародѣйскаго начинаетъ разгуливаться. Какое наслажденіе“!

Переходимъ къ „Запискамъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“. Важнѣйшая изъ статей, помѣщенныхъ въ рассматриваемой нами книжкѣ— „Путевой журналъ плаванія по Амуру“, г. Пермикина. Экспедиція, къ которой причисленъ былъ г. Пермикинъ, прибыла по рѣкѣ Шилкѣ 17 мая 1854 года къ Усть-Стрѣлочному Караулу, расположенному при слияніи Шилки съ Аргунью—съ этого мѣста, рѣка, образующаяся ихъ соединеніемъ, называется Амуромъ. Она становится уже удобна для плаванія большихъ судовъ и пароходовъ. Г. Пермикинъ занимался преимущественно геогностическимъ обозрѣніемъ береговъ Амурса; но его журналъ представляетъ, кромѣ геогностическихъ подробностей, довольно много географическихъ и этнографическихъ данныхъ, которыя мы и извлекаемъ изъ него. 18-го мая, экспедиція поплыла внизъ по рѣкѣ, держась болѣе къ лѣвому берегу, и 20-го мая прибыла къ устью рѣки Албазихи или Эмури, впадающей въ Амуръ съ правой стороны. Въ устьѣ Албазихи образовался низменный островъ версты въ двѣ длиною. Противъ него, на лѣвомъ берегу

Амура, стоялъ Албазиней оогрогъ. На сѣверной сторонѣ острова остались еще слѣды батареи, устроенной китайцами для осады Албазина. На мѣстности, которую занимал острогъ, еще видны остатки вала, печей и коюдца, обломки кирпичей, глиняной посуды и проч. Въ одной мѣстѣ, подъ шастомъ земляной насыпи, нашелся даже слой почерѣвшихъ отъ огня хлѣбныхъ зеренъ. Проплывъ до Албазина по Амуру, экспедиція пошла, почему именно это мѣсто было избрано козаками для поселенія. Прибрежья Шилки, по которой спускалась партія удалцовъ, в потомъ берега Амура до самаго устья Албазихи такъ гористы, что не представляютъ удобнаго мѣста для поселенія, здѣсь же горы понизились, береговые дуга покрыты тучною травой и мѣстами виднѣнъ лѣсъ, такъ что по направленію отъ Нерчинска, изъ котораго шли козаки, это первая мѣстность, удобная для постояннаго жительства. Съ устья Албазихи начинается по берегамъ Амура мѣстность открытая; характеръ растительности измѣняется: вмѣсто прежнихъ лиственницъ, экспедиція стала встрѣчать при дальнѣйшемъ плаваніи дубъ, орѣшникъ, ясень и дикую розу. На берегу видѣла она нѣсколько юртъ тунгусовъ изъ племени манегри. Удивительно было равнодушіе этихъ дикарей къ невиданнымъ судамъ и людямъ, плывшимъ мимо ихъ по рѣкѣ—они мимоходомъ посматривали ва пароходъ, но не обнаруживали любопытства, и спокойно продолжали свои занятія или уходили въ юрты. Мѣстность прибрежья, начиная съ устья Албазихи, постоянно казалась благоприятною для хлѣбопашества и осѣдлыхъ поселеній. 24 мая экспедиція плыла мимо песчаной горы Цагаянъ. Одинъ изъ туземцевъ, юрты которыхъ изрѣдка разбросаны по берегамъ, объяснилъ черезъ переводчика г. Пермикину, что эта гора имѣетъ чудесное свойство: отъ приближенія къ ней человѣка, она испускаетъ дымъ; но когда человѣкъ уходитъ, гора перестаетъ дымиться.— Но какъ же было можно узнать, что она, оставаясь безъ людей, не дымится, если люди всегда видятъ на ней дымъ?—Туземецъ не затруднился этимъ вопросомъ и сказалъ, что однажды его товарищъ подкрался съ другаго берега рѣки, ползкомъ въ травѣ, такъ что гора его не замѣтила, в не выпускала дыму, но лишь только онъ всталъ на ноги, тотчасъ задымилась. Какъ и слѣдуетъ, манегри поклоняются такой чудной горѣ. — Чѣмъ далѣе ввизъ по Амуру, тѣмъ болѣе расширяются обширныя долины по обѣимъ сторонамъ ея, и отлогія горы уже видѣются только на дальнемъ горизонтѣ. Луга покрыты прекрасною травой, и могли бы кормить огромнымъ стада; но лишь изрѣдка видѣются юрты очень немногочисленныхъ манегри. Страна остается совершенно пустынною.

27 мая, въ 800 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, экспедиція увидѣла первую деревню на Амурѣ. Поселеніе это, называющееся Амба-Сахалянъ и состоящее изъ 23 домовъ, стоитъ на правомъ берегу рѣки. Жители, манджуры, скрылись въ ближайшій городъ, узнавъ о приближеніи русскихъ; въ деревнѣ остались только четыре старика, двѣ старухи и трою молодыхъ людей. Жилища этой деревни—мазанки; при каждой мазанкѣ есть садикъ и огородъ.

Нѣсколько далѣе, впадаютъ въ Амуръ съ лѣвой стороны большая рѣка Зея, долина которой нѣкогда была занята русскими, подобно Албазинской

мѣстности. По Зеѣ, текущей почти на тысячу версть, выстроены были козакани четыре острожка; вся долина ея очень плодородна.

Въ 30 верстахъ отъ устья Зон, построенъ, на правой сторонѣ Амура, городъ Сахалявъ-ула-Хотовъ, единственный городъ на всемъ тѣченіи Амура. Отъ Зеи до города тянутся частныя поселенія, каждое изъ нѣсколькихъ домовъ, очень широко раскинутыхъ другъ отъ друга, какъ и всегда у амурскихъ тунгусовъ. Экспедиція достигла Сахаляна 28 мая. Часть экипажа отправилась въ городъ. Начальникъ принялъ русскихъ дружески, но на берегу была собрана вся его военная сила—1,000 человекъ. Солдаты эти держали длинныя колья съ заостренными концами, такъ что могли считать себя имѣющими пики. У иныхъ кольевъ острые концы были вычернены, для совершеннаго сходства съ желѣзнымъ наконечникомъ пики; кромѣ кольевъ, вооруженіе составляли луки. У немногихъ были неуклюжія сабли и ружья. Кромѣ того, было вывезено на берегъ десять пушекъ, и при каждой етоялъ солдатъ съ чѣмъ-то длиннымъ, имѣвшимъ форму фитиля, — но, дѣйствительно ли то были фитили, или просто палки, за отдаленностью пушекъ нельзя было рассмотреть. Въ городъ нашихъ просили не ходить, потому что за допущеніе иноземцевъ начальникъ былъ бы наказанъ правительствомъ. Въ гавани стояло до 35 большихъ додокъ. На 30 верствъ ниже города по берегу тянутся села, въ томъ числѣ одно большое. Однако, и тутъ берегъ населенъ слабо, а въ другихъ мѣстахъ совершенно пустыненъ.

Ниже Сахаляна, характеръ растительности напоминаетъ среднюю полосу Европейской Россіи. Почва—богатый черноземъ.

Ниже устья Бурен (впадающей въ Амуръ съ лѣвой стороны, въ 1,084 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки), горы снова подходятъ къ рѣкѣ, и оканчиваютъ собою равнинное побережье, тянувшееся слишкомъ на 300 верствъ; наконецъ, онѣ стѣсняютъ самое русло рѣки, такъ что Амуръ, имѣвшій прежде 2—3 версты ширины, суживается до 300 сажень и течетъ какъ бы по корридору изъ горъ. Мѣстность эта чрезвычайно живописна. Горы покрыты роскошною растительностью. По берегамъ, изрѣдка стоятъ юрты тунгусскаго племени гольдинцовъ. На 120 верствъ тянутся горы, потомъ опять разстилаются по берегамъ обширныя равнины, до устья огромной рѣки Сунгари (козакки звали ее Шингаломъ), которая едва ли не больше самого Амура, — по крайней мѣрѣ, китайцы называютъ Сунгари главною рѣкою, а Амуръ ея притокомъ. До Сунгари отъ Усть-Стрѣлки 1,425 верствъ. Страна, по которой протекаетъ эта рѣка, очень плодородна, и поселившіеся на Амурѣ добывали хлѣбъ грабжемъ у населенія, жившаго по Сунгари. Это было главною причиною возстанія, уничтожившаго козаккія поселенія.

Близъ устьѣ Сунгари, рѣка опять сжимается горами; далѣе на 185 верствъ тянется широкая плодородная долина. Русло рѣки дробится на нѣсколько рукавовъ частными островами.

При устьѣ Усури, большой и глубокой рѣки, чрезвычайно богатой рыбою и впадающей въ Амуръ съ правой стороны, опять подходитъ къ рѣкѣ горы. Далѣе, снова тянется до краевъ горизонта долина. Тутъ, 7 іюня, лодка съ баржею, на которой плылъ г. Пермикинъ, увлечена была быстротою теченія въ одинъ изъ рукавовъ, образуемыхъ островами, между тѣмъ,

какъ пароходъ съ остальными лодками понелъ по другому руслу, такъ что г. Пермикинъ присоединился къ пароходу уже на другой день, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ рукава соединяются въ одно русло. Сильная буря, которую онъ выдержалъ 7 іюня, заставляеть его предполагать, что осенью Амуръ долженъ быть очень буренъ, если и лѣтомъ подвергается такимъ вѣтрамъ. Ночь онъ провелъ въ довольно большой деревнѣ гольдовъ, которые показались ему добродушными и чрезвычайно честными: у нихъ амбаровъ нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ—видно, что они не имѣютъ понятія о воровствѣ. Далѣе живутъ мангунцы, другое племя тунгусевъ.

15 іюня экспедиція достигла Маринскаго поста, въ 2,399 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки. Въ этихъ мѣстахъ берегъ гористъ. Ниже Маринскаго поста живутъ гиляки, которые, подобно мангунцамъ, кормятся звѣроловствомъ и рыболовствомъ.

Изобиліе рыбы въ нижней и отчасти средней части Амура удивительное. Берега рѣки въ нижней части ея теченія гористы и покрыты лѣсомъ,

Въ „Лѣтописи“ Сибирскаго Отдѣла напечатаны отчеты о его состояніи и дѣйствіяхъ съ 21 мая 1852 года по то же число 1853 и съ 21 мая 1853 по то же число 1854 года, Къ 21 мая 1854 года, членовъ Сибирскаго Отдѣла считалось 102; изъ нихъ 42 жили въ Иркутскѣ, остальные по различнымъ мѣстамъ Восточной Сибири. Движеніе денежных суммъ Отдѣла было:

	въ 1852—1853 г.	1853—1854 г.
Остатокъ отъ предыдущаго года	1,901 руб. 54 ¹ / ₄ коп.	3,648 руб. 91 ¹ / ₄ коп.
Пособіе отъ казны	2,000 „ — „	2,000 „ — „
Взносы членовъ	881 „ — „	509 „ 60 „
Всего	4,782 руб. 54¹/₄ коп.	6,158 руб. 51¹/₄ коп.
Израсходовано на выписку книгъ, покупку инструментовъ и проч.	809 руб. 44 коп.	141 руб. 15 ¹ / ₂ коп.
На канцелярскіе расходы	344 „ 19 „	460 „ 04 „
На Вилюйскую экспедицію	— „ — „	4,887 „ 22 „
Всего	1,153 руб. 63 коп.	5,499 руб. 41¹/₂ коп.

Библіотека Сибирскаго Отдѣла къ 21 мая 1854 года состояла изъ 742 томовъ. Географическихъ атласовъ она имѣла 40 (включая Брандтаго, было уже положено основаніе Археологическому музею (40 номеровъ снитковъ и старинныхъ дѣлъ), Этнографическому музею (20 рисунковъ) и Физикоматематическому кабинету (35 инструментовъ).

Столѣтіе „Московскихъ Вѣдомостей“. (1756—1856). В. Корша. Москва. 1857.

Послѣ Академическихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей „Московскія Вѣдомости“ старѣйшее изъ русскихъ періодическихъ изданій. Съ 1857

времени (конечно, съ Новикова) онъ изъ всѣхъ нашихъ изданій самое распространенное въ провинціяхъ, лежащихъ около Москвы и за Москвою. Въ средней и южной полосѣ Россіи есть много уѣдковъ, которые почерпаютъ пищу для своей умственной жизни исключительно изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Точныя цифры печатаемыхъ экземпляровъ того или другого журнала, той или другой газеты, конечно, никому неизвѣстны, кромѣ нѣсколькихъ людей, принадлежащихъ къ редакціи или конторѣ этого изданія— у насъ ужъ такая привычка, что мы все стараемся покрыть непроницаемымъ туманомъ,—мы воображаемъ, что облекать все тайною—очень полезное дѣло. Но приблизительная цифра экземпляровъ каждаго періодическаго изданія можетъ быть, несмотря на весь этотъ туманъ, легко угадана. Въ настоящее время, не дѣлая большой ошибки, можно сказать, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“ расходятся въ числѣ экземпляровъ, почти вдвое болѣе, нежели самые распространенные въ публикѣ изъ нашихъ журналовъ, а „Московскихъ Вѣдомостей“ расходится почти вдвое болѣе, нежели С.-Петербургскихъ. До послѣдней войны, „Московскихъ Вѣдомостей“ выпускалось около 11 или 12 тысячъ экземпляровъ; во время войны, цифра эта приближалась, говорятъ, къ 20 тысячамъ; по заключеніи мира, она должна была уменьшиться, не опускаясь однако же до цифры, бывшей передъ войною, такъ что можно полагать ее въ 15,000. Если мы будемъ держаться этого счета, въ которомъ вѣроятная ошибка не можетъ превышать 20%, мы получимъ слѣдующія числа для послѣднихъ двухъ лѣтъ, когда, надобно замѣтить, умственная жизнь и потребность чтенія возбуждена въ гораздо сильнѣйшей степени, нежели прежде:

4 литературные журнала („Библіотека для Чтенія“, „Отечественныя Записки“, „Русскій Вѣстникъ“, „Современникъ“, каждый отъ 3,000 до 4,500 экземпляровъ), всѣ вмѣстѣ	15,000 экз.
4 газеты („Русскій Инвалидъ“, „Сѣверная Пчела“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“,—каждая газета отъ 6,000 до 9,000 экз., и „Московскіи Вѣдомости“, около 15,000 экз.) всѣ вмѣстѣ	35,000 экз.
<hr/>	
Итого 50,000 экз.	

Считая на каждый экземпляръ по 10 читателей (такъ принято для подобныхъ расчетовъ въ заграничной книжной статистикѣ), мы на 50,000.000 жителей Русской Имперіи, для которыхъ русскій языкъ есть родной языкъ, получимъ 500,000 людей читающихъ,—и увидимъ, что въ полтора ста лѣтъ, со временъ Петра, одинъ изъ ста нашихъ соотечественниковъ уже перешелъ въ число людей болѣе или менѣе образованныхъ.

Конечно, кромѣ изданій, вошедшихъ въ нашу таблицу, существуютъ многія другія; но очень многіе изъ читателей, напримѣръ, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ то же время и читатели „Отечественныхъ Записокъ“ или „Современника“, даже нѣкоторые изъ читателей „Сѣверной Пчелы“ въ то же время читатели „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и т. д., и значительное уменьшеніе общей цифры, происходящее отъ такого соеди-

ненія, какъ мы полагаемъ, едва ли съ большимъ избыткомъ вознаграждается зачетомъ въ общій итогъ всѣхъ тѣхъ людей, которые, не читая ни одного изъ названныхъ нами изданій, читаютъ какой нибудь другой журналъ, напримеръ, „Морской Сборникъ“ или „Русскую Бесѣду“. Число такихъ людей не очень значительно.

Чтобы опредѣлительнѣе судить о значеніи представленнаго нами итога, сравнимъ его хотя съ итогомъ, представляемымъ Франціею. Тамъ на 35,000,000 людей расходится не менѣе 250,000 экземпляровъ большихъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ и соответствующихъ своимъ положеніемъ въ литературѣ тѣмъ изданіямъ, которыя вошли въ нашу таблицу. 250,000 экземпляровъ—даютъ 2,500,000, то есть 7 читателей на 100 человекъ населенія. Въ Германіи и Англіи пропорція читателей еще значительнѣе.

Но статистика читателей въ Россіи не есть исторія „Московскихъ Вѣдомостей“,—конечно, скажемъ же нѣсколько словъ о брошюрѣ, заглавіе которой привели выше. Исторія „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ наиболѣе распространеннаго у насъ періодическаго изданія, была бы очень интересна. Но брошюра обнимаетъ только первыя семь лѣтъ изданія (1756—1762)—періодъ самый бѣдный и незначительный. „Московскія Вѣдомости“ въ то время не имѣли ни оригинальныхъ статей, ни вообще литературнаго или ученаго отдѣла,—онѣ состояли исключительно изъ официальныхъ документовъ и иностранныхъ извѣстій; даже объявленій было мало, и тѣ вовсе не характерны. Большая часть брошюры наполнена исторіею Семилѣтней войны, составленною по извѣстіямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, то есть по тогдашнимъ русскимъ реляціямъ и переводамъ извѣстій изъ нѣмецкихъ газетъ. Газета становится болѣе важною только со времени Новикова.

Для Легкаго Чтенія. Повѣсти, рассказы, комедіи, путешествія и драмы современныхъ русскихъ писателей. Томъ V.

Въ этомъ томѣ „Легкаго Чтенія“ помѣщены: повѣсть г. Григоровича „Неудавшаяся жизнь“; „Нянюшка“, сцены г. М. Михайлова; „Недосказанная фраза“, рассказъ И. А. П—ва; „Рыбная ловля“, поэма г. Майкова; „Идеалистъ“, повѣсть г. Станкевича; „Труженикъ, признанія новѣйшаго Фальстафа“, стихотвореніе г. Н***. Особеннаго вниманія читателей заслуживаетъ первое изъ этихъ произведеній, которое до сихъ поръ еще не было напечатано, и является на свѣтъ въ первый разъ въ „Легкомъ Чтеніи“. Шестой томъ этого изданія, который скоро выйдетъ, будетъ заключенъ, себѣ: повѣсть И. И. Панаева „Прекрасный человекъ“; рассказы почли бы горовича „Смедовская долина“; повѣсть Н. Н. Ставицкаго, что дѣйствительная комедію И. С. Тургенева „Провинціалка“; нѣе всякихъ отвлеченныхъ „Груня“; рассказъ г. А. Печерскаго „Удаленнаго прошедшаго. Только А. А. Фета и семь стихотвореній Н. Вязь и смыслъ своей партіи, по— рить, оставляя безъ вниманія людей, развитія, по отсталости или по увле— бы одинаково ничтожны или вредны, яхъ народности къ общечеловѣчности.

Лучшіе люди славянофильской партіи.— люди съ горячею преданностью своимъ убѣжденіямъ; ужь этимъ однимъ они полезны въ нашемъ обществѣ, самый общій недостатокъ въ которомъ не какія нибудь ошибочныя понятія, а отсутствіе всякихъ понятій, не какія нибудь ложныя увлеченія, а слабость всякихъ умственныхъ и нравственныхъ влеченій. Прежде, нежели желать того, чтобы всѣ твердо держались образа мыслей, который кажется кому нибудь изъ насъ справедливейшимъ, надобно признавать настоятельную потребностью русскаго общества пробужденіе въ немъ мысли и способности къ принятію какихъ либо умственныхъ убѣжденій, какихъ либо нравственныхъ влеченій, какихъ либо общественныхъ интересовъ. А исполненію этого дѣла славянофилы стараются содѣйствовать всѣми силами, и, какъ люди горячихъ убѣжденій, очень полезнымъ образомъ дѣйствуютъ на пробужденіе умовъ, доступныхъ ихъ вліянію.

Этого права ихъ считается людьми полезными для общества никто, кажется, не отрицаетъ; но многіе думаютъ, что польза, приносимая ими дѣлу пробужденія мысли въ русскомъ обществѣ, далеко превышаетъ вредомъ, какой они приносятъ успѣхамъ общества, наполняя мысль человѣка ими пробуждающагося къ жизни, совершенно ложнымъ содержаніемъ, стремясь дать ей направленіе, совершенно превратное.

Не оправдывая всего того, что говорятъ даже лучшіе представители славянофильства, человѣкъ, любящій родину и принимающій выходы науки на Западѣ, долженъ, однако же, сказать, что столь общее отрицаніе всякой справедливости въ славянофильствѣ неосновательно, долженъ признать, что изъ элементовъ, входящихъ въ систему этого образа мыслей, многіе положительно одинаковы съ идеями, до которыхъ достигла наука или къ которымъ привелъ лучшихъ людей историческій опытъ въ Западной Европѣ.

Начнемъ хотя съ тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ нынѣшней Европѣ, въ которыхъ обыкновенно обвиняются славянофилы. Конечно, грубо понимаемое, такое обвиненіе будетъ совершенною клеветою на нихъ,—всему дѣйствительно великому и хорошему въ Западной Европѣ они сочувствуютъ не менѣе самыхъ заклятыхъ западниковъ, и, конечно, никому не уступитъ ни въ уваженіи къ такимъ людямъ, какъ Робертъ Пиль или Диккенсъ, Штейнъ или Гогель,—ни въ искренности желаній какъ можно ближе и полнѣе познакомить русскихъ съ благотворными плодами западнаго просвѣщенія. (Просимъ не забывать, что мы говоримъ о лучшихъ представителяхъ славянофильства, а не о тѣхъ людяхъ между ними, прегрѣшеніи которыхъ противъ западной цивилизаціи легко прощаются, какъ грѣхи невѣднѣніи). Безпристрастный человѣкъ долженъ назвать предубѣждемъ мнѣшіе, будто они враждебны европейскому просвѣщенію. Но то правда, и въ томъ признаются они сами, что они не считаютъ слишкомъ завиднымъ нынѣшнее положеніе народной жизни въ западной Европѣ. За эту строгость нельзя ихъ винить. Не даромъ путешественники, отправляющіеся въ западную Европу съ ожиданіемъ найти тамъ земной рай, возвращаются разочарованными, если ищутъ, напримѣръ, въ Парижѣ чего нибудь кромѣ пале-рояльскихъ удовольствій и модныхъ портныхъ. Масса народа и въ Западной Европѣ еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и нищетѣ; потому, она еще не

принимаетъ разумнаго и постояннаго участія ни въ успѣхахъ, дѣлаемыхъ жизнью достаточнаго класса людей, ни въ умственныхъ его интересахъ. Не опираясь на неизмѣнное сочувствіе народной массы, зажиточный и развитой классъ населенія, поставленный между страхомъ вулканическихъ силъ ея и происками ивтригантовъ, пользующихся рутинною и невѣжествомъ, предается своекорыстнымъ стремленіямъ, по невозможности осуществить свой идеаль, или бросается въ излишества всякаго рода, чтобы заглушить свою тоску. Многіе изъ лучшихъ людей въ Европѣ до того опечалены этимъ зломъ, что отказываются отъ всякихъ надеждъ на будущее; другіе доказываютъ, что съ теченіемъ времени зло не уменьшается, а возрастаетъ. Первые, конечно, не правы, но вторые говорятъ правду. Дѣйствительно, язва пролетаріата все расширяется, даже физическая организація племенъ слабѣетъ, такъ что, вообще говоря, даже средній ростъ уменьшается. Всего прискорбнѣе здѣсь то, что главныиъ источникомъ нищеты и бѣдствій въ Западной Европѣ надобно считать не недостаточность ередствъ къ быстрому и коренному улучшенію народнаго быта, а дурное и несправедливое распредѣленіе этихъ ередствъ или недоброжелательство къ улучшенію народнаго быта со стороны людей, держащихъ въ рукахъ эти средства, и, по своекорыстному разсчету, не примѣняющихъ ихъ къ дѣлу. Мы представимъ только одинъ случай для примѣра. Положительный разсчетъ показываетъ, что если бы во Франціи поля воздѣлывались при помощи ередствъ, предлагаемыхъ естественными науками и механикою, и по системѣ, указываемой политическою экономіею (общинное воздѣлываніе земли при помощи улучшенныхъ мачинъ), жатва болѣе, нежели удвоилась бы. А между тѣмъ во Франціи недостаетъ хлѣба. Если бы земледѣлецъ во Франціи пользовался самъ плодами своихъ трудовъ, онъ жилъ бы безбѣдно,—а онъ терпитъ нужду. Еще безотраднѣе ооложеніе фабричныхъ и заводскихъ работниковъ, которымъ еще легче было бы имѣть изобиліе во всемъ, нужномъ для жизни. Но весь трудъ во французскомъ обществѣ производится подъ гнетомъ евоекорыстныхъ эксплуататоровъ, которые могутъ быть прекрасными людьми, но которые, какъ всякій человѣкъ, заботятся о собственныхъ, а не о чужихъ выгодахъ, думаютъ объ увеличеніи своихъ доходовъ, а не объ улучшеніи участи зависимаго отъ нихъ рабочаго населенія. Точно такъ же порядокъ экономическихъ отношеній и во всей остальной Западной Европѣ. Это фактъ, обнаруженный лучшими людьми самой Западной Европы и принуждающій ихъ негодовать на дѣйствительность, ихъ окружающую.

Таково же и положеніе умственной жизни на Западѣ. Правда, наука сдѣлала великіе успѣхи, но еще слишкомъ мало имѣетъ вліянія на жизнь. Большинство не только народа, но даже образованныхъ классовъ, погружено еще въ дикія понятія, свойственныя скорѣе временамъ кулачнаго права, нежели вѣку цивилизаціи. Когда лучше люди въ Западной Европѣ сравниваютъ образъ мыслей огромнаго большинства своихъ согражданъ съ гуманными идеями современной науки, они приходятъ въ отчаяніе, видя, что несоннѣннѣйшія умственныя и нравственныя истины ея, достовѣрныя, какъ аксіомы геометріи, ясныя, кажется, какъ свѣтъ дневной, остаются еще невѣдомы или непоняты никѣмъ, кромѣ горсти немногихъ избранниковъ, еще

бесильныхъ надъ нравами и стремлѣніямъ общества, по своей малочисленности. Приведемъ опять хотя одинъ примѣръ. При нынѣшнемъ развитіи государственнаго порядка, когда масса побѣждающаго народа уже не грабить и не обращаетъ въ личное рабство своимъ сочленамъ всю массу побѣжденнаго народа (какъ то было при завоеваніи германцами провинцій Римской Имперіи), разумна и полезна только та война, которая ведется народомъ для защиты своихъ границъ. Всякая война, имѣющая цѣлю завоеваніе или перевѣсъ надъ другими націями, не только безнравственна и безчеловѣчна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успѣхами ни сопровождалась, къ какимъ выгоднымъ, по видимому, результатамъ ни приводила. Это достоверно, какъ $2 \times 2 = 4$. А между тѣмъ, и во Франціи, и въ Англии люди, говорившіе это во время послѣдней войны съ Россією, были предметомъ общаго посмѣянія или негодованія.

Злоупотребленія, недостатки и бѣдствія въ матеріальной и умственной жизни народовъ Западной Европы—это предметъ неистощимый. Изъ тысячи обвинительныхъ пунктовъ противъ западно-европейской дѣйствительности мы коснулись, и то слегка, безъ всякихъ подробностей, лишь двухъ-трехъ. Страшную картину современнаго быта своей родины представляетъ каждый изъ западно-европейскихъ писателей, если только онъ добросовѣстенъ и стоитъ по мысли въ уровень съ гуманными идеями вѣка. Это прискорбное разнорѣчіе дѣйствительности съ потребностями и идеалами современной мысли съ-году на-годъ становится тяжело въ Западной Европѣ.

Что удивительнаго, что преступнаго, если это самообличеніе Европы лучшими изъ ея дѣтей находить отголосокъ и у насъ? Всякая ложь вредна. Зачѣмъ намъ оставаться въ фантастической увѣренности, будто бы Западная Европа—земной рай, когда на самомъ дѣлѣ положеніе народовъ ея вовсе не таково? Не одни славянофилы стараются вывести насъ изъ этого легкомысленнаго обольщенія,—немногіе, истинно серьезные мыслители, которыхъ мы имѣли или имѣемъ, выставляли намъ недостатки западно-европейской дѣйствительности въ самомъ рѣзкомъ видѣ. Пусть славянофилы, когда говорятъ объ этомъ предметѣ, во многомъ ошибаются, принимая иное хорошее за дурное, или наоборотъ,—эти частныя ошибки не мѣшаютъ справедливости общей идеи, повторяемой ими, но принадлежащей вовсе не имъ, а всѣмъ лучшимъ людямъ Запада, отъ которыхъ они и узнали о ней,—не мѣшаютъ справедливости этой общей идеи: Западная Европа вовсе не рай.

А когда мы подумаемъ о томъ, до какой степени у многихъ изъ такъ называемыхъ западниковъ темны еще понятія о томъ, что хорошо и что дурно въ Европѣ, и какъ до сихъ поръ очень многимъ кажется лучшимъ именно то самое, что есть худшаго въ Европѣ, то должны будемъ признаться, что критика европейскаго быта, которую славянофилы, прямо или черезъ вторыя руки, заимствуютъ изъ лучшихъ современныхъ мыслителей, далеко не бесполезна для очищенія нашихъ понятій о Европѣ. Конечно, эта критика соединяется, проходя черезъ уста славянофиловъ, съ примѣсами, чуждыми, иногда прямо враждебными ея духу,—но мы на столько увѣрены въ здоровомъ смыслѣ русскаго племени, мало расположеннаго къ отвлеченнымъ фантазіямъ, что эти примѣсы внушаютъ намъ довольно мало опасеній.

Здравый смысл и тактъ дѣйствительности, которымъ очень сильны руссіе, довольно легко отличаютъ фантастическую примѣсь отъ фактовъ. Притомъ же, примѣси, особенно любимыя многими изъ славянофиловъ, выбраны ими изъ круга чувствъ, которыя очень антипатичны русскому характеру. Ни заоблачныя мечтанія, ни самохвальство не въ характерѣ у русскаго человѣка.

Мало вѣроятности, чтобы заблужденіи, противныя племенному характеру, распространились въ націи. Но еслибы это и было вѣроятно, все-таки надобно было бы сказать, что опасности для народнаго развитіи, представляемыя этими примѣсями, менѣе важны, нежели выгоды, соединенныя съ нѣкоторыми твердыми убѣжденіями славянофиловъ, о чемъ постараемся мы поговорить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Однакоже, вмѣсто общихъ размысленій о славянофильствѣ, къ выраженію которыхъ были мы ободрены благопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на публику первою книгою „Русской Бесѣды“ за нынѣшній годъ, пора намъ заняться обзорѣніемъ содержанія этой книги, очень замѣчательной.

О статьяхъ г. Самарина, на которыя мы хотѣли бы особенно обратить вниманіе каждаго изъ нашихъ читателей, мы ничего не будемъ говорить; одна изъ нихъ, написанная по поводу книги графа Орлова „Очерки похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году“, должна быть прочтена каждымъ жинымъ человѣкомъ, и о ней ничего нельзя сказать, кромѣ похвалъ, которыя мы уже сказали. Другая—„Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина“, конечно, оставляетъ мѣсто нѣкоторымъ очень серьезнымъ возраженіямъ, но самъ г. Чичеринъ, вѣроятно, не останется въ долгу у достойнаго противника, котораго наконецъ нашелъ себѣ. По нашему мнѣнію, замѣчаніи г. Самарина таковы, что каждое изъ нихъ заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣніи, а нѣкоторыя должны быть признаны справедливыми,—напримѣръ, мысль о необходимости дополнить свидѣтельства юридическихъ актовъ, собранныя у автора, фактами, встрѣчаемыми въ другихъ источникахъ исторіи (въ иноземныхъ писателяхъ о Россіи, въ лѣтописяхъ, народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ) и представляемыми изученіемъ современнаго быта; но мы сильно сомнѣваемся, чтобы отъ расширенія границъ картины просвѣтлѣли ея краски, какъ на то, повидимому, надѣется г. Самаринъ. Замѣтимъ также, что отвѣтомъ на параллели русской системѣ кормленія, находимыя г. Самаринимъ въ исторіи западныхъ государствъ, должно быть не отрицаніе сходства между сравниваемыми явленіями, а признаніе этихъ явленій одинаково невыгодными для государственнаго благоустройства; съ прибавленіемъ того, что въ исторіи западныхъ государствъ дѣйствіе принципа, сходнаго съ нашимъ кормленіемъ, до нѣкоторой степени уравнивалось влияніемъ другихъ началъ, чего у насъ почти не было.

Г. Чичеринъ, кажется, служить кошыаромъ „Русской Бесѣды“, которая въ каждой изъ пяти вышедшихъ до сихъ поръ книгъ посвящала обширныя статьи опроверженію его мнѣній. И въ обзорѣваемой нами книгѣ, кромѣ статьи г. Самарина, занимается этимъ дѣломъ еще другая, болѣе обширная статья: „Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Чичерина: „Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ“, г. Н. И. Крылова. Конечно,

эти замѣчашія написаны съ ученостью и умомъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученаго, имѣющаго громкую извѣстность. Но, по мѣткости и силѣ возраженій, статью г. Самарина надобно поставить выше. Притомъ же, г. Крыловъ говоритъ слишкомъ докторальнымъ тономъ,—онъ слишкомъ проникнуть мыслью, что имѣетъ дѣло съ бышимъ своимъ студентомъ. Такъ нѣкогда поучалъ г. Погодинъ гг. Соловьева и Кавелина, которые, однако, справедливо говорили, что извлекаютъ очень мало пользы изъ его назидательныхъ бесѣдъ.

Чрезвычайно интересна по предмету, но суха и отчасти темна по изложенію статья г. П. Р—на: „Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія пѣ Австріи“. Гораздо яснѣе, хотя и короче, изложено это дѣло г. Е. Ламанскимъ въ „Экономическомъ, Указателѣ“ (№ 13). Важно по множеству новыхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ источниковъ сочиненіе г. А. Попова, „Исторія возмущенія Стеньки Разина“. Сколько можно судить по первой части его, напечатанной въ обзорѣваемой нами книгѣ „Русской Бесѣды“, авторъ хочетъ ограничиться изложешемъ свѣдѣній, представляемыхъ его источниками; онъ избралъ себѣ цѣль скромную, но полезную, и за извлечение фактовъ изъ-подъ архивнаго спуда онъ заслуживаетъ полной признательности.

Вмѣстѣ съ замѣчательно прекрасными статьями г. Самарина привлекла къ „Русской Бесѣдѣ“ вниманіе публики комедія г. Островскаго „Доходное мѣсто“,—сильнымъ и благороднымъ направлешемъ она напоминаетъ ту пьесу, которой онъ обязанъ большою частью своей извѣстности,—комедію „Свои люди,—сочтемся“. Замѣчательна эта новая пьеса и въ томъ отношеніи, что тутъ г. Островскій изображаетъ кругъ, не имѣющій ничего общаго съ купеческимъ бытомъ, нравами котораго до сихъ поръ онъ почти исключительно занимался. Жадовъ, молодой человѣкъ, получившій университетское образованіе и проникнутый строгими, высокими понятіями о жизни, вступаетъ въ жизнь при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для того, чтобы составить себѣ карьеру; его дядя—выспій начальникъ того мѣста, при которомъ начинаетъ служить онъ. Онъ страстно любитъ дѣвушку, которая такъ еще молода, и кажется ему такою благородною, по натурѣ, что онъ надѣется воспитать ее. Но правила, которыхъ молодой человѣкъ держится, оказываются несомѣстными съ человѣческимъ счастьемъ не только на службѣ, но даже и въ семействѣ. Дядя не долюбиваетъ его за „фанаберію“, о которой такъ хорошо умѣютъ разсуждать люди, живущіе безгрѣшными доходами. Агентъ дяди по безгрѣшнымъ доходамъ, Юсовъ, управляющій дядею и непосредственный начальникъ Жадова, ненавидитъ молодаго человѣка за ту же „фанаберію“. Жадовъ, рѣшившись жениться на любимой дѣвушкѣ, является къ дядѣ просить вакантную должность столоначальника, чтобы имѣть возможность содержать жену. Онъ, конечно, достойнѣе всякаго другаго занять эту должность. Но дядя такъ недоволенъ „фанаберією“ племянника и до того возстановленъ противъ него Юсовымъ, что отказываетъ Жадову, совѣтуетъ ему пріискать себѣ службу въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ и отдаетъ столоначальническую должность Бѣлогубову, истому приказному, который понятія не имѣетъ ни о какой фанаберіи. Тѣмъ кончается

первый акт. Во втором дѣйствіи мы знакомимся съ вдовою, коллежскою ассесоршею Кукушкиной, матерью той дѣвушки, на которой думаетъ жениться Жадовъ, и съ двумя ея дочерьми. Жадовъ сватаетъ Полину, Бѣлогубовъ другую сестру, Юлиньку. Почтенная мать прямо говоритъ дочерямъ что онѣ такой товаръ, который она хочетъ, какъ можно поскорѣе, сбыть съ рукъ, что она тяготится ими, что чѣмъ скорѣе онѣ найдутъ себѣ мужей, тѣмъ лучше. Дѣвушки сами думаютъ также, что чѣмъ скорѣе равстаться съ матушкою, тѣмъ лучше, потому что житье подъ ея властью вовсе не маляница. Полинѣ нравится ея женихъ, Жадовъ,—конечно, это молодой человекъ съ прекраснымъ лицомъ, съ изящными манерами; Юлинька признается сестрѣ, что считаетъ своего жениха ужасной дрянью,—конечно такъ, Бѣлогубовъ долженъ быть плуговой юноша, съ канцелярскими ухватками.— „Что же ты не скажешь матушкѣ?“ говоритъ сестрѣ Полина.— „Вотъ еще! сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы изъ дому-то вырваться“, отвѣчаетъ Юлинька.— „Да, правда твоя! замѣчаетъ Полина:—не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада бы первому встрѣчному на шею броситься; хоть бы плохенькій какой, только бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взять!“ Боже мой, исторія сколькихъ замужествъ разсказана этими словами! Обыкновенно романисты, скорбя объ участи тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ отдають замужъ противъ воли, и негодуя на тѣхъ, которыя выходятъ замужъ, чтобы надѣть чепецъ и имѣть право выѣзжать безъ всякихъ надзирательницъ, тетусекъ и гувернантокъ,—забываютъ о тѣхъ дѣвицахъ, которыя, чтобы избавиться отъ несносныхъ притѣсненій, выходятъ за перваго встрѣтившагося жениха,—а число такихъ замужествъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, нежели насильственныхъ отдачь замужъ. Но возвращаемся къ комедіи г. Островскаго. Сестры невѣсты толкуютъ между собою о томъ, каково имъ будетъ жить въ замужествѣ. Юлинька увѣрена въ своемъ Бѣлогубовѣ,—онъ доставитъ ей средства щеголять, онъ говорилъ, что купцы дарятъ ему много всякихъ матерій и даютъ много доногъ; Полина не слышала отъ своего жениха о такихъ доходахъ, и груститъ. Но потомъ, ободренная сестрою, понимаетъ, что жена должна требовать и можетъ вытребовать у мужа и платья, и деньги;—мужъ обязанъ доставлять женѣ удовольствіи; не кухаркой же ей жить, въ самомъ дѣлѣ.—Третье дѣйствіе. Жадовъ сидитъ въ гостинницѣ съ старымъ университетскимъ товарищемъ, и разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Онъ женатъ уже годъ, работаетъ съ утра до ночи. Жинетъ довольно скудно. Жена (то очень мила, но—вѣдь ей хочется же жить не хуже другихъ: имѣть шляпки, платья... словомъ сказать, исторія его коротка, какъ онъ самъ говоритъ пріятелю: „Исторія моя коротка; я женился по любви, какъ ты знаешь; взявъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и почти всѣ наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣждешяхъ, и вотъ ужъ годъ женатъ“...— „И что же?“— „Разумѣется, ничего; воспитывать ее мнѣ некогда, да и не умѣю я приняться за это дѣло. Она такъ осталась при своихъ понятіяхъ: въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нечѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня, просто, не счи-

таеть за человекѣ унаго. По ихъ понятію, умный человекѣ непремѣнно долженъ быть богатъ“... Да, это случай очень и очень нерѣдкій,—вотъ вамъ и мечты о семейномъ счастьи, о перевоспитаніи, и тому подобныхъ химерахъ. „Ты говоришь, что ты умный человекѣ. Да въ чемъ же твой умъ, если ты денегъ достать не умѣешь, новаго платья подарить женѣ не можешь?“—Бѣлогубовъ—о, вотъ онъ, конечно, умный человекѣ. Онъ является въ гостинницу съ Юсовымъ и двумя товарищами чиновниками,—онъ угощаетъ ихъ послѣ изряднаго получешя денегъ. У него довольно денегъ, имъ жена безъ сомнѣшя довольна. Бѣлогубовъ добрый и хорошій человекѣ,—въ самомъ дѣлѣ, развѣ взяточникъ не можетъ быть прекраснымъ челонѣкомъ?—Онъ человекѣ простой, и, увидѣвъ Жадова, просить „брата“ закутить и выпить шампанскаго вмѣстѣ съ нимъ, хотя думаетъ, что Жадовъ на него сердится. Жадовъ отказывается,—человекѣ не съ добрымъ сердцемъ обидѣлся бы на мѣстѣ Бѣлогубова, но Бѣлогубовъ истинно хорошій родственникъ,—онъ все упрасиваетъ Жадова выпить шампанскаго и жить съ нимъ по родственному. Жадовъ, по прежнему проникнутый „фанаберію“, говоритъ: „нельзя намъ съ вами жить по родственному“, разумѣя подъ этимъ, что не можетъ ужиться съ взяточникомъ, грязнымъ и низкимъ. Но Бѣлогубовъ не понимаетъ такихъ тонкостей.—„Отчего же-съ?“ добродушно спрашиваетъ онъ.—„Не пара мы“.—Бѣлогубовъ понимаетъ это по своему.—Да, конечно, какал кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны, не обидьтесъ, сколько могу! Я даже и за одолженъе не почту. Что за счеты между родными!“—„Съ чего вы вздумали предлагать мнѣ деньги?“—„Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велить помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность“.—„Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня!“—„Какъ угодно, я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женою вашей“, съ родетвеннымъ участіемъ говоритъ добрый Бѣлогубовъ, прощая обиды родственнику.—Дѣйствительно, Бѣлогубовъ добрый человекѣ и не помнитъ зла. Онъ и его жена потихоньку отъ Жадова даютъ деньги и дарить наряды его женѣ. Юлинька счастлива своимъ мужемъ—домъ у нихъ полная чаша, нарядонъ у ней гибель. Полина любить мужа, но несчастлива съ нимъ,—у нея мало нарядовъ. Изъ желашя добра сестрѣ, Юлинька учить Полину требовать отъ Жадова, чтобъ онъ поступалъ по примѣру Бѣлогубова,—тогда у Полины будутъ и лошади, и наряды, и хорошая квартира. То же самое говоритъ и мать. Когда Жадовъ возвращается домой, Полинка пристаеть къ нему съ своими требованіями. Мать, которая сидитъ тутъ же, поддерживаетъ ее. Онъ глупецъ и безчестный человекѣ, если не можетъ доставить женѣ ередствъ жить, какъ прилично барынѣ. Жадовъ выходитъ изъ себя, ссорится съ тещей. Жена, однакоже, научена уже, какъ сломить его глупую „фанаберію“. Она объявляетъ, что не хочетъ жить съ нимъ, если онъ заставляеть ее терпѣть нужду, и уходитъ изъ дому. Сестра прокормить ее, не дастъ ей терпѣть нужды.—Жадовъ побѣжденъ. Онъ ворочаетъ жену, говоритъ, что готовъ на все. Онъ будетъ служить, какъ Бѣлогубовъ, и отпавляется просить у дяди извиненіи въ своей „фанаберіи“, отказаться отъ

своихъ глупыхъ правилъ, просить доходнаго мѣста.—Ну, и прекрасно. Полина, бѣдняжка, перестанетъ страдать—она много терпѣла: не говори уже о томъ, что у ней не было столько нарядовъ, какъ у счастливой сестры, развѣ ей легко было ссориться съ мужемъ? вѣдь она его любитъ.

Комедія была бы, намъ кажется, цѣльнѣе и полнѣе въ художественномъ отношеніи, если бы оканчивалась этимъ кризисомъ,—пятый актъ прибавленъ авторомъ, чтобы спасти Жадова отъ нравственнаго паденія. Жадовъ съ женою являются въ Вышнеvesкому, но ужь поздно, просить у него милостей. Его безгрѣшныя продѣлки для полученія безгрѣшныхъ доходовъ открылись, онъ падаетъ съ своего возвышеннаго и очень доходнаго мѣста. Катастрофа, при которой присутствуетъ Полина, вразумляетъ ее: она понимаетъ, что принуждала мужа сдѣлаться преступникомъ, покрыть себя безславіемъ въ глазахъ честныхъ людей. Она бросается въ объятія мужа,—она теперь достойная жена его, они останутся честными людьми.

По нашему изложешію, слишкомъ еще не полному, читатели уже могутъ видѣть, сколько правды и благородства въ новомъ произведеніи г. Островскаго, сколько въ пьесѣ драматическихъ положеній и сильныхъ мѣстъ. Прибавимъ, что многія сцены ведены превосходно и обнаруживаютъ, какими богатыми силами и средствами владѣетъ авторъ, и что лучшими характерами въ пьесѣ показались намъ Бѣлогубовъ и особенно его жена и теща, г-жа Кукушкина.

Очень много замѣчательнаго и прекраснаго нашли мы въ первой книгѣ „Русской Бесѣды“—если бы слѣдующія книги походили на первую, журналъ славянофиловъ очень много поднялся бы въ общемъ мнѣніи, которое и теперь уже значительно смягчено въ его пользу. Надобно желать только, чтобы тѣ люди, которые въ славянофильской партіи должны считаться истинными представителями просвѣщенныхъ и достойныхъ сочувствіи идей, были осторожны въ выборѣ сподвижниковъ и не принимали съ распростертыми объятіями каждаго, кто вопіетъ о русской народности и о вредоносности западной цивилизаціи. Пусть только они помнятъ, что прежде всего писатель долженъ быть человѣкомъ просвѣщеннымъ и разумнымъ, и что никакія, ни ультра-славянофильскія, ни ультра-западническія мнѣнія не могутъ вознаграждать въ писателѣ отсутствіи этихъ необходимыхъ качествъ. Что хорошаго было бы, еслибъ журналы западниковъ стали помѣщать статьи г. Анаевскаго за то, что онъ доселѣ держался мнѣшій западнаго писателя аббата Миллота? Точно также не принесло бы особенной пользы и славянофильскому Журналу помѣщеніе „Лимонаря“, надъ которымъ, какъ слышно, нынѣ трудится г. Анаевскій, и который, судя по заглавію, будетъ протестомъ противъ западной цивилизаціи. Намъ казалось бы, что къ какой бы партіи ни принадлежали люди, подобные г. Анаевскому, все-таки ихъ сочиненій не долженъ печатать никакой журналъ.

Въ другихъ журналахъ мы замѣтимъ: комедію г. Львова „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ (въ № 3 „Отечественныхъ Записокъ“) и рассказъ г. Печерскаго „Поярковъ“ (въ № 4 „Русскаго Вѣстника“).

Комедія г. Львова написана въ томъ духѣ, который сталъ входить въ моду съ тяжелой руки г. Щедрина. Намъ нѣтъ надобности много говорить о своемъ полномъ сочувствіи къ этому прекрасному, истинно дѣльному на-

правленію, которое съ восторгомъ принято всею публикою. Очевидно также, что комедія г. Львова находится въ близкой связи съ комедіею графа Соллогуба „Чиновникъ“—она разоблачаетъ типъ праздныхъ; ни къ чему не способныхъ п однако же способныхъ на многое дурное людей, которые самодовольно твердятъ: „я оказываю честь и услугу моему отечеству тѣмъ, что служу. Я человѣкъ безкорыстный; я не нуждаюсь въ жалованьѣ; я служу затѣмъ, что, еслибъ я не служилъ, мое мѣсто занималъ бы взяточникъ“ и и т. д., и т. д. Михайле Васильичъ Лиеницкій—это Надимовъ, сведенный съ своего пьедестала, показанный благосклонному зрителю въ собственной своей кожѣ, безъ прикрасъ, въ которыя рядится онъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Лисицкій, подобно Надимову, жертвуетъ собою на пользу отечества: „Возьмите вы долгъ гражданина, говорить онъ:—человѣка, преданнаго вполнѣ своему отечеству, и скажите самъ, могъ ли я не служить? Я жертвую всѣмъ затѣмъ, чтобы достигнуть того положенія, въ которомъ я буду въ состояніи приносить дѣйствительную пользу обществу, содѣйствіемъ моимъ къ искорененію подлога взяточничества между чиновниками, водворенію правды въ судахъ, улучшенію быта крестьянъ“... Вы не подумайте, что онъ просто проматываетъ деньги въ Петербургѣ,—нѣтъ, онъ дѣйствительно жертвуетъ всѣмъ своей высокой цѣли: и крестьянами своими, которыхъ разоряетъ, и честью своею, которую компрометируетъ разными продѣлками для полученія денегъ и обманываніемъ своихъ кредиторовъ. Въ служебныхъ дѣлахъ онъ ничего не смыслить, получаетъ награды за проекты, писанные для него бѣднякомъ, которому онъ не платитъ вознагражденія, обѣщаннаго ему за трудъ, и жену котораго хочетъ соблазнить, онъ обѣщаетъ хлопотать за негодяя, который далъ ему займы денегъ и т. д., и т. д.

„Полярковъ“ по своему направленію также сходенъ съ рассказами г. Щедрина, но это не подражаніе „Губернскимъ Очеркамъ“,—напротивъ, г. Печерскій обладаетъ талантомъ, болѣе значительнымъ, нежели г. Щедринъ, и по всей справедливости долженъ быть причисленъ къ даровитѣйшимъ нашимъ рассказчикамъ. Его „Семейство Краенльниковыхъ“ произвело сильное впечатлѣніе своими чисто литературными достоинствами, независимо отъ направленія. Въ „Полярковѣ“ талантъ его обнаружился не менѣе замѣчательнымъ образомъ. По художественному достоинству, этотъ рассказъ останется однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей литературы за настоящій годъ. Людей, которые могутъ писать очень дѣльные и благородные рассказы, довольно много; людей, которые могутъ писать произведенія, отличающіяся чисто литературными достоинствами, также довольно много. Но такихъ, которые бы соединяли значительный литературный талантъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ энергическимъ направленіемъ, какъ г. Печерскій, очень мало. Надобно жалѣть о томъ, что онъ пять или шесть лѣтъ молчалъ, напечатавъ своихъ „Красильниковыхъ“. Если онъ опять вздумаетъ поступить также послѣ „Пояркова“, на немъ будетъ тяжкая вина, которой не проститъ ему никто изъ его почитателей,—онъ долженъ писать. Содержаніе „Пояркова“ мы не рассказываемъ, предполагая, что каждому изъ читателей уже извѣстенъ этотъ превосходный очеркъ служебныхъ дѣлъ и скитскаго быта.

БИБЛИОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Апрѣль 1857.

Сочиненія В. Жуковскаго. Изданіе пятое. Тома X, XI, XII и XIII. Спб. 1857.

Художественное и историческое значеніе поэтическихъ произведеній Жуковскаго давно опредѣлено съ достаточною точностью. Но нельзя того же сказать о двухъ другихъ, не менѣе важныхъ сторонахъ его дѣятельности. Первая изъ этихъ еще мало изслѣдованныхъ сторонъ—вліяніе Жуковскаго, какъ человѣка съ даннымъ настроеніемъ души и образомъ мыслей, на характеръ произведеній нѣкоторыхъ нашихъ замѣчательныхъ писателей, находившихся съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, особенно на Пушкина и на Гоголя, въ послѣдшіе годы ихъ жизни. Четыре дополнительные тома его сочиненій, напечатанные нынѣ по Высочайшему повелѣнію, представляютъ довольно многочисленныя, хотя, конечно, далеко еще не всѣ, матеріалы для точнѣйшаго опредѣленія этой стороны его исторической дѣятельности, и тѣмъ однимъ уже заслуживали бы великаго вниманія, если бы даже и не заключали въ себѣ многихъ поэтическихъ его трудовъ, или не бывшихъ до сихъ поръ напечатанными, или бывшихъ разсѣянными въ старинныхъ журналахъ. Нѣтъ надобности говорить, что каждая строка, написанная такимъ историческимъ дѣятелемъ, какъ Жуковскій, становится драгоценною для современниковъ и потомства, и что „друзья и почитатели В. А. Жуковскаго“, издавшіе эти четыре дополнительные тома, заслуживаютъ величайшей благодарности. Надобно теперь желать того, чтобы въ возможной полнотѣ издана была корреспонденція Жуковскаго и составлена была по возможности полная его біографія. По отношеніямъ его, какъ человѣка, къ дѣятельности другихъ нашихъ поэтовъ и къ историческимъ событіямъ, его жизнь и переписка должны представлять множество фактовъ, драгоценныхъ для исторіи.

Изъ четырехъ изданныхъ нынѣ томовъ первый (десятый полного изданія) заключаетъ посмертныя поэтическія произведенія Жуковскаго. Изъ нихъ нѣкоторыя, --напримѣръ, два отрывка изъ перевода „Иліады“, „Четыре сына Франніи“ и „Царскосельскій лебедь“ уже извѣстны публикѣ, бывши напе-

чатаны въ различныхъ сборникахъ и въ журналахъ. Другія, изъ которыхъ важнѣйшее—отрывокъ поэмы „Агасверъ, вѣчный жидъ“, до сихъ поръ оставались въ рукописи и потому, при обзорѣ десятого тома, наше вниманіе должно сосредоточиться на „Агасверѣ“.

Идея поэмы и художественно-религіозныя достоинства ея отрывка, оставшагося намъ поелѣ смерти Жуковскаго, превосходно изложены въ краткомъ предисловіи къ этому отрывку, подписанному буквами Д. Бл., въ которыхъ читатель угадаетъ имя одного изъ друзей Жуковскаго и сподвижниковъ Сперанскаго. Вотъ это предисловіе:

„Всѣмъ извѣстна, болѣе или менѣе, легенда о странствующемъ вѣчвомъ жидѣ. Вѣроятно, что вначалѣ хотѣли въ немъ оредставить судьбу всѣхъ Евреевъ, не обратившихся въ Христіанство, в, такъ сказать, олицетворить въ одвомъ чловѣкѣ остатки народа Іудейскаго, разсѣявныя по всѣмъ странамъ свѣта, часто гонимыя, невидимому, обреченныя на истребленіе, во ве исчезающіе и сохраняющіе упорно свои особенныя свойства, характеръ, вѣровація и самый виѣнній образъ. Мало по малу сіе аллегорическое первобытное значеніе легенды потерялось: ова обратилась въ обыкновенную сказку, и принесенная въ Европу, какъ кажется, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, переходя изъ усть въ уста, изъ книги въ книгу, была безвредно дополняема, украшаема, илѣ обезображиваема новыми преданіями и выдумками. Въ близкія къ намъ времена и въ наше время странствующій жидъ былъ также предметомъ иногдѣ повѣстей, романовъ и драматическихъ сочиненій. Каждый авторъ поображалъ сіе таинственное Лицо и судьбу его, согласно съ своими видами, съ дѣйствіемъ, которое овъ желалъ произвести на читателей, или зрителей. Вольною частью однаковъ вездѣ сохраняются главныя его черты. Странствующій жидъ не только не умираетъ, но какъ будто и не измѣняется, оставаясь вопреки теченію вѣвовъ, даже вопреки очевидности, тѣмъ же, чѣмъ овъ былъ въ минуту своего преступленія, со всѣми прежними заблужденіями, ненавистью, злобою. Но нашъ незабвенный Жуковскій представляетъ его въ своемъ Агасверѣ совсѣмъ инымъ, преображеннымъ благодатію существомъ. Цѣлію Поэта, основною идеею его творенія, было, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлать родъ апопсоза страданій и несчастій, показавъ, какъ оно благотворно дѣйствуетъ на душу, довольно твердую, чтобы не упасть подъ бременемъ золь, и особливо во зараженную неалечимымъ чувствомъ гордости.

„Все адѣсь на пользу, и радость, и горестъ, хвала живодавицу Зевесу!“ сказалъ Жуковскій въ другой маленькой поэмѣ, и сія мысль, сія истина, благодаря ученію Евангельскому, еще сильнѣе представлена в, такъ сказать, развита въ его Агасверѣ, который нанелъ блаженство въ страданіяхъ, продолжающихся почти два тысячелѣтія. Долго волнуемый самыми буйными, какъ бы воюющими съ небомъ страстями, лишенный всего драгоцѣннаго въ жизни, оставивъ за собой могилы семейства своего, ввувовъ и правнучовъ, онъ повсюду вщеть, оросить, требуетъ смерти; наконецъ увѣряется, что лишенъ и сей послѣдней надежды несчастныхъ, и вдругъ, во глубинѣ бездны отчаянія, онъ озаренъ Вожественнымъ свѣтомъ вѣры. При видѣ умирающихъ святыхъ мучениковъ, взглядомъ любвъ одного изъ нихъ, душа его потрясена, проникнута..... овъ Христіанинъ. И съ тѣхъ поръ его судьба, не переставая для другихъ быть тою-жъ какъ прежде, для него измѣняется совершенно, отъ перемѣны чувствъ сердца. Утвержденный въ вѣрѣ волюбленнымъ ученикомъ Спасителя, онъ позналъ великую соверniająуюся съ нимъ тайну, знаетъ, что произнесенный надъ нимъ грозный приговоръ есть дѣйствіе вѣпостыжнаго милосердія, и хотя, какъ дотолѣ, чуждый всему въ мірѣ и осужденный вѣчно жить въ семъ мірѣ, овъ уже не ненавидитъ, а любитъ его и людей. Самое непрерывающееся воспоминаніе о ужасномъ преступленіи,—участіи въ Вогоублствѣ,—уже не тяготитъ души его, но, терзал, умиляетъ ее. Въ семъ состояніи Агасверъ, въ въ поэмѣ Жуковскаго, является предъ другое, почти столь-же чрезвычайное историческое Лицо, предъ того, который равно изумлялъ вселенную возвышевіемъ своимъ и паденіемъ,—Императора Наполеона I-го. Онъ является въ минуту, когда великій Свѣтъ-элен-

скій узникъ, изнемогая подъ двойнымъ бременемъ своего блистательного прошедшаго и беззадежнаго будущаго, бременемъ уже невыносимымъ для однихъ человѣческихъ силъ, готовъ положить конецъ тоскѣ вѣстѣ съ жизнью. Чѣмъ Агасверъ, какъ должны полагать, удержалъ его отъ самоубійства? Повѣствованіемъ о судьбѣ своей, ни съ тѣмъ несравнимой, описаніемъ бывшихъ и востоящихъ чувствъ своихъ, объясненіемъ, чрезъ собственный разительный примѣръ, загадки вашихъ земныхъ страстей и обязанности продолжать ихъ, обязанности жить. Къ сожалѣнію, сей рассказъ его безъ конца, и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ твореній Жуковскаго остается не довершеннымъ.— Но и въ семъ видѣ, какъ вамъ кажется, оно заслуживаетъ общаго вниманія, особливо по своему нравоучительному и религіозному характеру. О достоинствѣ чисто литературномъ сей возмы мы не будемъ распространяться. Отдаемъ ее сябло на судъ всѣхъ увѣющихъ цѣнить истинно изящное. Замѣтимъ только, что талантъ Жуковскаго, въ семъ послѣднемъ его произведеніи, имѣетъ нѣчто отличное отъ того, чѣмъ мы привыкли цѣнить въ другихъ его сочиненіяхъ. Вѣсть избилующаго образами и сравненіями, шѣвущаго, почти роскошнаго оовитческаго слога, въ Агасверѣ мы находимъ сію строгую, величественную простоту, которую по справедливости называютъ классическою. Стихи его напоминаютъ намъ слова Ривароля о стихахъ Данте: „каждый изъ нихъ, „безъ всякихъ постороннихъ украшеній, держится, такъ сказать, самъ собою, одною „свлою мысли или чувства, и вѣрностію, какъ будто безъискусственно, выражешя“.

Мы не имѣемъ прибавить ничего лучшаго къ словамъ г. Д. Бл. Въ высочайшей степени оригинальна мысль сопоставить Вѣчнаго жидя съ Наполеономъ, котораго отчаяніе долженъ превратить онъ въ покорность Промыслу поучительнымъ рассказомъ о своихъ безконечныхъ страданіяхъ и источникѣ отрады, имъ вкушаемой. Люди, воображавшіе, что Жуковскій, хотѣвшій обыкновенно довольствоваться менѣе блистательною, но не менѣе полезною ролью переводчика поэта, не могъ быть по своей натурѣ оригинальнымъ творцомъ—поэтомъ, въ жой одной концепціи его поэмы увидятъ разительное доказательство того, до какой самобытности могъ возвышаться Жуковскій, если хотѣлъ того. Духъ поэмы—высоко христіанскій, исполненный смиренія передъ путями правосудно карающаго Провидѣнія, непостижимыми гордому уму, но постигаемыми во всей благотворности евоей сердцу, смиренному страдаемъ и просвѣтленному поученіемъ христіанскимъ. Вотъ отрывокъ изъ первой части поэмы, по которому читатели могутъ судить о поэтическихъ красотахъ ея. Наполеонъ, узникъ острова св. Елены, сидитъ на скалѣ, омываемой моремъ; онъ погруженъ въ раздумье о минувшей славѣ и могуществѣ, о долгихъ мучительныхъ годахъ предстоящей ему неволи:

„.....И онъ затрепеталъ,
И всю ему проникло душу отвращенье
Къ себѣ и въ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ омомъ
Смотрѣлъ ва море, и оно его
Къ себѣ, какъ будто, звало и въ нему
Въ своихъ ползущихъ на свалу волнахъ
Безчленивыя руки простирало.
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила.....

Въ этотъ мигъ, его
Глазамъ, вавъ будто изъ земли рожденный,
На западѣ скалы, огромной тѣнью

Отрѣзавшись отъ планетнаго неба,
Явился вѣкто,—и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: „куда, Наполеонъ!“ При этотъ зовѣ,
Какъ околдованный, овъ на краю скалы
Оаѣпенѣлъ: подвѣтая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремля
Глаза, и чувствовалъ, съ какинъ-то отравнынъ
Оттолкновееньемъ всей души, что этотъ
Првшелецъ для него и для всего
Создавѣя чужой; во онъ невольню
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимыаъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ... Къ нему шелъ человекъ,
Въ которояъ все нечеловѣчье было:
Онъ былъ жввой, во жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудвыаъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнвшес, когда-то вдругъ, подобню
Создавыамъ допотопвыамъ, въ камень
Неумирающій и нежявуиий
Преобращеннюе; въ его глазахъ
Девъ виѣшнѣй не сѣлъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сѣянѣя;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылиты; чело его
И щекп. блѣдныаъ какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на-крестъ были
Иарѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжниаъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До плъть недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ бы въ нее
Не упираясь.—Првшелецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Провзительвыаъ очв и сказалъ:
Куда ты шелъ? и гдѣ бѣ ты былъ, когда бѣ
Мой голосъ во-время тебя не вазвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между вами,
И мыслями мѣняться вамъ нельзя.
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Бгъзъ отзыва... Врачемъ твоей души
Хочу я быть, и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала.
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, в бытъ
Не можетъ ва землѣ. Богообидчквъ,
Проклятыю предаанный, лишенный смерти
И съ смертыю жизни, вѣчво по землѣ

Бродить приговоренный и всему
 Зенноу чуждый, памятью о прошломъ
 Терзаемый, и въ области живыхъ живой
 Мертвецъ, ниъ страшный и противный,
 Не именующийъ здѣсь никого
 Своимъ, в, что когда любилъ на свѣтѣ,
 Все пережившій, все похоронившій,
 Все пережить и все похоронить
 Опредѣленный; нѣтъ ниъ ва землѣ
 Ни радости, ни траты, ни надежды;
 День настаетъ, ночь настаетъ—они
 Безъ смѣны для меня; жизнь не проходить,
 Смерть яе приходитъ; измѣненъ нѣтъ
 Ни въ чемъ; передо мвой нѣмая вѣчность,
 Окаменившая живое время;
 И посреди собратій бытія,
 Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
 Любящихъ, иль изъ жизни уводимыхъ
 Упокойтельной рукою смерти,
 На этой братской трапезѣ созданій
 Ниъ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
 Голодный, жаждущій—меня они
 Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
 Въ семь мірѣ не страдалъ; мое жъ страданье
 Для нихъ не былъ, а вымыселъ давнишній,
 Давно разевазавая дѣтямъ сказка.
 Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
 Съ презрѣваемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
 Сюда пришелъ я, чтобъ такой
 Безумной басней надъ тобой ругаться?
 Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
 Васъ, близорукихъ жителей земли.
 Но для тебя моей судьбины тайну
 Я всю вполнѣ открою... Слушай".

Второй дополнительный томъ (XI-й полного изданія) заключаетъ въ себѣ „Посмертныя сочиненія въ прозѣ“. Изъ нихъ, если не ошибаемся, только статьи „О меланхоли въ жизни и въ поэзи“ и „Нѣчто о привидѣншихъ“ были до сихъ поръ напечатаны; остальные въ первый разъ дѣлаются извѣстными публикѣ настоящимъ изданіемъ. Изъ нихъ мы обратимъ вниманіе на тѣ, которыя особенно характеризуютъ Жуковскаго въ послѣднія два десятилѣтія его жизни, когда онъ, какъ человѣкъ, имѣлъ сильное вліяніе сначала на Пушкина, а потомъ еще сильнѣйшее на Гоголя.

„Размышленія и замѣчанія“ — помѣщенные на 1 — 84 страницахъ одиннадцатаго тома—краткія, задушевныя замѣтки о мысляхъ, занимавшихъ умъ и сердце Жуковскаго, какъ человѣка. Въ нихъ онъ бесѣдуетъ съ читателемъ не только какъ наставникъ, но и какъ другъ. Всѣ онѣ внушены настроеніемъ души къ божественному и небесному, всѣ проникнуты христіанскимъ воззрѣніемъ, разматривающимъ каждое явленіе по отношенію его къ идеѣ Всеблагаго и Премудраго Промысла Божественнаго. Всѣхъ этихъ „размышленій и замѣчаній“, напечатанныхъ нынѣ, двадцать-одна статья. Изъ нихъ мы приводимъ вторую и третью, тѣсно связанныя между собою. При

всей своей краткости, овѣ воплѣнѣ могутъ служить высокими образцами благочестивой прозорливости, освѣнявшей душу мудраго старца, просвѣтленнаго непоколебимымъ упованіемъ на Всеблагій Промыселъ Божій.

„Я читалъ въ „Journal des Débats“ описаніе несчастія, случившагося съ ребенкомъ. Овъ прыгалъ съ конны сѣна; внизу въ сѣвѣ торчали вилы; ребенокъ изъ не замѣтилъ, прыгнувъ и наткнулся на вилы, которыя прокололи его внутренность. Спасти его было нельзя, ибо зубца вилъ нельзя было вынуть изъ тѣла, овъ былъ съ заворотомъ ва подобіе острія удочки; ребенокъ былъ долженъ умереть въ жесточайшемъ мученіи.—Какъ изъяснить это ужасное событіе въ смыслѣ провидѣнія? Для ребенка оно положительное зло, безъ всякихъ благихъ послѣдствій: овъ долженъ былъ проработать нѣсколько часовъ, а можетъ быть нѣсколько дней, и все тутъ; я жизнь его, не развитая ничѣмъ человѣческимъ, кончилась вдругъ страдальческимъ перерывомъ. Какъ согласить это съ мыслию, что бѣды житейскія должны быть вамъ въ пользу? Кому здѣсь польза отъ сего страннаго мученія, обратившаго минуты въ годы и постигнаго дуню, не нибѣющую ни силъ для его перенесенія, ни способности для извлеченія изъ него высокой нравственной пользы? Гдѣ же благодѣяніе Промысла? Можно ли обрѣсти ее въ этомъ страданіи, посланномъ безъ видимой цѣли и пользы, и паднемъ на созданіе непорочное, безсильное, не приготовленное ни снести его, ни благословлять въ вемъ Того, Кѣмъ оно послано? Отвѣтъ на все это простой. Мы должны не по событіямъ судить Промыселъ Божій, а событія по Промыслу Божію. Въ однихъ овъ вамъ является во всей своей благодѣи, въ другихъ мы не видимъ своими слѣпыми глазами этой благодѣи. Въ обоихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, мы должны смиряться. Но живой Богъ существуетъ; Овъ дѣйствуетъ самобытно и воплѣнѣ во всякое мгновеніе времени, во всякомъ атомѣ и для вейваго атома въ пространствѣ, дѣйствуетъ безъ раздѣла, воплѣнѣ, всевластно, слѣдовательно во благо—слѣдовательно во всемъ должны мы видѣть благо, не потому, что это благо намъ явно, а потому, что все истекаетъ отъ Бога, и явное благо, называемое нами добромъ, и неявное, которое намъ вьжеться аломъ.

„Счастливы тотъ, кому Господь помилеть рано, я не поздно, тяжнія испытанія. Овъ заранѣе узнаеть свои силы и свое безсиліе; и въ обоихъ случаяхъ окрѣпнеть, научась опытомъ дѣйствовать по волѣ Божіей. Единственное, чему мы должны я чему можемъ въ совершенствѣ здѣсь научиться, есть *добровольное повиновеніе*. Въ этомъ добровольномъ повиновеніи заключается все человѣческое достоинство и вся его свобода. Мы сами вькакого добра себѣ дать и никакого добра творить не можемъ: всякое добро намъ дается; но быть покорными Богу, творцу, источнику и подателю добра, во всякое время (съ блаженнымъ ли чувствомъ любви, или безъ ошущенія сего блаженства, по влеченію ли воли, или противъ влеченія воли), намъ возможно, это *единое наше*. Счастливы тотъ, кого жизнь заранѣе приучала въ покорности, кто въ младшечествѣ получилъ привычку принимать съ благоговѣніемъ волю родителей, я ей предаваться безусловно, кто мало-по-малу могъ понять все благо ея спасительной строгости, и кто изъ дѣтскихъ лѣтъ перенесъ въ юношескія лѣта эту привычку признавать неотрицаемость верховной власти, которая изъ образовательной, приготовительной, отеческой обращается въ спасительную, искупительную, Божію, въ то время, когда овъ вступить на дорогу самостоятельной, дѣятельной жизни, для странныхъ встрѣчъ и тяжелыхъ бореній. И вдвое счастливъ овъ, если эти встрѣчи и боренія начнутся для него въ началѣ дороги, когда еще его силы свѣжи и когда еще не вкоренилось въ вемъ никакихъ предныхъ на счетъ себя самого заблужденій, а не при концѣ ея, когда силы изелкли я когда такъ ужасно, такъ бесполезно вдругъ очнуться изъ заблужденій, столь усыпительно его баловавшихъ во все продолженіе лѣтнвой, никакими тревогами не приводимой въ движеніе, жизни“.

Тѣмъ же духомъ христіанскаго прозорливаго благочестія исполнены и три письма къ Гоголю, начатанныя на 123—176 страницахъ этого тома. Въ первомъ Жуковскій извиняется, что не прислалъ еще обѣщанныхъ за-

мѣчашій на книгу Гоголя,—онъ былъ разстроены близкою сердцу утратою, потому и не могъ писать. Но онъ, говорить, нашель сладкое утѣшеніе въ упованіи на милость Промысла,—и, какъ христіанинъ, уповающій на Проясель, находить причину духовной радости въ томъ, что казалось бы горькимъ ударомъ сердцу, не увѣрленному вѣрою, что мнимыя бѣдствія наши и ближнихъ нашихъ только кажутся бѣдствіями неразумному, но являются источникомъ смиреннаго радованія для мудраго христіанина.

„Пока я сани еще не испытали никакой болѣзненной утраты, мы съ умилевіемъ слушаемъ голосъ Спасителя, исходящій намъ изъ Евангелія, и можемъ мыслию постигать великое значеніе человѣческой жизни. Но когда надъ нами самими совершается ударъ свыше, сколь болѣе дѣлается тогда оонятенъ сердцу этотъ Евангельскій голосъ! Уже не въ листахъ книги мы ищемъ тогда Спасителя, Онъ самъ васъ находитъ, Онъ самъ становится къ намъ лицомъ въ лицу; цѣною бѣдствія покупаемъ мы лицецрѣніе Бога. Но дорога ли эта цѣна въ сравненіи съ тѣмъ сокровищемъ, которое мы за нее приобретаемъ? Все это я прежде дуалъ; теперь я это видѣлъ, и опытъ близваго мнѣ сердца сдѣлался моимъ собственнымъ опытомъ. Я видѣлъ и слышалъ отца въ ту минуту, когда закрылись глаза его любимой дочери, отца Христіанна. Но здѣсь всего простѣе повторить его слова, сказанныя имъ своей семьѣ въ первую минуту горькой утраты: „Великое дѣло милости Божіей надъ нами совершилось; мы своими глазами видѣли, какъ наша милая дочь перешла къ Небесному Отцу своему; она принесла „Ея чистую, ничѣмъ житейскимъ непо тревоженную и съ нимъ примиренную душу. И теперь мы знаемъ, что ей даво все то, чего бы никакою силою нашей любви мы не „могли ни дать, ни сохранить ей въ здѣшней жизни. Мы знаемъ, что это давное на- „всегда ей останется, что превратности жизни для нея миновались, что для нея уже „нѣтъ ничего невѣрнаго: ни страха въ настоящемъ, ни тревоги за будущее. Мы можемъ „только благодарить и славить. И послѣ такого яснаго узнанія милости неизреченной, не „позволимъ себѣ никогда ни пожалѣть, что она отъ насъ взята, ни пожелать, чтобы „она была съ нами. Будемъ смиренны, и чтобы наше горе никогда не пересилило на- „шей теперешней радости, за себя будемъ покорны, за нее радостны и благодарны“.

Во второмъ письмѣ Жуковскій начинаетъ дѣлать обѣщанныя замѣчанія на книгу Гоголя (дѣло идетъ о второмъ изданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ съ извѣстнымъ предисловіемъ и о „Перепискѣ съ друзьями“) и между прочимъ говорить, что напрасно не посовѣтовалъ Гоголю уничтожить „Завѣщаніе“ и передѣлать „предисловіе“.

„Тебѣ вѣрно досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попевалъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они подѣлютъ тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить твое *завѣщаніе* и многое переправить въ твоемъ *предисловіи*. Когда ты мнѣ читалъ то и другое, имѣя тебя самого передъ глазами, я былъ занятъ твоею личностью и, зная, какъ все мною слышанное было искреннимъ выраженіемъ тебя самого, зная, какъ ты далекъ отъ всякаго самохвальства, отъ всякаго смѣшваго санобоготворенія, я находилъ привлекательнымъ то, что послѣ, когда (вмѣсто самого автора) явилась передо мною мертвая печатная книга в воображеніи моему представилась наша читающая публика, сидящая *чьиомъ на креслахъ и стульяхъ* кругомъ чтеца, и въ аррьергардѣ фаланга журналистовъ, вооруженныхъ дреколіенъ порицанія и крючьями придирки, то многое, мнѣ прежде показавшееся столь привлекательно оригинальнымъ, представилось страннымъ и непріятнымъ“.

Но скоро отъ этихъ замѣчаній Жуковскій переходитъ къ благочестивымъ размышленіямъ о силѣ и дѣйствии молитвы, которыя и составляютъ главное содержаніе длиннаго письма. Въ третьемъ письмѣ Жуковскій раз-

суждаетъ о значеніи поэтическаго слова, какъ провозвѣстника мудрости Божіей, и поэтъ, какъ служитель истины, откровенной Богомъ.

Читатели безъ труда видятъ, какъ тѣсно связано направленіе души, господствовавшее у Жуковскаго и выразившееся между прочимъ этими размышленіями и письмами, съ тѣмъ назидательнымъ настроеніемъ души, которое въ послѣднее время жизни обладало Гоголемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бесѣды, письма и совѣты Жуковскаго, который былъ ближайшимъ къ Гоголю человѣкомъ въ долгіе годы, проведенные Гоголемъ за границею, — Жуковскаго, мнѣшія и совѣты котораго Гоголь высоко цѣнилъ уже и потому, что Жуковскій былъ посредникомъ между имъ и высшими сферами жизни, и потому, что Жуковскій заслуженно пользовался высокимъ уваженіемъ отъ всѣхъ, чьими чувствами дорожилъ Гоголь, и потому, наконецъ, что Жуковскій былъ образованнѣе его, — нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что бесѣды, письма и совѣты Жуковскаго имѣли очень сильное участіе въ развитіи созерцательно-христіанскаго направленія, которому продался Гоголь.

Но Жуковскій никогда не дѣлалъ такихъ странныхъ промаховъ, какъ Гоголь, котораго можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, его ученикомъ. Гоголь издалъ книгу, которая привела всѣхъ въ изумленіе, очень неблагопріятное для автора, — Жуковскій при жизни никогда не печаталъ ничего такого, что не было бы встрѣчаемо похвалами. Одною изъ причинъ этой разницы между учителемъ и послѣдователемъ была образованность Жуковскаго, удерживавшая его отъ такихъ выводовъ, которые могли бы не понравиться образованнымъ людямъ. Образованность имѣетъ чрезвычайно благотворное вліяніе на всѣ направленія сердца, — она улучшаетъ хорошее, она дѣлаетъ менѣе дурнымъ дурное. Другая причина разницы, еще болѣе важная, заключалась въ самыхъ темпераментахъ этихъ двухъ людей. Жуковскій, хотя идеалистъ, отличался вообще мигкостью, можно сказать, умѣренностью характера, не допускавшею его ни до какихъ крайностей и неловкостей. Гоголь по натурѣ своей былъ энтузіастъ, не отступавшій ни передъ чѣмъ въ эпоху увлеченія.

Вообще, мы довольно мало знаемъ объ отношеніяхъ замѣчательныхъ людей нашей изящной литературы къ общественнымъ вопросамъ, имѣемъ очень мало свѣдѣній о томъ, какъ смотрѣли они на современныя имъ стремленія; почти единственными матеріалами въ этомъ случаѣ служатъ намъ ихъ поэтическія произведенія, — источникъ односторонній и большею частью скудный, почти всегда недостаточно опредѣлительный, потому что поэтическая форма обыкновенно обобщаетъ и идеализируетъ воззрѣніе. Тѣмъ драгоцѣннѣе становятся сочненія поэтовъ прежняго времени, которыя прямымъ и положительнымъ образомъ знакомятъ насъ съ ихъ образомъ мыслей. Въ XI-мъ томѣ, мы находимъ нѣсколько такихъ статей; изъ нихъ важнѣйшія: „О смертной казни“, „Письмо къ графу Ш. о происшествіяхъ 1848 года“, „Иосифъ Радовицъ, біографическій очеркъ“. Статья „О смертной казни“ показываетъ, какъ хорошо умѣлъ примирять Жуковскій требованія строгаго человѣческаго правосудія съ высшими требованіями христіанской любви. Она полна воззрѣнія величественнаго и обнаруживаетъ замѣчательную силу логики вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ потребностей общественнаго быта. Какъ

прекрасное свидѣтельство того, что идеализмъ и возвышенность чувствъ не мѣшаютъ практической основательности, мы приводимъ ео здѣсь вполнѣ. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что пять или шесть лѣтъ тому назадъ, казнь преступниковъ Маннинговъ въ Лондонѣ подала случай англійскимъ филантропамъ, отличающимся болѣе эксцентричностью, нежели практичностью своихъ идей, съ удвоенною силою возобновить старинныя возраженія противъ смертной казни, возраженія, убѣдившія Императрицу Елисавету Петровну отмѣнить смертную казнь за уголовныя преступления. Жуковскій, какъ глубокой мыслитель, оцѣниваетъ по достоинству эти возраженія и предлагаетъ средство устранить ихъ, не уничтожая смертную казнь, которую признаетъ грустною необходимостью, а измѣняя приличнымъ образомъ способъ ея исполненія:

„Конечно, никто не читалъ безъ ужаса адробнаго описанія казни, совершившейся въ Лондонѣ надъ Маннингани, мужа и женою. По поводу этой казни были самыя отвратительныя сцены разврата и скотства въ безчисленной толпѣ всякаго народа, собравшагося полюбоваться зрѣлищемъ конвульсій, съ какими кончили жизнь на висѣлицѣ злодѣи. Эти сцены подали поводъ некоторымъ филантропамъ для новыхъ декламацийъ противъ смертной казни. И вѣсто того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное *совершенство* казни, начали нападать на самую *казнь*, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, установленный Самимъ Богомъ. Говорить: „смертная казнь бесполезна, ибо она никого *не пугаетъ*, никого не воздерживаетъ отъ злодѣяства, не исправляетъ злодѣя неоткрытаго, а злодѣя осужденнаго лишаетъ возможности исправленія“.—Смертная казнь, какъ *угрожающая* вдали своимъ мечемъ Немезида, вавъ страхъ возможной гибели, какъ *привидѣніе*, преслѣдующее преступника, ужасна своимъ невидимымъ присутствіемъ, и мысль о ней, конечно, воздерживаетъ многихъ отъ злодѣяства. Но *зрѣлище* смертной казни — такое зрѣлище, какимъ обыкновенно забавляютъ (это слово здѣсь у мѣста) праздный народъ, столь жадно ищущій сильныхъ, чувственныхъ потрясеній, отвратительно само по себѣ, безнравственно по своему впечатлѣнію, и не только не исполняетъ своей цѣли, то есть, не ужасаетъ, не остерегаетъ, не пробуждаетъ совѣсти преступника тайнаго и не воздерживаетъ человѣка, способнаго на явное преступленіе, напротивъ, дѣлаетъ, такъ сказать, привлекательною потѣхою ужасъ казни, которая для зрителей получаетъ за внимательность трагедіи, а для казниаго уничтожаетъ спасительное дѣйствіе на душу послѣдней его минуты, заставляя его кокетствовать передъ людьми своею фальшивою веустрашимостію и отвлекая его отъ мысли о Богѣ, передъ судилыще Котораго онъ долженъ явиться такъ скоро. И здѣсь, какъ и во всемъ, причина зла заключается въ отсутствіи *святаго*, то есть, въ отсутствіи того животворнаго элемента, безъ котораго все земное не иное что, какъ минутное, мимоходящее и, наконецъ, совершенно исчезающее физическое явленіе. Эшафотъ, на которомъ совершается смертная казнь, есть мѣсто, гдѣ неумолимо *земное правосудіе* казнятъ преступленіе, а *Божіе милосердіе* принимаетъ въ свое лоно кающуюся душу. Отлучите *последнее* отъ *перваго*, в спасительно-грозный, величественный актъ земной казнящей правды, жертва всенародно приносимая правдѣ небесной, обращается въ отвратительную оргію толпы. Изъ тысячи охотниковъ, сбѣжавшихся на публичный праздникъ казни, конечно не болѣе десяти (я именно такихъ, для которыхъ подобное зрѣлище менѣе нужно, ибо они менѣе другихъ способны на злодѣяства) возвращается съ растроганнымъ сердцемъ, съ высокою мыслию о жизни, правдѣ я смерти, на всѣхъ остальныхъ зрѣлище производить дѣйствіе болѣе или менѣе безнравственное и вредное. И оно не можетъ быть иначе. Что отвратительнѣе этой висѣлицы, на которой нѣсколько минутъ бьется въ конвульсіяхъ живой человѣкъ и на которую глядитъ толпа, съ любопытствомъ ожидая, какъ этотъ живой движущійся сдѣлается мертвецомъ неподвижнымъ. Еще отвратительнѣе французская гильотина: тутъ все поражающее душу исчезаетъ; человѣкъ, созданіе Бо-

жѣ, отдается во власть машины, которая безжалостно, какъ представитель неумоли-
мага, безчувственнаго фатума, рѣжетъ ему голову; нѣсколько палачей, рабовъ машины,
улаживаютъ ея работу въ коробъ, смываютъ съ нея кровь, которой ручья, пробѣгаясь
по каменнѣмъ мостовой, мало-по-малу втекаютъ въ каналы, мѣшаются такъ съ грязью, —
и все кончено; толпа разоидется, и каждый равнодушно принимается за свою ежеднев-
ную работу. Гдѣ въ этихъ зрѣлищахъ святое? Гдѣ тутъ Богъ, Его правда, святыя
власти, Нѣтъ установленной, величіе я сила закона? Все уничтожается матеріальностію
самаго акта, котораго ужасъ производитъ даже какое-то пріятное, чувственное раздра-
женіе, будучи общинѣмъ пиронѣмъ многочисленной толпы. Что же дѣлать, спросите вы?
Уничтожить казнь? Нѣтъ! *Страхъ* казни есть то же въ плѣлокъ народѣ, что *совѣсть*
въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно. Не уничтожайте казни, но дайте ей образъ величе-
ственный, глубоко троганщій и ужащающій душу; удалите отъ ея совершенія все чув-
ственное; дайте этому совершенію характеръ таинства, чтобы при этомъ совершеніи
всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто принадлежащее къ высшему
разряду, а не варварскій убой человѣка, какъ быка на бойнѣ; сдѣлайте, чтобы казнь
была не однимъ механическимъ дѣйствіемъ общественной машины, или просто армее-
тическимъ вычтваніемъ одной цифры изъ общей суммы; сдѣлайте, чтобы казнь была
не однимъ актомъ правосудія *гражданскаго*, но и актомъ любви *Христіанской*;
чтобы она, уничтожая преступника, врага *гражданъ*, возбуждала состраданіе къ
судьбѣ его въ сердцахъ его *братъевъ*, чтобы его земная погибель была общимъ го-
ремъ, чтобы всякій вѣдѣлъ, что неумолимое правосудіе, заботясь о сохраненіи
порядка общественнаго уничтоженіемъ его возмутителя, не менѣе заботится о спасеніи
души осужденнаго; наконецъ, главное, сохраните для вѣчности душу несчастнаго, кото-
раго законъ вашъ убиваетъ во времени, давъ ему возможность взглянуть съ унылені-
емъ въ глаза неизбежной смерти, и помогите смягчиться душѣ его для покорности и
покаянія. Но какъ это сдѣлать? Средство простое. Совершеніе казни не должно быть
зрѣлищемъ публичнымъ; оно должно быть окружено таинственностію страха Божіа. Мѣ-
сто, на которомъ совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпѣ; за стѣ-
ною, окружающее это мѣсто, толпа должна видѣть только крестъ, поднимающійся на
главѣ церкви, воздвигнутой Богу милосердія въ виду человѣческой плахи. Эта непри-
ступность будетъ дѣйствовать на душу зрителя (ничего невидящего, но все воображаю-
щего) гораздо сильнѣе, и въ тоже время гораздо спасительнѣе и нравственнѣе всѣхъ
конвульсій вистѣлицы и криковъ колесованья. Съ той минуты, какъ преступникъ осу-
жденъ и принялъ свой приговоръ съ суда человѣческаго, онъ долженъ считаться при-
надлежащимъ одному суду Божію; его послѣднія минуты, какъ для спасенія души его,
покидающей землю, такъ и для благотворнаго поученія въ землѣ остающимся, должны
быть освящены религіею. Смягчится ли его сердце или нѣтъ—это въ рукѣ Божіей; но
человѣчесскій законъ долженъ оправдать совершаемое имъ человѣкоубійство всѣми за-
ботами о небесной судьбѣ своей земной жертвы; черезъ это и самая казнь получитъ
знаменованіе высокое—праведнаго воздаянія, иначе она не иное что, какъ безжалост-
ное кровопролитіе. Казнь преступника должна возбудить въ ея свидѣтеляхъ не одинъ
страхъ наказанія (котораго впрочемъ она не возбуждаетъ въ своемъ теперешнемъ отвра-
тительномъ видѣ); она должна возбудить всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру,
благоговѣніе передъ правдою, состраданіе, любовь Христіанскую. Разсмотримъ ближе
нашъ предметъ: преступникъ осужденъ на смерть, и день, въ который онъ долженъ
покинуть землю, объявленъ ему; этотъ день возвѣщенъ и народу. Пускай наканунѣ
этого дня призвуютъ Христіанъ на молитву по церквамъ о душѣ умирающаго брата,
пускай на всѣхъ церквахъ слышатся голось Христіанъ, умоляющихъ Бога, чтобы грѣш-
никъ, приступая къ концу своему, съ нимъ примиренный, принялъ смерть съ покая-
ніемъ на очищенію души своей и чтобы милосердіе Божіе не отвергло души его. Та-
кое призваніе на молитву ко вѣчно будетъ сильно и нравственно дѣйствовать, ибо тутъ
молитва не просто богослужебный обрядъ, но и глубоко потрясающее душу пригото-
вленіе къ важному событію, которое должно на другой день совершиться; не можетъ
быть, чтобы ова къмъ нибудь или по крайней мѣрѣ большинствомъ не была услышана,
не была произнесена съ тѣмъ чувствомъ, которое оставляетъ неизгладимые слѣды на

сердцѣ. Между тѣмъ внутри темницы, и позже, на мѣстѣ казни все должно имѣть характеръ примирительно Христіанскій. Осужденный знаетъ, что онъ не будетъ преданъ на поруганіе любопытной толпы, что онъ изъ уединенной темницы перейдетъ черезъ перковь въ уединеніе гроба; эта тревога, столь многими приводящая въ отчаянію и въ самоубійству, не раздражаетъ души его; онъ оставясь на произволъ собственнаго размышленія, которое лучше всего приготовить его къ присутствію Божию на послѣдней исповѣди. Если же онъ и не смягчится въ эти первыя минуты, въ которыя надобно ему вдругъ познакомиться съ непонятною, приводящею въ ужасъ, въ оцѣпенѣніе мысли о скоромъ и неизбежномъ концѣ язвы, то, вѣроятно, при переходѣ отъ тюрьмы къ церкви, гдѣ встрѣтитъ его чаша примиренія, пронзойдетъ въ вѣнь этотъ спасительный, душевный переломъ скорѣе и рѣшительнѣе, нежели въ присутствіи толпы, развлекающей, стыдящей и окаменяющей душу своимъ оскорбительнымъ любопытствомъ; на пути отъ церкви въ мѣсто казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ, выражающимъ молитву о его душѣ, и это пѣніе не прежде умолкнетъ, какъ въ минуту его смерти. И когда это будетъ совершаться внутри ограды, вокругъ которой конечно будутъ собраны толпы народа, двери этой ограды будутъ заперты: изъ-за нее будетъ слышно только одно уноляющее пѣніе. Не будетъ кроваваго зрѣлища для глазъ; не будетъ таинственное, полное страха Божія и состраданія человѣческаго для души. И какое зрѣлище! Никакими глазами не увидишь того, что въ одну такую минуту можетъ показаться душѣ воображеніе. А когда пѣніе вдругъ замолчитъ — что представить себѣ это растроганное воображеніе? И съ какимъ впечатлѣніемъ разоидется толпа, которая видѣла передъ собою наказующую смерть во всей таинственности ея ужаса и не была развлечена никакимъ всенароднымъ представленіемъ, всегда увеселительнымъ, сколь бы оно ни было ужасно? Такой образъ смертной казни будетъ въ одно время и величественнымъ актомъ человѣческаго правосудія в убѣдительно проповѣдь для нравственности варадной“.

Но, какъ человѣкъ образованный и недозволявшій себѣ вдаваться въ крайности, Жуковскій умѣлъ дѣлать уступки въ частныхъ случаяхъ тѣмъ требованіямъ времени, которымъ противиться было бы неблагоприятно по его мнѣнію. Такъ, напримѣръ, въ 1850 году, онъ считалъ нужнымъ для нѣмецкихъ правительствъ сдѣлать нѣкоторые пожертвованія въ пользу германскаго единства, хотя, конечно, это единство было противно его общему убѣжденію о неприкосновенности тѣхъ правъ, часть которыхъ была бы пожертвована для достиженія этого требованія, казавшагося тогда еще непреодолимымъ.

Въ ХН томѣ собраны мелкія стихотворенія и басни, напечатанныя въ разныя времена Жуковскимъ, но не внесенныя имъ въ „Полное собраніе сочиненій“, изданное при жизни. Мы замѣтимъ переводы лирическихъ пьесъ изъ Гете, которые могли бы, намъ кажется, съ честью стоять подлѣ переводовъ, принятыхъ въ „Собраніе“ его сочиненій.

Въ XIII томѣ (четвертомъ дополнительномъ) помѣщены различныя статьи въ прозѣ, напечатанныя Жуковскимъ при жизни, но также не внесенныя имъ въ „Собраніе сочиненій“.

За тѣмъ остаются еще нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго изъ первой поры его дѣятельности (1797 — 1811), которыя поэтъ впоследствии считалъ, повидимому, недостойными своего таланта. Издатели перечисляютъ ихъ въ предисловіи, но не захотѣли внести въ изданные теперь четыре тома. Они общаются сдѣлать это при слѣдующемъ изданіи, которое будетъ расположено ими въ хронологическомъ порядкѣ. Нельзя не согласиться съ ними, что такъ и надлежитъ сдѣлать: самъ Жуковскій могъ цѣнить одни,

могъ не цѣнить другія изъ своихъ произведеній, но исторія литературы должна дорожить каждою строкою, имъ написанною.

Нельзя не радоваться тому, что друзья Жуковского не словами, но п на дѣлѣ чтутъ память своего покойнаго друга, и нельзя не благодарить ихъ за заботливость, съ которою они собирали и издали его произведенія.

Отчетъ правленія одесснаго женскаго благотворительнаго общества за 1856 годъ. *Одесса 1857.*

Одесское женское благотворительное общество располагало въ 1856 году, какъ видимъ изъ его отчета, довольно значительными суммами. При остаткѣ отъ 1855 года въ 6,307 руб. 8 коп., оно имѣло дохода 26,794 руб. 66½ коп., всего до 31,281 руб. 74½ коп. Главными источниками дохода были:

Плата за лавки, принадлежащія обществу	3,004 руб.
Продажа игральныхъ картъ	2,019 —
Пожертвованія денегъ и исковъ	1,879 —
Ежегодный взносъ отъ членовъ общества	969 —
Маскарадный балъ	1,393 —
Пожертвованіе и другіе доходы особеннаго комитета для вспомошествованія бѣднымъ жителямъ Одессы	10,760 — *)

Израсходовано было въ 1856 году 20,852 руб. 27¾ коп. и, судя по отчету, деньги эти были израсходованы не понапрасну, не пропали между рукъ, на канцелярскіе расходы и т. п., какъ то иногда бываетъ съ другими благотворительными обществами. Именно, на эти деньги содержались втеченіе года: сиротскій домъ, въ которомъ 1 января 1856 г. было 90 воспитанницъ, а къ 1 января 1857 года—93 воспитанницы, и кромѣ того, 15 младенцевъ, и домъ призрѣнія престарѣлыхъ, въ которомъ 1 января 1856 г. было 15, а къ 1 января 1857 года — 18 престарѣлыхъ вдовъ и увѣчныхъ дѣвицъ. Кромѣ того, вновь учрежденный комитетъ „Попеченія о бѣдныхъ“, начавшій свои дѣйствія съ 1 ноября 1856 года, втеченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцовъ года оказывалъ пособіе 1,423 семействамъ. именно: хлѣбомъ продовольствовалъ комитетъ всѣ эти семейства, сверхъ того, изъ числа ихъ отоплѣиетъ—410; горячею пищею—69, теплымъ помѣщоніемъ и ночлегомъ—56, теплымъ одѣяньемъ и обувью — 143 семейства; медицинскимъ нособіемъ оказана была помощь 25 семействамъ или лицамъ; отправленьемъ на родину—6, уплатою долговъ за квартиры — 9, временною денежною выдачею—8, помѣщоніемъ въ сиротское заведеніе—4, задѣльною платою—175, подонною работою на участкѣ сиротскаго дома—56 семействамъ или лицамъ.

Эти цифры, особенно для начала, прекрасны; одесскія дамы могутъ гордиться ими. Рѣдкій изъ нашихъ городовъ можетъ выставить такіе отрад-

*) Доходы этого вновь учредившагося комитета составилась изъ пожертвованій (между которыми важѣйшими были: отъ княгини Е. К. Воронцовой 1,466 руб. 53 коп. и отъ неимѣннаго 1,000 р. сер.) и отъ спектаклей въ пользу бѣдныхъ.

вые факты. Дай Богъ, чтобы благое начинаніе возросло и впредь, какъ возросло въ прошедшемъ году.

Мыслью объ этомъ возрастаніи хотимъ мы воспользоваться, чтобы сказать нѣсколько словъ о различныхъ способахъ благотворительности.

Изъ различныхъ способовъ, существующихъ для облегченія нуждъ бѣднаго класса, у насъ въ Россіи употребительны очень многіе. Издавна продки наши славились тѣмъ, что подавали щедрю милостыню нищимъ. Этотъ патріархальный способъ вспомошествованія вышелъ или почти вышелъ изъ употребленія между людьми, живущими на европейскую ногу, но у людей, сохраняющихъ старинные обычаи, удержанъ, можно сказать, во всей силѣ. Тюремные замки наши постоянно снабжаются обильными пожертвованіями съѣстныхъ припасовъ и даже бѣлья, преимущественно отъ купцовъ.—Вмѣсто прямого подаванія по грошу каждому просящему подъ окнами и у дверей, люди высшаго тона устраиваютъ балы, музыкальные вечера, спектакли, лотерея въ пользу бѣдныхъ, какъ на Западѣ, а потомъ раздаютъ оставшіяся за расходомъ праздника деньги въ видѣ единовременныхъ пособій цѣлыми рублями, даже цѣлыми десятками рублей нуждающимся. Существуютъ, наконецъ у насъ въ нѣкоторыхъ (если не ошибаемся, еще немногихъ) городахъ и постоянныя благотворительныя общества, которыя, кромѣ единовременныхъ пособій, или даже пенсій нуждающимся, содержатъ на свой счетъ училища для сиротъ, богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, больницы.

Все это прекрасно, но всего этого еще слишкомъ мало. Благотворительныя общества у насъ еще слишкомъ малочисленны и располагаютъ еще слишкомъ малозначительными средствами.

Притомъ, многія отрасли общественной благотворительности совершенно еще не употребительны. Въ Западной Европѣ поступаютъ не такъ. Тамъ вспоможенія обращаются не только на людей обнищавшихъ и голодныхъ, но также и на то, чтобы предотвращать, по возможности, обнищаніе и голодность Человѣкъ, не дошедшій до нищенства, имѣющій средство добывать своимъ трудомъ хотя сколько нибудь денегъ, не долженъ искать пособій въ родѣ тѣхъ, какія замѣнили старишую милостыню; но онъ часто нуждается столько же, какъ и настоящий нищій, — и общество можетъ облегчить его положеніе весьма значительнымъ образомъ, нисколько не затрогивая его благородной гордости, не принося съ своей стороны почти никакихъ жертвъ для облегченія его участи. Онъ не хочетъ принимать вспоможеній, онъ хочетъ довольствоваться тѣмъ, что пріобрѣтаетъ честными трудами своими,— но общество можетъ очень легкимъ, почти безубыточнымъ для себя образомъ доставить ему средство улучшить свой бытъ, сдѣлавъ экономію въ необходимѣйшихъ его расходахъ.

Въ жизни бѣдняка въ нашемъ климатѣ четыре главные расхода: на квартиру, на отопленіе, на пищу и на платье; бѣдняки южныхъ странъ почти не знаютъ одной изъ этихъ тяжелыхъ статей, меньше чувствуютъ и тяжесть другихъ: имъ гораздо меньше нужно отопленія, имъ нѣтъ такой нужды въ теплой одеждѣ, имъ нѣтъ такой нужды и въ уютной квартирѣ— они гораздо больше времени могутъ проводить на воздухѣ,—имъ наконецъ и пищи нужно меньше, нежели въ нашемъ климатѣ. Все это доказываетъ,

что наши бѣдняки болѣе нуждаются въ заботливости общества, нежели бѣдняки другихъ странъ.

Но ны начали говорить о тѣхъ средствахъ предупрежденія нищеты, которыя, будучи очень употребительны на Западѣ, почти вовсе неизвѣстны у насъ. Мы имѣли при этомъ въ виду дѣйствія благотворительныхъ обществъ, которыя ограничиваются почти исключительно городами, — потому говоримъ о нуждахъ городского населенія.

Кромѣ болѣе или менѣе значительнаго числа людей, рѣшительно не имѣющихъ силы кормиться собственнымъ трудомъ и потому безъ униженія для себя и для общества могущихъ получать прямыя пособія благотворительности, существуетъ другой, гораздо болѣе многочисленный классъ людей, которые имѣютъ силу и охоту добывать пропитаніе собственнымъ трудомъ, но нуждаются не менѣе, нежели настоящіе нищіе. Въ Западной Европѣ это происходитъ отъ такъ называемаго недостатка работы; у насъ, человекъ, желающій найти работу, рѣдко не находитъ ея, но вознагражденіе за мпогія изъ работъ, занимающихъ наибольшее число рукъ, слишкомъ мало для того, чтобы предохранить отъ нужды: доходы такихъ людей не соотвѣтствуютъ расходамъ для безбѣднаго содержанія. Увеличивать ихъ доходы прямыми вспоможеніями было бы унижительно для нихъ и слишкомъ убыточно для общества. Потому общественная заботливость должна избрать себѣ относительно этого класса людей другую цѣль: сокращеніе ихъ расходовъ безъ прямыхъ пожертвованій на то со стороны общества. Эта цѣль достигается очень легко.

Четыре главные статьи расхода у семейства бѣдняковъ, какъ мы видѣли: квартира, отопленіе, пища и одежда. При нашихъ нравахъ, какъ и въ Западной Европѣ, отопленіе, пища и одежда покупаются людьми бѣдными у мелочныхъ торговцевъ, которые незначительность своего торговаго оборота по необходимости вознаграждаютъ высокимъ процентомъ барыша. Притомъ, и у мелочныхъ торговцевъ бѣдняки покупаютъ пужные имъ предметы самыми мелкими количествами—дрова по одному возу, муку—половинами пудовъ, десятками фунтовъ; мясо зимою, когда въ провинціяхъ каждый зажиточный человекъ закупаетъ его на нѣсколько мѣсяцевъ по очень сходнымъ цѣнамъ, также фунтами; точно также покупается и всякая провизія, которая у зажиточныхъ людей заготавливается на круглый годъ, большими дешевыми партіями въ дешевое время года. Точно также приобретается и одежда—покупками на „толкучихъ рынкахъ“ стараго платья, старой обуви, ношеніе которой вообще обходится гораздо убыточнѣе, нежели пошеніе одежды, заготовленной изъ новыхъ матеріаловъ. А когда матеріалы покупаются и новые, то опять-таки у мелочныхъ торговцевъ и мелочными кусками,—то есть по очень дорогой розничной цѣнѣ. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что въ мелочной торговлѣ товары обыкновенно бываютъ дурнаго качества и продаются съ обманомъ и въ качествахъ и въ количествахъ.

Что можетъ сдѣлать общественная заботливость для нуждающагося класса, добывающаго деньги своимъ трудомъ и страдающаго не отъ недостатка работы или силъ и охоты къ работѣ, а отъ несоразмѣрности дохо-

довъ съ расходами? Расходы этого класса на отопленіе, пищу и одежду производятся не экономическимъ образомъ, — общественная заботливость должна доставить этимъ людямъ возможность покупать эти товары и продукты по возможно дешевымъ цѣнамъ, и возможно хорошаго качества, — сдѣлать всточникомъ ихъ продовольствія не мелочную, а оптовую торговлю. Выигрышь того въ расходахъ бѣдняковъ будетъ не менѣе 50⁰/₀, въ многихъ случаяхъ — 100⁰/₀ и болѣе.

Средствъ для достиженія этой цѣли два: то или другое можетъ быть предпочтительно, смотря по мѣстному удобству.

Вотъ первое средство. Общество благотворительности само производитъ оптовыя закупки, и продаетъ закупленные товары по мелочи, но по той цѣнѣ, въ какую обошлись они ему, безъ всякаго убытка, но и безъ всякаго барыша себѣ.

Для того нужно содержать обществу особеннаго агента и устроить собственные магазины.

Но агентомъ этимъ можетъ быть избранъ какой нибудь оптовый торговецъ, разумѣется, достойный довѣрія своєю добросовѣстностью и порядкомъ въ веденіи своихъ дѣлъ. Тогда онъ устроиваетъ мелочную продажу по оптовымъ цѣнамъ при своемъ оптовомъ магазинѣ. Общество заключаетъ съ нимъ контрактъ объ этомъ. Такимъ образомъ общество освобождается отъ всякихъ хлопотъ и затратъ по покупкѣ товаровъ и расходовъ на содержаніе собственныхъ магазинововъ; но само собою разумѣется, что за исполненіемъ контракта оно должно наблюдать неумолимо и чрезвычайно строго. Это второе средство.

При хорошемъ веденіи дѣлъ, выгода, доставляемая такимъ образомъ для бѣдныхъ покупателей, сократитъ расходы бѣднаго класса на покупку отопленія, одежды и пищи по крайней мѣрѣ на 50⁰/₀, а во многихъ случаяхъ и болѣе.

Само собою разумѣется, что, получая чрезъ общество возможность пользоваться выгодами оптовой торговли, бѣдные покупатели не должны быть лишены одного изъ важнѣйшихъ преимуществъ оптоваго покупателя — кредита. Передъ оптовымъ торговцемъ этотъ кредитъ обеспечивается ручательствомъ благотворительнаго общества, заключившаго съ нимъ контрактъ; обществу обеспечивается онъ взаимнымъ ручательствомъ бѣдныхъ, но честныхъ и добропорядочныхъ людей, другъ за друга, — словомъ, дѣло производится вообще по кредитивному обычаю тѣхъ мѣстъ, только приложенному къ единицамъ и десяткамъ рублей, вмѣсто тысячъ рублей. Вообще, опытомъ дознано, что масса бѣдняковъ добросовѣстнѣе въ исполненіи своихъ кредитныхъ обязательствъ, нежели класъ, обыкновенно пользующійся широкимъ кредитомъ. Въ губернскомъ, въ уѣздномъ городѣ, одинъ бѣднякъ занимаетъ у другаго бѣдняка десять рублей — для нихъ эта сумма важнѣе, нежели тысяча рублей для купца или помѣщика средней руки, считающихъ необходимость въ такихъ случаяхъ брать сохранныя записи, векселя и т. д. и увѣренныхъ, что безъ такого документа уплата данной суммы неправдоподобна. Бѣдняки не считаютъ нужными между собою никакихъ расписокъ, ни даже „честныхъ словъ“ — они увѣрены, что уплата будетъ произведена

при первой возможности, и одна физическая невозможность въ состоятъ воспрепятствовать должнику расплатиться.

И такъ, люди недостаточные, по удостовѣреніи членовъ благотворительнаго общества въ томъ, что эти люди имѣютъ право на заботливое общества, получаютъ билеты (на годичный срокъ), дающіе имъ право покупать по таксъ, установленной обществомъ, въ магазинахъ общества. И взаимномъ ручательствѣ такихъ покупателей другъ за друга, общество крываетъ имъ кредитъ въ своихъ магазинахъ. Кредитъ простирается до вѣстной суммы, опредѣляемой съ одной стороны среднею цифрою покупокъ бѣдняка между сроками, въ которые онъ получаетъ свои доходы, и между ежегодными періодами дешевыхъ цѣнъ на товары, съ другой стороны сумму взаимнаго ручательства.

Убытокъ обществу можетъ быть въ этомъ дѣлѣ только одинъ: неуплата по данному кредиту. Если дѣла общества ведутся осмотрительно и безъ добросовѣстнаго патронатства со стороны членовъ своимъ прислужникамъ, убытки эти будутъ совершенно ничтожны.

Чрезвычайно значительное сокращеніе расходовъ нуждающагося класса на отопленіе, пищу и одежду, можетъ быть произведено Благотворительнымъ Обществомъ или безъ всякихъ затратъ (при контрактѣ съ оптовымъ торговцемъ), или съ незначительною затратою капитала, если общество предпочтетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, имѣть свои собственные магазины. Затрата капитала въ 10,000 руб. сер. легко даетъ обществу отъ оптовыхъ торговцевъ кредитъ на 20,000 руб. сер.; если этотъ капиталъ сдѣлаетъ только два оборота въ годъ (предположенію слишкомъ умѣренное, при краткости сроковъ, на которые совершается закупка большей части продаваемыхъ бѣднякамъ товаровъ,—напримѣръ, обуви и платья, муки и т. д.; толимясо можетъ быть заготовляемо въ зимнюю пору на три-четыре мѣсяца, нѣкоторые овощи — свекла, капуста, огурцы — на девять мѣсяцевъ въ концѣ осени, и дрова также на нѣсколько мѣсяцевъ во время прихода ихъ по рѣкѣ и въ пору хорошаго извоза),—то при двухъ оборотахъ въ годъ, общество, затративъ 10,000 руб., которые возвращаютъ безъ утраты въ концѣ года, снабдитъ нуждающійся классъ товарами на 60,000 руб. сер. въ годъ; и такъ какъ при этой покупкѣ покупатели вьгрывають, по крайней мѣрѣ, 50 процентовъ, то экономія въ расходахъ доставляемая нуждающемуся классу, простирается въ годъ, по крайней мѣрѣ до 30,000 руб. сер.,—иначе сказать, Общество, не теряя ничего изъ употребленнаго на это дѣло капитала, доставляетъ косвеннаго ежегоднаго выгоды нуждающемуся классу на сумму въ три раза большую, нежели употребленный капиталъ.

Заботливость облегчить четвертую статью расходовъ нуждающаго класса (квартира) вообще требуетъ для полнаго своего дѣйствія болѣе значительныхъ затратъ, нежели три первыя, хотя также совершенно безъ убыточныхъ затратъ. Но и тутъ могутъ быть случаи, когда улучшеніе бы возможно только одной заботливостью общества, безъ всякихъ затратъ на капиталъ. Есть также способы, въ случаѣ недостатка суммъ для совершения этого дѣла въ полныхъ его размѣрахъ, сдѣлать все-таки очень много и

рошаго бозъ всякъвхъ затратъ, однимъ именемъ и креднтомъ благотвори- тельнаго общества. Мы также кратко взложимъ это дѣло.

Квартиры бѣдняковъ не только гораздо хуже, но, пропорціонально своей величинѣ, и значительно дороже, нежели большія и хорошо устроенныя квартиры людей аажиточныхъ. Относительно Петербурга, это положитель- нымъ образомъ доказано, напримѣръ, въ прекрасной статьѣ г. К. С. Веселовскаго „О недвижимыхъ имуществахъ въ Петербургѣ“ („Отечественныя Записки“ 1848 года, № 3). Въ провинціальныхъ городахъ, эта разница въ невыгуду бѣдняковъ должна быть еще значительнѣе, какъ увидятъ чи- татели. Причины сравнительной дороговизны бѣдныхъ квартиръ двоякаго происхожденія: однѣ соотвѣтствуютъ разницѣ между оптовою и розничною цѣною, другія зависятъ отъ степени довѣрія домохозяина къ нанIMATEлю и отъ отношенія между предложениемъ и запросомъ.

Какъ купецъ охотно дѣлаеть вамъ уступку, если вы берете вмѣсто одного куска матеріи десять кусковъ, и напротивъ прибавляетъ цѣну на каждый аршинъ, если вы вмѣсто цѣлаго куска берете одинъ аршинъ мате- ріи, точно также домохозяинъ охотнѣе соглашается получать большими ку- шами менѣе высшій процентъ отъ большихъ квартиръ. Если мы предполо- жимъ, что у него есть квартира помѣстительностью въ 50 квадратныхъ са- жень, и что ему было пріятно получать за нее по 1,000 р. сер. въ годъ, то по раздѣленіи этой квартиры на 10 мелкихъ квартиръ помѣстительностью по 5 квадратныхъ сажень, онъ не согласится взять за каждую менѣе 120 р., даже при равной обезпеченности платежа отъ нанIMATEлей, — въ первомъ случаѣ, онъ будетъ получать отъ нанIMATEля уплату сотнями ру- блей— „это деньги, такими деньгами можно распорядиться выгоднымъ обра- зомъ, на нихъ можно сдѣлать оборотъ“,—во второмъ случаѣ, онъ получа- етъ деньги нынѣ и завтра, пятками и много если десятками рублей— „ка- кія это деньги? эти деньги не видно какъ сквозь руки пробѣгутъ, выгоды вовсе нѣтъ отъ такого полученія“. Эту невыгуду онъ долженъ вознагра- ждать повышениемъ цѣнъ.

Вотъ уже 20⁰/₀ разницы отъ вліянія одной причины. Но есть и другія, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Мы говорили, что съ большаго дома, раздѣленнаго на мелкія квартиры, домохозяинъ считаетъ необходимымъ по- лучать большій доходъ, нежели отъ такого же дома, раздѣленнаго на боль- нія квартиры. Но этотъ случай, когда бѣдняки живутъ въ большихъ до- махъ, кромѣ Петербурга, въ Россіи очень рѣдокъ. Обыкновенно, въ на- шихъ провинціальныхъ городахъ, бѣдняки живутъ въ маленькихъ доми- кахъ. Въ провинціяхъ господствуетъ такой способъ постройки: большой домъ строится для большой квартиры, для мелкихъ квартиръ строятся ма- ленькіе флигельки и домики. Постройка одного двухъ-этажнаго дома въ 10 сажень длины и 6 сажень ширины, имѣющаго помѣстительность въ 120 квадратныхъ сажень, обходится гораздо дешевле, нежели постройка двадцати одноэтажныхъ домиковъ, каждый въ 3 сажени длины и въ 2 са- жени ширины,—а эти домики всѣ вмѣстѣ имѣютъ также только 120 ква- дратныхъ сажень помѣстительности. И такъ постройка мелкихъ квартиръ обходится домохозяину пропорціонально дороже, нежели постройка большихъ.

Тоже надобно сказать и о ремонтѣ. Новая причина, еще значительнѣе увеличивающая сравнительную дороговизну мелкихъ квартиръ.

Мало того, что постройка жилища для бѣдняка въ нашихъ провинціальныхъ городахъ стоитъ, пропорціонально, дороже хозяину, нежели постройка жилища для важиточнаго нанимателя,—есть домохозяинъ маленькаго домишка находится обыкновенно въ такомъ положеніи, что не можетъ довольствоваться тѣми процентами, какъ хозяинъ большаго дома. Одинъ, два, три маленькіе флигеля, отдаваемые въ наймы, составляютъ обыкновенно все его состояніе, и онъ долженъ, чтобы имѣть возможность какъ нибудь перебиваться, получать съ своего домика или своихъ домиковъ гораздо высшій процентъ, нежели зажиточный владѣлецъ большаго дома. Въ Петербургѣ считается хорошимъ доходомъ, когда домъ приноситъ 8⁰/₀ своей цѣны; въ провинціяхъ, вы можете за 200 руб. купить флигель, который отдается въ годъ за 40 р. сер.—это значитъ, что онъ даетъ 20⁰/₀ дохода.

Конечно, такую высокую цѣну не были-бъ въ состояніи поддержать домохозяева, если бы она не поддерживалась тѣмъ, что требованія на мелкія квартиры всегда гораздо больше, нежели на большія. Въ провинціи, когда очистилась квартира въ 500 р. с., часто въ цѣломъ городѣ не найдется человѣка, который бы искалъ квартиру въ такую цѣну, и она стоитъ пуста не потому только, что хозяинъ не сходится въ цѣнѣ съ нанимателями,—нѣтъ, просто потому, что вовсе нѣтъ нанимателей. Не то съ мелкими квартирами въ 20, 30, 40 р. сер.—тутъ нанимателей десятки и десятки готовы каждый день набивать другъ передъ другомъ цѣну.

Прибавимъ ко всему этому, что зажиточный человѣкъ, нанимающій большую квартиру, всегда кажется домохозяину плательщикомъ болѣе состоятельнымъ и исправнымъ, нежели бѣднякъ, нанимающій маленькую. Не то въ самомъ дѣлѣ, чтобы дѣйствительно первые были аккуратнѣе вторыхъ въ расплатѣ,—о, вовсе нѣтъ, спросите у всѣхъ провинціальныхъ торговцевъ, каково давать въ кредитъ людямъ, живущимъ въ провинціи на широкую ногу, — они въ одинъ голосъ скажутъ, что ихъ приказчики обили всѣ пороги у такихъ людей, навѣщая ихъ для полученія долговъ. Но—но все-таки, человѣку, живущему богато, каждый вѣритъ охотнѣе, нежели бѣдняку, хотя каждый и знаетъ, что бѣднякъ вообще бываетъ вѣрнѣе въ расплатѣ.

Если соединимъ дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ, мы поймемъ какъ причины, почему квартиры бѣдняковъ, сообразно помѣстительности, повсюду вдвое или даже втрое дороже, нежели большія квартиры, такъ и средства устранить это невыгодное для бѣдняковъ различіе.

Самымъ кореннымъ средствомъ для доставленія бѣднякамъ квартиръ, по возможности дешевыхъ, признано построеніе благотворительными обществами большихъ домовъ, раздѣленныхъ на маленькія квартиры для бѣдняковъ. Квартиры эти отдаются по такой цѣнѣ, которая давала бы не болѣе, какъ обыкновенный процентъ съ капитала, платимый вкладчикамъ банковыми учрежденіями. У насъ этотъ процентъ въ настоящее время, какъ извѣстно, 4 на 100. Въ другихъ земляхъ онъ нѣсколько менѣе; за то и

процентъ, доставляемый тамъ отдачею въ наймы квартиръ, менѣе, нежели у насъ, такъ что разницу между этими двумя цифрами у насъ и во Франціи или въ Англіи можно считать за равную; и если въ домахъ, построенныхъ по указанному нами способу, квартиры въ Англіи и Франціи доставляютъ бѣднякамъ за цѣну вдвое и даже втрое меньшую противъ той, какую платятъ они за подобныя квартиры частнымъ домохозяевамъ, то никакъ нельзя ожидать, чтобъ и у насъ пониженіе цѣны квартиръ въ такихъ нарочно устроенныхъ домахъ могло быть менѣе значительно.

При этомъ надобно замѣтить, что въ подобныхъ домахъ, строимыхъ безъ всякой роскоши, со всевозможною экономіею, но прочно, добросовѣстно, съ соблюденіемъ удобствъ, съ хорошими печами и т. д., чего никогда не бываетъ въ мелкихъ квартирахъ у обыкновенныхъ домохозяевъ, здоровье жильцовъ бываетъ гораздо лучше, и на отопленіе хорошо устроенной печи, конечно, требуется несравненно менѣе дровъ, нежели на ту нелѣпо-прожорливую печь, какая вообще бываетъ у насъ въ провинціяхъ (да и въ столицахъ) въ мелкихъ квартирахъ.

Убытка отъ такихъ построекъ строители не терпятъ ни малѣйшаго: капиталъ приноситъ проценты точно такіе же, какъ бы лежалъ въ банкѣ. Но, надобно сказать: капиталы требуются значительные, чтобы постройки имѣли размѣръ, довольно значительный по пропорціи къ бѣдному населенію города. Но трудно достать этотъ капиталъ, потому надобно сказать о средствахъ къ уменьшенію расхода бѣдняковъ на квартиры безъ всякихъ затратъ со стороны благотворительнаго общества, единственно силою заботливости благотворительнаго общества.

При малочисленности нанимателей для самыхъ большихъ домовъ въ провинціальномъ городахъ, благотворительное общество почти всегда можетъ найти вѣсколькихъ домохозяевъ, согласныхъ, по заключеніи съ обществомъ контракта на продолжительное число лѣтъ, передѣлать свои большіе дома на маленьшія квартиры съ удобствами, какихъ обыкновенно не имѣютъ такія квартиры, и съ хорошими печами, и уступать эти дома въ наемъ обществу по цѣнѣ, не превышающей тѣхъ цѣнъ, по какимъ эти дома отдавались богатымъ нанимателямъ. Общество само будетъ уже раздавать квартиры по цѣнѣ, какая опредѣлится раскладкою общей суммы найма по числу и помѣстительности мелкихъ квартиръ. При расчетливомъ со стороны общества наблюденіи за выгодностью заключаемыхъ контрактовъ и исполненіемъ условленныхъ передѣлокъ, оно увидитъ себя въ состояніи отдавать поступившія въ его распоряженіе мелкія квартиры по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ дешевле обыкновенныхъ цѣнъ для квартиръ равной помѣстительности. Кромѣ того, отъ хорошаго устройства печей, которое очень рѣдко встрѣчается въ обыкновенныхъ мелкихъ квартирахъ, жильцы будутъ выигрывать отъ двадцати пяти до пятидесяти процентовъ на отопленіе. При такихъ выгодахъ, квартиры никогда не будутъ оставаться пусты, — напротивъ, на каждую очистившуюся тотчасъ же будутъ являться десятки нанимателей, и затрудненіе можетъ быть лишь въ томъ, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе.

При томъ и другомъ способѣ дѣйствій, если только число квартиръ, находящихся въ распоряженіи общества, будетъ значительно, необходимо

послѣдуетъ значительное пониженіе въ цѣнѣ всѣхъ другихъ мелкихъ квартиръ города; причинъ тому двѣ: съ одной стороны, соперничество дешевыхъ квартиръ общества сбиваютъ цѣну всѣхъ другихъ подобныхъ квартиръ; съ другой стороны, отъ прибыли въ числѣ квартиръ, назначенныхъ для недостаточнаго класса, уменьшается соперничество между бѣдными людьми при наймѣ квартиръ.

Подобнаго дѣйствія необходимо ожидать отъ дѣйствій благотворительнаго общества и отъ учрежденія магазиновъ для розничной продажи по оптовымъ цѣнамъ съ кредитомъ для людей недостаточныхъ. Чтобы сколько нибудь удержать за собою этотъ классъ покупателей, всѣ торговцы, занимающіеся розничною продажей, должны будутъ значительнымъ образомъ сиускать прежнія цѣпы.

Но возвращаясь къ способамъ доставленія денежныхъ квартиръ бѣдному классу. Даже при невозможности производить постройки для этой цѣли на свой счетъ (или, что тоже, покупать по выгодной цѣнѣ большію дома—случаи къ тому часты въ провинціальныхъ городахъ, при малочисленности людей, гоговыхъ на покупки такихъ домовъ,—и потомъ передѣлывать ихъ собственными средствами на мелкія квартиры) и при отсутствіи домовъ, удобныхъ для найма, и домохозяевъ, согласныхъ на отдачу ихъ по контрактамъ, о которыхъ говорено выше, общество все-таки имѣетъ еще возможность доставлять посредствомъ одного своего заступничества людямъ недостаточнымъ квартиры по цѣнѣ, значительно умѣреннѣйшей противъ обыкновенныхъ цѣнъ. Оно, становясь посредникомъ между нанимателемъ и домохозяиномъ, отстраняетъ дѣйствія двухъ изъ числа причинъ, поддерживающихъ эти квартиры въ несоразмѣрно высокой цѣнѣ: во-первыхъ, оно ручается за точную уплату найма со стороны добропорядочнаго бѣдняка (а обществу гарантируется уплата со стороны бѣдняка взаимнымъ ручательствомъ нѣсколькихъ бѣдняковъ)—этимъ удаляется та часть дороговизны, которая имѣетъ причину недовѣріе домохозяина къ бѣдному нанимателю; во-вторыхъ, общество можетъ принимать на себя уплату по годичнымъ срокамъ впередъ всей условленной цѣны, принимая уже на себя получать отъ нанимателя мелкими взносами сумму, впередъ за него уплаченную вдругъ,—этимъ доставляется бѣдняку выгода дисконта (уступки въ требуемой суммѣ, за платежъ денегъ до срока), кромѣ того, удаляется чрезъ это та часть дороговизны, которая зависитъ отъ разницы между полученіемъ денегъ мелкими и болѣе крупными взносами. Такимъ образомъ, даже и при этомъ самомъ ограниченномъ способѣ дѣйствованія, общество доставитъ бѣднымъ людямъ сокращеніе расходовъ на квартиру, по крайней мѣрѣ, въ двадцать-пять процентовъ.

Когда мы сообразимъ всѣ различные способы изложеннаго нами безубыточнаго дѣйствованія благотворительныхъ обществъ,—мы увидимъ, что при возможности располагать значительнымъ капиталомъ съ уплатою за него четырехъ процентовъ кредиторамъ своимъ (если капиталы эти не принадлежать обществу) или съ пріобрѣтеніемъ въ свою кассу тѣхъ же четырехъ процентовъ (если эти капиталы принадлежать обществу),—общество можетъ одною силою капитала и кредита, не теряя ни одной копѣйки, доставить

бѣдному классу сокращеніе на сто процентовъ или даже на сто двадцать-пять процентовъ по всѣмъ четыремъ главнымъ статьямъ расхода бѣдняковъ, именно, по расходамъ на квартиру, отопленіе, одежду и пищу.

Въ обыкновенныхъ уѣздныхъ городахъ средства эти гораздо менѣе значительны, за то и населеніе такихъ городовъ незначительно, и огромныхъ капиталовъ тамъ не нужно, чтобы производить громадное, пропорціонально объему города, дѣйствіе. А большіе, то есть торговые уѣздные города, располагаютъ капиталами, пропорціонально населенію, болѣе значительными, нежели губернскіе города; потому что въ значительныхъ уѣздныхъ городахъ обороты торговли значительнѣе, нежели въ губернскихъ, имѣющихъ равное населеніе.

Но само собою разумѣется, что чѣмъ скромнѣе надежды, тѣмъ онѣ вѣрнѣе. Предположимъ же, что благотворительныя общества не получаютъ въ свое распоряженіе ни одной копейки капитала на ту отрасль дѣятельности, которая указывается примѣромъ подобныхъ учреждений Западной Европы. Все-таки, одно ихъ посредничество можетъ доставить на двадцать-пять процентовъ экономіи нуждающемуся классу горожанъ по четыремъ важнѣйшимъ статьямъ расхода бѣдняковъ.

Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. Статья I. Описаніе Архангельской губерніи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1857.

Покойный Иванъ Ѳедоровичъ Штукенбергъ былъ однимъ изъ неутомимѣйшихъ и почтеннѣйшихъ тружениковъ по русской географіи и статистикѣ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, какъ Миллеръ и Бакмейстеръ, которые должны служить для насъ примѣрами ученой добросовѣстности и трудолюбія. Его „Гидрографія“ капитальное, классическое сочиненіе, какихъ не много написано о Россіи.

Окончивъ свою огромную „Гидрографію“, покойный ученый занялся собираніемъ матеріаловъ для другаго сочиненія, которое было задумано имъ въ объемѣ, еще болѣе обширномъ,—онъ составлялъ „описанію Россіи въ отношеніи къ обилію почвы и ея разработкѣ, къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ“. Государь Императоръ, цѣня ученыя заслуги Штукенберга и важность начатаго имъ труда, благоволилъ пожаловать автору (за годъ до его смерти) добавочное жалованье и средства къ изданію новаго его сочиненія.

Когда И. Ѳ. Штукенбергъ скончался, въ его бумагахъ нашлось уже оконченное описаніе 38 губерній, изъ которыхъ шесть были приготовлены къ выпуску въ свѣтъ.

Сынъ покойнаго, подполковникъ Корпуса Инженеровъ Путей сообщенія, А. Штукенбергъ, прекрасно сдѣлалъ, рѣшившись издать неоконченный сборникъ, о которомъ покойный авторъ справедливо говорилъ, что посредствомъ его мы подвинемся на шагъ впередъ въ познаніи нашего отечества. Было бы грѣшно оставлять неизданнымъ это богатое собраніе фактовъ. Сочиненіе было написано покойнымъ авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ; сынъ издаетъ его въ русскомъ переводѣ.

Желаемъ безостановочнаго продолженія этому изданію, которое оставляетъ далеко за собою все, что было напечатано у насъ въ подобномъ родѣ.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Апрѣль 1857.

Славянофилы и вопросъ объ общинѣ. — „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“, Струкова.

Просимъ гг. читателей и всѣхъ вообще гг. литераторовъ и ученыхъ обратить особенное вниманіе на записку В. И. Ламянскаго „О распространеніи знашій въ Россіи“, напечатанную въ этой книжкѣ „Современника“. Въ рукописи, этотъ проэктъ былъ прочитанъ многими изъ ученыхъ и литераторовъ обѣихъ нашихъ столицъ, и въ каждомъ изъ читавшихъ, основная мысль проэкта возбуждала живое участіе и полное одобреніе, какъ своею вѣрностью, такъ и полезностью.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, по поводу прекрасныхъ статей г. Самарина въ первой книгѣ „Русской Бесѣды“ нынѣшняго года, заговоривъ о томъ, что можетъ быть одобрено въ славянофильствѣ, мы сказали только половину того, что хотѣли сказать. Мы слегка коснулись тѣхъ сторонъ западно-европейской жизни, которыя въ каждомъ благомыслящемъ челоуѣкѣ, какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ, возбуждаютъ скорбное чувство и заставляютъ лучшихъ мыслителей Западной Европы признавать настоящую степень развитія западно-европейской жизни состояніемъ еще чрезвычайно неудовлетворительнымъ. Сотни такихъ сторонъ представляются въ настоящее время западно-европейскою жизнью; изъ нихъ, мы назвали только двѣ—три, и однако же, уже довольно было фактовъ, совершенно оправдывающихъ строгое сужденіе передовыхъ людей Западной Европы о нынѣшнемъ бытѣ ихъ странъ. Мы говорили, что это мнѣніе, раздѣляемое и у насъ всѣми серьезными людьми, составляетъ одну изъ справедливыхъ основъ такъ-называемаго славянофильства, и хотя облекается въ немъ различными произвольными туманами, значительно уменьшающими чистую его справедливость, но ни у кого изъ образованныхъ людей между славянофилами не искажается до того, чтобы эти любимыя туманныя примѣси совершенно искажали его цѣнность для развитія гуманныхъ идей. Мы говорили также, что даже со всѣми этими примѣсами, оно все-таки гуманнѣе и полезнѣе для нашего развитія, нежели мнѣшія многихъ изъ такъ-называемыхъ западниковъ,

именно, всѣхъ тѣхъ, которые воображаютъ, что, напримѣръ, Англія или Франція въ настоящее время — очень счастливыя земли, и, восхищаясь ихъ благоденствіемъ, часто не въ попадѣ превозносятъ именно то, что въ этихъ странахъ очень дурно, — напримѣръ, страшное развитіе искусственныхъ потребностей и роскоши. Этою зловредною мишурою ослѣпляются очень многіе, — и если ужъ выбирать между ними и славянофилами, то, конечно, надобно отдать предпочтеніе славянофиламъ.

Тутъ мы противопоставляемъ славянофиловъ классу людей, хотя и очень многочисленному, но пустому; имѣтъ превосходство надъ нимъ не есть еще особенная заслуга, а качество, необходимо принадлежащее каждому человѣку серьезнаго образа мыслей; и въ славянофилахъ, какъ мы сказали, достоинство этого качества даже уменьшается произвольными фантазіями, въ которыя слишкомъ многіе изъ нихъ облакаютъ здравыя сужденія о недостаткахъ современнаго западно-европейскаго быта, занятія ими изъ западныхъ источниковъ. Особеннаго сочувствія къ нимъ питать тутъ еще не за что: выгодно отличаясь серьезнымъ взглядомъ на западную Европу отъ пустыхъ ея панегиристовъ, они отъ каждаго серьезнаго западника отличаются въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что, къ своей невыгодѣ, вмѣшиваютъ въ серьезный взглядъ много фантазій, которыми навлекаютъ на себя насмѣшки отъ всѣхъ, и негодованіе отъ тѣхъ, которые опасаются, что эти фантазіи могутъ распространиться въ нашемъ обществѣ.

Но, говорили мы въ прошедшій разъ, есть въ славянофильствѣ другая сторона, которая ставитъ славянофиловъ выше многихъ изъ самыхъ серьезныхъ западниковъ. Мы обѣщались поговорить о ней въ нынѣшшій разъ, и постараемся выставить ее какъ можно яснѣе на одномъ стремленіи, которое, появившись на Западѣ, до сихъ поръ остается тамъ теорією; между тѣмъ искони существуетъ у насъ въ сельскомъ бытѣ порядокъ, къ которому ведетъ оно, и благовременное усвоеніе здраваго понятія о немъ съ одной лучшей его стороны (общиннаго пользованія крестьянами землею) составляетъ для насъ дѣло великой важности. Во Франціи вопросъ о новомъ экономическомъ устройствѣ прошелъ уже нѣсколько кризисовъ: кто хочетъ убѣдиться, что тоже совершается и въ Англии, можетъ прочесть — хотя бы „Тяжелыя времена“ Диккенса (романъ этотъ переведенъ и на русский языкъ), если не хочетъ читать монографій о Хартизмѣ. Но въ будущемъ этимъ странамъ предстоятъ еще болѣе продолжительныя, еще болѣе тяжелыя страданія. Отечество наше въ сторонѣ, благодаря нашимъ кореннымъ экономическимъ началамъ, сохраненіе которыхъ необходимо для огражденія нашего національнаго благосостоянія отъ этихъ испытаній.

Обезпеченіе частныхъ правъ отдѣльной личности было существеннымъ содержаніемъ западно-европейской исторіи въ послѣднія столѣтія. Совершеннаго ничего нѣтъ на землѣ, но въ чрезвычайно высокой степени цѣль эта достигнута на Западѣ. Право собственности почти исключительно перешло тамъ въ руки отдѣльнаго лица и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантіями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдѣльнаго лица повсюду освящены и законами и обычаями. Не только англичанинъ, гордый своею личною независимостью, но и нѣмецъ и

французъ можетъ справедливо сказать, что пока не нарушаетъ законовъ, онъ не боится ничего на землѣ, что личность его недоступна никакимъ посягательствамъ *). Но, какъ всякое одностороннее стремленіе, и этотъ идеалъ исключительныхъ правъ отдѣльнаго лица имѣетъ свои невыгоды, которыя стали обнаруживаться чрезвычайно тяжелымъ образомъ, едва онъ приблизился къ осуществленію съ забвешемъ или сокрушеніемъ другихъ не менѣ важныхъ условій человѣческаго счастья, которыя казались несомнѣнны съ его безграничнымъ примѣненіемъ къ дѣлу. Одинаково тяжело для народнаго благоденствія легли эти вредныя слѣдствія на обоихъ великихъ источникахъ народнаго благосостоянія, на земледѣліи и промышленности. Отдѣльный человѣкъ, ставши независимымъ, оставленъ былъ безпомощнымъ. При переходѣ всей почти земли въ собственность частныхъ лицъ, явилось множество людей, не имѣющихъ недвижимой собственности; такимъ образомъ, возникло пролетаріатство. Владѣльцы мелкихъ участковъ, на которые распалась земля во Франціи, не имѣютъ возможности примѣнить къ дѣлу сильнѣйшихъ орудій для улучшенія своихъ полей и увеличенія жатвъ, потому что эти средства требуютъ капиталовъ и примѣнимы только въ большихъ размѣрахъ. Они обременены долгами. Въ Англіи фермеры имѣютъ капиталы, но за то безъ значительнаго капитала невозможно въ Англіи и думать о заведеніи фермы, а люди, имѣющіе значительный запасъ наличныхъ денегъ, всегда немногочисленны пропорціонально массѣ народа, и потому большинство сельскаго населенія въ Англіи — батраки, положеніе которыхъ очень печально. Въ заводско-фабричной промышленности вся выгода сосредоточивается въ рукахъ капиталиста, и на каждого капиталиста приходится сотни работниковъ-пролетаріевъ, существованіе которыхъ бѣдственно. Наконецъ, и земледѣліе и заводско-фабричная промышленность находятся подъ властью безграничнаго соперничества отдѣльныхъ личностей; чѣмъ обширнѣе размѣры производства, тѣмъ дешевле стоимость произведеній, потому большіе капиталисты подавляютъ мелкихъ, которые мало по малу уступаютъ имъ мѣсто переходя въ разрядъ ихъ наемныхъ людей; а соперничествомъ между наемными работниками все болѣе и болѣе понижается заработная плата. Такимъ образомъ, съ одной стороны возникли въ Англіи и Франціи тысячи богачей, съ другой — миліоны бѣдняковъ. По роковому закону безграничнаго соперничества, богатство первыхъ должно все возрастать, сосредоточиваясь все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, а положеніе бѣдняковъ должно становиться все тяжело и тяжеле. Но и въ на-

*) Впрочемъ, почти каждый изъ нашихъ читателей понимаетъ различіе частныхъ правъ отъ государственныхъ. Для избѣжанія всякой возможной ошибки, мы опредѣлимъ здѣсь это различіе. Во Франціи въ нынѣшнемъ вѣкѣ девять разъ измѣнялась форма правленія (консульство, первая имперія, Бурбоны, сто дней, снова Бурбоны, іюльская монархія, республика безъ президента, республика съ президентомъ, вторая имперія) и каждый разъ измѣнялись соотвѣтственно тому государственнымъ или политическія права гражданъ, то есть степень ихъ участія въ государственномъ управленіи и т. д. Но со времени изданія наполеоновыхъ кодексовъ, не измѣнялись частныя права, то есть законы объ отношеніяхъ между отдѣльными гражданами по собственности, по семейному праву и отношенію ихъ къ гражданскому и уголовному суду не измѣнялись ни въ чемъ существенномъ. Гражданскіе и уголовные законы во всей Западной Европѣ имѣютъ гораздо болѣе общаго, нежели государственное устройство.

стоящемъ положеніи дѣлъ такъ противоестественно и тяжело для девяти десятыхъ частей англійскаго и французскаго населенія, что необходимо должны были явиться новыя стремленія, которыми отстранялись бы невыгоды прежняго односторонняго идеала. Подлѣ понятія о правахъ отдѣльной личности возникла идея о союзномъ пользованіи и производствѣ между людьми. Въ земледѣліи оно должно выразиться переходомъ земли въ общинное пользованіе.

Это новое стремленіе къ союзному пользовашию и производству является продолженіемъ, расширеніемъ, дополеніемъ прежняго стремленія къ обезпеченію частныхъ правъ отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, не надобно забывать, что человекъ не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, въ жизни и счастіи котораго матеріальная сторона (экономическій бытъ) имѣетъ великую важность; и что потому, если должны быть для его счастья обезпечены его юридическія права, то не менѣе нужно обезпечить и матеріальной стороны его быта. Даже юридическія права на самомъ дѣлѣ обезпечиваются только исполненіемъ этого послѣдняго условія, потому что человекъ, зависимый въ матеріальныхъ средствахъ существованія, не можетъ быть независимымъ человекомъ на дѣлѣ, хотя бы по буквѣ закона и провозглашалась его независимость.

Но введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ юридическихъ правъ отдѣльной личности. Братья въ соединеніи живутъ гораздо съ большкмъ благосостояніемъ, нежели могли бы жить раздѣлившись, — истина, извѣстная у насъ каждому поселянину („раздѣлъ семьи на отдѣльныя хозяйства разоряетъ семью“ — это знаетъ каждый у насъ), но, живучи вмѣстѣ, каждый изъ братьевъ долженъ жертвовать частью своего полномочія родовому союзу, ограничивать свои капризы, противные общей (и въ томъ числѣ его собственной) пользѣ. Но не легко отказываться хотя бы даже отъ незначительной части того, чѣмъ уже привыкъ пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только долгій горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселяннина.

У французскаго поселяннина одно стремленіе въ жизни — прикупать побольше и побольше земли къ своему участку; у англійскаго фермера одно стремленіе — возвысивъ по возможности доходъ съ своей фермы, забирать и забирать сосѣдніе участки въ наемъ, для увеличенія своей фермы; у его работника одна мечта — сдѣлаться фермеромъ. Для нихъ всѣхъ мысль объ улучшеніи своего состоянія срослась съ мыслью о полной власти надъ землею, которую онъ обрабатываетъ. Нѣсколько иначе, но та же самая мысль о безотчетномъ распоряженіи своею дѣятельностью давно проникла англійскаго и французскаго фабричнаго работника. Для введенія союзнаго производства въ этихъ земляхъ, надобно въ цѣломъ народѣ, огромнѣйшая масса котораго еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и не привыкла къ размы-

плеснѣю о своихъ обычаяхъ, вселить новое убѣжденіе, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобъ оно взяло верхъ надъ обычаями и привычками, которыя чрезвычайно сроднились со всѣмъ образомъ жизни тѣхъ племенъ,—надобно путемъ разумнаго убѣжденія перевоспитать цѣлые народы. Какой гигантскій трудъ для этого требуется — вполне понимаетъ только тотъ, кто перевоспитывалъ себя.

То, что представляется утопіею въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ. Утопіею кажется для французскаго мыслителя необходимое условіе народнаго благоденствія во Франціи, какъ и повсюду—сознательное благоговѣніе народа передъ закономъ и его органами, отъ министерства до поелѣдняго полицейскаго служителя, однимъ своимъ появленіемъ вводящаго въ границы закона безчисленную толпу, разгоряченную политическими страстями,—эта черта быта, кажущаяся утопіею во Франціи, существуетъ въ Англии, какъ народный обычай. Точно такъ, тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго какъ фактъ его народной жизни. У насъ есть землевладѣльцы съ юридическимъ полновлѣстіемъ англійскаго или французскаго землевладѣльца (помѣщики, купцы и разночинцы, купившіе себѣ землю, однодворцы, нѣсколько тысячъ крестьявъ, владѣющія собственною землею),—но они составляютъ, сравнительно съ массою народа, еще очень немногочисленный классъ, понятія котораго о полновластной собственности отдѣльнаго лица надъ землею еще не проникли въ сознаніе массы нашего племени. По праву полновластной собственности обрабатываются у насъ уже милліоны десятинъ (всѣ земли, обрабатываемыя въ пользу людей, не принадлежащихъ къ сельской общинѣ,—именно земли купцовъ землевладѣльцевъ и разночинцевъ-землевладѣльцевъ; участки, оставляемые для собственнаго хозяйства помѣщиками, не могутъ быть причисляемы сюда, потому что и границы и различіе между этими и общинными участками ве одинаковы,—различіе то возникаетъ, то исчезаетъ, смотря по тому, учреждается ли въ селѣ оброкъ, или барщина, да и при барщинѣ разгравиченіе участка помѣщика и участка его крестьянъ измѣнчиво),—но всѣ эти милліоны десятинъ составляютъ еще незначительную, быть можетъ, пятнадцатую, быть можетъ, двадцатую часть въ общей массѣ обрабатываемыхъ земель, которыя или распределяются для обработки или пользованія по общинному началу (почти всѣ земли, воздѣлываемыя на себя помѣщиками и государственными крестьянами, и всѣ земли, воздѣлываемыя на помѣщика барщиною, такъ же какъ и мірскія запашки въ казенныхъ селеніяхъ), или принадлежать государству, т. е. всей націи (оброчныя статьи). Масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіи ими подъ общинною обработкою, такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ, незначительна. Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта. Существовалъ нѣкогда онъ и на Западѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ стра-

нахъ Запада, но утраченъ тамъ въ одностороннемъ стремленіи къ полновластной собственности отдѣльнаго лица.

Мы видимъ, какіи печальныя слѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ. Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависить теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства.

Но того нельзя скрывать отъ себя, что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и нашъ бытъ, доселѣ остававшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ. Скоро и мы, можемъ быть, вовлечемся въ сферу полного дѣйствія закона конкуренціи.

Въ настоящее время мы владѣемъ спасительнымъ учрежденіемъ, въ осуществленіи котораго западныя племена начинаютъ видѣть избавленіе своихъ земледѣльческихъ классовъ отъ бѣдности и бездомности. Но, при новой эпохѣ усиленнаго производства, въ которую вступаетъ Россія, многія изъ прежнихъ экономическихъ отношеній, конечно, измѣнятся сообразно потребностямъ времени. Вообще мы думаемъ, что менѣе всѣхъ подверженъ опасности ошибиться въ расчетахъ тотъ, кто менѣе всѣхъ поддается надеждамъ, что чѣмъ скромнѣе воображать будущность, тѣмъ лучше. Возьмите самую скромную оцѣнку результатовъ начинающагося промышленнаго движенія въ Россіи для близкаго будущаго,—мы готовы для ирочнѣйшей безопасности отъ преувеличенныхъ ожиданій сократить ее еще вдвое, втрое. Черезъ десять лѣтъ мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ тридцать лѣтъ, по самому скромному разсчету, тридцать тысячъ верстъ, мы спустимся на цифру вдвое меньшую,—положимъ, что мы будемъ имѣть черезъ тридцать лѣтъ только пятнадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи. По самому скромному разсчету, сельская цѣна хлѣба въ замосковскихъ губерніяхъ, прорѣзываемыхъ желѣзными дорогами, возрастетъ вдвое,—мы согласны принять, для большей скромности разчета, возвышеніе цѣны только на пятьдесятъ процентовъ. Самые скромные разсчеты предсказываютъ, что черезъ тридцать лѣтъ наша внѣшняя торговля утроится,—мы, вмѣсто двухсотъ процентовъ увеличенія, возьмемъ для большаго осторожности только сто процентовъ, и будемъ полагать, что она только удвоится. Точно также будемъ умѣрять наши надежды и относительно всѣхъ другихъ измѣненій въ нашемъ экономическомъ бытѣ,—будемъ умѣрять ихъ ниже самыхъ осторожныхъ разчетовъ. Все-таки величина измѣненій будетъ очень чувствительна. Удвоеніе капиталовъ, удвоеніе промышленной и торговой дѣятельности втеченіе очень немногихъ лѣтъ, прежде, чѣмъ наши дѣти смѣнятъ насъ,—это слишкомъ скромный разчетъ, а удвоеніе капиталовъ, торговли и производства есть

уже необыкновенно важный переворотъ въ бытъ, и многое въ нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ должно измѣниться вслѣдствіе его. Мы хотимъ всѣмъ этимъ сказать, что при самой величайшей склонности вводить свои ожиданія и предположенія въ самую тѣсную мѣрку нѣтъ возможности не сознаться, что мы живемъ въ эпоху значительныхъ экономическихъ преобразованій.

Достовѣрно, что развитіе экономическаго движенія, занѣтнымъ образомъ начинающееся у насъ пробужденіемъ духа торговой и промышленной предприимчивости, построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіемъ компаній пароходства и т. д., необходимо измѣнить нашъ экономической бытъ, до сихъ поръ довольствовавшійся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею, мы должны будемъ въ матеріальномъ бытъ жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы. До сихъ поръ, семейство нашихъ поселянъ покупало только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и проч., и проч.,—все остальное производилось домашнимъ хозяйствомъ: н сукно, и ткань для женскаго платья и для бѣлья, и обувь, мебель, и самая изба съ печью. Скоро будетъ не то: домашнее сукно смѣнится на поселянинѣ покупнымъ фабричнымъ (мы не знаемъ, будетъ ли онъ покупать фабричное сукно лучшаго сорта, нежели покупаетъ теперь, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что его жена разучится ткать сукно),—льняныя и посконныя ткани домашняго издѣлія смѣнятся хлопчатобумажными (которыя, очень можетъ быть, будутъ не выше ихъ добротой, но все-таки вытѣснятъ ихъ своею дешевизной) и т. д., и т. д. Все это совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершилось только въ большихъ городахъ. Мы говоримъ это только для примѣра, чтобы разяснить мысль о томъ, что неизбѣжны перемѣны въ экономическомъ нашемъ бытъ, не рѣшая того, каковы именно будутъ онѣ. Но каковы бы ни были эти преобразованія, да не дерзномъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоценнымъ наслѣдіемъ,—да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями,—на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы. Ихъ примѣръ да будетъ намъ урокомъ.

Истина медленно распространяется не только въ убѣжденіяхъ массы,—она медленно принимается и учеными. Рутинна сильна. Араго долго отвергалъ и возможность и пользу желѣзныхъ дорогъ. Астрономы и математики отвергали законъ тяготѣнія, врачи—обращеніе крови въ жилахъ, долго послѣ того, какъ эти истины были провозглашены Ньютономъ и Гарвеемъ. Такъ до сихъ поръ большинство экономистовъ привыкло потворять слова, бывшія одностороннимъ девизомъ прежнихъ стремленій: „свобода торговли“,—„свобода труда“,—„свободное установленіе цѣнъ“,—„свобода употребленія капиталовъ“ и т. д., и т. д. Въ большей части экономическихъ сочиненій все еще повторяется, какъ единственная истина, рутинный, односторонній лозунгъ. Принять его намъ было бы вдвойнѣ пагубно: онъ не только помѣшалъ бы вѣрному направленію нашего собственнаго производства,—онъ возбуждалъ бы насъ къ разрушенію благотворнаго учрежденія, завѣщаннаго намъ

нѣками. А многіе изъ нашихъ экономистовъ, не принявъ этого въ соображеніе, или увлекшись тѣми временными и односторонними выгодами, какія принципі безграничной поземельной собственности отдѣльнаго лица обѣщаетъ увеличенію производства, сливкомъ довѣрчиво повторяютъ мнѣнія объ этомъ предметѣ, находясь въ большей части западно-европейскихъ экономическихъ сочиненій. Чтобы не оставить этого общаго сужденія безъ подтвержденій примѣрами и чтобы показать, какія выгоды обѣщаетъ оно, мы обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторые мѣста въ статьѣ г. Струкова „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго ~~сельскаго~~ хозяйства“ („Экономич. Указ.“ № 5, 7, 9 и 10), говорить о достоинствѣ которой мы уже имѣли случай. Однимъ изъ препятствій успѣшному развитію сельскаго хозяйства авторъ считаетъ „общественное пользованіе землями“. Авторъ, по примѣру очень многихъ экономистовъ Западной Европы, находитъ общинное владѣніе землями столь безнадежно вреднымъ, что даже о слабыхъ остаткахъ его во Франціи считаетъ нужнымъ упомянуть непріязненно: „Общественное пользованіе землями, безъ раздѣла на семейные участки (говоритъ онъ), сохранилось еще мѣстами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейскаго материка и особенно восточной Европѣ. Во Франціи и въ Бельгіи, между прочимъ, земли общественнаго пользованія были или естественно неплодныя или истощенныя безпорядочнымъ пользованіемъ, и оставленныя подъ общественный выгонъ и рѣдко подъ пастбища; лучшія земли по различнымъ случаямъ перешли въ частную собственность. Во Франціи насчитываютъ до 1,000,000 гектаровъ городскихъ и сельскихъ общественныхъ земель. Общины не знаютъ, что съ ними дѣлать, ибо никто не хочетъ брать ихъ въ оброкъ, а между тѣмъ общины не имѣютъ права отчуждать ихъ въ частную собственность и должны платить за нихъ поземельную подать. Пользуются же ими только бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ“.

Дѣло выставлено въ очень невыгодномъ видѣ. Кажется, этимъ примѣромъ безвозвратно осуждается общинное владѣніе—общины тяготеютъ своими землями, не анаятъ, что съ ними сдѣлать; но вникнемъ въ подробности этого очерка, и увидимъ, что одна изъ нихъ подрываетъ справедливость другой, и ни одна не относится къ самому принципу общиннаго владѣнія, а развѣ только къ мѣстнымъ злоупотребленіямъ городской и сельской администраціи во Франціи. „Въ общинномъ владѣніи сохранились только земли неплодныя или истощенныя“,—„лучшія земли“, бывшія въ общинномъ владѣніи, „перешли въ частную собственность по разнымъ случаямъ“,— а между тѣмъ законъ воспрещаетъ „отчужденіе общинныхъ земель въ частную собственность“—какъ же могли лучшіе участки быть отчуждены? Ясное дѣло, въ противность закону, злоупотребленіемъ мѣстной администраціи. Можно ли ожидать, чтобы люди, которые нарушаютъ законъ до того, что продаютъ, или отдаютъ то, чего не имѣютъ права отдавать или продавать, хорошо управляли тѣмъ, чего не успѣли противозаконнымъ образомъ промотать? Ясно, что виноваты во всемъ не принципы общиннаго владѣнія, а дурная, злонамѣренная администраціи, которая одинаково погубитъ и частное и общинное владѣніе. Идемъ далѣе, и находимъ новое доказательство тому: „земли эти истощены безпорядочнымъ пользованіемъ“—

ясно ли, въ чемъ дѣло? Не въ общинности, а въ „безпорядкѣ“, который бываетъ и въ частныхъ помѣстьяхъ. Или ужъ въ общинѣ не можетъ быть порядка? „Общины не знаютъ, что дѣлать съ своими землями, ибо никто не хочетъ брать ихъ въ оброкъ“ — это невѣроятно; у насъ землю не такъ дорожатъ, какъ во Франціи, однако же, городскія земли находятъ себѣ нанимателей, а во Франціи не находятъ; это невозможно; вѣрно, тутъ скрываются страшныя злоупотребленія. Вѣрно, люди, которые завѣдуютъ отдачею общинныхъ земель въ наймы, составляютъ фальшивые протоколы о томъ, что нанимателей не явилось, и потому земли остались пусты, — а сами въ тихомолку пользуются ими, — не это ли и есть „безпорядочное пользованіе“. о которомъ говорилось выше? Но не всѣ общинныя ямки предназначены къ отдачѣ въ наймы — нныя „оставлены подъ общественный выгонъ“ — что жъ, эти земли въ тягость общинамъ? — Да, общины „не внаютъ, что съ ними дѣлать“. — Какъ? развѣ никому не приноситъ онѣ пользы? — Нѣтъ, ими „пользуются бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ“ — а, теперь понимаемъ: до бѣднѣйшихъ жителей никому нѣтъ дѣла во Франціи; притомъ же они пользуются выгономъ „безъ всякой платы“ — стало быть. отъ общинныхъ выгоновъ не поступаетъ въ городскую или сельскую кассу доходовъ, которыми распорядились бы по своему люди, завѣдующіе кассою — скажите, какая имъ выгода оттого, что теперь у „бѣднѣйшихъ жителей“ есть возможность содержать какую нибудь корову или козу? Какая польза Парижу отъ того, что тысячи старухъ кормятся, продавал молоко коровъ, которыхъ каждая изъ нихъ содержитъ по одной, благодаря общественному выгону? — Напротивъ, это положительный вредъ. Во-первыхъ, эти коровы дурной породы; у извѣстнаго сельскаго хозяина г. Пурсоньяка коровы даютъ молоко гораздо лучшаго качества; во-вторыхъ, эти старухи сами даромъ бременить землю — пора бы имъ и честь знать, пора бы костямъ на мѣсто. а то онѣ только безобразяютъ парижскія улицы своими лохмотьями, — выгоды и чести отъ нихъ городу нѣтъ ни на сантимъ, а иная, пожалуй, поступить еще на городской счетъ въ богадѣльню, когда у ней падетъ ея дрянная корова, — ну, и содержитъ городъ старую вѣдьму — первое, тутъ прямой убытокъ; второе — увеличивается цифра нищихъ, что непріятно въ статистическихъ таблицахъ. То ли дѣло, еслибъ на мѣстѣ общественнаго выгона построилось пять великолѣпныхъ дачъ, именно дача г. Миреса, дача г. Фульда, дача доктора Верона, дача г-жи Армансъ (вы ее знаете, премилая женщина) и дача г. Мишеля Шевалье, бывшаго сенъ-симониста, а нынѣ, если не ошибаемся, сенатора. Они давно ужъ прискиваютъ подгородныхъ участковъ для дачъ. Проклятый законъ, не позволяющій продать общественнаго выгона!

Факты относительно общиннаго владѣнія излагаются экономистами старой школы пристрастнымъ образомъ, и довѣрчиво принимать составляемыя ими картины значить впадать въ постоянныя ошибки. Мы винимъ въ ошибкахъ, нами указанныхъ, гораздо болѣе тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ г. Струковъ почерпалъ свои свѣдѣнія о французскомъ общинномъ владѣніи, нежели г. Струкова, — конечно, ему не было случая провѣрить на мѣстѣ ихъ показанія; но все-таки онъ могъ бы замѣтить внутреннюю несообразность этихъ

показаній, если бы предостереженъ былъ относительно пристрастнаго взгляда старой экономической школы въ этомъ случаѣ. Онъ провѣрилъ бы ихъ другими источниками, и тогда, вѣроятно, пересталъ бы такъ рѣшительно утверждать, что общинныя земли не приносятъ пользы благосостоянію французскаго народа. Разберемъ же тотъ взглядъ на общинное владѣніе, который слишкомъ довѣрчиво принимается отъ экономистовъ старой школы многими изъ нашихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ г. Струковымъ. Прежде всего посмотримъ, ясно ли понимаютъ они явленіе, противъ котораго возстаютъ, — какъ они опредѣляютъ его?

„Общинное пользованіе (говоритъ г. Струковъ, отчасти со словъ западныхъ экономистовъ старой школы, отчасти по фактамъ русскаго быта) существуетъ преимущественно въ двухъ видахъ: одно, въ которомъ луга и поля раздѣляются ежегодно или въ самые краткіе сроки, съ общаго согласія, по числу наличныхъ и въ томъ числѣ прибылыхъ хозяевъ, равномерно или соответственно повинностямъ и оброкамъ, при чемъ выгоны, пастбища, лѣса и неудобныя земли остаются общими, нѣкоторыя же угодья или выгоны обращаются въ мірскія оброчныя статьи; и другое, въ которомъ, по взаимному согласію или распоряженію собственника, члены общества раздѣляютъ полевыя земли между наличнымъ числомъ хозяевъ на семейныя участки безерочно или на продолжительный срокъ (по участку въ каждомъ полѣ, безъ участія въ полевыхъ земляхъ прибылыхъ хозяевъ), продолжая затѣмъ дѣлить луга ежегодно, пользоваться выгонами и другими удобствами общественно или образовать изъ нѣкоторыхъ угодій и удобствъ оброчныя статьи“.

„Въ обоихъ случаяхъ ни земли правительства, ни земли владѣльцевъ не могутъ переходить въ собственность постороннюю по произволу членовъ общества или самой общины. Даже когда община владѣетъ землею, какъ собственностью, случаи отчужденія, если они не ограничены закономъ, бываютъ весьма рѣдки, завися отъ общаго согласія, которое чаще дается на приобрѣтеніе новыхъ земель и иногда на обмѣнъ старыхъ, нежели на отчужденіе“.

О чемъ тутъ идетъ дѣло? — въ началѣ, очевидно, о способахъ общиннаго пользованія землею; въ концѣ, очевидно, о принципѣ общиннаго владѣнія, — это два понятія совершенно различныя; если они смѣшиваются, доказательства противъ общиннаго владѣнія теряютъ всякую силу; положимъ, что способъ пользованія вещь дуренъ — слѣдуетъ ли изъ того, чтобы вещь была сама по себѣ дурна? Вовсе еще нѣтъ; докажите прежде, что не можетъ быть инаго, лучшаго способа пользованія ею. Положимъ, что доказательства, которыя представитъ г. Струковъ, будутъ рѣшительно доказывать вредъ обоихъ способовъ пользованія, имъ указанныхъ — изъ того слѣдуетъ только, что эти способы должны быть замѣнены другими, лучшими, но ни мало не слѣдуетъ, чтобы самъ принципъ былъ дуренъ. Иначе можно доказывать (и многіе уже доказывали) вредъ просвѣщенія, фабрикъ, машинъ, улучшенныхъ путей сообщенія, мира, благосостоянія, — словомъ, какого угодно благого принципа, потому что каждымъ принципомъ можно дурно пользоваться.

При такомъ смѣшаннн понятій, которое мы нашли въ самомъ опредѣленіи явленія, выставляемаго препятствіемъ къ развитію сельскаго хозяйства, едва ли можно ожидать такихъ возраженій противъ этого явленія, которыя выдержали бы критику. Просмотримъ однако ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они излагаются у г. Струкова.

„Общественная поземельная собственность или общественное поземельное пользованіе—говоритъ онъ—остатки кочеваго состоянія племенъ, когда нѣтъ побуждеій для личной поземельной собственности; при развитіи сельскаго хозяйства и размноженіи населенія, являются въ этомъ порядкѣ дѣль неудобства, заставляющія желать его прекращенія. Но 1) при еще большемъ развитіи населенія и сельскаго хозяйства (когда прилагаются къ нему улучшенные способы производства, когда возникаютъ пароходы, паровозы и усиленная торговля) являются вновь необходимыя причины желать его возвращенія, какъ доказываетъ примѣръ Запада. Итакъ: первый періодъ развитія—удобнѣе общинное пользованіе; второй періодъ—оно имѣетъ свои неудобства; третій, совершеннѣйшій періодъ (въ который вступаетъ Западная Европа), общинное пользованіе вновь становится необходимою. 2) Дѣйствительно ли даже во второмъ періодѣ благія слѣдствія общиннаго пользованія перевѣшиваютъ его невыгодами? Если и согласны, что при развитіи населенія и хозяйства являются не существовавшія прежде удобства па сторонѣ полновластной личной собственности, то исчезаютъ ли всѣ выгоды со стороны общиннаго пользованія? Ни мало. Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи; оно обезпечиваетъ существованіе каждаго отдѣльнаго члена общины, доставляя ему право на землю. Безъ него, большинство населенія лишается недвижимой собственности и замѣняющаго ее права пользованія недвижимою собственностью, а положеніе массы пролетаріевъ всегда бѣдственно, — потому надобно еще взвѣсить, который изъ двухъ порядковъ болѣе благопріятенъ благосостоянію всего общества—степень этого благосостоянія зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Беремъ два участка, каждый въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2,000 человѣкъ населенія. Одинъ раздѣленъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода; каждая десятина даетъ въ общей сложности 20 рублей дохода; изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермера. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ, и десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею. Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ. 5,000×20=100,000 руб.

Общая цѣнность производства на второмъ участкѣ. 5,000×12= 60,000 „

По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обра-

тимся къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемо по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

Участокъ съ фермами:

1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ	$5 \times 5,000$.	25,000	р.
30 семей (фермеры) получаютъ по	$9 \times 5,000 = 45,000$			
или каждая семья по			3,000	"
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ	$6 \times 5,000 =$			
$= 30,000$ или каждая семья по			81	" 25 к.

Участокъ съ общимъ пользованіемъ:

4.000 семей получаютъ $12 \times 5,000 = 60,000$ или
 семья по 150 " — "

Выводъ ясенъ: на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ.

Что кому мило, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе: Мишелю Шевалье усиленіе производства—альфа и омега экономической мудрости; онъ пожелаетъ участокъ съ общиннымъ пользованіемъ обратить въ участокъ съ фермами. Намъ кажется, что это было бы разорительно для огромнаго большинства населенія (для 369 семействъ, служа въ пользу только 31 семейству), потому общинное пользованіе мы считаемъ выгоднымъ для націи сохранить на второмъ участкѣ даже во время того періода, когда оно задерживаетъ успѣхи производства.

Мы сдѣлали старой школѣ экономистовъ уступку, предполагая, что общинное пользованіе дѣйствительно само по себѣ невыгодно для успѣховъ сельскаго хозяйства во второмъ періодѣ, который продолжался для Европы до конца наполеоновскихъ войнъ. Дѣлая эту уступку, мы положили въ своемъ примѣрномъ разчетѣ, что общинное пользованіе само по себѣ значительно уменьшаетъ массу производства. Но дѣйствительно ли это такъ? Надобно внимательнѣе разсмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ такъ велики его невыгоды, какъ увѣряетъ старая школа экономистовъ, въ самомъ ли дѣлѣ эти невыгоды проистекаютъ изъ самого принципа общинности или даже хотя изъ тѣхъ способовъ общиннаго пользованія, которые употребительны у насъ, а не вообще отъ безпорядка и беспочности, — качествъ, равно встрѣчающихся и при пользованіи по принципу полновластной личной собственности. Просматривая статью г. Струкова, каждый не предубѣжденный читатель удивится тому, какимъ образомъ на общинное пользованіе складывается онъ всѣ злоупотребленія, происходящія равно въ тѣхъ участкахъ, пользованіе которыми подчинено принципу исключительной и полновластной личной собственности.

Такъ, наяримѣръ, единственно общинному пользованію ставитъ онъ въ вину истребленіе лѣсовъ (какъ будто землевладѣльцы не рубятъ безъ всякой предусмотрительности лично имъ принадлежащихъ лѣсовъ для чугун-

ныхъ, свекло-сахарныхъ, винокуренныхъ и всякихъ другихъ заводовъ и фабрикъ, не продаютъ ихъ на срубъ, на сидку смолы и т. д., и т. д.) — ему исключительно въ вину ставить онъ деревянныя избы, неопрятность домашней жизни и т. д., и т. д.)—это невѣроятно, и потому приводимъ отрывокъ изъ его діатрибы. Оставалось свалить на общинное пользовашо землю и безграмотность, и суевѣріе, и пьянство, и грубость нравовъ, и всѣ прочіе недостатки, встрѣчаемые въ быту поселянъ. Въ случаѣ нужды, мы ручаемся, что по той же методѣ, какъ у г. Струкова, можно вывести всѣ эти пороки и недостатки не изъ чего иного, какъ именно изъ общиннаго пользования землею; и даже приписать исключительно общинному пользованію землю мозоли на рукахъ, частыя бѣлыя на глазахъ и загорѣлый цвѣтъ щекъ нашихъ поселянъ.

Намъ кажется, что истребленіе лѣсовъ и курныя избы надобно приписать не тому или другому способу пользования, а просто безпечности о будущемъ, непредусмотрительности, привычкѣ къ безпорядочной жизни вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, и что во всемъ этомъ общинное пользованіе столько же виновато, сколько и въ безграмотности нашихъ поселянъ.

И такъ, представляемъ здѣсь два эпизода:

Эпизодъ первый, съ замѣчаніями.

„Общественное пользованіе землями, при обилии свѣжихъ мало-лѣсныхъ и безлѣсныхъ земель, сопровождается, обыкновенно, безпорядочнымъ раздѣленіемъ земель на выгоны, сѣнокосы, пастбища и поля и распашкою лучшихъ участковъ въ разбросъ“. (Но развѣ общинность виновата въ безпорядкѣ? — нѣтъ, самъ авторъ упомянулъ истинную причину: „обиліе земель“—при изобиліи кому охота стѣсняться предусмотрительною экономіею? Кто знаетъ рассказы о порядкѣ земледѣлія лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ нижнихъ поволжскихъ губерніяхъ, знаетъ, что помѣщикъ свои запашки и проч. производилъ въ такой же разбросанности, какъ и община его крестьянъ; когда много земли, кто же не станетъ выбирать для распашки только лучшихъ участковъ? Полновластный собственникъ поступалъ бы и дѣйствительно поступалъ въ втомъ случаѣ точно также, какъ община. Общинное начало столь же виновато въ этой широкой непредусмотрительности, какъ и въ томъ, что не засѣвалось тогда кормовыхъ травъ, когда въ изобиліи находились естественные луга). „Лѣса, если есть, продолжаютъ расти безъ всякаго надзора и нерѣдко служатъ пастбищемъ для скота“. (Когда ихъ изобильно, ихъ не бережетъ ни общинникъ, ни полновластный собственникъ—примѣръ послѣдняго представляетъ исторія лѣсистыхъ странъ Западной Европы въ XVI — XVII столѣтіяхъ). „Въ мѣстахъ, обильныхъ лѣсами, новое заселеніе земледѣльцевъ начинается съ занятія полей и вырубки лѣса для усадебныхъ мѣстъ, потомъ для выгона, и наконецъ для полей, которыя, при различныхъ удобствахъ легчайшей распашки лѣсныхъ дачъ, являются въ разбросъ. Постепенно однако же, съ умноженіемъ народонаселенія, лѣсныя распашки увеличиваются, соединяясь въ общія поля и быстро истребляя лѣсную растительность“. (Да развѣ не точно также

бываетъ и въ лѣсистыхъ областяхъ Америки при ихъ заселеніи по принципу личной полновластной собственности западно-европейскими колонистами въ сѣверо-американцамъ? Лѣсъ въ изобиліи, мѣсть для распашки мало, ну, и рубятъ или жгутъ лѣсъ, который кажется не богатствомъ, а помѣхою богатству). „Въ то же время скоть, пасущійся въ лѣсахъ, съ своей стороны уничтожаетъ древесную поросль и подготавливаетъ окончательное истребленіе лѣса“. (Любопытно было бы узнать, существуютъ ли лѣсныя изгороди въ тѣхъ новозаселяемыхъ лѣсныхъ странахъ Америки, о которыхъ упомянуто выше? И тамъ скоть „гуляетъ по лѣсу, уничтожая“ и проч., хотя тамъ нѣтъ общиннаго пользованія). „Работы, въ томъ и другомъ хозяйствѣ (то есть лѣсномъ и степномъ) производимыя, поглощаютъ много тяжкаго труда; но, къ сожалѣнію, представители этого труда, возбуждаемые только необходимостью обезпечить себя и семейство отъ враждебныхъ вліяній и недостатковъ въ предметахъ первой необходимости“ (а чѣмъ же другинъ возбуждались бы они и безъ общиннаго принципа? или сѣверо-американскій колонистъ трудится для осуществленія теорій Жана Батиста Сэ, а не для обезпеченія себя и своего семейства?) „и не просвѣтленные понятіемъ объ исключительной собственности, не дорожатъ общественною землею“ (— да развѣ потому не дорожатъ, что „не просвѣтлены понятіемъ“ и т. д.? Вѣдь и сѣверо-американскій колонистъ не дорожитъ землею, и часто три четыре раза въ свою жизнь переселяется все на новыя мѣста, хотя и „просвѣтленъ“ и т. д. Не дорожатъ тѣмъ, что находятъ въ избыткѣ,—вотъ и все объясненіе дѣлу, а не общинность или исключительная собственность. Когда не остается избытка въ землѣ при увеличеніи населенія, община дорожитъ ею не меньше, нежели отдѣльный полновластный еобственникъ,—напротивъ, даже гораздо больше,—вѣдь община почти никогда не продаетъ земли, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Струковъ при опредѣленіи понятія общинности, а отдѣльный собственникъ часто и очень таки часто продаетъ ее) „и приучаются къ безпорядочному пользованію“ (опять прежняя исторія; повторимъ и мы: приучаются къ безпорядочному пользованію потому, что не дорожатъ землею по избытку ея, все равно, будутъ ли они общники или полновластные собственники), „не заботятся ни о сохраненіи плодородія земли“ (а полновластный еобственникъ развѣ удобряетъ истощенную землю, когда стоитъ ему перенести плугъ за версту, чтобы найти свѣжую землю?), „ни о порядкѣ въ домашнемъ своемъ быту“ (ну вотъ, и въ безпорядкахъ по домашнему быту виновата общинность) „и въ исправленіи нравственныхъ обязанностей“. (О, да и въ безнравственности тоже! не она ли виновата и въ томъ, что сибирскіе инородцы ѣдятъ или курятъ или ядовитый мухоморъ, а хивинцы и трухменцы разбойничаютъ? Не можетъ баба посуды—виновато общинное пользованіе землями; дѣти у ней ходятъ грязныя — виновато общинное пользованіе землями; подралася она съ мужемъ—виновато,—ну, вы ужъ доскажете сами, читатель: разумѣется все тоже общинное пользованіе землями. Да въ томъ ли только оно виновато?—оно виновато и въ томъ, что у пасъ по селамъ деревянныя избы, а не каменныя. Слушайте:) „Жилыя и хозяйственныя зданія возводятся изъ самыхъ „нецѣнныхъ матеріаловъ“ (да кто же станетъ

строить избу изъ дорогихъ матеріаловъ, когда есть для того дешевые или даровые подъ руками?), „находящихся подъ руками, и“...

и такъ далѣе. Но намъ кажется, что при всей многочисленности тяжкихъ обвиненій, взведенныхъ на общинную собственность г. Струковымъ, списокъ ихъ въ его статьѣ все еще не полонъ, и мы, какъ общались, дополнимъ его по той же методѣ.

Эпизодъ второй, безъ замчаній.

Приученные къ безпорядочной жизни общинамъ пользованіемъ землею, поселяно не имѣютъ привычки мыть рукъ мыломъ и потому часто имѣютъ руки, покрытыя пылью и землей; принужденные общиннымъ пользованіемъ много трудиться, они приобрѣтаютъ на рукахъ мозоли, и трудясь на солнцѣ вслѣдствіе общиннаго пользованія, безъ галстуха и притомъ въ наклонномъ положеніи надъ плугомъ или сохою, чрезъ что задняя часть шеи прямо подвергается дѣйствию палящихъ лучей солнца, они имѣютъ шеи загорѣлыя, а имѣя, вслѣдствіе того же общиннаго пользованія, въ избахъ своихъ ночи изъ нецѣнныхъ матеріаловъ, о чемъ смотри въ концѣ перваго эпизода, именно, печи, сбитыя изъ глины, не удобной для возведенія трубъ и потому безъ трубъ, а также сидя во время полевыхъ работъ у огня, разводимаго вслѣдствіе общиннаго пользованія землею для сваренія кашицы или пустыхъ щей, они постоянно имѣютъ свои глаза подверженными ѣдкому и вредному дѣйствию дыма, отчего и подвергаются особенно часто болѣзнямъ глазъ, какъ-то куриной слѣпотѣ, бѣльмамъ и наконецъ совершенной слѣпотѣ. Во всемъ этомъ очевидно виновато общинное пользованіе землею.

Послѣ этихъ двухъ эпизодовъ, вы согласитесь, читатель, нельзя не сказать вмѣстѣ съ г. Струковымъ, что общинное пользованіе землею есть „зловредная язва“, которая достойна всякихъ проклятій.

И, основываясь на такой логикѣ, рѣшаютъ вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба нашего племени на много поколѣній!

Неужели же пѣтъ въ статьѣ г. Струкова и такихъ возраженій противъ общиннаго пользованія землями, которыя бы хотя сколько нибудь шли къ дѣлу? Есть,—но ихъ очень немного, и мы выберемъ всѣ ихъ изъ массы разеужденій, подобныхъ приведеннымъ выше. Вотъ они:

1) Когда земли настолько истощены, что нуждаются въ удобреніи, то при частомъ передѣлѣ участковъ поселянину нѣтъ охоты удобрять съ особеннымъ стараніемъ участокъ, могущій достаться другому черезъ годъ, черезъ два.—Это относится только къ первому способу пользованія, съ ежегоднымъ передѣломъ, а самъ г. Струковъ указываетъ другой, съ продолжительными сроками. И такъ: гдѣ не нужно еще удобренія, можетъ быть, безъ особенныхъ неудобствъ, ежегодный передѣлъ земли; гдѣ нужно удобреніе, сроки должны быть продолжительны. У насъ еще не Англія, мы не можемъ, при какомъ угодно хозяйствѣ, затрачивать сотни рублей на удобреніе одной десятины. Потому и сроки пользованія не имѣютъ надобности быть столь продолжительными, какъ въ Англіи. Но передѣлъ земли долженъ измѣнять расположеніе участковъ только по мѣрѣ нужды—такъ и дѣ-

ляется тамъ, гдѣ есть удоброніе. При перемежеваніи участка, вынуждаю-
момъ только крайнею необходимостью, община должна вознаграждать за по-
терю прежняго хозяина, если онъ получаетъ участокъ земли менѣ удоброн-
вый, нежели его прежній. Этимъ совершенно устраняется неудобство пере-
дѣла для заботливости поселянина объ увеличеніи плодородія своего участка.

2) При общинномъ пользованіи, не допускающемъ заботливости объ
удобрениі, расширеніе производства возможно только посредствомъ увеличе-
нія запашекъ. — Мы видѣли, что причина легко устраняется; потому и слѣд-
ствие, изъ нея выводимое, устраняется также легко. Улучшеніе земли, а
слѣдовательно и увеличеніе производства безъ увеличешя запашекъ очень
возможно при общинномъ пользоваши.

3) При общинномъ пользованіи, не допускающемъ удобрения, возможна
только трехъ-польная система хозяйства, основанная па отдыхъ земли подъ
паромъ, безъ удобрения. Отвѣтъ тотъ же: удобрение земли возможно, п по-
тому вмѣсто трехъ-польнаго хозяйства возможно плодоперемѣнное.

4) Привыкши подчиняться въ своихъ дѣлахъ общинѣ, поселянинъ от-
выкаетъ отъ самостоятельности, теряютъ личность, теряетъ предприим-
чивость и т. д., и т. д. — Ну, это ужъ вопросъ не сельско-хо-
зяйственный, а нравственно-историческій. Исторія и нравственныя науки го-
ворятъ не то: разъединенность обезививаетъ и деморализируютъ людей, со-
юзъ укрѣпляетъ ихъ нравственныя и умственныя силы и ободряетъ ихъ
волю. Русскій народъ, хотя и не знаетъ ни исторіи, ни психологіи, знаетъ
эту истину изъ ежедневнаго опыта п выразилъ ее поговорками: „одинъ во-
инъ въ полѣ не рать“, „одинъ умъ хорошо, а два лучше“ и „на людяхъ
и смерть красна“.

Неужели только эти возраженія и имѣются въ статьѣ г. Струкова
противъ общиннаго пользованія? Только. И не только другихъ нѣтъ, но и
не можетъ быть. Все, что было говорено объ этомъ у западныхъ эконо-
мистовъ старой школы и ихъ русскихъ послѣдователей, сводится къ двумъ
мыслямъ:

Общинное пользованіе не допускаетъ удобрения и улучшенія земли (на
этой гипотезѣ основапы два другія возраженія г. Струкова).

Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ.

Кромѣ этихъ двухъ избитыхъ и давно опровергнутыхъ мыслей, вы
ничего не найдете сказать противъ принципа общиннаго пользованія землею,
хотя насыпаны по этому поводу цѣлыя горы возраженій экономпстами ста-
рой школы, — всѣ эти горы заключаютъ въ себѣ, кромѣ названныхъ нами
двухъ мыслей, только болѣе или менѣ блестящій, болѣе или менѣ пыль-
ный песокъ праздныхъ словъ, не связанный никакою логикою, и не только
легко отбрасываемый рукою, но разлетающійся отъ одного дуновения.

Изъ двухъ мыслей, понавшихъ въ эти горы фразъ, одна:

„Общинное пользованіе не допускаетъ удобрения и улучшенія зомлп“ —
касается только одного способа общиннаго пользованія съ ежегоднымъ
передѣломъ земли, и ши мало не касается другаго способа — общиннаго поль-
зованія съ продолжительными сроками.

Еще менѣ касается она самаго принципа общиннаго пользованія зе-

млею, допускающаго и третій способъ пользовашія, кромѣ двухъ названныхъ. именно: общинное пользовашіе землею безъ передѣла земли между членами общины.

Наконецъ, принципъ общинной собственности на землю не входитъ даже въ объемъ этой мысли, относящейся единственно къ понятію пользованія, а не къ существенно отличному отъ него понятію собственности.

Не говоримъ уже о томъ, что ей чуждо различіе между понятіями полновластной и ограниченной собственности.

Другая мысль:

„Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ“ —

относится не къ сферѣ экономическихъ, а къ сферѣ нравственно-историческихъ наукъ и рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи и психологіи, доказывающимъ, напротивъ, что въ союзѣ укрѣпляется умъ и воля человѣка.

Мы хвалили и хвалимъ статью г. Струкова, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя говорятъ объ отношеніяхъ общиннаго пользованія землею къ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Потому именно и остановили мы на ней вниманіе, что она хороша. И если эта часть ея, которая говоритъ объ общинномъ пользованіи, не выдерживаетъ критики, вина въ томъ не за г. Струковымъ, а за теорію, которой вздумалъ онъ держаться въ этомъ случаѣ, — за этой односторонней теоріей *laissez faire, laissez passer*, безусловно отдающей человѣка на жертву неразумнымъ принципамъ матеріальнаго производства и воспреещающей ему направлять ихъ дѣйствіе сообразно потребностямъ своей натуры и по законамъ своего разума. Въ частности, г. Струкова наши замѣчанія почти вовсе не касаются, они относятся только къ теоріи, изъ которой слишкомъ довѣрчиво взялъ онъ мнѣнія объ отношеніяхъ общиннаго пользованія къ успѣхамъ сельскаго хозяйства; если въ чемъ можно упрекнуть его, то развѣ въ этой излишней довѣрчивости въ мнѣніяхъ, которыя провозглашены многими авторитетами политической экономіи. Эти мнѣнія общи всей старой школѣ экономистовъ, и мы хотимъ предполагать, что эта излишняя довѣрчивость была дѣломъ случайнымъ со стороны г. Струкова, и источникомъ ея было только то, что онъ не имѣлъ случая вникнуть въ основанія системы, которой держится старая школа.

Но есть у насъ много людей, которые сознательно держатся основаній этой системы и девизъ ея: *laissez faire, laissez passer*, считаютъ верховною, непреложною истиною экономической науки. Нашъ „Экономическій Указатель“ объявляетъ себя приверженцемъ этой школы. Не всѣ статьи журнала написаны въ ея исключительномъ духѣ, — о, далеко не всѣ, — но общее направлеше журнала таково. Обыкновенно, послѣдователи системы *laissez faire, laissez passer*, бываютъ противниками общиннаго начала. Мы желали бы знать, что думаютъ о немъ „Экономическій Указатель“, и потому просимъ его или признать справедливыми или опровергнуть научнымъ образомъ слѣдующія положенія, составляющія сущность вышеизложенныхъ замѣчаній.

1) Принципъ общиннаго пользовашія землею самъ по себѣ не можетъ быть признакъ носовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.

2) Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства и желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества.

3) Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.

4) Даже и въ предниествующее время, когда при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія, дѣйствія закона безграничной конкуренціи не были бы еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.

5) Потому и въ настоящее время благо государства, тождественное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землею.

6) Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ, отъ общины, прежняго обработывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины.

Послѣднее положеніе въ сущности является только развитіемъ перваго, и такимъ образомъ весь рядъ положеній представляется одною цѣльною системою, жизненное значеніе которой сосредоточивается въ пятомъ положеніи. Мы согласны признать всю систему опровергнутою, если будетъ научными доказательствами опровергнуто хотя одно изъ составляющихъ ее положеній.

Вопросъ такъ важенъ, что „Экономическій Указатель“, служащій теперь главнымъ органомъ распространенія у насъ политико-экономическихъ понятій, долженъ опредѣлительно высказать свое мнѣніе. Повторять, кстати и не кстати, выходки противъ общиннаго начала, давно опровергнутыя наукою, легко. Но такой методъ несправедливъ и не ведетъ ни къ чему полезному. Кто хочетъ сказать, что принципъ общиннаго пользованія землями долженъ быть брошенъ нами, какъ невыгодный для государственнаго благосостоянія, тотъ долженъ серьезными научными доводами доказать, что ви при какомъ способѣ общинный принципъ не можетъ быть полезнѣйшимъ для государственнаго благосостоянія. Кто не можетъ доказать этого, тотъ не имѣетъ научнаго права говорить противъ общиннаго принципа пользованія землею. И потому, молчаніе со стороны „Экономическаго Указателя“ мы должны будемъ принять или какъ выраженіе согласія съ высказаннымъ нами убѣжденіемъ относительно общиннаго пользованія землями, или какъ слѣдствіе безсилія опровергнуть научнымъ образомъ это убѣжденіе.

Читатель видитъ, что мы предлагаемъ людямъ, думающимъ по оди-

наково съ нами объ общинномъ принципѣ, или признаться въ своемъ безсиліи опровергнуть убѣжденіе, которое, намъ кажется, неоспоримо доказано наукою экономическаго быта, или начать пренія, канія постоянно ведутся въ Западной Европѣ. Читатель видитъ, что въ этомъ преніи мы уступаемъ всѣ выгоды тѣмъ, которымъ предлагаемъ преніе. Мы первые выставяемъ положенія, кажушіяся намъ справедливыми, и предлагаемъ опровергнуть ихъ, — такимъ образомъ, мы становимся въ положенію оборонительное, которое вообще признается менѣе выгоднымъ, нежели наступательное. Мало того: мы такъ убѣждены въ непоколебимости научной истины, нами защищаемой, что согласны признать себя побѣжденными не только въ томъ случаѣ, когда будутъ опровергнуты всѣ основанія, на которыхъ опирается она, но даже если будетъ опровергнуто хотя одно изъ этихъ основаній. Всѣ возможныя выгоды пренія предоставляются нами противникамъ общиннаго пользованія землею, — и если при такихъ выгодахъ они откажутся принять предлагаемое преніе или не выдержатъ его, это будетъ очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ безмѣрной слабости паучныхъ возраженій противъ общиннаго начала, и равно очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ научной непоколебимости его.

Но мы забыли о славянофилахъ, съ которыхъ начали рѣчь?—Напротивъ, теперь именно и дѣлается понятнымъ то, почему они заслуживаютъ симпатіи отъ людей, умѣющихъ ставить существенно важные вопросы жизни выше мелкихъ несогласій въ отвлеченныхъ теоріяхъ о Востокѣ и Западѣ. Мы старались представить во всей ого важности одинъ изъ такихъ вопросовъ, стоящихъ выше мелочныхъ, или туманныхъ пунктовъ раздѣленія между славянофилами и неславянофилами. И если теперь мы скажемъ, что объ этомъ вопросѣ славянофилы, какъ намъ кажется, думаютъ основательнѣе, нежели большая часть людей, готовыхъ подсмѣиваться надъ промахами и пристрастіями славянофиловъ, то, конечно, читатели легко объяснятъ себѣ, почему мы, несмотря на частые промахи нѣкоторыхъ оя послѣдователей. — промахи, осуждаемые нами не менѣе, нежели кѣмъ нибудь другимъ, — несмотря на всѣ теоретическія заблужденія очень многихъ послѣдователей этой партіи, — заблужденія, несостоятельность которыхъ чувствительна для насъ не менѣе, нежели для кого нибудь другаго, — все-таки продолжаемъ считать эту дѣятельность полезною для нашего общества. Возвращаемся же къ вопросу, выставленному нами въ примѣръ превосходства, какое, по существеннымъ для жизни стремленіямъ, славянофилы имѣютъ надъ многими изъ тѣхъ людей, которыхъ имъ угодно сливать въ одну партію западникоу. хотя между этими людьми нѣтъ ровно ничего общаго, кромѣ недовольства спеціально славянофильскими особенностями.

Важность распространенія здравыхъ понятій о вопросѣ, касательно необходимости для національнаго благосостоянія сохранить господствующее у насъ общинное пользованіе землею, чрезвычайно велика. Но примѣръ западнаго населенія, бѣдствующаго отъ утраты этого принципа, не имѣетъ надъ большинствомъ нашихъ экономистовъ такой силы, какъ лишенная всякихъ дѣльныхъ основаній изрѣченія тѣхъ политико-экономическихъ авторитетовъ, которыхъ они привыкли держаться. Славянофилы въ этомъ случаѣ

не таковы. Они знают смысл урока, представляемого намъ участіемъ англійскихъ и французскихъ земледѣльцевъ, и хотятъ, чтобы мы воспользовались этимъ урокомъ. Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благодѣствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ, они высоко стоятъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣждошія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду односторонняго увлеченія частными правами отдѣльной личности, и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоценнаго обычая, какъ несомвѣстнаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукою и опытомъ западно-европейскихъ народовъ. Всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія—славянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться непркосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ.

Мы представили одинъ примѣръ превосходства славянофиловъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ. Число этихъ примѣровъ легко было бы умножить еще тремя, четырьмя очень важными. Но довольно и одного, по нашему мнѣнію, важнѣйшаго, который указали мы, чтобы съ уваженіемъ смотрѣть на нихъ, какъ на дѣятелей полезныхъ.

Читатели, зная нашъ образъ мыслей, не могутъ, конечно, предполагать въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсамъ славянофильской системы, которая находится въ противорѣчьи и съ идеями, выработанными современною наукою, и съ характеромъ нашего племени. Но мы повторяемъ, что выше этихъ заблужденій есть въ славянофильствѣ элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія. И если уже должно дѣлать выборъ, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицаніе современныхъ убѣждошія, которое часто прикрывается эгидою вѣрности западной цивилизаціи, причемъ подъ западною цивилизаціею понимаются чаще всего системы, уже отвергнутыя западною наукою, и факты, наиболѣе прискорбные въ западной дѣйствительности,—не говоря ужъ о замѣненіи общинной земельной собственности полновластною, личною.

Говоря о славянофилахъ, необходимо вспомнить, что въ Москвѣ явилась новая еженедѣльная газета „Молва“, которая, какъ съ перваго взгляда видно, дѣйствительно есть органъ славянофиловъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части ихъ. Мы прочли до сихъ поръ три нумера этой газеты и желаемъ, чтобы слѣдующіе были лучше, чего и хотимъ надѣяться. Больше сказать о „Молвѣ“ пока нечего; развѣ, какъ одно изъ необходимыхъ условій улучшенія, замѣтить ей, что защищать дѣла, безвозвратно проигранныя, бесполезно, а если проигранное дѣло было притомъ еще дурно, то защищать его не только бесполезно, но и вредно для собственной доброй славы. Дѣло г. В. Григорьева, написавшаго дурныя статьи о покойномъ Грановскомъ, было дурно; г. В. Григорьевъ былъ недавно наказанъ за то въ № 6-мъ „Русскаго Вѣстника“. Наказаніе это жестоко, но совершенно справедливо. Защитить г. Григорьева никакимъ образомъ нельзя. А „Молва“ нрбуетъ защищать его. Это совершенно напрасное самопожертвованіе. Но

что же дѣлать славянофиламъ послѣ жестокаго урока, даннаго имъ за г. В. Григорьева? Остерегаться впредь помѣщеніи статей, заслуживающихъ такіе жестокіе уроки. „Надобно быть осторожнѣе въ выборѣ друзей“— кромѣ этой мудрой сентенціи, славянофилы не могутъ ничего извлечь изъ дѣла о г. В. Григорьевѣ. Мы опасаемся, что защищеніе дѣла г. И. Крылова столь же напрасно.

КРИТИКА.

Губернскіе очерки. Изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника *Щедрина*. Собралъ и издалъ *М. Е. Салтыковъ*. Два тона. Москва. 1857.

Давно уже не являлось въ русской литературѣ разказовъ, которые возбуждали бы такой общій интересъ, какъ „Губернскіе очерки“ Щедрина, изданные г. Салтыковымъ. Главная причина громаднаго успѣха этихъ разказовъ очевидна каждому. Въ нихъ очень много правды,—очевъ живой и очень важной.

Мы не будемъ говорить и о томъ, какъ много чести приносить русскому обществу то, что правда принята имъ съ такимъ одобреніемъ и участіемъ. Не будемъ говорить и о томъ, какъ отрадно каждому, любящему свое отечество, это общее чувство, служащее свидѣтельствомъ господства честной мысли въ нашемъ обществѣ. Это понимается каждымъ.

Но будемъ много говорить и о томъ замѣчательномъ обстоятельстве, что правда, высказываемая надворнымъ совѣтникомъ Щедринымъ, правда, часто очень горькая, не вызвала со стороны немногихъ, которымъ она должна быть непріятна, тѣхъ ожесточенныхъ нападеній, какими двадцать и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ встрѣчены были „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“. Значить, не даромъ прошелъ для насъ опытъ жизни; значить, или исчезли, или чувствуютъ себя нынѣ безсильными люди, которые осмѣливались говорить, что правда можетъ быть вредна. Это ослабленіе голосовъ, враждебныхъ правдѣ, не есть обстоятельство случайное, обнаружившееся только въ послѣдшіе годы, не есть явленіе непрочное по своей случайности: годъ за годомъ можно слѣдить, какъ уменьшалась сила и самодѣятельность литературныхъ аристарховъ, находившихъ выгоднѣйшимъ для себя поддерживать незнашіе. Кромѣ друзей Пушкина, представителемъ которыхъ въ критикѣ былъ князь Вяземскій, и нѣсколькихъ молодыхъ людей, писавшихъ въ „Телескопѣ“, всѣ журналы негодовали на „Ревизора“. Черезъ пять лѣтъ пользовался уже безспорнымъ превосходствомъ въ мнѣніи публики тотъ журналъ, который съ восторгомъ встрѣтилъ „Мертвыя Души“. Но большинство нашей журналистики снова осудило Гоголя. Прошло еще пять лѣтъ, и не только большинство публики, но уже и большинство литераторовъ крѣпко стояло за г. Тургенева, когда овъ печаталъ „Бурмистра“, „Контору“, „Малиновую воду“, „Бирюка“ и проч. Но все еще очень многіе и очень

громкіе голоса возставали противъ разсказовъ г. Тургенева. Топерь, если кто хотѣлъ, то никто не рѣшился сказать что нибудь противъ духа правды, оживляющаго „Очерки“ г. Щедрина. Когда десять лѣтъ тому назадъ была напечатана „Деревня“ г. Григоровича, сколькимъ упрекамъ подвергся авторъ! Но уже очень немногіе рѣшились выразить свое недовольство его „Рыбаками“, которые явились черезъ семь лѣтъ послѣ того, а когда еще черезъ три года, въ прошедшемъ году, онъ написалъ „Переселенцевъ“, никто не отважился и сказать, что не слѣдуетъ писать о переселенцахъ или можно писать иначе. Этихъ примѣровъ довольно, чтобы засвидѣтельствовать постепенное усиленіе той стороны въ нашемъ обществѣ и между нашими писателями, которая хочетъ правды, и постепенное изнеможеніе тѣхъ людей, которымъ противна правда. Кому интересно, тотъ можетъ, припоминая сужденія публики журналовъ о каждомъ замѣчательномъ явленіи нашей беллетристики, прослѣдить, какъ съ каждымъ новымъ годомъ возростало убѣжденіе въ необходимости истины.

Мы только упоминаемъ объ этомъ замѣчательномъ фактѣ, но не оставиваемъ на немъ, потому что въ настоящее время онъ очевиденъ для cadaго. Безполезно доказывать то, въ чемъ никто не сомнѣвается.

Но если для всѣхъ уже очевидно теперь, что необходимо для насъ знать о себѣ правду, если большинство, одобряющее писателей, выказывающихъ ее, такъ огромно, что бывшіе противники ея или сознаются въ томъ, что прежняя вражда ихъ была несправедлива, или лишились отважности защищать свое несправедливое дѣло, то далеко еще не всѣ согласны въ томъ, какой существенный смыслъ имѣютъ сочиненія, одобряемыя всѣми за правдивость. Всѣ согласны въ томъ, что факты, изображаемые Гоголемъ, т. Тургеновымъ, г. Григоровичемъ, Щедринымъ, изображаются ими вѣрно и для пользы нашего общества должны быть приводимы передъ судъ общественнаго мнѣнія. Но сущность беллетристической формы, чуждой силлогического построенія, чуждой выводовъ въ видѣ опредѣлительныхъ моральныхъ сентенцій, оставляетъ въ умѣ многихъ читателей сомнѣніе о томъ, съ какимъ чувствомъ надобно смотрѣть на лица, представляемыя нашему изученію произведеніями писателей, идущихъ по пути, проложенному Гоголемъ; сомнѣніе о томъ, должно ли ненавидѣть или жалѣть этихъ Порфиріевъ Петровичей, Ивановъ Петровичей, Фейеровъ, Пересѣчкиныхъ, Ижбурдиныхъ и т. д.; надобно ли считать ихъ людьми дурными по своей натурѣ, или полагать, что дурныя ихъ качества развились вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ, независимо отъ ихъ воли. Сколько можно заключать изъ журнальныхъ отзывовъ и изъ разговоровъ, которые каждый изъ насъ много разъ имѣлъ случай слышать въ обществѣ по поводу произведеній, подобныхъ „Губернскимъ очеркамъ“ Щедрина, надобно думать, что очень значительная часть, — быть можетъ, большинство публики, склоняется на сторону перваго мнѣнія. Подъячій, разсказывающій надворному совѣтнику Щедрипу о „прошлыхъ временахъ“, восхищается тѣмъ, что въ эти „прошлыя времена“ все было шито и крыто, взяточники не опасались никакихъ преслѣдованій и наживались очень спокойнымъ образомъ; онъ восхищается безсовѣстными продѣлками Ивана Петровича и съ нѣкоторою гор-

достью вспоминаетъ, что самъ былъ не послѣднимъ сподвижникомъ этого удивительно изобрѣтательнаго взяточника. Продѣлки, отчасти одобряемая, отчасти совершенныя подъячимъ-разказчикомъ, каждому образованному и честному человѣку кажутся вредными для общества, гнусными, преступными; чувство негодованія, ими возбуждаемое, очень легко переходитъ въ чувство нравственнаго безопаднаго осужденія человѣку, совершившему или одобряющему эти дѣла, и очень многіе изъ людей, восхищающихся „Губернскими очерками“, объявляютъ его человѣкомъ очень дурнымъ, совершенно безсовѣстнымъ. Иные, пожалуй, скажутъ, что этотъ подъячій даже находитъ положительное удовольствіе въ совершеніи мошенническихъ продѣлокъ и низкихъ преступленій; что онъ влечется къ нимъ не одною только выгодой, но и душевнымъ расположеніемъ. Онъ самъ подаетъ основаніе къ такому понятію о себѣ; онъ прямо говоритъ, что въ его времена люди, которыхъ онъ хвалитъ, главное удовольствіе свое находили не просто въ томъ, что много получаютъ денегъ, а въ томъ, что получаютъ ихъ хитрымъ мошенничествомъ. „Вотъ-съ какіе люди бывали въ наше время, говоритъ онъ:—это не то, что грубые взяточники или съ большой дороги грабители; нѣтъ, все народъ-аматеръ былъ. Намъ и денегъ, бывало, ненадобно, коли сами въ карманъ лѣзутъ; нѣтъ, ты подумай, да прожекъ составь, а потомъ и пользуйся, пожалуй“. Одного изъ своихъ сослуживцовъ, который не былъ аматеромъ мошенничества, а просто изъ любви къ деньгамъ бралъ взятки, подъячій этотъ просто осуждалъ, какъ профана, не понимающаго высшихъ наслажденій мошенничества. „Мы, чиновники, этого Фейора не любили, говоритъ онъ:—у него все это какъ-то ужъ больно просто вышло.—такъ, ломить нахрапомъ съ-плеча, да и все. Что жъ и ва удовольствіе этакъ-то служить!“ Не правда ли, онъ самъ выставляетъ себя бѣсомъ, любящимъ зло не только изъ выгодъ, доставляемыхъ зломъ, но и для самого зла? Возьмемъ другой примѣръ: Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ, коммерческіе люди, разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ. Они прямо говорятъ, что коммерческій расчетъ долженъ состоять въ мошенничествѣ. Они жалуются на медленность и расходы, соединенныя съ доставкою хлѣба въ Петербургъ водянымъ путемъ; но на замѣчаніе, что желѣзныя дороги избавятъ нашу торговлю отъ этихъ тяжелыхъ затрудненій, они прямо отвѣчаютъ: „для насъ чугулки все равно, что раззореніе. Это (устроить желѣзныя дороги) для насъ было бы все единственно, что въ потлю лѣзть. Это все праги нашего отечества выдумали, чтобъ насъ какъ пи-на есть, съ колен сбить. Основательный торговецъ никогда въ экое дѣло не пойдетъ, даже и разговаривать-то объ немъ не будетъ, по той причинѣ, что это все одно, что противъ себя говорить“. Почему же такъ? Потому что при перевозкѣ товаровъ по желѣзной дорогѣ нѣтъ возможности ни обсчитывать рабочихъ въ расчетъ, ни нарушать контракты на поставку товаровъ, сваливая вину на Волгу, потопившую или задержавшую суда. Торговлѣ будетъ придано гораздо болѣе живости и обширности, она будетъ доставлять болѣе выгодъ,—нужды нѣтъ; все-таки желѣзныя дороги не нравятся Ижбурдину и его товарищамъ, потому что прекращаютъ возможность мошенничества. Не ясно ли, что эти люди не просто корыстолюбивые, а любящіе зло для са-

мого зла,—любящие зло, хотя бы оно было даже вредно для нихъ сампхъ? Почти такія же черты можно отыскать почти во всѣхъ другихъ людяхъ, изображаемыхъ Щедринымъ. Почти всѣ они могутъ представляться, и дѣйствительно представляются многимъ изъ читателей, изъѣденными нравственною порчею до глубины души, не сохранившими въ себѣ никакого человѣческаго чувства.

Такой взглядъ на людей, изображаемыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, внушается негодованіемъ, источникъ котораго, конечно, благороденъ. Но тѣмъ не менѣе надобно сказать, что подобный взглядъ поверхностенъ, что если мы внимательно всмотримся въ большинство людей, выводимыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, то должны будемъ отказаться отъ слишкомъ строгаго приговора противъ этихъ людей. Мы не найдемъ возможности называть ихъ людьми добродѣтельными: въ самомъ дѣлѣ, они совершаютъ очень много дурныхъ поступковъ, имѣютъ много дурныхъ привычекъ, держатся многихъ дурныхъ правилъ, но все-таки нельзя сказать, чтобы большинство этихъ людей не имѣло въ себѣ также многихъ хорошихъ чувствъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, попробуемъ внимательно посмотрѣть на людей, встрѣчающихся намъ въ разказахъ Щедрина. Мы беремъ его „Губернскіе очерки“ для этого испытанія, потому что ни у кого изъ предшествовавшихъ Щедрину писателей, картины нашего быта не рисовались красками, болѣе мрачными. Никто (если употреблять громшія выраженія) не каралъ нашихъ общественныхъ пороковъ словомъ, болѣе горькимъ, не выставлялъ передъ нами нашихъ общественныхъ язвъ съ большею безпощадностію. У него нѣтъ ни одного веселаго или легкаго выраженія, не только цѣлаго очерка,—у него пѣтъ не только цѣлаго разказа, похожаго на „Коляску“, или на „Тяжбу“, или на „Лакейскую“ Гоголя,—нѣтъ двухъ строкъ, которыя бы ни были пропитаны грустнымъ чувствомъ. Онъ писатель, по преимуществу грустный и негодующій. Если кто изъ нашихъ беллетристовъ, то, конечно, онъ приводитъ васъ къ самымъ тяжелымъ мыслямъ, къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ. Посмотримъ же, однако, каковы будутъ выводы о большинствѣ людей, имъ изображаемыхъ, если мы пристальнѣе всмотримся въ жизнь этихъ людей.

Въ каждомъ обществѣ есть люди съ дурнымъ сердцемъ, съ душою рѣшительно низкою. И въ древнемъ Римѣ, отечествѣ героевъ, были трусы, и въ Гермаши, классической странѣ честности, есть люди коварные, недоброжелательные. Есть они и во Франціи, и въ Англии и въ Соединенныхъ Штатахъ. Есть такіе люди и въ нашемъ обществѣ. Попадаютъ они и въ числѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ. Таковъ, напримѣръ, Порфирій Петровичъ, принадлежащій къ семейству Чичиковыхъ, но отличающійся отъ Павла Ивановича Чичикова тѣмъ, что не имѣетъ его мягкихъ и добропорядочныхъ формъ, и болѣе Павла Ивановича покрытъ грязью всякаго рода; такова, напримѣръ, мать пріятнаго семейства, Марья Ивановна Размановская; таковы два-три изъ числа преступниковъ, находимыхъ Щедринымъ въ городской тюрьмѣ; таковъ особенно безъименный господинъ, эlegantный и просвѣщенный, монологъ котораго мы читаемъ въ очеркѣ, имѣющемъ заглавіе „Озорники“, — гнуснѣе этого человѣка читатель не находитъ во

всей книгѣ Щедрина. Этихъ людей защищать нельзя. Они дѣйствительно злы и ненавистны. Но въ толпѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ, они составляютъ очень малочисленное меньшинство, какъ дѣйствительно составляютъ меньшинство довольно малочисленное и въ нашемъ обществѣ. Другіе люди не таковы: въ нихъ вы откроете подлѣ дурныхъ качествъ и нѣкоторыя черты, примиряющія васъ съ ихъ личностью. Дурные поступки и привычки ихъ извиняются обстоятельствами ихъ жизни и нравственною близорукостью, навѣянною на нихъ туманной средой, въ которой развились и живутъ они. Они часто не замѣчаютъ разницу между хорошимъ и дурнымъ, не умѣютъ понимать дурноты многого дурнаго; но тѣхъ-то дѣлъ, дурноту которыхъ они понимаютъ, они стараются не дѣлать; они отвращаются отъ такихъ дѣлъ, гнушаются ими; если же, по слабости характера, или по ошибкѣ, или по тяжелому стеченію обстоятельствъ, случится имъ сдѣлать поступокъ, дурныя стороны котораго они понимаютъ, то они осуждаютъ себя за этотъ поступокъ и осуждаютъ искренно. Такихъ людей нельзя назвать дурными по сердцу. Кромѣ того, они даже не лишены нѣкоторыхъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ стремлений. „Какъ? въ подъячемъ, рассказывающемъ о прошлыхъ временахъ, или въ Ижбурдинѣ съ товарищами, вы находите, вмѣстѣ съ дурными чертами, и нѣкоторыя качества, заслуживающія извиненія?“ замѣтитъ иной читатель, безусловно ихъ осудившій: — „вы находите, что эти люди могутъ дѣлаться людьми честными и, чего добраго, — вы пожалуй скажете, могутъ сдѣлаться даже людьми добродѣтельными: не слишкомъ ли много этимъ сказано?“ Это мы посмотримъ. Но прежде всего напомнимъ, что не оправдывать или извинять ихъ пороки мы хотимъ, а говоримъ только, что даже и въ этихъ порочныхъ людяхъ человѣческой образъ не совершенно погибъ, и, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы и эти люди отстать отъ своихъ дурныхъ привычекъ.

Вотъ, напримѣръ, разберомъ поближе обстоятельства и жизнь подъячаго, рассказывающаго о прошлыхъ временахъ, и, быть можетъ, мы увидимъ, что онъ въ сущности не такой безсовѣстный и бездушный человѣкъ, какъ можетъ представляться на первый взглядъ. Если мы вздумаемъ судить по понятіямъ отвлеченнымъ отъ жизни, то, конечно, надобно будетъ сказать, что онъ могъ найти въ различныхъ честныхъ промыслахъ средство пріобрѣтать недостающія ему деньги. Онъ могъ заняться какимъ нибудь ремесломъ. Такъ; по всѣ эти занятія считаются неблагородными, и общество строго осудило бы засѣдателя. Можно ли порицать человѣка за то, что онъ, по своимъ понятіямъ, не выше того общества, въ которомъ выросъ и живетъ, или не имѣетъ такой энергіи характера, чтобы пойти паперекоръ общественнымъ предразсудкамъ?—Но одни ли предразсудки удерживали подъячаго отъ другихъ занятій? Нѣтъ, такія занятія были бы для него опасны: они повредили бы его службѣ. О немъ подумали бы, что онъ службою занимается только для формы, пренебрегаетъ ею для своего ремесла, и онъ скоро прослылъ бы неисправнымъ, пераднымъ человѣкомъ. Это помѣшало бы его повышенію по службѣ, а можетъ быть повлекло бы за собою и потерю того мѣста, которое онъ уже занималъ. Какъ бы то ни было, этотъ человѣкъ прежде всего чиновникъ и больше всего долженъ дорожить своею служебною

карьерою. Можно ли осуждать его за то, что онъ не рѣшается заняться дѣломъ, которое было бы вредно его служебной карьерѣ? Кронѣ того дѣйствительно ли была ему возможность заняться какимъ нибудь ремесломъ? Нечего говорить о томъ, что ремесло требуетъ изученія, а онъ не наученъ ничему. Но возьмемъ другое условіе. Производителю нужны покупщики, а гдѣ бы онъ нашелъ ихъ? Существующему запросу на товары уже удовлетворяютъ цеховые ремесленники и торговцы. Онъ не нашелъ бы покупателей для своихъ произведеній или долженъ былъ бы продавать въ убытокъ. И такъ засѣдателю Зомскаго суда неприлично предъ обществомъ, вредно по службѣ, убыточно въ экономическомъ отношеніи и, наконецъ, невозможно по личной его неприготовленности, искать пособій для своего существованія въ какомъ нибудь торговомъ или промышленномъ занятіи. Но почему бы не заняться ему ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ? Опять-таки практическая невозможность. Ходатайствовать по мелкимъ дѣламъ вовсе невыгодно, какъ видимъ по образу жизни отставныхъ уѣздныхъ чиновниковъ въ родѣ Ризноложонскаго (въ комедіи г. Островскаго „Свои люди—сочтемся“) и Псерегонскаго (въ „Губернскихъ Очеркахъ“). Единственнымъ вознагражденіемъ, на которое они могутъ разсчитывать,—нѣсколько рюмокъ или стакановъ водки: домашній бытъ ходатая по дѣламъ не улучшится отъ такихъ вознагражденій. А ходатайство по важнымъ дѣламъ нашему рассказчику о прошлыхъ временахъ не поручать; для того выберутъ агента поважнѣе, ножили уѣздный чиновникъ или столоначальникъ губернскаго мѣста. Но самое важное обстоятельство здѣсь та привычка, которую мы очень хорошо знаемъ изъ Гоголя и его послѣдователей. Люди, заинтересованные въ какомъ нибудь дѣлѣ, находятъ, что гораздо удобнѣе для нихъ обращаться съ своими желаніями прямо къ тѣмъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится производство ихъ дѣла, и считаютъ вовсе невыгоднымъ для себя имѣть какихъ либо другихъ ходатаевъ по дѣламъ. При нашихъ провинціальныхъ нравахъ адвокаты совершенно излишни. Ихъ совѣты совершенно замѣняются усердіемъ чиновниковъ, производящихъ дѣло, которые всегда готовы помочь добрымъ совѣтомъ тяжущемуся: они объясняютъ ему, какъ начать дѣло, какое направленіе давать ему, на какія законы опираться, какія средства употребить для направленія дѣла въ его пользу, — къ чему же тутъ еще ходатай по дѣламъ, изъ людей постороннихъ производству дѣла.

Такимъ образомъ, постороннихъ ередствъ къ увеличенію своихъ доходовъ для нашего подъячаго по существовало. Онъ долженъ былъ извлекать всѣ свои доходы единственно изъ своихъ должностныхъ занятій. Онъ видѣлъ, какъ поступаютъ другіе, и видѣлъ для самого себя необходимость поступить такимъ же образомъ. Слѣдовать примѣру, дѣло очень натуральное, и никто не долженъ обременять какими либо упреками человѣка, поступающаго такъ, какъ поступаютъ всѣ. Хороша ли, дурна ли общая привычка, во всякомъ случаѣ они упираются въ всякую заслугу или вину въ человѣкѣ, ея держащемся. Но довольно ли сказать, что общая привычка только *извиняетъ* отдѣльнаго человѣка, ей слѣдующаго? Обычай никогда по возникаеть безъ причины; онъ всегда создается необходимою силою историческихъ обстоятельствъ. Если товарищи нашего рассказчика о прошлыхъ вре-

менахъ и ихъ предшественники съ незапамятныхъ времисъ подчинялись той же самой дурной привычкѣ, какъ и онъ,—надобно думать, что были какія нибудь обстоятельства, недопускавшаго ихъ измѣнить этой привычкѣ. Одно изъ этихъ обстоятельствъ указываетъ намъ самъ подъячій-разказчикъ: „Жили мы какъ у Христа за пазушкой, говоритъ онъ. Съвздишь, бывало, въ годъ разъ въ губернской городъ, поклонись чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше ничего не хочешь“. Въ другомъ мѣстѣ, начиная разказывать о городничомъ Фейерѣ, онъ замѣчаетъ: „Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь—онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку советъ, да ею же кого слѣдуотъ и удавить“. Иначе сказать: каждое общественное положеніе, давая человѣку извѣстныя права, вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на него и извѣстныя обязанности. Кто по хочетъ или не можетъ исполнять обязанностей, возлагасмыхъ на него положешемъ, въ которое онъ поставленъ, тотъ долженъ лишиться и занятаго имъ положенія. Въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго.

Возвратимся же къ нашему разказчику о прошлыхъ временахъ. Мы заговорили о томъ, что онъ былъ бы не совсѣмъ правъ, если бы онъ подчинялся общепринятымъ привычкамъ. Мы надѣемся, что наши слова не будутъ поняты читателями въ ложномъ смыслѣ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что многія привычки, бывають соединены съ нѣкоторыми невыгодами и нуждаются въ благоразумныхъ измѣненіяхъ. Мы хотимъ только сказать, что не всякому прилично дѣйствовать въ противность общепринятымъ обычаямъ. Возьмемъ примѣръ незначительный — наши моды. Фракъ—костюмъ неудобный и неприличный. Надобно было бы желать, чтобы онъ былъ замѣненъ сюртукомъ, пальто или какимъ нибудь другимъ подобнымъ костюмомъ. Если бы знаменитые люди въ исторіи моды, д'Орсе или Бруммель, вздумали рѣшительно возстать противъ фрака и начали бы являться на балы въ сюртукахъ, очень вѣроятно, что ихъ дѣло осталось бы не безъ вліянія на моду. Но каковы будутъ результаты, если это захочотъ сдѣлать какой нибудь г. Ивановъ, Петровъ или Шапошниковъ, и безъ того допускаемый въ такъ называемое лучшее общество почти только изъ милости? Пусть онъ попробуетъ явиться на балъ въ сюртукъ или пальто,—его всѣ назовутъ невѣжею; знакомо ему деликатно намекнуть ему, чтобы онъ удалился изъ общества, куда явился въ неприличномъ костюмѣ и, если онъ не послушается этихъ дружескихъ замѣчашій, сдѣланныхъ ему шопотомъ, то они будутъ повторены уже вовсе не дружескимъ топомъ другими людьми. Произойдетъ сцена, непріятная для хозяина дома, непріятная для всего собравшагося общества, а болѣе всѣхъ непріятная для самого г. Иванова, Петрова или Шапошникова. Какъ бы ни были разумны и блестящи оправданія съ его стороны, какъ бы ни были хороши его намѣренія, онъ все-таки принужденъ будетъ удалиться изъ общества, нравы котораго оскорбилъ, спокойствіе котораго возмутилъ. Не легко будетъ потомъ ему возвратитъ къ себѣ снисходительное вниманіе, которымъ его до сихъ поръ удостоивали, не легко будетъ снова получить доступъ въ лучшее общество, хотя бы онъ

искренно раскаялся въ своемъ неблагоразумномъ поступкѣ. Если же онъ будетъ упорствовать въ своей рѣшимости — являться въ сюртукѣ тамъ, гдѣ всѣ во фракахъ, то, конечно, онъ будетъ навсегда изгнанъ изъ такихъ собраний, и общественное мнѣше, по всей справедливости, объявитъ его чело-вѣкомъ, котораго нельзя принимать ни въ какое порядочное общество. Вѣроятно, нѣтъ надобности прибавлять, что примѣръ, поданный такъ неудачно и неприлично г. Ивановымъ или Петровымъ, не найдетъ ни одного подражателя; что пока памятенъ будетъ этотъ примѣръ, каждый изъ людей, подобныхъ этому Петрову и Иванову по своему положенію въ обществѣ, будетъ ужасаться при одной мысли возстать противъ фрака.

Мы взяли такое дѣло, исполненію котораго нѣтъ рѣшительно никакихъ препятствій, кромѣ привычки. Но только въ такихъ ничтожныхъ, чисто формальныхъ вещахъ, какъ вопросъ о фракѣ и сюртукѣ, привычка не имѣетъ важныхъ фактическихъ основаній. Какъ скоро житейскій вопросъ имѣетъ хотя малѣйшій хоропій или дурной смыслъ, общее привычное рѣшеніе ого бываетъ непрѣмѣнно основано на какихъ нибудь важныхъ житейскихъ фактахъ. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы дѣло о нашей старинной привычкѣ пускаться въ дорогу, набравъ съ собою многое множество всякой провизіи. Тарантасъ заваленъ булками, хлѣбами, жареными гусями и тому подобнымъ. Неудобства возникаютъ чувствительныя: сѣсть не ловко, повернуться нельзя стѣсненному путнику; вздумалъ онъ опереться, — подъ локтемъ трещать банки съ вареньемъ или солоными огурцами; вздумалъ протянуть ногу — грязный сапогъ втиснулся въ индюшку или въ сдобный пирогъ. Черезъ день, зимою — всѣ припасы заморзли и потеряли вкусъ, лѣтомъ — начали портиться и неприятно отзываются на нервы обоняшія. Все это справедливо, — но чтожъ дѣлать? Какъ было не брать съ собою всѣхъ этихъ припасовъ, когда по дорогамъ не было возможности достать кусокъ бѣлаго хлѣба, не вездѣ можно было найти хотя бы десятокъ лицъ или крынку молока?

Вы видите, что недостаточно было объяснять нашему путнику неудобства, которымъ его подвергаетъ старая привычка. Быть можетъ, онъ самъ не хуже насъ, и безъ васъ, понималъ всѣ эти неудобства; быть можетъ, онъ даже посмѣялся бы надъ вашею охотою доказывать и раскрывать неудобства, и бозъ того всѣмъ извѣстныя и очевидныя. Тутъ надобно было сдѣлать нѣчто другое. Это нѣчто другое уже и сдѣлано на многихъ дорогахъ: устроены порядочныя гостинницы; и, какъ видито, на этихъ дорогахъ безъ всякихъ толковъ со стороны поэтовъ, романистовъ, философовъ и флантроповъ, или быстро исчезаетъ, или уже совершенно исчезла привычка забирать съ собою изъ дому грузъ съѣстныхъ припасовъ. Можно прибавить еще одно замѣчаніе. Гостинницы не вездѣ возникли по щучьему велѣнью, по Иванову прошенью: во многихъ мѣстахъ онѣ заведены мудрою предусмотрительностію администраціи, и благое содѣйствіе, ою оказанное, было основаніемъ всѣхъ улучшеній въ способахъ и привычкахъ нашихъ разъѣздовъ по родинѣ.

Мы не имѣемъ особенной склонности защищать предразсудки, но нельзя не сказать, что такъ называемые люди безъ предразсудковъ не

всегда съ достаточной внимательностью разсматриваютъ основаніи, изъ которыхъ возникъ обычай, кажущійся предразсудкомъ. Вотъ хотя бы и въ настоящемъ случаѣ. Надобно ожидать, что многіе, имѣвшіе терпѣніе дочитать нашу статью до настоящей страницы, скажутъ: „Подъячаго все-таки нельзя оправдать. Если ему нельзя было соединить своей карьеры съ исполненіемъ непрсклонныхъ нравственныхъ убѣжденій, то зачѣмъ онъ избралъ эту карьеру? Есть на свѣтѣ много другихъ честныхъ занятій, не оставляющихъ честнаго человѣка безъ средствъ къ довольству въ жизни. Онъ увлекся предразсудкомъ, заставляющимъ предпочитать службу всякому другому роду занятій“. Предразсудокъ этотъ существуетъ не у насъ однихъ. Онъ очень силенъ также во Франціи и въ Германіи. И въ тѣхъ странахъ постоянно слышатся очень раціональныя и многословныя доказательства противъ него. Помнится, когда-то Тьеръ въ очень длинной и блестящей рѣчи доказывалъ, что напрасно молодые люди во Франціи непременно хотятъ быть чиновниками: „будьте купцами, будьте ремесленниками, будьте земледѣльцами, — говорилъ онъ своимъ юнымъ соотечественникамъ. — Повѣрьте, что этотъ родъ занятій будетъ и выгоднѣе для васъ, и полезнѣе для вашей родины“. Затѣмъ онъ обращался къ отцамъ и матерямъ и заклиналъ ихъ всѣмъ священнымъ на землѣ и на небѣ: любовью къ отечеству, любовью къ дѣтямъ, не допускать къ себѣ и мысли о томъ, чтобы воспитывать дѣтей для чиновничества, и ни подъ какимъ видомъ не дозволять этимъ неопытнымъ птенцамъ совращаться съ полезнаго и почтеннаго поприща земледѣльческаго, промышленнаго и т. п. Не оказали ни малѣйшаго дѣйствія эти благонамѣренныя увѣщанія. Вѣроятно потому, что факты не уступаютъ никакимъ увѣщаніямъ, а подчиняются только силѣ другихъ фактовъ. Поэтому надобно думать, что во Франціи и Германіи предпочтеніе чиновнической карьеры всякому другому роду занятій не есть только предразсудокъ, а основывается на какихъ нибудь фактахъ. И не трудно отыскать эти факты. Во Франціи, напримѣръ, еще не очень давно, только личность тѣхъ людей, которые занимались государственной службой, была ограждена отъ оскорбленій и униженій всякаго рода. Какой нибудь интендантъ могъ ни за что, ни про что посадить въ тюрьму самаго почтеннаго и богатаго негоціанта и постоянно третировалъ его почти также, какъ своего лакея. На интенданта нельзя и сердиться за то. У него и его подчиненныхъ была въ рукахъ рѣшительно вся власть, и очень натурально было ему, человѣку, облеченному властію, смотрѣть на людей, не имѣвшихъ никакой власти, какъ на людей другой, низшей породы. А какъ скоро образовалось такое понятіе о различіи породъ, ходъ дѣла извѣстенъ. Съ людьми низшей породы, конечно, не будутъ обращаться такъ, какъ съ подобными себѣ. Примѣръ тому мы видимъ въ отношеніяхъ между различными расами въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: бѣлый съ бѣлымъ тамъ чрезвычайно деликатенъ, но съ чернымъ обращается онъ совершенно иначе. — Нѣкогда было предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ и въ Англии. Тамъ оно основывалось на другой причинѣ, извѣстной нашимъ читателямъ изъ рассказовъ Маколея. Съ служебными должностями были соединены огромные доходы. Въ концѣ XVII вѣка не было въ Англии ни одного негоціанта, ни даже землевладѣльца,

который доходами своими равнялся бы лорду намѣстнику Ирландіи или лорду президенту. Мало было землевладѣльцевъ или негоціантовъ, которые получали бы по пяти тысячъ фунтовъ; но въ государственной службѣ было много такихъ мѣстъ, которыя доставляли по 5,000 фунтовъ дохода. Въ Англии факты, на которыхъ основывалось предпочтеніе службы всякому другому занятію, давно исчезли. Вслѣдъ за ними исчезло и пренебреженіе всякою другою карьерою для служебной. Во Франціи, тѣ отношенія, о которыхъ упомянули мы, не совсѣмъ еще исчезли. Потому еще продолжаетъ существовать во французскомъ обществѣ и предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ. Вообще надобно сказать, что общественныя предупрежденія и пристрастія быстро исчезаютъ изъ нравовъ народа, какъ скоро уничтожаются факты, которыми они поддерживались. Если же какой нибудь обычай, невидимому, неразумный и невыгодный, упорно держится въ народныхъ нравахъ, то не спѣшите называть его просто слѣдствіемъ предупрежденій. Надобно прежде поискать, не опирается ли онъ на какихъ нибудь фактахъ? Осуждать національные обычаи очень легко, но за то и совершенно бесполезно. Упреками дѣлу не поможешь. Надобно отыскать причины, на которыхъ основывается непріятное намъ явленіе общественнаго быта, и противъ нихъ обратить свою ревность. Основное правило медицины: „отстраните причину, тогда пройдетъ и болѣзнь“, — *sublata causa, tollitur morbus*.

Мы не расположены осуждать подъячаго прошлыхъ временъ за его пристрастіе къ службѣ, уже и потому, что если бы онъ оставилъ службу, его мѣсто было бы занято другимъ, который находился бы точно въ такомъ же положеніи. Слѣдовательно, тутъ измѣненію могло бы быть только въ фамиліи лица, а не въ сущности дѣла.

Мы опять далеко уклонились отъ нашего подъячаго прошлыхъ временъ, вовсе не подозревавшего, что кто нибудь можетъ сказать ему: зачѣмъ ты предпочелъ службу какому нибудь ремеслу? Навѣрное, онъ нашелъ бы такой вопросъ нелѣпымъ, и весь тотъ городокъ, въ которомъ онъ служилъ, также въ одинъ голосъ объявилъ бы этотъ нелѣпый вопросъ дѣйствительно нелѣпымъ. Такъ или иначе, нашъ подъячій служилъ и не могъ не сообразоваться на службѣ съ общепринятыми правилами. Посмотримъ же теперь, какова была его служба и справедливо ли было бы сказать, что онъ дѣйствовалъ на службѣ противъ своей совѣсти или оскорбилъ чѣмъ нибудь общее мнѣніе, которымъ воспитался и руководился. Онъ человѣкъ не безъ грѣховъ; но чтожь въ томъ особеннаго? Всѣ мы смертны и грѣшны. Героевъ добродѣтели во всѣ времена и у всѣхъ народовъ очень мало. Онъ бралъ взятки, это правда. Но его товарищи дѣлали тоже самое, и даже тѣ люди, съ которыхъ онъ бралъ взятки, были убѣждены, что безъ благодарности ни одно дѣло ни кѣмъ не дѣлается. Всѣ они осуждали только такихъ взяточниковъ, которые, взявъ деньги, но исполняютъ дѣло, за которое получена взятка, или прибѣгаютъ къ особному обману, или къ особеннымъ жестокостямъ. Онъ ничего такого не дѣлалъ: раземотримъ его похождения. Онъ пріѣхалъ въ Шарковскую область для собранія подати. Поселяне знаютъ, что подать нужно заплатить, но они просятъ его подождать до того времени, пока они продадутъ новый хлѣбъ. Согласиться или

несогласиться на эту просьбу—въ его власти: онъ имѣеть право требовать подати теперь же. За каждую добровольную уступку человѣкъ можетъ ожидать вознагражденія отъ тѣхъ, въ пользу кого дѣлается уступка. Такъ думаютъ поселяне, такъ думаетъ и онъ. Потому обѣимъ сторонамъ кажется очень естественнымъ требованіе нашего подъячаго прежнихъ временъ, чтобы ему за его снисходительность дали приличное вознагражденіе. Конечно, какъ и при всякой сдѣлкѣ, тутъ происходитъ споры о цифрѣ. Конечно, сторона, дающая вознагражденіе, не совсемъ охотно разстается съ деньгами; но и тутъ нѣтъ ничего особеннаго: сама по себѣ уплата ни для кого ни въ какомъ случаѣ не есть что либо пріятное.

Противъ такого понятія читатель замѣтитъ, что точка зрѣнія, съ которой смотрять на изложенное нами дѣло подъячій и поселяне, совершенно фальшива. Конечно, эти люди ошибаются въ своихъ понятіяхъ, но дѣло не въ томъ. При обсужденіи вопроса: честно или безчестно поступаетъ человѣкъ, должно смотрѣть не на то, справедливы ли его убѣжденія, а на то, дѣйствительно ли онъ поступаетъ сообразно своимъ убѣжденіямъ.

Перечитавъ рассказы подъячаго прошлыхъ временъ, мы видимъ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ поступалъ согласно своему убѣжденію о сущности своего званія, своихъ правъ и своихъ обязанностей, и что это убѣжденіе раздѣлялось тѣми людьми, съ которыми онъ заключалъ свои сдѣлки. Потому образъ его дѣйствій вообще не заслуживалъ особеннаго порицанія.

Какъ человѣкъ, но отличавшійся ни гешальнымъ умомъ, ни желѣзнымъ характеромъ, онъ иногда подчинялся вліянію людей, натура которыхъ была сильнѣе его натуры,—и въ томъ нѣтъ ничего, особенно безчестнаго. Когда эти сильнѣйшія натуры бывали дурны, нашъ подъячій вовлекался въ такіе поступки, которыхъ не сдѣлалъ бы самъ по себѣ. Однакожь и тутъ мы не видимъ, чтобы овъ слишкомъ далеко уклонялся отъ правилъ, внушаемыхъ ему его убѣжденіями. Разберемъ самое дурное изъ этихъ дѣлъ. Чтобы читатель не могъ предполагать укрывательства какихъ нибудь обстоятельствъ изъ пристрастія къ нашему подъячему, мы вполне выпишемъ весь этотъ эпизодъ.

„Жылъ у васъ въ уѣздѣ купчина мильовщвикъ, фабрику яаѣлъ кумачную, большія дѣла валъ. Ну, хоть что хочешь, нѣтъ вавъ отъ него прибыли, да и только! такъ держать ухо востро, что-на-поди. Развѣ только вногда чавкомъ поподчуеть, да бутылочку холодвевьваго разопьеть съ вамв—вотъ и вся корысть. Дуяли мы, думали, какъ бы вамъ этого подлеца-купчишку ва дѣло натравить—ве вдетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А вупецъ ввдвтъ это, смѣяться не смѣется, а такъ, равводушествуетъ, будто не замѣчаетъ.

„Чтоже бы вы думали? Ёдемъ мы однажды съ Ивавонъ Петровнчемъ ва слѣдствіе: мертвое тѣло напли неподалеку отъ фабрики. Ёдемъ мы это мимо фабрики и разговариваемъ межъ себя, что вотъ, водлецъ, дескать, ви ва какую штуку ве лѣзеть. Смотрю я, однако, мой Иванъ Петровичъ задумался, в какъ я въ него вѣру большую имѣлъ, такъ в думаю: выдуяиваетъ онъ что вибудъ, право, выдумываетъ. Ну, и выдумалъ. На другой девъ, сидимъ мы это утромъ в опохмѣляемся.

„— А что, говорить:—дашь половину, коли купецъ тебѣ тысячи двѣ отвалить?

„— Да что ты, Иванъ Петроввчъ, въ умѣ ли? двѣ тысячи!

„— А вотъ увидишь; садись и пиша:

„Свнвогорскому 1-й гильдіи купцу, Платону Степанову Троекурову. Вѣдѣние.

Но указаніямъ такихъ-то и таенхъ-то поселявъ (ваяяй больше) вышепоименованное мертвое тѣло, по подозрѣнію въ насильствсвомъ убійтіи съ такими же признаками безчеловѣчвыхъ побоевъ, и првтоиъ рукою нѣкогого злодѣя, въ предшедшую предъ синъ вочь, скрылось въ фабричвомъ вавешъ прудѣ. А посему благоволите въ оный для обыска допустить“.

„— Да помилуй, Ивавъ Петровччъ, вѣдъ тѣло-то въ шалашѣ ва дорогѣ лежитъ!

„— Ужъ дѣлай что говорятъ.

„Да только авсвисталъ свою любимую: „*При дороженькѣ стояла*“, а какъ былъ чувствителенъ, и не ногъ эту пѣсню безъ слезъ слышать, то и прослезился немного. Послѣ я узвалъ, что овъ и впрямъ велѣлъ сотеввмъ тѣло-то на время въ оврагъ куза-то спрятать.

„Прочиталъ борода наше вѣдѣніе, да такъ и обомлѣлъ. А между тѣмъ и мы слѣдомъ ва дворъ. Встрѣчаетъ вась, блѣдный весь.

„— Не угодно ли, молъ, чаю откушать?

„— Какой, братъ, тутъ чай!—говоритъ Иванъ Петровичъ:—тутъ нечего чаю. а ты ирудъ спущать вели.

„— Помилуйте, отцы родные, за что разорять хотите?

„— Какъ разорять! видишь, слѣдствие ирѣхали дѣлать,—указъ есть.

„Слово за словомъ, купецъ видить, что шутки тутъ плохія, хоть и впрямъ прудъ спунай; заплатилъ три тысячи,—ну, в дѣло покончили. Послѣ мы по пруду-то маленько поѣздили, крючками въ водѣ потыкали, и тѣла, разумѣется, никакого не нашли. Только я вамъ скажу, ва угощевыи, когда ужъ были мы всѣ выпивши, и расскажи Ивавъ Петровичъ купцу, какъ все дѣло было; вѣрите ля, такъ обозлилась борода, что даже закопочѣлъ весь!

Дѣло очень дурное, скажетъ читатель, и мы скажемъ вмѣстѣ съ нимъ, только прибавимъ: очень дурное по нашимъ понятіямъ, но не по мнѣнію людей. въ немъ участвовавшихъ: съ ихъ точки зрѣнія также было въ этомъ дѣлѣ обстоятельство, не совсѣмъ похвальное; но каково это обстоятельство, мы узнаемъ отъ нихъ самихъ. Чиновникамъ не было прибыли отъ богатаго фабриканта. Чиновники считали фабриканта дурнымъ человѣкомъ за то, что онъ не исполняетъ своихъ обязанностей, относительно къ нимъ (нашъ подъячій прямо называетъ его подлоцомъ); самъ фабрикантъ смотрѣлъ на себя, не какъ на человѣка, отклоняющаго несправедливыя притязанія, а какъ на человѣка, который, по своему уму и своей ловкости, умѣетъ отклоняться отъ исполненія невыгодныхъ для него обязанностей. Чиновники обижены, купецъ гордится своимъ торжествомъ надъ ними. („Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлоца-купчишку на дѣло натравить—не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видить это, смѣяться не смѣется, а такъ, равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ“). Наконецъ чиновники перехитрили купца и получили отъ него прибыль. Купецъ озлобился; но за что? За то ли, что съ него взяли деньги? Нѣтъ. Хотя ему непріятно было платить, но онъ полагалъ, что обязанъ заплатить. Отдавши деньги, онъ начинаетъ пировать вмѣстѣ съ чиновниками и вмѣстѣ съ ними напивается пьянъ. Этого онъ не сдѣлалъ бы, если бы считалъ себя обиженнымъ. Какъ человѣкъ гордый, онъ ушелъ бы изъ-за стола, еслибъ чувствовалъ себя обиженнымъ: какъ человѣкъ хитрый, онъ бы нашелъ благовидный предлогъ уйти. Но этого не было. Какъ видимъ, до сихъ поръ обѣ стороны остаются довольны любовною сдѣлкой. Но когда всѣ были на-веселѣ, Иванъ Петровичъ разсказалъ фабриканту свою хитрую выдумку—похвастался тѣмъ, что перехи-

триль его. Тутъ фабрикантъ обидѣлся, разсердился. За что же разсердился? Очевидно за то, что нашелся человекъ хитрѣе его и хвастается въ глаза ему тѣмъ, что перехитрилъ его. Мы съ самаго начала сказали, что между людьми, выводимыми въ „Очеркахъ“ Щедрина, есть люди дурные, достойные порицанія, что Иванъ Петровичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, что мы не хотимъ защищать его. Иванъ Петровичъ дѣйствительно былъ виноватъ и въ этомъ случаѣ; однако въ чемъ же состоитъ его проступокъ въ этомъ дѣлѣ? Онъ похвастался, онъ затронулъ амбицію человека,—это не деликатно. Но осуждая не деликатность Ивана Петровича, не забудемъ, что онъ началъ хвастаться, когда былъ уже на-веселѣ. Пока онъ былъ трезвъ, онъ былъ екромонъ. И тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, лишняя чарка испортила дѣло.

За пристрастѣе къ чаркѣ осуждаетъ Ивана Петровича и нашъ подъячій, какъ осуждали, конечно, всѣ благомыслящіе люди. Если бы вы увидѣли тѣ пирушки, въ которыхъ участвовалъ нашъ подъячій, эти пирушки показались бы вамъ, безъ сомнѣнія, грязны и гадки. Но это потому, что вы человекъ другого воспитанія, другихъ привычекъ. Не будьте слишкомъ строги къ людямъ, не имѣвшимъ случая приобрести изящныя манеры и тонъ лучшаго общества. Вѣдь вы не осуждаете вашего пріятеля, когда онъ за обѣдомъ выпиваетъ стаканъ бургонскаго или шампанскаго? Вы находите дурнымъ только то, если вашъ пріятель пьетъ неумѣренно. Точно также судить и нашъ подъячій. Онъ строго осуждаетъ Ивана Петровича за подобный порокъ „былъ въ Иванѣ Петровичѣ грѣхъ“, говоритъ подъячій, „къ напитку имѣлъ не то что пристрастіе, а такъ какое-то остервеніе. Конечно, и всѣ мы этого придерживались, да все же въ мѣру: сидишь себѣ да благодумствуешь, и много-много что въ подпитіи; ну, а онъ, я вамъ доложу, мѣру не зналъ, напивался даже до безобразія лица“. Видите-ль, нашъ подъячій не только не пьяница, онъ гнушается пьяницами. Видите ли, — если случилось ему въ дружеской бесѣдѣ выпить нѣсколько рюмокъ, то никогда не напивался онъ до-пьяна. Ни одинъ изъ друзей, ни мать, ни жена, конечно, не осуждали его за то, что онъ не откалывается отъ рюмки водки.

Взятка, по мнѣнію подъячаго прошлыхъ временъ, есть полубовная сдѣлка. Онъ никогда не прибѣгалъ для заключенія сдѣлки къ мѣрамъ, которыя бы казались насильственными въ глазахъ его и общества, среди котораго онъ жилъ („истязаній и вымогательствъ“ онъ не употреблялъ самъ и не одобрялъ въ Иванѣ Петровичѣ). Мало того, свои желанія онъ выражалъ деликатнымъ и ласковымъ образомъ. („И все это ласковымъ словомъ“, говоритъ онъ самъ). И такъ, онъ былъ человекъ мягкаго характера. За уступки и льготы, которыя давалъ онъ поселянамъ, получалъ онъ вознагражденіе—это правда, но какимъ образомъ получалъ его? Пріѣдетъ онъ въ село по какому нибудь дѣлу; поселяне просятъ, чтобы онъ скорѣе отпустилъ ихъ. „Тутъ и смекаешь: коли ребята сговорчивы, отчегожь имъ и удовольствіе не сдѣлать? а коли больно много артачиться стануть, ну, и еще погодять деаекъ, другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнущаться избой да кнелымъ молокомъ. Увидятъ, что человекъ—

то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можеть, просиль, а тутъ шалишь! по три пятака, дешевле не могли и думать“.

Такимъ образомъ, самый предубѣжденный противъ нашего подъячаго читатель долженъ согласиться, что въ общественной дѣятельности этого подъячаго не было ничего, считавшагося дурнымъ или нечестнымъ во мнѣніи какъ этого подъячаго съ его товарищами, такъ и тѣхъ людей, которые имѣли съ ними дѣло. Напротивъ, были черты, свидѣтельствовавшія о мягкости, добротѣ характера, о благорасположеніи ко всякому хорошему человѣку, о желаніи каждому принести пользу. Поступки, совершаемые подъячимъ, дурны. Люди съ подобными ему понятіями вредны для общества. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сами по себѣ эти люди непременно были дурными людьми. Повторяемъ то, что уже нѣсколько разъ говорили выше. Хвалить и бранить можно только людей эксцентрическихъ, поступающихъ не такъ, какъ поступаетъ огромное большинство людей въ ихъ время и въ ихъ положеніи. Привычки и правила, руководящія обществомъ, возникаютъ и сохраняются вслѣдствіе какихъ нибудь фактовъ, независимыхъ отъ воли человѣка, имъ слѣдующаго; на нихъ надобно смотрѣть непременно съ исторической точки зрѣнія. Въ каждомъ классѣ общества, какой бы странѣ, какому бы времени ни принадлежало это общество, каковы бы ни были понятія и привычки, имъ пріобрѣтенныя вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, огромное большинство людей всегда имѣетъ склонность къ доброжелательству и правдѣ.

Нѣтъ надобности доказывать, что нашъ подъячій старыхъ временъ былъ хорошимъ семьяниномъ. Съ этой стороны онъ очень точно обрисованъ г. Островскимъ въ послѣдней его комедіи. Вѣлгобувъ—большой руки взяточникъ; но посмотрите на него въ домашнемъ быту, и вы убѣдитесь, что онъ человѣкъ очень добрый, и въ родственныхъ отношеніяхъ даже благородный. Тотъ, кто щедро помогаетъ своей бѣдной тещѣ, при всей несносной сварливости ея характера, кто не жалѣетъ ничего, чтобы помочь бѣдной свояченицѣ и ея мужу, хотя этотъ мужъ постоянно оскорблялъ и оскорбляетъ его самымъ чувствительнымъ образомъ, тотъ, воля ваша, не есть дурной человѣкъ.

Мы очень долго останавливались на разсказахъ подъячаго о прошлыхъ временахъ. Не знаемъ, нужно ли было такъ подробно доказывать нашу мысль, справедливость которой очевидна для каждаго, опытомъ извѣдавшаго жизнь и людей, и не остановившагося на безплодномъ чувствѣ разочарованности, чувствѣ, приличномъ неопытному юношѣ, воображающему себя и всѣхъ на свѣтѣ героями и красавцами, но нелѣпо въ человѣкѣ, который уже привыкъ смотрѣть на свѣтъ глазами безпристрастнаго наблюдателя. Лично намъ казалось бы даже скучно толковать о такихъ несомнѣнныхъ вещахъ.

Было бы утомительно и бесполезно столь же долго останавливаться на другихъ типахъ взяточниковъ, выводимыхъ Щедринымъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, дурныхъ по сердцу людей, на которыхъ мы указали въ началѣ статьи и которые могутъ служить для рельефности картины, но по своей малочисленности не могутъ имѣть особенной важности въ общественныхъ вопро-

сэхъ: о каждомъ изъ остальныхъ взяточниковъ надобно сказать почти тоже самое. что о подъячемъ прошлыхъ временъ. Сходства между ними гораздо больше, нежели разницы, которая вообще ограничивается только различіемъ темпераментовъ: у одного характеръ вспыльчивый, у другаго — спокойный; у одного — прямой, у другаго — скрытный; у одного — веселый, у другаго печальный или скучный; у одного — смѣлый, у другаго боязливый. Съ точки зрѣнія, на которую мы стали, эта разница не имѣетъ первостепенной важности. Извѣстно, что различіе темпераментовъ не мѣшаетъ почти одинаковому подчиненію всѣхъ людей общественнымъ привычкамъ и понятіямъ и неотразимому влиянію общихъ историческихъ фактовъ. Въмѣсто того, чтобы о каждомъ изъ этихъ людей повторять почти тоже самое, что мы должны были сказать о подъячемъ прошлыхъ временъ, мы взглянемъ на представителей другаго класса людей, послушаемъ бесѣду трехъ негоціантовъ о томъ, „что такое коммерція?“ Мы уже замѣчали, что, подобно подъячему прошлыхъ временъ. Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ могутъ представляться поверхностному взгляду людьми, лишенными всякаго понятія о честности, „аматерами“ зла, по выраженію подъячаго прошлыхъ временъ. Каждый изъ нихъ совершенно хладнокровно и даже съ похвалюбою говоритъ о своихъ мошенничествахъ. Каждый думаетъ только о томъ, какъ бы придумать обманъ похитрѣе. Но когда мы безпристрастно выслушаемъ ихъ показанія о причинахъ, принуждающихъ ихъ вести свои дѣла подобнымъ образомъ, то придемъ къ заключенію такому же, какое сдѣлали о подъячемъ прошлыхъ временъ.

Людымъ, составляющимъ огромное большинство публики, частнѣй быть нашихъ купцовъ менѣе извѣстенъ по опыту, нежели быть чиновниковъ. Почти каждый изъ насъ имѣетъ въ числѣ своихъ близкихъ знакомыхъ нѣсколько провинціальныхъ чиновниковъ. Это составляетъ важную выгоду для отверженія предразсудковъ противъ нравственныхъ качествъ чиновничьяго класса. Находя въ числѣ своихъ знакомыхъ чиновниковъ людей достойныхъ полного уваженія въ частномъ быту, каждый изъ насъ уже до нѣкоторой степени расположенъ выслушать апологію чиновничьяго класса вообще. Не таково отношеніе большинства публики къ классу купцовъ. Быть можетъ, половина нашихъ читателей не имѣла съ купцами никакихъ другихъ сношеній, кромѣ дѣловыхъ. Сошлемся же на свидѣтельство тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые имѣли случай близко сходитья съ купцами, какъ добрые знакомые, бывали въ купеческихъ семействахъ, подобно Щедрину, домашними людьми. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не откажется согласиться съ Щедринымъ, выводящимъ въ разсказѣ „Христось воскресъ“ свѣтлая личности этого сословія. Мы ни мало не расположены считать купеческій, или мѣщанскій, или крестьянскій бытъ идеаломъ русской жизни, мы совершенно признаемъ вѣрность тѣхъ красокъ, какими рисуются купцы въ „Ревизорѣ“ и „Женитьбѣ“ Гоголя, въ комедіи г. Островскаго „Свои люди — сочтемся“ и въ сценѣ Щедрина „Что такое коммерція?“ Но безпристрастіе обязываетъ насъ сказать, что люди, подобные Подхалюзину (въ комедіи г. Островскаго), должны быть отнесены къ исключеніямъ, довольно малочисленнымъ. Всѣ тѣ добрыя качества, которыми любятъ гордиться русскій на-

родъ, принадлежать также огромному большинству нашихъ купцовъ. Каковы бы ни были ихъ нравы и привычки, но вообще они люди не только доброжелательные, но и положительно добрые. Готовность помочь и услужить сильна почти въ каждомъ изъ нихъ. Дай Богъ, чтобы въ другихъ классахъ нашего народа и въ людяхъ другихъ земель было такъ сильно развито сознание обязанности—дать средства къ пріобрѣтенію независимаго положенія тѣмъ людямъ, доброй службѣ которыхъ обязанъ бываетъ человѣкъ своимъ собственнымъ благосостояніемъ: рѣдкій изъ нашихъ провинціальныхъ купцовъ, если имѣетъ вѣрнаго прикащика, не заботится о томъ, чтобы вывести его въ люди, поставить на ноги, сдѣлать его самого купцомъ. Каковы бы ни были отношенія обыкновеннаго купеческаго образа мыслей къ понятію гуманности, но должно сказать, что съ прислугою своею купцы обращаются очень гуманно. Каждый, кто знакомъ съ нравами купцовъ, легко увеличить этотъ слишкомъ краткій эпизодъ еще многими чертами, внушающими уваженіе къ добрымъ качествамъ нашего купеческаго сословія въ частной жизни.

Если мы обратимся къ изученію картины дѣлового, общественнаго быта нашихъ купцовъ, представляемой сценою Щедрина „Что такое коммерція?“, прежде всего мы увидимъ зависимость купеческихъ дѣлъ отъ чиновниковъ. Очень многіе изъ нашихъ купцовъ занимаются подрядами и поставками. Въ большей части провинцій таково главноо занятіе большей части значительнѣйшихъ купцовъ. По общему закону торговли во всѣхъ странахъ, образъ веденія коммерческихъ дѣлъ опредѣляется тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ первостепенные торговцы. Кромѣ того, каждый торговый человѣкъ имѣетъ по своимъ дѣламъ ежедневную надобность въ полицейскомъ управленіи и судебномъ покровительствѣ. Такимъ образомъ привычки, издавна пріобрѣтенныя чиновничьимъ классомъ, опредѣляютъ своимъ характеромъ и порядкомъ нашей торговли. Послѣ этого важнѣйшаго обстоятельства надобно принять въ соображеніе медленность и невѣрность торговыхъ оборотовъ, происходящую отъ употребительныхъ доселѣ средствъ сообщенія. Хлѣбная операція до сихъ поръ требовала у насъ цѣлаго года времени, иногда почти двухъ лѣтъ. При такомъ продолжительномъ срокѣ оборотовъ всѣ шансы могутъ измѣниться. Почти таково же положеніе двухъ другихъ важнѣйшихъ послѣ хлѣба отраслей нашей торговли—торговли саломъ и льномъ. Удивительно ли, что подъ вліяніемъ двухъ столь важныхъ обстоятельствъ, купечество наше принуждено было прибѣгать къ оборотамъ, чуждымъ правильной торговлѣ? Не забудемъ и того обстоятельства, на которое часто съ прискорбіемъ указываютъ политико-экономисты. У насъ нѣтъ старинныхъ большихъ торговыхъ домовъ. Обыкновенно, богатые наши торговцы бываютъ люди, не наслѣдовавшіе никакого капитала, а бывшіе въ молодости торговцами очень бѣдными. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они сохраняютъ привычки мелочной торговли и тогда, когда посредствомъ оборотовъ, ей свойственныхъ, пріобрѣли значительный капиталъ. Дѣти ихъ обыкновенно спѣшатъ пріобрѣсти торговую дѣятельность на служебную. Эта привычка сильно осуждается многими. Но мы уже видѣли, что обычай всегда пріостекаетъ изъ фактовъ быта. Осуждать людей за то, что они подчиняются вліянію фактовъ, не-

возможно. Справедливо только то, что нѣкоторые факты имѣютъ вліяше, невыгодное для общества. Отъ перехода разбогатѣвшихъ купеческихъ родовъ къ другимъ занятіямъ, вся внутренняя торговля наша находится въ рукахъ людей, которые или не имѣютъ значительныхъ капиталовъ, или сохранили привычку вести свои дѣла тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ люди, не имѣющіе капиталовъ. При недостаткѣ капиталовъ торговецъ не можетъ вести своихъ дѣлъ правильнымъ образомъ. Необходимость заставляетъ прибѣгать его къ изворотливости. Значительные торговцы въ другихъ странахъ, противодействующіе такому порядку своимъ примѣромъ и торговымъ вліяшемъ, у насъ почти всегда сами слѣдуютъ той системѣ, какой держатся незначительные торговцы. Если мы сообразимъ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, то не будемъ понапрасну обвинять личный характеръ людей торговаго класса. Мы опять прибѣгнемъ къ сравненію, заимствованному отъ одежды и путешествій. Если вамъ придется въ январѣ мѣсяцѣ ѣхать изъ Казани въ Москву въ обыкновенныхъ нашихъ саняхъ, я не имѣю права предполагать въ васъ недостатка вкуса за то, что вы надѣваете безобразные мѣховые сапоги. Быть можетъ, вы человѣкъ, отличающійся необычайною любовью къ изяществу, во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что вы не хуже моего чувствуете тяжесть мѣховыхъ сапогъ и неудобство ходить въ нихъ. Но что же вамъ дѣлать? Возможно ли вамъ отправляться въ вашу дорогу безъ этихъ неуклюжихъ и тяжелыхъ сапогъ? Я не имѣю даже права осуждать васъ, если вы презрительно посмѣетесь надъ моими выходками противъ вашихъ мѣховыхъ сапогъ. Но лучше не сердитесь на меня, а спокойно отвѣчайте, что когда у васъ будетъ теплый возокъ и медвѣжье одѣяло для ногъ, то вы безъ всякихъ указаній съ моей стороны будете путешествовать зимою въ тѣхъ самыхъ легкихъ, удобныхъ и красивыхъ сапогахъ, которые носите дома.

Купцы, выводимые Щедринымъ, сами указываютъ намъ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ установились привычки ихъ торговли. Мы заимствуемъ изъ ихъ разговоровъ двѣ—три страницы. Палахвостовъ, старикъ, пачавій съ гроша и наторговавшій себѣ большое состояніе, съ нѣкоторою насмѣшкою замѣчаетъ Ижбурдину, человѣку среднихъ лѣтъ, только еще стремящемуся къ цѣли, ужъ достигнутой Палахвостовымъ, что онъ, Ижбурдинъ, мечется во всѣ стороны, хватается за всѣ отрасли торговли, а не торгуетъ однимъ предметомъ, какъ, напримѣръ, хлѣбомъ. Подлѣ этихъ двухъ главныхъ лицъ сидятъ: Сокуровъ, юноша, мечтающій о томъ, какъ онъ будетъ жить на благородную ногу, когда получить наслѣдство послѣ старика Сокурова, купца миллионера, и Праздношатающійся, нѣчто въ родѣ фельетониста съ европейскими понятіями обо всемъ, между прочимъ и о торговлѣ. Ижбурдинъ отвѣчаетъ на замѣчаніе Палахвостова указаніемъ невозможности заниматься одною отраслью торговли человѣку, не имѣющему большаго капитала:

„Да куда же я съ однимъ-то предметомъ сунусь! Ноньче, вонъ, пошли вездѣ выдумки—ничего и сообразить-то нельзя. Цѣва-то сегодня полтина, а завтра ова рубль; ты думаешь, какъ бы тебѣ польза, анъ выходить, что тебѣ же шею наколотятъ; вотъ и торгуй! Теперича, примѣрно, кожевенный товаръ въ ходу, сукно тоже требуется, —

чу мы и сувао по малости скупаемъ, и кожи продаемъ: все это нашей совѣсти дѣмо-сь. Намеднись, доложу я вамъ, былъ я въ Лезневѣ ва ярмаркѣ,—и что-то тамъ коммисонеровъ наѣхало, ровво звѣздъ небесныхъ: все сапожный товаръ покупать. Конечно-сь ихвее дѣло простое. Казна имъ, примѣрно, хоть рубль отпускаетъ, такъ ему надо, чтобъ у него полтина или тамъ сорокъ вопѣекъ пользы осталось. А съ мужикомъ ему дѣло имѣть не сподручно. Этотъ хоть, можетъ, и больше пользы даетъ, да оно не спокойно: веровень часть, слѣдствіе или другая напасть—всѣмъ ротъ-отъ не зажмешь. Опять же в за отчетностью они запутаны; поди да важдаго росписываться заставляй, да урезонивай, чтобы онъ тебѣ, вмѣсто полтины, рубль написалъ. А какъ съ опытнымъ-то дѣло заведешь, оно и шито и крыто; первое дѣло, что хлопотъ выванихъ нѣтъ, а второе, что предательству тутъ быть невозможно, почему, какъ купецъ неякій зваецъ, что за такую механику и ему за одно съ коммисонеромъ не одобровать. Эта штука для васъ самая выгодная; тутъ, можно сказать, не токмо что за трудъ, а больше за честь пользу получаешь.

„Сокуровъ (*важничая*).— Да; съ казною дѣло имѣть выгоднѣе всего; ова, можно сказать, всѣмъ намъ корищница... (*наливаетъ вино въ бокалы. Къ Праздношатающемуся*). Не прикажете ли, не имѣемъ счастья знать по имени в по отечеству...

„Праздношатающійся, Съ олотою. (*Льетъ*). А гдѣ вы это, господа, такой здѣсь темерифъ достаете... отличный! И жжетъ и першитъ... славно! точно водка.

„Ижвурдинъ. Изъ Архангельска-сь; мы тоже и тамotka дѣла имѣемъ-сь.

„Праздношатающійся. (*Къ Сокурову*). Вотъ-сь вы изволили выразиться, что съ казною дѣло имѣть выгодно. Не позволите ли узнать, почему вы такъ заключаете?

„Сокуровъ. Да-сь, это точно-еъ, сами изволите знать... казна... выгодно..

„Палахвостовъ. Во то-то, молодецъ! брешешь! выгодно, а почему—объяснить не умѣешь.

„Ижвурдинъ. А вотъ позвольте... вы, вѣрно, коммисонеръ?

„Праздношатающійся (*обижаясь*). Почему же коммисонеръ?... Я просто, для своего удовольствія... Желательнѣе, знаете, этакъ, по торговой части ваваться...

„Ижвурдинъ. Такъ вы приказный? Понимаемъ-сь. Это точно, что ночью приказные много насчетъ торговли займутся—капиталы завелись... Такъ вотъ изволите ли видѣть, съ казною потому намъ дѣло имѣть естественнѣе, что тутъ, можно сказать, риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли,—казна все мнеть. Конечно-сь, тутъ не безъ расходовъ, да за то в цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ-сь. Ну, и опять-таки отъ того для насъ это дѣло сподручно, что принимають тамъ вое, можно сказать, по Божески. Намеднись, вовъ я полшубки въ казну ставилъ; только развѣ что кислотной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему я зващя-то полшубка нѣтъ—тѣсто тѣстомъ; поди-ка я съ этими полшубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ—на смѣхъ бы подняли! Ну, а въ казну все изойдетъ, по той причинѣ, что потребленіе тамъ большое. Вотъ тоже случилось мнѣ однажды муку въ казну ставить. Я, было, въ тѣ-поры и барки ужъ нагрузилъ: сплыть бы только, да и вся ве долга. Анъ тутъ подвернулся приказный отъ купцовъ заграничныхъ—цѣну даетъ главную. Думалъ я, думалъ, да перекрестившись, в отдалъ весь хлѣбъ приващкву.

„Праздношатающійся. А вакже съ казною-то?

„Ижвурдинъ. Съ казною-то? А вотъ какъ: пошелъ я, запродавши хлѣбъ-отъ, къ писарю становаго, такъ онъ маѣ, за четвертакъ, такое свидѣтельство написалъ, что я даже самъ подвинулся. И наводнеше, и мелководіе тутъ; только нашествія неприятельскаго ве было. (*Всѣ смѣются*). Такъ ово и доподлинно скажешь, что казва матушка всѣмъ вамъ кормилица... Это точно-сь. По той причинѣ, что если бъ ве казна, куда же бы намъ съ торговлей-то дѣваться? Это все единственно, что деньги въ ломбардъ положить, да и сидѣть самому на печк, сложа руки.

„Праздношатающійся. (*глубокомысленно*). Да, это такъ... недостатокъ вредпріимчивости... Это, такъ сказать, болѣзнь русскаго купечества... Это знаете... (*Палахвостовъ улыбается*). Вы смѣтесъ? Но скажите, отчего же? Отчего же англичане, напримѣръ, французы...

„Ижвурдинъ. А оттого это, батюшка, что на все свой резонъ есть-сь. Положимъ, вотъ хоть я предприичивый человекъ. Снарядилъ я пригѣрно, корабль, или тагъ подрядился въ какому ни на-есть иностранцу выставить столько-то тысячъ кулей пуха. Вотъ-сь, и новупись я муку, испупись дешево—нече сказать, это все въ нашихъ рукахъ—погрузилъ ее въ барни... Ну-сь, а потомъ-то куда жъ я съ ней дѣнусь?

„Праздношатающийся. Какъ куда?

„Ижвурдинъ. Да точно такъ-сь. Позвольте полюбопытствовать, изволили вы по Волгѣ плавать? Нѣтъ-сь? Такъ это точно, что вы ва зтотъ счетъ сумнѣвье имѣть можете; а вотъ какъ мы въ зтвомъ дѣлѣ, можно сказать, съ младенчества провазшли, такъ в знаемъ, какъ это рѣка-сь. Это рѣва, доложу я вамъ, съ позволенія сказать-сь. Сегодня она вонъ здѣсь, а на другой, сударь, годъ, на зтвомъ мѣстѣ ужъ песокъ, и ова во-вуда побѣгла. Някавъ тутъ я не сообразилъ. Тащилъ-ся—тащилъ-ся зтта еъ грузонъ-то, надо злость тебя одолѣеть. До Питера-то изъ нашихъ мѣсть года въ два ве доѣдешъ, да и то еще Бога благодари, воли угодники тебя доѣхать допустить. А то вогъ не хочешъ ли на мели посидѣть, или совсѣмъ затонуть; или вотъ рабочіе у тебя съ барокъ аоубѣгутъ—ну, и плати за все въ три-дорога. Какая же тутъ, сударь, цѣна? Могу ли я теперича досконально себя въ зтвомъ дѣлѣ разсчитать? Что вотъ, молъ, куовль я по томъ-то, провозъ будетъ стоить столько-то, продамъ по такой-то цѣнѣ? А неустойка? Вѣдь англичанинъ-то ве казна-сь; у него нѣтъ зтихъ ви мелководій, ни мровыхъ повѣтріевъ; ему вынн да положъ. Нѣтъ-сь; наша торговля еще, можно сказать, въ рукахъ Божихъ ваходится. Вывезетъ Волга-матушка—ну, и съ капиталомъ; ве вывезетъ—зубы на полку владн“.

Если вы не прислушивались внимательно къ откровеннымъ разговорамъ Ижбурдина и его товарищей, вы, пожалуй, предположите, судя по его привычкамъ, что онъ держится своего порядка коммерческихъ оборотовъ по личной наклонности къ такому порядку. Если вы не знакомы съ нимъ ни по какимъ другимъ дѣламъ кромѣ коммерціи, вы можете вообразить, что онъ человекъ безъ души и совѣсти. Но когда, узнавъ его поближе, какъ человекъ, вы найдете въ немъ очень много хорошихъ качествъ и еще больше прекрасныхъ зародышей, остающихся неразвитыми и ожидающихъ только благоприятной поры для своего развитія, вы, быть можетъ, посовѣтитесь думать о немъ такъ презрительно, какъ привыкли думать. Быть можетъ вы признаетесь, что вы поступили бы подобно ему, если бы находились въ его положеніи; быть можетъ даже, вы сказали бы, что зтотъ человекъ, каковы бы ни были въ настоящее время его коммерческіе обороты, не только человекъ положительно добрый въ душѣ, но и способный совершенно переродиться.

А быть можетъ, вы человекъ, привыкшій осуждать и хвалить поступки людей, не принимая въ соображеніе силу обстоятельствъ, при которыхъ невозможно образоваться въ обществѣ благороднымъ привычкамъ, или не возможно отстать отъ дурныхъ привычекъ. Въ такомъ случаѣ вы прямо назовите пустяками мнѣніе, высказанное нами. На такой рѣшительный разговоръ позвольте отвѣчать вамъ разсказомъ о дѣйствительномъ случаѣ. Разсказъ зтотъ умѣстенъ здѣсь. Онъ познакомитъ читателей съ чертою изъ жизни человекъ, всѣ силы котораго были посвящены благу его родины.

Дмитрій Ивановичъ Мейеръ, скончавшійся въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго года, профессоромъ здѣшняго Унивортитета, около десяти лѣтъ занималъ каеодру гражданскихъ законовъ въ Казанскомъ Университетѣ. Постоянною мыслію его было улучшеніе нашего юридическаго быта еилою

знанія и чести. Здѣсь не мѣсто говорить о его трудахъ по званію профессора, о его чрезвычайно сильномъ благотворномъ вліяніи на слушателей, которые всѣ на всю жизнь сохранили благоговѣшіе къ его памяти. Цѣль нашего разсказа требуетъ только замѣтить, что задушевнымъ его стремленіемъ было соединеніе юридической науки съ юридической практикой. Онъ устроилъ при своихъ лекціяхъ въ Университетѣ консультации и самъ занимался воденіемъ судебныхъ дѣлъ, разумѣется, безъ всякаго вознагражденія (это былъ человѣкъ героическаго самоотверженія), съ цѣлью показать своимъ воспитанникамъ на практикѣ, какъ надобно вести судебныя дѣла. Одно изъ такихъ дѣлъ и будетъ предметомъ нашего разсказа.

Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Мейеръ, былъ купецъ, разъ или два съ большою пользою для себя совершавшій продѣлку, на которую рѣшается Большаковъ (въ комедіи г. Островскаго). Пріобрѣтя опытность въ этомъ выгодномъ упражненіи, овъ вздумалъ еще разъ объявить себя банкротомъ и предложилъ своимъ кредиторамъ получить по пяти или по десяти копѣекъ за рубль. Прежнія продѣлки такого рода удачно сходили ему съ рукъ. Никто не могъ или не хотѣлъ уличить его въ злостномъ банкротствѣ. Онъ думалъ, что и теперь дѣло кончится по прежнимъ примѣрамъ. Но Мейеръ сказалъ кредиторамъ, что готовъ взять на себя управленіе дѣлами конкурса. Вице-губернаторомъ былъ тогда человѣкъ благонамѣренный, и Мейеръ могъ вести дѣло строгимъ законнымъ порядкомъ. Долгаго времени, большого труда стоило ему привести въ порядокъ счета торговца, веденные, по общему обычаю, безалабернымъ образомъ и, сверхъ того, умышленно запутанные и наполненные фальшивыми цифрами. Всѣ средства подкупа, обмана и промедленія были употреблены должникомъ и его партизанами. Все напрасно. Мейера нельзя было ни запугать, ни обольстить, ни обмануть. Онъ сидѣлъ надъ счетными книгами и записками и, наконецъ, привелъ дѣло въ ясность. Онъ доказалъ злостность банкротства, и банкротъ былъ арестованъ. Мѣсяць проходилъ за мѣсяцемъ въ извѣстныхъ переговорахъ между банкротомъ и его партизанами. Всѣ ихъ усилія оказывались напрасными. Банкротъ сидѣлъ подъ арестомъ, Мейеръ былъ непоколебимъ. Такъ прошло около года. Наконецъ банкротъ убѣдился, что не можетъ ни обольстить Мейера, ни пересилить его. Онъ заплатилъ долги своимъ кредиторамъ, и былъ выпущенъ изъ-подъ ареста. И прямо изъ-подъ ареста явился въ квартиру Мейера. Какъ вы думаете, съ какими словами? „Благодарю тебя, уважаю тебя“, сказалъ онъ своему бывшему сопернику: „на твоёмъ примѣрѣ увидѣлъ я, что значить быть честнымъ. Черезъ тебя я узналъ, что я поступалъ дурно. У насъ такъ принято дѣлать, какъ дѣлалъ я. Ты мнѣ раскрылъ глаза. Теперь я понимаю, что дурно и что хорошо. Изъ всѣхъ людей, съ которыми имѣлъ я дѣло, я вѣрю тебѣ одному. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ я буду слушаться тебя, а ты не оставь меня своимъ совѣтомъ“.

Фактъ, нами разсказанный, могутъ засвидѣтельствовать всѣ, жившіе тогда въ томъ городѣ, гдѣ находился Мейеръ и производилось дѣло. Обратите же вниманіе на этого банкрота, вы, которые не вѣрите въ коренное благородство, во врожденную любовь и уваженіе къ правдѣ въ душахъ, невидимому, самыхъ загрубѣлыхъ и испорченныхъ. Въ лицѣ этого банкрота сое-

дцены были всё тѣ признаки, которыми можетъ доказываться совершенная испорченность сердца, совершенная неспособность виновнаго обновиться для честной жизни; соединились всё обстоятельства и побужденія, которыя могутъ сдѣлать признаніе правды противнымъ самолюбію и эгоизму человѣка. Злостное банкротство есть одно изъ тѣхъ преступленій, которыя требуютъ наибольшей ожесточенности сердца. Оно совершается не въ минуту гнѣва или увлеченія, оно совершается хладнокровно, обдуманно. Обдуманная рѣшимость погубить многихъ людей должна господствовать въ сердцѣ преступника не нѣсколько часовъ или дней, а цѣлые мѣсяцы, быть можетъ, цѣлые годы; потому что для исполненія его преступной мысли нѣжно ему очень долго хлопотать, чтобы, съ одной стороны, получить всё деньги отъ своихъ должниковъ, съ другой стороны—задолжать, какъ можно болѣе, своимъ кредиторамъ и, не роняя своего кредита, значительно уменьшить наличный запасъ товаровъ въ своихъ магазинахъ. Привести къ желаемому концу эти различныя операціи, изъ которыхъ одна препятствуетъ другой, очень затруднительно для торговца. Наконецъ, когда цѣль достигнута, когда въ магазинахъ нѣтъ товаровъ, когда получены всё деньги съ должниковъ и роздано множество векселей, начинаются новыя, труднѣйшія испытанія, противъ которыхъ устоитъ только самая черствая душа. Преступникъ объявляетъ себя банкротомъ, и съ этой минуты каждый день долженъ выдерживать самыя возмутительныя сцены. Къ нему являются люди, имъ разоряемые, они плачутъ передъ нимъ, умоляютъ его, осыпаютъ его проклятіями,—онъ долженъ оставаться хладнокровнымъ и непоколебимымъ въ своей рѣшимости. Самый закоснѣлый разбойникъ, совершившій десятки убійствъ, содрогается сердцемъ отъ мольбы своихъ жертвъ и говоритъ, что если бы сцена убійства не была дѣломъ минуты, онъ не могъ бы выдержать ее. Для банкрота подобныя сцены непрерывно тянутся въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ, и онъ непреклонно выдерживаетъ свой характеръ. Въ этомъ страшномъ дѣлѣ нашъ банкротъ былъ не новичокъ. Не въ первый разъ занялся онъ имъ, когда встрѣтилъ противникомъ себѣ Мейера. Возвысить такого человѣка до любви къ справедливости и добру было, кажется, дѣломъ гораздо болѣе неправдоподобнымъ, нежели обратить шайку разбойниковъ въ героевъ добродѣтели. И въ чьомъ лицѣ приходилось этому банкроту полюбить справедливость и доброту? Въ лицѣ того человѣка, котораго изъ всѣхъ людей въ мірѣ онъ долженъ наиболѣе ненавидѣть. Нашъ банкротъ считалъ себя непобѣдимымъ хитрецомъ — Мейеръ, раскрывъ всё его уловки, жесточайшимъ образомъ оскорбилъ его самолюбіе; Мейеръ разорилъ его, надолго лишилъ его свободы, подвергъ жестокимъ страданіямъ продолжительнаго ареста—и этого жесточайшаго гонителя и врага своего долженъ былъ полюбить человѣкъ съ закоснѣлою душою, имъ оскорбленный, разоренный, измученный. Дѣло совершенно неправдоподобное для тѣхъ поверхностныхъ наблюдателей, которые не знаютъ, какъ много остатковъ и зародышей добра и благородства таится въ душѣ самаго дурнаго изъ дурныхъ людей, которые забываютъ, что самый закоснѣлый злодѣй все-таки человѣкъ, т. е. существо, по натурѣ своей, склонное уважать и любить правду и добро и гнушаться всѣмъ дурнымъ, существо, могущее нарушать законы

добра и правды только по незнанію, заблужденію или по вліянію обстоятельство сильнѣйшихъ, нѣжели его характеръ и разумъ, но никогда ве могущее, добровольно и свободно, предпочесть зло добру. Отстраните пагубныя обстоятельства, и быстро просвѣтлѣветъ умъ человѣка и облагородится его характеръ.

Такіе люди, какъ Мейеръ, составляютъ рѣдкое исключенію во всякомъ обществѣ въ каждое время. Ихъ примѣръ, конечно, самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствуетъ на каждого, кто вступаетъ въ близкія отношенія съ ними. Сила ихъ личности такова, что для человѣка, вовлеченнаго въ сферу ея дѣйствія, уравнивается, часто даже превозмогается вліяніемъ ея вліяніе всѣхъ другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ въ противномъ направленіи. Но число баярдовъ, людей „безъ страха и упрока“, какъ Мейеръ, всегда и вездѣ было такъ не вѣлико, что сила ихъ личнаго вліянія могла отражаться лишь на незначительной части общества, которому они принадлежали. Примѣръ жизни отдѣльнаго героя добродѣтели увлекаетъ лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, но не цѣлыя общества. Напрасно успокоивать себя мечтою: пусть явятся добродѣтельные люди, и примѣръ ихъ исправитъ общество. Въ исторіи обществъ примѣръ не можетъ имѣть такой силы. Онъ важенъ, если указываетъ практическій способъ достичь цѣли, которой и безъ того каждому хотѣлось ужь достигнуть, имѣя на то средства. Васко-де-Гама обогнулъ мысъ Добрая-Надежды, и тысячи кораблей устремились вслѣдъ за нимъ. Но это потому только, что уже и безъ Васко-де-Гамы, и прежде него всѣмъ хотѣлось доходить моремъ до Индіи, а корабли были уже готовы. Но никогда въ исторіи не можетъ имѣть примѣръ такой силы, чтобы имъ устранялось дѣйствіе закона причинности, по которому нравы народа сообразуются съ обстановкою народной жизни. Десятки тысячъ гордыхъ своимъ достоинствомъ и дѣятельныхъ англичанъ живутъ въ Индіи среди народа, обстоятельства жизни котораго сложились такъ, что главными чертами нравовъ его стала низость и лѣность. Обстоятельства эти до сихъ поръ не устранены и, какъ видимъ, индѣйцы по прежнему остаются низки и лѣнны, хотя имѣютъ передъ глазами множество примѣровъ противныхъ качествъ въ англичанахъ. Но пусть англичане позаботятся объ отстраненіи тѣхъ фактовъ, вліяніемъ которыхъ развратились и унизились индѣйцы: тогда не много нужно будетъ лѣтъ для того, чтобы воскресли въ индѣйскомъ народѣ трудолюбіе, уваженіе передъ закономъ, любовь къ справедливости и чувство человѣческаго достоинства.

Но оставимъ Остъ-Индію и англичанъ. Пусть они воображаютъ, что лучшее средство имъ утвердиться въ Остъ-Индіи не пріобрѣтеніе преданности отъ индѣйцевъ, а пріобрѣтеніе Герата и Кандагара. Пусть они забываютъ, что если Великобританія съ своими тридцатью миліонами населенія не опасается никакого иноземнаго нашествія, то Индія съ своими полуторастами миліонами населенія не нуждалась бы, конечно, ни въ какихъ Гератахъ, если бы признавала пользу защищать учрежденія, которыми была бы обязана англичанамъ. Это дѣло однихъ предположеній, которыя мы сами готовы вазвать праздными. И какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ азіатцевъ? Пусть себѣ лѣнятся. У нихъ такой благодатный климатъ, что имъ очень

можно лѣниться. Если бы, напримѣръ, г. Буеракинъ жилъ въ Остѣ-Индіи, его нравы чрезвычайно хорошо пришлись бы къ тропическому климату, и мы не сказали бы ни слова противъ его образа жизни. Онъ мечтаетъ. Это было бы очень удобно и прилично на берегахъ Нербудды, подъ тѣнью банановъ. Но мы думаемъ, что ему очень скучно мечтать въ селѣ Заовражѣ, и что, раньше или позже, соскучившись мечтать, онъ, подобно Ижбурдину и Подъячому прошлыхъ временъ, вздумаетъ заняться дѣломъ. Конечно, онъ будетъ поступать не такъ, какъ эти невѣжды. Онъ человѣкъ благородный в просвѣщенный. Онъ захочетъ перенести въ жизнь свои гуманныя убѣжденія. О людяхъ съ гуманными убѣжденіями существуетъ у насъ повѣрье, будто они люди вовсе не практическіе и, принявшись за дѣло, сочинять такую путаницу, что для замѣшаннаго въ нее народа будетъ тяжелѣе, нежели когда бы попался онъ въ руки Подъячому прошлыхъ временъ или даже самому Ивану Петровичу. Въ литературѣ было очень много заслуженныхъ насмѣшекъ надъ такими людьми; и Щедринъ, подобно другимъ нашимъ старикамъ, очень строго и справедливо уличаетъ представителя непрактическихъ людей съ возвышенными стремленіями въ очеркѣ „Неумѣлье“. Но Буеракинъ не таковъ. Онъ человѣкъ проникательный. Если онъ захочетъ взяться за дѣло, онъ съумѣетъ повести дѣло, какъ нужно по его мнѣнію.

До сихъ поръ мы очень мало касались воззрѣній самого Щедрина на людей, имъ изображаемыхъ. Типы и факты, о которыхъ мы говорили, такъ просты, что между порядочными людьми не можетъ быть никакого личнаго различія въ понятіяхъ о нихъ. Никто не станетъ восхищаться Подъячимъ прошлыхъ временъ и Ижбурдинымъ съ товарищами. Но на людей, подобныхъ Буеракину, можно смотрѣть различно. Слова его гуманны. Людямъ, зависящимъ отъ него, приходится жить очень плохо. Очень многіе, не колеблясь, скажутъ, что онъ человѣкъ дурной, говорящій одно, дѣлающій другое. лаяецъ и лицемеръ. Мнѣніе очень натуральное. Но Щедринъ не раздѣляетъ его, и въ томъ надобно видѣть одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ рѣдкаго анашія жизни и умѣнья цѣнить людей. У Щедрина Буеракинъ вовсе не лицемеръ. Онъ не только говоритъ о благѣ общемъ, онъ дѣйствительно желаетъ его, на сколько понимаетъ. Скажемъ больше: въ томъ кругу жизни, который зависитъ отъ него, онъ приводитъ въ неполное тѣ мысли, которыя кажутся ему справедливыми. Справедливо самъ Буеракинъ называетъ себя человѣкомъ откровенно добрымъ. Весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, что Щедринъ раздѣляетъ это мнѣніе. Какъ честный докладчикъ, Щедринъ нисколько не скрывалъ тѣхъ дурныхъ вещей, которыя допускаются или даже дѣлаются Буеракиными. Объ этихъ вещахъ говоритъ онъ съ справедливымъ негодованіемъ, и, однако же, все таки видно, что онъ расположенъ къ Буеракину, хотя за многое строго осуждаетъ его. Щедринъ не могъ бы имѣть „добрымъ пріятелемъ“ человѣка дурнаго.

Какимъ же образомъ человѣкъ добрый и хороший, человѣкъ съ очень просвѣщеннымъ образомъ мыслей и проникательнымъ умомъ можетъ дозволять дѣлать такія дурныя вещи, какъ Буеракинъ? Многіе скажутъ: это потому, что онъ человѣкъ безхарактерный, слабый, излѣнившийся. Самъ Буеракинъ отчасти намекаетъ на такое объясненіе, конечно выгоднѣйшее для

его добраго имени. Онъ, видите ли, представляетъ себя чѣмъ-то въ родѣ Гамлета, человѣка сильнаго только въ бесплодной рефлексіи, но слабаго на дѣло, по причинѣ отсутствія воли. Это ужъ не первый Гамлетъ является въ нашей литературѣ,—одинъ изъ нихъ даже такъ и назвалъ себя прямо по имени „Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда“; а нашъ Буеракинъ, по всему видно, хочеть быть „Гамлетомъ Крутогорской губерніи“. Видно, не мало у насъ Гамлетовъ въ обществѣ, когда они такъ часто являются въ литературѣ,—въ рѣдкой повѣсти вы не встрѣтите одного изъ нихъ, если только повѣсть касается жизни людей съ такъ называемыми благородными убѣжденіями.

Однакожь мы не остановимся на одномъ прозваніи такихъ людей; намъ мало имени, мы хотимъ знать дѣло,—мы хотимъ знать, почему Гамлетъ—Гамлетъ, то есть человѣкъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своей души дѣлающійся нученіемъ для самого себя и причиною гибели для тѣхъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, и которымъ онъ очень искренно желаетъ добра,—напримѣръ, причиною гибели Офеліи и Лаэрта. Одною слабостью характера при силѣ ума, наклоннаго къ рефлексіи, этого дѣла не объяснишь: мало ли людей съ слабымъ характеромъ, сильнымъ умомъ и склонностью къ рефлексіи, проживаютъ свой вѣкъ очень счастливо для себя и для близкихъ къ себѣ? Есть тутъ другое обстоятельство: Гамлетъ находится въ фальшивомъ или, проще сказать, ненатуральномъ положеніи. Онъ, какъ сынъ, долженъ былъ бы любить свою мать, и однакоже долженъ ненавидѣть ее, какъ убійцу своего отца. Онъ искренно и очень горячо любитъ Офелію — и однакоже не считаетъ приличнымъ для себя жениться на ней. Положеніе обоихъ дѣлъ такъ противоестественно, что можетъ надѣлать чепухи въ головѣ человѣка и не имѣющаго склонности къ рефлексіи, можетъ вывести къ поступкамъ нелѣпо непослѣдовательнымъ и пагубнымъ для него самого и для другихъ даже такого человѣка, который не отличается особенною слабостью воли. Только немногіе негодяи, одаренные очень рѣдкою безсовѣстностью, или еще менѣе многочисленные счастливцы, одаренные желѣзнымъ стонцизмомъ, могли бы поступать благоразумно и быть счастливы на мѣстѣ Гамлета. Изъ ста человѣкъ девяносто-двоятъ, будучи въ его положеніи, точно также мучились бы, надѣлали бы точно такихъ же бѣдъ и себѣ и другимъ. Различіе темпераментовъ относительно такихъ дѣлъ имѣетъ мало важности. Въ томъ и заключается всемірное значеніе драмы Шекспира, что въ Гамлетѣ вы видите самихъ себя въ данномъ положеніи, каковъ бы ни былъ вашъ темпераментъ.

Взгляномъ же съ этой точки зрѣнія на нашего Буеракина. Оставимъ па время психологическія особенности его характера.—Всмотримся только въ его положеніе, и для васъ будетъ ясно, почему онъ, говоря такъ хорошо, поступають такъ дурно. Отношенія его къ людямъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, также не натуральны, какъ отношенія Гамлета къ Офеліи. Любитъ женщину и не желать назвать ее своею женою, желать добра людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ брать у нихъ необходимое имъ, для удовлетворенія своимъ прихотямъ,—которое изъ этихъ двухъ положеній кажется вамъ менѣе противоестественно, менѣе фальшиво? Ва паши глаза оба они равно не натуральны, равно дурны.

Многіе обвиняють Буеракина въ невѣрности своимъ убѣжденіямъ; быть можетъ, и вы, читатель, назвали его лицемѣромъ? Въ такомъ случаѣ вы выразились неосторожно и неосновательно. Измѣна убѣжденіямъ! Мизантропы говорятъ, что это нравственное преступленіе совершается людьми гораздо рѣже, нежели какъ кажется; что человѣкъ, сознательно измѣняющій своимъ основнымъ убѣжденіямъ, человѣкъ, у котораго мысль раздвоилась съ желаніемъ, такое же рѣдкое явленіе, какъ человѣкъ, у котораго правая половина лица не похожа на лѣвую. Берне, — кажется, онъ не слинкомъ выгодно думалъ о людяхъ и достаточно бранилъ ихъ, — Берне прямо говорить, что едва ли когда нибудь хотя одинъ человѣкъ измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Едва ли не придется согласиться съ Берне, если только не будешь обольщаться общими фразами, принимающими различныя оттѣнки смысла въ различныхъ устахъ, и станешь внимательно присматриваться къ точному содержанію убѣжденій. Часто самъ человѣкъ не замѣчаетъ истиннаго содержанія своихъ убѣжденій, воображаетъ, что онъ думаетъ вовсе не то, что въ самомъ дѣлѣ онъ думаетъ, — вотъ хотя бы напримѣръ Буеракинъ. Онъ отъ искренней дунни называетъ себя „негоднымъ“ человѣкомъ, т. е. негоднымъ для жизни и для принесенія пользы ближнему, и воображаетъ, что въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя человѣкомъ негоднымъ. А на самомъ дѣлѣ неужели таково его убѣжденіе о себѣ? Постороннему человѣку это видѣе, нежели ему самому. Послушайте только, что онъ отвѣчаетъ черезъ нѣсколько строкъ Щедрину на вопросъ о его лѣности и бездѣйствіи. Щедринъ говорить:—вы ничего не дѣлаете и воображаете, что ничего полезнаго нельзя едѣлать.

„—Угадали, говорятъ Буеракинъ:—угадали. Но отъ васъ ускользнули нѣкоторыя подробности, которыя я и постараюсь объяснить вамъ. Первое дѣло, которымъ я занимаюсь,—это мое искреннее желаніе быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ. Это дѣло не трудное, и я достигаю достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, коль скоро какъ можно менѣе вмѣшиваюсь въ дѣла управленія. Вы однакожь не думайте, чтобъ я ооступалъ такимъ образомъ изъ безнечности или преступной лѣности. Нѣтъ, у меня такое глубокое убѣжденіе въ совершенной неужаости вмѣшательства, что и управляющій мой существуетъ только для вида, для очнстка совѣсти, чтобъ не сказали, что овцы безъ пастыря ходять... Поняли вы меня“?

„— Ну, тутъ еще не много работы“...

„— Вольше, нежели вы предполагаете“...

Конечно въ этомъ монологѣ есть оттѣнокъ ироніи, но подъ ироніею скрывается положительно доброе мнѣніе о своей дѣятельности. Да и каковъ смыслъ самой ироніи? Онъ очень ясенъ. „Правда, я дѣлаю кое-что хорошее; но столько ли еще хорошаго способенъ былъ бы я сдѣлать, еслибъ дано было мнѣ болѣе обширное поприще дѣятельности!“ — „А какъ же онъ самъ себя, за минуту, называлъ „негоднымъ“ человѣкомъ?“ — Это ничего. Когда человѣкъ, не переводя духа, говорить о себѣ: „Правда я дрянъ, по все-таки я хорошій человѣкъ“—въ этой фразѣ нѣтъ нисколько противорѣчія. Не много нужно проницательности, чтобы видѣть, какое именно слово этой, повидному, противорѣчивой фразы положительно выражаетъ мнѣніе говорившаго. Это слово:—„я хорошій человѣкъ“. Предъидущая половина фразы ни мало ему не противорѣчитъ; напротивъ, она только усиливаетъ его зна-

чение, имѣя такой смыслъ: „Нынѣ обстоятельства не даютъ обнаружиться моему превосходству во всемъ его объемѣ. Я не могу дѣлать ничего достойнаго моихъ великихъ качествъ. Теперь вы смотрите на меня, какъ на чловѣка замѣчательнаго: но какъ вы удивились бы моей геніальности и моему благородству, если бы обстоятельства когда нибудь позволили проявиться всему богатству моей натуры!“ Въ сущности Буеракинъ вовсе не считаетъ себя чловѣкомъ не дѣятельнымъ и бесполезнымъ. Напротивъ, мысль о противорѣчии его поступковъ его убѣжденіямъ не приходитъ ему и въ голову. Напротивъ, онъ гордится своимъ образомъ дѣйствій, какъ совершенно сообразнымъ съ его убѣжденіями. Приведенная нами выписка убѣдитъ каждого, что наружность лѣнивца дѣйствительно не мѣшаетъ ему быть чловѣкомъ дѣятельнымъ. Внимательное разсмотрѣніе его убѣжденій докажетъ, что какова бы ни была его дѣятельность, но она сообразна съ его убѣжденіями.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе чловѣка имѣетъ рѣшительное вліяніе на характеръ его убѣжденій. Черезъ всю исторію можно прослѣдить тотъ неизмѣнный фактъ, что при переходѣ чловѣка изъ наблюдательнаго, теоретическаго положенія къ практической дѣятельности, онъ обыкновенно очень многомъ начиналъ слѣдовать примѣру своихъ предмѣстниковъ въ этомъ практическомъ положеніи, хотя прежде осуждалъ ихъ образъ дѣйствій. Односторонніе и поверхностные теоретики называютъ это недобросовѣстностью. Но фактъ, столь всеобщій, не можетъ зависѣть отъ личныхъ слабостей или пороковъ отдѣльныхъ людей. Онъ долженъ необходимо имѣть какія нибудь основанія въ самой необходимости вещей. Дѣло въ томъ, что съ каждой новой точки зрѣнія перспектива измѣняется. Какому нибудь французскому публицисту очень легко было осуждать англійскихъ министровъ за то, что они лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вели войну съ Китаемъ для поддержанія торговли опиумомъ. Съ своей точки зрѣнія публицистъ былъ правъ. Но еслибъ ему самому случилось сдѣлаться англійскимъ министромъ, онъ, по всей вѣроятности, продолжалъ бы войну за опиумъ, которую прежде такъ строго осуждалъ. Онъ сказалъ бы: „конечно, торговля опиумомъ безнравственна, но она уже существуетъ и не можетъ быть искоренена моими усиліями, потому что сами китайцы ее хотятъ поддерживать. Еслибъ англичане перестали продавать китайцамъ опиумъ, китайцы нашли бы себѣ другихъ продавцовъ—американцевъ, французовъ, португальцевъ. При томъ же, честь англійскаго флага была оскорблена китайцамп. Этого нельзя оставить безъ наказанія. Наконецъ, война ведется вовсе не за опиумъ, а за то, что китайцы нарушили договоры, съ нами заключенные“. И опять, съ своей точки зрѣнія, этотъ чловѣкъ былъ бы правъ. Добросовѣстность его въ обоихъ случаяхъ одинакова, различенъ только его взглядъ на вещи, и различіе этого взгляда зависитъ отъ разности положеній. Въ первомъ случаѣ, какъ французскій публицистъ, онъ не имѣлъ ни охоты, ни нужды принимать особенно близко къ сердцу частные интересы Англии. Онъ рѣшалъ дѣло единственно на основаніи идеи справедливости. Во второмъ случаѣ, какъ англійскій министръ, онъ долженъ заботиться объ этихъ интересахъ. Если они не близки къ его сердцу, тогда именно онъ былъ бы чловѣкомъ недобросовѣстнымъ и дурнымъ. Его прежніе товарищи, французскіе журналисты, скажутъ: „онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ“! Онъ будеть

отвѣчать имъ: „Не мало не измѣнялъ. Но прежнему я думаю, что справедливость выше всего. Но, вы согласитесь, справедливость требуетъ, чтобы англійскій министръ принималъ въ соображеніе интересы Англии. Торговля опиумомъ несправедлива. Но нелѣпо было бы англичанамъ передать эту торговлю въ руки своихъ соперниковъ. Если бы она могла быть прекращена, мы отказались бы отъ нея. Но прекратиться она не можетъ. Ее поддерживаютъ сами китайцы. Они повсюду ищутъ опиума. Или вы хотите, чтобы мы завоевали Китай для истребленія въ китайцахъ насильственными мѣрами привычки къ куренію опиума? Завоеванія Китая нами было бы единственнымъ средствомъ прекратить торговлю опиумомъ. Видите ли, въ какое противорѣчіе вы впадаете? Для прекращенія нашей войны съ Китаемъ вы требуете, чтобы мы завоевали Китай. Вы не хотите понимать настоящаго положенія дѣлъ и требуете вещей несообразныхъ и невозможныхъ, — вещей болѣе несправедливыхъ, нежели самая война за опиумъ. Прежде я, подобно вамъ, не зналъ фактовъ, судилъ по отвлеченной теоріи. Я ни мало не измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Справедливость выше всего. Но въ чемъ же справедливость? — вотъ вопросъ. Чтобы разрѣшить его, нужно знать факты. Прежде я, подобно вамъ, не зналъ ихъ; теперь знаю. Вотъ вся разница между вами и мною“. Съ своей точки зрѣнія, онъ будетъ совершенно правъ.

Итакъ, два различныя положенія необходимо ведутъ къ двумъ различнымъ взглядамъ на вещи. Съ измѣненіемъ положенія человѣка измѣняется его точка зрѣнія, измѣняется и характеръ его убѣжденій. Но къ чему намъ говорить объ Англии и англичанахъ? Иной можетъ сказать, что въ наше время люди дурны, что въ наше время нѣтъ твердости убѣжденій. Лучше мы сошлемся на другой примѣръ, заимствуемый изъ міра непоколебимыхъ убѣжденій и непреклонныхъ характеровъ, изъ міра Римскаго. Лѣтъ тысячи за двѣ до нашего времени Цицеронъ надѣлалъ страшнаго шума, нападая на гнусные, по его мнѣнію, поступки Верреса въ Сициліи. Страшно дурнымъ человѣкомъ выставилъ онъ несчастнаго Верреса: нарушителемъ всѣхъ законовъ, нарушителемъ всякой правды и совѣсти, грабителемъ, убійцей и т. д., и т. д. По словамъ Цицерона, оказывалось, что никогда еще въ мірѣ не бывало недобря и злодѣя, подобнаго Верресу. Верресъ струсиль и бѣжалъ изъ Рима, не защищаясь. Совершенно напрасно. Почему бы ему не защищаться? Развѣ не было у него оправданій? Онъ могъ бы сказать Цицерону, напримѣръ, слѣдующее: „Мой другъ! вы не были пропреторомъ въ Сициліи. Вы не знаете этихъ людей. Войдите въ мое положеніе. Я желалъ бы знать, что вы сами стали бы дѣлать на моемъ мѣстѣ? Вы говорите объ уваженіи къ законамъ. Я самъ уважаю ихъ не меньше, нежели вы. Я былъ въ Римѣ Praetor Urbani. Скажите, нарушалъ ли я тогда законы? Допускалъ ли я подкупъ и клятвopреступленіе въ судѣ? Нѣтъ. Вы этого не можете сказать. Вы видите, въ городѣ, гдѣ возможно правосудіе и законность, я строго держался этихъ священныхъ принциповъ. Но знаете ли вы Сицилію? — Въ этой странѣ нѣтъ понятія о честности, о законности. Если бы вы, мой другъ, вздумали тамъ рѣшать какую нибудь тяжбу по римскимъ законамъ, говорящимъ, что приговоръ долженъ быть основанъ на документахъ и на показаніи

пняхъ свидѣтелей, вы, мой другъ, ни одного дѣла не рѣшили бы справедливо: вамъ представили бы фальшивые документы, облеченные въ строго-легальную форму; вамъ представили бы ложныхъ свидѣтелей, показанія которыхъ были бы неопровержимы по правиламъ легальности; знаете ли вы, мой другъ, что въ Сициліи за каше нибудь десять сестерціевъ составить вамъ какой угодно фальшивый документъ, что вы на рынкѣ найдете тысячи людей, готовыхъ дать какое угодно показаніе въ вашу пользу за пять сестерціевъ? Пропреторъ Сициліи имѣетъ подчиненныхъ ему судей и администраторовъ—всѣ они продажные плуты; вы можете сколько угодно смѣнять и называть этихъ людей,—пресмники ихъ будутъ точно таковы же. Таковы. топ шер (какъ говорятъ въ Галліи), нравы сициліанцевъ. Васъ обманывали бы на каждомъ шагу. Если бы вы возстановили противъ себя этихъ людей, васъ поймали бы въ такую ловушку, что вы лишились бы и своего пропреторства и головы. Теперь вы обвиняете меня въ административныхъ злоупотребленіяхъ—наказаніемъ можетъ мнѣ за то служить только изгнаніе изъ вашего города Рима (въ которомъ я и жить не хочу — мнѣ гораздо пріятнѣе жить въ Аеинахъ, между образованными людьми, нежели въ вашемъ полудикомъ Римѣ)—а если бы я возстановилъ противъ себя людей, съ которыми я имѣлъ дѣло въ Сициліи, этихъ взяточниковъ и плутовъ, они обвиняли бы меня въ измѣнѣ Риму, и я, топ шер, рисковалъ бы головою. И какой полезной цѣли я достигъ бы, возстановляя противъ себя всѣхъ и каждого въ Сициліи? Неужели мнѣ удалось бы въ самомъ дѣлѣ водворить вашу законность и справедливость? Знакомы ли вы, топ шер, съ иберійцемъ Сервантесомъ? Вы хотите, чтобы я разыгрывалъ въ Сициліи роль Донъ-Кихота. Carissime! глупо сражаться съ вѣтряными мельницами. Повѣрьте: не намъ съ вами остановить могущественное дѣйствіе крыльцовъ, движимыхъ силами стпхій. Благоразумному человѣку лучше всего быть мельникомъ, и брать за свой трудъ но горсти отъ медимна, доставляемаго на обработку въ ого мольницы“.

Мы не знаемъ, что могъ бы отвѣчать Цицеронъ на эти возраженія? Юлій Цезарь, конечно, не смутился бы ими. Онъ просто сказалъ бы: „Надобно съ Сициліей поступить такъ, какъ я поступилъ съ Транспаданскою Галліею. Я далъ жителямъ ея право римскаго гражданства. Теперь траспаданцы управляются собственными сановниками. Нѣтъ у нихъ ни пропреторовъ, ни тѣхъ порядковъ или беспорядковъ, которые существовали до моего времени“. Но Цицеронъ былъ врагъ Юлія Цезаря и его благотворныхъ для римскаго государства дѣйствій. Онъ осуждалъ Юлія Цезаря, какъ врага римской республики; онъ старался запутать Юлія Цезаря въ дѣло Катилины. Онъ хотѣлъ задушить Юлія Цезаря рукою палача, какъ задушилъ Лентула. Онъ не могъ бы согласиться съ мнѣніемъ Юлія Цезаря о дѣлѣ Верреса и сициліанцевъ.

Вотъ, въ этомъ дѣлѣ мы имѣемъ трехъ людей, занимающихъ различныя положенія. Верресъ — пропреторъ, Цицеронъ — юристъ, очень благонамѣренный, но ровно ничего не понимающій въ историческомъ ходѣ событій своего времени; Юлій Цезарь — государственный человѣкъ. Сообразно различію своихъ положеній, каждый изъ нихъ смотритъ на дѣло совершенно различными

глазами. Верресь думаетъ: „Сициліанцами нельзя управлять съ соблюденіемъ законности и справедливости. Но между тѣмъ, нужно же какъ нибудь управлять ими. Я поставленъ въ необходимость управлять ими такъ, какъ я управляю“. У него исходный пунктъ—нравы сициліанцевъ. Цицеронъ говоритъ: „Законы должны быть уважаемы. Кто нарушаетъ ихъ, тотъ злодѣй, и долженъ быть наказанъ. Ты, Верресь, нарушалъ законы, ты злодѣй, и долженъ быть наказанъ“. У него исходная точка — буква закона. Обстоятельствъ онъ не принимаетъ въ соображеніе. Съ своей точки зрѣнія каждый изъ нихъ правъ. Но и тотъ и другой поставлены своимъ положеніемъ на одностороннюю точку зрѣнія. И оба, могущіе быть равно добросовѣстными, равно гибельные люди для Сициліи. Верресь управляетъ Сициліею незаконно, но думаетъ, что иначе управлять ею нельзя. Цицеронъ хочетъ, чтобы Сицилія управлялась по законамъ, но не понимаетъ, что это невозможно при томъ состояніи и на тѣхъ условіяхъ, въ какихъ поручена Сицилія Верресу. Но есть третья точка зрѣнія, принадлежащая Юлію Цезарю, государственному человѣку, положеніе котораго внушаетъ ему принимать въ соображеніе какъ требованія легальности, которыми исключительно занятъ Цицеронъ, такъ и обстоятельства дѣлъ, которыми исключительно занятъ администраторъ Верресь. Юлій Цезарь говоритъ: „Въ настоящемъ положеніи дѣлъ Сициліею нельзя управлять законно и справедливо. Въ этомъ правъ Верресь. Но незаконное управленіе пагубно и несправедливо: въ этомъ правъ Цицеронъ. Итакъ, нужно измѣнить положеніе дѣлъ въ Сициліи. Средства къ тому я ужъ показалъ, давъ транспаданской Галліи права римскаго гражданства. Этимъ я улучшилъ нравы транспаданцевъ и водворилъ въ транспаданской Галліи законный порядокъ, котораго прежде не существовало въ ней“.

Все это мы говорили къ тому, чтобы показать, какъ различныя точки зрѣнія ва предметъ необходимо вытекаютъ изъ различныхъ положеній человѣка. Различіе темперамента, даже (страшно сказать) различіе въ нравственныхъ качествахъ человѣка ничтожно бываетъ передъ вліяніемъ его положенія на образъ его мыслей. Верресь былъ дурной человѣкъ (положимъ, хотя на то нѣтъ неопровержимыхъ доказательствъ), но подобно ему въ его положеніи дѣйствовали и всѣ другіе римскіе проквесторы, пропреторы и проконсулы,—и Катонъ, и Брутъ, и самъ Цицеронъ, когда былъ проконсуломъ,—Цицеронъ былъ хорошій человѣкъ (положимъ, хотя многіе въ томъ сомнѣваются),—въ такомъ случаѣ Гортензій, выступившій ему противникомъ въ тяжбѣ Верреса, былъ вѣроятно дурной человѣкъ. Но Цицеронъ и Гортензій оба въ совершенно одинаковомъ духѣ обрабатывали Римское Право. И конечно, никто не скажетъ, чтобы нравственные недостатки юриста когда нибудь отражались въ духѣ законовъ, имъ составляемыхъ. Хотя бы юристъ былъ убійца и разбойникъ, онъ никогда не напишетъ законовъ, покровительствующихъ убійству и разбою. Джеффризъ, съ которымъ наши читатели знакомы изъ Маколея, былъ величайшій въ мірѣ злодѣй и негодяй. Каждое его дѣйствіе было преступно; но однакоже истолкованія закона, котораго составлялъ онъ, по обязанности канцлера, составлены совершенно вѣрно духу англійскаго законодательства и до сихъ поръ уважаются англій-

скими юристами. — Въ нравственномъ отношеніи Юлій Цезарь былъ, конечно, ниже Цицерона; по всей вѣроятности, былъ ниже Верреса. По крайней мѣрѣ Верреса не ловили переодѣтаго въ женское платье въ комнатахъ женъ его пріятелей, какъ ловили Цезаря; Верресъ не поступалъ съ своими товарищами по преторству такъ нагло и безсовѣстно, какъ Цезарь съ своимъ товарищемъ по консульству, Вибуломъ. Но онъ былъ истинно государственный человѣкъ, и этого было довольно. Каковъ бы ни былъ онъ самъ, но его правленіе было мудро и благотѣльно для государства. Цицеронъ иробовалъ браться за правленіе, и, при всей своей честности, каждый разъ дѣлалъ страшную бѣду своему отечеству, только потому, что не могъ становиться на точку зрѣнія государственнаго человѣка.

Если положеніе человѣка имѣетъ столь рѣшительную силу надъ его дѣятельностію, надъ міромъ фактовъ столь твердыхъ, опредѣлительныхъ, неуступчивыхъ, то конечно не меньше силы должно оно оказывать надъ его убѣжденіями, предметомъ столь общимъ, гибкимъ, измѣнчивымъ. Утопить или вытащить изъ воды человѣка—вотъ факты: въ нихъ нѣтъ двусмыслія, въ нихъ невозможна ошибка. Я топлю человѣка:—я не могу ошибаться въ смыслъ своего дѣйствія. Я пикакъ не могу скрыть отъ себя, что я лишаю его жизни. Я вытаскиваю его изъ воды—опять для меня невозможны никакія недоразумѣнія. Я совершенно опредѣлительно знаю, что я спасаю ему жизнь. Таковы ли отношенія человѣка къ общимъ мыслямъ, къ отвлеченнымъ понятіямъ? Каждое слово, входящее въ формулу моихъ убѣжденій, допускаетъ столько различныхъ оттѣнковъ смысла, принимаетъ столько истолкованій! Тутъ очень легки произвольныя недоразумѣнія предъ самимъ собой; тутъ открыто, при всей добросовѣстности человѣка, самое широкое поле заблужденія передъ самимъ собой. У трехъ людей въ различныхъ положеніяхъ на устахъ одна и та же фраза, о которой каждый изъ нихъ говоритъ, что она выражаетъ основное его убѣжденіе: „я хочу справедливости“, говорятъ и Верресъ, и Цицеронъ, и Юлій Цезарь. Значитъ ли это, что они сходятся въ своихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ? Не торопитесь объявлять ихъ людьми одинаковаго образа мыслей. Прежде разберите, въ какомъ смыслѣ представляется эта фраза каждому изъ нихъ. Говоря „я хочу справедливости“, Верресъ говоритъ: „я хочу, чтобы меня оправдали за мое управленіе Сицилію. Несправедливо было бы наказать человѣка за то, что онъ не соблюдалъ формальностей, соблюденіе которыхъ было для него физически невозможно“. Тою же самою фразою „я хочу справедливости“ Цицеронъ говоритъ совершенно иное: „я хочу, чтобы наказанъ былъ Верресъ. Справедливость требуетъ, чтобы человѣкъ, нарушившій законы, былъ наказанъ по законамъ“. Опять тою же самою фразою „я хочу справедливости“, Юлій Цезарь говоритъ совершенно иное: „я хочу низвергнуть Помпея и Цицерона. Справедливость требуетъ, чтобы государство было управляемо сообразно съ своими потребностями. Помпей и Цицеронъ совершенно не понимаютъ этихъ потребностей и вводятъ Римъ въ безконечныя бѣдствія. Справедливость требуетъ, чтобы они удалились отъ дѣлъ, заниматься которыми не способны, и чтобы эти дѣла поручены были человѣку, который одинъ въ цѣломъ Римѣ способенъ востити ихъ надлежащимъ

образомъ съ выгодою для государства, то есть поручены были мнѣ. А что касается до тяжбы Цицерона съ Верресомъ, это нелѣпость, основанная на тупоумныхъ односторонностяхъ той и другой партіи. Справедливость требовала бы объявить торжественно на форумѣ и Цицерона и Верреса глупцами; но такъ какъ это дѣло пустое, то лучше его бросить“. — Да: очень различенъ бываетъ смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ въ различныхъ устахъ.

Весь этотъ эпизодъ, быть можетъ, слишкомъ длинный, клонится къ тому, чтобы извинить Буеракина, давно нами покинутаго подъ тяжестью обвиненія, будто бы его дѣйствія противорѣчатъ его убѣжденіямъ. Намъ кажется, что обвиненіе противъ него взведено совершенно напрасно. Если вы, читатель, пренебрегаете Буеракинымъ, какъ человѣкомъ двуличнымъ, какъ эгоистомъ, жертвующимъ своими убѣжденіями своей лѣности или выгодѣ, вы введены въ совершенное заблужденіе, и притомъ очень грубо заблуждѣше, поверхностнымъ предположеніемъ, будто бы Буеракинъ смотритъ на вещи такими же глазами, какъ вы (я предполагаю, что вы смотрите на вещи такими же глазами, какъ я,—предположеніе также, быть можетъ, ошибочное); вы введены въ ошибку тѣмъ, что онъ употребляетъ фразы, которыя употребляете вы, что онъ любитъ слова, входящія въ составъ этихъ фразъ, точно также, какъ и вы. Но съ чего же взяли вы, что подъ этими словами онъ понимаетъ тоже самое, что понимаете вы? Вникните хорошенько въ выраженія, которыми онъ окружаетъ свои слова, одинаковыя съ вашими словами, и вы убѣдитесь, что въ сущности онъ придаетъ этимъ словамъ тотъ самый смыслъ, о какомъ свидѣтельствуютъ его поступки; вы увидите, что теоретическая сторона жизни этого человѣка совершенно соотвѣтствуетъ практической; вы увидите, что Буеракинъ человѣкъ, вѣрный въ жизни своимъ убѣжденіямъ. Ключъ къ убѣжденіямъ Буеракина находится въ тѣхъ фразахъ, которыя произноситъ онъ по случаю ссоры между Абрамомъ Семеновичемъ и Ѳеодоромъ Карлычемъ. По его мнѣнію, Ѳеодоръ Карлычъ правъ, и сверхъ того, безъ Ѳеодора Карлыча плохо пришлось бы самому Абраму Семеновичу и его товарищамъ, какъ людямъ непривичнымъ и неспособнымъ къ порядочной жизни. Кроме того Буеракинъ совершенно убѣжденъ, что можетъ положиться на Ѳеодора Карлыча, который вѣрно соблюдать выгоды его, Буеракина. Въ этихъ убѣжденіяхъ разгадка всей личности Буеракина, всего образа его мыслей и всей его жизни. Если вы убѣдитесь въ томъ, вамъ трудно будетъ не признать полной добросовѣстности Буеракина. Вамъ могутъ не нравиться его убѣжденія, но вы не откажете ни убѣжденіямъ этимъ въ искренности, ни лицу его въ строгой честности и благонамѣренности.

Мы много разъ упоминали о томъ, что различіе темпераментовъ и личностей склонностей не имѣетъ столь важнаго вліянія на образъ жизни и дѣятельность людей, какъ многіе предполагаютъ. У Владиміра Константиновича Буеракина есть родственникъ, съ которымъ знакомитъ насъ Щедринъ въ ноологѣ, имѣющемъ эпитафю: „*vir bonus, dicendi peritus*“. Темпераментомъ этотъ родственникъ совершенно отличается отъ Владиміра Константиновича. У Владиміра Константиновича есть склонность къ созерцательной жизни. У его кузена, напротивъ, чрезвычайно развита практичность. Тотъ — Платонъ, этотъ —

Аристотель или даже Фемистокль. Такъ мы ихъ и будемъ называть въ нашей параллели, отчасти изъ подражанія Плутарху, отчасти для краткости. Платонъ живеть дикаремъ въ деревнѣ, Фемистокль—дуня общества въ губернскомъ городѣ. Платонъ, какъ мы положительно знаемъ, человекъ холодной и любитъ волочиться. Фемистокль, по всей вѣроятности, женатъ, очень любитъ свою жену и совершенно вѣренъ ей (точно также, какъ подругѣ, которую имѣеть, конечно, независимо отъ жены). У Платона нѣтъ дѣтей; а еслибъ и были, то, безъ сомнѣнія, понли бы по міру нищими. У Фемистокла, безъ сомнѣнія, есть очень миленькія дѣти, и отецъ такъ заботится о нихъ, что хотя и достанется имъ наслѣдство послѣ ихъ родственника Платона, но отецъ, не жалѣя своихъ силъ, старается еще болѣе обезпечить ихъ будущность. Платона всѣ считаютъ злоязычникомъ и избѣгаютъ встрѣчи съ нимъ, хотя въ дунѣ, а часто и на словахъ, всѣ надъ нимъ смѣются и никто его не боится, всѣ напротивъ помыкаютъ имъ. Фемистокль чрезвычайно любезенъ и остороженъ въ обращеніи, всѣ находятъ удовольствіе быть съ нимъ въ обществѣ, но всѣ боятся его. Одну только общую точку можно отыскать въ личностяхъ Платона и Фемистокла: оба они чрезвычайно обходительны съ людьми, низшими ихъ по званію, и вообще очень гуманны въ своемъ обращеніи. Словомъ сказать — трудно найти контрастъ болѣе полный и рѣзній, нежели контрастъ между Платономъ и Фемистокломъ, но однакоже, при всемъ безконечномъ равличіи въ темпераментахъ и наклонностяхъ, рѣчь Фемистокла могла бы служить продолженіемъ и во всякомъ случаѣ должна служить дополненіемъ къ рѣчамъ Платона. Чтобы убѣдить въ томъ читателя, мы приведемъ начало этой мастерской рѣчи, одной изъ лучшихъ въ книгѣ Щедрина:

„Если вы думаете, что вы ямѣнъ дѣло съ этою грязью, avec cette saupaille, то весьма ошибаетесь. На это есть пнеаря, яу, и другіе тамъ; это ихъ обязанность, они такъ и созданы... Мы всѣ слишкомъ хорошо воспитаны, мы обучились разнымъ вауканъ, мы мечтаемъ о томъ, чтобы у насъ все было чисто, у васъ такіе опрятные взгляды на администрацію... согласитесь сами, что даже самое соше il faut запрещаетъ намъ мараться въ грязи. Какой нибудь Иванъ Петровичъ или Фейеръ —это понятно: они тамъ родилась, тамъ и выросли; ву, а мы совсѣмъ другое. Мы желаемъ, чтобы в формуляръ нашъ былъ чистъ, и репутация не запятывава—vous comprenez?

„Повторяю вамъ, вы очень ошибаетесь, если думаете, что вотъ я првзову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... Фи! Вы забыли, что отъ него тамъ, Богъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... да и не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я, просто, призываю писаря, или тамъ другаго, et je lui dis „mon cher, tu me doie tant et tant“—ну, и дѣло съ концомъ: Какъ ужъ онъ тамъ дѣлаеть — это до меня не относится.

„Я самъ терпѣть не могу взяточничества—фуй, мерзость! Взятки опять-таки берутъ только Фейеры да Трасучкины, а у насъ на это совсѣмъ другой взглядъ. У насъ не взятки, а администрація; я требую только *должнаго*, а какъ оно тамъ язъ нихъ выходитъ, до этого маѣ дѣла нѣтъ. Моя обязанность, только исчислить статьи: гоньба тамъ что ли, дорожная повинность, рекрутство... Tout cela doit rapporter“.

Много матеріаловъ для размысленія представляетъ книга, „собранныя и изданная г. М. Е. Салтыковымъ“. Изъ двухъ или трехъ сотъ типовъ, представляемыхъ записками его Щедрина, мы рассмотрѣли только три. Изъ двадцати трехъ статей, составляющихъ „Губернскіе очерки“, мы коснулись

только нѣкоторыхъ страницъ изъ пяти очерковъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы осудить все замѣчательное и важное въ „Запискахъ“ Щедрина, долженъ былъ бы къ двумъ томикамъ его „Губернскихъ очерковъ“ прибавить двадцать огромныхъ томовъ комментарій. Работа, — читатель, вѣроятно, ожидаетъ, что мы скажемъ: громадная или утомительная? Нѣтъ—работа легкая и до такой степени заманчивая для пишущаго, что трудно намъ теперь сказать себѣ: „довольно, довольно: и безъ того статья уже длинна, вѣроятно, слишкомъ длинна“.

Читатели, по всей вѣроятности, совершенно разочарованы въ своихъ предположеніяхъ содержаніемъ нашей статьи. Читатели, вѣроятно, ожидали, что, по поводу книги Щедрина, мы будемъ говорить объ общественныхъ вопросахъ, которые возбуждаются „Губернскими очерками“. Другіе, быть можетъ, думали, что мы коснемся художественныхъ вопросовъ, ими возбуждаемыхъ. Первая задача дѣйствительно имѣетъ значительную привлекательность. Но, пусть простятъ насъ читатели. Гораздо интереснѣе показалось намъ сосредоточить все наше вниманіе исключительно на чисто-психологической сторонѣ типовъ, представляемыхъ Щедринымъ. Мы охотно признаемся, что этотъ личный нашъ вкусъ, быть можетъ, ошибоченъ; но чтожъ дѣлать?—У каждаго человѣка есть свои любимыя пристрастія, есть свои любимыя теоріи, есть свои любимыя мысли, о которыхъ онъ готовъ говорить кстати и не кстати. У насъ два такихъ пристрастія: во-первыхъ, наклонность къ разрѣшенію чисто психологическихъ задачъ, во-вторыхъ, наклонность къ извиненію человѣческихъ слабостей. Намъ показалось, что, защищая людей, мы не защищали злоупотребленій. Намъ казалось, что можно сочувствовать человѣку, поставленному въ фальшивое положеніе, даже не одобряя всѣхъ его привычекъ, всѣхъ его поступковъ. Удалось ли намъ провести эту мысль съ достаточной точностью, пусть судятъ другіе.

Что же касается литературныхъ достоинствъ книги, изданной г. Салтыковымъ.—о нихъ также пусть судятъ другіе. „Губернскіе очерки“ мы считаемъ не только прекраснымъ литературнымъ явленіемъ,—эта благородная и превосходная книга принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни.

„Губернскими очерками“ гордится и долго будетъ гордиться наша литература. Въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ русской земли Щедринъ имѣетъ глубокаго почитателя. Честно имя его между лучшими, и полезнѣйшими, и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины. Онъ найдетъ себѣ многихъ панегиристовъ, и всѣхъ панегириковъ достоинъ онъ. Какъ бы ни были высоки тѣ похвалы его таланту и знашію, его честности и проницательности, которыми поспѣвать прославлять его наши обратія по журналистикѣ, мы впередъ говоримъ, что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинствъ книгъ, имъ написанной.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды Коммисіи, Высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Томъ третій. Кіевъ. 1855.

Статьи, вошедшія въ составъ этого тома „Трудовъ Коммисіи для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа“, были написаны въ различное время; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ видно по цензурнымъ числамъ, были одобрены къ печати еще въ 1853 году, другія принадлежать уже 1856 году. Не знаемъ, когда явился этотъ томъ въ Кіевъ, по въ Петербургѣ онъ полученъ только въ послѣднее время: несмотря на 1855 годъ, выставленный на его оберткѣ, онъ новость для большей части нашей публики и для насъ.

Статьи, помѣщенныя въ немъ, принадлежатъ четыремъ различнымъ отдѣламъ науки; 1) къ естествознанію относятся: г. Траутфеттера „Историческія наслѣдованія флоры“ и г. Роговича „Обозрѣніе сосудистыхъ и полусосудистыхъ растений“ губерній Кіевскаго Учебнаго Округа; 2) къ сельскому хозяйству и промышленности: гг. Тарновскаго и Ходецкаго „Программа сельско-хозяйственнаго описанія“ и г. Вунге „О желѣзной промышленности губерній Кіевскаго Учебнаго Округа“; г. Базинера „Изслѣдованіе о табачной промышленности въ губерціяхъ Черниговской и Полтавской“; г. Понятовскаго „Практическія замѣчанія о свекло-сахарной промышленности въ Юго-Западныхъ губерціяхъ“; кромѣ того, свѣдѣнія, сообщенныя разными лицами „о гусеницѣ, истреблявшей сахарную свекловицу въ 1855 году“ и „объ известковомъ камнѣ“. 3) Статистикѣ принадлежатъ изслѣдованія г. Марковича „О народонаселеніи Полтавской губерціи“ и покойнаго Журавскаго „О кредитныхъ сдѣлкахъ въ Кіевской губерціи“. 4) По этнографіи помѣщена „Программа для этнографическаго описанія губерцій Кіевскаго Учебнаго Округа“, составленная кн. Дабнжею и г. Мотлинскимъ.

Предоставляя спеціальнымъ журналамъ оцѣнить достоинство статей, относящихся къ естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству, мы обратимъ свое вниманіе исключительно на тѣ статьи третьяго тома „Трудовъ“, которыя принадлежатъ статистикѣ.

Г. Марковичъ не почелъ нужнымъ ограничить свою статью предѣлами статистики: онъ пускается въ историческія расчисленія и размышленія, спорить съ Валласомъ, Петавіемъ и Монтескье о томъ, дѣйствительно ли во

времена Юлія Пезаря населеніе земнаго шара простиралось до 30,000 милліоновъ душъ, дѣйствительно ли городъ Фивы имѣлъ 70,000,000 жителей, дѣйствительно ли за 4,000 лѣтъ до Р. Х. было на землѣ 700,000 милліоновъ жителей,—и, надобно отдать ему справедливость, полагають, что эти цифры неправдоподобны. Спорить онъ также съ какимъ-то „русскимъ писателемъ“ о томъ, можно ли по русски говорить „милькарѣ“, какъ по французски говорится mille saées, — и опять таки справедливость на его сторонѣ: дѣйствительно, по русски не годится говорить „милькарѣ“. Люди, любящіе ограничивать ученія изслѣдованія слишкомъ точными предѣлами, могутъ сказать, что эти эпизоды излишни; нѣчто подобное найдутъ они и въ нѣкоторыхъ изъ таблицъ, составляющихъ существенную часть статьи г. Марковича. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, они принесутъ ему благодарность за трудолюбіе, съ которымъ собралъ онъ чрезвычайно многочисленный и богатый запасъ цифръ относительно населенія Полтавской губерніи. Не совершенно слѣдуя общепринятымъ рубрикамъ въ своихъ таблицахъ, г. Марковичъ однако же представилъ много данныхъ интересныхъ и важныхъ. Не всегда его расчеты о постепенномъ возрастаніи или уменьшеніи населенія въ Полтавской губерніи произведены согласно требованіямъ науки, но всегда они сопровождаются положительными данными, на основаніи которыхъ легко могутъ быть провѣрены.

Относительно обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ приращеніе населенія, г. Марковичъ, сравнивая цифры, приходитъ къ слѣдующимъ справедливымъ выводамъ:

Число дворянъ въ Полтавской губерніи съ 1843 по 1848 годъ увеличивалось ежегодно на 2,80⁰/₀.

Число мѣщанъ—на 2,71⁰/₀.

Крестьянъ различныхъ наименованій—на 1,81⁰/₀.

Эта разница цифръ получить еще больше значенія, когда мы сообразимъ, что по естественному порядку, смертность въ городахъ, гдѣ сосредоточены мѣщане и большая часть дворянъ, должна была бы быть гораздо значительнѣе, нежели въ селахъ. Но неблагоприятное вліяніе городской жизни, какъ видимъ, далеко преодолевается вліяніемъ различія сословій.

„И такъ, заключаетъ г. Марковичъ, мы видимъ, что прибыль народонаселенія увеличивается по мѣрѣ богатства и привилегій сословія“.

Разсматривая числа смертности бѣтъ различныхъ болѣзней и находя, что большинство людей въ Полтавской губерніи умираютъ отъ болѣзней, которыя, собственно говоря, должны называться ничтожными, потому что легко уступаютъ самымъ легкимъ медицинскимъ средствамъ, г. Марковичъ приходитъ къ заключенію, что недостатокъ этихъ пособій долженъ считаться одною изъ причинъ большой смертности, какую обнаруживаютъ у насъ статистическія таблицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ Полтавской губерніи приходится одинъ медикъ на 21,628 душъ и одна аптека на 92,512 душъ.

„Если бы ближайшіе между собою сосѣди (продолжаетъ г. Марковичъ), „которыхъ имѣнія составляютъ, взятыя вмѣстѣ, отъ 500 до 1,000 душъ, имѣли медика на общій счетъ, это дѣло было бы не только христіанское, „но выгодное по расчету. Напрасно, опровергая важность исполненія моея

„мысли, скажутъ, что при докторѣ должны быть больница, фельдшера, при-
„слуга, аптека и повивальная бабка, и что это повлечетъ къ издержкамъ
„не по силамъ: если докторъ сбережетъ три на сто (изъ числа больныхъ)
„въ годъ, такъ издержка покрыта. Повторяю: у насъ весьма много людей
„гибнетъ отъ того, что не была подана помощь немедленно, или не была
„подана вовсе“.

Далѣе, г. Маркевичъ разсматриваетъ вліяніе на здоровье, производимое крестьянскими избами съ соломенными крышами и тому подобными принадлежностями, и, разумѣется, замѣчаетъ, что это вліяніе пагубно. — „Но такъ привыкли жить поселяне“, слышится ему возраженіе такъ называемыхъ практическихъ людей. Онъ отвѣчаетъ съ прекраснымъ негодоваемъ:

„Скажутъ, что привычка—вторая натура?—Ложь! привыкнуть къ постоянно-вредному—дѣло невозможное. Растеніе мыса Доброй Надежды растетъ и цвѣтетъ хило и блѣдно въ теплицѣ,—какъ же привыкнуть къ такой избѣ?—Должно отдать малороссіянкамъ справедливость: онѣ опрятны, въ избѣ любятъ чистоту, къ днямъ праздничнымъ обмазываютъ на-ново, бѣлятъ избу, моютъ скамьи и столы; себя содержатъ въ опрятности; считаютъ стыдомъ явиться съ грязными ногами; но о здоровьѣ мало заботятся, жертвуя опымъ въ пользу скота. Ихъ нельзя обвинять, скотъ составляетъ ихъ достояніе. Но тѣ, для которыхъ книги пишутся, не могутъ ли, хотя нѣсколько, бѣдѣ пособить“?

Извѣстно, какъ необходима человѣку работающему мясная пища. Изъ людей, знающихъ Малороссію по наслышкѣ, многіе воображаютъ, будто обыкновенная пища малорусскаго поселянина—борщъ съ свиною и сало. Г. Маркевичъ совершенно опровергаетъ относительно Полтавской губерніи это предубѣжденіе. Знаменитый малорусскій борщъ вовсе не нуждается въ свининѣ и салѣ, онъ довольствуется капустою и свекольною приправою, „—то есть, говоритъ г. Маркевичъ,—пища народная состоитъ только изъ веществъ мучныхъ и растительныхъ; изрѣдка свиное сало и баранина“. Изъ этого мы видимъ, что поселяне Полтавской губерніи, относительно количества потребляемаго ими мяса не отличаются отъ поселянъ великорусскихъ губерній.

Долгъ защищать отечество есть первая и священнѣйшая обязанность гражданина. Пропорція людей, посвящающихъ себя этой обязанности, къ числу всего взрослого мужскаго населенія, способнаго къ тягловой работѣ, въ Смоленской губерніи опредѣляется какъ 28 къ 100,—то есть, изъ тысячи мужчинъ, способныхъ къ работѣ, 280 человѣкъ посвящаютъ себя защитѣ отечества *). Кіевская губернія, въ 16 лѣтъ, отъ 1835 по 1850 г. включительно, по показанію г. Маркевича, „выдала государству защитниковъ, охраняющихъ его неприкосновенность, 45,833, не считая евреевъ и мѣщанъ“,—то есть эта цифра рекрутъ относится къ одному сельскому рабочему населенію. По приблизительному разчету, принимая среднее число мужскаго сельскаго населенія за эти годы въ 800,000 душъ, и считая

*) См. „Русскій Вѣстникъ“ 1857 г., № 9, статью г. Неелова „Раціональное сельское хозяйство“, стр. 122.

число мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ (отъ 18 до 58 лѣтъ) равнымъ половинѣ общаго числа мужчинъ, то есть, для всей губерніи 400,000 сельскихъ работниковъ, мы получимъ, что въ 16 лѣтъ изъ 1,000 работниковъ поступили въ военную службу 115 человекъ; а такъ какъ это число поступило въ продолженіе 16 лѣтъ, весь же періодъ рабочей жизни простирается до 40 лѣтъ, то по пропорціи 16:40 или 4:10, въ Полтавской губерніи изъ 1,000 рабочихъ сельскаго населенія поевящаютъ себя воинской службѣ 287 человекъ. Въ Кіевской губерніи *), по расчисленію за 11-ть лѣтъ (1836—1846 включительно) поступало въ рекруты ежегодно 2,458 человекъ, при среднемъ приблизительномъ числѣ 790,000 дунѣ мужскаго пола; считая въ томъ числѣ сословія, отправляющія рекрутскую повинность 91% **), мы получимъ, что среднее число дунѣ, съ которыхъ брались рекруты, въ тотъ періодъ въ Кіевской губерніи было 719,000; изъ нихъ, рабочаго народа было около 359,500 дунѣ; въ теченіе 40-лѣтняго періода, ежегодная цифра 2,458 рекрутъ составитъ 98,380 дунѣ,—а эта послѣдняя цифра относится къ общему числу работниковъ (359,500) какъ 272 къ 1,000. Сличая эти числа по тремъ губерніямъ, мы находимъ, что распределеніе рекрутской повинности по губерніямъ происходитъ очень уравнительно, не только по числу ревизскихъ дунѣ, но и по числу наличныхъ работниковъ, именно:

	Изъ 1,000 взрослыхъ мужчинъ отправляютъ воинскую обязанность приблизительно:	
Губерніи.		
Смоленская . . .	280 (по цифрамъ г. Я. Соловьева).	
Полтавская . . .	287 (по цифрамъ г. Марковича).	
Кіевская . . .	272 (по цифрамъ гг. Фундуклея или Журавскаго).	

Средняя цифра по тремъ губерніямъ 279²/₃.

Отъ соображеній, уже выведенныхъ г. Маркевичомъ изъ представляемыхъ имъ таблицъ, переходя къ другимъ выводамъ, представляемымъ цифрами, которыя собралъ онъ въ многочисленныхъ таблицахъ, мы остановимся прежде всего на таблицѣ № 8, „Распределеніе земель на ревизскую дуну“. Общій итогъ, ею представляемый, таковъ:

	Въ имѣніяхъ дворянскихъ.	Въ имѣніяхъ государственныхъ.
Число ревизскихъ дунѣ.	328,816	413,211
Число десятинъ земли	2,694,869	1,037,365
Средняя пропорція десят. на ревиз. дуну	8,33	2,53

Таково отношеніе и въ другихъ губерніяхъ: повсюду, гдѣ есть дворянскія имѣнія, населеніе въ нихъ гораздо рѣже, нежели въ имѣніяхъ государственныхъ. Это конечно надобно объяснить отчасти тѣмъ, что въ отдаленныя времена, пока не было правильнаго размежеванія, помѣщики распахивали государственныя земли, которыя потомъ и остались за ними по праву

*) См. „Описаніе Кіевской губерніи“, составленное подъ редакцію покойнаго Журавскаго и изданное г. Фундуклеемъ, томъ 1, стр. 165.

**) Эти приблизительныя цифры получаютъ изъ таблицъ, представленныхъ въ „Описаніи Кіевской губерніи“. Т. 1, на стр. 139-141 и 177.

давности владѣнія, отчасти другимъ, законнымъ способомъ пріобрѣтешя, какъ-то покупкою и полученіемъ въ пожалованіе, отчасти наконецъ тѣмъ, что населеніе въ имѣніяхъ государственныхъ возрастаетъ быстрѣе, нежели въ дворянскихъ.

Въ Полтавской губерніи только въ двухъ уѣздахъ дворянскія имѣнія обладаютъ пропорціею земли нѣсколько менѣе, нежели въ два раза превышающею количество земли, приходящейся въ тѣхъ же уѣздахъ на ревизскую душу въ государственныхъ имѣніяхъ (Миргородскій уѣздъ двор. им. $3\frac{3}{4}$ дес. на душу, госуд. им. $2\frac{1}{2}$ дес., пропорція = $1\frac{1}{2}$; Гадячскій уѣздъ $4\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$ десят., пропорція = $1\frac{4}{5}$); въ одномъ уѣздѣ пропорція = 2 (Роменскій уѣздъ двор. им. $3\frac{1}{4}$, госуд. им. $1\frac{3}{4}$ дес.); во всѣхъ остальныхъ 12-ти уѣздахъ пропорція земли въ дворянскихъ имѣніяхъ болѣе, нежели двойная, сравнительно съ государственными имѣніями; въ нѣкоторыхъ она простирается слишкомъ до 4-хъ десятинъ противъ одной десятины (Лубенскій уѣздъ, двор. им. $11\frac{1}{2}$, госуд. им. $2\frac{1}{4}$ десят. на душу, пропорція = $5\frac{1}{9}$; Золотоношскій уѣздъ, двор. им. $11\frac{3}{4}$, госуд. им. $2\frac{1}{4}$ дес. на душу, пропорція = $5\frac{2}{9}$; въ Кобелякскомъ уѣздѣ дворянскія имѣнія владѣютъ $13\frac{3}{4}$ десят., а государственныя $2\frac{3}{4}$ десятины на ревизскую душу, — пропорція = 5); а въ Зиньковскомъ уѣздѣ приходится на ревизскую душу даже по 7 десятинъ въ дворянскихъ противъ 1 десятины въ государственныхъ имѣніяхъ ($12\frac{1}{4}$ десят. на рев. душу въ двор., и $1\frac{3}{4}$ десят. въ госуд. имѣніяхъ).

Таблица № 17 представляетъ цифры населенія городовъ Полтавской губерніи въ 1835 и 1850 годахъ. Во всѣхъ 15-ти городахъ въ 1835 году считалось 114,500 жителей обоого пола, въ 1850 году — 110,728 жителей; и такъ, съ 1835 по 1850 годъ число городского населенія въ Полтавской губерніи уменьшилось на 3,322 души, или на 3% ; разсматривая цифры по каждому городу въ отдѣльности, находимъ, что въ пяти городахъ населеніе нѣсколько увеличилось, хотя незначительнымъ образомъ (болѣе всего въ Прилукѣ: 1835 г. 6,941 жителей, въ 1850 году — 8,769 жителей), а въ остальныхъ десяти городахъ уменьшилось.

Изъ таблицъ №№ 38 и 39 („Движеніе населенія въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и государственныхъ“), составленныхъ на основаніи метрическихъ книгъ нѣсколькихъ приходоу за 16 лѣтъ (1835 — 1850), заимствуемъ итоги. Чтобы результаты сравненія были очевиднѣе, г. Маркевичъ производилъ исчисленія надъ одинаковымъ по возможности количествомъ душъ въ тѣхъ и другихъ имѣніяхъ, — именно, для сравненія онъ взялъ помѣщичьи селенія съ 100,094 душъ населенія, и государственныя селенія съ 100,033 душъ населенія по 8-й ревизіи.

Количество рождающихся зависитъ, какъ извѣстно, не отъ степени благосостоянія жителей, а отъ степени плотности населенія: чѣмъ болше земли приходится на душу, тѣмъ болше бываетъ число рожденій. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Полтавской губерніи, какъ мы знаемъ, гораздо болше земли, нежели въ государственныхъ, потому и перевѣсъ рожденій на ихъ сторонѣ: число родившихся въ теченіе 16 лѣтъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ простиралось до 106,601 младенца обоого пола, между тѣмъ какъ въ государственныхъ имѣніяхъ только до 92,755 душъ.

Но степень смертности находится, какъ известно, въ совершенной зависимости отъ степени благосостоянія. Чѣмъ выше благосостояніе, тѣмъ менѣе смертности въ населеніи. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ теченіе 16 лѣтъ умерло 85,245 душъ обоого пола, въ государственныхъ только 72,202.

Наконецъ, очень любопытна таблица № 52 „Приращеніе народонаселенія въ селахъ, имѣющихъ пособіе медицины и лишенныхъ онаго“. Въ восьми селахъ, имѣющихъ постоянного медика или постоянно посѣщаемыхъ медикомъ въ условные дни, и въ десяти селахъ, не имѣющихъ медицинскаго пособія, г. Маркевичъ нашелъ слѣдующія цифры по движенію населенія за 16 лѣтъ:

	Села съ медиками:	Безъ медиковъ:
Населеніе по 8-й ревизіи	15,013	— 15,687
Число родившихся .	16,636	— 15,787
Число умершихъ .	12,215	— 13,433
Прибыль населенія	4,421	— 2,350

Итакъ, при населеніи, почти равномъ, число родившихся въ первыхъ селахъ значительное, а число умирающихъ менѣе, нежели въ послѣднихъ. Прибыль населенія въ селахъ, пользующихся медицинскими пособіями, равняется въ 16 лѣтъ 29⁰/₀, а въ селахъ, не пользующихся этими пособіями, только 15⁰/₀,—иначе сказать, наъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что при медицинскихъ пособіяхъ населеніе возрастаетъ почти вдвое быстрѣе, нежели безъ медицинскихъ пособій.

Статья покойнаго Д. П. Журавскаго „О кредитныхъ сдѣлкахъ въ Кіевской губершя“ имѣетъ, какъ и всѣ наслѣдованія этого замѣчательнаго ученаго, большое научное достоинство. Прежде всего заслуживаетъ особеннаго вниманія счастливая и чрезвычайно вѣрная мысль Журавскаго, что не только крѣпостныя и явочныя книги Гражданскихъ Палатъ и Уѣздныхъ Судовъ, но также и маклерскія книги, о которыхъ почти не вспоиннають при изслѣдоваши движенія цѣнностей и кредитныхъ сдѣлокъ, должны служить важнѣйшими матеріалами для изученія этого предмета. „Все это еще не тронуту, продолжаетъ Журавскій:—но надобно полагать, что наступитъ наконецъ время, когда вопросы общественныя получаютъ интересъ и важность для публики; тогда польза ученыхъ изслѣдованій и извлеченій фактовъ изъ сказанныхъ матеріаловъ будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена“. (Грустно подумать, что смерть похитила у насъ Журавскаго именно при самомъ пробужденіи того интереса, о недостаткѣ котораго жалѣлъ, похитила этого благороднаго, неутомимаго и высоко-даровитаго ученаго именно въ то время, когда начиналась настоящая и полезнѣйшая пора для его дѣятельности). „Между тѣмъ, говоритъ онъ, подготовка сихъ послѣднихъ (т. е. матеріаловъ) для будущихъ трудовъ была бы не бесполезна и нынѣ; тѣмъ болѣе, что, но однообразію учреждений, она доступна у насъ всякому, занимающемуся статистикою, во всѣхъ пунктахъ Государства. Нужно только слѣдовать какому либо общимъ формамъ въ статистической обработкѣ матеріаловъ, по отдѣльному предмету или по одному мѣсту, чтобы послѣ могъ быть сдѣланъ сводъ изъ частныхъ обработокъ одного предмета. Въ этомъ смыслѣ мы взяли для примѣра малѣйшую частицу здѣшнихъ матеріаловъ о движеніи

„частныхъ имуществъ, — ссуды и займы, совершенные у кievскихъ макле-
ровъ и нотаріусовъ за одинъ годъ, и представляемъ ихъ въ статистиче-
скихъ формахъ“. Способъ исполненія этой работы Журавскимъ дѣйстви-
тельно долженъ остаться образцомъ для послѣдующихъ трудовъ по этой части,
а результаты, имъ полученные, такъ интересны, что ободряютъ другихъ лю-
дей къ совершенію подобныхъ работъ по своимъ мѣстностямъ.

Мы приведемъ только главнѣйшія цифры о томъ, какъ распредѣлялась
въ 1848 году (къ которому относятся данныя, собранныя Журавскимъ)
между различными классами населенія сумма займовъ, записанныхъ въ кни-
гахъ маклеровъ города Кіева:

	Дали въ заемъ:	Взяли въ заемъ:
Купцы.	478,323 р.	292,721 р.
Мѣщане	44,058 —	74,128 —
Дворяне (безпомѣстные).	126,994 —	79,249 —
Помѣщики	277,923 —	472,259 —
Гражданскіе чиновники	188,633 —	220,158 —
Военные (генералы и офицеры) .	108,514 —	81,104 —

Эти цифры требуютъ объясненій. Странно можетъ казаться, что купцы,
которымъ нужнѣе имѣть наличныя деньги для своихъ торговыхъ оборотовъ,
нежели получать проценты за отдачу своихъ капиталовъ въ чужія руки,
болѣе дали въ заемъ, нежели взяли, — но, дѣло въ томъ, что къ классу
купцовъ причисляются здѣсь банкиры. Большая часть суммъ, данныхъ въ
заемъ людьми купеческаго званія, дана банкирами, а не собственно него-
ціантами, которые, напротивъ, составляютъ всю массу людей купеческаго
званія, бравшихъ деньги въ заемъ. Относительно класса помѣщиковъ цифры
являются въ пропорціи, очень естественной: натурально, что очень многіе
изъ нихъ занимаютъ деньги, — иные, для роскошной жизни, иные — для по-
купки имѣній или улучшенія ихъ.

Не менѣе натурально и то, что другія лица того же класса распола-
гають значительными суммами наличныхъ денегъ, которыя отдаютъ въ
заемъ: „О происхожденіи капиталовъ, выданныхъ помѣщиками, замѣчаетъ
„Журавскій, нечего и говорить; имущества ихъ — явныя и самая значитель-
„ныя противъ всѣхъ другихъ классовъ. Нельзя того же сказать о классѣ
„служащихъ и отставныхъ гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ офице-
„ровъ, хотя кредитныя сдѣлки ихъ весьма значительны. Мы затруднились
„было объяснить собѣ это обстоятельство: откуда можетъ быть столько сво-
„бодныхъ денегъ въ оборотѣ у людей, большая часть которыхъ ничего не
„имѣетъ, кромѣ получасмаго на службѣ жалованья; но, надобно взять въ
„соображеніе, что многіе изъ нихъ принадлежатъ также къ помѣстному дво-
„рянству и владѣютъ недвижимыми имѣніями. Если прибавить къ этому
„казенное содержаніе, денежныя награды и пенсіи, и если допустить, что
„въ образѣ жизни этихъ классовъ соблюдается строгая экономія и отсутствіе
„роскоши, то можно бы, кажется, объяснить существованію излишнихъ ка-
„питаловъ у чиновниковъ и офицеровъ, не доискиваясь другихъ источниковъ“.

Интересенъ вопросъ: въ какой степени быстро возрастаетъ количество
капиталовъ и сумма кредитныхъ сдѣлокъ? Нѣкоторымъ пособіемъ къ этому

можетъ служить сумма дохода, получаемаго за гербовую бумагу, на которой пинутся сдѣлки такого рода. Журавскій собралъ цифры объ этомъ относительно Кіевской губерніи за три трехлѣтія, раздѣленныя между собою промежутками: второе отъ перваго 12-ти лѣтъ, третье отъ втораго 22-хъ лѣтъ:

1808—1810: 1822—1824: 1846—1848:

Среднее число употребленныхъ ежегодно на заемныя письма и векселя листовъ	3,998	5,029	23,011
Гербовый съ нихъ сборъ	2,423	13,041	23,042

Сравнивая второе трехлѣтіе съ первымъ, видимъ, что не столь значительно возвысилось число кредитныхъ сдѣлокъ, сколько размѣръ ихъ (цѣна гербоваго листа соотвѣтствуетъ величинѣ суммы, на которую заключается сдѣлка); сравнивая третье трехлѣтіе съ вторымъ, видимъ, что не столь значительно увеличился размѣръ суммы сдѣлокъ, сколько число ихъ. Сравнивая наконецъ третье трехлѣтіе съ первымъ, видимъ, что въ Кіевской губерніи, втеченіе 40 лѣтъ, съ 1808 по 1848 годъ, число кредитныхъ сдѣлокъ увеличилось почти въ семь разъ, а количество капиталовъ, въ нихъ обращающихся, возрасло почти въ десять разъ.

Кромѣ оборотовъ, совершаемыхъ чрезъ посредство маклеровъ, капиталы обращаются также на вклады въ государственныя кредитныя учрежденія. Журавскій, въ дополненіе къ своимъ извлеченіямъ изъ маклерскихъ книгъ, извлекъ также цифры вкладовъ за 1849 годъ изъ книги Кіевского Приказа Общественнаго Призрѣнія:

Сословія вкладчиковъ:	Сумма вкладовъ:
Купцы	9,237
Мѣщане	13,943
Дворяне (безпомѣстные)	16,970
Помѣщики	56,096
Гражданскіе чиновники	198,890
Военные (генералы и офицеры)	132,842
Лица, не объявившія своего званія, и билеты на имя неизвѣстнаго	271,728

Сравнивая эти цифры съ капиталами, выданными въ займы чрезъ посредство маклеровъ, мы видимъ, что классъ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ предпочитаетъ помѣщеніе капиталовъ въ кредитныя учрежденія, и видимъ также, что главнѣйшая часть вкладовъ въ эти учрежденія принадлежитъ классу служащему; когда мы соединимъ цифры капиталовъ, отданныхъ въ заемъ чрезъ маклеровъ и помѣщенныхъ въ кредитныя учрежденія, то увидимъ, что большая часть наличныхъ капиталовъ въ Кіевской губерніи принадлежитъ служащему сословію. Именно, сумма капиталовъ, отданныхъ въ заемъ чрезъ посредство маклеровъ и помѣщенныхъ въ кредитныя учрежденія, составляла по тѣмъ источникамъ, которыми пользовался Журавскій, въ 1848—1849 годахъ:

Сословія.	Сумма капиталовъ.
Купцы	492,430 руб. сер.
Мѣщане	58,001 — —
Дворяне (безпомѣстные)	143,064 — —
Помѣщики	334,019 — —
Гражданскіе и военные чиновники	628,888 — —

Къ послѣдней суммѣ надобно присоединить 325,079 руб. сер., принадлежащихъ служащимъ другихъ вѣдомствъ; кромѣ того, большую часть изъ суммы 271,728 руб. сер., внесенныхъ на имя неизвѣстныхъ или лицами, не объявившими своего званія, и также большую часть суммы 143,064 руб. сер., принадлежавшей дворянамъ безпомѣстнымъ, которые должны по преимуществу считаться отставными или даже и состоящими на службѣ чиновниками; распредѣляя за тѣмъ по другимъ сословіямъ остатокъ суммъ, внесенныхъ въ кредитныя учрежденія на имя неизвѣстныхъ, мы получимъ слѣдующія приблизительныя цифры:

Сословія.	Суммы капиталовъ.
Купцы.	500,000 руб. сер.
Мѣщане .	60,000 — —
Помѣщики.	350,000 — —
Чиновники.	1,300,000 — —

Конечно, для того, чтобы разчетъ былъ совершенно точенъ, нужно присоединить къ этимъ цифрамъ цифры вкладовъ, помѣщенныхъ жителями Кіевской губерніи въ другія кредитныя учрежденія кромѣ Кіевского Приказа Общественнаго Призрѣшя, и цифры займовъ по книгамъ уѣздныхъ маклеровъ Кіевской губерніи; но и въ настоящемъ своемъ видѣ таблица, составленная трудами покойнаго Журавскаго, имѣетъ уже очень значительный интересъ для людей, занимающихся изученіемъ нашего экономическаго быта.

Хлопчато-бумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи. Соч. Александра Шипова. Отдѣль I. Москва. 1857.

Брошюра эта написана въ защиту хлопчато-бумажной фабрикаціи въ Россіи и направлена противъ ученія о безграничной свободѣ торговли, пользующагося очень значительною популярностью между нашими экономистами. Нѣтъ сомнѣшя, что она вызоветъ опроверженія; и дѣйствительно, очень многое въ ней легко можетъ послужить поводомъ къ очень блестящимъ опроверженіямъ; особенно способъ изложенія, доказывающій, что авторъ болѣе знакомъ съ русскими статьями о свободной торговлѣ, нежели съ капитальными иностранными сочиненіями объ этомъ предметѣ: изъ большихъ и основательныхъ трактатовъ политико-экономическаго содержанія ему извѣстно, кажется, только сочиненіе гр. Тенгоборскаго. Теоретическія соображенія такого противника конечно не трудно будетъ опровергать защитникамъ свободной торговли, имѣющимъ подъ руками сотни иностранныхъ книгъ, неизвѣстныхъ автору брошюры; но если теоретическая часть его брошюры слаба, то много интереснаго заключается въ его практическихъ замѣчаніяхъ: г. Шиповъ, какъ видно, имѣетъ много знаній относительно главнаго и существеннаго вопроса въ дѣлѣ о судьбѣ хлопчато-бумажной промышленности въ

Россіи,—именно, относительно состояніи и вліянія на нашъ экономическій быть нашихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ. На эти-то замѣчанія и должно быть обращено главное вниманіе при оцѣнкѣ его брошюры и сужденіи о степени основательности его мнѣнія. Практическія наблюденія его много могутъ содѣйствовать проясненію вопроса. Надобно только желать, чтобы ученые, которые будутъ судить о брошюрѣ г. Шипова, разсматривали его мнѣніе съ чисто-ученой точки зрѣнія, не ограничивая своихъ возраженій ни одними общими мѣстами, ни одними общими осужденіями г. Шипова за то, что онъ держится протекціонной системы. Но большею частью у насъ дѣлается иначе: „вы протекціонистъ? — этого довольно; мы осуждаемъ васъ безусловно“.

У насъ вообще очень мало развита терпимость мнѣній. Такъ, напримѣръ, по вопросу о свободной торговлѣ, изъ ученыхъ, держащихся мнѣнія, что протекціонная система невыгодна, многію воображаютъ, что противное мнѣніе могутъ защищать только люди, имѣющіе въ виду свой личный интересъ, а не общую пользу; они даже готовы все человѣчество и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи дѣлить на двѣ половины ради одного того, какъ думаютъ люди о свободной торговлѣ: одна половина человѣчества люди честные, умные, ученые, это всѣ тѣ, которые думаютъ, что тарифъ долженъ быть понижень; другая половина—невѣжды, корыстолюбцы—это всѣ тѣ, которые думаютъ, что должны быть охраняемы тарифомъ наши мануфактуры. Тутъ присоединяется еще другая привычка: лишь только вы сказали, что не всѣ протекціонисты неувѣжды и корыстолюбцы, и что въ протекціонной системѣ есть, при всѣхъ ея ошибочныхъ сторонахъ, элементъ, не заслуживающій осужденія, и напротивъ не все въ системѣ людей, защищающихъ свободную торговлю, заслуживаетъ безусловнаго сочувствія, тотчасъ же защитники свободной торговли объявляютъ васъ протекціонистомъ, а протекціонисты восклицаютъ, что вы наконецъ сдѣлались протекціонистомъ, хотя бы вы положительно говорили, что защитники свободной торговли по вашему мнѣнію имѣютъ на своей сторонѣ гораздо болѣе справедливости, нежели протекціонисты.

Съ нами на дняхъ случилось нѣчто подобное по вопросу о славянофильствѣ. Много разъ мы очень ясно повторяли въ тѣхъ статьяхъ, которыя касались славянофильства, что ни мало не раздѣляемъ и не видимъ для себя никакой возможности когда либо раздѣлять тѣ особенныя мнѣнія, на основаніи которыхъ славянофилы отдѣляютъ себя отъ такъ называемыхъ западниковъ, и на основаніи которыхъ многіе западники безусловно осуждаютъ славянофиловъ, воображая, что въ славянофилахъ нѣтъ ничего иного, кромѣ этихъ странныхъ заблужденій. Мы положительно говорили, что о всѣхъ этихъ спорныхъ между славянофилами и западниками пунктахъ мы думаемъ точно также, какъ самые ревностные западники. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы говорили, что, кромѣ этихъ ошибочныхъ мнѣній, о которыхъ идетъ споръ между славянофилами и западниками, есть у лучшихъ между славянофилами и другія убѣжденія, гораздо болѣе важныя для жизни, въ которыхъ есть сторона справедливая и о которыхъ подобно имъ думаетъ большая часть лучшихъ людей между такъ называемыми западниками. Одно изъ такихъ

убѣжденій мы указали въ предъидущей книжкѣ, прибавляя, что это убѣжденіе принадлежит не исключительно славянофиламъ, а принадлежит современной наукѣ, и что славянофилы заслуживаютъ похвалы за то, что въ этомъ важномъ дѣлѣ поняли требованія современной науки, хотя (повторяли мы безчисленное множество разъ) они вовсе не заслуживаютъ одобренія за тѣ ошибочныя свои мнѣнія, изъ за которыхъ ведется споръ между ними и западниками, и въ которыхъ мы совершенно согласны съ западниками.

Что же произошло? „Молва“ вообразила, что мы сдѣлались или готовы сдѣлаться славянофилами! Вотъ подлинныя ея слова:

„Въ 5 № Соврем. прочли мы статью „Занѣтки о журналахъ“. Отзывъ Современника объ Молвѣ неслестенъ. Правъ ли Современникъ въ своемъ мнѣніи, не намъ судить: никто въ своемъ дѣлѣ судьей быть не можетъ. Мы же съ своей стороны отъ души радуемся этой статьѣ и привѣтствуемъ ее какъ явленное доброе и утѣшительное. Журналъ, въ которомъ постоянно участвуютъ писатели съ вѣрнымъ, всѣмъ признаваемымъ дарованіемъ, обратилъ вниманіе серьезное и добросовѣстное на тѣ мнѣнія, которыя у васъ въ первый разъ выражены были славянофилами, на тѣ мнѣнія, которыми отличается въ направленіе. Онъ призналъ, что взглядъ ихъ на жизнь народной общины ставить ихъ выше противоположной ямъ школы и содержитъ въ себѣ начало плодотворное по преимуществу. Радуетъ отъ души. Тотъ, кто призвалъ это основное начало, уже сталъ на прямомъ пути, на добромъ пути къ дальнѣйшему развитію всякой разумной мысли. Богъ помочь! скажемъ мы. Впередъ! что бы вы ни говорили о Молвѣ. Вопросъ личный для васъ никакого значенія не имѣетъ.

„Дѣло начато; и мы вѣрны отъ души, что оно не остановится. Современникъ вникаетъ еще глубже во мнѣнія славянофиловъ: онъ увидитъ, что то великое начало, имъ поставленное, и которому онъ сочувствуетъ, есть еще только внѣшняя основа. Глубже, глубже коренятся другія еще высшія начала, изъ которыхъ выросло самое пониманіе общины, и мы надѣемся, Современникъ ихъ пойметъ и будетъ внѣ сочувствовать“.

Къ сожалѣнію, надежды эти неосновательны. Мы очень положительно и много разъ выражали свое мнѣніе о тѣхъ „высшихъ“ началахъ, изъ которыхъ, по мнѣнію „Молвы“, „выросло пониманіе общины“, и каждый разъ говорили, что относительно этихъ туманныхъ началъ держимся такихъ же мнѣній, какъ самые ревностные западники; то убѣжденіе, о которомъ шла рѣчь въ прошломъ номерѣ „Современника“, мы считаемъ справедливымъ потому, что справедливость его доказана западною наукою, а все то, въ чемъ славянофилы противорѣчатъ западной наукѣ, нами положительно и рѣшительно отвергается, потому что рѣшительно не выдерживаетъ научной критики и противорѣчитъ историческимъ фактамъ.

Взглядъ на общину, который мы защищаемъ, принадлежитъ западной наукѣ, а не славянофиламъ; мы полагаемъ, что славянофилы раздѣляютъ его, и говоримъ, что въ такомъ случаѣ они справедливы на столько, на сколько соглашаются съ истинами, доказанными западною наукою, ни больше, ни меньше.

Если славянофилы хвалятъ насъ за то, что мы одобряемъ ихъ мнѣнія о предметахъ, о которыхъ они думаютъ согласно съ западною наукою, мы очень были бы благодарны за такую похвалу. Если же они полагаютъ, что мы имъ сочувствуемъ или можемъ когда нибудь сочувствовать въ чемъ нибудь отвергаемому западною наукою, или опровергаемому фактами нашей исторіи или нашего быта, они совершенно ошибаются. Это мы говоримъ.

вообще относясь къ славянофиламъ. Что же касается до того, что насъ вздумала похвалить „Молва“, мы чрезвычайно огорчены тѣмъ, что прочитали похвалу себѣ въ газетѣ, допускающей на свои страницы неприличные выходки противъ партіи, гораздо болѣе нами уважаемой, нежели партія славянофиловъ, и оскорбительную брань на людей, ученыхъ или литературныя заслуги и благородство мнѣній которыхъ мы высоко, очень высоко цѣнимъ, какъ, напримѣръ, брань на гг. Забѣлина, Каткова, Леонтьева, Павлова, Соловьева, Чичерина и другихъ. Похвалу себѣ отъ такой газеты мы принимаемъ за величайшую непріятность, какой только можетъ подвергнуться человѣкъ или журваль, и покорнѣйше просимъ „Молву“ пощадить насъ отъ своихъ похвалъ, пока не измѣнитъ она своего тона на столько, чтобы можно было принимать ея похвалы безъ стыда.

Но это было постороннее. Возвратимся къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ находить справедливость на сторонѣ протекціонистовъ, вовсе не будучи протекціонистомъ, или находить у нѣкоторыхъ славянофиловъ справедливыя убѣжденія относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, ни мало не будучи славянофиломъ?

Относительно вопроса о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ мы сошлемся на примѣръ покойнаго Журавскаго и приведемъ отрывокъ изъ составленнаго подъ его редакцію „Описанія Кіевской губерніи“, — отрывокъ, который мы уже приводили въ разборѣ этой превосходной книги („Современникъ“ 1856 г. № 8). Исчисливъ цѣнность фабрично-заводскихъ произведеній Кіевской губерніи и количество работниковъ, занятыхъ этимъ производствомъ, Журавскій продолжаетъ:

„Это исчисленіе еще далеко отъ точности, нужной для положительныхъ заключеній; во навѣрное можно сказать, что оно ниже дѣйствительнаго числа ястеровыхъ рабочихъ, употребленныхъ на здѣшнихъ фабрикахъ и заводахъ, даже и въ таковъ случаѣ, если считать ваенныхъ 5,000 и крѣпостныхъ 16,000, всего 21,000. Это весьма любопытныя числа, собраніе которыхъ рекомедуетъ статистическія изыскатели, ибо они имѣютъ близкую связь съ нѣкоторыми экономическими вопросами, и между прочимъ съ вѣдѣннымъ вопросомъ о свободной торговлѣ. По вашему мнѣнію, примѣняя его теоретически къ нашему отечеству, надобно болѣе имѣть въ виду пользу значительнаго класса промышленниковъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи и процвѣтаніи отечественныхъ фабрикъ, нежели выгоды потребителей фабричныхъ произведеній, составляющихъ самый малочисленный, а вмѣстѣ и достаточный классъ нашего населенія. Изъ приведеннаго псчисленія виднѣтъ, что для фабричнаго производства одной губерніи нужно до 21,000 рабочихъ; приобретаемая каждымъ изъ нихъ плата имѣетъ прямое вліяніе на благосостояніе какъ самихъ работающихъ, такъ и семействъ ихъ; слѣдовательно, полагая среднимъ числомъ до 5 душъ семейство на каждого работающаго, можно заключать, что до 100,000 душъ интересовано въ фабричномъ производствѣ одной губерніи. Предположивши теперь, что, вслѣдствіе свободнаго привоза заграничныхъ фабричныхъ издѣлій дешевыхъ, прочныхъ и красивыхъ, подобныя же издѣлія здѣшнихъ фабрикъ будутъ вытѣснены изъ торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ закроются и самыя фабрики; тогда, конечно, многіе изъ питающихся теперь отъ фабрикъ лишились бы куска хлѣба, ничего не выигравши отъ свободнаго привоза, ибо простой народъ почти вовсе не потребляетъ фабричныхъ издѣлій; вся выгода была бы на сторонѣ достаточныхъ классовъ. Но это могло бы случиться тогда только, когда всѣ руки, употребляемыя на фабрикахъ, работали бы по вольному найму и безъ раздѣла заработковъ; въ настоящемъ же положеніи здѣшней фабричной промышленности, почти три четверти рабочихъ изъ врѣпостныхъ крестьянъ не интересованы въ сохраненіи поущающихъ

фабрикъ, на которыхъ работа по большей части не выгодна и тягостна, подрывъ и уничтоженіе этихъ фабрикъ было бы, можетъ быть, благомъ для работающихъ по неволѣ. Такъ сложны и отличны отъ другихъ народовъ наши экономическіе интересы въ настоящее время! и вслѣдствіе этого пожелать, чтобы ваши ученые, примѣняя въ нихъ вопросы современной науки, не теряли изъ виду этихъ особенностей, а напротивъ, усиливались бы привести ихъ въ самую точную извѣстность наблюденіями и статистическими изысканіями".

Изъ этого очень ясно видно, что Журавскій вообще не хотѣлъ быть ни безусловнымъ приверженцемъ свободной торговли, ни протекціонистомъ. Почему же такъ? Это очевидно. Онъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія, гораздо болѣе высокой, нежели основаніе, по которому раздѣляются приверженцы той и другой системы. Протекціонисты говорятъ: „во что бы то ни стало, покровительствуйте фабрикамъ“. Приверженцы свободной торговли говорятъ: „во что бы то ни стало, увеличивайте цифру заграничной торговли“. Журавскій ни того, ни другаго принципа не принималъ основнымъ правномъ экономической науки. Онъ говоритъ: „прежде всего и больше всего надобно думать о народномъ благосостояніи. Все, что содѣйствуетъ ему, я защищаю. Все, что вредитъ ему, я отвергаю. Если въ данной странѣ, въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, фабрики нужны для благосостоянія народа, нежели увеличеніе цифры заграничной торговли и дѣневизна фабричныхъ продуктовъ, я защищаю фабрики въ этой странѣ и готовъ быть протекціонистомъ на этотъ разъ. Если же фабрики въ данной странѣ, въ данное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ невыгодны для народнаго благосостоянія, то я противникъ этихъ фабрикъ въ этой странѣ и защищаю свободную торговлю, которая уничтожитъ эти фабрики“.

„Но въ такомъ случаѣ, скажете вы, Журавскій не имѣлъ точно опредѣленнаго, совершенно самостоятельнаго взгляда на вопросъ о томъ, какова должна быть національная промышленность, если онъ готовъ былъ въ иныхъ случаяхъ признавать справедливость протекціонистовъ, въ другихъ—соглашаясь съ защитниками свободной торговли“. Онъ не хотѣлъ ни того, что хотятъ одни, ни того, что хотятъ другіе; что же онъ хотѣлъ? Онъ хотѣлъ совершеніе иного, и если вы желаете узнать, чего именно хотѣлъ онъ, то прочтите слѣдующій отрывокъ изъ „Описанія Кіевской губерніи“.

„Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ важное мѣсто занимаетъ вопросъ о преимуществахъ большихъ или малыхъ хозяйствъ, такъ и въ фабричной промышленности представляется тотъ же вопросъ: какая фабрикація, большая или малая, полезнѣе для производителей и для потребителей? Здѣсь прежде всего надобно опредѣлить, что разумѣть большою фабрикаціею и что малою? Первая, конечно, та, которая для производства соединяетъ въ одно цѣлое работу многихъ рукъ, распредѣляя между ними части издѣлія, или замѣняетъ большую часть рукъ машинами; таковы всѣ заведенія, называемыя фабриками, мануфактурами, заводами, требующими болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ, вкладочныхъ и оборотныхъ. Малая фабрикація состоитъ въ ручной выдѣлкѣ, при пособіи нѣкоторыхъ простыхъ машинъ и снарядовъ, одного или нѣсколькихъ рабочихъ, а чаще и вовсе безъ нихъ, однимъ селенствомъ, низшихъ сортовъ нѣкоторыхъ издѣлій, производимыхъ настоящими фабриками. Такъ, напримѣръ, сукно, полотно, тесемки, пряжа, шляпы, кожи, свѣчи, посуда, кирпичъ, черепица и т. п. выдѣлываются большими массами, лучшихъ сортовъ на фабрикахъ, и тѣже самыя издѣлія производятся безъ всякаго почти капитала крестьянскими семействами и разными мелкими промышленниками для собственнаго употребленія и для продажи. Разумѣется,

издѣлія послѣднихъ весьма не совершенны и не могутъ достигать тонкости и чистоты отдѣлки, возможной теперь только на фабрикахъ; во это надобно приписать болѣе несовершенству употребляемыхъ винъ машинъ и снарядовъ и низкой степени искусства у большей части мелкихъ фабрикантовъ. Несомнѣнно, что подобныя произведенія могутъ достигать высокой степени достоинства, чему припрѣтъ служатъ: полотна Костромскихъ крестьянъ, издѣлія нѣкоторыхъ Тульскихъ оружейниковъ, Лионскія шелковыя издѣлія, вырабатываемыя въ фабрикахъ, а мастеровыми въ своихъ жилищахъ, при пособіи семейства и наемныхъ рабочихъ, Голландскія кружева и т. п. Все это произведенія домашней фабрикаціи, показывающія, что при благоприятныхъ обстоятельствахъ ловкость человѣческихъ рукъ, и при самыхъ простыхъ снарядахъ, можетъ съ выгодой соперничествовать съ многосложными и дорогими машинами большихъ фабрикъ. И если ручное производство по сию пору такъ мало облегчено и распространено, такъ мало сдѣлало усохъ въ искусственомъ отношеніи, то это оттого, что всѣ уеллія ума ученыхъ и технстовъ вашего времени направлены на изобрѣтенія и улучшенія большихъ машинъ, служащихъ для фабричнаго производства. На мелкихъ фабрикантовъ никто изъ нихъ не удостоиваетъ обратить вниманія, никто не подумаетъ, какими бы средствами совратить ручную работу, улучшить употребительные донныя снаряды и машины, ввести новые, сдѣлать доступною, для каждаго семейства, въ маломъ размѣрѣ, выработку предметовъ, возможную донныя только для большихъ фабрикъ. Между тѣмъ этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по огромному числу интересованныхъ въ немъ семействъ и представляетъ обширное поле изобрѣтательности первоклассныхъ умовъ; изобрѣтенія, подобныя самопрялкѣ, сдѣлавшейся общеупотребительною у простаго народа, могутъ быть важнѣе всякихъ усовершенствованій фабричныхъ машинъ. По крайней мѣрѣ, это справедливо относительно нашего отечества, гдѣ большая фабрикація по сию пору обращается въ пользу достаточнаго класса производителей каапталистовъ и не менѣе достаточнаго класса потребителей ихъ произведеній, какъ-то: сахара, толяныхъ суковъ и полотень, столоваго бѣлья, шелковыя издѣлія, табаку и сигаръ и т. п.; всѣ эти предметы или не нужны, или не доступны по цѣнѣ нашему простому народу, т. е. болѣе $\frac{3}{4}$ всего населенія Государства. При нынѣшнихъ нравахъ, бытъ и состоишіи этой огромной массы народа, заключающей въ себѣ не менѣе 45 миліоновъ душъ, они имѣютъ и долго еще будутъ имѣть потребности, различныя отъ потребностей высшихъ классовъ, неудовлетворяемыя большою фабрикаціей. Для нихъ-то и необходимы улучшенія въ малой фабрикаціи, которая могла бы съ одной стороны снабжать простой народъ прочными, хорошо обработанными и дешевыми издѣліями, а съ другой водворять довольство въ селеніяхъ производителей, особенно необезвеченныхъ въ пропитаніи хлѣбопашествомъ. Впрочемъ, мы вовсе не разумѣемъ, чтобы мелкая фабрикація могла замѣнить большую; обѣ они могутъ идти рядомъ, развиваться и усовершенствоваться одновременно, по различію состоянія потребителей произведеній той и другой; только первая, какъ значительно отставшая отъ послѣдней, болѣе требуетъ теперь, по нашему мнѣнію, поощренія и вниманія ученыхъ и правительства, особенно это важно въ видахъ улучшенія нравовъ и охраненія отъ порчи простаго народа.

„Мелкая фабрикація, какъ мы сказали, требуетъ для производства болѣе или менѣе простыхъ яшиныхъ и снарядовъ; для ткачей станки, для кожевниковъ чаны, для свѣчниковъ разная посуда, литейныя формы и т. д. Этими принадлежностями мастерства она отличается отъ ремеселъ, требующихъ для производства ручныхъ инетрументовъ, которыхъ замѣна машинами по большей части или неудобна, или невозможна. Если угодно, и ремесло, производимое въ большомъ размѣрѣ, можетъ стать на степень фабрики, вслѣдствіе дѣленія труда. Такъ, напримѣръ, въ большой мастерской портнаго, гдѣ работаетъ человѣкъ двадцать, однѣ исключительно занимаются кройкою, другіе обдѣлкою петлицъ и бортовъ; третьи—травпцами и т. д. Изъ соединенія всѣхъ этихъ частей выходитъ цѣлое платье. Но, съ другой стороны, и изъ малыхъ фабричныхъ мастерствъ можетъ образоваться большое фабричное производство, съ сохраненіемъ домашняго характера фабрикаціи. Каждый фабрикантъ можетъ заниматься дома одною какою либо степенью производства, и издѣліе, переходя изъ однихъ рукъ въ

другія, сдѣлается наконецъ настоящимъ фабричнымъ издѣліемъ. Такого рода выдѣлка фабричныхъ суконъ в полотно въ высшихъ сортахъ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской губерніи, и въ большемъ противъ прочихъ размѣрѣ—въ м. Коростышевѣ Радомысльскаго уѣзда. Лѣтъ двадцать тому, нѣсколько семействъ иностранцевъ, выходцевъ изъ Царства Польскаго, оселились въ этомъ мѣстечкѣ и завелись почти исключительно выдѣлкою сукна и полотна.—Неизвѣстно, отъ нихъ ли переняли Коростышевскіе жители это мастерство, или еще прежде занимались имъ; только въ настоящее время считается тамъ 16 мастерскихъ этого рода, изъ числа которыхъ въ десяти готовятъ пряжу и ткуть, въ двухъ—красить, въ двухъ тнуть холстъ, а иногда и шерсть, и въ двухъ стригутъ и ворсуютъ сукно; хозяева двухъ послѣднихъ мастерствъ сами разводятъ ворсинныя шпини. Во всѣхъ этихъ мастерствахъ дѣйствуетъ слѣдующее число машинъ: прядильныхъ—15, ворсовальныхъ—17, постригальныхъ—2, волчковъ—17, твацкихъ станковъ: для сукна 18, и для полотна 26; изъ послѣднихъ—6 принадлежатъ иностранцамъ, всѣ прочіе—мѣстнымъ жителямъ. Каждая штука сукна выдѣлывается соединенными силами нѣсколькихъ фабрикантовъ и переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія до окончательной отдѣлки. Шерсть, краски и другіе матеріалы покупаются въ Бердичевѣ, или получаютъ отъ купцовъ въ обмѣнъ на сукно. Выдѣлывается ежегодно до 320 штукъ сукна, на сумму до 2,600 р. серебр. Многія изъ значительныхъ статей расхода, свойственныхъ большимъ суконнымъ фабрикамъ, какъ-то: на жалованье и содержаніе мастеровъ, рабочихъ и официалистовъ, на многіе матеріалы, нужные для выдѣлки высшихъ сортовъ, на доставку этихъ матеріаловъ, на проценты съ огромныхъ вкладочныхъ капиталовъ, и тому подобное; всѣ эти статьи не существуютъ въ малой фабрикаціи Коростышевскихъ суконъ, и весь ея расходъ не превышаетъ половины выручки, т. е. въ чистый доходъ фабрикантамъ остается около 1,300 р. сер., что составляетъ, среднимъ числомъ, до 80 р. сер. на семейство, не считая прибыли отъ выдѣлки полотна. Высшая цѣна выдѣлываемыхъ ими суконъ до 2 р. сер. за аршинъ; но такого сорта дѣлаютъ очень мало, а обыкновенно цѣною въ 1 р. 50 в. и въ 1 р. 30 к. сер. аршинъ. Если оказывается надобность въ высшемъ сортѣ, то для окраски и окончательной отдѣлки такихъ штукъ посылаютъ ихъ въ Хабенскую суконную фабрику.

„Другой подобный примѣръ выдѣлки полотна мы привела въ описаніи колоніи монашествующихъ въ бердичевскомъ уѣздѣ (см. Ч. II, Отд. V). Ткачество составляетъ у нихъ принадлежность каждаго хозяйства, и этимъ искусствомъ оны выработываютъ въ продолженіе зимы холста: изъ собственного матеріала на сумму до 500 р. сер., изъ оосторовскаго по заказамъ—до 800 р. сер.; и это—чистая ихъ прибыль, не считая холста, употребленнаго на собственные надобности.

„Сукна и полотна, выдѣлываемыя въ означенныхъ мѣстахъ, хотя далеко ниже добротою и цѣною противъ иодобныхъ же издѣлій большихъ фабрикъ, однако и оны далеко превышаютъ средства самой большей части потребителей, т. е. крестьянъ, которые не въ состояніи платить по 1 р. 30 к. и 1 р. 50 к. сер. за аршинъ сукна себѣ на платье, или по 30 к. сер. за аршинъ полотна на бѣлье. Для нихъ возможно только самое простое сукно, котораго цѣна здѣсь отъ 25 до 30 к. сер. арш., а холстъ отъ 6 до 8 в. сер. аршинъ. Выдѣлкою какъ этихъ предметовъ, такъ и многихъ другихъ, нужныхъ для одежды и хозяйства сельскихъ жителей, занимаются въ селеніяхъ по большей части крестьяне, не находящіе въ хлѣбопашествѣ достаточныхъ средствъ къ пропитанію, также состояніе при господскихъ дворахъ мастеровыми, въ свободное отъ господской работы время, разныхъ званій вольноживущіе въ селеніяхъ и въ мѣстечкахъ. Ихъ произведенія, какъ-то: простое сукно и шитье изъ него: армяки или свиты, грубый холстъ, выдѣланная овчины и готовые тулупы, шапки и шляпы, сапоги, плахты, запаски, глиняная посуда, телѣжныя части и множество другихъ предметовъ, выставляютъ на продажу на всѣхъ ярмаркахъ и базарахъ, въ мѣстечкахъ и селеніяхъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить подробностей касательно способовъ выдѣлки этихъ товаровъ“.

Изъ этого мы довольно ясно видимъ, что у Журавскаго былъ свой

самостоятельный, независимый от споровъ между протекціонистами и приверженцами свободной торговли и очень опредѣлительный взглядъ на отношенія фабричнаго производства къ потребностямъ страны. Онъ не колебался между двумя спорившими партіями. Онъ твердо етоялъ на своей точкѣ зрѣнія, съ которой могъ безпристрастно обсуждать желанія обѣихъ партій. Каждую изъ враждующихъ между собою партій онъ одобрялъ за то, что въ ея желаніяхъ сообразно съ народнымъ благосостоящемъ. Быть можетъ, и очень даже вѣроятно, онъ жалѣлъ, зачѣмъ такіе дѣятельные споры ведутся съ точки зрѣнія не довольно возвышенной. Быть можетъ, и очень даже вѣроятно, что онъ жадѣлъ, зачѣмъ протекціонисты и защитники свободной торговли, поднимая такой сильный споръ изъ за вопроса о фабрикахъ, такъ легко забываютъ въ пылу своего увлеченія, что существуютъ въ наукѣ точки зрѣнія болѣе возвышенныя, нежели увеличеніе фабричнаго производства или заграничной торговли; забываютъ такъ часто и такъ легко, что вопросы, о которыхъ они спорятъ, имѣютъ существенную важность только по своимъ отношеніямъ къ высочайшему вопросу науки, вопросу о народномъ благосостояніи, и только на основаніи этихъ отношеній должны быть разрѣшаемы такъ или иначе.

Признаемся, что въ вопросѣ о свободной торговлѣ и національномъ фабричномъ производствѣ мнѣше Журавскаго кажется намъ совершенно справедливо. Признаемся, что мы въ этомъ случаѣ всегда готовы стать на сторонѣ той партіи, которая успѣетъ доказать, что ся рѣшеніе вопроса сообразнѣе съ народнымъ благосостоящемъ. Признаемся также, что до сихъ поръ не видимъ, чтобы та или другая партія успѣла положительнымъ образомъ доказать это, потому что ни та, ни другая не заботилась достаточно о доказательствахъ подобнаго рода. Признаемся также, что рѣшеніямъ той и другой партіи мы предпочитаемъ совершенно иное рѣшеніе, предложенное Журавскимъ въ послѣднемъ изъ приводимыхъ нами отрывковъ. Смыслъ этого отрывка таковъ: больше, нежели о возрастаніи фабричнаго производства, больше, нежели объ увеличеніи заграничной торговли, надобно заботиться о развитіи домашней выдѣлки фабричныхъ издѣлій. Для этой выдѣлки надобно желать прямого покровительства. Что же касается до вопроса о томъ, полезно ли прямое покровительство фабрикамъ, то при разрѣшеніи его надобно было бы имѣть въ виду не столько отношеніе нашихъ фабрикъ къ заграничному производству подобныхъ товаровъ, сколько отношеніе ихъ къ благосостоянію класса людей, находящихъ на нихъ работу, и еще болѣе, отношеніе фабрикъ къ домашней выдѣлкѣ фабричныхъ издѣлій.

Нѣчто подобное всегда было и, надѣемся, будетъ въ нашемъ взглядѣ на споры, раздѣляющіе славянофиловъ отъ западниковъ. Много разъ мы говорили, что не придаемъ первостепенной важности тѣмъ вопросамъ, изъ-за которыхъ славянофилы вздумали раздѣлять себя отъ западниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросы эти имѣютъ нѣкоторую и даже довольно значительную важность для науки и для жизни. Но гораздо важнѣй ихъ многіе другіе вопросы, которые стоятъ выше почти точки дѣленія между славянофилами и западниками, какъ, напримѣръ, вопросъ о необходимости просвѣщенія, о необходимости всевозможнаго содѣйствія успѣхамъ литературы, наконецъ во-

прось о народномъ благосостояніи. Тутъ нѣтъ раздѣла на славянофиловъ и западниковъ; тутъ люди раздѣляются по степени своего сочувствія къ народному благу и къ рѣшешямъ этого вопроса, даваемымъ современною наукою. По нашему мнѣшю, хотя бы я былъ самымъ равностнѣйшимъ западникомъ, я всетаки не буду заслуживать ни малѣйшаго сочувствія отъ достойныхъ уваженія людей, если подъ моимъ западничествомъ скрывается обскурантизмъ или апатія; хотя бы я былъ самымъ эксцентрическимъ славянофиломъ и хотя бы я даже носилъ тѣ желтые сапожки, надъ которыми столько смѣялись, я все таки заслуживалъ бы самаго сильнаго сочувствія со стороны достойныхъ уваженія западниковъ, если бы я, съ тою же энергіею, какъ они, желалъ распространенія просвѣщенію, успѣховъ литературѣ и особенно разрѣшалъ бы въ такомъ же смыслѣ, какъ они, вопросы, прямо касающіеся народнаго благосостоянія. Если бы я имѣлъ совершенно ложный взглядъ на древнюю Русь, если бы я не только воображалъ, что въ XV или XIII вѣкѣ между нашими предками было много людей, въ совершенствѣ знавшихъ греческій языкъ и постигавшихъ Платона и Аристотеля лучше, нежели западные ихъ современники; но даже если бы я воображалъ, что въ тѣ времена Русь имѣла множество желѣзныхъ дорогъ, всѣ эти заблужденія можно было бы извинить мнѣ, если только въ настоящее время я считаю полезнымъ изученіе Платона и Аристотеля съ ихъ преемниками и проведеніе желѣзныхъ дорогъ.

О свободной международной торговлѣ. (Изъ путевыхъ записокъ А. Сербера-Медельгейма). *Москва 1857.*

Г. П. Андреевъ, псреводчикъ этой главы изъ „Путевыхъ записокъ“ Сербера-Медельгейма, въ предисловіи увѣряетъ насъ, будто бы этотъ авторъ чрезвычайно основательно и хорошо разсматриваетъ вопросъ о необходимости протекціонной системы для Франціи и будто бы онъ очень убѣдительно доказываетъ пагубность низкаго тарифа для Франціи. Мы, къ сожалѣнію, не нашли ни убѣдительности, ни основательности въ отрывкѣ, переведенномъ трудами г. П. Андреева. Слишкомъ горячіе приверженцы свободной торговли могутъ, пожалуй, заподозрить насъ въ сильной наклонности къ протекціонной системѣ, прочитавъ нашу статью о книжкѣ г. Шипова. Но намъ кажется, что люди безпристрастные увидятъ въ ней взглядъ, совершенно различный отъ тѣхъ мнѣній, которыя могутъ нравиться протекціонистамъ. Здѣсь надобно прибавить, что вообще протекціонисты защищаютъ свое дѣло съ такой узкой точки зрѣнія чисто фабричныхъ интересовъ, которая едва ли кому нибудь, кромѣ фабрикантовъ, можетъ казаться удовлетворительною, и взводятъ на систему свободной торговли такія обвиненія, которыя по меньшей мѣрѣ забавны. Вотъ хотя бы Серберъ-Медельгеймъ воображаетъ, будто бы англичане, устанавливая у себя низкій тарифъ, имѣли цѣлю погубить Францію, а Франція будто бы такая земля, которая можетъ производить въ избыткѣ все, нужное для ея жителей, въ томъ числѣ вѣроятно кофе и хлопчатую бумагу. Каждый, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о дѣлѣ, видитъ нелѣпность такихъ странныхъ увѣреній. Каждый знаетъ, что англичане попизили свой тарифъ потому, что это для нихъ самихъ

было выгодно, а вовсе не для того, чтобы губить Францію или огорчать Серберъ-Медельгейма. Каждый знает также, что если кто нибудь вредить Франціи, то конечно не англичане, а французы, подобные Серберъ-Медельгейму, который, чтобы поддержать высокую цѣну на желѣзо своего завода, готовъ былъ бы не только запретить ввозъ во Францію англійскаго желѣза, совершенно для нея необходимаго, но, пожалуй, радъ былъ бы окружить Францію китайскою стѣною. Само собою разумѣется, что уже если бы пришлось выбирать между французскими желѣзно-заводчиками и французскими защитниками свободной торговли, то надобно было бы согласиться, что на сторонѣ послѣднихъ вообще гораздо больше справедливости, а въ частности, по вопросу о томъ, нужно ли понизить пошлину во Франціи на привозное желѣзо, надобно сказать, что справедливость рѣшительно вся на сторонѣ французскихъ приверженцевъ свободной торговли. Дешевизна желѣза могущественно содѣйствуетъ улучшенію народнаго быта. Англія производитъ желѣзо по цѣнѣ гораздо болѣе дешевой, нежели Франція. Неправедливо задерживать развитіе народнаго благосостоянія во Франціи запрещеніемъ или высокими пошлинами на англійское желѣзо для того, чтобы французскіе желѣзно-заводчики могли продавать свое желѣзо по высокой цѣнѣ, обременительной для французской націи. Но Серберъ-Медельгеймъ защищаетъ свой частный интересъ, противный общему національному интересу. Человѣку, защищающему несправедливое дѣло, или должны представляться вещи въ ложномъ свѣтѣ (если онъ не понимаетъ своей несправедливости), или (если онъ понимаетъ несправедливость дѣла и однако же защищаетъ его) должно быть равно пріятны и не справедливыя средства, лишь бы только защититься. Потому-то Серберъ-Медельгеймъ и доходитъ до такой крайности, что превозносить даже знаменитую континентальную систему Наполеона,—систему, которая не только была разорительна для Европы, въ томъ числѣ и для Франціи, но была одною изъ главныхъ причинъ паденія и самого Наполеона. Мнѣнія такихъ людей, какъ Серберъ-Медельгеймъ, защищать невозможно, и опираться на ихъ помощь для защиты своихъ мнѣній—совершенная ошибка.

Путешествіе по Восточной Сибири И. Булычева, Императорскаго Географическаго Общества Двѣнадцатаго Члена. Часть I. Якутская Область, Охотскій край. С.-Петербургъ. 1856.

Не каждый годъ издаются у насъ частными людьми такіа великолѣпныя вещи, какъ атласъ рисунковъ, приложенный къ книгѣ г. Булычева. Атласъ состоитъ изъ шестидесяти-пяти большихъ листовъ, изображающихъ виды городовъ Восточной Сибири, между прочимъ, Якутска, Олекминска, Охотска, Петропавловскаго Порта, виды различныхъ замѣчательнѣйшихъ зданій и остатковъ древностей въ Восточной Сибири, виды различныхъ мѣстностей, жилища и домашній или кочевой бытъ различныхъ инородцевъ, населяющихъ Восточную Сибирь, ихъ одежду и прочее. Литографированы рисунки прекрасно. Многіе изъ нихъ раскрашены также прекрасно. По отзывамъ людей, знающихъ Восточную Сибирь, они очень удовлетворительно и вѣрно знакомятъ насъ съ этою страной и бытомъ ея жителей. Издаше такихъ роскошныхъ атласовъ у насъ въ Россіи требуетъ очоно значитель-

выхъ допежныхъ пожертвованій со стороны издателя, и, конечно, г. Булычеву приносить большую честь, что онъ предпринялъ такое прекрасное дѣло. Текстъ книги надобно разсматривать главнымъ образомъ, какъ объясненіе великолѣпнаго атласа. Онъ заключаетъ въ себѣ краткое обзорѣніе исторіи Сибирскаго края и путевыя замѣтки, веденныя г. Булычевымъ во время его многочисленныхъ разъѣздовъ по Сибири и дополненныя отчасти обзорѣшемъ сибирскихъ архивовъ, отчасти извлеченіями изъ другихъ источниковъ свѣдѣній пашихъ объ Восточной Сибири.

Статмстическіе Труды И. Ѳ. Штуненберга. Статья II. Описаніе Оренбургской губерніи съ Уральско-Оренбургскою линією. Статья III. Описаніе Ставропольской губерніи съ землею Черноморскихъ козаковъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пбургъ. 1857.

Мы помѣщаемъ здѣсь заглавія двухъ вновь вышедшихъ книжекъ почтеннаго изданія, о началѣ котораго недавно говорили, для того, чтобы наша замѣтка замѣняла объявленіе о продолженіи изданія, достоинства котораго уже признаны всѣми людьми, занимающимися у насъ изученіемъ Россіи въ географическомъ, статистическомъ, сельско-хозяйственномъ или промышленномъ отношеніи.

Издатель, сынъ покойнаго Ивана Ѳедоровича Штукенберга, ко второй статьѣ приложилъ краткую біографію своего отца, которая первоначально была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ этой краткой біографіи мы находимъ извѣстія объ автобіографіи, доведенной И. Ѳ. Штукенбергомъ до 1845 г. Надобно желать, чтобы эта автобіографія была издана. Жизнь такихъ честныхъ, энергическихкихъ и полезныхъ людей, какъ Штукенбергъ, всегда имѣетъ интересъ. Потому надобно желать также, чтобы издана была и подробная біографія его, написанная его сыномъ, переводникомъ и издателемъ его „Статистическихъ Трудовъ“.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

май 1857.

О новомъ направленіи въ полемикѣ.—Полемика между „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Молвою“.

Съ того времени, какъ вновь оживилась русская литература, интересъ споровъ, возбуждавшихся въ ней, заключался преимущественно въ идеяхъ, о которыхъ различными партіями высказывались различныя мнѣнія. Вопросы о вредѣ, который приноситъ государственному организму взяточничество, и средствахъ къ искорененію этого дурнаго обычая, о преимуществахъ низкаго тарифа надъ высокимъ, о направленіи желѣзныхъ дорогъ, о выгодахъ, какихъ можно ожидать отъ нихъ, о различныхъ преобразованіяхъ въ нашемъ сельско-хозяйственномъ бытѣ, и множество другихъ подобныхъ тому вопросовъ,—всѣ они имѣли интересъ, совершенно независимый отъ вопроса о личномъ достоинствѣ людей, которыми велись эти споры. Кому, напримѣръ, была какаянибудь надобность знать степень учености г. Бланка, кому было любопытно узнать, по какимъ именно побужденіямъ написалъ онъ статейку, подавшую поводъ къ блистательнымъ возраженіямъ гг. Безобразова и Чичерина, обратившимъ на себя общее вниманіе? Личностью г. Бланка не интересовался ровно никто изъ читателей. Всѣ были заняты единственно идеями, о которыхъ шелъ споръ. Даже въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ „Русскою Бесѣдою“ о народномъ возрѣніи, о достоинствахъ и недостаткахъ стариннаго русскаго быта, дѣло шло о научной достовѣрности того или другаго возрѣнія, а не о качествахъ людей, защищавшихъ то или другое мнѣніе. Если тотъ или другой изъ людей, защищавшихъ извѣстное мнѣніе, подвергался порицанію отъ своихъ противниковъ, то единственно за неосновательность мнѣній или нелогичность тѣхъ выводовъ, которыхъ онъ держался вмѣстѣ съ своею партією, но не за личные свои недостатки. Если комунибудь случалось дѣлать ошибку, принадлежащую лично ему, но не всей той партіи, представителемъ или защитникомъ которой онъ являлся, то эта ошибка легко забывалась, какъ неважная для сущности дѣла. Это понятно. Дѣло шло объ основательности мнѣній цѣлой партіи, а не о достоинствахъ или недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ.

Съ нѣкотораго времени обнаружилось иное направленіе въ нашей полемикѣ: ведутся споры о томъ, каковы права на ученый авторитетъ у г. В. Григорьева (въ статьѣ г. Павлова и слѣдовавшихъ за ною), у г. И. Крылова (въ письмахъ Байбороды и слѣдовавшихъ за ними статьяхъ), у г. Лебедева (въ письмахъ Военнаго Байбороды). Въ послѣдніе полтора или два мѣсяца именно эти споры объ авторитетахъ отдѣльныхъ лицъ наиболѣе занимали публику, по крайней мѣрѣ здѣсь и въ Москвѣ. (Впечатлѣнія, произведеннаго этимъ новымъ родомъ полемики на читателей въ провинціяхъ, мы еще не знаемъ опредѣлительно. Но есть вѣроятность предполагать, что провинціи менѣе столицъ заинтересованы этими новыми спорами, и, признавая литературное достоинство въ письмахъ Байбороды, Чельшевскаго и Ярослава, не находятъ особенно любопытнымъ ихъ содержаніе, хотя и считаютъ его справедливымъ). Такое вниманіе, обращенное на полемику, имѣющую предметомъ лица, а не идеи, нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ читателей не совсѣмъ нравилось. Мы имѣли случай встрѣчаться съ людьми вполне достойными уваженія, которые, признавая, напримѣръ (какъ и требуетъ справедливость), что въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ гг. Григорьевымъ и Крыловымъ и ихъ партизанами, не только литературное и ученое превосходство, но и вся правда дѣла находится на сторонѣ „Русскаго Вѣстника“, не совсѣмъ довольны однакожъ были тѣмъ, что споры эти приняли довольно широкой размѣръ, ведутся съ большимъ одушевленіемъ, и растянулись уже на нѣсколько книжекъ журнала, высоко уважаемаго этими людьми, какъ и всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи. Не то, чтобы дѣло „Русскаго Вѣстника“ казалось несправедливо людямъ, въ противность своему обыкновешію порицающимъ его въ этомъ случаѣ; но они жалѣютъ о томъ, что подобныя личные споры развлекаютъ вниманіе журналистики и публики, отвлекаютъ вниманіе отъ вопросовъ болѣе серьезныхъ, отъ споровъ болѣе полезныхъ по ихъ мнѣнію. „Какая польза доставлена обществу (говорятъ эти люди) тѣмъ, что мы узнали степень уваженія, какого заслуживаетъ ученый авторитетъ гг. В. Григорьева и И. Крылова,—авторитетъ, о которомъ многіе изъ насъ и слыхивали до той поры, какъ немногіе изъ насъ слыхивали о какой нибудь Санунъ-горѣ, пріобрѣтшей извѣстность, единственно благодаря тѣмъ выстрѣламъ, которые были съ успѣхомъ на нее направлены? Какой изъ вопросовъ науки или жизни хотя на шагъ подвинулся впередъ всѣми этими „Изобличительными письмами“, которыя впрочемъ написаны съ большимъ талантомъ? Мы узнали только, что г. И. Крыловъ, о которомъ мы прежде ровно ничего не знали, не долженъ быть признаваемъ нами за знатока римскихъ древностей и латинскаго языка. Нечего сказать,—важное пріобрѣтеніе для насъ такое новоо свѣдѣніе! А между тѣмъ время, потраченное на это людьми, какъ видно дѣйствительно учеными и талантливыми, могло быть съ пользою употреблено на разъяненіе какого нибудь дѣйствительно важнаго вопроса науки или жизни. Жаль, что въ этихъ случаяхъ полемика наша по какому-то капризу уклонилась на дорогу, нисколько не нужную, и ни къ чему, истинно полезному, не ведущую“.

Такія порицанія намъ кажутся совершенно ошибочными. Наше мнѣніе объ этомъ предметѣ не можетъ ни къ чему быть заподозрено въ какой нибудь

пристрастности. Мы не принимали никакого участія въ той полемикѣ новаго рода, о которой идетъ рѣчь, и до настоящаго времени не видимъ никакихъ причинъ, которыя могли бы побудить насъ принять участіе въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ партизанами г. И. Крылова, г. В. Григорьева и прочихъ. Въ этихъ спорахъ мы до сихъ поръ оставались, и намѣрены остаться людьми, совершенно посторонними. Стало быть, и мнѣніе наше чуждо всякихъ личныхъ отношеній и основано только на сущности самого дѣла.

Прежде всего надобно замѣтить, что напрасно было бы считать новый оборотъ, принятый литературными спорами, дѣломъ случайности или прххоти со стороны „Русскаго Вѣстника“. Таковъ неизбѣжный ходъ дѣла. Начинается споръ о какомъ нибудь ученомъ вопросѣ. Сначала онъ ведется съ той и другой стороны доказательствами чисто учеными;—одна изъ ведущихъ споръ партій скоро замѣчаетъ, что доказательства ея слабы; тогда она, по необходимости, должна искать другихъ пособій, чтобы поддержать свое дѣло. Ближайшимъ и совершенно законнымъ средствомъ защиты представляется ей ссылка на авторитетъ. Не будучи въ состояніи доказать прямымъ образомъ, что наука свидѣтельствуетъ въ ея пользу, ослабѣвающая сторона старается доказывать, что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые свидѣтельствуютъ въ ея пользу. Этотъ оборотъ, сказали мы, совершенно законенъ. Ничто не можетъ быть естественнѣе и справедливѣе желанія подтвердить свое мнѣніе илѣшями ученыхъ. Спрашивается теперь: можетъ ли другая партія отказаться отъ необходимости слѣдовать за своими противниками на этотъ новый путь? Никакъ не можетъ, еслибъ и хотѣла того. Честь и совѣсть обязываютъ ее продолжать преніе на новыхъ основаніяхъ, выставленныхъ противниками. Наука не существуетъ въ отвлеченности: Она выражается въ произведеніяхъ людей, признаваемыхъ ея представителями. Истина въ наукѣ въ данное время есть то, что признается за истину передовыми людьми этой науки въ данное время. Огромное большинство публики, для пользы котораго всегда должна существовать литература, состоитъ не изъ специалистовъ, гордящихся самостоятельностью своихъ воззрѣній, а изъ людей, которые скромно говорятъ: „болѣе, нежели собственному суду, мы довѣряемъ мнѣніямъ великихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ“. И такъ, въ какоо положеніе ставитъ своихъ противниковъ партія, начинающая ссылаться на авторитеты? Она говоритъ публикѣ: „Наши противники искажаютъ науку, заставляя ее говорить въ свою пользу. Наука говоритъ въ нашу пользу, потому что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые говорятъ тоже самое, что и мы“. Если бы эти слова были оставлены безъ возраженій, дѣло было бы проиграно во мнѣніи публики тѣми людьми, которые теперь обвиняются въ противорѣчій съ авторитетами науки. Большинство публики, недовѣряя собственному сужденію, положило бы на мнѣшіе людей, выставляемыхъ ему какъ авторитеты науки, и согласилось бы съ мнѣшіемъ партіи, сославшейся на эти авторитеты. Между тѣмъ, противная партія убѣждена, что это мнѣшіе есть заблужденіе. И такъ, она считала бы себя отступницею отъ дѣла истины, если бы не подвергла критикѣ передъ глазами публики тѣхъ основаній, по которымъ ея противники заставляютъ вѣрить себѣ публику. И такъ, выставленные авторитеты должны быть подвергнуты критикѣ,—и вотъ,

по необходимости, начинается споръ о томъ, дѣйствительно ли такой-то ученый, выставляемый представителемъ науки, есть великій ученый, и дѣйствительно ли онъ долженъ считаться представителемъ науки? Вы видите, что отъ общихъ вопросовъ объ идеяхъ споръ перешелъ къ вопросу объ ученыхъ заслугахъ такого-то или такого-то человѣка. Вы видите, что это не могло быть иначе. Каждый шагъ, дѣлаемый преніемъ, необходимъ и совершенно законенъ. Кто говоритъ: „пусть ведутся споры объ ученыхъ предметахъ, но не переходятъ въ споры объ ученыхъ вачествахъ отдѣльныхъ лицъ“, тотъ говоритъ: „я не хочу, чтобы люди, ведущіе ученый споръ, пользовались совершенно законными и необходимыми средствами для защиты того мнѣшя, которое кажется имъ истиною. Я хочу, чтобы люди, желающіе защищать истину, соглашались безотвѣтно видѣть торжество заблужденія. Я хочу, чтобы всякая ревность къ защитѣ истины служила только для торжества заблуждений“. По нашему мнѣшю, такой человѣкъ ноступилъ бы лучше, если бы откровенно сказалъ: „я не хочу, чтобы была защищаема истина. Я хочу, чтобы умъ публики дремалъ, чтобы ученые молчали“. Такія слова были бы, по крайней мѣрѣ, искренни. Въ искренности есть что-то благородное и привлекательное. Признаемся, желашю, столь откровенно выраженное, показалось бы намъ обольстительно по своей прямотѣ, и мы были бы расположены даже сочувствовать ему, если бы успѣли убѣдиться въ томъ, что оно удобоисполнимо. Въ самомъ дѣлѣ, какая пріятная перспектива открывается этимъ желашемъ! Публика не тревожится никакими мыслями, безмятежно наслаждается своимъ житейскимъ, семейнымъ и общественнымъ счастьемъ. Солнце такъ кротко и ясно свѣтитъ на поля и города. Деревья злонѣютъ, и подъ каждымъ деревомъ мирно сидитъ доброе и счастливое семейство, ведя пріятный и мирный разговоръ о томъ, какъ хороша погода, о томъ, каковъ будетъ нынѣ урожай хлѣбовъ, и тому подобныхъ, пріятныхъ и безобидныхъ предметахъ. Мы любители всякихъ идиллій. Необходимымъ условіемъ каждой идилліи предполагается то, чтобы не было ни журнальной полемики, ни толковъ о журналахъ или книгахъ, ни даже мысли о нихъ. О, какъ были бы мы счастливы, если бы могли обратиться въ Меналковъ и Тирсисовъ! Мы играли бы на свирѣляхъ, мы пасли бы нашихъ овечекъ, и мы сами были бы похожи на кроткихъ овечекъ. Усладительная, обольстительная картина! Не только журнальной полемикой, всѣми журналами можно бы пожертвовать, если бы такой цѣной возможно было купить подобное счастье.

Къ сожалѣшю, нельзя его купить принесеньемъ въ жертву не только журнальной полемики или журналовъ, не только всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, но даже и всѣхъ грамотныхъ людей. Люди, преданные литературѣ и наукѣ, слишкомъ преувеличиваютъ силу науки и литературы надъ народнымъ сознаніемъ. Ученые и литераторы вовсе не имѣютъ такой власти надъ разитіемъ общества, чтобы слова ихъ могли разбудить его, если оно спитъ, чтобы молчаніе ихъ могло усыпить его, если оно проснулось. Не книгами, не журналами, не газетами пробуждается духъ націи, — онъ пробуждается событіями. Не шумные толки французскихъ журналовъ погубили Наполеона. — при немъ и не было пикакихъ толковъ. Его погубилъ походъ 1812 года.

Но русскіе журналы пробудили къ новой жизни русскую націю, — ее пробудили славныя опасности 1812 года. О, если бы на землѣ былъ человѣкъ, который могъ бы управлять по произволу ходомъ историческихъ событій, тогда, быть можетъ, могла бы осуществиться наша идиллія о Тирсисахъ и Мениалкахъ! Но этотъ человѣкъ долженъ былъ бы властвовать, по крайней мѣрѣ, надъ всею Европою и Америкою; — да и того мало: если бы оставался хотя гдѣ нибудь клочокъ земли, неподвластный ему, на этомъ клочкѣ могли бы возникнуть столкновенія, которыя повели бы къ результатамъ и непредвидѣннымъ, и неотвратимымъ. Думалъ ли лордъ Пальмерстонъ, столь гордо повелѣвающій морями, что какой нибудь ничтожный мандаринъ Ихъ, который не можетъ выслать на море эскадры, способной противиться хотя четверть часа, хотя одному слабѣйшему всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ кораблей, какими повелѣваетъ Пальмерстонъ, — думалъ ли, говоримъ мы, лордъ Пальмерстонъ, что этотъ ничтожный мандаринъ Ихъ принудитъ его измѣнить сною политику, принудитъ его соглашаться на законы, которымъ семьдесятъ лѣтъ противился Пальмерстонъ, принудитъ его кланяться своему врагу Росселю, лишить его, быть можетъ, его сана? Конечно, Пальмерстону и во снѣ не снилось того, однакожь такъ случилось. Вздумалъ Ихъ обидѣть какихъ-то англичанъ; вздумалъ Пальмерстонъ наказать за то Ихъ, и не могъ не наказывать его, потому что иначе осудила бы Пальмерстона вся Англія; вздумалъ Парламентъ рассмотреть, какія мѣры принялъ Пальмерстонъ для наказанія Ихъ, и вздумалъ выразить, что недоволенъ этими мѣрами. Сплень былъ Пальмерстонъ; не покорился онъ Парламенту, а распустилъ его и созвалъ новый Парламентъ, — и успѣшно, повидимому, было это дѣло для Пальмерстона. Много усилилось въ сравненіи съ прежнимъ число его приверженцевъ въ Парламентѣ, и одобрилъ новый Парламентъ мѣры, принятыя Пальмерстономъ противъ Ихъ. Только того и нужно было Пальмерстону; теперь онъ считалъ себя всемогущимъ; по не то вышло на дѣлѣ. Благопріятны были парламентскіе выборы для Пальмерстона, но уже черезчуръ благопріятны. Усилились люди, поддерживавшіе его политику, но усилились до того, что перестали опасаться своихъ противниковъ, перестали, слѣдовательно, и нуждаться въ Пальмерстонѣ и бозѣ церемоніи сказали ему: „если ты хочешь удержаться на своемъ мѣстѣ, то слушайся насъ и исполняй всѣ наши требованія; а мы требуемъ, между прочимъ, чтобы ты сталъ защитникомъ парламентской реформы, улучшеній въ судопроизводствѣ, улучшеній въ администраціи, — словомъ, чтобы ты защищать все то, противъ чего боролся ты цѣлыя семьдесятъ лѣтъ. До сихъ поръ былъ ты властелиномъ надъ Англіей, а теперь будь ты нашимъ покорнѣйшимъ слугою; а иначе прогонимъ мы тебя съ твоего мѣста и посадимъ на это мѣсто твоего врага, а нашего друга и предводителя лорда Джона Росселя, который намъ нравится гораздо болѣе, нежели ты“. А Джонъ Россель прибавилъ: „пока вы, милордъ Пальмерстонъ, будете служить мнѣ вѣрой и правдой, я, по своей снисходительности, не буду сгонять васъ съ вашего мѣста; а при первомъ ослушаніи вашему принужденъ буду, прогнавъ васъ, занять ваше мѣсто. Извольте же кланяться мнѣ, какъ можно пониже, и исполнять мои приказанія“. И пришлось Пальмерстону изъ господина сдѣлаться слугою.

Такую штуку съигралъ надъ нимъ ничтожный мандаринъ Ихъ. Спрашивается теперь: много ли пользы принесло Пальмерстону то, что англійская журналистика была на его сторонѣ, и много ли вреда принесло Джону Росселю то, что англійская журналистика была на сторонѣ его врага? Спрашивается также: много ли выигралъ бы лордъ Пальмерстонъ, если бы не было въ Англии ни одной газеты, пока остается на свѣтѣ мандаринъ Ихъ?

Въ послѣднее время, когда появилось въ нашихъ журналахъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей, нѣсколько интересныхъ статей, появились также у насъ люди, вообразившіе, будто журналистика имѣетъ какую-то чрезвычайно огромную силу, такъ что развѣ только горь ве можетъ сдвигать съ мѣста, да и то развѣ только ужъ слишкомъ большихъ, а людьми и умами ихъ можетъ ворочать по своему произволу. Многіе простодушные люди очень обрадовались такому открытію, а иные, еще болѣе простодушные, сильно перепугались, сильнѣе, нежели при извѣстіи, что 13 іюля текущаго года наскочить на землю какая-то комета и перевернетъ всю землю вверхъ дномъ. „Если вся земля перевернется отъ кометы вверхъ дномъ, это еще ничего. думаютъ они:—будемъ какъ нибудь жить и на перевернутой землѣ; но вотъ бѣда, если въ самомъ дѣлѣ у каждаго изъ насъ въ головѣ все перевернется вверхъ дномъ отъ журналистики. Что тогда будетъ? Сумятица страшная. Взятчики сдѣлаются героями честности, трусы героями, герои трусами, бараны волками, волки баранами: что тогда будетъ? А вѣдь это все можетъ сдѣлать журналистика. Какъ бы намъ предотвратить такое Столпотвореніе Вавилонское?“

Добрые люди! успокойтесь. Не въ силахъ журналистика поднять или остановить новое Столпотвореніе Вавилонское, да и первое Столпотвореніе Вавилонское не отъ нея произошло. Вспомните: вѣдь Неивродъ съ своими товарищами не читали ни газетъ, ни журналовъ, да и читать-то вовсе не умѣли. Не въ силахъ журналистика возбуждать или удерживать движеніе народовъ. Оно возбуждается или останавливается силою событій, которыя не отъ васъ съ нами, добрые люди, зависятъ. Не всегда зависятъ даже, какъ вы видите, и отъ лорда Пальмерстона. Оставьте всѣ ваши золотыя мечты о чрезвычайной силѣ журналистики. Мечты эти столь же были бы пріятны и намъ, какъ онѣ пріятны вамъ; но,—увы! — мечты эти—совершенное самообольщеніе, предаваться которому значить гусиное перо принимать за локомотивъ или за одинъ изъ тѣхъ кораблей, которыхъ такъ много у лорда Пальмерстона.

Иные изъ людей, преданныхъ интересамъ просвѣщенія, науки, литературы, могутъ сказать, что мы очень неудовлетворительно думаемъ о силѣ литературы. Но что же дѣлать? Истина, хотя бы и невыгодная, лучше самаго пріятнаго самообольщенія. Къ сожалѣнію, надобно признаться, что типографскій станокъ не можетъ ни дѣятельностью своей пробудить народный духъ, ни бездѣйствіемъ своимъ усыпить его. То и другое зависитъ отъ событій. Печатный листъ имѣетъ совершенно другое значеніе. Онъ придаетъ мирный и разумный характеръ мысли, пробуждаемой событіями. Онъ не въ силахъ не только пробуждать ее, онъ не въ силахъ даже, когда она пробудилась, сообщить ей то или другое направленіе, привлечь ее къ тѣмъ или

другимъ стремлѣнямъ. Все это зависитъ отъ событій, надъ которыми не властенъ не только журнальный листъ или слабая рука, его писавшая, но не властны и сильнѣйшіе люди на землѣ. Одна только сила принадлежитъ литературѣ: сообщать разумный и мирный характеръ тѣмъ стремлѣнямъ, которыя и рождаются, и укрѣпляются, и исчезаютъ по власти событій. Зато въ этомъ дѣлѣ помощь литературы не замѣнима ничѣмъ. Представимъ себѣ хотя такой примѣръ. Вслѣдствіе справедливыхъ требованій Россіи, Западныя Державы соединились съ нею для наложенія на Турцію обязательства сравнять христіанскихъ подданныхъ султана въ правахъ съ его мусульманскими подданными. Это справедливое требованіе, во что бы то ни стало, должно быть исполнено турецкимъ правительствомъ. Могущество трехъ державъ, наложившихъ эту обязанность, ручается за непрѣмное ея исполненіе. Надобно прибавить, что только исполненіе этой обязанности можетъ спасти Турцію отъ внутренняго распадѣнія и совершенной гибели по внутреннимъ неурядицамъ. Но исполненіе этой обязанности соединено для турецкаго правительства съ затрудненіями очень тяжелыми. Мусульманскій фанатизмъ и османская національная надменность одинаково возстаютъ при мысли о дарованій турецкимъ христіанамъ правъ, равныхъ съ правами мусульманъ. Читатели знаютъ изъ газетъ, сколько страшныхъ и гнусныхъ сценъ производится мусульманскимъ населеніемъ при обнародованіи и исполненіи мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли. Само собою разумѣется, что всѣ эти звѣрскія сцены, производимыя мусульманами, не доставитъ имъ успѣха. Турція не можетъ не исполнить договора, исполненіе котораго требуется тремя державами, изъ которыхъ каждая въ десять разъ сильнѣе Турціи. Многимъ обидамъ подвергаются и будутъ подвергаться турецкіе христіане, но за каждую изъ этихъ обидъ налагается турецкимъ правительствомъ тяжелое мщеніе на преступниковъ мусульманъ. Какъ ни упорно сопротивленіе съ ихъ стороны, но дѣло, которому они противятся, совершается и будетъ совершено, хотя бы тысячи христіанъ были побиты фанатическими османами, хотя бы десятки и сотни тысячъ этихъ фанатиковъ, въ наказаніе за свои мятежи противъ христіанъ, погибли. Таково положеніе страны, въ которой народъ не привыкъ совѣтоваться съ печатнымъ листомъ о своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ. Предположимъ теперь, что въ Турціи въ настоящее время существовала бы журналистика, какъ у насъ, и турецкіе мусульмане имѣли бы привычку читать журналы,—что было бы тогда? Люди, приписывающіе печатному листу ту силу, какой онъ не имѣетъ, воображающіе, что онъ можетъ поднимать или заглушать народныя стремленія, скажутъ, пожалуй, что литература истребила бы въ турецкихъ мусульманахъ ихъ мусульманскій фанатизмъ и ихъ нелѣпую османскую національную гордость, и что османы съ радостію приняли бы издаваемые теперь ихъ правительствомъ законы о вѣротерпимости и уравниніи христіанъ въ правахъ съ ними, османами.

Мы уже сказали, что вовсе не раздѣляемъ подобныхъ мечтатій, кажущихся намъ грустными или забавными, смотря по тому, пагубны или только смѣшны бываютъ послѣдствія ошибокъ, въ которыя вовлекаются люди этими мечтаніями, но во всякомъ случаѣ кажущихся намъ одинаково нелѣпыми. Нѣтъ, ни фанатизма мусульманскаго, ни нелѣпыхъ мусульманскихъ

предразсудковъ не истребила бы турецкая журналистика. Народныя привычки измѣняются только событіями народной жизни. Турецкіе журналы, защищающіе въротерпимость и уваженіе къ національностямъ, стали бы читаться только тѣми немногими изъ османовъ, которые и безъ того уже расположены къ въротерпимости и уваженію національностей. Все остальное безчисленное османское населеніе читало бы журналы согласныя съ его убѣжденіями, то-есть журналы, проникнутыя духомъ мусульманскаго фанатизма и османской исключительной національности. Но дѣло въ томъ, что каждый изъ фанатиковъ османской журналистики былъ бы знакомъ съ содержаніемъ Парижскаго трактата, имѣлъ бы нѣкоторое понятіе о силахъ Россіи, Англии и Франціи и потому видѣлъ бы неизбѣжность того дѣла, которое ненавистно его сердцу. Потому, при всемъ своемъ фанатизмѣ, онъ убѣждалъ бы своихъ читателей согласиться, что султанъ дѣйствуетъ не по капризу, давая права христіанамъ, что сопротивленіе волѣ султана совершенно напрасно, потому что воля эта никакъ не можетъ измѣниться, что сопротивленіе законамъ султана, по необходимости, навлечетъ погибель на сопротивляющихся, и что потому благоразуміе требуетъ покорности предъ силою неизбѣжной необходимости. Для всякаго очевидно, что этими совѣтами со стороны турецкой журналистики значительно, чрезвычайно значительно облегчилось бы дѣло, предпринятое теперь турецкимъ правительствомъ. По всей вѣроятности, не произошло бы тогда и сотою части тѣхъ мятежей, какію нынѣ совершенно бесполезно волнуютъ османское населеніе, сохранилась бы жизнь сотнямъ несчастныхъ христіанъ, убиваемыхъ нынѣ мусульманами, и десяткамъ тысячъ мусульманъ, казнимыхъ нынѣ за эти убійства.

Стремленія человѣка и потребности человѣка существуютъ независимо отъ литературы. Ни возбудить, ни усыпить, ни усилить, ни ослабить ихъ она не можетъ. Не можетъ она поставить человѣку новыхъ цѣлей, къ которымъ бы не стремился онъ и безъ нея. Надъ всѣмъ этимъ безеильна ея власть, надъ всѣмъ этимъ исключительно владычествуетъ сила событій, одинаково дѣйствующихъ на молчаливаго и разговорчиваго, на читающаго и не читающаго журналы. Но внести въ эти независимыя отъ литературы стремленія осмотрительность и благоразуміе—это сдѣлать можетъ только литература. Только привычка совѣтоваться съ початнымъ листомъ можетъ предохранить общество отъ опрометчивости. Итакъ, весь вопросъ состоитъ въ томъ, что лучше, опрометчивость или разеудительность при одномъ и томъ же стремленіи? При одинаковости событій не могутъ быть произведено никакого различія въ силѣ или направленіи мысли общества тѣмъ обстоятельствомъ, будетъ или не будетъ имѣть оно литературу. Отъ этого обстоятельства зависитъ только то, опрометчива или благоразумна, тревожна или спокойна будетъ эта мысль.

Все это было сказано нами для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ надобно смотрѣть на вопросъ о журналистикѣ и журнальной полемикѣ. Кто дорожитъ спокойствіемъ, благоразуміемъ въ мысляхъ общества, только тотъ долженъ желать успѣховъ литературѣ; всѣ другія надежды на нее, всѣ другія опаснія отъ нея совершенно неосновательны. Если вы желаете сохрaненія въ обществѣ прежнихъ обычаевъ, не бойтесь литературы, —

она не внеетъ въ общество никакихъ желаній, которыхъ бы и безъ нея не было въ обществѣ. Если вы желаете возбудить въ обществѣ канія нибудь новыя стремленія или измѣнить прежніе обычаи, не надѣйтесь на литературу,—она ни на волосъ не поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣ фразы о томъ, что литература служитъ распространительницею новыхъ стремленій въ обществѣ, фразы столь отрадныя, столь громныя—всѣ эти фразы, къ сожалѣнію, пустая мечта.

Многіе изъ нашихъ собратовъ готовы будутъ упрекнуть насъ за невѣріе въ литературу ради этихъ послѣднихъ словъ, высказываемыхъ нами не безъ горькаго сожалѣнія о безсиліи печатнаго листа надъ направленіемъ общественныхъ стремленій, и высказываемыхъ только по глубокому убѣжденію въ несомнѣнности этой прискорбной правды. Да, къ сожалѣнію, литература безсилна возбуждать, ослаблять или измѣнять народныя стремленія. Посмотрите на Англію. Со временъ Мильтона всѣ великіе поэты и мыслители, которыми такъ богата была Англія, говорили въ пользу вѣротерпимости; а давно ли было въ Англіи гоненіе со стороны всего общества противъ католиковъ? Давно ли кардиналъ Уайзмэнъ долженъ былъ искать за границею спасенія отъ ненависти англійской націи за то, что онъ католическій архіепископъ? Двѣсти лѣтъ постоянныхъ усилій со стороны журналистики и литературы, могущественнѣйшей въ мірѣ,—и въ результатѣ этихъ усилій—преслѣдованіе всею англійскою націею католическаго архіепископа! Хотите ли другой примѣръ? Съ той поры, какъ Шекспиръ высочайшею въ мірѣ похвалою могущественнѣйшему и лучшему изъ людей призналъ слова: „человѣкъ былъ онъ“, вся литература Англіи неумолкаемо твердила о неприкосновенныхъ правахъ, врожденныхъ человѣку; и однакоже до сихъ поръ во всей силѣ сохраняется въ Англіи безчеловѣчный обычай, по которому, въ противность родительской любви, въ противность братской любви, всѣ дѣти приносятся въ жертву старшему сыну. Изъ человѣческихъ правъ, какое можетъ быть священнѣе, нежели право дѣтей на равенство передъ отцомъ, право отца равно желать добра всѣмъ своимъ дѣтямъ? Оно не признается обычаемъ Англіи ни относительно дочерей, ни относительно всѣхъ младнихъ сыновей. Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ неумолкаемой проповѣди о достоинствѣ человѣка, и въ результатѣ—ничтожество человѣка сравнительно съ преимуществами старнаго сына!

Говорите послѣ этого о силѣ литературы надъ народными стремленіями,—ваши слова будутъ прекрасны, возвышенны, но, къ сожалѣнію, они—пустыя слова. Не даетъ литература народу новыхъ стремленій; безсилна она въ этомъ дѣлѣ, надъ которымъ властвуетъ могущество событій.

Но какъ безсилна литература въ томъ дѣлѣ, относительно котораго существуетъ различіе партій и интересовъ, котораго желаютъ одни, которому противятся другіе, въ дѣлѣ измѣненія народныхъ обычаевъ и стремленій; точно также сильно и незамѣнимо ничѣмъ ея вліянію въ томъ дѣлѣ, относительно котораго никогда не бываетъ разнорѣчія между благоразумными и благонамѣренными людьми,—въ дѣлѣ сообщенія національному характеру и національнымъ стремленіямъ хода благоразумнаго и осмотрительнаго. Поэтому вопросъ о литературѣ не есть дѣло партій; подобно вопросу о на-

ціональной чести, о національномъ могуществѣ, о національномъ благосостояніи, это дѣло патріотизма вообще. Можно спорить о томъ, какія именно стремленія въ данное время наиболѣе полезны для націи, какія изъ потребностей ея требуютъ удовлетворенія и какими способами могутъ быть удовлетворены онѣ. Но невозможно для каждого благоразумнаго человѣка, каковы бы ни были его мнѣнія объ этихъ частныхъ вопросахъ, не соглашаться со всѣми остальными благоразумными людьми въ желаніи успѣховъ литературѣ—это значило бы сомнѣваться въ необходимости благоразумія и осмотрительности. Невозможно ему, каковы бы ни были остальные его цѣли, не помогать всѣмъ другимъ благоразумнымъ людямъ во всяческомъ содѣйствіи развитію литературы,—поступать иначе могъ бы только безумецъ, желающій преобладанія безразсудства и опрометчивости въ національномъ характерѣ. Степень благоразумія въ націи соразмѣряется съ степенью развитія литературы, потому что совершенно и исключительно зависитъ отъ нея.

Надобно ли тѣперь говорить о томъ, въ чемъ состоитъ необходимая и неизбѣжная сущность всякой литературы? Въ томъ, что она служитъ выразительницею различныхъ мыслей о тѣхъ вопросахъ, которые и безъ нея уже сильно занимаютъ націю и которые различными людьми разрѣшаются различно. Это понятіе о литературѣ такъ просто, и такъ необходимо принимается каждымъ хотя сколько нибудь знакомымъ хотя съ какими нибудь литературными явленіями, что казалось бы не нужно и говорить о немъ. Но тѣ замѣчанія, изложеніемъ которыхъ началась наша статья, замѣчанія, слышанныя нами отъ людей совершенно благонамѣренныхъ и искреннихъ, доказываютъ, къ сожалѣнію, что не всѣмъ еще благонамѣреннымъ людямъ разсуждающимъ у насъ о литературѣ, знакомо само понятіе литературы. Остановимся же на немъ и разяснимъ необходимость каждого его термина.

„Вопросы, о которыхъ разсуждаетъ литература, и безъ литературы уже сильно занимаютъ національное сознаніе“.—Еслибъ они еще не занимали націю въ то время, когда литература только еще начинаетъ говорить о нихъ, то въ такомъ случаѣ ни у кого не было бы охоты читать эти разсужденія, и литература исчезла бы отъ равнодушія и пренебреженія публики. Кому охота слушать о томъ, что его не интересовало уже въ то время, когда начинался разговоръ? Съ первыхъ же словъ понявъ, что дѣло идетъ о предметѣ для него не интересномъ, онъ отвернулся бы и ушелъ.

„Вопросы эти занимаютъ націю не потому, что литература говоритъ о нихъ, напротивъ, литература говоритъ о нихъ только потому, что они безъ нея и прежде нея уже занимали народную мысль“. Таково отношеніе всякихъ бесѣдъ: изустныхъ, письменныхъ и печатныхъ, къ предметамъ ихъ. Не потому собесѣдники заняты предметомъ, что бесѣдуютъ о немъ, напротивъ, бесѣдуютъ о немъ только потому, что уже заняты имъ. Думать иначе можетъ только идіотъ, надъ тупоуміемъ котораго обязанъ отъ души посмѣяться или отъ души пожалѣть каждый человѣкъ, въ которомъ есть хотя искра здраваго смысла. Предположимъ: я вхожу въ общество и слышу, что бесѣда идетъ о псовой охотѣ. Я долженъ понять, если я не совершенный идіотъ, что собесѣдники—люди очень любящіе псовую охоту, что каждый

изъ нихъ или имѣть, или желаетъ имѣть стаю гончихъ, что каждый изъ нихъ много разъ побывалъ уже и много разъ желалъ побывать въ отъѣзжѣ полѣ, преслѣдуя несчастныхъ зайцевъ. Если же я предположу, что собесѣдники до начала своей бесѣды не имѣли ни понятія о псовой охотѣ, ни расположенія къ ней, то я окажусь человѣкомъ, совершенно лишеннымъ здраваго смысла, человѣкомъ, въ которомъ разсудка меньше, нежели въ самомъ трусливомъ и глупомъ зайцѣ. Идемъ далѣе и предполагаемъ, что я узнаю о существованіи першдическаго изданія, называющагося „Журналъ Коннозаводства и Охоты“. По прежнему, если есть во мнѣ хотя искра здраваго смысла, я долженъ понять, что люди, начинающіе читать этотъ журналъ, уже прежде, нежели начнутъ его читать, сильно заняты мыслями о коннозаводствѣ и охотѣ.

„Литература разсуждаетъ, изъ предметовъ, сильно занимающихъ общественную мысль, только о такихъ предметахъ, о которыхъ уже существуютъ и безъ литературы различныя мнѣнія“. Общее и необходимое качество всякихъ бесѣдъ: печатныхъ, письменныхъ или изустныхъ, состоитъ въ томъ, что онѣ ведутся о такихъ вопросахъ, относительно которыхъ существуютъ между собесѣдниками различныя мнѣнія. Возьмемъ опять прежній нашъ примѣръ. Разсуждаютъ ли охотники между собою о томъ, что у каждой лошади и у cadaго зайца бываетъ по четыре ноги? Въ этихъ вопросахъ всѣ согласны, и потому говорить о нихъ есть признакъ идиотства. Всякая бесѣда необходимо имѣетъ своимъ источникомъ желаніе разъяснить предметъ. Если предметъ ясенъ для всѣхъ собесѣдниковъ до начала бесѣды, то начинать бесѣду или слушать ее есть оскорбленіе для человѣческаго разума. Такихъ бесѣдъ никогда никто не начинаетъ и не слушаетъ; онѣ противны человѣческой натурѣ, и если бы когда нибудь кто нибудь вздумалъ бесѣдовать или слушать бесѣду о предметѣ, для всѣхъ совершенно ясномъ, то былъ бы наказанъ за такое оскорбленіе законовъ человѣческой природы невыносимою скукою и получилъ бы неотъемлемое право носить имя идіота.

Опасаясь подвергнуться такой горькой и обидной участи, мы никакъ не отважились бы вести бесѣду о такомъ, повидимому, ясномъ и простомъ предметѣ, какъ понятіе о неизбѣжныхъ качествахъ литературы, если бы тѣ порицанія, о которыхъ упомянули мы въ началѣ статьи, не давали намъ прискорбнаго основанія предполагать совершенное незнакомство порицателей съ первыми понятіями о предметѣ, о которомъ они судятъ такъ ошибочно, хотя, мы увѣрены, и благонамѣренно. Мало того, что желаешь добра, нужно также хотя нѣсколько знать сущность того дѣла, о которомъ принимаешься судить.

Теперь, мы надѣемся, довольно легко будетъ каждому изъ людей, порицавшихъ „Русскій Вѣстникъ“ за полемическій тонъ нѣкоторыхъ статей его, разеудить, до какой степени справедливо было это порицаніе? Сущность литературы, какъ мы видѣли, заключается въ изложеніи различныхъ мыслей о предметахъ, относительно которыхъ уже существуетъ разнорѣчіе въ обществѣ. Отвергать это значить быть идиотомъ. Если же мы допустимъ, что въ литературѣ не только могутъ, но и по необходимости должны выра-

жаться различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же вопросѣ, то уже мы допустили тѣмъ самымъ необходимость всѣхъ тѣхъ статей „Русскаго Вѣстника“, о полемическомъ характерѣ которыхъ завели мы рѣчь. Какъ скоро излагаются объ одномъ и томъ же вопросѣ различныя мнѣнія, то само собою разумѣется, что эти мнѣнія различны, и вотъ мы уже имѣемъ полемику. Сказать: „вы можете держаться различныхъ мнѣній и можете излагать ихъ, но эти различныя мнѣнія не должны противорѣчить одно другому“, — сказать такую вонюшую несообразность было бы посрамлешемъ разсудку и здравому смыслу. Точно также, сказать: „мы допускаемъ полемику, но не хотимъ, чтобы въ эту полемику были замѣшаны люди; мы допускаемъ, чтобы былъ споръ, но не хотимъ того, чтобы были люди, спорящіе другъ противъ друга“, значило бы сказать нелѣпость, точно также унижительную для здраваго смысла. Кому не нравится литературный споръ однихъ людей противъ другихъ, тотъ можетъ найти только одинъ способъ выраженія, неунижительный для его собственнаго разсудка. Онъ долженъ откровенно сказать: „мнѣ не нравится, что существуетъ литература“. Выше мы уже признались, что прямота и откровенность этой мысли очаровываетъ насъ; но къ величайшему нашему прискорбію должны были признаться, что эта идиллическая мысль неудобноисполнима, какъ неудобноисполнимо многое прекрасное на землѣ. Не будемъ утопистами, мечтателями и прежде, нежели обольстимся какою нибудь прекрасною мыслью, подумаемъ хорошенько о томъ, допускается ли исполненіе ея силой событій, ни возратить, ни измѣнить которыхъ не властенъ человѣкъ. Покоримся горькой необходимости, признаемъ въ нашихъ согражданахъ совершенную неспособность быть аркадскими пастушками въ такомъ вѣкѣ, когда уже и потомки аркадскихъ пастушковъ не могутъ жить безъ литературы.

Довольно разсуждали мы о первомъ изъ основаній, выставляемыхъ людьми, порицающими „Русскій Вѣстникъ“ за его полемическія статьи. Мы убѣдились, что въ нашъ вѣкъ литература, къ сожалѣнію, необходима. Убѣдившись въ этой прискорбной истинѣ, мы уже легко и безъ всякаго огорченія должны были признаться, что какъ скоро существуетъ литература, то уеобходны и неизбѣжны въ ней споры людей другъ противъ друга. Мы дбѣдилсь, что статьи, подобныя тѣмъ, по случаю которыхъ завели мы рѣчь о „Русскомъ Вѣстникѣ“, являются въ литературѣ не вслѣдствіе человѣческаго произвола, а вслѣдствіе неизбѣжной необходимости, и что потому осаждать „Русскій Вѣстникъ“ за помѣщеніе такихъ статей также несправедливо и нелѣпо, какъ осуждать его за то, что онъ печатается на типографскомъ станкѣ, за то, что книжки его сшиваются переплетчикомъ и имѣютъ обертку и т. д., и т. д. Всѣ эти вещи ни мало не зависятъ отъ чьего бы то ни было произвола, и быть иначе не можетъ. Теперь раземотримъ вторую мысль, находимую нами въ тѣхъ порицаніяхъ, которыя приведены въ началѣ статьи, — мысль о бесполезности полемики, относящейся не къ идсамъ, а къ лицамъ. „Положимъ, говорили намъ порицатели „Русскаго Вѣстника“, что „Русскій Вѣстникъ“ не могъ избѣжать этой полемики, положимъ, что она необходима и совершенно законна; но все-таки надобно согласиться, что она бесполезна“. Нѣтъ; не только надобно согласиться, что она спра-

ведлива, необходимость и очевидность не позволяют усомниться также и въ томъ, что такого рода полемика положительно полезна. Мы уже должны были признать, что литература не только необходима, но и полезна. Одно изъ условій существованія литературы есть существованіе такой полемики, которая относится къ лицамъ; здравый разумъ говоритъ, что вещи, необходимыя для существованія какого нибудь полезнаго дѣла, должны быть признаваемы полезными. Пояснимъ эту мысль примѣромъ. Хлѣбопашество есть дѣло полезное. Хлѣбопашество не можетъ существовать безъ кузницъ. Лично вамъ или мнѣ кузница можетъ казаться вещью непріятною или даже дурною. Намъ можетъ не нравиться то, что на кузницѣ очень много стуку, очень много дыму, и что вообще кузница—вещь довольно безпокойная и черная. Если мы будемъ рассуждать, какъ аркадскіе пастухи, мы можемъ даже сочинить идиллію, въ которой безпокойную кузницу противопоставимъ мирному хлѣбопашеству, и будемъ говорить своимъ согражданамъ, напримѣръ, слѣдующую рѣчь: „О, милые сограждане! занимайтесь хлѣбопашествомъ, дѣломъ мирнымъ и спокойнымъ, и уничтожьте ненавистныя каждому мирному гражданину, оскорбляющія слухъ его, оскорбляющія глазъ его, шумныя и черныя кузницы“. Рѣчь наша будетъ чрезвычайно трогательна и благонамѣренна; но, къ сожалѣнію, она будетъ очень наивна и тупоумна. Наши сограждане-хлѣбопашцы, люди мирные и нелюбящіе шуму, будутъ отвѣчать намъ: „о, добродушный Меналкъ! вы забываете, что въ кузницахъ приготовляются необходимыя орудія хлѣбопашества. Если бы мы, по вашему совѣту, уничтожили кузницы, мы остались бы безъ плуговъ и сохъ, безъ телѣгъ и упряжи, и не могли бы распахать ни одной десятины нашихъ полей и умерли бы съ голода. Къ сожалѣнію, любезный Меналкъ, кузницы для насъ совершенно необходимы. Эти закопченныя дымомъ, наполненныя стукомъ здашія приносятъ намъ неоцѣненную пользу. О, любезный Меналкъ! ваша идиллія свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ благородствѣ души вашей, но, къ сожалѣнію, вы совершенно не понимаете дѣла, о которомъ судите“.

Но мало сказать того, что статьи, подобныя полемическимъ статьямъ „Русскаго Вѣстника“, неизбѣжны въ литературѣ и полезны, какъ одна изъ необходимыхъ принадлежностей литературы, которая не имѣетъ такихъ статей только тогда, когда доведена до совершеннаго изнеможенія. Само по себѣ, независимо отъ своей неизбѣжности въ литературѣ, полемика о лицахъ почтенна и полезна потому, что имѣетъ своею цѣлью разъясненіе истины. Для человѣка, желающаго знать истину, важенъ вопросъ не только о томъ, что говорится, но и вопросъ о томъ, кѣмъ говорится. Истины и вообще мысли, отвлеченной отъ людей, нѣтъ. Мысль неразлучно связана съ человѣкомъ, и качества мысли неразлучно связаны съ его качествами. Кто не хочетъ знать людей, тотъ не хочетъ знать истины, тотъ не хочетъ мыслить. Было бы нелѣпо сказать: „Мнѣ нравится, когда говорятъ о Коперниковой системѣ, но не нравится когда говорятъ о Коперникѣ. Я желаю, чтобы вы изложили свое мнѣніе о системѣ иезуитовъ, но я не хочу, чтобы при этомъ вы касались Игнатія Лойолы, основателя иезуитской системы. Вы можете говорить о Политической Экономіи, но я не желаю, чтобы вы раз-

сма тривали степень учености и добросовѣстности Адама Смита, основателя Политической Экономіи“. Вопросъ о мысляхъ не можетъ быть проясненъ безъ разъясненія вопроса о людяхъ, излагающихъ эти мысли. Знаніе людей составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ истины. Утверждать противное можетъ только человѣкъ, не имѣющій понятія ни о качествахъ истины, ни о томъ, что истину нельзя дѣлить и обрѣзывать по произволу. Кому неприятна какая нибудь сторона истины, тотъ пусть не унижаетъ своего разсудка нелѣпымъ раздѣломъ истины на полезную и бесполезную. Пусть онъ прямо скажетъ, что истина вся безъ исключенія кажется ему бесполезна или вредна. Читатель ожидаетъ, быть можетъ, что мы прибавимъ: отвергать пользу истины не рѣшится никто. Нѣтъ, мы не скажемъ этого. Кому угодно, почему же и не отвергать тому пользу истины? Кому истина кажется вредною, почему же не можетъ тотъ и сказать, что истина кажется ему вредною? Мы такъ умѣренны, что не требуемъ даже и уваженія къ истинѣ отъ тѣхъ людей, которые не захотѣли бы уважать ее; мы требуемъ отъ нихъ только здраваго смысла. Пусть кому угодно отвергаетъ истину; пусть только сообразить онъ, къ чему приведетъ его такое желаніе? Оно приводитъ къ требованію идиотства. Какимъ путемъ? Очень простымъ и короткимъ.

Натура мысли состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ истинѣ. При ограниченности человѣческихъ силъ, мысль не всегда достигаетъ этой цѣли, останавливается иногда на односторонностяхъ, но всегда стремится она къ истинѣ. Кто хочетъ отнять у мысли это стремленіе, тотъ хочетъ убить ея дѣятельность. Человѣкъ, въ которомъ убита дѣятельность мысли, можетъ сдѣлаться хитрецомъ, плутомъ, но во всякомъ случаѣ остается тупоумнымъ. Хитрость, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ замѣнить собою ума. Часто встрѣчаются хитрецы не только между идиотами, даже между съунаследшими. Нѣкоторыя породы четвероногихъ животныхъ также отличаются значительною степенью хитрости. Если бы они могли замѣнить собою человѣка, обладающаго разсудкомъ, очень легко бы обоитись безъ людей съ разсудкомъ, который укрѣпляется только дѣятельностію мысли, иначе сказать, только стремленіемъ къ истинѣ. Тогда легко можно было бы и отрицать необходимость истины. Но, къ сожалѣнію, лисица точно также неспособна къ отправленію человѣческихъ дѣлъ, какъ и осель, хотя она гораздо хитрѣ осла. Къ сожалѣнію, хитрый идиотъ точно также неспособенъ къ разсудительнымъ поступкамъ, какъ и просто добродушный идиотъ. Потому горькая необходимость принуждаетъ сказать, что разсудокъ въ человѣкѣ необходимъ для существованія гражданскаго общества, которое очень быстро разрушается, какъ скоро въ націи ослабѣваетъ сила разсудка. Быть противникомъ разсудка, иначе сказать, желать ослабить дѣятельность мысли, иначе сказать, мѣшать ея стремленію къ истинѣ, — стремленію, безъ котораго нѣтъ дѣятельности мысли, нѣтъ и разсудка, можетъ только человѣкъ, или самъ не понимающій, чего онъ желаетъ, или желающій разрушенія гражданскаго общества и превращенія своей страны въ землю Троглодитовъ—Пигмеевъ, которыхъ били не только люди, но и журавли.

Но довольно о томъ, можно ли отдѣлять вопросъ о мысляхъ отъ вопроса о людяхъ, и полезны ли споры между людьми. Остается намъ раз-

смотреть третье и последнее из тех оснований, которые выставляются людьми, порицающими оборотъ, принятый въ последнее время полемикою „Русскаго Вѣстника“ и его противниковъ. Намъ говоритъ: „полемика, относящаяся къ лицамъ, заслуживаетъ порицанія потому, что отвлекаетъ вниманіе публики и литераторовъ отъ вопросовъ объ идеяхъ,—вопросовъ, гораздо важнѣйшихъ“. Это возраженіе, по всей справедливости, могли бы мы оставить безъ всякаго вниманія, какъ совершенно неумѣстное. Каждый самъ лучше другихъ чувствуетъ, что для него важно, и если бываютъ случаи, въ которыхъ основательные писатели считаютъ дѣломъ нужнымъ, а образованные читатели—дѣломъ для себя интереснымъ споръ о лицахъ, то, по всей вѣроятности, можемъ мы предположить, что не совершенно безразсудно думаютъ въ этихъ случаяхъ люди, которые во всѣхъ другихъ случаяхъ оказываются людьми умными и основательными. У насъ, къ сожалѣнію, очень сильна несчастная привычка предполагать, не разобравъ хорошенько дѣла, что человѣкъ, который поступаетъ не совсѣмъ такъ, какъ именно мнѣ нравилось бы, непременно ошибается; а того не хочу я подуматъ, что дѣло, которымъ этотъ человѣкъ занимается, ему, быть можетъ, знакомѣе, нежели мнѣ, да и самъ овъ, быть можетъ, умнѣе, и быть можетъ, даже и честнѣе меня. Не приходится обыкновенно мнѣ въ голову подуматъ, что прежде, нежели порицать его, я могъ бы посоветоваться съ нимъ, и быть можетъ совѣтъ его не только удержалъ бы меня отъ порицанія, направленнаго противъ него,—порицанія, которымъ обнаруживается лишь мое собственное невѣжество, но и помогъ бы мнѣ въ собственныхъ моихъ дѣлахъ, быть можетъ, довольно запутанныхъ и, быть можетъ, нуждающихся въ пособіи добрымъ совѣтомъ со стороны людей умныхъ. Всѣ эти соображенія, говоримъ мы, могли бы служить достаточною причиною оставить безъ всякаго отвѣта тотъ упрекъ, на которомъ мы остановились. Но такъ какъ мы уже приняли на себя обязанность доказать порицателямъ новаго оборота, принятаго полемикою „Русскаго Вѣстника“ и его противниковъ, что сомнѣнія, ими питаемыя объ этомъ дѣлѣ, возникли у нихъ единственно отъ незнанія дѣла, то скажемъ два, три слова о томъ, почему личные споры не могутъ отвлечь вниманія отъ споровъ за идеи. Для этого довольно будетъ вспомнить, какимъ образомъ обыкновенно возникаютъ споры о лицахъ. Они возникаютъ, какъ мы сказали, и притомъ возникаютъ необходимо, изъ споровъ за идеи, какъ дополненіе споровъ за идеи, имѣющее цѣлью окончательно разъяснить и утвердить результаты, доставленные предшествующимъ споромъ объ идеяхъ. Служа такимъ образомъ только необходимымъ средствомъ для достиженія цѣли, споръ о лицахъ прекращается самъ собою, какъ скоро цѣль достигнута, и во все то время, пока продолжается, не ослабляетъ, а поддерживаетъ вниманіе, обращенное на источникъ и главный предметъ спора, именно, на первоначальный вопросъ объ идеяхъ. Обыкновенно изслѣдованіе идеи принимаетъ въ это время даже особенную глубину, потому что не всѣ же силы партіи заняты бываютъ споромъ противъ лицъ, и такъ какъ интересъ къ предмету спора достигаетъ въ это время особеннаго развитія, то силы, остающіяся свободными, съ удвоенною речностію обращаются къ изслѣдованію идеи.

Такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда одна часть сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“ занята была споромъ противъ лицъ, другая часть сотрудниковъ этого журнала съ большею ревностію, нежели когда нибудь, занималась разъясненіемъ основныхъ идей, подавшихъ поводъ къ спору, — и результатомъ такихъ изслѣдовацій явились двѣ превосходныя статьи гг. Соловьева и Забѣлина, — статьи, которыя, по своему ученому достоинству, имѣютъ высокую цѣну и независимо отъ своихъ полемическихъ отношеній. Онѣ могутъ, кажется, послужить очень достаточнымъ доказательствомъ, что споръ о лицахъ ни мало не повредилъ изслѣдовацію идей, а, напротивъ, усилилъ его энергію и добросовѣстность.

Статья г. Соловьева „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“, разематривая сужденія нѣкоторыхъ славянофильскихъ писателей о замѣчательнѣйшихъ людяхъ допетровской Руси, доказываетъ, что всѣ эти люди должны быть названы представителями того же самаго направленія, которое нынѣ славянофилы называютъ западническимъ и отрицательнымъ, что Посошковъ, митрополитъ Манарій, Гоннадій, Максимъ Грекъ, бояринъ Матвѣевъ, Нащокинъ, митрополитъ Кирианъ и наконецъ тѣ новгородцы, которые призвали Рюрика, должны быть названы людьми отрицательнаго направленія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимается отрицательность славянофилами, потому что всѣ они или жаловались на чрезвычайную неудовлетворительность той степени развитія, на которой стояла Русь въ ихъ время, или своею дѣятельностію обнаруживали недостатки тогдашняго быта. — Г. Забѣлинъ въ статьѣ „Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ“ чрезвычайно основательно раскрываетъ понятія, которыми опредѣлялось въ старинной русской жизни общественное положеніе человѣка, и доказываетъ, что единственнымъ правомъ на уваженіе считалась тогда порода, передъ которою совершенно ничтожны казались личныя достоинства или недостатки человѣка. Находя повтореніе тѣхъ же самыхъ понятій въ семейственныхъ отношеніяхъ, онъ указываетъ, какъ жалко и грубо было мнѣніе старинной Руси о женщинѣ, и какъ унижительно и тяжела была судьба женщины въ тѣ времена. Старинный русскій человѣкъ, подъ пліяніемъ фальшивыхъ понятій, опредѣлявшихъ его развитіе, дошелъ до того, что считалъ женщину существомъ по натурѣ своей злымъ, назначеннымъ отъ природы быть вмѣстилищемъ всѣхъ низкихъ пороковъ и преступленій, считалъ обязанностію своею презирать отъ глубины души и всячески стѣснять женщину. Множество интересныхъ выписокъ изъ неизданныхъ старинныхъ рукописей придаетъ новую важность прекрасной статьѣ, которая, между прочимъ, знакомитъ насъ съ содержаніемъ знаменитой старинной „Книги о злыхъ женахъ“. Какъ всѣ превосходныя изслѣдовація г. Забѣлина, его новая статья отличается рѣдкимъ у насъ достоинствомъ изложенія. Нѣтъ надобности говорить, что, подобно всѣмъ другимъ изслѣдованіямъ г. Забѣлина, эта новая статья останется капитальнѣйшимъ трудомъ по своему предмету. Новая статья г. Соловьева о Шлецерѣ также принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ между его небольшими трактатами о частныхъ вопросахъ Русской Исторіи. — Такія важныя приобрѣтенія для пауки, обязанныя своимъ возникновеніемъ полемикѣ „Русскаго Вѣстника“ съ славянофилами и появив-

шіяся именно въ то самое время, когда къ спору объ идеяхъ присоеди- нился и споръ объ лицахъ, должны, кажется, быть почтены совершенно убѣди- тельными доказательствами того, что споръ объ именахъ ни мало не мѣшаетъ из- слѣдовашію идей, напротивъ, придаетъ ему особенную живость и основательность.

Само собою разумѣется, что всѣ тѣ права спора и защиты, которыя мы признаемъ совершенно законно и несомнѣнно принадлежащими „Рус- скому Вѣстнику“, точно въ такой же степени мы считаемъ неотъемлемо при- надлежащими и той партіи, которая ведетъ споры съ „Русскимъ Вѣстни- комъ“. Мы думаемъ, что какъ „Русскій Вѣстникъ“ имѣетъ полное право и находится въ совершенной необходимости разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень познашій и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. В. Григорьева, г. И. Крылова и проч., точно также и точно въ такой же полной мѣрѣ должно быть признано и за писателями против- ной партіи право разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень познашій и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. Павлова, г. Соловьева, г. Забѣлина и проч. Мы желали бы сказать, что партизаны г. В. Григорьева и г. И. Крылова пользуются этимъ своимъ несомнѣннымъ правомъ съ такимъ же мастерствомъ и такою же основательностію, какъ ихъ противники; но, къ сожалѣнію, этого не только не можемъ сказать мы, этого не рѣшаются сказать о партизанахъ гг. В. Григорьева и И. Кры- лова даже тѣ люди, которые совершенно раздѣляютъ ихъ образъ мыслей. Имѣть право и имѣть способность пользоваться своимъ правомъ съ выго- дою для себя—двѣ вещи, совершенно различныя. Всѣ сознаютъ, что „Рус- скій Вѣстникъ“ обнаруживаетъ въ своей полемикѣ очень замѣчательную основательность знаній, замѣчательный тактъ, и что полемическія статьи его отличаются прекрасными достоинствами мастерскаго изложенія. Въ по- лемическихъ статьяхъ, написанныхъ противниками „Русскаго Вѣстника“, до сихъ поръ, къ прискорбію всѣхъ, замѣтно было только отсутствіе этихъ ка- чествъ. Складочное мѣсто полемическихъ статей и замѣтокъ противъ „Рус- скаго Вѣстника“, „Молва“, до сихъ поръ доказала несомнѣнную способ- ность только къ одному роду полемики, роду, болѣе свойственному изуст- нымъ бесѣдамъ между праздными и малообразованными людьми, нежели ли- тературной полемикѣ, именно „Молва“, до сихъ поръ съ похвальнымъ усер- діемъ и замѣчательнымъ талантомъ занималась только сплетнями, а во всемъ остальномъ была слаба. Своею безтактностію довела она себя до того, что „Русскій Вѣстникъ“ справедливо не хочетъ находить въ ней ничего общаго съ „Русскою Бесѣдою“, которую признаетъ журналомъ, заслуживающимъ уваженія.

STUDIEN

Über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von August Freiherrn von Haxthausen.

(Наслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденіяхъ Россіи. Барона Августа Гакстгаузена).

Два мѣсяца тому назадъ *), мы вздумали предложить „Экономическому Указателю“, служащему теперь спеціальнымъ органомъ распространенія экономическихъ понятій въ нашей публикѣ, чтобы онъ положительнымъ образомъ высказалъ свое мнѣніе о томъ, долженъ ли остаться неприкосновеннымъ среди перемѣнъ въ нашемъ экономическомъ бытѣ тотъ принципъ, по которому владѣть участками земли огромное большинство русскаго населенія. Намъ казалось необходимо возбудить людей, руководящихъ образованіемъ общественнаго мнѣнія о вопросахъ экономическаго быта, къ основательному обсужденію этого важнаго дѣла, и наше мнѣніе о необходимости такого обсужденія основывалось на соображеніи двухъ обстоятельствъ.

Съ одной стороны, каждому очевидно, что, съ окончаніемъ нашей послѣдней войны, начинается для Россіи болѣе дѣятельное, нежели когда либо, участіе въ общемъ европейскомъ движеніи. Каждый видитъ, что наша промышленная дѣятельность начинаетъ очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы нравственные и матеріальные выходятъ изъ своего летаргическаго бездѣйствія; иноземные капиталы начинаютъ находить у насъ выгодное и безопасное помѣщеніе, и отчасти уже перенеслись въ нашу страну очень значительной массой, отчасти готовятся въ скоромъ времени перенестись къ намъ въ массахъ еще гораздо болѣе значительныхъ. Послѣдствія такого движенія не могутъ подлежать сомнѣнію. До сихъ поръ большая часть нашего экономическаго производства совершалась средствами и методами, почти патріархальными. Не говоримъ уже о земледѣліи, относительно котораго напрасно и доказывать эту истину; наибольшая часть нашей внутренней торговли и даже значительнѣйшая часть производства по обработкѣ сырыхъ продуктовъ совершалась порядкомъ, болѣе свойственнымъ XVII, нежели XIX вѣку. Это немного уже лѣтъ будетъ продолжаться. Приложеніемъ капиталовъ къ производству не только увеличиваются массы продуктовъ, по

*) Современникъ 1857 г. № 5 „Замѣтки о журналахъ“. См. стр. 187 и слѣд. на-
стоящаго тома.

измѣняется и самый порядокъ производства. Различіе между хворостомъ или кизякомъ и каменнымъ углемъ, между проселочною и желѣзною дорогою не болѣе значительно, нежели различіе между порядкомъ патріархальной экономической дѣятельности и дѣятельности, совершающейся силою машинъ, капиталовъ и другихъ экономическихъ отношеній и двигателей, свойственныхъ новѣйшему времени. Различіе между черемисомъ и англчаниномъ не болѣе значительно, нежели различіе между земледѣльческими методами, по которымъ обрабатываются поля того и другаго.

Россія вступаетъ въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда къ экономическому производству прилагаются капиталы. Характеръ дѣятельности производящихъ классовъ и самый бытъ ихъ необходимо долженъ подвергнуться отъ того великимъ измѣненіямъ. Мы уже видимъ, какъ огромны будутъ эти измѣненія въ характерѣ передвиженія людей и продуктовъ. Въмѣсто обозовъ и патріархальныхъ судовъ различнаго рода, мы имѣемъ нѣсколько, и скоро будемъ имѣть очень много, локомотивовъ и пароходовъ, такъ что вскорѣ почти совершенно исчезнутъ привычныя нашему глазу обозы, мокшаны, тихвинки, барки и такъ далѣе. Въ характерѣ торговли отчасти уже происходитъ, и скоро совершенно исполнится, измѣненіе не менѣе значительное. Съ устраненіемъ тѣхъ страшныхъ неудобствъ и невѣрностей, которыми до нашего времени стѣснялась она, у насъ явятся честность и предпримчивость, свойственныя нашему народу но менѣе, нежели другимъ европейцамъ. Но всего значительнѣе будутъ измѣненія той экономической дѣятельности, которая составляетъ основную силу нашей страны и служитъ средствомъ существованія для значительнѣйшей части нашего народа, — именно въ земледѣліи. До сихъ поръ оно оставалось въ положеніи еще болѣе патріархальномъ, нежели какая либо другая экономическая наша дѣятельность. Одинаково признавая неизбѣжность и благотворность великихъ измѣненій, ожидаемыхъ этою отраслью нашего производства, не всѣ образованные люди согласны въ томъ, должны ли эти измѣненія оставить неприкосновеннымъ тотъ принципъ, по которому раздѣляется нынѣ пользованіе землею между нашими земледѣльцами; а вопросъ этотъ очень важенъ, потому что относится къ такому обычаю, который служитъ основаніемъ всего нашего общественнаго быта.

Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію та истина, что формы патріархальнаго быта несовмѣстимы съ высокою степенью цивилизаціи; потому у огромнаго большинства образованныхъ людей развивается стремленіе отвергать все то, что существуетъ въ патріархальномъ бытѣ, и отъ отрицанія формъ переходитъ къ отрицанію всѣхъ принциповъ, имѣющихъ коронъ въ этомъ бытѣ. Такой участи подвергается со стороны очень многихъ людей, руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ, и тотъ принципъ, на которомъ основано распределеніе пользованія землею между огромнымъ большинствомъ нашего народа. О другой причинѣ, утверждающей многихъ въ этомъ чувствѣ, — объ излишнемъ довѣрїи къ нѣкоторымъ устарѣлымъ системамъ политической экономіи, — системамъ, односторонность которыхъ уже доказана послѣдующимъ развитіемъ науки, мы уже говорили. Такимъ образомъ, многіе изъ людей, имѣющихъ вліяніе на общественное мнѣніе, жестоко возстаютъ противъ до-

сель существующаго у насъ принципа общинной поземельной собственности.

Намъ казалось, что такое предубѣжденіе происходитъ болѣе отъ недостатка серьезныхъ обсужденій этого вопроса, и что многіе изъ людей, нынѣ возстающихъ противъ принципа общиннаго поземельнаго владѣнія, примирятся съ нимъ или даже сдѣлаются его жаркими защитниками, когда имъ представится случай глубже вникнуть въ сущность дѣла, о которомъ досихъ поръ говорили у насъ безъ серьезнаго изслѣдованія, или руководясь единственно смутными симпатіями и антипатіями, или слѣпо вѣря устарѣвшимъ одностороннимъ системамъ, или просто на-обумъ.

Потому-то мы и вызвали „Экономическій Указатель“ положительнымъ образомъ выразить свое обдуманное и зрѣлое мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Рѣшительнымъ образомъ выражая твердое свое убѣжденіе, что интересъ національнаго благосостоянія требуетъ, при всѣхъ великихъ и благотворныхъ перемѣнахъ, предстоящихъ нашимъ экономическимъ отношеніямъ, сохранить принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія, мы прибавляли, что если „Экономическій Указатель“ несогласенъ съ такимъ мнѣшемъ, то долженъ опровергнуть его.

„Экономическій Указатель“ принялъ этотъ вызовъ и началъ печатать подробное опроверженіе нашей статейки, защищавшей принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія. Возраженія эти еще не кончены, и потому было бы несправедливо съ нашей стороны подвергать ихъ разбору въ настоящее время: быть можетъ, „Экономическій Указатель“ въ слѣдующихъ статьяхъ своего отвѣта представитъ каши нибудь доказательства тѣмъ изъ своихъ положеній, которыя пока представляются бездоказательными, ограничить какими нибудь оговорками и условіями тѣ, которыя на первый разъ представились ему безусловными, и т. д.,—словомъ сказать, очень могутъ быть, что окончаніе статей, вызванныхъ нашимъ запросомъ въ „Экономическомъ Указателѣ“, будетъ написано основательнѣе, нежели тѣ статьи, которыя мы съ удовольствіемъ прочли въ №№ 21, 22, 24 и 25-мъ.-- „Какъ съ удовольствіемъ? Въ этихъ статьяхъ авторъ замѣчаній, сдѣланныхъ „Современникомъ“ о необходимости сохранить принципъ общиннаго владѣнія, многократно называется невѣждою; если его невѣжество доказано „Экономическимъ Указателемъ“, то онъ долженъ чувствовать себя огорченнымъ, если же такое поносное имя дается ему несправедливо, то онъ долженъ чувствовать себя оскорбленнымъ, — въ томъ и другомъ случаѣ, опъ при чтеніи этихъ статей долженъ чувствовать нѣчто, ни мало не похожее на удовольствіе“. Такъ; еслибъ авторъ замѣчаній о необходимости сохрашити общинное владѣніе землею писалъ эту статейку съ цѣлью блеснуть ученостью, онъ былъ бы чувствителенъ къ благоприятному отзыву о степени своей учености. Но такъ какъ замѣчанія эти написаны имъ единственно съ цѣлью защитить учрежденію, очень выгодное для національнаго благосостоянія, то, конечно, онъ долженъ желать только того, чтобы противники общиннаго владѣнія остались побѣжденными въ глазахъ большинства публики, а какое мнѣше будутъ они имѣть о его учености, для него конечно все равно; онъ долженъ даже находить прямую выгоду для защищаемаго имъ дѣла въ томъ, когда против-

ники называютъ его невѣждою, а себя провозглашаютъ людьми великой учености: чѣмъ слабѣе адвокатъ оправдываемой стороны и чѣмъ сильнѣе адвокатъ проигрывающей стороны, тѣмъ менѣе у свидѣтелей побѣды слабаго адвоката надъ сильнымъ остается сомнѣній въ правотѣ торжествующаго дѣла. „Вотъ, человѣкъ, котораго называютъ невѣждою, опровергъ людей, которые считаютъ себя гораздо болѣе учеными, нежели онъ. Значить, очень сильно дѣло, имъ защищаемое“. Такимъ образомъ, мы съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ увидѣли, что „Экономическій Указатель“ вздумалъ присвоивать намъ такое положеніе, при которомъ наиболѣе сильно должно быть впечатлѣніе результата нашихъ споровъ съ нимъ. Мы совершенно принимаемъ увѣренія „Экономическаго Указателя“, что его знанія въ экономической наукѣ гораздо обширнѣе нашихъ, и просимъ читателей предполагать, согласно желанію „Экономическаго Указателя“, что авторъ статей этого журнала, служащихъ отвѣтомъ на нашъ вызовъ, есть великій ученый, а статьи „Современника“ нѣ защиту общиннаго владѣнія написаны человѣкомъ, который далеко не равняется ученостію своему сопернику. Чѣмъ слабѣе мы лично, тѣмъ очевиднѣе и несомнѣннѣе будетъ, что побѣдою надъ нашимъ противникомъ мы будемъ обязаны не личному своему превосходству, а единственно неиреоборимой справедливости мнѣнія, нами защищаемаго.

„Но (можетъ подумать иной читатель) съ какою увѣренностію говорить авторъ настоящей статьи о томъ, что побѣда въ спорѣ останется непремѣнно за нимъ! Не надобно ли эту увѣренность считать излишнею, или, по крайней мѣрѣ, неловкою самоувѣренностію?“—Ни мало. Въ каждой наукѣ есть такія истины, защищая которыя невозможно не быть увѣреннымъ въ своемъ торжествѣ, какъ бы ни былъ ученъ и силенъ противникъ. Неужели каждый изъ насъ, какъ бы ни было скромно его мнѣніе о своихъ силахъ и познаніяхъ, не увѣренъ въ томъ, что можетъ совершенно побѣдоносно опровергнуть величайшаго астронома въ мірѣ, если этотъ астрономъ вздумаетъ сомнѣваться въ обращеніи земли около солнца? Гротъ въ настоящее время есть величайшій знатокъ греческой исторіи; этому Гроту вздумалось доказывать, что Александръ Македонскій былъ чуждъ греческой цивилизаціи, не имѣлъ въ своихъ жилахъ ни капли греческой крови. Кто изъ васъ не въ состояніи доказать, что Гротъ ошибается? Для этого вовсе не надобно быть особеннымъ знатокомъ Греческой Исторіи: каждому извѣстно, что учителемъ Александра Македонскаго былъ Аристотель, что роднымъ языкомъ Александра Македонскаго былъ греческій языкъ, а не какой нибудь другой, что изъ числа предковъ Александра Македонскаго по женской линіи многіе были греки. Этихъ фактовъ, извѣстныхъ даже человѣку мало образованному, не въ состояніи опровергнуть никакая ученость, никакая тонкость ума. Намъ скажутъ, что общественныя науки до сихъ поръ еще очень мало обработаны и что потому едва ли могутъ быть въ нихъ столь несомнѣнныя аксіомы, какъ въ астрономіи. Нѣтъ, при всемъ несовершенствѣ нынѣшней обработки общественныхъ наукъ, въ нихъ есть уже аксіомы, справедливость которыхъ достигла математической несомнѣнности. Напримѣръ, никакою ученостію не можетъ быть опровергнута аксіома: „производство усиливается приложеніемъ капитала“.

Такихъ несомнѣнныхъ истинъ въ экономической наукѣ уже довольно много. Къ числу ихъ принадлежитъ и положеніе о томъ, что при настоящемъ состояніи общества только общинное владѣніе можетъ предохранить массу земледѣльцевъ отъ пролетаріатства; къ числу ихъ принадлежитъ также и та истина, что земледѣліе въ Западной Европѣ уже вступаетъ, и у насъ со временемъ вступить, на ту степень развитія, когда производство усиливается введеніемъ машинъ и приложеніемъ другихъ способовъ, требующихъ значительнаго размѣра въ хозяйствѣ, къ которому они прилагаются. Кто захочетъ спорить противъ этихъ истинъ, тотъ неминуемо подвергаетъ себя пораженію, какъ бы ни были велики его знанія. А кто защищаетъ ихъ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что результатомъ споронъ будетъ обнаруженіе справедливости мнѣнія, имъ защищаемаго, какъ бы ни было скромно мнѣніе этого человѣка о своихъ знаніяхъ.

И такъ, будучи совершенно увѣрены, что мнѣіе, нами защищаемое, носторжествуетъ, какъ бы ни были малы наши знанія въ сравненіи съ ученостію „Экономическаго Указателя“, мы не имѣемъ никакого основанія огорчаться тѣмъ презрѣніемъ къ нашимъ свѣдѣніямъ, какое угодно высказывать „Экономическому Указателю“. Напротивъ, мы находимъ очень благопріятнымъ для дѣйствія несомнѣнной побѣды нашего мнѣнія то не равенство нѣ силахъ, которымъ угодно хвалиться „Экономическому Указателю“; и мы желали бы, чтобы читатели наши предполагали нѣ насъ какъ можно менѣе, а въ „Экономическомъ Указателѣ“ какъ можно болѣе учености. Словомъ сказать, мы съ совершенною радостью принимаемъ всѣ тѣ презрительные эпитеты, которыми хочеть унижить насъ „Экономическій Указатель“. Мы просимъ читателя предполагать, что настоящая статья и тѣ статьи, въ которыхъ (по окончаніи возраженія въ „Экономическомъ Указателѣ“) мы будемъ опровергать возраженія „Экономическаго Указателя“, написаны человѣкомъ, у котораго очень мало учености, или даже совершеннымъ невѣждою.

„Невѣжда“ — это слово означаетъ человѣка, который имѣетъ мало свѣдѣній, но оно не значить, чтобы этотъ человѣкъ не желалъ пріобрѣтать свѣдѣній. Это желаніе свойственно каждому человѣку, какъ бы ни было велико его невѣжество. И такъ: если мы ничего не знаемъ, то въ насъ есть нѣкоторое желаніе учиться. Руководителемъ своимъ въ занятіяхъ мы избираемъ прекрасный и ученый журналъ, — „Экономическій Указатель“. Мы начинаемъ изучать этотъ журналъ. Мысли наши постоянно заняты вопросомъ объ общинномъ владѣніи землею. Перечитывая одинъ за другимъ номера „Экономическаго Указателя“, мы ищемъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ бы сочиненіи могли мы найти основательный трактатъ объ общинномъ владѣніи. „Экономическій Указатель“ говоритъ намъ, что основательнѣйшее сочиненіе объ экономическихъ отношеніяхъ русскаго государства написано графомъ Тенгоборскимъ и называется „Etudes sur les forces productives de la Russie“. Съ жадностію беремъ мы за это сочиненіе и съ трепетомъ сердца читаемъ его, желая узнать мнѣніе этого великаго (по словамъ „Экономическаго Указателя“) ученаго относительно вопроса, который насъ занимаетъ. На страницѣ 320 и слѣдующихъ 1-го тома мы находимъ разсужденіе „О причинахъ, которымъ надобно приписывать неудовлетворитель-

вое состояніе земледѣлія въ Россіи“, а на 339 п слѣдующихъ страницахъ того же тома разеужденіе „О раздѣлѣ земли между поселянами по тягламъ п о влияніи этой системы раздѣла на успѣхи земледѣлія“. Посмотримъ, какъ думаетъ объ этихъ предметахъ писатель, рекомендованный намъ „Экономическимъ Указателемъ“.

„Часто (говоритъ графъ Тевгборскій) слышатся жалобы, что земледѣіе находитя у васъ въ жалномъ состояніи и что ово держится чрезвычайно отсталыхъ агрономическихкихъ яетодовъ. Жалобы эти слышатся также во многихъ хругвахъ страввахъ п особенно во Франціи, въ Австріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Что касается вашего отечества, эти жалобы, конечно, не лишены основанія, во должно также сказать, что очень часто онѣ доводятся до нѣ котораго преувеличенія. Чаше всего до сихъ поръ слышатся болѣе или менѣе ошибочныя сужденія о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія нашего земледѣлія. Многія изъ этихъ причинъ такъ очевидны, что не могутъ подлежать сомнѣнію, во очень легко ошибиться относительно степени ихъ истинной важности, еслп мы не сообразявъ вообще всего положенія нашего сельскаго хозяйства и всѣхъ физическихъ и нравственныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ оно зависяетъ.

„Трехпольному хозяйству нѣкоторые отечественные и заграничные агрономы прпписываютъ большую неравномѣрность, оказывающуюся въ сборѣ нашихъ жатвъ, и частые неурожаи. Это сужденіе намъ кажется сомнительно, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Главными причинами неравенства въ вашихъ жатвахъ и частыхъ неурожаевъ должны прежде всего считаться географическое положеніе страны и образованіе ся почвы я, въ вѣкоторыхъ областяхъ, мѣстныя атмосферическія влиявія. Россія — одна изъ обширнѣйшихъ равнинъ Европы, часто подвергающаяся сильному дѣйствію восточныхъ въ сѣверныхъ вѣтронъ; какъ слѣдствіе аасухи, такъ в слѣдствія валишнихъ дождей, въ одно и то же время одинаково чувствуются въ ней на гораздо большемъ пространствѣ и гораздо равномѣрнѣйшимъ образомъ, нежели въ странѣ, природа которой разнообразна, гдѣ атиосферическія влиявія бывають различны въ разныхъ областяхъ, гдѣ долины, защищенныя горами отъ дѣйствія сухихъ пѣтровъ, менѣе боятса недостатка дождей и гдѣ, наоборотъ, горвыя мѣстности менѣе подвержены вреду отъ пзлившихъ дождей, легче освобождаяся отъ избытка воды быстрымъ ея потокомъ. Именно отъ частыхъ засухъ и страдаетъ наиболѣе наше земледѣіе *). Земледѣльческія уллучшенія не могутъ совершенно отвратить влияніе этого географическаго положенія. Конечно, надобно желать этихъ уллучшеній, но тѣмъ не менѣе не должно скрывать отъ себя, что трехпольное хозяйство при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ несовершенствахъ наиболѣе соотпѣтствуетъ настоящему земледѣльческому положенію и останеся, по крайней мѣрѣ, еще надолго господствующимъ въ Россіи, преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ много земли я мало рукъ. Эта система, требующая менѣе труда и менѣе капиталовъ, нежели системы, болѣе раціональныя, слпшвомъ еще свойственна вс только привычкамъ нашего народа, но также и условіямъ, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, такъ что не можетъ скоро подвергнуться общему измѣненію. Есть даже области, какъ, вапримѣръ, большая часть южныхъ степей, въ которыхъ, по маѣшю очень опытныхъ агрономовъ, изучавшихъ втеченіе очень долгихъ лѣтъ особенности почвы п климата этихъ областей, раціональное хозяйство вевозможно по той причинѣ, что почва не допускаетъ тамъ разнообразія воздѣлываемыхъ растений. Кроимъ того, пздвва замѣченъ тотъ фактъ, что всѣ славянскія племена пмѣють особенное расположение къ системѣ трехпольнаго хозяйства. Такъ, вапримѣръ, въ Австріи, въ нѣмецкихъ провинціяхъ эта система съ года на годъ исчезаетъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ славянскихъ провинціяхъ она еще господствуетъ, точно также, какъ и въ Венгріи, гдѣ

*) По метеорологическимъ наблюденіямъ открываеся, что въ Россіи падаетъ гораздо менѣе воды въ видѣ дождя и снѣга, нежели въ большей части другихъ странъ, вменво вдвое менѣе, нежели въ Германіи п Франціи. и слпшвомъ вдвое менѣе, нежели въ Англіи.

славянская система земледѣлія послужила образцемъ для мадьяровъ“. („Etudes“; 2-е изд., томъ 1-й, стр. 320 и слѣд.).

Исчисливъ различныя другія препятствія уснѣхамъ земледѣлія въ Россіи, графъ Тенгоборскій продолжаетъ:

„Вся та земля, пользованіе которой уступается поселянамъ какой нибудь деревни, раздѣляется на столько участковъ, сколько находится въ селѣ тяголъ или семей. Такъ какъ вся община отвѣчаетъ за исполненіе налоговъ в повинностей, лежащихъ на каждомъ изъ ея членовъ, то она и производитъ этотъ дѣлежъ. Объемъ участковъ пропорціоналенъ числу членовъ каждой семьи, по соображенію съ ея нуждами и количествомъ рукъ, которыми она располагаетъ для обработки достающагося ей участка. Когда сынъ женится при жизни отца, онъ получаетъ право на особенный участокъ. Тамъ, гдѣ есть чувствительное неравенство въ плодородіи разныхъ полосъ дачи, уравниваютъ дѣлежъ, давая каждому часть земли каждаго достоинства. Когда пространство земля превосходить нужду ея населенія, то есть нормальную пропорцію, которая считается необходимой для прокормленія каждой семьи, излишняя земля отдается зажиточнѣйшимъ изъ поселянъ, которые располагаютъ наибольшимъ числомъ рабочихъ рукъ, имѣютъ болѣе скота и вообще болѣе ередствъ для обработки, и часто эти земли отдаются имъ даже противъ воли и они пропорціонально своимъ участкамъ несутъ налоги и повинности общины. Этотъ дѣлежъ производится обыкновенно съ большою справедливостію и осмотрительностью. Земли, остающіяся въ излишнѣ послѣ такого дѣлежа, образуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ резервъ для будущихъ дѣлежей, которые могутъ сдѣлаться необходимыми при увеличеніи населенія. Когда, напротивъ того, недостаетъ земли для выдѣла каждому семейству участка, соразмѣрнаго его потребностямъ, лишшекъ населенія уходятъ въ сосѣднія волости или губерніи, а иногда даже въ чрезвычайно отдаленныя провинціи, чтобы зарабатывать тамъ себѣ хлѣбъ.

„Какъ ни законна и гуманна такая система дѣлежа, но легко видѣть, какое раздробленіе земли и какія частыя перемѣны въ пользованіи участками должны происходить при ней по мѣрѣ того, какъ увеличивается, или уменьшается населеніе и число тяголъ деревни, что, конечно, не можетъ быть выгодно въ агрономическомъ отношеніи; потому что 1) неувѣренность сохранять надолго и передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ обработанную землю дѣлаетъ поселянна равнодушнымъ ко всякому улучшенію, выгоды отъ котораго могутъ быть получены имъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени; 2) раздробленіе участка поселянна на нѣсколько мелкихъ частичекъ, разбросанныхъ по нѣсколькимъ полямъ для уравниванія производительной цѣнности участковъ, также чрезвычайно невыгодно для обработки. Но должно сказать, что чрезвычайно трудно устранить эти неудобства, потому что такая система дѣлежа связана съ патріархальнымъ устройствомъ вашихъ общинъ, касаться котораго было бы опасно. Эта система дѣлежа основана на коренной идеѣ о единствѣ общины и равновѣ правѣ каждаго изъ ея членовъ на пропорціональный участокъ земли, принадлежащей общинѣ. Такимъ образомъ, она утверждаетъ и укрѣпляетъ общинный духъ, который надобно считать однимъ изъ самыхъ консервативныхъ элементовъ общественной организаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ это одно изъ лучшихъ предохранительныхъ средствъ противъ вторженія пролетаріатства и коммунистическихъ идей, которыя должны имѣть мало привлекательности для земледѣльцевъ, уже пользующихся сообша, посредствомъ справедливаго распредѣленія, плодами земель, ния обрабатываемыхъ. Нельзя не замѣтить того здраваго смысла и практическаго духа, съ которымъ вани поселяне часто сами, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, видоизмѣняютъ тѣ подробности системы, которая могутъ имѣть неудобныя слѣдствія; нельзя не замѣтить той легкости, съ которой они слаживаются между собою для соразмѣренія неравностей, возникающихъ отъ различія почвы и ея плодородія; нельзя, наконецъ, не замѣтить того довѣрія, съ которымъ каждый изъ нихъ подчиняется рѣшеніямъ общины, хотя бы они противорѣчали его личнымъ видамъ или удобствамъ. Казалось, надобно бы было ожидать, что эти часто возобновляемые дѣлежи земель должны служить источникомъ многочисленныхъ споровъ, но, напротивъ, поселяне очень рѣдко обращаются ко вмѣшательству начальства для

исправления этих раздѣловъ. Таковъ фактъ, чрезвычайно удивительный самъ по себѣ, объясняется одною причиною. Именно, эта система, какъ бы ни была она дурна по другимъ отношеніямъ, до такой степени отождествилась съ правами и понятіями нашихъ поселявъ, что они безъ недовольства переносятъ всё ея неудобства. Въ этомъ случаѣ ямъ лучше всего сослаться на г-ва Гакстаузева. Изъ его интереснаго сочиненія о Россіи мы приведемъ только два примѣра, чрезвычайно замѣчательные и доказывающіе, что эта система дѣлежа, до сихъ поръ, несмотря на всё свои несовершенства, есть именно такая система, которая, при настоящемъ положеніи дѣлъ, наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ не только правамъ нашего сельскаго населенія, но также и его дѣйствительнымъ потребностямъ.

„Пріѣхавъ въ деревню Гору Пятницкую *), въ Ярославской губерніи, г. Гакстаузева собралъ на мѣстѣ слѣдующія свидѣнія объ экономическихъ отношеніяхъ этой общины. Эта деревня, состоящая изъ 28 семей съ 82 душами мужскаго пола, принадлежала прежде князю Козловскому. Крестьяне выкупились на волю, заплативъ помѣщику 14,280 рублей серебромъ. Три пятыхъ части этой суммы были выплачены наличными деньгами, а уплата остальныхъ денегъ была разложена на семь лѣтъ. Земля была раздѣлена между поселянами не по общему обычаю, то-есть не по числу работниковъ и семей, но по пропорціи суммы, внесенной каждымъ домохозяиномъ при выкупѣ. Такой порядокъ казался и справедливымъ, и натуральнымъ, однако же, крестьяне наши его столь неудобнымъ, и столь несообразнымъ съ своими привычками, что рѣшились потомъ раздѣлить между собою сумму выкупной платы, какъ простой общинный **) долгъ, и произвести дѣлежъ земель по обыкновенной системѣ. Второй примѣръ еще болѣе поразителенъ.

„Нѣмецкіе колонисты, поселившіеся въ Саратовской губерніи, привнесли съ собою принципъ передачи поземельной собственности по праву наслѣдства, сообразно обычаемъ и законамъ, принятымъ на ихъ родинѣ. Правительство не только дозволило соблюденіе этого принципа, но даже приняло его, какъ обязательный для колонистовъ, въ статутѣ о ихъ общинномъ устройствѣ. Что же? черезъ нѣсколько лѣтъ они стали просить я долго просила перемѣны этого пункта въ статутѣ и позволенія принять систему дѣлежа, употребительную у русскихъ поселявъ, — до такой степени показался имъ выгоденъ русскій способъ для сохраненія ихъ благосостоянія, и это позволеніе было наконецъ имъ дано.

„Все это доказываетъ, что было бы неблагоразумно рѣзко преобразовывать порядки вещей, столь тѣсно слившійся и съ мѣстными преданіями, и съ правами и потребностями нашего сельскаго населенія, какъ бы неоспорны, впрочемъ, ни казались неудобства, могущія возникнуть изъ него относительно успѣховъ земледѣлія.

„Есть, однако же, измѣненіе, которое, намъ кажется, можно было бы мало-по-малу ввести въ эту систему, оставляя непркосновеннымъ принципъ равнаго дѣлежа по тгламъ; именно, можно было бы соразмѣрять величину cadaго участка съ степенью плодородія его почвы, вмѣсто того, чтобы называть каждой семьѣ частичку cadaго клочка дачи, раздробленной по качествамъ почвы. Тѣ, которые оказались бы невыгодно надѣленными по этому способу, могли бы получать соразмѣрное облегченіе въ общинныхъ податяхъ и повинностяхъ, а всё имѣли бы ту выгоду, что каждый владѣлъ бы въ одновъ кускѣ ему доставшимся участкомъ, — это принесло бы значительное удобство при обработкѣ. Само собою разумѣется, этого не слѣдовало бы производить принудительнымъ образомъ и въ видѣ общей мѣры, но способомъ ободренія вліяшея от-

*) Тутъ у Тенгоборскаго вкралась небольшая ошибка отъ недосмотра. Гакстаузева рассказываетъ это не о селѣ Гора Пятницкая (принадлежавшемъ тогда г. Карповичу), — о Горѣ Пятницкой будетъ еще впереди у Гакстаузева, — а объ одной изъ деревень, черезъ которыя проѣзжалъ Гакстаузева по дорогѣ изъ Ярославля въ Гору Пятницкую.

**) У Гакстаузева сказано точнѣе: какъ личный долгъ; — но смыслъ одинъ и тотъ же: каждый поселянинъ остался долженъ общинѣ, или община осталась ему, смотря по тому, болѣе или менѣе онъ заплатилъ, нежели причиталось на его долю по расчету душъ.

дѣльныхъ примѣровъ. Тутъ правительство могло бы даже, вѣроятно, оказывать нѣкоторое вліяніе, уступая пустопорожниыя государственныя земли съ нѣкоторыми условіями которыми ограничивалось бы раздробленіе воздѣлываемыхъ земель ва мелвія частички* (Etudes, томъ 1, стр. 339).

Невѣжество наше такъ глубоко, что мы не знали даже о существованіи русскаго перевода книги графа Тенгоборскаго и потому должны были переводить мѣста, представляемыя читателю. Уже потомъ изъ „Экономическаго Указателя“ мы узнали, что первый томъ графа Тенгоборскаго давно пореведенъ г. Вернадскимъ — вотъ вредъ невѣжества: оно заставило насъ трудиться надъ тѣмъ, что уже сдѣлано другими *)! То же самое невѣжество было причиною и другой ошибки, отнявшей у насъ гораздо болѣе времени. Еслибъ мы были люди ученые, ослибъ мы знали предшествовавшія сочиненія графа Тенгоборскаго, быть можетъ, мы не потратили бы нѣсколькихъ дней на чтеніе его книги о производительныхъ силахъ Россіи. Мы съ самаго начала догадались бы, что она драгоценна, какъ сборникъ фактовъ, какъ справочная книга, но что авторъ ея не принадлежитъ къ числу людей, мнѣнія которыхъ должны быть считаемы законами науки, что часто онъ въ своихъ умозаключеніяхъ дѣлаетъ ошибки, очевидныя и для насъ при всемъ нашемъ невѣжествѣ (въ примѣрѣ мы укажемъ на страницу 333 и слѣдующія 1 тома, — интересно было бы знать, какъ думаетъ объ этихъ страницахъ „Экономическій Указатель“, приверженецъ системы *laissez-faire, laissez-passer?*). Словомъ сказать, мнѣнія Тенгоборскаго мы ни мало не намѣрены выставять имѣющими особенный авторитетъ для насъ. И въ настоящемъ случаѣ намъ кажется, что онъ преувеличиваетъ неудобства общиннаго владѣнія, до странности уменьшая вредныя слѣдствія другихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ успѣхи нашего земледѣлія. Намъ кажется даже, что онъ совершенно отчетливо знаетъ различные порядки, по которымъ дѣлится у насъ земля. Онъ воображаетъ, что раздѣлъ по тягламъ совпадаетъ съ раздѣломъ по ревизскимъ душамъ. Это ошибка. Въ однихъ селахъ земля дѣлится по тягламъ, въ другихъ по ревизскимъ душамъ. Ниже мы увидимъ причины такого различія, ихъ объяснить намъ Гакстгаузенъ. Далѣе Тенгоборскій воображаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда излишняя земля навязывается зажиточнымъ семьямъ противъ ихъ воли, община находится въ нормальномъ положеніи. Онъ не замѣчаетъ, что странно говорить, будто бы человѣкъ можетъ считать невыгодою обширность своей земли, и по его разсказу выходитъ, будто наши поселяне обременяются излишествомъ своихъ земель и сами не знаютъ, что дѣлать съ такимъ бременемъ. Ниже, Гакстгаузенъ объяснить намъ, въ какихъ случаяхъ и на какомъ основаніи происходятъ эти ненормальныя явленія, ненормальность которыхъ не замѣчается Тенгоборскимъ. Еще далѣе, Тенгоборскій, забывъ, что нѣсколькими страницами выше, онъ доказывалъ невозможность покинуть трехпольное хозяйство, воображаетъ, будто бы наше земледѣліе находится въ такомъ положеніи, что безъ общиннаго владѣнія было бы выгодно примѣнять къ улучшенію

*) Впрочемъ, мы не раскаиваемся въ томъ, что представили читателю переводъ, не во всемъ согласный съ переводомъ г. Вернадскаго.

земли такіа средства, дѣйствіе которыхъ обнаруживается только черезъ нѣсколько лѣтъ, — еслибъ онъ не воображалъ этого, онъ не поставилъ бы общинное владѣніе препятствіемъ къ такимъ улучшеніямъ, которыя и безъ общиннаго владѣнія были бы невозможны. Ниже, Гакстгаузенъ объяснитъ намъ, что затрата капиталовъ на улучшеніе земли (препятствіемъ къ которой Тенгоборскій считаетъ общинное владѣніе) невозможна ни при какомъ способѣ владѣнія землею въ настоящее время и останется невозможною, пока не измѣнятся условія нашего земледѣльческаго быта, а когда они измѣнятся (именно, когда возвысится цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ и т. д. и т. д.), то капиталы будутъ затрачиваться на улучшеніе земли и при сохраненіи общиннаго владѣнія. Ко всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ надобно прибавить неточность, замѣченную нами въ выпискахъ, сдѣланныхъ Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, и „Экономическому Указателю“ будоть понятно, почему Тенгоборскій не кажется намъ великимъ авторитетомъ въ своихъ разсужденіяхъ. Но, по мнѣнію „Экономическаго Указателя“, г. Тенгоборскій есть великій авторитетъ, и мы, по своему невѣжеству, должны предпочесть мнѣніе столь ученаго журнала нашимъ собственнымъ соображеніямъ. И такъ, мы послушно признаемъ Тенгоборскаго великимъ экономическимъ мыслителемъ. Каково же мнѣніе этого мыслителя объ общинномъ владѣніи? Онъ признаетъ такой порядокъ вещей очень неудобнымъ, но полагаетъ, что его отиѣнсніе повлекло бы за собою бѣдствія, гораздо болѣе значительныя, нежели тѣ неудобства, какія представляются его сохраненіемъ, и что потому общинный порядокъ владѣнія долженъ быть сохраненъ. Опять, мы не можемъ совершенно согласиться съ Тенгоборскимъ во взглядѣ на выгоды, представляемыя по его мнѣнію сохраненіемъ общиннаго владѣнія. Нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, кажущихся ему выгодными, для насъ казались бы невыгодными; но, къ счастью, мы полагаемъ, что Тенгоборскій преувеличиваетъ послѣдствія, которыхъ ждетъ отъ сохраненія общиннаго порядка, какъ преувеличиваетъ его неудобства. Этотъ порядокъ обезпечиваетъ огромному большинству поселянъ пользованіе землею. Онъ предотвращаетъ излишнее неравенство состояній между членами общины:—этихъ выгодъ на нашъ взглядъ совершенно достаточно для предпочтенія общиннаго владѣнія всякому другому. Мнѣніе Тенгоборскаго о другихъ выгодахъ, будто бы приносимыхъ этимъ порядкомъ, намъ кажется слѣдствіемъ малаго знакомства автора съ русскою исторіею. Земледѣльскій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, каковой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слинкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной земледѣльцу въ западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужды толковать о томъ, каковъ характеръ западнаго европейскаго поселянина. Напомнимъ только о томъ, что козакъ были болышею частію изъ поселянъ, и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіею земледѣльческаго населенія.

Мы далеко не во всемъ соглашаемся съ Тенгоборскимъ въ мнѣніи какъ о неудобствахъ, такъ и о выгодахъ общиннаго владѣнія; за чѣмъ же мы

привели его сужденіе объ этомъ предметѣ? Единственно за тѣмъ, чтобы показатъ тотъ путь, которымъ начинаютъ развиваться наши свѣдѣнія объ экономической наукѣ. Вотъ мы уже знакомы съ Тенгоборскимъ и воображаемъ даже, что можемъ замѣчать его ошибки, чувствуемъ даже (о, какъ велика бываетъ самоувѣренность невѣжды!), что предметъ, о которомъ идетъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, именно: выгоды и невыгоды общиннаго владѣнія, понимается нами лучше, нежели Тенгоборскимъ. Словомъ, Тенгоборскій неудовлетворяетъ насъ и мы хотимъ искать сочиненія, въ которомъ вопросъ, занимающій насъ, рассматривался бы съ большею основательностію. Хлопоты объ этомъ не отнимаютъ у насъ много времени: самъ Тенгоборскій указываетъ намъ на какого-то Гакстгаузена, написавшаго будто бы интересное сочиненіе о сельско-хозяйственныхъ вопросахъ Россіи. Что это за Гакстгаузенъ? посмотримъ, что такое онъ говоритъ. Начинаемъ читать Гакстгаузена и видимъ, что мнѣнія Тенгоборскаго объ общинномъ владѣніи,---и не только мнѣнія, но и рѣшительно всѣ свѣдѣнія объ общинномъ владѣніи, заимствованы Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, впрочемъ заимствованы, по обычаю всѣхъ компиляторовъ, но безъ нѣкоторыхъ промаховъ и недоразумѣній. Это замѣчаніе служитъ для насъ поводомъ къ такому умозаключенію: если Тенгоборскій, великій ученый по мнѣнію „Экономическаго Указателя“, находилъ совершенно достаточными для поддержанія своей ученой славы свѣдѣнія, почерпнутыя изъ Гакстгаузена, то и насъ теперь, когда мы познакомились съ Гакстгаузенемъ, никто не можетъ не признать людьми замѣчательной учености. Мы имѣемъ у себя на столѣ книгу Гакстгаузена, слѣдовательно, по вопросу объ общинномъ владѣніи, обладаемъ всѣми тѣми средствами учености, какими владѣлъ Тенгоборскій. И такъ, въ этомъ дѣлѣ мы перестаемъ быть невѣждами, напротивъ становимся, подобно Тенгоборскому, великими учеными. Читатель! что вы найдете прочнаго въ наше время? Нѣкогда очень прочною вещью было невѣжество; бывало, человекъ, воображавшій себя ученымъ, воображалъ себя раздѣленнымъ непроходимой пропастью отъ людей, которыхъ не угодно было ему считать учеными. Увы! теперь и эта монополія шатается. Нынѣ, лишь была бы охота, каждому доступны средства приобрести обширныя знанія въ предметѣ, который его интересуеть. Вотъ, хотя бы и нашъ примѣръ. Давно ли „Экономическій Указатель“ находилъ въ нашихъ замѣчаніяхъ объ общинномъ владѣніи доказательства невѣжества, а вотъ теперь мы уже знаемъ объ этомъ предметѣ ни на волосъ не меньше, нежели зналъ самъ Тенгоборскій, котораго даже „Экономическій Указатель“ признаетъ великимъ ученымъ. Въ грустное время живемъ мы съ вами, читатель! Нынѣ нельзя гордиться передъ своими сотоварищами не только какимъ нибудь другимъ, менѣе достойнымъ уваженія преимуществомъ, но нельзя гордиться даже ученостію: къ великому сожалѣнію нашему, знаніе сдѣлалось нынѣ доступно не однимъ цеховымъ ученымъ, но рѣшительно каждому, имѣющему охоту, или чувствующему потребность приобрести знаніе. Грустное время, когда мы повсюду вокругъ себя видимъ исполненіе могущественныхъ словъ, произносимыхъ духомъ нашего вѣка: „Возстань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ!“

Но довольно объ этомъ грустномъ предметѣ. Пора намъ заняться

Гакстгаузеню. Книга его, къ сожалѣнiю, слишкомъ мало еще извѣстна у насъ, хотя первые два тома ея вышли уже десять лѣтъ тому назадь. Въ свое время „Современникъ“ указывалъ русской публикѣ на это замѣчательное сочиненiе и представлялъ нѣкоторыя извлеченiя изъ него („Современникъ“, томы V и VI, Смѣсь). Мы прежде всего воспользуемся общими замѣчаниями, которыя были тогда сдѣланы нашимъ журналомъ о происхожденiи и характерѣ книги Гакстгаузена.

„Г. Гакстгаузенъ говорить въ своемъ предисловіи, что „онъ уже давво посвятивъ себя изученiю сельскихъ учреждений во всемъ ихъ объемѣ, во всемъ, что касается до устройства общинъ, до состоянiя земледѣльцевъ, до отношенiя ихъ къ семейству, владѣльцу земли (таяъ, гдѣ крестьяне находятся въ зависимости), къ общинѣ и къ государству,—что онъ старался изучать и наблюдать непосредственно собственными глазами живзвъ такъ называемыхъ вясныхъ сословiй“ и проч. Нѣсколько лѣтъ тому назадь прусское правительство дало г. Гакстгаузену средства для его ученыхъ розысканiй, поручивъ ему изслѣдованiя сельскаго устройства въ прусской монархiи. Съ 1830 года по 1838 годъ, онъ объѣзжалъ съ этою цѣлю всѣ прусскiя провинцiи. Разбирая историческое развитiе нѣкоторыхъ сельскихъ учреждений въ Пруссiи, г. Гакстгаузенъ нашеть въ нихъ различныя отношенiя, нисколько необяснимыя чисто германскимъ народнымъ бытомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германiи, съ XI до XII вѣна, обитали славянскiя племена, впоследствии истребленныя или огерманизированныя; зоть исчезнувшiй славянскiй народный бытъ могъ служить источникомъ тѣхъ сохранившихся загадочныхъ и особенныхъ сельскихъ отношенiй. Авторъ, желая обяснить себѣ зоть предметъ, счелъ необходимымъ ближе познакомиться съ славянскими народами, особенно съ тѣми, которые живутъ ва своихъ первобытныхъ мѣстахъ в саомытно, безпримѣсно развиваютъ свою народную жизнь. Въ прусскихъ провинцiяхъ, до сихъ поръ обитающихъ славянскими племенами: кашубами, мазурами, верхними сiлезацами, поляками, сельскiя учреждения ве могли сохраниться въ своей первобытной чистотѣ; они развивались подѣ влиянiемъ сосѣдственныхъ германскихъ племевъ; что осталось въ нихъ своего славянскаго, что приобрѣли они отъ германскаго племени, отличить очень затруднительно. Для зото г. Гакстгаузенъ предпринялъ путешествiя въ славянскiя земли: въ южныя провинцiи Австрiи, Сербiю, Болгарiю в преимущественно въ Россiю. Въ Россiи онъ нашеть полное нособiе для своихъ ученыхъ изслѣдованiй: онъ ве только былъ поручевъ правительствомъ вниманiю и покровительству мѣстныхъ начальствъ, но ему еще были сообщены документы изъ архивовъ и правительственныхъ мѣстъ.

„Г. Гакстгаузенъ началъ свое *аграрное* путешествiе по Россiи весной 1843 года. Сперва онъ отправился ва сѣверъ, осмотрѣвъ часть обширнаго лѣснаго пояса Россiи, потомъ объѣхалъ губернiи Казанскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую и изъ Керчи предпринялъ небольшое путешествiе въ южно-кавказскiя земли, объѣхалъ Крымъ и берегомъ достигъ Одессы. Изъ Одессы онъ отправился въ Подолiю и Волнiю, доѣхалъ до Кiева и черезъ Черниговъ, Орель и Тулу возвратился въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву. Издавныя имъ теперь двюма заключають въ себѣ часть наблюденiй и обильныхъ материаловъ, собранныхъ имъ въ Россiю“. („Современникъ“, томъ V, Смѣсь, стр. 247).

„Обилiе документовъ (замѣчаетъ „Современникъ“ въ другомъ мѣстѣ) о нашемъ общественномъ бытѣ и особенно обо всемъ, что касается до сельскихъ учреждений, собранныхъ авторомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, придаетъ особенную важность янѣ барона Гакстгаузена. Самъ баронъ Гакстгаузенъ, по понятiямъ, убѣжденiямъ, образу мыслей и занятiямъ—нѣмецкiй дворянинъ, ватолнкъ и агрономъ. („Современникъ“, томъ VI, Смѣсь, стр. 38).

Прежде нежели начнемъ мы дѣлать извлеченiя изъ Гакстгаузена, мы считаемъ неизлишнимъ нѣсколько подробнѣе развить замѣчанiе, представленное нами выше изъ VI тома „Современника“ относительно убѣжденiй, ко-

торами руководился нѣмецкій агрономъ въ своихъ сужденіяхъ объ общественныхъ дѣлахъ.

Во-первыхъ надобно сказать, что Гакстгаузенъ по своимъ политическимъ мнѣніямъ не только не ресубликанецъ или хотя бы либераль, но даже не просто консерваторъ, а такой реакціонеръ, какіе въ Германіи могутъ быть встрѣчаемы только между помѣщиками нѣкоторыхъ прусскихъ провинцій. Онъ видитъ единственное спасеніе для Пруссіи въ восстановленіи прежней неограниченной власти короля и считаетъ совершенной погибелью для этого королевства не только конституціонное устройство, введенное въ Пруссіи событіями 1848 года, но и предшествовавшее тому учрежденіе Общаго Собранія Сословій королевства въ 1847 году. Онъ считаетъ врагомъ Бога и родины каждого нѣмца или француза, не признающаго самодержавной власти необходимостію для Германіи или Франціи. Онъ не только желаетъ восстановленія самодержавной власти въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ идетъ борьба между самодержавіемъ и конституціоннымъ устройствомъ, но желалъ бы ввести самодержавную монархію даже въ Сѣверной Америкѣ, которую ставитъ, относительно политическаго устройства, гораздо ниже Россіи.

Такой человѣкъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ особонномъ сочувствіи къ социализму или коммунизму; и дѣйствительно, Гакстгаузенъ гнушается этими системами и прямо называетъ ихъ порожденіемъ дьявола.

Объ этихъ мнѣніяхъ Гакстгаузена каждый изъ его западноевропейскихъ читателей, конечно, судитъ сообразно своему взгляду на политическіе вопросы: одному можетъ нравиться, другому не нравиться политическій образъ мыслей Гакстгаузена. Но всѣ отдаютъ ему полную справедливость въ томъ отношеніи, что онъ хорошій агрономъ и основательно знаетъ сельско-хозяйственныя учрежденія всѣхъ странъ Западной Европы, а въ особенности Германіи, которую изучилъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи превосходно; и не только хорошо знаетъ онъ эти учрежденія, но и судитъ о нихъ вообще справедливо. Онъ человѣкъ въ высокой степени практическій, относительно тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ можетъ имѣть самостоятельное мнѣніе по близкому знакомству съ ними. Политикою онъ не занимался; разеуждая о политическихъ вопросахъ, онъ по преданію принимаетъ понятія, господствующія въ сословіи, среди котораго онъ воспитался и живетъ. Но какъ скоро рѣчь пойдетъ о какомъ нибудь сельско-хозяйственномъ вопросѣ, Гакстгаузенъ является уже не прусскимъ помѣщикомъ, а просвѣщеннымъ, опытнымъ и проницательнымъ сельскимъ хозяиномъ. Тутъ ему нѣтъ уже никакого дѣла до того, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ та или другая политическая партія. Онъ смотритъ только на то, каковы сельско-хозяйственныя и вообще экономическія послѣдствія этого учрежденія. Онъ отворигаетъ учрежденію, нравящееся ого политической партіи, если это учрежденіе найдетъ невыгоднымъ или неудобнымъ для народнаго хозяйства. Онъ будетъ защищать сельско-хозяйственное учрежденіе, не нравящееся ого политическимъ друзьямъ, если найдетъ, что это учрежденіе полезно для національнаго хозяйства. Онъ прямо скажетъ: „экономическая область должна быть чужда политическихъ предубѣжденій или пристрастій:

вопросы о національномъ благосостояніи выне споровъ о формахъ политическаго устройства. При томъ же, экономическіе вопросы не имѣютъ необходимой связи съ политическими“.

Въ этомъ состоитъ сильная сторона книги Гакстгаузена. Онъ разсматриваетъ сельско-хозяйственныя учрежденія съ точки зрѣнія чисто экономической, не увлекаясь никакими политическими пристрастіями, и за то заслуживаетъ полного одобренія. Въ самомъ дѣлѣ: какая нужда намъ до того, какъ называются люди, благопріятствующіе или неблагопріятствующіе какому нибудь практическому учрежденію? Намъ нужно обращать вниманіе только па то, полезно ли это учрежденіе. До прозваній и системъ практическому человѣку нѣтъ никакого дѣла; мы должны держаться въ практическихъ вопросахъ исключительно того критеріума, который выставленъ прекрасными словами: „по плодамъ дерева судите о деревѣ“. Это правило мы пояенимъ слѣдующимъ примѣромъ, взятымъ изъ Гакстгаузена.

„22 іюня (говорить онъ), мы пріѣхали въ Татарское село Епавашно (Казанской губерніи). Въ этомъ селѣ нѣтъ школы, но вообще по татарскимъ деревнямъ много школъ. Эти училища устроены по системѣ взаимнаго обученія, какъ во многихъ восточныхъ странахъ. Іезуиты нашли эту методу у индусовъ я ввели ее во многихъ изъ своихъ школъ. Белль-ланкастерская метода вовсе не новое изобрѣтеніе!“ (Гакстгаузенъ, томъ I, страница 492).

Какое намъ дѣло до того, что система взаимнаго обученія принята іезуитами, которыхъ мы ненавидимъ? Какое намъ дѣло до того, что она издавна существуетъ у татаръ, грубыхъ и невѣжественныхъ? Какое намъ дѣло до того, что она принята у индусовъ, гнусное суевѣріе и пагубные національные обычаи которыхъ могутъ намъ казаться отвратительными? Сама по себѣ система взаимнаго обученія хороша, и мы не будемъ останавливаться на томъ, что она явилась на свѣтъ съ дурными рекомендаціями. Мы смотримъ на достоинство самой вещи, а не на ярдычекъ, къ ней прицѣпленный.

Но довольно, слишкомъ довольно всѣхъ этихъ объясненій и предисловій. Мы хотимъ въ настоящей статьѣ познакомить читателя съ тѣми свѣдѣніями о рускомъ обычаѣ общиннаго владѣнія землею, которыя собраны у Гакстгаузена полнѣе и основательнѣе, нежели у какого либо другаго писателя, изучавшаго этотъ чрезвычайно важный предметъ. Пора намъ начать наши извлеченія изъ этого изелѣдователя, дѣйствительно замѣчательнаго и основательнаго, съ мнѣніями котораго не всегда можно соглашаться, но неутомимое трудолюбіе и обширность знаній котораго нельзя не уважать. Мы начнемъ наши извлеченія тѣми страницами его книги, которыя заключаютъ общій сводъ сообщенныхъ ему свѣдѣній о порядкѣ общиннаго владѣнія въ Россіи.

„О раздѣлѣ земли въ русскихъ сельскихъ общинахъ были сообщены намъ (говоритъ Гакстгаузенъ) слѣдующія извѣстія: по принципу, нее населеніе сельской общины разсматривается, какъ единица, которой принадлежатъ иен дача деревни: поля, луга, пастбища, лѣса, ручьи, пруды и проч. Каждый мужчина, находящійся въ живыхъ, имѣетъ право на совершенно равное участіе во всякомъ пользованіи землею. Потому участокъ каждаго поселянина по принципу постоянно подлежитъ взиѣненію, такъ какъ каждый новый мужчина, рождающійся въ общинѣ, является съ новымъ правомъ и требуетъ своего участка; въ замѣнъ того, я участокъ каждаго умершаго возвращается въ

общину. Лѣса и пастбища, права на охоту и на рыболовство остаются нераздѣльными, и каждый съ равнымъ правомъ участвуетъ въ пользованіи ими. Поля и дуга, напротивъ, раздѣляются между всѣмъ мужчинами равномѣрно, по своей внутренней цѣнности. Это равномѣрное раздѣленіе, конечно, очень трудно. Дача деревни состоитъ изъ хорошихъ, изъ посредственныхъ, изъ дурныхъ полосъ; одвѣ полосы лежатъ близко, другія далеко, и оттого пользованіе различными полосами не одинаково удобно. Какъ тутъ ввести уравненіе? Трудность велика, но русскіе легко одолеваютъ ее: въ каждой общинѣ есть искусные землѣмѣры, научившіеся своему дѣлу по предашлѣмъ я исполняющимъ его съ ловкостью и ко всеобщему удовольствію. Министръ государственныхъ имуществъ, г. Киселевъ, приказалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи произвести оцѣнку общинныхъ участковъ ученымъ землѣмѣрамъ и таксаторамъ, и сравненіе показало, что размѣриваніе и оцѣнка, произведенная деревенскими межевщиками, отстаетъ отъ оцѣнки, совершенной научнымъ образомъ, только на три и четыре процента,—и кто знаетъ еще, на чьей сторонѣ точность! Сначала дача раздѣляется на полосы, смотря по отдаленности или близости, по качеству земли и по степени ея свѣжести или удобренности, такъ что каждая полоса бываетъ кускомъ совершенно однороднымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Потомъ каждая изъ этихъ полосъ раздѣляется на столько участковъ, сколько находится въ общинѣ людей, имѣющихъ участіе въ дѣлѣ, и участки разбираются ими по жеребью. При этомъ дѣлѣжѣ и метаніи жеребья обыкновенно присутствуетъ цѣлая община, въ томъ числѣ даже женщины и дѣти. Но при томъ господствуетъ величайшій порядокъ и тишина; господствуетъ также величайшая справедливость, и никогда не бываетъ раздора. Когда думаютъ, что кому нибудь достался участокъ менѣе цѣнный, то вознаграждаютъ его изъ запасныхъ земель. Таковы общій порядокъ; во въ каждой области, въ разныхъ мѣстахъ въ каждой общинѣ, установились мѣстные обычаи, которыми онъ видоизмѣняется. Очень интересно было бы изслѣдовать всѣ эти особенности. Напримѣръ, въ Ярославской губерніи существуютъ во многихъ общинахъ особенные, чрезвычайно чтимые, землѣмѣрные жезлы. Длина ихъ соотвѣтствуетъ достокачественности различныхъ почвъ, такъ что, напримѣръ, жезлъ для самой лучшей земли—самый короткій; для земли нѣсколько похуже—жезлъ нѣсколько подлиннѣе; и наконецъ, для самой худшей земля—жезлъ самый длинный. И такъ въ этихъ общинахъ различные участки неравны величиной, но именно тѣмъ самымъ уравнены въ своей цѣнности *).

„Мы имѣли здѣсь въ виду свободную русскую общину, которой дача принадлежать въ собственность. Такихъ свободныхъ общинъ, дѣйствительно, много существуетъ въ Россіи. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ казачія общины. Но въ принципѣ не производитъ никакой разницы то обстоятельство, принадлежитъ ли дача въ собственность общинѣ, или она отдана общинѣ только во владѣніе, какъ у государственныхъ крестьянъ, или даже только въ пользованіе, какъ у крѣпостныхъ крестьянъ.

„Принципъ равнаго дѣленія по душамъ—первобытный славянской принципъ: онъ происходитъ изъ древнѣйшаго принципа славянскаго права, принципа о нераздѣльности обществъ владѣніи всѣмъ родомъ. Такой дѣлѣжъ земель выходился, быть можетъ, у всѣхъ славянскихъ народовъ, и теперь, можетъ быть, находится въ Сербіи, Кроаціи, Славоніи, и проч., гдѣ во всюду происходитъ даже годичное раздѣленіе земель, а въ иныхъ мѣстахъ обработка земли производится вообще всею общиною подъ управленіемъ старшинъ, и только уже жатва поровну раздѣляется членами общины.

„Принципъ раздѣла земли по душамъ въ Россіи сохранился даже у крѣпостныхъ крестьянъ, находящихся на оброчномъ положеніи, которое прежде было единственнымъ употребительнымъ. Но у тѣхъ, которые отравляютъ барщину, мы находимъ слѣдующее видоизмѣненіе принципа. При оброчномъ положеніи, какъ мы сказали, каждая мужская душа получаетъ равный участокъ земли, во зато каждая мужская душа беретъ на себя и равную часть въ оброкѣ. Когда же введена въ деревнѣ барщина, то, конечно, малолѣтки и старики, не могущіе работать, не несутъ барщинной повинности;

*) Изъ словъ Гакстгаузена очевидно, что въ этихъ общинахъ дача не дробится предварительно на полосы одной доброкачественности, и что каждый участокъ состоитъ изъ одного куска, а не изъ мелкихъ разбросанныхъ частицъ.

потому не могут быть они и притязанія на участки земли, раздаваемой крестьянамъ въ замѣнъ барщинной работы. Потому въ селахъ, имѣющихъ барщину, появилось другое основаніе дѣлежа земель, именно: земля дѣлится не по душамъ, а по тягламъ.

„Указанныя здѣсь отношенія составляютъ основаніи русскаго общиннаго устройства, одного изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учреждений какія только существуютъ въ мірѣ. Оно несомнѣнно представляетъ неизмѣримыя выгоды для внутренняго общественнаго состоянія. Въ русской общинѣ есть органическая связь, въ ней лежатъ столь крѣпкая общественная сила и порядокъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ. Описанный порядокъ доставляетъ Россіи ту неизмѣримую выгоду, что въ этой странѣ до сихъ поръ нѣтъ, и не можетъ образоваться пролетаріата, пока существуетъ такое общинное устройство. Человѣкъ можетъ обѣднѣть, можетъ лично промотать все свое имущество,—это не вредитъ его дѣтямъ: они, все-таки, удерживаютъ, влп ввовъ получаютъ свой участокъ по общинному праву, потому что на участокъ этотъ имѣютъ они право, не какъ наследники своего отца, а какъ члены своей общины; дѣти не наследуютъ въ русской общинѣ нищеты отца.

„Но, съ другой стороны, надобно сознаться, что въ основаніи этого общиннаго устройства (въ ежегодномъ дѣлѣжѣ земли) не лежатъ условія успѣховъ сельскаго хозяйства, или, по крайней мѣрѣ, эти успѣхи очень затрудняютъ таковыя порядкомъ дѣла. Хлѣбопашество и всѣ отрасли сельскаго хозяйства, быть можетъ, подвергнутся когда нибудь опасности быть удержаны этимъ принципомъ на низкой ступени. Останется ли такое устройство, когда умственное образованіе сдѣлаетъ значительные успѣхи между русскими поселянами? Кто можетъ рѣшить это! Опытные и образованные сельскіе хозяева, какъ напримѣръ, г. Карновичъ, отзываются объ этомъ порядкѣ невыгодно и думаютъ, что земледѣіе не можетъ идти впередъ, когда такой принципъ принимается во всей своей строгости. Но въ томъ и дѣло, что уже давно этотъ принципъ не принимается во всей своей строгой послѣдовательности. Онъ нигдѣ не копируется, но онъ подлежитъ естественнымъ, удобнымъ и выгоднымъ видоизмѣненіямъ. Русскіе поселяне въ своей массѣ не имѣютъ ни явлѣнншаго недостатка въ здоровьѣ, практическомъ повиновеніи того, что относится къ дѣйствительнымъ интересамъ. Въ нихъ этого качества, можетъ быть, больше, нежели въ другихъ вародахъ. Они давно увидѣли, какія невыгоды и неудобства приноситъ строгое доведеніе системы равнаго дѣлежа до крайнихъ послѣдствій. Когда я предлагалъ г. Карновичу вопросы, дѣйствительно ли гдѣ нибудь земля ежегодно вновь передѣляется между членами общины, то онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на это отрицательно, и его отвѣтъ подтверждаемъ быть имѣ многими другими людьми и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ я предлагалъ этотъ вопросъ. Въ различныхъ частяхъ Россіи встрѣчаются многоразличныя видоизмѣненія общаго обычая. Въ здѣшнихъ мѣстностяхъ (около Ярославля) п, вѣроятно, въ цѣлой Ярославской губерніи поступаютъ слѣдующимъ образомъ.

„Какъ извѣстно, въ опредѣленные сроки производится въ Россіи народныя переписи для распредѣленія подушной подати и рекрутской повинности. Эти переписи называются ревизіями и со временъ Петра I, стало быть, въ теченіе 130 лѣтъ, было ихъ восемь *). Относительно этихъ сроковъ принято за правило, что въ годъ ревизіи *должны* быть производимы въ общинахъ новый передѣлъ земли. Еслибы это не было предписано, то поселяне, по крайней мѣрѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ **), даже и въ ревизіонный годъ не стали бы предпринимать новаго передѣла, потому что, какъ неудобно для нихъ этотъ передѣлъ, столь невыгоднымъ онъ для нихъ кажется, обнаруживается уже изъ прозванія, которое они даютъ ему—именно, они называютъ его *черный передѣлъ*, то есть, die schwarze, böse Theilung (черный, злой дѣлежъ) ***).

*) Первая днѣ части сочиненія Гакстгаузена вышли въ 1847 году.

**) Гакстгаузенъ очевидно говоритъ о той мѣстности Ярославской губерніи, въ которой лежитъ помѣстье г. Карновича, на свидѣтельство котораго главнымъ образомъ основываются свидѣнія, сообщаемыя авторомъ на этихъ страницахъ; то есть, дѣло идетъ о той части Ярославской губерніи, которая соединяется съ губернскимъ городомъ.

***) Гакстгаузенъ вводитъ въ ошибку относительно смысла слова *черный* въ этомъ выраженіи; оно очевидно имѣетъ тоже значеніе, какъ въ выраженіяхъ: *черная*

„При послѣдней ревизіи въ здѣшней мѣстности поступали слѣдующимъ образомъ, а, конечно, подобнымъ же образомъ поступали въ значительной части Россіи:

„Прежде всего общинная дача размѣривается и оцѣняется по качествамъ почвы деревенскими нежесточивамъ в каждая полоса дѣлится на извѣстное число участковъ. Въ государственныхъ имѣніяхъ количество этихъ участковъ рассчитывается приблизительно по числу ревизскихъ душъ, а въ удѣльныхъ и крѣпостныхъ имѣніяхъ по числу тяголъ; но на случай приращенія въ населеніи, нарѣзывается нѣсколько лишневхъ участковъ, которые и составляютъ резервъ для общины. Слишкомъ неправильныя фигуры, образуемыя дорогами, рвами, берегами и проч., трудно измѣримыя, обрѣзываются такъ, чтобы выдѣлялись изъ нихъ учатки правильной формы, и остающіяся такимъ образомъ за границами участковъ полосы, концы и углы также причисляются въ резервныя землямъ и служатъ для уравниванія между участками, если который нибудь окажется малоцѣннымъ другихъ. Эти углы и концы называются заполоски. Послѣ того каждому выдается участокъ, доставшійся ему по жребію, а резервныя земли община или отдаетъ въ наемъ, или какъ нибудь иначе пользуется ими. Когда теперь въ послѣдствіи времени родятся мальчикъ, или образуется новое тягло, то изъ резервныхъ земель выдѣляется и дается ему новый участокъ. Когда кто умираетъ, то его участокъ присоединяется къ резервнымъ землямъ. Но вообще сколько возможно соблюдается то, чтобы, напримѣръ, участокъ, принадлежавшій умершему отцу, вновь былъ отданъ его сыну, такъ, чтобы существующія земледѣльческія хозяйства сколь возможно менѣе нарушались въ своемъ существованіи. Въ послѣднемъ обстоятельстве заключается причина и того, почему семья охотно остаются безъ раздѣла въ хозяйствѣ *). Когда умираетъ отецъ, то часто старшій братъ заступаетъ его мѣсто какъ глава семьи, пользуясь совершенно всей его властью, и хозяйство остается нераздѣльнымъ.

„Изъ этого видно, что дѣлежъ земель на практикѣ вовсе не такъ пагубенъ, какъ можно бы полагать судя по его принципу. На это могутъ сказать, что когда человѣкъ не есть еобственникъ земли, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ твердой обезпеченности, что будетъ пользоваться ею въ продолженіи многихъ лѣтъ до опредѣленнаго срока, то не будетъ онъ предпринимать никакихъ улучшеній, не будетъ влагать въ землю капиталовъ, чтобы сообщить ей высшую обработку—но мы уже показали, что каждый членъ общины достаточно обезпеченъ въ томъ, что сохранить владѣніе своимъ участкомъ, по крайней мѣрѣ, отъ одной ревизіи до другой, то есть въ періодъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Кроме того надобно сказать, что до сихъ поръ, вообще къ Россіи очень мало могутъ примѣняться западно-европейскія средства и потребности относительно приложенія капиталовъ къ землѣ и улучшенія селскаго хозяйства. Напримѣръ, въ Западной Европѣ и въ Германіи сама по себѣ земля составляетъ вс болѣе какъ двѣ трети цѣнности всего хозяйства, а остальная треть цѣнности состоятъ въ скотѣ, орудіяхъ, произведенныхъ работахъ для улучшенія почвы. Потому въ Западной Европѣ, если я не увѣренъ, что удержу землю, по крайней мѣрѣ, на извѣстное число лѣтъ, и по окончаніи ихъ не получу вознагражденія за работы, улучшившія почву, то я могу потерять одну треть моего состоянія, именно, при перемѣнѣ я совершенно потерялъ бы удобреніе и засѣвъ, мой скотъ подвергся бы неудобствамъ отъ пе-

земля, черные люди, черная соння, то есть тяглопая, или податная, въ противоположность бѣлой, то есть освобожденной отъ тягла или оброка, податей и барщины. Итакъ *черный передѣлъ* значить просто передѣлъ податныхъ земель, или передѣлъ земли между людьми податнаго сословія. Ошибка, изъ которую введенъ былъ Гакетгаузенъ, произошла отъ того, что люди, на словахъ которыхъ онъ основывался, съ одной стороны не знали кореннаго смысла слова *черный*, несомнѣннаго для каждого знакомаго съ старинными грамотами, а съ другой стороны, эти люди, сами представляя себя передѣль земли невыгоднымъ для хозяйства, внесли изъ исонятное для нихъ народное выраженіе тотъ смыслъ, какой для нихъ самихъ могъ казаться натуральнымъ при ихъ вѣздѣ на этотъ предметъ. На этомъ ошибочномъ толкованіи построенное предположеніе о чувствахъ поселенъ повее не убѣдительно.

*) Гакетгаузенъ опять введенъ въ ошибку. Нелюбовъ поселятъ къ раздѣлу семьи на отдѣльныя хозяйства происходитъ отъ другой причины, именно отъ того, что чѣмъ болѣе работникомъ въ одномъ хозяйствѣ, тѣмъ богаче оно; одинокій мужикъ не можетъ хорошенько управиться съ полевыми работами.

решены, а мои орудия могли бы стать отчасти не нужными для меня. Если, например, в Германіи, я покупаю 1 июня помѣстье въ 500 моргеновъ пахотной земли при ста юргенахъ луговъ и десяти моргенахъ сада, то покупная цѣна распредѣлится по статьямъ цѣнности помѣстья слѣдующимъ образомъ:

1) Пахотная земля	20,000 талер.
2) Луга	9,000 "
3) Садъ	1,000 "
4) Удобрение и поствъ	3,000 "
5) Работы для улучшенія луговъ	500 .
6) Работы и орудія для сада	500 "
7) Скотъ и земледѣльческія орудія	6,000 "
8) Усадьба	6,000 "

46,000 талер.

„Теперь, если статья 1, 2 и 3, имѣющія вмѣстѣ цѣнность 30,000 талеровъ, дадутъ мнѣ только на время и могутъ быть ежеминутно переданы другому, то ори этой передачѣ я рискую совершенно потерять статья 4, 5 и 6, имѣющія цѣнность 4,000 талеровъ; а по статьямъ 7 и 8, имѣющимъ цѣнность 12,000 талеровъ, повести убытокъ, размѣръ котораго не могу впередъ опредѣлить.

„Такія соображенія не прилагаются къ Россіи. Въ средней полосѣ Имперіи, въ области чернозема, плодородіе такъ велико, что земля не удобряется, пашется только одинъ разъ, да и то слегка, потому удобрение и работа запашки вовсе не входятъ въ расчетъ; да и цѣна сѣмля окажется незначительна, когда мы вспомнимъ, что шеффель ржи въ дешевые годы продается по 12 зильберъ-грошей (четверть 20 коп. сер.). Искусственныхъ луговъ и садовъ почти нигдѣ нѣтъ. Овчарни существуютъ у крестьянъ чрезвычайно рѣдко. Обзаведеніе рогатымъ скотомъ у нихъ незначительно; лошади дешевы. Если мы подумаемъ, что въ Ярославской губерніи обыкновенная цѣна хорошей крестьянской лошади 50—60 рублей ассигнаціями, то легко намъ сообразить, какъ ничтоженъ капиталъ, затрачиваемый на обработку земли. Изба русскому поселянину почти ничего не стоитъ. Бревна на постройку получаетъ онъ даромъ изъ общественнаго лѣса и самъ строитъ себѣ жилище изъ этихъ бревенъ, такъ что расходы его наличными деньгами на постройку дома не доходятъ и до пяти талеровъ. И такъ, если въ Германіи при оцѣнкѣ поземельнаго участка принимается въ расчетъ, кромѣ самой земли, значительный капиталъ, образуемый хозяйственнымъ инвентаріемъ и искусственными улучшеніями почвы, то въ большей части Россіи такой расчетъ почти совершенно непримѣнимъ къ дѣлу, оттого для Россіи постоянство въ пользованіи землею далеко не имѣетъ того значенія, какъ для остальной Европы.

„Вообще въ наибольшей части Россіи земля имѣетъ незначительную цѣнность; ова только почва для человѣческаго труда; потому еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ купчія крѣпости, дарственные записи и завѣщанія говорили только о душахъ. Продавали, дѣлили и т. п., въ селѣ N столько-то и столько-то душъ крестьянъ. Земля была только прибавкою къ людямъ!

„Будетъ ли увеличиваться цѣнность земли, иначе сказать, будетъ ли итти впередъ земледѣліе, достигнетъ ли оно цвѣтущаго состоянія—это вопросъ будущаго для Россіи; но я боюсь, что въ ближайшемъ будущемъ вопросъ этотъ поставится невыгоднымъ образомъ *). Я уже указывалъ, что въ Россіи земледѣліе и фабричная промышленность находится въ ненормальномъ отношеніи. Земледѣліе не будетъ никогда процвѣтать, пока чистый доходъ отъ него будетъ такъ незначителенъ какъ въ настоящее время. А чистый доходъ отъ земледѣлія будетъ незначителенъ до той поры, пока не будетъ возвращена въ естественныя границы искусственно порожденная фабричная

*) Къ счастью, опасенія Гакетгаузена опровергнуты мудростью вашего правительства: тарифы 1850 и 1857 года постепенно приводятъ фабричную промышленность въ тѣ нормальныя отношенія къ земледѣлію, которые нужны для процвѣтанія всякаго хозяйства.

промышленность, или пока народонаселение не возрастет на столько, что окажется излишек рабочих рукъ. Въ остальной Европѣ фабриками заняты только тѣ рабочія силы, которыя уже не могутъ быть обращены на земледѣліе по излишеству рукъ для этого занятія. Въ Россіи напротивъ обращаются на земледѣліе только тѣ рабочія силы, которыя излишни для фабричной и ремесленной промышленности, или отвергнуты ею, какъ негодныя.

„Потому русское равномерное раздѣленіе земли между членами общины, по нашему мнѣнію, совершенно соответствуетъ настоящему общему социальному положенію страны, а также и настоящей степени развитія хлѣбопашества въ Россіи. И надобно прибавить, что оно не заключаетъ въ себѣ ничего протиннаго успѣхамъ сельскаго хозяйства. Пусть только не вводитъ никакихъ наследственныхъ мѣръ въ приѣженіи къ дѣлу этого принципа: поселяне сами лучше всѣхъ знаютъ, что для вѣхъ полезно; они сами собою ввели уже въ этотъ принципъ понадобившіяся видоизмѣненія и впоследствіи сами введутъ другія видоизмѣненія, какія понадобятся. Если въ чемъ, то именно въ этомъ дѣлѣ надобно остерегаться принудительнаго вмѣшательства.

„Относительно владѣнія землею видимъ мы въ Европѣ владычествующими одновременно въ разныхъ странахъ три принципа. Они рѣзко развились въ трехъ державахъ, а въ другихъ государствахъ существуютъ въ различныхъ степеняхъ взаимнаго ограниченія и смѣненія.

„Въ Англіи владычествуетъ такой принципъ: земля должна быть дѣлима какъ можно менѣе и земледѣлю должно быть посвящено только то количество рукъ, какое совершенно необходимо. Только тогда можно сильно двигать впередъ и сохранять въ цвѣтущемъ состояніи земледѣліе; потому вся эта страна воздѣлывается большими, хотя не чрезмѣрно большими, хозяйствами. Въ нихъ та выгода, что всѣмъ занятымъ при нихъ рукамъ они даютъ работу въпродолженіе круглаго года, и оттого нѣтъ потери въ рабочемъ капиталѣ человѣческихъ силъ. Только въ большихъ хозяйствахъ могутъ съ удобствомъ и съ выгодой вводиться и поддерживаться улучшенія,

„Результатъ этой системы таковъ, что, говоря пропорціонально, нигдѣ не доведено земледѣліе до такой высокой степени совершенства, какъ въ Англіи; нигдѣ нѣтъ пропорціонально такого обширнаго скотоводства; нигдѣ слѣдовательно не производится столько навоза и не могутъ быть возводимы поля до такой высокой обработки, какъ въ Англіи. Зато не составляютъ между авглійскимъ населеніемъ и десятой части тѣ люди, которые имѣли бы, не говоря уже, свою землю, хотя бы свое жилище. И такъ, девять десятыхъ частей населенія въ Англіи стали пролетаріями. Кто станетъ отрицать опасности, которыми грозитъ такое отношеніе общественному положенію Англіи?

„Представительницею втораго принципа служитъ Франція. Овъ развила и установилась въ ней только вслѣдствіе громаднаго переворота. Основное правило здѣсь таково: земледѣліе, подобно другимъ занятіямъ, отдается на личную волю отдѣльныхъ людей, потому всѣ земли должны быть доступны раздробленію; каждый можетъ свободно повидать в продавая землю, другими словами: земля должна быть товаромъ; она должна, какъ разнѣнная монета, переходить изъ рукъ въ руки. Вслѣдствіе того, земля разбилась на безчисленные мелкія хозяйства. Считаая въ Англіи около 400,000 земледѣльческихъ хозяйствъ, во Франціи, пропорціонально географической величинѣ, должно бы быть около 1.400,000 такихъ хозяйствъ. Но въ 1831 году ихъ было не менѣе 10.404,121. Относительно результатовъ такой системы приведу я анекдотъ, рассказываемый англійскимъ путешественникомъ Артуромъ Юнгомъ. Встрѣтился ему во Франціи на дорогѣ поселянинъ, который весь четырехъ куръ, и на вопросъ, куда овъ идетъ? отвѣчалъ, что идетъ въ городъ, лежащій за четыре лье (16 верстъ), чтобы продать своихъ куръ. Юнгъ спрашиваетъ далѣе, сколько овъ надѣется получить за нихъ; отвѣтъ: хорошо, если бы 24 су (30 коп. сер.); вопросъ: а сколько платы получаешь ты въ день, если наймешься работать? отвѣтъ: тоже 24 су. Вопросъ: зачѣмъ же не остался ты лучше въ своей деревнѣ, гдѣ получилъ бы ты 24 су и сохранить бы у себя своихъ куръ, стоящихъ 24 су, и могъ бы самъ съѣсть этихъ куръ? Отвѣтъ: конечно, я получаю 24 су въ день, когда найду работу, но я не нахожу работы: въ нашемъ селѣ у каждаго свой домъ, свой садъ, свой кусокъ земли: работы

эти занимают у нас едва три мѣсяца въ году; другія дѣла у насъ незначительны а потому нанимать работниковъ никому не нужно.—Этотъ анекдотъ даетъ намъ понятие о состояніи Франціи. Земледѣліе, раздробленное на слишкомъ мелкія хозяйства какъ представляеть достаточныхъ занятій на цѣлый годъ, и потому значительная часть рабочихъ силъ остается безъ употребленія. Слишкомъ мелочное раздробленіе не даетъ также средствъ для значительныхъ и прочныхъ улучшеній; скота мало, следовательно мало и удобренія, служащаго основаніемъ всѣхъ успѣховъ земледѣлія; потому Артуръ Юнгъ очень справедливо замѣчаетъ: во Франціи хорошая почва воздѣлывается превосходно, посредственная мало, а дурная вовсе не воздѣлывается; потому, хотя Франція вообще имѣетъ лучшую почву, чѣмъ Англія, но никакъ не можетъ равняться съ ней по развитію земледѣлія.

По совершенству земледѣлія, Англія стоитъ гораздо выше Франціи, но Франція имѣетъ гораздо меньше пролетаріевъ.

Германія занимаетъ средню между Англіей и Франціей. Въ ней нѣтъ ни системы совершенной неподвижности и недвижимости поземельной собственности, какъ въ Англіи, ни совершенной свободы въ переходѣ изъ рукъ въ руки и неограниченной дѣлимости всего количества земель, какъ во Франціи. Большія помѣстья въ Германіи почти всѣ нераздробны, отчасти по закону, отчасти по обычаю. Состояніе мелкой поземельной собственности въ различныхъ областяхъ—различно. Въ некоторыхъ областяхъ мелкія владѣнія также безгранично продаются и дробятся, какъ во Франціи; въ иныхъ они дробятся только между членами общины; въ другихъ часть земель можетъ быть дробина, а часть, при такъ называемыхъ нераздѣльныхъ крестьянскихъ дворахъ, всеодлежитъ раздѣлу; а наконецъ въ некоторыхъ, впрочемъ немногихъ областяхъ, вся поземельная собственность состоитъ изъ нераздробляемыхъ владѣній. Древніе обычаи, различіе законовъ въ различныхъ германскихъ государствахъ, различіе почвъ, различіе въ характерѣ воздѣлыванія, естественные и постепенно развивающіеся интересы породили это разнообразіе, и въ цѣломъ оно должно быть вазвано сестоніемъ благопріятнымъ для страны. Сельское хозяйство не стоитъ во всей Германіи на столь равномѣрно высокой степени, какъ въ Англіи, но все-таки гораздо выше, нежели во Франціи. Пролетаріи находятся только въ городахъ, а въ селахъ ихъ немного.

Представительницею третьяго принципа служить Россія. Франція провозгласила тотъ принципъ, что земля можетъ дѣлиться; Россія идетъ гораздо далѣе; она постоянно дѣлитъ землю. Франція провозгласила принципъ неограниченной конкуренціи: она хочетъ считать землю товаромъ, который можетъ быть каждаго лицомъ пріобрѣтнемъ за деньги. Россія каждому изъ своихъ дѣтей даетъ право пользованія, даетъ участіе въ пользованіи землею и, притомъ, въ каждой общинѣ всѣмъ дѣтиямъ ея совершенно равное. Во Франціи земля просто частная собственность отдѣльнаго лица. Въ Россіи земли—собственность націи в общины, служащей повгореніемъ націи въ маломъ размѣрѣ; отдѣльное лицо имѣетъ только право на пользованіе подобно всѣмъ другимъ лицамъ. Что при такой системѣ недостижима столь высокая степень обработки почвы, какъ въ Англіи или даже въ Германіи, съ тѣмъ надобно согласиться. Но напротивъ та степень, которой достигла Франція, можетъ быть, по нашему мнѣнію, достижима для Россіи, если будутъ устранены нѣкоторыя изъ (чуждыхъ русскому общинному принципу) препятствій успѣху земледѣлія: препятствія эти указаны вами въ другомъ мѣстѣ. (Гакстаузенъ, томъ I, стр. 124 в слѣд.).

Сдѣланы теперь нѣсколько замѣчаній о содержаніи представленнаго нами отрывка. Прежде всего очевидно, что Гакстаузенъ ни мало не скрываетъ отъ себя неудобствъ, существующихъ при общинномъ владѣніи землею; очевидно, что разумнѣйшею системою издавна привыкъ онъ считать систему наследственной поземельной собственности, среди которой онъ родился и воспитывался, которая срослась го всѣми его понятіями; очевидно, что если отдастъ онъ преимущество русской системѣ общиннаго владѣнія передъ западно-европейскими, то дѣлаетъ это вслѣдствіе того, что факты

найденные имъ въ Россіи, слинкомъ ясно доказали ему, что общинное владѣніе землею имѣетъ свои выгоды, которыхъ линиена система наслѣдственной поземельной собственности, и что эти выгоды чрезвычайно важны. Онъ судья честный, по взявпійся за дѣло съ предубѣжденіемъ противъ общиннаго владѣнія. Если его предубѣжденіе побѣждено ближайшпмъ изученіемъ дѣла, это конечно приносить большую честь его добросовѣстности, но съ тѣмъ вмѣстѣ доказываетъ и чрезвычайную силу тѣхъ фактовъ, которые представлялись ему при изученіи нанего поземельнаго порядка. Видно, что преимущества этого порядка слинкомъ велики, если ими разсѣяны всѣ соображеніи и сомнѣнія, которыя долженъ имѣть противъ нихъ человекъ, подобно Гакстгаузену, прнвыкпій считать наслѣдственную поземельную собственность необходимою. Послѣ этого общаго едѣлаемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Прежде всего обратимъ вниманіе на слова Гакстгаузена, что порядокъ раздѣла земли въ разныхъ областяхъ и разныхъ общинахъ различенъ. Иначе и не должно быть при чрезвычайномъ разнообразіи въ положеніи различныхъ нашихъ областей. Никто изъ образованныхъ людей въ настоящее время не требуетъ монотоннаго регламентирования: пусть въ каждомъ мѣстѣ люди живутъ и ведутъ свои дѣла такъ, какъ удобнѣе для того мѣста. Важно только то, чтобы общій духъ учреждений былъ одинаковъ во всѣхъ мѣстахъ едишшлеменнаго парода; да и это важно только потому, что самому народу такая общность духа сродна и мила.

Единственнымъ полезнымъ измѣненіемъ въ порядкѣ общиннаго владѣнія Тенгоборскій, какъ мы видѣли, признаетъ постепенное уничтоженіе привычки составлять каждый участокъ изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ клочковъ земли. Гакстгаузенъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самъ народъ уже ввелъ это улучшеніе и уравниваетъ неодинаковость почвы въ разныхъ полосахъ дачи тѣмъ, что объемъ участка увеличивается, или уменьшается, смотря по качеству почвы.

Какъ мнѣніе о томъ, что общиннымъ владѣніемъ предупреждается пролетаріатство, такъ и приговоръ о томъ, что этимъ порядкомъ затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства, Тенгоборскій занялъ у Гакстгаузена. Но онъ не замѣтилъ того пажнаго обстоятельства, что выраженіе „такимъ порядкомъ дѣль очень затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства“ относится у Гакстгаузена только къ одному изъ многихъ способовъ раздѣла общинной земли, именно къ ежегодному передѣлу, или по крайней мѣрѣ къ передѣлу всей общины каждый разъ, какъ только является новый домохозяинъ. „Очень затрудняется“ — эти слова Гакстгаузена вовсе не относятся къ другимъ усовершенствованнымъ способамъ передѣла земель; именно, Гакстгаузенъ прямо противопоставляетъ ежегодному передѣлу, который считаетъ очень затруднительнымъ, передѣлъ на продолжительные сроки, передѣлъ по ревизіямъ, къ которому у Гакстгаузена вовсе не относится эпитетъ „затруднительный“ или „невыгодный“, а напротивъ того, такой способъ признается у Гакстгаузена удобнымъ и выгоднымъ. Вообще Гакстгаузенъ убѣдился, что „здравый, практическій смыслъ“ русскаго народа давно придумалъ мѣры къ отстраненію тѣхъ неудобствъ, канія могутъ представляться передѣлами земли при настоящемъ положеніи земледѣлія въ Россіи. Къ этому можно прибавить, что

если во многих мѣстахъ порядокъ раздѣла не соотвѣтствуетъ еще требованіямъ рациональнаго хозяйства, то конечно этотъ нерациональный порядокъ держится не по невозможности улучшить приложеніе принципа, а потому только, что на практикѣ не сопровождается еще слишкомъ чувствительными неудобствами; когда же эти неудобства сдѣлаются чувствительными для поселянъ, то конечно у поселянъ достанетъ здраваго смысла, чтобы ввести въ свой обычай нужныя видоизмѣненія по примѣру того, какъ они введены уже поселянами тѣхъ мѣстъ, гдѣ оказались нужными.

Какъ человѣкъ практической, Гакстгаузенъ справедливо замѣчаетъ, что если бы общинное владѣніе и дѣйствительно было по теоріи препятствіемъ къ приложенію капиталовъ для возвышенія земледѣльческаго производства по примѣру Западной Европы, то и безъ общиннаго владѣнія такое приложеніе капиталовъ въ дѣйствительности еще не возможно въ Россіи. Потому, говоритъ онъ, въ Россіи пока еще не существуетъ тѣхъ выгодъ ва сторонѣ наследственной поземельной собственности, какія существуютъ нѣ Западной Европѣ; онъ доказываетъ это сравнительнымъ расчетомъ, обнаруживающимъ ничтожность дѣйствительной потери для русскаго хозяйства отъ перенесенія этого хозяйства съ одного участка на другой. Если бы кто нибудь вздумалъ оспаривать расчетъ, сдѣланный Гакстгаузеномъ, какъ слишкомъ низкій, то мы легко могли бы доказать такому недовольному, что пропорція потери, принимаемая Гакстгаузеномъ, не только не ниже, а напротивъ выше дѣйствительныхъ потерь при подобныхъ перемѣнахъ, какъ въ расчетѣ для западно-европейскаго хозяйства, такъ и въ расчетѣ для русскаго хозяйства. Если это можетъ принести удовольствіе „Экономическому Указателю“, мы готовы подробно смѣтою доказать, что Гакстгаузенъ преувеличиваетъ потерю нѣмецкаго хозяина при перенесеніи хозяйства съ одного участка на другой, и готовы представить подобное же доказательство и относительно русскаго хозяйства.

Далѣе встрѣчаемъ мы у Гакстгаузена мудрую и благотворную мысль, съ которой совершенно согласенъ и Тенгоборскій: кто хочетъ успѣховъ нашему сельскому хозяйству, тотъ не долженъ желать никакихъ принудительныхъ измѣненій въ порядкѣ общиннаго владѣнія. Довѣрimsя здравому смыслу нашихъ поселянъ; они сами съумѣютъ ввести въ обычай раздѣла всѣ тѣ улучшенія, какія окажутся нужными при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашего земледѣлія. Менѣе, нежели кто нибудь, расположены мы считать непогрѣшительнымъ кого нибудь, изъ живущихъ на землѣ вообще, или русскаго поселянина въ особенности, но неприлично и несправедливо кажется намъ доходить до другой крайности, въ которую увлекаются очень многіе между нами, такъ называемыми образованными людьми, и воображать, будто поселянинъ (русскій или иностранный, все равно) надѣленъ здравымъ смысломъ въ меньшей степени, нежели мы. Почему знать, — быть можетъ, онъ способенъ такъ же, какъ и мы, понимать свои выгоды и довольно благоразумно вести свои житейскія дѣла? Быть можетъ даже, излишнее наше вмѣшательство въ его дѣла приносить иногда ему больше вреда, нежели выгоды. Если уже мы такъ заботливы о его выгодахъ, то можемъ мы ограничиться только совѣтами, какъ ограничиваемся этимъ средствомъ въ сно-

швнїяхъ другъ съ другомъ. Захочетъ онъ послушать нашего совѣта — хорошо; не послушаетъ—подумаемъ о томъ, хорошо ли былъ нашъ совѣтъ. Для тѣхъ изъ читателей, которые слѣдили постоянно за „Современникомъ“, нѣтъ надобности въ этой оговоркѣ, чтобы увѣриться въ нашемъ образѣ мыслей о подобныхъ предметахъ. Они внаютъ очоь хорошо, что доброе согласіе со стороны человѣка, судьбу котораго надобно улучшить, мы считаемъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы судьба его дѣйствительно улучшалась. Безъ доброй воли и добровольнаго согласія человѣка, невозможно сдѣлать ничего истинно полезнаго для него. Мы почли нужнымъ упомянуть здѣсь объ этомъ нашоь убѣжденіи, только потому, что имѣли слушай слышать отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ нами ученыхъ сомнѣніе относительно того, какими средствами считаемъ мы полезнымъ поддерживать общинное владѣніе, защитниками котораго являемся. Если когда нибудь было употреблено нами объ этомъ предметѣ выраженіе, подававшее поводъ къ какому нибудь сомнѣнію, мы ни мало не постыдимся сказать, что это выраженіе не точно или ошибочно передавало нашу мысль, и если нужно, готовы взять его назадъ. Менѣе, нежели кто нибудь, мы расположены сочувствовать такимъ теорїямъ, которыя не ставятъ всей надежды своей на успѣхъ единственно въ разумномъ и совершенно добровольномъ предварительномъ убѣжденіи тѣхъ людей, польза которыхъ имѣется въ виду.

Но возвращаемся къ разсмотрѣнію отрывка, приведеннаго нами изъ книги Гакстгаузена. Сравнивалъ Германію, въ различныхъ областяхъ которой существуютъ разнообразныя порядки относительно владѣнія зомлю, съ Англіюю, въ которой господствуетъ исключительный принципъ неприкосновенности наслѣдственнаго нераздробимаго владѣнія, и Францію, въ которой господствуетъ также исключительный принципъ неограниченной перепродажи и раздробленія зомли, Гакстгаузенъ находитъ, что разно-образіе, существующее въ Германіи, выгоднѣе для національнаго благосостоянія, нежели исключительность французской и англійской системъ. Мы прибавимъ, что когда безъ нарушенія различныхъ порядковъ владѣнія землею устранятся препятствія, мѣшающія нынѣ уснѣхамъ нашего земледѣлія и не имѣющія им малѣйшей связи съ принципами общиннаго владѣнія землею пли частной поземельной собственности, то положеніе Россіи будетъ еще разнообразнѣе, нежели положеніе Германіи.

Гакстгаузенъ, при своемъ обзорѣии результатовъ, производимыхъ англійскимъ, французскимъ и русскимъ принципами поземельнаго владѣнія, упускаетъ изъ виду это огромное количество земель, состоящихъ у пасъ не въ государственной собственности и не въ общинномъ владѣніи, а въ полной собственности отдѣльныхъ лицъ. Еслибъ опъ не забылъ о нихъ, то, конечно, онъ сказала бы, что для Россіи при сохраненіи общиннаго владѣнія въ настоящихъ его предѣлахъ возможно достигнуть (на сколько то позволяется климатомъ) совершеннѣйшей обработки земли, какая только допускается принципомъ частной собственности. Примѣръ частныхъ собственниковъ, когда они будутъ въ состояніи выгоднымъ образомъ затрачивать капиталы па улучшение своихъ земель, конечно, выведетъ на дорогу искусственнаго улучшения земли и сельскія общины, лишь только эта дорога сдѣлается выгодною.

Дальше Гакстгаузенъ начинаетъ разсуждать о сенсимонизмѣ и такъ называемыхъ коммунистическихъ системахъ. Собственно говоря, намъ не было бы никакого дѣла до этихъ системъ и до мнѣній Гакстгаузена о ихъ значеніи для Западной Европы, если бы чувство самолюбія (конечно, ни мало не похвальное) не побуждало насъ замѣтить „Экономическому Указателю“, что Гакстгаузенъ при этихъ разсужденіяхъ дѣлаетъ ту же самую ошибку, къ которой обнаруживается наклонность и въ „Экономическомъ Указателѣ“. Именно: Гакстгаузенъ воображаетъ, будто бы въ 1847 году, когда была издана его книга, вопросъ о сенсимонизмѣ и тому подобныхъ, мочтахъ все еще оставался современнымъ вопросомъ и будто бы еще находились тогда серьезные люди, державшіеся системы Сень-Симона. Добрякъ не замѣчалъ, что времена этой системы, дѣйствительно мечтательной и неосуществимой, прошли за долго до 1847 года, и что въ этомъ году развѣ какая нибудь невипная старая дѣвушка держалась во Франціи системы Сень-Симона. Эта ошибка со стороны Гакстгаузена довольно груба; но еще страннѣе, что въ 1857 году, то есть десятью годами изднѣе Гакстгаузена, „Экономическій Указатель“ все еще воображаетъ видѣть поредъ собою какихъ-то утопистовъ. Смѣемъ увѣрить его, что такія опасенія столь же приличны нашему вѣку, какъ, напримѣръ, споры противъ какого нибудь Вольтера: люди, подобные Вольтеру и Сень-Симону, давнымъ давно сошли съ историческаго поприща, и безиоконтясь о нихъ совершенно напрасно. Если память насъ не обманываетъ, знаменитый Бастіа, служащій авторитетомъ для „Экономическаго Указателя“, спорилъ противъ людей, которые гораздо удачнѣе его смѣялись надъ сенсимонистскими мечтаніями и которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы мечтателями. Положительный и холодный разчетъ не имѣетъ ничего общаго съ поэтическими грезами.

Мы не привели изъ Гакстгаузена эпизода, относящагося къ сенсимонистамъ: Гакстгаузенъ, по сердечной простотѣ, нерепутываетъ вопросъ о пролетаріатѣ съ сенсимонистскою системою; но мы предупреждаемъ читателей, что въ наше время говорить о сенсимонизмѣ то же самое, что говорить о какой нибудь системѣ физоократовъ или меркантилистовъ; все это дѣла давно минувшихъ дней, дѣла „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“.

Какъ человѣкъ, но слишкомъ-то близко знакомый съ характеромъ современныхъ ему стремленій, Гакстгаузенъ воображалъ, что люди, въ 1847 году грозившіе переноротомъ Западной Европѣ, держались мнѣній Сень-Симона. Это заблужденіе доказываетъ завидную невинность его души. Но, какъ человѣкъ практической, онъ очень вѣрно предугадывалъ въ 1847 году близость страшнаго взрыва со стороны пролетаріевъ Западной Европы; и нельзя не согласиться съ нимъ, что благодѣтеленъ принципъ общиннаго владѣнія, который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства въ сельскомъ населеніи.

Кончивъ наши замѣчанія относительно общаго свода свѣдѣній, представляемыхъ Гакстгаузеномъ о нашемъ общинномъ владѣніи, мы перейдемъ къ другимъ мѣстамъ его книги, поясняющимъ ту или другую подробность въ этомъ общемъ обзорѣ.

Въ каждомъ селѣ, черезъ которое проѣзжалъ Гакстгаузенъ, распраши-

валь онъ о порядкѣ, по какому крестьяне этого села дѣлить между собою участки, и все его сочиненіе наполнено этого рода свѣдѣніями. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы ближе познакомиться съ тѣмъ, каіе порядки должны назваться господствующими въ великорусскихъ областяхъ и какія отступленія встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ. Прежде всего приведемъ мы отрывокъ, объясняющій, при какихъ обстоятельствахъ встрѣчается то надѣленіе излишнею землею зажиточныхъ поселянъ, которое упоминается у Тенгоборскаго, будто бы нормальный фактъ.

„Вечеромъ 17 надъ прѣхали вы въ мѣстечко Великое Село, имѣющее полторы тысячи ревисскихъ душъ или три тысячи жителей обоего пола. Село принадлежитъ семи помѣщикамъ сестрамъ, которыя сами не живутъ въ немъ и берутъ съ своихъ крестьянъ оброкъ; но наложенъ ими этотъ оброкъ не на отдѣльныя тягла, а общею суммою на цѣлое село. Объ общественномъ устройствѣ и раздѣлѣ земли узнали мы слѣдующее: часть жителей приобрѣла посредствомъ хлопчатобумажной фабрикаціи значительное состояніе и ведетъ значительные торговые обороты, другая часть занимается земледѣіемъ, а нѣкоторыя ремеслами. При назначеніи оброка было обращено вниманіе на эти торговныя в фабричныя дѣла я потому наложенъ былъ оброкъ болѣе высокой, нежели какой могло бы платитъ чисто земледѣльческое село. Если бы по обыкновенному способу требовалась равная плата съ каждаго работника, то бѣднѣй было бы чрезвычайно тяжело, между тѣмъ какъ богатые пропорціонально платили бы мало. Сами помѣщики не жили въ селѣ, и потому имъ было трудно наложить на каждаго оброкъ по его состоянію; потому онѣ предпочли наложить круглую сумму на цѣлую общину, и предоставили самой общинѣ разложеніе оброка по семействамъ. Община поступаетъ въ дѣлѣ этого очень оригинальнымъ образомъ. Она разложила всю сумму оброка на землю, раздастъ членамъ своимъ эту землю по не равнымъ участкамъ я заставляетъ болѣе зажиточныхъ людей брать болѣе земли, нежели имъ нужно и нежели пришлось бы кѣхъ при равномъ дѣлѣжѣ. Дѣло въ томъ, что на каждый участокъ приходится болѣе оброка, нежели приноситъ выгоды обрабатываніе этого участка. Тѣ жители, которые не занимаются хлѣбопашествомъ, конечно, ничего не могутъ сами дѣлать съ своей землей и етдають ее настоящимъ земледѣльцамъ за незначительную плату, которая далеко не равняется взносямому за землю оброку. Мы повсюду видимъ власть русской общины и повиновеніе, встрѣчаемое ею у своихъ членовъ, и будемъ имѣть еще много случаевъ познакомиться съ этою особенностію русскихъ селъ“. (Томъ I, стр. 112 и слѣд.).

Въ другомъ мѣстѣ (именно, около города Вологды) Гакстгаузенъ замѣтилъ совершенное нарушеніе общиннаго принципа по какимъ-то мѣстнымъ обстоятельствамъ, оставшимся для него неизвѣстными:

„Вроѣжалъ много полей нѣсколькихъ маленькихъ деревушевъ, замѣтилъ я, чего никогда не впадалъ на поляхъ большихъ деревень, именно: что послѣ каждаго пяти или восьми волось идетъ невспаханная полоса шириною четверти въ три, служащая раздѣломъ между маленькими загонами. Когда я спросилъ о томъ, то услышалъ, что въ этихъ очень маленькихъ деревняхъ не существуетъ ежегодный или временный раздѣлъ полей по общему обычаю, но что поле разъ навсегда раздѣлено и предоставлено каждому дому; и вотъ между этими-то вѣчными участками и проходитъ раздѣльныя полосы. Это почти единственное встрѣченное мною исключеніе изъ обычнаго въ русскомъ народѣ дѣлежа полей и вѣроятно оно основано на каквхъ яибудь непреоборимыхъ причинахъ“. (I, 240).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣсныхъ сѣверныхъ губерній Гакстгаузенъ встрѣтилъ другой примѣръ образованія частной поземельной собственности между поселянами:

„Въ Нвокольскомъ уѣздѣ, который прѣхали мы во всю длину, господствуетъ обычай, о которомъ я не слышалъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ, и на которомъ основны-

вается родъ поземельной собственности, или по крайней мѣрѣ наследственное пользование землею. Общинамъ государственныхъ крестьянъ уступлены въ пользование большіе лѣса, которые по своей обширности далеко превышаютъ ихъ надобность въ строевую матеріалъ и въ топливо. Теперь, если какой нибудь поселянинъ вздумаетъ поселиться въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ, онъ проситъ на то позволенія у общины. Она никогда не отказываетъ ему въ такомъ разрѣшеніи. Но конечно, заселеніе производится не тамъ, гдѣ надобно бы сечь для того строевой, или вообще хорошій лѣсъ, а на такихъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ, или уже вырубленъ, или меловъ. Выжегши себѣ участокъ для поселенія, поселянинъ получаетъ наследственное право пользоваться этимъ участкомъ, и община всегда уважаетъ это право⁴. (I, 262).

Но вообще такіе случаи отступленія отъ кореннаго принципа, порождаемые исключительными мѣстными обстоятельствами, очень рѣдки по замѣчанію Гакстгаузена, такъ что могутъ назваться совершенно ничтожными въ общей массѣ селеній, слѣдующихъ общинному принципу. Каждый разъ, какъ случается ученому наблюдателю упоминать о порядкѣ дѣлежа общинной земли, онъ замѣчаетъ, что раздѣлъ этотъ всегда производится совершенно удовлетворительнымъ для всѣхъ образомъ и никогда не подаетъ причивъ къ раздорамъ; въ примѣръ представимъ слѣдующій отрывокъ, подобныхъ которому можно набрать десятки въ его книгѣ.

„Удѣльное сельцо Дьяконское состоятъ изъ девяти дворовъ или семей съ 24 душами мужскаго пола. Оно имѣетъ 59 десятинъ пахотныхъ полей, 11 десятинъ сѣнокоса и 2 десятины выгона. При каждой домѣ есть садъ, не входящій въ передѣлы. а передѣлъ земли производится при каждой ревизіи, въ случаяхъ же большой прибыли или убыли числа душъ, и раньше. Они это дѣло улаживаютъ промезду собою; а если бы случилось несогласіе, чего впрочемъ еще не бывало на людской памяти, то споръ перешелъ бы на рѣшеніе головы⁴. (I, 303).

Наклонность жителей одного села оставлять въ одномъ общинномъ владѣніи всѣ земли, принадлежащія этому селу, такъ сильна, что даже тогда, когда сами они уже раздѣлены по различнымъ вѣдомствамъ, они оставляютъ, если только то позволяется имъ, свои земли въ одной общей дачѣ, не размежевывая ихъ по различію своихъ вѣдомствъ и своихъ податей,—и пользуются равными участками даже при неравенствѣ въ податяхъ:

„Вторая станція отъ Николаева было Березово, большое село, состоящее изъ удѣльныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ государственныхъ. Первыхъ было въ селѣ 423 души, послѣднихъ 640 душъ. Такое соединеніе часто находится въ здѣшнихъ мѣстахъ, и мы встрѣчали его въ большей части деревень до самаго Саратова. Тутъ государственные и удѣльные крестьяне имѣютъ не двѣ различныя дачи, а образуютъ одну общину и дѣлятъ землю по русскому обычаю по душамъ пли, какъ выразился въ этомъ селѣ старикъ, котораго мы спрашивали, по жеребьямъ изъ одной шапки. А надобно замѣтить, что ихъ подати не одинаковы. Удѣльные крестьяне платятъ 29 руб. 20 коп. асянъ., а государственные только 16 руб. 48 коп.

„Кучумъ, куда мы пріѣхали 29 іюня, также село, состоящее вмѣстѣ изъ удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Удѣльныхъ считается 235, а государственныхъ 121 душа. Тѣ и другіе не имѣютъ двухъ различныхъ дачъ, но образуютъ одну общину⁴. (II, 30).

У Тенгоборскаго мы уже видѣли заимствованный изъ Гакстгаузена примѣръ того, какъ любовь къ равнымъ участкамъ для всѣхъ членовъ общины беретъ верхъ даже надъ совершенною неравномѣрностью взносов, сдѣланныхъ различными семьями для общиннаго дѣла. Вотъ другой примѣръ въ томъ же родѣ:

„Въ слѣдующей гелѣ (въ Зволжскомъ Краѣ) наши мы снова поразительное свидѣтельство силы русскаго общиннаго устройства. Сельцо это, по имени Маянье, принадлежало прежде князю Вяземскому, который переселилъ сюда крестьянъ своихъ изъ Рязанской губерніи въ началѣ нынѣшняго вѣка. За неуплату долга въ Заемный Банкъ, сельцо это назначено было въ продажу, и на аукціонѣ крестьяне откупились за 129.000 рублѣй ассигн. Но вмѣсто того, чтобы навсегда раздѣлить между собою землю въ частную собственность по пропорціи частей, внесенныхъ на выкупъ, поселенные остались при русскоиъ общинномъ дѣлѣжѣ земли по душамъ, и отчасти внесли, отчасти продолжаютъ вносить причитающіяся на каждого выкупныя деньги по душамъ. Я нпшелъ здѣсь еще одну особенность, до сихъ поръ не встрѣчавшуюся мнѣ. Поселяне эти дѣлятъ ежегодно между собою паровое поле, такъ что у каждаго остается одинъ и тотъ же участокъ только въ теченіе двухъ лѣтъ. Отъ такого порядка не даясь бы уже переходъ и къ первобытному славянскому дѣлѣжу, когда каждый годъ дѣлится на полѣ жатва—обычай, еще существующій въ нѣкоторыхъ общинахъ Сербіи и Воевіи. Когда нъ 1827 году откупилось это сельцо, въ немъ было 287 душъ, теперь число ихъ увеличилось до 350 душъ. Какъ зипутались бы чрезъ то права на собственность и степень участія въ платежѣ выкупныхъ денегъ, если бы приложить сюда наши юридическія понятія!“ (II, 33).

Это село лежитъ въ черноземной полосѣ, гдѣ нѣтъ удобренія, потому и трехлѣтній срокъ передѣла не представляетъ неудобствъ. Такъ рязанцы бросили свои рязанскіе продолжительные сроки передѣла, когда переселились на такую землю, гдѣ возможны болѣе частые передѣлы,—любовь къ болѣе точному выполнеію общиннаго принципа, при первой возможности, взяла верхъ надъ старою привычкою, нѣсколько ограничивавшей быстроту въ возстановленіи уравнительности. Такова натура русскаго поселяннина.

Впрочемъ, мы совершенно ошиблись бы, если бы вздумали считать наклонность къ общппному уравнительному владѣнію въ нашихъ поселянахъ какою нибудь таинственною чертою исключительной національной организаціи славяпскаго вообще, или въ частности великорусскаго племени. Дѣло просто въ томъ, что сохраненіе уранительного права на общинный участокъ чрезвычайно выгодно для общаго благосостоянія крестьянъ. Поселяне, чуждые русскому племени, когда видятъ вокругъ себя русскихъ поселянъ, мало по малу убѣждаются въ преимущестнахъ общиннаго владѣнія и принимаютъ его. Въ отрывкѣ, представленномъ нами изъ Тенгоборскаго, читатель видѣлъ, что пѣмецкіе колонисты пъ Саратовской губерніи ввели у себя общинное владѣніе, убѣдившись въ томъ, что оно для благосостоянія цѣлой общины выгоднѣе, нежели принесенный этими колонистами изъ Германіи законъ частной поземельной собственности. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ у Тенгоборскаго, мы прибавимъ, что Гакстгаузенъ прямо указываетъ причину, заставившую иѣмецкихъ колонистовъ предпочесть нашъ порядокъ своему: при наслѣдственной собственности и при правѣ продавать землю, очень многіе изъ нихъ скоро увидѣли себя обѣднѣвшими, и тогда всѣ колонисты, опасаясь каждый для себя или для своихъ дѣтей подобной же участи, приняли русскій обычай, и этотъ обычай козстановилъ въ иѣмецкихъ колоніяхъ цвѣтущее благосостояніе. Далѣе мы увидимъ, что тотъ же обычай, съ тѣми же счастливыми результатами былъ принятъ меннонпстами въ Новороссійскпмъ Краѣ. Въ нѣсколькихъ татарскихъ селахъ, Гакстгаузенъ слышалъ тоже самое. Татары, подобно нѣмцамъ, усвопвають себѣ русскій порядокъ, какъ вы-

годнѣйшій для сохраненія общаго благосостоянія. Въ нѣкоторыхъ селахъ они пользуются нѣкоторою частью своей земли въ видѣ участка общинной собственности по вновь принятому имя русскому обычаю, а другую часть какъ полную частною собственностію по своему прежнему обычаю. Вотъ примѣръ:

„8 іюля прибыли вы въ большое татарское село Муссаливъ, имѣющее 728 душъ. При Петрѣ Великовъ, ихъ предкавъ, въ числѣ 55 взрослыхъ мужчинъ, была отведена земля въ наследственную собственность и наследственно передавалась отъ отца въ сыновьямъ. Потону и неравенство между владѣніями отдѣльныхъ поселянъ чрезвычайно велико. Но кромѣ этихъ наследствъ владѣть деревня еще 1,500 десятинъ, которыя дѣлятся по русскому правилу по душамъ, такъ что приходится около 2 десятинъ на душу. Эта земля досталась вмѣ слѣдующимъ образомъ: рядомъ съ нѣ наследственными землями лежали помѣстья нѣсколькихъ татарскихъ муръ, населенныя русскими крѣпостными крестьянами. Когда изданъ былъ Указъ о томъ, что нехристиане не могутъ владѣть крѣпостными людьми христіанской вѣры, то эти мурзы, не захотѣвъ принять христіанство, должны были лишиться своихъ вѣрбованныхъ людей. По западно-европейскимъ повятіямъ вожво было бы подумать, что мурзы, отпустивъ своихъ крестьянъ, будутъ сами обрабатывать свои земли, нанмая работниковъ, или поселивъ татаръ. Но тутъ оказалась сила идеи, общей всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ въ Россіи: я принадлежу барину, а земля принадлежитъ мнѣ. Крестьяне остались на землѣ, а мурзы должны были вмѣстѣ съ крестьянами оставить и землю. Черезъ сень лѣтъ эти крестьяне были подарены Екаторпиною II генералу Шепелеву, который переселилъ ихъ на другія мѣста, а самъ захватывалъ пастбища, принадлежавшія сосѣдямъ татврамъ. Татары начали съ нимъ процесъ, успѣли оттягать у него 1,500 десятинъ и рѣшили владѣть этою землею по русскому общинному праву, то есть, дѣлить ее по душамъ“. (II, 68).

Кому угодно знать, каковы бываютъ для поселянъ послѣдствія, когда земля поступаетъ къ нимъ въ полную частную собственность, тотъ можетъ видѣть это между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра:

„Рано утромъ 17 іюля прибыли мы въ село Черемушное, которое нынѣ населено большею частью однодворцами. Однодворцевъ этихъ считается 211 душъ въ 40 дворяхъ. Сохранилось у нихъ преданіе, что предки ихъ, лѣтъ сто или двѣсти тому назадъ, переселились сюда изъ Рязанской губерніи въ совершенно пустую страну, и отведенную имъ землю получили въ полную собственность. Тогда было ихъ 27 семей и землю раздѣлили они между собою на вѣчно такъ, что каждой семьѣ пришлось по 60 десятинъ. И такъ, они не приняли русскаго общиннаго принципа; натурально, очень скоро появилось неравенство во владѣніи, значительная часть земли перешла въ чужіи руки отчасти продажей, отчасти за долги, такъ что нынѣ изъ первоначальныхъ 1.620 десятинъ владѣютъ они только 540 десятинами. Остальная земля перешла въ руки сосѣднихъ повѣщиковъ“. (II, 115).

Нѣкоторые воображаютъ, будто-бы введеніе многопольнаго хозяйства задерживается въ Россіи не тѣмъ, что многопольное хозяйство у насъ до сихъ поръ убыточно по обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ общинному или частному владѣнію, а именно будто-бы тѣмъ, что у насъ существуетъ обычай общиннаго владѣнія. Изъ слѣдующаго примѣра могутъ эти люди убѣдиться, что при общинномъ владѣніи можно завести хозяйство насколько угодно полей, лишь - бы только по мѣстнымъ обстоятельствамъ какая нибудь многопольная система оказалась выгоднѣе, нежели трехпольная. „Экономическій Указатель“ изъ этого примѣра убѣдится, какъ напрасны тѣ сомнѣнія, по которымъ онъ воображаетъ отъ простоты души будто-бы при

общинномъ владѣніи невозможно ввести такихъ усовершенствованій, какъ при частной поземельной собственности; онъ увидитъ, что при общинномъ владѣніи возможно не только сохраненіе, но даже разведеніе лѣсовъ; возможно также и искусственное луговоеводство.

„Земледѣліе у Меввонистскихъ колоннетовъ устроено слѣдующимъ образомъ: земля, купленная отдѣльными колоннистами частнымъ образомъ, остается въ совершенно полномъ распоряженіи у этихъ отдѣльныхъ лицъ. Общее количество этой частной собственности составляетъ 48,446 десятинъ. Напротивъ того, отведенная правительствомъ земля въ количествѣ 65 десятинъ на дворъ, всего 68,052 десятины, находится въ общинномъ распоряженіи и подлежитъ общинному порядку. Съ 1838 года правильно устроилось и установилось у колоннистовъ, существовавшее уже и прежде, четырехпольное хозяйство. Изъ 65 десятинъ 25 обращены на хлѣбопашество, и эта часть раздѣляется такъ: три яоля засѣваются хлѣбомъ, одно поле остается подъ паромъ и только шестая часть этого пароваго поля засѣвается картофелемъ. Луга нѣв покоен въ различныхъ деревняхъ различны по величинѣ, и потому на каждый дворъ приходится ихъ отъ 6 до 10 десятинъ. Относительно повосовъ на долю каждого хозяина предоставлено: пользоваться ли ими, какъ лугами, или какъ своими частными пастбищами, или пахать ихъ. Остальная часть территоріи служитъ общимъ пастбищемъ для каждой деревни, при чемъ опредѣлено число скота, которое каждый хозяинъ можетъ выгонять на это общинное пастбище.

„Въ пользовашіи землю господствуетъ у этихъ меннонистовъ большое благоуміе и обдуманность. Они не придерживаются устарѣлой рутинны, но по инвмательномъ испытаніи иногда въ всевозможны улучшения. Когда они прибыли сюда, назадъ тому 40 лѣтъ, во всей странѣ не нашли они ни одного дерева и вмѣсто топлива должны были употреблять солому, камышъ, бурьянъ и князьякъ; въ настоящее время посѣянный и выросшій ими лѣсъ доставляетъ имъ уже часть топлива.

„Они начали даже заводить искусственные луга посредствомъ орошенія,—единственные искусственные луга, какіе видѣлъ я въ Россіи,—въ Россіи, которая, по моему твердому убѣжденію, можетъ сдѣлать искусственнымъ луговоеводство единственный важный шагъ впередъ, къ какому способно ея настоящее сельское хозяйство. Я называю искусственное луговоеводство единственнымъ важнымъ для Россіи улучшеніемъ потому, что только одно оно принесетъ не убытокъ русскому хозяйству, а выгоду“.
(Н, 190).

И такъ, Гакстгаузенъ, обозрѣвшій сотни помѣщичьихъ хозяйствъ, заведенныхъ по праву полной частной собственности, единственный случай серьезнаго улучшенія хозяйства въ Россіи встрѣтилъ въ поселеніяхъ, пользующихся землями по принципу общиннаго владѣнія.

У насъ многіе воображаютъ, что хозяйство на западно-европейскій манеръ будетъ возможно въ Россіи тотчасъ, лишь-бы только уничтожилось общинное владѣніе. Гакстгаузенъ положительнымъ расчетомъ разрушаетъ эту мочту. Разечеть сдѣланъ для Ярославской губерніи, но его легко примѣнить и ко всякой другой губерніи, сообразивъ періодъ отъ запашки яроваго до запашки озимаго хлѣба, — онъ примѣняется совершенно къ цѣлой половинѣ великорусской земли, и съ небольшимъ измѣненіемъ къ большей части изъ остальной половины: едва-ли шестая часть земли, населенной русскимъ племенемъ, пользуется семью мѣсяцами полевыхъ работъ.

„Почва этой губерніи (Ярославской) недостаточно плодородна, урожай считаютъ вообще самъ—З. Конечно, естественное неплодородіе могло бы быть совершенно поправлено увеличеніемъ удобренія и обращеніемъ усиленнѣйшаго труда на обработку земли. Но ничего такого здѣсь не дѣлается. Примѣръ нѣсколькихъ помѣщиковъ, подобныхъ

г. Карновичу, находить мало подражателей между помещиками, а между поселянами почти вовсе не находят. Причина тому, какъ мы уже говорили, очевидна. Промышленность и торговля даютъ здѣсь достаточное вознагражденіе, а земледѣліе не приноситъ достаточныхъ процентовъ на затраченные для него капиталы. Впрочемъ вообще нельзя судить о адѣшнихъ отношеніяхъ по тому масштабу, въ которому мы привыкли въ земляхъ, лежащихъ далѣе на югъ и на западъ, но Франціи, Англіи и средней Германіи.

„Въ адѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ, земледѣліе требуетъ гораздо большей траты человѣческихъ и животныхъ рабочихъ силъ, и потому приноситъ менѣе чистаго дохода, нежели въ странахъ Западной Европы. Важнѣйшая часть земледѣлія—запашка и уборка лѣтнаго поля, въ Западной Европѣ распределяется на періодъ времени, гораздо болѣе значительный; слѣдовательно обходится значительно дешвле, нежели здѣсь. Эти работы, въпримѣръ, около Орлеана, около Майнца, при Дунаѣ, раздѣляются на семь мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ здѣсь, по причинѣ короткости лѣта, должны быть исполнены только въ четыре мѣсяца. И такъ то, что я могу тамъ сдѣлать на полѣ равной величины и равнаго плодородія работою четырехъ человекъ и четырехъ лошадей, на то мнѣ нужно здѣсь семь человекъ и семь лошадей. Если бы я имѣлъ около Майнца помѣстье въ 1000 моргеновъ запашки в луговъ, то для обработки его мнѣ понадобилось бы четыре пары лошадей, восемь работниковъ и шесть работницъ, кромѣ того понадобилось бы еще принимать временныхъ рабочихъ на полторы тысячи дней. Нямъ и содержаніе всѣхъ этихъ людей и рабочаго скота стоили бы мнѣ около 3,500 талеровъ. Помѣстье приносило бы мнѣ валоваго дохода около 8,500 талеровъ, а за вычетомъ расходовъ оставалось бы мнѣ чистаго дохода около 5000 талеровъ. Но еслибы помѣстье такой же величины и съ землею такого же качества лежало на сѣверѣ отъ Вогна, то, предполагая даже равенство въ цѣнности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и во всѣхъ другихъ условіяхъ, уже только по причинѣ климата понадобилось бы мнѣ двѣ обработки этого помѣстья семь паръ лошадей, четырнадцать работниковъ, десять работницъ и 2,100 дней работы временныхъ ваемщиковъ, и потому чистый доходъ поступилъ бы въѣсто 5000 талеровъ только до 2,600 талеровъ. Бовечво, еслибы на ту пору, когда нѣтъ олевыихъ работъ, нивъ удавалось бы освободиться отъ рабочаго скота и содержащихъ работниковъ, то издержки уравнились бы, оттого что все равно, содержать ли четыре пары лошадей втеченіе семи мѣсяцевъ или семь паръ лошадей втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Потому, еслибы можно было продавать рабочій скотъ и отпускать работниковъ близъ Майнца на пять мѣсяцевъ, а близъ Ярославля на восемь мѣсяцевъ, то доходъ въ обѣихъ мѣстностяхъ былъ бы одинаковъ. Но это очень трудно и для одного какго-нибудь хозяйства, а для сельско-хозяйственныхъ отношеній цѣлой страны рѣшительно невозможно. А при этой невозможности, условія Майнцакаго помѣстья оказываются несравненно выгоднѣйшими, нежели Ярославскаго помѣстья. На одномъ я томъ же пространствѣ земли, Майнцское помѣстье втеченіе зими должно прокормить только $\frac{4}{7}$ того числа работниковъ и скота, какое должно прокормить Ярославское помѣстье; Майнцское помѣстье должно кормить ихъ только пять мѣсяцевъ, а Ярославское восемь. Но кромѣ того: Майнцское помѣстье можетъ во время зими занять ихъ несравненно большимъ количествомъ разныхъ полезныхъ для хозяйства и слѣдовательно въ результатѣ доходныхъ работъ, нежели Ярославское. Зима около Майнца не такъ сурова, не такъ постоянна, чтобы покрывать землю непроницаемымъ замерзлымъ слоемъ и снѣгомъ. Прокармливаемые работниковъ и скотъ можно употреблять на велческія работы: они будутъ возить навозъ, мергель, известъ на поля для удобрения, не считая того, что привозить дрова и лѣсъ на цѣлый годъ и отвозить на рынокъ продукты; въ тѣ дни, когда земля не мерзнетъ, они будутъ заниматься различными полевыми работами: проводить канавы, орошать луга. Словомъ сказать, всё пять зимнихъ мѣсяцевъ, люди и скотъ будутъ заняты сельско-хозяйственными работами, и окажется, что развѣ только двѣ лошади и одинъ работникъ могли бы быть отпущены изъ хозяйства. Но и того не окажется нужнымъ. Въ странѣ очень населенной они всегда найдутъ себѣ работу, такъ что, строго говоря, хозяйство помѣстья, находящагося около Майнца, зимою не терпятъ

никакой потери отъ недостатка занятій:—совершенно иначе оказывается это отношеніе для Ярославскаго помѣстья; тутъ на цѣлую зиму не находится никакого сельско-хозяйственнаго занятія, кромѣ ѣзды за дровами и отвоза продуктовъ на рынокъ, а эти работы можно бы исполнить всѣ одною паркою лошадей и однимъ работникомъ. И такъ, зима продолжается цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, и я даромъ кормлю почти вдвое большее число рабочихъ в скота. Если мы примемъ еще въ расчетъ сравнительно вѣзкія цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, отдаленность рынковъ, малую населенность страны, и потому высоту наемной платы, наконецъ то, что французскія и нѣмецкія лошади гораздо сильнѣе и переносливѣе въ работѣ, также, что русскіхъ работниковъ нельзя сравнить съ нѣмецкими, то очевидно будетъ, что всѣми этими невыгодными условіями будетъ поглощена наибольшая часть даже и того чистаго дохода, который вычисленъ выше. А прятать мы еще принимали, что Ярославское помѣстье имѣетъ столь же плодородную землю, какъ найнцскія равнины: но найнцскія равнины родить хлѣбъ самъ—6 и сямъ—7, а ярославская земля даетъ едва самъ—3.

„Изъ этого воображаемаго расчета очень ясно можно видѣть, что еслибы кому нибудь предлагали въ Ярославль помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ занялъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ и по такому же порядку, какъ въ Завидной Европѣ, то онъ долженъ былъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не получилъ бы отъ такого хозяйства не только никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительныхъ убыткахъ“. (I, 178).

И такъ, вовсе не общинное владѣніе служитъ препятствіемъ къ заведенію въ Россіи такихъ хозяйствъ, какія существуютъ въ Западной Европѣ: причина тутъ совершенно другая. Сольское хозяйство доставляетъ въ Россіи слишкомъ мало чистаго дохода. Впрочемъ, мы вовсе по думаемъ, чтобы Гакстгаузенъ имѣлъ основаніе дѣлать изъ приведеннаго нами расчета тотъ выводъ, какой онъ дѣлаетъ на слѣдующихъ страницахъ, — будто-бы въ Ярославской губерніи невозможно хозяйство съ наемными работниками. Намъ кажется, что Тенгоборскій совершенно напрасно принимаетъ это мнѣніе Гакстгаузона, который самъ опровергаетъ себя въ одной изъ слѣдующихъ главъ, представляя примѣры успѣшнаго хозяйства, основаннаго на наймѣ работниковъ, въ климатѣ гораздо болѣе суровомъ, нежели въ Ярославской губерніи, именно въ Вологодской губерніи:

„Въ деревнѣ Ворониной (говоритъ Гакстгаузенъ) должны мы были остановиться на нѣсколько часовъ для починки экипажа. Намъ попросилъ къ себѣ богатъ изъ тамошнихъ жителей, Григорій Квапнинъ: онъ былъ человекъ умный, и охотно давалъ намъ подробные отвѣты на наши вопросы. Въ дачѣ этой деревни часть земли принадлежитъ общинѣ, или вѣрнѣе сказать, государству; и по русскому обычаю она дѣлится по числу душъ въ семьѣ между членами общины. Другая гораздо большая часть земли, лежащая, впрочемъ, разбросанными участками между общинною землею, была издавна въ наследственной собственности, то-есть, принадлежала первоначально дворянамъ и горожанамъ сосѣднихъ городовъ, и хозяева раздавали ее жителямъ деревни на нравахъ половниковъ. Дѣдъ нашего хозяина обрабатывалъ большую часть этой земли, какъ колонникъ, и разбогатѣлъ тѣмъ. Онъ перѣхалъ въ Устюгъ, вписался тамъ въ купцы и приобрѣлъ тѣмъ право владѣть наследственною землею. Воспользовавшись этимъ правомъ, онъ въ 1811 году купилъ ту землю, которую обрабатывалъ какъ половникъ, и послѣ него перешла она по наследству къ его дѣтямъ, а отъ нихъ ко внучатамъ. Нашъ хозяинъ имѣлъ въ своей собственности восьмую часть всей этой земли и, кромѣ того, бралъ въ наймы еще нѣкоторые участки. Теперь онъ могъ бы выйти изъ своей общины и былъ бы тогда, какъ говорится у насъ въ Западной Европѣ, неявнымъ, самостоятельнымъ владѣльцемъ. Но въ Россіи, каждый, кто не дворянинъ, млн, лучше сказать, кто не чиновникъ и не духовный, долженъ принадлежать къ ка-

кой нвбу.ь общинѣ, иначе онъ не имѣть прочнаго положенія въ обществѣ. Потому нашъ хозяинъ остался членомъ своей общины, дѣлая для того даже немаловажнымъ оожертвовація. Почему такъ, ни не могли понять, онъ же хотѣлъ объясниться; но довольно того, что онъ взялъ ва себя платежъ оброка за восемь душъ н, стало быть, имѣть бы право требовать отъ общины восемь подушныхъ участковъ; но отъ нихъ онъ отказался и обработывалъ только свою наслѣдственную землю. У него большое хозяйство. Обработываемая имъ земля равняется третей части всей общинной земли. У него восемь наемныхъ работниковъ, изъ которыхъ четыре остаются на цѣлый годъ, а другіе четыре только на лѣто, получая, кромѣ пищи, пятьдесятъ рублей ассигнаціями н одеждою. А годовые работники получаютъ, кромѣ пищи, семьдесятъ пять рублей ассигнаціями. Эти цѣны немногимъ выше, нежели у насъ въ Вестфалии. Такое хозяйство было мнѣ очень интересно, потому что въ немъ встрѣтился мнѣ первый примѣръ лѣтнепашества, производимаго наемными работниками. Притомъ хозяинъ же былъ какой нибудь агрономъ, а просто умный мужикъ. Надобно еще сказать, что съ такимъ порядкомъ въ хозяйствѣ былъ овъ не одинокимъ исключеніемъ, а напротивъ, существовало въ тѣхъ мѣстахъ много хозяйствъ, устроенныхъ на томъ же основаніи, какъ у него, и вообще они, какъ меня увѣряли, находились въ такомъ же пѣвѣтущемъ положеніи, какъ и хозяйство, нами осмотрѣнное“. (I, стр. 260).

Если можетъ приносить выгоду въ Вологодской губерніи воздѣлываніе земли посредствомъ наемныхъ работниковъ, то еще гораздо возможно должно быть оно въ провинціяхъ, лежащихъ на югъ отъ Вологды, какъ напримѣръ, въ Ярославль. Гакстгаузенъ очевидно увлекся своею темою и преувеличилъ затруднительность хозяйства наемными силами въ нашемъ климатѣ. Впрочемъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что наша продолжительная зима оставляетъ слишкомъ много празднаго времени въ году поселянину, который занимался бы исключительно только земледѣльческими работами; но выводъ изъ этого долженъ быть вовсе не таковъ, какъ дѣлаетъ Гакстгаузенъ, вовсе не признаніе неизбѣжности того отношенія, въ какомъ нынѣ находятся работники къ землевладѣльцу, — этимъ отношеніемъ только безплодно уменьшается рабочая сила. Напротивъ, есть очень логікій выходъ изъ климатическаго неудобства, которое кажется столь ужаснымъ Гакстгаузену; наши поселяне давно нашли этотъ выходъ, употребляя зиму на какія нибудь другія занятія и промыслы, кромѣ земледѣльчоекныхъ работъ. Краткость лѣта и продолжительность зимы служатъ причиною, что въ нашемъ климатѣ одно и то же семейство должно быть и земледѣльцемъ, и промышленнымъ. Лѣтомъ, когда земледѣльческія работы требуютъ какъ можно больше рукъ, каждый членъ общины становится земледѣльцемъ; зимою, когда сельское хозяйство не доставляетъ никакой работы, каждый поселанинъ можетъ имѣть домашнее занятіе въ какомъ нибудь ремеслѣ или вообще промышленномъ производствѣ. Такимъ образомъ постоянно всѣ руки будутъ заняты, и зима будетъ временемъ, столь-же иронзводительнымъ, какъ и лѣто. Несмотря на всѣ несовершенства нашего экономическаго быта, въ немъ уже замѣтень этотъ порядокъ соединенія работъ, свойственный нашему климату и отвращающій невзгоды, наносимыя намъ продолжительностью пашой зимы. Вещь извѣстная, что у насъ очень сильна въ народѣ склонность соединять въ себѣ земледѣльческія занятія съ какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ фактѣ, слишкомъ хорошо знакомомъ каждому читателю, — вѣроятно, даже и „Экономическому Указателю“. Замѣтимъ только,

что въ сельскихъ промыслахъ обнаруживается чрезвычайно сильная склонность нашего народа къ общинному производству: у насъ есть цѣлыя деревни ткачей, колесниковъ, гончаровъ, швецовъ, кузнецовъ и т. д. Этотъ предметъ чуждъ цѣли нашей статьи, потому, не останавливаясь на немъ, изъ множества мѣстъ, относящихся къ нему у Гакстауэна, мы приводимъ только одно.

„Въ Западной Европѣ (говоритъ Гакстауэнъ) есть обычай у поселянъ оставлять на время родину и уходить въ другія области большею частью для какого нибудь извѣстнаго опредѣленнаго ремесла; такъ, напримѣръ, авдалуцы приходятъ быть водоносами въ Мадридъ, такъ оверцы и савояры приходятъ въ Парижъ. Но всѣ они занимаются въ такихъ случаяхъ какими нибудь исключительными ремеслами, не собственными другинъ областямъ. При томъ же и число такихъ людей не велико. Но чтобы люди, занимающіеся самими обыкновенными, повсюду обычными промыслами, какъ напримѣръ плотники, каменщики, портные, толпами отправлялись странствовать, этого не случается въ Западной Европѣ“.

„Странствующій русскій промышленникъ даже вовсе не ограничивается въ своихъ средствахъ снискивать хлѣбъ однимъ какимъ нибудь промысломъ, онъ знаетъ всѣ промыслы, по крайней мѣрѣ много промысловъ, пробуетъ тотъ, другой, третій и останавливается наконецъ на томъ, который обѣщаетъ ему больше удачи. Въ Западной Европѣ встрѣчаются отдѣльные люди, которые, какъ говорится, пускаются бродить по свѣту, отыскивая своего счастья. Но въ Западной Европѣ такіе люди составляютъ рѣдкое исключеніе, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи такой образъ жизни составляетъ какъ бы общее правило. Болѣе нежели восьмая часть населеніи Ярославской губерніи странствуютъ подобнымъ образомъ по всѣмъ дорогамъ государства. Вѣсколко лѣтъ тому назадъ такихъ людей считалось въ Ярославской губерніи отъ 120 до 130,000. Многіе изъ нихъ, конечно, возвращаются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или черезъ годъ, побывать на родинѣ, но многіе остаются на чужой сторонѣ по нѣскольکو лѣтъ а даже на всю жизнь, хотя и продолжаютъ числиться въ своихъ общинахъ. Къ послѣднему классу принадлежатъ навѣрное болѣе 50,000 человекъ въ Ярославской губерціи“.

„Эти странствующіе люди, когда занимаются извѣстнымъ ремесломъ, напримѣръ плотничествомъ, или каменной работой, собираясь въ большихъ городахъ, образуютъ ремесленные артели. Способнѣйшіе изъ нихъ принимаются за подряды по своему дѣлу. Если, напримѣръ, въ Петербургѣ нужно мнѣ построить домъ, хотя бы очень большой, то я иду себѣ подрядчика, показываю ему свои планы, торгуюсь съ нимъ, наконецъ онъ беретъ на себя постройку за извѣстную сумму. Потомъ онъ идетъ къ своимъ товарищамъ, объясняетъ имъ дѣло и уговаривается съ ними объ участіи въ выгодахъ. Потомъ онъ отправляется одвѣ, если подрядъ не слишкомъ великъ, или съ нѣсколькими товарищами, на родину и ищетъ тамъ нужныхъ ему денегъ, потому что часть договорной платы получаетъ онъ отъ строителя дома только по исполненіи части работъ. Его земляки на родинѣ, также участвующіе въ выгодахъ его предпріятій, удивительно скоро собираютъ для него деньги. Все это дѣлается на слово и не слышно, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко слышно объ обманахъ въ подобныхъ случаяхъ.—Русскихъ упреваютъ за недобросовѣстность въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ; но надобно сказать, что есть извѣстные дѣла и случаи, въ которыхъ они никогда не обманываютъ в соблюдаютъ честность самымъ строжайшимъ образомъ.—Подрядчики есть и въ Западной Европѣ, во тамъ подрядчики—люди изъ высшаго или по крайней мѣрѣ изъ богатаго сословія и nota bene, въ Западной Европѣ подрядчикъ исключительно самъ пользуется выгодой отъ предпріятія, а работникамъ своимъ даетъ только поденную или поштучную плату. А въ Россіи, напротивъ того, подрядчики необразованные простолюдины, едва умѣющие читать и писать, но одаренные техническимъ талантомъ, и отъ предпріятія выгодами пользуется не одвѣ подрядчикъ, а честно дѣлится съ работниками своей артели“ (I, 204).

Мы, какъ сказали, не будемъ останавливаться на этихъ фактахъ. Впрочемъ, если кому нибудь непонятенъ смыслъ ихъ, напримѣръ, если

„Экономическій Указатель“ пожелаетъ узнать его, то мы съ удовольствіемъ готовы будемъ объяснить, почему правъ Гакстгаузенъ, называя русскій народъ чрезвычайно расположеннымъ къ общинному порядку экономическаго производства. Теперь-же мы возвратимся опять-таки къ главному предмету нашихъ извлеченій, къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, и замѣтимъ, что въ совершенш ихъ Гакстгаузенъ находитъ у насъ болѣе сильный общинный духъ, нежели у западныхъ поселянъ.

„При полевыхъ работахъ (говоритъ онъ) соблюдается почти военный порядокъ. Въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ часъ всѣ выѣты отправляются пхать, боронить и т. п., въ одинъ и тотъ же часъ возвращаются всѣ съ поля. Это дѣлается не по какому иябудь распоряженію, но по приказанію старостъ или старшинъ—нѣтъ, это дѣлается само собою. Русское стремленіе къ общинной дѣятельности, могущество общиннаго порядка во всемъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе“. (I, 157).

Этотъ общинный духъ мы вовсе не расположены считать какимъ-нибудь таинственнымъ качествомъ, исключительно свойственнымъ славянской или великорусской натурѣ. Мы просто полагаемъ, что вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, на долго задержавшихъ Россію въ состояніи, близкомъ къ патріархальному быту, онъ сохранился у насъ довольно неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ давно исчезъ изъ обычаевъ тѣхъ племенъ Западной Европы, которыя болѣе нашего участвовали въ историческомъ движеніи. Итакъ, сохраненіе его у насъ есть слѣдствіе невыгодныхъ обстоятельствъ нашего историческаго развитія. Но какъ самыя хорошія вещи имѣютъ свою дурную сторону, такъ и самыя дурныя вещи свою хорошую. Наша историческая неподвижность послужила источникомъ многихъ бѣдствій и въ нашемъ прошедшемъ и отчасти въ настоящемъ; она причина нашей малой образованности, нашей бѣдности, нашей лѣни и т. д. Но среди всѣхъ этихъ пагубныхъ слѣдствій нашей неподвижности, есть также нѣчто иное, и прежде бывшее не безполезнымъ, но при настоящемъ развитіи экономическаго движенія въ Западной Европѣ,—движенія, въ которомъ начинаемъ принимать участіе и мы, становящееся чрезвычайно важнымъ и полезнымъ. Экономическое движеніе въ Западной Европѣ породило страданія пролетаріата. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что эти страданія будутъ исцѣлены, что эта болѣзнь „не къ смерти, а къ здоровью“, но переносить настоящія свои страданія для Западной Европы все-таки тяжело, и врачеваше этихъ страданій требуетъ долгаго времени и великихъ усилій. У насъ, принимающихъ нынѣ участіе въ экономическомъ движеніи Европы, сохранилось противоядіе отъ болѣзни, соединенной съ этимъ движеніемъ на Западѣ, и мы поступили-бы очень нерасчетливо, если-бы по нелюбви къ патріархальности вздумали отступить отъ него въ такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригоднымъ для предохраненія насъ отъ страданій, видимыхъ нами на Западѣ.

До сихъ поръ мы говорили только о томъ способѣ общиннаго владѣнія поземельною собственностью, при которомъ земля раздѣляется на участки, обрабатываемые каждымъ хозяйствомъ совершенно независимо отъ другихъ хозяйствъ. Есть другой способъ пользованія землею, свойственный временамъ еще болѣе первобытнымъ, — именно самое воздѣлываше земли можетъ производиться общиннымъ порядкомъ безъ раздробленія на отдѣльные участки.

Древность сельско-хозяйственных форм нашего быта такова, что в некоторых местностях, например в глубинах лесов северных губерний, существуют общины, воздвигающая землю по этому способу; он так противоположен всему нынешнему западно-европейскому порядку дѣла, что уже из одного любопытства стоит ознакомиться съ ним поближе, чтобы убѣдиться, какъ далеко дѣйствительность превосходить самую, повидимому, невозможную выдумку воображенія чрезвычайной странности своихъ явленій. Вѣроятно не всѣмъ нашимъ читателямъ коротко извѣстно сельско-хозяйственное устройство Уральскихъ казаковъ, и мы думаемъ, что тѣ, которымъ оно не было близко знакомо, не безъ любопытства прочтутъ слѣдующее извлеченіе изъ книги Гакстаузена:

„Я уже замѣчалъ (говоритъ Гакстаузенъ), что въ северныхъ лесахъ Россіи есть еще земледѣльческія общины съ общиннымъ полемъ, безъ раздѣла на участки. Но есть даже цѣлыя огромныя области, въ которыхъ наибольшая часть земли не раздѣлена даже между отдѣльными сельскими общинами, а остается въ общинномъ владѣніи, въ нераздѣльномъ пользованіи цѣлаго населенія всей области, составляющаго одну общину. Мы хотимъ здѣсь поближе рассмотреть одну изъ такихъ огромныхъ областныхъ общинъ и выбираемъ для этого изображеніе устройство Уральскихъ казаковъ, такого племени, у котораго, по всей вѣроятности, старый русскій характеръ и старыя русскіе обычаи сохранились въ наибольшей свѣжести и здравости.

„Община Уральскихъ Казаковъ“.

„Уральскіе казаки, происходящіе, конечно, отъ великорусскаго племени, живутъ вдоль по рѣкѣ Уралу, по границѣ Киргизской степи. Они поселены по правому берегу Урала въ защиту отъ Киргизскихъ ордъ. Только въ двухъ мѣстахъ имѣютъ они нѣсколько селеній и на лѣвонъ берегу. Линія, населенная ими, начинается верстахъ въ 50 отъ Оренбурга и идетъ болѣе чѣмъ на 700 верстъ до устья Урала. Они живутъ въ станицахъ, то есть въ селахъ, имѣющихъ отъ 100 до 200 домовъ, и лежащихъ верстахъ въ 15 или 20 одно отъ другаго. Рѣка течетъ по необозримой степи, почва которой совершенно безплодный солончакъ. Только низменно ти по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Уралъ, и въ особенности самого Урала, имѣютъ почву плодородную, болшую частью луговую. Земледѣіемъ казаки занимаются мало, нынѣ Уральска не занимаются вовсе, а нынѣ Уральска только мѣстами. Живутъ они преимущественно скотоводствомъ и рыболовствомъ. Первоначально поселились они на этихъ мѣстахъ совершенно добровольно. Первыми изъ нихъ были пришельцы съ Дона, къ которымъ потомъ присоединилось много бѣглыхъ стрѣльцовъ. Сначала, вполне организовались они сами собою и только въ послѣдствіи правительство придало имъ большее единство нѣкоторыми постааовленіями. Народъ они здоровый, красивый, живой, дѣльный, послушливый, храбрый, добродушный, гостепріимный, неутомимый и умный. По своему общественному порядку, нравамъ и образу жизни, представляются они намъ истинной старинной Русью. Оправлять службу должны они были бы всѣ поочередно, но зажиточные между ними нанимаютъ вмѣсто себя другихъ на службу, и правительство мудро рѣшило вовсе не вмешиваться въ эти дѣла, такъ что отношенія эти развиваются сами собою натурально и безъ обремененія. Потому всѣ приказанія плутъ къ цѣлой общинѣ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, и оттого никакая инлиция не выступаетъ въ походъ съ такою быстротою и въ такомъ волномъ составѣ, какъ эти казаки. Мужскаго населенія у нихъ 24 или 25 тысячъ душъ, изъ того числа, служащихъ казаковъ, отъ 18 до 55 лѣтъ, насчитывается 10 или 12 тысячъ. Въ 1837 году изъ этихъ послѣднихъ оставалось дома всего около 3,300 человекъ, остальные были на службѣ. Внезапно потребовалось снарядить четыре полка, каждый изъ 550 человекъ, стало быть должны были выступить въ походъ двѣ-третьи изъ оставшихся въ той области взрослыхъ мужчинъ. Черезъ три недѣли они были уже всѣ совершенно снаряжены къ походу, на сборномъ мѣстѣ въ Уральскѣ. Изъ общины въ

общину приходило приназначіе собираться въ Уральскъ. Выѣзжалъ войсковой старшина къ толпѣ народа и кричалъ, держа надъ шапкой царскій указъ: „Атаманы, вѣлно вамъ идти въ походъ и выставить четыре полка“; потомъ овъ снималъ шапку, читалъ нѣтъ указъ и говорилъ, нуда имъ идти и гдѣ собраться. Тѣмъ и кончалось все дѣло со стороны начальства. Тутъ же на площади собирается въ такихъ случаяхъ большая часть людей, годныхъ къ службѣ. Обыкновенно, сходятся они по семьямъ. Если сказано: отъ семья или отъ пята человекъ надобно идти одному, ближайшіе родные совѣщаются, кому нѣтъ нѣтъ удобнѣе или кому больше охоты идти въ походъ; остальные даютъ ему плату, снаряжаютъ его, содержатъ его семейство; если овъ пьяница, то деньги даютъ не ему, а его семьѣ; наемная цѣна повышается и понижается, смотря по обстоятельствамъ. Если снаряжается небольшая партія, то каждый, идущій въ походъ за другихъ, получаетъ много, потому что овъ снаряжается въ походъ многими. Иной разъ, восемь или десять человекъ снаряжаютъ одного, и тогда каждому легко дать сто, двѣсти рублей ассигнаціями. Дѣло происходитъ такимъ порядкомъ: одинъ говоритъ: „я даю двѣсти рублей, чтобы ве идти“, другой говоритъ: „я даю триста“, третій: „я триста пятьдесятъ“; такъ они торгуются, пока одинъ скажетъ: „ну, столько я не могу дать, я пойду“; тогда овъ получаетъ отъ остальныхъ плату, которую согласились они внести, чтобы остаться дома.

„Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, въ 1837 году, взявъ трехъ человекъ должны были идти въ походъ двое. Плата была отъ 900 до 2,000 рублей, и она дѣлилась между обоими, идущими въ походъ. На четвертый день послѣ прочтенія указа, всѣ казаки сошлись опять на площади Уральска. Для каждаго изъ четырехъ полковъ было отведено особое мѣсто, на немъ стояли офицеры этого полка. Туда подходили договаривающіяся партіи. Тотъ, который оставался дома, подводилъ двухъ идущихъ, говорилъ, на какой цѣнѣ они поладили; они хлопали по рукамъ, офицеръ разнималъ руки, и договоръ былъ заключенъ и имѣлъ законную силу. Затѣмъ всѣ шли по домамъ, и черезъ четырнадцать дней полки собирались совершенно готовые къ бою. И что это за дивное войско! Каждый пошелъ съ охотой, съ радостью, потому что овъ пошелъ по своей волѣ и получалъ выгоду. Семья его обезпечена, овъ хорошо вооруженъ и экипированъ, а правительству все вооруженіе ве стоитъ ни гроша. Лучше такого порядка ничего быть не можетъ. И отъ души поохоталъ я, когда, воротившись въ Пруссію, слышалъ отъ нашихъ плацъ-парадныхъ педантовъ мнѣше, что лучше было бы ввести больше порядка въ эти сборы. Скоро дождались бы вы тогда полковъ и хорошо были бы они вооружены!

„Вся область уральскихъ казаковъ составляетъ одну общину и въ хозяйственномъ, и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи; центръ этой общины—Уральскъ; глава ея—атаманъ. Отдѣльныя села—станции—вовсе ве имѣютъ отдѣльнаго общиннаго хозяйства, но вся казачья община имѣетъ одно общее хозяйство.

„Хозяйственныя отношенія этихъ казаковъ чрезвычайно замѣчательны. Основаніемъ всякаго права на владѣніе служить та же самая русская семья, о которой мы столько разъ говорили, ея развитіе—община и общее владѣніе, ей принадлежащее. Потому здѣсь нѣтъ никакого частнаго поземельнаго владѣнія, а на пространствѣ 700 и 800 верстъ, все составляетъ общее достояніе 50,000 человекъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи преимущественно сѣнокосъ. Не только отдѣльные казаки не имѣютъ отдѣльныхъ владѣній, но и села нѣтъ не имѣютъ отдѣльныхъ луговъ; а всѣ луга остаются искони въ общемъ владѣніи цѣлой великой казачьей общины. Покосъ состоитъ въ надзорѣ атамана, его помощниковъ и станичныхъ офицеровъ.

„Атаманъ назначаетъ день, когда долженъ начаться покосъ, большею частію 1 іюня. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть значительные луга, присутствуетъ офицеръ, какъ надзиратель. Каждый служащій казакъ идетъ, куда хочетъ, и выбираетъ себѣ мѣсто, которое хочетъ косить и траву котораго овъ хочетъ себѣ присвоить. Въ ночь наканунѣ этого дня они всѣ уже на своихъ мѣстахъ. Съ восходомъ солнца офицеръ даетъ эвакъ, и каждый начинаетъ косить свое мѣсто. Но въ тотъ день овъ косить только кругъ около этого мѣста, *обкашиваетъ*, какъ это у нихъ называется. Что лежитъ внутри круга, становится черезъ это обкашиваніе его собственностію. Овъ можетъ потомъ на слѣдующіе дни спокойно выкашивать все въ этомъ кругѣ при помощи своей семьи.

Много расчета и споренки нужно, чтобы взять кругъ въ настоящую мѣру. Если казакъ разойдется слишкомъ широко, то сосѣдніе косцы вкостятъ въ ту сторону круга, которую онъ не успѣлъ еще обкосить. И такъ задача въ томъ, чтобы обкосить возможно большій кругъ и въ концѣ придти прямо къ началу его. Онъ работаетъ съ немовѣрнымъ напряженіемъ силъ; одна отрывается отъ работы, чтобы выпить глотокъ воды. потому что къ закату солнца дѣло уже кончается, и каждый долженъ взять во владѣніе свой участокъ обкоскою его. До 1 іюня никто не можетъ выкосить ни малѣйшаго мѣстечка въ лугахъ, ни у кого даже не дозаяа быть навязана ча ручку коса: иначе, онъ лишается своего участка въ покосѣ.

„И рыболовство дѣлается по такимъ же правиламъ. Оно распределено по извѣстнымъ временамъ: на зиму, на весну, на осевь. Кто осмѣлится прежде поймать хотя одну рыбу, тотъ также лишается на годъ своей части. Зимомъ назначается атаманомъ день рыболовства, и начало ему дѣлается въ 8 верстахъ отъ Уральска. Тамъ собираются за-ночь накануне всѣ служащіе казаки, каждый съ длиннымъ багромъ и пешнею: у каждаго есть лошадь и сани подъ присмотромъ кого-нибудь изъ семьи, но этотъ погонщикъ не смѣетъ участвовать въ самой ловлѣ. Казаки стоятъ у берега, каждый уже выбралъ себѣ мѣсто и ждетъ знака. Раньше, чѣмъ данъ знакъ, никто не смѣетъ ступить на ледъ, иначе теряетъ на день право ловли. Дается сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, и въ тотъ мигъ все бросается стремглавъ на рѣку, каждый отыскиваетъ свое мѣсто, пробиваетъ пешнею прорубь и бьетъ багромъ рыбу. Она лежитъ нъ рѣкѣ такъ плотно, что въ хорошемъ мѣстѣ каждый ударъ бываетъ удаченъ. Семья казака, оставаясь на берегу, перетаскиваетъ пойманную рыбу на сани, помогаетъ ему сколько можетъ, но на ледъ ходитъ только служащій казакъ. Послѣ того каждый день въ продолженіе трехъ недѣль спускаются все ниже и ниже по рѣкѣ, на 400 и 500 верстъ, продолжая ловлю въ такую же порядкѣ. Лѣтняя и осенняя ловля продолжается каждая по шести недѣль на лодкахъ и начинается также по сигналу.

„На замѣчанія, какія слышались и въ Пруссіи, относительно этихъ оригинальныхъ обычаевъ, столь рѣзко противопоставившихъ нашимъ западнымъ европейскимъ, я долженъ сказать, что правительство русское справедливо соблюдаетъ величайшую осторожность, не измѣняя ничего этого устройства. Если бы въ угодность прусскимъ педантамъ начать вводить у Уральскихъ казаковъ порядокъ службы, свойственный регулярнымъ войскамъ, напримѣръ: отменить добровольное соглашеніе о томъ, кому идти въ походъ, и тому подобное, этимъ было бы начато жесточайшее притѣвленіе и совершенное разрушеніе естественныхъ отношеній ихъ быта. Если бы въ угодность прусскія педантамъ начать вводить другіе гражданскіе обычаи, напримѣръ: раздѣлить навсегда поля по отдѣльнымъ общинамъ, или по отдѣльнымъ людемъ, педантически организовать рыбную ловлю и тому подобное, то этимъ совершенно было бы убитъ превосходный общій духъ и все несравненное на своемъ мѣстѣ устройство цѣлой области. Тогда пришлось бы имѣть состоящихъ на жаловань чиновниковъ, открылось бы широкое поле злоупотребленіямъ, притѣвленіямъ взяточничеству, между тѣмъ, какъ теперь управленіе легко, чрезвычайно дешево и не вовлекаетъ ни въ какія запутанности, и при этомъ никакое племя не приноситъ правительству такъ много пользы и услугъ, какъ племя и область уральскихъ казаковъ: потому-то и примѣню къ нимъ я нъ заключеніе извѣстный афоризмъ: „Sicut ut sunt: aut non sunt“—пусть будетъ, какъ есть, или ничего не будетъ“. (III, 152.)

Тутъ опять необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній, отчасти для предупрежденія недоразумѣній относительно нашего взгляда на воици, отчасти для объясненія истиннаго смысла подробностей, представляемыхъ разсказами Галетгаузена.

Прежде всего скажемъ, что мы не считаемъ устройства Уральской области идеаломъ человѣческихъ обществъ и нимало не намѣрены обращаться французомъ или немцемъ въ уральскихъ казаковъ пусть себѣ живутъ, какъ хотятъ—они сами лучше насъ могутъ знать, какъ имъ лучше жить. Мы даже не отрицаемъ и тѣмъ, что жители Орловской или Курской губерній, предки

которых вѣроятно хозяйничали на манеръ Уральскихъ казаковъ, бросили этотъ способъ хозяйства, — показалось имъ, что лучше бросить его, — ну, и прекрасно: вѣроятно, они сами знали, что для нихъ лучше. Мы только хотимъ показать, что при различныхъ обстоятельствахъ условія экономическія бываютъ очень различны, и что не годится никому изъ насъ говорить съ высоты своего величія: „это невозможно; это мечта!“ — Мы хотимъ также показать, что обычаи, бесполезные или даже вредные при однихъ обстоятельствахъ, могутъ быть выгодными при другихъ.

Вотъ, напримѣръ, если уральцы доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ до того времени, когда введены будутъ въ хлѣбопашество машины, подобныя по силѣ своего дѣйствія ткацкимъ машинамъ (какъ введены уже машины подобнаго рода для молотбы хлѣба и для обращенія зерна въ муку, — „Экономическій Указатель“ вѣроятно не будетъ отрицать ни молотилокъ, ни водяныхъ мельницъ), — когда будутъ введены подобныя очень сильные машины для хлѣбопашества, то уральцы будутъ тогда очень рады, что сохранилось у нихъ устройство, допускающее употребленіе такихъ машинъ, требующихъ хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, на сотняхъ десятинъ. Въ настоящее время приносить имъ, быть можетъ, не очень много положительной пользы то, что они не дѣлятъ землю на участки, а тогда окажется очень выгоднымъ для нихъ то обстоятельство, что они не приобрѣли обычая, препятствующаго во Франціи соединенію мелкихъ земледѣльцевъ для общинной обработки земли, которая во Франціи уже оказывается очень выгодною, но не вводится потому, что французы приобрѣли очень сильную привычку къ другому способу пользованія землею, — способу, въ свое время бывшему очень выгоднымъ, а въ настоящее время оказывающемуся менѣе выгоднымъ, нежели заведеніе большихъ хозяйствъ. Но тутъ мы все разсуждаемъ, только для примѣра, о томъ, какъ будутъ думать Уральскіе казаки въ будущее время, которое еще неизвѣстно, когда придетъ (хотя успѣхи механики и технологии несомнѣнно доказываютъ, что такое время придетъ) — до слишкомъ отдаленнаго будущаго времени намъ нѣтъ дѣла: наши пра-пра-пра-внуки вѣроятно съумѣютъ прожить на свѣтѣ и своимъ умомъ, безъ нашихъ заботъ — довольно будетъ того, если мы станемъ заботиться о себѣ и своихъ дѣтихъ, — обратимся же отъ этого предположенія о будущемъ Уральскихъ казаковъ, имѣющаго цѣлью только пояснить, какъ съ измѣненіемъ обстоятельствъ могутъ мѣняться потребности, полезное можетъ дѣлаться вреднымъ, бесполезное полезнымъ, — обратимся отъ этого предположенія о будущемъ къ настоящему, и настоящему не однихъ Уральскихъ казаковъ, а всего русскаго населенія.

Было время, когда общинное владѣніе могло казаться по предстанляющимъ особенныхъ выгодъ, какъ теперь представляется не имѣющимъ особенныхъ выгодъ обычай уральскихъ казаковъ не дѣлить землю на участки. Но какъ могутъ прийти обстоятельства, когда этотъ обычай уральскихъ казаковъ сдѣлается выгоднымъ для ихъ благосостоянія, такъ уже пришли обстоятельства, въ которыхъ общинное владѣніе оказывается очень выгоднымъ для благосостоянія русскаго народа. Эти обстоятельства, какъ мы уже много разъ говорили, заключаются въ характерѣ, принимаемомъ экономическимъ

развитіемъ. Въ Западной Европѣ уже оказалось, что если при новѣйшемъ развитіи силы капитала вся земля, принадлежащая націи, обращена въ частную собственность, переходящую изъ рукъ въ руки по закону безграничной конкуренціи капиталовъ, то большинство земледѣльцевъ превращается въ пролетаріевъ, то есть, переставая имѣть собственное хозяйство, дѣлается сословіемъ батраковъ, выходъ изъ котораго чрезвычайно труденъ даже для отдѣльныхъ лицъ, не только для цѣлаго сословія.

Но возвратимся къ Уральскимъ казакамъ. Не для этой параллели ихъ обычая не дѣлать землю съ общимъ обычаемъ другихъ областей дѣлать землю, привели мы эпизодъ о нихъ—нѣтъ, главная цѣль наша была выставить на видъ другое обстоятельство. Не сельско-хозяйственными обычаями уральцевъ мы восхищаемся — эти обычан сами по себѣ не кажутся намъ ни вредными, ни особенно благотворными въ настоящее время, благотворность ихъ еще въ отдаленномъ будущемъ, о которомъ не намъ заботиться, а нашимъ потомкамъ,—нѣтъ, есть другая сторона въ томъ порядкѣ жизни, изъ котораго возникли ихъ сельско-хозяйственные обычан, и эта сторона справедливо очаровываетъ Гакстгаузена. Мы говоримъ о мудрой системѣ, которой держится наше правительство относительно ихъ, предоставляя домашній дѣла ихъ собственной заботѣ: „пусть себѣ сами улаживаются, какъ имъ удобнѣе“, говоритъ наше правительство, и мы просимъ читателя обратить вниманіе на блистательные, поразительные результаты, производимые этою мудрою системою нашего правительства: какъ дешево обходится правительству управленіе уральскими казаками по такой системѣ! Какъ быстро и исправно исполняютъ они при этой системѣ обязанности, которыхъ невозможно было бы исполнить ни при какой другой системѣ!

Мудрость правительства есть великое счастье и для народа и для самого правительства.

Выше мы говорили только о благотворности общиннаго владѣнія землею, котораго потребность ощущается въ настоящее время повсюду въ Россіи чрезвычайно сильнымъ образомъ: ни вчерашнимъ, ни завтрашнимъ измѣнъ сѣть не будешь: мы заботимся о настоящихъ потребностяхъ, а не о томъ, что было нужно триста лѣтъ тому назадъ, или будетъ нужно черезъ триста лѣтъ впередъ. Потому мы ничего не говорили о общинномъ союзѣ для производства работъ, потребность котораго, конечно, со временемъ будетъ чрезвычайно сильна въ Россіи, какъ теперь уже чрезвычайно сильна въ Западной Европѣ. Теперь эта потребность чувствуется въ Россіи еще не повсюду: но общинный духъ, сохранившійся у насъ благодаря общинному владѣнію землею, такъ свѣжъ и силенъ, что общинное производство работъ, это дѣло столь трудно исполнимое на Западѣ, у насъ безъ всякихъ хлопотъ дѣлается тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда становится нужно. Вотъ примѣръ изъ Гакстгаузена:

„Пашутъ здѣсь (въ селѣ Падовкѣ, изъ заволжской части Саратовской, нынѣ въ Самарской губерніи) тяжелымъ плугомъ, въ который запрягаются большою частію вола, двѣ или три пары; а когда подвигается нивъ, то пять паръ. Естественно, не въ каждомъ хозяйствѣ есть десять воловъ, потому крестьяне пашутъ сообща, и плужные вола считаются, такъ сказать, общинной собственностью цѣлой деревни, такъ что равно

должны пахать ва всѣхъ. Прежде деревня имѣла 24 плуга съ полною упряжью и 240 воловъ. Неурожая уменьшили число скота, и нынѣ остается только 100 воловъ“.

(II, 23).

Неистощимую, вѣчно живую и свѣжую почву всѣхъ возможныхъ улучшеній представляетъ наше общинное владѣнiе землею; неистощимый запасъ національнаго благосостоянiя и государственнаго процвѣтанiя находится въ немъ. Одно только нужно, чтобы началось для нашего царства время невиданнаго на землѣ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ такомъ стройномъ порядкѣ общаго благоденствiя великой Державы и всѣхъ дѣтой ея: нужно только одно то, чего желалъ нѣкогда Шторхъ, о чемъ говорилъ онъ нѣкогда своимъ Державнымъ Воспитанникамъ: да идетъ наша держава по пути экономическихъ улучшенiй *), и да совершитъ Александръ II дѣло, начатое Александромъ I и Николаемъ I.

Заключимъ наши извлеченiя изъ Гакстгаузена тѣми размышленiями, которыми заключаетъ онъ свой трактатъ о сельскохозяйственныхъ учрежденiяхъ Россiи.

„Русское общинное устройство, описанное нами выше, безконечно важно для Россiи, особенно въ настоящее время, въ государственномъ отношенiи. Всѣ западно-европейскiя государства страдаютъ одвою болѣзью, исцѣленiе которой доеелъ остается неразрѣшимою задачею—они страдаютъ пауеризмомъ-пролетарiатствомъ. Россiя не знаетъ этого бѣдствiя; ова предохраняется отъ него своимъ общиннымъ устройствомъ. Каждый русскiй имѣетъ и родную землю и право на участокъ ея. И если самъ онъ лично откажется отъ этого участка, или потеряетъ его, то за дѣтьми его остается право въ качествѣ членовъ общины самостоятельно требовать себѣ участка. Принципъ такого устройства одинаковъ по всей Россiи, потому что онъ самъ собою, безъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ развился изъ основнаго характера русской нации. Я выражу слабо свою мысль, если скажу, что считаю не болѣе, какъ опаснымъ дѣломъ всякую попытку разрушить или хотя бы измѣнить въ чемъ нибудь существенномъ этотъ принципъ. Государственное достоинство русскаго поземельнаго принципа до такой степени превосходить своею важноюю всѣ его невыгоды, что никакимъ образомъ невозможно и сравнивать съ ними этого преимущества. При тонъ я думаю, что невыгодныя слѣдствiя этого принципа могутъ быть устранены многими способами, ве касаясь самого принципа. Напримѣръ, они могли бы быть, вѣроятно, устранены тѣмъ, если бы употреблено было вниманiе на то, чтобы возстановить, особенно въ маленькихъ общинахъ, или посредствомъ раздѣленiя большихъ общинъ на маленькiе союзы, первобытный способъ, чрезъ уничтоженiе дѣлежа земля и возстановленiе общаго труда при хлѣбопашествѣ. Я считаю это возмознымъ у народа, столь привыкшаго слѣдовать духу общинной власти. Что при такомъ общемъ воздѣльванiи земля хлѣбопашество можетъ быть производимо гораздо лучше и раціональнѣе, и что никто не потеритъ обиды отъ того, когда раздѣлъ земли замѣнился бы раздѣломъ жатвы на полѣ, кажется мнѣ несомнѣнно“ (**). (III, 151).

*) Storch, Russland unter Alexander I. Томъ 5-й, XIV книжка, стр. 90.

**) Это мнѣнiе Гакстгаузена, человекъ далекаго отъ всякой мечтательности и всѣми силами души ненавидящаго то, что называетъ онъ коммунистическими бреднями, такъ важно, что мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь подлинныя слова его, чтобы никто не могъ предположить, что мы хоти сколько нибудь умывали ихъ точный и опредѣлительный смыслъ: „Auch glaube ich, dass man die nachtheiligen Folgen noch auf mehrere andere Weisen aufleben oder modifizieren könnte, ohne jenes Princip zu zerstören, z. B. vielleicht eben dadurch, dass man den ursprünglichen Zustand namentlich bei kleinen Gemeinden, oder Abtheilungen grösserer wieder herzustellen, suchte, nämlich durch Aufhebung der Landtheilungen und Wiederherstellung des gemeinsamen Ackerbaues. Ich halte dies bei einem Volke für möglich, das

Но это послѣднее улучшеніе—дѣло будущаго. Нынѣ лежатъ на насъ другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣненія, которыя необходимо должны произойти вслѣдствіе начинающагося участія нашей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны произойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, были предоставлены собственному разуму въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ.

— — — — —

so gewöhnt ist der Autorität zu folgen. Dass bei einem solchen gemeinsamen Ackerbau derselbe viel besser und rationeller betrieben werden könnte und dass Niemand dabei leiden würde, wenn statt der Theilung des Landes eine Theilung der Ernte auf dem Felde einträte, scheint mir nicht zweifelhaft.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Юнь 1857.

„О распространеніи знаній въ Россіи“, Ламанскаго.— „L'ancien régime“, Ток-виля и „De l'avenir politique de L'Angleterre“, Монталамбера. — „Физиологія общества“, Безобразова.—Объ учрежденіи въ Петербургѣ общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

По поводу статьи г. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“, мы получили нѣсколько писемъ отъ нашихъ читателей. Всѣ отдаютъ полную справедливость прекрасной основной мысли г. Ламанскаго и выражаютъ сочувствіе къ дѣлу, необходимость и великую пользу котораго онъ доказываетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ дѣлаются, болѣе или менѣе основательныя, замѣчанія о подробностяхъ проекта, составленнаго г. Ламанскимъ, который, сообразивъ эти мысли съ замѣчаніями, выраженными въ журналахъ, намѣренъ сказать свое мнѣніе о томъ, какія изъ предлагаемыхъ дополненій его проекта кажутся ему дѣйствительно полезными и возможными. А между тѣмъ мы печатаемъ одно изъ присланныхъ намъ писемъ.

Сказавъ въ началѣ, что дѣло, указываемое г. Ламанскимъ, чрезвычайно важно и благотворно, авторъ письма продолжаетъ:

„Г. Ламанскій не коснулся тѣхъ отношеній, въ которыя, для пользы литературы, Общество Распространенія Знаній должно поставить себя къ изданіямъ, предпринимаемымъ частными людьми, — конечно, онъ не говорилъ объ этихъ отношеніяхъ потому только, что считалъ ихъ слишкомъ ясными. Но, вѣроятно, полезно было бы съ самаго начала опредѣлить ихъ положительнымъ образомъ.

„Если устроится Общество Распространенія Знаній, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его будетъ гораздо обширнѣе, а средства его гораздо значительнѣе, нежели средства и дѣятельность частныхъ лицъ, занимающихся нынѣ изданіемъ книгъ въ томъ родѣ, какія будетъ издавать Общество. Если бы оно при своихъ дѣйствіяхъ не обращало вниманія на предпріятія частныхъ людей, то конечно могло бы своимъ соперничествомъ ослабить ихъ дѣятельность. А частная предпримчивость по литературному дѣлу до сихъ поръ еще такъ слаба у насъ, что легко повредить ей. И такъ какъ дѣя-

тельность Общества не может избѣгать соприкосновеній съ частными изданіями, то и необходимо для пользы литературы, чтобы со стороны сильнѣйшаго дѣятеля, каково Общество, эти соприкосновенія были оживлены духомъ всевозможной готовности помогать и содѣйствовать,—только въ такомъ случаѣ дѣятельностью Общества не ослабится, а усилится и ободрится частная предпримчивость и охота къ труду.

„Нельзя сказать, что у насъ слишкомъ мало людей, желающихъ трудиться или уже трудящихся надъ переводами ученыхъ или популярныхъ иностранныхъ сочиненій, или надъ оригинальными сочиненіями по разнымъ отраслямъ науки: г. Ламанскій справедливо указываетъ на то, что много трудовъ въ этомъ родѣ совершается гораздо болѣе, нежели издается: по недостатку ередствъ къ изданію у автора, или по недостатку предпримчивыхъ издателей, гораздо болѣе такихъ трудовъ бесплодно остается въ рукописи, нежели появляется въ печати. Изъ людей, трудящихся такимъ образомъ, многіе бываютъ готовы даже безъ всякаго вознагражденія отдать свою рукопись издателю, лишь бы только принести публикѣ пользу своимъ трудомъ, но и на такомъ слишкомъ выгодномъ для издателя условіи часто не находятъ издателя. Частная предпримчивость у насъ слишкомъ робка, по недостатку увѣренности въ томъ, что распродажю изданія окупятся издержки печати.

„Общество должно отвратить это препятствіе, принимая на себя или обезпеченіе распродажи извѣстнаго количества экземпляровъ тѣхъ частныхъ изданій, которыя найдетъ полезными для публики, или даже услуги па издательству.

„Конечно, многіе изъ писателей найдутъ удобнѣйшимъ для себя или трудиться по порученію Общества, или прямо уступать ему свои рукописи за приличное вознагражденіе. Но многіе, вѣроятно, предпочтутъ сами быть издателями своихъ переводовъ или сочиненій—и Общество должно оказывать имъ всевозможную помощь.

„Изданіе рукописи авторомъ, переводчикомъ или книгопродавцемъ обыкновенно затрудняется сомнѣніями въ томъ, будутъ ли въ скоромъ времени покрыты издержки печатанія распродажю книги—Общество должно въ этомъ случаѣ принимать на себя такое обезпеченіе. Нужно только, чтобы книга, предполагаемая къ изданію, была полезна, а писатель или книгопродавецъ, желающій напечатать ее, внушалъ Обществу довѣріе, что удовлетворительнымъ образомъ исполнитъ предпріятіе, за которое берется. Удостовериться въ первомъ очень легко—программа книги уже достаточно обнаруживаетъ, какой пользы можно ожидать отъ книги; во второмъ удостовериться можно также легко: имя писателя, пользующагося извѣстностью дѣльнаго человѣка по тому предмету, за который онъ берется, и извѣстность книгопродавца, какъ издателя частнаго и аккуратнаго, уже достаточно обезпечиваетъ Общество.

„И такъ, когда какой либо писатель или переводчикъ, обладающій, по общему мнѣнію публики, качествами, нужными для удовлетворительности предпринимаемаго имъ полезнаго труда, объявляетъ Обществу, что желаетъ предпринять такой-то трудъ, если Общество возьметъ у него извѣстное чи-

сло экземпляровъ издаваемой имъ книги, — Общество со всею готовностью приметъ на себя это обязательство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло, во своей особенной полезности, заслуживаетъ особеннаго одобренія, Общество можетъ даже впередъ выдавать заимообразно писателю или переводчику часть суммы, нужной для напечатанія книги, или принимать на себя передъ типографикомъ обязательство въ уплатѣ этой суммы по напечатаніи книги.

„Можетъ быть отношеніе еще болѣе тѣсное. Только для людей, живущихъ въ столицахъ, да п то для немногихъ, только уже привыкшихъ имѣть сношенія съ типографіями и книгопродавцами, удобно бываетъ печатать книгу на свой счетъ. Люди, живущіе въ провинціяхъ, вовсе лишены удобства сами заняться изданіемъ своихъ книгъ. Общество можетъ принимать на себя эту обязанность.

„Въ томъ и другомъ случаѣ, беретъ ли на себя Общество извѣстное число экземпляровъ книги, издаваемой частнымъ лицомъ, или беретъ на себя самое изданіе книги, авторъ или переводчикъ которой желаетъ удержать за собою полную собственность на это изданіе; — въ томъ и другомъ случаѣ условія, на которыхъ Общество оказываетъ содѣйствіе этому частному предпріятію, должны быть таковы, чтобы человѣку, пользующемуся содѣйствіемъ Общества, вполнѣ предоставлялись всѣ тѣ выгоды, какія можетъ принести изданіе; Общество въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ въ виду единственно содѣйствіе развитію литературы и не ищетъ въ нихъ никакой денежной прибыли для себя, такъ что при своихъ расчетахъ не полагаетъ даже никакого процента на затрачиваемый капиталъ. При покупкѣ экземпляровъ оно уплачиваетъ автору или переводчику ту самую цѣну, по которой должна продаваться его книга (то есть не беретъ такъ называемыхъ книгопродавческихъ процентовъ за комиссію); при выдачѣ заимообразно денегъ на напечатаніе книги, принимаетъ уплату по произволу автора или деньгами безъ всякихъ процентовъ, или экземплярами изданной книги по продажной ихъ цѣнѣ; наконецъ, при напечатаніи книги на счетъ Общества, Общество полагаетъ тѣ самыя цѣны, какія авторъ долженъ былъ бы заплатить въ типографію, если бы печаталъ книгу не въ долгъ, а на наличныя деньги.

„Конечно, слѣдуя такому принципу, Общество терпитъ нѣкоторый убытокъ (отчасти на расходы по веденію того дѣла, въ которомъ становится посредникомъ, отчасти на процентахъ съ затрачиваемаго капитала); но эти убытки незначительны: они по приблизительному разчисленію не могутъ простираться и до 5 процентовъ съ употребленныхъ Обществомъ на эти дѣла суммъ. Такая незначительная потеря въ общемъ движеніи суммъ Общества покрывается выгодами, которыя приноситъ ему собственныя его изданія, и въ тысячу разъ вознаграждается тою пользою, какую приноситъ это совершенно безкорыстное участіе въ частныхъ предпріятіяхъ развитію литературы, ободряя и вызывая частную предпримчивость.

„Такъ какъ экземпляры принимаются Обществомъ по ихъ продажной цѣнѣ безъ всякихъ процентовъ за комиссію, то автору не приноситъ ни малѣйшаго стѣсненія единственное условіе, которое нужно для возвращенія Обществу денегъ, выданныхъ въ заемъ или заплаченныхъ въ типографію, именно то условіе, что экземпляры, купленные или взятыя въ уплату долга

Обществомъ, первые поступаютъ въ продажу, и экземпляры, остающіеся у автора, поступаютъ въ продажу уже тогда, когда распроданы экземпляры, взятые Обществомъ. Это условіе, принимаемое основаніемъ всякой продажи значительнаго числа экземпляровъ при сдѣлкахъ между авторомъ и частнымъ книгопродавцемъ, не будетъ служить ни малѣйшимъ стѣсненіемъ, а, напротивъ, будетъ приносить прямую выгоду автору, потому что Общество беретъ у него экземпляры безъ вычета процентовъ и, слѣдовательно, платитъ ему дороже, нежели книгопродавцы.

„Но какъ велики суммы, нужныя Обществу для такого содѣйствія частнымъ предпріятіямъ?— Публикѣ вообще мало извѣстны цѣны, которыхъ стоитъ самое изданіе книги, и многіе, быть можетъ, вообразить, что нособіе изданію частныхъ трудовъ потребуеетъ слинкомъ большихъ затратъ со стороны Общества. Изъ слѣдующаго приблизительнаго расчета можно видѣть, что капиталъ, достаточный для очень сильнаго содѣйствія издательству книгъ частными лицами, вовсе не такъ значителенъ, какъ можетъ казаться людямъ, незнакомымъ съ типографскими цѣнами. Вотъ приблизительная смѣта расходовъ на изданіе одного тома въ 25 печатныхъ листовъ (400 страницъ) въ форматѣ „Отечественныхъ Записокъ“, „Русскаго Вѣстника“ или „Современника“, по петербургскимъ цѣнамъ, въ количествѣ А) 1,200 экземпляровъ, В) 2,400 экземпляровъ и С) 9,600 экземпляровъ.

А) *Изданіе въ 1,200 экземпляровъ.*

1) Наборъ и печатаніе по 12 руб. за листъ . . .	300 р.—к.
2) Бумага по 3 руб. за стопу (эта бумага достоинствомъ своимъ близка къ бумагѣ, на которой печатаются журналы), всего 62 ¹ / ₂ стопы	187 „ 50 „
3) Чтеніе корректуры по 1 руб. за листъ .	25 „ — „
4) Обертка для 1,200 экз. около .	7 „ 50 „
5) Бронюровка по 2 ¹ / ₂ коп. .	30 „ — „
	—
Итого .	550 р.—к.

В) *Изданіе въ 2,400 экземпляровъ.*

1) Наборъ и печатаніе по 16 руб. за листъ.	400 р.
2) Бумага 125 стопъ. . .	375 „
3) Чтеніе корректуры.	25 „
4) Обертка. .	10 „
5) Бронюровка .	60 „
	—
Итого.	870 „

С) *Изданіе въ 9,600 экземпляровъ.*

1) Наборъ и печатаніе по 35 р. .	875 р.
2) Бумага 500 стопъ .	1,500 „

3) Чтеніе корректуры.	25 р.
4) Обертка.	33 „
5) Брошюровка.	192 „

Итого .	2,625 р.

„Московскія цѣны нѣсколько дешевле петербургскихъ.

„Въ числѣ 2,400 экземпляровъ печатаются уже только такія ввиги, которыя, какъ говорится, расходятся очень сильно; издаше въ 9,600 экземпляровъ дѣлаются только для учебныхъ книгъ, принимаемыхъ не только въ гимназій, но и въ уѣздныя училища, или для книгъ въ родѣ „Сельскаго чтенія“. Ни Гоголь, ни Пушкинъ, не издавались въ такомъ числѣ экземпляровъ, тѣмъ менѣе достигала его какая нибудь ученая книга. И такъ, предположивъ, что Общество издастъ или дастъ деньги на изданіе въ теченіе года 50 томовъ по 400 страницъ (или большаго числа книгъ меньшаго объема), мы должны считать, что изъ нихъ развѣ 13 нужно будетъ печатать въ 2,400 экземплярахъ и развѣ 2 въ 9,600 экземплярахъ, а остальные 35 не понадобится на первый разъ издавать болѣе, нежели въ 1,200 экземплярахъ, и общая сумма расходовъ будетъ такова:

1) 35 томовъ въ 1,200 экземпляровъ.	19,250 р.
2) 13 томовъ въ 2,400 экземпляровъ.	11,310 „
3) 2 тома въ 9,600 экземпляровъ.	5,250 „

Итого .	35,810 р.

„Предположивъ, что уплата денегъ со стороны Общества потребуетъ въ прпорціи двухъ третей этой суммы, и что Общество будетъ дѣйствовать на половину наличными деньгами а на половину кредитомъ, мы увидимъ, что содѣйствовать изданію 50 томовъ, довольно толстыхъ и большаго формата, Общество можетъ, употребивъ отъ 12 до 13 тысячъ рублей, которые возвратятся ему втеченіе того же года съ потерей никакъ не болѣе 5⁰/₁₀, т. е. 650 руб.

„Если форматъ книги менѣе журнальнаго (какъ обыкновенно бываетъ), расходы изданія конечно менѣе.

„Но для такой операціи необходимо, чтобы книги, издаваемые Обществомъ, имѣли быстрый и вѣрный расходъ. Да и вообще польза, приносимая Обществомъ, зависитъ не только отъ количества и достоинства издаваемыхъ имъ книгъ, но также и отъ быстрого и обширнаго ихъ распространенія въ публикѣ. Каждый знакомый съ положеніемъ нашей книжной торговли очень хорошо знаетъ, что въ настоящее время тѣ средства, которыми она располагаетъ, ни мало не соотвѣтствуютъ обширности нашего государства и распредѣленію по его пространству людей, читающихъ или желающихъ читать. Только столицы и очень немногіе изъ другихъ губернскихъ городовъ имѣютъ въ настоящее время такіе книжные магазины, въ которыхъ мѣстные жители могли бы безъ замедленія видѣть и покупать вповъ выходящія порядочныя книги. Жители всѣхъ остальныхъ провинцій принуждены съ большими издержками и съ большимъ промедленіемъ выпи-

сывать для себя книги изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ; потому, число книгъ, расходящихся въ провинціи, далеко не соотвѣтствуетъ числу людей, которые охотно стали бы покупать книги, еслибъ имѣли ихъ подъ руками. Судя по пропорціи, какая замѣчается между числомъ экземпляровъ журналовъ, получаемыхъ въ столицахъ, и тѣмъ числомъ, какое расходуется по провинціямъ, надобно считать, что болѣе нежели двѣ трети людей, для которыхъ чтеніе стало уже потребностію, живутъ въ провинціяхъ. Но пропорція книгъ, расходящихся по провинціямъ, гораздо менѣе, нежели двѣ трети всего числа продаваемыхъ книгъ, — конечно потому, что для жителей провинцій затруднительно знакомиться съ новыми книгами и покупать ихъ.

„Г. К. Аксаковъ въ замѣчаніяхъ на статью г. Ламанскаго говоритъ: „Если дѣло пойдетъ, — чего надобно ожидать, то количество членовъ будетъ огромно и распространено по всей Россіи. Въ такомъ случаѣ, какъ будутъ рѣшать они о достоинствѣ сочиненій? — Съѣзжаться для этого будутъ невозможно, а между тѣмъ, члены, находящіеся внѣ Москвы, могутъ имѣть и желаніе и право рѣшать о достоинствѣ сочиненій. Итакъ, намъ кажется всего лучшимъ, чтобы въ каждомъ русскомъ городѣ, гдѣ только будутъ находиться члены, они могли назначать отъ себя выборнаго, одного или двухъ (безъ ограниченія числа), избраннаго изъ ихъ среды, или изъ людей, находящихся въ Москвѣ“. Въ этихъ словахъ несомнѣнно то, что если образуется Общество распространенія Знаній, то дѣйствительно въ каждомъ губернскомъ и въ каждомъ значительномъ уѣздномъ городѣ будетъ находиться по нѣскольку членовъ или даже по нѣскольку десятковъ членовъ Общества. При каждомъ изъ такихъ отдѣловъ очень легко будетъ устроить агентство для продажи книгъ, издаваемыхъ и купленныхъ Обществомъ. Расходовъ по повлечетъ это за собою никакихъ (кромѣ транспортныхъ расходовъ), потому что между торговыми людьми въ каждомъ городѣ можно найти честнаго и вмѣстѣ расчетливаго человѣка, который сообразитъ, что помѣстить въ своей лавкѣ никакъ съ книгами будетъ для него выгодно. Само собою разумѣется, что Общество, имѣя одною изъ прямыхъ своихъ цѣлей всяческое содѣйствіе развитію книжной торговли, съ готовностію сдѣлаетъ своимъ агентомъ cadaго, кто уже имѣетъ или найдетъ возможнымъ имѣть книжную лавку въ провинціальномъ городѣ. И конечно, этимъ покровительствомъ значительно облегчится появленіе книжныхъ лавокъ въ такихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ не представлялось къ тому выгоды.

„Считая 60 губернскихъ и областныхъ и кромѣ того 40 значительныхъ уѣздныхъ городовъ, мы получимъ 100 такихъ пунктовъ, гдѣ будетъ производиться по провинціямъ продажа книгъ, которыми располагаетъ Общество. Полагая среднимъ числомъ расходъ по 5 экземпляровъ въ каждомъ изъ такихъ агентствъ или магазиновъ втеченіе года, мы получимъ, что Общество будетъ имѣть въ провинціяхъ вѣрный сбытъ до 500 экземпляровъ каждой изданной или продаваемой имъ книги. Конечно, въ иѣкоторыхъ агентствахъ продажа будетъ менѣе принимаемой нами средней цифры, по за то въ 30 или 40 значительныхъ провинціальныхъ городахъ, имѣющихъ болѣе 20,000 жителей, продажа будетъ въ пять и болѣе разъ значительнѣе принимаемой нами цифры. Полагая для столицъ расходъ въ половину

противъ сбыта въ провинціяхъ, мы найдемъ, что Общество можетъ навѣрное разсчитывать на распродажу втеченіе года 750 экземпляровъ каждой изданной или прибрѣтенной имъ книги. Эта цифра есть *minimum* распродажи. Даже и въ настоящее время, при всей недостаточности средствъ нашей книжной торговли, продажа 1000 экземпляровъ втеченіе года не считается продажей сильною. При увеличеніи же удобствъ къ прибрѣтенію книгъ для жителей провинцій, такая распродажа конечно будетъ относиться только къ кянкамъ наименѣе интереснымъ для большинства публики; а каждая книга, имѣющая хотя сколько нибудь общаго интереса, будетъ расходиться менѣе, нежели въ годъ, въ количествѣ болѣе значительномъ.

„Положимъ теперь, что Общество будетъ помогать изданію книгъ, значенныхъ въ продажу по цѣпѣ самой умѣренной, именно: за томъ оригинальнаго сочиненія въ 25 листовъ журнальнаго формата (или 30 листовъ—480 страницъ—обыкновеннаго книжнаго формата въ 8-ую долю листа)—1 руб. 50 коп. сер., а за переводный томъ такой же величины—1 руб. сер. Въ такомъ случаѣ для возвращенія Обществу всѣхъ издержекъ на изданіе потребуется продать: 550 экземпляровъ переводной книги, изданной въ числѣ 1200 экземпляровъ, и 870 экземпляровъ переводной книги, напечатанной въ числѣ 2400 экземпляровъ; 370 экземпляровъ оригинальнаго сочиненія, изданнаго въ количествѣ 1200 экземпляровъ, и 580 экземпляровъ, если сочиненіе издано въ числѣ 2400 экземпляровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что годичная продажа будетъ гораздо значительнѣе этой цифры, и такимъ образомъ до истеченія года Общество не только возвратитъ всю сумму, затраченную на изданіе, но и можетъ, если то будетъ угодно автору или переводчику, купить у него по распродажѣ долговыхъ экземпляровъ значительное количество экземпляровъ съ уплатою ему наличными деньгами полной продажной цѣны.

„Отъ этихъ коммерческихъ разчетовъ, къ которымъ привела насъ мысль о необходимости, чтобы Общество Распространенія Знаній помогло развитію частной, независимой отъ него литературной дѣятельности, обратимся къ предположеніямъ о дѣйствіяхъ самого Общества.

„Едва ли нужно говорить, что всевозможнымъ содѣйствіемъ и ободушеніемъ развитію независимой отъ Общества литературной дѣятельности, немало содѣйствуетъ кругъ дѣйствій самого Общества. Задача, предстоящая ему, такъ велика, что всякое новое содѣйствіе со стороны независимыхъ частныхъ лицъ можетъ только усилить Общество и увеличить пользу, имъ приносимую.

„Нѣкоторые думаютъ даже, что задача, поставляемая Обществу г. Ламанскимъ, слишкомъ широка, что можно было бы ограничить кругъ дѣятельности его или однимъ изданіемъ оригинальныхъ популярныхъ руководствъ, или однимъ переводомъ иностранныхъ классическихъ сочиненій; но то и другое дѣло такъ тѣсно между собою связаны, что раздѣленіе ихъ послужило бы только источникомъ неудобствъ и затрудненій. Предположимъ, что Общество хотѣло бы издать хорошее популярное сочиненіе, напримѣръ, объ исторіи Рима или Англии; русскихъ сочиненій такого рода во всей широтности не найдется готовыхъ, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ литера-

турахъ есть уже много книгъ, удовлетворяющихъ этой потребности, такъ что нужно только выбрать лучшія изъ нихъ. И такъ, если Общество дѣйствительно имѣетъ свою цѣлю распространеніе знаній, то главнымъ средствомъ для того, оно необходимо должно почестъ переводъ иностранныхъ произведеній. Если бы оно отказалось отъ переводовъ, то чрезвычайно затруднило и замедлило бы свою дѣятельность. Но если представляется Обществу русская рукопись, хорошо излагающая предметъ, о которомъ обществу нужно издать сочиненіе, то неужели Обществу надобно было бы отвергать эту рукопись только потому, что она есть оригинальное сочиненіе, а не переводъ? Цѣль Общества—распространеніе знаній, а потому для него должны быть равно драгоценны все средства, ведущія къ этой цѣли, и ни одно изъ этихъ средствъ не должно быть имъ исключено изъ своей программы.

„Задача Общества многосложна, и потому дѣйствительно необходима организациа Общества по отдѣламъ. Миѣ кажется, что главная черта раздѣленія, принятая г. Ламанскимъ, проведена вѣрно: науки физико-математическія и науки нравственныя дѣйствительно составляютъ двѣ главныя группы знаній: но, кажется миѣ, внутренняя организациа каждого изъ этихъ двухъ отдѣловъ должна быть опредѣлена съ большею точностію, нежели у г. Ламанскаго. Я не берусь судить объ отдѣлѣ физико-математическомъ, но скажу нѣсколько словъ объ отдѣлѣ наукъ нравственныхъ. Г. Ламанскій предлагаетъ раздѣленіе его на два разряда: философскій и историческій. Историческій дѣлится у него на четыре класса; конечно такое раздѣленіе необходимо и въ разрядѣ философскомъ. Законотѣдніе, о которомъ упоминаетъ г. Ламанскій при исчисленіи занитій этого разряда, различается отъ собственной философіи не менѣе, нежели древняя исторія отъ славянской: кромѣ того, г. Ламанскій не называетъ нѣкоторыхъ другихъ наукъ, имѣющихъ для нашего времени не меньше значенія, нежели логика или психологія: таковы, наприимѣръ, статистика, политическая экономія.—они должны составить особый классъ. Нѣкоторые находятъ, что въ разрядѣ наукъ историческихъ г. Ламанскій напрасно отдѣляетъ русскую исторію отъ западно-европейской, но съ этимъ порицаніемъ, конечно, не должно соглашаться. Можно только замѣтить, что исторія другихъ славянскихъ племенъ далеко не имѣетъ для нашей публики той важности, какъ исторія Западной Европы и Сѣверной Америки: она должна оставаться не болѣе какъ вспомогательнымъ средствомъ для разъясненія русской исторіи. Видно, впрочемъ, что авторъ специально занимается исторіею славянскихъ племенъ, и его пристрастіе къ этому предмету, объясняемое такимъ образомъ, представляется совершенно естественнымъ. Излишняго увлеченія по этому направленію едва ли можно ожидать отъ Общества: кромѣ славянистовъ въ немъ будутъ и другіе ученые по всевъ возможнымъ отраслямъ наукъ, и ихъ специальныя увлеченія, конечно, будутъ уравновѣшиваться одно другимъ; а большинство членовъ Общества будетъ, конечно, свободно отъ всякихъ излишнихъ пристрастій къ той или другой специальности и по всякомъ случаѣ не дастъ дѣятельности Общества уклониться отъ прямой своей цѣли. Общество не будетъ служителемъ какого нибудь частнаго увлеченія, но останется органомъ потребностей нашихъ, и дѣятельность свою будетъ сосре-

доточивагь на тѣхъ отраслнхъ знаній, которыя имѣють для всей публики наибольшую важность. Такими предметами вообще представляются нынѣ русская исторія, исторія Западной Европы, изученіе русскаго быта и изученіе современнаго западно-европейскаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ, политическая экономія и вообще государственныя науки.

Г. Ламанскій предполагаетъ, что Общество Распространенія Знаній должно быть образовано непременно въ Москвѣ. Если подѣ этимъ надобно разумѣть то, что центральный комитетъ Общества долженъ быть въ Москвѣ, то противъ мысли г. Ламанскаго нельзя сказать ничего основательнаго. Независимо отъ соображеній, изложенныхъ г. Ламанскимъ, важно уже то обстоятельство, что Москва находится приблизительно въ центрѣ Европейской Россіи, потому, для большой части провинцій, сношеніи съ Москвою удобнѣе нежели съ Петербургомъ, и разсылка изданій Общества по провинціямъ изъ Москвы легче и короче, нежели изъ Петербурга.

„Но если Географическое Общество, кромѣ центральнаго пункта своихъ собраній, имѣеть еще два мѣстныхъ комитета, то въ Обществѣ Распространенія Знаній число такихъ филиальныхъ учреждений должно быть еще гораздо значительнѣе. Г. К. Аксаковъ совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Въ каждомъ городѣ, имѣющемъ значительное число членовъ Общества, удобно быть мѣстному отдѣленію Общества. Кромѣ Петербурга, всѣ университетскіе города и нѣкоторые изъ другихъ губернскихъ городовъ будутъ имѣть очень важное участіе въ трудахъ Общества.

„Но соглашаясь въ этомъ случаѣ съ господиномъ К. Аксаковымъ, можно кажется оспорить ту его мысль, что члены Общества не должны получать никакого вознагражденія за деньги, уплачиваемыя ими въ кассу Общества. Почему бы не имѣли они права получать на такую же сумму книгъ, издаваемыхъ Обществомъ (по собственному выбору)? При этомъ условіи, я убѣрегъ, что число членовъ будетъ въ пять разъ болѣе. Общество не окажется отъ того въ убыткѣ: продажная цѣна книги по необходимости всегда бынаетъ гораздо выше, нежели издержки на печатаніе лишняго экземпляра книги. Если напечатается 3.000 лишнихъ экземпляровъ книги цѣною въ 1 рубль за экземпляръ, то издержки на эту прибавку не будутъ превышать 15—20 коп. на экземпляръ. Такимъ образомъ вознагражденіе членовъ изданіями Общества на сумму равную платѣ, вносимой каждымъ членомъ, значительно увеличивая число людей, дѣлающихся членами Общества, и съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличивая число книгъ, обращающихся въ рукахъ публики, увеличить также и денежныя средства Общества, и даже чистый доходъ его, который, конечно, будетъ оно постоянно употреблять на расширеніе своей дѣятельности, а отчасти можетъ употреблять и на безденежную задачу учебныхъ руководствъ бѣднымъ ученикамъ общественныхъ школъ, а также различныхъ элементарныхъ книгъ грамотнымъ и недостаточнымъ простолюдинамъ.

Г. К. Аксаковъ думаетъ, что сумма, вносимая членами Общества, должна быть положена сама умѣренная, и опредѣляетъ ее въ три рубля серебромъ ежегодно. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ умѣреннѣе эта сумма, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ больше будетъ число членовъ Общества.

„Нѣкоторымъ не нравится слово „матица“. Въ самомъ дѣлѣ, на русскомъ языкѣ оно не имѣетъ того смысла, какъ на другихъ олавянскихъ нарѣчьяхъ, и я не вижу особенной надобности употреблять его. Но пусть это учрежденіе называется „Матицею“, или какимъ нибудь другимъ именемъ болѣе понятнымъ,—изъ-за имени можно и не спорить, лишь бы только учрежденіе было основано на разумныхъ принципахъ и приносило пользу.

„Для печатанія своихъ книгъ Общество, вѣроятно, пойдетъ выгоднымъ имѣть собственную типографію, когда расширение его средствъ позволитъ обратитъ часть капитала на устройство этого заведенія.

„Для распродажи книгъ оно, конечно, учредить въ Москвѣ центральное депо, чтобы по возможности избѣжать потерь отъ уступки процентовъ за комиссію“.

Очень часто книга производитъ впечатлѣніе ни мало не соразмѣрное своимъ ученымъ достоинствамъ, благодаря тому, что пѣ ней разсматривается вопросъ, близкій къ интересамъ публики; въ прошедшемъ году, таковы были успѣхъ сочиненій Токвиля „L'ancien régime“ и Монталамбера „De l'avenir politique de l'Angleterre“. Князь Черкасскій, написавшій объ этихъ книгахъ замѣчательную статью (Р. Бесѣда, томъ 2-й), смотритъ на нихъ именно съ этой точки зрѣнія.

Статья начинается замѣчаніями о современномъ положеніи Франціи. Тѣмъ болѣе необходимыми, что у насъ многіе имѣютъ объ этомъ предметѣ понятіе не совсѣмъ правильное.

„Читая объ книги и говоря о нихъ (замѣчаетъ князь Черкасскій), невозможно не предпослать всякому о нихъ разсужденію нѣкоторыхъ первоначальныхъ общихъ замѣчаній, касающихся современнаго состоянія Франціи. Прежде всего насъ поражаетъ свободное, безвредное появленіе и печатаніе во Франціи двухъ такихъ капитальныхъ сочиненій, явно направленныхъ противъ существующаго въ ней нынѣ порядка вещей... Такъ велика уже во Франціи и такъ укрѣпилась въ ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себѣ тридцатилѣтнимъ періодомъ правленія Бурбоновъ и Орлеанскаго Дона, что подобное литературное явленіе, даже въ эпоху настоящей диктатуры, проходитъ какъ бы незамѣченнымъ внѣшней властью, не возбуждая особливаго вниманія ея. Это явленіе можетъ, конечно, служить замѣчательнымъ признакомъ созрѣвшей общественной жизни во Франціи, каковы бы, впрочемъ, ни были судьбы ея въ невѣдомомъ для насъ будущемъ. Скажемъ болѣе. Франція первоначально приобрѣтши своимъ общественная жизнь Франція не можетъ удовлетвориться: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ будетъ привести незабвенное свидѣтельство одного изъ замѣчательныхъ первоначальныхъ дѣятелей наполеонскаго періода, доктора Верова, въ томъ видѣ, какъ передается вамъ газетою Le Nord, раскрывшей столбцы свои отрывкамъ изъ одного воваго его произведенія: „Четыре года правленія Наполеона III“. Вотъ подлинныя слова доктора Верова: „Добровольно отказавшись отъ мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщемъ овѣщаніи, императоръ (т. е. Наполеонъ III) ясно дояжетъ и внутреннимъ политическимъ партіямъ въ особенности иностранцамъ, какъ велика его сила и уверенность въ ней. Гдѣ не допускается свободное обсужденіе, гдѣ не позволено спорить, тамъ в похвала теряетъ вес значеніе свое, а между дѣйствіями четырехлѣтняго правленія императора встрѣчается многое, что по совѣсти можно бы похвалить. Къ тому же этотъ строгій законъ молчанія, наложенный на печать туземную, порождаетъ въ публикѣ лишь живѣйшее сочувствіе и любопытство къ газетамъ иностраннымъ, въ

торыъ духъ злобы в вепріяви доходить до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и умѣренная, можетъ казаться непріятною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые окружаютъ престоль, в, утопая въ спокойствіи власти безотчетной, крѣпко стоятъ за то, чтобы никакой шумъ, никакой свободный звукъ извѣстій, не пришелъ бы нхъ слушать. Но во всякомъ случаѣ, налагаемое на журналы и газеты молчаніе, къ сожалѣнію, всегда кидаетъ нравственную тѣнь на личность самого государственнаго вождя". (Р. Бесѣда, Крит. стр. 24).

Въ словахъ Верона есть много справедливаго, хотя самъ Веронъ не принадлежитъ къ людямъ особенно правдивымъ. Дѣйствительно путь, избранный Наполеономъ III, не совершенно выгодонъ для блеска его имени во Франціи: похвалямъ, кашія читаютъ ему въ своихъ нынѣшнихъ газетахъ, французы вовсе не вѣрятъ, напротивъ охотно вѣрятъ всѣмъ дурнымъ слухамъ, которые съ чрезвычайною быстротою расходятся изустно по Франціи, увеличиваясь при переходѣ изъ департамента въ департаментъ, изъ города въ городъ; изъ этихъ слуховъ очень многіе совершенная клевета—но кто опровергнетъ эту клевету, когда она, хотя всѣмъ извѣстная, укрывается однако отъ гласности? А когда французскія газеты и опровергаютъ тотъ или другой невыгодный для Наполеона III рассказъ, никто имъ не вѣритъ, зная, что онѣ не могли бы назвать этой молвы справедливою, еслибъ она была справедлива. Такимъ образомъ, во французскомъ обществѣ все увеличивается и усиливается невыгодное мнѣніе о Наполеонѣ III, и онъ, хотя имѣетъ на своей сторонѣ справедливость во многихъ случаяхъ, не можетъ разрушить ни одного изъ предубѣжденій, образовавшихся противъ него, потому что лишилъ себя единственнаго средства къ защитѣ своей чести, стѣснивъ гласность во Франціи. Этимъ не ограничивается вредъ, который терпитъ отъ того его имя. Слухи, изустно распространяющіеся во Франціи, переходятъ за границу и появляются въ иностранныхъ газетахъ съ печатью неопровержимой истины: „во Франціи всѣмъ это извѣстно“,—говорятъ иностранныя газеты—онѣ проникаютъ во Францію и служатъ для француза новымъ доказательствомъ неоспоримой справедливости того, о чемъ онъ самъ прежде слышалъ и рассказывалъ знакомымъ: „ну вотъ, объ этомъ говорятъ ужъ и за границу, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому во Франціи; стало быть, это правда“. Наполеонъ III очень хорошо знаетъ, какъ много проигралъ онъ относительно добраго мнѣнія о себѣ у каждаго француза, стѣснивъ газеты; онъ знаетъ, что теперь французы считаютъ его человѣкомъ въ десять разъ худшимъ, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ и какимъ считали бы его, если бы газеты могли говорить о немъ также свободно, какъ въ свое время говорили о Людовикѣ Филиппѣ, — но ему гораздо интереснѣе имѣть власть, нежели пользоваться выгоднымъ мнѣніемъ о себѣ; ему кажется, что газетныя и парламентскія пресія стѣснили бы его власть или даже подвергли бы его опасности, и потому онъ по возможности стѣснилъ ихъ. Но въ этомъ случаѣ онъ ошибается: его власть вовсе не расширилась отъ того, что онъ стѣснилъ газетныя и парламентскія пресія, и если что сохраняетъ прочность занятаго имъ положенія, такъ именно то, что въ сущности личность его имѣетъ вовсе не такъ много власти во Франціи, какъ можетъ казаться ему и кажется всѣмъ, судящимъ о ходѣ событій по формамъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются вопросы, а не по духу, въ кото-

рожѣ они рѣшаются. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ мы противорѣчимъ обыкновенному взгляду, но, быть можетъ, читатель согласится, что мы правы, когда прочтеть слѣдующія строки.

Людовикъ Филиппъ управлялъ Франціею при безграничномъ просторѣ газетныхъ и парламентскихъ преній, и однако же, если хоронienько всмотрѣться въ событія его правленія, мы увидимъ, что его личная воля имѣла большіе вліянія на ходъ французскихъ государственныхъ дѣлъ, нежели воля Наполеона III. При Людовикѣ Филиппѣ, французы нѣсколько разъ сильно желали войны съ Англіею, — Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ войны, и войны не было. Французы не хотѣли подчиненія французской политики въ иностранныхъ дѣлахъ англійскому вліянію, — Людовикъ Филиппъ хотѣлъ того, и дѣйствительно, французская политика въ иностранныхъ дѣлахъ подчинялась вліянію англійской. Французы хотѣли расширения права избирательства въ Палату Депутатовъ, — Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ того, и право избирательства не расширялось. Словомъ сказать, какой бы важный государственный вопросъ мы ни взяли изъ французской исторіи въ правленіе Людовика Филиппа, мы увидимъ, что желаніе французовъ было противоположно мнѣнію Людовика Филиппа, и что дѣло всегда было ведено и разрѣшалось именно такъ, какъ хотѣлъ Людовикъ Филиппъ. До сихъ поръ, ни въ одномъ важномъ случаѣ. Наполеонъ III не рѣшался и не могъ поступить такъ противно общему желанію французской націи, какъ Людовикъ Филиппъ. Людовикъ Филиппъ проводилъ всегда свою волю наперекоръ мнѣнію націи, Наполеонъ III до сихъ поръ постоянно долженъ былъ подчиняться этому мнѣнію, и всѣ важныя событія его правленія сообразны съ мнѣніемъ націи. Нація имѣла вражду противъ Англіи за господство Англіи надъ Франціею при Людовикѣ Филиппѣ, и Наполеонъ III первымъ дѣломъ своимъ почелъ грозить войною Англіи. Французская нація имѣла желаніе прославиться на войнѣ и возстановить свое вліяніе на Востокѣ — Наполеонъ III поспѣшилъ въ союзъ съ Авлісію (которую лично онъ не любитъ), начать войну противъ Россіи (которой лично онъ сочувствуетъ). Точно такъ онъ былъ слугою національной воли во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего правленія, между тѣмъ какъ во всѣхъ случаяхъ Людовикъ Филиппъ поступалъ наперекоръ этой волѣ. „Но, быть можетъ, Наполеонъ III самъ лично былъ во всемъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и не желалъ никогда идти наперекоръ ему?“ — Вовсо нѣтъ; во многихъ случаяхъ его личное мнѣнію было противно общему мнѣнію, и въ каждомъ изъ такихъ случаевъ онъ уступалъ, и дѣлалъ наперекоръ себѣ. Напримѣръ, Наполеонъ III — нриверженецъ системы свободной торговли; но во Франціи до сихъ поръ господствуютъ протекціонисты — и Наполеонъ III принужденъ былъ отступить отъ своего желанія значительнымъ образомъ понизить французскій тарифъ. Такихъ случаевъ было много, и ни въ одномъ изъ нихъ личная воля Наполеона III не исполнялась, между тѣмъ какъ личная воля Людовика Филиппа постоянно торжествовала. Итакъ, хотя по формѣ Наполеонъ III имѣетъ гораздо больше власти, нежели Людовикъ Филиппъ, но въ сущности онъ имѣетъ гораздо меньшіе власти, нежели Людовикъ Филиппъ. Уступая націи конституціонную форму, Людовикъ Филиппъ на самомъ дѣлѣ совершенно самовластно уира-

внѣлъ Францію; отнявъ у Франціи эту форму, Наполеонъ III постановилъ себя въ такое нѣткое положеніе, что ни въ чемъ важномъ не отваживается поступить самовластно и во всемъ подчиняется власти націи. Одинъ имѣлъ сущность неограниченной власти безъ формы неограниченной власти, другой, погнавшись за формою, утратилъ существенную власть надъ дѣлами.

Такимъ образомъ, если Наполеонъ III, стѣсняя газетныя и парламентскія пренія во Франціи, хотѣлъ пріобрѣсти болѣе сильное личное вліяніе на государственныя дѣла, онъ обманулся и остался въ проигрышѣ: сравнительно съ Людовикомъ Филиппомъ, конституціоннымъ королемъ, Наполеонъ III пользуется лишь незначительнымъ вліяніемъ на дѣла своего государства. „Но по крайней мѣрѣ ему въ самомъ дѣлѣ удалось стѣснить парламентскія и газетныя пренія?“ Нѣтъ; болѣе кажется, что удалось, нежели въ самомъ дѣлѣ удалось: по формѣ, онъ стѣснилъ ихъ, въ сущности—вовсе не могъ стѣснить. Его Законодательное Собраніе кажется просто безмолвнымъ орудіемъ для внесенія въ протоколы засѣданій тѣхъ законовъ, кашіе предлагаются этому собранію,—на самомъ же дѣлѣ, это по видимому безмолвное орудіе воли Наполеона ни мало не уступаетъ своею силою шумной Палатѣ Депутатовъ, при Людовикѣ Филиппѣ; что мы говоримъ, не уступаетъ?—мало того, она на дѣлѣ сильнѣе, нежели Палата Депутатовъ. Когда при Людовикѣ Филиппѣ министерство вносило въ Палату Депутатовъ проэктъ какого нибудь важнаго закона, почти не бывало примѣра, чтобы Палата отвергла этотъ проэктъ; а между тѣмъ министровъ, составлявшихъ проэктъ, Людовикъ Филиппъ назначалъ въ сущности по своему выбору, они во всемъ подчинялись его волѣ и составляли проэктъ въ томъ духѣ, какъ угодно было Людовику Филиппу. А при Наполеонѣ III Законодательное Собраніе безъ всякихъ шумныхъ преній отвергло довольно много важныхъ проэкттовъ, составленныхъ министрами. Да и въ выборѣ министровъ онъ стѣсненъ гораздо больше, нежели Людовикъ Филиппъ. Онъ имѣетъ всю внѣшность власти, но въ сущности власть его ограниченнѣе, нежели власть Людовика Филиппа. Это относительно парламентской силы; а что касается газетныхъ преній, тоже нельзя не видѣть, что газеты, подвергаясь всевозможнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, умѣютъ однакоже говорить все то, что хотятъ сказать: если не могутъ сказать прямо, онѣ объясняютъ свою мысль примѣромъ, историческимъ обзоромъ, сличеніемъ цифръ, намекомъ, наконецъ молчаніемъ,—и читатель очень хорошо понимаетъ все, что хотятъ ему объяснить, и въ большей части французскихъ газетъ на каждой страницѣ видимъ осужденіе Наполеона III. А если мы вспомнимъ, что въ послѣднее время начали издаваться французскія газеты за границами Франціи, что эти заграничныя газеты читаются во Франціи съ большею жадностью, нежели парижскія, и что онѣ пишутся съ большею прямою, нежели когда нибудь писались парижскія газеты при Людовикѣ Филиппѣ, то мы совершенно убѣдимся, что Наполеонъ III, всячески стараясь стѣснить газеты, могъ нѣсколько стѣснить ихъ только по формѣ, а въ сущности опять-таки вовсе не успѣлъ прекратить въ нихъ постояннаго порицанія противъ своей политики и своего лица,—напротивъ, только раздражалъ, усилилъ это порицаніе и сдѣлалъ его привлекательнѣйшимъ для французской публики, принудивъ его быть хитрымъ.

остроумнымъ, или принудивъ его перенестись за границу, гдѣ отбрасываетъ его всѣ тѣ условія, которыя должно было соблюдать при Людовикѣ Филиппѣ.

Да, когда вступишься въ сущность дѣла, то видишь, что Наполеонъ III, стремясь къ тому, чтобы стѣснить парламентскія и газетныя пренія во Франціи, достигъ этой цѣли только по формѣ, а вовсе не на дѣлѣ,— а между тѣмъ, стремясь къ ней, упустилъ изъ рукъ сущность власти, которою пользовался Людовикъ Филиппъ.

Конечно, Наполеону III непріятно то, что стѣсненіе парламентскихъ и газетныхъ преній не расширило его власти; непріятно и то, что даже формальное стѣсненіе этихъ независимыхъ силъ не могло быть имъ доведено до такой степени, какъ ему хотѣлось бы: ему хотѣлось бы совершенно уничтожить формы, напоминающія о временахъ Орлеанской династіи; но въ томъ случаѣ, онъ ошибается, изъ пристрастія къ формамъ забывая объ условіяхъ прочности власти. Ненавистные ему остатки учреждений, существовавшихъ при Людовикѣ Филиппѣ, служатъ единственнымъ надежнымъ огражденіемъ прочности правленія даже Наполеона III, который преслѣдуетъ ихъ. Возьмемъ хотя бы недавній случай— выборы въ Законодательное Собраніе. Около половины избирателей не захотѣли подавать голоса и тѣмъ протестовали противъ формъ управленія, введенныхъ Наполеономъ; изъ остальныхъ почти столько же голосовъ оказалось въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ. Сколько и въ пользу кандидатовъ правительства, — такъ, немногимъ болѣе нежели одна четвертая часть французскаго населенія поддерживаетъ форму правленія, введенную Наполеономъ III, и почти три четверти населенія враждебно смотрятъ на эту форму. Кажется, такой результатъ не очень благоприятенъ;— и однако же, Наполеонъ III иолучилъ значительную нравственную поддержку своей власти даже отъ такого результата: до выборовъ всѣ готовы были предполагать, что не изъ четырехъ человѣкъ, а развѣ изъ ста человѣкъ во Франціи одинъ одобряетъ Наполеона, что правительство Наполеона вовсе не имѣетъ пскрѣнныхъ приверженцевъ и держится единственно насиліемъ,— для него очень выгодно уже и то, что хотя четвертая часть населенія оказалась въ его пользу; и такимъ образомъ выборы, по видимому чрезвычайно неблагопріятныя для Наполеона, на самомъ дѣлѣ значительно утвердили его власть. Безъ выборовъ она была бы гораздо слабѣе и гораздо болѣе подвержена опаснымъ случайностямъ, нежели въ настоящее время. Точно то же надобно сказать и о другихъ остаткахъ системы, существовавшей при Людовикѣ Филиппѣ, уцѣлѣвшихъ при Наполеонѣ: каждая изъ этихъ формъ служитъ опорой для Наполеона; и если проникательные люди полагаютъ, что власть его не совсѣмъ прочна, то именно потому только, что онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, увлекшись своею антипатіею къ нимъ.

Онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, сравнительно съ тою широтою, въ какой дѣйствовали онѣ при Людовикѣ Филиппѣ; но совершенною ошибкою было бы думать, что стѣсненіе, даже видимое, такъ велико, какъ увѣряютъ въ томъ французы, недовольные Наполеономъ III. Человѣкъ жалующійся всегда расположенъ преувеличивать важность фактовъ, приводящихъ его въ нетерпѣніе. Появленіе такихъ книгъ, какъ сочиненія Токвилля и Монталамбера вовсе не есть дѣло рѣдкое или случайное: можно сказать, что боль-

шая часть сочиненій, выходящихъ во Франціи по историческимъ, юридическимъ и тѣмъ болѣе по политическимъ наукамъ, написаны также въ духѣ, противномъ системѣ управления, введенной Наполеономъ III, и никто не думаетъ, что эти сочиненія могутъ подвергнуться какому нибудь прослѣдованію отъ его правительства. Но книги во всѣхъ странахъ Западной Европы менѣе подлежатъ стѣсненію, нежели газеты, — посмотримъ же, каково нынѣ положеніе газетъ во Франціи. „Journal des Débats“ прямо называетъ себя органомъ Орлеанской партіи и конституціонной монархіи; „Siècle“ столь же прямо и рѣшительно называетъ себя собн органомъ республиканцовъ, — и каждая изъ этихъ газетъ въ каждой статьѣ доказываетъ превосходство того принципа, котораго держится. — „Въ чемъ же послѣ того стѣсненіе, на которое жалуются онѣ?“ — Просто въ томъ, что онѣ не имѣютъ права прямо отрицать добросовѣстность французскаго правительства или прямо порицать личныя качества Наполеона III; онѣ могутъ какъ угодно судить о каждомъ въ отдѣльности поступкѣ правительства или о каждомъ законѣ, предлагаемомъ правительствомъ; могутъ доказывать, что законъ этотъ несправедливъ или не соответствуетъ своей цѣли, — и дѣйствительно, онѣ каждый день пользуются этимъ правомъ; но онѣ не могутъ прибавлять положительнаго увѣрненія, что Наполеонъ III имѣетъ въ виду дурныя цѣли, предлагая или одобряя этотъ законъ; онѣ не должны оскорблять личности Наполеона III, приписывая ему намѣренія, гибельныя для Франціи; онѣ могутъ только доказывать, что онѣ ошибается. Для большей опредѣлительности, возьмемъ какое нибудь опредѣленное дѣло. Въ концѣ 1855 года разносится слухъ, что Франціи начала переговоры съ Россією. въ началѣ 1856 года извѣстно становится, что въ Парижѣ собирается конгрессъ для заключенія мира. Французскія газеты могли доказывать, что миръ этотъ преждевременно и невыгоденъ для Франціи, что надобно продолжать войну; онѣ могли также доказывать, что войны противъ Россіи нонсе не слѣдовало и начинать, что она была невыгодна для Франціи. Онѣ не могли только говорить, что Наполеонъ III началъ эту войну или прекращаетъ ее по какимъ нибудь личнымъ видамъ, противнымъ интересу Франціи. — онѣ должны были предполагать, что его дѣйствія, невыгодныя для Франціи, происходятъ не отъ злаго умысла, а просто отъ ошибки. Другой случай: Законодательному Собранію предложенъ государственный бюджетъ. Газеты могутъ находить, что арміи во Франціи слишкомъ многочисленна, и содержаніе ея слишкомъ обременительно для націи, могутъ говорить, что полезно было бы сократить ее и сократить именно въ такой-то пропорціи, такими-то средствами; онѣ могутъ доказывать также такимъ образомъ, что каждая другая отрасль французскаго управленія организована неудовлетворительнымъ образомъ, и что расходы на нее слишкомъ велики или слишкомъ малы. Могутъ также доказывать, если угодно, что каждый изъ существующихъ налоговъ дуренъ и долженъ быть кзмѣненъ или замѣненъ другимъ. Когда такимъ образомъ обсуждаютъ французскія газеты государственный бюджетъ, то нѣтъ надобности говорить, могутъ ли онѣ прямо выражать свое мнѣніе о другихъ законахъ: бюджетъ есть важнѣйшее дѣло между всѣми вопросами внутренней политики, и когда о немъ французскія газеты могутъ судить свободно, то тѣмъ болѣе могутъ

судить о каждом другомъ законѣ. Газеты не должны говорить только одного: не приписывать недостатковъ закона злomu умыслу со стороны правительства, не приписывать злоупотребленій личному желанію Наполеона III.— все остальное подложить ихъ критикѣ: и всѣ законы, и всѣ дѣйствія правительственныхъ лицъ, отъ министровъ до архіепископовъ. И такое положеніе газетъ называется во Франціи стѣснительнымъ, и англійскія газеты увѣряютъ, что французы живутъ подъ тяжелымъ и гибельнымъ игомъ.—какое странное ирсувеличеніе! Надобно ли послѣ такихъ фактовъ удивляться тому, что безпрепятственно появляются во Франціи книги, подобныя сочиненіямъ Товвилля и Монталамбера? Тутъ вовсе нечему удивляться; во французскихъ газетахъ ежедневно печатаются совершенно подобныя статьи.

Монталамберъ менѣе всѣхъ другихъ французовъ имѣлъ бы права вышаты свой голосъ противъ порядка дѣлъ, введеннаго во Франціи Наполеономъ III: знаменитый предводитель умѣренныхъ іезуитовъ напрягалъ нѣкогда всѣ свои силы къ тому, чтобы дать Наполеону III возможность ввести этотъ порядокъ. Когда французы отправили свою экспедицію для взятія Рима, и былъ положенъ желанный конецъ отвратительной анархіи и гнусному возстанію противъ Папы, начатому по наущеніямъ злодѣя Мадзипп. Монталамберъ съ восторгомъ доказывалъ необходимость совершить подобно же дѣло въ самой Франціи, принять всевозможныя, насильственныя и инасилъственныя, законныя и незаконныя мѣры для подавленія французскихъ республиканцевъ и либераловъ: „надобно, говорилъ онъ, сдѣлать второй римскій походъ въ самой Франціи для возстановленія порядка“. Его желаніе было исполнено Наполеономъ III.—и вотъ, Монталамберъ уже недоволенъ, вотъ онъ ужъ самъ либеральничаетъ и возстаетъ противъ законнаго порядка—это очень дурно, это совершенно неизвинительно ему, это едва ли даже честно съ его стороны. Но среди различныхъ неосновательныхъ выходовъ, среди умышленнаго и не умышленнаго игкаженія фактовъ, встрѣчаются иногда въ его книгѣ страницы, не лишеныя нѣкоторой справедливости. Такъ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что въ Англии гораздо болѣе порядка, нежели во Франціи, и доказываетъ, что англичане умѣютъ извлекать выгоды и для своего государства и для частныхъ лицъ изъ своихъ учреждений, которыя могутъ казаться слишкомъ нумными для человѣка.

„издавна пріобыкшаго къ однообразному томленію родной страны (Монталамберъ наискаетъ ва Францію), гдѣ нѣтъ ни борьбы, ни упорнаго труда, ни самородной и самоытнѣй дѣятельности, гдѣ все и всегда носить оффціальныя ярлыкы, нѣтъ себѣ неизмѣнное мѣсто, разставлено по угламъ, согласно шепетильной поличительности внѣшней власти, всегда готовой избавить гражданина отъ всякаго безпокойства и снять съ него всякую отвѣтственность въ общемъ дѣлѣ, но тѣмъ самымъ нещадно умерщвляющей въ немъ духъ отчизнолюбія и самопожертвованія, разлабляющей людскую породу и осуждающей народъ на безъвыходное несовершеннѣйше“ (Р. Б. Крит. стр. 30).

Конечно, на это можно возразить: на какомъ-же основаніи Монталамберъ помогалъ Наполеону III, когда Наполеонъ III стремился къ введенію во Франціи тѣхъ формъ, которыя теперь такъ мало нравятся Монталамберу? Или Монталамберъ тогда не зналъ, чего самъ хочетъ? Въ другомъ мѣстѣ

онъ разсуждаетъ о причинахъ, по которымъ до сихъ поръ удержалось въ Англіи сильное вліяніе аристократіи.

„Пусть другіе, говоритъ Монталамберъ, восхваляютъ ея великолѣпіе, мужество, красворѣчіе и политическую мудрость: оны будутъ исполнѣ нравы. Но я хвалю, благословляю ее выше всего за то, что ова умѣла, прежде всей остальной Европы, внять голосу справедливости въ установленіи отношеній своихъ къ своимъ подданнымъ, что она вступила въ правовѣрный союзъ съ ними, не будучи къ тому вынуждена ни высшею властью, ни возставіями. Тотъ, кто возьмется прослѣдить сквозь теченіе многихъ вѣновь отношенія крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ къ нхъ фермерамъ и сравнить ихъ съ пагубными раздорами дворянства и земледѣльческаго народонаселенія на материкѣ Западной Европы, тотъ конечно напишетъ одну изъ лучшихъ в полсвѣтъшхъ страницъ исторіи всемірной. Достоверно только то, что еще за два столѣтія до того времени, какъ дворянство французское, приведши въ жертву Людовику XIV свое достоинство и независимость, упорно старалось еще поддерживать обветшалое и возмутительное зданіе своихъ феодальныхъ правъ, которому суждено было вдругъ съ шумомъ обрушиться въ памятную ночь 4-го августа 1789 года, дворянство англійское уже освободило своихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавило себя отъ смертоноснаго яга тлхъ историческихъ анахронизмовъ“ (Р. Б. Крит. стр. 42).

Монталамберъ восхищается устройствомъ англійскихъ университетовъ; князь Черкасскій справедливо замѣчаетъ, что такое устройство непримѣнимо ни къ какой другой странѣ,—

„Но (прибавляетъ оны) вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сказать, что только пѣною предоставленія университетамъ полной свободы развитія, значительной степени независимости отъ высшей власти и прочаго усвоенія ихъ управленію начала избирательнаго, могутъ быть сообщены имъ тѣ необходимыя условія внутренней энергіи, жизненной упругости и серьезнаго корпоративнаго характера, въ которыя пѣтъ искренняго уваженія общества къ учрежденію, вѣтъ прочаго воздѣйствія образовательной среды на юношество, вѣтъ наконецъ для нея возможности воспитать для отечества своего гражданина съ привычкою равно уважать и себя, и существующій законъ“ (Р. Б. Крит. стр. 55).

У Монталамбера встрѣчаются отдѣльныя справедливыя мысли, но совершенно ложна основная тенденція его книги: внушить французамъ необходимость введенія во Франціи тѣхъ аристократическихъ учреждений, которыя потеряли свое могущество и въ Англіи, сохраняя только старинный блескъ безъ старинной силы. У Токвилля, напротивъ, и основная мысль книги не лишена справедливости, хотя выражена нѣсколько одностороннимъ образомъ и доведена до чрезвычайнаго преувеличенія.

Причиною всѣхъ политическихъ волненій, постигшихъ Францію въ концѣ прошедшаго вѣка и продолжающихся доселѣ господствовать въ этой странѣ, Токвилль считаетъ централизацию, доведенную до чрезвычайной крайности со временъ Ришелье и Людовика XIV. Онъ такъ увлекается этою мыслью, что упускаетъ изъ виду всѣ другія причины къ общему неудовольствію, постепенно все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшему французскою націею въ теченіе XVIII вѣка,—а причинъ этихъ было много и кромѣ централизаніи. Надобно также замѣтить, что сдвали правильно употребляетъ онъ слово „централизанія“ для обозначенія того порядка вещей, которому приписываетъ всѣ бѣдствія Франціи. „Централизанія“ предполагаетъ одинаковость учреждений во всѣхъ областяхъ государства и очень малую степень власти област-

ныхъ правителей. — этого не было во Франціи до 1789 года. Въ каждой провинціи существовала какая-нибудь особенность, подати и налоги между ними распределены были неуравнительно, отношенія сословій были неодинаковы и т. д. Такой порядокъ дѣлъ вовсе не централизація, и сходенъ съ нею былъ ояъ только тѣмъ, что вообще французская администрація и фискъ совершенно самовластно управляли всею общественною жизнью и самовластие распоряжались частною жизнью, не признавая никакихъ преградъ и ограниченій своему произволу ни въ чьихъ правахъ. Это не централизація, это просто система произвольнаго управленія, — та самая система, которая возобновлена Наполеономъ III; страдающія и бѣдствія, нанесенныя ею Франціи въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ, были неимовѣрно велики, и этимъ объясняется увлеченіе Токвилля. Только не многія провинціи, такъ называвшіяся *rays d'états*, находили хотя слабую защиту отъ произвола интендантовъ (областныхъ правителей) и министровъ въ своихъ областныхъ учрежденіяхъ, случайно сохранившихся до нѣкоторой степени. Изъ всѣхъ французскихъ областей, наибольшимъ благосостояніемъ пользовался Лангедокъ: обременительное отправленіе феодальныхъ обязанностей натурою, существовавшее въ другихъ провинціяхъ, было тамъ замѣнено денежною платою; дороги и каналы находились въ отличномъ состояніи; финансы области были въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что она могла дѣлать государству очень значительныя ссуды.

„Чтобы объяснить такое неслыханное въ древней Франціи процвѣтаніе отдѣльной области (продолжаетъ князь Черкасскій)? Токвилль видитъ въ немъ естественное и необходимое послѣдствіе существованія въ Лангедокѣ независимыхъ провинціальныхъ учрежденій и предоставленія центральною властью всѣхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, всей внутренней раскладки податей в надзора за общественными предпріятіями областныхъ лангедовскихъ штатамъ, состоявшимъ изъ 92 членовъ, изъ которыхъ 46 депутатовъ средняго сословія, 23 епископа и 23 депутата отъ дворянства. Способъ собранія ихъ п дѣлопроизводство, даже самый ихъ составъ — все было въ нихъ далеко неудовлетворительно, и должно признаться, королевская власть мало заботилась объ совершенствованіи ихъ, всегда видя въ областныхъ учрежденіяхъ орудіе докучливое и недовольно гибкое въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Но уже в зтого несовершеннаго учрежденія, этого всегда присущаго и озаряющаго пути мѣстнаго интенданта — *святоноснаго фокуса*, какъ называетъ его Токвилль, было достаточно, чтобы спасти Лангедокъ отъ многихъ революционныхъ промаховъ и предотвратить или исправить многія ошибочныя дѣйствія центральной французской администраціи“ (Р. В. Крит. стр. 79).

„Областные учрежденія (прекрасно заключаетъ свою статью князь Черкасскій, говоря о формахъ, которыхъ не можетъ ввести Наполеонъ по всему не нормальному положенію) являются въ настоящее время лучшей точкою опоры для правительства по всѣмъ тѣмъ государствамъ, гдѣ еще сохранялись для воссозданія ихъ кашіе либо живые элементы. Только съ ихъ помощью, при благотворномъ ихъ воздѣйствіи в влѣченіи на мѣстное управленіе, можетъ принести какую либо пользу сознательно и бессознательно нынѣ требуемое вездѣ и всѣми отиѣненіе административной централизаціи. Не подобный подвигъ возвышенной и безкорыстной полѣтики можетъ совершить лишь Государь, рожденный на престолѣ, отъ самой колыбели окруженный любовью своего народа и столько же увѣренный въ вещь, сколько искренно и горячо его любящій. Возможность совершить подобный подвигъ сберегается скупой рукою Исторіи лишь для немногихъ ей особенно сочувственныхъ любящихъ“ (Р. В. Крит., стр. 28).

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 11) надобно замѣтить статью г. Бвзобразова „Физиологія Общества“, объясняющую современный взглядъ на отно-

шеніе политическихъ вопросовъ къ общественнымъ: г. Безобразовъ справедливо говоритъ, что нынѣ политическіе вопросы разсматриваются преимущественно только какъ одежда общественныхъ вопросовъ, или какъ пути для удовлетворенія общественныхъ потребностей:

„Смотря на государство (говоритъ г. Безобразовъ) какъ на вышнее, необходимое обезпеченіе органическаго развитія общества, общественная фазіологія не валагаетъ на государственную дѣятельность никакихъ произвольныхъ обязанностей, не носящихъ изъ внутреннихъ потребностей того общества, которое государство призвано заботиться отъ внутренняго и внѣшняго насилія, не предпосылаетъ ему никакихъ аваріе приготовленныхъ формъ, не обусловленныхъ самими интересами народной жизни. Безъ защиты государства, никакое общество не можетъ достигнуть свободнаго развитія силъ своихъ; но и безъ общества, свободно развивающагося подъ защитою государства, послѣднее не имѣетъ никакого значенія. Государственная форма, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, даетъ гарантію тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою. Задача его не болѣе, но и не менѣе. Какъ только государство при охраненіи общественныхъ интересовъ задумываетъ устраивать при этомъ свои собственные дѣла, такъ тотчасъ оно выходитъ изъ предѣловъ своего общественнаго назначенія; общественные интересы равно или поздно выходятъ изъ-подъ опеки, съ помощью которой хотѣли усыпить ихъ, и государственныя дѣла, не разрѣшающія никакого общественнаго дѣла, теряютъ всякое значеніе, всякій вредятъ для общества. Искусственный государственный порядокъ поражается всеобщою парализаціею. Понятно, что съ этой точки зрѣнія государственныя формы не могутъ быть построены по какимъ-нибудь отвлеченнымъ принципамъ: онѣ всегда должны обуславливаться положеніемъ того общества, которое ими охраняется. Потому-то и характеръ и идея государственной дѣятельности разныхъ временъ и народовъ различны, что мы дѣйствительно и видимъ въ исторіи. Такъ начинаютъ смотрѣть на государство воѣ новѣйшіе изслѣдователи, совершенно оставившіе ту почву, на которой возникли политическія воззрѣнія прежняго времени и еще возникающія отсталыя воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ писателей; въ нынѣшніе послѣднѣе, всякое государство должно осуществлять одну идею, стремиться къ одной цѣли. Если можно найти эту одну общую идею и цѣль, то можно выразить ихъ развѣ только такъ, что государство обязано обезпечивать свободное развитіе общественныхъ интересовъ. Такой общій смыслъ для государства можно принять. Въ этомъ смыслѣ государственная дѣятельность получаетъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности. Оно охраняетъ, даггь опредѣленную, прочную форму сдѣлкамъ, въ которыя безпрестанно вступаютъ между собою разные противоположные интересы въ обществѣ. Но эта форма должна быть такова, чтобы въ ней были всегда открыты двери къ новымъ компромиссамъ, безпрестанно разнообразящимся въ безконечномъ развитіи общества. Существующіе въ обществѣ интересы безконечно разнообразны: интересы собственности и нищеты, капиталовъ, земли и работы, религіи и правосаенности, труда и нищеты, образованности и невежества, движенія и застоя; но всѣ эти интересы, каковы бы они ни были, въ силу исторической давности, въ силу времени и общества, давнихъ намъ развѣ жизнь, имѣютъ неотъемлемое право на уваженіе, на защиту отъ всякаго насилія. Общество дажо жизнь тому или другому интересу, цитаетъ его иногда очень долго, но оно не можетъ уничтожить его однимъ ударомъ, какъ бы ни были священны новые интересы, выступившіе въ антагонизмъ съ старыми. Общество обязано дать движеніе новымъ интересамъ, но также обязано дать вознагражденіе старымъ. Государство и варадѣляетъ мѣру этого вознагражденія, равно какъ и много, уступаемое новымъ интересамъ. Этими только путями могутъ быть обезпечены въ обществѣ порядокъ и движеніе“ („Р. Вѣстникъ“, № 11, стр. 344).

Конечно, послѣднія строки имѣютъ слишкомъ безусловный смыслъ: неужели общество, развивающееся не всегда въ нормальныхъ обстоятельствахъ, не порождаетъ иногда интересовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго опис-

хожденія и долженствующихъ считать себя счастливыми уже тогда, когда при первой возможности уничтожаются безнаказанно? Когда въ XIII вѣкѣ Рудольфъ Габсбургскій уничтожалъ разбойничьи феодальные замки на берегахъ Рейна и въ Швабіи, разбойники, втеченіи ста или двухъ сотъ лѣтъ потомственно грабившіе всѣхъ проѣзжихъ и всѣхъ сосѣдовъ, неужели могли требовать вознагражденія, ссылаясь на право давности? Вѣдь они лишались части своихъ доходовъ. Но какое дѣло было до того Рудольфу Габсбургскому? Вотъ, иное дѣло, еслибъ эти люди, не дожидаясь, пока общее чувство возстанетъ противъ нихъ и смиритъ ихъ противъ ихъ воли, прежде того времени и добровольно выразили готовность отказаться отъ привычки жить чужимъ добромъ, насильственно отнимаемымъ, —пу, тогда швабы и жители рейнекпхъ береговъ подумали бы, не требуетъ ли благоразуміе купить у этихъ грабителей добровольное оставленіе прежняго обычая; по юридическому же правилу, грабитель по заслуживаетъ ровно никакого вознагражденія за то, что отказывается отъ грабежа—онъ счастливъ долженъ быть уже тѣмъ, когда не взыскиваютъ съ него денегъ, заграбленныхъ имъ. Надобно также прибавить, что общественные компромиссы только тогда производятся на справедливыхъ основаніяхъ, когда дѣло рѣшается вмѣстѣ представителями обѣихъ сторонъ.— иначе, если оно рѣшается людьми, принадлежащими къ одной только изъ двухъ партій, интересы которыхъ должны быть согласены компромиссомъ, другая партія непременно будетъ обижена. Такъ, напримѣръ, англійскій Парламентъ могъ очень справедливо и (какъ показали послѣдствія) очень выгодно для обѣихъ сторонъ рѣшить вопросъ о хлѣбной торговлѣ, потому что въ Парламентѣ были представители какъ протекціонистовъ (тори), такъ и приверженцевъ свободной торговли (виги); но опъ не можетъ при настоящемъ своемъ составѣ справедливо рѣшить вопросъ, напримѣръ, о такъ называемыхъ Strike'ахъ или пзанмныхъ отношеніяхъ фабриканта къ работникамъ, потому что въ англійскомъ парламентѣ находятся представители только одной изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ дѣла рѣшались гораздо основательнѣе и справедливѣе такъ называемыми французскими промышленными третейскими совѣтами (*conseil des prudhommes*), въ которыхъ было равное число членовъ изъ обѣихъ партій; при такомъ составѣ, самые затруднительные случаи распутывались очень легко, ко взаимной выгодѣ и къ общему удовольствію всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Въ русскомъ законодательствѣ находятся постановленія, текшія изъ этого благотворнаго принципа. Такъ напримѣръ, если къ дѣлу прикосновененъ купецъ, дѣло производится не иначе, какъ при депутатѣ купеческаго званія; если къ дѣлу прикосновенно лицо изъ военнаго званія— не иначе, какъ при депутатѣ изъ военнаго званія и т. д. Этотъ прекрасный и справедливый принципъ поставляется нашимъ законодательствомъ, какъ необходимое условіе всякаго слѣдствія, всякой тяжбы, и при случаѣ компромиссовъ между тяжущимися партіями онъ долженъ по духу нашего законодательства обезпечивать справедливость размѣра, какой дается присуждаемому вознагражденію.

Въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщено очень важное и отрадное извѣстіе объ учрежденіи въ Петербургѣ Общества для доста-

вляющія дешевыхъ и удобныхъ квартиръ людямъ рабочаго сословія. Согласно высокому желанію, выраженному Его Высочествомъ Горцогомъ Георгіемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, благоволившимъ принять на себя главное попечительство надъ Обществомъ, мы помѣщаемъ здѣсь это объявленіе, радуясь начинающемуся осуществленію столь прекрасной и благотворной мысли.

Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

„Мысль объ улучшеніи помѣщеній рабочаго населенія обратила на себя въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе многихъ Правительствъ, въ томъ числѣ и нашего. О состояніи сихъ помѣщеній въ С.-Петербургѣ собраны уже въ разное время весьма любопытныя свѣдѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ обширныя изысканія, произведенныя двумя Комиссіями, въ 1840 и 1847 годахъ, и обнаружившія во всей подробности, въ какихъ неопытныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ размѣщаются здѣшніе рабочіе. При незначительномъ числѣ домовъ, приспособленныхъ, и то весьма дурно, для жилья сихъ людей, они должны поневолѣ довольствоваться квартирами, какія попадутся, приплачиваясь нерѣдко за то здоровьемъ. Какъ мало соотвѣтствуетъ число подобныхъ помѣщеній настоящей въ оныхъ потребности, это показываютъ слѣдующія цифры, извлеченныя изъ дѣлъ Министерства и которыя отчасти были уже напечатаны въ прежнее время въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества *).

Рабочее населеніе С.-Петербурга составляетъ до	250,000 чел.
Изъ нихъ: проживающихъ въ городѣ <i>постоянно</i> .	150,000 „
Приходящихъ на <i>лѣто</i> , для заработковъ.	100,000 „

„Конечно не вся эта масса населенія нуждается въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Изъ числа рабочихъ, *постоянно* проживающихъ въ С.-Петербургѣ, надобно исключить тѣхъ, кои, находясь въ домашнемъ услуженіи, или при торговыхъ заведеніяхъ, или на работѣ у цеховыхъ мастеровъ и т. и., помѣщаются у самихъ же хозяевъ. Людей сего рода считается круглыми цифрами:

Купеческихъ приказчиковъ до	1,500
Лавочныхъ сидѣльцевъ и разныхъ служителей по торговлѣ до	5,000
Рабочихъ по цехамъ до	26,000
Собственно домашней прислуги разныхъ родовъ и чернорабочихъ при домахъ до	100,000
Итого	132,500

„Если изъ числа приходящихъ на *лѣто* исключить даже $\frac{3}{4}$, кои могутъ помѣщаться въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся работы, то останется: *постоянно* живущихъ до 18,000 и *временно* прибывающихъ

*) Книжка III. Статистика недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ.

до 25,000, а всего до 43,000 человекъ, нуждающихся въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Какое же имѣется число помѣщеній для сего населенія? При оцѣнкѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ, произведенной въ сороковыхъ гдахъ, описывались въ каждомъ домѣ всѣ отдѣльныя помѣщенія, т. е. каждая квартира, имѣющая особый входъ, хотя бы она не отдавалась въ наемъ, а употреблялась самимъ домовладѣльцемъ для людей, находящихся въ услуженіи при домѣ. Изъ описей этихъ видно, что подобныхъ, особыхъ квартиръ, за которыя кажется плата могла бы составлять до 30 р. въ годъ, считается въ С.-Петербургѣ не болѣе 2,000, и изъ нихъ большая часть даже не отдается въ наемъ, а, какъ сказано, предназначается для дворниковъ и другихъ служителей при домахъ. Собственно для найма рабочихъ остается какихъ нибудь двѣ, три сотни подваловъ, да небольшое число домовъ, исключительно предназначенныхъ владѣльцами для впуска чернаго народа, и то преимущественно *на ночлеги*. Дома сего рода доставляютъ, какъ извѣстно, значительные доходы, но тѣмъ не менѣе, они недостаткѣ совмѣстничества, содержатся весьма дурно. Между тѣмъ, если бы употребить нѣсколько заботливости для содержанія подобныхъ домовъ, можно было бы получать съ нихъ весьма порядочную прибыль, не разстроивая здоровья рабочихъ. Но, чтобы была заботливость, нужно соперничество. Этого невозможно достигнуть иначе, какъ при содѣйствіи частной предпримчивости, которая, стремясь съ одной стороны къ справедливому извлеченію денежныхъ для себя выгодъ, съ другой стороны заботилась бы о доставленіи жильцамъ наибольшихъ по возможности удобствъ; однимъ словомъ, не имѣла бы цѣлью наживаться на счетъ рабочихъ и ко вреду ихъ здоровья, а согласовать ихъ пользу съ собственными выгодами, увеличивая сіи послѣднія бережливостью, благоразумною распорядительностью, привлеченіемъ наибольшаго числа жильцовъ и другими тому подобными средствами. Обеспечивающими во всѣхъ промышленныхъ дѣлахъ самыя блистательныя успѣхи и прочныя барыни. На эти средства указали, между прочимъ, и Комиссія, наряженная правительствомъ въ разное время для осмотра жилищъ рабочихъ въ здѣшней столицѣ.

„Какой пользы можно достигнуть нѣ семь отношеніи, дѣйствуя посредствомъ частныхъ обществъ, это показываютъ наилучшіе примѣры подобныхъ предпріятій въ Англіи, Франціи и Пруссіи. Все, что представляло почти непреодолимыя препятствія для дѣйствій *исключительно правительственныхъ*, удалось тамъ исполнить легко и скоро, при совокупномъ дѣйствіи правительствъ и частной предпримчивости. Частнымъ общества собирали необходимыя средства посредствомъ подписокъ, акцій, иногда даже пожертвований: имена высокихъ покровителей, — королевы Викторіи, принца Альберта, императора французовъ, принца Прусскаго, служили залогомъ ихъ успѣха, такъ что весьма рѣдко оказывалась необходимость въ непосредственномъ денежномъ вспоможеніи симъ обществамъ со стороны правительства. Впрочемъ, сими обществами нигдѣ не руководили виды частной спекуляціи. Напротивъ, при учрежденіи каждого общества принято въ основаніе, что участники ограничиваются нѣкоторымъ, впрочемъ, достаточ-

нымъ процвѣтомъ дохода, прибыли же свыше онаго обращались на пониженіе цѣнъ въ квартиры рабочихъ. Несмотря на то, учрежденіе обществъ не только не остановилось нигдѣ, за недостаткомъ участниковъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается, и кругъ ихъ дѣйствій распространяется. Въ Англіи число подобныхъ обществъ доходитъ нынѣ до невѣроятной почти цифры, 12,000, паче коихъ, доставляющіе небольшіе, но постоянные и вѣрные дивиденды, предпочитаются многими акціямъ болѣе блистательныхъ, но и болѣе измѣнчивыхъ въ своихъ результатахъ предпріятій. Основываясь на этихъ фактахъ, легко дать себѣ отчетъ въ побужденіяхъ причиняющихъ къ учрежденію помянутыхъ обществъ. Если въ числѣ ихъ была съ одной стороны нѣкоторая весьма справедливая и благоразумная расчетливость капиталистовъ,—то съ другой нельзя не указать и на болѣе возвышенныя чувства истиннаго патриотизма и глубокой любви къ ближнему, понимающей, какое пліяніе имѣетъ помѣщеніе не только на здоровье, но и на нравственность рабочаго.

„Въ странахъ, гдѣ статистическія данныя собираются съ особенною тщательностью, дознано, что смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ 66 процентами больше той, какая существуетъ въ жильяхъ, удовлетворяющихъ необходимымъ гигиеническимъ условіямъ. Нѣтъ словъ выразительнѣе этой цифры. Столь же поразительные факты обнаруживаетъ повсюду вліяніе подобныхъ помѣщеній и на нравственность. „Откройте списки рожденій въ .г. Брюсселѣ“—говоритъ Дюкпесьо (Ducpetiaux) въ одномъ изъ многочисленныхъ сочиненій своихъ, посвященныхъ сему предмету *)—„откройте эти списки и увидите, что въ общей массѣ, на 100 рожденій приходится около .36 незаконнорожденныхъ; въ частности же, между поденщиками и поденщицами, ихъ 88,—число почти невѣроятное“.—Слишкомъ далеко увлекло бы насъ исчисленіе подобныхъ результатовъ по другимъ многолюднымъ городамъ; да и не принесло бы оно особенной пользы, такъ какъ приведенныя пропорціи повторяются повсюду съ небольшими измѣненіями. Въ замѣвъ сего, приведемъ изъ того же сочиненія еще нѣсколько строкъ, отличающихся столько же живымъ сочувствіемъ къ положенію бѣднаго работника, сколько и правдивостію изображенія, которое, по этому самому, можетъ быть примѣнено, болѣе или менѣе, къ каждой странѣ, къ каждой многолюдной мѣстности. — „Тѣснота въ размѣщеніи столь же вредна для здоровья, какъ и для нравственности народа. Дѣйствительно, представимъ себѣ комнату въ нѣсколько - квадратныхъ футовъ, которая служить, въ одно и то же время, мастерской, кухней, столовой и спальней. Какой спертый воздухъ, какия міазмы должны наполнять ее! Вообразимъ себѣ ночью стоящую одна подлѣ другой койки, на которыхъ дѣти лежатъ возлѣ взрослыхъ, молодая дѣвушка подлѣ мальчика. Можно ли надѣяться, чтобы чувство стыдливости долго противостояло соблазну? Понятно, что при такомъ сближеніи людей разныхъ половъ, порокъ и беспорядочное поведеніе развиваются съ самаго ранняго дѣтства. Болѣзни и общее разслабленіе вне

*) *Projet d'aseoction financière pour l'amélioration des habitations et l'assainissement des quartiers habités par la classe ouvrière à Bruxelles. 1846.*

„болѣе увеличиваются. Но и когда смерть посѣщаетъ жилище бѣднаго работника, картина, представляемая этимъ жилищемъ, превосходитъ все, что воображеніе могло бы создать самаго грустнаго и ужаснаго. До погребенія мертвое тѣло по необходимости стоитъ возлѣ стола, на которомъ ѣдятъ. и возлѣ кровати, на которой спятъ. И это не отдѣльный, не исключительный примѣръ; это фактъ, постоянно повторяющійся, которому мы не разъ бывали свидѣтелями и который каждый можетъ провѣрить. Жалкое положеніе, въ коемъ находится большая часть работниковъ и неимущихъ. самая безпорядочная ихъ жизнь и воздержаніе не происходитъ ли частію отъ дурнаго состоянія помѣщеній, ими занимаемыхъ? Послѣ трудового дня, что находятъ работникъ въ своей темной, сырой, пустой и грязной комнатѣ? Такое жилище не можетъ удерживать его дома, и онъ въ кабакъ ищетъ, если не наслажденія, то, по крайней мѣрѣ, самозабвенія. Жена и дѣти напоминаютъ ему, но большей части, лишь тѣ лишонія, которыя его угнетаютъ. Онъ старается укрыться отъ ихъ жалобъ и уирековъ, и чтобы избѣжать угрызеній совѣсти, не знаетъ другаго средства, кромѣ минутаго одуренія, производимаго крѣпкими напитками“.

„Какіе возгласы несутся изъ грязныхъ и вонючихъ закоулковъ, гдѣ гнѣзятся маленькія существа, покрытыя лохмотьями? Это дикіе крики. грубыя пѣсни, подъ-часъ — стenanія. А гдѣ же семья? Она въ разбродѣ: отецъ въ кабакъ, мать у сосѣдки, ребенокъ на улицѣ. Семья существуетъ лишь на случай лишеній и страданій; для труда, для удовольствій ея нѣтъ. Хотите ли возстановить и соединить эту разрозненную семью? Дайте ей жилище, которое бы оправдывало свое назначеніе, дайте ей воздуха, свѣта, солнца! Возбудите въ работникѣ привязанность къ его жилищу, чтобы облагородить его и улучшить положеніе. Время настало, потому что домашній очагъ, въ смыслѣ мирнаго семейнаго нрїюта, становится рѣже и рѣже. Союзъ между женщиной и женщиной не признается союзомъ священнымъ, и еслибы младенецъ умѣлъ произносить проклятїя, онъ сталъ бы часто проклинать и тотъ день, въ который родился“.

„Конечно, положенію нашего рабочаго не представляется еще въ столь мрачномъ свѣтѣ. Основанія семейной жизни не потрясены такъ глубоко въ нашемъ простомъ народѣ, и должно стараться не допустить его до сой крайности. Но, отбросивъ нѣкоторыя подробности, нельзя не признать, къ несчастію, что нѣкоторыя изъ описанныхъ недостатковъ существуютъ и у насъ. Сличая содержаніе ихъ съ данными, обнаруженными Коммиссіями, бывшими въ нашей столицѣ въ 1840 и 1847 годахъ, окажется нѣчто похожее:

„Квартиры, предназначенныя для простаго народа, — говоритъ первая изъ сихъ Коммиссій, — отдаются домовладѣльцами въ наемъ особымъ промышленникамъ, которые отъ себя уже пускаютъ въ нихъ рабочихъ, на разные сроки, а всего чаще на *ночлеги*. Народонаселеніе, пользующееся этими квартирами, состоитъ изъ поденщиковъ небольшихъ артелей, прибывающихъ въ столицу для прїисканія работъ, и другаго класса людей (мѣжду прочимъ даже чинovníковъ). За *мѣсто* платится отъ 2 до 5 руб. все. въ мѣсяцъ, или отъ 7 до 10 кон. асс. за *ночлеги*. Большая часть

„сихъ квартиръ содержится чрезвычайно дурно; нѣ въ которыхъ зимою не было двойныхъ оконныхъ рамъ; отопленіе самое недостаточное и, сколько можно было замѣтить, квартиры сего рода *нагрѣваются однимъ скопичемъ людей*; стѣны напитаны сыростію, форточекъ для очищенія воздуха нѣтъ и *неопрятность превышаетъ всякое вѣроятіе*; нонойныя ямы устроены внутри жилья: иногда изъ пятого этажа всякія нечистоты протекають черезъ всѣ нижшіе этажи и даже по корридору; въ одномъ домѣ, въ которомъ помѣщается до 700 рабочихъ (а лѣтомъ еще болѣе), найдено, что болѣе 7 лѣтъ не очищали и не перекрашивали стѣнгъ, а полы совершенно сгнили. Хозяева, нанимающіе эти квартиры отъ домовладѣльцевъ, желая извлечь наибольшія выгоды, пускають для ночлега такое число людей, сколько можетъ вмѣститься, для чего дѣлають нары въ три и болѣе ярусовъ, *почти до потолка*, люди мѣстятся еще сверхъ нары на полу, на скамейкахъ, однимъ словомъ, гдѣ есть только мѣсто, такъ, что въ квартирахъ, имѣющихъ не болѣе 3 саж. въ длину и ширину, найдено было, при осмотрѣ, ночующихъ и постоянно живущихъ до 50 человекъ обоого пола; тамъ же малолѣтныя дѣти и, среди сего скопища людей, нѣсколько человекъ, одержанныхъ прилипчивыми болѣзнями“. Подобныхъ примѣровъ приведено въ изысканіяхъ Коммиссіи множество. Покойный Генераль-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ, сводя всѣ эти факты, выразилъ убѣжденіе, что открытыя беспорядки происходятъ наиболѣе отъ промышленниковъ, кои, получая за ежегодныя квартиры выгодную плату, ни мало не заботятся объ ихъ содержаніи.

„Въ 1847 году новая Коммиссіи осмотрѣла до пятисотъ помѣщеній рабочихъ и описала ихъ съ особенною подробностью.

„Рабочій народъ, объясняетъ Коммиссіи, помѣщается въ тѣхъ самыхъ фабрикахъ и заведеніяхъ, гдѣ работаетъ, или въ особыхъ квартирахъ, нанимаемыхъ подрядчиками, артелями или самими рабочими, по-одиночю. Наиболѣе выгодъ для рабочаго представляетъ размѣщеніе нерваго рода, за исключеніемъ болѣе бѣдныхъ ремесленниковъ, кои, кромѣ мастерскихъ, не имѣють особыхъ помѣщеній для своихъ работниковъ. Въ мастерскихъ сего послѣднего рода или отгораживается для кроватей какой нибудь темный, душный уголь, или рабочіе спятъ на полу и верстакахъ, даже на столбахъ, на которыхъ днемъ валяють тѣсто. Обыкновенною подстилкою служатъ дрянной, тонкій войлокъ, или еще чаще, простая рогожка; часто даже не бываетъ къ вовсе никакой подстилки: спятъ прямо на доскахъ. Но надобно войти въ квартиры собственно *наемныя*, и въ особенности въ такіи, гдѣ хозяинъ имѣеть дѣло не съ подрядчикомъ, а прямо съ артелью, или рабочими по-одиночю, чтобы узнать, до какой степени можетъ дойти тѣснота, духота, сырость, однимъ словомъ, все, что разрушаетъ здоровье человека“.

„Послѣ фактовъ, приведенныхъ выше изъ отчетовъ первой Коммиссіи, мы вошли бы лишь въ излишній повторенія, если бы захотѣли прописывать здѣсь и замѣчанія послѣдней. Какъ въ 1840, такъ и въ 1847 году обнаружено совершенно одно и то же. Обѣ Коммиссіи пришли къ убѣжденію, что въ видахъ народнаго здравія, общественной нравственности и даже по-

лицейскаго порядка, не говоря о челоѣколюбнѣ, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію означенныхъ помѣщеній, и вторая Комиссія выразила при этомъ твердое убѣжденіе, что всѣ въ этомъ отношеніи мѣры правительства могутъ привести къ положительнымъ послѣдствіямъ лишь при содѣйствіи частныхъ благотворительныхъ и другихъ обществъ.

„Убѣжденіе это наконецъ нынѣ осуществляется. Лица, пользующіяся известностью, общественнымъ положеніемъ, одушевленные просвѣщеннымъ усердіемъ ко благу челоѣчества, расплатающіи и благодѣтельнымъ аніаніемъ и матеріальными средствами, предположили составить общество на акціяхъ для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго населенія и вообще людей недостаточнаго состоянія. Лица снѣ суть: вдова полковника А. К. Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ Совѣта Общества желѣзныхъ дорогъ въ Россіи Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, придворный банкиръ баронъ Штигилицъ и инженеръ-полковникъ Палибвнъ.

„Главное попечительство надъ будущимъ обществомъ принялъ на себя Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій. Супругъ Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны.

„Государь Императоръ, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о семъ предположеніи, изволилъ впольнѣ оное одобрить и Высочайше повелѣть. согласно ходатайству Его Великогерцогскаго Высочества, предоставить учредителямъ произвести необходимыя предварительныя изысканія и, составивъ для общества проектъ подробнаго устава, представить оный въ свое время на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

„О такомъ Высочайшемъ соизволеніи, со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ уведоMLEнъ С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, съ тѣмъ, чтобы со стороны городскаго, какъ общественнаго, такъ и полицейскаго управления, оказываемо было учредителямъ, въ случаѣ надобности, всевозможное содѣйствіе.

„Учредители намѣреваются прежде всего предложить конкурсъ для составленія возможно совершеннаго плана такого дома, который соединялъ бы въ себѣ и всѣ удобства будущихъ жильцовъ и выгоды акціонеровъ, возможную дешевизну постройки со всѣми условіями помѣщенія теплаго, чистаго, свѣтлаго, словомъ, снабженнаго всѣмъ, что для челоѣка трудового составляетъ не роскошь, но лишь справедливую потребность.

„Объ условіяхъ и требованіяхъ конкурса будетъ объявлено особо въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

„Въ этомъ важномъ для общественнаго блага дѣлѣ, Правительству остается желать полнаго и скорого успѣха просвѣщеннымъ учредителямъ столь полезнаго и давно ожидаемаго предпріятія“.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. издаше *П. А. Кулиша*, шесть томовъ. спб. 1857.

Очень долго наша критика, при каждомъ новомъ изданіи сочиненій того или другаго знаменитаго писателя, должна была жаловаться на неполноту и неудовлетворительность этого изданія. Наконецъ дожили мы до хорошихъ изданій, составленныхъ внимательно людьми знающими. Изданіе сочиненій Гоголя, сдѣланное г. Кулишемъ, конечно, не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Многіе изъ нихъ уже указаны г. Лонгиновымъ, другіе вѣроятно, будутъ указаны другими нашими библиографами. Но всѣ эти недостатки—опущеніе нѣкоторыхъ, впрочемъ вовсе неважныхъ, мелкихъ статей, нѣкоторыя отступленія отъ хронологической системы, нѣкоторыя опечатки и т. п.—совершенно незначительны въ сравненіи съ достоинствами издашя, за которое нельзя не благодарить г. Кулиша. Оно уже извѣстно большей части нашихъ читателей и нѣтъ надобности описывать его. Читатель знаетъ, что въ четырехъ первыхъ томахъ собраны сочиненія, бывшія до сихъ поръ разбѣянными въ одиннадцати книгахъ (шесть томовъ сочиненій въ изданіи г. Трушковскаго, два тома „Мертвыхъ Душъ“, два тома „Арабесковъ“ и „Переписка съ друзьями“); два послѣдніе тома составились изъ писемъ Гоголя, и о нихъ то мы преимущественно будемъ говорить въ этой статьѣ, замѣтивъ только, что г. Кулишъ сдѣлалъ очень хорошо, помѣстивъ въ обѣихъ редакціяхъ тѣ сочиненія Гоголя, которыя были въ значительной степени передѣланы авторомъ, именно: „Тараса Бульбу“, „Портретъ“ и сохранившийся отрывокъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. „Тарасъ Бульба“ и „Портретъ“ равно извѣстны публикѣ, какъ въ первоначальномъ, такъ и въ исправленномъ своемъ видѣ; но отрывокъ „Мертвыхъ Душъ“ въ первый разъ является теперь въ двухъ редакціяхъ, сравненіе которыхъ чрезвычайно интересно. Оно показываетъ, какимъ образомъ Гоголь давалъ все больше и больше равнотія тому, что называлъ въ послѣдніе годы своей жизни высокимъ лирическимъ порывомъ и что казалось довольно неловкою напыщенностію людямъ, сожалѣвшимъ о томъ болѣзненномъ направленіи Гоголя, изъ котораго возникла „Переписка съ друзьями“ и „Развязка Ревизора“.

Неумѣстный и неловкій идеализмъ, столь сильно отразившійся на второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ и бывшій главной причиной не только по-

тери Гоголя для искусства, но и преждевременной кончины его, до сих поръ составляетъ интереснѣйшій вопросъ въ біографіи нашего великаго поэта. „Записки о жизни Гоголя“, изданныя въ прошедшемъ году, доставили людямъ, не знавшимъ лично Гоголя, первые матеріалы для того, чтобы судить о причинахъ и характерѣ этого направлеія, столь прискорбнымъ образомъ изумившаго публику при изданіи „Переписки съ друзьями“. „Письмами Гоголя“, нынѣ изданными, число этихъ матеріаловъ значительно увеличивается, но и въ настоящее время публика далеко еще не имѣетъ всѣхъ біографическихъ данныхъ, нужныхъ для совершенно точнаго рѣшенія сомнѣній и подозрѣній, возбужденныхъ тѣмъ настроеніемъ, какое обнаруживалъ Гоголь въ послѣдшіе десять лѣтъ своей жизни. Воспоминаній о Гоголѣ напечатано довольно много, но всѣ они объясняютъ только второстепенныя черты въ многосложномъ и чрезвычайно оригинальномъ характерѣ гениальнаго писателя. Мы знаемъ теперь изъ этихъ воспоминаній, что въ молодости онъ былъ большимъ забавникомъ и балагуромъ; мы знаемъ, что уже и въ молодости онъ не любилъ говорить о мысляхъ и чувствахъ, наиболѣе занимавшихъ его душу, стараясь шутками придать разговору легкое, смѣшное направлеіе, отклонить разговоръ отъ такихъ предметовъ, говорить о которыхъ не могъ бы безъ волненія; мы знаемъ, что въ молодости онъ любилъ франтить и франтилъ очень неудачно; мы знаемъ, что въ молодости опъ два или три раза испытывалъ чувство страстной любви, въ способности къ которому иногда отказывали ему до изданія записокъ о его жизни; мы знаемъ, что болѣзненность его происходила главнымъ образомъ отъ геморроидальнаго расположенія и отъ хроническаго расстройства желудка. Всѣ эти свѣдѣнія, конечно, не совершенно ничтожны, но они совершенно недостаточны для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ наиболѣе важности въ нравственной исторіи Гоголя. „Писемъ Гоголя“ напечатано г. Кулншемъ ужь очень много. Корреспонденція самого Пушкина, собранная полнѣе, нежели переписка какого бы то ни было другаго русскаго литератора, далеко уступаетъ своимъ объемомъ собранію „Писемъ Гоголя“, напечатанному въ нынѣшнемъ изданіи. Но эти письма, во многихъ случаяхъ остаются еще непонятными отчасти потому, что мы все еще очень мало знаемъ факты жизни Гоголя, отчасти потому, что отвѣты его друзей, долженствующіе служить необходимымъ дополненіемъ къ его собственнымъ письмамъ, остаются до сих поръ п. вѣроятно, довольно долго еще останутся ненапечатанными; отчасти, наконецъ, потому, что эти письма напечатаны по необходимости очень не полно: въ изданіи пропущены многіе отрывки, изъ которыхъ иные должны быть интереснѣе всего напечатаннаго, — пропущены, кажется, и нѣкоторыя письма. Надобно также прибавить, что о людяхъ, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, кромѣ одного Пушкина, не напечатано до сих поръ почти ничего; почти ничего не напечатано до сих поръ и объ общемъ характерѣ тѣхъ кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Гоголь, и тѣхъ условій, среди которыхъ онъ жилъ. Такимъ образомъ матеріалы для біографіи Гоголя, хотя и имѣютъ объемъ очень обширный, далеко недостаточны. Публика до сих поръ почти ничего прямымъ образомъ не знаетъ о томъ, какими именно стремленіями руководился Гоголь. „Желаніе изобличать обще-

ственные раны“, — но выражении, осмѣянному самимъ Гоголемъ, это желаніе слиникомъ неопредѣлительно. Тутъ нужно бы знать, что именно казалось Гоголю дурнымъ въ современномъ обществѣ. „Но, кажется, мы это очень хорошо знаемъ: ему казалось дурно, что у насъ существуетъ взяточничество и неправосудіе, апатіи, развлекаемая только сплетнями и преферансомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе“. Все это такъ, но изъ всего этого еще ничего не слѣдуетъ. На взяточничество и тому подобные пороки нападали не одинъ Гоголь, нападали чуть ли не всѣ наши писатели отъ Державина (чтобы не заходить слиникомъ далеко въ древность) до г. Бенедиктова. Щедрина и графу Соллогубу одинаково неприятно, что у насъ существуетъ взяточничество. Оба они нападаютъ на этотъ порокъ, но между тѣмъ какъ Щедрина всѣ прославляютъ, надъ графомъ Соллогубомъ всѣ посмѣялись: почему такъ? потому, что вражда противъ взяточничества возникаетъ у этихъ двухъ писателей изъ убѣжденій совершенно различныхъ; потому что порокъ, на который нападаютъ эти писатели, понимаютъ они совершенно различно. Мало того, чтобы знать, что нравится, или что не нравится писателю, — важно также знать, на основаніи какихъ убѣжденій этотъ предметъ ему нравится или не нравится; нужно знать, отъ какихъ причинъ производитъ онъ недостатокъ, на который нападаетъ, какими средствами считаетъ онъ возможнымъ истребить злоупотребленіе и чѣмъ предполагаетъ онъ замѣнить то, что хочетъ искоренить. Нужно знать образъ мыслей писателя. Каждый знаетъ образъ мыслей Пункина, Жуковского; но образъ мыслей Гоголя до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ. „Какъ не извѣстенъ? по крайней мѣрѣ, очень хорошо извѣстно то направленіе, какое получила его мысль въ послѣдніе годы. Аскетизмъ подавилъ въ немъ всякія другія начала“. Будто и довольно знать это? повторимъ: все это слишкомъ неопредѣлительно; аскетизмъ выраженіе слишкомъ общее; аскетическое направленіе имѣетъ совершенно различный смыслъ, смотря потому, изъ какихъ идей и стремленій вытекаетъ. Аскетизмъ проповѣдывалъ Іоаннъ Златоустъ, и каждый благослышавшій человѣкъ отдаетъ полную справедливость здравости его проповѣди, возникавшей изъ благороднаго негодованія на развратную и пустую роскошь тѣхъ людей, къ которымъ была обращена она. Этимъ людямъ, губившимъ родину и тиранившимъ свой народъ для удонлетворенія своихъ пошлыхъ страстей, дѣйствительно нужно было напоминаніе о власяницѣ и чорствомъ хлѣбѣ. Аскетизмъ проповѣдывалъ также Массильонъ при дворѣ Людовика XIV, и каждый согласится, что проповѣдь Массильона была благородна и справедлива: дѣйствительно нужно было говорить этимъ развратнымъ и жестокосерднымъ вельможамъ объ огнѣ вѣчномъ и скрежетѣ зубовъ. Такихъ проповѣдниковъ аскетизма нельзя смѣшивать съ какими нибудь іезуитами, у которыхъ цѣль проповѣди объ аскетизмѣ состоитъ въ приученіи несчастныхъ и голодныхъ къ мысли, что они вѣчно должны быть голодны и должны радоваться тому, что такова ихъ судьба. Вы сказали „аскетизмъ“ и думаете, что этимъ уже все рѣшено. Одно слово само по себѣ ничего не значитъ. Скрываются часто самыя пагубныя стремленія подъ самымъ прекраснымъ словомъ. Прочитайте рѣчи южныхъ ораторовъ Сѣверной Америки: они отвергали выборъ Фрмонта во имя законности, во имя отцовской любви.

во имя просвѣщенія. Впрочемъ, къ чему намъ ходить далеко? Такіе случаи бывають вездѣ и всегда. Съ другой стороны, еще чаще стремленія благородным и дѣйствительно полезныя были въ глазахъ многихъ унижаемы тѣмъ неблаговидными словами, къ которымъ защитники этихъ стремленій прибѣгали, или по одностороннему увлеченію, или по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Какъ часто говорили объ ожесточенной враждѣ и кровавыхъ распряхъ и насильственныхъ переворотахъ люди, всей цѣлью жизни которыхъ было всеобщее примиреніе, любовь и тишина! Слова еще ничего не значать: нужно знать, изъ какихъ стремленій возникаютъ слова.

„Письма Гоголя“ и напечатанныя до сихъ поръ воспоминанія о немъ людей къ нему близкихъ не знакомятъ насъ съ его образомъ мыслей настолько, чтобы можно было прямымъ образомъ рѣшить по нимъ, каковъ именно былъ этотъ человѣкъ, одаренный характеромъ, исполненный, невидимому, противорѣчій, какою общою идеею была проникнута его нравственная жизнь, представляющаяся на первый взглядъ столь нелогическою, безвезивною к даже пелѣпою. Мы хотимъ попробовать, нельзя ли за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ сколько нибудь приблизиться къ рѣшенію вопроса о нравственной жизни Гоголя путемъ соображеній.

Догадки и соображенія никогда не должны имѣть притязанія на безусловную основательность. Гипотеза остается гипотезою, пока факты не подтвердятъ ее, и надобно сказать, рѣдко гипотеза подтверждается фактами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ, чтобы не измѣниться при переходѣ въ достовѣрную фактическую истину. Довольно уже и того, если она близка къ истинѣ.

За недостаткомъ прямыхъ свидѣній о нравственной жизни Гоголя, мы прежде всего постараемся отгадать, съ какими вліяніями могъ онъ встрѣчаться въ тѣхъ обществахъ, среди которыхъ жилъ.

Мы не будемъ много говорить о жизни Гоголя до самаго переселенія въ Петербургъ. Онъ скоро вышелъ изъ-подъ вліяній, которыми окруженъ былъ въ домашнемъ быту и потомъ въ школѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ съ самаго начала, какъ человѣкъ совершенно темный, не нашелъ близкихъ знакомыхъ ни въ комъ, кромѣ нѣсколькихъ бывшихъ сотоварищей по школѣ и знакомой съ ними вообще молодежи, бѣдной и безвѣстной. Этотъ кружокъ юношей, оживлонныхъ веселостію среди житейскихъ недостатковъ, жившихъ на распашку, былъ безъ сомнѣнія наилучшимъ изъ всѣхъ тѣхъ кружковъ, къ которымъ впоследствии примыкалъ Гоголь. Но кромѣ веселости, соединенной съ молодостію, едва ли могъ найти что нибудь Гоголь между этими людьми.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, десятью годами позже того, въ петербургской молодежи было одушевляющее такъ называемыми возвышенными идеями. Около 1830 года ничего такого не оказывалось. Молодежь восхищалась Пушкинымъ, да и то безъ прежняго энтузіазма; кромѣ восхищенія Пушкинымъ, едва ли можно было найти въ ней какія нибудь стремленія, переходившія за границу молодыхъ развлеченій. Въ Москвѣ молодежь съ жадностію читала „Телеграфъ“, въ Петербургѣ вмѣсто „Телеграфа“ были „Сынъ Отечества“ и „Отечественныя Записки“ Свиньина. Было время, когда и

„Сынъ Отечества“ имѣлъ въ себѣ живую струю, но это время кончилось задолго до 1829 года, и „Сынъ Отечества“ былъ пусть и бездушень. „Отечественныя Записки“ Свиньина съ самаго начала до самаго конца были бездушны. Таково было чтеніе, болѣе или менѣе удовлетворявшее тогдашнюю петербургскую молодежь. Нельзя было услышать въ кругу ея ни одного изъ тѣхъ громкихъ словъ, надъ которыми такъ легко смѣяться, но безъ увлеченія которыми бѣдно и пусто сердце юноши. Конечно, и тогдашняя молодежь не была бы враждебна къ заоблачнымъ мыслямъ о судьбахъ человѣчества, о мировыхъ вопросахъ, о благѣ Россіи и т. п., еслибъ что нибудь услышала оиѣ этихъ иденхъ. Но дѣло въ томъ, что не откуда и не отъ кого было ей слышать о подобныхъ предметахъ. Она знала только, что Пушкинъ прежде писалъ нревосходныя поэмы въ родѣ „Кавказскаго Пѣвника“, а теперь пишетъ поэмы въ родѣ „Графа Нулина“, которымъ нельзя такъ восхищаться, но что впрочемъ тотъ, кто не восхищается и теперь Пушкинъ, есть презрѣнный зопль. Она думала также, что Языковъ, Баратынскій, Дельвигъ и т. д. и т. д., пишутъ стихи ни чуть не хуже Пушкина, но знала также, что они не должны быть считаемы такими великими поэтами, какъ онъ, хотя и они также великіе поэты. Что хорошаго въ стихахъ Пушкина, кромѣ звучности и легкости, этого никто въ Петербургѣ и не зналъ около 1830 года; прежде находили, въ немъ какой-то романтизмъ, который во времена критики Марлинскаго объяснялся какъ 'что-то живое; но къ 1830 году въ Петербургѣ забыли даже о критикѣ Марлинскаго, и романтизмъ казался чуть ли не просто причудливостію. Если таковы были литературныя понятія тогдашней петербургской молодежи, легко себѣ вообразить, каково было ея отношеніе къ другимъ живымъ идеямъ: она, бѣдная, и не подозрѣвала ихъ существованія.

Скоро Гоголь сдѣлался литераторомъ, и случайность, которая до сихъ поръ называется необыкновенно счастливой и благотворной для развитіи творческихъ силъ Гоголя, ввела его въ кружокъ, состоявшій изъ избранныхъ писателей тогдашняго Петербурга. Первымъ былъ въ этомъ кружкѣ чловѣкъ съ талантомъ дѣйствительно великимъ, съ умомъ дѣйствительно очень быстрымъ, съ характеромъ дѣйствительно очень благороднымъ въ частной жизни. Пушкинъ ободрялъ молодаго писателя и внушалъ ему, какимъ путемъ надобно идти къ поэтической славѣ. Но каковъ могъ быть характеръ этихъ внушеній? Извѣстенъ образъ мыслей, вполне разившійся въ Пушкинѣ, когда прежде его руководители смѣнились новыми друзьями и прежняя неприятная обстановка замѣнилась благосклонностью со стороны людей, третировавшихъ Пушкина нѣкогда, какъ дерзкаго мальчишку. До конца жизни Пушкинъ оставался благороднымъ чловѣкомъ въ частной жизни: чловѣкомъ современныхъ убѣжденій онъ никогда не былъ; прежде, подъ вліяніями, о которыхъ вспоминаетъ въ Аріонѣ, — казался, а теперь даже и не казался. Онъ могъ говорить объ искусствѣ съ художественной стороны, ссылаясь на глубокомысленнаго Катенина; могъ прочитать молодому Гоголю прекрасное стихотвореніе „Поэтъ и Чернь“ съ знаменитыми стихами:

„Не для житейскаго волненья,
„Не для корысти, не для битвѣ и т. д.:

могъ сказать Гоголю, что Полевой—пустой и вздорный крикунъ; могъ похвалить непритворную веселость „Вечеровъ на Хуторѣ“. Все это, пожалуй, и хорошо, но всего этого мало; а по правдѣ говоря, не все это и хорошо.

Если мы предположимъ, что въ общество, занятое исключительно разсужденіями объ артистическихъ красотахъ, вошелъ человѣкъ молодой, до того времени не имѣвшій случая составить себѣ твердый и систематическій образъ мыслей, человѣкъ, не получившій хорошаго образованія, должны ли мы будемъ удивляться, когда онъ не пріобрѣтетъ здравыхъ понятій о метафизическихъ вопросахъ и не будетъ приготовленъ къ выбору между различными взглядами на государственныя дѣла?

Привычки, утвердившіяся въ обществѣ, имѣютъ чрезвычайную силу надъ дѣйствіями почти каждаго изъ насъ. У насъ еще очень сильно то мелкое честолюбіе, которое мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ средѣ людей менѣе высокаго ранга, какъ скоро открывається ему доступъ въ кружокъ, принадлежащій къ болѣе высокому классу общества. Гоголь былъ похожъ почти на каждаго изъ насъ, когда пересталъ находить удовольствіе въ обществѣ своихъ прежнихъ молодыхъ друзей, вошедши въ кружокъ Пушкина. Пушкинъ и его друзья съ такимъ добродушіемъ заболтали о Гоголѣ, что онъ былъ бы человѣкомъ неблагодарнымъ, если бы не привязался къ нимъ какъ къ людямъ. „Но можно имѣть расположеніе къ людямъ и не поддаваться ихъ образу мыслей“. Конечно, но только тогда, когда я самъ уже имѣю твердыя и приведенныя въ систему убѣжденія: иначе откуда же я возьму основаніе отвергать мысли, которыя внушаются мнѣ цѣлымъ обществомъ людей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ цѣлой публикѣ,—людей, изъ которыхъ каждый гораздо образованнѣе меня! Очень натурально, что если я, человѣкъ мало образованный, нахожу этихъ людей честными и благородными, то мало-по-малу привыкну я и убѣжденія ихъ считать благородными и справедливыми.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ. Объ отдѣльныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьезному взгляду на факты, пежсли другіе писатели тогдашняго времени, написавъ „Ревизора“, повинуюсь единственно инстинктивному виушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, осьтъ ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, нѣ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточниче-

ствѣ и больше ничего: ему не приходило въ голову понятіе безправность, и т. п. Изображая своего городничаго, онъ, конечно, и не воображалъ думать о томъ, находятся ли въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго к контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи „Ревизоръ“, ему вѣрно и въ голову не приходило подумать о томъ, есть ли нѣ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣ могъ онъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ. потому что ничего подобнаго не могъ онъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его, а еще менѣ могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ. Теперь, напримѣръ. Щедринъ вовсе не такъ инстинктивно смотритъ на взяточничество — прочтите его рассказы: „Неумѣлые“ и „Озорники“, и вы убѣдитесь, что онъ очень хорошо понимаетъ, откуда возникаетъ взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено. У Гоголя вы не найдете ничего подобнаго мыслямъ, проникающимъ эти рассказы. Онъ видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія.

Виноватъ ли онъ въ этой тѣснотѣ своего горизонта? Мы не вздумаемъ оправдывать его избитою фразою, что онъ дескать былъ художникъ, а не мыслитель: не далеко уйдетъ тотъ художникъ, который не получилъ отъ природы ума, достаточнаго для того, чтобы сдѣлаться и мыслителемъ. На одномъ талантѣ въ наше время не далеко уѣдешь; а дѣятельность Гоголя была, кажется, довольно блистательна и, вѣроятно, было у него хотя столько ума, сколько найдется у каждаго изъ насъ, такъ прекрасно разеуждающихъ о вещахъ, на которыхъ запнулся Гоголь. Дѣло въ томъ, что мы съ вами, читатель, воспитались въ обществѣ гораздо болѣе развитомъ, нежели Гоголь. Вспомните, было ли въ вашей жизни время, когда не знакомо было вамъ, напримѣръ, хотя бы слово „принципъ?“ А Гоголь, въ то время, когда писалъ „Ревизора“, по всей вѣроятности, и не слыхивалъ этого слова, хотя былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ и съ Пушкинымъ и со многими другими знаменитыми людьми тогдашняго времени. Или другой примѣръ: вѣроятно съ незапамятныхъ лѣтъ, вы, читатель, слышали, что префектъ во Франціи не имѣетъ никакого участія въ судебной власти, а имѣетъ только административную; а Гоголь, когда писалъ „Ревизора“, очень можетъ быть, и не слышалъ о существованіи французскихъ префектовъ, а если и слышалъ, то, вѣроятно, предполагалъ, что кругъ власти префекта тотъ же самый, какъ кругъ власти губернатора; а не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что онъ рѣшительно не зналъ о такъ называемой теоріи раздѣленія судебной власти отъ административной. Слышали ли вы о трудолюбивомъ и почтенномъ нашемъ историкѣ Ертовѣ? Онъ написалъ Всеобщую Исторію во множествѣ томовъ, руководствуясь исключительно русскими источниками. Факты изложены у него точно такъ же, какъ и у всякаго другаго историка. И у него римляне

разоряютъ Кареагенъ, а не кареагеныяне Римъ, и у него трогательными красками описанъ героическій патриотизмъ кареагеныянь во время осады. И все это очень подробно и вѣрно. Но есть у него цѣлые періоды, оставшіеся какъ будто бы пробѣломъ—чтожъ дѣлать, онъ не виноватъ: не нашлось для этихъ періодовъ матеріаловъ въ русскихъ книгахъ. Но интереснѣе всего его разеужденія о причинахъ и послѣдствіяхъ событій; мало онъ говоритъ объ этомъ, за то чрезвычайно оригинально. Тутъ вы у него найдете такія соображенія, отъ которыхъ не поздоровилось бы ни Маколею, ни Шлоссеру: путаница невообразимая. А между тѣмъ, какъ по всему видно, самъ по себѣ Ертовъ былъ ни чуть не глупѣе многихъ французскихъ или нѣмецкихъ историковъ: но чтожъ желать, когда у него подъ руками не было сносныхъ мыслей о причинахъ и послѣдствіяхъ историческихъ событій, и когда читался онъ въ единственныхъ доступныхъ ему книгахъ такого вздора, котораго не въ состояніи былъ бы распутать и самъ Нибуръ.

„Но какимъ же образомъ Гоголь, при своемъ геніальномъ умѣ, могъ останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ, не возводя ихъ къ общему устройству жизни? Какимъ образомъ могъ онъ удовлетвориться вздорными и поверхностными объясненіями, какія мимоходомъ удавалось ему слышать? Наконецъ, какимъ образомъ не сошелся онъ съ людьми, серьезность взгляда которыхъ, повидимому, болѣе гармонировала съ его собственною натурою?“

На послѣдшій вопросъ было бь очень затруднительно отвѣчать, еслибъ во время своей молодости Гоголь могъ знать какихъ нибудь людей, имѣвшихъ образъ мыслей, болѣе соотвѣтствовавшій инстинктивному направленію его природы, нежели взгляды, господствовавшіе въ пушкинскомъ кружкѣ; но въ томъ и дѣло, что около 1827 — 1834 годовъ (когда Гоголю было 18 — 25 лѣтъ), никто и не слышалъ въ Петербургѣ о существованіи такихъ людей, да, вѣроятно, ихъ и не существовало. Въ Москвѣ былъ, правда, Полевой; но Полевой тогда находился въ разладѣ съ Пушкинымъ, и надобно по всему заключать, что въ кругу Пушкина считался онъ чело-вѣкомъ очень дурнымъ и по своимъ личнымъ качествамъ и по образу мыслей, такъ что Гоголь съ самаго начала проникся нерасположеніемъ къ нему: правда, былъ тогда въ Москвѣ Надеждинъ, но Надеждинъ выступилъ злымъ критикомъ Пушкина и долго внушалъ негодованіе всему пушкинскому кружку. Если бы Полевой и Надеждинъ жили въ одномъ городѣ съ юношею Гоголемъ, быть можетъ, въ личныхъ сношеніяхъ онъ научился бы цѣнить ихъ личности и научился бы сочувствовать ихъ понятіямъ. Но онъ зналъ ихъ въ то время только по статьямъ, которыя каждый день приучален считать недѣльными и отвратительными.

Черезъ много лѣтъ,—въ тѣ годы, когда уже готовъ былъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ (1840—1841), сдѣлались извѣстны массѣ публики, — вѣроятно, только теперь сдѣлались извѣстны и Гоголю,—люди другого направленія; но въ то время Гоголю было уже тридцать лѣтъ; въ то время онъ былъ окруженъ ореоломъ собственнаго величія, былъ уже великимъ учителемъ русской публики, — ему поздно было учиться у людей, нѣсколько младшихъ его по лѣтамъ, стоявшихъ въ тысячу разъ ниже его и по общественному положенію и по литературному авторитету. Еслибъ даже Гоголь

не орижыналь кь пушкинскому кружку, онъ не сталъ бы заботиться о сближеніи съ ними; а для челоуька, принадлежавшаго кь пушкинскому кружку, это было рѣшительно невозможно.

Но главное, съ 1836 года, почти постоянно Гоголь жилъ за границею и, конечно, могъ только продолжать сношеніи съ тѣми людьми въ Россіи, съ которыми былъ уже знакомъ прежде.

„Какъ онъ могъ, при сильномъ умѣ, останавливаться на частныхъ явленіяхъ, не отыскивая ихъ связи съ общею системою жизни? Какъ могъ довольствоваться объясненіями, ходившими въ кругу, среди котораго онъ жилъ въ Петербургѣ?“ Но вспомнимъ, что когда Гоголь переселился за границу (1836), ему не было еще двадцати семи лѣтъ, а жилъ онъ въ этомъ кругу съ 20-лѣтняго возраста. Удивительно ли, что какъ ни гениалевъ и проницателенъ юноша, вступающій въ кругъ знаменитыхъ людей, далеко превосходящихъ его образованностью, онъ на нѣкоторое время остается при томъ мнѣніи, что эти люди, признанные всеѣмъ образованнымъ обществомъ своей страны за передовыхъ людей вѣка, дѣйствительно передовыи люди, и что образъ ихъ мыслей соотвѣтствуетъ требованіямъ современности? Даже люди, получившіе философское образованіе, не въ 20—25 лѣтъ дѣлаются самостоятельными мыслителями; даже люди, наиболѣе расположенныи отъ природы пренебрегать частными фактами изъ любви къ общимъ принципамъ, не въ 20 — 25 лѣтъ самобытно возводятъ къ общимъ принципамъ впечатлѣнія, производимыя на нихъ отдѣльными фактами. Юность — время жизни, а не теорій; потребность теорій чувствуется уже позднѣе, когда прошло первое, поглощающее всю энергию мысли увлеченіе свѣжими ощущеніями жизни.

Но вотъ Гоголь за границею; вотъ онъ уже близокъ къ тридцатому году жизни, изъ молодаго челоуька онъ становится мужемъ, чувствуетъ потребность не только жить и чувствовать, но и мыслить: ему нужна уже теорія, нужны обидія основаніи, чтобы привести въ систематическій взглядъ на жизнь тѣ ощущенія, которыя влагаются въ него инстинктивными внушеніями природы и отдѣльными фактами. Каково-то будетъ его сознательное міросозерцаніе?

Мы говорили, что эту часть нашей статьи читатель можетъ считать, пожалуй, гипотезою; но эта гипотеза очень точно сходится съ тѣми свидѣтельствами, которыя оставилъ о себѣ Гоголь въ „Авторской Исповѣди“. Мы приведемъ изъ этой статьи одно мѣсто.

„Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ придумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія...“ (Изд. П. А. Кулиша, томъ III. стр. 500).

Гоголь тутъ воображаетъ, что рассказываетъ о себѣ что-то необыкновенное, неправдоподобное; а на самомъ дѣлѣ комическіе писатели большею

частью были люди съ грустнымъ настроешемъ духа: нъ примѣръ укажемъ на Мольера. Они прибѣгали къ шуткѣ, къ насмѣшкѣ, чтобы забыться, заглушить тоску, какъ другіе заглушаютъ ее житейскимъ разгѣломъ. Чему приписать свою тоску, Гоголь не знаетъ; болѣзнь самъ онъ считаетъ объяснешемъ недостаточнымъ. Не ясно ли ужъ изъ одного этого, что онъ не былъ похожъ на людей нынѣшняго времени, очень хорошо понимающихъ причину своей грусти? Онъ, сведавшій Чичикова, Сквозника-Дмухановскаго и Акакія Акакіевича, не знаетъ, что грусть на душу благороднаго человѣка навѣвается зрѣлищемъ Чичиковыхъ и Акакіевъ Акакіевичей! Это странно для насъ, привыкшихъ думать о связи отдѣльныхъ фактовъ съ общемою обстановкою нашей жизни; но Гоголь не подозрѣвалъ этой связи.

„... выдумывать цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, для чего это и кому отъ этого произойдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходитъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала“.

Нѣкоторые вздумали говорить, что Гоголь самъ не понималъ смысла своихъ произведеній.— это нелѣпость, слишкомъ очевидная: но то справедливо, что, негодую на взяточничество и самоуправство провинціальныхъ чиновниковъ въ своемъ „Ревизорѣ“, Гоголь не предвидѣлъ, куда поведетъ это негодованіе: ему казалось, что все дѣло ограничивается желаніемъ уничтожить взяточничество; связь этого явленія съ другими явленіями не была ему ясна. Нельзя не вѣрить ему, когда онъ говоритъ, что испугался, увидѣвъ, какія далекія слѣдствія выводятся изъ его нападеній на плутни провинціальныхъ чиновниковъ.

Стройныя и сознательныя убѣжденія развиваются въ человѣкѣ не иначе, какъ или подъ шмяшемъ общества, или при помощи литературы. Кто лишень этихъ вспомогательныхъ ередствъ, тотъ обыкновенно ва всю жизнь остается при отрывочныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ фактахъ, не чувствуя потребности придать имъ сознательное единство. Такіе люди до сихъ поръ составляютъ большинство у насъ даже между тѣми, которые получили такъ называемое основательное образованіе. Объ отдѣльныхъ случаяхъ они судятъ болѣе или менѣе справедливо, но вы бываете поражены безевязностію и внутреннею разладицею ихъ сужденій, какъ скоро рѣчь пойдетъ о какихъ нибудь общихъ и обширныхъ вопросахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ представлялось еще гораздо меньше ередствъ и внѣшнихъ побужденій выйти изъ этого состоянія. Литература въ то время представляла гораздо меньше, нежели нынѣ, для развитія стройнаго образа мыслей; мнѣнія лучшихъ писателей оказывались вообще очень шаткими, какъ скоро дѣло доходило до общихъ вопросовъ, о которыхъ говорили вообще на удачу. Читая, наприм., прозаическія статьи Пушкина, вы удивляетесь тому, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ на двухъ, трехъ страницахъ соединить такъ много разнорѣчавшихъ мыслей. Въ обществѣ тогда было очень мало склонностей къ размышленію: это доказывается уже чрезвычайнымъ успѣхомъ „Библіотеки для Чтеціи“, не имѣвшей никакого образа мыслей. Очень извинительно было бы Гоголю, если бы онъ остался навсегда на той ступени умственныхъ потребностей, на какой оставались во всю жизнь почти всѣ писатели, бывшіе у

насть двадцать лѣтъ назадъ. Но онъ едва пережилъ перную пору молодости, какъ уже почувствовалъ непреодолимую потребность пріобрѣсти опредѣленный взглядъ на человѣческую жизнь, пріобрѣсти прочныя убѣжденія, неудовлетворяясь отрывочными впечатлѣніями и легкими безсвязными мнѣніями, которыми довольствовались другіе. Это свидѣтельствуетъ о высотности его натуры. Но одного инстинкта натуры мало для того, чтобы пойти вѣрнымъ путемъ къ справедливому рѣшенію глубочайшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ науки; для этого нужно также или имѣть научное приготовленіе къ тому, или надежныхъ руководителей. Припомнимъ же теперь, въ какомъ положеніи находился Гоголь, когда былъ застигнутъ потребностію создать себѣ прочный образъ мыслей.

Въ обществѣ, среди котораго онъ жилъ, пока оставался въ Россіи, онъ не находилъ заботы размышлять о тѣхъ задачахъ, которыя теперь занимали его. О нихъ говорилось такъ мало, что онъ не имѣлъ даже случая узнать, къ какимъ книгамъ слѣдуетъ ему обратиться при наслѣдованіи вопросовъ современной жизни; онъ не зналъ даже того, чтя какъ бы ни были достойны уваженія люди, жившіе за полторы тысячи лѣтъ до насъ, они не могутъ быть руководителями нашими, потому что потребности общества въ ихъ время были совершенно не таковы, какъ нынѣ, ихъ цивилизація была вовсе не похожа на нашу. Общество оставило его подъ вліяніемъ уроковъ и рекомендацій, какія слышалъ онъ въ дѣтствѣ, потому что это общество никогда не занималось тѣми высокими нравственными вопросами, о которыхъ слышалъ нѣкогда ребенокъ отъ своей матери. И вотъ теперь, когда двадцати-семилѣтній человѣкъ вздумалъ искать въ книгахъ рѣшенія задачъ, его мучившихъ, онъ не зналъ, къ какимъ книгамъ обратиться ему, кромѣ тѣхъ, какія нѣкогда совѣтовали ему читать въ родительскомъ домѣ. Положеніе странное, неправдоподобное, по оно дѣйствительно было такъ. Много лѣтъ спустя, когда случилось Гоголю, по поводу своей „Переписки съ друзьями“, вступить въ споръ съ человѣкомъ иного образа мыслей, онъ наивно ссылался на авторитеты, завѣщанные ему дѣтствомъ, никакъ не предполагая, чтобы его противникъ, или кто бы то ни былъ въ мірѣ, могъ иначе думать о нихъ, или идти къ истинѣ не при исключительномъ ихъ руководствѣ. Еще поздиѣе, когда онъ писалъ сполу „Авторскую Исповѣдь“, онъ столь же наивно оправдывался отъ обаяній въ заблужденіяхъ опять-таки ссылками на эти авторитеты и воображалъ, что несомнѣнно убѣдитъ всѣхъ въ истинности своего пути, какъ скоро объяснитъ, какими авторитетами онъ руководился: ясно видишь, когда читаешь „Авторскую Исповѣдь“, что Гоголю не приходитъ и въ голову мысль о возможности такого возраженія: „Ты читалъ не тѣ книги, какія нужно было тебѣ читать“. Онъ воображаетъ, что всѣ будутъ согласны съ нимъ, когда онъ утверждаетъ, что нѣтъ иной истины, кромѣ истины, заключающейся въ книгахъ, завѣщанныхъ ему дѣтскими воспоминаніями.

Въ настоящее время такая умственная беспомощность едва ли была бы возможна; но двадцать лѣтъ тому назадъ многое было иначе. Теперь наша литература, какова бы она ни была, проникнута мыслию. Около 1835—37 года этого не было; теперь въ обществѣ вы очень часто слы-

шите разговоры „о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе“, тогда это случалось несравненно рѣже. Но кому покажется слишкомъ невѣроятной наивность Гоголя, тотъ можетъ присмотрѣться къ своимъ знакомымъ, и тогда повѣрить ей: какъ часто и теперь вы встрѣчаете людей, которые и русскіе журналы и даже иностранныя газеты читаютъ, а между тѣмъ въ сомнительныхъ случаяхъ обращаются за справкою къ своимъ школьнымъ урокамъ! Разница между ними и Гоголемъ не слишкомъ значительна.

Если бы Гоголь жилъ въ Россіи, вѣроятно, онъ встрѣчалъ бы людей, оротиворѣчащихъ ему во мнѣніи о методѣ, имъ избранной, хотя и тутъ едва ли могло бы вліяніе этихъ людей устоять противъ грохкихъ именъ, одобрявшихъ путь, на который сталъ онъ. Но онъ жилъ за границею въ обществѣ трехъ, четырехъ людей, имѣвшихъ одинакія съ нимъ понтія объ авторитетахъ, которыми вздумалъ онъ руководствоваться. Какъ видно изъ его писемъ, ближайшими его друзьями были Жуковскій и Языковъ. Тонъ писемъ показываетъ, что эти два знаменитые писателя могли только усиливать наклонность, развивавшуюся въ Гоголѣ. Тотъ и другой далеко превосходили Гоголя своею образованностію; тотъ и другой въ частной жизни были людьми, внушавшими къ себѣ уваженіе и довѣріе. Кроме того, Языковъ имѣлъ много случаевъ оказывать Гоголю важныя услуги; еще больше добра сдѣлать Гоголю Жуковскій; человекъ всегда бываетъ расположенъ съ особенною симпатіею принимать мнѣсія людей, которыхъ считаетъ хорошими людьми въ частной жизни.

Изъ друзей, оставшихся въ Россіи, довѣреннѣйшимъ лицомъ Гоголи былъ г. Шевыревъ. Сочиненія этого ученаго доказываютъ, что онъ долженъ былъ ободрять наклонности, которыя овладѣвали умственной жизнью Гоголя.

Этимъ знакомствамъ надобно приписывать сильное участіе въ образованіи у Гоголя того взгляда на жизнь, который выразился „Перепискою съ друзьями“. По всѣмъ соображеніямъ, особенно сильно должно было быть въ этомъ случаѣ вліяніе Жуковского.

Направленіе, принятое мыслями Гоголя, давно охарактеризовано словомъ: „аскетизмъ“. Въ благородной душѣ наклонность къ аскетизму развивается скорѣе всего при зрѣлищѣ празднои роскоши. Именно въ этомъ случаѣ получаетъ справедливый смыслъ проповѣдь о воздержаніи, о борьбѣ съ прихотями и страстями. Гоголь за границею былъ именно въ такомъ положеніи. Еще въ Петербургѣ, благодаря посредничеству литературныхъ друзей, началось его сближеніе съ людьми высшаго общества. За границею онъ почти исключительно встрѣчалъ русскихъ путешественниковъ изъ высшаго круга. Говорить имъ о необходимости отреченія отъ ветхаго человека, значило говорить о сочувствіи къ бѣднымъ и страждущимъ, и если мы будемъ помнить, къ какому классу принадлежали люди, которымъ старался внушить Гоголь презрѣніе земныхъ благъ, то многія изъ его рѣчей пріобрѣтутъ смыслъ болѣе разумный, нежели какъ могло бы показаться, если бы мы забыли, что рѣчи эти порождены были сношеніями съ счастливыми земли. Проповѣдывать умѣренность бѣдняку, и безъ того уже лишенному всякихъ излишествъ — дѣло бессмысленное, внушаемое холоднымъ сердцемъ. Но говорить о смиреніи и состраданіи людямъ знатнымъ и сильнымъ чувствуетъ наклонность каждый. жалающій блага обществу.

Гоголя обвиняли за то, что онъ въ послѣдніе годы жизни сближался почти исключительно съ людьми знатными и богатыми. Почти каждому изъ насъ легче упрекать въ этомъ другихъ, нежели оправдать себя. Нелѣпою клеветою было бы думать, что въ характерѣ русскаго человѣка отъ природы лежитъ черта, столько разъ осмѣянная Гоголемъ. Но описавъ Петрушку и Селифана, Гоголь не даромъ замѣчаетъ, что „весьма совѣстится запинать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его выше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній“. Дѣйствительно, эта страсть до того распространена въ обществѣ, что обвинять за нее того или другаго отдѣльнаго человѣка почти также несправедливо, какъ негодовать на даму, прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, за то, что она носила корсетъ. Быть можетъ, носить корсеты вредная привычка; быть можетъ, имѣть страсть къ знатнымъ знакомствамъ—дурная привычка. Но какъ осуждать отдѣльнаго человѣка за то, въ чемъ виновато все общество?

Была въ характерѣ Гоголя другая черта, имѣющая довольно тѣсное отношеніе съ склонностію къ знатному кругу и также несообразная съ идеаломъ человѣческаго характера. Тѣ, которые говорили о Гоголѣ дурно, называли его человѣкомъ подобострастнымъ, искательнымъ. Безпристрастный судья едва ли согласится на такой рѣшій отзывъ. Но то справедливо, что замѣтна въ Гоголѣ какая-то гибкость, какое-то излишнее желаніе избѣгать противорѣчій, говорить съ каждымъ въ его тонѣ, вообще принаравляться къ людямъ болѣе, нежели слѣдовало бы. Но и эта слабость принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а всему обществу. Ивбитая латинская поговорка *Saeculi vitia, pop hominis*,—„пороки эпохи, а не человѣка“,—эта поговорка можетъ быть очень полезна не только для оправданія личностей, но, что гораздо важнѣе, для исправленія нравовъ общества. Совершенно напрасно подражать тому, который, увидѣвъ своего знакомаго, имѣющаго часть любезности и оборотливости Павла Ивановича „толкнуть (по выраженію Гоголя) подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри, вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!“ и потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное эвашю и лѣтамъ, побѣжить за нимъ въ-догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!“ Въмѣсто этого напраснаго глумленія, Гоголь предлагаетъ каждому изъ насъ посмотреть на себя съ запросомъ: „А нѣтъ ли и во мнѣ какойнибудь части Чичикова?“ Это дѣло, конечно, очень хорошее, но, опять, едва ли не бесполезное: пока не измѣнятся понятія и привычки общества, едва ли удастся комунибудь изъ насъ, при всѣхъ возможныхъ анализахъ собственной души, измѣнить и собственныя привычки: онѣ поддерживаются требованіями общества, обстановкою нашей жизни; отказаться отъ дурныхъ привычекъ, господствующихъ въ обществѣ, точно также трудно, какъ и нарушать хоропія привычки, утвердившіяся въ обществѣ. Никто изъ насъ не рѣшится отравить своего непріятеля, какъ отравляли въ старину; едва ли многіе изъ насъ въ состояніи много превзойти Гоголя стоицизмомъ въ обра-

щеніи съ людьми, пока общество не будетъ требовать благородной прямоты въ обращеніи. И такъ, лучше всего подумать о томъ, какими обстоятельствами и отношеніями порождены и поддерживаются въ нашемъ обществѣ пороки, которыми мы недовольны, и какимъ образомъ можно было бы отстранить эти обстоятельства и улучшить эти отношенія.

Какъ развитіемъ всѣхъ хорошихъ своихъ качествъ человѣкъ бываетъ обязанъ обществу, точно такъ и развитіемъ всѣхъ своихъ дурныхъ качествъ. На удѣлъ человѣка достается только наслаждаться пли мучиться тѣмъ, что даетъ ему общество. Съ этой точки мы должны смотрѣть и на Гоголя. Напрасно было бы отрицать его недостатки: они слишкомъ очевидны: но они были только отраженіемъ русскаго общества. Лично ему принадлежитъ только мучительное недовольство собой и своимъ характеромъ, недовольство, въ искренности котораго невозможно сомнѣваться, перечитавъ его „Авторскую исповѣдь“ и письма; это мученіе, ускорившее его кончину, свидѣтельствуешь, что по натурѣ своей онъ былъ расположенъ къ чему-то гораздо лучшему, нежели то, чѣмъ сдѣлало его наше общество. Лично ему принадлежитъ также чрезвычайное энергическое желаніе пособить общественнымъ недостаткамъ и своимъ собственнымъ слабостямъ. Исполнющію этого дѣла онъ посвятилъ всю свою жизнь. Не его вина въ томъ, что онъ схватился за ложныя средства: общество не дало ему возможности узнать во время о существованіи другихъ средствъ.

Мало мы знаемъ о нашихъ гешіальныхъ людяхъ прошлыхъ поколѣній, но вообще все, что мы знаемъ о нихъ, наполняетъ насъ какимъ-то неудовольствіемъ. Ни одному изъ нихъ не доставалось счастья, такъ часто замѣчаемаго въ исторіи людей другихъ странъ: соединить безукоризненность частнаго характера съ великими заслугами обществу, и тѣ недостатки, которые прискорбише всего въ характерѣ Гоголя, принадлежали почти всѣмъ другимъ гешіальнымъ людямъ прошлыхъ поколѣній. Примѣромъ этого пусть служить Суворовъ: въ немъ также слишкомъ много было гибкости характера. Мы не хотимъ приводить другихъ приѣровъ, но ихъ можно набрать десятки. Только въ самое послѣднее время стали являться у насъ между людьми замѣчательными по уму, такіе, которые не дѣлають уступокъ въ своихъ словахъ, которые говорятъ всегда дѣйствительно то, что думаютъ, безъ всякихъ умолчаній и хитрыхъ оговорокъ. До послѣдняго времени въ устахъ умнаго человѣка „да“ значило у насъ не то, что значить во всей остальной Европѣ: „Я въ душѣ согласенъ съ вами“, это слово значило только: „Я не считаю приличнымъ, или удобнымъ, проговорѣчь вамъ“.

Общность этого недостатка прямоты доказываетъ, что были какія-то общія обстоятельства, подчинявнія своему вліянію всѣ личности, за очень немногими исключеніями.

Но мы далеко уклонились отъ рѣчи объ аскетизмѣ, которому преданъ Гоголь. Людямъ того поколѣнія, которое приобрѣло господство въ нашей литературѣ послѣ отъѣзда Гоголя за границу, аскетизмъ этотъ казался такъ несообразенъ съ ихъ понятіемъ о слѣдствіяхъ, естественно вытекающихъ изъ прежнихъ сочиненій Гоголя, что вообще распространилась мысль, будто Гоголь „Перепиской съ друзьями“ отказывается отъ своей прежней дѣятельности и

даже долженъ осуждать тотъ огонь негодованія противъ общественныхъ пороковъ, который давалъ жизнь „Ревизору“ и первому тому „Мертвыхъ Дунгъ“. Многія неловкія выраженія о прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, со стороны самого Гоголя, подтверждали эту догадку. Но чтеніе писемъ, теперь изданныхъ, заставляетъ насъ согласиться съ увѣреніями Гоголя, что новое направленіе не помѣнило ему сохранить свои прежнія мнѣнія о тѣхъ предметахъ, которыхъ касался онъ въ „Ревизорѣ“ и первомъ томѣ „Мертвыхъ Дунгъ“. Сущность перемѣны, происшедшей съ Гоголемъ, состояла въ томъ, что прежде у него не было опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, а были только частныя мнѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ; теперь онъ построилъ себѣ систему общихъ убѣжденій. При этомъ дѣлѣ чловѣкъ обыкновенно сохраняетъ тѣ частныя мнѣнія, какія имѣлъ прежде, и если они логически не подходятъ подъ общій принципъ, имъ вновь принимаемый, онъ скорѣе обманетъ себя, допуститъ логическую непоследовательность, допуститъ очевидное противорѣчіе, нежели найдетъ нужнымъ отказаться отъ прежнихъ мнѣній. Съ такъ называемыми нравственными обращеніями почти такая-же исторія, что съ промѣномъ одного языка на другой. Эльзасскій нѣмецъ вздумалъ быть французомъ, и дѣйствительно употребляетъ французскія слова, но выговоръ остался у него прежній, весь складъ рѣчи прежній, и по одной фразѣ, по одному слову, вы тотчасъ узнаете, что передъ вами все-таки нѣмецъ, а не французъ. Идолопоклонники — китайцы вздумали быть буддистами, и по общимъ фразамъ ихъ кажется, будто они стали монотенистами; но они сохранили всѣхъ своихъ идоловъ и всѣ свои прежнія понятія.

Съ того времени, какъ Гоголемъ овладѣло аскетическое направленіе, письма его наполнены разсужденіями о такихъ предметахъ, которыми прежде онъ мало занимался. Но если вы, преодолѣвъ скуку, наводимую однообразіемъ этихъ писемъ, всмотритесь въ нихъ ближе я точнѣе, сравните ихъ съ письмами прежнихъ годовъ, вы увидите, что во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все то, что было въ письмахъ перваго періода, и наоборотъ нѣ въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты, которыя, невидимому, должны были-бы принадлежать второму періоду. Это убѣжденіе намъ самимъ долго казалось сомнительно; предполагая, что оно можетъ показаться сомнительно и читателю, мы считаемъ нужнымъ подтвердить его выписками довольно многочисленными. Если читатель найдетъ ихъ излишними, тѣмъ лучше: значить онъ уже убѣжденъ, что Гоголь, если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и что если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его.

Одною изъ самыхъ странныхъ особенностей, которыми поразила „Переписка съ друзьями“ и предисловіе ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Дунгъ“, была просьба, съ которою обращался Гоголь къ своимъ читателямъ: присылать ему замѣчанія о русскихъ нравахъ. Это желаніе казалось такъ странно, что многіе сомнѣвались въ его искренности. Но послѣ изданія писемъ она не подлежитъ сомнѣнію: всѣхъ своихъ друзей Гоголь заклинаетъ доставлять ему замѣчанія о русской жизни. Иногда предметъ требовацій страненъ до невѣроятности; такъ, напримѣръ, одну даму, жившую въ провинціи, онъ проситъ составить для него записку о раскольникахъ той

губерній, совершенно забывая, что дама эта совершенно не имѣетъ понятія о дѣлѣ, которое на нее возлагается. И мы ошиблись-бы, если-бы приписали только послѣднему періоду жизни Гоголя требованіе матеріаловъ для своихъ сочиненій. Эта привычка была у него съ самаго начала и только развилась въ послѣдствіи. Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ письма къ матери, посланнаго еще въ 1829 г., при самомъ началѣ литературной карьеры Гоголя, когда онъ прѣговаривалъ „Вечера на Хуторѣ“.

1829 г. апрѣля 30.

„Теперь, почтеннѣйшая мамушка, мой добрый ангель-хранитель, теперь васъ прошу въ свою очередь сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ, вы много знаете обычая и нравы малороссіянъ вашихъ, я потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ вашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ списанія полнаго варяда сельскаго дьячка, отъ верхлаго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наипаче переѣздившихъ малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними зауживши и мужиками. Вторая статья: названіе точное вѣрное платья, носимаго до временъ гетмановъ. Вы помните, разъ вы видѣли въ вашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожилы: я думаю, Анна Матвѣевна, или Агаяня Матвѣевна этого знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская ничемалѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Девьяна (кажется, такъ его зовутъ, прозвища не знаю), котораго мы видѣли учредителемъ свадьбы въ который ввалъ, повидяому, всѣ возможные повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кровѣ того, живы-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, странныхъ сказаній, преданій, разныхъ аекдотовъ, в проч. и пр. и пр. Все это будетъ для меня чрезвычайно заглавательно. Ва этотъ случай и чтобы вааъ не было тягостно, великодушная, добрая моя мамушка, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ равныхъ вѣстахъ вашего повѣта. Алесавдра Федоревна, которой свѣдѣности и тонннвъ вааѣчавіаваъ я всегда удивлялся, можетъ и въ этомъ случаѣ оказать вамъ очень большую помощь“. (Томъ V, стран. 81).

Въ этомъ отрывкѣ тотъ-же патетическій тонъ, какъ и въ просьбахъ о „Мертвыхъ Душахъ“, будто-бы дѣло идетъ о предметѣ первой необходимости, будто безъ присылки замѣчаній отъ матери Гоголь не въ состояніи описывать малорусскую жизнь. Также самая странность и въ томъ, что свѣдѣнія, требуемая Гоголемъ, кажутся иногда излишними не только человеку, проведенному все дѣтство въ Малороссіи, но прожившему хотя недѣлю въ этой странѣ. Напримѣръ, неужели Гоголь могъ не знать „полнаго варяда сельскаго дьячка“? Наконецъ та-же самая обширность обязанностей, налагаемыхъ Гоголемъ: онъ проситъ мать набрать особенныхъ корреспондентовъ по разнымъ мѣстамъ, для доставленія ему свѣдѣній. Разница только въ одномъ: пока Гоголь думаетъ, что достоинство его сочиненій важно только для людей близкихъ къ нему, онъ обращается съ просьбою только къ людямъ близкимъ; потомъ онъ проситъ безъ различія всѣхъ своихъ читателей,—но за то вѣдь онъ уже полагаетъ, что достоинство его сочиненій важно для каждаго читателя.

Странною чертою въ „Перепискѣ съ друзьями“ казалось увѣреніе, что нужно только укрѣпиться въ вѣрѣ, и тогда легко будетъ переносить самыя

прискорбныя утраты. Это было принято даже за лицемѣріе, по пословицѣ „чужую бѣду по пальцамъ разведу“. Но вотъ что пишетъ Гоголь на семнадцатомъ году жизни, получивъ извѣстіе о смерти отца.

1825 г. апрѣля 23 дня.

„Не беззаботьтесь, дражайшая напеньва! Я сей ударъ перевесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно сивъ извѣстіемъ; одякожь ве даль никому замѣтить, что и былъ опечаленъ. Оставшсь-же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру пригѣтилъ я въ себѣ только печаль, во уже не порывую, которая ваконецъ превратилась въ легкую, едва вриѣтвую мелаа-лолю, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣшя ко Всевышнему“. (Томъ V, стр. 19).

Затѣмъ Гоголь продолжаетъ разсуждать, что „благословляетъ священную вѣру, въ которой находятъ утоленіе своей горести“, такъ что теперь овъ спокоенъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не былъ опечаленъ шестнадцатилѣтній мальчикъ смертію отца?—Странна казалась въ „Перепискѣ“ манера утверждать, что самыя тяжелыя потери надобно считать за радостныя событія, потому что ими очищается душа и доказывается благоволеніе Промысла. Но что это не было притворствомъ, а дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Гоголя, видимъ изъ письма къ матери, по случаю жестокой горести, поразившей одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя.

1838 г. мая 16.

„Я получилъ ваше письмо и уже хотѣлъ было отвѣчать на него, какъ вдругъ мнѣ привесли еще одво ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете о смерти Тѣтъяны Ивановны. Маѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Даяилевскій ве со мною въ это время, чтобы я могъ сколько-нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ вей. Я, одякожь, няпясалъ ему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ овъ теперь находится и гдѣ, можетъ быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня. Частыя потери ваконецъ такъ приучаютъ сердце и умъ въ мысли о смерти, что она наконецъ ве имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. Иствявный христіанивъ радуется сверти близкаго своему сердцу. Овъ, правда, разлучается съ винъ, овъ ве видитъ уже его, но овъ утѣшенъ выслю, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничто ве смущаетъ его; и въ этомъ то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть, и какое можетъ только внушить одна христіавская релягія“. (Томъ V, стр. 325).

Въ письмѣ къ матери о постороннемъ человекѣ Гоголю не было нужды надѣвать маску; поэтому можно вѣрить искренности его мнѣшя, когда овъ въ письмѣ къ самому А. С. Данилевскому толкуетъ, что „можетъ быть, горестъ, постигшая тебя, есть переломъ, который выпсія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души“. А надобно замѣтить, что эти письма относятся къ 1838 году, когда Гоголь еще не предавался аскетическому направленію.

Чертою лицемѣрной гордости, подъ маскою смиренія, казались разсужденія Гоголя о томъ, что въ каждомъ событіи своей жизни видитъ овъ руку Промысла; но вотъ отрывокъ изъ письма его къ матери, оно ни мало не уступитъ „Перепискѣ съ друзьями“, хотя относится еще къ 1829 г.

1829 г. іюля 21.

Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу повяты, отчего перо дрожить въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна ва другую, не давая одна другой

мѣста, и непонятная она нудить и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ налитья передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго; но какъ ужасно это наказаніе. Безумный! я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которымъ одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимуую бездѣйственной раасвѣтностью свѣта. Онъ уважалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ своя страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимвъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда-бы былъ въ состояніи разсѣвать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлялся откинуть эти Божественныя помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими. издерживающими жизнь такъ бесплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но назить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершеніе впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!

Не смотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что-бы то ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ одинъ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособныя, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть. Не явный-ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Вожій? Не явво-ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что-жь? я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлыя мѣсяцы, не получи-ли чего. Наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Маменька, дражайшая маменька! я знаю, вы одинъ истинный другъ мнѣ. Повѣрите-ли? и теперь, когда мысли моя уже не тѣмъ заняты, и теперь при напонианіи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однѣмъ вамъ я только могу сказать... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостію, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто-бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее.. нѣтъ, не назову ее... ова слишкомъ высока для всякаго, не только для меня... Лицо, котораго поразительное блистаніи въ одно мгновеніе початлѣтся въ сердцѣ; глаза, быстро пронзающіе душу; но ихъ сіяніи жгучею, проходящаго насквозь всего, не вывесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, если бы вы посмотрѣли на меня тогда!.. правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся-ли отъ себя? Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Маѣ кажется, если грѣшникамъ уготовавъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была... Я по крайней мѣрѣ не слышалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшеводства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я... Взглянуть на нее еще разъ — вотъ бывало одно единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе, съ невыразимую ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жпань и смерть равно несносны, я душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я упѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ уиуденіи, я орлявалъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначенный путь мнѣ. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шаткосоздачный міръ мой, не была женщина. Если-бы она была женщина, она-бы всею силою своихъ очарованій не могла произвестъ такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній... Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока, высока. (Томъ V. стр. 84—86).

Въ этомъ открывкѣ тотъ-же самый мистическій тонъ, какъ и въ письмахъ аскетическаго періода.

Высокомѣрнымъ ханжествомъ казались требованія Гоголя, чтобы каждый непременно читалъ его „Переписку съ друзьями“ для душевной пользы

своей, и предписанія, какъ именно читать ее, и приказанія передавать ее для чтенія другимъ. Каковы-бы ни были эти совѣты и требованія, но Гоголь давалъ ихъ отъ чистаго сердца, по твердому убѣжденію въ ихъ великой пользѣ; это доказывается письмами къ матери, изъ которыхъ вотъ отрывокъ одного:

1848 г. 1 октября.

„Письма ваши и вмѣстѣ съ ними письма сестеръ моихъ я получалъ. Сказать по правдѣ, всѣ они вообще меня нѣсколько взумали, изумили меня именно въ слѣдующемъ отношеніи: я не ожидалъ ничего болѣе насчетъ моего письма, какъ только одного простаго увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того, получилъ я цѣлыя страницы объясненій в опрыдавій, точно какъ будто-бы я обвинялъ кого-нибудь. Если кто ощущаетъ желаніе оправдаться въ чевъ-либо, пусть оправдывается передъ своею совѣстью, или передъ духовникомъ своимъ. А я не могу и не хочу быть обвинителемъ никого. Маогіе даже позабыли, что все до послѣдняго слова въ письмѣ слѣдуетъ взять на свой счетъ, а не одно то, что болѣе забираетъ за живое. Другинъ вообразилось, что я вслѣдствіе неудовольствія написалъ вто письмо. На это скажу вамъ, что ви одно письмо не было къ вамъ въ духѣ такой душевной любви, какъ это письмо. Но оставявъ объ этомъ всякія изъясненія. Исполните теперь мою просьбу, о которой васъ буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о немъ, даже между собою, до самаго Великаго поста. Но зато дайте мнѣ всѣ слово во все продолженіе первой недѣли Великаго поста (якъ-бы хотѣлось, чтобы вы говѣли на первой недѣлѣ) читать мое письмо, перечитывая всякій день по одному разу и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступевъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить. Послѣ этого времени, то-есть послѣ говѣвія, если кому вѣдудь придетъ душевное желаніе писать ко мнѣ по поводу этого письма, тогда онъ можетъ писать и объяснять все, что ви подскажете ему душа его.

„Теперь я долженъ еще вамъ сдѣлать замѣчанія насчетъ двухъ выраженій въ письмѣ вашемъ. Въ одномъ вы говорите, что я теперь истинный христіанинъ. Прежде всего — это неправда. Я отъ этого вмени далѣе, чѣмъ кто-либо изъ васъ, и всѣ эти упреки, которые каждая наша въ писькѣ моемъ, какъ направленные собственно на васъ, всѣ эти упреки, собравъ вмѣстѣ, можно сдѣлать одному мнѣ, и такое дѣйствіе будетъ справедливо исполнѣ. Въ другомъ мѣстѣ вы говорите, что рѣдкій братъ сдѣлалъ столько для сестеръ, какъ я. На это я вамъ скажу искренно: истинно полезнаго я не сдѣлалъ ничего для моихъ сестеръ. Одно только я сдѣлалъ истинно полезное дѣло, исполнивши это письмо. Но и тутъ не мой подвигъ: безъ помощи иной, я бы не могъ этого сдѣлать. Къ тому-же это письмо, въ истинномъ смыслѣ своемъ, осталось не исполнено. Стало быть я ничего не сдѣлалъ. Но ви слова больше объ этомъ предметѣ, какъ-бы не зашевелился у кого-нибудь языкъ заговорить о немъ. Только этими словами отвѣчайте ва письмо это: *Просьба насчетъ письма будетъ исполнена, в ничего болѣе. Предметовъ у васъ, вѣрно, найдется поговорить, и кромѣ этого письма“.* (Томъ VI, стр. 27—28).

Удивительны распоряженія о томъ, какъ читать письмо; не менѣе удивительно и чрезвычайно высокое мнѣніе о необыкновенномъ благодѣянн, которое онъ оказываетъ матери и сестрамъ этимъ письмомъ. Для родныхъ своихъ, Гоголь сдѣлалъ, въ самомъ дѣлѣ, много: онъ воспиталъ своихъ сестеръ, онъ уступилъ имъ свое имѣнье, мать хвалитъ его за это. „Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, это все пустяки, а вотъ за письмо это, вы дѣйствительно можете считать меня своимъ благодѣтелемъ, но я не горжусь тѣмъ: не самъ собою, а по внушенію высней силы написалъ я это, да и не можетъ человекъ сотворить такого великаго дѣла безъ помощи высшей силы“.

Много у Гоголя во второмъ періодѣ писемъ, производящихъ очень

невыгодное впечатлѣніе; но изъ всѣхъ самое тяжелое чувство наводится тѣмъ, въ которыхъ онъ своей матеря проповѣдуетъ правила жизни хозяйственной и даже нравственной. Мы защищаемъ добрую славу великаго писателя, но не будемъ молчать о фактахъ, даже наиболѣе способныхъ поколебать довѣріе къ его сердцу. Вотъ отрывки изъ этихъ писемъ, передъ которыми очень слабымъ свидѣтельствомъ противъ Гоголя кажутся всѣ остальные его слова и поступки:

1847 г. января 25.

„Пишу къ вамъ вновь, по поводу вашихъ писемъ, перечитавши ихъ снова. Начала мнѣ было очень непріятно, что письмо мое, пришедши не вмѣстѣ съ книгой, ввело васъ въ заблужденіе и тревожное состояніе духа. Теперь я вижу, что случилось это во безъ воли Божіей. Письмо мое вечаивнымъ образомъ послужило пробкою состоянію душевнаго и обнаружило предо мною, въ какой степени любви и вѣры в вообще я какой степени христіанскихъ познаній и добродѣтелей находите вы всѣ, тѣмъ болѣе, что по письмамъ, писаннымъ по приѣздѣ изъ Кіева, мнѣ уже было показалось, что сестры моя поваявъ, что такое христіанство и чѣмъ оно необходимо въ дѣлахъ жизни. Я обманулся. Духовное распоряженіе, которое я сдѣлалъ во время тяжелой болѣзни, отъ которой мевя Богъ Своєю милостію избавидъ, — распоряженіе, которое дѣлаетъ въ тяжкіи минуты всякъ, — распоряженіе, которое, по настоящему, всякъ христіанинъ долженъ сдѣлать яалаговременно, и безъ болѣзни, хотя бы надѣлся на свои силы и совершенное здоровье, потому что не мы правимъ двумя своими — челоѣкъ сегодня живъ, а завтра его нѣтъ, — это самое распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на васъ всѣхъ, кромѣ одной Ольги, какъ бы я уже умеръ, и меня нѣтъ въ свѣтѣ. Я изумился только тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не жвуютъ въ Немъ, какъ Богъ ваназываетъ ихъ помраченіемъ разсудка; потому что такъ перстолковать строки письма моего можетъ одияъ тотъ, у котораго въ затмѣніи разсудокъ. (Томъ VI, стр. 330—331).

1847 г. февраля 16.

„Повторяю вамъ всѣмъ вновь, что, относительно денежныхъ расходовъ, нужно болѣе, чѣмъ когда либо, наблюдать бережливость и благоразуміе, чтобы умѣть не только содержать самихъ себя, но еще оріати въ возможность помогать другимъ, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, нуждающихся. Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаеае совершенно такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйствомъ, и достигли уже такой мудрости, что умѣете, чувствовать границу между излишнимъ и необходимымъ, и не издерживаете на что, какъ только на самое нужное, то знайте, что духъ гордости овладеаъ вами и самъ сатана подсказываетъ вамъ такіа рѣчи, потому что и яаопытѣйшій хозяйинъ и нануиѣйшій челоѣкъ дѣлаеа ошибки. Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираеа въ мысляхъ всѣ сдѣланныа дѣла свои именно затѣмъ, чтобы отъпскать, въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣеа. Горе тому, кто самоуѣревъ и не разсатриваетъ прежнихъ поступковъ, въ убѣжденіи, что они всѣ умны: ему никогда не добыа разума; Богъ его оставитъ. (Томъ VI, стр. 342).

1847 г. февраля 16.

„Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что маѣ уллучилось имѣа свободное время, и потому, что вижу надобность хоть сколько нибудъ васъ укѣпить въ *дѣлахъ жизни*. Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало христіанки. А вы, какъ видно, все-таки хоть сколько-нибудъ понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерица только исполнять наружные обряды, не пропусеаа вечерни, поставитъ свѣчку, да ударитъ лишній поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ вужво именно показатъ челоѣку, что онъ живеа точно во Христѣ, вы, какъ говорятъ, *на понятный дворъ*. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, выѣшнее в предъдущее, еще не получившъ отвѣта на прежнія, чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Но теперь, въ продолженіе дѣлаго года.

вы не будете от меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькиѣхъ, съ извѣщеніемъ, что, слава Богу, живъ, потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ заняться, и которое важнѣй нашей переписки. А потому совѣтую вамъ почаще перечитывать мои прежнія письма во все продолженіе года, такъ какъ бы новыя“. (Томъ VI, стр. 344).

При чтеніи такихъ писемъ трудно было бы удержаться отъ негодованія, если бы самая неумѣстность и неприличность ихъ не свидѣтельствовала о томъ, что они порождены совершенно особеннымъ настроеніемъ духа: экстазъ тутъ доходитъ до совершеннаго самоослѣпленія, весь проникнутый идеєю о томъ, что „всякъ человѣкъ ось ложь“, нуждается въ обличеніяхъ и укоризнахъ нравственныхъ, Гоголь забываетъ для идеи, его ослѣпляющей, о естественныхъ отношеніяхъ сына къ матери. о томъ, что какъ бы то ни было, и что бы то ни было, не сыну быть обличителемъ матери... Состояніе ужасное, нечеловѣческое... Но въ чемъ заключается особенность, которою такъ тяжело дѣйствуютъ эти письма? Въ томъ ли, что они оскорбляютъ мать? Нѣтъ, примѣръ тому такъ много видимъ мы на свѣтѣ, что они не шумяютъ насъ; если бы Гоголь только оскорблялъ мать, мы сказали бы, что онъ былъ дурной сынъ, и вниманіе наше не остановилось бы на этомъ грустномъ замѣчаніи: мало ли на свѣтѣ дурныхъ сыновей? Ужасно здѣсь то, что Гоголь вовсе не думаетъ нарушать своихъ обязанностей относительно матери: напротивъ, онъ воображаетъ, что исполняетъ ихъ самымъ доблестнымъ образомъ: видите ли, онъ воображаетъ, что заботится о спасеніи души ея, что ведетъ ее къ вратамъ Царства Небеснаго. Слышали ли вы когда нибудь на рынкѣ ибсю убогихъ слѣнцовъ о томъ сынѣ, который скрылся изъ отцовскаго дома, пришелъ назадъ одѣтый во врету и поселился, какъ незнаемый нищій, въ конурѣ подъ порогомъ родительскаго дома, и каждый день слышалъ вздохи отца, стоны матери о погубшемъ возлюбленномъ сынѣ, и укрѣпляясь духомъ молчалъ, и только чрезъ много лѣтъ, въ минуту смерти, открылся имъ, что онъ сынъ ихъ? Читали ль вы недавно въ нашихъ газетахъ рассказъ о томъ, какъ одна мать зарѣзала двухъ своихъ дѣтей, зарѣзала съ любовью, съ ласкою, чтобы сдѣлать двухъ мучениковъ и самой спасти душу спасеніемъ двухъ душъ отъ земнаго соблазна? Въ аскетическихъ письмахъ Гоголя вѣетъ тотъ же самый духъ ослѣпленнаго экстаза.—духъ, побуждавшій нѣкогда сибирскихъ раскольниковъ сожигаться добровольно въ домахъ своихъ, съ восторженными гимнами о спасеніи, ими приобретаемомъ чрезъ муки смертныя? Страшно именно это изуверство въ письмахъ, отрывки изъ которыхъ привели мы. Невозможно не удивляться силѣ души этихъ сожигавшихъ себя изуверовъ, этой несчастной женщины убійцы дѣтей своихъ; но не возможно и не проклинать лжеученія, давшаго такое противоестественное, такое пагубное направленіе эвергій, которая могла бы совершить столько прекраснаго и великаго, если бы направлена была къ разумнымъ цѣлямъ. Эти люди, еожигавшіе себя, имѣли въ себѣ всѣ качества души, которыми прославляли себя и спасали отечество Муцій Сцевола и Децій Мусъ или тѣ страдальцы новой цивилизаціи, которые погибали, прививая къ себѣ чуму для испытанія ередствъ спасать людей отъ чумы, которые поражаемы бывали молнією, устраивая громоотводы. И не вздумайте говорить, что Гоголь

только другихъ училъ страдать, не прилагая къ себѣ своихъ изувѣрскихъ ученій; послѣ описанія его предсмертной болѣзни, напечатанной докторомъ его лечившимъ *), невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ уморилъ себя. Въ одномъ человѣкѣ, какія весообразныя крайности! Человѣкъ мучить себя и морить, какъ диній изувѣръ Брывскихъ лѣсовъ!—Да, пришли годы, въ которые человѣкъ, вмѣсто инстинкта природы, долженъ принять своимъ руководителемъ разумъ, когда пришло время разуму овладѣть инстинктомъ. когда по настоящему должна была-бы начаться плодотворнѣйшая эпоха его дѣятельности, — оказалось, о горе, о стыдъ намъ! — оказалось, что жизнь среди насъ исказила свѣтлый даръ его разума такъ, что онъ послужилъ только на погибель ему! Страшна и нелѣпа эта жизнь!

И не вздумайте сказать, что примѣръ Гоголя—одинокое лвленіе; нѣтъ. Правда, ни въ комъ не было столько энергій, какъ въ немъ, потому ничья погибель и не была такъ страшна, какъ его погибель. Но лучшіе люди. такъ или иначе, изнемогали подъ тяжестью жизни, когда пришла имъ пора. опомнившись отъ страстнаго увлеченія свѣжею молодостью, обозрѣвъ проннцательнымъ взглядомъ мужа жизнь. Легокъ и веселъ былъ характеръ Пушкина, а на тридцатомъ году, подобно Гоголю, изнемогаетъ онъ нравственно. и умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Лермонтовъ? — Лермонтовъ радъ былъ разстаться поскорѣе съ жизнью:

За все, за все тебя благодарю я:
 За тайвыя мученія страстей,
 За горечь елезь, отраву поцалуя,
 За ложь враговъ в клевету друзей;
 За жаръ души, *растраченный въ пустынь,*
 За все, чѣмъ я обмануть въ жвзви былъ...
 Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
 Не долго я еще благодарилъ...

Какъ вы думаете, напрашивался ли бы онъ на ссоры и дуэли. если бы легче казалась ему жизнь, нежели смерть? А Кольцовъ? — О, у этого судьба была заботлива. она хотѣла избавить его отъ желанія смерти, предупредивъ всякія желанія: желѣзнаго здоровья былъ человѣкъ, а не хватило его желѣзнаго здоровья больше, чѣмъ на тридцать два года; — заботлива была судьба, хотѣла предупредить его желанія, а все-таки не успѣла:

Въ душѣ страсти огонь
 Разгорался не разъ,
 Но въ безплодной тоскѣ
 Овъ сгорѣлъ и погасъ.
 Только тѣшилась мной
 Злая вѣдьма судьба,

*) Докторъ этотъ. г. А. Т. Тарасевковъ, находитъ (Моск. Вѣд. № 89), что мы вывели изъ его разсказа заключенія, чрезвычайно далеки отъ выводовъ, къ которымъ бы должно едѣлать, когда сказали въ январской книжкѣ нынѣшняго года („Замѣтки о Журналахъ“), что изъ фактовъ, представленныхъ имъ, слѣдуетъ: „Гоголь уморилъ себя голодомъ“. По мнѣнію г. Тарасенкова слѣдуетъ сказать: „прямую смерть Гоголя было ищещіе“—эти слова дѣйствительно гораздо точнѣе, нежели выражаеде, нами употребленное.

Только силу мою
 Сокрушила борьба... (и т. д.)
 Жизнь! аятымъ же собой
 Обольщаешь меня?
 Еслибъ силу Вогъ даль,
 Я равбилъ бы тебя!

Не вспомнить-ли еще Полежаева, который, по всему видно, былъ не хуже другихъ, но

Не расцвѣтъ, и отцвѣлъ
 Въ утрѣ навмурныхъ дней...

Но долго-бы было вспоминать всѣхъ: кого ни вспомнишь изъ сильныхъ душою людей, всѣ они годятся въ этотъ списокъ. Что-же вы, милостивый государь, претендуете на Гоголя за то, что былъ

Жизнью измятъ онъ...

Такова была ужъ его натура: не ему одному, всѣмъ была такая участь: нравственное изнеможеніе, ведущее за собою преждевременную, почти умышленную, во всякомъ случаѣ, желанную смерть. Миръ тебѣ, человѣкъ слишкомъ высокнхъ и слишкомъ сильныхъ стремлений.

Миръ тебѣ во тѣмъ Эреба!
 Ты своею силой валъ...

Но мы уклонились отъ предмета; мы хотѣли сказать, что если нарушалъ Гоголь законы благоразумія и гуманности въ своемъ аскетизмѣ, то и не даромъ обходились ему эти нарушенія. Вотъ, напримѣръ,---едва-ли онъ былъ злымъ и безчувственнымъ сыномъ, это по всему видно, даже по тѣмъ изувѣрскимъ письмамъ, въ которыхъ онъ такъ жестоко оскорбляетъ чувство сыновней почтительной любви своими назиданіями матери, — скажите-же, легко-ли было ему потомъ опомниться, видѣть вдругъ, какую дикую сумятицу надѣлалъ онъ, какъ грубо и неумѣстно онъ проступился,--- увидѣть все это изъ жалобъ, которыя ему на него справедливо принесла огорченная имъ мать.

1847 г. 3 мая.

Я получилъ письмо ваше отъ 12 марта, исполненное упрековъ. Простите меня: я передъ вамъ виноватъ. Виноватъ также в передъ моими добрыми сестрами, которыя меня искренно и величественно любятъ, и которымъ я показалъ, какъ бы вовсе не заиѣчаю любви ихъ. У меня былъ нѣкоторый свой умыселъ: получая самъ отовсюду упреки и находя всецѣнную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ (даже и несправедливыхъ), я хотѣлъ попрекнуть васъ, в особенно сестеръ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда ни въ чемъ не попрекать. Я не вѣлъ наиѣренія оскорбить ихъ. Повѣрьте, что я совсѣмъ не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ безтолковъ въ дѣлахъ жизни. Если бы я вамъ сказалъ откровенно, что я о каждой изъ-васъ думаю, то слова мои могли бы даже оскорбить вашу скромность. Скажу вамъ откровенно, что я горжусь вами: вами горжусь, что вы мать моя, сестрами — что овѣ сестры мои. Но, зная по себѣ, какъ способны мы задремать, когда окружающіе насъ люди говорятъ вамъ объ однихъ только вашихъ достоинствахъ и ни слова не упоминаютъ о недостаткахъ нашихъ, я принялъ за себя, во время, мнѣ не принадлежащую должность, видя, что никто другой, кромѣ меня, не отважился бы взять ее. Упрекъ мой въ распоряженіяхъ и расходахъ эконолическихъ былъ совершенно несправедливъ. Это я увидѣлъ ясно изъ вашего письма, гдѣ вы ознвчили обстоятельно, на какія именно потребности забираются

товары у разносчиков и въ лавкахъ. Я вмѣдъ въ виду не столько попрекнуть сестеръ за сдѣланное дѣло, сколько напомнить вообще объ аккуратности впредь, которой вообще у всѣхъ насъ, грѣшныхъ русскихъ людей, очень мало, начиная съ меня. Еще разъ прошу прощешя, какъ у васъ, маменька, такъ равно и у всѣхъ сестеръ. Отнынѣ, не только вы, которой, какъ матери, я не имѣю права давать упрековъ, во даже никто изъ моихъ сестеръ не получить отъ меня ни за что выговора. И скажу вамъ искренно, что я очень радъ, сложивши съ себя, наковецъ, эту неприятную и мнѣ не принадлежащую должность. Не сердитесь же на меня. Помните только то, что передъ вами вновь стоить благодарный и признательный сынъ вашъ. Вновь повторяю вамъ, если вы думаете, что я увѣревъ въ совершенствѣ моемъ и въ томъ, что я могу учить другихъ, вы впадете въ то же самое заблужденіе, въ которое впали и другіе. Никогда еще я не чувствовалъ такъ живо, что я ученикъ, что маѣ нужно многому учиться, и никогда еще не страдалъ я такимъ желаніемъ учиться. Письмо ваше исполненное мнѣ выговоровъ, я привялъ съ благодарностью. Говорю вамъ это искренно, и перечитываю его нѣсколько разъ, потому что мнѣ это очень нужно. Не сердитесь же на меня. Меня это очень огорчить, тѣмъ болѣе, что я и безъ того неспокоенъ. Я чувствую уже и безъ того упреки совѣсти въ душѣ своей...“ (Томъ VI, стран. 387—9).

Иной скажетъ: „Это притворство, Гоголь вовсе не чувствуетъ раскаяшя, онъ только притворяется смирившимся“? Положимъ; но если онъ считалъ себя правымъ, тѣмъ тяжеле была ему необходимость принять на себя унижительную роль провинившагося въ нарушеніи самыхъ первыхъ обязанностей; чѣмъ меньше искренности въ просьбѣ о прощеніи, тѣмъ тяжеле просить его. Но читая письма Гоголя изъ аскетическаго періода, мало-помалу отвергаешь мысль, что тутъ говорить лицемеръ (какъ ни вѣроятно кажется такое предположеніе сначала), и убѣждаешься, что онъ большею частью писалъ въ состояніи увлеченія, не говоря уже о томъ, что нъ самомъ тонѣ слышится часто что-то задушевное, чтобы быть притворнымъ: все свидѣтельствуешь о томъ, совершенное забвеніе ловкости и условныхъ приличій, о которыхъ никогда не забываетъ лицемеръ, нелогичность объясненій и оправданій и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное повтореніе одной и той же, неловой и неизмѣнной мысли въ десяткахъ писемъ къ разнымъ лицамъ: выдумщикъ говорилъ-бы связнѣе и правдоподобнѣе, и не оставался бы такъ однообразенъ въ своихъ выдумкахъ, даже самыхъ неловкихъ. Нѣтъ, видно, что въ головѣ Гоголя дѣйствительно слишкомъ упорно засѣли мысли, имъ выражаемыя.

Не относительно родныхъ только нарушалъ онъ въ своемъ аскетическомъ назиданіи всякімъ условія житейской осмотрительности: всѣмъ писалъ онъ такія вещи, которыми оскорблялся каждый его корреспондентъ; со всѣми своими друзьями ссорился онъ изъ-за назиданій, слишкомъ безцеремонно раздаваемыхъ отъ него всѣмъ и каждому; всѣ его пріатели бывали вынуждаемы или напоминать ему, что онъ нарушаетъ въ своемъ проповѣдничествѣ правила скромности и приличія, или прекращать сношенія съ нимъ, — и каждый разъ онъ скорбѣлъ о малодушныхъ и маловѣрныхъ, и удивлялся, что его нравственныя обличенія принимаются какъ оскорбленія. Вотъ одно небольшое письмо, которое, кажется намъ, внушено уже никакъ не притворствомъ, — въ немъ, дѣйствительно, говорить душевная скорбь:

1849 г.

„Какія странныя мнѣ привезъ отъ васъ Аксаковъ слова! Вы потому ко мнѣ не пишете, что не въ силахъ принять отъ меня совѣтовъ. Другъ мой, Н. Р., еслибъ вы

знали, как я далеко от того, чтобы съумѣть кому либо дать унынй совѣтъ! Я весь настрада-
лся. Я так боленъ, и душой я тѣломъ такъ расколѣбался весь, что одаа еострвждущая
строчка вашего добраго учаегія могла бы быть мнѣ освѣжающей каплей; а вы
вмѣсто (того) приказали передать маѣ таяя слова, точно какъ бы въ насмѣшку надо
мной. Добрый другъ мой я боленъ...“ (Томъ VI, стр. 498).

Но какъ-же принималъ Гоголь тѣ оскорбленія, которымъ подвергался
самъ. Конечно, каковы-бы ни были его убѣжденія, человекъ не можетъ со-
верненно заглунить въ себѣ самолюбія; особенно невозможно было это
Гоголю, справедливо думавніему о себѣ очень высоко. Но очевидно, онъ и
самъ старался подчинить свои чувства тѣмъ правиламъ смиренія, которыя
впущалъ другимъ, старался принимать оскорбленія какъ справедливыя нака-
занія или какъ очистительныя страданія; часто ему, кажется, удавалось это.
Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма его къ Жуковскому, послѣ того,
какъ онъ узналъ о строгой критикѣ, которою была встрѣчена его „Пере-
писка съ друзьями“:

1847 г. В марта.

„Письмо отъ 6/18 февраля, пущенное изъ Франкфурта тобою съ извѣстіемъ о книгѣ
моей, получено мною только третьяго дня, то есть 4 марта. Появленіе книги моея
разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ
чонимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно
какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напро-
казилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моея книгѣ такимъ
Мастаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но тѣмъ не менѣе, книга эта
вѣроятно будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ
слѣдуетъ глядѣться для того, чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить
впередъ“. (Томъ VI, стр. 350).

Эта манера рѣзкимъ образомъ отзываться о самомъ себѣ не можетъ быть
сочтена ханжествомъ уже и потому, что съ самой молодости Гоголь имѣлъ
привычку выражаться о себѣ подобнымъ языкомъ. Свою неудачу на универ-
ситетской кафедрѣ онъ излагалъ одному изъ своихъ друзей такъ:

1885 г. декабря 6.

„Я разстался съ Уанверспететовъ, и черезъ нѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Не
улавный я взомель на каоедру и неузнанный сложу съ яея. Но въ эти полтора
года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говорятъ, что я не за свое дѣло
вызлся—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прѣбавалъ въ сокровищницу
душв. Уже не дѣтскія мысли, ве ограниченный преждшй кругъ моихъ свѣдѣній, но вы-
сокія, исполненныя истины в ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ впилъ,
аи небесныя гости, заводившіе на меня божественныя минуты въ моея тѣсной квар-
тирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души
до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посвятите усто-
ять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, учеаяя и неученая чернь, всегда соглашаю-
щаяся публика... и проч. и проч... Я тебѣ одному говорю это, другому не скажу я:
моя назовутъ хвастувошъ и больше ничего. Мино, мимо все это!“ (Томъ V, стр. 246—7).

Тутъ (1835 г.) уже переимѣнаны презрительнымъ и гордыя выраженія
о себѣ точно такимъ-же образомъ, какъ въ письмахъ по поводу „безславія“,
написаннаго впоследствии „Перепискою съ друзьями“.

Въ „Перепискѣ“ изумительно показалось то неуваженіе, съ которымъ
Гоголь говоритъ о своихъ сочиненіяхъ—эта черта была вовсе не новостью
въ его характерѣ. Изумительно въ „Перепискѣ“ показалось и то, что не-

справедливыя и вовсе неприличныя нападенія нѣкоторыхъ журнальныхъ враговъ на „Ревизора“ и „Мертвыя Души“ наивагаетъ онъ не лишенными основательности и т. д. — все это говорилъ онъ и гораздо прежде. Въ 1838 году, за два или три года до развитія аскетическаго направленія, онъ уже писалъ своей матери:

1838 г. декабря 10.

„Мнѣ было точно пріятно читать, что вы встрѣтили тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ и, какъ кажется, провели время не скучно. Мнѣ даже было смѣшно нѣсколько, когда я добрался до того мѣста ваниго письма, гдѣ поспорили за меня съ вѣкторыня ваними пріштелини. Пожалуйста, вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ в днѣ васъ, и для меня, если ва замѣчавія в толки о моихъ литературныхъ трудахъ вы будете отвѣчать: „я не могу быть сульею его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, вотому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня довольно“. И будьте увѣрены, что прочтеніе другихъ усугубится я къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація человѣку, какую только онъ можетъ имѣть... Я объ этомъ потому заикнулся, что въ моихъ сочиненіяхъ очевь, очень много грѣховъ, и тѣ, которые съ вами сверятъ, иногда бываютъ очень, очень справедливы. Я вамъ совѣтую иногда прочесть разборъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и „Сѣверной Пчелѣ“ о моихъ сочиненіяхъ, и вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете. и почти всегда эти замѣчанія справедливы. Но когда нибудь въ другое время поговоримъ объ этой статьѣ“. (Томъ V, стр. 350—51).

Странно также показалось въ „Перепискѣ“ увѣреніе Гоголя, что его литературныя заслуги достойны гораздо меньшаго уваженія, нежели каковыя были-бы достойны хорошия нравственныя качества, еслибъ имѣлъ ихъ. Но и это говорилъ онъ издавна: такъ, еще въ 1835 году, онъ писалъ матери:

1835 г. апрѣля 12.

„...Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня добраго, простаго человѣка, можетъ быть, ве совсѣхъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и вазывать гевиемъ! Нѣтъ, маменька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что я ве протолпиться. И такъ я васъ проишу, маменька, ве называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудъ. Не изъявляйте никакого мѣннія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ. Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня лучшая похвала“. (Томъ V, стр. 239).

Кстати о сочиненіяхъ Гоголя. Есть люди, воображающіе, будто онъ, когда писалъ „Ревизора“, вовсе не имѣлъ въ виду нападать на взяточничество, — онъ, будто-бы, просто хотѣлъ написать смѣшную комедію. Это нелѣпая выдумка почти не стоитъ того, чтобы и опровергать ее; приведемъ, однако-же, нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, въ которыхъ Гоголь говоритъ о „Ревизорѣ“ — изъ нихъ не видно, не только хотѣлъ-ли смѣшить или заставить содрогнуться публику „Ревизоромъ“, но также и то, что онъ хотѣлъ бы, если-бы позволяли ему обстоятельства, брать предметами своихъ горькихъ произведеній предметы болѣе важныя, нежели мелкія плутни провинціальныхъ художниковъ:

„Я ве написалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моея; но до сихъ

поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было ва двякъ ячалъ составляться, уже и заглавіе написалось ва бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени“, и сколько злости, смѣху, соля!.. Но вдругъ остановился—что изъ того, когда пьеса не будетъ играть? Драва живетъ только ва сценѣ. Безъ нея она—какъ душа безъ тѣла. Какой же наетеръ повесеть на показъ народу не оконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальникъ не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости!», (Томъ V, стр. 173—174).

1836 г. апрѣля 29.

„...Я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще я ва Носковскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздки въ Москву и попытку хлопотать о чемъ либо... Мочи нѣтъ. Дѣлайте что хотите мою пьесю, во я не стану хлопотать о ней. Меѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ притивъ меня. Чяноввины пожилыя впочтенные кричатъ, что для меня нѣтъ нечего святого, когда я дераяулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейские противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Вранять и ходить ва пьесю; ва четверторедетавленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о заорещеніи ея. Теперь я вижу, что значить быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстають, и не одинъ человекъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше в лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тону, который вхъ любить между тѣмъ братскою любовью“. (Томъ V, стр. 254)-

1836 г. мая 10.

„Ѣду за границу, тамъ разымаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подалше быть отъ своей родины. Пророку вѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ нея уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ вѣрвомъ видѣ ни все принимается. Частное привнмать за общее, случай—за правило! Что сказано вѣрно я живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ, трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердятся, говорить: „Мы не плуты“. Но Богъ съ ними! Я не оттого Ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этигъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься я потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будуще“. (Томъ V, стр. 255—6).

1836 г. мая 15.

„Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскивають въ моихъ оригиналахъ свои собственные черты и бранять меня, не сержусь, что бравять меня непріатели литературные, продажные таланты; но грустно неѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее нѣвнѣе вив же опозоревваго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водить за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалковомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него———п кто же говорить? Что говорить———опытные люди, которые должны бы имѣть на скольконибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящея видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русский свѣтъ, вазываетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить ва сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на ваши классы. Столица щеколиво оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя

слегка ея собственные нравы? Я огорчевъ не вытѣшнымъ ожесточеніемъ протявъ поевъ пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Проявціи уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны; но жизнь петербургская ярка передъ помни глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорить мои соотечественники! И то, что бы привяли люди просвѣщенные съ громкимъ гѣхонъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее, сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую в вѣрвую черту—значить, въ переводѣ, опозорить положеніе бѣднаго автора, любящего между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, повиняющий его, глядящій на него другими глазами,—утѣшить ли это его? Москва больше расположена во мнѣ, во отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ вей, что портретъ ея еще не былъ видѣвъ нигдѣ у меня, что, наконецъ... яо не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ вей за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Буду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оеворбленія, всѣ яепрїятности посылались мнѣ высонимъ Проввдѣніемъ ва мое воснвтаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня". (Томъ V, стр. 280—1).

Да, мы видимъ изъ этого, что Гоголь не только понималъ необходимость быть грознымъ сатирикомъ, понималъ также, что слаба еще и мелка та сатира, которою онъ долженъ былъ ограничиться въ „Ревизорѣ“. Въ этой, оставшейся неудовлетворенною, потребности расширить границы своей сатиры надобно видѣть одну изъ причинъ недовольства его своими произведеніями. Въ періодъ аскетизма, это недовольство высказывалъ онъ страннымъ языкомъ, объясняя странными источниками; но та причина, которая высказана въ ириведенныхъ нами отрывкахъ, обнаруживаетъ въ Гоголѣ то глубокое пониманіе обязанностей и предметовъ сатиры, которое только теперь начинаетъ переходить въ общее убѣжденіе.

Не знаемъ, нужно-ли было въ настоящее время доказывать, что Гоголь, каковы ни были его заблужденія въ послѣдній періодъ жизни, никогда не былъ отступникомъ отъ стремленій, внушившихъ ему „Ревизора“; доказывать, что какъ-бы ни были странны многія мнѣнія и поступки его съ 1840 г., онъ дѣйствовалъ вообще не по разчетливому лицемѣрству—если въ этомъ уже были убѣждены всѣ нани читатели, тѣмъ лучше, хотя въ такомъ случаѣ статья наша лишилась-бы всякаго значенія. Но взявшись за изложенеіе объ этомъ предметѣ мнѣній, давно уже подтверждавшихся „Авторскою Исповѣдью“ и отрывками корреспонденціи, помѣщенными въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, и нынѣ еще болѣе подтверждаемыхъ изданіемъ его писемъ, мы должны привести изъ этихъ писемъ еще нѣсколько отрывковъ, кажущихся намъ интересными.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя всѣ друзья увидѣли въ немъ меланхолика, между тѣмъ какъ прежде этого не думалъ о немъ никто. Мы уже привели изъ „Авторской Исповѣди“ свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что всегда, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ былъ человѣкомъ грустнаго характера. Но быть можетъ воспоминаніе обманывало его? Неужели въ самомъ дѣлѣ только судорожною шутливостью его обманывались друзья.

принимавшие его никогда за человека съ веслымъ характеромъ? Да, они обманывались. На 18 году, онъ уже былъ задумчивъ и печаленъ; ему ужъ нужно было увѣрить своихъ родныхъ, что онъ вовсе не такъ печаленъ, какъ кажется; но—среди этихъ увѣрешй о веселости своего характера, онъ самъ выдаетъ себя, замѣчая, что часто думаетъ о томъ, какъ быть веселымъ. Плоха веселость этого юноши, который видитъ уже надобность придумывать, какъ-бы ему стать веслымъ.

1827 г. февраля 26.

«...Вы знаете, какой я охотивъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видонъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, тайлось кипучее желаніе веселости (разумѣется не буйной), и часто, въ часы задумчивости, когда другихъ казался я печальвымъ, когда она видѣли, или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ». (Томъ V, стр. 47).

Не надобно дивиться тому, что слишкомъ много было ошибочныхъ суждений о характерѣ Гоголя — этотъ характеръ былъ такъ многосложенъ, что еще въ ранней молодости уже казался загадочнымъ. По выходѣ изъ Нѣжинскаго Лицея, онъ писалъ матери:

1828 г. марта 1.

«Я не говорилъ никогда, что утерять дѣлся 6 лѣтъ даромъ; скажу только, что нужно удивляться, что я ногъ столько узнать еще. Вы изъявили сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого вужвы были тысячи? Да что бы изъ этого было? Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда ва мой учебныя пособія. Если не совершенно доствгъ того, что мнѣ нужно, у меня не было другихъ путеководителей, кромѣ меня самого; а ножво ли санову, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и старанія нѣтъ. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, нѣтъ не тягостны ил мало, вапротивъ, они не другихъ тѣмъ мнѣ служить, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить мнѣ и въ ноей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій.

Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться иллынь. Я больше понспыталъ горя и нужды, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разеѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обижался, что мало былъ прижимаея злонъ. Но врядъ ли кто вывесъ столько веблагодарностей, несправедливостей, глухыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все вывосялъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ вивовивковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ аея совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, кавинъ-то несноснымъ педаятонъ, думающимъ, что онъ умнѣ всѣхъ, что онъ создавъ ва другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли что л внутренне самъ смѣялся надъ собой вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ емпренникомъ, началонъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ нѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, веотесавный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—умень, у другихъ—глувъ. Какъ угодно почитайте меня, во только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящий мой характеръ. Вѣрите только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ дунѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня не называйте мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получалъ, останутся на вѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастья. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ

состояниі заплатить благодаріяиин, потому что зло изъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, ежели кому вевяіі разъ дѣлали чувствовать крѣпівіі гнѣть несчастій, тотъ будетъ счастливѣишій». (Томъ V, стр. 70—71).

Многосложенъ былъ характеръ Гоголя. Напримѣръ, неоспоримо то, что въ немъ сильно развилась уклончивость, столь неизбѣжно поселяемая почти въ каждомъ изъ насъ обстановкой нашей жизни; но въ тоже самое время онъ часто дѣйствовалъ съ прямою, рѣдкою въ нашемъ обществѣ; изъ множества примѣровъ этого, приведемъ только одинъ. У многихъ-ли достало-бы прямодушія такъ откровенно объясняться съ друзьями, которые имѣли причину быть недовольными.

1847 г. 28 августа.

„Въ любви вашей ко маѣ я якогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѣевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея, —тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ, Константинъ Сергѣевичъ. Въ противность составившейся обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, то есть, люблю угождешя и похвалы какихъ-то знатныхъ Маняловыхъ, скажу вамъ, что и скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я в съ вамъ обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, вагъ обольщаемъ себя мы воѣ; какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько набудъ имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ ченъ нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя въ ведвводящихъ нетахъ своихъ и любезный сынъ вашъ Кооставицъ Сергѣевичъ, какъ обольщаемъ мы себя воѣ до едяваго, грѣшныя люди; и чѣмъ кто больше получилъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демовъ излишества, который теперъ подталкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не пойнется“. (Томъ VI, стр. 418—419).

Гоголь предался направлешю, которое обыкновенно дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ къ бѣдности другихъ. Но именно въ то время, какъ предался ему, онъ сдѣлался человѣкомъ болѣе заботливымъ и сострадательнымъ, нежели когда-нибудь. Не говоримъ ни о его пожертвованіи своимъ наслѣдствомъ, ни о его намѣреніи положить въ банкъ сумму для поддержанія талантливыхъ молодыхъ людей, — эти факты знакомы каждому; приведемъ два случая, изъ менѣе извѣстныхъ. Въ 1847 году, въ эпоху „Переписки съ друзьями“, онъ пишетъ одному изъ московскихъ литераторовъ, который былъ его казначеемъ.

1847 г., сентября 2.

„Еще прошу особенно тебя наблюдать за тѣми изъ юношей, которые уже выступили ва литературное поприще. Въ ихъ ооложеніи хозяйственное стоитъ, право, взойти. Они принуждены бывають весьма часто изъ-за дневнаго пропитавія брать работы не по силамъ, и не по здоровью. Цѣна пять рублей серебромъ за печатный листъ, просто, безчеловѣчан. Сколько ночей онъ должевъ просидѣть, чтобъ выработать себѣ нужвыя деньги. Особенно, если онъ при этомъ сколько нибудь совѣтливъ п дуаетъ о своемъ добромъ имени. Не позабудь также принять въ соображеніе и то, что нынѣшнее молодое поколѣвіе и безъ того болѣзненно, разстроено вервами и всякими недугами. Оридумай, какъ бы прибавлять имъ отъ имени журналистовъ плату, которые будто бы не хотѣли сдѣлать это гласно, словомъ —какъ легче и лучше придумается. Это твое дѣло. Твоя добран душа найдетъ, какъ это сдѣлать, отклони всякую догадку и оодозрѣше о нашемъ съ тобою тепломъ лянчюя участія въ этихъ дѣлахъ“. (Томъ VI, стр. 424).

Вотъ одно изъ ого писемъ 1849 года:

1849 г. маѣ 12.

„Посылаю, добрая матушка, полтора ста рублей сер. не для васъ собственно, но для раздачи тѣмъ бѣднымъ мужичкамъ вашимъ, которые больше всѣхъ другихъ нуждаются, на обзаведеніе и возможность производить работу въ текущемъ году, и особенно тѣмъ, у которыхъ передохъ весь скотъ. Авось они помолится обо мнѣ. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болѣю, не только тѣломъ, но и душою. Много ваясь я оскорбленій. Ради Бога, помолитесь обо мнѣ. О, помолитесь также о приниреніи со явою тѣхъ, которыхъ наиболѣе любить душа моя. На слѣдующей недѣлѣ буду писать къ вамъ...“ (Томъ VI, стр. 585).

Эти факты не нуждаются въ комментаріяхъ. Тотъ, кто, сдѣлавшись аскетомъ, продолжаетъ быть человѣкомъ сострадательнымъ, никогда не только не былъ, но и не могъ быть дурнымъ человѣкомъ.

Сомнѣвались въ его искренности и намѣреніяхъ, ради странности его заблужденій (возвращаемся въ послѣдній разъ къ этому предмету), — но возможно-ли это сомнѣніе послѣ такихъ писемъ, какъ, напримѣръ, слѣдующее:

1847 г. 25 мая.

„Статья Павлова говорить въ пользу Павлова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу моей книги. Я бы очень желалъ видѣть продолженіе этихъ писемъ: любопытствую чрезвычайно знать, къ какому результату приведутъ Павлова его послѣднія письма. Покуда, для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ-же критикъ говорить, что онъ пишетъ письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ предъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что и есть новаго, то ложь) сбива, однако-же, его совершенно съ прежняго его положенія (какъ онъ называетъ) *нормальнаго*. Хорошо же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него невозможенъ, и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ самъ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ *трехъ послѣднихъ повѣстяхъ*. Пожалуйста, этого явленія не пропусти изъ виду, когда возчувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги“ (Томъ VI, стр. 401).

Читатель помнитъ превосходныя письма г. Павлова; онъ знаетъ, возможно-ли человѣку, хотя сколько-нибудь понимающему точку зрѣнія, съ которой разбираетъ „Переписку“ критикъ, полагать, что „Переписка“ можетъ принести какое-нибудь назиданіе г. Павлову? Развѣ не очевидно, что она кажется ему и не можетъ не казаться наборомъ пустыхъ общихъ мѣстъ, лживость которыхъ равняется только ихъ напыщенности? Каждому, сколько нибудь понимающему образъ мыслей критика, очевидно это. — Гоголю это не приходится и въ голову, напротивъ, ему воображается, будто „Переписка“, которая въ критикѣ вызвала только скорбь о заблужденіяхъ автора, чему-то очень многому, и очень полезному научила этого критика! Навивность этой мечты поразительна; то, что Гоголю могла прійти въ голову подобная мысль, уже одно можетъ совершенно доказать, что заблужденія Гоголя никакъ не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ воспоминаній, оставленныхъ въ немъ дѣтскими уроками. Онъ, какъ видимъ, совершенно не понималъ, что чогуть быть для убѣжденій иныя основанія, кромѣ тѣхъ, которыя были вложены въ него уроками дѣтства.

Часто говорятъ: Гоголь погибъ для искусства. предавшись напряженію

„Переписки съ друзьями“. Если это понимать въ томъ смыслѣ, что новыя умственные и нравственные интересы, выраженные „Перепискою“, отвлекали его дѣятельность отъ сочиненія драмъ, повѣстей и т. п. въ этомъ мѣстѣ есть часть истины: дѣйствительно, при новыхъ заботахъ у него осталось менѣе времени и силы заниматься художественною дѣятельностью; кроме того, и органическое изнеможеніе ускорилося новымъ направленіемъ. Но когда предположеніемъ о несомвѣстности его новаго образа мыслей съ служеніемъ искусству хотятъ сказать, что онъ въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ измѣнилъ-бы своей прежней сатирической идеѣ, то совершенно онибаются. Хотя въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ встрѣчаются попытки на созданіе идеальныхъ лицъ, но общее направленіе этого тома очевидно таково-же; какъ и направленіе перваго тома какъ мы уже имѣли случай замѣтить при появленіи 2-го тома, два года тому назадъ. Кроме того, надо вспомнить, что когда явился первый томъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь уже гораздо болѣе года, быть можетъ, года два, былъ предавъ аскетическому направленію — это обнаруживается письмами, — однакожь, оно не помѣшало ему познакомиться свѣтъ съ Чичиковыми и его свитой.

Если этихъ доказательствъ мало, вотъ прямое свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что онъ въ эпоху „Переписки“ не видѣлъ возможности измѣнить въ художественныхъ произведеніяхъ своему прежнему направленію. Странныя требованія и ожиданія относительно присылки ему замѣчаній на „Переписку съ друзьями“ убѣждаютъ, что эти строки писаны во время самаго преувеличеннаго увлеченія ошибочными мечтами „Переписки“ и „Завѣщанія“, — и тѣмъ большую цѣну прибрѣтаютъ слова Гоголя о невозможности изобразить въ художественномъ произведеніи жизнь съ примирительной точки зрѣнія.

1847 г. 27 апрѣля.

„Появленіе моей квви, вѣ смотря на всю ея чудовищность, есть для меня слишкомъ важный шагъ. Книга имѣетъ свойства пробваго камня: повѣрь, что ва вей испробуешь какъ разъ нынѣшняго человѣка. Въ сужденіяхъ о ней непременно выскажется человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которыя онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, в вдругъ станетъ видно, ва какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей квиѣ. Хорошо бы прилагать при всякомъ няѣвіи портретъ того лица, которому мнѣше принадлежить, если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально попувать общество, а вѣ взглянуть на него во время бала, или гулянья: иначе у меня долго еще будетъ все вѣ попадѣ, хотя-бы я возрасла способность творить. А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила-бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разеердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку вѣ требовать, чтобы авторъ попотчывалъ его тѣмъ-нибудѣ *примиряющимъ съ жизнью* (вавъ говорится). Вездѣлица! Какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно вѣ возьметъ теперь вліявія, если вѣтъ вѣ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ вѣрочается нынѣшнее общество, и если вѣ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и вѣ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого — его убьетъ первый романъ, какой ва появится изъ фабрики Дома. Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали вѣ тактъ съ моими мыслями. Уже съ давнидѣ поръ

только в словочу о томъ, чтобъ послѣ негого сочиненія насмѣялся нъ волю человѣкъ надъ чортомъ“. (Томъ VI, стр. 375—6).

Мы кончили наши извлеченія изъ „Писемъ“ Гоголя,—уже слишкомъ много приведено нами выписокъ, большею частью утомительныхъ своею монотонностью и тяжелою странностью мыслей, но показавшихся намъ не лишенными важности для того, чтобы хотя нѣсколько разъяснить вопросъ о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ. Чтеніе писемъ его съ 1840 г. чрезвычайно утомительно и очень неприятно; но мнѣніе, внушаемое ими о Гоголѣ, выгодно, насколько можетъ быть выгодно мнѣніе о человѣкѣ, вдавшемся въ заблужденія, пагубныя для него самого, грустныя для всѣхъ поклонниковъ его великаго таланта и ума. Мы уже сказали, что свѣдѣнія, до сихъ поръ обнародованныя, слишкомъ еще не полны и вовсе недостаточны для того, чтобы составить о характерѣ и развитіи Гоголя, какъ человѣка, точное понятіе безъ опасности ошибиться. Но насколько мы можемъ судить о Гоголѣ по этимъ недостаточнымъ матеріаламъ, мы думаемъ, что наиболѣе близкое къ истинѣ мнѣніе будетъ слѣдующее.

Родившись среди общества, лишеннаго всякихъ прочныхъ убѣжденій, кромѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ мнѣній; дошедшихъ до этого общества по преданію старины и ни мало неприлагающихся этимъ обществомъ къ жизни, Гоголь ни отъ воспитанія, ни даже отъ дружескаго кружка своихъ саерстниковъ не получилъ никакого содѣйствія и побужденія къ развитію въ себѣ стройнаго образа мыслей, нужнаго для каждаго человѣка съ энергическимъ умомъ, тѣмъ болѣе для общественнаго дѣятеля. Потому, проведя свою молодость въ кругу петербургскихъ литераторовъ, онъ могъ получить отъ нихъ много хорошаго для развитія формальной стороны своего таланта, но для развитія глубокихъ и естройныхъ воззрѣній на жизнь и это общество не доставило ему никакой пищи. Между тѣмъ, инстинктъ благородной и энергической природы, обратилъ его къ изображенію общественной жизни съ той стороны, которая одна могла въ то время вдохновлять истиннаго поэта, поэта идеи, а не только формы. Литературная извѣстность сблизила его съ нѣкоторыми литераторами, непринадлежащими къ петербургскому кружку, въ которомъ онъ жилъ, но пользовавшимися въ этомъ кружкѣ репутаціею замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей. Въ то время, Гоголь еще мало заботился объ общихъ теоріяхъ, и знакомство съ этими мыслителями пока еще не оказывало на него особеннаго вліянія: его мало занимали мысли, занимавшія ихъ; онѣ только западали, болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, въ его память, въ которой хранились нѣкоторое время безъ всякаго развитія и употребленія. Какъ мнѣше петербургскаго литературнаго кружка, въ которомъ жилъ Гоголь, содѣйствовало сближенію его съ этими учеными, такъ оно воспрепятствовало сближенію его съ другими тогдашними литераторами, которые одни могли-бы имѣть полезное вліяніе на его умственное развитіе: Полевой и Надеждинъ не пользовались уваженіемъ людей, среди которыхъ жилъ Гоголь.

Юноша поглощенъ явленіями жизни; ему не время чувствовать потребность общихъ теорій, если эта потребность не развита въ немъ воспитаніемъ или обществомъ. Гоголь писалъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя волновали его

благородную натуру, и довольствовался тѣмъ, что разоблачаетъ эти вредныя явленія; о томъ, откуда возникли эти явленія, каково ихъ отношеніе къ общимъ принципамъ нашей жизни, никто ему не говорилъ, а самому ему еще рано было для такихъ отвлеченностей отрываться отъ непосредственнаго сосерцація жизни. Собственно говоря, онъ не имѣлъ тогда никакого образа мыслей, какъ не имѣли его въ то время никто изъ нашихъ литераторовъ. Онъ писалъ такъ, какъ разсуждаетъ больная часть изъ насъ теперь, какъ судили и писали тогда почти всѣ: единственно по внунісію впечатлѣнія. Но впечатлѣніе, производимое безобразными явленіями жизни на его высокую и сильную натуру было такъ сильно, что произведенія его оживлены были энергіею негодованія, о которой не имѣли понятія люди, бывшіе его учителями и друзьями. Это живое негодованіе было внѣ круга ихъ понятій къ чувствъ — они смотрѣли на него довольно индифферентно, не ободряя и не осуждая его мыслей слишкомъ рѣшительно, но совершенно сочувствуя формальной сторонѣ таланта Гоголя, которымъ дорожили за живость его картинъ, за вѣрность его языка, наконецъ за уморительность его комизма.

Слабость здоровья, огорченія, навлеченныя „Ревизоромъ“, и, быть можетъ, другія причины, остающіяся пока неизвѣстными, заставили Гоголя уѣхать за-границу и оставаться тамъ много лѣтъ, почти до конца жизни. посѣщая Россію только изрѣдка, и только на короткое время. Вскорѣ послѣ отъѣзда за-границу, начался для молодого человѣка переходъ къ зрѣлому мужеству.

При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь, только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настааетъ пора умственной возмужалости, та нора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ. вызываемыхъ отдѣльными фактами, а необходимо имѣть систему убѣжденій. Въ Гоголѣ пробуждалась эта потребность.

Какими матеріалами снабдило его воспитаніе и общество для утоленія этой потребности? Въ немъ ничего не нашлось изъ нужныхъ для того данныхъ, кромѣ преданій дѣтства; тѣ умственные вліянія, о которыхъ вспоминалъ онъ и съ которыми встрѣчался онъ въ заграничной жизни, всѣ склоняли его къ развитію этихъ преданій. къ утвржденію въ нихъ. Онъ даже не зналъ о томъ, что могутъ существовать иныя основанія для убѣжденій. могутъ быть иныя точки воззрѣнія на міръ.

Такъ развивался въ немъ образъ мыслей, обнаружившійся передъ публикою изданіемъ „Переписки съ друзьями“, передъ друзьями гораздо ранѣе. до изданія перваго тома „Мертвыхъ Дунгъ“.

Въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, мы говорили объ одномъ изъ тѣхъ людей, вмѣстѣ съ которыми, отчасти подъ руководствомъ которыхъ, жилъ теперь Гоголь. Теоретическіи основанія были однѣ и тѣ-же у нихъ. но результаты, произведенныя этою теоріею, вовсе не одинаково отразились и на нравственной, и на литературной, и даже на органической жизни Гоголя и его сотоварищей—учителей, потому что его натура была различна отъ ихъ натуръ. То, что оставалось спокойнымъ, ничему не мѣняющимся и даже незамѣтнымъ во внѣшности у нихъ, стало у него бурнымъ, все одо-

лвающими, неудобными для житейской и литературной дѣятельности и невыносимыми для организма. Въ этомъ отношеніи, всѣ другіе, кромѣ Гоголя, были сходны съ Жуковскимъ, котораго мы и беремъ для сравненія съ Гоголемъ, ссылаясь на нашу статейку о сочиненіяхъ Жуковскаго, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году.

Умѣренность и житейская мудрость—вотъ отличительныя черты натуры Жуковскаго по вопросу о примѣненіи теоріи къ жизни. При такихъ качествахъ, теорія оказывалась содѣйствующею у Жуковскаго мудрому устроенію своей внутренней жизни, мирныхъ отношеній къ людямъ, ни мало не стѣсняющею силъ и дѣятельности таланта.

У Гоголя было не то. Многосложенъ его характеръ и до сихъ поръ загадочны многія черты его. Но то очевидно съ перваго взгляда, что отличительнымъ качествомъ его натуры была энергія, сила, страсть; это былъ одинъ изъ тѣхъ энтузіастовъ отъ природы, которымъ нѣтъ середины: или дремать, или кипѣть жизнью; увлеченіе радостнымъ чувствомъ жизни или страданіемъ, а если нѣтъ ни того, ни другаго—тяжелая тоска.

Такимъ людямъ не всегда опасны бываютъ вещи, которыя всѣмъ другимъ легко сходятъ съ рукъ. Кто изъ мужчинъ не волочится, кто изъ женщинъ не кокетничаетъ? Но есть натуры, съ которыми нельзя шутить любовью: стоитъ имъ полюбить, онѣ не отступитъ, и не побоятся ни разрыва прожнихъ отношеній, ни потери общественнаго положенія. Тоже бываетъ и въ отношеніи идей.—Человѣкъ „разумной середины“ можетъ держаться какихъ угодно теорій, и все-таки проживетъ свой вѣкъ мирно и счастливо. Но Гоголь былъ не таковъ. Съ нимъ нельзя было шутить идеями. Воспитаніе и общество, случай и друзья поставили его на путь, по которому безопасно или эти друзья, — что онъ надѣлалъ съ собою, ставъ на этотъ путь, каждый изъ насъ знаетъ.

Но все-таки, что-же за человѣкъ былъ онъ въ послѣднее время своей жизни? Чему вѣрилъ онъ, это мы знаемъ; но чего теперь хотѣлъ онъ въ жизни для тѣхъ меньшихъ братій своихъ, которыхъ такъ благородно защищалъ прежде? — Этого мы до сихъ поръ не знаемъ положительно. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что „Переписка съ друзьями“ замѣнитъ Акакію Акакіевичу шинель? Или „Переписка“ эта была у него только средствомъ внушить тѣмъ, которые не знали того прежде, что Акашій Акакіевичъ, которому нужна шинель, есть братъ ихъ? Положительныхъ свидѣтельствъ тутъ нѣтъ. Каждый рѣшитъ это по своему мнѣнію о людяхъ. Намъ кажется, что человѣкъ, такъ сильно любившій правду и ненавидѣвшій беззаконіе, какъ авторъ „Шинели“ и „Ревизора“, неспособенъ былъ никогда, ни при какихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ окаменѣть сердцемъ для страданій своихъ ближнихъ. Мы привели выше нѣкоторые факты, кажущіеся намъ доказательствами того. Но—кто поручится за человѣка, живущаго въ нашемъ обществѣ? Кто поручится, что самое горячее сердце не остынетъ, самое благородное не испортится? Мы имѣемъ сильную вѣроятность думать, что Гоголь 1850 г. заслуживалъ такого-же уваженія, какъ и Гоголь 1835 г.; но положительно мы знаемъ только то, что во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ глубокаго скорбнаго сочувствія:

„Спасите меня: возьмите меня!.. Домъ-ли то мой снѣсть вдали, мать-ли моя сидеть передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Посмотри, какъ намучили они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему вѣтъ мѣста на свѣтѣ!“

— То, что у Алжирскаго Бея подъ самымъ носомъ шишка, вы, вѣроятно, знаете; но, быть можетъ, вы еще не читали окончанія „Повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ“? Оно помѣщено въ новомъ изданш. Прочтемъ-же эти страницы: согласитесь, не годится кончать грустью воспоминашя о Гоголѣ.

„Можете себѣ представить, министр вышелъ изъ себя! Въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтоисяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой-нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, какъ довѣсть быть разсерженный министр, такъ сказать, государственной челоуѣкъ, въ вѣвторомъ родѣ! „Грубишь!“—аакричалъ онъ. „Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать, говорить, фельдъ-егеря, препроводить его ва мѣсто жительства!“ А фельдъ-егерь уже тамъ, понимаете, за дверью я стоить: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ — дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Вожія, въ телѣшу, да съ фельдъ-егеремъ. „Ну, — Копейкинъ думаетъ, — по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо в за то“. Ъдетъ онъ, судырь мой, ва фельдъ-егерѣ, да влучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ оказать, рассуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говорить, „вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ понскалъ средствъ в помогъ-бы; „хорошо“, говорить, „я“, говорить, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто в куда именно привезла, ничего этого ве извѣстно. Такъ, понимаете, и слуди о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣву забвеніи, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. И такъ куда дѣлся Копейкинъ, не извѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка рязобни-ковъ, и атамавъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копейкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ, нѣкоторымъ образомъ, банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны. Все привыкло, знаете, въ расоуской жизни, всякому жизнь—копейка, забудевъ вездѣ такой—хоть трава не рости. Словомъ, судырь мой, у него, просто, армія. По дорогамъ никакого прозада нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено ва одно только казенное. Если прѣбывающій по какой-нибудь своей надобности, спросить только, зачѣмъ, да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ, или деньги. словомъ — все, что носить, такъ сказать, имя казны, — спуска никакого! Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышать-ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный обровъ,—онъ ужъ тамъ. Тотъ-же часъ требуетъ къ себѣ старосту: „подавай, братъ, казенные оброки я подати!“ Ну, мужикъ видитъ — такой безаогій чортъ, на воротникъ-то у него, понимаете, жаръ-птица, красное сукно, пахнетъ, чортъ возьми, олеухой... „На, батюшка! вотъ тебѣ, отвязись только!“ Ду-маеть: „Ужъ вѣрно, какой-нибудь капитанъ — исправникъ, а, можетъ, еще и хуже“. Только, судырь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ-же крестьянамъ пишетъ роспису, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ, что деньги точно, модъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, и прввалъ вотъ такой-то каан-танъ Копейкинъ, еще даже и печать свою приложить. Словомъ, судырь мой, грабить да и полно. Посылали было нѣсколько ротъ команды изловить его, во Копейкинъ мой я въ усь ве дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все таше... Но, наконецъ, можетъ быть, испугавшись, самъ видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ ве ва шутку в что преслѣдовашія ежеминутно усилявались, а между тѣмъ деньжонокъ у него собрался капиталецъ порядочный, онъ, судырь мой, за гравцу, и за границу-то, судырь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты! и пишетъ оттуда, судырь мой, письмо къ Государю, краснорѣчивѣйшее, какъ только можете себѣ вообразить. Въ древности Платоны и Демосеены каше-нибудь, все это, можно сказать, трыпка, дьячевъ въ сравненіи съ нимъ:

„Не подумай, Государь“, говорить, „чтобы я того и того... (круглоту періодовъ заступилъ такую)... Необходимость, говорить, была причиною моего поступка. Проливая кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ-бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не навазуй, говорить, моихъ сотоварящей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мной; а окажи лучше Монаршу свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы, пригнорить, за ними эдакое, можете себѣ представлять, смотрѣніе...“ Словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, повинаете, быть тровуть. Дѣйствительно, его Монаршему сердцу было прискорбно... Хотя онъ точно былъ преступникъ и достойнъ, въ нѣкоторона родѣ, смертвго наказанія, во видя, такъ сказать, какъ можетъ неввво иногда прозойти подобное упушеніе... Да и невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было возможно вдругъ устроить. Одиъ Вогъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ. Словомъ, судырь ной, Государь изволялъ на этотъ разъ оказать беапримѣрное веливодушнѣ, повелѣлъ остановить преслѣдовашіе вивоввыхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ, исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть раненыхъ. И вотъ, судырь ной, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инивлвдному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раневыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англии, ни въ развыхъ другихъ просвѣщеныхъ государствахъ не имѣется. Такъ, вотъ кто, судырь ной, этотъ капитанъ Колейкинъ. Теперь, я полагаю, вотъ что. Въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сонявнія, прожилъ, да вотъ и воротился въ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать—не удастся-ли, такъ сказать, въ нѣвторонъ родѣ, новое предпріятіе...“

Да, какъ-бы то ни было, а великаго ума и высокой натуры человекъ былъ тотъ, кто первый представилъ насъ намъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, кто первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ими. И что-бы напоследокъ ни сдѣлала изъ этого человека жизнь, не онъ былъ виноватъ въ томъ. И если чѣмъ смутилъ насъ онъ, все это миновалось, а безсмертны остаются заслуги его.

Мертвыя Души. *Окончаніе поэмы Н. В. Гоголя „Похожденія Чичикова“.* Ващенко-Захарченко. Кіевъ. 1857.

Что это за поддѣлка, являющаяся такъ нагло? Что это за г. Ващенко-Захарченко, такъ дерзко заимствующій для своего издѣлія заглавіе книги и имя Гоголя, чтобы доставить сбытъ ни-куда-негодному товару.

Г. Ващенко-Захарченко не какой-нибудь несчастный, доводимый до всякихъ продѣлокъ необходимостью; — это не то, что А. А. Орловъ или Ситовъ, которымъ когда-то лавочники Толкучаго рынка, торгующіе бумажнымъ товаромъ, заказывали книжечки въ два-три листа, печатавшіяся подъ заглавіемъ романовъ, имѣвшихъ успѣхъ, напримѣръ „Графиня Рославлева или супруга-героиня, отличившаяся въ знаменитую войну 1812 г.“ — эти поддѣлки хотя сколько-нибудь извиняются крайнимъ невѣжествомъ поддѣльщика.

Но книга г. Ващенко-Захарченко приводитъ къ другимъ мыслямъ. Это довольно большой томъ, напечатанный на порядочной бумагѣ, довольно своснымъ шрифтомъ,—видно, что г. Ващенко-Захарченко имѣетъ нѣкоторое понятіе о томъ, каковы бываютъ порядочныя книги; что всего хуже, видно, что онъ человекъ, имѣвшій случай посѣщать порядочное общество: онъ

знаеть, по какому порядку происходит дворянскіе выборы, какія кушанья подаются на столъ у богатыхъ помѣщиковъ, онъ, кажется, имѣеть даже нѣкоторое поштіе объ университетскомъ образованіи. Какъ-же онъ, чело-вѣкъ, дѣлющій, вѣроятно, нѣкоторое понятіе о томъ, что такое литература, отважился на пошлое дѣло.

Разечеть г. Ващенко-Захарченко былъ не совсѣмъ ошибоченъ: мы слышали уже отъ двухъ-трехъ чело-вѣкъ вопросъ о томъ, какова его книга: вѣроятно, найдутся такіе ловкіе продавцы, которые будутъ пытаться высылать ее въ провинціи, какъ сочиненіе Гоголя. Журналы должны предупредить этотъ обманъ, и потому мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о книгѣ, написанной г. Ващенко-Захарченко.

Вотъ предисловіе, по которому читатель можетъ видѣть, что г. Ващенко-Захарченко воображаетъ владѣть юмористическимъ словомъ:

„Павель Ивасовичъ Чичиковъ, узавъ о смерти Н. В. Гоголя и о томъ, что его поэма „Мертвыя Души“ осталась неоконченною, вздохнулъ тяжело в, давъ рукамъ и головѣ приличное обстоятельству положеніе, съ свойственною ему одному манерою, сказалъ: пошедшія мои—произведеніе колоссальное касательно нашего обширнаго отечества, на-вѣфактуръ, торговли, нравовъ в обычаевъ. Окончить его съ успѣхомъ могъ одиавъ только Гоголь. Родственники генерала Бетрищева просили меня письменно уговорить васъ окончить „Мертвыя Души“. Изъ моихъ рассказовъ (т. е. „съ моихъ рассказовъ“, „по моимъ рассказамъ“ — г. Ващенко-Захарченко могъ бы выучиться употребленію русскихъ предлоговъ прежде, чѣмъ писать окончаніе „Мертвыхъ Душъ“) вамъ легко будетъ писать, а какъ я вдвое старѣе васъ, то вы вѣрно будете видѣть, чѣмъ кончатся мое земное поприще. Исполните же просьбу генерала Бетрищева и его родныхъ. Я знаю, что они первые будутъ ругать васъ; но я утѣшу васъ мыслію, что окончаніе „Мертвыхъ Душъ“ будетъ не только пріятно, но и полезно въ геморроидальномъ отношеніи. А. Ващенко-Захарченко“.

Господинъ А. Ващенко-Захарченко такъ восхищенъ своею остроумною выдумкою, что на оборотѣ заглавнаго листа, подъ ценсорскимъ разрѣшеніемъ печатать книгу, приложилъ свою подпись, обведенную кольцомъ въ видѣ печати. Онъ не ошибся: дѣйствительно, интересно видѣть почеркъ, интересно было-бы видѣть и лицо чело-вѣка, отважившагося на такой подлогъ.

Книга написана съ остроуміемъ и смысломъ сочиненій г. Анаевского; разница только въ томъ, что г. Анаевскій не ошибается въ употребленіи предлоговъ и буквы ѣ, а г. Ващенко-Захарченко пишетъ „изъ моихъ рассказовъ“ вмѣсто: „по моимъ рассказамъ“, „барня“, „баринья“: „рижій“, „порижѣть“.

Смысла въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго; но если вы хотите знать, о чемъ въ пей говорится безъ смысла, то знайте, что остроумный г. Ващенко-Захарченко рассказываетъ, какъ Чичиковъ, освободившись изъ острога, куда его посадили, неизвѣстно зачѣмъ и по какому дѣлу, ѣдетъ навѣстить родственниковъ генерала Бетрищева, продаетъ свои мертвыя души на выводъ какому-то скупцу Мѣдяникову, получаетъ за нихъ до 60.000 р. серебромъ, женится на богатой помѣщицѣ и умираетъ, поглупѣвъ отъ старости. На каждой страницѣ есть нѣсколько фразъ, безграмотнымъ и беземысленнымъ образомъ вытасченныхъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ и прикрашенныхъ остроуміемъ самого г. Ващенко-Захарченко. Такъ напримѣръ, безпрестанно упоминается о фракѣ цвѣта наваринскаго дыма съ пламенемъ, на каждой стра-

ницѣ Чичиковъ говорить, что онъ ѣздитъ по Россіи, навѣщая родственниковъ генерала Бетрищева и отыскивая климатъ удобный въ геморроидальномъ отношеніи; кромѣ того, авторъ отъ себя придумываетъ разныя варіаціи на фразу, что Чичиковъ кланяется съ ловкостью военнаго человѣка, — „Чичиковъ поклонился съ ловкостью танцмейстера“, „Чичиковъ поклонился съ ловкостью гусара“ и т. д. — въ этихъ фразахъ и состоитъ остроуміе г. Ващенко-Захарченко. Для образца таланта и смысла его, мы беремъ наудачу слѣдующій отрывокъ, исправляя грамматическія ошибки, — которыя очевидно принадлежатъ не корректору, а самому г. Ващенко-Захарченко.

„Чичиковъ приказалъ везть себя къ Распузину.

„Распузину былъ не богатъ, но тароватъ, и унѣлъ копынку на ребро ставить. Выписывалъ онъ всѣ русскіе журналы и не только читалъ ихъ съ удовольствіемъ, но сужавъ даже ими тѣхъ, которые брали книги и газеты для тона, а не имѣли охоты заняться новостями политики и литературы, бывъ погружены въ животный сонъ и разговоры о хозяйствѣ в скотномъ дворѣ (*Что за безмыслица? зачѣмъ же они брали книги, если не имѣли охоты читать ихъ?*) Сосѣди Распузина были два брата, богатые люди, вдовцы, толстяки, скуицы, безъ всякаго образованія въ желаніи. У нихъ было одно въ головѣ: какъ бы побольше уничтожить свою и покупуно въ овощной лавкѣ провизію. Кулебяки и бушенина были у нихъ настольными яствами. Объемистые и эластичесіе ихъ желудки были постоянно полны въ противоположность головѣ, вѣчно пустой.

„— Не люблю этихъ животныхъ, ненавижу ихъ: не умѣютъ дѣтей воспитать. Это скоты и невольды. Такъ говорилъ Распузинъ гостю, сидѣвшему противъ него и перелистывавшему иллюстрированное издашіе.

„— Ну, ты не зналъ ихъ женъ. Умора просто, да и конецъ. Одна изъ супругъ ходила вѣчно въ перчаткахъ, ее называли М-ше Чеоотье, сказалъ, положи книгу, пріятель Распузина:—а другая была зла, вавъ павтера, и, къ счастью всего деревенскаго народоваселенія, все свое время свободное употребляла ова ва драку съ мужемъ. Прислугу оставляла въ покоѣ, а все этого барина безпокоила. Вѣчно у него были подбиты глаза, испарапана рожа и руки.

„— Я не могу ихъ двухъ равнодушно видѣть. Не мое дѣло, конечно, но я не утерпѣлъ, я въ разговорѣ, подошедшемъ кстати, сказалъ, что пора уже намъ стряхнуть съ себя невольство, а если мы въ немъ загрузѣли, оваянѣли, то ставомъ воспитывать дѣтей нашихъ такъ, чтобы они сдѣлались полевыми гражданами государству и человѣчеству. Появили ли они? Я думаю, что вѣтъ.

„— Они не появили, но были тамъ и тѣ, которые отлично все постигаютъ, но притворяются я скрываютъ свои мысли подъ видомъ простоты. А! обратился хозяинъ къ вошедшему господину, довольно серьезной наружности: college! — Тутъ Распузинъ пожалъ гостю руку я сказалъ, обратись въ прежнему: рекомендую тебѣ магистра, Петра Иваныча Кулисникова, моего товарища по естественному факультету. Оривтогнозію и ботаническую систематику мы слушали вмѣстѣ. Я былъ своекоштнымъ и учился плохо; а онъ былъ казеннымъ студентомъ и не даромъ носилъ это имя.

„Хозяинъ взглянулъ въ окно, и увидѣлъ въѣзжавшаго ва парѣ, во дворъ, Чичикова. Селифанъ какъ то не ловко правилъ парой, и Петрушка тоже немного конфузился, сидя на козлахъ.

„— Ыдетъ ко мнѣ еще кто то, да не знакомый долженъ быть. Добро пожаловать! прошу покорно сюда! кричалъ хозяинъ вошедшему Павлу Ивановичу, который евидаль галоша в шинель, и вмѣстѣ съ этимъ ловво раскланялся.

„— Я Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, сказалъ новый гость, вошедшій въ столовую, гдѣ были всѣ, и, пожималъ хозяину руки, прибавилъ:—ѣзжу я уже не одинъ годъ по пространной Россіи, какъ для посѣщенія родныхъ моего друга, генераль-лейтенанта Бетрищева, такъ и для наблюденія надъ тѣмъ воздухомъ, который благотворевнѣе въ геморроидальномъ отношеніи.

„— Покоривъше прошу садиться, очень радъ, очень радъ, сказалъ хозяинъ, и давъ знакъ магистру глазами, чтобъ овъ занялъ новаго гостя, самъ вышелъ.

„— Должно быть вы, оковчивши вурсъ, еще нѣсколько лѣтъ занимались естественными науками, спросилъ прежній гость магистра: — и въ нихъ далеко подвинули всѣ новыя открытія?

„— Конечно, я былъ посыланъ на счетъ университетскихъ суммъ за границу, и обогащалъ естественныя науки важными открытіями.

„Вотъ куда я попалъ, подумалъ Павелъ Ивановичъ:—вотъ здѣсь узнаю я многое, и многому научусь полезному и даже необходимому“. Чичиковъ съ явнымъ предпочтеніемъ смотрѣлъ на магистра, бывшаго ва казенный счетъ за границей.

„— Я право не припомню, сказалъ магистръ, обратись къ Чичикову:—мнѣ слышалось, что и вы наблюдали что то, такъ позвольте узнать, ве съ собратомъ ли я имѣю честь познакомиться? Не вы ли трудились (*т. е. вы не трудились ли, --- г. Ващенко-Захарченко не выучился и словъ раснолагать сообразно грамматическому смыслу*) на поприщѣ естествоиспытанія? Вы, вѣроятно, занимались...

„— Отчасти занимался, и всѣмъ по немного, сказалъ озадаченный Чичиковъ, но, къ сожалѣнію, не знаю новѣйшихъ открытій; а вотъ вы, только что пріѣхали изъ за границы, вѣроятно сообщите вамъ результаты вашей поѣздки.

„— Съ удивольствіемъ. Первые три года я наблюдалъ жизнь и строеніе мховъ въ понгійскихъ болотахъ. Трудъ мой былъ напечатанъ на суммы университета. Другіе три года я посвятилъ зоологін. Сочиненіе мое „Зоотомія улитовъ“ заслужило первую премію, и бросило особенный взглядъ ва живнь этихъ тварей. Теперь я тружусь надъ зоологіей щупальцевыхъ настькомыхъ, думая обратить все вниманіе на таракановъ и тому подобныхъ донашнихъ настькомыхъ. Наука будетъ обогащена новыми по этой части открытіями. Магистръ нажю понюхвалъ табуку и утерся платкомъ.

„Толкуеть овъ о мхалъ, а на кой чортъ они мнѣ? Нхи, тараканы, улитки и... много овъ пользы принесеть поѣздой за границу! Вилъ вѣрно баклуши! Лучше бы тамъ мнѣ этакую зоотомію пеньки представилъ, или орвнтогноію льну. Мхи, нхи! На вой чортъ они вамъ твои мхи, хоть они и понгійшіе!“ — Павелъ Ивановичъ, выслушавъ рѣчи магистра, разеердвался не на шутку, купилъ у хозяина гнѣдую упряжную лошадь, далъ ей ния засѣдатель, въ воспоминаніе павшаго коня, попрощался (*т. е. простился*) съ Распузанвымъ, и поѣхалъ въ городъ, очень недовольный свѣтомъ я людьми.

„Гдѣ счастье обитаетъ? Гдѣ его можно найти? Вотъ, слава Богу, я деньги есть, и слава Богу, я здоровъ; но все чего то недостаетъ, а недостаетъ счастья. Вуду его нскать? Только бы ово не бѣжало по свойственной ему гадкой привычѣ. И жениться пора мнѣ не только пришла, но даже проходить. Испытаю, можетъ быть это и есть подлинное счастье: хорошеввая, кругленькая дѣвочка, невинная вавъ ангель, съ приличными красотами тѣла, съ приятными глазками и ротикомъ, кавящамъ поцалуй. Приволокнуться развѣ при удобномъ случаѣ? Человѣкъ я солидный, довольно свосной наружности, все, что нужно для супружескаго спонойствія, у мевя есть, отчего же ве составить првдичной партіи? Даю себѣ слово, при первомъ случаѣ, не откладывать, а приступить рѣшительно въ дѣлу. Миеологія говорить о Гименеѣ, вавъ о добромъ божествѣ, а о злыхъ богахъ супружества умалчиваетъ. Можетъ быть тогда ва счетъ сповойевія семейной жизни были совсѣмъ другія правила, и эти непрітели общаго благоразумія были содержаны въ ваперти, и вотъ причина тогдашняго кроткаго удовольствія, которое заключало супружество. Злые люди, въ особенности холостяки, завидуя счастью жеватыхъ друзей и прітелей, видя, какъ жены ухаживаютъ за ними, хлопчатъ, чтобы имъ былъ поданъ супъ съ пирожками, ооусы, жаркія и малина со сливками, густыми кавъ сметана,—позавидовали. Не пятая сами надеждъ надѣтъ цѣпи супружества, они хлопотали у боговъ, в тѣ послушали и выпустили: моду, фасонъ, волокитство и другіе, снмъ подобные бичи семейнаго благополучія“. Павелъ Ивановичъ, давно достигнувъ средствъ содержать себя и семейство прилично, ту минуту женился бы, но Неонлла Ивановна сдѣлала его поосторожнѣе и проходила (Неонлла

Ивановна дѣвица, на которой г. Ващенко-Захарченко собирався женить Чичикова, и которая хотѣла его высѣчь оередъ самымъ отправленіемъ подъ вѣнецъ. — Эта сцена очень остроумна у г. Ващенко-Захарченко). „Терпѣль ты, пузантикъ, думаль Павелъ Ивановичъ, долго омыль ты но бурному океану жизни, видва гавань, какъ бы не разбитъ о подводные камни. Осторожность была матерью всѣхъ счастливо оканчивающихся предарятій, ова одна полезна во многихъ отягощеніяхъ, не исключая и геморроидальнаго“.

Не говоримъ о томъ, есть-ли хотя искра таланта у автора, — конечно, человекъ хотя съ малѣйшимъ признакомъ таланта не подумаль-бы о пошлой продѣлкѣ, къ которой прибѣгъ г. Ващенко-Захарченко; не говоримъ о томъ, понимаетъ-ли онъ сколько-нибудь мысль творешя, заглавіе котораго ставить на заглавномъ листѣ своей книги, или характеръ лица, приключенія котораго хочетъ досказывать, — разумѣется, напрасно и говорить о томъ: если-бы г. Ващенко-Захарченко сколько-нибудь понималь „Мертвыя Души“ и Чичикова, онъ не рѣшился-бы выкинуть штуку, которая въ своемъ родѣ не лучше продѣлокъ Чичикова, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что Чичиковъ свои продѣлки вель какъ человекъ умный, а г. Ващенко-Захарченко — вовсе не такъ. Нѣтъ, мы хотимъ спросить не о томъ, можетъ-ли быть какое-нибудь литературное достоинство въ книгѣ, состоящей изъ отрывковъ, подобныхъ приведенному нами, а только о томъ, есть-ли хотя малѣйшій смыслъ въ нелѣпыхъ страницахъ, нами выписанныхъ?

Если имя „Ващенко-Захарченко“ не настоящая фамилія автора подѣлки, отъ которой мы предостерегли читателя, — если это не истинная фамилія, а псевдонимъ, мы очень рады тому: авторъ продѣлки или раскаивается уже, или скоро будетъ раскаиваться въ своей наглости, — если „Ващенко-Захарченко“ псевдонимъ, авторъ, быть можетъ, успѣеть укрыться отъ посрамленія, переселиться куда-нибудь въ такой утолокъ, гдѣ не знаютъ подлинной фамиліи, скрывшейся подъ псевдонимомъ; если-же „Ващенко-Захарченко“ — не псевдонимъ, а подлинное имя человека, сдѣлавшаго эту недостойную дерзость, мы искренно сожалѣемъ о его судьбѣ: онъ свою безразсудную наглостью навѣкъ испортилъ свою репутацію.

Очеркъ русскаго венсельнаго права, чтенія Д. И. Мейера въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, изданная по запискамъ слушателей, подъ редакцію А. Вицына. Казань. 1857.

Большинству русской публики все еще слишкомъ мало извѣстно имя покойнаго Мейера, одного изъ тѣхъ героевъ гражданской жизни, всѣ силы которыхъ посвящены осуществленію идей правды и добра; тѣхъ героевъ, о которыхъ не вспоминаеть безъ благоговѣшя ни одинъ знавшій ихъ человекъ, на какое-бы поприще дѣятельности ни поставила ихъ судьба. Есть люди, которые способны совершать подвиги доблести только тогда, когда наградою за то служить слава, которыхъ энергія не выноситъ безвѣстности. Мейеръ былъ не таковъ. Казанскій Университетъ, въ которомъ находился онъ профессоромъ, не могъ обращать па себя вниманіи всей Россіи; знаменитость, въ пенѣ пріобрѣтаемая, не простиралась далѣе тѣнаго круга воспитанниковъ его: для Мейера было все равно, и онъ работаль съ такою-же энер-

гою, какъ если-бы занималъ каведру въ Сорбоннѣ или Берлинѣ; съ такою же энергіею работаль-бы онъ и тогда, если-бы былъ не профессоромъ университета, а темный учительмъ какого-нибудь приходскаго училища. Часто мы говоримъ: исполняйте ваши обязанности, какъ-бы ни былъ тѣсенъ кругъ нашего дѣйствія; но только очень немногіе изъ насъ имѣютъ силу исполнять это правило. Мейеръ былъ однимъ изъ такихъ исключеній. Но и между этими малочисленными исключеніями овъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Обыкновенно люди, неутомимо трудящіеся на скромномъ поприщѣ, почерпаютъ свою энергію отчасти въ недостатокъ дарованій для дѣятельности на поприщѣ болѣе широкомъ; только очень немногіе изъ нихъ съ доблестнымъ стремленіемъ соединяютъ такіе таланты, что по плечу имъ пришлось-бы исполненіе только самыхъ высокихъ обязанностей. Вашингтонъ — рѣдкое явленіе не только по своей непреклонной честности и великимъ талантамъ, но и потому, что одинаково ревностно исполнялъ свою обязанность въ самыхъ неважныхъ положеніяхъ, между тѣмъ какъ собственно былъ созданъ только для верховнаго управленія дѣлами цѣлой націи. Онъ, великій полководецъ и правитель, былъ нѣкогда столь-же примѣрнымъ офицеромъ маленькаго отряда, столь-же примѣрнымъ управителемъ имѣнія. До насъ дошли съ поэтическими украшеніями характеры древнихъ героевъ—Регуловъ и Цинцинатовъ, которые пахали землю своего маленькаго участка съ такимъ-же усердіемъ, какъ и трудились для спасенія отечества,—мы не вѣримъ, чтобы они въ дѣйствительности были таковы. Но среди насъ встрѣчаются подобныя натуры. Объ одномъ изъ такихъ людей, покойномъ Д. П. Журавскомъ, недавно сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній г. Самаринъ („Русская Бесѣда“, 1857, № 2). Другой такой человекъ былъ Мейеръ. Жаль, что нація узнаетъ этихъ людей обыкновенно уже послѣ ихъ смерти.

Высокій умъ и героическое служеніе своимъ идеямъ соединялось въ Мейерѣ съ непреклонною честностью въ личныхъ дѣлахъ,—съ тою честностью, которая уже одна сама по себѣ могла-бы сдѣлать человека достойнымъ славы. Добрыхъ людей и благородныхъ людей много на свѣтѣ, но мало такихъ, которые-бы доходили до совершенства, какимъ украшается Эпаминондъ въ разсказѣ Плутарха, — „Эпаминондъ“, „не шутливый никогда, потому что шутку считалъ уже нарушеніемъ правды“. Мы не вѣримъ разсказу Плутарха, но среди насъ встрѣчаются подобные люди. Отъ строгой правды ничто, никогда, ни на волосъ не могло отвратить Мейера. Не только каждый его поступокъ, каждое его слово находилось въ такомъ-же строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что внушало ему зрѣлое убѣжденіе, какъ каждое слово въ приговорѣ справедливаго судьи.

Непреклонная честность чаще всего соединяется съ нѣкоторою суровостью сердца, —но каковъ былъ въ этомъ отношеніи Мейеръ, лучше всего покажетъ одинъ случай его жизни. Переведенный въ Петербургскій Университетъ, Мейеръ вскорѣ по пріѣздѣ былъ уже при дверяхъ гроба: въ немъ развилась чахотка. Онъ не выходилъ изъ комнаты; но знакомые еще не торяли надежды. У одного изъ его друзей было важное дѣло, въ рѣшеніи котораго участвовалъ-бы Мейеръ, еслибъ былъ здоровъ. Но онъ лежалъ въ пзнеможнн смертельной болѣзни. Его пріятель началъ свое дѣло—онъ

пошло неудачно; оскорбленный искатель хотѣлъ прекратить свой искъ и занеогъ отъ оскорбленія. Мейеръ узналъ о томъ. Искъ его друга казался ему справедливымъ; вытрышь дѣла былъ слишкомъ важнъ для этого чело-вѣка. Мейеръ велѣлъ одѣть себя, его вывели или вынесли и положили на сани—дѣло было зимою—его покрыли шубами, и онъ поѣхалъ, черезъ весь Петербургъ, къ своему другу, жившему на другомъ концѣ города. „Твое дѣло право; ты долженъ собрать послѣднія физическія силы и явиться въ среду въ то засѣданіе, гдѣ рѣшается твоя участь. Я буду тамъ“. Пріятель уговаривалъ его не подвергать себя смерти новымъ путешествіемъ по зимнему воздуху и волнѣмъ, которое было-бы неизбѣжно для Мейера при защитѣ его. Но Мейеръ былъ непреклоненъ. „Будешь ты, или не будешь тамъ въ среду, а я буду. Не заставь-же меня ждать тамъ тебя понапрасну“. Тогда пріятель, видя, что отказаться нельзя, сталъ говорить, что надобно отсрочить дѣло до субботы: „Я еще очень слабъ, говорилъ онъ:—если ты не жалѣешь себя, то дай мнѣ нѣсколько оправиться отъ болѣзни“. Мейеръ не соглашался на отсрочку, пріятель съ своей стороны доказывалъ необходимость ея для себя. Долго убѣждать его Мейеръ, — тотъ рѣшительно не соглашался на среду и требовалъ срока до субботы. „Ты наконецъ заставляешь меня сказать то, чего я не хотѣлъ говорить: видишь-ли, въ среду я навѣрное могу быть въ засѣданіи, потому что буду еще живъ. А за субботу не ручаюсь“. Въ среду Мейеръ и его другъ явились въ засѣданіе, дѣло друга было выиграно, благодаря энергіи Мейера. Въ субботу Мейеръ уже не былъ въ живыхъ.

Да, такой чело-вѣкъ дѣйствительно достоинъ имени чело-вѣка.

Вы говорите о герояхъ — есть они и между нами. Да, есть у насъ люди, которыми можетъ гордиться земля наша.

Но... зачѣмъ они погибаютъ обыкновенно такъ рано? И по какому печальному совпаденію обстоятельствъ слишкомъ часто погибаютъ они именно въ то время, когда всего болѣе становились полезными?

Изъ темной Казани, Мейеръ переведенъ въ Петербургъ. Вотъ теперь-то на всю страну нашу расширится вліяніе его дѣятельности, теперь-то быстро прославится онъ, доселѣ почти безвѣстный... скоро, быть можетъ, призовутъ его отъ каедръ къ участію въ государственной дѣятельности, какъ призывали его предшественника по каедрѣ.

Мейеръ умираетъ.

Съ нимъ-ли однимъ такъ было? То-же было съ Журавскимъ, то-же было съ Жиряевымъ; то-же было, если вѣрны слухи о высокомъ назначеніи, готовившемся Грановскому, и съ Грановскимъ. И съ многими другими такъ было на нашихъ глазахъ.

Сколько-жъ добрыхъ жпзнь поблекла!

И скажите, что за странность, что мы не боимся хвалить по достоинству только тѣхъ добрыхъ, которыхъ уже сокрыла могила? Отчего мы такъ мало и такъ робко говоримъ о достоинствахъ живыхъ? Отчего мы такъ медлимъ указывать другъ другу тѣхъ живыхъ, которымъ должно принадлежать высокое мѣсто между нами по ихъ дарованіямъ, соединеннымъ съ граждан-

скою доблестью? Усопшимъ—честь; но отъ уваженія къ живымъ, достойнымъ чести, должны мы ждать блага.

Впрочемъ, хорошо и то, что мы начали думать хотя о возданіи чести усопшимъ. Почитатели Мейера заботятся о томъ, чтобы составлена была его біографія. Другіе почитатели его взялись за изданіе его лекцій.

Книга, напечатанная теперь подъ редакцію г. Вицына, должна быть считаема частью послѣдняго изданія.

О погашеніи государственныхъ долговъ, сочиненіе Александра Запасника. Спб. 1857.

Разсужденіе г. Запасника заключаетъ довольно подробный обзоръ выгодъ и невыгодъ, представляемыхъ различными средствами для погашенія государственныхъ долговъ. Изложеніе не отличается особенными достоинствами, но составлено вообще внимательно. Мы не знаемъ только, зачѣмъ авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія предметъ, почти вовсе не имѣющій связи ни съ однимъ изъ тѣхъ живыхъ вопросовъ, которыми такъ богата политическая экономія. Не говоря уже о другихъ частяхъ политической экономіи, въ томъ одномъ отдѣлѣ этой науки, который относится къ государственнымъ финансамъ, легко было-бы ему найти десятки вопросовъ гораздо болѣе привлекательныхъ своимъ живымъ интересомъ; напримѣръ, въ дѣлѣ государственныхъ доходовъ представляются вопросы о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, о прогрессивномъ налогѣ, о тарифѣ, о повинностяхъ, отправляемыхъ натурою и т. д. и т. д.

Слѣдуя въ своихъ сужденіяхъ мнѣніямъ, принимаемымъ учеными, которые считаются авторитетами политической экономіи, г. Запасникъ не говоритъ почти ничего рѣзкаго, такъ что почти всегда его слова могутъ быть одобрены во имя авторитетовъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ въ его книгѣ почти ничего свѣжаго, и не возбуждаетъ она никакой охоты къ порицанію или похваламъ. Одну только странность можно въ ней замѣтить, но и та, вѣроятно, объясняется отношеніями автора: довольно странно читать перечни авторитетовъ, составленные, напримѣръ, такимъ образомъ. — Сказавъ, что многіе экономы заблуждались въ сужденіяхъ своихъ о вліяніи государственнаго долга на общественное благосостояніе, г. Запасникъ продолжаетъ: „Нѣкоторые изъ государственныхъ экономовъ, какъ: Д. Юмъ, А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Сисмонди, Небеніусъ, проф. Горловъ, А. Бутовскій и проф. Бунге, критически разобрали мнѣнія сихъ писателей или способствовали развитію правильного понятія о вліяніи государственныхъ долговъ“. Г. Бутовскій и г. Горловъ могутъ имѣть велишія ученныя достоинства, но до сихъ поръ едва-ли кто-нибудь произносилъ ихъ имена вслѣдъ за именами Юма, Адама Смита, Сэ и Сисмонди.

Можно еще замѣтить, что г. Запасникъ, повидимому, мало обращаетъ вниманія на мнѣнія нѣкоторыхъ новыхъ писателей, во многомъ исправившихъ понятія, развитыя учеными предшествовавшихъ школъ. Чтобы обратить его вниманіе на этотъ предметъ, мы рассмотримъ мнѣніе, повторяемое имъ со словъ старой никола о выгодахъ погашенія государственныхъ долговъ

продаже государственныхъ имуществъ. Эти страницы въ книгѣ г. Запасника едва-ли не единственныя, имѣющія живой интересъ. Вотъ что говорить онъ:

„Правительство навлекаетъ доходъ отъ государственныхъ доменъ или посредствомъ казеннаго и административнаго ихъ управленія, или отдавая ихъ въ арендное содержаніе. Но управляющіе, администраторы в арендаторы, не имѣя тавилъ внутреннихъ побужденій, вавъ частныя владѣльцы имуществъ, я стѣсняемые надворомъ и вонтролемъ правительства, не могутъ пользоваться въ возможной степени благопріятными обстоятельствами. Посему количество произведеній и валовой доходъ, получаемые отъ государственныхъ доменъ, бывають всегда меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы домены эти находились въ частвомъ владѣніи. Съ другой стороны, при необходимости содержания значительнаго числа лицъ для взаимнаго надзора, вадержки управления государственными доменами значительнѣе, тѣмъ въ частныхъ имуществвахъ, и съ обширностію имуществъ атныхъ, возрастають прогрессивно.

„И такъ относительно ненный валовой доходъ и болѣе значительнымъ издержки управления, а также злоупотребленія финансовыхъ агентовъ овазываютъ вліяніе на относительное уменьшеніе чистаго дохода. А такъ вавъ доходъ, получаемый въ государствѣ отъ сельской промышленности, зависитъ отъ количества сельскихъ произведеній, то существованіе государственныхъ доменъ причиняетъ относительныя потери всему государству. Тавъ напрямѣръ, если чистый доходъ, получаемый правительствомъ отъ государственныхъ доменъ, систол изъ $\frac{1}{3}$ количества получаемыхъ отъ нихъ произведеній, простирается до 40 мил., и если, при лучшемъ пользованіи ими, количество получаемыхъ отъ нихъ произведеній можетъ удвоиться, то, чрезъ удержаніе государственныхъ доменъ въ рукахъ правительства, народъ теряетъ чистаго дохода 40 мил., а производеніями 120 мил.; чрезъ отчужденіе же доменъ народъ получилъ бы прооорціональную пользу.

„Кромѣ того, тавъ вакъ въ настоящее время чистый доходъ, получаемый правительствами отъ государственныхъ доменъ, относительно ниже процентовъ, платимыхъ государственнымъ заимодавцамъ, то продажа доменъ этихъ ва погашеніе государственныхъ долговъ должна произвести ежегодное сбереженіе въ финансахъ. Напримѣръ, доходу въ 30 мил. руб., получаемый отъ государственныхъ доменъ, составляетъ 3 процента представляемаго ими капитала, а проценты, платимые государственнымъ заимодавцамъ, могутъ быть пять. Въ такомъ случаѣ, если капиталъ доменъ этихъ равняется суммѣ долговаго капитала, то продажа государственныхъ доменъ ва погашеніе государственныхъ долговъ доставитъ правительству ежегодно сбереженія въ 20 мил. руб.

„Слѣдовательно, продажа государственныхъ доменъ на погашеніе государственныхъ долговъ,

1) увеличивая количество сельскихъ произведеній, увеличитъ народный поземельный доходъ, народное благосостояніе и населеніе;

2) увеличивая поземельный доходъ и населеніе, увеличитъ произведеніе поземельной подати и валоговъ съ потребленія;

3) освобождая правительство отъ его долговъ, произведетъ въ финансахъ ежегодное сбереженіе, которое, вмѣстѣ съ излишкомъ поземельной подати и валоговъ съ отребленія, провазедетъ перевѣсъ въ государственныхъ доходахъ надъ расходами; этотъ перевѣсъ возоставовтъ финансовое равновѣсіе, или даетъ возможность уменьшить овладѣ валоговъ.

„Не смотря ва благотворное вліяніе отчужденія государственныхъ доменъ, мѣра эта имѣетъ своихъ противниковъ, во главѣ которыхъ стоить извѣстный публицистъ Роттевъ. Къ защитникамъ ея принадлежать: А. Смитъ, Ж. В. Сэ, Пр. Горювъ, и, съ нѣкоторыми огривиченіями, Шмальцъ, Лотцъ и Рау.

„Роттевъ, порицая отчужденіе государственныхъ доменъ, говоритъ: „Благосостояніе государства не можетъ быть вадѣряено цѣнностію имущества, въ немъ находящегося, или ежегоднаго производства, которое дѣйствительно увеличивается чрезъ переходъ государственныхъ доменъ въ частныя руки. Необходимо отличать богатство цѣлаго ва-

рода отъ частнаго богатства гражданъ, взятыхъ въ отдѣльности. Главная цѣль—благосостояніе овхъ послѣдствхъ, а благосостояніе государства есть только средство для этой цѣли. Очевидно, что гражданинъ того государства, которое не имѣетъ государственныхъ доненъ и должно дѣлать всѣ расходы на счетъ податныхъ сословій, не вѣе богатъ, чѣмъ подданный другаго государства, которое изъ доходовъ своихъ государственныхъ доненъ удовлетворяетъ значительную часть общественныхъ нуждъ. Вообще, чѣмъ выше налогъ, тѣмъ значительнѣе уменьшается имущество частныхъ лицъ, ибо ово тѣмъ болѣе обременяется долгомъ, податями... Кромѣ того, государственныйя домены въ чрезвычайныхъ случаяхъ могутъ служить залогомъ и представлять послѣднюю, весьма важную опору кредита“.

Въ этихъ идеяхъ нельзя не замѣтить важныхъ заблужденій.

1) Роттевъ оставилъ безъ вниманія то назначеніе, которое должны получить суммы, вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ. Если суммы эти будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то въ финансахъ, какъ мы замѣтили выше, произойдетъ благотворный переворотъ; если же ва удовлетвореніе государственнымъ потребностямъ, то и это освободитъ подданныхъ отъ дополнительныхъ налоговъ, а правительство отъ заключенія новыхъ займовъ. Навонецъ, если эти суммы будутъ употреблены правительствомъ расточительнымъ образомъ, тогда расточительность, а не система, будетъ причиною потерь.

2) Мнѣніе Роттека, что государственныя имущества должны быть удержаны Правительствомъ на томъ основаніи, что они служатъ опорой кредита, не имѣетъ рациональнаго основанія. Если вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ суммы будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то съ одной стороны, въ финансахъ образуется излишекъ государственныхъ доходовъ надъ расходами, следовательно должно увеличиться довѣріе къ средствамъ правительства, съ другой же стороны уменьшится предложеніе государственныхъ облигацій, которое, при прежнемъ требованіи, произведетъ возвышеніе ихъ курса. А потому, государственный вредъ долженъ называться, не смотря на отчужденіе государственныхъ доненъ. Принѣръ Франціи и Англіи, имѣющихъ незначительныя государственныя домены, а пользующихся цвѣтущимъ кредитомъ, служатъ очевиднымъ тому доказательствомъ“.

Положимъ, что Роттекъ совершенно ошибается: но онъ въ настоящее время далеко не единственный защитникъ государственныхъ имуществъ въ Германіи, Франціи и даже Англіи. У другихъ писателей, оставляемыхъ безъ вниманія г. Запасника, находятся объ этомъ предметѣ мысли болѣе широкія и, кажется намъ, болѣе основательныя.

Недвижимыя имущества въ рукахъ государства приносятъ гораздо меньшій доходъ, нежели въ рукахъ частныхъ людей, говоритъ старая школа. Но тутъ нужно принять въ соображеніе, что въ различныхъ государствахъ духъ управленія различенъ. Возьмемъ въ примѣръ двѣ сосѣдственныя державы, Англію и Францію. Во Франціи, и при Бурбонахъ, и при Орлеанской династіи, администрація была произвольна и пристрастна; она готова была и могла дѣлать вовсе не экономическія уступки людямъ, въ которыхъ нуждалась или которыхъ боялась; она могла мучить придирками людей, къ которымъ не благоволила; во всѣхъ своихъ дѣлахъ она руководилась не столько экономическими выгодами, сколько политическими расчѣтами и пристрастіями; подкупы и злоупотребленія всякаго рода были однимъ изъ средствъ къ сохраненію власти. Очень натурально, что при такомъ управленіи государственныя имущества во Франціи не приносили того дохода, какъ имущества частныхъ лицъ. Но англійское правительство въ денежныхъ дѣлахъ поступаетъ вовсе не такъ; тамъ невозможны ни подкупы, ни противузаконныя льготы, ни притѣсненія. Потому нѣтъ никакой причины, которая бы

могла помѣшать въ Англіи получение государствомъ за землю, отдаваемую въ аренду, точно такой же ренты, какъ рента, которую получили бы за эти земли частный собственникъ: въ самомъ дѣлѣ, если фермеръ знаетъ, что съ государствомъ не будетъ имѣть онъ никакихъ непріятностей, то нѣтъ ему причинъ предпочитать аренду частныхъ земель арендѣ государственныхъ. Стало быть, тутъ все дѣло въ томъ, чтобы администрація добросовѣстно соблюдала интересы государства и не могла дѣлать злоупотребленій. Что такая администрація возможна, доказываетъ примѣръ многихъ державъ, въ томъ числѣ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Пруссіи.

„Но арендаторы государственныхъ имуществъ стѣсняются контролемъ правительствъ“, говорятъ экономисты старой школы. А частный собственникъ развѣ не имѣетъ контроля надъ своими арендаторами? Если администрація добросовѣстна, ея контроль гораздо болѣе благоприятенъ для арендатора, потому что при обширности своихъ ередствъ, государство можетъ легче, нежели частный человекъ, дѣлать отсрочки, часто требуемая взаимною выгодой. Иное дѣло, если бы экономисты старой школы вообще доказывали невыгоду всякой аренды, какъ частнаго, такъ и государственнаго имущества, если бы они говорили, что выгоднѣйшее положеніе національнаго хозяйства бываетъ тогда, когда рента не уплачивается земледѣльцемъ постороннему лицу, а остается въ его собственныхъ рукахъ. Но они говорятъ не о томъ. Они воображаютъ, что администрація никогда не можетъ быть добросовѣстна и экономна, а частный собственникъ всегда добросовѣстенъ и экономенъ. Это заблужденіе, извиняемое только тѣмъ, что во Франціи, откуда поднимались самые сильнѣйшіе крики противъ государственныхъ имуществъ, администрація была дѣйствительно дурна.

Но если администрація дурна, если она не соблюдаетъ національныхъ выгодъ при отдачѣ государственныхъ земель въ аренду, должно ли и въ такомъ случаѣ находить выгоднымъ отчужденіе государственныхъ имуществъ? Продажа совершилась бы въ томъ же самомъ духѣ, какъ дѣлается отдача въ аренду: если, сохраняя свои имущества, государство теряетъ, положимъ, половину ренты отъ злоупотребленій, то при продажѣ оно точно также потеряло бы половину капитала отъ тѣхъ же самыхъ злоупотребленій. Половину?—Нѣтъ, даже больше. Многие, которые не хотѣли марать рукъ изъ-за мелкихъ выгодъ, представляемыхъ подкупами при арендѣ, соблазнились бы огромными суммами, представляемыми подкупомъ при продажѣ. Этотъ расчетъ очень простъ. Читатель помнитъ процессъ Кюбьера во Франціи. Тестъ, тогдашній министръ, вѣроятно, не польстился бы 5.000 франковъ, которые предложили бы ему за временный контрактъ арендаторы государственныхъ рудниковъ; но дѣло шло объ уступкѣ рудниковъ въ вѣчное владѣніе, и Кюбьеръ предложилъ 100.000 — противъ такой суммы Тестъ не устоялъ.

Мы говоримъ вообще о продажѣ государственныхъ имуществъ; но если взять частный случай, о которомъ говорить г. Зацасникъ, продажу ихъ для погашенія долга, то потеря государства будетъ еще значительнѣе. Для погашенія долга вдругъ должны быть назначены въ продажу огромныя массы имуществъ; отъ громадности предложенія естественно должна упасть цѣнность такихъ имуществъ.

Но оставимъ въ сторонѣ все это. Пусть имущества, не приносящія полнаго дохода отъ злоупотребленій администраціи, будутъ проданы по какому-то чуду безъ всякихъ злоупотребленій и безъ убытка цѣны отъ излишка въ предложеніи; выгодно ли было бы продать ихъ даже и въ такомъ случаѣ?— „Они приносятъ три процента; за свой долгъ государство платитъ пять процентовъ; и такъ, обративъ капиталъ, вырученный продажей имущества, на уплату долга; государство выигрываетъ два процента“, такъ говоритъ старая школа; во она забываетъ расходы по продажѣ и расходы по выкупу долга: ужь эти одни расходы значительно уменьшаютъ предполагаемую выгоду. Впрочемъ, гораздо важнѣе другія соображенія, также забываемыя старою школою. Капиталъ отъ продажи имущества предполагается обратить на уплату долга: дѣйствительно ли это будетъ такъ? Причина продажи—дурное веденіе государственнаго хозяйства; при такомъ хозяйствѣ деньги никогда не употребляются, на тотъ предметъ, для котораго назначаются; большая часть ихъ пойдетъ на непредвидѣнные расходы и тому подобныя вещи; капиталъ будетъ растроченъ, а государственные долги останутся неуплаченными. Развѣ мало тому бывало примѣровъ? При введеніи реформации въ Германіи и Англіи были конфискованы, и потомъ отчуждены правительствами, громадныя массы имущества: много ли выгоды получили отъ того государства? Часть земель разошлась по рукамъ любимцевъ; деньги, вырученныя за другую часть, пошли на праздники, парады, дипломатическія интриги и войны, которыхъ. можетъ быть, и не начали бы, еслибъ не получили вдругъ денегъ, а еслибъ и начали, то прекратили бы гораздо скорѣе; на полезное употребленіе была обращена только ничтожная часть пріобрѣтенныхъ продажей суммъ.

Экономисты старой школы слишкомъ щедро раздаютъ имя утопистовъ ученымъ, съ ними несогласнымъ; но они сами страшные утописты. Когда они говорятъ противъ порядка дѣлъ, имъ непріятнаго, они берутъ дѣйствительность со всѣми ея злоупотребленіями; а когда описываютъ выгоды дѣла, ими требуемаго, вѣчно предполагаютъ, что оно будетъ исполнено идеальнымъ образомъ, безъ всякихъ упущеній и злоупотребленій.

Они, напримѣръ, воображаютъ, что если въ какомъ нибудь государствѣ подати очень высоки, и часть этихъ податей идетъ на проценты государственнаго долга, то послѣ выкупа этого долга подати будутъ понижены, потому что расходы сократятся. А дѣйствительно ли сократятся расходы? почему знать, что не окажется надобность оказавшійся излишекъ доходовъ обратить на армію, на Дворъ, на какую нибудь войну? Хозяйства бываютъ двоякаго рода. Въ однихъ государствахъ стараются брать какъ можно меньше, въ другихъ какъ можно больше; въ однихъ расходы не увеличиваются, потому что не нужно ихъ увеличивать, а въ другихъ только потому, что нѣтъ физической возможности увеличить ихъ. Въ первыхъ государствахъ дѣла идутъ хорошо, и нѣтъ надобности прибѣгать къ продажѣ имущества для уплаты долговъ; во вторыхъ долги никогда не будутъ уменьшаться: выкупятся однѣ облигаціи, немедленно выпускаются другія. Мы сошлемся на Францію. При Бурбонахъ и при Орлеанской династіи правительству вѣчно хотѣлось бы имѣть въ своихъ рукахъ вдвое и втрое противъ того, что оно имѣло; еслибы какой нибудь волшебникъ каждый годъ давалъ французскому

казначейству по мнлярду франковъ, дефициты ни разу не уменьшались бы ни на одинъ сантимъ, и еслибы по избытку усердія министръ финансовъ погашалъ бы старые долги, напримѣръ, въ 1835 году, то въ 1836 его товарищи заставили бы его сдѣлать вдвое больше новыхъ долговъ.

Экономисты старой школы слишкомъ идиллически воображаютъ вещи для нихъ пріятныя, напримѣръ: неистощимость кредита. Они воображаютъ, что кредитъ не можетъ служить источникомъ безразсудствъ. А когда хладнокровно посмотришь на житейскія дѣла, то видишь часто, что государство избавляется отъ великихъ бѣдствій только безденежемъ правительства; мы опять сошлемся на примѣръ Франціи. Еслибы французское правительство не начало чувствовать крайній недостатокъ въ деньгахъ, еслибы оно не знало, что предшествовавшими займами уже истощенъ его кредитъ, оно не заключило бы мира съ Россією въ началѣ 1856 года, а готово было бы тянуть эту войну еще нѣсколько лѣтъ—война льстила его желанію прославиться. А, между тѣмъ, для государственнаго блага Франціи ни мало не была нужна ни Крымская экспедиція, ни осада Севастополя. И такъ предположимъ, что около 1852 года, Франція погасила весь свой государственный долгъ, сдѣлавъ для того громадныя пожертвовашія; государственный кредитъ находился въ баснословно-цвѣтущемъ положеніи; она могла бы сдѣлать займовъ, пожалуй, хоть на десять, на пятнадцать мнлярдовъ. Въ 1854 году начинается война; теперь, при цвѣтущемъ положеніи кредита, французское правительство можетъ тянуть ее на десять лѣтъ. Что же оказывается въ результатъ? Благодаря цвѣтущему состоянію французскаго кредита, война тянется не два года, а десять лѣтъ, она стоитъ Франціи не пять, а двадцать-пять мнлярдовъ франковъ, французовъ гибнетъ въ ней не 150,000, а 750,000 человекъ, и т. д., и при концѣ войны кредитъ Франціи все-таки истощенъ, и долговъ надѣлано вдвое больше, нежели сколько ихъ было до выкупа передъ войною.

Это мы все говоримъ къ тому, что экономисты старой школы, совѣтуя продажу государственныхъ имуществъ, желаютъ вывести изъ финансоваго затрудненія дурную администрацію; а такой администраціи не выведутъ изъ финансовыхъ затрудненій никакія продажи, никакое увеличеніе государственныхъ доходовъ. Сколько ни давайте ей, все-таки будутъ мало. Если же администрація хороша, она найдетъ средства и безъ продажи государственныхъ имуществъ уничтожить дефицитъ и уменьшить тяжесть государственнаго долга.

Но оставимъ эти соображенія, выходшія за предѣлы бухгалтерства; взглянемъ на дѣло хотя исключительно съ бухгалтерской точки, на которой стоятъ экономисты старой школы. Положимъ, что дѣйствительно какое нибудь государство, уплативъ старый долгъ продажей государственныхъ имуществъ, но войдетъ въ новые долги, положимъ, что продажа совершилась безъ всякихъ потерь на капиталъ, положимъ въ удовольствіе старой школы, что уплачены долги пятипроцентные, а проданныя имущества приносили только 3⁰/₀: дѣйствительно ли государство отъ того выиграло? Для ясности мы беремъ цифры, представляемыя англійскою финансовою исторією, и ограничимъ свои расчеты хотя пятидесятилѣтнимъ першдомъ. Положимъ, что въ 1820 году

Англія имѣла на 100 миліоновъ фунтовъ государственныхъ земель, отъ которыхъ государство получало 3 миліона доходу; земли эти проданы, выкуплено 100 миліоновъ пятипроцентнаго долга—выигрышъ въ 2 миліона фунтовъ очевиденъ. Но посмотримъ, что далѣе. Въ 1822 году открывається возможность понизить проценты долга съ 5 до 4; въ 1830 году открывається возможность понизить проценты съ 4 на $3\frac{1}{2}$. Между тѣмъ въ 1830 году цѣнность земли среднимъ числомъ увеличилась на 25% сравнительно съ 1820 годомъ; въ 1840 году еще на 25%, тоже въ 1850 году, и наконецъ въ 1860 цѣнность земли вдвое болѣе, нежели въ 1820 году. На этомъ мы остановимся, дальнѣйшаго увеличенія цѣнности не будемъ предполагать, а вѣдь оно будетъ. Сдѣлаемъ же теперь разсчетъ за 50 лѣтъ.

1) Сумма выплачиваемыхъ процентовъ со 100 миліоновъ долга:

За 2 года (1821—1822) по 5%	10,000,000
За 8 лѣтъ (1823—1830) по 4% . . .	32,000,000
За 40 лѣтъ (1831—1870) по $3\frac{1}{2}$ % . . .	140,000,000
	Итого 182,000,000

2) Сумма доходовъ (по 3%) съ земель, цѣнность которыхъ въ 1820 году равнялась 100 миліонамъ:

1820—1830; первоначальная цѣна земли; со 100 миліоновъ по 3 миліона въ годъ; всего	30,000,000
1830—1840; цѣвность земель увеличилась до 125 миліоновъ. ежегодный 3-процентный доходъ до 3,750,000; всего	37,500,000
1840—1850; цѣвность земель 150 миліоновъ, доходъ 4,500,000; всего	45,000,000
1850—1860; цѣвность 175 миліон., доходъ 5,250,000; всего	52,500,000
1860—1870; цѣвность 200; доходъ 6 миліоновъ; всего	60,000,000
	Итого 225,000,000

Изъ этого баланса видимъ, что если бы въ 1820 году Англія продала на 100 миліоновъ государственныхъ земель, приносящихъ 3%, для выкупа 5%-наго долга, то черезъ эту операцію, которая на первые годы казалась выгодною, втеченіе 50-лѣтняго періода, государство потеряло бы 43 миліона. Оно освободилось бы отъ уплаты 182 миліоновъ, но лишилось бы доходовъ на 225 миліоновъ. Это потеря за 50 лѣтъ; въ каждый слѣдующій годъ прибавлялось бы еще $2\frac{1}{2}$ миліона, если бы даже цѣвность земли перестала возвышаться послѣ 1860 года. „Но государство выиграло бы отъ увеличенія производства въ частныхъ рукахъ и соединеннаго съ нимъ увеліченія податей и пошлинъ“, говорятъ экономисты старой школы. Посмотримъ, какъ великъ этотъ выигрышъ. Положимъ, что пошлины и налоги берутъ 20% дохода; эта цифра уже чрезвычайно высока. Положимъ, что по волшебному слову „частный еобственникъ“ доходы увеличиваются на 50%—иредположеніе это дѣлается единственно въ угодность утопистамъ старой школы: на самомъ дѣлѣ, если государственная администрація

хороша, то арендаторъ не можетъ заплатить частному собственнику ни одною копѣйкою больше, нежели платить государству: вѣдь отъ перемѣнъ имени не увеличится плодородіе земли и не улучшится климатъ. 50⁰/₀ на 225 миліоновъ составитъ 112¹/₂ миліоновъ,— вотъ излишекъ производства, образованный переходомъ земли къ частнымъ собственникамъ; 20⁰/₀ съ этого излишка составитъ 25 миліоновъ; за вычетомъ ихъ изъ 43 миліоновъ, полученныхъ нами выше, остается все-таки 18 миліоновъ чистаго убытка государству отъ произведенной имъ продажи. А собственно говоря, ровно никакого вычета и не должно дѣлать, потому что при хорошей администраціи государственныя земли непремѣнно должны отдаваться въ аренду на той же самой цѣнѣ, какъ и частныя земли.

Если мы къ этимъ чисто казначейскимъ разчетамъ прибавимъ соображенія о томъ, какую выгоду для народнаго благосостоянія представляетъ то обстоятельство, что государство при хорошей администраціи управляетъ своими имуществами непремѣнно въ видахъ общественнаго благосостоянія, что невозможно для частнаго собственника, обязаннаго заботиться прежде всего о собственныхъ выгодахъ, которыя далеко но всегда одинаковы съ общественными; если мы сообразимъ, что государственныя земли всегда готовы бывать для принятія пореселешій, которыхъ можетъ и не принимать на свои земли частный собственникъ; если мы сообразимъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ государству полезно бываетъ имѣть въ своемъ непосредственномъ распоряженіи землю, то, конечно, въ насъ уничтожится всякое желаніе видѣть отчужденіе государственныхъ земель въ какой бы то ни было державѣ для уплаты долговъ.

Конечно, все это относится къ обыкновенному теченію дѣлъ. *Могутъ встрѣчаться особенные случаи, когда государству дѣйствительно необходимо бываетъ продавать свои земли. Но къ этимъ случаямъ никакъ не можетъ принадлежать погашеніе прежнихъ долговъ. Быть можетъ, Англія поступила бы не безразеудно, если бы вздумала продать часть тѣхъ земель, которыя будутъ конфискованы у остъ-индскихъ мятежниковъ, чтобы вырученную сумму употребить для облегченія участи нисшихъ кастъ, воины которыхъ остаются вѣрными защитниками англійскаго правительства. Но это дѣло совершенно иного рода, нежели погашеніе долговъ, сдѣланныхъ во время войнъ съ Франціею. Противъ этихъ долговъ справедливо только одно средство: они порождены неумѣренностью; эта ошибка прежнихъ временъ должна загладиться сохраненіемъ всевозможной экономіи въ настоящее время.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшія Указы о пониженіи процентовъ по ссудамъ и вкладамъ Государственныхъ кредитныхъ учрежденій.—Отчетъ г. министра Финансовъ о Государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, за 1856 г.—Статья г. Бабста о новомъ тарифѣ.— Прекращеніе порто-франко въ Одессѣ.— Торговая конвенція съ Франціею.— Общество для приготовленія продовольственныхъ и животныхъ веществъ и торговли ими.— Общество Сампсовіевской мануфактуры.—Пароходы г. Шипова, построенные русскими машинистами.—Пароходство въ Сибири.—Пивскій каналъ.—Правила о службѣ молодыхъ людей изъ козаковъ, кочившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.— Литературныя замѣтки.—Новѣйшіе публицисты. Токвилль*, г. Чичерина.—Примѣръ гласности.

— Предметомъ одной изъ самыхъ общихъ жалобъ со стороны людей, желающихъ развитія матеріальныхъ силъ нашихъ, издавна была господствующая у насъ привычка оставлять свои капиталы безъ всякаго движенія. Всѣ мы смѣемся надъ старымъ обычаемъ зажиточныхъ поселянъ прятать деньги въ кубышку и зарывать эту кубышку въ землю. Но до послѣдняго времени почти каждый изъ смѣющихся надъ этимъ обычаемъ, какъ только удавалось ему увидѣть себя денежнымъ человѣкомъ, считалъ самымъ лучшимъ дѣломъ внести свои деньги въ такъ называемый ломбардъ и оставлять ихъ тамъ на вѣки вѣчныя, для приращенія банковыми процентами. Количество вкладовъ въ нашихъ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ изумляетъ своею странною громадностію. Въ отчетѣ г. министра финансовъ о движеніи суммъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ за прошлый годъ находится слѣдующая цифра: вкладовъ, внесенныхъ для приращенія процентами, состояло къ 1 января 1857 г.:

1.002.639.068 рублей серебромъ.

Чтобы оцѣнить странную огромность этой цифры, вспомнимъ, что въ англійскомъ банкѣ цифра вкладовъ не многимъ превышаетъ 65.000.000 р. серебромъ, да и изъ тѣхъ самая большая часть принадлежитъ не частнымъ лицамъ, неподвижно оставляющимъ деньги для приращенія процентами, а банкирскимъ конторамъ, имѣющимъ ежедневные коммерческіе расчеты съ англійскимъ банкомъ.

Государственные кредитныя учрежденія существуютъ вовсе не для того, чтобы принимать кредитъ: ихъ цѣль давать кредитъ; ихъ цѣль содѣйствовать развитію экономическаго движенія облегченіемъ и регулированіемъ торговыхъ оборотовъ, а не служить подвалами для доставленія неподвижнаго лежанія всѣмъ тѣмъ капиталамъ, которые лѣнятся вступать въ обращеніе, которые ищутъ подземной кубышки, въ которую могли-бы спрятаться. Государство учреждаетъ свои заемныя и коммерческія банки для того, чтобы

открывать легчайшую возможность дисконта коммерческих ценностей, превращения недвижимых имуществъ въ торговые капиталы, для того, чтобы легче было и землевладельцу, и фабриканту, и негодянту, и вообще всякому капиталисту получать подъ залогъ своихъ денегъ, фабрикъ, товаровъ и векселей, деньги для расплатъ по текущимъ своимъ коммерческимъ счетамъ, для расширенія своихъ промышленныхъ дѣлъ, для основанія новыхъ общепользныхъ предпріятій, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы выдавать подъ названіемъ процентовъ награду такимъ людямъ, которые хотятъ прятать въ кубышку свои деньги. Есть только два случая, въ которыхъ государство находитъ полезнымъ принимать на сохраненіе недвижимые капиталы: это или тогда, когда капиталы эти принадлежатъ людямъ малолѣтнимъ, находящимся подъ опекою, или тогда, когда эти капиталы такъ малы, что не могутъ быть употреблены ни на какое коммерческое предпріятіе. Вы опекунъ, вы не хотите и не должны принимать на себя риска въ капиталѣ, принадлежащемъ порученному вамъ дитяти; съ другой стороны это дитя должно быть обезпечено въ томъ, что его деньги сохранятся до его совершеннолѣтія, не будутъ потеряны отъ какой-нибудь вашей ошибки; чтобы снять съ васъ всякую отвѣтственность за чужія деньги, чтобы обезпечить дитя отъ всякихъ потерь, государство принимаетъ капиталы, находящіеся подъ опекою; таково истинное назначеніе Опекунскихъ Совѣтовъ. Вы человѣкъ бѣдный, но, соблюдая экономію, достигаете того, что въ мѣсяцъ, быть можетъ, въ недѣлю «остаетъ» у васъ лишній дѣлковый. На этотъ дѣлковый вы не можете начать никакого промышленнаго предпріятія, не можете купить никакой акціи. Государство желаетъ помочь вамъ къ полученію прибыли съ этого маленькаго капитала, который вы не можете пустить въ оборотъ безъ помощи государства, не потому, чтобы вы были лѣнны, а только потому, что вашъ капиталъ еще слишкомъ малъ; оно хочетъ помочь вамъ сохранить этотъ капиталъ, который вамъ безъ его помощи такъ трудно удержать въ рукахъ опять-таки не потому, что-бы вы были расточительны, а потому, что капиталъ слишкомъ еще малъ; оно принимаетъ вашъ маленькій капиталъ и, чтобы поощрить васъ къ продолженію вашей экономіи, немедленно даетъ вамъ прибыль, которую иначе вы не могли-бы получить по незначительности вашего капитала,—таково назначеніе сберегательныхъ кассъ. Но какъ скоро вашъ капиталецъ, сберегаемый вами только благодаря помощи государства, достигаетъ такой величины, что вы уже можете пустить его въ коммерческій оборотъ, дать его взаймы частному промышленнику, или купить на него акцію, государство уже не хочетъ оставлять въ своихъ рукахъ этого капитала: вы можете пріискать ому какое-нибудь употребленіе болѣе полезное для общества, болѣе выгодное и для васъ, потому что промышленность даетъ болѣе процентовъ, нежели сберегательная касса; сберегательная касса отказывается принимать или удерживать всякій капиталъ, достигшій величины въ нѣсколько сотъ рублей (въ Россіи 750 р., во Франціи 1,500 фр.), — онъ уже годенъ для коммерческихъ оборотовъ; удерживать его долѣе отъ этихъ оборотовъ значило-бы и лишать промышленность вашего капитала, и лишать васъ той болѣе высокой прибыли, которую обѣщаетъ вамъ промышленность, и поощрять васъ къ бездѣйствію. Это о сберегательныхъ кассахъ.

Опекунскій Совѣтъ также вовсе не желаетъ удерживать капиталъ дитяти, какъ скоро ребенокъ достигъ соввршениолѣтїя. Юноша или взрослая дѣвушка сами уже могутъ позаботиться о себѣ; помощь опекуна стала не нужна для нихъ; стала не нужна и та помощь, которую государство оказывало имъ и ихъ опекуну посредничествомъ въ опеку. Если этотъ юноша оставляетъ свой капиталъ въ государственномъ кредитномъ заведенїи, онъ становится уже несправедливъ къ государству, требуя, чтобы государство продолжало кормить его по прежнему молочною кашкою съ ложечки, между тѣмъ какъ онъ уже теперь, слава Богу, могъ-бы ѣсть и безъ няньки.

Въ тѣ времена, когда отсутствїе твердаго гражданскаго порядка и выгодныхъ и благонадежныхъ помѣщешій для капиталистовъ дѣлало необходимою прятаніе этихъ капиталовъ въ кубышки, закапываемыя глубоко въ землю, въ тѣ времена государство имѣло надобность и право предложить свою помощь къ сохраненію этихъ капиталовъ. Когда Екатерина II привлекала капиталы для храненія въ государственныя кредитныя учрежденія, то было шагомъ впередъ, извлеченіемъ капиталовъ изъ совершенной неподвижности къ поступленію въ оборотъ, правда, слишкомъ еще тѣсный и безжизненный, но все-таки привлеченіемъ капиталовъ въ оборотъ. Помѣщешій для капиталовъ вовсе не существовало до тѣхъ поръ, пока упроченіе гражданскаго порядка и развитіе частной промышленности дастъ капиталамъ ихъ истинное помѣщеніе; государство должно было принять на себя какъ-бы роль опекуна, завѣдывающаго чужими дѣлами, пока находящійся подъ опекою не щнобрѣтетъ возможности располагать ими по собственному усмотрѣнію. Такой періодъ въ жизни государства неизбѣженъ, но онъ есть только переходный періодъ. По несомнѣннымъ признакамъ правительство наше убѣдилось, что этотъ періодъ кончился, что миновалась для правительства хлопотливая и убыточная необходимость быть опекуномъ надъ частными капиталами, что для этихъ капиталовъ пришла уже пора обращаться самобытнымъ образомъ. что поддерживать привычку нашу оставлять всѣ хлопоты о нашихъ дѣлахъ на заботу правительства, значило бы для правительства принимать на себя излишніе убытки, не приносящіе и частнымъ лицамъ ничего кромѣ убытка. У насъ есть 100,000 рублей, и вы блаженствуете въ совершенномъ бездѣйствїи умственномъ и физическомъ, тасканъ въ карманѣ ломбардный билетъ и требуя отъ правительства ежегодно 4,000 рублей за то, что вы не хотите ничего дѣлать, кромѣ какъ носить этотъ билетъ въ нашемъ карманѣ. не хотите ни о чемъ подумать, кромѣ того, что государство обязано давать вамъ проценты за наше бездѣйствіе. обязано быть нашимъ опекуномъ и кормить васъ съ ложечки молочною кашкою. Слава Богу, у государства много хлопотъ и кромѣ заботы варить для васъ кашку; да и намъ не пора ли самому позаботиться о своемъ обдѣѣ, вѣдь вы уже человекъ взрослый. За какое благо государство станетъ платить вамъ въ теченіе всей нашей жизни, надѣмся долгодѣтней. пенсію? Пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ вы хотите получать отъ государства по 4.000 рублей и черезъ шестьдесятъ лѣтъ, взявъ съ государства 150,000 рублей, все еще хотите быть кредиторомъ государства на 100.000 рублей? за что такой убытокъ государству: да и вамъ какая выгода отъ того, что государство расходуетъ на насъ!

Купили бы вы на свои 100.000 рублей акцій какой-нибудь компаніи, компанія выдавала бы вамъ не 4 процента, а по крайней мѣрѣ 6 процентовъ, а можетъ быть и 10 процентовъ, или даже и 20 процентовъ; вашъ доходъ былъ бы вдвое или втрое больше той пенсіи, которую берете вы съ государства; а между тѣмъ общество было бы благодарно намъ: вашимъ капиталомъ произведено было бы какое-нибудь общепользное дѣло, была бы проложена дорога, была бы основана фабрика, построены и движимы пароходы, и въ результатѣ, если бы вамъ понадобилось взять обратно вашъ капиталъ, компанія бы уплатила вамъ не 100.000, какъ платитъ государство, а 150.000 или 200.000, потому что акція каждой солидной компаніи поднимаются въ цѣнѣ. Видите-ли, заставляя государство нянчиться съ нашимъ капиталомъ и содержать васъ на пенсіи, вы и дохода получали гораздо меньше, да и на капиталъ лишились значительной прибыли только отъ того, что не хотѣли сами ни о чемъ подумать. Вамъ не хотѣлось поразмыслить о томъ, напримѣръ, въ 1827 году, что Первое Страхое Общество, учреждавшееся тогда, представляетъ совершенно безопасное помѣщеніе для вашего капитала; оттого, что вы полѣнились вникнуть въ условія оборотовъ, предпринимаемыхъ этимъ обществомъ, вы махнули рукой, сказавъ: „Э, кто ихъ знаетъ, быть можетъ дивидендъ будетъ малъ и акціи упадутъ въ цѣнѣ; рисковать не хочу; поступлю лучше на пенсію къ государству“. И вы навязали ломбарду вовсе ненужныи ему ваши 100.000, а не взяли акцій Перваго Страховаго Общества. Чтожъ изъ того вышло? Въ тридцать лѣтъ, прошедшіе съ того времени, вы получали по 4.000 рублей, между тѣмъ, какъ Первое Страхое Общество выдавало каждый годъ по 10 и болѣе процентовъ (напримѣръ, въ 1852 году дивидендъ былъ 11¹/₄ процентовъ, въ 1855—12¹/₂ процентовъ, да и во всѣхъ другихъ годахъ то же самое), то есть получали бы вы отъ него каждый годъ по 10.000 и болѣе; да и капиталъ вашъ былъ бы теперь вдвое больше: акціи, которыя предлагались намъ въ 1827 году по 400 р. с., теперь стоятъ 810 р. с.; разочтите же теперь, сколько убытковъ надѣлало и государству и вамъ ваше нежеланіе подумать о томъ, солидно ли основывавшееся тогда общество, совершенно ли обезпеченъ былъ бы въ немъ вашъ капиталъ и велики ли будутъ доходы общества.

Чтобы не затягивать счета, положимъ, что круглымъ числомъ Первое Страхое Общество давало по 11 процентовъ (а оно давало и больше). Въ тридцать лѣтъ вы отъ него получили бы по 11.000 р. с. въ годъ, всего 330.000 р. с.

А вашъ капиталъ, состоящий изъ 250 акцій, купленныхъ нами въ 1827 году по 400 р. с., а теперь продающихся по 810 р. с., составлялъ бы теперь 202.500 „ „
Итого . 532,500 р. с.

Вотъ сколько вы могли бы имѣть; а сколько вы теперь имѣли?

Изъ ломбарда по 4 процента ны получили въ тридцать лѣтъ 120.000 р. с.

И капиталъ вашъ остался какъ былъ 100.000 „ „
Итого . 220.000 р. с.

И оказывается, что, заставивъ государство израсходовать на пенсію вашей умственной лѣни 120,000 р. с., вы потеряли на капиталѣ и процентахъ 312,500 р. с.

Вы не хотѣли рисковать? Да если бы вамъ не лѣнь было подумать, вы увидѣли бы, что риска не было совершенно никакого, что Первое Страховое Общество непремѣнно должно было давать большой дивидендъ, что акціи его непремѣнно должны были подняться въ цѣнѣ.

А во сколько оцѣнить убытки того, кто въ 1799 году положилъ свои 100,000 въ ломбардъ. вмѣсто того, чтобы взять акціи Россійско-Американской Компаніи? Тутъ уже пахнетъ миллионами.

Такъ вы не хотѣли и не хотите рисковать? посмотрите въ газетныхъ объявленіяхъ цѣну акцій и величину дивиденда нашихъ акціонерныхъ компаній, и вы увидите, что о Второмъ Страховомъ Обществѣ, Обществѣ освѣщенія газомъ, Бумягопрядильной Мануфактурѣ, Застрахованія доходовъ, Саламандрѣ, всѣхъ парходныхъ обществахъ, Обществѣ Царскосельской желѣзной дороги и многихъ другихъ надобно сказать тоже самое, что объ Американской Компаніи и Первомъ Страховомъ Обществѣ: акціи ихъ поднялись и конечно всегда будутъ держаться выше первоначальной цѣны; о томъ, что дивидендъ ихъ былъ и будетъ всегда гораздо выше 4 процентовъ, не нужно и упоминать: даже ташія общества, акціи которыхъ стоятъ нѣсколько ниже первоначальной цѣны, даютъ болѣе 4 процентовъ.

Умственная лѣнь, заставляющая насъ предпочитать отдачу денегъ въ ломбардъ, которому вовсе не нужны ваши деньги, покупкѣ акцій и основанію коммерческихъ и фабричныхъ предпріятій, слишкомъ дорого обходилась государству, слишкомъ убыточна была и намъ.

Правительство увидѣло, что пришла пора принять мѣры противъ такого нелѣпаго положенія вещей, которымъ задерживается всякое промышленное развитіе, отъ котораго терпитъ огромные убытки само правительство, и еще болѣе убытковъ терпитъ общество, и больше всего тѣ самые люди, умственное бездѣйствіе которыхъ предпочитаетъ праздную пенеію изъ ломбарда столь же вѣрнымъ и гораздо болѣе значительнымъ доходамъ, даваемымъ промышленностію. Надобно было положить преграду развитію лѣнивой привычки. Рѣшительный шагъ этому сдѣланъ Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату, отъ 20-го іюля нынѣшняго года. Чтобы предотвратить излишнее накопленіе вкладовъ въ государственныя банковыя установленія, накопленію быстро возраставшее, и указать капиталамъ, нынѣ съ убыткомъ для государства обременяющимъ бездѣйственно банковыя учрежденія, другое направленіе, болѣе соотвѣтственное государственнымъ пользамъ, правительство понизило банковый процентъ, выдаваемый частнымъ лицамъ за вклады, съ 4 процентовъ на 3.

Въ самомъ дѣлѣ накопленіе бездѣйственныхъ капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ быстро возрастало. Еще не далѣе какъ четыре года тому назадъ, къ 1 января 1853 года, цифра вкладовъ во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ простиралась только до 806,083,233 р. с., а по отчету г. Министра Финансовъ за 1856 годъ, къ 1 января нынѣшняго года количество вкладовъ увеличилось, какъ мы видѣли, уже до

1,002,639,068 р. с. Проценты на эту послѣднюю цифру составляли по прежнему уставу слишкомъ 40,000,000 р. с. Государство выиграетъ болѣе 10.000,000 р. с. уже отъ одного того, что, вмѣсто прежнихъ 4 процентовъ, будетъ платить теперь частнымъ лицамъ по 3 процента. Еще гораздо большій выигрывъ состоитъ въ томъ, что теперь несомнѣнно приостановится возрастанію суммы вкладовъ, и такимъ образомъ государство будетъ избавлено отъ тѣхъ расходовъ, въ которые вовлекло бы его увеличеніе цифры вкладовъ. Но самая значительная выгода для государства, какъ и для частныхъ лицъ, состоитъ, конечно, въ томъ, что при множествѣ помѣщеній, представляемыхъ нынѣ капиталамъ потребностями промышленности, тѣ деньги, которыя безъ Указа 20 іюля пошли бы на бездѣйственное погребеніе въ ломбардахъ, будутъ обращены теперь на промышленныя предпріятія. Серьезная и какъ нельзя болѣе благовременная мѣра, принятая правительствомъ, очень ясно и убѣдительно говоритъ намъ, что пора нашимъ капиталамъ начать двигаться самостоятельно, что довольно уже времени мы обременяли правительство своею апатическою привычкою всѣ свои дѣла предоставлять его попеченію, что пора намъ начать самимъ заботиться о своихъ дѣлахъ. Это будетъ выгодноѣ и для государства, и для насъ самихъ.

Пониженіе процентовъ съ 4 процентовъ на 3 процента есть важнѣйшее событіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Высочайшій указъ объ этомъ, конечно, прочтаны всѣми, и намъ нѣтъ нужды повторять здѣсь подробности, опредѣляющія способъ приведенія въ дѣйствіе мѣры столь благоразумной; но важность основныхъ мѣръ такова, что не мѣшаетъ вникнуть въ послѣдствія, изъ нея вытекающія.

Цѣль распоряженія двоякая: „съ одной стороны, по словамъ Высочайшего Указа, устранить ущербъ, предвидимый для банковыхъ установленій отъ накопленія вкладовъ, съ другой—дать празднымъ капиталамъ направленіе, болѣе соотвѣтственное пользамъ государства“.

Для достиженія первой цѣли, Указъ 20 іюля, сверхъ пониженія процентовъ на частные вклады, весьма логично понижаетъ въ степени еще болѣе значительной проценты на вклады казенныхъ вѣдомствъ; именно, между тѣмъ, какъ на частные вклады банки будутъ выдавать 3 процента, вклады казенныхъ вѣдомствъ будутъ получать только 1¹/₂ процента приращенія. Это весьма справедливо; въ послѣднемъ случаѣ государство производитъ платежъ процентовъ само себѣ, слѣдовательно тутъ нѣтъ ни прибыли, ни ущерба для государства, а есть только передвиженіе суммъ изъ одного вѣдомства въ другое. Весьма разумно Указомъ 20 іюля полагаются тѣнные предѣлы этому передвиженію, потому что съ одной стороны, чѣмъ болѣе сокращается оно, тѣмъ болѣе сокращаются взаимные разчеты между вѣдомствами, а съ другой стороны совершенно уничтожить этихъ разчетовъ не должно. потому что полученіемъ процентовъ на экономическія суммы поддерживается въ каждомъ вѣдомствѣ убѣжденіе въ выгодахъ экономіи.

Что же касается второй цѣли, предполагаемой правительствомъ, нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ достигнута превосходнымъ образомъ. Если мы предположимъ, что дѣйствіе Высочайшаго Указа отъ 20 іюля ограничится даже только тѣмъ, что сумма вкладовъ уже не будетъ возрастать, какъ возра-

стала до сихъ поръ, то очевидно, что втеченіе четырехъ лѣтъ обратится на оживленіе промышленныхъ предпріятій, по крайней мѣрѣ, 200,000,000 р. с., которые иначе напли бы себѣ неподвижность въ Банкахъ: изъ сравненіи цифръ по отчетамъ г. Министра Финансовъ за 1852 и 1856 годы, мы видимъ, что втеченіе четырехъ лѣтъ масса вкладовъ увеличилась почти на 200,000,000, или, среднимъ числомъ, почти на 50,000,000 руб. сер. ежегодно. (Этотъ размѣръ ежегоднаго увеличенія указывается и самымъ отчетомъ г. Министра Финансовъ за 1856 годъ, показывающимъ, что излишекъ въ поступленіи вкладовъ передъ ихъ востребованіемъ простирался въ прошедшемъ году до 47,503,094 руб. сер.). Этой послѣдней цифры достаточно для построенія 1,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ; ея достаточно для образованія нѣсколькихъ могущественнѣйшихъ обществъ морскаго пароходства: для образованія многихъ громаднѣйшихъ мануфактурныхъ или заводскихъ акціонерныхъ компаній. Чтобы вполне понять, какое громадное движеніе въ промышленности должно быть произведено обращеніемъ на нее вновь не болѣе, какъ одной ежегодной суммы, вносившейся до сихъ поръ въ банковыя учрежденія, мы скажемъ, что основной капиталъ всѣхъ пятнадцати акціонерныхъ обществъ, показанныхъ въ „Мѣсяцсловѣ“ на 1857 годъ, составляетъ въ сложности менѣе, нежели 20,000,000 р. с. *).

Теперь можно вообразить, какое гигантское разнитіе должна получить наша промышленность, когда на ея оживленіе будутъ ежегодно обращаться тѣ 50,000,000 руб. сер., которые до сихъ поръ вносились въ ломбарды, чтобы лежать тамъ.

Этимъ еще не ограничиваются выгодныя слѣдствія мѣры, постановленной Высочайшимъ Указомъ 20 іюля. Пониженіе процентовъ, уплачиваемыхъ кредитными учрежденіями, дало правительству возможность, по выраженію Высочайшаго Указа, „уменьнить въ соразмѣрности проценты по ссудамъ изъ Банконныхъ Установленій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и даровать заемщикамъ возможное въ платежѣ таковыхъ ссудъ облегченіе“. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ 6 проц., отнынѣ будетъ взыматься государственными кредитными учрежденіями по ссудамъ 4 проц., по займамъ подъ залогъ населенныхъ имѣній также по 4 проц. и подъ залогъ домовъ 5 процентовъ. Нѣтъ надобности говорить, какъ благодѣтельно и огромно прямое облегченіе, даруемое этимъ пониженіемъ чрезвычайно многочисленному разряду лицъ, получавшихъ ссуды и займы изъ кредитныхъ учрежденій: но не должно также забывать о другомъ, еще болѣе широкомъ дѣйствиіи такого пониженія, — мы говоримъ о томъ косвенномъ вліянніи, которое по необходимости должно оно произвести на процентъ по займамъ между част-

*) 1) Россійско-Американская Компанія, 2) Первое Страхое Общество, 3) Второе Страхое Общество, 4) Страхое Товарищество „Саламандра“, 5) Коммерческая Компанія „Надежда“, 6) Общество застрахованія недвижимыхъ доходовъ, 7) Общество Царскосельской Желѣзной Дороги, 8) Общество пароходства по Волгѣ, 1843 года, 9) Общество Пароходства „Меркурій“, 10) Камско-Волжское Пароходное Общество, 11) Общество Пароходства „Полюза“, 12) Общество С-Петербургской Бумагопрядильной Мануфактуры, 13) Товарищество Суксунскихъ Горныхъ Заводовъ, 14) Компанія Царевской Мануфактуры, 15) Общество заводской обработки жиловныхъ продуктовъ. Основные капиталы всѣхъ этихъ пятнадцати обществъ составляютъ въ сложности 19,500,000 р. с.

ными лицами. Хотя нѣкоторые односторонніе политико-экономы и полагають, будто частный кредитъ находится внѣ зависимости отъ правительственныхъ мѣръ, но такое мнѣніе отвергается здравой теоріей. Конечно, нельзя декретировать процента для сдѣлокъ между частными людьми: онъ находитъ средство ускользнуть отъ всякаго контроля составленіемъ векселей и другихъ обязательствъ на фиктивные суммы. Но тѣмъ не менѣе въ рукахъ правительства находится могущественное средство косвеннымъ образомъ дѣйствовать на этотъ процентъ, ускользающій отъ прямой зависимости. Процентъ опредѣляется, какъ и все на свѣтѣ, отношеніемъ предложенія къ запросу, и потому очевидно, что когда огромная масса капиталовъ, которыми располагають государственныя кредитныя учрежденія, предлагается по проценту менѣе высокому, нежели прежде, то это пониженіе должно отразиться и на процентѣ, получаемомъ частными кредиторами. Оптовый торговецъ хотя и не имѣетъ возможности иривымъ образомъ удержать мелкихъ торгашей отъ требованій за ихъ товаръ той суммы, какую имъ угодно требовать, но тѣмъ не менѣе, онъ всегда заставляетъ ихъ понижать цѣну, когда самъ понижаетъ цѣну на свои огромные запасы товаровъ; точно также и государство, которое передъ частными капиталистами то же самое, что баронъ Штиглицъ передъ купцами 3-й гильдіи, всегда можетъ имѣть хотя косвенное, но тѣмъ не менѣе очень сильное вліяніе на процентъ займовъ у частныхъ кредиторовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что настоящее пониженіе процентовъ по займамъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій замѣтнымъ образомъ отзовется и въ пониженіи обыкновенныхъ процентовъ по займамъ частныхъ капиталовъ. Нѣтъ надобности говорить, какъ полезно будетъ это косвенное дѣйствіе для успѣха нашей торговли и промышленности, развитію которыхъ однимъ изъ главныхъ препятствій представлялось до сихъ поръ чрезмѣрная высота процентовъ, требующихся у насъ частными капиталами. Чѣмъ ниже процентъ на капиталъ, тѣмъ болѣе необходимости капиталу заботиться о быстротѣ своего обращенія, тѣмъ менѣе ему возможности дремать и бездѣйствовать.

Высочайшій Указъ отъ 20 іюля будетъ имѣть сильное и благотворное вліяніе на возбужденіе нашей промышленной дѣятельности.

Разсматривая отчетъ г. министра финансовъ о дѣйствіяхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій за прошедшій годъ, мы замѣтимъ слѣдующіе факты и цифры:

Временные выпуски государственныхъ билетовъ, производившіеся по Высочайшему Указу 10 января 1855 года, для покрытія военныхъ издержекъ, прекращены Указомъ 5 апрѣля текущаго года.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 10 іюля 1857 года, увеличенъ размѣръ ссудъ изъ Коммерческаго Банка подъ залогъ билетовъ различныхъ кредитныхъ установленій. Въмѣсто пропорціи 60—90 проц. разрѣшено выдавать въ заемъ 70—95 проц., смотря по различію въ наименованіи билетовъ.

Къ 1 января 1857 года, государственныхъ долговъ,

срочныхъ и безсрочныхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ,
состояло

521,987,810 р. с.

Государственный Коммерческий Банкъ.

Подъ учетъ векселей, залогъ товаровъ, банковыхъ билетовъ, квитанцій Алтайскаго и Уральскаго Горныхъ Правлешій, выдано 29,500,475 р. с.

Экспедиція Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ.

Въ 1856 году выпущено въ народное обращеніе государственныхъ кредитныхъ билетовъ: за вклады, внесенные звонкою монетою и слитками, за 50-ти рублевые билеты Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка выпуска 1841 г. и въ подкрѣпленіе Государственнаго Казначейства 287,640,658 р. е.
 Къ 1 января 1857 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи 689,269,844 р. с.

Сберегательныя Кассы.

Къ 1 января состояло вкладовъ:

	1856 г.	1857 г.
	2,827,420	3,377,541

Увеличеніе вкладовъ въ Сберегательныхъ Кассахъ, свидѣтельствуя о развитіи привычки къ экономіи между людьми мало зажиточными, составляетъ, какъ извѣстно, фактъ отрадный.

Общая сумма капиталовъ, обращавшихся во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, составляла

Къ 1 января:	1856 г.	1857 г.
Вклады .	924,681,639	1,002,639,068
Ссуды .	1,039,592,255	1,010,270,781

— Развитіе, а не стѣсненіе нашей промышленности, было цѣлью и новаго тарифа, столь значительно понизившаго пошлину на многія статьи, обложенныя почти запретительною пошлиною по прежнему тарифу, отмѣниваго запрещеніе многихъ продуктовъ, запрещенныхъ прежде. Теперь уже поздно намъ вводить въ наши замѣтки разсужденія объ этой мѣрѣ, послѣдовавшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и мы заговорили о новомъ тарифѣ только для того, чтобы обратить вниманіе читателей на прекрасную статью о немъ, помѣщенную г. Бабстомъ въ №№ 96 и 97 „Московскихъ Вѣдомостей“. Обыкновенно люди, защищающіе пониженіе пошлинъ, обманываются предрасудками многихъ фабрикантовъ, возстающихъ противъ этого. и склоняются ихъ необдуманнми протестами къ той мысли, что, въ самомъ дѣлѣ, стѣсняются фабрики, что низкій тарифъ, выгодный для потребителя, по необходимости не выгоденъ бываетъ фабриканту. Г. Бабстъ очень вѣрно и ясно доказываетъ, что это совершенное заблужденіе; что благоразумное пониженіе пошлинъ и фабриканту бываетъ столь-же выгодно, какъ и потребителю; что высоія покровительственныя пошлины, доставляя вѣрный сбытъ

дурнымъ товарамъ плохихъ фабрикъ, мѣшаютъ увеличенію сбыта товаровъ хорошей фабрики, которая соперничествомъ иностранной фабрикаці если и будетъ принуждена понизить цѣну своихъ товаровъ, то найдетъ за то вознагражденіе въ расширеніи круга потребителей и въ результатѣ выиграетъ, а не проиграетъ черезъ уничтоженіе покровительственной опеки, которая, если отстраняетъ полезное соперничество иностранной фабрикаці, за то вызываетъ противъ хорошаго фабриканта соперничество дурныхъ фабрикантовъ, которые для него гораздо опаснѣе. Съ иностранными фабрикантами онъ можетъ бороться безъ потерь, потому что средства борьбы у нихъ одинаковы: знаніе, дѣятельность, капиталъ, честность. Но гораздо затруднительнѣе для хорошаго фабриканта совѣстничество людей, которые недостатокъ знанія и дѣятельности стараются замѣнить обманами въ качествѣ и недобросовѣстными продѣлками въ сбытѣ товаровъ. Этихъ-то враговъ всякаго хорошаго производителя поддерживаетъ покровительственная система. Потому-то, говорить г. Бабсть, пониженіе пошлинъ бываетъ для солидныхъ фабрикъ не менѣе выгодно, нежели для потребителей, и эти справедливыя соображенія заключаетъ слѣдующими словами:

„Никогда не должно упускать изъ виду одной изъ главныхъ экономическихъ истинъ. что самыя вѣрныя и высокія барыни не столько зависятъ отъ высокихъ цѣнъ на товары, сколько отъ величавы и обширности сбыта; не должны также забывать ваши производители, что ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами всѣхъ остающихся вслѣдъ потребляющаго народонаселенія, что дѣйствующее состояніе и обширныя размѣры всѣхъ отраслей мануфактурной промышленности обуславливаются степенью благосостоянія и зажиточности всего вообще народонаселенія. Фабриканты—первые должны поднимать голосъ въ пользу всякаго рода экономическихъ преобразованій, первые должны понять, какъ сильно стѣсняють развитіе производительныхъ силъ востоянія условія народнаго труда, и громко указывать на это грустное явленіе, парализирующее развитіе отечественной мануфактурной промышленности; они первые должны стараться и заботиться о томъ, чтобы сняты были всѣ внутреннія таможи, которыхъ такъ много, т. е. всѣ стѣвенія, всѣ преграды, опутывающія свободный обмѣнъ цѣнностей и самостоятельность народнаго труда. Производители должны прежде всего заботиться, чтобы въ внутреннемъ рынкѣ ни одинъ Ардальонъ Михайловичъ, никакой Александръ Михѣичъ не еиѣдъ-бы показать къ нимъ носу ни въ фабрику, ни на заводъ, чтобы товаръ поспѣвалъ и дешево в во время, а не по благоусмотрѣнію попечительнаго дистанціоннаго начальника, чтобы земля, купленная подъ фабрику за 90, напр., рублей, не обходилась фабриканту, благодаря заботливости извѣстныхъ людей, въ 300 р. я т. д.,— вотъ о чемъ не мѣшало-бы заботиться нашимъ производителямъ для блага своего и для блага цѣлаго края, вотъ отъ чего дороги наши товары, вотъ что задерживаетъ развитіе отечественной промышленности. Отъ уничтоженія всѣхъ подобныхъ заставъ в пошлинъ можно только ожидать широкaго развитія производительныхъ силъ, а не отъ боязливаго охраненія себя высокимъ тарифомъ. Въ первомъ случаѣ выигрываетъ цѣлый край, оживится все промышленное народонаселеніе, въ послѣднемъ видна только эгоистическая забота узкихъ интересовъ производящаго меньшинства упрочить за собой монополию къ явному ущербу цѣлаго края. Заговори фабриканты дружно о первомъ, и имъ откликнется радостно всѣ, кому только дорого процвѣтаніе роднаго края“.

Изъ другихъ правительственныхъ мѣръ, касающихся нашей промышленности, замѣтимъ прекращеніе порто-франко въ Одессѣ (съ 15 августа) и заключеніе торговой конвенціи съ Франціею. По этому „Трактату о торговлѣ и мореплаваніи“, русскимъ во Франціи и французамъ въ Россіи предоставляются въ торговлѣ и промышленности всѣ тѣ привилегіи, льготы и прочія

преимущества, которыя нынѣ предоставлены или впредь предоставлены будутъ туземнымъ подданнымъ (статья 1). Французскія суда во всѣхъ портахъ Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго не платятъ никакихъ пошлинъ и сборовъ, кромѣ тѣхъ, какія платятся русскими судами (статья 3). Франція, съ своей стороны, даетъ подобныя-же льготы нашимъ судамъ во французскихъ и алжирскихъ портахъ (статья 4). Договаривающіяся правительства, желая упрочить полное покровительство мануфактурной промышленности обоюдныхъ подданныхъ, согласились, что всякая поддѣлка въ одномъ изъ обоихъ государствъ фабричныхъ знаковъ, прилагаемыхъ въ другомъ государствѣ къ товарамъ для доказательства ихъ происхожденія и качества, будетъ строго воспрещена и преслѣдуема (статья 22). Обѣ высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ опредѣлить особою конвенціею способы для взаимнаго обезпеченія литературной и художественной собственности ихъ обоюдныхъ государствъ (статья 23). Трактатъ этотъ заключается на шесть лѣтъ (статья 24).

Мѣры, общаемыя 23-ею статьею этого трактата для взаимнаго обезпеченія литературной собственности, имѣютъ въ настоящее время для русскихъ литераторовъ уже не меньшій интересъ, нежели для французскихъ. Право перевода своихъ сочиненій, которымъ прежде могли интересоваться только французскіе писатели, въ настоящее время становится важно уже и для русскихъ, потому что русскихъ книгъ во Франціи переводится не многимъ меньше, нежели французскихъ въ Россіи, и, конечно, эти переводы расходятся во Франціи больше, нежели оригинальныя сочиненія у насъ.

То оживленіе русской промышленной дѣятельности, которое составляетъ цѣль распоряженій правительства, изложенныхъ нами выше, началось учрежденіемъ знаменитой компаніи для постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ отъ Нижняго-Новгорода и Θεодосіи до прусской границы и Ливавы. Послѣ того важнѣйшимъ промышленнымъ фактомъ было образование Русскаго Общества торговли и пароходства на Черномъ морѣ. Теперь образуется третье общество, имѣющее не менѣ блестящіе виды въ будущемъ. Сообразно докладу Комитета гг. Министровъ, отъ 25-го іюля, Государь Императоръ Высочайше утвердилъ уставъ акціонернаго общества, учреждающагося преимущественно на югѣ Россіи для приготовленія продовольственныхъ веществъ и торговли ими. Учредители Общества — гг. Байконъ, фонъ-Дезинъ, Бенардаки, Кокоревъ и французскій подданный Шолло. Общество это предполагаетъ заниматься приготовленіемъ мяса впрокъ и обработкою животныхъ продуктовъ съ торговлею ими. Для того оно устроитъ, преимущественно на югѣ Россіи, бойни, заведенія для приготовленія мяса впрокъ и солонины, салотопные заводы, кожевенные заводы, заведенія для приготовленія костянаго порошка и желатины, для приготовленія въ продажу роговъ и копытъ, для обработки жилъ и проч. Независимо отъ того, Общество предоставляетъ себѣ право открывать и другіе промыслы, относящіяся къ главной его цѣли. Капиталь Общества опредѣляется въ 3.000,000 руб. сер., раздѣленныхъ на 24,000 акцій по 125 р. с. каждая. Капиталь составляется посредствомъ четырехъ выпусковъ акцій, каждый разъ по 6,000 акцій на сумму 750,000 р. сер. Два первые выпуска поступаютъ въ продажу немедленно по утвержденіи

устава Общества, слѣдующіе два по опредѣленію общаго собранія акціонеровъ; учредители обязываются вѣять не менѣ одной шестой части акцій. Изъ чистой годовой прибыли, учредителямъ отдѣляется въ теченіе 12 лѣтъ половина той прибыли, которая будетъ превышать десять процентовъ на капиталъ, потомъ еще въ теченіе ниести лѣтъ третья часть этой прибыли свыше десяти процентовъ. Если Общество найдетъ нужнымъ для консервовъ выписывать жестъ или жестянки изъ-за границы, то при вывозѣ, этихъ жестянокъ съ консервами за границу, взятая съ нихъ при ввозѣ пошлина возвращается обществу.

По распродажѣ акцій на 300,000 р. с., учредители немедленно созываютъ общее собраніе акціонеровъ для выбора директоровъ. Число директоровъ назначается шесть, въ томъ числѣ четыре русскихъ и два французскихъ, въ случаѣ, если число акцій, взятыхъ во Франціи, будетъ составлять одну треть всѣхъ акцій. Правленію и главная контора Общества находятся въ С.-Петербургѣ. Кромѣ того, по мѣрѣ надобности, учреждаются другія конторы въ Россіи и за-границею.

Нѣтъ сомнѣнія, что этому Обществу, главнымъ предметомъ дѣйствій котораго будетъ, какъ видно, торговля приготовленными ими животными продуктами и мясомъ съ Франціею, предстоить блистательный успѣхъ. Несомнѣнно также и то, что кругъ дѣйствій его будетъ очень широкъ: въ этомъ увѣряютъ имена учредителей, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ первыя мѣста между русскими капиталистами.

Замѣчательнѣйшею чертою новаго Общества надобно считать то, что оно, какъ видно изъ статьи устава о соединеніи въ правленіи Общества русскихъ директоровъ съ французскими, учреждается при взаимномъ участіи русскихъ и французскихъ капиталистовъ, съ преобладаніемъ первыхъ. Послѣ Главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ, это второй примѣръ столь тѣснаго соединенія промышленныхъ силъ обѣихъ націй для одного дѣла. Но въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ главное участіе и въ капиталахъ и въ руководительствѣ исполненіемъ предпріятія принадлежитъ французамъ, а въ новомъ обществѣ—русскимъ.

Другое обширное акціонерное Общество, вновь образованное—Общество Сампсоніевской Мануфактуры, Высочайше утвержденное по докладамъ Комитета гг. Министровъ отъ 2 и 16 іюля. Сампсоніевская механическая мануфактура, поступающая въ собственность Общества, будетъ заниматься изготовленіемъ винтовыхъ и колесныхъ парашодовъ, чугуномъ и мѣднымъ литьемъ, крупною желѣзною ковкою и производствомъ всякихъ механическихъ издѣлій для желѣзныхъ дорогъ. Первоначальный капиталъ Общества назначается въ 1.500,000 р. сер. съ раздѣленіемъ на 15,000 акцій по 100 рублей. По усмотрѣнію Общества капиталъ можетъ быть умноженъ выпускомъ добавочныхъ акцій еще на 1.500,000 р. сер. Учредитель, с.-петербургскій купецъ г. Нобель, которому до сихъ поръ принадлежала сампсоніевская механическая мануфактура, обязывается приобрѣсть акцій не менѣ какъ на 100.000 р. сер. Обществу предоставляется право для построенія парашодовъ устраивать верфи. Изготовленные Обществомъ парашоды до продажи могутъ быть употребляемы для перевозки клади и пассажировъ.

Кстати о пароходахъ. Въ нолѣ, въ Костромѣ спущенъ на воду первый пассажирскій пароходъ „Алексѣй“, съ верфи механическаго завода г. Шипова. Онъ построенъ русскими механиками гг. Везинскимъ и Цыгановымъ. „Алексѣй“ назначенъ для перевозки пассажировъ. Машина его въ тридцать-пять силъ. Съ полнымъ грузомъ, то есть, имѣя сто двадцать пять человѣкъ пассажировъ и запасшись дровами, онъ сидитъ въ водѣ только семнадцать дюймовъ, такъ что можетъ ходить по всему мелководному верху Волги не опасаясь мелей. Пробный рейсъ „Алексѣя“ доказалъ искусство русскихъ его строителей. При давленіи $2\frac{1}{3}$ атмосферъ и при тридцати шести до тридцати девяти оборотахъ колеса въ минуту, онъ ходитъ семнадцать верстъ въ часъ противъ теченія и вѣтра. Теперь готовится къ спуску съ верфи г. Шипова другой пароходъ „Владимір“ въ шестьдесятъ силъ. Къ слѣдующей веснѣ, будутъ на этой верфи построены еще четыре парохода, каждый въ сто двадцать силъ. „Нельзя умолчать, прибавляетъ авторъ статьи въ „Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, что г. Шиповъ первый въ Россіи рискнулъ пожертвовать огромный капиталъ на устройство своего механическаго заведешя, вѣривъ его не иностранцамъ, а русскимъ технологамъ, которые, впрочемъ, вполне оправдали его довѣренность какъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, такъ и своею старательностію и неутомительною въ трудахъ“.

Въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена любопытная статья о развитіи пароходства въ Сибири. Въ настоящее время четыре буксирные парохода совершаютъ рейсы по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, проходя мимо Тобольска, гдѣ соединяются Иртышъ съ Тоболомъ, и села Самарова, въ двадцати пяти верстахъ отъ котораго вливается Иртышъ въ Обь. Два парохода, во сто силъ каждый, совершаютъ въ лѣто шесть рейсовъ отъ Томска до Тюмени, провозя каждый до 100.000 пудовъ клади. Два другіе имѣютъ шестьдесятъ и сорокъ силъ.

Послѣдняя война, слишкомъ ясно доказавъ необходимость въ улучшеніи нашихъ сообщений, дала, надобно признаться, главный толчекъ той дѣятельности, которая теперь обнаруживается по этой части. Но убѣждаемъ въ необходимости желѣзныхъ дорогъ не ограничиваясь полезныя указанія опыта нашего въ 1854—1855 годахъ. Блокада Черноморскихъ и Балтійскихъ портовъ, принудившая насъ обратиться къ способу отправленія товаровъ въ Западную Европу черезъ прусскую границу, открыла для торговли нашихъ юго-западныхъ губерній новый путь, обѣщающій большія удобства для сбыта къ Данцигскому порту. Нынѣ открытъ Пинскій каналъ, соединяющій Западный Бугъ, впадающій въ Вислу, съ Припятью, впадающею въ Днѣпръ. Это сообщенію очень важно для Украины. Авторъ статьи въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, предполагаетъ, что вся та солонина, которую нынѣ Англія покупаетъ въ Америкѣ, можетъ быть доставляема изъ нашихъ юго-западныхъ губерній по Пинскому каналу. Этотъ разчетъ, быть можетъ, ошибоченъ. Стенныя губерніи, которыя могутъ съ выгодною торговать мясомъ, лежатъ къ Черному морю ближе, нежели не только къ Данцигу, но и къ Кіеву. Отправлено ихъ продуктовъ не только во Францію, но и въ Англію чрезъ черноморскіе порты будетъ

дешевле, нежели провозка вверх по Днѣпру и Припяти черезъ Пинскій каналъ. Но этотъ послѣдній путь можетъ оживить южную часть Минской, сѣверную часть Каменецъ-Подольской и, можетъ быть, прилежанія части Черниговской и Могилевской губерній, которыя чрезъ него найдутъ сбытъ для своей пеньки и льнянаго сѣмени.

Желаніе оживить народную жизнь, столь ясно замѣчаемое въ постановленіяхъ и мѣрахъ правительства, относящихся къ промышленной дѣятельности, внушаетъ ему мѣры для отстраненія стѣсненій и тяжестей, которыми связывалась народная жизнь въ другихъ сферахъ и отношеніяхъ. Ничто не можетъ быть почтеннѣе того принципа, на которомъ основано устройство козацкихъ племенъ. Каждый мужчина изъ козацкаго племени соединяетъ въ себѣ воина съ мирнымъ гражданиномъ. Онъ привыкъ владѣть оружіемъ и сражается не хуже регулярнаго солдата, по въ то же время онъ земледѣлецъ или промышленникъ. Военская служба по есть источникъ его содержанія: онъ живетъ самобытными, мирными занятіями. За оружіе онъ берется не потому, что кормится имъ, а только для того, чтобы защищать родину. Принципъ этотъ превосходенъ. Но для того, чтобы быть дѣйствительно необременительнымъ, онъ, конечно, долженъ въ своихъ примѣненіяхъ сообразоваться съ потребностями матеріальной и гражданской жизни. Одно изъ неудобствъ, существовавшихъ отъ слишкомъ тѣснаго пониманія воинскихъ обязанностей козака, отстранено Высочайше утвержденнымъ 8 июня представленіемъ Департамента Военныхъ Поселеній. Молодые люди, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, иногда принуждались служить строевыми козаками, между тѣмъ какъ при своихъ знаніяхъ могли-бы принести козацкому обществу гораздо больше пользы, да и себя чувствовали-бы гораздо счастливѣе, еслибъ имъ позволялось оставаться при тѣхъ спеціальныхъ занятіяхъ, къ которымъ они себя приготовили. Это разрѣшено новыми правилами, составленными Департаментомъ Военныхъ Поселеній, по вопросу, возбужденному г. министромъ Народнаго Просвѣщенія:

„1. Молодыхъ людей, изъ козацкаго сословія, окончившихъ курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ и выпущенныхъ изъ оныхъ съ чинами гражданскими, или съ правами на сіи чины, опредѣлить, по ихъ желанію, въ должности по учебной части козацкихъ войскъ, къ которымъ они принадлежатъ, если имъ ются вакансіи таковыхъ должностей.

„2. При опредѣленіи въ означенныя должности, зачислять ихъ урядникамъ, а затѣмъ, не считая ихъ въ строенномъ составѣ войскъ, производить въ хорунжіе: выпущенныхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній съ чиномъ коллежскаго регистратора, или съ правомъ на этотъ чинъ, черезъ одинъ годъ со дня опредѣленія въ службу; выпущенныхъ-же изъ высшихъ учебныхъ заведеній съ чиномъ, или правомъ на чинъ 12-го класса, черезъ шесть мѣсяцевъ, а съ чиномъ, или правомъ на чинъ 10-го и 9-го классовъ, черезъ три мѣсяца со дня опредѣленія въ службу.

„3. Дальнѣйшее произведеніе въ чины училищныхъ чиновниковъ козацкихъ войскъ установить согласно правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 9 декабря 1856 г.: изъ хорунжихъ въ сотники черезъ три года, изъ сотниковъ въ есаулы черезъ шесть лѣтъ, изъ есауловъ въ войсковые старшины черезъ три года, изъ войсковыхъ старшинъ въ подполковники черезъ четыре года и изъ подполковниковъ въ полковники черезъ четыре года“.

Интересна также въ августовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ томъ III.

статья г. Чичерина о книгѣ Токвилля. Отъ многихъ изъ людей, восхищавшихся прежде статьяи г. Чичерина, мы слышали недовольство этимъ послѣднимъ его произведешемъ, и должны сказать, что съ ихъ стороны такое недовольство едва-ли основательно: основная мысль въ статьѣ о Токвиллѣ таже самая, какъ и въ „Областныхъ учрежденіяхъ“: здѣсь г. Чичеринъ говоритъ въ пользу централизаціи, и тамъ говорилъ также въ пользу централизаціи. Въ то время мы считали справедливымъ замѣтить, что едва-ли предметъ его сочувствія заслуживаетъ особеннаго сочувствіи, но тѣмъ не менѣе книга казалась намъ проникнута ваглядомъ очень благороднымъ, — тоже надобно сказать и относительно статьи о Токвиллѣ. Предубѣжденные неблагопріятными отзывами объ этой статьѣ, мы начали читать ее съ недо-вѣріемъ,—но увидѣли, что г. Чичеринъ остался совершенно вѣренъ самому себѣ, и надобно сказать, что во многихъ случаяхъ, онъ нападаетъ на Токвилля совершенно справедливо. Конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что любовь свою къ централизаціи доводитъ онъ до осужденія всѣхъ принциповъ, которые были низвергнуты ею во Франціи. Стремленія горожанъ были основаны на началахъ, болѣе высокихъ, нежели стремленія, одушевляющія представителей централизаціи во Франціи, и, чтобы ни говорилъ г. Чичеринъ, у этихъ горожанъ не было недостатка въ любви къ отечеству, они не забывали Францію для Парижа и Ліона. Вся вина ихъ состояла только въ томъ, что они были слабѣе, какъ централизаторовъ, такъ и феодаловъ. Слабѣйшій не всегда есть худшій, и не всегда въ исторіи прогрессъ совершался, если можно такъ выразиться, путемъ строгой экономіи, путемъ торжества именно наилучшихъ элементовъ. Часто, напротивъ, торжествовалъ узшій эгоизмъ, опирающійся на слѣпомъ невѣжествѣ или на излишней довѣренности тѣхъ, помощью которыхъ онъ пользовался. Развѣ, напримѣръ, альбигойцы не были гораздо лучше доминиканскихъ полчищъ Симона Монфортскаго? И развѣ Колиньи не былъ лучше герцоговъ Гизовъ? Также надобно сказать и о французскихъ горожанахъ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ побѣда есть несомнѣнный признакъ справедливости, непремѣнное право на сочувствіе историка? Можно сильно сомнѣваться въ томъ, до какой степени Ришельё и Мазарини были благодѣтелями Франціи. Можно сильно сомнѣваться и въ томъ, что торжество Этьена Марсея было бы гибельно для Франціи. Ясно, по крайней мѣрѣ, то, что Жанна Д'Аркъ вышла не изъ круга тѣхъ людей, которые хлопотали о централизаціи. Но сдѣлавъ всѣ эти оговорки, надобно сказать и то, что если уже выбирать между Токвиллемъ и г. Чичеринимъ, то г. Чичеринъ гораздо больше правъ, нежели Токвилль, который изъ нелюби къ централизаціи безъ разбора восхищается всѣмъ, что только боролось противъ этого принципа, не разбирая того, что если горожане были во сто разъ лучше централизаторовъ, то централизаторы были въ тысячу разъ лучше феодаловъ. Если бы г. Чичеринъ ограничивался тѣмъ, чтобы ставить централизаторовъ выше феодаловъ, онъ былъ бы совершенно правъ. Еще одно замѣчаніе: зачѣмъ онъ начинаетъ свою статью осуждешемъ тѣхъ историковъ, которые пишутъ подъ вліяшемъ своего взгляда на потребности настоящаго времени? Иныхъ историковъ никогда не было и быть не можетъ: каждый излагаетъ факты сообразно своимъ убѣжденіямъ, а убѣжденія влагаются въ челоуѣка настоя-

щинъ временемъ и его потребностями. *Historia scribitur ad parrandum, non ad probandum*—одна изъ тѣхъ фразъ, которыя всѣми повторяются и никѣмъ не исполняются. Такъ, напримѣръ, и самъ г. Чичеринъ въ своихъ „Областныхъ Учрежденіяхъ“ вовсе не былъ человѣкомъ безстрастнымъ. Онъ писалъ свое сочиненіе противъ славянофиловъ,—это дѣло ясное. А вѣдь онъ былъ тогда правъ. Дѣло не въ томъ, чтобъ историкъ писалъ безъ идеи подтвердить свои убѣжденія обзоромъ прошедшаго — дѣло въ томъ, каковы его убѣжденія. Если они дѣйствительно широки и благородны, онъ будетъ безпристрастенъ: правое дѣло не нуждается ни въ натяжкахъ, ни въ утайкахъ, ни въ искаженіяхъ фактовъ. Токвилль не тѣмъ виноватъ, что пишетъ подъ влияніемъ своихъ убѣжденій: безъ убѣжденій онъ былъ бы Гранье де-Касаньякомъ, то есть историкомъ во сто разъ худшимъ и пристрастнѣйшимъ, нежели теперь. Это хорошо, что у него есть убѣжденіе. Но убѣжденія его узки и нелогичны—вотъ это жаль. Не въ томъ бѣда, что Токвилль человѣкъ партіи: по закону Солона считался вреднымъ для отечества человѣкомъ аэнианинъ, не принимающій ни чьей стороны во время борьбы партій;—бѣда въ томъ, что та партія, которую выбралъ Токвилль, далеко не совсѣмъ справедлива, да и не совсѣмъ чиста. Будь адвокатомъ каждый кто можетъ, но будь адвокатомъ праваго дѣла. Таковъ г. Чичеринъ; и потому, несмотря на его пристрастіе къ централизаціи, онъ все-таки пишетъ статьи и книги, достойныя всякаго уваженія.

Наконецъ, мы должны обратить вниманіе читателей на тотъ благородный примѣръ обращенія со стороны публичнаго лица къ гласности для оправданія официальныхъ дѣйствій, который недавно поданъ господиномъ исправляющимъ должность С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора, Н. М. Муравьевымъ. Въ № 152 „С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей“, г. Рыбкинъ, говоря о причинахъ дороговизны хлѣба въ Петербургѣ, замѣтилъ между прочимъ, что городское начальство продолжаетъ взимать сборъ по двѣ копейки серебромъ съ куля, назначенный на устройство хлѣбной пристани, хотя эта пристань давно уже устроена. Слова эти были несправедливы, и г. Муравьевъ, въ качествѣ управляющаго губерніею имѣющій надзоръ за дѣйствіями городскаго начальства, не могъ не обратить на нихъ вниманіе, при существующемъ въ нѣкоторой части публики мнѣніи, что дороговизна хлѣба происходитъ до извѣстной степени отъ пошлинъ, взимаемыхъ городомъ. Какъ же поступилъ г. Муравьевъ въ этомъ случаѣ? Именно такъ, какъ долженъ былъ поступить, какъ могъ поступить, имѣя справедливость на сторонѣ подвѣдомственнаго ему городскаго управленія. Онъ прислалъ къ г. редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ слѣдующее официальное отношеніе:

„М. г. Въ № 152 издаваемыхъ вами „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ напечатана статья, за подписью Ф. Рыбкина, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о вредномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ и другіе товары“.

Въ статьѣ этой, исчисляя всѣ расходы, съ коими сопряжена доставка хлѣба въ Санктпетербургъ, авторъ упоминаетъ и о взимаемомъ въ здѣшней столицѣ особомъ сборѣ на устройство хлѣбной пристани, которая, какъ говоритъ онъ, давно уже выстроена.

Разсужденіе это оказывается совершенно несправедливымъ, въ чемъ вы можете убѣдиться изъ прилагаемой къ сему статьи, составленной по приказанію моему, на

основаніи офіціальныхъ данныхъ, заключающихся въ дѣлахъ вѣрвнаго мнѣ управленія.

„Не разбирая причинъ, побудившихъ автора вовлечься въ такую погрѣшность, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, распорядиться напечатать въ ближайшемъ № Вѣдомостей прилагаемой статьи, служащей опроверженіемъ статьи г-на Рыбкина.

„Исполненіемъ настоящаго требованія редація выкупить передъ публикой ошибку свою, конечно вевольвую, и выполнить свой долгъ передъ правительствомъ, котораго распоряженія если и могутъ сдѣлаться предметомъ оцѣнки, то однако благонамѣренной и безъ искаженія истины.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенной почтешіи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашими покорнѣйшими слугою“.

При отнесеніи была приложена статья, которая вмѣстѣ съ нимъ напечатана въ № 161 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Она фактами и указаніями на рѣшенія Комитета г. Министровъ подробно объясняетъ, что 1) постройка хлѣбной пристани въ Петербургѣ еще не совсѣмъ кончена; 2) двухъ-копѣчный сборъ съ куля предназначенъ не на одну только постройку этой пристани, но имѣетъ также и другія назначенія, именно служить къ вознагражденію за постройку хлѣбныхъ магазиновъ Александровской Лавры, которая и получаотъ половину его, между тѣмъ какъ другая половина должна, кромѣ постройки пристани, обращаться на ремонтъ ея и на усиленіе общихъ городскихъ доходовъ.

Надобно признаться, что объясненія, данныя этою статьею, не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ справедливости сбора, и что образъ дѣйствія, принятый въ этомъ дѣлѣ г. Муравьевымъ, конечно есть единственный полезный способъ отвѣчать на указанія злоупотребленій. Если указаніе вѣрно, прямое признаніе фактовъ со стороны лица, принимающаго контроль надъ дѣйствіями людей, допустившихъ злоупотребленіе, конечно, скорѣе всего способно заставить вѣрить въ его искреннее желаніе уничтожить злоупотребленіе и возстаповить нарушенную законность. Если же, какъ въ настоящемъ случаѣ, указаніе ошибочно, опять таки прямой отвѣтъ съ изложеніемъ фактовъ представляется единственнмъ средствомъ вывести публику изъ онибки,— публику, говоримъ мы, потому что журнальная статья всегда основывается на мнѣніи, уже существующемъ въ публикѣ независимо отъ статьи. Писатель не придумываетъ это мнѣніе, а только выражаетъ его, и появленіе его статьи во всякомъ случаѣ есть обстоятельство выгодное для контроля, потому что даетъ ому возможность уничтожить ложное мнѣніе.

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Критику „Современника“. Статьи г. И. В—скаго: „Экономическій Указатель“ №№ 22, 25, 27 и 29.

I.

„Мнѣнія г. Мальтуса такъ бездоказательны, что по правдѣ говоря, я могъ бы наложить свой предметъ, и не обращая вниманія на г. Мальтуса. Но я знаю, что вниманіе наибольшаго числа читателей живѣе поддерживается, когда мысль представляется имъ въ формѣ пренія. Еслибъ я изложилъ свои соображенія не въ формѣ спора, то вѣроятно наслѣдованіе этого вопроса не возбудило бы интереса въ той степени, до какой могу я надѣяться привлечь его теперь, если дѣйствительно мнѣ удалось пояснить наслѣдуемый предметъ.“

„Новыямавіе многихъ предметовъ, чрезвычайно важныхъ для счастья людей, основывается на свѣдѣніяхъ столь простыхъ, что этими свѣдѣніями пренебрегаютъ люди опрометчивые и презирають ихъ люди поверхностные“.

Годвинъ. „Исслѣдованіе о народонаселеніи“.

Возраженіи „Экономическаго Указателя“ на ту статью, въ которой мы выразили мнѣніе о необходимости сохранить общинное владѣніе землею въ Россіи, кончены. Теперь намъ должно отвѣчать на эти возраженія,—дѣло съ одной стороны очень легкое, съ другой нѣсколько затруднительное. Легко оно по своему содержанію, затрудняетъ насъ его форма. Возраженія „Экономическаго Указателя“ такъ слабы, такъ непослѣдовательны въ теоретическомъ отношеніи, такъ мало соотвѣтствуютъ статистическимъ даннымъ въ практическомъ отношеніи, что показать ихъ неосновательность—очень неумудрено. Но затруднительно рѣшить намъ, въ какомъ тонѣ надобно держать нашъ отвѣтъ. На первый взглядъ, казалось бы, что приличнѣе всего отвѣчать точно такимъ же тономъ, какимъ написаны возраженія „Экономическаго Указателя“,—тономъ рѣзкимъ. Противникъ, ноцеремонивпійся относительно деликатности своихъ словъ, даетъ право отвѣчать ему такимъ же образомъ; обратитъ на него оружіе насмѣшки, за которое неосторожно взялся онъ, было бы тѣмъ законнѣе, что шаткость его понятій и малое знакомство съ фактами по вопросу, о которомъ такъ самоувѣренно онъ говоритъ, неволь-

нынѣ образомъ вызываетъ улыбку. Мы такъ и хотѣли отвѣчать ему, пока не дочли послѣдней статьи его возраженій. Но въ концѣ этой самоувѣренной статьи мы увидѣли—кто бы могъ ожидать этого?—строки, совершенно измѣнившія наше прежнее намѣреніе, строки, проникнутыя столь яснымъ сознаниемъ „Экономическаго Указателя“ въ неприготовленности своей къ спору о предметѣ, разсуждать о которомъ принялся онъ такъ смѣло—строки, внушенныя такимъ похвальнымъ смиреніемъ, что поелѣ нихъ становится невозможнымъ ироническій тонъ съ нашей стороны: „Для продолженія спора“, говорить „Экономическій Указатель“ въ заключеніе всѣхъ возраженій противъ нашего мнѣнія,—„для продолженія спора мы считали бы полезнымъ подождать тѣхъ данныхъ, которыя должны явиться объ этомъ предметѣ вслѣдствіе задачи, предложенной на конкурсъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. На вызовъ его, безъ всякаго сомнѣнія, явятся труды, въ которыхъ представлены будутъ и факты и разчеты практиковъ. Тогда только, имѣя въ виду эти отзывы, можно будетъ подробно, точно и ясно оцѣнить относительную пользу разнаго владѣнія и взглянуть на этотъ предметъ, интересный во многихъ отношеніяхъ. Правда, и эти данныя не будутъ обнимать всѣхъ сторонъ изслѣдованія, по необходимости ограничиваясь только нашимъ отечествомъ; но и такое частное изслѣдованіе должно значительно объяснить намъ положеніе дѣла и облегчить выводы касательно самаго начала общиннаго владѣнія“. („Экономическій Указатель“ № 29).

Что можетъ быть похвальнѣе такого признанія „Экономическаго Указателя“ въ недостаточности настоящихъ его свѣдѣній? Онъ „считаетъ полезнымъ подождать тѣхъ данныхъ, которыя явятся вслѣдствіе задачи, предложенной на конкурсъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ“; тогда по его мнѣнію „явятся труды, въ которыхъ будутъ представлены и факты и разчеты практиковъ“,—„Экономическій Указатель“ хочетъ ждать ихъ, значить, въ настоящее время не имѣетъ еще ни данныхъ, ни фактовъ, ни разчетовъ практиковъ, чтобы судить объ общинномъ владѣніи; но тогда, въ концѣ 1859 года, „тогда только, имѣя въ виду эти отзывы“, онъ будетъ въ состояніи „точно и ясно оцѣнить“ относительную пользу общинной и частной поземельной собственности, — а теперь онъ еще не можетъ точно и ясно оцѣнить, которая изъ нихъ должна быть предпочтена; мало того, что онъ не можетъ точно и ясно судить объ этомъ предметѣ, „интересномъ во многихъ отношеніяхъ“, онъ не можетъ еще и „взглянуть на него“, — „взглянуть“ можно будетъ только тогда, когда явятся изслѣдованія, вызываемыя конкурсомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; до того времени судить объ этомъ предметѣ „Экономическій Указатель“ рѣшительно не можетъ; но даже и тогда „Экономическій Указатель“ не надѣется пріобрѣсть достаточныя знанія объ общинномъ владѣніи: свѣдѣнія, которыя получить онъ черезъ два года, „не будутъ обнимать всѣхъ сторонъ изслѣдованія“, они будутъ „ограничиваться только нашимъ отечествомъ“; о выгодахъ и невыгодахъ общиннаго владѣнія въ другихъ странахъ, „Экономическій Указатель“ и тогда не пріобрѣтетъ нужныхъ свѣдѣній, онъ получитъ понятіе только о выгодахъ общиннаго владѣнія въ Россіи, которыхъ теперь не знаетъ: но и „такое частное изслѣдованіе“, по его мнѣнію, „должно значительно объяс-

нить“ ему „положеніе дѣла и облегчить“ ему „выводы касательно самаго начала общиннаго владѣнія“, а теперь, какъ видно изъ этихъ самыхъ словъ, положеніе дѣла не ясно для „Экономическаго Указателя“, и дѣлать выводы касательно начала общиннаго владѣнія для него трудно.

Такое откровенное сознаніе въ недостаточности своихъ свѣдѣній объ общинномъ владѣніи дѣлаетъ большую честь добросовѣстности г. И. В-скаго (этими буквами подписаны статьи „Экономическаго Указателя“). Мы желали бы удовлетвориться этимъ признаніемъ, но по закону собственное признаніе считается достовѣрнымъ только тогда, когда подтверждено уликами; безъ фактическихъ уликъ оно не имѣетъ законной силы и не принимается судомъ за достаточное основаніе для приговора. Такъ гласитъ законъ, а девизъ „Экономическаго Указателя“: „La loi c'est ma force“, и мы, конечно, удовлетворимъ задушевной потребности г. И. В-скаго, если, сообразно девизу его журнала и требованію закона, придадимъ несомнѣнную силу откровенному признанію г. И. В-скаго, представивъ фактическія доказательства въ подтвержденіе этого прекраснаго признанія.

Доказательствъ этихъ находится такая богатая сокровищница въ статьяхъ, написанныхъ г. И. В-скимъ противъ нашего мнѣнія объ общинномъ владѣніи, что мы не знаемъ, съ котораго изъ нихъ и начинать. Начнемъ хотя съ тѣхъ, которыя представляются послѣднею статьею его возраженій, статьею, помѣщенной въ № 29 „Экономическаго Указателя“ и написанною уже послѣ того, какъ въ 7 № „Современника“ представили мы извлеченія изъ книги Гакстгаузена. Упоминалъ объ этихъ извлеченіяхъ, г. И. В-скій вздумалъ сказать нѣсколько словъ о Гакстгаузенѣ, и начинаетъ свой эпизодъ о немъ такою характеристикою убѣжденій этого писателя: „Гакстгаузенъ“, говоритъ г. И. В-скій, „по своимъ убѣжденіямъ, принадлежитъ къ тѣмъ, которые не признаютъ святости личной воли и необходимости свободной самодѣятельности человѣка, какъ въ сферѣ политической, такъ и въ экономическихъ его дѣйствіяхъ“. Что за странность? Гакстгаузенъ не признаетъ святости личной воли и необходимости свободныхъ дѣйствій человѣка въ экономической сферѣ! Кто прочелъ хотя одну главу въ книгѣ Гакстгаузена, очень хорошо долженъ видѣть, что эта характеристика вовсе нейдетъ къ Гакстгаузену, который чрезвычайно энергически возстаетъ противъ всякихъ административныхъ бюрократическихъ и экономическихъ опекъ, который говоритъ объ этихъ опекахъ съ негодованіемъ, достойнымъ самаго отъявленнаго послѣдователя системы *laissez faire, laissez passer*. Откуда взялось у г. И. В-скаго удивительное мнѣніе о Гакстгаузенѣ, какъ противникѣ личной воли? Намъ помнится, что мы, въ началѣ своихъ извлеченій изъ Гакстгаузена, назвали его реакціонеромъ, противникомъ либерализма. Ужъ не изъ этихъ ли словъ вывелъ г. И. В-скій свое мнѣніе, будто онъ противникъ свободной самодѣятельности человѣка? Оно очоно можетъ быть: каждому, прочитавшему хотя одинъ номеръ „*Journal des Débats*“ или „*Journal des Economistes*“, извѣстно, что реакціонерами называются люди враждебные свободѣ, какъ въ политической, такъ и въ экономической сферахъ. Поштіе справедливое, но примѣняющееся только къ одной партіи реакціонеровъ; есть другая партія, которая именно потому и возстаетъ про-

тивъ либерализма никола Тьера и ему подобныхъ, что этотъ либерализмъ предоставляетъ слишкомъ мало свободной самодѣтельности человѣка, восхищаясь централизаціею и бюрократіею. Либералы, противъ которыхъ возстаетъ Гакстгаузенъ, разрушили въ Германіи старинныя учрежденія только для того, чтобы замѣнить ихъ бюрократіею, убивающей всякую самодѣтельность. Вотъ этого-то и не зналъ г. И. В-скій. Виноваты, мы ввели его въ ошибку; предположивъ, что ему довольно знакомы мнѣнія Гакстгаузена, мы не думали, что наша статья о Гакстгаузенѣ будетъ служить ему единственнымъ источникомъ заключеній объ этомъ писателѣ; еслибъ мы это знали, мы тогда же сказали бы то, что говоримъ теперь, и г. И. В-скій не сталъ бы обвинять бѣднаго Гакстгаузена въ отверженіи личной воли и тому подобныхъ прекрасныхъ вещей. Виноваты, кругомъ виноваты. Мы писали для публики, которой не нужны всякія мелочи, не ожидая, что наши извлеченія послужатъ для нашего ученаго противника единственнымъ арсеналомъ свѣдѣній о содержаніи и духѣ капитальнѣйшаго сочиненія по тому предмету, спорить о которомъ онъ взялся; еслибъ мы знали это, мы присоединили бы къ своимъ общимъ замѣчаніямъ тѣ подробности, которыя не нужны для публики, но знаніе которыхъ необходимо для ученаго, желающаго дѣлать многозначительные выводы въ серьезномъ спорѣ. Но дѣйствительно ли именно мы виноваты въ ошибкѣ г. И. В-скаго? Дѣйствительно ли недомолвка нашей статьи ввела его въ ошибку? Дѣйствительно ли только изъ нашей статьи познакомился онъ съ книгою, знать которую необходимо человѣку, вступающему въ споръ объ общинномъ владѣніи? Мы не хотѣли бы видѣть себя виновниками заблужденій; мы желали бы усомниться въ томъ, что свои ошибочныя понятія о Гакстгаузенѣ взялъ г. И. В-скій изъ нашей статьи. Но увы! каждое слово г. И. В-скаго служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ тому. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ старается онъ заподозрить достовѣрность извѣстій, сообщаемыхъ Гакстгаузеномъ о нашемъ общинномъ устройствѣ: „Онъ не зналъ языка страны, а потому не могъ слѣдить за дѣйствительнымъ примѣненіемъ описываемыхъ имъ началъ. Онъ видѣлъ только, и притомъ бѣгло, вѣрность, и видѣлъ ее такъ, какъ ему представляли ее люди, служившіе посредниками между имъ и поселянами, и которые быть можетъ сами не могли устоять противъ искушенія представить свой товаръ лицомъ; а не весь товаръ таковъ, какъ казовый конецъ“. („Экономическій Указатель“, тамъ же).

Что за удивительное дѣло? Люди, служившіе посредниками между Гакстгаузеномъ и поселянами, показывали ему общинное владѣніе землею съ казоваго конца, поддавались искушенію продавать свой товаръ лицомъ, то есть выставлять одни выгоды общиннаго владѣнія, скрывая его невыгоды! Они старались внушить Гакстгаузену выгодное понятіе о результатахъ общиннаго устройства! Откуда такая удивительная свѣдѣнія? Ужъ, навѣрное, не изъ книги Гакстгаузена; онъ постоянно говоритъ, чуть не на каждой страницѣ говоритъ, что тѣ агрономы и администраторы, изъ разговоровъ съ которыми заимствовалъ онъ свѣдѣнія объ общинномъ нашемъ устройствѣ, которые служили посредниками между имъ и поселянами, враждебно смотрѣли на общинное устройство, считали его невыгоднымъ для улучшеній земле-

дѣлн и проч. и проч.,—словомъ, думали объ общинномъ устройствѣ совершенно такъ же, какъ и г. И. В-снй. Очень часто онъ даже сначала излагаетъ ихъ мнѣнія, безусловно осуждающія общинное владѣніе землей, и только потомъ уже, разобравъ эти мнѣнія и доказавъ ихъ ошибочность, выражаетъ свое сужденіе, благоприятное общинному устройству. Откуда же взялъ г. И. В-снй, будто бы люди, служившіе посредниками между Гакстгаузенемъ и поселянами, продавали ему товаръ лицомъ? На какомъ основаніи г. И. В-скій взводитъ на всѣхъ этихъ людей обвиненіе въ продѣлкахъ кваснаго самохвальства? Увы! опять мы во всемъ виноваты, все это дѣлаетъ онъ на основаніи нашей статьи. Въ одномъ мѣстѣ, объясняя, что Гакстгаузенъ влагаетъ ложный смыслъ въ народное выраженіе „черный передѣлъ“, мы замѣтили, что смыслъ этотъ сообщенъ ему не поселянами, съ которыми самъ онъ не могъ говорить по русски, а людьми, которые служили ему переводчиками и руководителями; при этомъ, мы замѣтили также, что взглядъ этихъ людей вовсе не есть еще взглядъ русскихъ поселянъ. Вотъ изъ этихъ-то, сказанныхъ вскользь замѣчаній, и построилъ г. И. В-снй свою теорію о томъ, что нани агрономы и администраторы продавали Гакстгаузену товаръ лицомъ. Теорія построена очень логично: каждый любитъ хвалить свое; руководители Гакстгаузена были русскіе; общинное устройство есть русское учрежденіе, слѣдовательно они хвалили общинное устройство. Далѣе: люди, бывшіе руководителями Гакстгаузена, ошиблись въ толкованіи слова: черный передѣлъ; стало быть эти люди ошибались, а такъ какъ предполагается, что они хвалили общинное устройство, то и слѣдуетъ заключить, что общинное устройство—дурно. Догадка эта очень логична и приноситъ большую честь сообразительности г. И. В-скаго; жаль только, что она обнаруживаетъ, что онъ о Гакстгаузенѣ и его книгѣ судить и рядить, основываясь единственно на тѣхъ, по необходимости, очень не полныхъ извлеченіяхъ, какія могли мы сдѣлать въ журнальной статьѣ изъ много-томнаго сочиненія. Но мы все еще не захотимъ признавать себя виноватыми въ заблужденіяхъ г. И. В-скаго; читаемъ далѣе его слова о Гакстгаузенѣ, чтобы найти хотя какую нибудь возможность отпереться отъ этой вины. Напрасно, съ каждымъ новымъ словомъ его, наша вина становится очевиднѣе. Сказавъ о казовомъ концѣ, которымъ выставляли товаръ Гакстгаузену, онъ продолжаетъ: „но и въ отзывахъ Гакстгаузена легко замѣтить, что онъ далеко не согласенъ съ „Современникомъ“ (замѣтить это очень легко, потому что мы, послѣ каждой выписки изъ Гакстгаузена, говорили, что далеко не во всемъ согласны съ нимъ, и, по мѣрѣ нашихъ силъ, старались исправлять его ошибки). „Онъ постоянно смотритъ на теперешнія формы общиннаго владѣнія землю только какъ на формы проходящія, хотя и первобытныя. Старинныя формы эти годны были въ извѣстномъ положеніи страны и въ извѣстное время; онѣ не могутъ считаться формами наиболѣе совершенными“ („Экон. Указ.“ тамъ же). Что такое? что такое? Какія же формы поземельнаго владѣнія считаетъ Гакстгаузенъ болѣе совершенными? Какимъ формамъ, по его мнѣшю, должно уступить мѣсто наше общинное владѣніе? Прямо не говорить этого г. И. В-снй, но далѣе онъ толкуетъ о частной поземельной собственности; читающій его статью принужденъ думать, что, по

мнѣнію Гакстгаузена, общинное владѣніе должно уступить мѣсто частной собственности. Ничего этого не бывало. Гакстгаузенъ думаетъ напротивъ, что общинное владѣніе должно остаться неприкосновеннымъ, а преходящая форма нанего общиннаго устройства состоитъ, по мнѣнію Гакстгаузена, въ томъ, что теперь каждый домохозяинъ получаетъ отдѣльный участокъ и обрабатываетъ его отдѣльно отъ другихъ собственными силами; а впослѣдствіе времени будетъ выгоднѣе (и, по мнѣнію Гакстгаузена, уже и въ настоящее время выгоднѣе) нѣсколькимъ хозяевамъ соединяться въ одну артель для общинной обработки своихъ участковъ, такъ чтобы раздѣлъ земли между ними замѣнился раздѣломъ жатвы. Это въ наней статьѣ было выписано, и потому прямо высказать противоположную догадку о мнѣніи Гакстгаузена нельзя было г. И. В-скому. Но онъ все-таки думалъ: вѣроятно, выписанное въ „Современникъ“ мѣсто есть единственное мѣсто у Гакстгаузена. говорящее о раздѣлѣ жатвы вмѣсто раздѣла земли; а въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, Гакстгаузенъ говоритъ, что частная собственность можетъ съ пользою для государства замѣнить общинное владѣніе,—вѣдь говоритъ же онъ (это видно изъ „Современника“), что лично ему частная собственность приходится болѣе по сердцу, нежели общинное владѣніе. Сдѣлавъ такую догадку, г. И. В-скій идетъ далѣе, и предполагаетъ обратить въ свою пользу замѣчаніе Гакстгаузена о меннонитскомъ хозяйствѣ. Въ нашей выпискѣ сказано, что меннониты ввели у себя тѣ земледѣльческія усовершенствованія, которыхъ Гакстгаузенъ не находилъ въ Россіи нигдѣ, кромѣ какъ въ меннонитскихъ колоніяхъ; именно: искусственное луговоеводство, разведеніе лѣсовъ, плодоперемѣнное хозяйство. Тутъ же Гакстгаузенъ говоритъ, что у меннонитовъ, кромѣ земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, есть значительные участки, находящіеся у нихъ въ полной собственности. Г. И. В-скій тотчасъ же сообразилъ, что вотъ именно на этихъ-то послѣднихъ участкахъ и заведены, по преимуществу, тѣ земледѣльческія улучшенія, о которыхъ говоритъ Гакстгаузенъ. На основаніи такого умозаключенія онъ и выражается слѣдующимъ образомъ: „Замѣтимъ, что всѣ почти факты мѣстнаго благосостоянія, приводимые имъ, основываются на данныхъ не исключительно общественной собственности, а подмѣнены имъ тамъ, гдѣ частная, личная собственность существуетъ о бокъ общинной, иногда даже въ значительномъ развитіи. Мы въ этомъ ограничимся самыми выписками „Современника“. Такъ, у меннонитовъ, гдѣ замѣчены Гакстгаузеномъ значительныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, количество земли, принадлежащее колонистамъ на нравѣ частной собственности, достигаетъ почти 50,000 десятинъ, то есть около половины всей общинной земли“. (Тамъ-же).

Не сказалъ бы этого г. И. В-скій, еслибъ читалъ книгу Гакстгаузена. Во-первыхъ, о томъ, какъ обрабатываютъ и даже вообще обрабатываютъ ли какънибудь, или просто оставляютъ подъ пастбищами меннониты ту землю, которая у нихъ въ частной собственности, Гакстгаузенъ ничего не говоритъ; стало быть нельзя видѣть изъ его книги, какое вліяніе имѣетъ частная поземельная собственность меннонитовъ на обработку ихъ общинной земли. Во-вторыхъ, невѣрно выраженіе: „почти всѣ факты мѣстнаго благосостоянія подмѣнены Гакстгаузеномъ тамъ, гдѣ частная, личная собственность существуетъ о бокъ

общиннаго владѣнія“. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, подлѣ общиннаго владѣнія, не существовала бы частная собственность, Гакстгаузенъ не былъ, и если бы г. И. В-сній или зналъ книгу Гакстгаузена, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ бы понятіе о распредѣленіи частной собственности и общиннаго владѣнія по разнымъ областямъ вашего государства, онъ не могъ бы сказать „почти всѣ“, а сказалъ бы „всѣ“. Гакстгаузенъ не видѣлъ такого общиннаго владѣнія, близъ котораго бы не было частной собственности. Но и это еще не все: ошибка во-первыхъ, ошибка во-вторыхъ, ошибка есть еще и въ третьихъ. Что разумѣть подъ словаки: „факты мѣстнаго благосостоянія?“ — просто ли зажиточность мужиковъ? очевидно не то хочетъ сказать г. И. В-сній; для поясненія своихъ словъ онъ выбралъ въ примѣръ, не какое нибудь село Лысково или Иваново, въ которыхъ мужики гораздо богаче меннонитовъ; нѣтъ, онъ прямо указалъ на меннонитовъ, у которыхъ ость улучшенія въ земледѣлія: видно, что онъ хочетъ сказать о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія, объ улучшенныхъ системахъ обработки. Этотъ смыслъ вытекаетъ изъ всего содержанія его статей, принимающихъ, что благосостояніе земледѣльцевъ зависитъ прямо отъ введенія улучшенныхъ системъ и орудій обработки, такъ что благосостояніе и плодоперемѣнная система для него понятія тождественныя. Но вотъ въ чемъ бѣда: г. И. В-сній не знаетъ того, что меннонитское поселеніе у Гакстгаузена единственный хорошій примѣръ улучшеннаго земледѣлія, и что никакихъ другихъ случаевъ въ этомъ родѣ Гакстгаузенъ не подмѣчалъ; а г. И. В-сній, какъ видно, подумалъ: въ трехъ толстыхъ томахъ агрономическаго путешествія, навѣрное есть цѣлыя десятки описаній хозяйствъ съ плодоперемѣнной системой, — хозяйствъ, идущихъ отлично, разливающихъ вокругъ себя благосостояніе и поощряющихъ сосѣднія села къ подражанію: вѣдь извѣстно, что каждый агрономъ все толкуетъ о плодоперемѣнной системѣ и улучшенныхъ хозяйствахъ, превознося ихъ выгоды. Увы! г. И. В-сній ошибся: правда, встрѣчались иногда Гакстгаузену у помѣщиковъ хозяйства съ различными агрономическими улучшеніями, и говоритъ онъ о нихъ вскользь, но, къ сожалѣнію, всегда прибавляя, что эти улучшенія приносятъ, по его замѣчанію, не выгоду, а чистый убытокъ. Единственный примѣръ противнаго встрѣтилъ онъ у меннонитовъ при общинномъ владѣніи, а всѣ улучшенныя хозяйства, заведенныя частными собственниками, находилъ онъ раззорительными. Если бы г. И. В-сній зналъ это, то, вѣроятно, не сослался бы онъ на Гакстгаузена въ доказательство благотворнаго вліянія, оказываемаго частной собственностью, и, во всякомъ случаѣ, не сталъ бы говорить о „всѣхъ почти фактахъ“, а сказалъ бы просто—о „единственномъ фактѣ“.

Нѣтъ, никакъ невозможно намъ отстранить отъ себя той вины, что мы ввели въ ошибки г. И. В-скаго, что единственно на основаніи нашей статьи возникли у него всѣ тѣ неудачныя догадки, которыми онъ хочетъ замѣнить недостатокъ свѣдѣній о книгѣ Гакстгаузена. Но если вина наша неоспорима, то она не такъ тяжела, какъ можетъ казаться на первый взглядъ: если мы виноваты передъ г. И. В-скимъ въ томъ, что не могли для его надобности перевести всей книги Гакстгаузена въ цѣломъ ея объемѣ и тѣмъ отнять у него возможность къ ошибочнымъ заключеніямъ о содержаніи и духѣ этого сочиненія, то все же и онъ вс совѣмъ правъ. Если

многихъ ошибокъ онъ могъ бы избѣжать только тогда, когда прочиталъ бы книгу Гакстаузена, то отъ многихъ другихъ могла бы предохранить его даже наша статья, когда бы онъ или прочелъ ее внимательно, или постарался бы понять смыслъ техническихъ терминовъ, нами употребленныхъ; но мы не хотимъ думать, чтобы г. И. В—скій не былъ знакомъ съ терминами, относящимися къ оброчному положенію и къ передѣлу общинной земли между поселянами: если онъ не понялъ нѣкоторыхъ мѣстъ вашей статьи и впалъ отъ этого въ странныя ошибки, мы хотимъ думать, что это произошло единственно отъ разсѣянности. Въ примѣрѣ мы приведемъ одно мѣсто. Объясняя смыслъ тѣхъ случаевъ, когда поселяне тяготея уплатою оброка, лежащаго на землѣ, мы говорили, что это бываетъ тогда, когда оброкъ далеко превышаетъ арендную цѣну земли, уступленной во владѣніе этимъ общинамъ; но г. И. В—скій все-таки не можетъ понять, отчего происходитъ ненормальность такого положенія, и обвиняетъ въ ней общинное начало; вотъ его слова: „Мы оттого не сочувствуемъ общинному владѣнію землею, что, по признанію самого „Современника“, при немъ община иногда *заставляетъ* болѣе зажиточныхъ людей брать болѣе земли, *нежели имъ нужно* и пришлось бы имъ при равномъ дѣлежѣ“. Попробуемъ еще разъ объяснить эти случаи; если и теперь г. И. В—скій будетъ продолжать видѣть вину общиннаго владѣнія землею въ этомъ дѣлѣ, то уже очевидно будетъ, что ошибка его произошла не отъ случайной разсѣянности или невнимательности, а просто отъ темноты для него тѣхъ понятій, которыя ясны при малѣйшемъ знакомствѣ съ русскимъ сельскимъ бытомъ. Производится раскладка податей; каждый желалъ бы платить податей какъ можно менѣе; но администрація заставляетъ каждого платить сообразно съ его средствами, —такъ бываетъ не въ однихъ русскихъ селахъ, такъ бываетъ и въ Парижѣ, и въ Бостонѣ, и въ Рио-Жанейро. Въ извѣстномъ селѣ оброкъ положенъ на землю. Если онъ выше того дохода, который приноситъ земля, конечно никому не хочется брать землю; но село *должно* уплатить оброкъ, и принуждаетъ каждого изъ своихъ членовъ брать на себя ту часть оброка, какая сообразна съ его средствами, а такъ какъ уплата оброка соединена съ пользовашемъ невѣсткой частью земли, то человекъ, который *обязанъ* заплатить извѣстную сумму оброка, получаетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, извѣстный участокъ земли. Спрашивается: къ чему тутъ принуждаетъ община? Къ уплатѣ оброка. Спрашивается: община ли виновата въ томъ, что каждый членъ ея долженъ платить оброкъ?—Нѣтъ, община тутъ играетъ чисто пассивную роль, она не создаетъ обязанности, а только исполняетъ наложенную на нее обязанность; словомъ сказать, тутъ въ общинѣ происходитъ тоже самое, что въ городѣ, на который наложена контрибуція. Вотъ, въ Гамбургѣ, во время наполеоновскаго владычества, и не было общиннаго владѣнія землею, а все-таки городская администрація принуждена была насильно принуждать богатаго горожанина къ уплатѣ пропорціональной его средствамъ части контрибуціи. Но г. И. В—скій никакъ не понимаетъ этого; онъ воображаетъ, будто поселянинъ въ этомъ ненормальномъ случаѣ уклоняется не отъ уплаты оброка, а отъ пользоваія землею, будто община принуждаетъ его не къ уплатѣ оброка, а къ пользоваію землею. Это смѣшно. Ну, а если-бы Иванъ

Сидоровъ, о которомъ вы жалѣете не потому, что онъ принужденъ платить слишкомъ высокій оброкъ, а потому, что его заставляютъ брать землю, еслибъ этотъ Иванъ Сидоровъ сказалъ общинѣ: „триста рублей obroka, который вы на меня налагаете, я буду платить, а того участка земли. пользование которымъ соединено съ уплатой этого obroka, я не хочу брать и оставляю вамъ“,—какъ вы думаете: стала бы община принуждать брать его эту землю? Нѣтъ, община была бы очень благодарна за такое безкорысіе; и навѣрное этотъ Иванъ Сидоровъ всегда можетъ не брать себѣ ни клочка общинной земли, лишь бы только платилъ тотъ оброкъ, который слѣдуетъ ему платить по соразмѣрности его ередствъ, и величина котораго ни мало не зависитъ отъ общины. Къ счастью, случаи такого ненормального положенія встрѣчаются рѣдко.

Человѣкъ, который такъ хорошо знаетъ и понимаетъ факты общиннаго владѣнія землею, конечно, очень легко можетъ доказать превосходство частной собственности и неудобства общиннаго владѣнія; дѣйствительно г. И. В.—сній находитъ въ № 29-мъ „Экономическаго Указателя“ не менѣе шестнадцати одявхъ только „главнѣйшихъ неудобныхъ сторонъ общиннаго владѣнія“, прибавляя, что есть еще очень много другихъ такихъ сторонъ; кромѣ того, въ предыдущихъ статьяхъ своего возраженія приводитъ еще множество причинъ отвергать общинное владѣніе. Но, несмотря на все это множество причинъ осуждать общинное пользование, онъ простираетъ свое великодушіе до того, что вдругъ дѣлаетъ заключеніе такого рода: „На это положеніе вещей (общинное владѣніе) должно смотрѣть какъ на могущее быть выгоднымъ и полезнымъ для большинства“. (№ 29, стр. 679). Иначе сказать, онъ соглашается въ существенномъ на наніе требованіе не разрушать общиннаго владѣнія въ Россіи въ настоящее время. Слава Богу; споръ, кажется, кончается согласіемъ! Но нѣтъ, затѣмъ опять идетъ упомянутый рядъ шестнадцати причинъ, несомнѣнно доказывающихъ, что принципъ общиннаго владѣнія пагубенъ и убыточенъ. Что же это, споръ возобновляется? Будемъ спорить. Нѣтъ, за этимъ рядомъ шестнадцати „главнѣйшихъ“ пагубныхъ сторонъ общиннаго владѣнія слѣдуетъ то признаніе въ недостаточности своихъ свѣдѣній, указаніемъ на которое начали мы этотъ отвѣтъ, слѣдуетъ выраженіе желанія отложить споръ на два слишкомъ года; г. И. В.—сній объявляетъ, что онъ „оставляетъ перо“, потому что „желаетъ истины и преклоняется предъ логическими выводами“, и, наконецъ,—что онъ говоритъ наконецъ, это, признаемся, долго оставалось для васъ загадкою; вотъ что онъ говоритъ наконецъ:

„Въ ожиданіи этихъ-то изслѣдованій, мы и оставляемъ перо, не желая плодить словопрениіа. Мы желаемъ истины, а не удовлетворенія мелочному самолюбію, преклоняемся передъ логическими выводами, а не передъ вкусомъ нѣкоторыхъ, которыхъ слишкомъ уважаемъ для того, чтобы считать ихъ способными увлечься одними блестящими фразами и остроуміемъ“.

Это заключительныя слова статьи, написанной противъ насъ г. И. В.—скимъ. Въ первыхъ фразахъ все ясно: наніе противникъ оставляетъ перо въ ожиданіи наслѣдованій, которыя будутъ представлены сочиненіями на задачу Министерства Государственныхъ Имуществъ; до того времени онъ

хочет молчать, чтобы не плодить словопрениа; это ясно: нужныхъ для дѣльнаго спора свѣдѣній онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи и потому справедливо думаетъ, что продолжать споръ съ его стороны, при недостаткѣ этихъ свѣдѣній, значило бы „плодить словопрениа“. Онъ желаетъ истины, — и это прекрасно и понятно. Но далѣе уже нѣсколько темновато: онъ желаетъ истины, а не „удовлетворенія мелочному самолюбію“ — какъ понимать эти слова? Неужели надобно понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что онъ жертвуетъ своимъ самолюбіемъ, прекращая споръ? По грамматической связи фразъ выходитъ такъ. Но что-жь это? неужели онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, что его самолюбіе, еслибъ онъ былъ самолюбивъ, не было бы удовлетворено тѣмъ положеніемъ, въ какомъ стоитъ вопросъ поелѣ наніей статьи о Гакстаузенѣ и его возраженій на наніи статьи? Неужели въ самомъ дѣлѣ тутъ высказалось чувство неудовлетворенности силою собственныхъ доказательствъ? Сомнѣніе въ своемъ торжествѣ? Но далѣе, — далѣе мы рѣшительно не знали, какъ понимать, къ кому относить послѣднія строки. Кто эти „нѣкоторые“, которыхъ г. И. В.—скій уважаетъ? Уважаетъ до того, что считаетъ ихъ выше увлеченія фразами и остроуміемъ? По смыслу рѣчи, кажется, эти слова намъ надобно принять на свой счетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ? — нѣтъ, этого не можетъ быть; подумаемъ, не могутъ ли относиться къ кому нибудь другому эти лестныя слова. Къ публикѣ? Но публика не „нѣкоторые“, а всѣ; при томъ же дѣло ясное, что этимъ нѣкоторымъ приписывается какой-то личный вкусъ, передъ которымъ не можетъ преклониться г. И. В.—скій, при всемъ уваженіи къ нимъ; этотъ „личный вкусъ“ очевидно, есть выгодное мнѣніе объ общинномъ владѣніи, — нѣтъ, эти „нѣкоторые“ — не публика: г. И. В.—скій не имѣетъ никакихъ причинъ приписывать публикѣ исключительное пристрастіе къ общинному владѣнію. публика еще не высказала своего рѣшительнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ. Или эти „нѣкоторые“ — другіе писатели, кромѣ насъ? Но никто не вмѣнивался въ наніи споръ съ г. И. В.—скимъ для защиты общиннаго владѣнія. Если „нѣкоторые“ не публика, то некого разумѣть подъ этимъ словомъ, кромѣ насъ. Да, да, нельзя не принять намъ лестныхъ заключительныхъ выраженій г. И. В.—скаго на свой счетъ. Ни къ кому, кромѣ насъ, не могутъ они относиться.

Какой сюрпризъ! Какой неожиданный, какой пріятный сюрпризъ! тѣмъ болѣе пріятный, чѣмъ болѣе былъ онъ неожиданъ! Статьи, начавшіяся такими презрительными колкостями противъ насъ, кончаются нѣжнымъ комплиментомъ.

Теперь читатель видитъ, по какимъ многочисленнымъ и трогательнымъ причинамъ должны мы были отказаться отъ рѣзкости и ироніи въ тонѣ наніего отвѣта. Наніи противникъ признается въ томъ, что не знаетъ фактовъ, что не можетъ „ясно и точно“ судить о предметѣ, о которомъ онъ начиналъ спорить, обнаруживаетъ, что съ капитальнѣйшимъ сочиненіемъ объ общинномъ владѣніи въ Россіи онъ знакомъ только по выпискамъ, представленнымъ нами въ „Современникѣ“; онъ отказывается отъ продолженія спора. Оканчивая его, онъ самъ не знаетъ, что ему дѣлать, чѣмъ ему заключить: отъ безчисленныхъ доказательствъ противъ наніего мнѣнія переходитъ опъ къ признанію полезности и выгоды общиннаго владѣнія для большинства. потомъ опять хватается за наборъ новыхъ доказательствъ противъ этого

мнѣнія, и вдругъ кончаетъ признаніемъ въ томъ, что надѣется „точно и ясно“ понять это дѣло не раньше, какъ черезъ два года; и все это завершается лестнымъ комплиментомъ, который не только относится къ намъ, но и не можетъ относиться ни къ кому, кромѣ насъ.

Послѣ такой нѣжности наняго противника къ намъ, при видѣ его растерянности, по выслушаніи собственнаго признанья его въ безпомощности его положенія,—скажите, можетъ ли остаться въ наніемъ сердцѣ мѣсто для желанія отплатить ему насмѣшками за прежнія насмѣнки? О, нѣтъ, безпомощность противника налагаетъ обязанность оставить всякую мысль о враждебномъ или огорчительномъ для него словѣ.

Но оставить вражду, когда видишь противника въ безпомощномъ состояніи — не болѣе, какъ долгъ, исполняемый почти каждымъ изъ людей живущихъ на бѣломъ свѣтѣ. Это добродѣтель доступная толпѣ. Мы теперь не можемъ смѣнивать себя съ толпою, мы отличены отъ нея лестнымъ выраженіемъ г. И. В—скаго: онъ сказалъ, что уважаетъ насъ. Мы должны поддержать въ немъ это лестное для насъ чувство; мы должны своимъ образомъ дѣйствій доказать, что мы достойны этого уваженія, мы должны теперь держать себя такъ, чтобы г. И. В—сній могъ во всеуслышаніе сказать: „эти нѣкоторые, которыхъ я уважаю, дѣйствительно, заслуживаютъ почтенія рѣдкою, удивительною возвышенностью своихъ правилъ“. А возвышенность правилъ состоитъ въ томъ, чтобы не только оставить вражду къ противнику, попавшему въ затруднительное, безвыходное положеніе, но и помочь ему выйти изъ затрудненія. Для исполненія этой высокой нравственной обязанности, налагаемой на насъ публичнымъ изъявленіемъ уваженія къ намъ г. И. В—скаго, мы должны извлечь его изъ ошибокъ, которыми дошелъ онъ до такой безвыходности, и указать прямой путь, который выведетъ его изъ бѣды.

Наня добродѣтель не ограничится оказаніемъ ему пособія; мы знаемъ, какую деликатную осторожность соблюдаютъ люди съ возвышенными чувствами при оказываніи пособія, чтобы не оскорбить, не унижить въ собственныхъ глазахъ того, кому оказывается помощь. Они соблюдаютъ при этомъ всевозможную мягкость въ выраженіяхъ, они стараются даже придать дѣлу такой видъ, чтобы казалось, будто вспомоствуемый вовсе не получаетъ отъ нихъ никакого одолженія, а напротивъ, оказываетъ имъ величайшее одолженіе, пользуясь тѣмъ, что ему предлагается; они даже благодарить его за услугу, которую онъ имъ оказываетъ, вступая въ сношенія съ ними, такъ что онъ самъ и веѣ окружающіе дѣйствительно думаютъ, что тутъ происходитъ не вспомоствованіе, а просто обмѣнъ взаимныхъ услугъ. До такой добродѣтели возвысимся и мы. Если въ васъ, читатель, есть хоть искра чувства, вы дуневно умилитесь отъ той деликатности, съ которою мы будемъ исправлять ошибки г. И. В—скаго: мы не будемъ даже называть ихъ ошибками, — это слово грубое и непріятное, — напротивъ, мы будемъ благодарить его за драгоценныя и рѣдкія свѣдѣнія, за полезныя указанія и т. д.; словомъ, когда вы дочтете до конца эту статью, вы будете проливать слезы радостнаго умиленія отъ наней кротости. „Да, скажете вы, не напрасно выразилъ г. И. В—сній свое уваженіе къ тинетвеннымъ нѣкоторымъ“.

О, священная добродѣтель! вложи въ сердце наше нѣжную деликатность Манилова и очаровательную обходительность Чичикова. Мы начинаемъ нашъ высокій нравственный подвигъ. Читатели, учитесь у насъ деликатности въ спорахъ, и слушайте.

Ни одного изъ драгоценныхъ указаній, сообщаемыхъ намъ нашимъ бывшимъ противникомъ, нынѣ уже уважающимъ насъ и глубоко уважаемымъ нами г. И. В—скимъ, мы не оставимъ безъ вниманія; отъ самаго начала до самаго конца, мы прослѣдимъ съ чувствомъ глубокой признательности его статьи о поземельной собственности, стараясь научиться изъ каждаго факта, съ благодарностью принимая каждый совѣтъ, тщательно обдумывая каждое его возраженіе.

Статьи г. И. В—скаго начинаются слѣдующими словами:

„Современникъ“ прямо вызвалъ насъ къ спору, который мы не считаемъ ни современнымъ, ни столько важнымъ, сколько онъ можетъ показаться тревожному воображенію диллетантовъ въ наукѣ, для которыхъ ново „то, чего они не знали“. („Экономическій Указатель“, № 25, стр. 506).

Вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи общиннаго владѣнія не кажется важнымъ г. И. В—скому; онъ даже не почелъ бы его достойнымъ обратиться на себя его мысль, получить объясненіе отъ его ученаго пора, еслибъ нашъ прямой вызовъ не принудилъ его къ тому. Но ради нашего вызова онъ пишетъ о немъ длинную, прекрасную статью, какая обязательность, какая готовность жертвовать своимъ временемъ, своими трудами, и для чего жъ? — не для пользы науки, не для блага общества — „вопросъ этотъ не важенъ“ — нѣтъ, для вразумленія насъ, нитгожныхъ перодъ нимъ диллетантовъ, и не въ надеждѣ доставить намъ существенную пользу этимъ вразумленіемъ — „вопросъ не важенъ“ — нѣтъ, просто, для удовольворенія нашему треножному любопытству. О, какая доброта, о, для насъ какая честь: г. И. В—скій такъ добръ, что рѣшается бесѣдовать съ нами для нашего вразумленія.

„*Quel bonheur, quel bonheur,
Ah, monsieur le Conseiller d'Etat*“ *).

Притомъ же вы, г. И. В—скій, не только С. С., вы также „Д-ръ ист. н., пол. эк. и стат.“ **), — и вы удостоиваете своей боевды простаго смертнаго, которому, при всей вашей любезности, вы не можете дать никакого другого титула, какъ скромное названіе диллетанта въ наукѣ, который можетъ быть не выдержалъ экзамена не только на доктора, дажо на магистра, быть можетъ, но дослужился дажо до чина коллежскаго регистратора! Какая похвальная снисходительность! Она обизываетъ насъ внимательнѣйшимъ образомъ вслушиваться и вдумываться въ каждое ваше слово, обращаясь къ вамъ съ почтительною просьбою о разрѣшеніи всѣхъ недоумѣній нашихъ, — вы такъ снисходительны, что мы надѣемся на вашу готовность удовлетворять нашему „тревожному любопытству“; вы такъ учны, что, конечно, на всѣ наши сомнѣнія легко для васъ отвѣчать точнымъ образомъ.

*) См. подпись г. редактора подъ № 1 „Экономическаго Указателя: „Редакторъ д-ръ Н. Вернадскій, С. С.“

***) См. подпись г. редактора на послѣднихъ №№ „Экономическаго Указателя“.

Вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи общиннаго владѣнія вы не считаете ни современнымъ, ни слишкомъ важнымъ. Но миліоны людей въ Россіи пользуются землею по праву общиннаго владѣнія; если французы считаютъ важнѣйшимъ историческимъ прибрѣтеніемъ своимъ законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми, то какъ же не важенъ вопросъ о правѣ владѣнія? Наслѣдство каждому изъ французовъ когда-то еще придется получить, и многимъ ли придется получить его, а правомъ общиннаго владѣнія непосредственно и постоянно заинтересованъ каждый изъ пятидесяти миліоновъ русскихъ, пользующихся землею по этому праву. Наслѣдство важный фактъ національной жизни, но оно только частный случай права собственности, отъ наслѣдства зависитъ много, но не все въ экономической жизни; отъ собственности зависитъ рѣшительно все. Этотъ вопросъ „несовремененъ“ — во развѣ не всѣ толкуютъ объ экономическихъ преобразованіяхъ, развѣ не готовится къ нимъ, и не готовятъ ихъ по мѣрѣ силъ своихъ, каждый изъ насъ? Развѣ сами вы, и многіе изъ вашихъ сотрудниковъ, не наполняли „Экономическаго Указателя“ возгласами противъ общиннаго поземельнаго владѣнія прежде, нежели мы рѣшились замолвить слово въ защиту его? Скажите, что же важнѣе и современнѣе экономическихъ преобразованій земледѣльческаго быта? Таможенные реформы? да, къ нимъ по преимуществу лежитъ ваше сердце. Мы не отвергаемъ ни ихъ важности, ни ихъ современности: но пошлинами и фабричнымъ производствомъ прямо заинтересованы только сотни тысячъ, а поземельнымъ владѣніемъ прямо заинтересованы миліоны. Вашъ Тенгоборскій (виноваты, теперь уже не вашъ, теперь просто Тенгоборскій, какъ увидимъ ниже) оцѣниваетъ всю сумму нашего промышленнаго производства менѣе, чѣмъ въ пятьсотъ миліоновъ рублей, изъ которыхъ почти триста миліоновъ производится промышленностями, судьба которыхъ ни мало не зависитъ отъ нашего тарифа *), и только съ небольшою двѣсти миліоновъ производится тою промышленностью, которая зависитъ отъ нашихъ низкихъ или высокихъ пошлинъ. А цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, по Тенгоборскому, превышаетъ двѣ тысячи миліоновъ. Или положеніе русскаго земледѣлія менѣе нуждается въ реформахъ, нежели положеніе фабричной промышленности и заграничной торговли въ пониженіи пошлинъ? Чѣмъ больше думаешь объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ судьба земледѣлія, несравненно важнѣе даже таможенныхъ дѣлъ, какъ ни велика важность этихъ послѣднихъ. Почему же г. И. В.—скому одинъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ земледѣльческаго быта кажется и не важнымъ, и не современнымъ? Пусть онъ просвѣтитъ насъ въ этомъ недоумѣніи.

Сказавъ, что обращается къ этому неважному и несовременному вопросу о земледѣльческомъ бытѣ единственно вслѣдствіе нашего вызова, г. И. В.—скій продолжаетъ, что прежде, нежели станетъ отвѣчать на наши вопросы, считаетъ онъ не лишнимъ сдѣлать намъ нѣсколько замѣчаній. Прекрасно;

*) Такковы: между-прочимъ, льняная и пеньковая промышленность, кожевенное производство, винокурение, мыльное производство, кирпичное производство. Кирпичи и юфть, канаты и сальныя свѣчи, конечно, не имѣютъ связи съ покровительственными пошлинами.

слушаемъ эти замѣчанія. Вотъ первое изъ нихъ. Въ нашей первой статьѣ была фраза: „при переходѣ всей почти земли (въ Западной Европѣ, особенно въ Англии и Франціи) въ собственность частныхъ лицъ, явилось множество людей, не имѣющихъ недвижимой собственности, такимъ образомъ возникло пролетаріатство“. Противъ этого г. И. В—сній замѣчаетъ, что во Франціи „множество пролетаріевъ имѣетъ недвижимую собственность“. Мы осмѣливаемся спросить, какимъ же образомъ могла произойти такая странность? Сколько намъ случалось читать экономистовъ, пролетарій всегда означаетъ у нихъ человѣка, неимѣющаго собственности; это вовсе не то, что просто бѣднякъ: да, экономисты строго различаютъ эти понятія: бѣднякъ просто человѣкъ, у котораго средства къ жизни скудны, а пролетарій человѣкъ, не имѣющій собственности. Бѣднякъ противопоставляется богачу, пролетарій—собственнику. Французскій поселянинъ, имѣющій пять гектаровъ земли, можетъ жить очень скудно, если земля его дурна или семейство его слишкомъ многочисленно, но все-таки онъ не пролетарій; напротивъ, какой-нибудь парижскій или лійонскій мастеровой работникъ можетъ жить въ болѣе теплой и удобной комнатѣ, можетъ ѣсть вкуснѣе и одѣваться лучше, нежели этотъ поселянинъ, но все-таки онъ будетъ пролетаріемъ, если у него нѣтъ ни недвижимой собственности, ни капитала, и судьба его исключительно зависитъ отъ заработной платы. Г. И. В—сній будетъ, вѣроятно, такъ добръ, что объяснить намъ, позволительно ли „Д—ру пол. экон. и стат.“ забывать различіе между словами: бѣднякъ и пролетарій; онъ скажетъ намъ, какую степень знакомства съ вопросами о пролетаріатѣ и недвижимой собственности обнаруживаетъ тотъ человѣкъ, который выражается такимъ образомъ: „во Франціи множество пролетаріевъ имѣютъ недвижимую собственность“. („Экон. Указ.“ стр. 506). Намъ, диллетантамъ въ наукѣ, эта фраза кажется столь же странною, какъ напримѣръ, казалась бы фраза: „во Франціи множество слѣпыхъ имѣютъ прекрасное зрѣніе“. Но быть можетъ, люди, болѣе насъ привыкшіе къ употребленію техническихъ терминовъ науки, какъ напримѣръ, г. И. В—сній, не согласятся съ этимъ.

Но согласится или нѣтъ г. И. В—сній на нашу покорнѣйшую просьбу сказать намъ, можно ли говорить о слѣпыхъ, что они имѣютъ зрѣніе, или о пролетаріяхъ, что они имѣютъ недвижимую собственность, — во всякомъ случаѣ, мы уже благодарны ему за то, что онъ, своимъ прекраснымъ замѣчаніемъ о недвижимой собственности французскихъ пролетаріевъ, указалъ намъ необходимость упомянуть о томъ, почему пролетаріатство считается всѣми безъ исключенія экономистами за язву, болѣе тяжелую для народной жизни, нежели простая бѣдность. Поселянинъ французскій, имѣющій пять гектаровъ (назовемъ его Жакомъ), живетъ бѣдно. Жакъ человѣкъ одиношій: онъ достигаетъ 60—70 лѣтъ, работать онъ уже не можетъ. Пришлось ли ему умирать съ голоду? Нѣтъ, онъ или отдаетъ свою землю сосѣду, на условіяхъ половничества, или нанимаетъ себѣ работника, и все-таки имѣетъ средства какъ-нибудь жить. Положимъ теперь, что Жакъ человѣкъ семейный и умираетъ въ молодости, оставляя жену съ маленькими дѣтьми. Жена его все-таки имѣетъ средства, хотя бѣдно, жить. Посмотримъ теперь на работника пролетарія (котораго назовемъ Пьеромъ). Опъ живетъ заработной

платой. Когда въ 60 лѣтъ Пьеръ станетъ неспособевъ къ работѣ, кто станетъ давать ему заработную плату и чѣмъ станетъ онъ жить? а если онъ умретъ, не достигши старости, какими средствами будетъ кормиться и кормить дѣтей его жена? Но что старость, что смерть? то и другое бываетъ разъ въ жизни; посмотримъ на Пьера при случаяхъ болѣе легкихъ и болѣе частыхъ. Онъ занемогъ, болѣзнь его длится два, три мѣсяца. Онъ лишился мѣста, онъ задолжалъ, его дѣла стали такъ дурны, что хоть въ рѣку бросайся. А Жаку, если и случится пролежать въ постелѣ два, три мѣсяца, это бѣда для него конечно убыточная, но все же не раззорительная: всталъ онъ съ постели, сталъ по прежнему работать на своемъ полѣ и живетъ по прежнему. Что болѣзнь? болѣзнь уже особенное посѣщеніе Божіе, возьмемъ случай еще болѣе легкій. Изъ Лондона ушло много звонкой монеты въ Ост-Индію; Лондонскій банкъ повысилъ учетный процентъ; произошелъ застой въ торговлѣ, отразился этотъ застой изъ Англии и на Францію; фабрикантъ, у котораго работаетъ Пьеръ, получаетъ заказовъ меньше прежняго и выпускаетъ работниковъ, ставшихъ ему лишними, въ томъ числѣ и Пьера. Остался Пьеръ опять-таки безъ куска хлѣба, а Жакъ и ухомъ не ведетъ и живетъ себѣ спокойно по прежнему. „Но бываютъ и у Жака бѣды, которыхъ не знаетъ Пьеръ, напримѣръ, неурожай. Жакъ вывезъ на рынокъ вмѣсто десяти гектолитровъ хлѣба, быть можетъ, всего два гектолитра, и хотя продалъ ихъ дороже обыкновеннаго, но все же денегъ получилъ мало и тяжелъ ему этотъ годъ; а Пьеръ получаетъ себѣ плату не меньше прежняго и знать не хочетъ объ неурожаѣ, какъ не хотѣлъ знать Жакъ о торговомъ кризисѣ“. Вы такъ думаете, въ самомъ дѣлѣ знать не хотите? напротивъ, ему пришлось тяжело, нежели Жаку; во-первыхъ, съ неурожаемъ всегда соединенъ торговый кризисъ, и Пьеръ чуть ли не остался безъ мѣста, а во-вторыхъ, хлѣбъ вздорожалъ втрое, да и мясо тоже. У Жака мало денегъ и ѣсть онъ хуже обыкновеннаго, но все-таки сытъ своимъ хлѣбомъ, а Пьеръ вовсе голодаетъ. Вотъ немногіе изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ всѣ безъ исключенія экономисты находятъ, что положеніе пролетарія Пьера гораздо менѣе обезпечено и гораздо болѣе тяжело, нежели положеніе бѣдняка Жака. Всего этого, вѣроятно, ни для кого изъ нашихъ читателей объяснять не нужно; они могли бы не читать этого, потому что это писано только для того, чтобы г. И. В—скій, не понимающій разницы между бѣднякомъ и пролетаріемъ, вразумилъ насъ, какимъ образомъ пролетаріи во Франціи имѣютъ недвижимую собственность *).

Но мы во кончили еще дѣло о несчастныхъ французскихъ пролета-

*) Сравненіе Жака и Пьера написано собственно для прочтенія одному г. И. В-скому и никому другому; напротивъ, это примѣчаніе написано собственно для всѣхъ нашихъ читателей, кромѣ г. И. В-скаго, который лучше сдѣлаетъ, если не станетъ читать его. Оно было бы огорчительно для него, а мы хотимъ предохранить его отъ всякихъ огорченій.

Пусть не обвиняетъ насъ читатель, что мы входимъ въ объясненія такихъ элементарныхъ понятій. Пусть читатель поставитъ себя на наше мѣсто и скажетъ: какимъ же образомъ можно иначе сдѣлать свои мысли вразумительными для г. не диллетанта въ паукѣ, забывающаго смыслъ даже такихъ основныхъ понятій, какъ пролетаріатство. Тутъ одно средство: приходится объяснять ему все, даже то, что предполагается извѣстнымъ каждому другому читателю.

рiяхъ, не имѣющихъ собственности, по нашему мнѣшiю, и имѣющихъ недвижимую собственность, по мнѣшiю г. И. В—скаго, вѣроятно, справедливому. Сдѣлавъ открытiе этой недвижимой собственности у французскихъ прелетарiевъ, онъ замѣчаетъ, что если во Францiи многiе не имѣютъ недвижимой собственности, то у насъ не имѣетъ ея ни одинъ изъ всѣхъ поселянъ, владеющихъ землею по общинному праву. Слѣдующихъ объясненiй также можетъ не читать никто, кромѣ г. И. В—скаго: они писаны опять исключительно для него; другимъ всѣмъ, вѣроятно, и безъ нашихъ объясненiй понятно различiе между полной и ограниченной извѣстными условiями собственностiю; а васъ, г. И. В—сий, мы просимъ разрѣшить наше недоумѣнiе о слѣдующемъ дѣлѣ.

Учредилось акционерное общество для морскаго пароходства съ капиталомъ въ 10 милiоновъ и завело оно пятьдесятъ пароходовъ. Г. Ивановъ взялъ акцiй на 200,000 и былъ однимъ изъ учредителей общества и избранъ однимъ изъ его директоровъ. По уставу общества, учредитель и директоръ обязанъ имѣть акцiй на 200.000 рублей и ни продать, ни заложить ихъ не можетъ. У г. Иванова, кромѣ 200.000, употребленвыхъ на покупку акцiй, не было никакого состояшiя. Я васъ спрашиваю теперь, лишился ли своей собственности г. Ивановъ, сдѣлавшись акционеромъ? сдѣлался ли онъ пролетарiемъ? Вѣдь ни продать своей собственности, ни заложить ея онъ не можетъ.

Вдругъ одному изъ его прiятелей, смущенному нысliю о томъ, что г. Ивановъ, сдѣлавшись обладателемъ акцiй общества пароходства, пересталъ имѣть собственность, потому что не можетъ ничего ни продать, ни заложить, — вдругъ, говоримъ, его прiятелю пришла въ голову блистательная мысль вывести г. Иванова изъ столь бѣдственнаго положенiя, изъ пролетарш сдѣлать его снова капиталистомъ. „Мой другъ, сказалъ онъ ему, по числу находящихся у тебя акцiй, имѣешь ты право брать одну пятидесятую часть всего дохода вашего общества, то есть, получать весь доходъ съ одного изъ 5⁽¹⁾ пароходовъ, которыми владеетъ общество; этими доходами ты можешь располагать, какъ тебѣ угодно; почему-жъ бы тебѣ не получить права располагать и тѣмъ имуществомъ, съ котораго получается твой доходъ, то есть, однимъ изъ пароходовъ вашего общества? Иди и потребуй, чтобы тебя наименовали полнымъ владѣльцемъ парохода „Стрѣла“, такъ чтобы ты могъ и продать и заложить его“. Но когда г. Ивановъ явился съ этимъ требованiемъ въ правленiе своего общества, товарищи ему сказали: „согласиться на вашу просьбу мы никакъ не можемъ; если каждый изъ нашихъ членовъ будетъ по произволу располагать пароходами, цѣнность которыхъ равняется количеству находящихся у него акцiй, разстроится всякая обезпеченность и гармонiя въ дѣйствiяхъ нашего общества, и дѣло кончится банкротствомъ общества и банкротствомъ всѣхъ акционеровъ, въ томъ числѣ и васъ самихъ. Для вашей и нашей общей пользы, мы не можемъ согласиться на вашу прихоть. Доходъ вы получаете и можете располагать имъ какъ угодно, а имущества, приносящаго этотъ доходъ, общество не можетъ выпустить изъ своихъ рукъ“. Мы покорнѣйше просимъ г. И. В—скаго сказать, законенъ ли и разуменъ ли былъ отвѣтъ общества?

Г. Иванова такой отвѣтъ не слиткомъ бы огорчилъ, еслибъ не было у него заботляваго пріятеля; пріятель пришелъ въ ужасъ: „Какая гнусная и оскорбительная вещь!— заговорилъ пріятель:— членъ вашего общества не можетъ по своей волѣ располагать имуществомъ, съ котораго получаетъ доходъ! Какое стѣсненіе! Какое тиранство со стороны общества! Твоя участь достойна сожалѣнія“! Г. Ивановъ увидѣлъ, что его участь дѣйствительно очень печальна, потому что не можетъ онъ ни продать, ни заложить имущества, съ котораго получаетъ доходъ. И бѣдный г. Ивановъ горько заплакалъ.

Долго онъ плакалъ, наконецъ пріятелю пришла въ голову мысль еще болѣе блистательная, нежели прежде; онъ сказалъ: „Они не хотятъ отдавать тебѣ въ полную собственность парохода, доходами съ котораго ты пользуешься; скажи же имъ, что ты не хочешь этого терпѣть, что ты не хочешь болѣе оставаться членомъ ихъ общества, что ты берешь назадъ свои деньги, возвращая имъ акціи. На эти доньги ты купишь свой пароходъ и будешь полнымъ его хозяиномъ“. Тутъ г. Ивановъ отеръ слезы, на другой же день взялъ деньги изъ общества и черезъ два дня купилъ себѣ пароходъ, надъ которымъ онъ былъ уже полнымъ хозяиномъ, и которому далъ онъ имя „Леонъ Фоше“, въ честь экономиста, своими мудрыми разсужденіями ввухившаго его пріятелю мудрые совѣты. Пароходъ этотъ стоилъ 195,000 рублей; а 5,000 рублей остались въ карманѣ у г. Иванова. Гордо отплылъ его „Леонъ Фоше“ и счастливо совершилъ два-три рейса; г. Ивановъ восхищался мыслью, что онъ теперь полный, независимый ни отъ кого хозяинъ прекраснаго парохода. Но на четвертомъ рейсѣ случилось прекрасному пароходу, — столкнуться ли съ другимъ пароходомъ, наткнуться ли на какую-то скалу, или во время бури захлебнуться водой, этого мы не знаемъ, только „Леонъ Фоше“ пошелъ ко дну, и остался нашъ г. Ивановъ безъ парохода. За то, впрочемъ, сколько радости доставляла ему въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ его полновластная собственность надъ пароходомъ. Плохо пришлось ему теперь, за то былъ же и свѣтлый періодъ въ его жизни, когда онъ гордо говорилъ: „Я полный еобственникъ моего парохода“! и вслѣдъ за пріятелемъ повторялъ: „Proprietas est jus utendi et abutendi“ — „собственникъ съ своею собственностью, что хочеть, то и дѣлаеть, никто и ничто ему не помѣха“.

Впрочемъ и теперь о немъ нечего жалѣть, по мнѣшю его остроумнаго пріятеля. Прежде онъ при десяти процентахъ дивиденда получалъ, правда, двадцать тысячъ въ годъ, но за то онъ, по объясненію пріштеля, не имѣлъ никакой собственности, потому что не могъ ничего ни продать, ни заложить; а теперь у него всѣ средства къ жизни ограничиваются, правда, только маленькимъ деревяннымъ домикомъ, купленнымъ за пять тысячъ рублей, оставшихся послѣ покупки парохода; въ одной половинѣ домика живетъ онъ самъ, другую отдаетъ за сто-восемьдесятъ рублей въ годъ, и эти сто-восемьдесятъ рублей единственный доходъ его нынѣ; все это такъ, но пріштель г. Иванова утѣшаетъ его мыслію, что теперь, дескать, ты, братецъ, полный хозяинъ надъ своимъ домомъ, можешь и продать и заложить его, а прежде, когда ты былъ членомъ общества, дохода ты имѣлъ, правда,

больше, но за то ни продать, ни заложить ровно ничего не могъ; ты, братецъ, тогда не имѣлъ собственности, ты былъ тогда пролетаріемъ, и только моему благому совѣту обязанъ ты тѣмъ, что теперь имѣешь хотя небольшую, но все-таки вполне тебѣ принадлежащую собственность.

Какъ теперь судить намъ, г. И. В—сній, о пріятелѣ г. Иванова и его пошггяхъ относительно собственности? Намъ казалось бы, что онъ ошибался, говоря, будто-бы г. Ивановъ не имѣлъ собственности, когда былъ членомъ общества, потому что не могъ ни продать, ни заложить того парохода, доходами съ котораго пользовался. Намъ кажется, будто этотъ пріятель не имѣетъ понятія о томъ, что, кромѣ собственности безграничной, существуетъ еще собственность, подверженная нѣкоторымъ ограниченіямъ, и что эта собственность, называемая общинною, принадлежитъ каждому участнику общины (акціонернаго общества, нашей сельской общины и т. п.) въ той мѣрѣ, въ какой онъ пользуется доходами отъ этой собственности.

Намъ казалось бы, что положение какого нибудь Карпа, получающаго доходъ съ участка земли, даваемой ему по праву общиннаго владѣнія, точно таково же, каково было положеніе г. Иванова, когда г. Ивановъ состоялъ членомъ пароходнаго общества. Карпъ и г. Ивановъ одинаково пользуются доходами съ имущества, одинаково не имѣютъ они власти ни продать, ни заложить то имущество, доходами съ котораго пользуются. Намъ кажется, что если г. Ивановъ не могъ считаться пролетаріемъ въ то время, то не можетъ считаться пролетаріемъ и Карпъ. Разница въ томъ, что г. Ивановъ былъ богатъ, а Карпъ бѣденъ, если участокъ его земли не плодороденъ, или обремененъ слишкомъ тяжелыми повинностями; но Карпъ и г. Ивановъ одинаково собственники, и оба одинаково собственники по праву ограниченной, а не полной собственности.

Вы можете сказать: г. Ивановъ имѣлъ то преимущество, что могъ выйти изъ членовъ пароходнаго общества. Что-жь изъ того, развѣ Карпъ не можетъ выйти изъ своей сельской общины, когда ему угодно? (мы предполагаемъ, что Карпъ государственный крестьянинъ). Развѣ онъ не можетъ приписаться въ мѣщане, купцы, цеховые? Неужели вы воображаете, что община станетъ его удерживать? навѣрное она всегда ему скажетъ: „что намъ тебя держать, батюшка, ступай куда угодно“.—Но г. Ивановъ получилъ обратно свои деньги, когда вышелъ изъ членовъ пароходнаго общества, а Карпъ не получитъ отъ общины никакихъ денегъ, если вздумаетъ выйти изъ общины, отказавшись отъ своего участка? Но вѣдь участокъ этотъ принадлежалъ не Карпу, а общинѣ; Карпъ получилъ его отъ общины, а не вносилъ его въ общину. Если-бы г. Ивановъ пользовался частію доходовъ пароходнаго общества безъ взноса всякаго капитала съ своей стороны, онъ, конечно, также не получилъ бы ничего отъ общества, когда вздумалъ выйти изъ него.

Г. Ивановъ и Карпъ одинаково собственники; разница только въ томъ, что одинъ изъ нихъ явился въ общество съ капиталомъ, а Карпъ пользуется доходами съ капитала, котораго не вносилъ въ общину. Теперь, г. И. В—сній, разрѣшите наше недоумѣніе: на какомъ основаніи называетъ вы Карпа пролетаріемъ? На какомъ основаніи утверждаете вы, что у пася

есть дѣлныя сельскія общины, состоящія изъ пролвтаріевъ? Объясните намъ смыслъ слѣдующаго вашего обращенія къ намъ: „Неужели г. критикъ не знаетъ, что иногда дѣлныя общины съ его любимымъ правомъ пользованія землею принадлежать къ тѣмъ же пролетаріямъ?“ Признаемся, мы этого не знаемъ. Есть у насъ общины чрезвычайно бѣдныя, но нѣтъ сельской общины, не имѣющей земли.

Виноваты, мы напрасно предлагаемъ вамъ этотъ вопросъ; мы забыли, что по вашему мнѣшю „множество французскихъ пролетаріевъ имѣютъ недвижимую собственность“.

Мы кругомъ виноваты; мы предположили, когда писали первую нашу статью, что вступаемъ въ споръ съ противникомъ, и безъ нашихъ объясненій умѣющимъ различать пролетаріатство отъ бѣдности; потому не объяснили мы разницу между этими понятіями и не показали причинъ, по которымъ пролетарій страдаетъ болѣе всякаго другаго бѣдняка; такимъ образомъ мы невольно подали г. И. В—скому возможность возражать намъ указаніемъ на французскихъ пролетаріевъ, имѣющихъ (по его указанію) недвижимую собственность, и на русскія сельскія общины, принадлежащія (также по его указанію) къ пролетаріямъ, то есть не имѣющія въ пользованіи или владѣніи никакихъ земель. За эту вину мы наказаны необходимостью дѣлать теперь такія обширныя объясненія для исправленія прискорбныхъ послѣдствій, отъ этого нашего упущенія оказавшихся въ прекрасной статьѣ г. И. В—скаго. Но если мы и пострадали отъ того, то не безъ пользы: сколько мыслей внушено намъ разсмотрѣніемъ перваго указанія, даваемого намъ г. И. В—скимъ! Уже одно то чего стоитъ, что это глубокомысленное замѣчаніе дало намъ нравственную силу такъ подробно и обстоятельно изложить одно изъ самыхъ элементарнѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ каждому образованному человѣку понятій, въ „Современникѣ“! Безъ этого указанія у насъ не достало бы рѣшимости такъ подробно говорить объ этомъ въ журналѣ, читатели котораго хотя, быть можетъ, и не болѣе, какъ только диллетанты нѣ наукѣ, люди все-таки образованные,—не рѣшились бы мы на это, какъ не рѣшимся безъ новыхъ указаній г. И. В—скаго объяснять, что, наиримѣрь, Парижъ—столица Франціи, а жители Парижа (пролетаріи и не пролетаріи)—французы.

Не менѣе полезно для насъ было бы столь же подробное обдумываніе и слѣдующихъ замѣчаній г. И. В—скаго; но это отняло бы слишкомъ много времени, а главное, читатели могутъ судить теперь, легко ли намъ было бы, подробно разеуждая о слѣдующихъ указаніяхъ и совѣтахъ г. И. В—скаго, своею вѣрностью совершенно подобныхъ первому, выдержать наше намѣреніе не употреблять слова „ошибка“ и другихъ, столь же непріятныхъ для нашего признательнаго къ нему сердца, выраженій. Потому мы и злоумыслимъ слѣдующія его указанія кратко, съ краткими же просьбами къ нему о разрѣшеніи нашихъ недоумѣній.

Мы въ первой статьѣ говорили, что фермеры англійскіе, богатѣя, заботятся объ увеличеніи своего хозяйства. Онъ говоритъ: это несправедливо. „Ферма въ Великобританіи почти не можетъ съ выгодой расширить своихъ предѣловъ, безъ ущерба доходности“. Мы спрашиваемъ: прикажетъ ли онъ

намъ иривестъ цитаты изъ англійскихъ агрономовъ въ доказательство того, что фермеръ, сначала имѣвшій, положимъ, тридцать экровъ въ своемъ хозяйствѣ, имѣеть потомъ, когда разбогатѣеть, ферму гораздо большаго размѣра? Нужно ли доказывать это цитатами, или и безъ цитатъ любезность г. И. В.—скаго уступить эту возможность англійскому фермеру? За что подвергать его такому стѣсненію, что сколько экровъ сначала было, столько и до конца вѣка должно остаться въ его хозяйствѣ?

Желая приблизительнымъ образомъ сказать, до какой степени огромно у насъ преобладаніе земель, являющихся общиннымъ достояніемъ, надъ землями, выдѣлившимися окончательно изъ этого разряда, мы сказали, что, по сравненію съ первыми, послѣднія составляютъ, „можетъ быть, пятнадцатую, можетъ быть, двадцатую часть“. По этому случаю г. И. В.—сній дѣлаетъ слѣдующій тонкій намекъ, что надлежало бы намъ справиться о точной цифрѣ, не довольствуясь приблизительною. Вы хотите проводить новое убѣжденіе, говоритъ онъ, — „впрочемъ сомнительно, чтобы можно было привести „въ убѣжденіе (не говоримъ о фантазіи) такую мысль, которую подкрѣпятъ голословнымъ предположеніемъ, что вотъ-де такъ-то обдѣлывается „у насъ можетъ быть пятнадцатая, можетъ быть двадцатая часть (а можетъ быть и десятая, а можетъ быть и тридцатая). „Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ...“ Какая вѣрная метода доказательства!“ — Мы осмѣлимся спросить, думаетъ ли въ самомъ дѣлѣ г. И. В. — сній, что въ какихъ либо книгахъ, или даже хотя бы въ архивахъ, собраны были данныя, достаточныя для точнаго, а не приблизительнаго опредѣленія количества частныхъ земель, обрабатываемыхъ въ Россіи по способу вольнаго найма (земли купцовъ и проч.) или (безъ найма и обязательнаго труда) собственнымъ трудомъ молкихъ частныхъ собственниковъ? Онъ очень обяжетъ насъ, если укажетъ, гдѣ можно найти точныя цифры объ этомъ предметѣ. А намъ казалось, что статистическія свѣдѣнія объ этомъ до сихъ поръ еще не собраны. Мы осмѣлимся выразить мнѣніе, что не обо всемъ въ мірѣ можно найти такія точныя цифры, какъ о числѣ народонаселенія или количества привезенныхъ изъ-за границы товаровъ. Напримѣръ, неизвѣстна *ми-ко му въ мірѣ* въ настоящее время и не можетъ быть никому извѣстна точная цифра, какъ велико въ настоящее время число людей въ Россіи, умѣющихъ читать и писать, или сколько находится вдовъ и вдовцовъ, млн сколько мяса употребляется въ пищу въ теченіе года во всей Имперіи. Въ этихъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ случаевъ мы можемъ достигать только приблизительнаго вычисленія. Или за недостаткомъ точныхъ цифръ не позволительно дѣлать приблизительныя вычисленія?

Что же касается до „голословности“ нашего вычисленія, то мы увѣрены, что если бы г. И. В.—скій потрудился провѣрить нашъ выводъ (по методѣ, указанной въ нашей первой статьѣ перечнемъ различныхъ поименованій земли), то, вѣроятно, нашелъ бы, что нашъ расчетъ не голословенъ. Пусть онъ подведетъ итоги, и онъ увидитъ, что приблизительная пропорція, дѣйствительно, такова, какъ сказано у насъ: пятнадцатая или двадцатая часть, но никакъ не десятая (это слишкомъ много), и не тридцатая (это слишкомъ мало).

Скажите же намъ, въ какой книгѣ, или, даже, въ какомъ архивѣ можно было бы отыскать тѣ точныя цифры, за неотысканіе которыхъ такъ упрекаете вы насъ, г. И. В—скій?

Не предположилъ ли „нѣкто, нами уважаемый“, что собраны и напечатаны гдѣ нибудь свѣдѣнія, которыя никогда не собирались и нигдѣ не напечатаны?

Не внушаются ли такимъ его предположеніемъ нѣкоторыя размышленія о близости его знакомства съ источниками нашихъ статистическихъ свѣдѣній?

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ...“ Прекрасно; но если бы я сталъ кого нибудь упрекать за то, что онъ не можетъ представить точной цифры населенія древней Скиені, не обнаружилъ ли бы я тѣмъ, что я не имѣю понятія ни о скиеяхъ, ни о древнихъ?

Кто читалъ древнихъ, тотъ зналъ бы, что у скиеовъ не было народныхъ переписей; что ни въ какомъ древнемъ писателѣ нѣтъ и не могло быть точныхъ цифръ населенія Скиені; кто знакомъ съ нашею статистикою, тотъ не сказалъ бы того, что выписано нами выше изъ вашей статьи, г. И. В—скій. Правда ли?

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ“... Не правда ли, г. И. В—скій?

„Неужели „Современникъ“ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что Западъ стремится къ общинной поземельной собственности (замѣчаетъ г. И. В—скій)? Въ чемъ, въ какихъ учрежденіяхъ, въ какихъ рѣшеніяхъ, и гдѣ это видитъ г. критикъ?“—Мы заплатимъ вопросомъ за вопросъ: пусть г. И. В—скій назоветъ намъ какой ему угодно курсъ политической экономіи, хотя бы изъ школы Сэ, и мы въ этомъ курсѣ укажемъ ему факты и мнѣнія, которыми подтверждаются наши слова. Условіе тутъ одно: эта книга должна принадлежать послѣднимъ пятнадцати годамъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, о поземельныхъ ассоціаціяхъ дѣйствительно мало думали; у самого Сэ или у Шторха вы мало найдете фактовъ и понятій, сюда относящихся. Съ начала пронлаго десятилѣтія уже не то. Напримѣръ: Росси одинъ изъ самыхъ отсталыхъ и антипатичныхъ людей въ николѣ Сэ; почти всѣ другіе политико-экономы этой отсталой никола далеко гуманнѣе и современнѣе, нежели Росси; однако, что говорить Росси? Помните ли вы это, г. И. В—скій? „Dictionnaire de l'Economie Politique“ Коплена и Гильйомена составленъ въ духѣ самой крайней реакціи противъ гуманныхъ стремленій новаго времени; помните ли вы, что даже Теодоръ Фиксъ, даже Бланки осуждаются въ этомъ словарѣ, какъ люди слинникомъ гуманные? Однако, что думаетъ о земледѣльческихъ потребностяхъ Франціи фаланга писателей, построившихъ арсеналъ своихъ мнѣній въ этомъ словарѣ,—фаланга писателей такой безукоризненной нѣ вашихъ глазахъ репутаціи, какъ Шербюле, Мишель Шевалье, Леонъ Фоше, Жозефъ Гарнье, Луи Ребо съ братією? Справьтесь-ка съ этимъ словаремъ. Онъ дурень, но все-таки въ немъ найдется кое-что хорошее, чего вы не ожидаете. Мы не хотимъ утомлять читателей слишкомъ большимъ количествомъ цитатъ, потому приведемъ всего нѣсколько строкъ изъ статьи „Succession“.

„Нельзя не признаться, что крайнее раздробленіе поземельной соб-

ственности (во Франціи, по закону о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между всѣми дѣтьми) имѣеть, при данныхъ обстоятельствахъ, извѣстныя неудобства. Для отвращенія этихъ неудобствъ, г. Росси совѣтовалъ поселянамъ вступать въ ассоціаціи; до сихъ поръ этотъ совѣтъ не имѣлъ всеобщаго успѣха; но, напримѣръ, въ огородничествѣ департамента Юры онъ употребляется. И со временемъ этотъ принципъ, быть можетъ, долженъ произвести превосходныя слѣдствія“. — „*Dict. de Гес. polit.*“ Томъ II, стр. 676.

Вотъ что говорятъ Росси и Коклено-Гильйоменовская фаланга.

Если г. И. В—скому мало этой одной цитаты, онъ можетъ въ какой нибудь часъ времени подыскать по сноскамъ и цитатамъ указанной нами статьи десятки мѣстъ въ этомъ словарѣ, и сотни книгъ, подтверждающихъ наше мнѣніе. Если же ему угодно будетъ возложить на насъ эту вовсе не трудную работу, мы исполнимъ ее къ его удовольствію.

Для доставленія ему особенной пріятности, мы обязываемся подтвердить нане мнѣнію свидѣтельствами исключительно тѣхъ писателей, которые принадлежать къ одной школѣ съ г. И. В—скимъ. Но онъ, вѣроятно, избавить себя отъ этого удовольствія, согласившись съ нами мнѣніемъ, что въ Западной Европѣ существуетъ потребность ассоціаціи между земледѣльцами.

Для облегченія ему этого согласія, напомнимъ, что статьи въ „Словарѣ“ Коклена и Гильйомена служатъ выраженіемъ не особенныхъ мнѣній того пли другаго писателя, а цѣлой школы, — той самой школы, къ которой принадлежитъ г. И. В—скій.

А быть можетъ онъ, видя, что даже эта школа, враждебная всѣмъ новымъ стремленіямъ, свидѣтельствуеетъ о потребности земледѣльской ассоціаціи въ Западной Европѣ, откажется отъ мнѣній этой школы, отречется отъ своихъ нынѣшнихъ сотоварищей по убѣжденію, Миниеля Шевалье, Лун Ребо, Леона Фоше, Жозофа Гарнье? Это былъ бы очень трудный подвигъ; но вѣдь совершилъ же онъ еще болѣе трудный подвигъ, отрекся же, изъ любезности къ намъ, какъ увидимъ послѣ, отъ Тенгоборскаго. Дай Богъ ему успѣховъ на этомъ пути.

Противники общиннаго владѣнія утверждаютъ, что при немъ десятина земли не можетъ давать такого большаго дохода, какъ при фермерскомъ хозяйствѣ. Мы въ первой статьѣ говорили, что если-бы это неосновательное предубѣжденіе и было основательно, все-таки для большинства земледѣльцевъ выгоднѣе общинное владѣніе, потому что при фермерскомъ хозяйствѣ большинство земледѣльцевъ обращается въ наемныхъ работниковъ, и потому, хотя бы при фермерскомъ хозяйствѣ масса производимыхъ цѣнностей была значительнѣе, положеніе большинства земледѣльческаго класса все-таки лучше при общинномъ хозяйствѣ. Въ объясненіе этого мы привели примѣрный расчетъ. Этимъ расчетомъ очень недоволенъ г. И. В—скій.

„Сказать, но значить доказать, говорить онъ. Не всѣ же повѣрять „на слово, даже уважая произвольные расчеты, въ которыхъ, увы! не видно „никакой тѣни счета, основаннаго на чемъ нибудь, кромѣ фантазіи, недопускаемой даже при самыхъ отчаянныхъ статистическихъ соображеніяхъ... „Общинное хозяйство рѣдко достигаетъ даже того общаго дохода, который

„указанъ „Современником“ и имѣеть очень невысокій максимумъ. А уча-
 „етокъ собственника можетъ достигнуть почти безконечной цѣнности; слѣдо-
 „вательно отношеніе между обими доходами не то, которое воображаетъ
 „себѣ ученый критикъ. Вообще, для того, чтобы убѣдиться въ поспѣшности
 „его заключеній, достаточно упомянуть, что у него представлено при общин-
 „номъ хозяйствѣ на одномъ и томъ же пространствѣ вдесятеро болѣе на-
 „селенш, нежели при частной собственности, а на самомъ дѣлѣ вездѣ вы-
 „ходитъ напротивъ; а отчего? На это ясно отвѣчаетъ наука, только не
 „новая, а обыкновенная, прежняя, къ которой и можетъ обратиться изъ
 „любопытства „Современникъ“, если улучшить время отъ изысканій въ но-
 „вомъ родѣ“.

Боже, какъ прогнѣвилъ нашъ разчетъ г. И. В.—скаго! Чѣмъ же?
 Онъ произволенъ и ошибоченъ. Въ чемъ же произволь и ошибка? 1) Въ
 томъ, что мы слишкомъ высоко оцѣнили доходъ при общинномъ владѣнш
 по сравненію съ хозяйствомъ при частной собственности,—на самомъ дѣлѣ
 пропорція при частномъ хозяйствѣ гораздо выше, нежели мы положили.
 2) Мы положили при общинномъ владѣнш населеніе въ десять разъ большее,
 нежели при частной собственности. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали
 такія ошибки? Припомнимъ, что мы говорили въ этомъ разчетѣ, имѣвшемъ
 несчастіе не понравиться г. И. В.—скому. Вотъ буквально это мѣсто изъ
 нашей первой статьи:

„Веремъ два участка въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная милл). На
 каждый участокъ приходится по 2,000 человекъ населенія. Однѣ раздѣленъ на три-
 дцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода (того періода, въ который
 частная собственность, очевидно, выгодна); каждая десятина даетъ въ общей слож-
 ности 20 р. дохода. Изъ вихъ 5 рублей вдутъ на арендную плату землевладѣльцу,
 6 рублей ва уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермы.
 На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало
 менѣе успѣховъ, в десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь
 остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ
 пользованіи землею. Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ $5,000 \times 20 = 100,000$
 на второмъ „ $5,000 \times 12 = 60,000$

„По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка
 съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обратимся къ состоянію
 людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ
 пять человекъ.“

Участокъ съ фермами.

1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ	$5 \times 5000 = 25,000$ р.
30 семей (фермеры) получаютъ $9 \times 5000 = 45,000$ или	
каждая семья по	1,500 р.
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ $6 \times 5000 =$	
30,000 или каждая семья по	81 р. 25 к.

Участокъ съ общиннымъ пользованіемъ.

400 семей получаютъ $12 \times 5000 = 60,000$ или каждая	
семья по	150 р.

„Выводъ ясенъ. На второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое
 болышимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше
 на первомъ участкѣ“.

Позвольте же спросить, г. И. В—скій, откуда ваялась у васъ мысль, будто въ нашемъ разсчетѣ на одинаковомъ пространствѣ земля полагается при общинномъ владѣніи населеніе въ десять разъ больше, нежели при частной собственности? Развѣ мы не сказали прямо въ самомъ началѣ разсчета, что на каждый участокъ приходится по 2.000 человекъ населенія? Развѣ томны эти слова? И развѣ не соблюдена эта одинаковость населенія въ самыхъ разсчетахъ? Неужели мы должны думать, что „нѣкто, уважаемый нами“, увѣряетъ своихъ читателей, будто мы говоримъ „въ десять разъ больше“, тогда какъ самъ видитъ, что мы говоримъ „равно?“. Мысль эта для насъ огорчительна, потому что въ такомъ случаѣ „нѣкто, уважаемый нами“, по необходимости лишился бы нѣкоторой части того уваженія, которое мы хотѣли бы сохранить къ нему.

„Нѣкто, уважаемый нами“, говоритъ также, будто въ нашемъ примѣрномъ разсчетѣ мы слишкомъ высоко оцѣнили доходъ общиннаго участка, — онъ говоритъ, что этотъ доходъ никогда не можетъ равняться даже тремъ пятымъ частямъ дохода отъ частной собственности, какъ мы положили. „Нѣкто, уважаемый нами“, уважалъ нѣкогда Тенгоборскаго—обратимся къ Тенгоборскому за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія.

Тенгоборскій на 201 страницѣ перваго тома своей книги „О производительныхъ силахъ Россіи“ (парижское изданіе 1854 года) представляетъ слѣдующую сравнительную таблицу средняго сбора хлѣба съ десятины пахотной земли въ четырехъ главнѣйшихъ государствахъ европейскаго материка:

Франціи	. 5,13	четвертей.
Австрія	. 4,56	„
Пруссія	. 3,82	„
Россія	. . . 3,47	„

Нужно ли вамъ объяснять, г. И. В—скій, что въ Россіи только незначительная часть пахотной земли выдѣлилась изъ общиннаго владѣнія, или пользованія, или общинной обработки, такъ что эта незначительная часть не могла имѣть замѣтнаго вліянія на общій выводъ? Итакъ, сборъ хлѣба въ Россіи—сборъ съ земли при общинномъ владѣніи, или пользованіи, или обработкѣ. Вѣроятно, вы не усомнитесь въ томъ, что въ трехъ другихъ государствахъ этотъ сборъ принадлежитъ землѣ, находящейся въ частной собственности. Посмотримъ же, какова пропорція.

Вотъ она, по словамъ Тенгоборскаго (тамъ же).

„Сборъ хлѣба съ одной десятины въ трехъ западныхъ государствахъ по сравненію съ Россію:

Россія 100
Пруссія 110
Австрія 130
Франція 140

Видите ли, высшая пропорція для частной собственности выходитъ 100:140; а мы предположили 12:20. то есть 100:166,—видите ли, что въ примѣрномъ разсчетѣ мы оцѣнили преимущества частной собственности выше, нежели оказывается по самымъ высшимъ фактамъ на материкѣ Европы? На какомъ же основаніи вы жаловались, г. И. В—скій, будто

наша примѣрная оцѣнка несправедлива? Да, милостивый государь, мы были несправедливы—къ тому дѣлу, которое защищаемъ, мы оцѣнили его выгоды слишкомъ низко. Вы потребовали справедливости. Извольте; мы изъ области примѣрныхъ расчетовъ, слишкомъ снисходительныхъ къ вашему любимому фермерству, перейдемъ къ точнымъ цифрамъ — порадуйтесь, милостивый государь. вмѣсто снисходительности, вы будете имѣть отъ насъ справедливость.

Вамъ нравится англійское фермерство? Прекрасно. Знаете ли вы, какой процентъ изъ общаго дохода достается работникамъ на англійской фермѣ? Это вы можете узнать отъ г. Д. Д. Неелова („Русск. Вѣсти.“ 1857 г., № 9, стр. 111).

Изъ 100 процентовъ общаго дохода идетъ въ руки:

Землевладѣльцу (рента, изъ которой $\frac{1}{4}$ поглощаетъ налогъ) . .	40 проц.
Фермеру (проценты съ оборотнаго капитала в чистый доходъ)	36 „
Плата и содержаніе работнику	24 „

Какъ вамъ нравится это распредѣленіе, г. любитель фермерства? Не правда ли, оно сильнѣе свидѣтельствуетъ въ вашу пользу, нежели наше примѣрное распредѣленіе? Мы полагали долю англійскаго работника гораздо значительнѣе, 6 рублей изъ 20, то есть 30 процентовъ; долю землевладѣльца только въ 5 рублей изъ 20, то есть въ 25 проц., то есть слишкомъ въ полтора раза меньше настоящей цифры. Видите ли, мы не хотѣли выставить любимаго вами англійскаго фермерства во всей его чернотѣ; но вы насъ вызвали на это,—и не гнѣвайтесь, если, вмѣсто нашего примѣрнаго расчета, мы вамъ представимъ *три дѣйствительные* расчета, для Австріи, Франціи и Пруссіи. Мы предполагаемъ, что въ каждомъ изъ этихъ государствъ по два участка, величиною каждый въ одну квадратную милю, отдѣляются, одинъ участокъ для фермъ съ англійскимъ распредѣлешемъ доходовъ, другой участокъ для водворенія жителей по праву общиннаго владѣнія, какъ у насъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Во всѣхъ трехъ государствахъ земля воздѣлывается уже по системѣ частной собственности, слѣдовательно со всѣми улучшениями, возможными при настоящемъ положеніи каждаго государства; потому учрежденіе фермъ не возвыситъ общаго дохода,—онъ останется тотъ самый, какой показанъ у Тенгоборскаго. Но въ угодность г. И. В—скому, мы положимъ, что при введеніи общиннаго владѣнія этотъ сборъ хлѣба въ каждомъ изъ трехъ западныхъ государствъ понизится до такой цифры, какую представляетъ Россія (понижаться ему вовсе нѣтъ необходимости, но г. И. В—сній желаетъ, чтобы онъ понизился—сдѣлаемъ ему эту уступку, хотя, по окончаніи нашего отвѣта, читатель увидитъ, что мы вовсе не обязаны были ее дѣлать: г. И. В—сній не могъ привести ни одного доказательства въ пользу возвышенія дохода при частной собственности и пониженія его при общинномъ владѣніи). Цифру населенія, сборъ хлѣба съ десятины, цѣну хлѣба мы будемъ воздѣлывать по Тенгоборскому. Величину фермъ оставимъ прежнюю, какая была въ нашемъ примѣрномъ расчетѣ, — именно на 5,000 десятинъ 30 фермъ. Итакъ, посмотримъ, что было бы выгоднѣе для большинства земледѣльческаго населенія во Франціи, Австріи и Пруссіи—заведеніе ли англій-

скихъ фермъ съ сохраненіемъ выснихъ сборовъ хлѣба или введеніе русскаго общиннаго устройства даже съ вивними сборами хлѣба.

А. Франція.

Населеніе—3750 дунгъ или 750 семей на квадратной милѣ; цѣна хлѣба 5 р. 46 коп. за четверть. Сборъ: при системѣ фермъ 5.13 четвертей, при русской системѣ 3.47 четвертей. (Тенгоб. Томъ I, стр. 107, 201 и 211).

	Съ десятины:	Со всего участка:
При системѣ фермъ 5.13 четвертей		
×5 р. 46 к.=	28 руб. 1 коп.	140,050 руб.
При системѣ общиннаго владѣнія		
3.47 четвертей×5 руб. 46 коп.=18	" 95 "	94,750 "

Итакъ, общая цѣнность продукто въ при англійской системѣ почти въ полтора раза болѣе, нежели при русской.

Распределеніе благосостоянія въ народонаселеніи. При англійской системѣ изъ общаго дохода 140.050 р. получаютъ:

1 семья (землевладѣлецъ) 40 процентовъ	56,020 руб. — коп.
30 семей (фермеры) 36 проц. или всѣ вмѣстѣ	
50,418 руб., а каждая семья по	1,680 " 60 "
719 семей (работники) 24 проц. или всѣ вмѣстѣ	
33,612 руб., а каждая семья по	46 " 70 "
При общинной системѣ общій доходъ 94,750 руб.,	
раздѣленный на 750 семей, даетъ на каждую	
семью по	126 " 30 "

Итакъ, во Франціи 719 семей изъ 750 семей (то есть 96 человекъ изъ 100) при системѣ фермъ получали бы въ два съ половиною раза менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія, а выгодна была бы система фермъ только 31 семьѣ, то есть одной двадцать-третьей части населенія: остальнымъ двадцати-двумъ частямъ была бы выгоднѣе система общиннаго владѣнія.

В. Австрія.

Населеніе 3,200 дунгъ или 640 семей; цѣна хлѣба 4 р. 30 коп. четверть. Сборъ хлѣба при системѣ фермъ 4,56 четв., при общинномъ владѣніи 3,47 четв. Общій доходъ:

	Съ десятины:	Со всего участка:
При фермахъ	19 руб. 60 коп.	98,000 руб.
При общинномъ владѣніи . 14	" 92 "	74,600 "

Итакъ, общая цѣнность продукто въ при системѣ фермъ на двѣ седьмыхъ части болѣе, нежели при общинномъ владѣніи.

Распределеніе благосостоянія въ народонаселеніи. При системѣ фермъ изъ общаго дохода 98,000 р., получаютъ:

1 семья 40 процентовъ	39,200 руб.
30 семей 36 проц., всѣ вмѣстѣ 35,280 р., а каждая	
семья по	1,176 "
609 семей 24 проц., всѣ вмѣстѣ 23.520 р., а каждая	
семья по	38 " 60 коп.

При системѣ общиннаго владѣнія доходъ 74,600 р. раздѣлится на 640 семей, и каждая семья получить по 116 руб. 50 коп.

Итакъ, въ Австріи при системѣ фермъ 609 семей изъ 640 (то есть 95 человекъ изъ 100), получали бы втрое менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія. Выгодна была бы система фермъ только для одной двадцатой части населенія.

С. Пруссія.

Населеніе 3,300 человекъ или 660 семей. Цѣна хлѣба 4 р. 15 к. Сборъ при системѣ фермъ 3.82 четв., при общинномъ владѣніи 3,47 четв. Общій доходъ:

	Съ десятины:	Со всего участка:
При системѣ фермъ	15 руб. 80 коп.	79,300 руб.
При общинномъ владѣніи	14 „ 40 „	72,000 „

Итакъ, при системѣ фермъ сумма продуктовъ на одну десятую часть больше, нежели при системѣ общиннаго владѣнія.

Распределеніе благосостоянія въ народонаселеніи. При системѣ фермъ изъ общаго дохода 79,300 р., получаютъ:

1 семья 40 проц.	31,720 руб.
30 семей всѣ вмѣстѣ 36 проц. или 28,548 руб., а каждая семья по	951 „ 60 коп.
629 семей всѣ вмѣстѣ 24 проц. или 19,032 руб., каждая семья по	30 „ 25 „
При системѣ общиннаго владѣнія общій доходъ 72,000 руб., раздѣлившись на 660 семей, на каждую семью даетъ по	109 „ 10 „

Итакъ, въ Пруссіи при системѣ фермъ 629 семей изъ 660 (то есть 95 изъ 100), получали бы въ три съ половиною раза менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія.

Для обыкновеннаго читателя эти подробные разчеты утомительны и излишни: для него было бы нужно представить только основныя данныя и окончательные результаты. Производство самаго разчета такъ просто, что каждый читатель, который захотѣлъ бы провѣрить наши выводы, конечно, могъ бы самъ произвести разчеты. Но здѣсь они приведены собственно для г. И. В—скаго, который не захочетъ и не сдумаетъ сдѣлать разчетовъ, а потомъ будетъ на насъ же сердиться за то, что не хотѣлъ и не умѣлъ сдѣлать этого—и закричитъ: „эти выводы невѣрны, фантастичны и преувеличены!“

Вы кричали, г. И. В—сній, что нашъ примѣрный разчетъ выгодъ общиннаго владѣнія для большинства сельскаго населенія невѣренъ и фантастиченъ. Извольте же теперь сравнить наши тогдашніе примѣрные выводы съ нынѣшними выводами изъ положительныхъ разчетовъ. Разчеты эти у васъ передъ глазами. Извольте ихъ провѣрить. Они основаны на цифрахъ, представляемыхъ вашимъ авторитетомъ, Тенгоборскимъ. Полюбуйтесь же, какіе выгодные для васъ результаты получаются изъ этихъ разчетовъ—извольте-ка прислушать:

Мы дѣлаемъ вамъ удовольствіе, предполагаемъ, что общинное владѣніе

задерживаетъ успѣхи земледѣлія, и полагаемъ даже, что все превосходство въ количествѣ хлѣба, собираемаго съ десятины въ Западной Европѣ, сравнительно съ Россією, порождается единственно отъ частной собственности. Потому мы считаемъ, что въ Австріи, Пруссіи, Франціи десятина земли при общинномъ владѣніи дала бы хлѣба не болѣе, нежели даетъ въ Россіи. Это уступка излишняя съ нашей стороны: главную роль тутъ играетъ не форма владѣнія, а климатъ и другія обстоятельства. Во Франціи, Австріи, Пруссіи средняя температура выше, дождя больше, нежели у насъ, — потому тамъ и хлѣба больше родится, это вамъ скажетъ и вашъ Тенгоборскій. Но пусть вся разница зависитъ отъ формы владѣнія, — легче ли вамъ будетъ отъ этого?

Нашъ прежній Точные разчеты.
примѣр. разчетъ. Франція. Австрія. Пруссія.

Выгода частной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ относительно увеличенія валоваго дохода.

66% 48% 31% 10%₀

Сумма дохода, получаемого съ десятины при системѣ общиннаго владѣнія

12 р. 18 р. 95 к. 14 р. 92 к. 14 р. 40 к.

Сколько изъ ста человѣкъ населенія невыгодна система фермъ .

90 96 95 95

На сколько процентовъ доходъ всей этой массы земледѣльцевъ былъ бы при общинномъ владѣніи, со всѣми его неудобствами (предполагаемыми), выше, нежели при системѣ фермъ .

84% 170% 202% 263%₀

Извольте же теперь, г. И. В.—сній, сравнить цифры нашего примѣрнаго разчета, которымъ вы были недовольны, какъ невѣрнымъ и преувеличеннымъ, извольте же сравнить ихъ съ цифрами точныхъ разчетовъ, основанныхъ на нашемъ Тенгоборскомъ — какъ вамъ понравится это сравненіе? Вы бранили насъ за то, будто бы мы дали слишкомъ мало выгодъ системѣ фермъ передъ общиннымъ владѣніемъ относительно цѣнности получаемыхъ продуктовъ, — мы дали 66 процентовъ, а на самомъ дѣлѣ эти выгоды оказываются гораздо меньше даже для Франціи, вдвое меньше для Австріи, въ шесть съ половиною разъ меньше для Пруссіи. И если вы хотите вѣрный отвѣтъ, то цифра, оказывающаяся по разчету для Пруссіи, и должна быть принята настоящею цифрою, — въ Австріи и Франціи разница происходитъ главнымъ образомъ отъ болѣе теплаго и благопріятнаго климата и т. д., а не отъ превосходства системы частной собственности. Изъ трехъ западныхъ государствъ только Пруссія не слишкомъ многимъ теплѣе Россіи. съ нею и надобно сравнивать Россію, чтобы оцѣнить, насколько частная собственность благопріятна для увеличенія цѣнности продуктовъ, — въ другихъ двухъ державахъ климатъ слишкомъ многимъ лучше нашего. А какъ въ Пруссіи, между прочимъ, климатъ немногимъ лучше, то вы видите, что и масса продуктовъ только немногимъ больше. Да и въ этой незначительной разницѣ, въ этихъ ничтожныхъ 10%₀, все-таки большая часть дана Пруссіи превосходствомъ климата, а не превосходствомъ частной собственности надъ общиннымъ владѣніемъ; не вздумайте возражать, что дескать въ Пруссіи

клинать хуже, — пожалуйста не дѣлайте этого, метеорологическія таблицы говорятъ объ этомъ очень ясно.

Вы вздумали быть недовольны примѣрнымъ нашимъ разчетомъ за то, что мы будто бы оцѣнили слишкомъ высоко массу продуктовъ, при общинномъ владѣніи, — вы видите, что мы напротивъ оцѣнили ее слишкомъ низко: для Франціи она слишкомъ въ полтора раза больше нашей оцѣнки, для Австріи и Пруссіи на 25% и на 20% выше нашей оцѣнки, — вѣдь это есть у Тенгоборскаго, какъ не знали этого вы, переводчикъ Тенгоборскаго? Да знаете ли, почему мы положили въ примѣрномъ нашемъ разчетѣ именно 12 руб. съ десятины общиннаго владѣнія? Именно потому, что эта цифра очень близка къ цифрѣ дохода съ десятины въ Россіи — справьтесь съ Тенгоборскимъ, вы тамъ найдете это — если хотите, мы вамъ и укажемъ. На страницѣ 205 перваго тома парижскаго изданія 1854 года вы увидите, что среднюю цѣну хлѣба въ Россіи Тенгоборскій принимаетъ въ 3 р. 50 к., а на стр. 201 вы увидите, что средній урожай съ десятины онъ считаетъ въ 3,47 четверти, — перемножьте эти цифры, — и вы увидите, что... или, нѣтъ: мы сами перемножимъ ихъ, а то мы боимся, что вы или не захотите или не съумѣете перемножить, да потомъ и закричите, что у насъ фантастическій разчетъ. Итакъ, производимъ для васъ умноженіе (см. Ариеметика Буссе, умноженіе десятичныхъ дробей).

$$\begin{array}{r}
 3,47 \\
 \times 3,50 \\
 \hline
 17350 \\
 10410 \\
 \hline
 12,1450
 \end{array}$$

Ну, вотъ видите ли? — и выходитъ по Тенгоборскому средній доходъ съ десятины въ Россіи (считая только зерно, не считая солому) = 12 руб. 14¹/₂ коп. сер. — довольны ли вы теперь? Видите ли, вы кричали на насъ, будто такого дохода никогда почти и не бываетъ, а штука въ томъ, что это средній доходъ нашихъ русскихъ земель, — да и на томъ мы вамъ еще сдѣлали уступку въ 14¹/₂ коп. сер. А если-бы считать цѣну соломы, те пришлось бы накинуть еще по крайней мѣрѣ 1 руб. 50 коп., и вышелъ бы доходъ съ десятины 13 руб. 64¹/₄ коп. — но солому подарили мы вамъ уже безъ всякихъ счетовъ.

Однако, заслуживъ вашу признательность за подарокъ соломы и за уступку 14¹/₂ коп. на хлѣбѣ, возвратимся къ выводамъ изъ нашихъ счетовъ.

Въ примѣрномъ разчетѣ мы полагали, что фермы выгодны для одной десятой части населенія, — по положительному разчету оказываются онѣ выгодны менѣе нежели для одной двадцатой (въ Пруссіи и Австріи) и для одной двадцать пятой (во Франціи) части земледѣльческаго населенія.

Въ примѣрномъ разчетѣ мы полагали, что нея остальная масса, отъ перехода изъ общиннаго владѣнія къ системѣ фермъ, потеряла бы только на 84 процента, то есть менѣе, нежели на половину; на самомъ дѣлѣ оказывается, что потеря была бы слишкомъ въ три и слишкомъ въ четыре раза болѣе. Во Франціи масса населенія теряла бы болѣе нежели три пя-

тыхъ части, въ Австріи болѣе нежели двѣ трети, въ Пруссіи (которая ближе всѣхъ государствъ къ намъ по условіямъ природы для земледѣлія) почти три четверти доходовъ, которые доставляло бы ей общинное владѣніе.

И это страшное разореніе для десятковъ мильоновъ людей вамъ кажется достожелательно ради той надежды, что цѣнность продуктовъ увеличится на одну десятую долю.

Нѣтъ, милостивый государь, предметъ слишкомъ важенъ для того, чтобы трактовать о немъ такъ поверхностно, какъ изволите трактовать вы. Подумайте: изъ-за одного лишняго гарнца съ десятины для заграничнаго вывоза вы готовы были вводить къ намъ систему фермъ, которая отниметъ почти три четверти дохода у нашихъ земледѣльцевъ! Подумайте объ этомъ хорошенько.

Правда, что вамъ думать объ этомъ? Вы уже обдумали все, вы уже все рѣшили, вы уже опровергли насъ, — вы уже въ самомъ началѣ нашего спора хохотали надъ тѣмъ, что мы осмѣливаемся вступать съ вами въ споръ.

Боже мой, съ какимъ запасомъ свѣдѣній судили и рядили вы, г. И. В—сшій, о томъ, что надобно передѣлать, необходимо надобно передѣлать систему, съ судьбою которой связана судьба мильоновъ людей, — разрушали и передѣлывали, не потрудившись даже справиться въ переведенной вами книгѣ, сколько хлѣба родится на десятинѣ у русскаго мужика!

Но нѣтъ, напрасно мы исходуемъ, на васъ нельзя сердиться: вѣдь не по злему умыслу вы это дѣлали, а по недостатку свѣдѣній.

Постарайтесь расширить кругъ вашихъ свѣдѣній, если вы хотите говорить объ общинномъ владѣніи и частной собственности. Прочтите хоть въ словарь Коклена и Гильйомена статьи, относящіяся къ земледѣльческому быту.

Кстати, о знаніяхъ. Напрасно вы хвалитесь тѣмъ, что не знаете учешій той экономической школы, противъ которой направленъ словарь Коклена и Гильйомена, противъ которой писалъ вашъ сотрудникъ Мишель Шевалье. Мы прежде не вѣрили вашей похвалѣ, что вы въ самомъ дѣлѣ незнакомы съ нею. Теперь мы вѣримъ этому. А не мѣшало бы прочесть сочиненія тѣхъ людей, о которыхъ вы имѣете самыя иоверхпостныя понятія, заимствованныя изъ каррикатуриста Луи Ребо. Прочтите хоть книгу Штейна. Знаніе есть сила. Незнаніемъ никогда не слѣдуетъ хвалиться: незнаше есть безнліе. Довольно доказательствъ тому нашли мы въ вашей статьѣ. Найдемъ и еще, и гораздо больше.

Вотъ, отъ незнанія фактовъ вы насъ вызвали къ тому, чтобы вмѣсто примѣрнаго разчета представить точные, основанные на дѣйствительныхъ цифрахъ. Еслибъ вы знали эти цифры, вы не стали бы накликать на себя такого пораженія, — вы рады были бы, что мы по излишней снисходительности къ вамъ говорили только: „хотя частная собственность почти вдвое увеличиваетъ массу продуктовъ, но благосостояніе большинства земледѣльцевъ при системѣ общиннаго владѣнія почти вдвое выше“, — мы должны были бы сказать: частная собственность увеличиваетъ массу продуктовъ инкакъ не болѣе нежели на десять процентовъ, а общинное владѣніе возвышаетъ благосостояніе земледѣльцевъ въ три раза.

Что сказать о другихъ вашихъ возраженіяхъ противъ нашего примѣр-

наго расчета? Они приводят насъ въ еще большее изумленіе. Положимъ, вы могли не знать самыхъ основныхъ фактовъ, относящихся къ земледѣльческому быту,—вы не тѣми отдѣлами политической экономіи занимались; вы дѣйствительно хорошо знаете вопросы о монетной системѣ, о кредитѣ и торговлѣ; но вопросами о собственности и распредѣленіи богатствъ слишкомъ поверхностно занималась вся та никола, къ которой вы принадлежите, и очень натурально, что, заговоривъ о нихъ, вы надѣлали ошибокъ. Это понятно. Вы не знаете и не хотите узнать даже такихъ элементарныхъ фактовъ, какъ цифра сбора хлѣба съ десятины въ Россіи; вы не знаете, чѣмъ пролетарій отличается отъ простаго бѣдняка; такого фономональнаго неспанія, признаемся, мы не ожидали встрѣтить въ васъ, но все-таки теперь, когда вы противъ нашего ожиданія обнаружили его, этотъ неожиданный фактъ не кажется неправдоподобнымъ, мы понимаемъ его возможность. Но скажите, какимъ образомъ возможно экономисту и статистику забывать о значеніи самыхъ первоначальныхъ, самыхъ общихъ приѣмовъ статистики, тѣхъ приѣмовъ, съ употребленіемъ которыхъ онъ ежеминутно встрѣчается, какою бы отраслью своей науки ни занимался? Какъ возможно ему забывать, что такое средняя величина, что такое круглое число? А вы, возражая противъ нашего примѣрнаго расчета, кромѣ возраженій, основанныхъ на незнакомствѣ съ фактами, приводите еще такія возраженія, которыя очевидно основаны единственно только на пренебреженіи къ значенію среднихъ величинъ, среднихъ чиселъ. Чтобы на примѣръ, входящемъ въ кругъ вашихъ обыкновенныхъ занитій и стало быть понятномъ для васъ, могли вы видѣть, какого рода возраженія дѣлаете вы противъ нашего расчета, мы приведемъ точно такія же возраженія противъ какого нибудь расчета, относящагося къ торговому движенію,—ну, хотя бы противъ оцѣнки капиталовъ и доходовъ русскаго купечества, дѣлаемой вашимъ Тенгоборскимъ. — на дняхъ мы очень кстати получили отъ одного изъ вашихъ сотрудниковъ, г. В. И—скаго, очень замѣчательный разборъ слѣдующаго мѣста изъ книги Тенгоборскаго:

„По приблизительному нечисленію (говоритъ Тенгоборскій) торговый капиталъ купца 1-я гильдіи надобно положить не менѣе какъ въ 100,000 рублей, купца 2-я гильдіи — въ 40,000 рублей, 3-я гильдіи — въ 6,000 рублей; капиталъ по торговому билету четвертаго рода для крестьянина — въ 1,000 рублей.

„Это приблизительное вычеленіе, примѣненное въ торговомъ свидѣтельствѣ, изданнымъ въ 1857 году, даетъ слѣдующій результатъ:

1,000	свидѣтельствъ	1-я	гильдіи,	по	100,000	р.	100.000.000
2,461	„	2-я	„	„	40,000	„	98.440.000
45,522	„	3-я	„	„	6,000	„	273.132,000
4,171	свидѣтельство	четвертаго	рода	по	1,000	„	4.171.000
							475.743,000

„Положивъ, что этотъ капиталъ приноситъ десять процентовъ, или 47.574,000 р., мы получимъ, при числѣ 53,254 торговцевъ, доходъ въ 912 рублей на каждаго торговца“. (Тенг. Томъ III пар. изд. 1853 г. стр. 301 и 302).

Скажите, г. И. В—сній, какія мысли возбуждятся въ васъ слѣдующими возраженіями противъ этого расчета, полученными нами отъ одного изъ вашихъ сотрудниковъ:

„У нашего автора свои метода воззрѣнія, какъ и разбора. Мы желали бы указать на его уязвленія, не находящіяся въ печатныхъ логикахъ общечеловѣческаго (а не мальтусіанскаго) ума; но къ несчастію, мы едва имѣемъ время пробѣжать расчетъ торговыхъ капиталовъ и доходовъ вашего купечества. Г. Тенгоборскій рассчитываетъ эти капиталы и доходы, но рассчитываетъ ихъ произвольно; ибо 1) при одинаковыхъ гильдейскихъ свидѣтельствахъ не всѣ одинаково пользуются своими капиталами, не всѣ одинаково ихъ пускаютъ въ оборотъ, и не всѣ купцы одной гильдіи имѣютъ одинаковое количество капиталовъ, въ особенности при разнообразіи торговыхъ дарований, промышленныхъ силъ и другихъ торговыхъ отношеній; 2) при гильдейскомъ свидѣтельствѣ возможно быть въ самостоятельномъ торговцѣмъ, а просто агентомъ или приказчикомъ другаго купца,—и между людьми, имѣющими купеческія свидѣтельства, густеваютъ приказчики и люди бѣдные, иногда и совершенно обившавшіе (это фактъ); 3) и между купцами возможно фермерство своего рода, являющееся въ содержаніи лавокъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній подъ чужою фирмою. 4) Торговый классъ имѣетъ своего господина, именно этотъ господинъ есть городское общество, къ которому приписанъ купецъ,—городъ всегда имѣетъ свои доходы и издержки, которыя должны быть вычтены изъ суммы счета“.

Скажите, канія мысли возбудились бы въ васъ, г. И. В—скій, при чтеніи такихъ возраженій? Неправда ли, вы сказали бы, что человѣкъ, дѣлающій ихъ, не имѣетъ понятія о значеніи среднихъ цифръ и круглыхъ чиселъ? И какъ вы думаете, опровергался ли бы этими возраженіями хотя на волосъ расчетъ Тенгоборскаго?—Нѣтъ, ими обнаруживалось бы только, что возражающій хочетъ дѣлать возраженія, но не имѣетъ взяться за это дѣло и вмѣсто ошибокъ противника обнаруживаетъ только, что самъ не хочетъ имѣть понятія о самыхъ основныхъ приемахъ и законахъ всякаго статистическаго расчета.

Скажите же теперь, канія мысли въ каждомъ читателѣ, имѣющемъ понятіе о среднихъ цифрахъ и другихъ элементарныхъ правилахъ и приемахъ статистическаго расчета, должны пробуждаться слѣдующими вамими возраженіями противъ нанего примѣрнаго расчета:

„У вашего критика своя метода воззрѣнія, какъ и разбора. Мы бы желали указать на его уязвленія, не находящіяся въ печатныхъ логикахъ частскаго (а не общиннаго) ума; но къ несчастію, мы едва имѣемъ время пробѣжать параллель хозяйства фермерскаго и хозяйства общиннаго. „Современникъ“ противопоставляетъ эти хозяйства одно другому, но противопоставляетъ ихъ произвольно; ибо 1) при общинной земельной собственности не всѣ пользуются одинаково своими землями, не всѣ ихъ одинаково воздѣлываютъ и не всѣмъ дается одинаковое количество земли, въ особенности при разнообразномъ составѣ семействъ, рабочихъ силъ и другихъ хозяйственныхъ отношеній; 2) и въ общинномъ хозяйствѣ возможно и батрачество и нищенство; 3) и въ общинномъ хозяйствѣ возможно фермерство своего рода, являющееся въ короткіе общинныхъ угодій; 4) и въ общинномъ хозяйствѣ есть землевладѣлецъ, именно — община, мѣръ, имѣющій свой доходъ и свои издержки, которыя должны быть вычтены изъ второго счета“ (т. е. счета доходовъ общиннаго участка).

Затѣмъ слѣдуетъ претензія на то, что цѣнность продуктовъ общинной земли оцѣнена была у насъ слишкомъ высоко.—эту претензію мы уже разсмотрѣли, а теперь посмотримъ на предшествующія ей возраженія, сейчасъ нами выписанныя.

Мы въ статьѣ о Гакстгаузенѣ сказали, что не считаемъ Тенгоборскаго великимъ авторитетомъ — и были такъ счастливы, что вы, г. И. В—скій, приняли нане мнѣніе; но какъ бы то ни было, мы все-таки должны защи-

тить его отъ странныхъ замѣчаній вашего сотрудника, г. В. И скаго, тѣмъ болѣе, что поводъ къ этимъ замѣчаніямъ подалъ нашъ споръ съ вами: г. В. И—сній очевидно примѣнилъ ваши возраженія противъ насъ къ Тенгоборскому. Мы обязаны защитить Тенгоборскаго: безъ насъ, то есть безъ вашей статьи противъ насъ, очевидно не было бы и возраженій г. В. И—скаго. Но какъ они скопированы съ вашихъ возраженій, то мы должны коснуться и этихъ послѣднихъ. По странному капризу случая, дѣло, какъ видите, расположилось такъ, что на насъ, имѣющихъ чрезвычайно мало склонности восхищаться Тенгоборскимъ, легла нравственная обязанность защищать Тенгоборскаго,—отъ кого же? отъ сотрудниковъ и подражателей г. И. В—скаго, великаго почитателя Тенгоборскаго; мало того, этотъ капризъ случая перепуталъ съ дѣломъ Тенгоборскаго наше общественное дѣло такъ, что мы не иначе можемъ защищать Тенгоборскаго, какъ разсмотрѣвъ таія возраженія г. И. В—скаго противъ нашей статьи, которыхъ мы вовсе не хотѣли разсматривать, потому что желали бы пощадить сколько нибудь нашего бывшаго противника, ныне уже говорящаго намъ комплименты. Да, странно играть судьба дѣлами человѣческими! Могли ли мы ожидать, что сдѣлаемся защитниками Тенгоборскаго и эту защиту будемъ огорчать уважающаго насъ и уважаемаго нами г. И. В—скаго?

Но дѣлать нечего. Надобно защищать Тенгоборскаго, при всемъ нежеланіи нашемъ огорчать г. И. В—скаго.

„Купцы неодинаково располагаютъ своими капиталами“—ну, да; и общинники неодинаково воздѣлываютъ свои участки, и частные собственники тоже,—но развѣ это мѣшаетъ выводу средней цифры? Одинъ купецъ получаетъ на свой капиталъ 11 процентовъ, другой 9 процентовъ; а въ среднемъ выводѣ, все-таки, оказывается 10 процентовъ. Тенгоборскій правъ. Ни при одномъ выводѣ средней цифры не предполагается, что частныя цифры, изъ которыхъ она выводится, одинаковы; напротивъ, именно потому она и выводится, что онѣ неодинаковы; иначе, не зачѣмъ было бы и называть ее среднюю цифрою, показывающею ту величину, около которой колеблется частныя случаи.

„Не всѣ купцы одной гильдіи имѣютъ одинаковый капиталъ“ — конечно,—что-жъ изъ того? и въ селѣ съ общиннымъ устройствомъ также не всѣ семьи получаютъ совершенно равныя участки. Тутъ опять выводится средняя цифра. Одинъ купецъ второй гильдіи торгуетъ на 50,000, другой на 30,000, а средняя цифра, все-таки, 40,000, Тенгоборскій опять правъ.

„У купцовъ различны дарованія“, и т. д. — вы видите, что опять прежняя исторія, опять правъ Тенгоборскій.

„И между купцами второй гильдіи существуютъ люди бѣдные“—что-жъ такое? и между общинниками встрѣчаются люди, которые бываютъ бѣднѣе иного батрака; точно такъ, иной купецъ второй гильдіи бываетъ бѣднѣе иного мѣщанина, а все-таки, купцы второй гильдіи, какъ сословіе, гораздо богаче мѣщанъ, какъ сословія. Противникъ Тенгоборскаго опять возстаетъ противъ средней цифры, а безъ средней цифры невозможна никакая статистическая—не говоримъ уже книга или статья—невозможна даже ни одна фраза. Напримѣръ: „англійскіе работники сильнѣе французскихъ“—конечно,

не всё до одного, иной французъ сильнѣе иного англичанина. Да и не только статистическая, но и никакая мысль невозможна, если мы будемъ обращать вниманіе не на массу, не на среднюю, нормальную величину, а на исключенія. „Человѣкъ имѣеть на головѣ волоса“ — а развѣ мало на землѣ лысыхъ людей? „Растенія растутъ вершиною къ небу, а корнемъ внизъ“ — а развѣ не случается иногда своду пещеры покрываться мхомъ? въ этомъ случаѣ корень растенія — вверхъ къ небу, а вершина его — къ землѣ, книзу. Да, все-таки, Тенгоборскій правъ.

„Многіе купцы не имѣють самостоятельныхъ капиталовъ, а служатъ приказчиками у другихъ — что-жъ изъ того? и между общинниками иные служатъ наемщиками у другихъ домохозяевъ, не имѣя своего хозяйства. — а все-таки, приказчикъ купецъ остается купцомъ, и пока имѣеть гильдейское свидѣтельство, можетъ начать свою самостоятельную торговлю, лишь только найдетъ возможность къ тому, — это все равно, что членъ общины. хотя и ноступилъ въ батраки, все же сохраняетъ свой участокъ, отдаетъ его въ наемъ, значить, кромѣ жалованья, имѣеть нѣкоторый независимый доходъ, значить и менѣе порабощенъ хозяину, да и пользуется бѣльшимъ благосостояніемъ, нежели работникъ, неимѣющій своего участка; притомъ же, онъ легче, какъ только позволяютъ ему обстоятельства, можетъ самъ сдѣлаться хозяиномъ — у него есть уже участокъ для хозяйства; а батракъ, неимѣющій своего участка, долженъ еще купить или нанять участокъ — очевидно, для послѣдняго труднѣе перейти отъ батрачества къ самостоятельности.

„Въ купечествѣ возможно свое фермерство“ — ну да, точно также, какъ между членами общины, но это исключенія изъ правила. Вообще говоря, все-таки, каждый купецъ торгуетъ подъ своею фирмою, точно также, какъ общинникъ воздѣлываетъ свой участокъ. А если общинникъ достигъ такого благосостоянія, что можетъ снимать на короткому государственныя земли, или купецъ до того, что, кромѣ своихъ торговыхъ дѣлъ, можетъ основывать фабрики и заводы. тѣмъ лучше; дай Богъ всякому, чтобы онъ богатѣлъ и расширялъ кругъ своихъ оборотовъ. Но богатѣть — все-таки участь немногихъ счастливыхъ. Благосостояніе массы возвышается медленно, и, вообще говоря, купецъ занимается торговлею подъ своею фирмою, а общинникъ — воздѣлываніемъ своего участка.

„Торговый классъ имѣеть своего господина; это городское общество, имѣющее свои доходы“ — ну, это не совсѣмъ такъ; вѣдь и общинники платятъ также часть дохода для покрытія мірскихъ издержекъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они имѣли своего землевладѣльца; разница тутъ. видите ли, въ чемъ: мірскія издержки покрываются двумя или тремя процентами дохода, а англійскій лордъ беретъ себѣ 40 проц.; кромѣ того, отъ самыхъ общинниковъ зависитъ сократить мірскія издержки, а уменьшеніе арендной платы не зависитъ отъ воли фермера и его работниковъ: милордъ беретъ за свою землю какъ можно больше, и никакая сила изъ міра не заставитъ его уступить, хотя копѣйку. Наконецъ, и частный собственникъ, милордъ, несетъ мірскія издержки — общинникъ платитъ на содержаніе волостнаго, и т. д. управленія, а милордъ платитъ на расходы по управленію своего графства: стало быть, если пзъ счета общинныхъ доходовъ

вычесть ирскія издержки, то изъ доходовъ фермерскаго участка надобно тоже ихъ скинуть; но такъ какъ процентъ здѣсь и тамъ надобно принять одинаковый, то и въ пропорціи между этими доходами разницы не произойдетъ, напримѣръ, 100,000 за вычетомъ 5 процентовъ = 95,000; 60,000 за вычетомъ 5 процентовъ = 57,000; сравнивайте первое и третье, или второе и четвертое числа, выводъ будетъ одинъ и тотъ же. Потому-то и не производили мы этого вычета, онъ только растянулъ бы счетъ, не имѣя никакого вліянія на выводъ. Точно такъ и изъ купеческаго дохода Тенгоборскій не вычиталъ городскихъ расходовъ—не одни купцы, а всѣ сословія платятъ налоги и акцизы, стало быть, дѣлать эти вычеты—совершенно лишнее дѣло, когда говорится о сравнительномъ благосостояніи сословіи. Тенгоборскій опять такъ правъ.

Какъ ни прискорбно намъ сказать что нибудь непріятное г. В. И—скому, который почтилъ насъ своею довѣренностью, приславъ намъ свои замѣчанія на разчетъ купеческихъ капиталовъ у Тенгоборскаго, но мы должны сказать ему, что эти замѣчанія обнаруживаютъ крайнее пренебреженіе ихъ составителя къ самымъ простымъ и основнымъ статистическимъ понятіямъ и приемамъ, пренебреженіе, которое можно объяснить только незнаніемъ. Мы совѣтуемъ г. В. И—скому, приславшему намъ замѣчанія на Тенгоборскаго, поучиться у г. И. В—скаго, который, конечно, шутилъ, когда писалъ приведенныя выше замѣчанія противъ насъ,—замѣчанія, отвергающія употребленіе среднихъ чиселъ; г. В. И—скій ошибся, яринявъ эту шутку г. И. В—скаго за серьезное разеужденіе. Но какъ шутка, замѣчанія г. И. В—скаго очень милы, и мы просимъ его почаще дѣлать танія шутки въ спорахъ съ нами: тогда съ репутаціею ученаго соединить онъ и славу остроумца; притомъ же, вызывать его на споры будетъ очень пріятно: вмѣсто того, чтобы спорить, надобно будетъ смѣяться.

Влагодаримъ его за веселыя минуты, которыя онъ доставилъ намъ своими прекрасными шутками.

Выписывая прекрасную шутку г. И. В—скаго, мы въ началѣ выпустили изъ нея двѣ строки, не менѣе шутивыя. Вотъ онѣ: „У критика своя мѣтода воззрѣнія, какъ и разбора. Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ указалъ уже на его періоды, не искомые въ историческихъ руководствахъ; мы бы желали указать п на умозаключенія“ и т. д.—Въ „Письмѣ къ редактору“ (въ № 21 „Эконом. Указ.“) г. К. А. дѣйствительно уже возставалъ противъ „изобрѣтеннаго Современникомъ“ дѣленія народной жизни па три періода: періодъ, гдѣ общинное пользованіе землею удобнѣе, періодъ, гдѣ оно имѣетъ свои неудобства, періодъ, гдѣ оно вновь становится необходимою. Возраженіе противъ этого дѣленія, какъ видимъ, состоитъ въ томъ, что г. К. А. и г. И. В—скій не нанли такого дѣленія въ курсахъ политической экономіи имъ извѣстныхъ, и потому находятъ его непонятнымъ, неосновательнымъ и неопредѣленнымъ. Объ этихъ періодахъ мы будемъ говорить ниже, и тогда увидимъ, что два первые есть въ каждомъ курсѣ политической экономіи, въ *каждомъ курсѣ безъ исключенія*; а третій періодъ указывается *рѣшительно каждымъ трактатомъ* объ агрономіи, и каждымъ пзъ тѣхъ новыхъ политико-экономическихъ

сочиненій, которыхъ такъ не любить г. И. В—скій; это мы увидимъ поелѣ: а теперь объяснимъ г. И. В—скому, по какому случаю не нашелъ онъ въ „печатныхъ руководствахъ“ этихъ періодовъ. Онъ, какъ видно, искалъ по оглавленіямъ, да на первыхъ страницахъ, гдѣ показывается общее раздѣленіе науки, думая, что вся наука можетъ дѣлиться на періоды по различнымъ историческимъ положеніямъ одного частнаго вопроса. Нѣтъ, такъ не бываетъ: кѣмъ ни важенъ вопросъ о поземельной собственности, онъ все-таки частный вопросъ и не можетъ служить основаніемъ для дѣленія всей науки; это мы пояснимъ г. И. В—скому примѣрами. Хлопчатобумажное производство имѣетъ два періода: до изобрѣтенія бумаго-рядильныхъ машинъ, и со времени ихъ изобрѣтенія. Раздѣломъ между этими періодами служатъ 1770-тые годы. Исторія благородныхъ металловъ имѣетъ три періода: 1) до открытія Америки; 2) до открытія калифорніекихъ и австралийскихъ россыпей; 3) періодъ, начинающійся въ наше время открытіемъ этихъ россыпей. Нѣтъ ни одного „печатнаго руководства“, въ которомъ не были бы означены эти періоды; но какъ найти страницу руководства, на которой находится это дѣленіе? Человѣкъ незнающій вообразить, пожалуй, что это должно быть въ предисловіи, гдѣ показывается общее дѣленіе науки — а тамъ этого нѣтъ. Забавно здѣсь то, что неудача поисковъ произошла единственно отъ неумѣнья искать въ надлежащемъ мѣстѣ. Умѣйте найти тѣ страницы, на которыхъ говорится о частномъ вопросѣ, для васъ нужномъ, и тамъ вы найдете дѣленіе его исторіи на періоды. Бѣда имѣетъ дѣло съ людьми, которые не знаютъ даже, какъ найти въ книгѣ ту главу, на которую ссылаешься, говоря съ ними. Мы покорнѣе просимъ г. И. В—скаго указать намъ хотя одинъ какой-либо трактатъ о политической экономіи, въ которомъ въ главѣ, говорящей о поземельной собственности, не были бы изложены слѣдующія мысли: „Прежде, нежели сдѣлался земледѣльческимъ и осѣдлымъ, каждый народъ былъ кочевымъ племенемъ охотниковъ и пастуховъ. Тогда была невозможна, и была бы разорительна для этого племени, частная поземельная собственность, потому что она отняла бы возможность къ прокормленію стадъ. Потомъ, когда народъ занялся хлѣбопашествомъ, и когда черезъ нѣсколько времени истощенныя предъидущими посѣвами земли стали нуждаться въ удобреніи, частная поземельная собственность стала представлять выгоды передъ общиннымъ владѣніемъ, потому что право навсегда сохранять пользованіе улучшеніями, произведенными на удобряемомъ участкѣ, конечно, ободряетъ земледѣльца къ произведенію улучшеній“.

Мы просимъ г. И. В—скаго указать намъ какой ему угодно трактатъ о политической экономіи, и мы непременно найдемъ тамъ для его удовольствія эти мысли; такимъ образомъ онъ убѣдится, что если бы онъ умѣлъ искать, то рѣшительно въ каждомъ трактатѣ нашелъ бы два первые изъ тѣхъ трехъ періодовъ, которыхъ „не могъ отыскать ни въ одномъ печатномъ руководствѣ“ единственно по той же причинѣ, по которой иной человѣкъ не можетъ на картѣ Россіи отыскать рѣку Волгу.

Первые два періода въ параллельной исторіи общиннаго владѣнія по земельной собственности признавались, какъ мы сказали, рѣшительно всѣми безъ исключенія политико-экономическими писателями съ 1776 года, когда

вышло знаменитое сочинение Адама Смита „О богатствѣ народовъ“, до 25 мая (ст. стилия) 1857 года, когда въ № 21 „Экономическаго Указателя“ г. К. А. объявилъ, что не принимаетъ этихъ періодовъ. До 1 іюня того же год., онъ оставался единственнымъ человѣкомъ на земномъ шарѣ, отвергающимъ эти періоды, а 1 іюня, въ № 22 „Экономическаго Указателя“, присоединился къ мнѣнію, столь счастливо изобрѣтенному г-мъ К. А., г-нъ И. В—сній. Другихъ прозелитовъ новое учение еще не приобрѣло; но тѣмъ похвальнѣе, тѣмъ благороднѣе и умилительнѣе высокое мужество, съ которымъ гг. К. А. в И. В—сній противятся общему заблужденію всѣхъ своихъ товарищей по наукѣ, въ томъ числѣ даже столь знаменитыхъ по ихъ мнѣнію ученыхъ, какъ Луи Ребо и Жозефъ Гарнье съ братією.

Относительно существованія двухъ первыхъ періодовъ, всѣ писатели до 25 мая 1857 года были согласны. Не то относительно третьяго періода. Тутъ есть цѣлая никола, именно та никола, къ которой принадлежали бы г. К. А. и г. И. В—сній, если бы умѣли въ политико-экономическихъ трактатахъ прискивать страницы объ исторіи земледѣлія, — есть цѣлая обширная никола, думающая, что не настали еще ни въ одной изъ европейскихъ странъ и никогда не могутъ настать такія обстоятельства, при которыхъ общинное владѣніе стало бы для успѣховъ земледѣлія выгоднѣе, нежели частная собственность. Другіе политико-экономы, по нашему мнѣнію, гораздо богѣе ученые, гораздо болѣе даровитые и несравненно болѣе добросовѣстные, думаютъ напротивъ, что такія обстоятельства настали для западныхъ государствъ, и начался третій періодъ, въ которомъ не только для благосостоянія большинства земледѣльцевъ, но и для успѣховъ самого земледѣлія, общинное владѣніе было бы выгоднѣе частной поземельной собственности. Каждый можетъ изъ этихъ двухъ мнѣній держаться того, которое считаетъ справедливымъ; и если бы г. И. В—сній отвергать, подобно многимъ французскимъ экономистамъ, только третій періодъ, мы видѣли бы только, что онъ не согласенъ съ нами, но не принуждены были бы думать, что это несогласіе происходитъ отъ совершеннаго незнакомства съ предметомъ, какъ принуждены думать теперь, когда онъ отвергаетъ и два первые періода, между тѣмъ какъ для него было бы выгоднѣе отвергать только третій, защищая второй, который признается благопріятнымъ для частной собственности, — это показываетъ, что въ своихъ возраженіяхъ намъ онъ руководится даже пониманіемъ собственныхъ выгодъ. При томъ же, еслибъ онъ хотя сколько нибудь зналъ положеніе дѣла, онъ не рѣшился бы отвергать историческихъ фактовъ, столь же несомнѣнныхъ, какъ существованіе кочевыхъ татаръ при Чингисъ-ханѣ и существованіе въ настоящее время осѣдлыхъ казанскихъ татаръ, ихъ потомковъ. Чему уподобить то положеніе, которое онъ принимаетъ въ спорѣ съ нами? Переносимся въ область фантазій и придумываемъ слѣдующій анекдотъ:

Г-нъ А. выразилъ мнѣніе, что древніе греки были народъ земледѣльческій, въ доказательство сослался на спартанцевъ и аеипянь, и попросилъ г-на Б. сказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ; г-нъ Б. съ благороднымъ ногодованіемъ возразилъ, что ни спартанцевъ, ни афинянь и никакихъ древнихъ грековъ никогда не бывало на свѣтѣ и что все это нелѣпныя вы-

думки г.-на А. Что теперь подумать о г-нѣ Б.? Можно ли сказать о немъ хотя то, что онъ въ своемъ отвѣтѣ руководился желаніемъ опровергнуть г-на А. и ради этого желанія вздумалъ отвергать несомнѣнные факты? Нѣтъ. очевидно, что положеніе дѣла совершенно не таково: если бы г-нѣ Б. желалъ только опровергнуть г-на А., ему было бы не для чего отвергать существованіе аеинянъ; напротивъ, аеинянами могъ бы онъ воспользоваться для возраженій своему противнику: аеиняне были народъ, по преимуществу, торговый, а не земледѣльческій. Для г-на Б. было бы достаточно отвергать спартанцевъ; собственная выгода Б. требовала отъ него не отвергать существованія аеинянъ. Очевидно, въ своемъ отрицаніи онъ руководился не какимъ нибудь яслочнымъ желаніемъ говорить наперекоръ противнику. очевидно, его отвѣтъ внушенъ ему искреннимъ убѣжденіемъ, что въ самомъ дѣлѣ ни спартанцевъ, ни аеинянъ и никакихъ древнихъ грековъ на свѣтѣ не существовало. Мы можемъ сомнѣваться въ справедливости этого отвѣта, но должны „преклониться“ (по выраженію г. И. В—скаго) передъ искренностью чувства, внуившаго г. Б. его замѣчательный отвѣтъ.

Ключъ къ пониманію возможности такого отвѣта только одинъ: г-ну Б. до встрѣчи его съ г-мъ А., не случилось слышать о существованіи древнихъ грековъ; а между тѣмъ этотъ г-нѣ Б. привыкъ думать о себѣ такъ, какъ думаетъ, въ одной изъ комедій Фонъ-Физина, одна мать о своемъ сынѣ: „чего Митрофануника не знаетъ, то все пустяки“. — „Чего я, г-нѣ Б. не знаю, то все вздоръ и выдумки“.

Итакъ, мы можемъ оставить безъ всякой защиты два порвыс изъ ирпнимаемыхъ нами періодовъ: защиту ихъ можетъ найти г. И. В—сній въ параграфахъ о земледѣліи или земельной собственности въ яробомъ изъ тѣхъ „печатныхъ руководствъ“, въ которыхъ до сихъ поръ напрасно искалъ этой защиты: поиски его были неудачны единственно отъ незнанія, въ какихъ параграфахъ искать нужныхъ ему мѣстъ. Если же и послѣ сдѣланнаго нами указанія онъ не сумѣетъ найти этихъ мѣстъ, мы готовы помочь ему: пусть только назоветъ онъ трактатъ, въ которомъ желалъ бы видѣть подтвержденіе несомнѣннаго факта, что за періодомъ пастунства, когда частная поземельная собственность была не нужна и невозможна, насталъ періодъ земледѣльческаго быта и что, когда съ истощеніемъ почвы понадобилось удобрять ниву, частная поземельная собственность явилась учрежденіемъ, выгоднымъ для успѣховъ земледѣлія. Но нами овладѣваетъ новое сомнѣніе: ну что, если г. И. В—сній не только не зналъ, на какихъ страницахъ книги ему мекать, но и не зналъ, въ какихъ книгахъ ему искать? что, если онъ затруднится указать намъ какой бы то ни было трактатъ о политической экономіи, по незнакомству съ литературою этой науки? Мы готовы предупредить это затрудненіе. Обще трактаты о политической экономіи писали между прочимъ: Адамъ Смитъ, Жанъ Батистъ Сэ, Рикардо, и многіе другіе, о которыхъ смотри въ объявленіяхъ отъ книжнаго магазина Гильйомена. того самаго Гильйомена, у котораго принимается въ Парижѣ подписка на „Экономическій Указатель“. У каждаго изъ этихъ писателей мы можемъ, для удовольствія г. И. В—скаго, найти нужныя ему мѣста о двухъ первыхъ періодахъ исторіи общиннаго владѣнія и поземельной собственности.

Остается сказать о третьемъ періодѣ, который въ самомъ дѣлѣ отвергается довольно многими отсталыми писателями, хотя и изъ самыхъ отсталыхъ писателей нѣкоторые уже принимаютъ его, какъ видѣлъ г. И. В—скій изъ той выписки о совѣтѣ Росси французскимъ земледѣльцамъ, которую привели мы выше. Дѣйствительно, не смотря на многіе примѣры подобныхъ случаевъ что писатели школы Сэ принимали третій періодъ, защитниками его считаются преимущественно экономисты новой школы, и мы должны изложить нѣкоторыя изъ соображеній, по которымъ ихъ мнѣніе кажется намъ справедливо.

Для большей опредѣлительности, мы будемъ говорить о положеніи французскаго земледѣлія.

Въ 1835 году считалось во Франціи болѣе 11 милліоновъ участковъ земли въ частной собственности; изъ этихъ участковъ многіе принадлежать одному и тому же владѣльцу, но такъ какъ лежатъ они въ различныхъ мѣстахъ, то обработка cadaго должна производиться отдѣльно. Число собственниковъ, имѣющихъ землю, простиралось во Франціи до 4.100.000 челоуѣкъ, такъ что почти на cadaго собственника приходилось по три разбросанныхъ участка. Такимъ образомъ, если въ общинномъ владѣніи представляется та невыгода, что во многихъ мѣстахъ наши поселяне дробить землю на нѣсколько частей по качеству почвы и потомъ дѣлятъ каждую изъ этихъ частей особо, такъ что у cadaго домохозяина, вмѣсто одного большаго участка, бываетъ нѣсколько мелкихъ (что, конечно, невыгодно при извѣстныхъ условіяхъ для усгѣховъ земледѣлія), то примѣръ Франціи намъ указываетъ, что частная собственность страдаетъ тѣмъ же самымъ неудобствомъ. И не думайте г. И. В—скій, что неудобство это существуетъ во Франціи только въ той степени, какъ выходитъ изъ первой приведенной нами цифры: 11 милліоновъ участковъ во Франціи считается только по спискамъ сборщиковъ податей, а на самомъ дѣлѣ почти каждый записанный у нихъ участокъ (côte) состоитъ въ свою очередь изъ нѣсколькихъ клочковъ (parcelle). Такихъ клочковъ во Франціи считается болѣе 120 милліоновъ, такъ что круглымъ числомъ каждый изъ нихъ имѣетъ величину менѣе нежели въ 1000 квадратныхъ сажень, немногимъ болѣе, нежели одну третью часть нашей десятины. На cadaго собственника приходится по тридцати такихъ клочковъ. Вѣроятно, самъ г. И. В—скій не скажетъ, чтобы у насъ, при всемъ возможномъ дробленіи полей по качеству земли, приходилось поселянину получать по тридцати разбросанныхъ клочковъ земли.

Таковы-то оказываются на дѣлѣ и почти всѣ другія преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ. Очень легко придумать теорію, что, дескать, каждый частный собственникъ можетъ имѣть всю спую землю въ одномъ участкѣ, а взглянешъ на дѣйствительность, — оказывается, что при самомъ безтолковомъ дѣленіи общинная земля не можетъ раздробиться на столько клочковъ, на сколько дробится при частной собственности.

Но величина участковъ и клочковъ неравномѣрна; быть можетъ, всѣ эти десятки милліоновъ клочковъ слагаются изъ ничтожнѣйшихъ, архивныхъ частичекъ, занимающихъ немного мѣста, не смотря на свою многочислен-

вость, а масса поземельныхъ собственниковъ все-таки владѣтъ довольно округленными участками, довольно значительными для того, чтобы можно было воздѣлывать ихъ плугомъ? И того нѣтъ. Не будемъ уже говорить о клочкахъ (parcelle)—никакая статистика не въ силахъ была объять и классифицировать этой страшной цифры сто двадцать миллионъ; Французская статистика могла объять и распредѣлить по величинѣ только участки (côte). Посмотримъ на цифры, представляемыя этими распредѣленіями. Основую классификаціи избрана сумма поземельнаго налога, лежащаго на каждомъ участкѣ. Но такъ какъ извѣстна средняя величина налога, лежащаго на гектарѣ (немного менѣе десятины) земли, то и легко изъ величины налога вывести среднюю величину участковъ. Гектаръ земли уплачиваетъ во Франціи среднимъ числомъ 5 франковъ. Основываясь на этомъ, мы будемъ выводить среднюю величину участковъ.

Изъ одиннадцати слишкомъ миллионъ участковъ, только 100,000 участковъ платятъ налогъ въ 300 франковъ или болѣе, то-есть имѣютъ величину въ 60 гектаровъ (около 50 десятинъ), — считая по 11 участковъ на 4 собственника, мы получимъ, что только 36,000 домохозяевъ во Франціи могутъ пользоваться тѣми усовершенствованіями земледѣлія, которыя требуютъ значительнаго размѣра обрабатываемыхъ полей, — напимръ, усовершенствованными плугами и т. п.; само собою разумѣется, что если въ хозяйствѣ менѣе 50 десятинъ, то-есть менѣе 16 десятинъ посѣва (во Франціи пахотныя земли составляютъ нѣсколько менѣе половины всей поверхности земли, и господствуетъ трехпольная система хозяйства, потому изъ 24 десятинъ пахотной земли, 8 десятинъ лежатъ подъ паромъ) — если въ хозяйствѣ менѣе 17 десятинъ посѣва, то у хозяина нѣтъ ередствъ, не можетъ быть выгоды въ заведеніи усовершенствованныхъ орудій, которыя дѣйствуютъ выгодно только въ широкихъ размѣрахъ.

Изъ 11 миллионъ участковъ, $8\frac{1}{2}$ миллионъ платятъ менѣе 20 фр. налога, то-есть имѣютъ менѣе 4 гектаровъ (гораздо менѣе 4 десятинъ земли)—то-есть менѣе двухъ десятинъ запашки во всѣхъ трехъ поляхъ вмѣстѣ. Выгодно ли содержать даже лошадь или пару воловъ для земледѣльческихъ работъ при такомъ размѣрѣ хозяйства? Считая по 11 участковъ на 4 собственниковъ, мы находимъ, поэтому, что изъ 4.100,000 земледѣльцевъ Франціи, болѣе нежели три миллиона не имѣютъ выгоды содержать даже лошадь или пару для своего земледѣльческаго хозяйства. Эта выгода принадлежитъ только одному миллиону семей изъ шести миллионъ семействъ французскихъ землевладѣльцевъ.

Изъ этихъ $8\frac{1}{2}$ миллионъ участковъ, $5\frac{1}{4}$ миллионъ платятъ менѣе 5 франковъ налога, то-есть имѣютъ менѣе одного гектара — гораздо менѣе одной десятины. Возможно ли содержать крупный скотъ, возможно ли имѣть хотя соху при такомъ размѣрѣ хозяйства? Итакъ (по 11 уч. на 4 собств.) изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ Франціи, почти половина, болѣе 2.000,000, лишена возможности содержать крупный скотъ и обрабатывать землю, хотя бы сохою. Хорошо это для успѣховъ земледѣлія?

При этомъ расчетѣ мы предполагали еще, что каждый финансовый участокъ (côte) составляютъ въ самомъ дѣлѣ одинъ участокъ земли,---а на

самомъ дѣлѣ онъ разбить на клочки, среднимъ числомъ на 11 клочковъ (parcelles). Но, повторяемъ, въ будемъ заниматься этими клочками, съ которыми уже не можетъ совладѣть статистика. Принималъ даже цѣльность участковъ (côte), что мы получаемъ? Изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ только 36,000, или изъ 110 человекъ одинъ, могутъ выгодно заниматься земледѣліемъ, имѣя столько земли въ своемъ хозяйствѣ, сколько нужно для хорошаго плуга или доброй пары рабочихъ лошадей *).

За то болѣе нежели три четверти изъ общаго числа поземельныхъ собственниковъ не могутъ держать и одной лошади для земледѣльческихъ работъ, и половина собственниковъ не могутъ ни держать крупнаго скота, ни вообще заниматься хлѣбопашествомъ на своей землѣ.

Хороша ли картина?

Въ довершеніе ея пріятности остается сообразить, что даже при той страшной степени раздробленности, до какой дошло распаденіе поземельной собственности во Франціи, оно все еще не достигло той степени, чтобы дать каждому земледѣльческому семейству кусокъ земли. Напротивъ, изъ 26.000,000 человекъ земледѣльческаго населенія, только 16.000,000 имѣютъ или принадлежатъ къ семьямъ, имѣющимъ поземельную собственность. 10,000,000 человекъ земледѣльческаго населенія не имѣютъ никакого участія въ поземельной собственности. Если бы мы захотѣли узнать, до какой степени должна раздробиться земля, чтобы эти пролетаріи земледѣлія могли получить участіе въ землѣ своей родины, землѣ, воздѣлываемой трудами, орошенной пѣтомъ ихъ, мы нашли бы, что это возможно было бы только тогда, когда число участковъ достигло бы 30,000,000, а число клочковъ (parcelles) 330,000,000, — то есть, когда частная собственность во Франціи раздробилась бы на участки, средняя величина которыхъ была бы только $1\frac{1}{2}$ гектара (менѣе $1\frac{1}{2}$ десятины), и на клочки величиною менѣе, нежели въ одну седьмую часть гектара или около 300 квадратныхъ сажевъ. При такой степени раздробленія конечно оказалось бы еще менѣе участковъ, способныхъ вознаграждать своею разработкою содержаніе лошади.

Это исчисленіе не лишено интереса для людей, желающихъ, чтобы не возможности уменьшалось во всѣхъ странахъ число пролетаріевъ; а для г. И. В.—скаго, не думающаго, чтобы вообще положеніе собственника или домохозяина было выгоднѣе, нежели положеніе наемнаго работника, оно не представляетъ интереса.

Но при всемъ желаніи нашемъ пользоваться его прекрасными указаніями, мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ: оно опровергается всѣми французскими и германскими экономистами, да изъ англійскихъ всѣмъ тѣми, которые не держатся челоукоубійственной системы Мальтуса. Кромѣ этихъ немногихъ людей, достойныхъ ненависти, если они въ глубинѣ души

*) Собственно говоря, для пары лошадей во Франціи нуженъ участокъ не менѣе какъ изъ 60 десятинъ: рабочая пора тамъ продолжительнѣе, нежели у насъ. Потому мы беремъ слишкомъ низкую оцѣнку величины участка для конной обработки, когда считаемъ его величиною въ 50 десятинъ: число собственниковъ во Франціи, имѣющихъ выгоду отъ зиведенія хорошихъ лошадей, хорошихъ плуговъ, въ дѣйствительности еще менѣе значительно, нежели число, нами принимаемое.

удовлетворяются своими теоріями о необходимости порока и нищеты въ массѣ для счастья избранниковъ судьбы, „нашедшихъ себѣ мѣсто на пиру жизни“, — достойныхъ сожалѣнія, если они, мучась своими чловѣкоубійственными мыслями, держатся ихъ потому, что, заблуждаясь, воображаютъ, будто не опровергнута давнымъ давно система Мальтуса, — итакъ, говоримъ мы, кромѣ нѣкоторыхъ англійскихъ мальтусіанцевъ, людей остальхъ отъ движенія науки. всѣ другіе политико-экономы (даже фаланга послѣдователей Сэ, мнѣнія которой раздѣляются г. И. В—скимъ) думаютъ, что чѣмъ болѣе собственниковъ находится въ государствѣ, тѣмъ болѣе благоденствуютъ и государство и большинство населенія; что положеніе собственника гораздо выгоднѣе, нежели положеніе пролетарія; что потому система французскихъ законовъ собственности и наслѣдства, допускающая къ полученію недвижимой собственности наибольшое число людей, есть величайшее благо изъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыми обязана Франція своей новой исторіи; наконецъ, что положеніе массы земледѣльцевъ во Франціи лучше, нежели въ Англии.

Потому мы оказываемъ большую снисходительность къ г. И. В—скому, когда для примѣра и доказательства своихъ мнѣній выбираемъ Францію, а не Англию, изъ двухъ западныхъ государствъ, о которыхъ мы говорили въ нашей первой статьѣ, что для нихъ насталъ уже третій періодъ поземельной собственности, что уже живо чувствуется въ нихъ потребность общинной обработки земли. Если г. И. В—скій, съ обычнымъ своимъ искусствомъ выражать недовольство нашими примѣрами и расчетами, чтобы получить взамѣнъ прежнихъ снисходительныхъ, новые, гораздо лучше свидѣтельствующіе въ пользу нашего мнѣнія (мы уже замѣтили, что онъ собственно только для шутки говоритъ, будто хочетъ опровергать наше мнѣніе, а въ самомъ дѣлѣ заботится о его подтвержденіи, — иначе его возраженія не были бы придуманы такъ, что каждое изъ нихъ оказывается источникомъ новыхъ и сильнѣйшихъ доказательствъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія), если г. И. В—скій требуетъ, чтобы мы вмѣсто Франціи заговорили объ Англии, положеніе землевладѣльцевъ въ которой гораздо сильнѣе свидѣлствуетъ въ нашу пользу, то мы для его удовольствія поговоримъ и объ Англии. Но обиліе и сила доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія таковы, что совершенно достаточную опору представляютъ уже и наименѣе рѣзкія изъ нихъ, и мы хотимъ ограничиваться этими наименѣе рѣзкими, прибегая еще болѣе сильныя на тотъ случай, если бы пришлось намъ вести борьбу съ противникомъ болѣе свѣдущимъ и логичнымъ, нежели г. И. В—скій.

Итакъ, мы ограничиваемся Франціею, и представленнымъ выше цифрамъ о величинѣ участковъ, на которые раздробилась частная собственность въ рукахъ огромнѣйшаго большинства землевладѣльцевъ, противопоставляемъ напоминаніе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ уже нынѣ техника для производства земледѣльческихъ работъ и удобренія земли.

Хлѣбопашетвенный процессъ распадается на пять слѣдующихъ главныхъ частей (не начнутъ ли и противъ этого кричать г. И. В—скій — въѣдъ и этихъ фактовъ нѣтъ въ оглавленіяхъ и предисловіяхъ политико-экономическихъ трактатовъ, — они могутъ быть отысканы только въ самыхъ книгахъ, а не на заглавныхъ листкахъ) —

1. Орошение и осушение земли.
2. Удобрение земли.
3. Пашня и посѣвъ.
4. Жатва и уборка.
5. Молотьба.

Посмотримъ теперь, какой размѣръ полей требуется для того, чтобы земледѣлец могъ воспользоваться средствами, кашія предлагаетъ ему современная техника для усовершенствованнаго производства. Мы будемъ говорить только о размѣрѣ полей, а не о капиталахъ — дѣло извѣстное, что безъ капиталовъ невозможно улучшение, и что мелкій землевладѣлец не можетъ имѣть порядочнаго капитала; но и съ капиталами невозможно улучшенное производство при маломъ размѣрѣ хозяйства, какъ видимъ изъ слѣдующаго:

1) Работы по орошенію и осушенію почвы могутъ производиться только въ большихъ размѣрахъ, на сотняхъ, или, ужъ тѣсно, тѣсно на десяткахъ, а не на единицахъ и дробяхъ десятины.

2) Удобрение земли требуетъ усиленнаго скотоводства, которое невозможно безъ искусственнаго луговодства, — а это въ свою очередь необходимо требуетъ работъ для орошенія почвы.

3) Жатва и уборка хлѣба. — Экономично производится она нынѣ уже не руками человѣка, а жатвенными машинами, — въ ихъ существованіи и выгодности не сомнѣвается даже г. И. В.—скій. А жатвенная машина требуетъ для своего дѣйствія сотни десятинъ, иначе не стоитъ заводить ее: на какихъ нибудь двадцати десятнахъ. разумѣтся, не окупятся издержки покупки и содержанія.

4) Молотильныхъ машинъ тоже не отвергаетъ г. И. В.—скій; онѣ также требуютъ сотни возовъ хлѣба, то есть многіе десятки десятинъ для своего дѣйствія.

5) Наконецъ важнѣйшая и труднѣйшая операція всего процесса — паханіе земли, нынѣ самымъ экономическимъ образомъ производится уже не сохою, которой нужны единицы, даже не плугомъ съ лошадьми или волами, которому нужны однако же уже не единицы, — нѣтъ, техника пароваго плуга усовершенствована уже до того, что онъ и въ настоящемъ своемъ видѣ есть не только самое благотворное для послѣдующаго сбора (по глубинѣ пропашки), но и самое экономическое (для Западной Европы) средство пахотной работы. Этого нововведенія, которое уже одно само по себѣ должно столь же радикально измѣнить характеръ хлѣбопашественнаго хозяйства, какъ желѣзные дороги измѣняютъ характеръ сухопутнаго движенія, — и не подозреваетъ г. И. В.—скій. Мы предвидимъ, что онъ уже готовъ закричать на насъ: „паровой плугъ — это мечта, это вздоръ, это фантазія необузданнаго вашего воображенія!“ — Поэтому мы для отвращенія отъ себя его гнѣва предлагаемъ слѣдующія выписки изъ „Земледѣльческой Газеты“ нынѣшняго года:

„Не смотря на то, что переносныя паровыя машины (для паханія земли) находятся, можно сказать, еще въ дѣтствѣ, онѣ нашли уже множество примѣненій въ сельскомъ хозяйствѣ Англій. Къ числу важнѣйшихъ изъ такихъ примѣненій принадлежать переносная, перевозимая въ родѣ локомотивовъ машина Виллеса (Willis). Войдѣля

(Woydell), паровой плугъ Эшера (Usher), разныя орудія для обработки земли и вако-нецъ паровыя молотильныя и другія нашвы. Переходъ отъ употребленія животной рабочей силы къ нашнямъ, равно какъ и востроенныя усовершенствованія и успѣхи, начиная отъ употребленія въ работу лошадей до примѣненія паровъ, составляютъ не только важный, но и весьма любопытный предметъ. Способы, предлагаемые механиками для примѣненія силы паровъ къ обработкѣ земли, весьма разнообразны. Одни пробовали приводить машиною въ вращательное движеніе рядъ ножей, имѣющихъ форму плужныхъ лемеховъ и васаженныхъ въ барабанъ; другіе пытались двигать ея опредѣленное число лопатъ или другихъ подобныхъ орудій сперва въ вертикальномъ направленіи, при чемъ послѣднія проникаютъ на извѣстную глубину въ почву, и вслѣдъ за тѣмъ придавать имъ боковое движеніе, которымъ земля откидывалась бы въ сторону или назадъ; наконецъ приспособили переносную машину къ передвиженію съ одного мѣста въ другое, въ подобіе локомотивовъ, словомъ, сдѣлали ее локомотивною и прицѣпили къ ней извѣстное число плуговъ въ бороздѣ. Паровой плугъ Фуллера (Fuller), благодаря неутомимымъ стараніямъ изобрѣтателя, постоянно трудящагося надъ усовершенствованіемъ отдѣльныхъ частей машины, приобретаетъ, мало-по-малу, мѣсто въ сельско-хозяйственной практикѣ. При произведенномъ недавно опытѣ, вспахано машиною въ 8—9 лошадиныхъ силъ въ продолженіе короткаго зимняго дня $1\frac{1}{4}$ дес. Длинна проволоочкаго кавата была $\frac{1}{2}$ англ. мяли; машины приводили въ дѣйствіе одновременно 3 плуга, управленіемъ которыхъ были заняты пять человекъ; кромѣ того необходимо еще однихъ работниковъ съ лошадью для постояннаго подвоза воды. Пахали пространство въ $\frac{1}{4}$ десятины на глубину $5\frac{1}{2}$ дюймовъ обходится при нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ и очень тяжелой почвѣ въ 2 р. 25 в., включая сюда и расходъ на поправку и передвиженіе нашвы, которое необходимо по простотѣ каждыхъ четырехъ дней. При благоприятныхъ условіяхъ эта же работа обходится, по словамъ Фуллера, на тяжелой почвѣ въ 1 р. 20 к., а на легкой въ 90 к. На одной изъ фермъ првнца Альберта этотъ плугъ вспахалъ такое же пространство въ 10 дюймовъ глубины за 45 в. сер. Почти въ такую же цѣну обходится и паханіе лошадьми, но работа пароваго плуга, по словамъ очевидцевъ, выходитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удолветворительнѣе. Такъ какъ изобрѣтеніе это еще находится въ дѣтствѣ, то съ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ цѣны эти, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе понизятся". („Земледѣльческая Газета“ № 35, стр. 274).

Вотъ другое извѣстіе о плугѣ Фуллера:

„Хотя испытаніе жатвенныхъ машинъ было главною цѣлію этого торжества (конкурса для машинъ въ Чельсфордѣ), но проба пароваго плуга составляла любопытнѣйшую часть программы и привлекла наибольшее участіе зрителей. Фишеръ Гоббсъ объявилъ, что одно изъ его полей, въ которомъ утромъ, 14 августа, волновалась превосходная пшеница, будетъ къ вечеру сжато, вспахано, взборовено, удобрено и засеяно. Это обѣщаніе было дѣйствительно исполнено. Пшеница была срѣзана жатвенными машинами, убрана въ скирды, часть ея вымолочена, провѣяна, перемолота въ муку, изъ которой сеченъ хлѣбъ, поданный собранію присяжныхъ и гостей въ тотъ же вечеръ; въ тотъ же день это поле было вспахано паровымъ плугомъ, взборовено и засеяно. Паровой плугъ Фуллера дѣйствовалъ такъ удачно, что сельскіе хозяева, которыхъ мнѣніе имѣетъ рѣшительный вѣсъ въ Англии, объявили, что для нихъ задача обработки земли посредствомъ пара—рѣшена. Разсмотрѣвая это превосходное изобрѣтеніе, присутствовавшіе при опытахъ не знали, чему болѣе удивляться — простотѣ машины или превосходству и правильности произведенной ею работы; она движется такою силою, которая дѣлаетъ доступною глубокую вспашку; притомъ работа идетъ быстро ($\frac{1}{2}$ десятины въ часъ) и обходится дешево, ибо часовая работа 20 лошадей замѣняется 3 пудами каменнаго угля. Все это въ высшей степени заслуживаетъ вниманія сельскихъ хозяевъ". („Земледѣльческая Газета“ № 8, стр. 60).

И не надобно думать, что это все еще ученые опыты, а практика въ обширныхъ размѣрахъ когда то еще начнется—она уже начинается:

„Изобрѣтатели пароваго плуга, братья Барратъ, учредили недавно въ Парижѣ общество съ капиталомъ въ нильовъ франковъ (250,000 руб. серебромъ). Это „Общество паровыхъ земледѣльческихъ работъ“ будетъ заниматься разработкою земель въ болыпомъ видѣ и на болышихъ пространствахъ; нѣтъ сомнѣнія, что при хорошихъ устройствѣ и организаціи оно принесетъ немаловажную пользу какъ Франціи, такъ и Англіи. Одно, что заставляетъ бояться за успѣхъ общества—это недостатокъ въ рѣшмости участія въ немъ капиталовъ, а потому медленное составленіе ихъ. Къ вѣсчагію, но Франціи неохотно пускаютъ капиталы въ земледѣліе, предпочитая легкіе биржевые обороты или фабричныя производства, и хотя жизненные припасы есть вѣжвѣйшая потребность человѣческаго существованія, и потребление ихъ увеличивается все болѣе и болѣе, но способы воздѣлыванія остаются безъ раавиія. А потому весьма желательно, чтобы „Общество паровой обработки земли“ имѣло успѣхъ въ своемъ предпріятіи. Тутъ идетъ дѣло объ общемъ интересѣ, вслѣдствіе чего оно имѣло всегда за себя всѣхъ агрономическихъ писателей и лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. Такъ на одномъ изъ послѣднихъ собраній Общества сельскаго хозяйства въ Парижѣ, президентъ его, г. Дарблей старшій, объявляя присутствующимъ объ образованіи братьями Барратъ Общества паровой обработки земли, наъявилъ свое горячее участіе и желаніе въ успѣхъ этого предпріятія“. („Земледѣльческая Газета“ № 13, стр. 97).

Будетъ ли это общество имѣть коммерческой успѣхъ или не будетъ, все равно: если не получитъ успѣха, причиною тому будетъ пренебреженіе капиталистовъ къ земледѣлію, ради биржевыхъ спекуляцій, а не неустойка со стороны агрономической техники: паровой плугъ уже доказалъ, что онъ и лучше и экономичнѣе другихъ способовъ паханія для Франціи и Англіи. Впрочемъ, и пренебреженіе капиталистовъ не въ силахъ задержать надолго его успѣхъ: паровыя машины для паханія земли уже входятъ въ употребленіе во Франціи:

„Неболышія водвжыма паровыя маннины, употребленныя для сельскихъ работъ первоначально авглійскими помѣщиками, нынѣ значительно распространились за границею во Франціи и Германіи и между небогатыми фермерами. Сосредоточеніе въ болыпомъ пространствѣ значительной силы и удобность переносить движитель туда, гдѣ вредно въ немъ надобность, суть главныя преимущества этихъ манинъ, въ особенности важно послѣднее, допускающее пользоваться паровою силою и тѣмъ изъ земледѣльцевъ, которые или не въ состояніи обзавестись машиною, или, по незначительности работъ въ своемъ хозяйствѣ, не находятъ это обзаведеніе для себя выгоднымъ. Во Франціи, въ особенности въ западныхъ департаментахъ, нынѣ часто встрѣчаются промышленники, которые, купивъ подвижную паровую машину, раздѣзжаютъ съ нею по деревнямъ, предлагая работу ея земледѣльцамъ за умѣренную плату.

„Касательно введенія у насъ паровыхъ машинъ для исполненія сельскихъ работъ, можно замѣтить, что наше земледѣліе не достигло еще той степени развитія или усовершенствованія, при которой употребленіе ихъ становится выгоднымъ и даже необходимымъ. Есть конечно и другія причины, препятствующія или ограничивающія употребленіе паровыхъ машинъ для сельскихъ работъ въ настоящее время: но въ эти причины, въ теперешнее положеніе нашего сельскаго хозяйства не будутъ же существовать вѣчно. Напротивъ, съ постояннымъ улучшеніемъ путей сообщенія, а въ особенности по устройеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, надо ожидать, что существующіе способы производства сельскихъ работъ, вслѣдствіе ускоренія торговыхъ сношеній, измѣнятся. Ручное производство этихъ работъ, или исполненіе ихъ живоотною силою—лошадьми или волами, рано или поздно, должны будутъ уступить паровой силѣ и исполнительнымъ машинамъ, единственно вслѣдствіе медленности совершаемыхъ ими работъ.

„Напоминая настоящейю статью многимъ изъ читателей „Земледѣльческой Газеты“ о распространеніи подвижныхъ паровыхъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ за границею, а другихъ знакомя съ этими машинами, мы должны сказать, что машины

эти у нас почти неизвѣстны, а потому не можемъ привести сравненіе выгодности или невыгодности напримѣръ, предъ работою животными. Замѣтимъ, что если покупка такой машины не можетъ окупиться при небольшомъ хозяйствѣ, то въ большемъ явѣніи, вамъ кажется, и въ настоящее время паровая машина не причинитъ убытка“. („Земледѣльская Газета“ № 58, стр. 457—468).

Вы сомнѣваетесь за Францію—видите, не то что во Франціи, и у насъ можно бы приняться за паровые плуги. Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе: мы уже много разъ должны были совѣтовать г. И. В—скому расширить кругъ своего чтенія; и теперь повторимъ тоже: вотъ и не Богъ знаетъ какой недоступный журналъ „Земледѣльская Газета“, а видно, что г. И. В—ский не знакомъ съ этимъ издашемъ. А это знакомство уже одно само по себѣ предохранило бы его отъ многихъ заблужденій. Не говоримъ уже о томъ, что онъ тогда не отвергалъ бы потребности общиннаго владѣнія землею во Франціи; онъ, вѣроятно, не утверждалъ бы тогда, что лѣса вырубаются только въ Россіи, потому, дескать, что находятся въ общинномъ владѣніи (будто мало въ Россіи частныхъ лѣсовъ, и будто не вырубаются они гораздо быстрѣе и безразсчетнѣе общинныхъ или казенныхъ). Чтобы сколько нибудь оживить разнообразіемъ свою статью и чтобы расширить лѣсохозяйственныя свѣдѣнія г. И. В—скаго, мы приведемъ изъ „Земледѣльской Газеты“ свидѣтельство о томъ, что, напримѣръ, въ Пруссіи частныя земледѣльцы вырубаютъ свои лѣса точно также, какъ и наши помѣщики.

„Прусское правительство сочло нужнымъ предложить на обсужденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ вопросъ: необходимо ли принятіе законодательныхъ мѣръ для засаживанія сыпучихъ пеззовъ и для уменьшенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ дурнаго лѣснаго хозяйства. Замѣчено, что въ послѣднее время во многихъ частяхъ государства число лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, стало уменьшаться съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличилось и пространство земель, состоящихъ изъ сыпучихъ песковъ“. („Земледѣльская Газета“ 1857 г. № 45, стр. 356).

Укротите же вашъ гнѣвъ противъ общиннаго владѣнія, г. И. В—ский: вовсе не оно источникъ тѣхъ бѣдъ, о которыхъ вы сожалѣете; знаете ли даже? вѣдъ и фермерство не спасаетъ отъ нихъ: и въ Англии, при совершеннѣйшемъ развитіи частной поземельной собственности, и при системѣ фермъ, водятся такіе землевладѣльцы, которые вырубаютъ лѣса, какъ вы убѣдитесь, взглянувъ на 58 страницу „Земледѣльской Газеты“. Тамъ вы прочтете слѣдующее:

„Въ Англии и Шотландіи находятся большія пространства земель, когда-то покрытыя густымъ лѣсомъ, въ настоящее же время опустошеннымъ и не приносящія никакого дохода...“

О, ужасъ! На кого, скажите, можно положиться въ нынѣшнемъ вѣкѣ? Мы надѣялись было на англо-шотландскаго лорда, съ его майоратомъ: вотъ, мы думали, почтенный частный собственникъ, возлюбленный сердца нашего! Онъ бережетъ свои лѣса, воздѣлываетъ землю, какъ нельзя лучше, при помощи своихъ фермеровъ, — онъ вводитъ всевозможныя улучшенія, — и что же? — о, какая измѣна! Онъ, безстыдникъ, продаетъ на вырубку свои рощи! А что касается изъ его заботливости объ улучшеніи земель, мы не знаемъ, на сколько сохранилось бы у васъ, г. И. В—ский, расположенія къ англій-

скому лорду, если-бы вы знакомы были съ Адамомъ Смитомъ. Какъ вамъ понравится, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ Адама Смита:

„Большой землевладѣлец (говоритъ онъ объ англійскихъ лордахъ) рѣдко бываетъ большою улучшатель земли. Въ средніе вѣка, большой землевладѣлецъ былъ занятъ исключительно заботою расширить свои владѣнія и защищаться противъ сосѣдей. Ему недосугъ было подувать объ улучшеніяхъ земли. Когда водвореніе порядка и законности дало ему этотъ досугъ, рѣдко была у него въ тому охота, и почти никогда не было качества, нужнаго для такого занятія. Его личные и домашніе расходы поглощали или даже превышали его доходъ.—чаще всего бывало послѣднее,—в гдѣ же орн этотъ нашелся бы у него капиталъ, нужный для улучшеній? Если характеръ у него былъ экономный, онъ вообще находилъ выгоднѣйшамъ употреблять свои избытки на пріобрѣтеніе новыхъ земель, нежели на улучшеніе старинныхъ владѣній. Чтобы съ выгодою заниматься земледѣльческими оборотами, нужна, какъ при всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, величайшая заботливость о малѣйшихъ выгодахъ и малѣйшихъ сбереженіяхъ, а къ этому рѣдко бываетъ способенъ человекъ, рожденный въ богатствѣ, хотя бы имѣлъ по натурѣ наклонность къ экономіи. Положеніе такого человека скорѣе располагаетъ его заняться украшеніями, лстящими его фантазіи, нежели думать о барышахъ,—вѣдь онъ не нуждается въ деньгахъ. Богатство костюма, квартиры, экипажа, мебелировки—вотъ предметы, о которыхъ съ дѣтства привыкъ онъ заботиться. Замашка, которую пріобрѣли его мысли отъ такой привычки, оказывается и управляетъ имъ и тогда, когда онъ пріймется улучшать свои земли. Онъ украситъ, быть можетъ, 400 или 500 акровъ около своего дома, нарасходовавъ на то въ десять разъ больше, чѣмъ будетъ послѣ того стоять участокъ этотъ со всѣми своими украшеніями, в видѣть, что если-бы вздумалъ онъ производить такое улучшеніе на всемъ пространствѣ своихъ земель, то обанкрутился бы прежде, нежели исполнилъ бы десятую часть такого предпріятія. Есть до сихъ поръ въ Англии большія помѣстья, со временъ феодальной анархіи непрерывно остававшіяся въ рукахъ одной фамиліи. Надобно только сравнить настоящее положеніе этихъ помѣстій съ участками мелкихъ сосѣднихъ собственниковъ, чтобы безъ всякихъ другихъ доказательствъ уже оцѣнить, какъ мало благооріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія обширныя вадѣнія“.

Мы боимся, что Адамъ Смитъ подвергнется сильному окрику отъ г. И. В—скаго. Вы невѣжда, вы не имѣете понятія о политической экономіи, г. Смитъ, прикрикнетъ на бѣдняка г. И. В—сній: понимаете ли вы, что вы дѣлаете? Вы даете оружіе противъ частной поземельной собственности приверженцамъ общиннаго владѣнія!

Но мы успокоимъ гнѣвъ г. И. В—скаго противъ Адама Смита замѣчаніемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Адамъ Смитъ, англійскіе лорды измѣнились довольно значительно къ лучшему: многіе изъ нихъ заботятся объ агрономическихъ улучшеніяхъ, иные даже знаютъ и толкъ въ этомъ дѣлѣ. Потому г. И. В—сній можоть не лишать ихъ своей благосклонности. Но въ замѣнъ того, пусть онъ не считаетъ и общинниковъ людьми несправивыми: было время, лорды собственники не улучшали земель; пришла надобность и возможность улучшеній—стали улучшать. Точно такъ и наши общинники (подобно нашимъ частнымъ собственникамъ-помѣщикамъ) не заботятся о такихъ улучшеніяхъ, какъ англійскіе фермеры,—прійдетъ время, и будутъ заботиться. Тутъ разница между Россією и Англією зависить вовсе не отъ общиннаго владѣнія, а совершенно отъ другихъ обстоятельствъ. Доказательство тому у каждого изъ насъ на глазахъ: хлѣбопашественныя хозяйства по принципу частной собственности идутъ у насъ ни на волосъ не лучше (напротивъ, хуже, если принять въ соображеніе пропорцію средствъ),

нежели хозяйства общинниковъ, и дѣльныхъ улучшеній въ первыхъ вы увидите ни чуть не больше, нежели въ послѣднихъ.

Ужели въ самомъ дѣлѣ такъ? А какъ же бы вы думали,—справьтесь только съ „Экономическимъ Указателемъ“, и узнаете это. Вотъ вамъ и прииѣрь.—Г. И. В—сній воображаетъ, что плодосѣнная система—единственная рациональная система, что она повсюду введена въ Западной Европѣ, что трехпольное хозяйство остается только въ Россіи, и единственно только общинное владѣніе землею мѣшаетъ у насъ водворенію плодосѣнной системы; но этой причинѣ онъ преимущественно и нападаетъ на него: неудобно, говорить онъ, разводить вику и сорго при общинномъ владѣніи, а вика и сорго для насъ важнѣе пшеницы и овса, который сѣютъ безтолковые общинники, не понимая необходимости замѣнить пшеницу турнепсами, овесъ соргомъ, а рожь чуть ли не георгинами. Да, г. И. В—сній особенно жестокъ къ общинному владѣнію за то, что имъ замедляется введеніе плодосѣннаго хозяйства; у частныхъ собственниковъ, говоритъ онъ, не такъ: плодосѣнная система вводится въ ихъ хозяйствахъ безъ всякихъ задержекъ и замедленій. Прекрасно. Послушаемъ же теперь, что говоритъ въ „Экономическомъ Указателѣ“ одинъ изъ сотрудниковъ г. И. В—скаго. Этотъ корреспондентъ, жинущій въ Нодолін, г. Гейсманъ, одинаково съ г. И. В—скимъ плодосѣнную систему считаетъ единственнымъ порядочнымъ способомъ хозяйства и радъ былъ бы стереть съ лица земли трехпольное хозяйство:

„Подъ именемъ прогресса (говоритъ онъ) и разумію постепенное, но безостановочное устраненіе убійственной для зябли и неблагопріятной по своимъ результатамъ трехпольной системы и замѣненіе ея плодосѣнною. Что вы думаете, какъ далеко Подолія ушла до сихъ поръ въ этомъ поприщѣ? Повѣрите ли, что здѣсь существуетъ всего, на 2000 поземельныхъ мѣръ—ну, угадайте сколько? 100, 50, 20, ну пять? нѣтъ; ну два? нѣтъ—однимъ одно плодосѣнное хозяйство. Виноватъ, дѣйствительно два, принадлежащія двумъ помѣщикамъ; но дѣло въ томъ (и очень характеристическое дѣло), что одинъ помѣщикъ завелъ его въ имѣніи своего сосѣда безъ его вѣдома въ его отсутствіе. Майоръ Калокиръ Сулѣтницкій есть первый, и поканѣстъ единственный въ здѣшней губерніи славинникъ, который завелъ въ своемъ имѣніи Хржавовкѣ плодосѣнное хозяйство. („Эконом. Указат.“ Ж 3, стр. 56)“.

Ну, что же хорошаго будетъ, если мы уничтожимъ общинное владѣніе, потому что оно мѣшаетъ намъ сѣять вику, а потомъ и окажется, что бывшіе общинники, ставъ частными собственниками, получили ровно столько же охоты къ сѣянію вики, сколько этой охоты у подольскихъ частныхъ собственниковъ? Изъ двухъ тысячъ частныхъ собственниковъ, въ кои-то вѣки одинъ завелъ плодосѣнное хозяйство, а остальные 1,999 частныхъ собственниковъ смѣются надъ нимъ,—прекрасно, давайте же кричать, что надобно уничтожать общинное владѣніе, потому что, дескать, общинники не сѣютъ кормоваго горошка, а частные собственники сѣютъ! Милостивый государь, изъ 2.000 общинниковъ также вѣроятно найдется хотя одинъ такой, который сѣетъ вашъ любимый кормовой горошекъ.

Если-бы г. И. В—скій читалъ иностранныя книги, онъ избавился бы многихъ ошибокъ, сказали мы сначала; потомъ увидѣли, что если-бы онъ даже не читалъ иностранныя книги, а умѣлъ только справляться съ ними, и то избавился бы отъ многихъ ошибокъ; потомъ увидѣли мы, что пе

зачѣмъ ужъ говорить объ иностранныхъ книгахъ, — еслибъ онъ читалъ хотя „Земледѣльческую Газету“, и то было бы для него ужъ большое спасенье; теперь видимъ, что куда ужъ говорить о чужихъ журналахъ, — если-бъ онъ зналъ хотя то, что печатается въ его собственномъ журналѣ, въ „Экономическомъ Указателѣ“, и въ переведенныхъ имъ книгахъ Тенгоборскаго, и то ужъ было бы для него большимъ выигрышемъ. Вотъ, еслибъ онъ зналъ, что говоритъ его подольскій корреспондентъ въ „Экономическомъ Указателѣ“, онъ не сталъ бы думать, будто введеніе плодосмѣннаго хозяйства хотя на волосъ замедляется общиннымъ владѣніемъ. А еслибъ онъ помнилъ, что говоритъ переведенный имъ Тенгоборскій о трехпольномъ хозяйствѣ во Франціи (гдѣ господствуетъ исключительно частная собственность въ хлѣбопашествѣ), онъ не сталъ бы воображать, что частная собственность можетъ хотя на волосъ ускорить распространеніе плодосмѣнной системы:

У Тенгоборскаго, на стр. 50-й перваго тома парижскаго изд. 1854 г., есть слѣдующая таблица воздѣлываемыхъ земель во Франціи:

1) Засѣянные хлѣбомъ поля	. 13,900,262 гектара.
2) Виноградники 1,972,340 "
3) Различныя другія растенія .	3,442,139 "
4) Паромъ	6,763,281 "

Замѣчаете ли вы хотя теперь, г. И. В—скій, какое употребленіе хотимъ мы сдѣлать изъ этой таблицы?

Предчувствуемъ, судя по размѣру свѣдѣній о земледѣліи, уже доказанному нами, что еще не замѣчаете.

Ну, такъ вотъ вамъ и разгадка, г. И. В—скій:

При трехпольномъ хозяйствѣ, на каждый гектаръ, лежащій подъ паромъ, приходится два гектара подъ посѣвомъ. Теперь, потрудитесь вычтеть двойную 4-ю цифру таблицы изъ 1-й цифры, — или нѣтъ, лучше мы сдѣлаемъ это, чтобы не утруждать васъ такими мудренными задачами.

6,763,281

13,526,562

эта послѣдняя цифра и есть цифра гектаровъ, принадлежащихъ трехпольному хозяйству въ засѣянныхъ поляхъ. Вычтемъ же ее изъ первой цифры:

13,900,262

— 13,526,562

373,700

остатокъ — 373,700 гектаровъ — и есть все количество, воздѣлываемое во Франціи не по системѣ трехпольнаго хозяйства. Каковъ сюрпризъ для васъ? Попросите, г. И. В—скій, когонибудь провѣрить этотъ разчетъ — а то вы опять закричите, что онъ фантастиченъ и голословенъ.

Провѣрили? вѣрно? Да, вѣрно.

И такъ: въ теченіе многихъ вѣковъ преобладая во Франціи, система частной собственности имѣла результатомъ введеніе плодосмѣнной системы

на 373,700 гектарахъ изъ 20,663,543 гектаровъ, иначе сказать: благотворное вліяніе частной поземельной собственности на введеніе плодосмѣнной системы таково, что въ теченіе пяти или шести вѣковъ плодосмѣнная система распространяется на одну пятьдесятъ-пятую часть распахиваемыхъ земель, а на остальныхъ пятидесяти-четырёхъ изъ пятидесяти-пяти частей продолжаетъ себѣ преспокойно упражняться трехпольное хозяйство.

Послѣ этого вы можете утверждать, что у насъ, еслибъ не общинное владѣніе, быстро расширилась бы по всѣмъ пашиямъ плодосмѣнная система. Дѣйствительно, судя по примѣру Франціи, мы непременно должны уничтожить общинное владѣніе, и тогда вѣрно насладимся прелестями плодосмѣнной системы, по такому прогрессу: уничтожаемъ (въ сентябрѣ 1857 г.) общинное владѣніе и—о, радость, о восторгъ!—черезъ 500 лѣтъ, въ сентябрѣ 2357 года—будемъ имѣть по примѣру Франціи одну пятьдесятъ пятую часть своей пахотной земли съ плодосмѣннымъ хозяйствомъ! а вав общинное владѣніе! vive частная собственность! Она подвинетъ насъ въ 500 лѣтъ на одну пятьдесятъ пятую часть черепашина шага ближе къ великой цѣли!

Если-бы вы знали или понимали цифры, находящіяся въ переведенной вами книгѣ Тенгоборскаго, вы не стали бы воображать, что именно частная поземельная собственность развиваетъ плодоперемѣнную систему или что общиннымъ владѣніемъ поддерживается трехпольная система. Развитіе одной, закоснѣлость въ другой зависятъ отъ причинъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ тому или другому принципу поземельнаго владѣнія. Сравните Англію и Францію—тамъ и здѣсь владычествуетъ частная собственность; откуда же въ Англіи успѣхи земледѣлія, которыхъ нѣтъ во Франціи? Въ Англіи прочный законный порядокъ, котораго никто не осмѣливается и никто не желаетъ нарушать, потому что мирнымъ путемъ законнаго требованія и пренія торжествуетъ всякая сознанная обществомъ потребность; во Франціи этого нѣтъ, тамъ какъ ни ясно сознавай общество, какъ ни разумно доказывай оно необходимость реформы, реформа достигается только насильственнымъ путемъ,—вотъ главное различіе. Изъ него проистекаютъ всѣ остальные. Не одна плодоперемѣнная система порождена въ Англіи мирнымъ владычествомъ закона и справедливости—имъ порождено и внѣшнее могущество Англіи, и честность отдѣльнаго лица въ каждомъ званіи, отъ министра до мелкаго лавочника, отъ горцога до поденьщика; и неутомимое трудолюбіе (никто не отниметъ трудового достоянія), и прочное довѣріе къ своимъ силамъ, основа всякой предпримчивости (никто не терпитъ обидъ, никто никого не боится: всѣ уважаютъ другъ въ другъ права и законъ и окупаютъ другъ отъ друга такого же уваженія), отсюда же и развитіе городовъ, и фабрики, и торговля. и вслѣдствіе всего этого, возможность съ выгодой прилагать капиталъ къ земледѣлію. Вотъ въ чемъ секретъ плодоперемѣнной системы, а не въ уничтоженіи общиннаго владѣнія.

Но мы заговорили съ г. И. В.—скимъ патетическимъ тономъ, а элементарные уроки должны быть чужды патетизма: ихъ достоинство—наивозможная простота языка. Начнемъ же опять говорить какъ можно проще. Бесѣда съ г. И. В.—скимъ шла у насъ на послѣднихъ страницахъ о Тен-

гоборскомъ, а прежде объ „Экономическомъ Указатель“; продолжать рѣчь о Тенгоборскомъ дѣло излишнее: уже достаточнынъ числомъ примѣровъ внушили мы г. И. В—скому, что не мѣшало бы, начиная споръ съ нами, узнать факты, излагаемые въ переведенной имъ книгѣ; теперь для его пользы надобно подтвердить ту же истину относительно издаваемаго имъ журнала и доказать, что также хорошо было бы ому знать то, что написано въ „Экономическомъ Указатель“.

Вотъ, напримѣръ, въ первой статьѣ мы сказали, что возникновеніе пролетаріата произвело много государственныхъ бѣдствій и въ Англіи и Франціи, и грозитъ этимъ странамъ новыми смутами, жесточайшими прежнихъ, потому что съ одной стороны требованія пролетаріевъ остаются все еще неудовлетворенными, а съ другой стороны, число пролетаріевъ все увеличивается и, главное, возрастаетъ ихъ сознаніе о своихъ силахъ и проясняется ихъ понятіе о своихъ потребностяхъ. Это кажется вздоромъ г. И. В—скому: въ пролетаріихъ нѣтъ никакой закваски смуть, говорятъ онъ: они ничего особеннаго не требуютъ и совершенно успокоились. Ахъ, если-бы это было такъ, если-бы Англіи и Франціи вашими устами медъ пить, г. И. В—свій! — но какъ примирить ваше мнѣніе о безмятежномъ счастіи мирнаго и скромнаго пролетаріата съ слѣдующими фактами, сообщенными вашимъ прекраснымъ журналомъ:

„Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ (въ Англіи) замѣтно волненіе рабочаго класса: во новынъ нанѣстниихъ болѣе 2,500 ткачей оставили свои настерскіи въ Дрогедѣ; ливерпульскіе канешники также оставили свою работу, требуя возвышенія заработной платы до высоты ея въ Лондонѣ и Манчестерѣ; то же самое сдѣлали таншайе плотники; нѣкоторые получили уже такую плату, какую они желали. На континентѣ часто появляются подобныя же попытки; а изъ Берлина пишутъ, что тамъ напали на слѣдъ формальнаго заговора, по которому работники должны были въ одинъ и тотъ же день бросить работу во всѣхъ промыслахъ, въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи. Полиція приняла противъ этого мѣры, но въ счастію до сихъ поръ ничто не показываетъ опасности, и подобное намѣреніе едва ли сдѣлается повсемѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе вужда можетъ понудить во многимъ поступнамъ, какъ она понуждаетъ къ переселенію, хотя не вездѣ равно удачному“. („Эконом. Указ.“ Ж 24, стр. 552).

„Городское населеніе при излишней густотѣ своей подвергается иногда нсвыгодая въ неудобстваяя волненія, примѣръ котораго мы видимъ въ настоящее время въ сходкахъ рабочихъ въ Англіи. Мы говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ. 7-го февраля въ Кларкуелъ (Лондонѣ), въ залѣ умѣренности (Temperance hall) происходила новая сходка подъ предсѣдательствомъ Н. Портера. Несчастное положеніе этого класса народа представлено въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Причиною нынѣшнихъ страданій ораторы представляли „давній застой въ плотничьей и другихъ работахъ“. Единственная надежда тѣхъ, которые не могутъ найти себѣ работы, остается переселеніе въ Австралію, Новую Зеландію и Канаду; въ этомъ духѣ готовятся прошенія въ обѣ Палаты Парламента, къ которымъ рабочіе обращаются съ просьбою—доставить имъ даровый проѣздъ въ колоніи. По всей вѣроятности, эта просьба будетъ уважена.—9 февраля была новая сходка рабочихъ безъ мѣста въ Синтфильдѣ (Лондонѣ). Предложенія, принятія ими, сопровождались большимъ волненіемъ и состояли въ томъ, чтобы обратитъ съ просьбою о помощи въ приходамъ. По окончаніи сходки они дѣйствительно отправились отдѣльными толпами со знаменами, на которыхъ были написаны имена ихъ приходовъ. Большую частію впрочемъ оны получили отказъ въ помощи; но въ частныхъ случаяхъ не разъ рабочіе получаютъ требуемое ими удовлетвореніе, какъ напр. въ Сильверделѣ (Сѣверостаффордскомъ графствѣ), работники на копаяхъ получили прибавку къ ихъ заработной платѣ,

отказавшись въ числѣ 150 отъ работы до исполненія ихъ требованія, основанаго на новышеніи цѣвы желѣза“. („Экономич. Указат.“ № 7, стр. 147).

„Въ Лондонѣ въ прошлой недѣлѣ, съ дозволенія городского начальства, происходило собраніе рабочихъ безъ мѣста на одной изъ рыночныхъ площадей города (Смит-фильдской) подъ открытыя небожь. Число собравшихся такимъ образомъ рабочихъ простиралась до 5,000 и, несмотря на то, въ этой толпѣ не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Главная цѣль собранія состояла въ томъ, чтобы обратить вниманіе публики на жалкое положеніе наетеровыхъ, лишившихся работы. Много краснорѣчивыхъ выраженій и энсргическихъ мыслей было высказано здѣсь рабочими, которые вообще показали болѣе образованіи, нежели можно было ожидать отъ нихъ. Главная идея состояла въ примѣненіи началъ товарищества къ рабочему классу. Эта въ основаніи своемъ правильная идея, впрочемъ, не всегда ясно представлялась уму говорунновъ сходки; одно только рѣзко и опредѣленно высказывалось всѣми, это — нападки на законы, етѣсняющіе переходъ земля изъ рукъ въ руки. Вообще, начинающееся движеніе напоминаетъ нѣсколько лигу противъ хлѣбныхъ законовъ, хотя здѣсь еще пока не видно достойныхъ коноводовъ. Государственная ошибка прежняго времени, допустившая такъ называемые *законы о бѣдныхъ*, можетъ окупиться Великобританіи очень дорого, тѣмъ болѣе, что масса людей, имѣющихъ право на пользованіе подобнымъ доходомъ, очень велика. По показаніямъ „Национальнаго Великобританскаго общества людей безъ мѣста“, въ настоящее время въ Лондонѣ считается 35,000 такихъ бѣдняковъ, изъ которыхъ наиболѣе каменщиковъ (15,000) и плотниковъ (2,000). Сходка подобнаго рода уже не первая и не послѣдняя, и всѣ участники обращаются обыкновенно къ помощи приходовъ, и безъ того очень обремененныхъ. Кроме того, въ ихъ рѣшеніяхъ все рѣзче и рѣзче обозначается мысль работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ, образецъ которыхъ отчасти представляютъ рабочіе дома самой Великобританіи. („Эконом. Указат.“ № 4, стр. 75).

„Трудъ, этотъ главный, или—лучше сказать—единственный источникъ народнаго богатства, въ своемъ развитіи подвергается многими случайностямъ, видоизмѣняющимъ его проявленіи и поставляющимъ его изъ различныхъ положеній въ отношеніи въ общественной власти. Одною изъ такихъ случайностей есть умышленная остановка въ работѣ, болышею частію происходящая отъ недостаточной за нее платы. Эта остановка рѣдко достигаетъ своей цѣли, выказывая болышею частію безеніе рабочаго сословіи, лшшеваго капитала и разнообразныхъ знаній, какими обладаетъ сословіе предпринимателей фабрикантовъ. Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ Швейцаріи коалиціи рабочихъ всякаго званія, имѣющія цѣлію требовать возвышенія заработной платы, принимаютъ серьезный характеръ. Многіе хозяева и подрядчики почти лишились черезъ это всѣхъ своихъ работниковъ.

„Безъ всякаго соннвнн, это лишеніе только временное, и рабочіе возвратятся къ своимъ занятіямъ, какъ это мы видимъ въ близкихъ мѣстахъ Германіи. Такъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ дирюльники безусловно возвратились къ своимъ занятіямъ, во портные подмастерья, какъ одчвъ человекъ, *оставили мастерскія*, требуя отъ хозяевъ увеличенія жалованья на $\frac{1}{4}$.

„Подобное же рѣшеніе приняли сапожники и кожевники города Майнца, хотя черезъ это и подверглись полицейскому вмѣшательству, опредѣленному въ такихъ случаяхъ мѣстными законами. Это вмѣшательство, впрочемъ, едва ли можетъ быть оправдано, съ точки зрѣнія науки, въ дѣлахъ, касающихся труда, который для полной производительности своей долженъ быть стѣняемъ возможно менѣе“. (Эконом. Указ. стр. 552).

Видите ли: вашъ журналъ чрезвычайно мало занятъ фактами о бытѣ низшихъ классовъ; онъ обнаруживаетъ къ намъ самое холодное и пренебрежительное невниманіе; однакожь посмотрите, сколько фактовъ, подтверждающихъ наше мнѣніе, имѣли громкій отзывъ въ Западной Европѣ въ теченіе менѣе нежели одного полудня, —имѣли такой громкій отзывъ, что даже вангъ

столь невнимательный къ нимъ, столь ихъ чуждающійся журналъ долженъ былъ занести ихъ на свои страницы. А сколько фактовъ набралось бы, если бы вы хотя нѣсколько внимательно слѣдили за этою отраслью экономическаго движенія!—Да и въ „Экономическомъ Указателѣ“, при всей его невнимательности, собрано больше фактовъ этого рода, нежели приведено у васъ—нельзя же намъ было выписывать всего, слишкомъ длинны были бы выписки. Но ограничиваясь единственно тѣми фактами, которые замѣчены у васъ въ журналѣ, — мало того, изъ этихъ фактовъ ограничиваясь тѣми, которые выписаны у насъ, какую мы можемъ составить картину для вашего назиданія? Мы будемъ говорить подлинными словами вашего журнала:

„Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ (Западной Европы) замѣтно волненіе рабочаго класса; рабочіе оставляютъ свои мастерскія, требуя повышенія заработной платы; въ Берлинѣ открытъ даже формальный заговоръ, по которому работники въ одинъ и тотъ же день должны были бросить работу во всѣхъ оромышлахъ, въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи. Вообще начинающееся движеніе напояняетъ лигу противъ хлѣбныхъ законовъ. У вихъ бывають многочисленным оходки, сопровождаемымъ большимъ волевіемъ; на этихъ сходкахъ несчастное положеніе этого класса людей выставляется въ самомъ яркомъ свѣтѣ; они требуютъ помощи и большею частью получаютъ отказъ. Главная идея рабочихъ при этомъ волненіи, примѣненіе начала товарищества къ рабочему классу. Кромѣ того, въ ихъ рѣшеніяхъ все рѣзче обозначается мысль работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ. Правительства Западной Европы прибѣгаютъ къ полицейскимъ мѣрамъ противъ этого движенія, принимающаго серьезный характеръ. Такое мѣшательство едва ли впрочемъ можетъ быть оправдано“.

Эта характеристика составлена изъ подлинныхъ словъ вашего журнала. Помнили ли вы, что говоритъ вашъ журналъ, и если помнили, понимали ли? „Рабочій классъ въ Западной Европѣ волнуется, требуя примѣненія начала товарищества къ своему труду, все рѣзче и рѣзче провозглашая потребность работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ“ — ясенъ ли нѣтъ смыслъ движенія? Что сказано этимъ? сказано то, что въ рабочемъ классѣ Западной Европы все болѣе и болѣе разливается убѣжденіе въ необходимости *droit au travail, ateliers nationaux*, разливается идея Люксембургскихъ конференцій. Ясно ли это для васъ, г. И. В.—спій? Но какова сила этого движенія? „Открытъ заговоръ, обнимающій всю восточную половину Западной Европы, простирающійся отъ Берлина до Бельгіи и Швейцаріи“—не безпримѣрно ли по громадности такое явленіе? Да что тутъ говорить, вы сами сравниваете его съ „лигою противъ хлѣбныхъ законовъ“ — то есть съ могущественнѣйшимъ и разумнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ изъ всѣхъ стремленій Англіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Вы въ своемъ журналѣ придаете такую силу и глубину этому движенію, что характеристика, доставляемая вами, далеко превосходитъ рѣзкостью тѣ слова, которыми выражались мы объ этомъ движеніи. Мы говорили объ Англіи и Франціи, — вы прибавили сюда Бельгію, Швейцарію, Германію. Мы говорили, что это стремленіе сильно, — вы сравнили его въ настоящее время по силѣ съ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ событій и стремленій новѣйшей англійской исторіи и прибавили, что это еще только зародышъ, который развивается, а когда онъ разовьется, такъ еще не то будеть.

Вашъ журналъ далеко превосходить васъ, относительно оцѣнки силы и глубины этого движенія.

Не потому ли вы и спорите противъ насъ, что наши убѣжденія кажутся вамъ слишкомъ еще блѣдными, слишкомъ умѣренными? Вы, по всему видно, относитесь къ намъ такъ, какъ напримѣръ Щедринъ относится къ прежнимъ сатирикамъ. Мы говоримъ „частная собственность имѣетъ *значительныя* выгоды, но выгоды общиннаго владѣнія *болѣе* значительны: стремленіе къ общинному началу *довольно* сильно въ Западной Европѣ“. Вы возражаете: это пустяки; мы обращаемся къ переведенной вами книгѣ, къ издаваемому вами журналу, чтобы повяты смыслъ вашего неудовольствія, чтобы увидѣть, въ чемъ заключается наша ошибка, — и оказывается что-же?—оказывается изъ переведенной вами книги и издаваемого вами журнала, что мы должны были сказать: „частная собственность имѣетъ *очень* незначительныя выгоды; а выгоды общиннаго владѣнія *несравненно болѣе* значительны; стремленіе къ общинному принципу *чрезвычайно* сильно въ Западной Европѣ“. Дѣйствительно, передъ столь сильными выводами, слѣдующими изъ фактовъ, доставленныхъ намъ вами, наши прежнія слова кажутся слабыми, блѣдными.

Но, скажете намъ читатель, мы забыли о французскихъ земледѣльцахъ, выпяски изъ „Экон. Указ.“ относятся къ Англіи, Германіи, Бельгійи и Швейцаріи, а не къ Франціи, о которой шло дѣло. О, что касается до Франціи, то тутъ ненужно много говорить: въ возраженіяхъ намъ г. И. В.—скій соглашается, что движеніе въ пользу общиннаго начала во Франціи сильнѣе, нежели въ Англіи,—а если въ Англіи оно, какъ видно изъ „Экон. Указ.“, чрезвычайно сильно, то какова же должна быть его сила во Франціи?

„Но это все говорится о пролетаріяхъ вообще, а не въ частности о земледѣльцахъ во Франціи, скажете читатель; г. И. В.—скій въ своихъ возраженіяхъ говорить, что положеніе земледѣльцевъ во Франціи прекрасно и безъ общиннаго начала“. Но вѣдь извѣстно, что лучшее блюдо надобно оставлять на закуску,—мы такъ и сдѣлали. Каково состояніе земледѣльцевъ и земледѣлія во Франціи, можетъ г. И. В.—скій видѣть изъ слѣдующихъ словъ своего журнала:

„На всемъ пространствѣ отъ Арраса до Пиривеевъ, отъ Гавра до Тулона, вы не встрѣтите тѣхъ прекрасныхъ сельскихъ картинъ, которыя поражаютъ васъ въ Авгліи. Окрестъ красивыхъ и бойкихъ городовъ, ве разъ встрѣтите вы полуразвалившуюся хижину, и рѣдко глазъ вашъ отдыхаетъ на видѣ прекраснаго скота, какимъ славятся устья Рейна или Швейцарія. Правда, взамѣнъ того красуются на выставкахъ лионскія ткани, валавсьенскія кружева, дорогая бронза и тонкія сукна, но этотъ блескъ и роскошное производство не заѣдаютъ ли средства тѣхъ бѣдныхъ поселянъ, которые влачатъ скучную жизнь свою среди дорогой обстановки, постоянно тревожимые вядомъ нестерпимыхъ для нихъ благъ, и постоянно стѣсняемые въ безпрепятственномъ пользовавіи своимъ трудомъ? Отчего же эта безотрадная картина въ прекрасной странѣ?“ („Экономическій Указатель“ № 3, стр. 52).

Но обыкновенію вездѣ и во всемъ видѣть единственно таможенный вопросъ, „Экон. Указ.“ извлекаетъ изъ этой грустной картины свое вѣчное нравоученіе: вся бѣда происходитъ отъ тарифа. Легко сообразить, достаточно ли такое объясненіе. Причины бѣдствія гораздо глубже: мы видѣли, что для

огромнаго большинства французскихъ земледѣльцевъ (поселянъ) невозможны не только никашя улучшенія почвы и улучшенныя орудія производства, во невозможно даже содержаіе ни одной лошади для земледѣльческихъ работъ. Что же касается цвѣтушаго положенія полей въ Англии, изъ этого еще напрасно заключать о благоденствіи работниковъ: поля въ Англии лучше французскихъ, а земледѣльцы работники терпятъ болѣе нужды нежели во Франціи. Съ этимъ не будоть, вѣроятно, спорить даже г. И. В.—сшій.

Положеніе французскаго земледѣльца вообще таково, что онъ можетъ воспользоваться для усовершенствованія своего хлѣбопашества только ничтожною частью тѣхъ средствъ, которыя уже найдены наукою, и потому въ гораздо меньшей степени, нежели слѣдовало бы, наслаждаться тѣми удобствами, которыя имѣеть въ своемъ распоряженіи промышленность.

Изъ пяти французскихъ поселянъ, у трехъ есть свои участки. Это хорошо, но недостаточно: надобно, чтобы каждый земледѣлецъ могъ трудиться для собственной пользы, а не для чужой пользы. Надобно, чтобы остальные два изъ пяти земледѣльцевъ также приобрѣли поземельное достояніе.

Между тѣмъ, раздробленіе земель уже таково, что большая половина ноземельныхъ владѣльцевъ не можетъ даже дѣйствовать сохою на своемъ участкѣ и содержать лошадь для земледѣльческихъ работъ.

А техника предлагаетъ бросить соху; орошать и осушать поля; имѣть улучшенныя породы скота и производить надъ землею усиленныя удобренія; жать и молотить машинами, наконецъ даже пахать паровымъ плугомъ — все это доступно только хозяйству огромнаго размѣра, располагающему значительными капиталами.

Изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ Франціи, только 36,000 имѣютъ эти средства.

Ясно ли теперь положеніе остальныхъ 4.064,000 землевладѣльцевъ? Они или должны отказать отъ воздѣлыванія своихъ участковъ, или соединиться въ общество для обработки земель. Иначе производство для нихъ раззорительно; одинъ изъ самыхъ основныхъ законовъ всякаго производства таковъ: какъ скоро существуетъ улучшенный способъ, всѣ, кто производить не по этому улучшенному способу, остаются въ убыткѣ.

Потому-то теперь каждый разеудительный французскій экономистъ, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ онъ, видитъ выгоду земледѣльческихъ союзовъ во Франціи.

Но что мы говоримъ о Франціи? Мы далеко отстали отъ Франціи въ экономическомъ движеніи, и, однако-же, практическіе люди думаютъ, что даже у насъ настало время, когда земледѣльческія товарищества были бы не лишены выгоды. Два мѣсяца тому назадъ, мы приводили мнѣшіе Гакстаузуна, совѣтующаго позаботиться объ устройствѣ земледѣльческихъ союзовъ между поселянами; вотъ мнѣніе другаго челоѵка — онъ идетъ уже далѣе и совѣтуетъ даже мелькимъ помѣщикамъ вступать въ союзъ для земледѣльческаго производства.

„Желательно бы, чтобы между мелкомѣстными помѣщиками, вообще между жителями одного селенія и даже между сосѣдними селеніями, было побольше общенности. Помѣщики одного селенія могутъ имѣть одну общую ригу и молотильню, одну жатвенную

машину, соломорѣзку я т. д., точно также, какъ овя имѣють одинъ выгонъ, одного пастуха. Нѣсколько сосѣднихъ селеній могутъ сообща заводить больницы, сельскія школы, библіотеки. Мы все дождаемся, чтобы насъ принуждали и объ насъ заботились; между тѣмъ какъ вадобно умѣть самимъ вамъ заботиться о своей пользѣ". („Земледѣльческаѧ Газета“, № 19 стр. 146. Александръ Смирновъ изъ сельца Никитинское).

Если у насъ, гдѣ такъ незначительна еще возможность приложенія капитала къ земледѣлю, выгодно было бы вступать въ земледѣльческіе союзы, — и кому же? помѣщикамъ, хозяйство которыхъ у каждаго во всякомъ случаѣ имѣеть нѣсколько десятковъ десятинъ, то есть ли логическая возможность сомнѣваться въ потребности подобныхъ союзовъ во Франціи, гдѣ необходимость приложенія капитала къ земледѣлю гораздо ближе чувствуется каждымъ и гдѣ развѣ одинъ изъ ста землевладѣльцевъ имѣеть участокъ земли, достаточный для дѣйствія хотя бы простаго и не усовершенствованнаго плуга?

Вѣроятно, теперь не будетъ отрицать этого самъ г. И. В—скій; вѣроятно, опъ, по прочтеніи этой статьи, не будетъ отрицать многого изъ того, что отрицалъ, начиная свои возраженія. Да и вообще мы не знаемъ, будетъ ли онъ отрицать что-нибудь въ напнихъ мнѣніяхъ, которыя казались ему совершенно нелѣпыми, когда онъ, три мѣсяца тому назадъ, начиналъ свои возраженія. Мы согласны съ нимъ, что, собственно говоря, онъ началъ спорить противъ насъ единственно по недоразумѣнію: ому, видите ли, сначала показалось, будто въ тѣхъ шести положеніяхъ, которыя мы просили его принять или опровергнуть, заключается нѣчто нелѣпое и страшное, а потомъ онъ увидѣлъ, что наши мысли ограничиваются „очень скромными утвержденіями“ —это правда; мы уже сдѣлали догадку, что г. И. В—скій спорить противъ насъ только потому, что идетъ гораздо дальше насъ въ признаніи общиннаго принципа; и дѣйствительно, въ его послѣдней статьѣ („Экон. Указ.“ № 29) есть мѣста, послѣ которыхъ наши „утвержденія“ должны показаться „очень скромны“.

Напримѣръ: читатель помнитъ описаніе устройства уральцевъ въ нашихъ извлеченіяхъ изъ Гакстгаузена. Вся ихъ область составляетъ одно цѣлое, но раздробленное на каніе участки и принадлежащее нераздѣльно всему племени. Каждый взрослый мужчина (казакъ) изъ этого племени участвуетъ въ пользованіи всѣми угодьями этого общаго достоянія. Кажется. вто общинное владѣніе? Кажется, тутъ есть-таки довольно очевидное примѣненіе общиннаго начала? А г. И. В—скій, рассказавъ, по нашему переводу, объ устройствѣ уральцевъ, восклицаетъ: „и вы считаете это, г. критикъ, примѣненіемъ общиннаго начала? Едва ли. Можно увѣрить, что общинное начало здѣсь не существуетъ“. Почему же? Вѣдь здѣсь есть общинная собственность? „Но здѣсь нѣтъ общаго устройства труда“. —Дѣйствительно нѣтъ. „Другое дѣло, при пахотѣ въ Падовкѣ, гдѣ пашутъ все поле общинными плугами“. А, такъ вотъ что! г. И. В—скому мало общинной собственности; ему нуженъ еще общинный земледѣльческій трудъ, —иначе сказать, организація земледѣльческаго труда, l'organisation du travail champêtre.

Но дѣйствительно ли г. И. В—скій желаетъ общиннаго земледѣльческаго производства?—Да, онъ, дѣйствительно, считаетъ его полезнымъ. Объяснивъ, что работать сообща удобнѣе по его мнѣнію, нежели владѣть землею сообща. онъ продолжаетъ:

„Мы считали долгомъ высказать все это для того, чтобы ве видѣльнъ васъ противника общественнаго владѣнія во всѣхъ его формахъ; напротивъ, многія изъ нихъ мы считаемъ въ высшей степени полезными и плодотворными для народнаго хозяйства: наши артели, вападный промышленныя товарищества, толоки, шептели, и т. п., мы считаемъ весьма раціовальными. Но между этими формами труда и общественнымъ пользованіемъ (т. е. общиннымъ владѣніемъ?) землю разлица неизмѣримая“.

Дѣйствительно, между общиннымъ владѣніемъ безъ общиннаго производства и общиннымъ владѣніемъ съ общиннымъ производствомъ, разлица неизмѣримая. Первое только предотвращаетъ пролетаріатъ, второе кромѣ того и содѣйствуетъ возвышенію производства.

Вѣдь извѣстно, что общинное производство основывается на общинномъ владѣніи, и что согласіе на общинное производство гораздо затруднительнѣе, нежели согласіе на общинное владѣніе. Вѣдь извѣстно, что фактическія степени тутъ таковы:

1. Общинная собственность или владѣніе безъ общиннаго производства и потребленія. Напримѣръ, двумъ братьямъ достается по наслѣдству домъ. Они владѣютъ имъ нераздѣльно, но каждый можетъ жить при этомъ особеннымъ хозяйствомъ и занимается своимъ особеннымъ промысломъ. Они дѣлятъ доходы.

2. Они могутъ имѣть общую мастерскую, но жить все-таки отдѣльными хозяйствами. Они по прежнему дѣлятъ доходы.

3. Они могутъ имѣть одно хозяйство. Тогда они уже не считаются деньгами. Одинъ купить фунтъ чаю, другой вмѣстѣ съ нимъ пить его. „У насъ деньги общія“.

Уладиться имъ въ первомъ гораздо легче, нежели согласиться на второе. Уладиться во-второмъ имъ гораздо легче, нежели согласиться на третье.

Точно таковы же и логическія степени:

1. Признаніе возможности и выгоды общиннаго владѣнія, но еъ отворженіемъ возможности общиннаго производства и общиннаго владѣнія: доходъ съ собственности легко высчитать, и чтобы не ссориться за него, не нужно даже ровно никакой добросовѣстности, а нужна только забота о собственной выгодѣ. Тоже самое надобно сказать и о ремонтѣ или улучшеніи собственности: доходъ съ дома легко высчитать до послѣдней копѣйки; расходы по управленію и ремонту тоже; также только забота о собственной выгодѣ нужна для того, чтобы рѣшить, какія пристройки нужно сдѣлать.

2. Гораздо труднѣе условіе для допущенія общиннаго производства. Контролировать употребленіе и усердіе труда нельзя—это не внѣшній осязательный фактъ, его нельзя доказать или опровергнуть юридическимъ образомъ. Тутъ нужно довѣріе другъ къ другу. Многіе отвергаютъ возможность успѣшнаго общиннаго производства: тутъ де челонѣкъ всегда будетъ лѣниться, потому что не вся выгода отъ его труда достается ему, и притомъ ему достается часть выгоды отъ чужаго труда: „пусть де другіе надсаждаютъ — работаютъ, а я буду себѣ лѣниться“.

3. Еще труднѣе допустить возможность общиннаго потребленія. Мало

туть условій, достаточныхъ для успѣшности общиннаго производства, мало довѣрія къ взаимной честности, мало и нравственнаго убѣжденія въ выгоды дѣла;—туть нужны другія пружины, чтобы я захотѣлъ жить не такъ, какъ лично мнѣ приходитъ фантазіи жить, а какъ требуетъ жить разумъ и экономической разчетъ, чтобы я захотѣлъ отказаться отъ многихъ своихъ прихотей. Танія побужденія существуютъ въ семействѣ, но чрезвычайно многіе сомнѣваются въ томъ, возможны ли они внѣ семейнаго круга.

Но объ этихъ мигвнїяхъ надѣмся поговорить послѣ. Здѣсь намъ довольно доказать, что вторая степень (общинное производство), принимаемая г. И. В.—скимъ, невозможна логически безъ признанія, а фактически безъ существованія первой степени, именно общиннаго владѣнія, отвергаемаго имъ.

Впрочемъ, доказывать это почти лишнее дѣло, послѣ анекдота о пароходномъ обществѣ и г. Ивановѣ, рассказаннаго нами выше. Пароходы и касса этого пароходнаго общества находились въ общинномъ владѣніи всѣхъ акціонеровъ,—и кассиръ общества справедливо сказалъ г. Иванову, что безъ этого условія—безъ общиннаго владѣнія всѣмъ принадлежащимъ обществу—невозможно никакое акціонерное общество.

Возьмите какой хотите примѣръ общиннаго производства—вы увидите, что оно невозможно безъ общиннаго владѣнія какою-либо недвижимою собственностью, по крайней мѣрѣ въ Европѣ—объ островахъ Тихаго Океана мы не говоримъ; тамъ, говорятъ, не нужно никакого труда и никакой собственности, повсюду растутъ хлѣбныя деревья и на нихъ висятъ готовые печенныя булки съ миндалемъ и безъ миндаля, по вкусу каждаго. Этотъ рассказъ объ островахъ Тихаго Океана—утопія, скажетъ г. И. В.—сній. А развѣ вы не вѣрите утопіямъ? скажемъ мы ему въ свою очередь и докажемъ ему въ слѣдующей статьѣ, что онъ величайшій утопистъ, какой только существовалъ со временъ Томаса Моруса, выдумавшаго первую утопію. Но то будетъ еще послѣ, а теперь намъ нужно только доказать, что въ Европѣ общинное производство не можетъ существовать безъ общиннаго недвижнаго владѣнія.—Петръ и Иванъ хотятъ вмѣстѣ заняться дѣланіемъ папиросокъ на продажу—кажется, трудно придумать производство, которое требовало бы меньше мѣста и меньше затраты капиталовъ на движимое или недвижимое имущество. Купили они четвертку табаку, сотню гильсовъ,—и всѣ приготовленія кончены; нужно взять имъ только по палочкѣ для набивки табаку, да достать клочокъ ваты; продадутъ сдѣланную сотню съ барышемъ, купятъ двѣ четверки табаку, сдѣлаютъ двѣ сотни папиросокъ и т. д. А позвольте спросить, гдѣ они будутъ заниматься, набивкою папиросъ? не на улицѣ же, не на лѣстницѣ же. Цѣлой комнаты для этого дѣла, положимъ, много, но все же нужно имѣть хотя одинъ изъ тѣхъ „угловъ“, которые описывалъ между прочимъ покойный Бутковъ. Этотъ уголъ—для чего онъ нанятъ? Для того, чтобы было гдѣ присѣсть Петру и Ивану для выдѣлки папиросъ. Въ чемъ же онъ владѣніи? Въ общинномъ владѣніи вынереченныхъ Петра и Ивана. Вотъ вамъ и есть недвижимое имущество въ общинномъ владѣніи. Возьмите какой хотите другой случай общиннаго производства, вы увидите, что основаніемъ его должно быть общинное владѣніе чѣмъ нибудь недвижимымъ. Напримѣръ: Петръ и Иванъ, бросивъ выдѣлку папиросъ, вздумали быть носильщиками.

Тутъ нужно еще меньше припасовъ, нежели для папирось—веревка для обвязыванія переносимыхъ вещей,—вотъ и вся исторія. Какъ бы не вся исторія! Купили они веревку, и носить цѣлый день мебель съ рынка къ покупщикамъ. Кажется, нѣтъ на свѣтѣ ничего имѣющаго менѣе связи съ недвижимостью, нежели ремесло носильщика? Погодите. Пришла ночь. Неужели бросить на ночь веревку на лѣстницѣ квартиры? Нѣтъ, она пропадетъ; нужно ее спрятать въ чуланъ; мѣста нужно для того мало, хозяйка даромъ дала веревкѣ мѣсто въ своемъ чуланѣ—но вѣдь все-таки веревка заняла хотя вершокъ мѣста въ чуланѣ или подъ кроватью Ивана,—я васъ спрашиваю: чѣмъ занять этотъ вершокъ мѣста? Общинною собственностью Петра и Ивана, веревкою. Я васъ спрашиваю: въ чьемъ же владѣннн теперь этотъ вершокъ мѣста? Въ общинномъ владѣннн Петра и Ивана. Я васъ спрашиваю: движимое или недвижимое имущество этотъ чуланъ и каждый вершокъ его пола? Недвижимое. Теперь скажите: есть или нѣтъ у Петра и Ивана въ общинномъ владѣннн недвижимое имущество?

Вотъ видите ли, какая странность: носильщики, дѣлатели папирось, не могутъ обойтись безъ общиннаго владѣннн хотя какую нибудь недвижимость, а г. И. В—снн допускаетъ возможность общиннаго производства въ земледѣлнн безъ общиннаго владѣннн.

Какъ могъ произойти такой странный случай? Какъ могъ онъ произойти. побесѣдуемъ съ вами, читатель, въ слѣдующей статьѣ, въ которой рассмотримъ, между прочимъ, возраженія г. И. В—скаго противъ общиннаго поземельнаго владѣннн—и тамъ, между прочимъ, увидимъ, что инныя изъ нихъ не имѣютъ и не могутъ имѣть ровно никакого примѣненія не только къ общинному поземельному владѣннн, но и ровно ни къ чему на свѣтѣ, а всѣ тѣ, которыя имѣютъ хотя малѣйшее значеніе, относятся вовсе не къ общинному владѣннн, отвергаемому г. И. В—скимъ, а къ общинному производству, имъ принимаемому, и въ гораздо большей степени, нежели къ земледѣльческому союзу, примѣняются къ акціонернымъ компаніямъ, такъ что, если бы они, въ самомъ дѣлѣ, были значительны, то давно обанкротились бы всѣ компаніи на акціяхъ.

Тутъ же, между прочимъ, мы разрѣшимъ интересный вопросъ объ отеченнн г. И. В—скаго отъ Тенгоборскаго и о комплиментѣ, которымъ оканчиваются его статьи, ячавшіяся столь грозно, а также н о ближайшихъ причинахъ его прискорбнаго намѣренія „оставить перо“ и не „продолжать словопренія“.

Но пока мы будемъ писать разборъ его возраженій противъ шести положеній, которыми оканчивалась наша первая статья, чѣмъ же займется онъ? Оставить его въ праздности на цѣлый мѣсяць было бы противно правиламъ экономнн. политической и всякой: праздность вредна, а время капиталъ, котораго нельзя оставлять безъ приличной ему дѣятельности. Поэтому, пока мы будемъ писать разборъ его „шестнадцати главнѣйшихъ вредныхъ сторонъ общиннаго владѣннн“, онъ можетъ заняться разборомъ слѣдующихъ шестнадцати нашихъ новыхъ положеній, изе точечныхъ изъ нашей настоящей статьи, въ честь отысканныхъ имъ „шестнадцати главнѣйшихъ вредныхъ сторонъ общиннаго владѣннн“.

1) Ученому, желающему выказать основательныя знанія по вопросу объ общинномъ поземельномъ владѣннн въ Россіи, вовсе не нужно знать ни одного сочиненнн объ этомъ предметѣ; довольно прочесть извлеченіе изъ книги Гакстаузена, сдѣланное въ „Современникѣ“.

2) Множество французскихъ пролетаревъ имѣють недвижимую собственность.

3) Средняя цифра есть совершенный вздоръ; среднюю цифру выдумалъ „Современникъ“.

4) Сборъ продуктовъ съ земель, находящихся въ общинномъ владѣннн, никогда не достигаетъ цѣнности даже 12 руб. сер. съ десятины.

5) Батракомъ быть лучше, нежели собственникомъ.

6) Адамъ Смитъ достоинъ порицанія.

7) Пастунескихъ народовъ ве существовало на свѣтѣ—это все выдумки „Современника“.

8) Знать, сколько хлѣба съ десятины собирается во Франціи, и сколько въ Россіи, вовсе не нужно при спорѣ о земледѣльческихъ вопросахъ.

9) Общинное производство возможно безъ общиннаго владѣннн.

10) Кто перовель Тенгоборскаго, тотъ вовсе не обязанъ знать его.

11) Отреченіе отъ „Экономическаго Указателя“ представляетъ нѣкоторыя выгоды.

12) Кто пиниеть безъ справокъ, впадаетъ иногда въ невѣроятныя ошибки.

13) *Bien riga qui riga le dernier.*

14) Если г. И. В—скому угодно, чтобы мы но продолжали разбора его статей противъ васъ, мы готовы это сдѣлать, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы „Экономическій Указатель“ пересталъ нападать на общинное владѣннн землю. На размынленіе объ этомъ, мы можемъ предоставить г. И. В—скому болѣе двухъ недѣль; именно, его согласія на нанин несть положеннн, съ которыхъ начался споръ, мы будемъ ждать до 21 сентября, то-есть, дня выхода № 38 „Экономическаго Указателя“.

15) Если г. И. В—сннн сдѣлаеть то, что мы ему предлагаемъ, онъ можетъ быть увѣрснн, что мы не позволимъ себѣ ви малѣйшей тѣни насмѣшки надъ этнмъ. Притомъ же опъ можетъ выразить свое согласіе въ какой ему угодно формѣ, хотя бы и въ обидной лично для насъ; лишь было бы можно намъ видѣть, что онъ общается не нападать на общинное владѣннн землю.

16) Нѣкоторыя изъ вышеизложенныхъ пятнадцати положеннн г. И. В—скнн, безъ сомнѣннн, отвергнетъ. Но его выгода требовала бы, чтобы онъ согласился на положеніе № 14.

Такъ какъ его статьи противъ насъ подписаны, то и мы считаемъ обязанностью выставить здѣсь свою фамилію.

Н. Чернышевскій.

II.

Статья, написанная нами два мѣсяца тому назадъ, излагала единственно элементарные факты и понятія; тонъ ея съ начала до конца былъ полсми-

чскіі. Характеръ настоящей статьи вовсе не таковъ. Передавая мнѣшія, кажущіяся намъ справедливыми, мы теперь уже не стѣсняемъ себя задачей не выходить изъ предѣловъ политико-экономической азбуки. О г. И. В —скомъ мы упоминаемъ только на первыхъ строкахъ и потомъ оставляемъ полемику противъ него.

Полемику мы оставляемъ потому, что она уже достигла своей цѣли. Та услуга, которой мы требовали отъ нея эпиграфомъ къ предъидущей статьѣ, оказана ею: формою будто бы жаркаго спора возбужденъ интересъ общества къ вопросу, которымъ оно гораздо меньше занялось бы, если-бы дѣло было изложено безъ полемической приправы.

Притомъ же, мы видимъ теперь г. И. В—скаго въ такомъ положеніи, при которомъ совѣстно было бы продолжать нападенія на него. Цѣлымъ мѣсяцемъ долѣе назначеннаго срока ждали мы, не оправится ли онъ послѣ ушибовъ, понесенныхъ имъ отъ паденій въ ямы; которыхъ такое множество онъ самъ вырылъ себѣ,—но онъ все еще не оправился. Смутиться до такой степени, что не найти ни одного слова въ оправданіе себѣ: оробѣть такъ, что не почувствовать отваги хотя бы изподтишка, хотя бы косвеннымъ намекомъ задѣть того, кому хотѣлъ бы заплатить ударомъ за каждый ударъ,—это самое жалкое положеніе въ мірѣ. Та школа, къ которой принадлежали г. И. В—скій, когда еще могъ возвышать свой голосъ, любить нападать на несчастныхъ. Мы принадлежимъ къ школѣ, которая обезоруживается видомъ злополучія, хотя бы злополучію подвергся человѣкъ вслѣдствіе собственныхъ своихъ ошибокъ.

Мы оставляемъ полемику, но хотимъ докончить изложеніе нашихъ мнѣній. Потому уже, безъ всякаго отношенія къ мнѣшіямъ г. И. В—скаго, мы должны разсмотрѣть во всей строгости единственное кажущееся сильнымъ возраженіе противъ общиннаго владѣнія. Экономисты старой школы полагаютъ, что оно можетъ препятствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства. Это единственный пунктъ, который заслуживаетъ серьезнаго разбора— всѣ другіе ихъ доводы противъ общиннаго владѣнія далеко не такъ важны.

„Личная выгода (говорятъ экономисты старой школы)—могущественнѣйшая двигательница всѣхъ улучшеній. Собственникъ навѣки пользуется всѣми выгодами отъ производимыхъ улучшеній; общинникъ не на вѣки, потому что его участокъ не наследственъ, даже не пожизненъ. Потому, очевидно, у собственника больше интереса производить такія улучшенія, слѣдствія которыхъ долговѣчны, то есть самыя важныя улучшенія“.

Прекрасно. Если-бы дѣйствительно принципъ частной поземельной собственности предоставлялъ лицу, производящему прочныя, долговременныя улучшенія, всю выгоду отъ этихъ улучшеній, онъ, дѣйствительно, имѣлъ бы преимущество въ этомъ отношеніи надъ общиннымъ владѣніемъ, по крайней мѣрѣ, во второмъ періодѣ національной жизни (отъ начала господства ездлости и земледѣльческихъ занятій, до начала приложенія капиталовъ въ огромныхъ размѣрахъ къ земледѣлію). Но въ самомъ ли дѣлѣ опъ производитъ такой порядокъ вещей? Взглянемъ сначала на факты быта двухъ наиболѣе развитыхъ націй Европы, англичанъ и французовъ.

Въ Англіи господствуетъ система фермерства, по контрактамъ, заклю-

чаемыъ обыкновенно на 7—14 лѣтъ. Болѣе продолжительные контракты слишкомъ неудобны и для фермы, и для собственника. Собственникъ уже не участвуетъ въ обработкѣ земли; она въ рукахъ у фермера. Если фермеръ произволь улучшаете долговременное, какую имѣетъ онъ перспективу? до окончанія контракта, онъ пользуется увеличеніемъ дохода, — но это время непродолжительно; а при заключеніи новаго контракта онъ долженъ будетъ повысить плату собственнику на столько, на сколько увеличилась доходность земли отъ произведеннаго улучшенія. Итакъ, онъ употребилъ на улучшеніе трудъ и капиталъ, — въ вознагражденіе за то черезъ нѣсколько лѣтъ ему приходится платить больше, нежели прежде. Ясно, что ему невыгодно дѣлать прочныя улучшенія.

Во Франціи большая часть земли обрабатывается или по системѣ фермы или по системѣ половничества, которое можетъ существовать только при неразвитости экономическихъ отношеній (слѣдовательно, при состояніи, въ которомъ невозможны улучшенныя системы производства), а при сильнѣйшемъ развитіи экономической дѣятельности необходимо переходить въ фермерство. Стало быть, на большей половинѣ французской земли положеніе людей, трудомъ и капиталомъ которыхъ должны совершаться улучшенія, также дѣлаетъ для нихъ невыгоднымъ дѣломъ введеніе прочныхъ улучшеній.

Меньшая часть французской земли обрабатывается собственниками, — тутъ было бы выгодно производить всякія улучшенія; но дѣло въ томъ, что эти собственники, обходящіеся безъ фермеровъ, владѣютъ только тѣми ничтожными клочками, о которыхъ мы говорили, и не имѣютъ средствъ не только вводить улучшенія, но и содержать лошадь или воловъ для обработки своего поля.

Таковы факты. Спрашивается теперь: въ лучшее ли положеніе, относительно выгоды, доставляемыхъ прочными улучшеніями человѣку, производящему ихъ, поставлена принципомъ частной собственности англійская и французская земля, нежели земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи? Нѣтъ, общинникъ, положимъ, теряя при передѣлѣ часть своего участка, теряетъ часть произведенныхъ на участкѣ прочныхъ улучшеній; но фермеръ, съ истеченіемъ контракта тернетъ всѣ улучшенія. Итакъ, при общинномъ владѣніи, человѣкъ, производящій прочныя улучшенія, имѣетъ болѣе интереса производить ихъ, нежели фермеръ: оба они совершенно обезпечены въ пользованіи ими только на извѣстное число лѣтъ, одинакое для обоихъ или даже болѣе продолжительное для общинника; съ окончаніемъ этихъ лѣтъ (при передѣлѣ и при новомъ контрактѣ) общинникъ *можетъ* потерять часть произведенныхъ улучшеній; фермеръ теряетъ *непретъно* всю сумму ихъ.

Это воззрѣніе для многихъ изъ нашихъ читателей покажется новымъ. Поэтому, чтобы уяснить его, мы въ приложеніи А развиваемъ его въ болѣе строгой формѣ.

Но, быть можетъ, собственнику удобнѣе производить эти прочныя улучшенія? Вѣдь ему въ руки переходитъ большая половина прибыли отъ нихъ, даже и тогда, когда они производятся фермеромъ, — тѣмъ значительнѣе будетъ прибыль собственника, если онъ затратитъ на нихъ собственный капиталъ? Выгодно ему это, или нѣтъ, но это невозможно для него. Во-пер-

выхъ, земля его не въ его распоряженіи, а въ распоряженіи фермера, стало быть, онъ не можетъ ничего съ нею сдѣлать безъ фермера. Согласіе фермера онъ долженъ получить или съ тѣмъ, чтобы настоящій контрактъ остался неизмѣненъ, — въ такомъ случаѣ собственникъ остается въ убыткѣ, — онъ затратилъ капиталъ, а арендная плата не повысилась; или съ тѣмъ, что контрактъ измѣняется, — въ такомъ случаѣ, убытокъ фермеру, — прибыль фермера прежняя, а арендная плата повысилась. Итакъ, порваго не захочетъ собственникъ, втораго фермеръ. Согласіе между ними невозможно, если они расчетливые люди, потому что выгоды одного тутъ противны выгодамъ другаго. Но, положимъ, они согласились. Въ такомъ случаѣ работы по улучшеніямъ производятся на капиталъ собственника, надъ пространствомъ, находящимся въ полномъ управленіи фермера, — ясно ли, каково пойдутъ эти работы? Конечно, съ нарушеніемъ всякой экономіи, расточительнымъ образомъ. Наконецъ, надобно сказать, что собственникъ, при фермерской системѣ имѣющій средства и охоту съ знаніемъ производить прочныя улучшения, — явленіе рѣдкое до того, что становится почти мечтою. Охоты и знанія у него нѣтъ, потому что онъ отдаленъ фермеромъ отъ непосредственныхъ дѣлъ сельскаго хозяйства, — онъ вообще не сельскій хозяинъ, а скорѣе рентьеръ; ередствъ у него нѣтъ, потому что, вообще говоря, онъ проживаетъ все, что получаетъ. Если эти мысли покажутся кому нибудь новыми, требующими подтвержденія, подтвержденіе найдется въ приложеніи В.

То, что фермерство чрезвычайно противно всякимъ прочнымъ улучшениямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, не подлежитъ спору. Теперь надобно посмотреть, какова тенденція частной поземельной собственности, — какая система сельскаго хозяйства является необходимымъ слѣдствіемъ частной поземельной собственности, какъ скоро нація достигаетъ значительнаго развитія экономическихъ отношеній.

Судя по фактамъ, фермерство. Мы видимъ, что его развитіе въ различныхъ странахъ Западной Европы соразмѣрно экономическому развитію каждой страны. Три степени экономическаго развитія представляютъ Англія, Франція, Испанія. Въ Англіи, наиболѣе ушедшей впередъ, владычествуетъ фермерство. Въ Испаніи, наиболѣе оставшейся позади, владычествуютъ патриархальныя формы, предшествующія фермерству; во Франціи онъ уже начинаютъ уступать фермерству *).

Теорія говоритъ, что это и не можетъ быть иначе. Какъ скоро у собственника есть такой участокъ земли, который даетъ ренту, достаточную для празднои жизни въ довольствѣ, для него система фермерства привлекательнѣе и выгоднѣе всякой другой системы свободнаго труда. Самому заниматься хозяйствомъ ему нѣтъ нужды; притомъ же, при той степени развитія, на которой является фермерство, хозяйство требуетъ значительнаго оборотнаго капитала, котораго онъ обыкновенно не имѣетъ, по своимъ роскошнымъ привычкамъ; хлопотать ему непріятно, если онъ можетъ получать

*) По Шатовѣ, изъ 43,000,000 гектаровъ воздѣлываемой земли во Франціи, около 1840 года, 20 милліоновъ воздѣлывалось хозяйствомъ собственниковъ (это преимущественно мельчайшіе участки, о судьбѣ которыхъ мы будемъ говорить ниже), 14½ мил. по системѣ половничества, В½ мил. уже по системѣ фермерства.

почти столько же безъ хлопотъ; итакъ, онъ непремѣнно предпочтетъ отдавать свою землю въ пользованіе за вознагражденіе. А изъ всѣхъ способовъ отдачи въ пользованіе фермерство—самый выгодный для него. Это мы точнѣе показываемъ въ приложеніи С.

Теперь намъ остается только показать, каково общее направленіе естественнаго движенія частной поземельной собственности; стремится ли она, подъ вліяніемъ принциповъ, ея движущихъ нормальнымъ путемъ, принциповъ наслѣдства, приданаго, дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, къ сосредоточенію въ большія массы, или можетъ остаться распределенною на участки средней величины, понималъ подъ участками средней величины такіе, обладаніе которыми даетъ безбѣдныя средства для жизни человѣку, ихъ обрабатывающему, но не доставитъ ему ренты, достаточной для праздной жизни; или, наконецъ, она стремится къ раздробленію по всему населенію страны?

Смотря на дѣйствіе наслѣдства, приданаго и т. д., каждый замѣчаетъ, что оба крайнія стремленія,—сосредоточеніе и раздробленіе,—безпрестанно обнаруживаютъ свои дѣйствія на частной поземельной собственности, такъ что въ два поколѣнія ни одинъ клочекъ земли во всей странѣ не избѣгнетъ этого дѣйствія.—онъ или соединится съ другими, или раздробится *). Какъ изъ этихъ двухъ стремленій преобладаетъ, или они уравниваются? Мы всѣ знаемъ, что „имѣющему прибавится, а у неимѣющаго отнимается и то, что онъ имѣетъ“,—это постоянно мы видимъ и на опытѣ.

Такъ агрономы замѣчаютъ, что во Франціи пространства, обнимаемая большою собственностью, расширяются.

Но есть экономисты, которымъ угодно утверждать, что сосредоточеніе и раздробленіе взаимно уравниваются, что въ общей массѣ распределеніе поземельной собственности не становится съ каждымъ поколѣніемъ неравномѣрнѣе, а остается въ прежнемъ положеніи, или даже постепенно уравнивается. Это мнѣніе, противорѣчащее наглядному опыту каждаго наблюдательнаго человѣка, основывается не на какихъ нибудь, хотя бы одностороннимъ образомъ подмѣченныхъ, фактахъ, а просто на знаменитой метафорѣ, что каждый экономическій принципъ, подобно копью Ахиллеса, самъ же исцѣляетъ и раны, имъ наносимыя. Для того, чтобы противорѣчить наглядности, были бы нужны основанія болѣе твердыя,—напримѣръ, точныя статистическія наслѣдованія, но о нихъ не заботились противники нагляднаго опыта. Всѣ выставляемые противъ нихъ примѣры они отвергаютъ тѣмъ, что это частныя ненормальные случаи. Напротивъ, нужно только точнѣе наслѣдовать сущность самыхъ принциповъ, и мы увидимъ, что существенное ихъ природѣ стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, раздробляя до крайности поземельную собственность, съ другой, гораздо въ сильнѣйшей мѣрѣ, сосредоточивать ее, такъ что равновѣсія нѣтъ нигдѣ, а есть чрезмѣр-

*) Мы, конечно, говоримъ о тѣхъ странахъ, въ которыхъ частная поземельная собственность управляется разумными обычаями и законами, въ не о тѣхъ странахъ, гдѣ есть право первородства, субституціи, и т. п. учрежденія, очевидно вредныя въ экономическомъ отношеніи. Мы беремъ страны, гдѣ наслѣдство дѣлится поровну между дѣтьми, и гдѣ дочь получаетъ въ приданое часть отцовской земли. Гдѣ нѣтъ этого обычая, тамъ состояніе поземельной собственности гораздо хуже.

ное уклоненіе нѣкоторой части отъ равновѣсія въ одну сторону, съ още болѣе чрезвѣрнымъ уклоненіемъ другой, гораздо значительнѣйшей части, въ другую сторону. и что эти оба уклоненія возрастаютъ прогрессивно съ каждымъ поколѣніемъ. Изъ дѣланныхъ нами анализовъ, дающихъ этотъ выводъ, мы приводимъ одинъ въ приложеніи Д. Онъ относится къ дѣйствию принципа наследственности, сила котораго преобладаетъ надъ всѣми другими обыкновенными двигателями частной собственности.

Изъ этого очевидно, въ какое положеніе постоянно приводится частная поземельная собственность дѣйствіемъ принциповъ, ею управляющихъ. Большая часть (до двухъ третей) всей территории соединяется непрерывно въ обширные участки, рента которыхъ достаточна для праздної жизни и которые необходимо идутъ подъ фермерство, какъ скоро развивается экономическій бытъ до той степени, на которой патріархальныя отношенія замѣняются коммерческими. Изъ остальной, меньшей части, половина (около пятой или шестой части всей воздѣлываемой территоріи) дробится на мелкіе клочки, хлѣбопашествомъ на которыхъ не могутъ существовать владѣльцы, и только другая половина (также пятая или шестая часть всей территоріи, остается въ участкахъ, которые не нуждаются въ фермерствѣ, но могутъ кормить своего владѣльца.

По извѣстному закону, что какъ скоро большая половина производства совершается способами большихъ хозяйствъ, мелшіе производители не могутъ выдерживать соперничества съ крупными, земледѣльцы-собственники мелкихъ и среднихъ участковъ должны работать въ убытокъ себѣ или отчуждать свои участки, когда настааетъ эпоха фермерства.

Мы уже много разъ говорили о томъ, какъ невыгодна система фермерства для огромнаго большинства земледѣльцевъ *), и думали бы, что этотъ пунктъ не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Однако же, зная, что для многихъ изъ русскихъ читателей, не имѣющихъ у себя подъ глазами фермъ, сильна привычка забывать объ участи массы земледѣльческаго населенія при фермерствѣ, мы приводимъ въ приложеніи Е отрывки изъ Сисмонди объ этомъ предметѣ. Кстати, мы пользуемся этимъ случаемъ для замѣчанія, что основа мыслей, нами здѣсь излагаемыхъ, принадлежитъ Сисмонди,—читатели, близко знакомые съ политическою экономіею, копечно, замѣтали это.

Здѣсь, оставляя въ сторонѣ выгодность фермерства для земледѣльческаго населенія, мы говорили только о томъ, выгодно ли оно для тѣхъ успѣховъ земледѣлія, которые основаны на прочныхъ долговѣрныхъ улучшеніяхъ, и намъ кажется, что отвѣтъ на это не можетъ подлежать сомнѣнію постѣ объясненіи, сдѣланныхъ нами.

Нѣтъ такой системы земледѣлія, которая менѣе фермерства удовлетворяла бы условіямъ, нужнымъ для прочныхъ, долговременныхъ улучшеній. Мы видѣли, что при немъ только самая меньшая часть прибыли, даваемой

*) Въ Англіи считается:

38,000 богатыхъ поземельныхъ собственниковъ.
250,000 фермеровъ, жилищныхъ капиталистовъ.
3,000,000 земледѣльческихъ работниковъ, находящихся въ положеніи болѣе тяжеломъ, нежели даже фабричныя рабочіе.

этими улучшениями, получается человекъ, произведшпмъ улучшение, а несравненно большая часть идетъ въ руки человека, нисколько не содѣйствовавшаго улучшенію ни мыслію, ни трудомъ, ни капиталомъ.

Важность этихъ улучшеній невозможно отрицать, мы скорѣе готовы согласиться съ тѣми, которые наиболѣе возвышаютъ ее. Отъ такихъ работъ, какъ разведеніе и сохраненіе лѣсовъ, осушеніе и орошеніе почвы, и т. д. зависитъ очень многое, съ помощью ихъ можно до нѣкоторой степени пересоздать природу страны,—подобнымъ образомъ пересоздана природа Шотландіи, Гольштейна, Голландіи. Нельзя не замѣтить, что у насъ для подобныхъ улучшеній еще не пришло время, и что рано еще намъ слишкомъ хлопотать о томъ, какая система владѣнія для нихъ выгоднѣе, когда еще нѣтъ коммерческой выгоды совершать ихъ при какой бы то ни было системѣ владѣнія. Но чѣмъ болѣе мы желаемъ, чѣмъ скорѣе мы ожидаемъ наступленія эпохи подобныхъ улучшеній въ Россіи, тѣмъ жарче должны мы защищать систему общиннаго поземельнаго владѣнія, потому она болѣе всѣхъ способовъ, какими существуетъ воздѣлываніе при частной собственности, благоприятна производству этихъ прочныхъ улучшеній.

„При частной собственности болѣе выгоды производитъ эти улучшения, потому что вся выгода отъ нихъ достается тому, кто произвелъ ихъ“—о. идиллія, достойная Тирспсовъ и Палемоновъ, не имѣвшихъ понятія о статистикѣ и о наукѣ Адама Смита! — Эта милая идиллія основана на томъ наивномъ предположеніи, что при частной поземельной собственности интересы всѣхъ трехъ факторовъ земледѣлія (собственность земли, оборотный капиталъ съ администраціею работы и трудъ) соединяются въ одномъ лицѣ, и это лицо производитъ улучшения,—эта идиллія годится только на тотъ случай, когда еобственникъ земли своими руками, безъ наемныхъ работниковъ воздѣлываетъ ее,—тогда, конечно, вся выгода и производства и всякихъ улучшеній остается въ его рукахъ.

Но увы, идилліямъ мало пріюта въ нашемъ желѣзномъ вѣкѣ, и мы очень хорошо знаемъ, что таково бываетъ при частной собственности положеніе только меньшей половины воздѣлываемаго пространства, и что собственники этихъ небольшихъ участковъ, какъ скоро начинается коммерческая возможность дѣлать прочныя улучшения, бываютъ подавляемы сонерничествомъ крупныхъ хозяйствъ такъ, что имъ уже не до улучшеній, а лишь бы только какъ нибудь быть сытыми со дня на день. А гораздо большая половина земли находится въ большихъ участкахъ, на которыхъ моменты собственности, оборотнаго капитала и труда распадаются на три разныхъ класса людей, и возникаетъ относительно прочныхъ улучшеній слѣдующее положеніе дѣлъ:

- 1) Собственникъ, не участвующій ничѣмъ въ улучшенияхъ, пользуется большею частью выгодъ отъ нихъ;
- 2) Фермеръ, производящій улучшения своимъ капиталомъ, пользуется только меньшею половиною выгодъ отъ нихъ;
- 3) Работники, не имѣющіе ровно никакого интереса въ успѣхѣ или неудачѣ предпріятія, производятъ все, что требуетъ заботливой внимательности,—а такова большая часть улучшеній.

Фермерство возникает из общественных отношений, разъединяющих собственность отъ оборотнаго капитала, капиталъ отъ труда, знаніе отъ обладанія;— оно возникаетъ ради разъединенія ренты отъ всякой нужды умственнаго и фианческаго труда. Корень этого учрежденія въ интересахъ празднои ренты и помѣщенія избыточествующихъ капиталовъ, а вовсе не въ интересахъ успѣховъ сельскаго хозяйства.

Своему назначенію: съ одной стороны давать праздную ренту, съ другой—давать помѣщеніе капиталамъ, оно очень точно удовлетворяетъ: но съ точки зрѣнія сельско-хозяйственныхъ успѣховъ, это самое неудобное учрежденіе.

Такихъ учреждений мы находимъ много во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Возникая изъ стремленій, чуждыхъ интересамъ той области, которая захватывается ими, они держатся не сообразностью своею съ здоровыми понятіями, а соотвѣтственностью своею съ выгодами такъ или иначе установившагося общественнаго порядка. Майораты, продажа военныхъ чиновъ, безчисленныя синекуры, неравномѣрность представительства разныхъ элементовъ въ правительствѣ (т. е. парламентѣ, дающемъ правительство странѣ), неогражденность положенія жены относительно не только личности, но и имущества *), и т. д. — все это развѣ основано на здоровыхъ понятіяхъ?

Нѣтъ, все это возникло изъ общаго соціальнаго устройства, которое быть можетъ хорошо или дурно, но которое создано вовсе не по руководству Адама Смита и не по теоріямъ Либиха, а потому и не всегда рождаетъ явленія, сообразныя съ требованіями науки.

„Но все-таки, англійское сельское хозяйство находится въ хорошемъ положеніи“,— да, точно такъ же, какъ англійская армія все-таки одерживаетъ блистательныя побѣды, англійскій парламентъ все-таки издаетъ хорошіе законы, англійскіе мужья все-таки хорошо живутъ съ женами—это все не свидѣтельствуетъ въ пользу неравномѣрности представительства, продажности офицерскихъ чиновъ и неогражденности имущества женъ, а говоритъ только, что житейская необходимость въ правосудіи, въ мужествѣ, въ семейномъ согласіи сглаживаетъ вредныя послѣдствія частныхъ неразумныхъ учреждений, когда общій духъ націи окрѣпъ подъ вліяшемъ общаго хорошаго законодательства, подъ сѣнью законности и твердыхъ правъ. Продажа чиновъ портитъ организацію англійской арміи, — но англичанинъ привыкъ быть смѣль, энергиченъ, любитъ родину, — и потому англійская армія все-таки лучше неаполитанской, въ которой нѣтъ продажности чиновъ. Но если бы неаполитанцы вздумали ввести у себя продажность чиновъ, сообразпвъ, что въ ней-то и есть залогъ военныхъ успѣховъ, — скажите, что было бы съ неаполитанскою арміею? — если теперь она плоха, тогда стала бы еще въ тысячу разъ хуже.

Успѣхи каждой отрасли національной жизни завинаятъ прежде всего

*) Законы Англии гораздо менѣе ограждаютъ имущество жены, нежели, напр., русскіе и французскіе. По русскимъ законамъ мужъ не имѣетъ власти распоряжаться придаваемъ или наследствомъ жевы,—по англійскимъ, опъ полный и безотчетный распорядитель его, будто своей собственности.

отъ общаго духа націи и отъ обстоятельствъ національнаго быта. Земли въ Англіи мало, пути сообщенія хороши, требованіе на сельскіе продукты чрезмѣрно велико, вслѣдствіе громаднаго развитія городовъ — и вотъ одна сторона положенія, пзъ котораго возникаетъ тщательная обработка полей. И у насъ близъ большихъ городовъ и по близости хорошихъ путей сообщенія земля обрабатывается лучше, и тѣмъ лучше обрабатывается, чѣмъ гуще населеніе. Принципъ владѣнія землею въ Псковской губерніи и въ Московскомъ уѣздѣ одинъ и тотъ же—но есть ли какое нибудь сравненіе между этими мѣстностями по качеству обработки земли и количеству положенныхъ на нее улучшеній и оборотнаго земледѣльческаго капитала? Въ приложеніи F мы точнѣе развиваемъ эту мысль съ приложешемъ цифръ.

Это одна сторона дѣла, матеріальная. Не менѣе, если не болѣе, важна сторона нравственная. Духъ гражданскихъ учрежденій, отношенія сословій, порядокъ администраціи, — все это гораздо ближе касается каждой отрасли матеріальныхъ успѣховъ, нежели думаютъ многіе.

Если бы частная поземельная собственность когда нибудь, при какой бы то ни было системѣ наслѣдства, приданаго и продажи, могла быть устроена въ Европѣ такъ, чтобы обезпечивать большинству земледѣльческаго населенія обладаніе достаточными для безбѣдной жизни (близкими къ средней величинѣ, происходящей отъ раздѣленія воздѣлываемаго пространства на число семей) поземельными владѣніями, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія національнаго благосостоянія. Если бы она могла когда-нибудь привести въ Европѣ къ такому результату, чтобы большая половина воздѣлываемой земли воздѣлывалась хозяйствомъ собственниковъ, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія успѣховъ сельскаго хозяйства. Но какъ историческо-статистическіе факты, такъ и анализъ необходимыхъ дѣйствій самого принципа поземельной наслѣдственности равно доказываютъ, что обѣ эти цѣли не соотвѣтствуютъ самой природѣ частной поземельной собственности. Она постоянно распредѣляетъ территорію націи такъ, что большинство земледѣльческаго населенія или вовсе исключается изъ участія въ поземельномъ владѣніи, или получаетъ на свою долю ничтожные, гомеопатическіе клочки, владѣльцы которыхъ не обезпечены въ существованіи воздѣлываніемъ ихъ. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее каждому земледѣльцу обладаніе землею, гораздо лучше частной собственности упрочиваетъ національное благосостояніе. Частная земледѣльческая собственность необходимо ведетъ къ тому, что большая половина воздѣлываемаго пространства воздѣлывается не собственниками, имѣющими прямой интересъ въ улучшеніяхъ, а другими людьми, которые, производя прочныя улучшенія, доставляютъ тѣмъ выгоду не себѣ, а инымъ людямъ, и слѣдовательно приводятся къ наинозможно меньшему интересу въ производствѣ улучшеній. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее воздѣлывателю несравненно большую долю выгоды отъ прочныхъ улучшеній, болѣе благопріятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, нежели частная поземельная собственность.

Мы думаемъ, что достаточно раскрыли теоретическую неизбѣжность таковаго вывода. Въ приложеніи С мы объясняемъ, что онъ подтверждается даже тѣми немногими частными фактами, которые выставляются легкомы-

слѣмъ въ опроверженіе общихъ, повсвѣстныхъ указашій исторіи и статистики, свидѣтельствующихъ о вѣрности защищаемаго нами взгляда.

Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успѣховъ сельскаго хозяйства, которая соединяетъ собственника, хозяина и работника въ одномъ лицѣ. Государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ изъ всѣхъ формъ собственности наиболѣе подходитъ къ этому идеалу.

При настоящемъ порядкѣ (безъ вознагражденія, съ 10 — 15-лѣтними передѣлами) общинное владѣніе даетъ лицу, производящему прочныя улучшенія, почти въ два раза болѣе выгодъ, нежели система половничества, и въ четыре раза болѣе выгодъ, нежели система фермерства.

А при частной собственности большая половина пространства, по невозможности феодальныхъ формъ, необходимо воздѣлывается по системѣ фермерства при развитости экономическаго быта.

Потому система общиннаго владѣнія представляетъ неоспоримое преимущество надъ обѣими этими единственными преобладающими формами частной собственности (мы не говоримъ о формахъ феодальныхъ, которыхъ никто не рѣшится защищать) со стороны благопріятности для успѣховъ сельскаго хозяйства.

„Но если государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ есть изъ всѣхъ формъ поземельной собственности самая благопріятная для прочныхъ улучшеній въ земледѣліи, то почему же наше земледѣліе такъ мало приняло изъ улучшеній, существующихъ въ Англіи, Голландіи, Голыптейнѣ и такъ далѣе? Почему у насъ до сихъ поръ держится трехпольное хозяйство, плохія породы малочисленнаго скота, плохія первобытныя орудія обработки, такъ плохо удобряется земля, и такъ далѣе?“ Послѣ нашихъ прежнихъ статей, едва ли нужно долго останавливаться на этомъ, отвѣтъ ясенъ. Тутъ дѣло не въ формѣ поземельной собственности, а въ томъ, что нѣтъ еще надобности, иначе сказать, коммерческаго разсчета, затрачивать капиталы на введеніе сильныхъ удобреній, улучшенныхъ орудій и такъ далѣе. Сельскіе хозяева очень хорошо знаютъ это, и потому держатся той системы, которая требуетъ наименѣе затратъ. И въ Англіи при майоратахъ, субституціяхъ, при фермерствѣ и нынѣшнемъ развитіи частной поземельной собственности въ XVI вѣкѣ, земледѣліе оставалось въ такомъ же положеніи, какъ нынѣ въ Россіи. Внутренній запросъ на хлѣбъ былъ малъ, по слабому развитію городскаго населенія; внѣшній сбытъ былъ малъ, по неудобству путей сообщенія; земли было много, рукъ мало, по слабой населенности Англіи; законность и правосудіе были въ жалкомъ состояніи, потому капиталы прятались; въ націи было мало предприимчивости и энергіи въ трудѣ, — таково было состояніе англійской націи въ XVI — XVII вѣкахъ, и какая бы форма поземельнаго владѣнія ни существовала въ ней тогда, все равно, земледѣліе не могло дѣлать успѣховъ, потому что не было ни потребности, ни выгоды дѣлать улучшенія. Производство усиливается улучшеніями, — въ какомъ нибудь уѣздѣ Воронежской или Харьковской губерніи, имѣющемъ нынѣ мильонъ четвертей сбора при среднемъ урожаѣ, будетъ два мильона четвертей при такомъ же урожаѣ, если улучшится способъ обработки. Превосходно; эти два мильона бываютъ и нынѣ при чрезвычайныхъ урожаяхъ, —

чтожь тогда случается? Сбыта нѣтъ, хлѣбъ странино падаетъ въ цѣнѣ и лежитъ непроданный, производители сидятъ безъ денегъ, говоря: переродъ хуже недорода. Скажите теперь, какая имъ надобность хлопотать ради двухъ миліоновъ сбора, когда они не знаютъ, какъ быть и куда дѣваться, есмь эти два миліона родятся по счастливому случаю? Какая тутъ возможность улучшеній? Еще вопросъ: у меня есть оборотный капиталъ; я могу или затратить его на улучшеніе земли, или расширить запанку, прикупивъ или принявъ земли; послѣднее помѣщеніе гораздо выгоднѣе, по причинѣ многоземельности; — неужели же я буду такой идеалистъ, что по улучшенному способу, ради любви къ улучшеніямъ, захочу съ удвоенными хлопотами получать менѣе выгодъ, нежели получаю посредствомъ простаго расширенія запанки, безъ всякихъ хлопотъ?

Форма владѣнія можетъ благоприятствовать или неблагоприятствовать улучшеніямъ. Но они являются тогда только, когда затрата капиталовъ становится выгодна. Для этого нужно земледѣлію: развитіе рынковъ и извѣстная густота населенія. У насъ ни того ни другаго нѣтъ, потому и улучшенія не являются. Пока не было сильнаго запроса и густоты населенія, не было улучшеній и въ Англии. А когда явилась и потребность и выгода, явились и улучшенія, необходимость преодолеваетъ все, она преодолѣла и неудобства фермерской системы. У насъ, когда явится потребность и выгода улучшеній, явятся и улучшенія, какова бы ни была форма владѣнія, хотя бы водворилось и неблагопріятное для нихъ фермерство. Но если до того времени сохранится благопріятнѣйшая для нихъ система общиннаго владѣнія, улучшенія возникнутъ легче и расширятся быстрѣе.

Когда явится это время? Условія того ясны: когда населеніе будетъ гуще, когда пути сообщенія будутъ легки. Производство расширяется съ расширеніемъ рынковъ, а улучшенныя способы являются только тогда, когда необходимы для увеличенія производства. Раньше явиться въ земледѣліи они не могутъ, потому что они дороже первобытныхъ способовъ земледѣлія, которые всегда и держатся до того времени, пока уже не въ состояніи будутъ давать столько продуктовъ, сколько требуется расширеніемъ запроса.

Цѣлую обширную статью мы употребили на разсмотрѣніе одного возраженія противъ общиннаго владѣнія, сколько же мѣста должно занять разсмотрѣнію другихъ возраженій? Гораздо меньше, потому что всѣ вмѣстѣ они гораздо маловажнѣе этого; оно одно требуетъ долгихъ и точныхъ объясненій не потому, чтобъ имѣло хотя малѣйшую долю основательности или хотя бы затруднительности, а просто потому, что у насъ, незнакомыхъ по опыту съ фермерствомъ, образовалось мнѣніе, будто фермерство само по себѣ есть нѣчто благопріятное успѣхамъ сельскаго хозяйства, — это предубѣжденію возникло только изъ незнакомства съ дѣломъ и изъ запутанности понятій. Начнутъ съ идеала, въ которомъ нѣтъ ни фермера, ни работника, а предполагается зажиточный поселянинъ землевладѣлецъ, обрабатывающій землю собственными руками, — п расхваливши до небесъ это дѣйствительно очень хорошее состояніе, вдругъ заключаютъ: „и такъ частная собственность выше общиннаго владѣнія“, — а читатель и думаетъ, будто она то и даетъ этотъ идеалъ, онъ вотируетъ въ пользу частной поземельной собственности ради

этого идеала, а того и не сказали ему, что именно при ней этот идеал наименѣ возможенъ, именно при ней наименѣ возможности удержаться во владѣніи землею человѣку, воздѣлывающему ее своими руками, и вмѣсто прекраснаго идеала, котораго желалъ, обманутый прозелить видить себя среди фермерства, которое вовсе не похоже на идеалъ.

Мы заговорили объ идеалахъ. Мы защищаемъ фактъ, у насъ существующій,—государственную собственность съ общиннымъ владѣніемъ, именно потому, что она всего ближе всѣхъ другихъ формъ собственности подходитъ къ идеалу поземельной собственности.

Вся выгода отъ улучшеній и отъ труда должна принадлежать лицу, трудящемуся и улучшающему.

Каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ.

Первая черта идеала относится къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, вторая къ національному благосостоянію. Чѣмъ полнѣе осуществляются онѣ въ дѣйствительности, тѣмъ при равныхъ условіяхъ быстрѣе успѣхи сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія. Но форма владѣнія не есть единственное основаніе того и другаго: нужны другія условія, о нихъ-то и должны хлопотать въ каждой землѣ люди, желающіе успѣховъ сельскому хозяйству. Изъ этихъ условій отъ человѣческой воли зависитъ водвореніе законности, справедливости и правосудія, водвореніе хорошей администраціи, предоставленіе каждому простора для законной дѣятельности.

За осуществленіемъ этихъ условій слѣдуетъ и все остальное, нужное для успѣховъ земледѣлія: пробужденіе промышленной дѣятельности, развитіе городовъ, увеличеніе удобствъ сообщенія производителей съ рынкомъ.

Мы защищаемъ фактъ, у насъ сохранившійся, потому что онъ изъ всѣхъ возможныхъ на землѣ формъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ идеалу поземельной собственности.

Но фактъ самъ по себѣ есть уже всегда до нѣкоторой степени уклоненіе отъ идеала и нуждается постоянно въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и исправленіяхъ для соотвѣтствія съ нимъ. Потому, защищая принципъ факта, мы должны съ другой стороны сказать и о томъ, до какой степени дѣйствительныя подробности факта удовлетворительны, кашія нѣтъ.

Нация имѣетъ два интереса:

- 1) Люди особенно даровитые, особенно счастливые или особенно дѣятельные, которые могутъ успѣшно выдерживать конкуренцію, любятъ рисковать.
- 2) Люди обыкновенные желаютъ жить безбѣдно и обезпеченно.

Для первыхъ существуетъ огромное поприще частной собственности, въ которой все предоставлено счастью, дарованію, силѣ или ловкости. Вторымъ нужно обезпеченное достояніе, независимое отъ превратностей счастья, такъ чтобы трудящійся всегда имѣлъ средства къ труду.

Это дается государственною поземельною собственностью съ общиннымъ владѣніемъ.

Я сынъ моей родины — этого довольно, родина поступаетъ со мною какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться,—я получаю участокъ изъ государственной собственности.

Всѣ дѣти равно милы ей, — я получаю столько же, сколько нон братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину, — они не ропщутъ на то, потому что и сами прѣжде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ, — мое право есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ прійдется, въ свою очередь, потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ, — ихъ право есть мое право.

Но я хочу и имѣю средства искать чего нибудь лучшаго, нежели безбѣдная жизнь, я надѣюсь на особенныя свои силы, я имѣю особенныя наклонности, — прекрасно, это ужъ мое дѣло, мой рискъ. Значить, я уже отказываюсь отъ обезпеченности, мнѣняя вѣрный, но скромный жребій на путь. могущій быть болѣе выгоднымъ или пріятнымъ мнѣ, но могущій и быть неудачнымъ. Я отказываюсь отъ участія въ государственной землѣ, я ищу себѣ личной, частной собственности.

Изъ этого ясны отношенія общиннаго владѣнія и частной поземельной собственности по объему.

Государственная поземельная собственность должна имѣть, по крайней мѣрѣ, такой объемъ, чтобы каждый изъ подунинныхъ участковъ давалъ безбѣдныя средства для жизни землевладѣльцу.

Она будетъ имѣть такой объемъ, если къ ней причислить всѣ тѣ земли, которыя воздѣлываются для самихъ себя земледѣльцами. Если же нѣтъ, если различать наименованія, и изъ земель, находящихся въ общинномъ владѣніи или пользованіи, считать только тѣ неизземлемыя изъ общаго государственнаго поземельнаго капитала, которыя называются нынѣ государственными; — если полагать, что тѣ земли, которыя носятъ имя частной собственности, но распределяются между поселянами по общинному праву, должны отойти въ ихъ или чью нибудь частную собственность, объемъ общаго государственнаго фонда окажется совершенно недостаточнымъ.

Отходить имъ изъ него нѣтъ основанія ни въ обычаѣ, ни въ правѣ.

Въ обычаѣ нѣтъ основанія потому, что онѣ распределяются въ пользованіе все-таки на основаніи общинномъ, и земледѣльцы, ихъ населяющіе, не кидать въ этомъ отношеніи различія между собою и другими земледѣльцами.

Само собою разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ областяхъ имперіи, въ которыхъ общинное владѣніе есть обычай. Гдѣ обычай — частная собственность, вводитъ общинное владѣніе было бы слишкомъ сильнымъ потрясеніемъ обычая. Этой цѣли надобно достигать постепенно, и притомъ преимущественно объясненіями поселянамъ выгодъ общиннаго владѣнія и наглядными примѣрами по сосѣдству. Мѣры должны идти вслѣдъ за убѣжденіемъ большинства, а не предшествовать ему.

Въ правѣ нѣтъ основанія выпускать изъ государственнаго фонда земли, хотя бы и носящія имя частной собственности, но состоящія въ пользованіи у земледѣльцовъ по общинному принципу, потому что основаніе всѣхъ частныхъ правъ по имуществу — государственнаго блага, и слѣдовательно нѣтъ юридическаго основанія уменьшать, въ противность ему, государственный

фондъ изъ-за различія въ словахъ и названіяхъ, когда сущность владѣнія всѣхъ земледѣльцевъ одна и та же и по внѣшнему факту, и по обычаю, и по сознанию земледѣльцевъ—общинный принципъ.

И такъ: все, чѣмъ владѣютъ или что воздѣлываютъ для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственною собственностью въ въ общинномъ владѣніи.

Затѣмъ, земли, которыя не только называются частною собственностью (одного имени мало), но также и воздѣлываются по принципу частной собственности, должны быть частною собственностью, потому что фактически только онѣ выдѣлились изъ общиннаго владѣнія. Тѣ участки, которыхъ земледѣлецъ, ихъ для себя воздѣлывающій, не имѣетъ нынѣ права продать или завѣщать по произволу, не есть фактически частная собственность, хотя бы и носили это имя: они распредѣляются по общинному праву, слѣдовательно находятся въ немъ, а не въ частной собственности.

Во многихъ мѣстностяхъ господствуютъ способы примѣненія общиннаго принципа, носяще печать умственной неразвитости и нерасчетливости. Напримеръ, дѣлятъ поля на множество полосъ по качеству грунта и въ каждой полосѣ нарѣзываютъ клочокъ для каждаго подушнаго или потягольнаго участка. Есть привычка винить въ томъ общинное владѣніе, — но вовсе не оно тутъ виновато. Видѣли ль вы, какъ размежевываются дачи помѣщиковъ изъ череполоснаго владѣнія? Очень часто такимъ же образомъ: дѣлятъ дачу на полосы, и въ каждой полосѣ каждый беретъ себѣ кусокъ, вмѣсто того, чтобы взять всю землю въ одномъ мѣстѣ. Это просто неумѣнье вознаграждать количествомъ за качество. Само собою, этотъ обычай исчезнетъ, какъ скоро объяснится его невыгодность, и повсюду будетъ уравнительность участковъ производиться, какъ и теперь производится во многихъ мѣстахъ, тѣмъ, что участокъ лучшей земли будетъ меньше, участокъ худшей—больше.

О срокахъ передѣла мы уже говорили, что они опредѣляются характеромъ обработки: гдѣ земля не удобряется, почему не дѣлить и каждый годъ, если есть охота? Гдѣ удобряется, сроки передѣла болѣе продолжительны, и относительно прочности участокъ общинника ни мало не уступаетъ фермѣ.

Когда улучшенія сдѣлаются болѣе значительны, когда затрата капиталовъ на землю будетъ возможна, безъ сомнѣнія, войдетъ въ обычай вознаграждать отъ общины за потраченный на участокъ капиталъ, если этотъ участокъ переходитъ отъ одного къ другому. Это дѣло вовсе не затруднительно и не потребуетъ большихъ суммъ, потому что, какъ скоро улучшеніе действительно выгодно, оно быстро вводится всѣми, а пока этого нѣтъ, почти никто не вводитъ его. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, община приплачиваетъ очень немногимъ, потому что неравномѣрность улучшеній и затратъ незначительна или по качествамъ или по объему.

Мы не считали этого вознагражденія, когда дѣлали расчетъ о томъ, сколько выгоды имѣетъ общинникъ отъ прочныхъ улучшеній, и много ли достается выгоды постороннимъ людямъ въ слѣдствіе передѣловъ. Но если взять вознагражденіе, то *рпшительно* вся выгода остается въ рукахъ производящаго улучшеніе, и общинное владѣніе, и безъ того далеко превос-

ходящее въ этомъ отношеніи фермерскую систему, совершенно сравнится съ тѣмъ идеаломъ, во имя котораго исключительные защитники частной собственности вооружаются противъ общиннаго владѣнія, не соображая, что ихъ требованія существующими порядками частной собственности исполняются гораздо менѣе, нежели общинное владѣніе удовлетворяетъ верховному условію всякихъ улучшеній.

Личный интересъ есть двигатель улучшеній.

Только общинное владѣніе распределяетъ землю такимъ образомъ, что рента, проценты оборотнаго капитала и трудъ соединяются въ одномъ лицѣ, которое потому имѣетъ всю выгоду и трудится наилучшимъ образомъ, и затрачиваетъ наибольшее количество капитала на оживленіе труда улучшеніями, и по возможности увеличивать ренту.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Сравненіе выгодности прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера.

1. Общинники.

Передѣлы черезъ 15 лѣтъ.

При передѣлахъ за каждую семью оставляютъ прежній участокъ, или, если участокъ долженъ уменьшиться, оставляютъ семью слѣдующую ей часть прежняго участка,—таковъ господствующій у насъ обычай вездѣ, гдѣ земля сколько нибудь удобряется.

Если число душъ въ семьѣ возрастаетъ сообразно общему возрастанію душъ въ селѣ, она сохраняетъ прежшій участокъ въ прежнемъ объемѣ, слѣдовательно ничего не теряетъ изъ капитала, затраченнаго на этотъ участокъ. Тоже самое, когда она возрастаетъ быстрѣе общей пропорціи, — участокъ остается прежшій; къ нему прирѣзывается еще кусокъ, какой слѣдуетъ.

Итакъ, потеря возможна только тогда, когда число душъ въ семьѣ увеличивается менѣе, нежели общее число душъ въ селѣ. Беремъ очень невыгодный случай: число душъ въ семьѣ вовсе не увеличивается, между тѣмъ какъ общее число душъ въ селѣ быстро возрастаетъ, напримѣръ на 25% въ каждые 15 лѣтъ,—эта быстрота почти безпримѣрная, и потому потери семьи вслѣдствіе уменьшенія участка также необычайно велики. Посмотримъ однако, каковы онѣ.

Село имѣетъ 320 душъ муж. пола, съ 3,200 десятинъ земли, или по 10 десят. на душу.

Семья Перфильевыхъ состоитъ изъ 4 душъ; ей дается участокъ въ 40 десятинъ. Она для его улучшенія затрачиваетъ капиталъ въ 20 р. сер. на десятинахъ, всего на участокъ 800 р. Отъ этого улучшенія, дѣйствіе котораго продолжается на 57 лѣтъ, ежегодный доходъ съ десятины увеличивается на 2 р. 50 коп.

На работы, нужныя для этихъ улучшеній, требуется 3 года. Потому увеличеніе дохода начинается только съ 4-го года.

Весь періодъ работъ и приносимой ими пользы составляютъ 60 лѣтъ. Посмотримъ же теперь, каковы выгоды или потери Перфильевыхъ отъ обращенія этого капитала на землю.

Первыя пятнадцать лѣтъ. Съ четвертаго года, 40 десятинъ даютъ по 2 р. 50 коп., всего 100 р. въ годъ или въ 12 лѣтъ 1200 р.

Вторыя 15 лѣтъ. Передѣлъ. Число душъ въ селѣ возрасло до 400. На душу приходится по 8 дес.; у Перфильевыхъ (4 души) остается только 32 десятины, остальные 8 отрѣзываются для надѣленія другихъ сечей. Съ 32 десят. избытокъ дохода (по 2 р. 50) — 80 р., въ 15 лѣтъ — 1200 р.

Третьи 15 лѣтъ. Передѣлъ. Число душъ возрасло до 500. На душу приходится до 6,4 десятины. Участокъ Перфильевыхъ (4 души) уменьшается до 25,6 десятинъ. Съ нихъ избытокъ дохода ежегодно 64 р., въ 15 лѣтъ 960 р.

Четвертыя 15 лѣтъ. Число душъ возрасло до 625. На душу приходится по 5,12 десят. Участокъ Перфильевыхъ (4 души) уменьшается до 20,48 десят. Съ нихъ избытокъ дохода 51 р. 20 коп., всего въ 15 лѣтъ 768 р.

Съ истеченіемъ послѣдняго срока, сила произведеннаго удобренія или улучшенія истощилась. Семья Перфильевыхъ отъ 800 р., употребленныхъ на улучшеніе, получила:

весь избытокъ дохода

1200

1200

960

768

4128

Таковъ доходъ ихъ. Теперь надобно сосчитать, сколько дохода отъ произведеннаго улучшенія перешло въ чужія руки, вслѣдствіе передѣловъ. Удобренныя 40 десятинъ ежегодно даютъ по 100 р., всего въ теченіе 57 лѣтъ — 5700 р.; изъ нихъ только 4128 досталось семьѣ, которая произвела улучшеніе; значить, 1572 р. отошло въ чужія руки вслѣдствіе передѣловъ.

2. ФЕРМЕРЪ.

Срокъ контракта мы полагаемъ такой же, какъ срокъ передѣла, 15 лѣтъ; величину фермы — равную величинѣ участка, улучшеннаго Перфильевыми; величину затраченнаго капитала, силу и продолжительность дѣйствій улучшенія — такія же. Счетъ составляется очень просто.

До окончанія контракта фермеръ имѣетъ ежегодно 100 р. выгоды (по 2 р. 50 коп. съ десятины), всего по истеченіи 12 лѣтъ — 1200 р.

Контрактъ кончился. До сихъ поръ фермеръ платилъ 500 р. сер. арендной платы; теперь еобственникъ говоритъ ему: давай мнѣ 600 р. или я найду другаго фермера, который дастъ эту сумму, — вѣдь ферма теиерь

приносить болѣе дохода, нежели тогда, когда мы съ тобою заключали прежній контрактъ. Итакъ, въ остальные 45 лѣтъ, на которыя продолжается дѣйствіе произведеннаго улучшенія, фермеръ, произведшій это улучшеніе, не пользуется отъ него ни на копѣйку; выгода его ограничивается только срукою перваго контракта. 1200 р.—вотъ весь доходъ человѣка, произведшаго улучшеніе; 4500 р. сер. идутъ въ чужія руки. Фермеръ находитъ и это выгоднымъ,—вѣдь онъ все таки, затративъ 800 р., получилъ 1200 р. то есть 400 р. чистой прибыли; спрашивается: какъ-же не найдеть выгоднымъ подобную же затрату капитала семья общинниковъ, которые получаютъ та же 800 р.—4128 р., то есть 3328 р. чистой прибыли?

Фермеръ получилъ 50% прибыли,—это для него достаточно привлекательный интересъ; а для семьи общинниковъ не будутъ имѣть достаточной привлекательности 416%?

Изъ прибыли, произведенной трудомъ и капиталомъ общинниковъ, меньше, нежели одна треть идетъ въ чужія руки,—этимъ доказывается несообразность общиннаго владѣнія съ здоровыми принципами употребленія капиталовъ; а изъ прибыли, производимой трудомъ и капиталомъ фермера, болѣе нежели девять-десятыхъ идутъ въ чужія руки,—это сообразно съ здоровыми принципами?

Само собою разумѣется, цифра 12¹/₂% прибыли отъ капитала, приложеннаго къ прочному улучшенію, взята примѣрно; но возьмите какую угодно другую цифру—3%, 30%, все равно, пропорція между результатами фермерскаго и общиннаго счета выйдетъ одинаковая.

Само собою разумѣется также, что и цифра 57-лѣтняго періода дѣйствій улучшенія только примѣрная. Но опять-таки сущность дѣла остается та же самая, какую бы цифру ни взяли: все-таки, если общинникъ пользуется полною прибылью отъ своего улучшенія только до передѣла земли, то и фермеръ только до возобновленія контракта,—стало быть тутъ не имѣетъ ни малѣйшаго преимущества передъ общинниками; напротивъ, сроки контракта въ Англии 7—14 лѣтъ, и продолжительнѣе быть имъ неудобно, иначе это будетъ уже не фермерскій контрактъ, а какая-нибудь форма низшей степени развитія, болѣе стѣснительная для обѣихъ сторонъ, и для собственника и для арендатора,—а срокамъ передѣла не нужно быть менѣе 10—15 лѣтъ, если только земля стала удобряться порядочнымъ образомъ (если она не удобряется, это другое дѣло, тутъ хотя каждый годъ передѣлъ, никто ничего не теряетъ, потому что шшего не затрачено на землю)—менѣе нежели въ 10 лѣтъ не произойдутъ значительныя перемѣны въ общемъ составѣ населенія.

Итакъ, на первые годы, число которыхъ у фермера нѣсколько меньше, нежели у общинника, оба они имѣютъ одинаково полную выгоду отъ улучшеній. Но относительно тѣхъ лѣтъ, которыя выходятъ далѣе, выгода вся уже на сторонѣ общинника: опъ теряетъ что нибудь только въ одномъ изъ трехъ шансовъ,—если его семья возрастаетъ менѣе, нежели въ средней пропорціи; да и въ томъ случаѣ онъ никакъ и никогда не теряетъ спую прибыль, а теряетъ только часть ея; напротивъ, фермеръ теряетъ непременно и всегда всю прибыль. И чѣмъ продолжительнѣе періодъ дѣй-

стай производеннаго улучшенія, тѣмъ болѣе склоняется преимущество на сторону общинника. Напримѣръ:

Предположимъ, что строится деревянная водоподъемная машина для орошенія луговъ. Дѣйствуетъ она 20 лѣтъ. Прибыль отъ нея съ десятины 2 р. 50 коп.; фермеръ получилъ полную прибыль только съ 14 лѣтъ своего контракта, а общинникъ полную прибыль за 15 лѣтъ, и еще или полную прибыль или большую часть прибыли за остальные пять лѣтъ. Счетъ таковъ: съ 40 дес. фермеръ получаетъ 1400 р.; общинникъ 1500 до передѣла, 250 въ слѣдующія пять лѣтъ, полагая, что участокъ его уменьшится послѣ передѣла даже на половину—разница 350 р. въ пользу общинника; она значительна, но еще не громадна.

Но положимъ, что вмѣсто деревянной водоподъемной машины дѣлается каменный водопроводъ — онъ простоятъ 500 лѣтъ,—тогда сообразите всю сумму прибыли для рода общинниковъ, хотя бы этотъ родъ удерживалъ за собою, среднимъ числомъ, только половину первоначальнаго участка. Вотъ счеты: фермеръ за 14 лѣтъ отъ 40 дес. (по 2 р. 50 коп.) — 1400 р. Родъ общинниковъ Перфильевыхъ за 15 лѣтъ отъ 40 дес.—1500, и за 485 лѣтъ отъ 20 десятинъ, то есть по 50 р. въ годъ, 24250 р., — всего 25,750 р. То есть, чѣмъ прочнѣе улучшеніе, тѣмъ громаднѣе становятся выгоды общинника стремиться къ этому улучшенію, сравнительно съ выгодами фермера.

Того, кто возьметъ на себя трудъ подумать серьезно, подобные примѣры могутъ, кажется, убѣдить, что мысль, будто общинное владѣніе мѣнѣ другихъ способовъ владѣнія благоприятно для прочныхъ улучшеній,—это мнѣніе рѣшительно противорѣчитъ здравому анализу фактовъ. Теперь мы доказали, что общинникъ имѣетъ въ прочныхъ улучшеніяхъ гораздо болѣе интереса, нежели фермеръ. Ниже мы увидимъ, что онъ имѣетъ въ нихъ больше интереса, нежели самый еобственникъ, если брать собственника не идеальнаго, а такого, какимъ мы видѣли его въ дѣйствительности.

При этомъ надобно замѣтить, что мы брали такую форму общиннаго владѣнія, какая существуетъ на фактѣ; безъ всякихъ исправленій. А въ Россіи мало еще развитъ экономическій бытъ, и потому конечно формы общиннаго владѣнія развились еще мало, и усовершенствуются при большемъ экономическомъ развитіи.

В. О возможности прочныхъ улучшеній при фермерской системѣ со стороны собственника.

Даже тогда, когда прочныя улучшенія производитъ фермеръ, большая часть прибыли идетъ въ руки собственника. Не выгодно ли по этому производить подобныя улучшенія самому собственнику?

Теоретически тутъ возможны два пути: или еобственникъ прекращаетъ контрактъ и беретъ землю подъ свое управленіе на время работъ; или оставляетъ ее въ распоряженіи фермера. Но практически первый путь невозможенъ, потому что сопряженъ съ потерями, слишкомъ громадными: фермерское хозяйство могутъ продолжать только фермеры; еобственникъ, взявшись за него, понесетъ огромные убытки.

Остается второй способ: фермеръ продолжаетъ хозяйничать на землѣ, на которой производятся собственникомъ улучшения.

Хозяйничаетъ одинъ, производить затраты другой—тутъ являются всѣ тѣ затрудненія, которыя приводятся противъ административнаго коммунизма. Старая школа экономистовъ признаетъ эти затрудненія непреодолимыми (не замѣчая того, что этотъ административный коммунизмъ вездѣ, гдѣ трудится одинъ, управляетъ работою другой, а расходы идутъ изъ денегъ третьяго). Пусть онѣ будутъ и побѣдимы, во всякомъ случаѣ онѣ влекутъ напрасное увеличеніе расходовъ въ сильномъ размѣрѣ. Оцѣнимъ его хотя въ 50 процентовъ,—цифра слишкомъ умѣренная.

Контрактъ существуетъ. До окончанія его срока остается среднимъ числомъ 5 лѣтъ (средняя продолжительность контракта при предѣлахъ 7—14 лѣтъ 10 лѣтъ: половина этой цифры даетъ среднюю продолжительность времени, остающагося отъ начала работъ до окончанія его срока,—потому что работы въ общей массѣ національнаго хозяйства равно распадаются на всѣ годы, и для нормальнаго расчета надобно принимать среднюю цифру между всѣми отдѣльными случаями, распадающимися на всѣ годы, отъ перваго до послѣдняго).

Возьмемъ прежшій случай, служившій нормою расчета въ приложеніи А, то-есть, затрату по 20 руб. сер. на десятину для улучшения, дающаго прибыль по $12\frac{1}{2}\%$ на 57 лѣтъ.

Для фермера было выгодно производить такую затрату. Посмотримъ, можетъ ли сдѣлать ее собственникъ. Ферма имѣетъ 40 десятинъ и даетъ ренты 400 р.; отъ затраты 800 р. (экономическимъ образомъ), она будетъ втеченіе 57 лѣтъ давать по 100 руб. лишнихъ.

Собственникъ говоритъ фермеру: я произвожу улучшеніе, возвышающее доходность фермы на 100 р., — согласенъ ли ты въ 5 лѣтъ, остающіяся до окончанія контракта, платить мнѣ по 100 руб. лишнихъ?

Фермеръ не можетъ согласиться. Прежде онъ, платя 400 р. ренты, имѣлъ дохода въ остаткѣ 200 р.; теперь онъ будетъ платить по 500 р., а въ остаткѣ будетъ имѣть по прежнему 200 р.; прежде оборотный капиталъ (400 р.) давалъ ему 50% , теперь (500 р.) будетъ давать только 40% —ясно, что перемѣна для него убыточна.

Съ него требуютъ 100 р. въ годъ,—зачѣмъ же ему платить ихъ безъ всякой выгоды для себя? Они могутъ давать ему проценты; платить ихъ задаромъ—значить терпѣть убытокъ.

Фермеръ не согласится измѣнить контрактъ. Собственникъ, если хочетъ сдѣлать улучшеніе, выгоду отъ него до окончанія контракта долженъ оставить въ рукахъ фермера.

Итакъ, пять лѣтъ онъ не получаетъ прибыли. Посмотримъ теперь его счетъ.

Работы производятся, какъ мы видѣли, расточительнымъ образомъ; вмѣсто 800 р., у собственника выходитъ на нихъ 1200 р. Пять лѣтъ они не приносятъ ему пользы,—а если-бы онъ купилъ на нихъ акцій, дающихъ только по $7\frac{1}{2}\%$, онъ получилъ бы по 90 руб. въ годъ, то есть въ 5 лѣтъ капиталъ возросъ бы до 1722 р. 50 коп.: съ этой суммы въ акціонерномъ

обществѣ онъ получалъ бы (по $7\frac{1}{2}\%$) ежегодно 9 руб. 19 коп., а улучшение даетъ ему только 100. Притомъ, въ акціонерномъ доходѣ не заключается погашеніе его капитала,—доходъ остается вѣченъ, а улучшение теряетъ свою силу черезъ 57 лѣтъ, и за вычетомъ 5 лѣтъ, прошедшихъ до конца перваго контракта, онъ пользуется доходомъ только 52 года,—стало быть, изъ дохода съ улучшения надобно вычитать погашеніе капитала около 1% въ годъ, или на 1722 р. около 16 р., и чистый доходъ остается только 83 р.

Само собою разумѣется, цифры 57 лѣтъ, $7\frac{1}{2}\%$ и $12\frac{1}{2}\%$ взяты приблизительно. Но какія бы цифры ни были взяты, сущность дѣла остается таже: собственнику вообще выгоднѣе помѣстить свой капиталъ въ какое нибудь другое промышленное предпріятіе, нежели обратить его на улучшение своихъ земель при фермерской системѣ. Земледѣльческое улучшение только тогда должно представляться ему выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, когда даетъ вдвое или даже втрое болѣе процентовъ, нежели всякая другая промышленность,—случай конечно ненормальный.

Но мы говоримъ о случаѣ очень рѣдкому при системѣ фермерства, полагая, что у собственника есть охота, знаніе дѣла и капиталъ для земледѣльческихъ улучшеній. Соединеніе въ немъ такихъ условій—случай также ненормальный.

Онъ отдаленъ отъ сельскаго хозяйства фермеромъ—онъ не хозяинъ, онъ просто получаетъ отъ фермера нѣчто въ родѣ пенсіи или подати подъ именемъ арендной платы; хозяйственнаго знанія у него нѣтъ. Охота къ труду въ немъ давнымъ давно погасла.

Онъ пользуется синекурою. Синекура всегда развиваетъ страсть къ празднымъ и роскошнымъ привычкамъ. Потому, вообще говоря, хорошо уже и то, когда сходятся у него концы съ концами. Обыкновенно, онъ чувствуетъ влеченіе жить выше своихъ средствъ.

Присмотрѣвшись къ англійскому быту, мы видимъ подтвержденіе этой теоріи. Все сословіе англійскихъ собственниковъ страшно обременено долгами; на англійскихъ помѣстьяхъ лежитъ долгъ, составляющій 50% всей ихъ цѣнности. Это въ 4 раза больше, нежели во Франціи. Но стоитъ только развиться во Франціи системѣ фермерства, и тамъ помѣстья гораздо ниже вышшняго погрузятся въ долги.

До затратъ ли на экономическія улучшенія человѣку, у котораго на помѣстьяхъ лежитъ долгъ, равняющійся половинѣ всей ихъ цѣнности?

С. Необходимость замѣненія фермерствомъ вѣтъхъ другихъ способовъ производства на участкахъ, дающихъ ренту, достаточную для праздной жизни, какъ скоро является возможность прилагать къ земледѣлію значительный капиталъ.

Въ извѣстной мѣстности, положимъ въ департаментѣ Луары, десятина земли, воздѣлываемая простыми старинными способами, даетъ 20 р. сер. валоваго дохода, причѣмъ оборотнаго капитала на обработку требуется только 10 р. сер. Этимъ капиталомъ обладаютъ половники.

Но если ввести улучшенные способы, для чего потребуется еще по

50 р. сер. оборотнаго капитала на десятину (всего съ прежнимъ 60 р.). валовой доходъ съ десятины увеличится до 40 р., а чистый до 25 р.

Цѣнность земли 180 р. десятина.

Monsieur Жако имѣеть 400 десятинъ земли. Спрашивается теперь, что ему выгоднѣе: оставить свои земли по прежнему, подъ системою половничества, или завести собственное хозяйство, или согласиться на фермерскую систему?

Половники изъ 20 р. валоваго дохода даютъ ему 10 р., всего съ 400 десятинъ 4,000 р.

Если онъ введеть улучшенное хозяйство и самъ займется имъ, ему понадобится капиталъ въ 60 р. на десятину. Ему надобно занять эту сумму или продать часть земли, чтобы получить капиталъ для обработки остальной земли. Въ сущности, продажа выгоднѣе займа, и онъ продаетъ 100 десятинъ, за которыя получаетъ 18,000 р.; на этотъ капиталъ, по 60 р. на десятину, онъ обрабатываетъ остальные 300 десятинъ; валоваго дохода получается по 40 р. съ десятины, а чистаго дохода по 25 р., всего съ 300 десятинъ чистаго дохода 7,500 р.

Но сколько онъ получить ренты отъ фермера? На свои 60 р. оборотнаго капитала фермеру довольно получать по 10 процентовъ. Итакъ, онъ, изъ чистаго своего дохода 25 р., считаетъ выгоднымъ удерживать у себя даже только 6 р., а остальные 19 р. согласится отдать, какъ ренту. Если Жако отдаетъ свои земли фермеру, онъ не имѣеть нужды ни въ какомъ капиталѣ и сохраняетъ всѣ свои земли. Съ 400 десятинъ по 19 рублей, фермеры платятъ ему всего 7,600 р.

Итакъ, Жако, если онъ не имѣеть капитала, получить болѣе выгоды, когда отдаетъ свою землю фермерамъ, нежели когда самъ будетъ обрабатывать ее.

А капитала у него нѣтъ, потому что онъ можетъ жить не трудясь, а такал возможность всегда приводитъ къ празднымъ и роскошнымъ привычкамъ.

Если же у него есть капиталъ, нужный для обработки его земель, то есть 24,000 р. (на 400 десятинъ), тогда онъ, конечно, получить, самъ занимаясь хозяйствомъ, 10,000 р. чистаго дохода.

Но все-таки онъ предпочтетъ сдѣлать изъ своего капитала другое употребленіе, а землю отдать фермерамъ; купивъ на него акцій, приносящихъ хотя по 6 процентовъ, онъ получитъ отъ своего капитала 1,440 р.; да отъ фермеровъ 7,600, итого будетъ имѣть 9,040 р., ровно ничего не дѣлая, ровно ни о чемъ не заботясь; а собственное хозяйство даетъ ему 10,000 р. Неужели каждый не предпочтетъ имѣть 9,000 р., вовсе не трудясь, нежели 10,000 р., обременяя себя хлопотами? Пенсія въ 900 р. каждому пріятнѣе, нежели хлопотливое мѣсто съ 1,000 р. дохода.

D. Матеріалъ для опредѣленія, каково нормальное дѣйствіе принципа насльдственности въ распредѣленіи поземельной собственности.

Изумительна та легкость, съ которою старая школа экономистовъ отвергаетъ наглядные факты двумя-тремя силлогизмами.

Точно такимъ образомъ рѣшается старую школу и вопросъ о дѣйствіи принциповъ, управляющихъ движеніемъ поземельной собственности. „Каждый экономическій принципъ самъ въ себѣ носить исцѣленіе своимъ вреднымъ дѣйствіемъ“, — этимъ все сказано, больше не о чемъ хлопотать. А факты говорятъ не то.

Мы приведемъ одинъ примѣръ относительно принципа поземельнаго наслѣдства. Другіе принципы далеко не имѣютъ такой силы; притомъ же ихъ дѣйствія очевиднѣе, какъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Чтобы узнать направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ поземельная наслѣдственность, возьмемъ для примѣра хотя нѣсколько генеалогическихъ таблицъ и посмотримъ, какъ развѣтвлялись роды втеченіе нѣсколькихъ поколѣній. Для этого мы беремъ 4-ю часть „Россійской родословной книги“, кн. II. Долгорукова.

Группы родственниковъ разнообразны и по числу лицъ и по близости родственныхъ отношеній въ каждой группѣ. Для удовлетворенія этимъ условіямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы возьмемъ нѣсколько родовъ, изъ каждаго рода возьмемъ какое нибудь изъ среднихъ поколѣній, отъ VII до X. Такимъ образомъ, въ каждой группѣ будутъ разнообразны степени родства.

Фамиліи мы беремъ наудачу, поколѣнія также.

Фамилій мы набираемъ столько, чтобы въ поколѣніяхъ, нами взятыхъ, насчиталось до 250 мужчинъ.

Вотъ фамиліи и поколѣнія, наудачу взятыя нами изъ „Родословной книги“ кн. Долгорукова:

Арсеньевы VIII; Вахметьевы IX; Вельяминовы-Зерновы X; Воейковы X; Жеребцовы IX; Игнатьевы IX; Квашнины VII; Колычевы VII; Орловы-Давыдовы VII; Шишковы X.

Всѣ вмѣстѣ, эти поколѣнія всѣхъ десяти родовъ имѣютъ 251 мужчину.

И такъ мы имѣемъ 251 лицо мужескаго пола. Эти лица соединены между собою родствомъ въ нѣсколько группъ, и въ каждой группѣ есть разнообразныя степени родства. Словомъ, генеалогическія отношенія въ нашемъ примѣрѣ совершенно соотвѣтствуютъ условіямъ дѣйствительности.

Будемъ же, анализируя родословныя этихъ лицъ, изучать дѣйствіе принципа наслѣдственной собственности. Для того, чтобы характеристическія особенности этого принципа выставлялись яснѣе, мы не забудемъ сравнивать ихъ съ результатами, къ какимъ приводитъ принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія.

Посмотримъ сначала, какъ развѣтвились родственныя группы въ четвертомъ поколѣніи отъ того, съ котораго начался нашъ счетъ, иначе сказать, сколько въ каждой группѣ явилось правнуковъ.

	Прадѣды, число мужчинъ.	Правнуки, число мужчинъ.
№ 1 Арсеньевы	10	54
— 2 Вахметьевы	9	37
— 3 Вельяминовы-Зерновы	28	30
— 4 Воейковы	62	98
— 5 Жеребцовы	11	40

№ 6 Игнатьевы . . .	16	33
— 7 Квашвыя . . .	23	21
— 8 Колычевы . . .	47	18
— 9 Орловы-Давыдовы . . .	25	24
— 10 Шишковы . . .	20	83
Итого	251	388

Итак, при смѣнѣ трехъ поколѣній, число лицъ увеличилось почти въ полтора раза.

При прадѣдахъ было въ селѣ общинное владѣніе, и на каждую душу мужскаго пола приходилось 12 десятинъ.

Если общинное владѣніе сохранилось при правнукахъ, каждая мужская дуня имѣетъ около $7\frac{3}{4}$ десятинъ. Каково же будетъ благосостояніе правнуковъ сравнительно съ прадѣдами?

Въ теченіе вѣка земледѣліе сдѣлало нѣкоторые успѣхи; развилась торговля хлѣбомъ съ близъ лежащими городами и съ оптовыми торговцами, отправляющими хлѣбъ въ столицы и за границу.

Вслѣдствіе улучшеній въ земледѣліи каждая десятина даетъ среднимъ числомъ на 50% болѣе сбора, нежели при прадѣдахъ *).

Благодаря увеличенію запроса (отъ возрастанія населенія и развитія торговли) и пониженію цѣны мануфактурныхъ издѣлій (отъ усовершенствованій въ технологіи и механикѣ) цѣнность хлѣба поднялась въ теченіе вѣка, сравнительно съ другими продуктами, тоже на 50% **).

Посмотримъ же теперь, каково при сохраненіи общиннаго владѣнія благосостояніе правнуковъ сравнительно съ благосостояніемъ прадѣдовъ.

*) Это число очень умѣренно: тутъ надобно принять въ расчетъ: 1) разработку земель, прежде лежавшихъ пустыми—прадѣды распахивали изъ 3,012 десятинъ, только 1,200, правнуки распахиваютъ, вслѣдствіе увеличенія числа рукъ, 1,900. Это одно уже увеличиваетъ средней доходъ съ десятины на 50%. 2) Расширеніе культуры растений, дающихъ обильный сборъ, на примѣръ свекловицы и картофеля. Если на нихъ обращено 200 десятинъ у правнуковъ вмѣсто 100 десятинъ при прадѣдахъ, это одно увеличиваетъ средней сборъ съ десятины на 10%; 3) улучшенія въ обработкѣ земли и ея удобреніи, положимъ хотя на 10% въ теченіе вѣка.—это слишкомъ умѣренно. Итакъ мы имѣемъ $1,50 \times 1,1 \times 1,1 = 1815$; то есть, при самыхъ ничтожныхъ улучшеніяхъ, сборъ хлѣба увеличился на $81\frac{1}{2}\%$, а мы приняли только 50%.

**) Это также слишкомъ умѣренно. Читатель замѣтитъ, что мы беремъ не цѣну хлѣба, выраженную въ звонкой монетѣ—она можетъ возрастать или уменьшатся, смотря по обилію благородныхъ металловъ и замѣняющаго ихъ кредита, а также быстротѣ размѣнныхъ оборотовъ.—нѣтъ, мы беремъ относительную цѣнность хлѣба по сравненію съ другими продуктами. Напримѣръ, если при прадѣдахъ четверть ржи стоитъ 2 р., а пудъ сахару 10 р., и аршинъ ситцу 20 коп., а при правнукахъ четверть ржи стоитъ 2 р. 40 коп., но пудъ сахару стоитъ 6 р., а аршинъ ситцу только 12 коп., то за четверть ржи земледѣлецъ получаетъ:

При прадѣдахъ 8 фунтовъ сахару или 10 аршинъ ситца
 " правнукахъ 16 " " " 20 "

—полагая, что цѣна покупаемыхъ земледѣльцами продуктовъ понизилась такъ же, какъ цѣна сахару и ситцу, мы получимъ, что цѣнность хлѣба увеличилась по сравненію съ другими продуктами на 100%, хотя по отношенію къ звонкой монетѣ цѣна его увеличилась только на 20%.

Каждый скажетъ, что мы принимаемъ слишкомъ малый прогрессъ, если скажемъ, что въ теченіе вѣка мануфактурныя издѣлія и такъ далѣе, становятся только ни изъ обильнѣе, нежели были сто лѣтъ тому назадъ,—а этого уже достаточно, чтобы земледѣлецъ за свой хлѣбъ получалъ разныхъ издѣлій и удобствъ на 50% болѣе, нежели его прадѣдъ получалъ за сто лѣтъ до него.

Если десятина земли давала прадеду житейскихъ удобствъ на 4, то правнуку она даетъ тѣхъ же удобствъ на 9 *).

Но прадедъ получалъ доходъ съ 12 десятинъ, а правнукъ только съ 8 десятинъ. Итакъ:

$$\text{Благосостояніе прадеда } 4 \times 12 = 48$$

$$\text{„ „ „ правнука } 9 \times 7^{3/4} = 69^{3/4}.$$

Итакъ, въ теченіе вѣка, при сохраненіи общиннаго владѣнія, благосостояніе земледѣльцевъ увеличилось на 40%, хотя число населенія и возрасло въ полтора раза.

Теперь посмотримъ, что будетъ съ этими правнуками при уничтоженіи общиннаго владѣнія землею.

У прадеда Захара было два сына, Иванъ и Петръ; отъ Ивана произошло десять внуковъ, отъ Петра только одинъ; послѣднему достается въ десять разъ больше, нежели каждому изъ его троюродныхъ братьевъ; мало того: трое прадедовъ: Сидоръ, Карпъ и Федоръ были родные братья; изъ нихъ только у одного Сидора остался правнукъ,—ясно, что этотъ правнукъ Сидора будетъ одинъ имѣть втрое болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ потомки Захара, будетъ имѣть въ шесть разъ больше, нежели внукъ Петра, которому досталась половина Захарова имущества, и въ 30 разъ болѣе, нежели каждый изъ десяти внучатъ Ивана, между которыми раздѣлилась другая половина Захарова имущества.

Кто прослѣдитъ такимъ образомъ генеалогію, напримѣръ, группы № 8 (Колычевы, поколѣніе VII), тотъ увидитъ, что изъ 18 ихъ правнуковъ (X поколѣніе Колычевыхъ) двое будутъ имѣть каждый по 138 десятинъ, а 6 человѣкъ только по 6, и 3 человѣка даже только по 4 десятины, то есть по дѣйствию наслѣдства между людьми одной родственной группы, въ которой прадеды имѣли одинаковое благосостояніе, явятся черезъ три поколѣнія такіе люди, которые будутъ имѣть въ двадцать и даже въ тридцать разъ менѣе своихъ родственниковъ. Тоже самое и во всѣхъ другихъ группахъ.

Спрашивается теперь: каковы будутъ чувства между этими людьми? Будутъ ли нѣтъ бѣдняки завидовать своему недалекому родственнику, который имѣетъ больше ихъ въ 30 разъ, между тѣмъ какъ еще прадеды ихъ жили одинаково, и въ семьяхъ сохранилась о томъ свѣжая память? Не замѣнится ли злобою съ одной стороны, презрѣніемъ и опасеніемъ съ другой, чувство благорасположенія, которому такъ легко было существовать между одинаково благосостоятельными прадедами?

Но все это только отдѣльные примѣры; посмотримъ, каковъ общій ходъ дѣлъ, какъ распредѣлились всѣ жители нашего села дѣйствиемъ наслѣдства черезъ три поколѣнія послѣ того, какъ уничтожилось общинное владѣніе.

Мы представляемъ общую таблицу; кто захочетъ проверить выводы,

*) Второе число выводится изъ перваго такимъ образомъ: $4 \times 1,5$ (вслѣдствіе увеличенія сбора) $\times 1,5$ (вслѣдствіе возвышенія цѣны) = 9.

Это пропорція вообще самая умѣренная; если мы возьмемъ хотя цифры, указанныя въ примѣчаніяхъ, впрочемъ также слишкомъ низко оцѣнивающія вѣроятный прогрессъ торговли и промышленности въ теченіе вѣка, мы получимъ $4 \times 1,815^{10} \times 2 = 14,46$.

нами составленные, может сделать это по „Родословной книгѣ“ князя Долгорукова. Вотъ распредѣленіе земли по праву поземельнаго наслѣдства въ четвертомъ поколѣніи *) отъ людей, при которыхъ уничтожается общинное владѣніе.

Распредѣленіе земли по праву наслѣдства между 388 правнуками людей, въ числѣ 251 человѣка, владѣвшихъ общинною землею въ количествѣ 3,012 десятинъ и при уничтоженіи общиннаго владѣнія получившихъ каждый по 12 десятинъ въ наслѣдственную собственность.

Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.
2	138	3	6,666
1	108	2	6,375
2	63	3	6,20
1	60	24	6
2	54	6	5,40
1	40	9	5
4	36	6	4,5
3	30,66	22	4
5	30	4	3,75
2	27	3	3,60
4	25,50	6	3,33
2	24	4	3,15
2	21	26	3
2	20,60	6	2,7
2	20	6	2,66
3	18	5	2,40
3	17	34	2
3	16	3	1,66
8	15	36	1,50
4	13,50	7	1,428
3	12,76	8	1,33
2	12,60	5	1,20
12	12	5	1,08
4	10,80	18	1
6	10,5	6	0,9
7	10	6	0,833
6	9	2	0,75
1	8	10	0,666
6	7	6	0,444
		4	0,375

Прежде всего, въ этой таблицѣ поражаетъ громадное различіе состояній, произведенное вліяніемъ наслѣдства: между правнуками людей, имѣвшихъ каждый по 12 десятинъ, явились люди, получившіе по наслѣдству болѣе ста десятинъ; за то другимъ досталось только по одной десятинѣ и менѣе десятины; есть даже такіе, которымъ досталось только по $\frac{4}{6}$ или даже только по $\frac{3}{6}$ десятины. Два крайніе предѣла наслѣдственныхъ иму-

*) Арсеньевы поколѣніе XI; Бахметьевы—XII; Вельяминовы-Зерновы—XIII Воейковы—XIII; Жеребцовы—XII; Игнатьевы—XII; Квашинны—X; Колычевы—X; Орловы-Давыдовы—X; Шишковы—XIII.

ществъ относятся между собою какъ 388 къ 1. Такъ громадна неравно-
мѣрность, произведенная наслѣдствомъ только въ теченіе трехъ поколѣній.
Съ каждымъ поколѣніемъ она увеличивалась по нанимъ гвнеалогическимъ
таблицамъ, и если ваять вмѣсто 4-го поколѣнія пятое, она будетъ еще огром-
нѣе, въ 6-мъ поколѣніи еще громаднѣе и т. д.

Но сравнивать крайніе предѣлы, значить только говорить о счастьи и
несчастьи немногихъ отдѣльныхъ личностей. Чтобы понять дѣйствіе общаго
принципа на массу населенія, надобно подвести отдѣльные случаи подъ общіе
разряды.

Разряды составятся у насъ слѣдующимъ образомъ. Средній доходъ еъ
десятины при правнукахъ мы будемъ считать въ 27 рублей *). Нормальную
цифру для безбѣдной жизни земледѣльца мы пріймемъ въ 100 руб. сер.
дохода. Имѣющій въ шесть разъ болѣе будетъ въ роскоши. Имѣющій отъ
300 до 600 руб. будетъ жить въ изобиліи. Имѣющій 140—300 будетъ
зажиточнымъ человѣкомъ. Имѣющій 85—140 рублей живетъ безбѣдно.
Имѣющій 66—85 руб. нуждается. Имѣющій 33—66 рублей часто голо-
даетъ. Имѣющій менѣе 33 руб. не имѣетъ въ своемъ имуществѣ ередствъ
къ поддержанію жизни.

По этимъ группамъ, правнуки, вслѣдствіе неравномѣрности своихъ на-
слѣдствъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число людей, имѣющихъ каж- дый по	десятинь	или рублей дохода.
А. Роскошь	29	24 — 138	648 — 3,726
Б. Изобиліе	44	12 — 21	324 — 567
В. Зажиточность	68	5,4 — 10,8	145 ⁴ / ₅ — 291 ³ / ₅
Г. Безбѣдность	54	3,15 — 5	85 ¹ / ₂₀ — 135
Д. Нужда	38	2,66 — 3	72 — 81
Е. Крайняя нужда	98	1,2 — 2,4	32 ² / ₅ — 64 ⁴ / ₅
Ж. Нищета	57	0,375 — 1,08	10 ¹ / ₆ — 29 ² / ₂₀

Итакъ: изъ 388 человѣкъ, только 141 (А, Б, В) имѣютъ средства
къ жизни болѣе, нежели безбѣдная; еще 54 не терпятъ нужды. За то 193
человѣка—то есть ровно половина населенія, нуждается; изъ нихъ 155 че-
ловѣкъ близко знакомы съ голодомъ и холодомъ.

А что будетъ, если общинное владѣніе останется неприкосновенно? Изъ
3,012 десятинь, принадлежащихъ селу, каждому изъ 388 мужчинъ будетъ
принадлежать участокъ нѣсколько болѣе, нежели въ 7³/₄ (7,76) десятинь;
съ этого участка получается 209 руб. 50 коп. дохода.

Итакъ: при сохраненіи общиннаго владѣнія все населеніе будетъ жить
очень зажиточно; каждый изъ 388 правнуковъ будетъ пользоваться такимъ
довольствомъ, которое при уничтоженіи общиннаго владѣнія достается на
долю только 97 изъ правнуковъ.

*) Цифра дохода въ 27 рублей составляется у насъ слѣдующимъ образомъ:
Прадѣловъ мы принимаемъ нашими современниками, доходъ ихъ съ десятины пе-
лагаемъ въ 12 руб. сер. Удобства, доставляемыя правнуку сборонъ хлѣба съ деся-
тины, относятся къ этому числу какъ 9 къ 4,—это отношеніе даетъ для десятины,
при правнукѣ, 27 рублей.

Потому, предоставленіе земли въ наследственную собственность было выгодно только одной четвертой части правнуковъ; остальные три четвертыхъ остались обдѣлены случайностями наследованіи; изъ того числа 212, то есть большая половина населенія, обдѣлены этими случайностями такъ, что не получили по праву наследства и половины того, что досталось бы имъ по праву общиннаго владѣнія; изъ того числа 167 человекъ, то есть почти половина населенія, обдѣлены такъ, что не имѣютъ и третьей части того, что имѣли бы при общинномъ владѣніи.

Таково положеніе правнуковъ по теоріи. На практикѣ оно измѣняется тѣмъ, что люди, слишкомъ обдѣленные случайностями наследства, должны жить не обработкою своихъ мелкихъ клочковъ, дающихъ слишкомъ мало дохода, а заработною платою. Большею частью, они продадутъ свои участки. Если-же не продадутъ, поступить неразсчетливо: ничтожный клочокъ земли будетъ только мѣшать имъ наниматься въ работники на круглый годъ, и отрываясь отъ батрачества для ничтожной работы на немъ, они не выиграиваютъ, а теряютъ.

Итакъ, существованіе ихъ зависитъ отъ заработной платы. Посмотримъ, каково будетъ положеніе заработной платы.

При 388 душахъ на 3,012 десятинахъ, на каждую душу приходится по $7\frac{3}{4}$ десятины.

Сообразимъ теперь, какъ распредѣлена собственность земли между различными группами.

	Число людей.	Количество земли, принадлежащей всѣмъ имъ вмѣстѣ.	Средняя пропорціи ва каждаго.
А.	29	1306	45
Б.	44	657,45	15
В.	68	508,15	$7\frac{3}{5}$
Г.	54	218,40	4
Д.	38	110,20	$2\frac{9}{10}$
Е.	98	165,666	$1\frac{3}{4}$
Ж.	57	46,1333	$\frac{4}{5}$

Изъ этого мы видимъ, что группа В, имѣющая по $7\frac{3}{5}$ десятинъ на душу, не нуждается въ наймѣ работниковъ и не имѣетъ нужды наниматься въ ней на мужнину приходится именно столько земель для обработки, сколько приходится обрабатывать каждому мужнинѣ.

За то группа Б, имѣя вдвое болѣе земли на душу, нежели приходится на обработку мужнинѣ, должна нанять около 40 работниковъ; она ихъ съ излишкомъ найдетъ въ группѣ Г, которая, имѣя по 4 десятины, считаетъ у себя около 25 работниковъ лишнихъ, и въ группѣ Д, которая, имѣя менѣе нежели по 3 десятины на душу, считаетъ 22 работника лишнихъ. Тутъ еще могла бы удержаться цѣна найма, выгодная для работниковъ, потому что группы Г и Д имѣютъ средства существовать работою на собственныхъ поляхъ, и если у нихъ остается излишнее время, то онѣ могли бы торговаться, нанимаясь въ работники, потому что не крайность принуждаетъ ихъ искать работы во что бы то ни стало, за какую бы то ни

было плату,—нѣтъ, онѣ дѣйствительно ищутъ выгоднаго употребленія своихъ силъ.

Но совсѣмъ не таково положеніе группы Е и группы Ж. Участки ихъ такъ мелки, что на нихъ онѣ могутъ употреблять только незначительную часть своего времени—группа Е одну четверть, группа Ж—одну десятую своего времени; продукты, доставляемые этими участками, недостаточны для жизни. Этимъ людямъ во что бы то ни стало нужно найти работу.

Работу себѣ находятъ они у группы А.

Земли группы А требуютъ для своей обработки около 150 воздѣльвателей; изъ нихъ 29—сами владѣльцы; затѣмъ нужно имъ нанять только 120 работниковъ.

А группы Е и Ж предлагаютъ имъ 155 работниковъ.

Что изъ этого слѣдуетъ?

Работы предлагается гораздо больше, нежели требуется. Результатъ ясенъ: цѣна работы падаетъ.

До какого же предѣла простирается ея паденіе? До того предѣла, за которымъ она перестаетъ быть достаточною для прокормленія работниковъ. Тогда только работники скажутъ: намъ все равно приходится голодать, работая или не работая; будемъ же лучше голодать не работая — и только тогда уменьшится предложеніе.

А до этого предѣла нѣтъ выбора работнику между работою за какую нибудь плату и отказомъ отъ работы: отказываясь, онъ голодаетъ; работая, онъ кормится. Ясно, что онъ не отстанетъ отъ работы, пока она кормитъ его.

Итакъ: заработная плата падаетъ до той степени, чтобы только работникъ не умиралъ съ голоду.

Цѣна, по которой пускается въ продажу главная масса товара, опредѣляетъ цѣну, по которой будутъ продаваться и мелнія партіи товара. 160 работниковъ изъ группъ Е и Ж, сбивающіе взаимнымъ соперничествомъ цѣну работы до послѣдней крайности, заставляютъ и остальныхъ 47 работниковъ изъ группъ Г и Д довольствоваться такою же платою, оставляя имъ только одинъ выборъ,—или сидѣть сложа руки, или наниматься по цѣнѣ, устанавливаемой группами Е и Ж. Разумѣется, что послѣ того имъ будетъ казаться выгодно наниматься хотя за эту цѣну—все же лучше, нежели сидѣть сложа руки, не получая ничего.

Такимъ то образомъ, изъ 388 человекъ, 205 работаютъ по цѣнѣ, едва достаточной для самаго скуднаго ихъ прокормленія.

Мы надѣемся, что не нужно отвѣчать на вопросъ: „не найдутъ ли они болѣе выгодныхъ условій въ другихъ селахъ?“ — въ другихъ селахъ тоже самое,—вездѣ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же принципъ, и результаты его одинаковы повсюду: повсюду работа предлагается въ большемъ количествѣ, нежели требуется.

Мы надѣемся также, что не нужно отвѣчать на вопросъ: „не найдутъ ли они болѣе выгодныхъ условій въ другихъ промыслахъ?“ Во-первыхъ, всѣ промыслы занимаютъ слишкомъ ничтожное число рукъ по сравненію съ земледѣліемъ, во-вторыхъ—и другіе промыслы организовались подъ влияніемъ того же принципа.

Итакъ, во всѣхъ промыслахъ тоже, что въ земледѣліи, и во всѣхъ земледѣльческихъ селахъ тоже, что въ нашемъ селѣ; вездѣ и повсюду, вслѣдствіе излишества предложенія работы надъ запросомъ, цѣна ея падаетъ до послѣдней крайности.

Это вещь извѣстная. Но теперь мы можемъ видѣть, выдерживаетъ ли критику извѣстный припѣвъ мальтусіанцевъ: „излишество предложенія происходитъ отъ излишняго размноженія населенія; излишекъ населенія виною всѣмъ бѣдамъ; ни люди, ни учрежденія тутъ не виноваты,—народу расплодилось слишкомъ много, вотъ отчего бѣдность и нищета на свѣтѣ“.

Будто въ самомъ дѣлѣ оттого?

Въ нашемъ селѣ приходится почти по 8 десятинъ на душу — стала быть населеніе все-еще очень малочисленно сравнительно съ прострствомъ, а все-таки существуетъ излишекъ предложенія работы надъ запросомъ, все-таки большинство населенія сбиваетъ цѣну работы до послѣдней крайности, и изъ 388 человѣкъ 205 работаютъ, можно сказать, за корку хлѣба, и въ томъ числѣ 160 человѣкъ колотятся какъ рыба объ ледъ.

Отчего это? Отвѣтъ ясенъ послѣ нашихъ таблицъ.

Оттого, что большинство крайне обдѣлено случайностями наслѣдства.

На самомъ дѣлѣ, рукъ мало;—это видно изъ того, что далеко не вся еще земля разработана, — изъ 3,102 десятинъ 1,212 лежатъ подъ выгонами и т. д., да изъ распахиваемыхъ 1,800 десятинъ, 600 лежатъ подъ паромъ—итого только 1,200 даютъ плодъ, 1812 лежатъ себѣ чуть не задаромъ: люди не успѣваютъ ихъ обрабатывать, —да, рукъ мало для работы. Но село наше организовалось такъ, что все-таки оказывается „излишекъ предложенія надъ запросомъ“, и вслѣдствіе того большинство населенія терпитъ нужду.

Что за нелѣпость?—Да, дѣйствительно нелѣпость—и чтобы убѣдиться въ нелѣпости такой нужды, надобно только сравнить это положеніе съ положеніемъ, которое дается сохраненіемъ общиннаго владѣнія.

При случайностяхъ поземельнаго наслѣдства, 388 человѣкъ не могутъ жить на 3,012 десятинахъ безъ того, чтобы большая половина ихъ не видѣла себя въ постоянной скудости.

А при общинномъ владѣніи, какъ мы видѣли въ началѣ этого изслѣдованія, на долю cadaго приходилось бы по 216 рублей,—иначе сказать, каждый жилъ бы въ такомъ изобиліи, которое при случайностяхъ поземельнаго наслѣдства досталось на долю только одной четвертой части населенія.

Мы сами первые замѣтимъ, что наша небольшая работа только первый шагъ къ статистическому опредѣленію стремленій, лежащихъ въ натурѣ наслѣдства. Важность вопроса такова, что можно и должно для возможно точнаго отвѣта на него разобрать генеалогію не 250 человѣкъ, а 250,000 человѣкъ, всѣхъ временъ, странъ и сословій. Но это расширеніе объема изслѣдованій нужно только для строжайшаго опредѣленія границъ дѣйствія двухъ противоположныхъ стремленій наслѣдства; основной же законъ ихъ дѣйствія и огромное преобладаніе одной тенденціи надъ другой достаточно указывается уже и таблицею, нами представленною. Выводы изъ нея таковы:

Дѣйствиѣ наслѣдственности относительно поземельной собственности состоятъ въ томъ, что при смѣнѣ каждаго поколѣнія другимъ, большая половина земли (около двухъ третей) сосредоточивается въ меньшемъ (на половину меньшемъ) числѣ рукъ, нежели была при предъидущемъ поколѣннн.

Изъ остальной, меньшей половины, одна часть (около одной шестой всего пространства земли) остается во владѣннн у такого же числа людей, какъ при прежнемъ поколѣннн.

Другая часть (также около одной шестой всего пространства) раздробляется между гораздо большимъ количествомъ владѣльцевъ, нежели прежде.

Это раздробленнн очень быстро достигаетъ крайнихъ предѣловъ физической возможности дѣленнн земли, и части, подлежавшнн раздробленнн, должны переходить продажю въ чужнн руки.

Болѣе обширннн изслѣдоващнн точнѣе опредѣляютъ цифру каждой изъ этихъ трехъ частей. Но предѣлы, между которыми колеблются эти цифры, не могутъ отступать далеко отъ показанныхъ нами приблизительныхъ величинъ, потому что сумма случаевъ, взятыхъ нами (250), довольно значительна. Самый же законъ, управляющнн этими величинами, совершенно непоколебимъ, именно:

Быстрое сосредоточеннн значительной части земли въ немногихъ рукахъ, и столь же быстрое раздробленнн гораздо менѣ значительной части.

Очевидно, что, такъ какъ при смѣнѣ каждаго поколѣннн слѣдующимъ принципъ дѣйствуетъ одинаково, то дѣйствннмъ каждой новой смѣнн усиливается дѣйствиѣ предъидущей, иначе сказать:

Сосредоточеннн съ каждымъ поколѣнннмъ охватываетъ все болшую и болшую часть всего пространства территорнн, оставляя въ умѣренныхъ участкахъ и для раздробленнн ва мелкнн части все меньше и меньше пространства.

Мы представили незначительный по объему, но все же не лишенный значеннн анализъ фактовъ, для опредѣленнн дѣйствнн принципъ наслѣдственности.

Не онъ одинъ управляетъ движенннмъ собственности. Но мы выбрали его съ одной стороны потому, что объемъ ого дѣйствнн шире, нежели объемъ всѣхъ другихъ содѣйствующихъ ему принциповъ; съ другой стороны потому, что тенденцнн другихъ принциповъ представляетъ менѣ нужды въ математическихкихъ доказательствахъ.

Количество поземельной собственности, переходящей въ извѣстное время (напримѣръ въ годъ) изъ рукъ въ руки по принципамъ приданого, духовнаго завѣщаннн, дареннн, вовсе не такъ значительно, какъ количество, переходящее по принципу наслѣдства. Потому, еслибъ даже они не имѣли одинаковой съ нимъ тенденцнн, его дѣйствннмъ далеко перевѣшивались бы всѣ уклоненнн отъ его тенденцнн, производимыя тенденцннмъ другихъ началъ.

Но очевидно, что эти другнн принципы дѣйствуютъ но той же тенденцнн сосредоточеннн, какъ и наслѣдство, и дѣйствуютъ еще быстрѣе и одностороннѣе.

Приданое есть принадлежность брака. Вообще говоря, браки бывають равныя,—богатыя женятся на богатыхъ, бѣдныя на бѣдныхъ. Исключения

чаще случаются въ романахъ, нежели въ дѣйствительности, и, конечно, не составляютъ одной десятой части всѣхъ браковъ. И такъ, совершенно преобладающее дѣйствіе приданого состоитъ въ томъ, что человѣкъ богатый пріобрѣтаетъ за женою новое богатство.

Этимъ ускоряется сосредоточивающее дѣйствіе наслѣдства. Безъ приданого (и наслѣдства, достигающагося роду по женской линіи), имѣніе угасающаго рода ~~ниже~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~къ~~ ~~днѣ~~ ~~шнѣ~~ роднымъ, которые, изъ шести случаевъ въ пяти случаяхъ, бѣдны. Эти шансы ~~применяются~~ наслѣдствомъ по женской линіи, которое обыкновенно достается отъ угасающаго ~~рода~~ другому роду, одинаково съ нимъ стоящему на лѣстницѣ имущества; то ~~есть~~, имущество богатыхъ, при содѣйствіи приданого и наслѣдства по женской линіи, чаще достается богатымъ, нежели было бы безъ того.

Дарственные записи и духовныя завѣщанія обыкновенно передаютъ имѣніе какому нибудь любимому лицу. Надобно ли говорить, что у каждого ближаше люди обыкновенно принадлежатъ къ одному съ нимъ общественному классу, и потому богатый обыкновенно завѣщаетъ или даритъ свое имѣніе богатому?

Этимъ опять уменьшаются шансы раздробленія и увеличиваются шансы сосредоточенія.

Остается еще одинъ принципъ—принципъ продажи и покупки. Въ различныя эпохи государственной жизни онъ дѣйствуетъ различно,—иногда большія недвижимыя имущества распродаются по мелкимъ частямъ, иногда малыя скупаются въ одну массу. Надобно замѣтить, впрочемъ, что преобладаніе ломки большихъ имуществъ посредствомъ распродажи свойственно только эпохамъ экономическихъ кризисовъ—оно является не иначе, какъ принадлежностью или коммерческаго, или общественнаго банкротства класса большихъ землевладѣльцевъ. Въ періоды нормальнаго, спокойнаго хода дѣлъ иреобладаетъ въ продажѣ и покупкѣ стремленіе къ соединенію мелкихъ кусковъ въ большія массы. Это обычный путь, по которому раздробившіеся клочки превращаются въ крупныя массы. И такъ, кромѣ ненормальнаго случая экономическихъ кризисовъ, принципъ продажи и покупки дѣйствуетъ по одному направленію съ наслѣдствомъ.

Общимъ результатомъ всего сказаннаго является несомнѣнность слѣдующаго правила:

Принципъ наслѣдственности постоянно и быстро влечетъ поземельную собственность къ сосредоточенію все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, все болѣе и болѣе громадными массами. Дѣйствіе этой преобладающей силы ускоряется дѣйствіемъ имѣющихъ одинаковое съ нею направленіе принциповъ приданого, даренія и завѣщанія. Въ нормальномъ ходѣ экономическихъ отношеній, по тому же направленію дѣйствуетъ принципъ покупки и продажи, чѣмъ еще болѣе ускоряется ходъ сосредоточенія.

Таковъ законъ самобытнаго дѣйствія экономическихъ принциповъ, управляющихъ движеніемъ частной поземельной собственности. Быстрота и интенсивность ихъ стремленія къ ея сосредоточенію такъ велики, что смѣны немногихъ поколѣній достаточно было бы для соединенія почти всей поземельной собственности цѣлой страны въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, еслибъ эти законы дѣйствовали безпрепятственно.

Но препятствія, лежація внѣ сферы исключенныхъ вами экономическихъ принциповъ, нарушаютъ непрерывность ихъ дѣйствія, вдругъ разламывая на куски постоянно создаваемыя этими принципами массы громадныхъ поземельныхъ владѣній.

Эти коррективныя средства противъ абсолютнаго соединенія поземельной собственности тѣ самыя, которыя, по мнѣнію Мальтуса, необходимы для поддержанія равновѣсія между средствами существованія и народонаселеніемъ, именно: война и насиліе, пороки и болѣзни. Мы думаемъ, что для равновѣсія между населеніемъ и средствами существованія эти средства вовсе не неизбѣжны; но противъ агломерации они неизбѣжны.

Порокъ и болѣзнь дѣйствуютъ неослабно. За богатствомъ идетъ роскошь, за роскошью развратъ и болѣзни. Это путь неизбѣжный, и каждый пресыщаемый случайностями наслѣдства и т. д. родъ проходитъ быстро до конца это поприще, ведущее или къ вымиранію фамиліи или къ ея раззоренію.

Эти коррективныя средства, очевидно, начинаютъ дѣйствовать уже только тогда, когда накопленіе недвижимой собственности достигаетъ крайняго предѣла, начинаетъ подавлять своею огромностью физическія и нравственныя силы того, на чью долю выпадаетъ.

Другое коррективное средство, какъ извѣстно, начинаетъ дѣйствовать тогда, когда порча общественнаго организма, вслѣдствіе чрезвычайной неравномѣрности имуществъ и ея послѣдствій, указанныхъ выше, достигаетъ размѣровъ, несовмѣстныхъ съ сохраненіемъ общественнаго порядка. Тогда то частныя кризисы, сливаясь въ одинъ обійій кризисъ, начинаютъ потрясать общественное тѣло, и этотъ кризисъ продолжается до тѣхъ поръ, пока его потрясеніями не будутъ разбросаны чрезмѣрно агломерировавшіяся массы.

Силою этихъ-то коррективныхъ способовъ постоянно разрушается агломерация въ тотъ самый моментъ, когда достигаетъ своего апогея, достигаетъ чрезмѣрности, превышающей человѣческія силы. Реакція происходитъ съ двухъ сторонъ: и посредствомъ изнеможенія подавленныхъ излишнею агломерациею, и посредствомъ гнѣва со стороны обдѣленныхъ расширеніемъ этой агломерации.

Кризисы эти, на языкѣ нѣкоторыхъ ученыхъ называемые ликвидаціями общества, очень тяжелы и для ликвидирующихъ, и для ликвидируемыхъ, и нельзя не сказать, что драгоцѣнны тѣ учрежденія, которыя предотвращаютъ нужду въ подобныхъ ликвидаціяхъ, неизбѣжныхъ тогда, когда все отдано во власть роковаго сосредоточивающаго стремленія слѣпыхъ принциповъ, перечисленныхъ нами выше.

Нѣкоторые ученые доходятъ до того, что начинаютъ находить завидными даже феодальныя учрежденія, ради того, что они удерживали въ извѣстныхъ границахъ дѣйствіе этихъ началъ. Такое мнѣніе, конечно, несправедливо, потому что феодальныя учрежденія, будучи основаны на притѣсненіи, приносили вродѣ въ мильонъ разъ болѣе, нежели пользы.

Но тѣмъ драгоцѣннѣе такія учрежденія, которыя, не имѣя стѣснительности, представляютъ гарантію противъ безграничнаго дѣйствія принциповъ агломерирующихъ.

Таково общинное устройство поземельной собственности. Въ Западной Европѣ оно погнбло гораздо прежде разрушенія феодальныхъ учреждений: преимущественно эти учреждения и убили общинное устройство. У насъ еоотвѣтствующія феодализму Западной Европы учреждения не коснулись общиннаго устройства поземельной собственности, и надобно желать, чтобы оно пережило ихъ. Оно и переживетъ ихъ, если мы сами, безъ всякой нужды и въ противность всякому здравому расчету, не будемъ хлопотать объ его уничтоженіи.

Е. О хозяйствѣ по фермерскому контракту.

(Siamondi, Nouveaux Principes, Paris, 1827).

„У націй, наиболѣе богатыхъ, хозяйство по фермерскому контракту почти совершенно замѣнило всѣ другія договорныя отношенія, возникшія изъ уничтоженія рабства *). Оно болѣе всѣхъ другихъ формъ хозяйства удостоилось вниманія экономистовъ, и вообще оно считается необходимымъ и повсюду являющимся слѣдствіемъ успѣховъ цивилизаціи.

„По фермерскому контракту, собственникъ передаетъ воздѣльвателю свою землю, безъ всякихъ хозяйственныхъ принадлежностей, и получаетъ отъ него за землю ежегодно одинаковый доходъ; а фермеръ уже самъ по себѣ, безъ отношенія къ собственнику, управляетъ работами и совершаетъ ихъ своимъ собственнымъ скотомъ, своими земледѣльческими орудіями и капиталами **), самъ продаетъ продукты и платитъ подати. Фермеръ беретъ на себя всѣ заботы и шансы земледѣлія; онъ ведетъ это дѣло, какъ коммерческую спекуляцію, отъ которой ожидаетъ прибыли, сообразной своему употребляемому на то капиталу.

„Сначала фермеры были простые земледѣльцы-работники, своими руками исполнявшіе большую часть хозяйственныхъ работъ, не имѣвшіе почти никогда поденщиковъ, а только постоянныхъ работниковъ, которые составляли съ ними одинъ и тотъ же классъ...

„Но въ Англіи фермеры, участвуя въ прогрессѣ общаго благосостоянія и въ накопленія капиталовъ, перешли въ сословіе высшее, нежели работники. Для помѣщенія своихъ капиталовъ, они берутъ фермы значительнаго размѣра; обладая знаніями, они возводитъ земледѣліе на степень науки. Они примѣнили къ нему многія важныя изобрѣтенія химіи и другихъ естественныхъ наукъ. Надежда на большую выгоду заставила ихъ дѣлать болѣе значительныя затраты.

„Съ той поры они перестали быть земледѣльцами-работниками, и по необходимости образовался ниже ихъ классъ рабочихъ людей, которые, питая своимъ трудомъ всю націю, и есть истинные поселяне.

*) То есть, систему половничества, систему обязательнаго труда и систему оброка. Само собою разумѣется, что каково бы ни было фермерство, но оно въ тысячи и милліоны разъ выше и лучше етихъ формъ.

**) Эту черту замѣчаетъ Сисмонди въ противоположность половничеству, при которомъ скотъ, орудія и т. д. доставляются обработывателю собственникомъ.

„Писатели, сравнивавшие системы малаго и большаго хозяйства *), мало думали о томъ, что большія фермы, отнимая собственное хозяйство у поселянъ, приводятъ ихъ въ положеніе худнее, нежели при всѣхъ почти другихъ способахъ обработки. Въ самомъ дѣлѣ, поденщики, исполняющіе всю работу на большихъ фермахъ, находятся въ состояніи болѣе зависимою, нежели половники... Эти работники не имѣютъ никакого участія въ собственности, не трудятся для будущаго... живутъ со дня на день недѣльной платою **).

„Если-бы даже работникъ успѣлъ сберечь нѣсколько денегъ ***), онъ не можетъ воспользоваться этимъ капиталомъ, потому что исчезли всѣ посредствующія степени между общественными классами. Отъ его положенія до состоянія большаго фермера такъ далеко, что онъ не можетъ переагнуть этой бездны,—тутъ нѣтъ того, какъ при половничествѣ, гдѣ постепенно можно увеличивать ему свое благосостояніе и наконецъ сдѣлаться собственникомъ ****).

„Нѣтъ равновѣсія въ силахъ между работникомъ, который остается голоденъ безъ работы, и фермеромъ, который даже не теряетъ дохода съ части своихъ земель, сокративъ нѣкоторыя изъ работъ. Потому результатъ борьбы между этими двумя классами,—всегда жертвоприношеніе класса бѣднѣйшаго, многочисленнѣйшаго и имѣющаго наиболѣе правъ на покровительство законодателя.

„А между тѣмъ, какъ скоро начала вводиться система большихъ фермъ, мелніе фермеры *****) не могутъ выдержать ихъ соперничества; даже мелніе собственники доводятся до разоренія соперниками, работа которыхъ совершается болѣе экономическимъ образомъ и которые продаютъ свои продукты въ болѣе выгодное время“ *****).

Въ Англіи замѣчаютъ, что мелніе собственники, сами занимающіеся хозяйствомъ (free-holders), вообще бѣдствуютъ. Такимъ образомъ система, приводящая въ бѣдность массу населенія, по врожденной своей силѣ, стремится подавить всѣ другія.

Причины ея торжества легко открыть *****)... Выгоднѣе, нежели мелкій

*) Сисмонди говоритъ объ авглійскихъ агрономахъ и экономистахъ, слѣдовавшихъ мнѣнію знаменитаго Артура Юнга, который говорилъ, что большое авглійское фермерское хозяйство, съ фермерами въ 180—2,000 десятинъ земли, лучше малаго (французскаго) хозяйства, имѣющаго объемъ земли, съ обработкою котораго справится одинъ плугъ. Во Франціи есть мелкія фермы, какъ были нѣкогда въ Англіи, во о нихъ ае стоитъ и говорить, потому что это форма переходная, ведущая къ большимъ фермамъ и существующая только до тѣхъ поръ, пока улучшенные способы обработки невозможны по малому развитію экономическаго быта.

**) Далѣе Сисмонди говоритъ о томъ, что эти работники страшно вуждаются, деморализируются и т. д.—это уже было говорено нами.

***) Прежде, Сисмонди объяснилъ, что это почти невозможно при большихъ фермахъ.

****) Далѣе, Сисмонди говоритъ, какъ опасно для націи такое состояніе, въ которомъ большинство населенія лишено надеждъ на улучшеніе своего быта, и говорить, что иначе быть не можетъ при большихъ фермахъ, понижающихъ заработную плату до послѣдней крайности.

*****) Тѣмъ менѣе половники.

*****) Потому что, имѣя капиталъ, не вуждаются торопиться продажу.

*****) Сисмонди объясняетъ, какъ необходимо понижается при большихъ фермахъ, заработная плата и т. д.—продукты большимъ фермеромъ продаются по болѣе выгодной цѣнѣ, все это бѣдственно для массы населенія, но выгодно для капиталиста и собственника.

фермеръ, продавъ свои продукты и менѣ употребивъ на содержаніе работниковъ, фермеръ, взяввій 1,000 экровъ земли, въ состояніи конечно будетъ заплатить собственнику больше аренды, нежели пятьдесятъ мелкихъ фермеронъ, которыхъ онъ вытѣснилъ. Онъ начнетъ этимъ вытѣсненіемъ сдѣлать ихъ домики, не нужные ему, распашетъ садики и огороды, доставитъ приправу къ пищѣ и радость мелкимъ хозяйствамъ, и заведетъ своихъ тысячѣмъ экрахъ одноформенный оборотъ хлѣбопашества. Но тогда собственникъ пожелаетъ возвратиться къ мелкимъ хозяйствамъ, — это уже невозможно: для того понадобилась бы новая, значительная затрата капиталовъ. Большая форма пригодна только большому фермеру. Снять ее и жить только капиталистъ, имѣющій оборотный капиталъ на тысячу экровъ.

„Такимъ-то образомъ система большихъ фермъ, приходя въ столкновение съ малыми хозяйствами, подавляетъ ихъ, если они не ограждены законами“.

О томъ, какія опасности угрожаютъ странѣ, предающей ся системѣ большихъ фермъ, можно судить по состоянію, до котораго довела она Римскую Равнину (*Campana di Roma*) — такъ называется мѣстность отъ Витерской горы до Террачины, отъ моря до Сабинскихъ горъ. Въ этой области площадью 90 миль въ длину и 25 миль въ ширину, или 2,250 квадратныхъ миль, нынѣ считается всего около 40 этихъ фермеровъ. Правда, они называютъ себя фермерами, пренебрегалъ именемъ, — они называются *mercanti di tenute* „сельско-хозяйственные негоціанты“, — на свой промыселъ употребляютъ громадныя капиталы и чрезвычайнымъ своимъ богатствомъ превозносятъ всякихъ соперниковъ. Но ихъ способъ извлекать доходъ и отъ земли — и нѣтъ спора, способъ самый выгодный для нихъ — состоитъ въ томъ, чтобы всевозможно сокращать издержки на человѣческій трудъ, доводя до минимума тѣмъ, что родитъ сама земля, имѣть цѣлью только пастбища и постепенно удалять населеніе. Въ этой Римской Области, столь дивно плодотворной, гдѣ двухъ десятинъ было довольно семейству, гдѣ нивы обсыпались оливковыми и смоковничными рощами и виноградниками, гдѣ собиралось три и но четыре жатвы въ годъ, — въ этой области мало по малу исчезли сельскіе домики, деревни, ихъ жители, исчезли межи и изгороди, виноградники, оливы и всѣ продукты, требующіе постоянного вниманія, труда и особенно, привязанности человѣка, — и все это исчезло; на мѣстѣ всея бывшей обширной нивы, и *mercanti di tenute* нашли выгоднѣйшимъ заставить убирать ихъ толпами работниковъ, каждый годъ сходящими съ Сабинскихъ горъ: эти люди, привыкшіе питаться кускомъ хлѣба, спать подъ росомъ, подой землѣ, каждое лѣто сотнями погибаютъ отъ лихорадки *malghe* и умираютъ на эту гибель изъ-за ничтожнѣйшей платы. Чтобы *Campana di Roma* сохранила туземное населеніе, было невыгодно для фермеровъ, и населеніе совершенно исчезло. Остается еще изрѣдка городъ среди обширныхъ нивъ, принадлежащихъ одному господину; но въ Рончиальоне и Неини постоянно уменьшается число жителей, отчужденныхъ отъ земли, которая должна кормить ихъ, и можно впередъ высчитать эпоху, когда плугъ пройдетъ по мѣсту ихъ домовъ, какъ опъ прошелъ уже по развалинамъ Сень-Лоренцо-Вико, Брачціано и самого Рима. Въ свою очередь нивы уступаютъ мѣ-

пастбищамъ, и на пастбищахъ каждый день шире разрастается репейникъ и рьянь...

„Сословіе поселянъ быстро исчезаетъ въ Англии, въ Camagna di она оно уже исчезло...“

Англія такъ умножила свои богатства, такъ далеко ушла въ приложеніи естественныхъ наукъ къ земледѣлію, въ улучшеніи породъ домашняго скота, въ плодоперемѣнной системѣ, въ усовершенствованіи земледѣльческихъ людей, что не каждый съ перваго взгляда замѣчаетъ невыгоды, ей наночья большими фермами. Но дивясь ея полямъ, столь обработаннымъ, нѣвольно смотрѣть и на воздѣлывающее ихъ населеніе. Оно въ половину малочисленнѣе того, какое жило бы во Франціи на такомъ же пространствѣ земли. Въ глазахъ нѣкоторыхъ экономистовъ это выигрышъ, въ моихъ — потеря. Мало населеніе, менѣе густое, въ то же время гораздо болѣе бѣдно. Англійскій земледѣльческій работникъ, cottager, имѣетъ менѣе удобствъ, нежели сельскій почти всѣхъ другихъ земель Европы.

О матеріальныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ сильнѣйшее вліяніе на успѣхи сельскаго хозяйства.

Пустословность соображеній, изъ которыхъ возникаетъ отверженіе общаго поземельнаго владѣнія старою школою политической экономіи, препятствуетъ всякое вѣроятіе.

„Общинное владѣніе — чрезвычайно сильное препятствіе успѣхамъ сельскаго хозяйства“. Превосходно: на чемъ это основано? „Въ тѣхъ странахъ, гдѣ владычествуетъ частная поземельная собственность, десятина даетъ неавенно больше хлѣба, нежели въ Россіи“. — Восхитительно; однако-же, какъ велико это *несравненно больше?* Напримѣръ, хотя бы въ Пруссіи? — Въ Россіи десятина даетъ 3,47 четвертей, а въ Пруссіи — 3,82“. — Вотъ ли лучше всего! „Несравненно больше“ значитъ 10⁰! И такъ, если у васъ 10 рублей, а у меня 10, то вы „несравненно богаче“ меня, — но моему, я съ вами оба довольно равно бѣдны.

10⁰! — Этихъ ужасныхъ 10⁰ ужъ нельзя приписать никакимъ другимъ невыгодамъ, и непременно надобно взвалить грѣхъ на общинное владѣніе. Да развернемте хотя „Statistique de la France“, изданную французскимъ правительствомъ, и сравните въ разныхъ департаментахъ сборъ десятины (съ гектара, въ гектолитрахъ).

Seine	21,59	Lot	6,78
Nord	20,74	Nièvre	9,44
Seine et Oise	19,05	Loire et Chère	9,51
Phys de Dôme	15,38	Lozère	7,30

Какова разницца, сравнительно съ знаменитыми 10⁰ разницы между Франціею и Пруссіею? Въ департаментъ Сены 21,59, а въ департаментъ Lot — 6,78 — это ужъ не 10⁰, а слишкомъ 200⁰. Не виновато ли общинное владѣніе въ этой разницѣ.

Въ сборѣ и цѣнности другихъ родовъ хлѣба (напримѣръ, овса) разницца еще значительнѣе, — она доходитъ до четырехъ сѣть процентовъ.

Не отъ различія ли въ почвѣ такая разница? Конечно, отчасти; но не совсѣмъ. Вотъ и доказательства.

	Вся величина департамента.	Изъ этого числа богатой почвы.
Bouches du Rhône . . .	512,000	16,600 гектаровъ.
Seine et Oise	560,000	15,000 —
Puys de Dôme	797,000	15,280 —
Aude	606,000	77,218 —
Lot et Chère	625,000	98,000 —

— Ясно, что почва двухъ послѣднихъ департаментовъ сама по себѣ гораздо лучше, нежели трехъ первыхъ; между тѣмъ, Bouches da Rhône, Seine et Oise, Puys de Dôme даютъ сборы на 100⁰о, на 140⁰о, на 200⁰о больше, нежели Aude и Loire et Chère.

Дѣло въ томъ, что обработка земли въ этихъ департаментахъ очень различна,—а отъ чего она различна? ужь конечно не отъ общиннаго владѣнія, а отъ какихъ нибудь другихъ обстоятельствъ,— и указать ихъ трудно.

Кромѣ разницы климата, примите въ соображеніе состояніе путей сообщенія, густоту населенія, близость большихъ центровъ потребленія и т. д., и т. д., словомъ тѣ обстоятельства, которыя такъ прекрасно умѣютъ выставлять экономисты старой школы, когда объясняютъ условія усиленія земледѣльческаго производства вообще, и такъ восхитительно забываютъ, когда нужно за каіе нибудь 10⁰о разницы между Россією и Пруссією проклинать общинное владѣніе.

Неужели различіе по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ между Россією и Пруссією въ десять разъ больше, нежели между различными французскими департаментами?

Но сравнивая департаменты, мы брали крайности, проявляющіяся въ округахъ не слишкомъ большихъ. Мы въ этомъ случаѣ подражали противникамъ общиннаго владѣнія, которые любятъ эффектъ и любятъ отдѣльными, исключительными случаями замѣнять незнаніе среднихъ чиселъ. Будемъ точнѣе,—сравнимъ цѣлыя обширныя страны одного государства съ ихъ средними цифрами. „Statistique de la France“ даетъ матеріалы для того, раздѣляя Францію на четыре почти равныя части линіями, пересѣкающимися крестъ на крестъ.

	Франція, какъ цѣлое.	Части:			
		Сѣверо- западн.	Сѣверо- восточ.	Юго- восточ.	Юго- запад.
Населеніе, на квадратномъ миріаметрѣ	6,424	8,247	6,654	5,548	5,368
Сборъ пшеницы съ гектара. въ гектолитрахъ	12,47	14,98	13,55	11,27	9,71

Здѣсь одинъ приведенъ только факторъ, для объясненія неравномѣрности сборовъ,— густота населенія. Посмотрите же, какъ правильно отражается его дѣйствіе на количествѣ сбора,— чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ выше сборъ. Разница между сѣверо-западною и юго-западною частью по населен-

ности равняется почти 50%—этого довольно, чтобы понять разницу въ сборѣ также почти на 50%.

Сравните населенность Европейской Россіи и Пруссіи—не гораздо ли больше она? Не достаточно ли было бы ужъ одного для объясненія ничтожной разницы сбора въ 10%?

Прибавьте различіе по пропорціи городского населенія, по удобству путей сообщенія, по близости къ колоссальнѣйшему рынку для хлѣба, къ Англии; прибавьте еще значительнѣйшее различіе по климату;—все это не въ пользу Россіи; прибавьте различіе по формамъ труда между Россією и Западною Европою, и подумайте послѣ этого, нужно ли примѣшивать еще общинное владѣніе ради этихъ 10%? будто не съ избыткомъ объясняются эти 10% вліяніями, сила которыхъ несомнѣнно не въ пользу Россіи? Не противно ли здравому смыслу забывать всѣ ихъ и толковать о невыгодномъ будто бы вліяніи такого факта, о дѣйствіи котораго вы говорите совершенно на обумъ?

Г. Примѣръ Франціи и Сѣверной Америки свидѣтельствуетъ не противъ, а въ пользу раскрытой у насъ теоріи дѣйствій принципа частной поземельной собственности.

Повсюду и всегда, когда и гдѣ ни господствовала частная поземельная собственность, большинство земледѣльческаго населенія воздѣлывало чужую землю въ чужую, а не въ свою пользу; повсюду, большая половина территоріи принадлежала не тѣмъ, которые воздѣлывали ее, и интересъ чело-вѣка, отъ котораго зависѣло производство улучшеній, былъ ослабляемъ въ производствѣ этихъ улучшеній тѣмъ, что выгода отъ нихъ доставалась не ему, а шла въ чужія руки. Таково же и нынѣ положеніе частной поземельной собственности повсюду, гдѣ могутъ обнаружиться дѣйствія принциповъ, управляющихъ ея движеніемъ.

Римъ (во всѣ эпохи, когда *ager publicus* былъ захватываемъ частною собственностью), всѣ государства, основанныя германцами въ средніе вѣка, нынѣ вся часть Европы, занятая романскими и германскими народами, служатъ тому довазательствомъ. Но исключеніями являются, по видимому, нынѣшняя Франція и Сѣверная Америка. Люди, поверхностно смотрящіе на эти два единственные факта, думаютъ, будто бы Франція можетъ служить свидѣтельствомъ, что частная поземельная собственность можетъ естественнымъ путемъ распредѣляться по населенію довольно равномѣрно, а Америка—что благосостояніе поселянъ можетъ существовать безъ преобладанія государственной поземельной собственности. Но точный разборъ дѣла доказываетъ противное.

„Во Франціи большинство земледѣльцевъ имѣетъ недвижимую собственность“ — такъ, но, во-первыхъ, гомеопатическими клочками; большая половина пространства все-таки сосредоточена въ рукахъ меньшинства,—по Шатовѣе. общее число 46,000,000 гектаровъ, находящихся въ частной собственности, распредѣляется такъ:

	Число владѣльцевъ.	Общая сумма принадлежащей имъ земли.
Большія помѣстья.	200,000	17,328,000 гектар.
Владѣнія средней величины.	700,000	14,420,000 „
Мелкіе клочки.	3,900,000	14,252,000 „

И такъ, болѣе нежели двѣ трети территоріи все-таки сосредоточены въ рукахъ одной пятой части собственниковъ; остальнымъ четыремъ пятымъ достались только ничтожные клочки остальной трети. Но цифры Шатовѣ по всей вѣроятности ниже дѣйствительнаго сосредоточенія. Пріймемъ однако ихъ, чтобы не утруждать читателей анализомъ цифръ, которыхъ и безъ того уже слишкомъ много у насъ; что же оказывается изъ этихъ цифръ? Общее число земледѣльческихъ семействъ по Шатовѣ — 7,000,000 *); изъ нихъ, одна треть лишена участія въ собственности; четыре седьмыхъ имѣютъ ничтожное участіе; одной восьмой части сельскаго населенія принадлежить болѣе чѣмъ двѣ трети земли.

Но и это положеніе какимъ образомъ произошло? Конфискаціею и распродажею по мелкимъ участкамъ во время революціи. Какимъ образомъ оно поддержалось? Непрерывными войнами втеченіе первыхъ двадцати пяти лѣтъ и двумя общественными переворотами втеченіе слѣдующихъ сорока лѣтъ. И такъ, только 65 лѣтъ существуетъ этотъ порядокъ, и только 40 лѣтъ мирно дѣйствуютъ принципы частной собственности, и въ эти годы два раза насильственно низверглась значительная часть произведенной ими аггломерациі, и основаніемъ всему послужило страшное насильственное раздробленіе, — и все-таки поземельная собственность очень сильно сосредоточена.

Франція служитъ свидѣтельствомъ чрезвычайной живучести и интенсивности стремленія къ аггломерациі въ частной собственности. Сѣверная Америка служитъ поразительнѣйшимъ свидѣтельствомъ того, какъ важно, чтобы государственная поземельная собственность преобладала надъ частною.

Во-первыхъ, тутъ надобно замѣтить изумительную противоположность между южными и сѣверными штатами, по характеру и дѣятельности блага населенія. Въ южныхъ штатахъ поземельная собственность аггломерирована, большинство блага населенія почти лишено ея; за то оно лѣнливо, невѣжественно, болѣе походитъ на итальянцевъ или ирландцевъ, нежели на американцевъ. Южные штаты не свидѣтельствуютъ въ пользу аггломерациі, — не ихъ имѣютъ въ виду, когда указываютъ на Сѣверную Америку.

Въ чемъ же состоитъ отличіе сѣверныхъ и западныхъ штатовъ отъ Европы? Въ томъ, что каждый, обдѣленный поземельнымъ наслѣдствомъ, беретъ участокъ въ 25 десятинъ изъ государственныхъ земель, которыя у каждаго подъ руками (благодаря чрезвычайнымъ удобствамъ путей сообщенія) и которыхъ находится еще въ запасѣ на десятки миліоновъ семей. О, въ такомъ случаѣ, если частная собственность составляетъ еще только малую часть территоріи, если для каждаго очень легко прійти и поселиться на государственной землѣ, — въ такомъ случаѣ частная поземельная собственность ничему не мѣшаетъ: вѣдь еще не оказываетъ вліянія на національную жизнь, характеръ которой опредѣляется раздачею всѣмъ и каждому желающему достаточнаго для безбѣдной жизни участка.

*) Въ предъидущей статьѣ, мы, по „Statistique de la France“, принимали 6,000,000; Шатовѣ считаетъ иначе, и поэтому намъ кажутся его цифры нуждающимися въ исправленіи — онъ кладетъ слишкомъ мало душъ на семью, или считаетъ мужа и жену, отца и сыновей разными собственниками, хотя они живутъ однимъ хозяйствомъ: оттого и сосредоточеніе у него менѣе дѣйствительнаго.

Сѣверные штаты изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ экономической быть высоко развитъ, ближе всего подходитъ къ тому положенію, для достиженія котораго служить общинное владѣніе. За то и безпримѣрно благосостояніе ихъ населеніи.

Что слѣдуетъ изъ примѣра ихъ? Очевидно слѣдуетъ: каждый земледѣлецъ долженъ воздѣлывать свой, а не чужой участокъ. Какимъ образомъ возможенъ такой быть?—При чрезвычайномъ обиліи незаселенныхъ и плодородныхъ государственныхъ земель, онъ можетъ достигаться раздачею ихъ всѣхъ и каждому желающему—при этомъ необходимо также, чтобы каждому было очень легко дойти отъ мѣста своей родины до этихъ земель. Ясно ли, въ чемъ дѣло, отъ чего зависитъ характеръ сѣверо-американскаго земледѣльческаго быта? Отъ огромнаго перевѣса государственныхъ земель надъ землями, выдѣланными въ частную собственность.

Итакъ, что свидѣлствуютъ Оверп-Американскіе Штаты? „Государственные земли должны преобладать въ странѣ надъ выдѣленными въ частную собственность“.

Если бы во Франціи, Англии, Германіи были подъ руками у каждаго громаднаго пространства незаселенныхъ государственныхъ земель, не о чемъ было-бы и толковать: съ незначительною частью національнаго капитала можно дѣлать что угодно, и благосостояніе націи все-таки не потерпитъ значительно. Если населенныя земли еще ничтожны передъ государственными незаселенными и плодородными, мы не хотѣли бы и думать о нихъ -- пусть онѣ агломерируются или дробятся, пусть будутъ въ частной или какой вамъ угодно собственности, все равно.

Надобно-ли говорить, что положеніе Европы не таково?

Надобно-ли говорить, что и въ Россіи нѣтъ 150,000 квадратныхъ географическихъ миль плодородной и незаселенной государственной земли? Надобно ли говорить, что если изъ Нью-Йорка легко переселиться въ Иллинойсъ, гдѣ въ волю земли готовой для всякаго, то изъ Тулы переселиться въ Саратовъ или Самару—была бы очень дорогая и длинная исторія; да и нашлось ли бы тамъ незаселенныхъ плодородныхъ земель для сотенъ тысячъ семей? У насъ плодородныя незаселенныя государственныя земли, доступныя переселенцамъ изъ другихъ губерній, уже составляютъ ничтожную часть сравнительно съ населенными землями. Почти весь годный въ дѣло поземельный капиталъ націи уже обнять населеніемъ.

Европейская Россія, правда, страна еще многоземельная, но обиліе земель не должно смѣнивать съ ихъ незаселенностью. Кромѣ мѣстъ, неудобныхъ по климату или по составу почвы, почти вся поверхность Европейской Россіи уже населена, то-есть каждый участокъ земли уже состоитъ или въ частной собственности или занятъ населеніемъ, живущимъ на государственной землѣ. Почти единственныя государственныя земли незаселенныя и вмѣстѣ плодородныя,—это такъ называемыя оброчныя статьи. Нѣкоторыя изъ нихъ нужны для населенія сосѣднихъ общинъ, уже нуждающихся въ землѣ. Остальныя составляютъ уже только незначительное пространство. Земли у насъ много, это правда, но несравненно меньше у насъ, нежели многіе думаютъ, незаселенной плодородной государственной земли.

Что же остается дѣлать, чтобы сохранить преобладанію государственной плодородной земли надъ частною, по примѣру Америки? Ясно, что: не выпускать изъ государственной собственности въ частную того пространства, которое населено по принципу общиннаго владѣнія. Американцы не хлопочуть о населенномъ пространствѣ, потому что у нихъ остается, чѣмъ замѣнять выдѣляемыя въ частную собственность земли; а у насъ замѣнить населеннаго пространства нечѣмъ.

Параллель съ Америкю доказываетъ, какъ видимъ, необходимость сохраненія у насъ общиннаго владѣнія на всемъ пространствѣ, нынѣ имъ обвимаемомъ. Только этимъ сохраненіемъ удержится основная черта, общая намъ съ Америкю: преобладанію государственныхъ плодородныхъ земель надъ частною поземельною собственностью.

КРИТИКА.

О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. Речь И. Бабста. Москва 1857 г.

Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, сочиненіе англійскаго юрисконсульта Іереміа Бентама, переведенное Михайломъ Михайловымъ. По Высочайшему повелѣнію. Три тома. Спб. 1805 г.

Въ послѣдшіе два года многіе писатели пріобрѣли громкую и совершенно заслуженную репутацію. Одно изъ самыхъ прекрасныхъ именъ въ этомъ ряду—г. Бабстъ. Специалисты давно уже высоко цѣнили его, какъ ученаго очень основательнаго. Публика давно уже отличала въ журналахъ его статьи отъ другихъ статей политико-экономическаго содержанія по живости содержащія и достоинствамъ изложенія. Но въ тѣ времена, большинство читателей еще недостаточно интересовалось этою наукою, не сознавая того чрезвычайно живаго отношенія, какое могутъ имѣть къ нашему быту истины, извлеченныя изъ наблюденія экономическихъ фактовъ учеными въ Западной Европѣ. Конечно, при большей внимательности, легко можно было найти эту связь и тогда, когда она еще не указывалась точнымъ образомъ: но кто обязанъ дѣлать догадки? Большинство не хотѣло утруждать себя этими хлопотами, и читая, напримѣръ, книгу г. Бабста о Джонѣ Ло или статьи покойнаго В. Милютина (въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“ 1847—48 г.), многіе изъ насъ хладнокровно останавливались на мысли: все это хорошо, но какое намъ дѣло до спекуляторовъ временъ регентства, до манчестерскихъ ткачей и бирмингамскихъ кузнецовъ? Сочиненія эти читались потому, что написаны были хорошо, и тѣмъ кончалось дѣло. Конечно, теперь каждому изъ насъ легко видѣть, какъ ошибался онъ тогда, думая, что эти предметы не касаются прямымъ образомъ его собственнаго быта. Но съ другой стороны надобно сказать, что не совершенно исполняла свою задачу и наука, представляя общія истины и иноземныя дѣла безъ всякихъ указаній на ихъ отношенія къ нашимъ собственнымъ дѣламъ. Какъ-бы то ни было, до послѣдняго времени казалось невозможно ученому, занимающемуся политическою экономіею, пріобрѣсть то горячее сочувствіе всего общества, какимъ награждались, напримѣръ, труды по русской исторіи или по исторіи русской литературы.

Г. Бабстъ блистательнымъ образомъ разрѣшилъ эту задачу, которая ка-

залась невозможною. Его рѣчь, по поводу которой мы пишемъ эту статью, была однимъ изъ самыхъ громкихъ литературныхъ событій прошедшаго года, когда являлось и въ наукѣ, и въ беллетристикѣ такъ много произведеній, привлекавшихъ къ себѣ общее вниманіе. Ни одно изъ нихъ не доставило своему автору больше сочувствія, нежели рѣчь г. Бабста. Отчего же такая разница въ успѣхѣ этой рѣчи по сравненію съ участіемъ политико-экономическихъ статей, до того времени являвшихся у насъ? г. Бабстъ прямѣмъ образомъ показалъ примѣненіе политико-экономическихъ истинъ къ фактамъ нашего быта; онъ первый рѣшился сказать, какимъ образомъ относятся условія нашего экономического быта къ тому порядку, который признаетъ наука благоприятнымъ для экономической дѣятельности. Горячее сочувствіе публики было ему наградою за это дѣло: его „Рѣчь“ имѣла успѣхъ необыкновенный; его имя стало также близко къ сердцу каждаго изъ насъ, какъ имена самыхъ популярныхъ между нашими историками, беллетристами, поэтами и журналистами, которые до тѣхъ поръ одни пользовались привилегіею популярности.

При первомъ появленіи „Рѣчи“, мы познакомили читателей съ ея содержаніемъ посредствомъ обширныхъ выписокъ. Теперь, пользуясь вторымъ изданіемъ этой брошюры, котораго давно желала публика, мы не имѣемъ надобности ни пересказывать ея содержанія, ни прибѣгать къ выпискамъ.—читатели довольно знакомы съ истинами, въ ней изложенными, и намъ остается только развить нѣкоторыя мысли, ею внушаемыя.

Надобно сказать, что если прекрасна идея, которой одушевлена рѣчь г. Бабста, если превосходно изложеніе этой рѣчи, то и предметъ рѣчи избранъ чрезвычайно удачно. Умноженіе народнаго капитала—это то же самое, что возвышеніе народнаго благосостоянія, если понимать слово „капиталь“ въ его истинномъ смыслѣ, какой и дается ему г. Бабстомъ. Въ послѣднее время много краснорѣчивыхъ голосовъ въ Западной Европѣ возставало противъ капитала, и надобно сказать, что всѣ нападенія на него справедливы, когда это слово понимается въ томъ узкомъ смыслѣ, какой имѣетъ оно на языкѣ спекуляторовъ парижской биржи и ихъ друзей между экономистами. Смѣясь надъ меркантилистами, поставлявшими народное богатство въ обладаніи большою массою звонкой монеты, они сами впадаютъ въ такую же ошибку, когда, превознося необходимость капитала для экономической дѣятельности, разумѣютъ подъ словомъ „капиталь“ исключительно запасъ звонкой монеты, кредитныхъ знаковъ и матеріальныхъ вещей, которыми торгуютъ на биржахъ и которыя передаются по купчимъ крѣпостямъ. Фабрики съ ихъ машинами, пакгаузы съ ихъ товарами, дома съ ихъ мебелью, кипы акцій и облигацій, груды золота и сорсбра—все это капиталъ; но совершенно ошибаются люди, воображающіе, что только такого рода капиталъ нуженъ для возвышенія производительности національнаго труда, и что ему именно должна доставаться значительнѣйшая часть производимыхъ трудомъ богатствъ, потому что будто бы ому именно и исключительно должно приписывать успѣшность и энергію труда. Ошибка эта имѣла самыя печальныя слѣдствія, какъ для науки, развитіе которой надолго замедлилось и извратилось узкостью понятій, такъ и для общественнаго быта, вдавшагося въ гибельную односторонность, по вопросу

о распредѣленіи плодовъ труда между трудящимся классомъ и капиталистами и при заботѣ объ умноженіи національнаго капитала. Если капиталъ только деньги и матеріальныя вещи, то разумѣется, надобно признавать справедливымъ, когда почти всѣ производимыя богатства обращаются въ пользу капиталистовъ, а для трудящагося класса предоставляется только ничтожная часть, не больше того, сколько нужно для скуднаго поддержанія жизни. „Безъ капитала трудъ не успѣнъ—успѣхъ придается ему капиталомъ, потому и плоды успѣнности труда принадлежатъ не самому труду, а оживляющему его капиталу, говорила эта односторонняя теорія. И такъ какъ успѣнность труду придается исключительно содѣйствіемъ матеріальныхъ капиталовъ, денегъ и замѣняющего ихъ кредита, машинъ и проч., продолжаетъ она, то очевидно, что на увеличеніе этихъ матеріальныхъ капиталовъ и должна быть обращена вся забота, а самый трудъ, безеильный безъ нихъ, не заслуживаетъ особеннаго вниманія“. Но дѣло въ томъ, что тутъ есть важный недосмотръ. Какъ бы опредѣленіе капитала мы ни взяли, все-таки окажется, что кромѣ матеріальнаго капитала, существующаго въ видѣ зданій, машинъ и денегъ или кредитныхъ знаковъ, существуетъ другой капиталъ, сливающійся съ организмомъ работника, и что этотъ капиталъ, который можно назвать нравственнымъ, гораздо важнѣе матеріальнаго. Этотъ важнѣйшій національный капиталъ есть запасъ нравственныхъ силъ и умственной развитости въ народѣ. Англія богата отъ того, что въ ней много, Испанія бѣдна отъ того, что въ ней мало капиталовъ, говорятъ экономисты. Такъ; но это изобиліе или недостатокъ относится ли къ однимъ денежнымъ или вообще матеріальнымъ запасамъ? Если два корабля, одинъ съ англійскими, другой съ испанскими пассажирами, разобьются у двухъ сосѣднихъ острововъ, одинаково пустынныхъ и одинаково плодоносныхъ, и пассажиры того и другаго корабля одинаково будутъ выброшены на берегъ, подобно Робинзону Крузо, не нѣтъ ли ровно ничего при себѣ или на себѣ, кромѣ платья и нѣсколькихъ складныхъ ножей, участь того и другаго поселенія будетъ ли одинакова? Нѣтъ. Посѣтивъ черезъ десять лѣтъ островъ англичанъ, вы найдете у нихъ удобныя и прочныя жилища, изобильно снабженныя всѣми вещами, необходимыми для комфорта; найдете обширныя и хорошия воздѣланныя поля съ богатыми жатвами; словомъ, найдете благосостояніе и даже избытокъ. На испанскомъ островѣ вы не увидите ничего подобнаго. Его жители представляются вамъ бѣдняками, живущими въ жалкихъ лачугахъ, часто голодающими и не имѣющими ничего, кромѣ своихъ старыхъ плащей, уже обратившихся въ лохмотья. Отчего же такая разница? оттого, что англичане, хотя и выброшены были на берегъ, подобно испанцамъ, безъ всякаго запаса денегъ и другихъ вещественныхъ капиталовъ, имѣли въ своихъ привычкахъ и знаніяхъ нравственный капиталъ, несравненно важнѣйшій, нежели всѣ тѣ громады товаровъ, тысячи фабрикъ и паровыхъ машинъ, которыми владѣетъ ихъ родина. Они имѣли съ собою трудолюбіе и бережливость, имѣли техническія знанія, наконецъ, основаніе всему остальному, они имѣли развитыя головы; съ убѣжденіемъ, что человѣку слѣдуетъ жить въ довольствѣ, и крѣпкою увѣренностью въ своихъ силахъ. Всего этого лишены были испанцы. А въ этомъ нравственномъ капиталѣ и заключается источникъ всего матеріальнаго капитала. Если

бы въ одну ночь сгорѣли Лондонъ, Манчестеръ и Ливерпуль, со всѣми своими казначействами, банками и конторами, доками, флотами и пакгаузами, это былъ бы тяжелый, но вовсе не смертельный ударъ для ихъ населенія. Черезъ пятнадцать, много двадцать лѣтъ, на прежнихъ мѣстахъ стояли бы новыя конторы и пакгаузы, заваленныя еще большимъ количествомъ товаровъ, и гавани были бы наполнены флотами, многочисленнѣйшими прежнихъ, съ грузами, драгоцѣннѣйшими прежнихъ. Но, къ чему дѣлать предположенія, когда есть факты, къ чему противопоставлять одинъ другому два народа, когда въ исторіи одного и того же найдутся примѣры достаточно ясныя? Сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, удалились изъ Франціи десятки тысячъ людей послѣ отмены Нантскаго эдикта. Сто лѣтъ спустя, снова удалились изъ Франціи десятки тысячъ людей послѣ взятія Бастиліи. Вещественныхъ капиталовъ гугеноты унесли съ собою за границу въ тысячу разъ меньше, нежели эмигранты времянъ революціи. То были большею частью простые ремесленники и мастера, а эмигранты были богатые землевладѣльцы, и многіе изъ нихъ считали свои вывезенные богатства миліонами франковъ. Но черезъ пять лѣтъ гугеноты не только сами пользовались довольствомъ въ новыхъ своихъ поселеніяхъ, но и удвоили богатства тѣхъ странъ, въ которыхъ поселились; черезъ пять лѣтъ эмигранты не только сами нищенствовали, но и были причиною обѣдненія странъ, которыя ихъ приняли. Надобно ли говорить, отчего произошла такая разница? Гугеноты, кромѣ своихъ техническихъ знаній, имѣли съ собою твердыя нравственныя правила, неуклонную любовь къ законности, привычку къ энергической дѣятельности, развитую мыслительную способность. Эмигранты, кромѣ невѣжества, вывезли съ собою презрѣніе къ закону, иноклоненіе грубой силѣ своего крика и своихъ нпагъ, легкомысліе и неспособность ни къ какой серьезной мысли, ни къ какому дѣльному труду. Да, нравственный капиталъ—источникъ всѣхъ вещественныхъ капиталовъ, которые безъ него не могутъ ни возникнуть, ни сохраниться, тѣмъ меньше могутъ возрастать безъ его возрастанія. Часто забываютъ объ этомъ люди, провозглашающіе безграничное уваженіе къ капиталу, и имѣютъ въ виду только матеріальное богатство, когда говорятъ, что капиталъ долженъ владычествовать надъ экономическою дѣятельностью народа. Нельзя найти довольно сильныя выраженія для протеста противъ такого поклоненія золотому тельцу. Онъ ведетъ къ пренебреженію матеріальнымъ благосостояніемъ народа ради развитія богатства немногихъ отдѣльныхъ лицъ, къ пренебреженію нравственными потребностями народа ради возвышенія коммерческихъ оборотовъ. Но если понимать подъ капиталомъ весь запасъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ богатствъ, пріобрѣтенныхъ націею вслѣдствіе преднѣствовавшихъ ея трудовъ, то мы, избѣжавъ односторонности понятій, предохранимся и отъ опасности жертвовать участью массы народа ради выгодъ людей, располагающихъ матеріальными капиталами. Тогда, если мы скажемъ: „необходимо народу всѣми средствами заботиться объ увеличеніи своего капитала“,—мы не будемъ уже думать, что эта потребность удовлетворяется, какъ скоро возрастаетъ богатство богатыхъ людей; если мы скажемъ: „капиталъ необходимъ для успѣвности народнаго труда“, мы не будемъ думать, что одни матеріальныя средства капн-

талиста могут произвести чтонибудь безъ запаса нравственныхъ силъ въ его работникахъ.

Испанія не дальше отъ Америки, нежели Англія; почему жъ бы какомунибудь Вроуну или Джемсу не завести хлопчато-бумажную фабрику въ Испанію? Въдѣ и въ Испаніи есть каменный уголь; привозъ хлопка въ какуюнибудь сѣверо-западную гавань Испаніи сталъ бы не дороже привоза въ Ливерпуль, а заработная плата въ Испаніи ниже, чѣмъ въ Англіи, да и испанскіе рынки для хлопчато-бумажныхъ издѣлій ближе были бы тогда къ фабрикѣ Джемса. Нѣтъ, онъ все-таки основываетъ фабрику въ Манчестерѣ. Почему же? Изъ любви къ родинѣ? Но матеріальныя капиталы не имѣютъ привязанности къ родинѣ; они стремятся туда, гдѣ находятъ болѣе выгодное помѣщеніе. Почему же Джемсъ не находитъ выгоды фабриковать свои назначенныя для Испаніи ткани въ самой Испаніи, гдѣ нашлись бы всѣ матеріальныя удобства для фабрикаціи?—Потому что онъ можетъ перенести въ Испанію только вещественный капиталъ, но не найдетъ въ ея населеніи нравственнаго матеріала, содѣйствіе котораго необходимо для успѣха предпріятія, не найдетъ въ Испаніи такихъ работниковъ, какихъ имѣетъ Англія. Джемсу или надобно перевоспитать испанцевъ, или привезти въ Испанію англійскихъ работниковъ.

Если мы не станемъ забывать, что изъ капиталовъ, необходимыхъ для успѣшности національнаго труда и для развитія государственнаго богатства, нравственныя капиталы, заключающіеся въ трудолюбіи и честности, въ расчетливости и благоразуміи, въ умственной развитости и предпримчивости работающаго сословія, гораздо важнѣе матеріальныхъ капиталовъ, не могущихъ ни возрастать, ни сохраняться безъ ихъ содѣйствія, что нравственный капиталъ не только служитъ источникомъ матеріальнаго, но и постоянно превосходитъ его своею цѣнностью, мы безопасно можемъ говорить о всемогущей силѣ капитала, о необходимости его для успѣховъ національнаго труда, о томъ, что всевозможная заботливость должна быть обращена на условія, содѣйствующія его возрастанію. Тогда мы не захотимъ жертвовать обезпеченностью работника для выгодъ капиталиста или землевладѣльца. Мы будемъ помнить, что если манчестерскій фабрикантъ выигрываетъ тысячи, понижая заработную плату, то Англія теряетъ на каждую изъ этихъ тысячъ миллионъ, чрезъ ослабленіе нравственнаго капитала въ его работникахъ; что если манчестерскіе работники дойдутъ чрезъ матеріальныя лишешія и необезпеченность до апатичнаго состоянія души, если потеряютъ любовь къ законности и надежду на законы своей родины, то всѣ богатства Англіи исчезнутъ очень быстро. Важнѣйшій капиталъ націи—нравственныя качества народа.

Г. Бабстъ всю свою рѣчью подтверждаетъ это понятіе. „Все, что содѣйствуетъ народному производству (говоритъ онъ): орудія, машинны, строенія, пути сообщенія, почва, суровье, средства для содержанія рабочихъ, деньги, кредитныя знаки, нравственныя качества народонаселенія, его образованность, изобрѣтательность,—все это мы вправѣ назвать народнымъ капиталомъ, безъ котораго невозможна ни одна хозяйственная дѣятельность, ни для умноженія, для усиленія котораго должны быть употреблены всѣ силы и стремленія народа.... Чѣмъ болѣе надежды у рабочаго улѣчнить,

„благодаря своему труду, свое благосостояніе, тѣмъ производительнѣе его „трудъ.... Для лѣниваго, для безпечнаго народа капиталы эти (матеріальныя)—мертвыя силы“ (стр. 20). Кто такъ широко и вѣрно понимаетъ капиталъ, условія его производительности и возрастанія, тотъ имѣетъ полное право,—и только тотъ вообще имѣетъ право говорить о благодѣтельномъ его вліяніи на трудъ и благосостояніе націи.

О вещественныхъ капиталахъ твердить каждый экономистъ; далеко не всѣ помнятъ, какъ помнить г. Бабсть, о нравственномъ капиталѣ; потому-то, между прочимъ, и занялъ г. Бабсть такое почетное мѣсто между нашими экономистами. „Стройте желѣзныя дороги, пароходы и машины, основывайте банки и промышленныя компаніи и увеличивайте торговлю“ — это умѣетъ твердить каждый; но далеко не каждый понимаетъ, какъ понимаетъ г. Бабсть, что всѣ эти матеріальныя улучшенія возможны только съ появленіемъ условій, благопріятствующихъ возрастанію нравственнаго капитала націи. Объ этомъ важнѣйшемъ родѣ капитала, о которомъ такъ часто забываютъ, мы и будемъ преимущественно говорить вслѣдъ за г. Бабстомъ.

Сравнивая хозяйственныя привычки и нравственныя качества различныхъ народовъ, какъ они представляются намъ въ настоящее время, мы бываемъ до такой степени поражены ихъ чрезвычайнымъ различіемъ, что чрезвычайно любопытенъ становится вопросъ о причинахъ этой великой разности. Испанецъ, итальянецъ, французъ, нѣмецъ и англичанинъ такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что невольно приходитъ въ голову мысль: возможно ли когда нибудь итальянцу сдѣлаться способнымъ къ той трудолюбивой жизни и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя составляютъ гордость англичанина? Двѣ главныя политическія школы, представителями которыхъ въ политической экономіи можемъ мы назвать Мальтуса и Годвина, отвѣчаютъ на вопросъ о причинахъ національнаго различія также несогласно, какъ и на всѣ вопросы, кромѣ развѣ однихъ астрономическихъ. Одни говорятъ: коренное основаніе различія между народами заключается въ племенныхъ особенностяхъ организма. Лѣнивъ, безпеченъ, фанатиченъ испанецъ отъ природы, и какъ бы ни измѣнялась его судьба, онъ никогда не можетъ сравняться съ англичаниномъ по трудолюбію и расчетливости, какъ серна никогда не можетъ получить качествъ лошади и навсегда останется неспособной ни къ труду, ни къ правильной жизни. Но очевидна неосновательность такого предположенія. Европейскіе народы, за очень незначительными исключениями, всѣ принадлежатъ къ одной и той же расѣ *). Испанцы, французы, нѣмцы, англичане и славяне такъ мало различаются между собою по органическому

*) Читатель видитъ, что мы говоримъ только о народахъ кавказской или арийской (индо-европейской) расы, оставилъ на этотъ разъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, существуетъ ли между различными расами, наприимѣръ, нашею и африканскою, отъ природы какое нибудь чувствительное различіе въ степени умственныхъ и нравственныхъ дарованій. Этотъ вопросъ гораздо сомнительнѣе, нежели дѣло о племенныхъ природныхъ качествахъ народовъ одной и той же расы. Мы убѣждены, что и негръ отличается отъ англичанина своими качествами исключительно въ слѣдствіе исторической судьбы своей, а не въ слѣдствіе органическихъ особенностей. Но все-таки это дѣло—подлежащее спору, а въ вопросѣ о народахъ одной расы сомнѣніе невозможно. Для предмета настоящей статьи, достаточно говорить о народахъ одной расы,—до краснокожихъ и негровъ намъ нѣтъ дѣла, когда мы разсматриваемъ экономическій бытъ европейскыхъ странъ.

устройству, что разсудительный наблюдатель долженъ признаться: на фианческихъ особенностяхъ европейскихъ народовъ вовсе не можетъ опираться то чрезвычайное разнообразіе быта и привычекъ, которымъ полагается столь громадная разница и въ настоящемъ благосостояніи и въ надеждахъ на будущее у англичанина и славянина, у француза и испанца. Чтобы начать съ наружнаго вида, замѣтимъ, что французъ и англичанинъ не болѣе различны между собою по физіономіи, нежели ярославецъ и воронежецъ; что часто два родные брата, имѣющіе одного отца и одну мать, разнятся по физіономіи болѣе, нежели итальянецъ и нѣмецъ. Мы по ежедневнымъ ветрѣчамъ такъ щепетильно изучили національныя различія своихъ сосѣдей, что ничтожнѣйшія черты этого различія сильно врѣзались у насъ въ памяти; мы похожи въ этомъ случаѣ на опытнаго типографщика, который легко находитъ разницу между двумя экземплярами одной и той же книги; на игрока, который замѣчаетъ разницу въ крапѣ двухъ картъ одной и той же колоды, между тѣмъ, какъ для взгляда, неприготовленнаго къ этимъ тонкостямъ, разница не замѣтна. Такъ точно китаецъ не можетъ различить англичанина и француза, тотъ и другой для него совершенно одинаковы на видъ, какъ для насъ совершенно одинаковы на видъ всѣ негры, хотя плантаторы и различаютъ между неграми множество племенъ, столь же разнообразныхъ для ихъ глаза, какъ разнообразны для нашего глаза англичанинъ и итальянецъ. Но дѣйствительно ли и для нашего глаза такъ замѣтна эта послѣдняя разница? Да, если подѣ словомъ „мы“ разумѣть насъ съ вами, читатель, людей, которые начитались историческихъ и географическихъ книгъ. Для народа, физическое зрѣніе котораго не подготовлено книгами и ученіемъ къ замѣчанію этихъ различій, итальянецъ представляется точно такимъ же нѣмцемъ, какъ англичанинъ. Ни одинъ мужикъ не сочтетъ нѣмцемъ негра, одѣтаго нѣ европейскій костюмъ,—тутъ разница физіономій дѣйствительно велика; но если вы умѣете различать нѣмца отъ француза, то почему я знаю, быть можетъ, вы умѣете различать и гасконца отъ нормандца?—по крайней мѣрѣ, разницы между ними никакъ не меньше: одинъ приземистый, съ черными, курчавыми волосами, другой высокій, съ длиннымъ лицомъ и бѣлокурыми волосами. Говорятъ о различіяхъ нѣ фигурѣ черепа и величинѣ такъ называемаго лицеваго угла; у англичанина, говорятъ, развитъ по преимуществу лобъ, у француза болѣе затылокъ. Сравните въ этомъ отношеніи различныя сословія одного и того же народа, и вы увидите разницу несравненно болѣе значительную. Высшія сословія всегда отличаются отъ нисшихъ большимъ развитіемъ лба; это зависитъ единственно отъ образа жизни и занятій. Дѣло извѣстное, что въ третьемъ, или много въ четвертомъ поколѣніи, потомство людей, вышедшихъ изъ престопа родья въ знать, пріобрѣтаетъ ту аристократическую структуру тѣла и между прочимъ черепа, которой лишенъ былъ предокъ. Тутъ дѣло въ томъ же родѣ, какъ относительно нѣжности кожи. Конечно, у того, кто до пятидесяти лѣтъ пахалъ землю и косилъ сѣно подѣ жгучимъ еолнцемъ, останется темноватый цвѣтъ и нѣкоторая жесткость кожи, хотя бы онъ потомъ двадцать лѣтъ вѣдилъ въ каретѣ; но у его сына и особенно ввуча, не выдавашаго черной работы и воспитаннаго въ батистовыхъ пеленкахъ, цвѣтъ кожи удовлетворитъ самаго взыскательнаго знатока аристо-

кратических признаков породы. Говорят о различии в объеме мозга в упругости его фибры. Тутъ разница между европейскими народностями опять ограничивается сотыми и тысячными дробями единицы, и несравненно значительнѣйшая разница находится между сословіями одного и того же народа. И знаете ли, какъ просто объясняетъ физиологія всѣ эти различія? У простаго народа лобъ менѣе высокъ, челюсти болѣе развиты, нежели у высшихъ сословій. Отчего это? Человѣкъ высшаго сословія ѣстъ кушанья питательныя, хорошо приготовленныя, его зубы во время обѣда трудятся очень мало; неужели вашъ хлѣбъ черствъ, или вашъ бифштексъ похожъ на подошву, неужели ваша редиска похожа на деревянистую рѣдьку? Ваша пища такъ легко переваривается, что ваши сосѣди за обѣдомъ не замѣчаютъ даже, если у васъ зубы вставные. Не такова пища простолюдина. Она груба и жестка; она мало питательна, потому и переваривать ее гораздо труднѣе, и количество ея гораздо значительнѣе. Не гордитесь же тѣмъ, что вашъ лицевой уголъ больше, что скулы у васъ менѣе выдались, — это зависитъ просто отъ того, что переваривать приходится вамъ гораздо меньшее количество гораздо менѣе грубыхъ съѣстныхъ матеріаловъ. Болонка вашей супруги также имѣетъ болѣе крутой лобъ и гораздо менѣе развитыя челюсти, нежели дворняшка.

Совершенною нецѣлостію было бы принимать тѣмъ нибудь важнымъ коренное различіе, будто бы отъ природы существующее между европейскими народами, когда мы видимъ, что съ измѣненіемъ образа жизни и обстановки происходитъ въ тысячу разъ большія измѣненія въ структурѣ и характерѣ животныхъ. Изъ неукротимой породы испанскихъ быковъ, между которыми одинъ, какъ ничтожную собачонку, распоролъ тигра, когда его вздумали свести на аренѣ съ тигромъ, — изъ этой породы, съ волнистыми очертаніями спины, съ прекрасными рогами, съ выпуклымъ лбомъ, можно произвести английскую безрогую, неподвижную, робкую породу, съ плоской спиной и плоскимъ лбомъ. Неужели наши домашніе гуси произошли не отъ дикихъ гусей? И можетъ ли быть найдена, не говоримъ уже между европейскими народами, но хотя бы между древними греками, съ ихъ безпримѣрно большимъ лицевымъ угломъ, и неграми, хотя сотая часть той разницы изъ структуръ тѣла, какая отдѣляетъ простаго быка отъ его недавняго потомка — Девонширскаго быка?

Зоологическія сравненія и физиологическія соображенія доказываютъ, со всею тою несомнѣнностію, какая только возможна при доказательствахъ, основанныхъ на умозаключеніи и аналогіи, что племенные особенности европейскихъ народовъ не могутъ служить основаніемъ различія въ ихъ бытѣ и привычкахъ; что эти различія слишкомъ ничтожны для производенія такого великаго разнообразія; что, наконецъ, въ каждомъ народѣ есть между людьми различныхъ областей или различныхъ сословій органическія различія, болѣе рѣзкія, нежели тѣ черты, которыми организмъ одной націи отличается отъ организма другой; что потому, когда эти, болѣе значительныя различія произведены въ одинаковомъ основномъ національномъ типѣ единственно различіемъ исторической судьбы, то, конечно, и менѣе рѣзкія особенности, которыми одинъ національный типъ отличается отъ другаго, не нуждаются для

своего объясненія въ предположеніи первобытнаго разлчія племенъ, а совершенно достаточную причину должны имѣть въ различіи исторической судьбы различныхъ народовъ Европы. Положительными фактами подтверждаетъ эти выводы сравнительная филологія. Она съ математическою несомнѣнностью доказываетъ, что никакого первобытнаго различія между итальянцами, французами, англичанами, нѣмцами и славянами не существовало: что всѣ эти народы произошли изъ одного народа, говорившаго однимъ языкомъ, жпншаго совершенно одинаковымъ бытомъ, съ одними понягіями, привычками, физическими и нравственными качествами. Эта истина доказана фактами сравнительной филологіи съ математическою достовѣрностью.

Но сравнительная филологія наука новая; факты, ею открытые, не успѣли еще стать каждому извѣстны на столько, чтобы онъ всегда соображался съ ними въ своихъ сужденіяхъ. Многіе ученые еще толкуютъ о племенномъ различіи организма еиропейскихъ народовъ, какъ будто гипотеза объ этомъ различіи еще можетъ поддерживаться послѣ открытій сравнительной филологіи. Но даже и между этими отсталыми людьми разсудительные наблюдатели замѣчаютъ, что объяснять различіе въ бытѣ народовъ племенными особенностями ихъ организма, значить объяснять все обиліе воды въ Волгѣ многоводностью Селнгеровскаго пруда, изъ котораго беретъ она начало. Очевидно, что не этому бѣдненькому озерочку обязана она своимъ велпчіемъ; очевидно, что отъ другихъ рѣкъ, и самыхъ ничтожныхъ рѣчекъ, имѣющихъ но менѣе ширины въ своемъ источникѣ, становится она различна только тѣмъ, что на дальнѣйшемъ пути ея встрѣчаются притоки, которыхъ не достаетъ другимъ рѣкамъ.

Видя недостаточность племеннаго различія отъ природы для объясненія нынѣшняго различія въ привычкахъ и качествахъ европейскихъ народовъ, почти всѣ ученые обращаются за этимъ объясненіемъ къ исторической жизни этихъ народовъ. Но на этомъ пути нѣкоторые останавливаются при самыхъ первыхъ фактахъ развитія и хотятъ все объяснять вліяніемъ окружающей природы, тѣми удобствами или затрудненіями, каія представляетъ она для образованіи въ народѣ извѣстныхъ занятій, и вліяніями, каія извѣстный климатъ можетъ имѣть на образованіе темперамента. Тутъ начинаются толки о томъ, какъ подъ небомъ Іоніи должны были родиться пѣсни Гомера, какъ дивное растяженіе морскихъ береговъ, множество заливовъ и гаваней, возвысили предпріимчивость грековъ, какъ суровая природа Скандинавіи воспитала безстранную отвагу нормановъ и т. п. Гордость, свойственная всякой новой отрасли знанія, восхищеніе, овладѣвающее умами при всякой вновь сознанной истинѣ, сообщаетъ большую привлекательность этому способу объясненія, составляющему существенный смыслъ сравнительной географіи. Развѣ слѣпой можетъ отвергать огромное вліяніе, обнаруживаемое характеромъ и положеніемъ страны на характеръ народа, въ ней поселяющагося. Особенно въ началѣ народной жизни географическая обстановка обнаруживаетъ всю свою силу надъ народными занятіями. Но въ послѣдствіи является даже въ этихъ занятіяхъ, не говоря ужъ объ обычаяхъ народа, перемѣна, необъяснимая ни природою страны, ни географическимъ ея положеніемъ. Много вѣковъ не существовало купеческихъ флотовъ у народа, продолжавшаго жить

въ Афинахъ и Коринѣхъ; финишскія и кареагенскія побережья до сихъ поръ лишены торговой дѣятельности; благодатныя земли Вавилоніи не имѣютъ ни садовъ, ни нивъ; Сицилія, центральный и удобнѣйшій пунктъ для торговли между тремя частями Стараго Свѣта, страна невообразимо богатой почвы, не имѣетъ торговли, почти лишилась земледѣлія. Съ другой стороны, въ Сѣверной Америкѣ принимаютъ самое живое участіе въ морской торговлѣ и тѣ штаты, которые лежатъ очень далеко отъ моря. Никакими географическими условіями невозможно объяснить, почему бы Бразильская страна могла такъ далеко отстать отъ Сѣверо-Американской: чѣмъ хуже сѣверо-американскихъ бразильскіе берега? чѣмъ Амазонская рѣка хуже, нежели Миссиссипя? Развѣ почва и климатъ въ Сициліи не гораздо болѣе благопріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія, нежели въ Англіи? Изъ такихъ примѣровъ, сотнями представляющихся и въ исторіи и въ современной статистикѣ, мы видимъ, что природа и климатъ страны имѣютъ рѣшительное вліяніе надъ народомъ только при началѣ его жизни, а въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи гражданскаго общества, географическое и климатическое вліяніе страны отодвигается уже на второй планъ, и характеръ народныхъ занятій уже начинается въ гораздо большей степени зависѣть отъ какихъ-то другихъ вѣщій. Это относительно занятій народа. Что же касается его темперамента, тутъ, конечно, климатъ страны постоянно сохраняетъ большую, почти всегда преобладающую силу. Жители дождливой и прохладной Англіи, конечно, не могутъ имѣть холерическаго темперамента итальянцевъ. Голландецъ, конечно, отъ природы своей страны болѣе флегматиченъ, нежели грекъ. Но если темпераментъ имѣетъ большое значеніе въ пріятельскихъ бесѣдахъ и семейномъ кругу, то едва ли можно приписать какую нибудь существенную цѣну различію темпераментовъ относительно дѣловой, практической жизни. У многихъ ость привычка холодному темпераменту англичанъ приписывать ихъ благоразуміе и непреклонность въ достиженіи своихъ цѣлей. Римляне ни чуть не уступали этими качествами англичанамъ, хотя по темпераменту ни чуть не отличались отъ нынѣшнихъ итальянцевъ. Нынѣшніе сирійскіе лѣвивцы сохранили темпераментъ неутомимыхъ финикійцевъ. Обратилось уже въ обычай противопоставлять французское легкомысліе и опрометчивость английской осмотрительности и благоразумію. Но неужели въ самомъ дѣлѣ англичанинъ менѣе француза способенъ увлекаться, дѣлать безразсудства, рисковать жизнью и состояніемъ? Надобно бы хотя припомнить, что эксцентричность англичанъ вошла въ пословицу. Хитрецы и простяки, энтузіасты и эгоисты равно встрѣчаются во всѣхъ темпераментахъ. Флегматики имѣютъ точно такія же страсти, какъ и холерики; разница только въ томъ, что одинъ любить больше болтать о томъ, что онъ дѣлаетъ, другой менѣе, а дѣлаютъ они одно и то же. Если французъ любитъ пить шампанское съ криками и ибсьями, то и англичанинъ пьетъ шампанскаго но меньше, хотя не кричитъ при этомъ. Молчаливость многіе считаютъ неотъемлемымъ признакомъ практичности, говорливость — вывѣскою пустоты. Но если молчаливый Вильгельмъ Оранскій былъ хорошій дипломатъ, то не менѣе искусенъ въ дипломатикѣ былъ говорунъ Талойранъ. Если угрюмый и молчаливый Валлешгейнъ умѣлъ хорошо вести войну, то не менѣе хорошо велъ ее шутникъ и говорунъ Су-

воровъ. Говоруны и люди молчаливые, весельчаки и люди угрюмые, равно встрѣчаются между людьми дѣльными и людьми пустыми. Темпераментомъ опредѣляется характеръ отдыха. Съ человѣкомъ веселаго темперамента пріятнѣе обѣдать, нежели съ человѣкомъ угрюмымъ. Но который изъ нихъ лучше, усерднѣе и успѣшнѣе работаетъ, это зависитъ вовсе не отъ темперамента. Англичане покорили Остъ-Индію; такъ, но греки, на которыхъ французы походить болѣе, нежели другіе нынѣшніе народы, точно также покорили Персію. Монголы были флегматики, арабы были холерики, но завоевашія тѣхъ и другихъ одинаково блистательны. Арабы—холерики, тунгузцы — флегматики, но и тѣ и другіе одинаково лѣнны. А было время, когда и арабы отличались дѣятельностью не меньше нынѣшнихъ англичанъ. И, наоборотъ, было время, когда предки нынѣшнихъ англичанъ и нѣмцевъ, британцы и германцы, были лѣннѣйшими существами въ мірѣ. Дѣло тутъ, какъ видимъ, вовсе не въ темпераментѣ.

Такимъ образомъ, ни природа, ни порождаемый ею темпераментъ народа, вовсе недостаточны для объясненія народныхъ занятій и быта, какъ скоро народъ выходитъ на поприще историческаго развитія. Чѣмъ же объяснить различіе національныхъ качествъ и быта въ различныхъ европейскихъ народахъ? Для этого нужно только, не останавливаясь на первоначальномъ фактѣ ихъ жизни, на отношеніи ихъ къ природѣ странъ, съ такимъ же вниманіемъ наблюдать и вліяніе другихъ отношеній, среди которыхъ проходила и проходитъ ихъ жизнь. Отношенія эти опредѣляются гражданскимъ устройствомъ народовъ. Только недавно понято, какую чрезвычайно важную роль играли эти отношенія въ всемірной исторіи. Сколько, бывало, набирали причинъ для объясненія паденія древней Греціи и потомъ Рима!—и все таки не могли понять, почему погибли Аены, погибла Римская Имперія. Но едва вникли въ гражданскія отношенія этихъ государствъ, нее стало ясно. Главная причина въ обоихъ государствахъ одна и таже—невольничество. Пока граждане сами воздѣлывали свои поля, сами были матросами на своихъ корабляхъ, государство возвышалось; но когда политическое могущество доставило ему данниковъ и невольниковъ, когда граждане, то есть класъ населенія, управлявшій государствомъ, привыкли жить трудами этихъ данниковъ и невольниковъ и отвыкли отъ неутомимой заботы о своемъ пропитаніи, которое получали уже за-даромъ, государство стало разрушаться. Трудолюбіе полезно, а праздность вредна — эта поговорка давне извѣстна; такъ, но разумна становится она только тогда, когда мы поймемъ, что праздность и трудолюбіе возникаютъ или ослабѣваютъ въ человѣкѣ простое вслѣдствіе гражданскихъ его отношеній; что изъ этого же самаго основанія возникаютъ и всѣ другія достоинства или недостатки народа.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы повести рѣчь объ увеличеніи народнаго питанія, о тѣхъ привычкахъ и обстоятельствахъ, которыя содѣйствуютъ или препятствуютъ этому дѣлу. Прежде всего тутъ каждому приходитъ на мысль война. Нечего и говорить о томъ, что война есть дѣло жестокое и дурное въ нравственномъ отношеніи, --- въ этомъ всѣ согласны; но моральное осужденіе мало дѣйствуетъ на человѣка, пока не пойметъ онъ, что дѣло дурное есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло убыточное для него. Съ этой послѣдней,

практической точки зрѣнія преимущественно и нападаютъ теперь на войну. Недавно ученые успѣли согласиться въ томъ, что война для народовъ, имѣющихъ осѣдлость, дѣло убыточное; во и до сихъ поръ еще далеко не каждый вполне понимаетъ, до какой громадной степени простирается убытокъ, наносимый привычкою европейскихъ народовъ къ войнѣ.

Чтобы понять его, начнемъ не съ самой войны, не съ этого экстраординарнаго расхода людей и денегъ, а того нормальнаго положенія дѣлъ, въ которое поставлены европейскіе народы своими воинственными понятіями.

Зачѣмъ содержатся тѣя сильныя арміи въ каждомъ европейскомъ государствѣ? Отвѣтъ готовъ: зачѣмъ, чтобы быть готову на случай войны. Не сомнѣвайтесь въ силѣ этого отвѣта, но вздумайте предполагать, что въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, въ Австріи и Франціи, правительство держитъ войска, какъ опору противъ враговъ не столько внѣшнихъ, сколько внутреннихъ. Быть можетъ, это и такъ, но дѣло въ томъ, что никакой государственнй фактъ не можетъ существовать безъ благовиднаго основанія, а единственное такое основанію для сильныхъ армій въ мирное время—необходимость быть готову къ войнѣ. Еслибъ по было этой причины или этого предлога, неужели, вы думаете, что была бы нравственная возможность удерживать фактъ? Какая нація согласилась бы содержать армію, если бы не вѣрила, что армія нужна противъ внѣшнихъ враговъ? Каждый знаетъ, что для охраненія внутренняго порядка существуетъ совершенно иноо учрежденію—полиція; что если есть въ государствѣ порядокъ, то и одной полиціи достаточно для его поддержанія. Конечно, когда явленіе вызвано къ жизни, то можно пользоваться имъ и для другихъ цѣлей, кромѣ его прямаго назначенія; но только прямое назначеніе общественнаго учрежденія даетъ ему силу и возникать и сохраняться. Прямое назначеніе арміи—война, и исключительно война оправдываетъ и поддерживаетъ существованію армій. Посмотримъ же, сколько стоитъ война Европѣ въ то время, когда Европа наслаждается совершеннымъ миромъ.

Число войска всѣхъ европейскихъ государствъ въ сложности простирается въ мирное время до 4,000,000 человекъ. Издержки на ихъ содержаніе надобно полагать не менѣе какъ въ 500,000,000 р. сер. Къ этой суммѣ прямаго расхода надобно прибавить ту потерю, которая производится отнятіемъ столь огромнаго числа рабочихъ рукъ отъ землѣльческихъ, ремесленныхъ и другихъ производительныхъ занятій. Мы будемъ не далеки отъ истины, если положимъ, что, чрезъ отнятіе каждаго солдата отъ мирныхъ занятій, теряется цѣнность продуктовъ въ Англіи на 345 р. сер., во Франціи на 225 р. сер., вообще въ Европѣ среднимъ числомъ на 165 р. сер. Помножая послѣднюю цифру на 4,000,000 европейцевъ, занятыхъ военною службою, мы видимъ, что отнятіе ихъ отъ мирнаго труда ежегодно лишаетъ Европу суммы продуктовъ, которую нельзя оцѣнить менѣе какъ въ 660,000,000 р. сер. Присоединивъ къ этому числу 500 миліоновъ р. сер. прямаго ежегоднаго расхода на войска, мы видимъ, что содержаніе армій поглощаютъ ежегодно сумму болѣе, нежели въ 1,150,000,000 р. сер.: соединенные бюджеты трехъ великихъ европейскихъ державъ: Россіи, Англіи и Франціи, едва равняются этой суммѣ. Она составляетъ почти половину

всѣхъ цѣнностей, производимыхъ годичнымъ трудомъ цѣлаго русскаго, или цѣлаго французскаго народа.

Не нужно говорить о томъ, въ какой огромной пропорціи возрастаютъ эти потери и издержки во время войны. Войны съ Франціею въ концѣ прошлаго вѣка и началѣ нынѣшняго, до низверженія Наполеона, одной Англіи стоили по умѣренному вычисленію не менѣе какъ 6.500 миліоновъ рублей серебромъ. Какова же будетъ цифра, если прибавить къ этому расходы самой Франціи и государствъ, бывшихъ въ союзѣ съ Англіею? Но и эта страшная растрата не такъ еще значительна, какъ та потеря, которая произошла въ людяхъ. Смерть мужчины молодыхъ или среднихъ лѣтъ уменьшаетъ народный капиталъ въ Европѣ среднимъ числомъ не менѣе, какъ на 1.500 рублей серебромъ. Число убитыхъ во время наполеоновскихъ войнъ превышало два миліона. Конечно, втрое большее число людей сдѣлались неспособны къ работѣ отъ полученныхъ ранъ и должны также считаться потерянными для національнаго труда. Прибавимъ къ этому еще гораздо значительнѣйшую потерю чрезъ отнятіе рукъ отъ мирнаго труда, и цифра возрастетъ въ нѣсколько разъ. Если мы положимъ, что наполеоновскія войны стоили Франціи столько же, сколько Англіи, и что расходы всѣхъ остальныхъ государствъ, участвовавшихъ въ этихъ войнахъ, вмѣстѣ равнялись расходамъ Англіи, то мы получимъ слѣдующія цифры: прямой расходъ Европы на веденіе войнъ съ 1792 до 1815 года 19,500 миліоновъ руб. сер.; потеря въ убитыхъ и раненыхъ 12,000 миліоновъ р. сер.; потеря черезъ отнятіе рукъ отъ мирнаго труда 26.000 миліоновъ р. сер.; общая сумма всѣхъ потерь Европы отъ войнъ 1792 до 1815 года, 57,000 миліоновъ р. сер.—то есть такая сумма цѣнностей, которая далеко превышаетъ всю цѣнность европейской земли. Быть можетъ этотъ выводъ станетъ понятнѣе, если мы выразимъ его, вмѣсто прежней отрицательной, въ положительной формѣ: если бы та сумма труда и капитала, которая потрачена была въ эти годы Европою на войну, употреблена была на земледѣліе, то Европа была бы вдвое богаче, нежели теперь: тѣ, которые нынѣ едва имѣютъ средства ѣсть мясо только въ большіе праздники, могли бы каждый день имѣть не только мясо, но чай и кофе.

Этими прямыми и косвенными расходами не ограничиваются убытки, нанесенные войнами вещественному капиталу европейскихъ народовъ. Послѣ расходовъ на содержаніе военной силы, огромнѣйшую тяжесть для государственнаго бюджета вообще составляетъ государственный долгъ. Если прямые расходы на войну простираются почти до третьей части доходовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, то немногимъ менѣе составляютъ и проценты долга. А почти весь этотъ долгъ произошелъ также вслѣдствіе войнъ. Такимъ образомъ, война и ея послѣдствія поглощаютъ въ мирное время почти двѣ трети всѣхъ государственныхъ доходовъ европейскихъ державъ: въ военное время эти потери увеличиваются въ три и четыре раза.

Какъ ни велики тяжести, которыми уменьшаетъ война вещественный капиталъ націй, но тѣ потери, которыя наноситъ она нравственному капиталу образованныхъ народовъ, должны считаться еще болѣе значительными. Основаніемъ всякаго благоустройства, необходимѣйшимъ условіемъ возникно-

венні и возрастанія въ народахъ любви къ труду и привычки къ экономіи, надобно назвать господство закона, увѣренность въ силу законности, въ преобладаніи права надъ грубою силою. Война является опроверженіемъ этого порядка и этихъ убѣжденій. Она разрушаетъ всякую экономію, она убиваетъ любовь къ труду, отнимаетъ право пользоваться плодами труда и экономіи. Владычество военной силы, предпочтеніе, оказываемое государствомъ сословію воиновъ предъ мирными сословіями, конечно, не можетъ дѣйствовать благопріятно на развитіе мирныхъ занятій. Даже въ Англіи, наименѣе воинственной изъ всѣхъ странъ Европы, величайшею знаменитостію, популярнѣйшимъ человѣкомъ XIX вѣка, былъ Веллингтонъ,—изъ этого уже можно видѣть, какъ сильны наклонности, свойственныя войнѣ, до какой степени берутъ онѣ перевѣсъ надъ идеями экономіи, даже въ Англіи. Не менѣе прискорбный примѣръ того же самаго былъ доставленъ послѣдними выборами въ Англійскій Парламентъ, когда Кобденъ и Брайтъ, пользовавшіеся до Крымской кампаніи чрезвычайною популярностію, были отвергнуты своими избирателями за то, что доказывали совершенную ненужность для Англіи и страшную разорительность войны съ Россією.

Въ самомъ дѣлѣ, въ только Англія въ 1854 году не стала бы начинать войны съ Россією, если бы держалась здравыхъ экономическихъ понятій, но и вообще очень мало въ исторіи найдется такихъ войнъ, которыя были начаты по причинамъ удовлетворительнымъ въ глазахъ экономиста. Общество друзей мира составило перечень войнъ, веденныхъ въ Европѣ со времени Константина до 1849 года. Что же оказывается? изъ 286 войнъ, 44 были начаты для завоеванія областей; 22 изъ желанія собирать военныя контрибуціи; 24 изъ мщенія за прежнія войны; 8 изъ-за споровъ о титулахъ; 6 изъ-за спора за обладаніе какими-нибудь округами; 41 изъ-за престолонаслѣдія; 30 подъ предлогомъ помощи союзнику; 28 изъ-за дипломатическаго соперничества; 28 изъ-за религіозныхъ раздоровъ. Затѣмъ остаются 60 войнъ, начатыхъ по несогласіямъ относительно гражданскаго быта и торговыхъ дѣлъ. Съ экономической точки зрѣнія, только для послѣднихъ могли существовать основательныя причины, только ихъ выгодное окончаніе могло приносить дѣйствительную пользу націямъ, начинавшимъ ихъ, въ томъ случаѣ, если предметъ спора былъ достаточно важенъ для того, чтобы оправдывать столь громадныя жертвованія. Но и тутъ чаще всего оказывается, что игра далеко не стоила свѣчь. Что же касается до 226 другихъ войнъ, то очевидно, что онѣ начались единственно въ слѣдствіе предубѣжденій или эгоизма, неимѣвняго никакой связи съ истинными національными интересами.

Остъ-индское возмущеніе, которымъ теперь такъ сильно занята вся Европа, представляетъ намъ удобный случай разсмотрѣть, приноситъ ли обыкновенно пользу для націи даже самая счастливая война, даже тогда, когда такъ называемый національный интересъ требуетъ ихъ. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что англичане побѣдитъ своихъ противниковъ; мы не сомнѣваемся и въ томъ, что всѣ англичане единодушно желаютъ самаго эноргическаго веденія войны и почли бы для себя невыносимымъ позоромъ покинуть Остъ-Индію, господствованію въ которой представляется имъ столь выгоднымъ. Но какую въ самомъ дѣлѣ выгоду англійская нація получитъ

отъ возстановленія англійскаго владычества въ Остъ-Индіи? Очень основательнѣе былъ расчетъ каждаго изъ свирѣпыхъ воиновъ, устремившихся на Англію подъ знаменами Вильгельма Завоевателя: покоривъ ему новое государство, каждый изъ его солдатъ получилъ отъ него владѣніе въ Англіи; вся страна была раздѣлена между воинами; отъ главнаго предводителя до послѣдняго латника, каждый завоевалъ себѣ помѣстье. Но получить ли въ Остъ-Индіи помѣстье хотя одинъ изъ англійскихъ солдатъ, отправляющихся на завоеваніе этой страны? Увеличится ли хотя на одинъ шиллингъ благосостояніе какого-нибудь капрала 63 полка службы ея великобританскаго величества, когда этотъ полкъ будетъ стоять гарнизономъ въ Дели, вмѣсто того, что прежде стоялъ гарнизономъ въ Оксфордѣ? Нѣтъ, капралъ будетъ получать прежнее свое жалованье, и только. Изъ-за какихъ же благъ онъ сражается? „Я сражаюсь, скажетъ онъ, за выгоды не свои личныя, а цѣлой англійской націи“. Въ этомъ еще меньше можно ему повѣрить. Даже при Вильгельмѣ Завоевателѣ, когда каждый солдатъ получилъ огромную прямую выгоду отъ завоеванія, населеніе Нормандіи ни на одинъ су не выиграло отъ того, что Англія была завоевана Нормандіею. Развѣ нормандскому земледѣльцу подарено было что-нибудь изъ добычи? развѣ даны были англійскія лошади для его плуга или англійскія деревья для перестройки его хижины? Кто былъ на войнѣ, тотъ выигралъ; кто оставался дома, не получилъ ровно ничего. Напротивъ, онъ потерялъ, потому что на его счетъ была снаряжена экспедиція Вильгельма. „Не выиграла отдѣльные люди, но выиграла цѣлая страна“. Что же она выиграла? развѣ уменьшились подати? развѣ улучшилась администрація въ Нормандіи отъ того, что къ ней присоединилась Англія? Совсе нѣтъ. Администрація стала хуже прежней, потому что у нормандскаго герцога явились новыя заботы, когда онъ завоевалъ Англію, и часть того вниманія, съ которымъ онъ прежде занимался нормандскими дѣлами, была отнята у Нормандіи Англіей. Администрація стала хуже— вотъ весь выигрышъ Нормандіи отъ блистательнаго завоеванія. Точно такъ же и для Англіи выигрышъ отъ обладанія Остъ-Индіею. Вотъ теперь, напримѣръ, отложены въ Англію всѣ заботы о внутреннихъ улучшеніяхъ, не до нихъ теперь англійскому правительству: оно занято исключительно остъ-индскими дѣлами. Таже исторія повторялась безпрестанно и до сихъ поръ: нужно воевать то съ сейками, то съ афганами, то съ персїанами, то съ китайцами, то хлопотать о присоединеніи Аудскаго королевства и разбирать претензіи этого эксвладѣльца, и вѣчно таки все некогда хорошенько и безотлагательно подумать объ англійскихъ дѣлахъ англійскому правительству: всѣ мысли его заняты Остъ-Индіею; некогда подумать о своихъ дѣлахъ и англійскому народу,—онъ тоже безпрестанно отрывается отъ своихъ дѣлъ заботами объ остъ-индскихъ дѣлахъ. Владѣніе Остъ-Индіею отвлекаетъ Англію отъ заботы о своихъ домашнихъ дѣлахъ, вотъ вся выгода для Англіи отъ этого владычества. Для Остъ-Индіи, быть можетъ, очень полезно, что она находится подъ властью англичанъ; быть можетъ, англичане ироsvѣщаютъ ее, улучшаютъ ея администрацію, облегчаютъ налоги, введенные моголами съ ихъ субабамъ и набабамъ,—мы даже увѣрены въ этомъ, не смотря на завистливыя толки объ эгоизмѣ и бездушіи англійскаго владыче-

ства въ Ость-Индіи, — толки, расходящіяся по свѣту отъ Варреновъ и тому подобныя французовъ, которымъ очень жаль, что не они, а англичане завоевали Индію. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что англійское владычество приноситъ пользу Индіи; но во-первыхъ, для филантропической заботливости о чужомъ благѣ есть много средствъ кромѣ владычества, поддерживающагося исключительно штыкомъ и штуцеромъ, — можно даже полагать, что дружескіи мирныя сношенія приносятъ большіе пользы просвѣщаемому народу, нежели насильственное наложное просвѣщеніе; во-вторыхъ, разстроивать свои дѣла для поправленія чужихъ, — это прекрасно, но вовсе не благоразумно, а таково положеніе, въ которое ставитъ Англію къ Индіи владычество вооруженной рукою. Для Ость-Индіи оно выгодно, для Англіи убыточно. „Какъ убыточно? а торговая выгода? Англія своимъ господствомъ обезпечиваетъ сбытъ своимъ товарамъ въ Индію; безъ того, другія націи отгѣснили бы ее изъ ость-индской торговли“. Все это хорошо было говорить сто лѣтъ тому назадъ, а теперь каждый знаетъ, что для веденія торговыхъ дѣлъ насиліе очень плохой способъ. Продають же англичане сѣверо-американцамъ гораздо больше своихъ товаровъ, нежели индѣйцамъ, хотя въ Ость-Индіи въ шесть разъ большіе населенія, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ, и хотя другіе народы также продають сѣверо-американцамъ чрезвычайно много своихъ товаровъ. Тутъ все зависитъ отъ благосостоянія покупающей націи, а не отъ господства надъ нею. Нынѣ уже доказано, что война изъ-за торговыхъ интересовъ или насильственное господство — самое убыточное дѣло для торговли. Если бы въ своихъ отношеніяхъ къ Ость-Индіи англичане руководились коммерческими выгодами, они давно отказались бы отъ управленія ею; независимый народъ всегда покупаетъ болѣе товаровъ, нежели зависимый. Примѣръ тому представленъ Соединенными Штатами: только съ того времени, когда они отторглись отъ Англіи, стала въ громаднѣхъ размѣрахъ возрастать ихъ торговля съ Англією. Ни англійская нація, ни даже англійскіе негоціанты и фабриканты не получаютъ отъ владычества англичанъ въ Ость-Индіи ничего, кромѣ убытковъ.

Однако, должно же быть оно кому нибудь выгодно въ Англіи, если она такъ хлопотала о его созданіи и теперь хлопочетъ о его возстановленіи? Разумѣется, кому нибудь въ Англіи оно полезно, и даже не трудно отыскать, кому именно. Въ Ость-Индіи по гражданскому и военному управленію существуетъ множество очень выгодныхъ должностей; должности эти замѣщаются родственниками и друзьями людей, управляющихъ Англією. Для нашіи война убыточна, но для того класса людей, который управляетъ Англією, она очень выгодна; для націи господство надъ Ость-Индією бесполезно, но могущество англійскаго министерства и Парламента, его значеніе между другими европейскими правительствами увеличивается господствомъ надъ Ость-Индією.

Если таковы прямыя выгоды, доставляемыя счастливымъ исходомъ даже столь справедливой войны, какъ нынѣшняя Ость-Индская, то легко сдѣлать заключеніе, кому могли быть полезны другія войны, веденныя Англією, — войны, далеко не столь справедливыя. .

Человѣку трудящемуся разорительна всякая война; полезна для него только та война, которая ведется для отраженія враговъ отъ предѣловъ отечества. Совсѣмъ не таковы выгоды англійскаго министерства и людей, раздѣляющихъ съ нимъ управленіе англійскими дѣлами: они живутъ не плодами собственной работы; интересы труда имѣютъ для нихъ только незначительную важность; напротивъ, для нихъ прямымъ образомъ выгодно все то, что увеличиваетъ внѣшнее могущество Англии; при томъ же, какъ люди, съ избыткомъ обеспеченные въ жизни, они находятъ свое удовольствіе въ блескѣ и шумѣ: человѣкъ трудящійся думаетъ о средствахъ добыть хлѣбъ, они думаютъ о средствахъ приобрести блистательную славу.

Ихъ интересы часто бываютъ противоположны истиннымъ интересамъ англійской націи; но человѣкъ всегда склоненъ считать полезнымъ для своей родины то, что полезно лично для него, и они искренно утверждаютъ, что для Англии мало внутренняго благосостоянія, а нужно внѣшнее могущество.

Они стоятъ во главѣ націи, она привыкла слѣдовать за ними, вѣрить имъ, — и вотъ, она вѣритъ имъ, что въ дѣлахъ, которыя совершенно чужды интересамъ англійскаго труда, замѣшана національная честь или благосостояніе.

Недавно, съ образованіемъ манчестерской партіи, въ лицѣ Кобдена и его друзей, получили голосъ среди англійскаго Парламента интересы фабрикантовъ, и мы видимъ, что Кобденъ совершенно не такъ думаетъ о вопросахъ внѣшней политики: онъ прямо утверждалъ, что, собственно говоря, Англіи нѣтъ никакой нужды вмѣшиваться въ отношенія Россіи къ Турціи. Это казалось парадоксомъ, потому что противорѣчило укоренившимся предубѣжденіямъ. Но вѣтъ никакого сомнѣнія, что новый принципъ будетъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться участіе англійскихъ фабрикантовъ въ англійскомъ правленіи.

Конечно, еще значительнѣе то измѣненіе, которое будетъ внесено въ эти дѣла прямыми интересами трудящагося класса, — манчестерская школа не есть еще полная ихъ представительница. Когда трудящійся классъ приобрететъ рѣшительное вліяніе на англійскія дѣла и образуется опытностью въ нихъ настолько, что будетъ судить сообразно интересамъ труда, а не вѣщамъ людей, чуждыхъ этимъ интересамъ, Англія совершенно откажется отъ всякихъ войнъ внѣ предѣловъ своихъ. Когда таково же будетъ положеніе другихъ европейскихъ странъ, исчезнетъ всякая возможность войны между ними.

Но до того времени войны неизбежны, хотя совершенно противны прямымъ интересамъ каждой изъ воюющихъ націй; до того времени, Веллингтоны и Наполеоны будутъ популярнѣйшими людьми между своими согражданами, хотя подвиги ихъ не принесли этимъ согражданамъ ничего, кромѣ потерь.

Мы видимъ теперь, отъ чего зависитъ свойственная всѣмъ европейскимъ народамъ склонность къ воинственности: она зависитъ отъ гражданскаго устройства этихъ обществъ. Если склонность, столь неестественная въ людяхъ трудящихся и однако же до сихъ поръ владычествующая надъ европейскимъ бытомъ, развилась и поддерживается вслѣдствіе гражданскаго

устройства этихъ націй, то легко можно заключить, достаточно ли этой причины для объясненія того, почему вообще въ той или другой націи развились тѣ или другія наклонности, несообразныя съ интересами національнаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы внимательно прослѣдимъ исторію каждой изъ европейскихъ націй, мы увидимъ, что весь ея современный бытъ, всѣ ея наклонности объясняются вліяніемъ тѣхъ гражданскихъ учреждений, подъ вліяніемъ которыхъ она жила и живетъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ событій появлялись въ гражданскомъ обществѣ различныя учреждения, потомъ создавались законы, сообразныя съ этими учрежденіями. Нація измѣняла свои привычки сообразно духу этихъ учреждений и законовъ. Событія и учреждения въ различныхъ странахъ были различны, потому и націи, начавшія свою жизнь совершенно съ одинаковыми привычками и наклонностями, являются въ настоящее время совершенно различными.

Возьмемъ въ примѣръ три націи, занимающія самый западный край Европы,—испанскую, французскую и англійскую. Припомнимъ только важнѣйшіе факты ихъ жизни,—ужь и этого будетъ довольно для убѣжденія въ томъ, что всѣ наклонности каждаго народа, оставившаго за собою періодъ младенческой зависимости отъ внѣшней природы, создались и поддерживаются его учрежденіями и законами.

Вестъ-готы, франки и англо-саксы ни на волосъ не отличались другъ отъ друга своими наклонностями и обычаями; завоеванныя ими страны также были населены народами, получившими одинаковыя качества подъ вліяніемъ римскаго владычества.

Но въ Испаніи начинается упорная семисотлѣтняя борьба противъ мусульманъ-мавровъ; вслѣдствіе этого, испанцы предаются католическому фанатизму; у нихъ является инквизиція, первоначально направленная противъ мавровъ. Привыкнувъ считать католичество основною драгоценностью своей жизни, они отдаются въ полное распоряженіе доминиканцамъ, а потомъ иезуитамъ. Это сковываетъ ихъ мысль. Подъ покровительствомъ инквизиціи, опираясь на католическій фанатизмъ, магіавеллѣевская политика разрушаетъ всѣ тѣ учреждения, которыми держалась самостоятельность народа, и испанцы становятся нацією, лишенною всякой умственной и гражданской жизни. Они погружаются въ летаргію и невѣжество. Вторженіе французовъ пробуждаетъ ихъ къ жизни. Но они такъ долго спали, что отвыкли отъ умѣнья вести свои дѣла; они такъ пропитались предубѣжденіями и формализмомъ невѣщества, что являются людьми совершенно отвыкшими ясно понимать вещи; потому исторія ихъ, со времени французскаго вторженія, есть беспорядочная борьба между всевозможными ошибками неопытности и увлеченіями умственнаго дѣтства. Они къ чему то стремятся, но къ чему именно, это еще не ясно, это еще только начинается проясняться для нихъ; и какія средства нужно употреблять имъ для достиженія цѣли?—этого они еще не знаютъ, они еще только пробуютъ. Законности у нихъ давно не было, потому они не уважаютъ закона; собственность и личность очень долго лишены были всякихъ гарантій, потому они лѣнны, и энергія ихъ умѣтъ проявляться еще только судорожнымъ, лихорадочнымъ образомъ, и за стре-

нительнымъ порывомъ, внушаемымъ настоящими потребностями, слѣдуетъ долгій принадокъ апатическаго бездѣйствія. У нихъ есть славное прошедшее, потому они горды; но ихъ настоящее вовсе не блистательно—потому они угрюмы.

Во Франціи, послѣ того хаоса, который былъ во всѣхъ западныхъ странахъ, вслѣдствіе переселенія народовъ, и за которымъ у испанцевъ слѣдовала борьба съ маврами, является распаденіе страны на нѣсколько сильныхъ областныхъ владѣній; идетъ борьба между этими владѣтелями и королемъ, но въ тоже время идетъ война съ внѣшнимъ врагомъ—англичанами. Король, являясь представителемъ національной независимости, получаетъ возможность завести регулярное войско. Опираясь на это войско, онъ мало-по-малу подавляетъ всѣ противныя ему силы,—феодаловъ и горожанъ. Во Франціи образуется придворное управленіе. Всѣ привычки націи образуются сообразно духу придворнаго управленія. Дальнѣйшая исторія Франціи слишкомъ извѣстна. Но важенъ этотъ фактъ—долговременное придворное управленіе, опирающееся на войскъ. Всѣ черты, которыми обрисовываютъ характеръ француза въ противоположность англичанину, могутъ быть выведены изъ одного этого факта. Относительно чувства законности и опытности въ гражданскихъ дѣлахъ, французъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ испанцемъ, потому что, подобно ему, долго лишился былъ гарантій закона и участія въ дѣлахъ,—но не такъ долго и полно было это отстраненіе, притомъ же, у него инквизиція не владычествовала надъ жизнью (оттого, что не было семисотъ-лѣтней борьбы противъ невѣрныхъ), потому мысль его гораздо лучше умѣетъ понимать сущность дѣла и находить средства къ его исполненію.

О настоящемъ характерѣ англичанъ мы не будемъ говорить, потому что всѣмъ извѣстно, какъ тѣсно связанъ онъ съ англійскими учрежденіями; надобно замѣтить только, что прежде, нежели теченіемъ долгаго времени, силою привычки утвердились эти учрежденія и измѣнили характеръ народа сообразно своему духу, характеръ англичанина вовсе не былъ такъ спокоенъ и твердъ въ чувствѣ любви къ закону и сознанія своихъ правъ, не было въ немъ ни той энергіи, ни того формализма, который въ немъ поражаетъ нынѣ иностранца. Уваженія къ законамъ было въ немъ не больше, нежели въ нынѣшнемъ испанцѣ. Изъ этого видно, что не изъ особенностей характера его возникли его учрежденія, а подъ вліяніемъ особенныхъ учреждений, созданныхъ историческими обстоятельствами, образовался его характеръ.

Мы выбрали въ исторіи каждаго народа только по два, по три важнѣйшіе факта, указали только на два, на три важнѣйшія учрежденія,—и этихъ фактовъ уже достаточно для объясненія всѣхъ существенныхъ особенностей въ наклонностяхъ и привычкахъ испанца, француза и англичанина. Стоитъ только расширить границы этого историческаго очерка, и мы будемъ поражены тою точностью, съ какою каждая черта національнаго типа объясняется гражданскими учрежденіями народа. А въ приведенныхъ нами принѣрахъ особенно интересно то, что исторія застаётъ еще всѣ три націи съ совершенно одинаковыми наклонностями; что онѣ остаются совершенно одинаковы въ продолженіе всего того времени, пока не устанавливается, вслѣд-

ствіе различныхъ историческихъ событій, различіе въ ихъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Возьмемъ исторію какихъ угодно другихъ націй, и мы увидимъ то же самое.

Такимъ образомъ, если мы замѣчаемъ въ привычкахъ и бытѣ извѣстнаго народа особенности, благопріятствующія возрастанію ого капитала, иначе сказать, возрастанію его благосостоянія, мы должны знать, что благодарить за то онъ долженъ не племенные особенности своего организма, не климатъ страны, а просто, гражданскіи свои учрежденія; и, наоборотъ, если мы видимъ, что въ народѣ развились привычки, препятствующія возрастанію національнаго капитала, мы должны знать, что и тутъ основаніе лежитъ не въ чемъ нномъ, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ націи. Вліяніе всѣхъ другихъ причинъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ національному благосостоянію, совершенно незначительно по сравненію съ вліяніемъ гражданскихъ учреждений. Г. Бабсть прекрасно выражаетъ эту мысль:

„Трудно себѣ представить (говоритъ онъ), до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ губительно на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ в на умноженіе вароднаго капитала. Междоусобныя войны, борьба политическихъ партій, нашествія, морь, голодъ не могутъ имѣть того губительнаго вліянія на народное богатство, какъ деспотическое и произвольное управленіе. Чего не перенесли благословенныя страны Малой Азіи, какихъ не псытали онѣ переворотовъ,—в постоянно ввовъ обращались въ земной рай, покуда не скрутила ихъ турецкая администрація. Что было съ Франціей въ XVIII столѣтїи, когда надъ земледѣльческимъ народовассленіемъ тяготѣла безобразная система налоговъ и когда, въ добавокъ еще, подъ видами послѣднихъ, каждый чиновникъ могъ смѣло и безнаказанно грабить? Противъ воронъ в разбойниковъ есть управа, во что же дѣлать съ органами и служителями верховной власти, считающими свое мѣсто доходнымъ пропзводствомъ? Тутъ нзъянаетъ всякая энергія труда, всякая забота о будущемъ, объ улучшеніи своего быта. Безопасность, полная возможность пользоваться плодами своей бережливости—вотъ главчяя, значить, условія накоплснїа капиталовъ“. (Стр. 26—27).

Мы не знаемъ, до какой степени нужно подтверждать эту мысль, столь очевидную; но вотъ, на всинїй случай, подобное мѣсто изъ Бентама „О гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ“, котораго мы цитируемъ въ переводѣ, сдѣланномъ по Высочайшему новелънїю Императора Александра I.

„Средства иронятанїа зависятъ отъ законовъ, удостоверяющихъ (*обезпечивающихъ*) трудящемуся плоды труда его... Вели я отчаиваюсь удостовѣрить себѣ произведеніе труда моего, то помышляю только, какъ бы прожить отъ одного дня до другаго, не хочу предаваться заботамъ, плодомъ которыхъ могли бы воспользоваться только мои непрїатели. Сверхъ того, одной воли еще недостаточно для возбужденїа трудолюбія, къ сему потребно также имѣть въ обладанїи своемъ средства. Въ ожиданїи плода, вадлежитъ имѣть надежное прооитаніе. Одна потеря можетъ поставить меня въ невозможность къ дѣйствованїю, не смотря на то, что она не потушить во мнѣ духа промышленности, не уничтожитъ воли моей предаваться труду. И такъ это бѣдствіе приводитъ человѣка въ состояніе онѣмънїа, дѣлаетъ его совершенно неключиннымъ для промышленности. Нарушеніе чьего либо права собственности производить безпокойство во всякомъ владѣльцѣ. Сіе чувство боязни сообщается отъ одного къ другому и разливается наконецъ на цѣлое гражданское общество. Для распространенїа (*развитїа*) промышленности потребно совокуиное дѣйствіе возможности и воли. Воля зависитъ отъ ободрешїи, возможность—отъ средствъ. Средства сїи состоятъ въ томъ, что въ политической экономїи разумѣется подъ именемъ капитала, обращеніемъ своимъ прибытка

производящего. Что касается до одного лица, то капиталъ его (*вещественный*) можетъ уничтожиться одвою потерей, между тѣмъ какъ духъ промышленности въ немъ не потушенъ ни ослабевъ чрезъ то не будетъ. Въ разсужденіи же дѣлаго народа, уничтоженіе (*вещественного*) капитала его невозможно; во гораздо прежде вступленія сей пагубной минуты зло можетъ сильно подѣйствовать на волю, духъ промышленности можетъ погрузить въ плачевное уныніе посреди естественныхъ средствъ, представляемыхъ богатою в плодородною почвою. Между тѣмъ на волю дѣйствуетъ обыкновенно толпкое множество побудительныхъ средствъ, что ова долгое время сопротивляется всѣмъ потерямъ, нсѣмъ случаямъ, приводящимъ въ оскудѣніе бодрости ея. Вѣдствіе преходящее, какъ бы велико оно ни было, не умерщвляетъ духа промышленности. Овъ возрождается послѣ разрушительной войны, приведшей народъ въ бѣдность, возрождается подобно мощному дубу, поврежденному бурей, который въ немногіе годы паки покрывается новыми вѣтвями и возрастаетъ въ сплѣ своей. Для умерщвленія духа промышленности потребна сила ввнутренней и постоянно дѣйствующей прищипы; таковы, напримѣръ, правленіе, не стѣсняющееся законами, вредные законы.

„Самое первое дѣйствіе насилія неминуемо произведетъ уже нѣкоторую степень опшесвія, неминуемо лишитъ бодрости нѣкоторые робкіе умы. Насилія, за первымъ слѣдующія, болѣе и болѣе распространяютъ всеобщее безпокойство. Осторожнѣйшіе начинаютъ ограничывать, стѣснять евои предприятия и мало по налу оставляютъ ненадежное поприще промышленности. Но мѣрѣ усугубленія насилій и угнетеній, боязнь п умывіе распространяются все болѣе и болѣе; никто не заступаетъ мѣсто удалившихся, оставшіеся впадаютъ въ недѣйственность. Тавимъ то образомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени (*черезъ нѣсколько времени*) поле промышленности, подверженное таковымъ бурямъ, содѣлывается бесплодною пустынею.

„Малая Азія, Греція, Египеть, берега Африки, столь процвѣтавшіе земледѣлствомъ, торговлею, населеніемъ въ счастливыя времена Имперіи Римской, что содѣлалась подъ невѣжественнымъ деспотизмомъ турецкаго правленія? Богатые чертоги превратились въ ижины, а города въ малыя села. Сіе правительство, ненавистное для всякаго мыслящаго чловѣка, всегда основывало владычество свое на двухъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ истощать народъ и повергать его въ невѣжество. И превращенія страны земныя содѣлались въ рукахъ свхъ варваровъ скудными, бесплодными и лишились самыхъ признаковъ прежняго ихъ благосостоянія. Не надлежитъ сихъ признаковъ приписывать причинамъ отдаленнымъ: междоусобныя войны, нашествія неприятельсвія в всѣ подобныя бѣдствія могли бы разорять запасы богатства, изгнать искусства и художества, истребить города; но источникъ богатства паки могутъ открыться, врсѣчевныя сообщенія паки могутъ быть возстановлены, разоренные города возникаютъ изъ подъ рвзвалинъ ихъ, и всѣ опустошенія вознаграждаются со временемъ, если люди сохраняютъ достоинство чловѣковъ. Въ сихъ же несчастныхъ странахъ достоинство сіе унижено, и отчаяніе, медленное, но гибельное дѣйствіе отсутствія безопасности, уничтожило дѣятельныя способности духа“. (Бентамъ, переводъ Михайлова, томъ II, стр. 56—61).

Слѣдствіе не можетъ исчезнуть, пока продолжаетъ существовать причина. Привычки націи измѣняются измѣненіемъ ея гражданскихъ учрежденій; и, желая видѣть улучшеніе въ характерѣ націи, напрасно стали бы чы искать для этого дѣла опоры въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ законодательства, которое одно можетъ произвести ее. Въ наше время, часто случается встрѣчать преувеличенныя понятія о силѣ общественнаго мнѣнія надъ характеромъ быта; многіе говорятъ: пусть только общественное мнѣніе сдѣлается строго къ извѣстному пороку или преступленію, и оное исчезнетъ. Нѣтъ, общественнаго мнѣнія тутъ мало. Къ разбою, къ поджогамъ оно очень строго,—но если бы нація не защищалась отъ этихъ преступленій законодательствомъ, по десяти разъ въ годъ выгоралъ бы отъ поджоговъ каждый

городъ, сотни убійствъ совершались бы каждую ночь. Общественное мѣнье указываетъ только зло и средства къ его искорененію; но если эти средства не приводятся въ дѣйствіе, зло остается неприкосновенно. Всѣ общественныя явленія зависятъ отъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Говорить: „надъ правами безсильны законы“, вапае *leges sine moribus*. Да, законъ бываетъ безсильнъ, но только тогда, когда обращается единственно противъ симптомовъ болѣзни; но онъ всесильнъ, когда, постигнувъ истинную причину зла, законодатель измѣняетъ учрежденія, производящія это зло. Поговорка о безсиліи закона основана на примѣрахъ, подобныхъ тому, какъ римскіе императоры издавали законы противъ роскоши и безбрачія, соединеннаго съ развратомъ. Конечно, эти законы оставались безсильны; но почему?—потому что и роскошь и развратъ были только слѣдствіями учреждений, повергавшихъ массу итальянскаго населенія въ нищету и доставлявшихъ громадныя богатства немногимъ избраннымъ. Римъ безотчетно управлялъ провинціями; правители провинцій возвращались въ Римъ съ награбленными миліонами: эти богачи скупили или захватили въ свои руки всю поземельную собственность; завели тысячи невольниковъ-мастеровыхъ и хлѣбопанцевъ; въ селахъ исчезло сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ; въ городахъ исчезло трудящееся сословіе свободныхъ людей: тѣ и другіе замѣнились невольниками; для свободнаго человѣка остался одинъ способъ пропитанія—жить милостынею богачей, захватившихъ въ свои руки и землю, и ремесла. При такомъ состояніи дѣль возможно ли истребить роскошь и развратъ? Истинными мѣрами противъ этихъ слѣдствій было бы: дать провинціямъ болѣе самостоятельности; измѣнить систему администраціи, прекратить порядокъ дѣль, по которому весь міръ былъ данникомъ празднаго Рима. Съ прекращеніемъ грабежа, изсякъ бы источникъ роскоши; съ исчезновеніемъ роскоши, исчезла бы нищета; вновь явилась бы и необходимость и возможность трудиться; а при отсутствіи роскоши и нищеты, вмѣстѣ съ возрожденіемъ общаго благосостоянія, возвратилась бы и чистота старинныхъ нравовъ. Нравы создаются гражданскими учрежденіями. Безсильны надъ правами законы, не измѣняющіе гражданскихъ учреждений. Но въ измѣненіемъ гражданскихъ учреждений, необходимо измѣняются и нравы народа.

Обыкновенный путь къ измѣненію гражданскихъ учреждений націмъ— историческія событія. Такъ, мы говорили, вслѣдствіе войнъ съ маврамы учредилась въ Испаніи инквизиція, которая уничтожена французскимъ завоеваніемъ. Подобнымъ путемъ всегда измѣнялись гражданскія учрежденія во Франціи; до конца XVII вѣка имъ измѣнялись они и въ Англии. Но этотъ способъ слишкомъ дорого обходится государству, и счастлива нація, когда прозорливость ея законодателя предупреждаетъ ходъ событий. Облегчить дѣйствованіе этимъ способомъ было цѣлью всѣхъ мыслителей, занимавшихся наукою о государствѣ. Такова была цѣль и Бентама. Выжидать событий свойственно вѣкамъ не просвѣщеннымъ и непродусмотрительнымъ, говоритъ онъ: въ наше время надобно предупреждать ихъ:

„При хорошей методѣ (въ законодательствѣ), вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за происшествіями, ихъ можно предварять. Вмѣсто того, чтобъ быть пралнщеаъ ахъ надлежитъ надъ ними господствовать. Законодатель ограниченный и робкій ожидаетъ

порожденія частныхъ бѣдствій, чтобы приуготовить въ врачеваніе. Законодатель просвѣщенный умѣетъ предвидѣть и предупреждать ихъ всеобщими предосторожностями и распоряженіями общими. Конечно, пристѣпать къ составленію законовъ надлежало (*первоначально умѣли*) не иначе, какъ по мѣрѣ обстоятельствъ, дававшихъ чувствовать въ нихъ необходимость. Сдѣланные проломы закиданы трупами несчастныхъ жертвъ. Но въ вѣкъ просвѣщенный не должно йти по слѣдамъ (*слѣдовать этому методу*) вѣковъ варварскихъ.“ (Бентамъ, I, 506).

Очень жаль, что сочиненіе, изъ котораго мы дѣлаемъ выписки, такъ мало извѣстно у насъ: не даромъ оно было переведено по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I, благоволившаго принять и посвященіе его своему Августѣйшему Имени; не даромъ и самъ Бентамъ пользовался благоволеніемъ Александра I. Одинъ изъ учонѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ мыслителей своего вѣка, Бентамъ всю свою жизнь посвятилъ тому, чтобы просвѣтить націю относительно наилучшаго способа къ достиженію благосостоянія, и его сочиненія тѣмъ драгоцѣннѣе, что, занимаясь исключительно гражданскими учрежденіями, онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросы о формахъ политическаго устройства. Другіе мыслители, писавшіе о государственныхъ вопросахъ, очень часто давали совѣты, исполненіе которыхъ непременно требовало ту или другую форму политическаго устройства. У Бентама этого нѣтъ: онъ даетъ только такіе совѣты, которые исполнить одинаково легко въ каждомъ государствѣ, какова бы ни была его правительственная форма. Англія и Австрія, Пруссія и Сѣверо-Американскіе штаты одинаково подходятъ подъ его программу. Объ этомъ прекрасно говоритъ его другъ Дюмонъ, издатель его „Трактатовъ о законодательствѣ“.

„Г. Бентамъ, ища причинъ (*находя причины*) большей части бѣдствій народныхъ въ порокахъ законовъ ихъ, имѣлъ предметомъ удаленіе одного изъ величайшихъ бѣдствій, состоящего въ ниспроверженіи властей. Всякое существующее ораменіе составляетъ самое то орудіе, посредствомъ коего старается онъ дѣйствовать, и, открывая всѣхъ правительствъ средства къ улучшенію ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ имъ и средства продолжать и утвердить ихъ существованіе. Выводимыя имъ правила могутъ быть приложены какъ къ монархіямъ, такъ и къ республикамъ. Онъ не говоритъ народамъ: „возобладайте властію, переищите образъ правленія“. Онъ говоритъ правительствомъ: „познавайте болѣзни, васъ ослабляющія, изыскивайте средства къ врачеванію оныхъ. Постановляйте законы, сообразные нуждамъ и степени просвѣщенія нашего вѣка. Старайтесь издавать хорошіе гражданскіе и уголовные законы. Учреждайте судебныя мѣста такъ, чтобы они способны были внушить довѣренность общественную. Образуйте судопроизводство на правилахъ прочтѣйшихъ. Не всѣ ли вы можете надѣяться одинаковой пользы отъ усовершенія сихъ вѣтвей управленія? Старайтесь удерживать распространеніе опасныхъ мнѣній въ вародахъ вашихъ, прилагая попеченіе о благоденствіи ихъ. Вы обладаете властію предписывать законы, а сіе одно право, съ благоразуміемъ въ дѣйствіе приводимое, можетъ служить охраненіемъ всѣхъ другихъ правъ. Открывая-то путь къ надеждамъ законнымъ, положите вы преграды исканіямъ беззаконнымъ.“

„Итакъ, кто сталъ бы искать въ семъ сочиненіи правилъ исключительно для какаго либо образа правленія, тотъ обманулъ бы въ своемъ члнш. Читатели, любящіе критику, восклищаша, не найдутъ здѣсь ничего для себя удовлетворительнаго. Сохранять, поправляя; изучать обстоятельства; щадить владычествующіе и даже безразсудныя предрасудки: приуготовлять новыя введенія издали, такъ чтобы онъ не имѣли даже вида новыхъ введеній; истреблять злоупотребленія, не вредя пользамъ настоящимъ: таковыя есть вѣрнѣйшія дѣла всего творенія“. (Бентамъ, предисловіе, стр. XXI—XXIII).

Дѣйствительно, этимъ духомъ, столь же мудрымъ, какъ и умѣреннымъ, проникнуты всѣ сочиненія Бентама, и такое направленіе, соединяющее осторожность съ рѣшительностью, было одною изъ причинъ, внуившихъ Императору Александру I мысль познакомить своихъ подданныхъ съ „Трактатомъ о законодательствѣ“. Съ этой точки зрѣнія смотря на книгу, столь заслуживающую извѣстности, мы думаемъ, что читатель одобритъ наше намѣреніе напомнить о ней нѣсколькими выписками, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ предмету настоящей статьи. Пусть Бентамъ укажетъ намъ средства, которыми необходимо водворяется въ странѣ безопасность личности и труда, это первѣйшее изъ всѣхъ условій, нужныхъ для умноженія народнаго капитала, то есть національнаго благосостоянія.

Безопасность личности и труда нарушается преступленіями (говоритъ Бентамъ), и охраненію общества отъ преступленій есть одна изъ важнѣйшихъ заботъ законодателя. Заботами этими внушаются постановленія двоякаго рода: наказанія за преступленія, уже совершенныя, и мѣры, которыми предупреждались бы преступленія.

Однихъ наказаній для охраненія безопасности не достаточно, потому что наказаніемъ постигается только зло, уже происшедшее, и само наказаніе есть зло; кромѣ того, многія преступленія ускользаютъ отъ наказаній. Оттого-то законодатель и прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ для охраненія общества отъ преступленій. Нѣкоторые думаютъ, что можно предупреждать преступленія, препятствуя приобрѣтенію знаній, которыя могли бы быть обращаемы на совершеніе зла людьми злыми. Это средство напрасно и ненадежно, говоритъ Бентамъ: для того, чтобы совершить преступленіе, вовсе не нужно никакихъ знаній; круглый невѣжда найдетъ для того не менѣе ередствъ, нежели человекъ образованный, а если знаніе и употребляется во зло людьми злыми, то единственное средство уничтожить это зло есть распространеніе знанія.

„Еслибы (говоритъ Бентамъ) добрые и злые составляли два отличительные рода людей, каковы, вапримѣръ, роды людей бѣлыхъ и черныхъ, то можно бы просвѣщать однихъ и удерживать въ невѣжествѣ другихъ. Но при невозможности отличить однихъ отъ другихъ, при частыхъ перемѣнахъ добрыхъ п худыхъ расположеній въ однихъ и тѣхъ же людяхъ, потребенъ одинъ законъ для всѣхъ. Общее проевѣщеніе или общее невѣжество — нѣтъ средней мѣры.

„Между тѣмъ, врачеваніе происходитъ изъ нѣдръ самого зла. Зншія могли бы тогда только доставить выгоды злымъ, когда бы они исключительно обладали оными. Сѣть, ставъ извѣстною, перестаетъ быть сѣтію. Народы самые невѣжественные умѣли напоить ядомъ остріе стрѣлъ ихъ; но народамъ образованнымъ только предоставлено было познать всѣ яды и найти отъ нихъ приличныя противоядія.

„Воѣ люди способны къ произведенію дѣяній вредныхъ; но однимъ только людямъ просвѣщеннымъ свойственно изобрѣтать законы, могущіе предупреждать сія дѣянія. Чѣмъ болѣе огранпченъ человекъ, тѣмъ болѣе способенъ провецать связь личныхъ иользъ своихъ съ пользами общими.

„Пройдите исторію: вѣки наиболѣе варварскіе представляютъ вамъ совокупленіе всѣхъ злодѣявій, и алодѣявій наенльственныхъ и злодѣявій уищренныхъ. Грубость чувствъ производитъ пороки в не изъемлегъ ни одного пзъ нихъ. Когда умножились наниаче лжныя присвоенія правъ и достояній? Тогда, когда одно духовенство умѣло читать, когда по превосходству знаній его оно почитало людей почти столько, сколько почитаемъ мы нынѣ лошадей, ва коихъ не можно бы уже было налагать узду, еслибы умственные ихъ способности увеличились. Почему въ тѣ же времена имѣли приближище

къ судебнымъ поедявкамъ, къ искушеніямъ огнемъ и водою, ко всему, что называлось *Судомъ Небеснымъ*? Потому что они тогдашнѣмъ дѣтствію ума человѣческаго не было началъ къ положенію различіи между свидѣтельствомъ истиннымъ и свидѣтельствомъ ложнымъ.

„Сравни Правленія, кои стѣсняли обнародованіе мыслей, съ Правленіями, кои давали имъ свободное теченіе. Съ одной стороны представится тебѣ Испанія, Португалія, Италия, съ другой Англія, Голландія, Сѣверная Америка. Гдѣ болѣе процвѣтаетъ нравственность и благооостояніе? гдѣ чаще злодѣянія? гдѣ общежительность пріятнѣе и надеявѣе?

„Невновѣрныя образомъ были прославляемы установленія, коимъ начальствующіе въ обществѣ дѣлали монополію всѣхъ познаній человѣческихъ. Таковы были жрецы въ древнемъ Египтѣ, браминны въ Индостанѣ, іезуиты въ Парагваѣ. Здѣсь можно сдѣлать два замѣчанія: *первое*, что если поведеніе ихъ достойно хвалы, то въ отношеніи къ выгодамъ взобрѣтшихъ образъ Правленія, а не въ отношеніи въ пользанъ подвластныхъ имъ человѣковъ. Я соглашаюсь, что народы были покорны и спокойны подъ начальствомъ сихъ правителей; но были ли они счастливы? Не думаю, по крайней мѣрѣ, если жестокое рабство, суетныя боязни, тщетныя обязанности, тагостныя лишенія вощенія, печальныя мысли, суть препятствіи къ состоянію счастливому.—*Второе* замѣчаніе состоитъ въ томъ, что они достигали цѣли своей не столько потому, что удерживали народъ въ естественной его невѣжествѣ, сколько потому, что распространяли вредразеудки и заблужденія. Такіе начальствующіе сами содѣлывались наконецъ жертвами слабой и малодушной его политики. Народы, кои непрестанно были удерживаемы въ состояніи униженія установленіями, противными успѣхамъ всякаго рода, содѣлывались добычею народовъ, нивѣншихъ передъ ними сравнительное превосходство. Составляясь въ дѣтствѣ, подъ властію опекуновъ, старавшихся продлить ихъ бессмысленность для удобнѣйшаго ими управленія, они представляли всѣ удобства къ порабощенію“. (Вентамъ, томъ III, стр. 22—25).

Ограждая частное имущество, государство не можетъ оставить на произволъ расхитителей и свою, государственную, собственность. Для предупрежденія этихъ незаконныхъ похищеній служатъ отчеты объ издержкахъ:

„Когда (говоритъ Вентамъ) въ извѣстное время даются отчеты нѣкоторому ограниченному числу лицъ, когда лица сіи избраны будутъ непосредственно тѣмъ, кто отчетъ даетъ, или же по его вліянію, и потому отчеты остаются уже безъ всякой ревнзій: тогда самыя важныя ошибки могутъ упуекаемы быть безъ исправленія. Но когда отчеты обнародованы, когда подлежатъ они ревнзій общественной, тогда не можетъ быть недостатка ни въ свидѣтеляхъ, ни въ судьяхъ, тогда всякая погрѣшность будетъ усмотрѣна, довазава и обваружена.

„Такой-то расходъ былъ ли вужевъ? Не сдѣланъ ли онъ подъ какимъ либо ложнымъ предлогомъ? Общество или казна не дороже ли заплатили за такой-то предметъ, нежели платять частные люди? Не дано ли первенство какому либо подрядчику исключительно въ ущербъ казны? Не доставлено ли скрытымъ образомъ выгоды какому либо любимцу? Не выдано ли ему чего подъ ложными предложеніями? Не употреблено ли какихъ ухищреній къ удаленію соперничества совмѣстивновъ? Нѣтъ ли чего скрытаго въ счетахъ? Можетъ быть множество сего рода вопросовъ, въ которыхъ нельзя удостовѣряться ясными доказательствами, если отчеты не будутъ представлены глазамъ публики. Въ частномъ комитетѣ, въ однихъ членахъ можетъ не доставать правдивости, въ другихъ познаній: умъ медлительный въ дѣйствіяхъ упускаетъ то, что для него непонятно, боясь обнаруживать свою неспособность; умъ живой не вникаетъ въ подробности; всякъ предоставляет другимъ тягость труда. Но всѣ сіи качества, въ коихъ можетъ имѣть недостатокъ сословіе малочисленное, сыщутся, конечно, въ цѣлой публикѣ. Въ сей разнородной и несогласной въ частяхъ ея массѣ самыя дурныя начала, все менѣе началъ самыхъ добрыхъ, поведутъ къ надлежащей цѣли: зависть, ненависть, злоба будутъ дѣйствовать какъ бы духъ любви общественной, и страсти сіи, по ихъ дѣятельности и по твердости въ нихъ направленіи, послѣдуютъ еще съ вячею подробностью

всѣ части и новѣрять оредкеты самыя мелніе. Таквыя образы тѣ, для ковыхъ единственныя обузданіемъ служить можетъ общее къ ввмъ почтеніе, удержатся въ границахъ долга ихъ боявнію стыда я желаніемъ снискать доброе мнѣніе о ихъ безкорыстіи". (Бентамъ, томъ III, стр. 114—116).

Укрѣплєніе честности въ націи также содѣйствуетъ огражденію безопасности:

„Усилить чувство чести и направить дѣйствіи его на предметы полезные, должно быть однимъ изъ главвхъ попеченій правительства.

„Дѣйствительность общаго мнѣнія находится въ словномъ содержаніи пространства въ силы его: пространство сіе зависитъ отъ количества одобрительныхъ голосовъ; сила отъ степени одобренія или оужденія.

„Изъ чвсла многихъ средствъ, могущихъ служить къ тому, чтобы дѣйствию общаго мнѣнія дать большее пространство, главвѣйшія суть: обнародованіе судебныхъ дѣлъ, обнародованіе счетовъ, обнародованіе государственныхъ совѣщаній, не подлежащихъ по какимъ либо особеннымъ причинамъ тайнѣ. Просвѣщенная публика — хранительница законовъ чести, управительница нравственнаго возведія, составляетъ высшее судилище, полагающее судъ о всѣхъ дѣлахъ, о всѣхъ лицахъ. Обнародованіемъ дѣлъ судилище сіе поставляется въ возможность собирать доказательства и полагать сужденіе: и потомъ печатно произносить и приводить въ дѣйство свои сужденія". (Бентамъ, томъ III, стр. 164—165).

Важно также готовить націю къ правительственнымъ мѣрамъ предварительными объясненіями ихъ:

„Правительство не вездѣ должно дѣйствовать властію: въ распорженіи власти только руки; распространять владычество на умы должно оно не иначе, какъ мудросію. Повелѣвая, оно принуждаетъ подданныхъ повиноваться, но просвѣщая, оно внушаетъ въ нихъ душевное къ повновенію побужденіе, вькогда не ослабляющееся. Наилучшее средство къ просвѣщенію состоитъ въ простомъ обнародованіи дѣлствій; но иногда полезно также вспомоществовать народу составлять сужденіе о сихъ самыхъ дѣлствіяхъ.

„Когда видишь, что наилучшія сами по себѣ мѣры правительства не имѣютъ успѣха, по сопротивленію вьмъ варода невѣжественнаго, тогда чувствуешь въ себѣ негодованіе противу сей грубой толпы, тогда отвращаешься труда искать блага общественаго. Но когда болѣе углубляешься въ предметъ сей, когда открываешь, что сіе сопротивленіе удобно было предвидѣть и что правительство не сдѣлало въ одвога шагу для приуготовленія умовъ, для разсѣянія предразсудковъ, должно обратиться отъ народа невѣжественнаго въ его правителей.

„Опытъ доказаль, противу всякаго оживнія, что бумаги и сочиненія, издаваемыя въ вародѣ, суть вѣрвѣйшія средства въ вьравленію мнѣнія общаго, къ успокоенію лихорадочныхъ его движеній, къ наглаженію лживыхъ понятій, въ уничтоженію лукаваго ропота, конимъ враги правительства испытываютъ вредаы вьхъ намѣренія. Въ сихъ сочиненіяхъ наставленіе можетъ исходить отъ правительства къ народу, или восходить отъ варода къ правительству: чѣмъ болѣе простора въ изясненіяхъ мыслей, тѣмъ удобнѣе судить можно о движеніяхъ общаго мнѣнія, тѣмъ надежнѣе правительство можетъ дѣйствовать". (Бентамъ, томъ III, стр. 184—185).

„Слушай всѣ говѣты, хуже отъ того не будетъ, а лучше быть можетъ, воть что говорить простой здравый смыслъ. Правда, во многихъ случаяхъ сужденіе публики можетъ быть выслушано не прежде, чѣмъ принята мѣра, но тогда уже, когда приведена она въ дѣйство. Между тѣмъ сіе сужденіе можетъ всегда вьѣть свою пользу, въ отношеніи ли къ мѣрамъ законодательства, кон могутъ быть преобразованы; въ отношеніи ли къ мѣрамъ управленія, кон могутъ повстрѣчаться вторично. Наилучшее мнѣніе, представленное министру частнымъ образомъ, можетъ быть оставлено безъ всякаго дѣйствія: но хорошее мнѣніе, представленное публикѣ, если не полезно одному, то можетъ быть полезно другому; если не полезно въ настоящее время, можетъ сдѣлаться полезнымъ въ послѣдствіи; если оно представлено въ вепрличномъ видѣ однимъ, можетъ другимъ быть украшено я тогда преклонитъ къ себѣ вниманіе. Наставленіе есть сѣмя, которое

для опыта должно быть посвящено на землях разлываго рода, которое должно быть возвращаемо съ терпѣнностію, поелнку не скоро приноситъ оно плодъ.

„Мѣра сія предпочтительнѣе свѣдѣній, коп можетъ почерпать государь при дозволённой свободѣ подачи просьбъ. Какова бѣ въ была провицательность его въ набраніи министровъ своихъ, выборъ всегда ограничиться должевъ небольшимъ числомъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ случай рожденія вли счастья. И такъ государь всегда основательно полагать можетъ, что есть другіе люди вросвѣщеннѣйшіе свѣхъ; в чѣмъ болѣе распространяеть возможность знать и слышать, тѣмъ болѣе увеличиваетъ власть и независимость свою.

„Во въ образѣ подачи вѣдѣній можетъ примѣниваться вегодование в дерзость: вѣсто того, чтобъ ограничиться рвзсмотрѣніемъ пріемлемыхъ мѣръ, обращаются къ лшакъ, нхъ предпріемлющимъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое потребно искусство для соблюденія различія между сими двумя дѣйствіями сужденія! Какимъ образомъ осуждать ябру, не осуждая въ вѣкоторой степени свойствъ ума или душеввыхъ расположенія предложившаго оную? Вотъ камень прсткновенія: вотъ причина, по которой сей способъ совѣтованія столь рѣдко бываетъ допускаемъ, не смотря на очевидную пользу его. Противъ него возстають всѣ страхи самолюбія. Не смотря, однакожъ, ва то, іосифъ II, Фридерикъ II, введеніемъ его ознаменовали свои царствованія. Онъ существуетъ въ Швеціи; онъ существуетъ въ Англии; онъ можетъ существовать повсюду еъ вѣкоторыми сравненіями, которыя бы предупреджали важныя злоупотребленія оваго.

„Если по введенному въ правительствѣ обыкновению, или по какинъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, государь ве можетъ дозволить сужденія объ актахъ правительства, то овъ должевъ по крайней мѣрѣ дозволить сужденіе о законахъ. Онъ можетъ предоставить сужденію общему все, что составляетъ науку, начала права, судопроизводство, управленіе иеншей стесани.

„Въ аржевемъ фрлцузскомъ правительствѣ всякая философическая кввга, написанная въ Парижѣ, рождала уже тѣмъ самымъ противъ себя предубѣжденіе. Наваъ Императрвцы Екатерины II во Франціи былъ запрещевъ. Слогъ и мысли сего творенія казались столь смѣлыми, что признано было невозможнымъ потерпѣть его въ монархіи фрлцузской.

„Правда, во Франціи нерадѣніе и вѣтренность покрывали зло. Чужестранное изданіе служило паспортомъ генію. Строгость служила только къ тому, что торговля книгами переходила къ другимъ вародамъ, в что сатиры, къ предупрежденію конхъ была она предвазначена, дѣлались еще ѣдкими“. (Бентамъ, томъ III, стр. 220—224).

Очень полезно также, по мнѣнію Бентама, при обнародованіи узаконеній объяснять и побужденія, которыми внуѣнены эти узаконенія.

„Въ семъ заключается необходимо нужное звено въ цѣли политики великодушной и благомыслящей; сию правительство должно самому себѣ. Небрежа извѣщать народъ о побудительныхъ причинахъ дѣйствій его въ случаяхъ важныхъ, ово обнаруживаетъ, что всѣмъ хочеть обявано быть силѣ, и въ ничто виѣняетъ мнѣніе подданныхъ.

„Не такъ думаетъ приверженный къ своему владычію. Онъ не хочеть, чтобъ вародъ былъ просвѣщаемъ, и презираеть его потому, что овъ не просвѣщевъ. Вы неспособны судить, говорить овъ, поелнку вы въ невѣжествѣ, и васъ будутъ удерживать къ немъ, чтобъ вы ве были способны судить. Вотъ вѣчный кругъ умствованій, конмъ онъ ограждается. Каково же слѣдствіе? Рождается и мало по налу возрастаетъ всеобщее неудовольствіе, основанное иногда на ложныхъ и увеличенныхъ порицаніяхъ, конмъ дается вѣра; ибо они не подѣржены изелѣзованію и раземотрѣнію. Министръ жалуется на несправедливость публики, не помышляя о томъ, что овъ ве далъ ей средствъ быть справедливою, и что ложныя толкованія поведения его суть неминуемое слѣдствіе той таивственности, кою покрываетъ овъ свои дѣйствія. Двоакій только образъ дѣйствованія правительства можетъ имѣть мѣсто: совершенная скрытность, или совершенная откровенность. Должно, чтобъ народъ или ни малѣйшаго не имѣлъ о дѣлахъ свѣдѣнія и познанія, явн чтобъ онъ зналъ о нихъ во всемъ пространствѣ; должно или поставить ему преграды имѣть о нихъ какое либо повніе, или дать ему возможность дѣлать сужденія самыя преевѣщенныя; должно поступать съ нимъ вли какъ съ ребенкечъ, или

как съ человекѣмъ возмужалымъ; вотъ два плава дѣйствованія, изъ конхъ долженъ быть избравъ одвѣ.

„Первому изъ вѣхъ послѣдовали жрецы въ древнемъ Египтѣ, брамины въ Индостанѣ, іезуиты въ Парагваѣ; второй введенъ въ Англію времемъ и обычаемъ; во основаніи на законѣ въ однихъ только Соединенныхъ областяхъ. Большая часть европейскихъ правительствъ ни пріемлютъ, ни отвергаютъ ни того, на другою, не имѣя твердости духа принять исключительно который либо одинъ. Они не перестаютъ быть во всегдѣшнемъ между собою противорѣчіи, бывъ съ одной стороны одушевляемы желаніемъ имѣть подданныхъ промышленныхъ и просвѣщенныхъ, съ другой колеблемы страхомъ ободрять духъ изелѣдованія“. (Бентамъ, томъ III, стр. 224—226).

Всѣ эти мѣры Бентамъ считаетъ особенно полезными потому, что онѣ содѣйствуютъ прочности и силѣ правительства; онъ полагаетъ, что чѣмъ больше занято общество государственными дѣлами, тѣмъ прочнѣе бываетъ правительство:

„Изъявленіе мнѣній сословіямъ, по мнѣнію моему, не только не можетъ производить мятежей, во напротивъ будетъ служить охрѣненіемъ отъ бѣдъ сего рода. Мятежи суть судорожныя движенія слабости, обрѣтающей силу въ минутномъ отчаяніи. Она суть уеліи людей, вонъ не дозволяется обнаруживать чувствованій ихъ, и коихъ предвѣренія не могли бы имѣть успѣха, еслибъ были извѣстны. Намѣренія, противныя общему чувствованію народа, могутъ быть успѣшны по одной только нечаянности и насилію. Иныяже такыя намѣренія могутъ достигнуть оныхъ токмо силою. Но люди, могущіе полагать, что народъ на ихъ сторонѣ, могущіе льститься восторжествованіемъ силою мнѣнія общаго, почто стали бы употреблять насиліе? Почто подверглись бы они очевидной опасности безъ всякой пользы?—И такъ я увѣренъ, что люди, имѣющіе полную свободу составлять сословія, люди, составляющіе оныя подъ покровительствомъ закона, никогда не посягнутъ на мятежи.

„Я думаю даже, что составленіе сообщества могло бы быть дозволено, могло бы быть однимъ изъ главнѣйшихъ ередствъ правительства во всякой монархіи. Въ монархіяхъ мятежи и возмущенія наиболее опасны. Они производятся движеніями печальными и неожиданными. Сообщества предупредили бы сіи безпорядки. Еслибъ въ Имперіи Римской было въ обыкновеніи составлять сообщества, имперія и жизни императоровъ не были бы непрестанно продаваемы съ публичнаго торгу тѣлохранителями преторіанскими.

„Я знаю, что есть степень невѣжества, которое бы могло сдѣлать сообщества опасными: но сіе доказываетъ, что невѣжество есть великое зло; а не то, чтобъ сообщества не были весьма полезны. Сверхъ сего, самая сія ивра можетъ служить противодіемъ вреднымъ ея дѣйствіямъ. Въ соразмѣрности, какъ сообщество, образованнись въ безопасности, дѣлается обширнѣйшимъ, всѣ его основанія бываютъ обдумываемы, публика просвѣщается, а между тѣмъ правительство располагаетъ всѣми средствами разеѣвать звлужденія событія.

„Я не вижу, почему бы введеніе сего права могло породить въ правительствѣ безпокойства. Нѣтъ правительства, которое бы не признавало нужнымъ совѣтоваться съ народомъ и привороняться къ его мнѣніямъ: Правительства наиболее самовластныя суть наиболее робкіи. Какой султанъ управляетъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою надежностію, какъ король англійскій? Янычары и чернь приводятъ въ трепетъ сераль. между тѣмъ какъ сераль заставляеть трепетать янычаръ и чернь. Въ Лондонѣ народъ вознѣщаетъ волю законною подачею голоса: въ Константиноплѣ мятежами и опустошеніями“. (Бентамъ, томъ iii, стр. 233—236).

Мы сообщили эти выписки преимущественно съ цѣлью доказать, что Бентамъ для достиженія національнаго благосостоянія ечитаетъ достаточными мнѣніями мѣры, которыя могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ странахъ, при великой формѣ государственнаго устройства.—въ этой мудрой умѣренности его мнѣній и надобно, какъ мы сказали, искать причины, по которой Императоръ Александръ I пожелалъ познакомить своихъ подданныхъ съ его „Разсужденіемъ о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи“.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ г. министра Народнаго Просвѣщенія за 1857 годъ.—Рѣчь г. Пирогова на актѣ Ришельевскаго Лицея.—Статья „Земледѣльческой Газеты“ о народномъ образованіи, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и о семейныхъ нравахъ простолюдиновъ.—Права содержащихъ ремесленныхъ учениковъ.—Средства въ прекращеніи взяточничества.—Движеніе промышленности.—Товарищество Кревгольмской мануфактуры.—Повышеніе цѣвъ акцій вслѣдствіе новаго поставленія о бавковыхъ процентахъ.—Необходимость новыхъ промышленныхъ предпріятій для помѣщенія капиталовъ.—Пароходство на Волгѣ.—Условія для развитія антрацитовыхъ копей доискаго бассейна.—Варшавская промышленная выставка.

Едва ли какое нибудь другое европейское государство имѣетъ столь сильную потребность въ дѣятельнѣйшихъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія, какъ Россія. Конечно, и въ Англій, и во Франціи, и въ самой Пруссіи остается, еще очень, очень многого желать по этому дѣлу. И въ этихъ государствахъ, еще не всѣ дѣти получаютъ хотя бы первоначальное образованіе, а изъ юношей только меньшинство поевщаетъ высшіе классы гимназій, реальныхъ школъ, коллегіумовъ и проч.; а еще несоразмѣрнѣе съ числомъ населенія число людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ и соотвѣтствующихъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. Но если эти государства еще далеки отъ достиженія идеала въ дѣлѣ народнаго образованія, то Россія и съ ними сравнится только тогда, когда въ двадцать разъ увеличится число ея школъ, и въ сорокъ разъ умножится число учащихся въ этихъ школахъ. Во Франціи, изъ 100 человѣкъ, только 40 не умѣютъ читать и писать; въ Англій, изъ 100 только 25; въ Пруссіи почти не найдется уже такихъ людей, которые не умѣли бы читать и писать. У насъ на 100 человѣкъ навѣрное не прійдется и пяти человѣкъ грамотныхъ; на 15,000 человѣкъ приходится только одинъ, слушающій курсы въ университетѣ или лицее.

Но если намъ надобно пройти еще очень много пути, чтобы сравняться хотя съ Франціею, не говоря уже о Шотландіи, Швейцаріи или Сѣверной Германіи, то надобно сказать, что у насъ не представляется для успѣховъ на этомъ пути тѣхъ препятствій, съ которыми должны бороться западныя правительства въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи. Во Франціи и Вельгіи, да и во всѣхъ другихъ католическихъ странахъ, правительство имѣетъ противъ себя въ дѣлѣ народнаго образованія очень сильную, чрезвычайно дѣятельную и хитрую партію ультра-монтанцовъ; она прикрывается имевшемъ католичества при своемъ упорномъ сопротивленіи мѣрамъ правитель-

ства на пользу просвѣщенія и очень часто успѣваетъ возбуждать противъ нихъ невѣріе въ непросвѣщенной массѣ. Почти таково же положеніе дѣла и въ Англіи, съ тою только разницею, что въ заботахъ о просвѣщеніи мѣсто правительства заступаютъ тутъ союзы частныхъ лицъ, а враги просвѣщенія называются не ультра-монтанцами, а „строгими англиканцами“ (High Church Party).—эти обскуранты успѣли даже до сихъ поръ удерживать въ своихъ рукахъ знаменитѣйшія и привилегированныя учебныя учрежденія Англіи, университеты Кембриджскій и Оксфордскій, въ которыхъ могутъ процвѣтать многія спеціальныя науки, но духъ преподаванія болѣе свойственъ XVII, нежели XIX вѣку. Даже въ Пруссіи правительство въ дѣлѣ просвѣщенія должно выдерживать очень тяжелую борьбу съ лютеранскими догматиками.

Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Не говоря уже объ открытомъ противодѣйствіи мѣрамъ правительства на пользу просвѣщенія, мы не можемъ отыскать никакой партіи или секты, которая хотя тайными желаніями не благопріятствовала бы каждому усилю правительства въ этомъ дѣлѣ. У насъ развѣ грубый невѣжда можетъ бытъ прѣтивникомъ этихъ мѣръ, да и то только тогда, когда съ невѣжествомъ соединяется въ немъ злонамѣренность. Къ счастью, число людей злонамѣренныхъ въ каждой націи очень невелико, и не должны бы они имѣть нигдѣ ни малѣйшаго вліянія уже по одному тому, что зло само по себѣ бессильно, если не можетъ прикрываться предлогами добра,—а въ дѣлѣ просвѣщенія самыя хитрыя изъ злонамѣренныхъ людей не могутъ у насъ отыскать никакой благовидной причины къ совѣтамъ помедлить, повременить или отступить назадъ. Каждая мѣра правительства къ распространенію просвѣщенія встрѣчается у насъ такимъ единодушнымъ восторгомъ всѣхъ сословій общества, какъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Разнорѣчіе о подобныхъ мѣрахъ существуетъ въ Англіи, Франціи, Германіи, — у насъ нѣтъ и тѣни его. У насъ, даже взяточникъ посылаетъ сына въ университетъ; даже раскѣльникъ радуется заведенію училища въ его городкѣ.

Безпримѣрно выгодно въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ благомъ дѣлѣ, положеніе русскаго правительства.

Съ этою мыслью мы прочли Отчетъ г. министра Народнаго Просвѣщенія за прошедшій годъ; читатель согласится съ нами, если нникнетъ въ слѣдующіе цифры и факты, заимствуемые изъ этого отчета.

Общее число учебныхъ заведеній въ Имперіи, и подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, было:

Въ 1855 году	3,872
— 1856 —	3,789

число учащихся въ нихъ

Въ 1855 году	194,490
— 1856 —	196,689

Столь значительное увеличеніе числа учащихся въ 1856 году по сравненію съ предидеовавшимъ годомъ, конечно, должно назваться фактомъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Втеченіе одного года, какъ видимъ, число учащихся въ русской имперіи увеличилось слишкомъ на 2,000 человекъ.

Изъ общаго числа училищъ (1856 г.) на долю Царства Польскаго, съ $4\frac{1}{2}$ мильоновъ жителей, приходится 1455; остальная имперія съ 60 мильонами жителей имѣють 2,331 училища, такъ что на каждый 25,000 жителей приходится одно училище. Число учащихъ распределяется такимъ образомъ:

Имперія	125,577
Царство Польское . . .	71,112

О состояніи литературы представляются слѣдующіе факты и цифры:

„Главное управленіе цензуры, слѣди постоянно за духомъ и наоравленіемъ литературной дѣятельности въ Россіи и наблюдая, какъ посредственно, такъ и при пособіи опредѣленныхъ къ нему чиновниковъ особыхъ порученій, за точнѣе исполненіемъ правилъ цензурнаго устава, разрѣшало возникавшіе въ кругу дѣйствій подвѣдлпственныя ему мѣсты и лицъ недоумѣнія и вопросы, в вообще руководствовало цензоровъ въ сомнительныхъ случаяхъ.

„Въ 3 день декабря послѣдовало Высочайшее соизволеніе: по многосложности обязанностей, лежащихъ на Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, возложить на товарища его, тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, переписку по текущимъ цензурнымъ дѣламъ и непосредственное наблюденіе за дѣйствіями цензурныхъ учрежденій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (кромѣ еврейскихъ).

„Съ учрежденіемъ Ученаго комитета Главнаго правленія училищъ, существованіе Комитета рассмотрѣнія учебныхъ руководствъ (Высочайше учрежденнаго 13 марта 1850 г.) прекращено, и цензурныя его обязанности отошли къ цензурѣ, а часть педагогическая и учебная сосредоточены въ Ученомъ комитетѣ.

„Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1856 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,405, переводныхъ до 131; всего 1,536.

„Въ 1855 году издавалось, подъ наблюденіемъ внутренней цензуры вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, журналовъ и газетъ 104. Въ 1856 г. начали выходить въ свѣтъ, на основаніи Высочайшихъ соизволеній: „Художественный Журналъ для Юношества“, „Музыкальный и Театральный Вѣстникъ“, „Живописная Русская Библиотека“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русская Бесѣда“ и „Святъ Отечества“, возобновленное періодическое изданіе, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе двадцати двухъ періодическихъ изданій.

„Число оригинальныхъ сочиненій 1856 г. ученаго и учебнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, значительно увеличилось, какъ по числу названій, такъ и по объему. Сличеніе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній показываетъ, что въ 1856 году особенно увеличился объемъ сочиненій по части географіи, этнографіи и путешествій; по грамматикамъ и другимъ пособіямъ къ изученію языковъ; по теоріи и исторіи словесности и изящныхъ искусствъ; по наукамъ юридическимъ и государственнымъ, естественнымъ, математическимъ, военнымъ и медицинскимъ; уменьшился же по сельскому хозяйству и технологіи, а также по исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ. Между оригинальными сочиненіями собственно литературнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, оказывается увеличеніе въ романахъ и повѣстяхъ, въ книгахъ для дѣтскаго чтенія и въ собраніяхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ; уменьшеніе же усмотрѣно въ энциклопедическихъ словаряхъ, альманахахъ и сборникахъ, въ ствтвореніяхъ лирическихъ и въ драматическихъ сочиненіяхъ.

„Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1856 году книгъ составляло 1,282,240 томовъ. Въ 1855 году число это простиралось до 1,191,745 томовъ. По сему привозъ иностранныхъ книгъ въ 1856 году увеличился 90,295 томами“.

Послѣдняя цифра доказываетъ съ одной стороны, какъ сильно развитіе у насъ потребности въ чтеніи, съ другой, что русская литература еще далеко не достигла такого положенія, въ которомъ бы могла удовлетворительнымъ образомъ соответствовать этой потребности.

Извлечение из „Отчета“, напечатанное в „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, заключается слѣдующими словами:

„Изъ всеподданнѣйше представляемаго отчета, Ваше Императорское Величество евоизволяте усмотрѣть, что Высочайше вѣренное и въ министерство, какъ осмѣливаюсь надѣяться, ве смотря ва вѣрнѣе стѣсненныя матеріальныя средства свои, слѣдуетъ веувловно къ Высочайше указанной ему цѣли. Просвѣщеніе, которое почероаютъ юности въ заведеніяхъ сего министерства, есть просвѣщеніе не поверхностное, а орочное, основанное ва частыхъ вачалахъ наней народной язви, уваженіи къ святости вѣры, безпредѣльной готовности жертвовать всѣмъ для блага отечества в полной преданности своему Государю. Жажда приобрѣтенія познаній, нужныхъ для пользы общественной, по-всемѣстна. Удовлетвореніе атому благородному стремленію составляетъ существенную потребность настоящего времени. По атому одна въ главнѣйшихъ моихъ заботъ состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, поддержать это общее стремленіе въ образованію, а съ другой — сообразить дѣйствующіе нынѣ уставы учебныхъ заведеній съ дѣйствительными потребностями государства в времени и съ современнымъ состояніемъ наукъ.

„Съ этою цѣлю я лично ознакомился съ состояніемъ вѣрввыхъ мѣстъ учебныхъ заведеній и собралъ на мѣстѣ нужныя для подлежащаго труда данныя.

„Замѣченные въ устройствѣ университетскихъ факультетовъ недостатки исправляются отдѣльными распоряженіями, для замѣщенія каеедръ достойными преподавателями приготавливаются молодые люди, которые для полноты образованія посылаются за границу.

„Устройство среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ первыхъ разсадниковъ воспитанія, составляетъ также предметъ оеобввыхъ попеченій министерства. Оно, наблюдалъ постоянно за успѣхами ученія въ свѣхъ заведеніяхъ, и затѣмъ дѣламъ выводы, въ какой степени они соотвѣтствуютъ какъ требованія общаго образованія, такъ и мѣстнымъ вуждамъ, обусловлвающимъ благосостояніе народное, собрало достаточныя данныя, ва основаніи которыхъ, руководимое указаніями Вашего Императорскаго Величества, можетъ нынѣ обновить полную систему народнаго образованія, очистить ее отъ тѣхъ частныхъ положеній, которыя вошли въ нее разовременно и не составляютъ съ нею ничего органическаго дѣлага, и, напротивъ, дополнивъ тѣмъ, на что указываетъ настоящее положеніе вещей и современный взглядъ на воспитаніе, дать ей надлежащее единство въ цѣломъ и необходимую гармонію въ отдѣльныхъ частяхъ.

„Къ атому главному вопросу присоединяются другіе, частные—вздавіе новыхъ учебниковъ, согданіе испытанія преподавателей для учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ со значеніемъ сихъ должностей и начертаніе для того правилъ, по возможности единообразныхъ, какъ едино и само истинное образованіе, при всемъ многообразіи его частныхъ явленій.

„Этими вопросами занять въ настоящее время Ученый комитетъ в изготавливать ихъ для обсужденія въ Главномъ правленіи училищъ, и потому истекшій годъ, посвященный, такъ сказать, ориготовленію къ работѣ, не представляетъ еще особенныхъ распоряженій; съ тѣмъ вмѣстѣ вачала, въ немъ положенныя благотворными указаніями Вашего Величества, арбуютъ и въ свое время должны привести полезныя плоды; но для этого нужно время и устраненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ затруднять достиженіе предполагаемой цѣли.

„Съ преобразованіемъ училищъ необходимо дать имъ и новыя нитаты. Я уже нѣгль случай всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству, какъ о крайне стѣсненномъ, во всемъ пространствѣ этого слова, положеніи большей части настоящихъ дѣятелей ва поприщѣ народнаго образованія (учителей среднихъ и низшихъ заведеній) такъ и вообще о чрезвычайно ограниченныхъ матеріальныхъ способахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и Ваше Величество изволили убѣдиться въ необходимости помочь со временемъ министерству.

„Въ дѣлѣ объ учрежденіи заведеній дѣтей жевскаго пола, министерство, положивъ на шѣру общія черты предпринимаго дѣла, встрѣтило надобность создать и средства. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маргв Александровнѣ благоудно было положить первое тому основаніе отъ своихъ щедротъ, а нынѣ министерство должно вызвать къ содѣйствию въ вастоящемъ дѣлѣ мѣстное дворянство и

городскія сословія, ва что уже послѣдовало Высочайшее Ваше Величества соизволеніе.

„Я твердо увѣренъ, Всемилостивѣйшій Государь, что съ помощію Божіею, при томъ бляжайшемъ участіи, которое Вашему Величеству благоугодно было принять въ дѣлахъ министерства, я при пламенномъ усердіи какъ членовъ вѣревнаго ниѣ управленія, такъ и воспятывающагоса юношества, о чемъ святымъ долгомъ поставляю себѣ свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, дѣло образованія пойдетъ вѣрнымъ путемъ во благо нашего возлюбленнаго отечества“.

Потребность новой жизни въ просвѣщеніи Россіи прекрасно выражена въ рѣчи, которую на торжественномъ актѣ Ришельевского Лицея, происшедшемъ 1 сентября въ новомъ здашіи Лицея, произнесъ знаменитый нашъ ученый Н. И. Пироговъ, попечитель Одесскаго Учебнаго Округа. „Не даромъ существуетъ обычай праздновать новоселье“, говоритъ Н. И. Пироговъ:

„Мы празднуемъ переходъ въ новое ажаніе.

„Но съ какою цѣлю сооружено оно?

„Назначается ли ово только замѣнить ветхія стѣны стараго Лицея новыми?

„Своды ли, мраморъ ли в паркетъ половъ должны отличать новый лицей отъ стараго?“

„Если одно это, то основная мысль вашего торжества была бы въ сущности ве выше, и даже явже той, которую вѣроятно руко водствуются номады, оеремѣннѣ кочевье.

„Перемѣннѣ кочевья есть необходимое условіе жизни цѣлаго варода. Перемѣннѣ ветхихъ стѣнъ на новыя есть только удобство нѣсколькихъ людей.

„Нѣтъ, мы не для этого празднуемъ новоселье лицея. Не одна ветхость стѣнъ, не одно удобство в првхотъ побудили правительство замѣнить старое новымъ.

„Въ нашемъ новосельѣ обнаруживаются двѣ высокія мысли.

„Оно, во *первыхъ*, доказываетъ, что старый Лицей съ честью отжилъ свое время.

„Овъ и' родился во-время, когда потребность въ ороевѣщенію въ краѣ начала только что проявляться, и то только въ высшихъ слояхъ общества.

„Овъ такъ успѣшно дѣяетвоваъ ва поприщѣ просвѣщеніи, что поставленные учредителемъ предѣлы образованію сдѣлались узки. Ихъ не равъ уже измѣняли и расширяли. Но они всетаки оказываются узкими.

„Больше нечего ве нужно приводить въ доказательство успѣшной дѣятельности стараго Лицея. Этого одного довольно для безпретрастныхъ.

„Во *вторыхъ*, праздникъ нашего новоселья, останавливая невольню вашъ взглядъ на новомъ здавіи, заставляетъ думать, что ве понапрасну же увеличевъ объемъ его стѣнъ, не понапрасну увеличено номѣщеніе для учащихся, кабинетовъ, лабораторій.

„Не напрасно пекущееся правительство, вѣсто огромныхъ надержекъ на мебелировку новаго здашія, обратило значительную сумму ва приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

„Все это ясно говоритъ, что съ новосельемъ должна начаться в новая жизнь Лицея, новый періодъ его дѣятельности, в новый Лицей дѣяствительно долженъ сдѣлаться новымъ для Новороссіи.

„Вотъ, мм. гг., почему мы празднуемъ день нашего новоселья“.

Настаетъ новая эпоха для просвѣщенія, и сообразно съ потребностями времени, храмъ его необходимо расширяется.

Необходимость его расширенія, необходимость принять мѣры къ распространенію образованія въ массѣ нашего населенія очень основательно доказана рядомъ интересныхъ статей въ „Земледѣльческой Газетѣ“. Въ этомъ обсужденіи участвовали многіе. Когда г. А. З., помѣщикъ Холмскаго уѣзда, учредившій школу въ своемъ имѣннѣ и самъ уже нѣсколько лѣтъ занимающійся преподаваніемъ въ этой школѣ, первый заговорилъ въ „Земледѣль-

яской Газетъ“ о распространеніи грамотности между поселянами, онъ встрѣтилъ многихъ противниковъ, но скоро нашлись ему союзники, и потомъ стали говорить въ пользу грамотности даже тѣ, которые сначала были противъ нея. Тогда вопросъ измѣнилъ свое положеніе: вмѣсто того, чтобы спорить о пользѣ грамотности, стали разсуждать уже о томъ, какия средства необходимо принять для образованія поселянъ, и достаточно ли для поселянъ одной грамотности, или кругъ ихъ учонія долженъ быть болѣе обширенъ.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ любопытныхъ совѣщаній между образованными и благонамѣренными помѣщиками. Прежде всего посмотримъ, какими неотразимыми доводами г. А. З. объясняетъ необходимость грамотности для поселянъ:

„Крестьянинъ—человѣкъ, а не машина; онъ имѣетъ право на нравственное и умственное развитіе. Онъ земледѣлецъ,—надобно желать, чтобы трудъ его былъ сознательнъ, чтобы онъ не дичился улучшеній, чтобы онъ самъ старался изыскивать новыя, лучшія приемы въ работѣ, для облегченія труда и сберженія времени. А для этого надобно развить ему голову, надобно ему образованіе, которое начинается съ грамоты.

Крестьянинъ не только земледѣлецъ, но и торговецъ; онъ продаетъ избытки своихъ произведеній и покупаетъ для себя нужное, а иногда ведетъ и большой торгъ. Крестьянинъ, кромѣ того, человѣкъ общественный: онъ отправляетъ в натуральныя, а денежныя, и государственныя, и общественныя повинности; онъ же идетъ пополнять ряды нашего храбраго войска. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и обстоятельствахъ его жизни—нужно ли ему образованіе?—Нужно. А ово начинается съ грамоты.

Крестьянина надуваютъ, обираютъ, обившпаютъ и обмѣриваютъ,—спросите вы его: зачѣмъ онъ поддается? „гдѣ же намъ, батюшка! намъ—кто въ сивемъ, тотъ и баринъ. Мы люди темные!“

„—Зачѣмъ ты недавно воишь въ городъ какого-то пьянаго писаря? спрашиваете вы его.—„А какъ же не везти, батюшка? Въѣхалъ въ деревню: „давай, кричи, подводу скорѣе!“ и бумагу показываетъ—„приназь, говорить, изъ суда съ вашей деревни подводу взять“. И печатъ приложена; а объ томъ ли приказъ—кто его вѣдаетъ! Наше дѣло темное. Къ вашей милости десять верстъ—обѣжать далеко, а онъ торопять. Пока телѣгу ладяхъ, да лошаденку запрягалъ, не одинъ подзатыльникъ отъ него, проклятаго, съѣлъ... Дѣло, вишь, говорить, спѣшное, а ты, каналья, копаешься. Десятскихъ, говорить, кликну, связать тебя вѣло, коли будешь разговаривать! Тамъ тебѣ, говорить, такую баню за ослушку зададутъ, что не опомнишься!“—„Прогоня даль?“—„Каше прогоны, батюшка, этого мы никогда не видимъ! Треуховъ-то много дорогой давалъ: вези, вишь, скорѣе! Да ужъ Вогъ съ нимъ! А вотъ лошаденку—пусто бѣ ему было—измучилъ совѣмъ; чай въ мѣсяцъ не оправится! Держи ее теперь на стойлѣ, а пора рабочая!“—„Чтожь ты въ городѣ не пожаловался ва него?“—„Въ судъ-то ийти? на него жаловаться? Не, баринъ, спасибо!... Ну, иной крѣпокъ; что больше мошенникъ, то крѣпче. Вей его, не бей, а онъ все свое: звать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Ну, а что честнѣе, то слабѣй; особливо, коли приведутъ изъ-далска—людей не видываль, въ лѣсу живеть, ву, а тутъ городъ, судъ,—тотчасъ и сробѣеть! Такъ и валится въ ноги: виновать, значить, тутъ тотчасъ свидѣтели и запишутъ. Гдѣ намъ, баринъ, съ судами знаться! не приведи Господи! наше дѣло темное“.

„Будь же врестьянинъ образованъ, знай онъ твердо свои обязанности и свои отношенія къ начальству,—съ нимъ бы подобныхъ случаевъ не было. А образованіе начинается грамотностію.

„Крестьянинъ беретъ подряды, заключаетъ контракты не словесные, а письменные,—если онъ безграмотенъ, плати и за написаніе, и за подписаніе вмѣсто него, и, пожалуй, за прочтеніе. Крестьянинъ несетъ на почту какойнибудь потокъ добытый цѣлковый послать его сыну, брату или иному сроднику; въ полученіи почтовой квитанціи ему надобно росписаться—плати онъ 3, 5, а иногда и болѣе копѣекъ серебромъ за росписку, если онъ безграмотный; а ему в одна копѣйка дорога.

„Приходитъ крестьянинъ въ казначейство платать подати.

— Ты что? спрашиваетъ его вышедшій изъ канцеляріи приказный.

— Подушину принесть заплатить, батюшка, за такую-то вотчину.

— Сколько у тебя?

— Столько-то, батюшка! сдѣлайте божескую килость, не задержите, принште!

— Хорошо, говоритъ приказный:—подай объявленіе!

„Крестьянину я въ голову не приходитъ, что законъ не обяываетъ, а только позволяетъ представлять подати при объявленіи.

— Мы люда темные, батюшка, ужъ коли что напасать надо, такъ будьте милостивы, напишите!

— Хорошо, отвѣчаетъ дѣловыиъ товомъ приказный:—давай цѣлковый!

— Не дорогонько ли будетъ, ваше благородіе?... осмѣливается замѣтить крестьянинъ, переминаясь.

„Приказный скрывается. Проходитъ не мало времени. Мужикъ стоитъ вздыхая.

— „Любезный, служба“, наконецъ говоритъ овъ, обращаясь къ присяжному,— „доложи, Бога ради, то-у, что былъ тутъ: долголь нѣ маяться! пусть цѣлковый возьметъ; скажи, моль, глупостью повладали“.—Является приказный, беретъ отъ мужика цѣлковый и ведетъ его къ казначею. Мужикъ отсчитываетъ деньги, низко кланяется и возвращается въ прихожую ждать квитанціи... Жди, пожди, проходитъ еще не мало времени—является тотъ же приказный.

— „Что стоишь? спрашиваетъ онъ у своей жертвы. — „Квитанціи дожидаясь, батюшка!“—Приходи завтра.—„Батюшка, будь батька родной, отаусти сегодня! Фатеря, прокорми лошади, за сто верстъ пріѣхаль... Я бы ужъ вашей милости еще полтинничкомъ поклонился...“—„Дуракъ, за сколько душъ платяль, а хочешь полтинничкомъ отдѣлаться... Ну, да ужъ куда ни шло—давай!“—Мужикъ отдаетъ полтинникъ съ низкииъ поклономъ. Проходитъ еще нѣсколько времени. Приказный снова является. „Готова квитанція, говоритъ онъ, ступай, распишись въ полученіи.

— Да я не грамотный, батюшка! ужъ будьте милостивы.

— „Дуракъ, развѣ за тебя обязиыъ писать кто вибудъ даромъ?“

— Сколько жъ надо, батюшка?

— „Двугривенникъ, отрывисто отвѣчаетъ приказный, дешевле не возьмутъ. — Мужикъ отдастъ двугривенникъ и получаетъ наконецъ квитанцію.

— „Слава-те, Господи, думаетъ онъ, въ одинъ день развязался!...“

„Пріѣзжаетъ мужикъ домой; является къ барану.—„Заплатилъ подушину?—„Заплатилъ, батюшка“.

— „Покажи квитанцію.—Мужикъ подаетъ.—Отчего недоимка? спрашиваетъ помѣщикъ.—„Не вѣдаю, батюшка, я всѣ заплатилъ“.—Какъ не вѣдаешь? пять цѣлковыхъ съ копѣйками въ недоимкѣ показано... Сколько ты денегъ внесъ?—„Казначею отдалъ столько-то...“—„Какъ столько-то? въ квитанціи показано пятью цѣлковыми меньше противъ того, что ты говоришь казначею отдалъ? ты укралъ? пропилъ?“—„Дай, Господи, мнѣ съ мѣста этого не сойти, дѣтей моихъ не обозрѣть, начинаетъ клясться мужикъ, творя крестныиъ знахеша, коли я хоть грошь себѣ взялъ! Какъ передъ Богомъ говорю вашей милости—всѣ отдалъ: что они тамъ въ квитанціи пишутъ—Богъ ихъ вѣдаетъ! Наше дѣло темное!...“

„И точно, тутъ дѣло темное. Если и мужикъ смошенничаль, то какъ вы увидите его? А отговорки „темнотою“ не было бы, если бы онъ былъ грамотный.

„Крестьянина отдають въ солдаты. Много ли у него надежды дослужиться до унтеръ-офицерскаго званія, если онъ безграмотный?

„Сдача каждаго рекрута, чрезъ безграмотнаго отдатчика, обходится помѣщику отъ тридцати-пяти до сорока рублей серебромъ!.. Тутъ въ счетъ вы увидите Богъ знаетъ какіи вещи. Словомъ, тутъ отдатчивъ, какъ говорится въ одной свадебной пѣснѣ, „съ денежки на денежку ступаль, а полтиною ворота отпираль“...

„Подобныиъ случаевъ и обстоятельствъ въ быту крестьянъ можно бы представить цѣлыиъ сотни; многія изъ нихъ могли бы быть я сильнѣе и разительнѣе вышеприведенныхъ, но довольно и этихъ, чтобы показать, что *грамота нужна крестья-*

нину не только въ нравственномъ, во и въ матеріальномъ отношеніи, в что съ нея, а не съ чего другога надобно начать его образованіе“. („Земледѣльческая Газета“, № 9).

Г. Смирновъ, бывшій преподавателемъ въ одной изъ земледѣльческихъ школъ, свидѣтельствуеть, что поселяне и ихъ дѣти очень хорошо понимаютъ пользу ученія.

„Я имѣлъ честь преподавать русскій языкъ въ Московской Земледѣльческой школѣ и яа опытѣ ввдѣлъ, съ какимъ увлеченіемъ, съ какимъ восторгомъ воспитанники изъ крестьянъ представляютъ себѣ то новое душевное состояніе, въ которое ови поставлены пріобрѣтеніемъ знаній. Благодарность къ помѣщику, который ихъ отдалъ въ школу, и благодарность къ основателю школы были искренни, величественны. Почти ни въ одномъ классомъ сочиненіи воспитанникъ школы не обойдется безъ того, чтобы не коснуться этого самаго чувствительнаго для него предмета. И въ деревнѣ, гдѣ одною изъ первыхъ заботъ оныхъ было ученіе мальчиновъ грамотѣ, съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что грамотность сообщаетъ крестьявямъ мальчикамъ какую-то мягкость и освобождаетъ ихъ отъ той закрубѣлой коры, которая лежить на крестьяннѣ.

„И такъ, грамотность и правотѣрное общественное положеніе—вотъ главные средства къ нравственному усовершенствованію крестьянъ“. („Землед. Газета“ № 24).

Послѣ того, г. Критскій, принимая вопросъ о необходимости образованія для поселянъ какъ поставленный уже имъ всякаго сомнѣнія, разсматриваетъ, каковы должны быть учителя въ сельскихъ школахъ и какими средствами учредить эти школы.

„Мнѣ кажется, что для распространенія грамотности между крестьянами въ нашемъ отечествѣ, которое по преимуществу естъ государство земледѣльческое, нужны школы земледѣльческія, школы, въ которыхъ, кромѣ обученія крестьянъ грамотѣ, показывалась бы имъ вся польза отъ нея. Научивши крестьянина читать не по церковнымъ книгамъ, а по руководствамъ, варочно для того составленнымъ, съ земледѣльческимъ наоравленіемъ, надо ознакомить его сперва съ техническими названіями сельскаго хозяйства, съ земледѣльческими орудіями, ихъ стросіемъ, и потомъ показать практически примѣненіе прочитаннаго въ дѣлу. Надо стараться доказать ему, что грамота естъ краеугольный камень его благосостоянія, что если неграмотный, обрабатывающій землю по примѣру своего отца и дѣда, собереть съ своего участка продуктовъ на десять рублей, то грамотный, узнавъ, какъ такой же участокъ можетъ быть лучше обработанъ, собереть съ него продуктовъ на пятнадцать и двадцать рублей.

„Не разъ случалось мнѣ слышать на это слѣдующія возраженія: къ чему крестьянину грамота? Довольно будетъ, если помѣщикъ, получившій образованіе, будетъ совершенствовать свое хозяйство, тогда крестьяне по примѣру помѣщика улучшатъ и свое... Другіе прибавляли къ тому, что и сельеніе священники могутъ примѣромъ своимъ довести своихъ прихожанъ до тѣхъ же результатовъ.

„Справедливо ли это?

„По моему мнѣнію—нѣтъ. Мнѣ кажется, что довольно разсмотрѣть, кто эти помѣщики и овящевники, имѣютъ ли они необходимыя свѣдѣнія, образованіе ихъ приспособлено ли къ тому и всѣ ли они имѣли средства получить тѣ авансы?

„Возьмемъ помѣщикоу.

„Меньшая часть ихъ—люди богатые. Объ нихъ и говорить нечего,—ови всегда могутъ достигнуть желаемаго,—было бы желаніе.

„Другая часть, тоже небольшая, получившіе образованіе въ университетехъ, слушавшіе лекціи факультетовъ естественныхъ наукъ. Казалось, что эти люди в должны бы быть посвящены въ тайны агрономіи; но что часто случается? что они, не выдавъ примѣненія выученнаго въ дѣлу, не могутъ достигъ желаемыхъ результатовъ. Притомъ всѣ они, или почти всѣ, окончивъ воспитаніе въ университетехъ, поступаютъ на государственную службу и въ служебныхъ занятіяхъ часто забываютъ выученное.

Третья, если не всё остальное, съ малолѣтства посвященные на службу гражданскую или военную, воспитываясь въ учрежденныхъ для того заведеніяхъ, не получаютъ никакого почти понятія объ агрономіи. Окончивъ свое служебное поприще, они поселяются въ своихъ имѣніяхъ, не знаютъ даже, какъ взяться за хозяйство, в по неволѣ хозяйничаютъ такъ, какъ указываетъ имъ опытъ крестьянина или управляющаго, не обладающихъ большими свѣдѣніями. И выходитъ, что не помѣщикъ руководитель крестьянъ, а самъ руководитъ вмв.

„А священники?”

„Они по моему мнѣнію еще меньше помѣщиковъ воспитаніемъ приспособлены къ тому, чтобы быть руководителями крестьянъ въ дѣлѣ агрономіи.

„Такимъ образомъ я полагаю, что для распространенія грамотности между крестьянами необходимо учредить земледѣльческія школы, если не во всѣхъ селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, потому что для того нужны средства, какими не всякій помѣщикъ обладаетъ, то по крайней мѣрѣ въ уѣздныхъ городахъ, въ чемъ слѣдуетъ обратиться съ просьбою о помощи къ нашему благодѣтельному правительству.

„Пусть учредятся въ каждомъ уѣздномъ городѣ земледѣльческія школы, въ которыхъ бы, кромѣ грамоты, ученики обучались бы и наукѣ сельскаго хозяйства; гдѣ бы ученикъ, подъ руководствомъ дѣльнаго преподавателя, учился бы и читать, и писать, в понимать прочитанное, и примѣнять его практически къ естественнымъ занятіямъ своимъ, и потому видѣлъ бы на дѣлѣ всю пользу грамотности.

„Пусть помѣщики, сочувствуя общему благу, дадутъ матеріальныя средства на учрежденіе и преуспѣваніе земледѣльческихъ школъ, пожертвовавъ самую незначительную частію своего дохода, хотя бы по три или даже по пяти копѣекъ серебромъ съ дунин, и но учрежденіи школъ, помѣщая въ нихъ мальчиковъ, представляли бы на нихъ и одежду и пищу.

„Такъ при такомъ общемъ стремленіи, мнѣ кажется, дѣло пошло бы на ладъ, и черезъ какихънибудь десять или пятнадцать лѣтъ мы бы не такъ удивлялись успѣхамъ земледѣлія въ прочихъ европейскихъ государствахъ, у васъ бы земля, обработанная по новой улучшенной системѣ, приносила бы такіе же проценты, нвкіе приносить за границу.

„Куда бы дѣвалась лѣны!”

„Какъ бы смягчились нравы крестьянъ! Да и не перечестъ всего добраго, которое простекло бы отъ того“.

Г. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельсъ говоритъ еще рѣшительнѣе: къ учрежденію этихъ школъ должны быть помѣщики обязаны правительствомъ:

„Просвѣщенные сельскіе хозяева согласны въ томъ, что для улучшенія нравственнаго и матеріальнаго быта нашихъ крестьянъ нужна грамотность. Въ послѣднее время высказаны во многихъ умныхъ, назидательныхъ статьяхъ „Земледѣльской Газеты“ мнѣнія и предположенія сельскихъ хозяевъ касательно этого предмета. Но какъ водворить грамотность въ крестьянское сословіи при разныхъ мѣстныхъ неудобствахъ при настоящемъ невѣжествѣ самихъ крестьянъ, при недостаткѣ учителей и средствъ къ устройству школъ?”

„Будемъ говорить правду: уставъ для сельскихъ училищъ изданъ въ 1828 году, а много ли помѣщиковъ открыли съ тѣхъ поръ школы въ своихъ имѣніяхъ? Правда, нѣкоторые владѣльцы принялись съ рвемъ за это полезное дѣло, ожидая неминуемой пользы (я также устроилъ въ двухъ имѣніяхъ своихъ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ), но общаго сочувствія не было, по той причинѣ, что у васъ ничего предпринять невозможно, если оно не *повсемѣстно*, если нѣтъ непрерывной *настоячивости*, а главное, если нѣтъ увѣренности, что это воля правительства;—для темнаго народа нужна всегда сильная побудительная причина, а потому лишь одиѣ правительственной мѣры могутъ окончательно разрѣшить вопросъ о всеобщихъ народныхъ училищахъ. „Земледѣл. Газета“ № 42).

Тогда г. А. З., которому принадлежитъ честь возбужденія этого изслѣ-

дованія въ „Земледѣльческой Газетѣ“, присылаетъ полный проэктъ, показывающій, какимъ образомъ надобно основать эти школы, откуда взять для нихъ учителей и учительницъ въ достаточномъ числѣ, и какіе предметы необходимо ввести въ кругъ преподаванія. Вотъ существенныя черты этого проэкта:

„Я того мнѣнія, что ужъ если дѣлать великое дѣло, то дѣлать его не въ волонерию и не какъ-нибудь, а дѣлать вполне, широко и какъ слѣдуетъ. Предпринимая такія дѣла, отъ которыхъ можно ждать *въкоотьчно-благодѣтельныхъ* результатовъ, не слѣдуетъ ограничиваться и удовлетворяться полумѣрами. Строить лп, наприм., желѣзныя дороги, то строить не одну или двѣ, а цѣлымъ сѣти, и не ковыныя, а паровыя, я не въ одинъ, а въ два пути,—въ четыре рельса. Начать ли образованіе массы простаго народа, то не ограничиваться одною грамотностію, а дать народу образованіе полное, прочное, благотворное и плодотворное; школы заводить—не кой-гдѣ, а повсемѣстно, не для однихъ мальчиковъ, но и для дѣвочекъ, и не по выбору, а *для всехъ* крестьянскихъ дѣтей безъ исключенія; учителей въ школы—не какъ-нибудь, а хорошио образованныхъ.

„Съ этимъ, пожалуй, и согласятся, но могутъ спросить: гдѣ средства? откуда учителей взять?

„По этому предмету смѣю предложить слѣдующія моя соображенія, при изъясненіи искреннѣйшаго моего желанія, чтобы ови были подвергнуты всѣми, кого предметъ интересуетъ, внастрожайшей критикѣ.

„Врать въ школы отъ семействъ всѣхъ крестьянскихъ дѣтей отъ 8-ми до 12-ти и даже до 14-ти лѣтняго возраста на семь зимнихъ мѣсяцевъ (съ 1 октября по 1 мая)—не составитъ обремененія ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ: дѣти означеннаго возраста не состоятъ въ тяглѣ помѣщиковъ и не составляютъ (въ зимніе мѣсяцы) для семействъ необходимой помощи. Пищу и одежду дадутъ семейства, которыя все равно—въ школѣ или не въ школѣ—должны бы были ихъ одѣвать и продовольствовать. Постройка особаго флигеля для помѣщенія въ учебное время учащихся: комната (изба, пожалуй) для жилья и другая для класса, а также столы, скамейки и т. п. классныя принадлежности—не Богъ знаетъ чего стоятъ; это пожертвованіе—будетъ ли оно отъ помѣщика или отъ самихъ крестьянъ—ничтожное. Десятокъ-другой азбучекъ (по 3 коп. сер.), двѣ-три стопы сѣрой бумаги въ зиму и т. п.—вещи не дороги и по ередствамъ каждому. Такимъ образомъ: помѣщеніе, классныя принадлежности, одежда и продовольствіе дѣтямъ—готовы.

„Откуда учителей взять? еслибъ и ванился они—кто п пзъ какихъ суммъ будетъ платить имъ жалованье?

„Учителей предлагаю образовывать изъ тѣхъ же крестьянъ и крестьянокъ и обязать ихъ учить безъ жалованья, за одно обезпеченіе ихъ пищею, одеждою и квартирою и за нѣкоторыя другія льготы, и—вотъ какимъ образомъ:

„Подобно тому, какъ въ прежнее время помѣщичьи пмѣвія разбивались на рекрутене участки, разбить всѣ такія мнѣнія ва *участки учебныя*, полагая въ каждомъ участкѣ, примѣрно, по 200 ревизскихъ дунгъ мужескаго пола.

„Съ каждаго учебнаго участка выбрать по три мальчика (10—12-ти лѣтняго возраста) и по три дѣвочки (8—10-ти лѣтнихъ) съ лучшими способностями, для образованія пзъ первыхъ—учителей старшихъ классовъ, изъ вторыхъ—учительницъ младшихъ классовъ.—Ну, вотъ ужъ это значительное пожертвованіе: съ 200 дунгъ шесть дѣтей... Но, мм. г., безъ нѣкоторыхъ пожертвованій—невозможно! Мы же ставимъ рекрутъ, взрослыхъ и здоровыхъ работниковъ—и не ропщемъ и не должны роптать, потому что интересы государственныя важнѣе интересовъ частныхъ; въ исторической жизни народовъ есть эпохи, когда временныя пожертвованія необходимы и по настоятельной въ нихъ надобности и въ видахъ будущаго благоденствія.

„Собранныхъ такимъ образомъ мальчиковъ и дѣвочекъ отдать въ существующія уже въ каждомъ уѣздномъ городѣ училища, гдѣ они могутъ пройти курсъ уѣздныхъ училищъ въ 4 года. Во время этого курса квартиру, пищу, одежду для нихъ—должны

доставлять участки; преподавание, какъ извѣстно, даромъ. Дѣвочки должны составить особый классъ отъ мальчиковъ.

„По окончаніи курса въ городскихъ училищахъ, мальчики—переводятся въ существующія въ губернскихъ городахъ гимназіи, и еще шесть лѣтъ слушаютъ курсъ гимназическій; необходимо, значить, расширить гимназіи и увеличить контингентъ учителей въ нихъ. Въ гимназіяхъ же учредить кафедръ: сельскаго хозяйства, землемѣрія, законовѣдѣнія (преимущественно законовъ, касающихся крестьянскаго быта, и въ подробности законы о *договорахъ*) и ветеринаріи, лекціи которыхъ обязать слушать крестьянъ гимназистовъ (имѣсто лекцій иностранныхъ языковъ, которыхъ, конечно, крестьянамъ научать не надобно)“.

„Пока приготавлиются такимъ образомъ сельскіе учителя и учительницы, участка строятъ для школъ помѣщенія въ одномъ изъ селеній участка, по удобности, и *за три года* до выхода крестьянъ-учителей изъ гимназіи открываютъ повсемѣстно сельскія училища *всѣхъ крестьянскихъ дѣтей обоаго пола*, 8—10-лѣтняго возраста. Кончившія въ уѣздныхъ училищахъ курсы дѣвочки начинаютъ въ школахъ учить грамотѣ, подъ наблюденіемъ помѣщиковъ в мѣстнаго участвующаго начальства. Сельскіе священники безмездно преподають Законъ Божій.

„Послѣ трехъ учебныхъ зимъ у учительницъ, въ младшихъ классахъ, учащіеся переходятъ въ *старшій* классъ, къ вышедшимъ уже изъ гимназіи учителямъ,—а для младшихъ классовъ дѣлается уже новый наборъ малолѣтнихъ-учащихся и такъ далѣе. Въ старшемъ классѣ всѣ крестьянскія дѣти проводятъ еще *три* зимы, такъ что полный курсъ сельскихъ школъ составилъ бы *шесть* зимъ; ученикъ, поступившій восьми лѣтъ, выйдетъ бы изъ школы четырнадцати лѣтъ.

„Сельскіе учителя, обучившіеся въ гимназіяхъ, знали бы, кромѣ наукъ общегимназическихъ (за исключеніемъ языковъ), — агрономію, землемѣріе, законовѣдѣніе и ветеринарію, значить это были бы учителя не какіе-нибудь, и, вышедшіе изъ среды народа, они хорошо бы знали нравы, обычаи, нужды и потребности учениковъ и ученицъ своихъ.

„Какъ учителя, такъ и учительницы исполняли бы свои педагогическія обязанности въ теченіе, примѣрно, двѣнадцати лѣтъ *безмездно*, ибо уже самое образованіе, данное имъ и выдвинувшее ихъ въ среду низшаго класса народа на ступень высшую, нравственное и умственное развитіе ими полученныя, должны быть достаточнымъ для нихъ вознагражденіемъ; во участка обязаны доставлять имъ все необходимое: жилище, одежду и пищу (крестьянскія) и сверхъ того, они, учителя и учительницы, лично свободны и, по истеченіи обязательнаго двѣнадцатилѣтняго терміна, могутъ отказаться отъ безмездныхъ педагогическихъ занятій, сохраняя во всякомъ случаѣ право на полное пожизненное обезпеченіе отъ участка.

„Въ лѣтнее, свободное отъ классовыхъ занятій время, учительницы живутъ при своихъ семействахъ, а учителя же остаются праздными: для ихъ дѣятельности открывается новое великое поприще, занятіе величайшей важности, къ которому они должны быть подготовлены въ гимназіяхъ:

„Нечего распространяться навъ, было бы полезно, (а въ будущемъ сдѣлается необходимою) привести наши обширныя земли въ кадастровую извѣстность. Сельскіе учителя, образованные вышесказаннымъ образомъ, могутъ въ лѣтнее время завѣсть эти чрезвычайно полезныя и важныя дѣла, при помощи свидущихъ помѣщиковъ и уѣздныхъ землемѣровъ, каждае въ своихъ участкахъ. Такимъ образомъ одни в тѣ же люди и образовали бы массу народа, и привели бы въ извѣстность земли наши—два вслѣдствіе дѣла, совершеніе которыхъ принесло бы неисчислимыя блага вашему отечеству....

„Въ устроенныхъ же по предлагаемому плану всеародныхъ сельскихъ школахъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, преподавать, кромѣ необходимыхъ предметовъ: *чтенія, письма, Закона Божія* и первыхъ четырехъ правилъ *арифметики*, еще слѣдующіе: а) *исторію*, б) *географію* (всеобщія кратко, отечественныя подробно), в) *русскій языкъ*, г) *сельское хозяйство*, д) *законы*, касающіеся крестьянскаго быта, и законы о *договорахъ*, е) *землемѣрную часть* и ж) *ветеринарію*. Такой курсъ въ продолженіе шести учебныхъ зимъ легко пройти можно, и только при та-

комъ курсѣ грамотность оважеть ва ваше сельское сословіе неоспоримо-благодѣтельно-вліяніе.

„Я убѣжденъ, что если бы вышесказанныя мною предположенія мон могли осуществиться, то чрезъ вакия вибудь двадцать или тридцать лѣтъ Россія, при извѣстныхъ всякому бойкости и смышлености ея населенія, не только догнала бы, но оставила бы за собою ва пути цивилизаціи народы Западной Европы, ва которыхъ теперъ мы справедливо смотримъ какъ на старшихъ братій нашихъ въ дѣлѣ просвѣщенія. А кто бы изъ русскихъ не желалъ этого?..“

„Издержки на разширеніе городскихъ училищъ и гимназій я на увеличеніе комплекта учителей въ нихъ — издержки *единовременныя*. Въ гимназіяхъ и уѣздахъ училищахъ приготовилась бы только *первая* партія учителей в учительницы; слѣдующія образовались бы уже въ самыхъ сельскихъ школахъ пзъ лучшихъ и способнѣйшихъ воспитанниковъ. Эти *единовременныя* издержки приняли бы на себя: правительство и помѣщики *пополамъ*, напримѣръ. Впрочемъ это только предположеніе: входитъ же по этому предмету въ подробныя изслѣдованія я, какъ частный человекъ, ве имѣю ни средствъ, ни возможности....“

„Заключу тѣмъ же, чѣмъ началъ: ужъ если дѣлать великое дѣло, то дѣлать его въ обширныхъ, какъ сама Русь наша, размѣрахъ, не полумѣрами, не какъ вибудь, не робкими шагами, а дѣлать, смѣло и прочно, въ размѣрахъ грандіозныхъ, в если сравнить вѣковѣчно-неисчислимо-благодѣтельныя послѣдствія такого дѣла съ количествомъ временныхъ пожертвованій, то эти послѣдшія окажутся совершенно ничтожными.“ („Земледѣльч. Газета“, № 58).

Въ этомъ прекрасномъ прозктѣ мы находимъ только одну черту, которая можетъ быть измѣнена къ лучшему: г. А. З. для возможяго сокращенія расходовъ предполагаетъ, чтобы въ теченіе извѣстнаго срока учителя и учительницы сельскихъ школъ преподавали безмездно, за одно помѣщеніе и содержаніе. Недостаточность такого вознагражденія очевидна. Въ дополненіе къ нему необходимо жалованье отъ помѣщиковъ или деньгами или хлѣбнымъ сборомъ (послѣднее есть у нѣмецкихъ колонистовъ). Что касается житія обучаемыхъ мальчнковъ въ самой школѣ, а не въ родительскихъ семьяхъ, эта мысль, конечно, прилагается авторомъ только къ мѣстностямъ, гдѣ поселяне живутъ очень мелкими и очень разбросанными деревунками, какъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ и бѣлорусскихъ губерсшяхъ,—не приходится же мальчику въ школу зимою за десять и за пятнадцать верстъ. Но въ большей части русскихъ губерній поселяне живутъ большими деревнями, и тутъ разумѣется ученики должны оставаться въ своихъ сомьяхъ, не жить въ школьномъ домѣ, а только приходитъ на уроки. Это лучше для семейяго быта, да и дешевле, потому что не потребуется ни большаго зданія для школы, ни налога провизіею для содержанія учащихся.

Не по одному вопросу о средствахъ распространить образованіе между поселянами встрѣчаются въ „Земледѣльческой Газетѣ“ очень любопытныя статьи. Мы укажемъ еще на рядъ статей о томъ, возможно-ли, при настоящихъ сельскихъ учрежденіяхъ, совершенно изгнать тѣлесное ваказаніе изъ способовъ сельской администраціи. Это изслѣдованіе возбудилъ также г. А. З. своею статьею „Сельско-административный вопросъ“ въ № 16 „Земледѣльческой Газеты“. Охотниковъ отвѣчать нашлось много. Многіе приняли въ негодованіе при мысли, что имъ предлагаютъ отказаться отъ тѣлеснаго наказанія. Но гуманные и образованные помѣщики отвѣчали, что они находятъ возможность замѣнять тѣлесноо наказаніе другими. столь же дѣйствитель-

ными, но не унижительными для человеческого достоинства и наказываемых, и еще болѣе наказывающихъ. Такъ г. Каргопольцевъ говоритъ:

„Мнѣ кажется, что человѣку, который пожелаетъ избавиться отъ непріятности наказывать тѣлесно своихъ крестьянъ, надобно прежде всего изучить ихъ быть, ихъ слабости, однимъ словомъ знать ихъ такъ хорошо, какъ мы знаемъ все намъ близкое, съ чѣмъ ежедневно встрѣчаемся въ жизни. Изучивши этотъ предметъ, помѣщикъ будетъ знать и все то, что его крестьяне любятъ, чего боятся, словомъ сказать, будетъ знать всѣ слабыя и чувствительныя стороны ихъ жвѣни. Между крестьянами весьма часто встрѣчаются такіе, которые тѣлеснымъ наказаніемъ болѣе ожесточаются; они не только не исправляются отъ наказаній, но начинаютъ ненавидѣть своего господина, считаютъ его тираномъ; особенно если хоть одинъ разъ крестьянинъ чувствуетъ, что наказаніе несправедливо, этого онъ уже не забудетъ; пѣзъ десяти разъ, за которые одинъ разъ былъ только наказанъ несправедливо, и всѣ остальные девять, по свойственной человѣку, весьма естественной слабости, онъ будетъ стараться внутренно убѣждать себя, что не пановать было, и стараться свалить вину если не на самого барина, то на сосѣда или на сосѣдку, даже хотя и на какой ни есть неодушевленный предметъ. Частыя наказанія, особенно тѣлесныя, ведутъ къ тому, что человѣкъ, какъ ко всему дурному и хорошему привыкаетъ, такъ привыкнетъ и въ розгамъ, а тогда все, что копте, дѣлаете съ нимъ, ему ни почемъ, его не исправишь. Я знаю такихъ крестьянъ, которые, проживъ полвѣка, не бывали никогда наказаны розгами и потому только боятся этого наказанія, называя его уродствомъ, и потому никогда не сважуть: не выскѣкъ бы баринъ, а не язуродываль бы. Пусть это чувство всегда живетъ въ нихъ, и долгъ помѣщика, по моему мнѣнію, стараться вести крестьянъ такъ, чтобы боязнь наказанія не сдѣлалась дѣйствительностію, потому что страхъ ожиданія наказанія для крестьянъ, никогда ему не подвергнугося, тяжелѣе самаго наказанія. Я сказалъ, что помѣщику необходимо нужно знать всѣ достоинства, всѣ пороки своихъ крестьянъ; зная ихъ, вы будете знать, чего они боятся, чего не любятъ, что считаютъ стыдомъ для себя; этими-то средствами, лучше, тѣмъ розгами, можно поправлять впавшихъ въ проступки. Если вашъ оброчный крестьянинъ впадетъ въ проступокъ, разъ, другой, вы знаете, что онъ боится барщины, поставьте его на барщину, на недѣлю, на двѣ, на мѣсяць, и это покажется ему больнѣе розогъ, если онъ крестьянинъ усердный и не лѣнтяй,—лѣнтяя этихъ не исправивъ; конечно этихъ вы отнимете у него много времени для собственныхъ работъ, во за то дадите ему урокъ, который онъ долго будетъ помнить. Если онъ самолюбивъ, любить погулять, пощеголять въ праздники на гуляньѣ, оставьте его въ праздникъ у себя на глазахъ поработать, но такъ, чтобъ и другіе это видѣли, —на дворѣ рубить дрова и тому подобное. Я пишу это по собственному опыту: вотъ уже болѣе семи лѣтъ, вавъ я управляю своимъ имѣніемъ, и въ теченіе этого времени я не наказалъ ни одного человѣка, ни большаго, ни малаго; не скажу, чтобы моя крестьяне были люди безукоризненные; они имѣютъ много слабостей и попадаются, чтобы не сказать часто, но и нерѣдко, такъ что въ годъ раза два, три придется того или другаго наказать, но никогда тѣлесно, и благодаря Бога, они всѣ наказанія помаятъ.“ („Земледѣльческая Газета“, № 28).

Отвѣтъ г. Болтина замѣчательнъ по своей краткости, дышащей негодованіемъ противъ сомнѣнія въ возможности управлять человѣкомъ безъ жестокыхъ средствъ:

Г. помѣщикъ предлагалъ хозяйственно-административный вопросъ: „нѣтъ ли какого средства замѣнить тѣлесное наказаніе чѣмъ нибудь другимъ, столь же дѣйствительнымъ?“ Этотъ вопросъ наводитъ на многія размышленія, порождаетъ многіе вопросы, между прочимъ, такой: если домашнихъ животныхъ: лошадь, собаку, кроткими мѣрами и терпѣніемъ мы доводимъ до совершеннаго себѣ послушанія, то ужели тѣмъ же способомъ нельзя довести до того же и человѣка? Помѣщикъ П. Болтинъ.“ („Земледѣльческая Газета“, № 31.)

Это благородно и превосходно. Но намъ кажется, что г. Каргопольцевъ и г. Болтинъ не совершенно точно разгадали мысль, внушившую г. А. З. сельско-административный вопросъ. Они обходятся безъ тѣлесныхъ наказаній, но изъ ихъ собственныхъ отвѣтовъ видно, что они обладаютъ качествами исключительными, слишкомъ рѣдко соединяющимися въ одномъ лицѣ: внимательностью къ своимъ подчиненнымъ и рѣдкимъ умѣньемъ обращаться съ людьми, кротостью и настойчивостью. При такихъ качествахъ личность правителя заглаживаетъ недостатокъ учреждений. Но много ли найдется людей подобныхъ г. Каргопольцеву? Еслибы таковы были всѣ, не нужно было бы никому никакихъ гарантій,—такие люди не способны ни къ притѣненіямъ, ни къ злоупотребленіямъ. Но большинство не таково. Оно только узаконеніями удерживается отъ искушеній прибѣгать къ физической силѣ и суровымъ мѣрамъ. Очевидно, что г. А. З. имѣлъ въ виду это большинство, а не рѣдкихъ людей, подобныхъ г. Каргопольцеву. Возможно ли при настоящихъ сельскихъ отношеніяхъ этому большинству удерживаться отъ тѣлесныхъ наказаній? Вотъ въ чемъ вопросъ. По нашему мнѣнію г. А. З. совершенно справедливъ, находя, что ожидать этого невозможно и что потому надобно приеменить такія юридическія отношенія, при которыхъ употребленіе тѣлесныхъ наказаній ни для кого не служило бы однимъ изъ административныхъ ерествъ.

Укажемъ еще третій вопросъ, возбужденный въ „Земледѣльческой Газетѣ“—вопросъ о средствахъ смягчить семейные нравы нашихъ поселянъ. Онъ поставленъ опять г-мъ А. З.:

О ЖЕСТОКОМЪ ОБРАЩЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ИХЪ ЖЕНАМИ.

Что то за хрѣвъ, что ве горекъ,
Что то за мужъ, что ве гроаевъ.
Коли мужъ жевы не бьетъ,
Такъ и ниль ве живетъ.

(Народная поговорка).

Твой ревнивый мужъ
За шелкову плеть принимается,
Ай люля, люля, принимается.
Плетка свистнула, а я вскрикнула,
Ай люля, люля, а я вскрикнула.
Свекру батюшкѣ возмолилася,
Ай люля и проч.
„Свекоръ-батюшка, отведи меня!“
Ай люля и проч.
Свекоръ-батюшка велить больше бвь...
Ай люля и проч.

(Народная пѣсня).

Помѣщенный въ № 2 в 14 „Земледѣльческой Газеты“ сего года статья: „О жестокомъ обращеніи съ домашними животными“ навели меня на мысль сказать нѣсколько словъ о предметѣ не меньшей важности—о жестокомъ обращеніи крестьянъ съ ихъ женами.

„Пословица—не мимо молвится“, а народныя поговорки, взятая мною эпиграфами къ настоящей статьѣ, имѣютъ, къ несчастью, до сихъ поръ полное практическое примѣненіе въ жизни вашего простаго народа. Варварскій обычай бить женъ вѣдетъ своѣ

нь въ вашей допетровской исторіи. Известно, въ какомъ положеніи была у васъ жен-
ы до Петра Великаго, да в до сихъ поръ, нечего грѣха таить, — говоря вообще,
уважаемъ в почтасяиъ женщинъ больше въ изящныхъ произведеніяхъ словесности.
или въ дѣйствительной жизни. Петербургъ, столица, но и въ немъ, къ стыду на-
у, молодой женщинѣ, а тѣмъ паче дѣвушка невозможно даже днемъ показаться
провожаатаго на улицѣ изъ опасенія получить оскорбленіе... фактическое доказа-
ство невѣжества и грубости нашихъ нравовъ въ настоящее время. А про простой
ль и говорить нечего: реформа Петра не коснулась его нисколько въ этомъ отно-
я: простолюдинъ и до сихъ поръ смотритъ на женщину, какъ смотрѣли на нее
редки. Высочайшее наслажденіе для крестьянина — напиться пьянымъ; а высочай-
наслажденіе пьянаго крестьянина — бить жену. Но это бы еще было съ поль-горя,
бы крестьяне били своихъ женъ только „подъ пьяную руку“; худо то, что для
и въ трезвомъ видѣ прибить жену считается ни-почемъ. Въ остервенѣннн своемъ
тянинъ даже не разбираетъ: беременна его жена или нѣтъ. Для него это нес-
и. п я съ достовѣрностію полагаю, что большая часть выкидышей случается у
тянокъ отъ варварскаго обращенія съ ними мужей ихъ.

„Я владѣлецъ небольшого имѣніи; во и въ этомъ небольшомъ имѣніи, въ первое
ш моего управленія, рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ того, чтобы я вс былъ выну-
нъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, мѣрамъ, къ которымъ я самъ питаю глубокое
мненіе, для усмиренія мужей, истязующихъ женъ своихъ; хотя едва-ли только де-
я часть случаевъ доходила до меня, ибо жена (да п то не всякая) тогда только
ается идти къ помѣщику жаловаться на жестокость мужа, когда ова терпитъ отъ
а совершенную напраслину.

„Одинъ мужикъ запретъ въ соху жеву свою, и не шутиа проораль съ полупряжки
иткому песчанику, по причинѣ болѣзни его лошади. Другой мужъ, не довольствуясь
оками побоями, привязалъ жену свою въ *грядки* *) для того, чтобы удобнѣе
о наказывать ее. Третій сдѣлалъ съ тою же цѣлью тоже самое, только вмѣсто яз-
ой грядки избралъ гужевою балку.

„Однажды пришла ко мнѣ женщина вся въ крови, худая, блѣдная, набитая, съ
свивѣвшею головою и принесла во мнѣ въ собственной рукѣ своей всю свою ве-
твную, а вырванную мужемъ косу... Нина, за которую мужъ такъ истязалъ ее
теперь уже нѣтъ въ живыхъ), ва этотъ разъ состояла въ слѣдующемъ: подыма-
ю на удаленной отъ деревни нивѣ, ему вздумалось нарочно забросить въ лѣсъ
пв и, придя домой босякомъ, приказать женѣ идти отыскать ихъ. Жена пошла,
искала лаптей цѣлую упряжку и, возвратись домой, объявила мужу, что, несмотря на
свои старанія, она не могла найти ихъ. Вины женъ, которыхъ мужья привязы-
и, для удобства наказанія, за перекладны, были такого же рода. Еще чаще слу-
тся, что мужья жестоко бьютъ женъ своихъ за собственные вины свои, особенно
и жены, видя, какъ *добро* изъ ихъ дома переходить въ чужія руки, осмѣиваются
квуть мужей въ невѣрности.

„Замѣтите, что всѣ вышеуказанные случаи дѣлались въ собственномъ моемъ не-
вномъ имѣніи; думаете ли вы, что въ другихъ этого не дѣлалось и не дѣлается?

„Я не посылаю вноватыхъ въ судъ: законъ слишкомъ мягокъ для такихъ из-
деговъ... Да они, если хотите, и не изверги; они *по своему* также любятъ женъ
онъ, а — „обычай не клѣтка, не переставишь“. Вноваты ли они, что съ самаго
злаго возраста видѣли передъ собою подобные примѣры; привыкли къ имъ и при-
или думать, что такъ и быть должно, явче и быть не можетъ, что ва то мужъ,
къ жеву въ рукахъ держать, что ва то жена, чтобъ бояться мужа и быть у него
полвомъ, безусловномъ поввовеніи? — Стремленіе къ господству въ той или другой
рѣи лежить въ природѣ человѣческой; крестьянину не вадъ кѣмъ больше господ-
вовать кромѣ жены и лошади (дѣтей онъ очень любитъ, дурное обращеніе отца съ

*) Грядка — перекладина, идущая отъ верхней части печки къ стѣнѣ избы въ
которомъ отъ потолка разстояніи; назначеніе грядки — укрѣпить сбитую изъ глины
стѣну на нее же вѣшаютъ крестьяне мокрыя оборы, опучи и т. и. для просушки.

дѣтьми—рѣдкое исключеніе), и овъ господствуетъ надъ ними сообразно своимъ оонятіямъ и издавна укоренившемуся обычаю.

„Однако же къ искорененію зла въ своей вотчинѣ я принялъ сначала мѣры, хотя временныя, но рѣшительныя. Послѣ борьбы и муки, сильно разстроивавшихъ весь организмъ мой, я рѣшился на круглыя мѣры. Затрепетали истязатели—мужья въ моей вотчинѣ, и увидѣли, что я „шутки шучу не хороня“: то того накажу, что называется. Любо дорого, то другаго на мѣсяцъ на замѣру въ канаву поставлю, тотъ въ солдаты пошлешь, отъ другаго жена взята и къ родителямъ отправлена, и дѣти съ нею, а мужъ доставляя содержаше.... „Экой варваръ помѣщикъ!“ могъ бы подумать иной кабинетный филантропъ, увидя проѣздомъ, или услыша стороной о такихъ дѣйствіяхъ.

„Желаю вамъ, милостивый государь, добраго здоровья, крѣпкаго сна и хорошаго аппетита; у васъ, я вижу, въ рукахъ какія-то книжки по части кабинетной филантропін: вы сидите въ гансовыхъ креслахъ, курите гаванскую сигару и приказываете заложить карету, чтобъ ѣхать въ театръ слушать „Лучію“. Это должно быть очень пріятно. Мы сами когда-то вкушали часть этихъ наслажденій, и теперь съ неизъяснимымъ восторгомъ проѣздили бы идиллическую жизнь помѣщика на тревожную жизнь столичнаго филантропа, отплясывающаго на балахъ и слушающаго концерты. Тогда мы были и здоровы, и веселы; а теперь посмотрите на меня: видите ли, я—захолустный помѣщикъ, и изсохъ въ щепку? Горный деревенскій воздухъ ва меня ве дѣйствуетъ; „хлѣбъ полей воздѣланныхъ...“ нейдетъ въ прокъ мѣ; что такое хорошій аппетитъ, крѣпкій сонъ—я вс знаю... А что у меня кошки сердце скребуть—про это вы не знаете.

„Но искусь продолжался недолго: не прошло и года, какъ все стихло, все успокоилось: мужья смирились. Честные крестьяне моп и бабы повеселѣли, и стали за меня, что называется, „Богу молить“.

„Однако, думаю, что такая система не годится. Она хороша и даже необходима, какъ мѣра времнная, но не болѣе. Пока я или подобный мѣ—она держится; не ставъ меня—она тотчасъ же рушится, и опять все войдетъ въ старую волюю. Всѣ системы, основанныя на чувствѣ страха,—системы никауда не годныя. Онѣ слишкомъ непрочны и слишкомъ тяжелы для обѣихъ сторонъ.

„Переходныя эпохи—эпохи тяжелыя. Не знаешь, какъ быть. Ни роль преслѣдователя, ни роль патріарха—какъ то не къ лицу современному помѣщику. Первая роль возмутительна, вторая анахронизмъ. Надобно придумать что нибудь болѣе раціональное.

„Что жъ бы это такое могло быть болѣе раціональное?

„Одинъ отвѣтъ: смягчающее нравы образованіе! Школы, школы в школы для молодаго поколѣнія! Но школы не канія-нибудъ и, главное, не съ какими нибудъ, а *непремѣнно* съ хорошими учителями и наставниками.... („Зем. Газ.“ № 30).

Средство, предлагаемое г-мъ А. З., дѣйствительно, очень полезно и для снягченія семейныхъ нравовъ, какъ полезно оно для всего хороняго. Но съ тѣмъ вмѣстѣ надобно прибавить, что хотя просвѣщеніе есть корень всякаго блага, но не всегда оно само по себѣ уже бываетъ достаточно для исцѣленія зла: часто требуются также и другія, болѣе прямыя средства. Потому что зло не всегда бываетъ основано непосредственнымъ образомъ на одномъ только невѣжествѣ—иногда оно поддерживается и другими обстоятельствами, которыя, конечно, въ свою очередь порождены невѣжествомъ, но бываютъ такого свойства, что до уничтоженія ихъ невозможно и распространенію просвѣщенія. Чтобы дѣло было ясное, взглянемъ на состоиніе индѣйскихъ паріовъ. Они невѣжды, нравы ихъ грубы. Это такъ. Какія же прямѣйшія средства для смягченія ихъ нравовъ? Просвѣщеніе? Но могутъ ли когда парія просвѣтиться? Этому полагается непреоборимое препятствіе самымъ ихъ положеніемъ. Во-первыхъ, они такъ угнетены нуждою, что имъ

очень трудно найти время и средства для учения; во-вторых, брамины и кшатрии никакъ не допускаютъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи парій, потому что всѣ привилегіи браминовъ и кшатриѣ, всѣ выгоды, ими извлекаемая изъ касты парій, основываются на невѣжествѣ парій. Потому, чтобы дать возможность паріямъ смягчить свои нравы образованіемъ, прежде всего должно измѣнить положеніе парій въ индѣйскомъ обществѣ; они должны изъ парій сдѣланы быть просто подданными правительства, а не браминовъ и кшатриѣ.

Нѣчто подобное можно сказать и о смягченіи нравовъ поселянъ. Тутъ на одно просвѣщеніе нельзя надѣяться. Грубость нравовъ поселянина основана не на одномъ его невѣжествѣ, а также и на характерѣ того обращенія, какое испытываетъ онъ и его семья отъ другихъ. Пока самъ поселянинъ подвергается грубому обращенію со стороны другихъ, нравы его не могутъ смягчиться. Пока мы имѣемъ полную возможность быть грубы съ женою поселянина, бранить ее и дать ей пинька, поселянинъ не можетъ наблюдать въ обращеніи съ нею особенной деликатности. Почему мы уважаемъ своихъ жепъ? Потому что и посторонніе люди не смѣютъ сказать грубость дамѣ. Каково общественное положеніе женщины, таково и обращеніе съ нею мужа. Только тогда, когда „баба“, жена мужика, будетъ также ограждена противъ всякихъ обидъ отъ постороннихъ людей, какъ ограждена „дама“, моя жена, только тогда мужикъ измѣнитъ свое обращеніе съ своею женою.

Улучшеніе общественнаго и матеріальнаго положенія, вотъ необходимое предварительное средство для возможности распространяться и просвѣщенію и улучшаться нравамъ. Потому съ живѣйшею признательностью мы должны принимать такіа мѣры, какъ покровительство, оказываемое правительствомъ „Обществу для улучшенія помѣщеній рабочаго класса въ С.-Петербургѣ“ (объ этомъ обществѣ мы надѣемся поговорить въ слѣдующій разъ, и тогда воспользуемся радушинымъ приглашеніемъ „Жур. Минист. Внут. Дѣлъ“, предлагающаго въ распоряженіе всѣмъ періодическимъ изданіямъ напечатанную въ немъ статью объ этомъ предметѣ), или правила о содержаніи ремесленныхъ учениковъ и ученицъ. Эти бѣдныя дѣти дѣйствительно очень, очень нуждались въ самыхъ строгихъ огражденіяхъ своего здоровья, своей жизни отъ безумно-жадной небрежности. Каждому жителю Петербурга хорошо знакома фигура мальчика, зимою, при десяти или пятнадцати градусахъ стужи, бѣгущаго по улицѣ въ ветхомъ лѣтнемъ халатикѣ, съ полураскрытою отъ прорѣхъ грудью, часто безъ шапки на головѣ, еще чаще безъ обуви на ногахъ. Можно вообразить, какими удобствами въ домашней жизни пользуется этотъ мальчикъ, когда въ такой костюмировкѣ бываетъ посылаемъ по улицѣ. По собственнымъ наблюденіямъ, почти каждому изъ насъ извѣстно, что у многихъ мастеровъ ученики ведутъ самую ужасную жизнь, — холодають и голодають несказанно, подвергаясь безпрестаннымъ истязаніямъ; не рѣдкость, что пьяный портной тычетъ ученика горячимъ утюгомъ; о томъ, коротко ли знакомы съ сапожною колодкою головы учениковъ сапожника, нечего и говорить. Да, эти бѣдняжки очень, очень нуждались въ заботливости закона.

Нынѣ изданными правилами постановляется, что ремесленный мастеръ

долженъ заботиться о хороніемъ помѣщенія, здоровой пищѣ и доброй нравственности своихъ подмастерьевъ, учениковъ и ученицъ (статья 1). Рабочія и спальныя комнаты ихъ должны быть просторны, опрятны и сухи. Спальныя для мальчиковъ и дѣвочекъ должны быть отдѣльныя (статья 2). Зимой въ ихъ комнатахъ должны быть двойныя рамы съ форточками (статья 3). Стирка бѣлья и просушка мокрой одежды и обуви въ этихъ комнатахъ воспрещается (статья 4). Класть учениковъ спать на полу воспрещается; воспрещаются также нары въ два яруса; воспрещается класть ихъ на кроватяхъ попарно; на нарахъ спальное мѣсто одного отъ мѣста другихъ должно быть отдѣлено перегородками (статья 5). Хозяинъ не долженъ отпускать или посылать куда либо учениковъ лѣтомъ безъ обуви, зимою безъ теплаго верхняго платья и проч. (статья 7). Хозяинъ обязанъ посылать учениковъ въ баню не рѣже какъ два раза въ мѣсяцъ, еженедѣльно давать имъ перемѣнять бѣлье и пр. (статья 8). Наблюденіе за исполненіемъ этихъ правилъ составляетъ обязанность ремесленнаго старшины и цеховаго управленія (статья 11 и слѣдующая).

Правила превосходны. Надобно желать только, чтобы надзоръ за ихъ исполненіемъ былъ неутомимъ и дѣйствителенъ; и конечно каждый честный человѣкъ обязанъ помогать официальнымъ властямъ въ этомъ дѣлѣ, неукоснительно доводя до ихъ свѣдѣнія о всѣхъ замѣчаемыхъ ими уклоненіяхъ отъ законныхъ правилъ. Содѣйствіе это легко для cadaго изъ насъ. Кому изъ насъ не случается бывать въ мастерскихъ, къ кому изъ насъ не бывають присылаемы ученики съ заказанными вещами? Надобно намъ помнить, что успѣхъ всѣхъ правительственныхъ мѣръ зависитъ отъ содѣйствія, оказываемаго обществомъ надзору за ихъ исполненіемъ. Если мы не покинемъ свою вовсе негражданскую привычку смотрѣть на все апатически, никогда ни что не исполнится такъ, какъ того хочетъ законъ. Мы должны помнить, что законъ въ своемъ исполненіи опирается на бдительное содѣйствіе общества. Дѣло закона есть дѣло cadaго изъ насъ. „Какое намъ дѣло до ремесленныхъ учениковъ?“ Если говорить такъ, то общество скажетъ и каждому: а какое мнѣ дѣло и до твоихъ дѣлъ? — Такъ издавна говорило оно, то есть говорить каждый изъ насъ другъ о другѣ, — но хороню-ли было отъ того каждому честному человѣку изъ насъ? Пора намъ оставить эту узкую апатію. Дѣла cadaго честнаго человѣка могутъ идти только тогда, когда за исполненіемъ покровительствующаго ему закона наблюдаетъ каждый честный человѣкъ.

Мы совершенно отвыкли отъ понятія о солидарности, о круговой поруцѣ, которою связано положеніе личныхъ дѣлъ cadaго изъ насъ съ дѣлами всѣхъ другихъ. Отъ этой неопытности происходитъ то, что когда мы начнемъ разсуждать о предметахъ, хотя па вершокъ выходящихъ изъ круга личныхъ дѣлъ отдѣльнаго человѣка, мы теряемъ тактъ дѣйствительности, воображаемъ причины побывалыя или, по крайпей мѣрѣ, недостаточныя для объясненія дѣла, предаемся жслаціямъ вовсе не нужнымъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ, исполненіе которыхъ не принесло бы никакой существенной пользы дѣлу. — воображаемъ, напримѣръ, что стоитъ только сказать о ворѣ: „онъ воръ“, и онъ будто бы устыдится, перестаетъ красть, сдѣлается

примѣрнымъ гражданиномъ;—не шута, мы чуть ли не всё предавались этой надеждѣ. Забавно даже вспомнить, какъ почти всё мы восхищались мыслью: „пустъ литература преслѣдуетъ взяточничество, и взяточничество исчезнетъ“. Мы вообразили, будто мы ужъ и въ самомъ дѣлѣ исцѣляемъ общественныя раны, когда всё хоромъ начали разсуждать

„Коть Васька плугъ, вотъ Васьва воръ...“

Но вотъ наконецъ мы увидѣли, что „кара общественнаго мнѣшя“ и „грозный бичъ сатиры“ не слишкомъ-то дѣйствительное лекарство, — увидѣли, что

„Васька слушаетъ да ѣстъ“,

—и многіе изъ насъ были удивлены этимъ открытіемъ: „какъ? онъ не исправился?“ и мы начали придумывать, какими бы средствами его исправить. Средства эти иными придумываются очень удачно, — вотъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Исправникъ“ (въ № 17 „Русскаго Вѣстника“), предлагается средство, которое совершенно удовлетворительнымъ образомъ уврачуесть болѣзнь. Мы заговорили объ этомъ разсказѣ не потому, чтобы онъ былъ самъ по себѣ нехорошъ или особенно хорошъ, — разсказъ подобенъ всѣмъ разсказамъ, написаннымъ въ подражаніе г. Щедрина, и мы не думали было говорить о немъ. Но мы получили отъ одного не-литератора письмо, которое, по поводу этого разсказа, высказываетъ мысли очень дѣльныя, — и такъ какъ многіе раздѣляютъ понятію автора разсказа о причинахъ взяточничества и надежду на предлагаемое имъ лекарство, то мы помѣщаемъ это письмо:

„Что это за несчастная исторія стала теперь нерѣдко повторяться въ нашей литературѣ? (говоритъ нашъ корреспондентъ). Вотъ, напримѣръ, разсказъ „Исправникъ“ въ 17 книжкѣ „Русскаго Вѣстника“. Надо же было автору испортить разсказъ заключеніемъ, которое вовсе не практично. Исправникъ разсказываетъ автору разнаго рода мошенничества, которыя приводилось ему дѣлать во время долговременной службы, и заключаетъ свои разсказы тѣмъ, что взятки брать необходимо, потому-де, что ему, исправнику, мало жалованья! Но, скажите, ради Бога, гдѣ же предѣлъ увеличенію жалованья? Если исправнику, получающему въ годъ болѣе 1,000 руб. сер. — мало этого жалованья, то что же долженъ сказать писецъ канцеляріи Земскаго Суда, получающій въ годъ около 25 руб. сер.? Вотъ этому послѣднему дѣйствительно мало жалованья и ему можно извинить, что онъ беретъ, гдѣ можно, четвертаки и двугривенные, для того, чтобы избавиться отъ голода и холода, — а какимъ образомъ исправнику сдѣлалось мало жалованья? Наконецъ, допустимте эту лже-теорію, что взятки берутъ будто бы оттого, что мало жалованья, и что будто бы съ прибавкою жалованья взяточничество ослабѣетъ, — но я васъ спрашиваю: неужели честность состоитъ въ томъ, чтобы не брать взятокъ, когда сидишь по горло въ деньгахъ? — Есть деньги — не беру, нѣтъ денегъ — беру. Не могу имѣть за столомъ бутылки вина — беру на вино, захотѣлъ имѣть четвертое блюдо за столомъ — беру на четвертое блюдо; есть пара лошадей, хочу имѣть четверку — беру на недостающихъ двухъ лошадей; у жены шолковая шляпка, она хочетъ имѣть бархатную — беру на бархатную, и т. п. Словомъ — нѣтъ особенной нужды — не

краду, а захотѣлось чего нибудь, чего на жалованье нельзя пріобрѣсти — украду. Эту ли нравственность хотѣть проповѣдывать господа, оправдывающіе взятки недостаткомъ жалованья? Хороша нравственность! Чего недостаетъ тебѣ и чего хочется, то укради! Жалованьемъ ты имѣешь возможность жить безбѣдно, но скромно, а тебѣ хочется жить роскошно—воруй! Помилуйте, что это такое? Какъ не стыдно проповѣдывать ложь и безнравственность, оправдывать воровство невозможностію удовлетворять прихотямъ? Послѣ этого мужички наши, трудящіеся, конечно, не меньше какого нибудь исправника и не имѣющіе не только никакихъ прихотей, во часто необходимого, — имѣютъ полное право грабить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, и исправники, на основаніи своей логики, не должны смѣть останавливать ихъ! Я, впрочемъ, полагаю, что люди, оправдывающіе воровство недостаткомъ заковныхъ ередствъ удовлетворять прихотямъ, — дѣлаютъ это просто по недоразумѣнію. Вотъ хоть бы въ „Исправникъ“ — по разсказу видно, что авторъ ого человѣкъ прекрасный и благородно-мыслящій, а между тѣмъ дѣлаетъ снисхожденіе ворами во имя недостатка жалованья.... не такого недостатка, который лишаетъ человѣка возможности удовлетворять первымъ потребностямъ, а недостатка, по позволяющаго давать разгула прихотямъ. Какого послѣ этого сожалѣнія заслуживаютъ бѣдные, но честные труженики: они просто глупы — бьются Вогъ знаетъ изъ за чего, тогда какъ есть прекрасное средство безъ большаго труда не только обезпечить себѣ средство существованія, но и разбогатѣть—это воровать“.

Все это такъ; но если не только литературныя обличенія, но и прибавка жалованья — недостаточное лекарство, въ чемъ же надобно искать лекарства? Вопросъ этотъ оставленъ нанимъ корреспондентомъ безъ отвѣта.

Мы сѣтуемъ о своихъ недостаткахъ, изобличаемъ свои пороки, все это прекрасно; только не должно увлекаться этимъ направленіемъ до такой степени, чтобы не находить въ своемъ обществѣ ничего хорошаго. Есть въ другихъ странахъ бѣдствія, отъ которыхъ избавлены мы, напримѣръ, биржевая игра, свирѣпствующая во Франціи, разоряющая ежедневно тысячи семей, грозящая разореніемъ всему государству. Французы не могутъ никакъ придумать средства къ искорененію этого зла, а средство есть очень простое: — издать такой законъ, какой существуетъ у насъ: продажа акцій допускается на биржѣ только на наличныя деньги,—какое простое, но какое дѣйствительное средство! Но французы еще не догадались въ этомъ случаѣ, что средство противъ общественныхъ золъ — законы, и потому то всѣ желанія избавиться отъ биржевой игры остаются пока напрасными.

Заговоривъ объ акціяхъ, мы уже подошли къ новостямъ изъ области промышленнаго движенія. Читателямъ извѣстно, что участокъ Варшавской желѣзной дороги отъ Гатчина до Луги уже готовъ; что участокъ отъ Луги до Пскова будетъ готовъ къ ноябрю; такимъ образомъ Главное Общество Желѣзныхъ Дорогъ ведетъ свое предпріятіе столь дѣятельно и успѣшно, что пѣ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ исполнило почти половину работъ, которыя по договору обязано исполнить въ три года. Это подаетъ основательную надежду, что уступленныя Обществу дороги будутъ построены гораздо ранѣе, нежели въ десять лѣтъ.

Число акціонерныхъ обществъ у насъ продолжаетъ возрастать. По журналамъ Комитета гг. Министровъ, отъ 19 и 23 іюля, Высочайше утвержденъ Уставъ Товарищества для заведенія при нарвскомъ водопадѣ мануфактуры бумажныхъ издѣлій. Основатель этого предпріятія, получающаго имя „Товарищества Кренгольмской Мануфактуры“, нарвскій купецъ г. Кнопъ. Капиталь общества опредѣленъ въ 2,000,000 р. сер., раздѣленные на 400 паевъ, по 5,000 р. сер. Въ случаѣ надобности, онъ можетъ быть выпускомъ 200 дополнительныхъ паевъ увеличенъ до 3,000,000 р. с. Правленіе Общества состоятъ изъ трехъ директоровъ, не получающихъ никакого вознагражденія. Однимъ изъ директоровъ будетъ учредитель Общества, два другіе избираются общимъ собраніемъ владѣльцевъ паевъ, которому правленіе обязано представлять ежегодно отчеты. Кромѣ того, общее собраніе имѣетъ во всякое время право подвергать Правленіе ревизіи посредствомъ избираемыхъ для того изъ среды своей трехъ депутатовъ.

Настоящее время чрезвычайно благоприятно для основанія новыхъ промышленныхъ предпріятія. Дѣйствію закона, понизившаго банковые проценты, уже замѣтнымъ образомъ обнаруживается въ приливѣ капиталовъ къ оживленію промышленности. Цѣны акцій всѣхъ прочныхъ обществъ повысились въ послѣдніе два мѣсяца на десять и болѣе процентовъ. Эта высокая цѣна, уже ве представляющая для капиталовъ слишкомъ выгоднаго помѣщенія, а еще болѣе недостаточность числа акцій существующихъ компаній для удовлетворенія быстро возрастающему запросу на нихъ, чрезвычайно облегчаетъ возникновеніе новыхъ коммерческихъ, фабричныхъ и заводскихъ предпріятія, въ которыхъ такъ нуждается нашъ экономическій бытъ.

Одно учрежденіе пароходовъ по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ нашимъ представляетъ уже помѣщеніе для многихъ мильоновъ рублей. Настоящее развитіе пароходства у насъ еще очень недостаточно. Такъ, напримѣръ, на Волгѣ, главной дорогѣ всѣхъ экономическихъ оборотовъ восточной половины Россіи, въ настоящее время ходитъ еще не болѣе шестидесяти пароходовъ, считая даже и тѣ мелшія паровыя суда, которыя употребляются только для завозки якорей при конныхъ машинахъ. Правильная пароходная перевозка пассажировъ существуетъ еще только въ верхней части Волги; и въ верхнихъ и въ нижнихъ частяхъ, товарныхъ пароходовъ недостаетъ для перевозки и десятой части товаровъ, нуждающихся въ ихъ содѣйствіи.

Развитію пароходства и самыхъ фабрикъ, при быстро исчезающемъ запасѣ лѣсовъ въ Средней Россіи, при безлѣсности Южной Россіи, зависитъ отъ развитія каменно-угольныхъ копей, которыя у насъ до сихъ поръ остаются въ ничтожествѣ, даже при такомъ богатствѣ, какое представляетъ Донской каменноугольный бассейнъ. Добываніе донскаго антрацита на мѣстѣ обходится очень дешево—около 5 коп. за пудъ при патріархальныхъ способахъ, и не болѣе 2 коп. при введеніи улучшенныхъ способовъ. Но сбыта въ торговые и промышленные пункты южнаго края антрацитъ не находятъ, потому что вытѣсняется англійскимъ каменнымъ углемъ, продающимся дешевле. Нѣкоторые предлагаютъ помочь сбыту антрацита иаложеиіемъ пошлины на англійскій уголь,—но очевидно, что эта мѣра была бы противна здравому экономическому расчету. Въ чемъ состоитъ нужда промышленности?

Въ дешевизнѣ топлива для паровыхъ машинъ. Какимъ же образомъ помочь ей, изгоняя болѣе дешевое топливо для доставленія сбыта болѣе дорогому? Ясно, что наложеше пошлыны на англійскій уголь только стѣснить промышленность, вовсе не помогая антрациту. Это въ родѣ того, какъ если бы для доставленія сбыта дорогому сукну мы обложили высокою пошлиною дешевое сукно—сбытъ дорогихъ суконъ оттого не увеличился бы, а суконное производство чрезвычайно уменьшилось бы, и погнбло бы овцеводство. Здравый смыслъ говорить, что единственный полезный для промышленности способъ доставить сбытъ антрациту: забота объ устраненіи затрудненій перевозки, возвышающихъ его цѣну, расчищеніе устьевъ Дона и проложеше желѣзной дороги отъ антрацитовыхъ копей къ этой рѣкѣ.

Важнымъ явленіемъ въ нашей промышленности была Варшавская выставка. Число экспонентовъ (333) на ней было вдвое менѣе, нежели на Московской (1853 г.) и Петербургской промышленныхъ выставкахъ. Стоимость выставленныхъ товаровъ оцѣнена въ 200,000 руб. сер., втрое менѣе, нежели на Московской выставкѣ. Специалисты, вникавши въ дѣло, объясняютъ это уменьшеніе необходимостью экспонентамъ представлять засвидѣтельствованныя официальнымъ порядкомъ статистическія свѣдѣнія о своемъ производствѣ. Но хотя продукты явились на выставку въ меньшемъ количествѣ, нежели прежде, утѣшительнымъ фактомъ надобно считать то, что качество ихъ вообще улучшилось, сравнительно съ бывшими на Московской выставкѣ товарами тѣхъ же экспонентовъ, такъ что, не смотря на малость своего размѣра, выставка свидѣтельствуетъ о довольно значительныхъ успѣхахъ нашей промышленности втеченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Посредники между Европою и Россією.—Подручныя средства“ для излеченія всякихъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ и дѣйствительность этихъ средствъ.— Мнѣніе практическихъ людей о томъ, возможенъ ли я вуженъ ли прогрессъ, напримѣръ, полезна ли отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, какъ административной пружины.— Оптимизмъ.—Буксирное пароходство по рѣкамъ Москвѣ, Ока и Волгѣ.— Выставки сельскихъ произведеній въ Кіевѣ и льявыхъ издѣлій въ селѣ Великомъ.— Училище для дѣвиць въ Костромѣ.—Стипеудія Граповскаго.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ у насъ жалобъ на Западную Европу состоитъ въ томъ, будто Западная Европа слишкомъ довѣрчиво принимаетъ всѣ пустые слухи, всѣ вздорные рассказы о насъ, какіе вздумаетъ разглашать какой нибудь поверхностный туристъ, прожившій въ Петербургѣ, какъ говорится, безъ году недѣлю, не знающій нашего языка, не понимающій нашихъ обычаевъ, не видавшій своими глазами ничего, кромѣ Невскаго проспекта да нѣсколькихъ безцвѣтныхъ салоновъ. Не знаемъ, на сколько есть основательности въ этой жалобѣ, противъ которой можно сказать, что книги дѣльныя о Россіи, какъ и обо всемъ на свѣтѣ, предпочитаютъ въ Западной Европѣ вздорнымъ книгамъ, которыя пишутся не объ одной Россіи, а также обо всемъ на свѣтѣ; что число такихъ дѣльныхъ книгъ о Россіи, написанныхъ нѣмцами, французами, англичанами, очень велико; что по этимъ сочиненіямъ человекъ, живущій на Рейнѣ или на Луарѣ, можетъ познакомиться съ Россією (и знакомится, если онъ человекъ основательный) также хорошо, какъ если бы жилъ на Ока или на Днѣпрѣ. Мы не знаемъ, на сколько есть справедливости во мнѣши, будто бы дѣльные люди въ Западной Европѣ имѣютъ о Россіи невѣрное понятіе. Но если есть въ этой жалобѣ хотя капля справедливости, виноваты въ заблуждошихъ Европы не поверхностные туристы, которымъ никто не вѣритъ, видя ихъ пустоту уже по однимъ несомнѣннымъ внѣшнимъ признакамъ легкомыслія и незнашя, а мы сами, которые очень таки часто рассказываемъ о себѣ Европѣ супця небылицы, съ важностью и видимою основательностью, да еще притомъ съ прибавленіями, что мы-де одни только и можемъ сказать Европѣ правду, потому что мы одни хорошо знаемъ дѣло, потому что мы всю жизнь прожили въ Россіи, сами русскаго рода, знаемъ все, что у насъ дѣлается, какъ свои пять пальцевъ, и въ добавокъ еще опираемся на официальныхъ свѣдѣшихъ, и что однихъ насъ Европа должна считать за истинныхъ представителей и истолкователей Россіи. Смотрить Европа,—фамилія у человека русская, и дѣйствительно онъ весь вѣкъ прожилъ въ Россіи, да и нынѣ жпветъ все въ Россіи же, и всѣхъ мало-мальски важныхъ людей въ Пе-

тербургъ и Москвѣ по имени и отчеству знаетъ, и пріятель съ ними со всѣми—всѣ виѣшніе признаки достовѣрности есть,—какъ же не вѣрить? А попробуй Европа повѣритъ намъ, такихъ турусъ на колесахъ расскажемъ, что только руками разведетъ Европа, слушая. Примѣровъ тому можно бы набрать не мало.

Впрочемъ, какъ насъ осуждать за то, что мы Европу иногда желаемъ морочить, когда мы и сами себя морочимъ очень часто. Напримѣръ, развѣ мы не увѣряли себя въ томъ, что г. Щедринъ всѣ наши язвы исцѣлилъ.— или если еще не совсѣмъ исцѣлилъ, такъ исцѣлить, нужно только еще третій томикъ „Губернскихъ Очерковъ“ написать, и обратятся на путь добродѣтели и бозкорыстія тѣ немногіе грѣшники, которые не покаялись и не исправились отъ двухъ первыхъ томиковъ? Такъ и кажется, будто слышишь слова Плюшкина: „Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь“. У насъ есть привычка, всѣ вопросы разрѣшать такимъ образомъ, всѣ недостатки исправлять словами, всѣ обязанности взваливать па общественное мнѣніе, которое будто бы всему поможетъ разговорами. Въ прошломъ мѣсяцѣ, напримѣръ, въ двухъ или трехъ издашіяхъ разбиралось дѣло о томъ, почему у насъ всѣ живутъ выше своихъ средствъ, объяснялось, какъ это дурно, — и прішккалась накая же тому причина? — видите ли, опять виновато общественное мнѣніе, зачѣмъ-де оно не нрслѣдуетъ людей, которые по уши лѣзутъ въ неоплатные долги, или для свдешія концовъ съ концами прибѣгаютъ къ дурнымъ средствамъ для увеличенія доходовъ? Но, что это за наивность! Человѣкъ, который живетъ богато, во всякомъ обществѣ, не у насъ однихъ, пользуется большимъ уваженіемъ, нежели живущій бѣдно, такова ужъ человѣческая натура. Еще нашли причину и лекарство: это, дескать, все происходитъ отъ тщеславія, отъ суетности, отъ желанія показать, что и я не хуже другихъ,—надобно вамъ, живущимъ выше своихъ средствъ, исправляться отъ тщеславія и суетности, — тоже хорошее средство, жаль только опять, что подавлять въ себѣ тщеславіе каждому изъ насъ гораздо труднѣе, нежели давать ему просторъ.—если бы подавлять въ себѣ слабости было легко человѣку, и предметовъ для моральныхъ разсужденій давно не было бы на свѣтѣ, никакихъ ни слабостей ни пороковъ не существовало бы на землѣ, и каждый вокругъ себя видѣлъ бы все однихъ только Циципинатовъ. Нашлось и еще средство: зачѣмъ-де богатые живутъ роскошно?—Это все ихъ примѣръ вводитъ въ грѣхъ, все за ними тянутся люди, живущіе не по средствамъ. Пусть богатые подадутъ примѣръ скромнаго образа жизни, и все пойдетъ хорошо. Да, не дурно; жаль только, что богатому нѣтъ ровно никакой пріятности не пользоваться своими средствами для доставленія себѣ богатствъ и развлеченій. У васъ есть средства ѣздить въ карстѣ,—что жъ вамъ за радость ѣздить на дрянныхъ извоицичьихъ дрожкахъ? И сидѣть неудобно, и простудиться можно, и вѣтеръ и дождь бьютъ въ лицо, и платье портится. И притомъ, ужъ если па то пошло, лучше роскошничать, нежели быть Плюшкинымъ. Да и чтожъ вы дурнаго дѣлаете, если вы, богатый человѣкъ, живете богато? Вѣдь вы живете по своимъ средствамъ, и я вовсе не слѣдую вашему примѣру, если я, человѣкъ бѣдный, роскошничая, — я

моть, а вы не моть, и обвинять васъ за меня несправедливо. — Не лучше ли было бы посмотрѣть, чѣмъ поддерживается слабость, на которую мы жалуемся. Человѣкъ живетъ выше своихъ ередствъ для удовольворенія своему тщеславію, — но вѣдь беретъ же онъ откуда нибудь деньги? — Онъ ихъ или занимаетъ и не платитъ долговъ, или грабитъ. Вотъ въ этомъ то и корень зла. Если грабить будетъ нельзя, да и увертываться отъ уплаты долговъ или отъ тюрьмы тоже, тогда и не на что будетъ жить выше своихъ ередствъ. И откуда является расточительность? Изъ незнація цѣны деньгамъ, — а кто не знаетъ цѣны имъ? Тотъ, кто получаетъ ихъ за даромъ, безъ труда, — трудовая копѣйка не пойдетъ никогда на мотовство. Такъ не лучше ли, вмѣсто разсужденій о тщеславіи и общественномъ мнѣніи, говорить о томъ, какимъ бы образомъ устроить, чтобы доходъ каждаго былъ вознагражденіемъ за его труды, а не плыли къ нему въ руки тысячи ни за что, ни про что: какимъ бы образомъ никто не могъ отвиливать отъ законныхъ взысканій. Вотъ это вещи дѣйствительно удобоисполнимыя и дѣйствительно полезныя, а моральныя разсужденія о томъ, что „противъ душеспасительнаго слова не устоишь“ и что общественное мнѣніе должно пренебрегать богатствами, — всѣ они превосходны, но ровно ни къ чему не ведутъ. Тѣ самые, которые разсуждаютъ въ нравственномъ тонѣ, иногда сознаютъ недостаточность предлагаемыхъ ими средствъ. Напримѣръ, по поводу статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „о томъ, отчего всякій желаетъ жить выше своихъ ередствъ“, г. А. Р — сій въ „Кавказѣ“ говоритъ:

„Общество сильно создаетъ своя недостатки: вездѣ проявляется потребность воздуха, свѣта, правды и увѣчоженія предрасудковъ и тьмы. Казалось бы, что прямыхъ послѣдствій такого сознанія должно быть то, что общество вдругъ откажется отъ всѣхъ своихъ дознанныхъ недостатковъ и будетъ жить новою лучшею жизнію; но ничуть не бывало: ему, какъ и каждому отдѣльно взятому лицу, не смотря на твердое убѣжденіе въ противозаконности и гнусности своихъ поступковъ, трудно отказаться отъ нихъ, потому что они въ сердцѣ общества глубоко пустили свои корни и сроднились съ нимъ. А потому, когда такое общество, созная вполнѣ всѣ свои слабости и недостатки, не думаетъ бросать ихъ, то для искорененія этого всеобщаго недуга, этихъ недостатковъ, необходима борьба, напряженное и продолжительное усиліе благородныхъ умовъ, дабы совладать съ невѣжествомъ и предрасудкомъ; необходимо всѣ слабости и пороки общественныя, говоря словами одного извѣстнаго нашего литератора, „уловлять въ извѣстную данную минуту и казнить ихъ, предавая на всеобщее посмѣяніе, на всеобщій позоръ, прочувствовавъ ихъ скорбнымъ сердцемъ, такъ, чтобы въ смѣхѣ автора, какъ прекрасно выразился Гоголь, *слышались слезы*“. Вотъ одво изъ подручныхъ средствъ къ исправленію общества отъ тѣхъ черныхъ пятенъ, которыя оно, по собственному произволу, носитъ на себѣ и по настоящее время. Это трудъ не маловажный: его покончить съ-разу и какъ нибудь нельзя. Тутъ нужны таланты, которые бы своими убѣжденіями сильно похѣйствовали на общественное мнѣніе, и чтобы эти убѣжденія ихъ получили полное значеніе въ обществѣ. Гениальному нашему поэту художнику, который „вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко“, много оставалось еще исчерпывать у общества вредные его соки: смерть прекратила благородныя, добровольно предпріятыя имъ труды на пользу общества. Намъ ли, впрочемъ, благодаря судьбѣ, ревностныя в даровитые его послѣдователи, которые всему вредному стараются дать публичность, гласность, чтобы мало по малу укрѣпить *общественное мнѣніе*, навестъ его на прямой, истинный путь и „дать ему ту необходимую мощь и наконецъ то единственное оружіе, которыми оно будетъ вооружаться и преслѣдовать все нечистое, злое, враждебное духу добра и истины. И тогда только мы будемъ на дорогѣ къ свѣту и истинѣ, пока одн-

нокій чей вибудь голось не сольется съ голосонъ цѣлаго общества. Да, мы отъ души желаемъ и ждемъ переворота къ лучшему въ настоящей общественной вашей жизни: ждемъ наконецъ того времени, когда исчезнетъ это пагубное соревнованіе въ роскоши, это желаніе не отставать отъ общества, потому что такъ, говорить, *принято*;—горестное соревнованіе, разстроивающее благосостояніе семействъ“.

Хорошо, но съ чего начинается самъ авторъ?—съ того, что общество уже въ настоящее время сильно сознаетъ свои недостатки, и однако же, не отказывается отъ нихъ. Если такъ, литературные ли таланты тутъ нужны? Что они могутъ сдѣлать своими произведеніями? пробудить общественное сознаніе; но вѣдь оно уже сильно пробуждено, стало быть такъ называемыя „усилія благородныхъ умовъ“ уже сдѣлали свою долю дѣла, и если дѣло еще не совершилось, то не за „уеніями благородныхъ умовъ“ остановка, не отъ нихъ уже зависитъ продолженіе и совершеніе предпринятаго ими. А всетаки, вы думаете, что однихъ этихъ усилій достаточно, всетаки, ничего не желаете, кромѣ появленія „талантовъ, которые предавали бы на всеобщій позоръ“ и т. д.—да это вѣдь ужъ сдѣлано, и не произвело никакого измѣненія въ слабостяхъ и порокахъ; какое же основаніе вы имѣете не только „желать“ (желать всего хорошаго—какъ не желать, всякій желаетъ), но и „ждать“ измѣненія „къ лучшему въ вашей общественной жизни“? Развѣ жизнь въ словахъ, а не въ дѣлахъ? Инстинктивно чувствуетъ это самъ авторъ: онъ ждетъ, и чувствуетъ, что не имѣетъ основанія ждать, пока основаніемъ надеждъ служатъ только „уенія благородныхъ умовъ“, то есть, „талантовъ, послѣдовавшихъ за Гоголемъ“, и потому то, какъ бы думали вы, чѣмъ заключается его статья? Вотъ чѣмъ:

„Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ этого счастливаго времевв, прогресса въ общественной жизни; но врядъ ли прогрессъ этотъ совершитъ скоро свой окончательный путь, и, кажется, нужно будетъ при этомъ сказать слова маршала Свльвева:

„Dormons jusqu'au bon temps,
Nous dormirons longtemps“.....

Разумѣется, если прогрессъ будетъ зависѣть только отъ того „подручнаго средства“, на которое вы указываете, не скоро дожدهшься прогресса въ общественной жизни.

Какой тутъ, въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ, если, по мнѣнію опытныхъ людей, нельзя и не должно ничѣмъ замѣнять даже тѣлеснаго наказанія. Читатель помнитъ, что въ „Земледѣльческой Газетѣ“ это дѣло было поставлено на обсужденіе, подъ именемъ „хозяйственно-административнаго вопроса“, и что нѣкоторые просвѣщенные филантропы утверждали, что сельскому хозяину можно обходиться безъ помощи тѣлесныхъ наказаній. Мы думали, что такая надежда едва ли основательна; что люди съ исключительнымъ характеромъ, какъ г. Болтинъ и г. Каргопольцевъ, конечно могутъ управлять такъ, что тѣлесныя наказанія не оказываются нужными въ ихъ хозяйствѣ, но что исключенію не есть правило, и что люди съ обыкновеннымъ характеромъ, находясь въ положеніи гг. Болтина и Каргопольцева, не могутъ найти удобнымъ слѣдовать ихъ примѣру. Это мнѣніе подтверждается (въ № 86-мъ „Земледѣльческой Газеты“) словами г. П. Давыдова, корреспондента Вольнаго Экономическаго Общества.

„При предѣленіи мѣры наказанія (говорить г. Давыдовъ) со стороны наказывающаго требуется полное спокойствіе духа и разсудительность. Я говорю это потому, что есть проступки, которые взволновываютъ горячіе темпераменты до нѣкоторой забывчивости. Къ числу такихъ-то проступковъ принадлежатъ грубости и грубіяноство прислуги. Нельзя же согласиться съ тѣмъ, что не за всякую вину должно сѣчь крестьянина, я притомъ часто за одну и ту же вину двумъ разнымъ лицамъ не слѣдуетъ назначать тѣлесное наказаніе, если они имѣютъ между собою разницу въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Въ человѣкѣ, въ которомъ не вполне развиты нравственныя правила и въ которомъ они не вполне укоренились, управляютъ болѣе побужденія сердца, подъ влияніемъ страстей; оріентальныя картины, въ которыхъ являются такимъ натурамъ задуманные поступки, заставляютъ ихъ забывать правила честности и другія не укоренившіяся нравственныя качества. Они въ это время похожи на дѣтей, которымъ говорятъ „стыдно, стыдно“ и которыя, не усвоивъ понятія стыда, не перестаютъ упрямиться до тѣхъ поръ, пока не покажутъ малымъ буку, а большимъ розгу; розга не говоритъ стыдно, но дитя въ послѣдствіи, при словахъ стыдно, уже скорѣй понимаетъ это слово. Отъ чего же наказываютъ дѣтей? Оттого, что въ нихъ дѣйствуетъ физическая натура, а не умъ. Точно такъ же и въ человѣкѣ съ неразвитою духовною субстанціою дѣйствуетъ физическая его натура, не обуздываемая сознаниемъ разсудка, почему и слѣдуетъ противудѣйствовать этой натурѣ физически. По всемъ этимъ доводамъ, я какъ то смѣлѣе могу высказать мнѣніе мое, что нѣтъ надобности изобрѣтать новыя наказанія, а лучше заботиться о томъ, чтобы не впадать въ крайности: употребляя старыя наказанія, не превращать въ мечь, не сѣчь того, кому слѣдуетъ буку показать, и не показывать буку тому, котораго надо высѣчь, не назначать наказанія тотчасъ по открытіи проступка, потому что самъ назначающій можетъ быть взволнованъ и впасть въ крайность, и постоянно помнить слова Спасителя: „будьте милостивы, помилованы будете“.

Мнѣніе г. П. Давыдова очень практично. Гуманность г. П. Давыдова выразилась въ томъ, что при наказаніи онъ считаетъ нужнымъ полное спокойствіе духа и разсудительность въ наказывающемъ, и осуждаетъ „забывчивость горячихъ темпераментовъ“, хотя и признаетъ, что „грубости и грубіяноство прислуги“ вызываютъ на такую забывчивость. Дѣйствительно, человѣкъ, которому прислуга говоритъ грубости, очень достоинъ сожалѣнія; но странно то, что только у нѣкоторыхъ изъ насъ бываетъ такая прислуга. Въ Англіи и Франціи дѣло неслыханное, чтобы слуга былъ грубъ, онъ всегда деликатенъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда отвѣчаетъ оскорбленіемъ на оскорбленіе, но вѣдь это уже не грубость, а самозащита. Мы рѣдко слышали, чтобы и у насъ люди, имѣющіе наемныхъ служителей, жаловались на ихъ грубость, — слуги ихъ иногда плутуютъ, иногда лѣнятся, иногда придерживаются чарки (слабости, свойственныя не однимъ слугамъ); но грубость рѣдкій порокъ въ наемныхъ служителяхъ, а если онъ встрѣтится, то не подаетъ господину никакого повода къ мучительному волненію, доходящему до „забывчивости“: при первомъ неучтивомъ словѣ, господинъ говоритъ: „Тебѣ, вѣроятно, не угодно у меня служить, такъ чтожь? Иди себѣ, я тебя отпускаю“. И грубостей не бываетъ. Потому надобно думать, что если какой нибудь господинъ „волнуется“ отъ „грубіяноства“ своей прислуги, то напрасно онъ „волнуется“ — дѣло можно поправить безъ „забывчивости“. Пусть грубіянь слуга идетъ себѣ куда хочетъ, а баринъ пусть найметъ себѣ слугу, и навѣрное избавится отъ „грубіяноства“. Это средство, повидимому, неизвѣстно г. П. Давыдову; но тѣмъ не менѣе, г. П. Давыдовъ человѣкъ очень гуманный: онъ прямо говоритъ, что „не за всякую вину должно сѣчь

крестьянина“, и съ нимъ нельзя не согласиться. Напримѣръ, крестьянинъ десятью минутами опоздалъ па поле, — вѣдь это, если хотите, ужъ вина беременная баба жала десятью снопами меньше другихъ, небеременныхъ бабъ.—это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдовъ такъ гуманенъ, что, вѣроятно, не считаетъ приличнымъ стѣчь за тѣхъ вина. Тутъ довольно побранить и наложить лишній урокъ. Иное дѣло, если эта баба на справедливый упрекъ и „душеспасительное слово“ ответить грубо— ну, тогда другое дѣло, тутъ хорошо ужъ и то, если ве „взвинуешься до забывчивости“, и съ спокойствіемъ духа исполнишь наказаніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, съ чего взяли эти филантропы, будто тѣлесное наказаніе не совсѣмъ похвальная административная мѣра? Что такое наивнѣе крестьянинъ?— Это человѣкъ, въ которомъ еще „не вполне развиты нравственные чувства“, — то есть въ немъ еще „неразвита духовная субстанція“ потому въ немъ дѣйствуютъ не сознаніе, а „физическая натура“, и становится очевидно, что этой натурѣ „слѣдуетъ противодействовать физически“— это совершенно справедливо и очень хорошо; жаль только одного: зачѣмъ г. П. Давыдовъ думаетъ, что чувство стыда, чувство чести укрѣпляется тѣлеснымъ наказаніемъ? Въ томъ, что оно „физически противодействуетъ натурѣ“, никто не усомнится; но каждый, знакомый съ природою человѣка, знаетъ, что оно убиваетъ чувство чести и совѣсти, отнимая у человека благородную гордость человѣческимъ достоинствомъ, унижая человека въ собственныхъ глазахъ. Человѣкъ, такъ или иначе побитый, считаетъ свою честь утраченною, ему уже нечего терять: драгоцннѣйшее, что было у него, отнято у него, ему ужъ нечѣмъ больше дорожить; отъ дальнѣйшихъ проступковъ онъ удерживается уже не чувствомъ совѣстливости, какъ прежде, не опасіемъ унижить свое человѣческое достоинство, — нѣтъ, только страхомъ физической боли, — вы сами поступили съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ животнымъ, и кто же виноватъ, если онъ будетъ теперь дѣйствовать какъ звѣрь? Чувство физической боли вы дѣлаете единственною уздою для него, подумайте же, выигрываетъ ли отъ того наше спокойствіе и общая безопасность? Вѣдь эта узда могла быть еще сколько нибуть дѣйствительна тогда, когда существовали пытки, ломаніе членовъ, отрубаніе рукъ и ногъ, выкалываніе глазъ, — это воочию дѣйствительно страшныя, по вѣд. согласитесь, теперь онъ уже не въ нашемъ распоряженіи; вы можете пугать только „сѣчеіемъ“ — а это развѣ такъ страшно? Нервы ребенка не имѣютъ той крѣпости, какъ нервы взрослога, воля ребенка боязлива и мягче; однакоже каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, какъ скоро ребенокъ, котораго воспитываютъ розгою, перестаетъ бояться розги, какъ скоро доходитъ онъ до того, что гордится упрямымъ равнодушіемъ подъ розгою, пачнаетъ даже самъ съ ожесточеніемъ напрашиваться на нее, находя въ упрямомъ перенесеніи ударовъ больше удовольствія, нежели страданія. Это ребенокъ, существо робкое, слабое, а вы думаете удержать розгою закаленного физическими лишостіями, зноемъ и холодомъ, взрослога мужика? — Ему эта боль шутка, онъ боится только стыда; но прикосновеніе розги убиваетъ въ немъ стыдъ, и чѣмъ вы тогда его удержите?

И о такихъ вещахъ надобно еще спорить! Говорите же о прогрессѣ!

«И эти споры прогрессъ, то прогрессъ достойный монгольскихъ степей, а Европейской Россіи; время какое нибудь Тимуръ-Култука, а не IX вѣка.

А прогрессъ всетаки есть, хотя и усомнишься въ немъ на нѣсколько минутъ. Прочитай статью въ родѣ написанной г. П. Давыдовымъ, хотя даешь на нѣсколько минутъ въ наклонность отрицать даже возможность прогресса, прочитай прозекты о томъ, какіе „подручные способы“ достаточны для исправленія общественныхъ недостатковъ; о томъ, что если написано нѣсколько статей, „казнящихъ“ тотъ или другой порокъ, то и сдѣлано уже все нужное для его уничтоженія; что если общественное мнѣніе осуждаетъ вѣстныя поступки, то и желать уже нечего: все пойдетъ прекрасно. Таковы ушія и поверхностныя надежды отнимаютъ на время всякую увѣренность въ прогрессъ. Думаешь: какими же силами онъ будетъ совершаться, и люди, его желающіе, считаютъ достаточными для его совершенія статьи въ журналахъ?

Но посмотрите, съ другой стороны, какъ онъ, независимо отъ воли, совершается даже тѣми людьми, которые вовсе не думаютъ о немъ, или, если думаютъ, то развѣ за тѣмъ, чтобы пріекивать средства задержать его, — слова укрѣпляется убѣжденіе въ его неизбежности. Одинъ хлопочетъ объ удовлетвореніи своего корыстолюбія, другой объ удовлетвореніи своего тщесловія, — и всѣми ихъ хлопотами пользуется исторія, чтобы извлечь что нибудь доброе изъ дѣйствій, направляемыхъ вовсе не заботою о добрѣ, а честоугодіемъ, иногда и очень грубымъ, извлечь какую нибудь пользу же изъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли цѣлью вредъ. Напримѣръ, конечно не изъ особенной любви къ Россіи послали Людовикъ-Наполеонъ и Ульмерстонъ свои войска къ Севастополю, — напротивъ, они хотѣли нанести какъ можно больше вреда, — и дѣйствительно, много нанесли вреда, а теперь всѣ мы видимъ, что война принесла довольно значительную пользу Россіи. Правда, такой путь прогресса и тяжелъ и медлителенъ, но чтожъ думать, когда онъ всетаки самый надежный путь. Благородный мечтатель жальтъ о томъ, что почти все добро, дѣлающееся на землѣ, дѣлается непредназначенно, не по доброй волѣ людей, а силою обстоятельствъ; онъ можетъ мечтать о томъ, какъ несравненно больше добра произвели бы добродѣтели, если бы направлены были прямо къ добру, а не къ лѣни, къ пустымъ или эгоистичнымъ. Но когда находишь въ себѣ спокойствіе, смотришь на настоящее, какъ на историческую эпоху, а не какъ на источникъ собственныхъ надеждъ и разочарованій, тогда видишь, что и въ настоящемъ дѣйствуютъ тѣ же законы, по которымъ вѣчно совершалось движеніе впередъ; и переставая надѣяться при своей жизни дожидаться исполненія хотя сотои части того, что желалъ бы видѣть исполнившимся, тѣмъ болѣе увѣряешься, что всетаки кое-какъ и кое-что улучшается, развивается. Исторія, если хотите, разочаровываетъ человѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ даетъ ему въ извѣстномъ смыслѣ оптимизмъ. Многого не ждешь ни отъ себя, ни отъ другихъ, за то отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами.

Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, промышленное направленіе, все таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи

крестьянина“, и съ нимъ нельзя не согласиться. Напримѣръ, крестьянинъ десятью минутами опоздалъ на поле, — вѣдь это, если хотите, ужъ ввѣдъ беременная баба сжала десятью снопами меньше другихъ, небеременная баба,—это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдовъ такъ гуманенъ, что, вѣроятно, по считаетъ приличнымъ свѣчь за тѣшя вины. Тутъ довольно побранить и наложить лишій урокъ. Иное дѣло, если эта баба на справедливый упрекъ и „душеспасительное слово“ отвѣтитъ грубо— ну, тогда другое дѣло, тутъ хорошо ужъ и то, если не „взвѣнуешься до забывчивости“, и съ спокойствіемъ духа исполнишь наказаніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, съ чего взяли эти филантропы, будто тѣлесное наказаніе не совсѣмъ похвальная административная мѣра? Что такое наказаніе крестьянина?—Это человѣкъ, въ которомъ еще „не вполне развиты нравственныя чувства“, — то есть въ немъ еще „неразвита духовная субстанція“, потому въ немъ дѣйствуютъ не сознанію, а „физическая натура“, и становится очевидно, что этой натурѣ „слѣдуетъ противодѣйствовать физически“— это совершенно справедливо и очень хорошо; жаль только одного: зачѣмъ г. П. Давыдовъ думаетъ, что чувство стыда, чувство чести укрѣпляется тѣлеснымъ наказаніемъ? Въ томъ, что оно „физически противодѣйствуетъ натурѣ“, никто не усомнится; но каждый, знакомый съ природою человѣка, знаетъ, что оно убиваетъ чувство чести и совѣсти, отнимая у человѣка благородную гордость человѣческимъ достоинствомъ, унижая человѣка въ собственныхъ глазахъ. Человѣкъ, такъ или иначе побитый, считаетъ свою честь утраченною, ему уже нечего терять: драгоцѣннѣйшее, что было у него, отнято у него, ему ужъ нечѣмъ больше дорожить; отъ дальнѣйшихъ проступковъ онъ удерживается уже не чувствомъ совѣстливости, какъ прежде, не опасеніемъ унижить свое человѣческое достоинство, — нѣтъ, только страхомъ физической боли,—вы сами поступили съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ животнымъ, и кто же виноватъ, если онъ будетъ теперь дѣйствовать какъ звѣрь? Чувство физической боли вы дѣлаете единственною уздою для него, подумайте же, выигрываетъ ли отъ того ваше спокойствіе и общая безопасность? Вѣдь эта узда могла быть еще сколько нибудь дѣйствительна тогда, когда существовали пытки, ломаніе членовъ, отрубаніе рукъ и погъ, выкалываніе глазъ,—это вещи дѣйствительно страшныя, но вѣдь согласитесь, теперь онъ уже не въ нашемъ распоряженіи; вы можете играть только „свѣченіемъ“—а это развѣ такъ страшно? Нервы ребенка не имѣютъ той крѣпости, какъ нервы взрослога, воля ребенка боязливѣе и мягче; однакоже каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, какъ скоро ребенокъ, котораго воспитываютъ розгою, перестаетъ бояться розги, какъ скоро доходить онъ до того, что гордится упрямымъ равнодушіемъ подъ розгою, начинаетъ даже самъ съ ожесточеніемъ напрашиваться на нее, находя нѣ въ упрямомъ перенесеніи ударовъ больше удовольствія, нежели страданія. Это ребенокъ, существо робкое, слабое, а вы думаете удержать розгою закаленного физическими лишеніями, зноемъ и холодомъ, взрослога мужика?— Ему эта боль шутка, онъ боится только стыда; но прикосновеніе розги убиваетъ въ немъ стыдъ, и чѣмъ вы тогда его удержите?

И о такихъ вещахъ надобно еще спорить! Говорите же о прогрессѣ!

ли эти споры прогрессъ, то прогрессъ достойный монгольскихъ степей, а Европейской Россіи; времяъ какогонибудь Тимуръ-Култука, а не IX вѣка.

А прогрессъ всетаки есть, хотя и усомнишься въ немъ на нѣсколько вѣтъ, прочитавъ статейку въ родѣ написанной г. П. Давыдовымъ, хотя даешь ва нѣсколько минутъ въ наклонность отрицать даже возможность, прочитавъ проэскты о томъ, кашіе „подручные способы“ достаточны для правленіи общественныхъ недостатковъ; о томъ, что если написано нѣмько статей, „казнящихъ“ тотъ или другой порокъ, то и сдѣлано уже вужное для его уничтоженія; что если общественное мнѣшіе осуждаетъ вѣстные поступки, то и желать уже нечего: все пойдетъ прекрасно. Та-узкія и поверхностныя надежды отнимаютъ на время всякую увѣренность въ прогрессъ. Думаешь: какими же силами онъ будетъ совершаться, и люди, его желающіе, считаютъ достаточными для его совершенія статьи въ журналахъ?

Но посмотрите, съ другой стороны, какъ онъ, независимо отъ воли, жершается даже тѣми людьми, которые вовсе не думаютъ о немъ, или, и думаютъ, то развѣ за тѣмъ, чтобы прішкивать средства задержать его, — снова укрѣпляется убѣжденіе въ его неизбѣжности. Одинъ хлопочетъ объ овлетвореніи своего корыстолюбія, другой объ удовлетвореніи своего тщесвія, — и всѣми ихъ хлопотами пользуется исторія, чтобы извлечь что ниль доброе изъ дѣйствій, направляемыхъ вовсе не заботою о добрѣ, а сто эгоизмомъ, иногда и очень грубымъ, извлечь какуюнибудь пользу же изъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли цѣлью вредъ. Напримѣръ, ко-тво не изъ особенной любви къ Россіи послали Людовикъ-Наполеонъ и цѣмерстонъ свои войска къ Севастополю, — напротивъ, они хотѣли нанести какъ можно больше вреда, — и дѣйствительно, много нанесли вреда, а ерь всѣ мы видимъ, что война принесла довольно значительную пользу еш. Правда, такой путь прогресса и тяжелъ и медлителенъ, по чтожь лать, когда онъ всетаки самый надежный путь. Благородный мечтатель кетъ жалѣть о томъ, что почти все добро, дѣлающееся на землѣ, дѣ-ется непреднамеренно, не по доброй волѣ людей, а силою обстоятельствъ; ь можетъ мечтать о томъ, какъ несравненно больше добра произвели бы овѣческія усилія, если бы направлены были прямо къ добру, а не къ лямъ пустымъ или эгоистичнымъ. Но когда находишь въ себѣ спокойствіе смотрѣть на настоящее, какъ на историческую эпоху, а не какъ на источ-къ собственныхъ надеждъ и разочарованій, тогда видишь, что и въ на-мещемъ дѣйствуютъ тѣ же законы, по которымъ вѣчно совершалось дви-шіе впередъ; и переставая надѣяться при своей жизни дожидаться испол-нія хотя сотой части того, что желалъ бы видѣть исполнившимся, тѣмъ ьпче увѣряешься, что всетаки кое-какъ и кое-что улучшается, разви-ется. Исторія, если хотите, разочаровываетъ человѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ ьщаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ оптимистомъ. Многаго не ждешь ни отъ го, за то отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами.

Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, мышлепное направлеше, все таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи

крестьянина“, и съ нимъ нельзя не согласиться. Напримѣръ, крестьянинъ десятью минутами опоздалъ на поле, — вѣдь это, если хотите, ужъ и беременная баба сжала десятью снопами меньше другихъ, небеременная баба,—это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдовъ такъ гуманенъ, что, вѣроятно, по считаетъ приличнымъ съчъ за нія вины. Тутъ довольно побранить и наложить лишній урокъ. Иное дѣло, если эта баба на справедливый упрекъ и „душеспасительное слово“ отвечаетъ грубо— ну, тогда другое дѣло, тутъ хорошо ужъ и то, если не „взвнуешья до забывчивости“, и съ спокойствіемъ духа исполнишь наказаніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, съ чего взяли эти филантропы, будто тѣлесное наказаніе не совсѣмъ похвальная административная мѣра? Что такое наказаніе крестьянина?— Это человѣкъ, въ которомъ еще „не вполне развиты нравственныя чувства“, — то есть въ немъ еще „неразвита духовная субстанція“ потому въ немъ дѣйствуетъ не созпанію, а „физическая натура“, и становится очевидно, что этой натурѣ „елѣдуотъ противодѣйствовать физически“ это совершенно справедливо и очень хорошо; жаль только одного: зачемъ г. П. Давыдовъ думаетъ, что чувство стыда, чувство чести укрѣпляется тѣлеснымъ наказаніемъ? Въ томъ, что оно „физически противодѣйствуетъ натурѣ“, никто не усомнится; но каждый, знакомый съ природою человѣка знаетъ, что оно убиваетъ чувство чести и совѣсти, отнимая у человѣка благородную гордость человѣческимъ достоинствомъ, унижая человѣка въ собственныхъ глазахъ. Человѣкъ, такъ или иначе побитый, считаетъ свою честь утраченною, ему уже нечего терять: драгоцѣннѣйшее, что было у него, отнято у него, ему ужъ нечѣмъ больше дорожить; отъ дальнѣйшихъ ироступковъ онъ удерживается уже не чувствомъ совѣстливости, какъ прежде, не опасеніемъ унижить свое человѣческое достоинство, — нѣтъ, только страхомъ физической боли,—вы сами поступили съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ животнымъ, и кто же виновать, если онъ будетъ теперь дѣйствовать какъ звѣрь? Чувство физической боли вы дѣлаете единственною уздою для него, подумайте же, выигрываетъ ли отъ того ваше спокойствіе и общая безопасность? Вѣдь эта узда могла быть еще сколько нибудь действительна тогда, когда существовали пытки, ломаніе членовъ, отрубаніе рукъ и погъ, выкалываніе глазъ,—это воцци дѣйствительно страшныя, по этимъ согласится, теперь онъ уже не въ нашемъ распоряженіи; вы можете пугать только „сѣченіемъ“ — а это развѣ такъ страшно? Нервы ребенка вѣимѣютъ той крѣпости, какъ нервы взрослога, воля ребенка боязлива и мягчо; однакоже каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, какъ скоро ребенокъ, котораго воспитываютъ розгою, порестаетъ бояться розги, какъ скоро доходить онъ до того, что гордится упрямымъ равнодушіемъ подъ розгою, начинаетъ даже самъ съ ожесточеніемъ напрашиваться на нее, находя въ упрямомъ перенесеніи ударовъ больше удовольствія, нежели страданія. Это ребенокъ, существо робкое, слабое, а вы думаете удоржать розгою закаленного физическими лишеніями, зноемъ и холодомъ, взрослога мужика?— Ему эта боль шутка, онъ боится только стыда; но прикосновеніе розги убиваетъ въ немъ стыдъ, и чѣмъ вы тогда его удержите?

И о такихъ вещахъ надобно еще спорить! Говорите же о прогрессѣ!

ли эти споры прогрессъ, то прогрессъ достойный монгольскихъ степей, а Европейской Россіи; время какоенибудь Тимуръ-Култука, а не IX вѣка.

А прогрессъ всетаки есть, хотя и усомнишься въ немъ на нѣсколько минутъ, прочитавъ статейку въ родѣ написанной г. П. Давыдовымъ, хотя и даешь на нѣсколько минутъ въ наклонность отрицать даже возможность прочитавъ проекты о томъ, кашіе „подручные способы“ достаточны для правленія общественныхъ недостатковъ; о томъ, что если написано нѣсколько статей, „казначишихъ“ тотъ или другой порокъ, то и сдѣлано уже нужное для его уничтоженія; что если общественное мнѣніе осуждаетъ вѣстные поступки, то и желать уже нечего: все пойдетъ прекрасно. Та узкія и поверхностныя надежды отнимаютъ на время всякую увѣренность въ прогрессъ. Думаешь: какими же силами онъ будетъ совершаться, ш люди, его желающіе, считаютъ достаточными для его совершенія статьи въ журналахъ?

Но посмотрите, съ другой стороны, какъ онъ, независимо отъ воли, совершается даже тѣми людьми, которые вовсе не думаютъ о немъ, или, ш думаютъ, то развѣ за тѣмъ, чтобы пріискивать средства задержать его, — слова укрѣпляется убѣжденіе въ его неизбѣжности. Одинъ хлопочетъ объ удовлетвореніи своего корыстолюбія, другой объ удовлетвореніи своего тщесвія, — и всѣми ихъ хлопотами пользуется исторія, чтобы извлечь что нибудь доброе изъ дѣйствій, направляемыхъ вовсе не заботою о добрѣ, а честоэгоизмомъ, иногда и очень грубымъ, извлечь какуюнибудь пользу же изъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли цѣлью вредъ. Напримѣръ, конечно не изъ особенной любви къ Россіи послали Людовикъ-Наполеонъ и Альберстонъ свои войска къ Севастополю, — напротивъ, они хотѣли нанести какъ можно больше вреда, — и дѣйствительно, много нанесли вреда, а перь всѣ мы видимъ, что война принесла довольно значительную пользу Россіи. Правда, такой путь прогресса и тяжелъ и медлителенъ, но чтожъ думать, когда онъ всетаки самый надежный путь. Благородный мечтатель жальтъ о томъ, что почти все добро, дѣлающееся на землѣ, дѣлается непредназначенно, не по доброй волѣ людей, а силою обстоятельствъ; онъ можетъ мечтать о томъ, какъ несравненно больше добра произвели бы ловѣческія усилія, если бы направлены были прямо къ добру, а не къ лямъ пустымъ или эгоистичнымъ. Но когда находишь въ себѣ спокойствіе смотрѣть на настоящее, какъ на историческую эпоху, а не какъ на источникъ собственныхъ надеждъ и разочарованій, тогда видишь, что и въ настоящемъ дѣйствуютъ тѣ же законы, по которымъ вѣчно совершалось двѣшеніе впередъ; и переставая надѣяться при своей жизни дожидаться исполненія хотя сотою части того, что желалъ бы видѣть исполнившимся, тѣмъ тѣпче увѣряешься, что всетаки кое-какъ и кое-что улучшается, развивается. Исторія, если хотите, разочаровываетъ человѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ заставляетъ его въ извѣстномъ смыслѣ оптимистомъ. Многого не ждешь ни отъ го, за то отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами.

Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, промышленное направленіе, все таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи

крестьянина“, и съ нимъ нельзя не согласиться. Напримѣръ, крестьянинъ, десятью минутами опоздалъ на поле, — вѣдь это, если хотите, ужъ вина; беременная баба сжала десятью свопами меньше другихъ, небеременныхъ бабъ,—это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдовъ такъ гуманенъ, что, вѣроятно, по считаетъ приличнымъ съчъ зачтѣннѣ вина. Тутъ довольно побранить и наложить лишній урокъ. Иное дѣло, если эта баба на справедливый упрекъ и „душеспасительное слово“ отвѣтитъ грубо— ну, тогда другое дѣло, тутъ хорошо ужъ и то, если не „взвѣнуешья до забывчивости“, и съ спокойштемъ духа исполнишь наказаніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, съ чего взяли эти филантропы, будто тѣлесное наказаніе не совсѣмъ похвальная административная мѣра? Что такое нашъ крестьянинъ?—Это человѣкъ, въ которомъ еще „не вполне развиты нравственныя чувства“, — то есть въ немъ еще „неразвита духовная субстанція“, потому въ немъ дѣйствуетъ не сознаніе, а „физическая натура“, и стало быть очевидно, что этой натурѣ „слѣдуетъ противоѣствовать физически“— это совершенно справедливо и очень хорошо; жаль только одного: зачѣмъ г. П. Давыдовъ думаетъ, что чувство стыда, чувство чести укрѣпляется тѣлеснымъ наказаніемъ? Въ томъ, что оно „физически противоѣствуетъ натурѣ“, никто не усомнится; но каждый, знакомый съ природою человѣка, знаетъ, что оно убиваетъ чувство чести и совѣсти, отнимая у человѣка благородную гордость человѣческимъ достоинствомъ, унижая человѣка въ собственныхъ глазахъ. Человѣкъ, такъ или иначе побитый, считаетъ свою честь утраченною, ему уже нечего терять: драгоцѣннѣйшее, что было у него, отнято у него, ему ужъ нечѣмъ больше дорожить; отъ дальнѣйшихъ проступковъ онъ удерживается уже не чувствомъ совѣстливости, какъ прежде, не опасеніемъ унижить свое человѣческое достоинство, — нѣтъ, только страхомъ физической боли,—вы сами поступили съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ животнымъ, и кто же виноватъ, если онъ будетъ теперь дѣйствовать какъ звѣрь? Чувство физической боли вы дѣлаете единственною уздою для него, подумайте же, выигрываетъ ли отъ того ваше покоеніе и общая безопасность? Вѣдь эта узда могла быть еще сколько нибудь дѣйствительна тогда, когда существовали пытки, ломаше членовъ, отрубаніе рукъ и погъ, выкалываніе глазъ,—это воши дѣйствительно страшныя, но вѣдь согласитесь, теперь онѣ уже не въ нашемъ распоряженіи; вы можете пугать только „сѣченіемъ“—а это развѣ такъ страшно? Нервы ребенка не имѣють той крѣпости, какъ нервы взрослога, воля ребенка боязлива и мягчо; однакоже каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, какъ скоро ребенокъ, котораго воспитываютъ розгою, перестаетъ бояться розги, какъ скоро доходитъ онъ до того, что гордится упрямымъ равнодушіемъ подъ розгою, начинаетъ даже самъ съ ожесточеніемъ напрашиваться на нее, находя въ упрямомъ перенесеніи ударовъ больше удовольствія, нежели страданія. Это ребенокъ, существо робкое, слабое, а вы думаете удержать розгою закаленнаго физическими лишеніями, зноемъ и холодомъ, взрослога мужика?— Емъ эта боль шутка, онъ боится только стыда; но прикосновеніе розги убиваетъ въ немъ стыдъ, и чѣмъ вы тогда его удержите?

И о такихъ вещахъ надобно еще спорить! Говорите же о прогресѣ!

ли эти споры прогреешь, то прогрессъ достойный монгольскихъ степей, а Европейской Россіи; времянь какого нибудь Тимуръ-Култука, а не IX вѣка.

А прогрессъ всетаки есть, хотя и усомнишься въ немъ на нѣсколько вѣтъ, прочитайвъ статейку въ родѣ написанной г. П. Давыдовымъ, хотя адаешь на нѣсколько минутъ въ наклонность отрицать даже возможность, прочитайвъ проэскты о томъ, каніе „подручные способы“ достаточны для правленіи общественныхъ недостатковъ; о томъ, что если написано нѣсколько статей, „казначихъ“ тотъ или другой порокъ, то и сдѣлано уже нужное для его уничтоженія; что если общественное мнѣніе осуждаетъ вѣстныя поступки, то и желать уже нечего: все пойдетъ прекрасно. Та узкія и поверхностныя надежды отнимають на время всякую увѣренность въ прогрессъ. Думаешь: какими же силами онъ будетъ совершаться, и люди, его желающіе, считаютъ достаточными для его совершенія статьи въ журналахъ?

Но посмотрите, съ другой стороны, какъ онъ, независимо отъ воли, жршается даже тѣми людьми, которые вовсе не думаютъ о немъ, или, и думаютъ, то развѣ за тѣмъ, чтобы пріискивать средства задержать его, — снова укрѣпляется убѣжденіе въ его неизбѣжности. Одинъ хлопочетъ объ овлетвореніи своего корыстолюбія, другой объ удовлетвореніи своего тщесія, — и всѣми ихъ хлопотами пользуется исторія, чтобы извлечь что нибудь доброе изъ дѣйствій, направляемыхъ вовсе не заботою о добрѣ, а кто эгоизмомъ, иногда и очень грубымъ, извлечь какую нибудь пользу же изъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли цѣлью вредъ. Напримѣръ, конечно не изъ особенной любви къ Россіи послали Людовикъ-Наполеонъ и Пьермонъ свои войска къ Севастополю, — напротивъ, они хотѣли нанести какъ можно больше вреда, — и дѣйствительно, много нанесли вреда, а перь всѣ мы видимъ, что война принесла довольно значительную пользу Россіи. Правда, такой путь прогресса и тяжелъ и медлителенъ, но чтожь лать, когда онъ всетаки самый надежный путь. Благородный мечтатель жальтъ о томъ, что почти все добро, дѣлающееся на землѣ, дѣлается непредназначенно, не по доброй волѣ людей, а силою обстоятельствъ; жальтъ мечтать о томъ, какъ несравненно больше добра произвели бы любѣщія усилія, если бы направлены были прямо къ добру, а не къ злу, къ пустымъ или эгонистичнымъ. Но когда находишь въ себѣ спокойствіе смотрѣть на настоящее, какъ на историческую эпоху, а не какъ на источникъ собственныхъ надеждъ и разочарованій, тогда видишь, что и въ настоящемъ дѣйствуютъ тѣ же законы, по которымъ вѣчно совершалось движеніе впередъ; и переставалъ надѣяться при своей жизни дожидаться исполненія хотя сотою части того, что желалъ бы видѣть исполненнымъ, тѣмъ бѣе увѣряешься, что всетаки кое-какъ и кое-что улучшается, развивается. Исторія, если хотите, разочаровываетъ человѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ заставляетъ его въ извѣстномъ смыслѣ оптимистомъ. Многого не ждешь ни отъ него, за то отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами.

Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, промышленное направленіе, все таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи

крестьянина“, и съ нимъ нельзя не согласиться. Напримѣръ, крестьянинъ десятью минутами опоздалъ на поле, -- вѣдь это, если хотите, ужъ вина; беременная баба сжала десятью снопами меньше другихъ, небеременныхъ бабъ.--это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдовъ такъ гуманенъ, что, вѣроятно, по считаетъ приличнымъ съчь за такія вины. Тутъ довольно побранить и наложить лишній урокъ. Иное дѣло, если эта баба на справедливый упрекъ и „душеспасительное слово“ отвѣтитъ грубо— ну, тогда другое дѣло, тутъ хорошо ужъ и то, если не „взволнуешься до забывчивости“, и съ спокойствіемъ духа исполнишь наказаніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, съ чего взяли эти филантропы, будто тѣлесно наказаніе не совсѣмъ похвальная административная мѣра? Что такое нашъ крестьянинъ?—Это человѣкъ, въ которомъ еще „не вполне развиты нравственные чувства“, -- то есть въ немъ еще „неразвита духовная субстанція“. потому въ немъ дѣйствуютъ не сознаніе, а „физическая натура“, и стало быть очевидно, что этой натурѣ „слѣдуетъ противодѣйствовать физически“ -- это совершенно справедливо и очень хорошо; жаль только одного: зачѣмъ г. П. Давыдовъ думаетъ, что чувство стыда, чувство чести укрѣпляется тѣлеснымъ наказаніемъ? Въ томъ, что оно „физически противодѣйствуетъ натурѣ“, никто не усомнится; но каждый, знакомый съ природою человѣка, знаетъ, что оно убиваетъ чувство чести и совѣсти, отнимая у человѣка благородную гордость человѣческимъ достоинствомъ, унижая человѣка въ собственныхъ глазахъ. Человѣкъ, такъ или иначе побитый, считаетъ свою честь утраченною, ему уже нечего терять: драгоцѣннѣйшее, что было у него, отнято у него, ему ужъ нечѣмъ больше дорожить; отъ дальнѣйшихъ проступковъ онъ удерживается уже не чувствомъ совѣстливости, какъ прежде, не опасеніемъ унижить свое человѣческое достоинство, -- нѣтъ, только страхомъ физической боли, -- вы сами поступили съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ животнымъ, и кто же виноватъ, если онъ будетъ теперь дѣйствовать какъ звѣрь? Чувство физической боли вы дѣлаете единственною уздою для него, подумайте же, выигрываетъ ли отъ того ваше спокойствіе и общая безопасность? Вѣдь эта узда могла быть еще сколько нибудь дѣйствительна тогда, когда существовали пытки, ломаніе членовъ, отрубаніе рукъ и ногъ, выкалываніе глазъ, -- это воци дѣйствительно страшныя, по вѣдь согласитесь, теперь онъ уже не въ нашемъ распоряженіи; вы можете пугать только „сѣчюшiemъ“ -- а это развѣ такъ страшно? Нервы ребенка не имѣютъ той крѣпости, какъ нервы взрослога, воля ребенка боязливѣе и мягче; однакоже каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, какъ скоро ребенокъ, котораго воспитываютъ розгою, перестаетъ бояться розги, какъ скоро доходитъ онъ до того, что гордится упрямымъ равнодушіемъ подъ розгою, начинаетъ даже самъ съ ожесточеніемъ напрашиваться на нее, находя въ упрямомъ перенесеніи ударовъ больше удовольствія, нежели страданія. Это ребенокъ, сущестно робкое, слабое, а вы думаете удержать розгою закаленного физическими лишоціями, зноемъ и холодомъ, взрослога мужика? -- Ему эта боль шутка, онъ боится только стыда; но прикосновеніе розги убиваетъ въ немъ стыдъ, и чѣмъ вы тогда ого удержите?

И о такихъ вещахъ надобно еще спорить! Говорите же о прогрессѣ!

Если эти споры прогреются, то прогрессъ достойный монгольскихъ степей, а не Европейской Россіи; времяъ какогонибудь Тимуръ-Култука, а не XIX вѣва.

А прогрессъ всетаки есть, хотя и усомнишься въ немъ на нѣсколько минутъ, прочитавъ статейку въ родѣ написанной г. П. Давыдовымъ, хотя выпадаешь на нѣсколько минутъ въ склонность отрицать даже возможность его, прочитавъ проэскты о томъ, кашіе „подручные способы“ достаточны для исправленіи общественныхъ недостатковъ; о томъ, что если написано нѣсколько статей, „казнящихъ“ тотъ или другой порокъ, то и сдѣлано уже все нужное для его уничтоженія; что если общественное мнѣшіе осуждаетъ извѣстные поступки, то и желать уже нечего: все пойдетъ прекрасно. Такія узшія и поверхностныя надежды отнимаютъ на время всякую увѣренность въ прогрессъ. Думаешь: какими же силами онъ будетъ совершаться, если люди, его желающіе, считаютъ достаточными для его совершенія статейки въ журналахъ?

Но посмотрите, съ другой стороны, какъ онъ, независимо отъ воли, совершается даже тѣми людьми, которые вовсе не думаютъ о немъ, или, если думаютъ, то развѣ за тѣмъ, чтобы прішквивать средства задержать его, — и снова укрѣпляется убѣжденіе въ его неизбѣжности. Одинъ хлопочетъ объ удовлетвореніи своего корыстолюбія, другой объ удовлетвореніи своего тщеславія, — и всѣми ихъ хлопотами пользуется исторія, чтобы извлечь чтонибудь доброе изъ дѣйствій, направляемыхъ вовсе не заботою о добрѣ, а просто згонэмомъ, иногда и очень грубымъ, извлечь какуюнибудь пользу даже изъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли цѣлью вредъ. Напримѣръ, конечно не изъ особенной любви къ Россіи послали Людовикъ-Наполеонъ и Пальмерстонъ свои войска къ Севастополю, — напротивъ, они хотѣли нанести ей какъ можно больше вреда, — и дѣйствительно, много нанесли вреда, а теперь всѣ мы видимъ, что война принесла довольно значительную пользу Россіи. Правда, такой путь прогресса и тяжелъ и медлителенъ, но чтожъ дѣлать, когда онъ всетаки самый надежный путь. Благородный мечтатель ножотъ жалѣть о томъ, что почти все добро, дѣлающееся на землѣ, дѣлается непреднамѣренно, не по доброй волѣ людей, а силою обстоятельствъ; онъ можетъ мечтать о томъ, какъ несравненно больше добра произвели бы человѣческія усилія, если бы направлены были прямо къ добру, а не къ цѣлямъ пустымъ или эгонистичнымъ. Но когда находишь въ себѣ спокойствіе посмотрѣть на настоящее, какъ на историческую эпоху, а не какъ на источникъ собственныхъ надеждъ и разочарованій, тогда видишь, что и въ настоящемъ дѣйствуютъ тѣ же законы, по которымъ вѣчно совершалось движеніе впередъ; и переставая надѣяться при своей жизни дожидаться исполненія хотя сотой части того, что желать бы видѣть исполненнымъ, тѣмъ крѣпче увѣряешься, что всетаки кое-какъ и кое-что улучшается, развивается. Исторія, если хотите, разочаровываетъ человѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ оптимистомъ. Многого не ждешь ни отъ чего, за то отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами.

Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, промышленное направлѣніе, все таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи

многихъ прошлыхъ эпохъ. Начать хотя съ того, что это стремленіе дѣльное, а не праздное; стремленіе, вовсе не имѣющее въ виду ви чьей гибели — правда, оно губить многихъ, но только мимоходомъ, нечаянно, а не по умыслу, какъ многія изъ прежнихъ стремленій. Если войны, дипломатическія соперничества приносили свою пользу, если даже уничтоженіе Нантскаго эдикта принесло свою пользу, какъ открывается при точномъ изслѣдованіи, какъ же не принесетъ пользы мирное и трудолюбивое промышленное направленіе нашего вѣка? Быть можетъ, инымъ изъ насъ пріятнѣе было бы господство какого нибудь болѣе возвышеннаго стремленія, — но чего нѣтъ, того нѣтъ, а изъ того, что есть, болѣе всего добра приноситъ промышленное направленіе. Изъ него выходитъ и нѣкоторое содѣйствіе проевѣщенію, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; изъ него выходитъ и нѣкоторая забота о законности и правосудіи, потому что промышленности нужна безопасность; изъ него выходитъ и нѣкоторая забота о просторѣ для личности, потому что для промышленности нужно безпрепятственное обращеніе капиталовъ и людей. Побѣды Наполеона въ Испаніи и Германіи принесли нѣкоторую пользу этимъ странамъ, какъ же не принесутъ нѣкоторой пользы побѣды фабрикантовъ и инженеровъ, купцовъ и технологовъ?

Когда развивается промышленность, прогрессъ обеспеченъ. Съ этой точки, мы преимущественно и радуемся усиленію промышленнаго движенія у насъ. Съ каждымъ новымъ мѣсяцомъ намъ приходится записывать новые факты этого возрастанія. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время объемъ нашего пароходства опять расширился разрѣшеніемъ гварліи капитану г. Львову учредить буксирное и пассажирское пароходство по рѣкѣ Москвѣ, отъ города Москвы до впаденія рѣки въ Оку, по Окѣ отъ Орла и по Волгѣ отъ Твори до Симбирска и до Нижняго Новгорода. Пароходы будутъ съ очень малою осадкою, чтобы мелководіе не задерживало ихъ: волженіе и оконіе будутъ сидѣть въ водѣ только на 10 вершковъ, а москворѣцкіе только на 8 вершковъ.

10-го октября открыта была въ Кіевѣ выставка сельскихъ произведеній, на которой, по словамъ г. Ходскаго (въ статьѣ Кіевскихъ губернскихъ Вѣдомостей), находилось до 1,500 предметовъ, и особеннымъ богатствомъ отличалось отдѣленіе земледѣлія. Интересъ выставки возвышается тѣмъ, что большая часть экспонентовъ — государственные крестьяне, которые представили много замѣчательныхъ продуктовъ своихъ маленькихъ хозяйствъ. Нѣсколько раньше, 1 сентября, открыта была въ селѣ Воликомѣ (Ярославской губерніи, Ярославскаго уѣзда) выставка льняныхъ произведеній, на которой число нумеровъ представленныхъ издѣлій простиралось до 165. Большинство экспонентовъ были крестьяне села Великаго.

Кромѣ этихъ двухъ промышленныхъ извѣстій, изъ провинціальныхъ новостей заслуживаетъ вниманія открытіе женскаго училища въ Костромѣ.

— Долго не умѣли мы цѣнить заслуги людей, бывшихъ просвѣтителями нашего общества, по крайней мѣрѣ не умѣли ни чѣмъ выразить, что мы цѣнили ихъ заслуги. Едва ли по первый примѣръ того, что миновалось это время темной забывчивости или холоднаго равнодушія, предста-

вляеть учрежденіе стипендіи въ память Грановскаго. Товарищи и ученики покойнаго собрали на учрежденіе этой стипендіи 7.010 р. сер., и 27-го августа проектъ устава стипендіи удостоился Высочайшаго утвержденія. Она учреждается при Московскомъ Университетѣ и дается по выбору Историко-филологическаго факультета молодому челоуѣку, кончившему курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и желающему держать экзаменъ на высшую ученую степень при Московскомъ Университетѣ по историко-филологическому факультету, — дѣйствительному студенту, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень кандидата, кандидату, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень магистра, или магистру, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень доктора. Стипендія дается на два года. Такъ какъ позволяются дальнѣйшія пожертвованія на усиленіе стипендіи, то, когда сумма процентовъ съ пожертвованнаго капитала будетъ превосходить 300 р., отъ факультета будетъ зависѣть, назначить ли ее одному или раздѣлить двумъ лицамъ.

Память Грановскаго почтена достойнымъ образомъ. Теперь было бы время вспомнить о долгѣ нашемъ къ другимъ, о которыхъ каждый изъ насъ вспоминаетъ съ тѣмъ же чувствомъ признательности, какъ о Грановскомъ его многочисленные воспитанники. Пушкинъ, Бѣлинскій, Гоголь еще ждутъ того, чѣмъ справедливо почтенъ Грановскій: публичнаго выраженія памяти нашей о ихъ заслугахъ дѣлу русскаго развитія.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По обычаю, недавно возобновленному въ наней литературѣ, съ приближеніемъ Новаго года основываются новые журналы. Изъ нихъ одинъ долженъ обратить на себя особенное вниманіе публики, долженъ быть встрѣченъ съ особеннымъ сочувствіемъ, потому что безъ всякаго сомнѣнія составить важное приобрѣтеніе для дѣла нанего просвѣщенія. Читатель, конечно, угадываетъ, что мы говоримъ объ „Атеней“. Предсказывать ему такую прекрасную роль мы имѣемъ много основаній. Еще ни одинъ изъ нашихъ новыхъ журналовъ при своемъ возникновеніи не опредѣлялъ такъ ясно и точно цѣли, для осуществленія которой онъ появляется, и ни одинъ не говоритъ такъ благородно и скромно о средствахъ, которыми располагаетъ, о достоинствахъ, которыя надѣется имѣть; съ тѣмъ вмѣстѣ, рѣдко когда средства бывали такъ обширны, рѣдко когда цѣль избиралась такъ удачно. Уже однихъ этихъ качествъ было бы достаточно, для пробужденія увѣренности въ томъ, что новый журналъ будетъ отличаться высокими достоинствами. Для удовлетворенія какимъ потребностямъ какого именно круга читателей будетъ служить журналъ,—это обыкновенно прояснялось для самой редакціи вновь основываемаго журнала только уже въ продолженіе изданія, обыкновенно только вслѣдствіе случайнаго накопленія статей извѣстнаго рода и указаній со стороны читателей; мы помнимъ, какъ иногда журналъ, положимъ и прекрасный, бывалъ совершенно безхарактернымъ при своемъ началѣ, и только благодаря появленію двухъ — трехъ сотрудниковъ, которые почти безъ вѣдома, во всякомъ случаѣ, безъ заботъ со стороны редактора оживили его изданіе, принималъ опредѣленный характеръ, склонялся къ извѣстному направленію, положимъ и прекрасному, но приданному извнѣ, первоначально чуждому соображенію редактора. „Атеней“ будетъ не таковъ. Интересомъ своихъ стремленій онъ будетъ обязанъ не случаю, а сознательной заботливости своей редакціи; изъ его программы уже видно, что съ перваго же нумера онъ пойдетъ твердымъ, вѣрнымъ шагомъ по пути, зрѣло обдуманному.

Это важное достоинство, которымъ обладаютъ очень немногіе даже изъ журналовъ, успѣвшихъ занять первыя мѣста въ наней литературѣ. Каждый видитъ, что „Атеней“ будетъ имѣть его въ замѣчательной степени, но самъ „Атеней“ не выставляетъ его,—онъ очень умѣренъ, — по мнѣнію нѣкоторыхъ—слишкомъ умѣренъ въ своихъ обѣщаніяхъ, но это служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ замѣчательныхъ достоинствъ, которыми будетъ отлн-

чаться онъ. Умѣренность въ общашяхъ—лучшее ручательство внутренней силы, самоуваженія и уваженія къ публикѣ. Въ одномъ только случаѣ извѣщеніе объ изданіи „Атенея“, чуждое всякаго стремленія къ произведенію внѣшняго эффекта, представляется и по наружности блистательнымъ. — это въ спискѣ литераторовъ, сочувствіе и содѣйствіе которыхъ прибрѣтено журналомъ. Бывали иногда представляемы списки сотрудниковъ, гораздо болѣе длинные. но едва ли когда редакція русскаго журнала имѣла при самомъ началѣ издашя такое число такихъ замѣчательныхъ людей соучастниками своихъ трудовъ, едва ли когда какая редакція имѣла такой избранный кругъ сподвжниковъ. Легко набрать полтораста, если угодно триста именъ, — иные такъ и дѣлали, — но въ этой многочисленной толпѣ. изъ десяти именъ девять всегда, бывало, возбуждали въ читателѣ съ самостоятельнымъ мнѣшемъ только недоумѣніе, по какому счастью могутъ быть они полезны для достоинства журнала. Въ „Атенеѣ“ не то, — онъ насчитываетъ всего около тридцати именъ, за то въ этомъ ряду мы находимъ почти исключительно такихъ людей, какъ г. Анненковъ, Бабстъ, Безобразовъ, Буслаевъ, Галаховъ, Ѳ. Дмитріевъ, Ешевскій, Забѣлинъ, Кавелинъ, Каченовскій, Кетчеръ. В. Коршъ, Лонгиновъ, Н. Павловъ, Соловьевъ, Тихонравовъ, Чичеринъ, Щедринъ, — посредственность не найдетъ себѣ мѣста въ „Атенеѣ“; каждый изъ его сотрудниковъ хорошо извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ людей въ нашей литературѣ; это общество замѣчательныхъ писателей собралось вокругъ г. Е. Корша, и дѣйствительно, г. Е. Коршъ могъ быть умѣреннымъ въ обѣщаніяхъ, потому что безъ всякихъ обѣщаній читателю очевидно, какихъ прекрасныхъ достоинствъ надобно ожидать отъ „Атенея“.

Все это чувствуется каждымъ прочитавшимъ извѣщеніе объ основаніи „Атенея“. Но люди, близкіе къ литературному міру, знаютъ многое другое, еще болѣе подтверждающее ихъ увѣренность въ достоинствахъ новаго журнала. Мы не думаемъ, что нарушимъ принятые обычаи, если выскажемъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, до сихъ поръ оставшихся неизвѣстными для большинства читателей, далекихъ отъ личнаго соприкосновенія съ дѣятелями литературы. Е. Ѳ. Коршъ пользуется въ публикѣ почетною извѣстностью, какъ бывшій редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, которая при немъ сдѣлалась лучшею пзъ пашнхъ газетъ, не смотря на то, что средства, предоставленныя ему для веденія этого издашя, были незначительны въ сравненіи съ средствами, которыми располагали другія газеты, — не смотря на то, что онъ долженъ былъ бороться со множествомъ затруднѣній, отъ которыхъ избавлены были другіе редакторы, стоявшіе въ положеніи, болѣе независимомъ отъ постороннихъ вмѣшательствъ, препятствующихъ улучшеніямъ. Но не одинъ „Московскія Вѣдомости“ обязаны ему большею частью своего успѣха. Литераторамъ хорошо извѣстно, до какой степени его участіе содѣйствовало заслуженному успѣху многихъ другихъ періодическихъ изданій. „Библиотека для Чтенія“ въ лучшіе свои годы отъ него прибрѣтала значительную часть своихъ истинныхъ достоинствъ, между тѣмъ, какъ недостатки ея вносились въ нее противъ его воли, и по возможности уменьшались его противодѣйствіемъ. „Современникъ“ долженъ быть признателенъ къ его высоко полезному участію, и пользуется настоящимъ

случаемъ, чтобы публично выразить ему свою благодарность. „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ былъ нѣсколько лѣтъ веденъ имъ. Оставивъ эту должность для участія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, Е. Θ. Коршъ, въ томъ нѣтъ сомнѣшя, принесъ много пользы не только этому журналу, но и оживленію всей русской литературы въ послѣдшіе два года. Мы не считаемъ удобнымъ излагать свое мнѣше о ходѣ дѣлъ, принадлежавшихъ еще столь недавнему времени, но должны сказать, что Е. Θ. Коршъ, какъ одинъ изъ соучастниковъ редакціи „Русскаго Вѣстника“, оказалъ русской литературѣ важныя услуги, и усилія его въ это время не будутъ забыты исторіею нашей журналистики. Словомъ, если для каждаго читателя имя Е. Θ. Корша служить вѣрнымъ ручательствомъ въ достоинствахъ предпринимаемаго имъ журнала, то у людей, обращающихся между писателями, эта увѣренность еще гораздо сильнѣе, нежели въ массѣ публики, не столь близко знакомой съ подробностями литературныхъ дѣлъ.

Отъ личныхъ качествъ редактора обращаясь къ характеру участія, принимаемаго въ его журналѣ тѣмъ избраннымъ кругомъ сотрудниковъ, о которомъ говорили мы выше, мы находимъ возможнымъ указать читателямъ одинъ очень важный фактъ. Извѣстно, какими хлопотами со стороны редакціи основывающагося журнала, иногда пріобрѣтается сотрудничество писателей, которыми дорожатъ журналы, — тутъ не бываетъ недостатка въ просьбахъ, въ убѣжденіяхъ, иногда въ заискиваніяхъ. Ничего подобнаго не было при основаніи „Атенея“: каждый сотрудникъ только потому участвуетъ въ этомъ изданш, что самъ нашелъ честью или долгомъ для себя содѣйствовать своими трудами редактору, котораго уважаетъ, и журналу, цѣли и направленію котораго вполне сочувствуетъ. „Атенея“ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ журналовъ, основаніе которыхъ было слѣдствіемъ не личныхъ соображеній одного издателя, а потребностью многихъ лучшихъ людей въ нашей литературѣ, горячо преданныхъ новому органу ихъ идей, предмету ихъ глубокихъ симпатій. Нѣтъ надобности говорить, какая разница между сотрудничествомъ, выпрошеннымъ или навязаннымъ и сотрудничествомъ, возникающимъ изъ живаго сочувствія къ общему дѣлу. Надобно сказать только одно: именно самые извѣстные и самые талантливые между сотрудниками „Атенея“ съ наибольшимъ жаромъ преданы ему. Мы не считаемъ себя въ правѣ указывать ихъ, чтобы не оскорбить скромности ихъ и редактора, да это и не нужно: ихъ угадаетъ самъ читатель. Пусть только онъ выберетъ изъ именъ, перечисленныхъ нами выше, тѣ, которымъ наиболѣе сочувствуетъ лучшая часть публики, и онъ безъ ошибки узнаетъ самыхъ дѣятельныхъ и ревностныхъ между сподвижниками Е. Θ. Корша.

Въ одно время съ „Атенеемъ“ основывается въ Москвѣ другое предприятие, также заслуживающее всѣхъ добрыхъ желаній успѣха и процвѣтанія, также имѣющее несомнѣнную вѣроятность успѣха и процвѣтанія. Въ послѣднихъ числахъ ноября открытъ въ Москвѣ книжный магазинъ Н. М. Щепкина и Комп.

Кстати о матеріальныхъ отношеніяхъ нашей литературы. Въ ноябрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ напечатана превосходная статья: „Нѣсколько предложеній по устройству русскаго литературнаго фонда для

пособія нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга“. Мы рекомендуемъ вниманію читателя эти мысли, и желали бы, чтобы онѣ скорѣе приведены были въ исполненіе. Авторъ, скрывпий свое имя подъ буквою X., начинаетъ скромнымъ увѣреніемъ, что его статья только представляетъ „результатъ и сводъ всего, что говорилось и говорится при немъ по поводу „дѣла, которое, какъ ему кажется, должно имѣть самое благотворное вліяніе на судьбы русской литературы“ и которое „въ исходѣ прошлаго и началъ настоящаго года было предметомъ многихъ разеужденій въ литературныхъ и нелитературныхъ кругахъ“; что этою статьею онъ „только ставитъ вопросъ предъ глаза людей, болѣе свѣдущихъ“, и излагаетъ лишь одни бѣглыя и, тѣкъ сказать, „черновыя предположенія объ устройствѣ русскаго „Литературнаго Фонда“, доходы котораго, подъ наблюденіемъ небольшого числа „лицъ, особенно сочувствующихъ интересамъ родной словесности, распредѣлялись бы между писателями, отъ болѣзни, старости и другихъ подобныхъ „причинъ нуждающимися въ постоянномъ или временномъ пособіи“. Мы должны прибавить, что авторъ былъ и остается самымъ ревностнымъ распространителемъ благородной идеи, развитію которой посвящена его статья.

„Литературный Фондъ“ существуетъ въ Англіи подъ управленіемъ такихъ людей, какъ Диккенсъ, Тэккерей, Маколей; онъ располагаетъ очень значительными средствами и каждый годъ облегчаетъ участь многихъ достойныхъ ученыхъ и литераторовъ, подвергшихся тяжелымъ случайностямъ судьбы. Авторъ предлагаетъ способы устроить и у насъ нѣчто подобное, и дѣлаетъ приблизительную оцѣнку доходовъ, въ которые могло бы надѣяться такое учрежденіе въ Россіи. Способы эти, кромѣ единовременныхъ добровольныхъ пожертвованій, изъ которыхъ составилъ бы основной неприкосновенный капиталъ: добровольная уступка извѣстной части доходовъ, доставляемыхъ литературными предпріятіями писателямъ и издателямъ, публичныя чтенія, изданіе сборниковъ изъ статей, отдаваемыхъ „Литературному Фонду“ для этой цѣли, и т. д. Характеръ всѣхъ этихъ пожертвованій и услугъ долженъ быть непременно вполне добровольный; пусть только общественное мнѣніе и собственное сознаніе каждаго писателя о его обязанности побуждаютъ къ этому содѣйствію осуществленію доброй цѣли. Это такъ, иначе и быть не должно.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что еслибы мысль основать литературный фондъ была принята, почти не нанюсь бы между писателями и журналистами людей, которые уклонились бы отъ добровольнаго участія въ такомъ благородномъ дѣлѣ, и мы думаемъ, что ихъ собственное желаніе доставило бы „Литературному Фонду“ средства гораздо болѣе значительныя, нежели па канія разечитываетъ авторъ, который хочетъ ограничиться самыми умѣреннѣйшими надеждами. Возьмемъ одинъ только изъ указываемыхъ имъ источниковъ — нану журналистику. Авторъ говоритъ, что издатели журналовъ и газетъ, и писатели, участвующіе въ періодическихкихъ изданіяхъ, могутъ быть приглашены „Литературнымъ Фондомъ“ только къ такимъ пожертвованіямъ, которыя были бы для нихъ ни мало не обременительны, почти не чувствительны. Уступка „Литературному Фонду“ издателями по полу-проценту съ рубля подписной суммы, а писателями по одному проценту

съ гонорарія, кажется намъ крайнимъ предѣломъ умѣренности, кажется пожертвованіемъ совершенно нечувствительнымъ. Между тѣмъ, это одно уже доставитъ нѣсколько тысячъ рублей. Общій оборотъ суммъ, пускаемыхъ въ оборотъ подпискою на литературные журналы и газеты (спеціальныхъ періодическихъ изданій мы не считаемъ), простирается во всякомъ случаѣ не мѣнѣе, какъ до 600,000 руб.—по всей вѣроятности, цифра эта значительно больше. Полупроцентъ съ этого количества подписныхъ денегъ даетъ 3,000 руб. Изъ 600,000 руб., поступающихъ въ конторы періодическихъ изданій, около одной четвертой части получается писателями, какъ гонорарій за статьи—одинъ процентъ съ этихъ 150,000 руб. доставитъ 1,500. Вотъ уже 4,500 р. отъ одной отрасли литературы. Изданіемъ отдѣльныхъ книгъ пускается въ оборотъ сумма, едва ли меньшая, нежели періодическими изданіями. Если только третья часть издателей и писателей будетъ участвовать въ дѣлѣ „Литературнаго Фонда“, по примѣру издателей и сотрудниковъ періодическихъ изданій, вотъ еще 1,500 руб.,—всего 6,000 руб. ежегодно отъ одного только изъ источниковъ, указываемыхъ авторомъ статьи. Нѣкоторыя типографіи, нѣкоторыя бумажныя фабрики, вѣроятно, согласятся на уступку полупроцента изъ платы, получаемой отъ періодическихъ изданій.—итогъ увеличивается; но не будемъ считать этого увеличенія, потому что оно только предположеніе, для своего осуществленія нуждающееся въ особенныхъ хлопотахъ со стороны издателей. Затѣмъ остаются еще публичныя лекціи и изданія въ пользу литературнаго фонда,—о послѣднихъ не будемъ говорить, потому что они опять требуютъ особенныхъ хлопотъ (за то, при надлежащемъ устройствѣ дѣла, этотъ источникъ можетъ сдѣлаться чрезвычайно обильнымъ).—скажемъ только, что публичныя чтенія въ однихъ только столицахъ должны приносить несравненно болѣе, нежели надѣется авторъ: можно поручиться, что едва ли кто изъ людей, способныхъ привлечь публику своимъ чтеніемъ, откажется отъ этого дѣла, которое слѣдуетъ назвать скорѣе наслажденіемъ для читающаго, нежели пожертвованіемъ.—по 2,000 р. въ Петербургѣ и въ Москвѣ за всю зиму—это слишкомъ малая оцѣнка суммы, которую должны принести публичныя чтенія. Вотъ набралось уже 10,000 руб. сер. въ годъ,—на эти деньги можно дѣйствительно помочь многимъ людямъ. А мы еще не считали ни спектаклей, ни процентовъ съ единовременныхъ пожертвованій,—не хотѣли принять въ счетъ даже изданій „Литературнаго Фонда“,—отъ этихъ и многихъ другихъ источниковъ, которые отыщутся по указанію обстоятельствъ, средства „Литературнаго Фонда“ легко возвысятся далеко за предѣлы суммы, выставленной здѣсь. Словомъ сказать, если только учредится „Литературный Фондъ“, онъ безъ сомнѣнія будетъ имѣть способы ежегодно помогать не одному десятку дѣятелей науки и литературы, и мысль о его учрежденіи, какъ видимъ, дѣйствительно стоитъ того, чтобы позаботиться объ ея осуществленіи. Неужели же и эта мысль, подобно столькимъ другимъ прекраснымъ мыслямъ, высказывавшимся въ послѣднее время, вызоветъ только устныя и печатныя похвалы себѣ, а не вызоветъ дѣла? А между тѣмъ, осуществиться ей, по-видимому, такъ легко. Стоитъ нѣсколькимъ изъ людей, занимающихъ важнѣйшія мѣста въ нашей литературѣ, рѣшиться на учрежденіе „Литератур-

наго Фонда“, и сила примѣра, поддерживаемаго общественнымъ мнѣніемъ, привлечетъ всѣхъ къ участию въ этомъ учрежденіи. Укажемъ прямо на первый шагъ, нужный для его исполненія: пусть редакція журналовъ выразитъ свою готовность участвовать въ немъ. Затѣмъ, нужно будетъ только испросить разрѣшеніе правительства. Основаніе „Литературнаго Фонда“ имѣло бы своимъ добрымъ послѣдствіемъ не одно то дѣло, къ исполненію котораго онъ прямо назначается: авторъ статьи въ „Библиотекѣ для Чтенія“ прекрасно объясняетъ то благотворное вліяніе, которое „Литературный Фондъ“ имѣлъ бы на сближеніе между всѣми органами и дѣятелями науки и литературы: мы желали бы, чтобы столь же справедливо было его мнѣніе о томъ, что въ настоящихъ отношеніяхъ между ними нѣтъ никакихъ препятствій къ соединенію для общаго добраго дѣла. Но если и существуютъ какія нибудь угловатости, нѣтъ сомнѣнія, что онъ скоро сгладились бы, когда явилась бы возможность союзной дѣятельности, какъ это мы видимъ во всѣхъ литературахъ Европы, гдѣ даже различія въ направленіяхъ, не говоря уже о личныхъ чувствахъ другъ къ другу, ни мало не мѣшаетъ соединенію всѣхъ литераторовъ въ одно цѣлое, какъ скоро то нужно для достиженія цѣлей, полезныхъ всей литературѣ:

„Англійскій литературный міръ гордится своимъ Фондомъ и имѣетъ право вѣтъ гордиться. Это учрежденіе, поощряемое правительствомъ и всѣми государственными людьми, кромѣ цѣлей благотворительныхъ и христіанскихъ, имѣетъ еще одно великое значеніе. Оно служитъ центромъ единодушной дѣятельности для людей, разрозненныхъ убѣжденіями и интересами, но служащихъ одному великому дѣлу просвѣщенія, при которомъ всѣ несогласія забываются. Оно связуетъ, в благородно связуетъ всѣхъ передовыхъ людей Англіи, непрерывно напоминаетъ имъ о чѣмъ-то высшемъ всѣхъ мірскихъ соображеній. Подъ его вліяніемъ, вѣтъ сходитъ съ торіемъ, радикаль подаетъ руку президенту Верхней Палаты, государственный челоѣкъ выслушиваетъ мнѣніе бѣднаго чердачяваго поэта в имѣствѣ съ нимъ обдумываетъ, какъ бы обезпечить участь другаго поэта, еще бѣднѣйшаго. Нерѣдко, при недостаткѣ средствъ, сильные члены комитета входятъ съ представлевіемъ къ министранъ в дають мѣста честнымъ труженикамъ, нуждающимся въ работѣ; нерѣдко королева и члены ея фамиліи, по ходатайству лицъ, къ нимъ приближенныхъ, ассигнують суммы на какое нибудь полезное литературное предпріятіе, ва пособіе вдовамъ и сеньямъ инвалидовъ науки. Въ засѣданіяхъ комитета о фондѣ, на лекціяхъ и представленіяхъ въ его пользу, всѣ друзья просвѣщенія сходятся въ одну дружественную массу. Здѣсь Вулверъ сидитъ подлѣ своего говителя п васиѣшника Теккерея, д'Израэли бесѣдуетъ съ лордомъ Росселемъ, Карлейль сходитъ съ Пальмеротономъ, поэтъ Теннисонъ—съ историкомъ Макколеемъ. По нѣскольку разъ въ годъ, люди, совершенно отдѣльные другъ отъ друга, радунно соединяются на одну христіанскую цѣль, и короткія эти сближенія живутъ въ памяти у каждаго до новой сходимъ, до новыхъ совѣщаній по поводу общаго дѣла.

„Давно уже сказано: перенимать все хоронее ве стыдно, даже у самого неприятели. Мысль объ учрежденіи Литературнаго Фонда взята у англичанъ; но не слѣдуетъ думать, чтобы люди, нынѣ занимающіеся этой мыслью у насъ въ Россіи, имѣли намѣреніе слѣпо подражать англичанамъ. Различія между нашимъ и англійскимъ обществомъ обуславливаютъ собою необходимы различія въ самомъ учрежденіи. Съ одной стороны, наше общество ве такъ богато и ве такъ тѣсно слито съ литературными интересами, чтобы отъ него можно было требовать слишкомъ большихъ пожертвованій на нуждающихся писателей; съ другой, нашъ учено-литературно-артистическій кругъ менѣе нуждается въ матеріальныхъ пособіяхъ, нежели тотъ же кругъ въ Англіи. У насъ, благодареніе Богу, почти вѣтъ литературныхъ пролетаріевъ, даровитыхъ людей, умирающихъ съ голоду, сильныхъ талантовъ, новчающихъ жизнь, какъ Отвай или Сведжъ,

отъ нужды и общей холодности. Огромная часть вашихъ ученыхъ и писателей обезпечена я пособиями правительства, и службой, и платой за трудъ, почти ежегодно повышающейся, и собственнымъ своимъ достаткомъ. Въ Англіи—журналисты и издатели книгъ ухаживаютъ лишь за первоклассными дѣятелями науки и словесности; у насъ всякій писатель, едва перевысившій уровень посредственности, надолго можетъ считать свой талантъ хорошимъ капиталомъ. Въ Ловдовѣ, еотрудникъ изданія, в со-трудникъ самый полезный, боится отлучиться изъ столицы, чтобъ редакція не замѣнила его другимъ сотрудникъ, еще болѣе талавтливымъ; у васъ, какъ еще недавно сказалъ кто-то, періодическихъ изданій болѣе, чѣмъ сотрудниковъ. Послѣ всего, ейчасъ сказавшаго, легко понять, что литературный фондъ въ Россіи для своего учрежденія не требуетъ ни тѣхъ пожертвованій, ни тѣхъ усилій, съ какими сопряжено его существованіе въ Англіи. Для пособия небольшому числу лицъ учено-литературнаго круга, нуждающихся въ поддержкѣ в помощи, намъ не нужны ни огромные капиталы, ни многочисленные комитеты для надзора за капиталомъ и распредѣленія пособій. Мы можемъ обойтись безъ театральныя представленій и митинговъ въ раззолоченныхъ залахъ, безъ всей клубной роскоши при собраніи членовъ комитета, безъ обременительной переписки, безъ непрестаннаго изысканія средствъ къ новымъ доходамъ Фонда. Намъ не для чего набиваться къ капиталетамъ, дѣлать парадные обѣды для всѣхъ участивиковъ предпріятія, говорить рѣчи на этнхъ обѣдахъ в такъ далѣе. Русскій Литературный Фондъ можетъ быть основанъ въ самыхъ сырыхъ размѣрахъ, пятью или десятью человекими достаточнаго состоянія, съ постояннымъ пособиемъ всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, нынѣ проживающихъ въ Россіи. Изъ числа главныхъ вкладчиковъ и писателей, особенно сочувствующихъ дѣлу, должны быть выбраны шесть или восемь человекъ, распорядителей Фонда, которые собирались бы два или три раза въ годъ, для повѣрки суммъ, распредѣленія пособій и изысканія новыхъ источниковъ дохода. Для нихъ совѣщаній не требуется никакой торжественности—торжественностью не прельстишь русскаго человека; да и распорядители, о которыхъ говорится, не имѣютъ надобности прельщать кого бы то ни было. Ни народныхъ сходокъ, ни неличавыхъ рѣчей во всемъ дѣлѣ не требуется, тѣмъ болѣе не требуется, что пособія изъ доходовъ Фонда должны производиться, по русскому обычаю, тихо и дружественно, безъ обиднаго высокомерія, безъ формальностей, такъ тягостныхъ для человека, нуждающагося въ помощи. Чѣмъ болѣе такіа пособія будутъ имѣть характеръ простой и, такъ сказать, *товарищескій*, тѣмъ благотворнѣе окажется ихъ значеніе, тѣмъ менѣе хлопотъ оотребуяг онв для нихъ выполненія.

„Для осуществленія идеи о литературномъ фондѣ и пособияхъ, павъ него простекающихъ, мы не имѣемъ препятствія ни въ духѣ партій, ни въ раздѣвленіи между людьми, сочувствующими дѣлу просвѣщенія. Въ Россіи нѣтъ ни виговъ, ни торіевъ, между русскими литераторами не существуетъ никакихъ преградъ къ дружному дѣйствию на общую пользу: мало того, огромная и самая даровитая ихъ часть тѣсно связана между собою и годами труда, и одинаковымъ стремленіемъ къ доброй цѣли. Есть у насъ круги, особенно тѣсно слившіеся вслѣдствіе однородныхъ взглядовъ, жизни въ одномъ городѣ, общаго труда въ одномъ и томъ же изданіи; но эти круги въ сущности нисколько не враждебны другиямъ кругамъ литературнаго русскаго міра. Лучнее доказательство всего, вами ейчасъ сказаннаго, находимъ мы хотя бы въ русской журналистикѣ, которая въ настоящее время сосредоточиваетъ въ себѣ всю литературу. Всѣ главные органы нашей журналистики ведутся съ одинаковымъ чувствомъ достоинства, всѣ чужды духа исключительности или дерзкой нетерпимости, в это чувство приличія такъ сильно съ вѣвотораго времени, что малѣйшее отъ него отклоненіе, малѣйшая журнальная побрякка, поднятая изъ корыстныхъ цѣлей, всюду встрѣчается съ негодованіемъ, мало того, съ презрѣніемъ. Въ мелкихъ или отсталыхъ изданіяхъ иногда встрѣчается противное, но какой авторитетъ, какой кредитъ имѣютъ въ нашей литературѣ изданія подобнаго рода? Мало того, духъ дружелюбія и согласія—такъ необходимый русскимъ просвѣщеннымъ людямъ—впчинаетъ провввать въ други самыхъ вваачательныхъ тружениковъ, оказываться во всемъ направленіи ихъ дѣятельности, во всей сущности ихъ взглядовъ. Повторемъ еще разъ, русская современная литера-

тура найдется въ самомъ счастливомъ положеніи относительно того предпріятія, о которомъ мы теперь бесѣдуемъ съ читателемъ“.

Дай Богъ, чтобы это было такъ. Но во всякомъ случаѣ, мелвія личный несогласія должны быть отброшены въ сторону, когда представляется возможность соединиться для дѣла, которое принесетъ пользу не однимъ нуждающимся литераторамъ, но и можетъ возвысить положеніе всей литературы, выказавъ ея дѣятелей съ безукоризненно благородной стороны передъ глазами многочисленныхъ хулителей литературы и всѣхъ ея сподвижниковъ, давъ этимъ столь много оскорбляемымъ людямъ хотя какую нибудь опору для дружнаго противодѣйствія нападеніямъ, равно вредящимъ каждому изъ насъ. Напрасно мы стали бы успокаивать себя надеждою, что въ самомъ дѣлѣ всѣ думаютъ о русскихъ литераторахъ такъ, какъ справедливо думаетъ о нихъ авторъ статьи, изъ которой мы дѣлаемъ выписки,—доказывая, что комитетъ, который бы распоряжался суммами „Литературнаго Фонда“, легко составить изъ людей, заслуживающихъ полного довѣрія, онъ говорить:

„Въ свѣтѣ самомъ изящномъ мы безпрестанно видимъ людей, о нравственности которыхъ никто не можетъ сдѣлать вѣрнаго заключенія: такъ неясна репутація этихъ людей, тавъ изобилуютъ противорѣчіями самыя безпристрастныя о нихъ отзывы. И въ большихъ городахъ, и въ отдаленныхъ уѣздахъ Россіи, мы безъ удивленія видимъ хорошихъ людей, сжившихся и ужившихся съ людьми нравственно безобразными, видимъ благородныя личности, противъ которыхъ идетъ общій отзывъ, и особъ порочнаго свойства, пользующихся ото всѣхъ непритворнымъ уваженіемъ. Въ кругахъ, составляющихъ настоящее литературное общество Петербурга в Москвы, не встрѣтимъ мы ничего, подобнаго. По гласности, которая неразлучна съ положеніемъ навѣстнаго писателя, по участию, которое принимаютъ въ его личности люди проникательнаго ума и тонкаго развитія, этотъ писатель постоянно подвергается общему суду своего круга, и укрыться отъ такого суда онъ не въ состояніи. Онъ поневолѣ напоминаетъ римлянина, желавшаго жить въ стеклянномъ домѣ, съ той только разницей, что онъ можетъ быть и не желаетъ, во *обязанъ* жить въ такомъ домѣ, благодаря своей извѣстности. Жизнь подобнаго рода не всегда легка, и многіе люди ея не выдерживаютъ, но за то писатель, ее выдержавшій съ честью, выдержитъ какой угодно судъ, какое угодно искушеніе. Кругъ его товарищей можетъ мѣнять свое мнѣніе о литературномъ его значеніи; но вѣнчіе, составленное о немъ какъ о человѣкѣ, яе измѣнится до той поры, пока онъ самъ не дастъ къ тому повода. Общій судъ вашихъ лучшихъ учено-артистическихъ круговъ (мы ве говоримъ о кругахъ подземныхъ и всѣми признаваемыхъ такими) строгъ, взыскателенъ, но справедливъ какъ нельзя болѣе. Всѣ дѣйствія лица, ему подлежащаго, дѣйствіи самыя совреванныя, давно извѣстны, обсужены и сведены въ одному знаменателю. Кого этотъ судъ призналъ дурнымъ человѣкомъ, тотъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ нехорошій; кого онъ призвалъ шаткимъ и ненадежнымъ, тотъ ненадеженъ въ самомъ дѣлѣ, хотя бы десятии свѣтскихъ круговъ приходили въ восторгъ отъ его достоинствъ. Кого призналъ онъ за честнаго и правдиваго человѣка, тотъ ужъ ве обманетъ ничьей довѣрности, в всегда будетъ истиннымъ рыцаремъ во всѣхъ дѣлахъ своей жизни. Такыхъ-то людей великой честности и должевъ держаться распорядительный комитетъ Литературнаго Фонда, ихъ совѣтомъ и содѣйствіемъ должны дорожить учредители предпріятія. Безъ всякаго преувеличенія мы можемъ сказать, что подобныхъ лицъ не трудно отыскать въ литературномъ кругѣ обѣихъ столицъ, стоятъ только прпелуцаться къ общему суду литераторовъ в затѣмъ ввѣриться ему съ полной готовностью“.

Довѣривъ должны пользоваться писатели, которыхъ уважасть публика, нибѣющая полную возможность хороноу знать, каковы мысли и правила этихъ

людей—что можетъ быть очевиднѣе этой простой истины, а между тѣмъ. какъ часто встрѣчаешь людей, никакъ не желающихъ допустить, что писатели имѣютъ право на довѣріе, если внушаютъ его тысячамъ и десяткамъ тысячъ образованнѣйшихъ и проникательнѣйшихъ людей. И сколько хорошаго было бы сдѣлано очень легко, сколько зла было бы предотвращено, если бы эта истина не отвергалась по такому странному предубѣжденію. Но есть люди, которые готовы довѣрять кому угодно, только не человѣку, заслужившему уваженіе и довѣріе всѣхъ порядочныхъ людей въ своемъ отечествѣ. Удивительно сложились понятія нѣкоторыхъ людей: они воображаютъ въ своемъ простодушіи, что если земля до сихъ поръ еще не перевернулась вверхъ дномъ, такъ единственно благодаря тому, что они не вѣрятъ въ писателѣ ни прямодушію, ни желанію добра, ни знанію ередствъ къ достиженію добра. Бѣдные, они вѣчно воображаютъ себя въ страшной опасности; они думаютъ, что мысль, просвѣщеніе непременно должны быть враждебны имъ! Впрочемъ нельзя и претендовать на нихъ за такую странную ошибку: человѣкъ натурально предполагаетъ, что тотъ, кого онъ не любитъ, тому старается вредить, и самъ платитъ ему за вражду враждою. Бѣдные, гдѣ жъ имъ. при ихъ неразвитости, понять, что просвѣщеніе стремится къ цѣлямъ гораздо высшимъ, нежели вопросы о личностяхъ; что оно стремится принести добро равно и врагамъ, какъ друзьямъ своимъ, что писатель говорить о злоупотребленіяхъ только для того, чтобы предостеречь отъ вреда, приносимаго злоупотребленіями не тому одному, кто терпитъ отъ нихъ, но еще больше тому, кто ихъ дѣлаетъ или терпитъ, по слабости или незнанію. Взятчники умнѣе этихъ людей и лучше ихъ понимаютъ въ чемъ дѣло. Они не думаютъ, что, напримѣръ, г. Щедринъ хочетъ ихъ личной гибели, хочетъ, чтобы они, какъ люди, потерпѣли какой нибудь вредъ; они знаютъ, что когда исчезнуть злоупотребленія, то не только людямъ, съ которыхъ прежде брались взятки, но и имъ, бывшимъ взяточникамъ, лучшіе, привольнѣе и спокойнѣе будетъ жить на свѣтѣ, нежели нынѣ, когда они берутъ взятки. Да, классъ людей, обвиняемый во взяточничествѣ, знаетъ, что его собственная выгода, какъ выгода всѣхъ другихъ классовъ общества, требовала бы уничтоженія возможности или надобности брать взятки; зачѣмъ же оскорбляются и тревожатся его разказами люди, о которыхъ даже и не упоминаетъ онъ, которыхъ онъ не касается не только словомъ, даже мыслью? Причина, какъ мы сказали, въ невѣжествѣ этихъ людей, въ везнаніи того, что извѣстно даже Подъячому старыхъ временъ: они такъ мало развиты, что не въ состояніи отличить рѣчи о дѣлѣ отъ рѣчи о личности, не въ состояніи понять, что есть разница между злоупотребленіемъ и порядкомъ, что при уничтоженіи злоупотребленія люди могутъ оставаться неприкосновенны,—они никакъ не могутъ понять, что можно желать чего нибудь хорошаго, не желая вреда лично имъ. Жалкіе люди! Жалніе потому, что напрасно мучать себя страхами, ровно ни на чемъ неоснованными, кромѣ ихъ собственнаго незнанія; жалше потому, что выбиваются изъ силъ, стараясь спастись отъ опасностей, которыя существуютъ только въ ихъ ребячески пугливомъ воображеніи. Скажите, какое чувство возбуждается видомъ человѣка, который принимаетъ медика за отравителя, принимаетъ людей,

желающих ему здоровья, заботящихся о его счастье, за враговъ, жаждущихъ его гибели, который въ своемъ семействѣ робко наблюдаетъ за каждымъ жестомъ, ежеминутно ожидая какого-то предательскаго удара, который въ каждой чашкѣ чаю боится выпить ядъ, — въ такую странную галлюцинацію впадаютъ нѣкоторые при словѣ „литература“. Галлюцинація — вотъ истинное опредѣленіе противоестественнаго настроенія ихъ духа. Жалкіе люди! — быть можетъ, они вредятъ другимъ, но еще болѣе вредятъ они самимъ себѣ.

Впрочемъ, и то сказать, какъ не приходитъ многимъ въ нѣчто подобное гидрофобіи при словѣ „литература“, когда есть люди, которыхъ приводитъ въ подобный трепетъ даже слово „грамотность“? Въ этой книжкѣ „Современника“ читатель видѣлъ статью г. Карновича противъ мнѣній, впасть въ которыя имѣлъ несчастіе г. Даль. Грустно думать, что человѣкъ, умѣющій говорить на нарѣчій чуть ли не каждаго уѣзда Русской Имперіи, какъ истый туземецъ, собравній отъ народа чуть ли не 40,000 пословицъ, такъ мало знаетъ нужды нашего народа. Но утѣнительно, по крайней мѣрѣ, то единодуніе, съ которымъ десятки голосовъ раздались противъ его опаснаго заблужденія. Какъ новое свидѣтельство неудовольствія, возбужденнаго во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ мнѣніями г. Даля объ этомъ предметѣ, мы помѣщаемъ здѣсь небольшое письмо, полученное нами на дняхъ. Статья г. Карновича не нуждается въ дополненіяхъ, да это письмо и не можетъ назваться дополненіемъ къ ней, — оно даже и написано вовсе не для печати, — оно просто прислано къ пріятелю отъ пріятеля, возмущеннаго чтеніемъ статейки г. Даля, и тотъ, къ кому оно было адресовано, переслалъ его намъ съ своею замѣткою, вызванною тѣмъ же чувствомъ. Оно кажется намъ интересно, какъ одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что не въ одной печати ведутся жарніе толки о вопросахъ, занимающихъ собою лнто-раторовъ.

Письмо къ г. А. С. Э. по поводу „Замѣтки о грамотности“. г. Даля, напечатанной въ 245 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

„Разсуждать о пользѣ грамотности вообще я о томъ — пора ли заботиться о расширеніи ея между нашими крестьянами, я считаю излишнимъ: то и другое въ настоящее время осозательно для каждаго. Не стану также говорить о несвоевременности появленія статей противъ грамотности — ираколюбець у васъ еще много. Но долгомъ считаю выразить мое удивленіе, что подобныя статьи появляются съ подписью г. Даля, и притомъ, какъ видно изъ собственныхъ словъ его, вслѣдствіе искренняго убѣжденія. Послѣднее обстоятельство невольво, безъ всякаго желанія оскорбить г. Даля, возбуждаетъ вопросъ: съ котораго времени и подъ какими влияніями могли развиться у него таюя убѣжденія? Факты, приводимые имъ, слишкомъ шатки и ничтожны: овы не только не могутъ служить основаніемъ убѣжденій, но даже сами собой опровергаются. Не пишутъ у насъ ничего, доступнаго крестьянскимъ воштіаніямъ, не потому, что нечего писать, а потому, что не кому читать. Не предметы потребленія возбуждаютъ потребности, а потребности раждаютъ предметы потребленія. Истина эта такъ стара, что было бы странно предполагать незнаше ея въ такомъ писателѣ, какъ г. Даль, и гораздо естественнѣе, что овъ почему-то не хочетъ знать ея. Лишатъ же средства къ просвѣщенію умственному и нравственному, которое рѣшительно невозможно безъ грамотности (такъ какъ примѣры никогда и никого не научили и способны только къ развращенію), потому только, что средствомъ этимъ могутъ злоупотреблять, было

бы просто безразсудно: послѣ этого можно будетъ, пожалуй, сказать, что намъ равно еще имѣть и законы,—вѣдь злоупотребляютъ же ими подъячїе!.. Наконецъ и послѣдній, самый неопровержимый, по мнѣшю г. Даля, фактъ, что въ теченіе десяти лѣтъ изъ 500 крестьянъ, выучившихся грамотѣ въ девяти сельскихъ школахъ, „находящихся у него подъ рукою“, 200 человекъ сдѣлались извѣстными негодями, также ничего не доказываетъ: г. Даль не попенялъ намъ, дѣйствительно ли грамотность была причиною ихъ развращенія, и не кроется ли причина развращенія ихъ въ неудовлетворительномъ устройствѣ школъ или въ дурномъ надзорѣ за обучающимися? Не мѣшало бы г. Дально поглубже вникнуть въ этотъ вопросъ и объяснить публикѣ приводимый имъ фактъ.

„Г. Карповичъ въ своей статьѣ: „Нужно ли распространять грамотность въ русскомъ народѣ“, такъ ясно доказалъ г. Дально (иные и нуждались въ этихъ доказательствахъ) необходимость грамоты для крестьянъ, что всякія разглагольствованія о неумѣстности ея становятся рѣшительно невозможными; упорство же г. Даля невольно заставляетъ вспомнить слова покойнаго Гоголя: „иной и почтенный, в государственннй человекъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубить что себѣ въ голову, то ужъ ввѣчѣмъ его не пересилишь, сколько не представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны.

А. Сапожниковъ“.

Г. Холмъ, 1857 г., ноября 20 дня.

Замѣчаніе, сдѣланное на этомъ письмѣ лицомъ, къ которому оно адресовано.

„Едва ли кто либо пзъ русскихъ грамотныхъ людей злоупотреблялъ грамотностію болѣе того, чѣмъ злоупотребилъ ею г. Даль (выученный грамотѣ, какъ онъ самъ говорить, къ сожалѣнію (!)) въ печатныхъ своихъ возгласахъ противъ грамотности. Но в такое образцовое злоупотребленіе грамотностію все-таки, вопреки мнѣшю г. Даля, безвредно, потому что несправедливость стравныхъ убѣжденій г. Даля очевидна для всякаго.

А. С. З.“

Вотъ въ такихъ-то и тому подобныхъ разсужденіяхъ о предметахъ, вызывающихъ на размысленіе, пронелъ для публики и для литературы годъ, съ которымъ теперь прощаемся. Превосходно пронелъ этотъ годъ! Говорено было много о многихъ важныхъ дѣлахъ: объ административныхъ и судебныхъ злоупотребленіяхъ, о гласности, о тарифѣ, о различныхъ другихъ экономическихъ преобразованіяхъ, и т. д. Публика восхищалась собою за то, что ее интересуютъ такіе серьезные вопросы; она чуть ли не готова была сама себѣ присудить римскій дубовый вѣнокъ, *согопам civilem*, въ награду такой доблести,—и какъ въ самомъ дѣлѣ не присудить было ей дубоваго вѣнка своей доблести?—вѣдь она толковала и читала съ неутомимостью, превышающею всякія похвалы, радовалась прочитанному съ восторгомъ, превышающимъ всякую мѣру. Участъ литературы и писателей была не менѣе прекрасна: если уже публика, эта взыскательная публика, была довольна литературою, какъ же было литературѣ по чувствовать довольства своими подвигами? Сладко было жить писателю: будь онъ только хотя мало-мальски порядочнымъ, постоянно опъ слышалъ разговоръ о себѣ, и разговоръ вѣчно ободрительный и одобрителный; даже и безъ этого условія, часто ему случалось испытывать такое наслажденіе; изъ людей, что нибудь писавшихъ

въ прошломъ году, ни одинъ, кромѣ развѣ г. Бланка, не остался безъ лестнаго поощренія; да и самъ г. Бланкъ, вѣроятно, слышалъ отъ кого нибудь похвалы себѣ.

Да, завидно положеніе русской литературы, завидна судьба писателя: цѣлый годъ быть предметомъ общаго вниманія и общихъ похвалъ, и имѣть въ перспективѣ продолженіе такого наслажденія и въ наступающемъ году. Такъ; но полнаго, невозмутимаго блаженства нѣтъ на землѣ, и среди умственныхъ и нравственныхъ удовольствій, которыми наслаждалась публика, литература и писатели, приходилось имъ испытывать и нѣкоторыя огорченія,— правда, мимолетныя,— правда, ничтожныя, но все-таки огорченія. Источникомъ этихъ огорченій были мнѣнія нѣкоторыхъ ипохондриковъ, — правда, очень малочисленныхъ,— правда, совершенно заблуждавшихся, но все-таки на минуту смущавшихъ иногда общее удовольствіе. По своему болѣзненному настроенію духа, не раздѣляя общаго оптимизма, они отваживались выражать недовольство и публикою, и литературою, и — о, ужасъ! — осмѣливались говорить, будто бы публика, восхищаясь подвигами литературы, находится въ странномъ ослѣпленіи.

Почему же?—въ отвѣтъ на это ипохондрики раздѣлялись на двѣ противоположныя партіи.

Одни говорили, что литература заходитъ слишкомъ далеко, забываетъ о скромности и смирности, которыми украшается все на свѣтѣ; что она должна говорить только о вещахъ, въ имѣющихъ никакого соотношенія съ современною жизнью, а толковать о злоупотребленіяхъ и улучшеніяхъ вовсе не дѣло литературы. Другіе говорили, что она говоритъ объ этихъ вещахъ все еще слишкомъ мало, слишкомъ неопредѣлительно, и, по настоящему, только кажется, будто она говоритъ что нибудь полезное, а на самомъ дѣлѣ вовсе не говоритъ ничего истинно полезнаго.

Благоразумный читатель, конечно, видитъ совершенную неосновательность того и другаго упрека уже изъ того, что одинъ прямо противорѣчитъ другому: когда немногіе говорятъ: „слишкомъ свѣтло горитъ лампа“; немногіе другіе: „слишкомъ тускло горитъ лампа“,—очевидно, что тѣ и другіе ошибаются, и что справедливо огромное большинство, находящее, что лампа свѣтитъ именно въ надлежащую мѣру. Такъ, публика совершенно права, восхищаясь свѣтомъ, проливающимся отъ нашей литературы на общество. Но въ одномъ она, кажется намъ, нѣсколько несправедлива: она слишкомъ уже безпощадно караетъ ипохондриковъ, не раздѣляющихъ ея довольства; они, какъ люди больные, заслуживали бы, намъ кажется, нѣкотораго снисхожденія; скажемъ болѣе: не отворачиваться надобно отъ больныхъ, а стараться излечить ихъ болѣзнь; заблуждающихся не надобно осыпать горькими упреками, а должно постараться разсвѣять ихъ заблужденія; для этого надобно спокойно выслушать ихъ, показать имъ, какія стороны предмета они упускаютъ изъ виду, объяснить имъ, какія ошибки вкрались въ ихъ силлогизмы. Попробуемъ сдѣлать это. Сначала хладнокровно выслушаемъ и потомъ опровергнемъ людей, думающихъ, что литература берется не за свое дѣло, когда, вмѣсто отвлеченностей или фантазій, занимается современными вопросами: покончивъ дѣло съ ними, такимъ же образомъ

переговоримъ и съ людьми, думающими, что до сихъ поръ она слишкомъ недостаточно занималась этими вопросами.

„Напрасно литература обольщается мечтами, будто можетъ она преобразовать нравы, говорятъ ипохондрики, недовольные литературою за то, что она, по ихъ мнѣшю, слишкомъ много говоритъ объ общественныхъ интересахъ. Это внѣ ея власти. Нравы измѣняются вслѣдствіе измѣненія обстоятельствъ національной жизни. Измѣненія эти производятся вліяніемъ историческихъ событій, преобразующихъ отношенія классовъ, условія труда, гражданскаго учрежденія націи. Посмотрите на исторію, — когда преобразованія общественнаго быта совершались силою литературы? — никогда, никогда; ип одного такого примѣра нѣтъ въ жизни. Испанцы завоевали Америку, у испанцевъ введена инквизиція, испанцы лишились своихъ прежнихъ судебныхъ и правительственныхъ учреждений, — вотъ историческія событія, — они-то сдѣлали испанцевъ такими, какими теперь мы ихъ видимъ; но укажите, сдвинулась ли хоть соломинка въ общественномъ зданіи испанскаго быта отъ того, что Сервантесъ написалъ *Донъ-Кихота*? Ирландцы стали странны англичанамъ, когда избытокъ угнетенія и страдашій довелъ ихъ до отчаяннаго соединенія въ одну фалангу подъ предводительствомъ Дашіэля о'Коннелля, и его „рипилъ“, угроза отторгнуться отъ Англіи, сдѣлалъ свое дѣло. Но скажите, какую пользу принесло ирландцамъ то, что Мильтонъ писалъ столь краснорѣчиво въ защиту религіозной терпимости, и что полтора столѣтія англичане учили наизусть его творенія? Мильтона они читали и превозносили, а ирландцамъ все-таки не было оттого ни на волосъ легче. Ждите событій, пользуйтесь событиями, если хотите улучшеній въ бытѣ и нравахъ, — а литература этого дѣла не совершитъ вамъ. Измѣненіе быта и нравовъ! — да стоитъ ли и говорить о безсиліи литературы надъ этими дѣлами, когда она не можетъ даже управлять мнѣніемъ общества. Всѣ порядочные писатели во Франціи уже около ста лѣтъ тврдятъ французамъ: уважайте англичанъ; не считайте ихъ своими врагами, они лучшіе союзники вамъ во всемъ добромъ и полезномъ; и что-же? — все-таки французы не любятъ англичанъ, воображаютъ, что англичане хотятъ вредить имъ, сами желаютъ имъ всякихъ бѣдъ; да, такъ сильно это нелѣпое чувство вражды, что когда, напримѣръ, Бастія хлопоталъ о пониженіи французскаго тарифа, онъ всего больше остерегался показаться другомъ англичанъ: это, онъ зналъ, погубило бы его дѣло; а когда въ нынѣшнемъ году дѣла англичанъ въ Остъ-Индіи казались плохи, „*Journal des Débats*“ долженъ былъ скрыть свою симпатію къ англичанамъ и принужденъ былъ говорить, что они кругомъ виноваты по остъ-индскому возмущенію, — это было ему необходимо, иначе онъ лишился бы своихъ читателей. Вотъ вамъ и степень вліянія литературы на мнѣшія націи: сто лѣтъ самаго сильнаго и дѣльнаго старанія сблизить французовъ съ англичанами, — а въ результатъ все-таки продолженіе нелѣпой вражды противъ англичанъ во французахъ. Общественное мнѣніе, даже и то, какъ видите, почти не зависитъ отъ литературы, — куда же ей тянуться въ преобразовательницы національнаго быта? Она безсильна даже надъ мыслью, которая составляетъ только одинъ изъ многихъ дѣятелей жизни, между которыми есть много сильнѣйшихъ, нежели мысль; куда же литературѣ претендовать на власть надъ жизнью?“

Огорчительны эти слова, но признаемся, мы не умѣемъ найти фактовъ, которыми опровергалось бы это воззрѣніе. Исторіи и наблюдение современнаго національной жизни, дѣйствительно подтверждаетъ грустныя мысли ипохондриковъ о безсиліи литературы надъ жизнью. Если бы ипохондрики пони сообразно этимъ понятіямъ, которыя они же сами проповѣдуютъ, въ нихъ ничего дѣльнаго нельзя было бы сказать. Но, на бѣду литераторамъ въ практикѣ и на счастье защитниковъ ея важности въ бумажномъ словесіи, слова этихъ теоретиковъ о безсиліи литературы повторяются на практикѣ не знающими ни исторіи, ни жизни; и эти практики, по своему авторитету, опровергаютъ теорію, которая безъ того была бы неопровержима. Литература безсильна и ничтожна, положимъ. Что же изъ того логически вытекаетъ?—то, что не стоитъ обращать вниманіе на нее; пусть она себя губитъ и хлопочетъ сколько ей угодно и о чемъ ей угодно, — бояться нечего: вѣдь она безсильна. Но нѣтъ, этого никакъ не могутъ на дѣлѣ исполнять практики, о которыхъ идетъ рѣчь: чуть литература слово скажетъ, не совсѣмъ по ихъ желанію, тотчасъ они поднимаютъ крики, что она губитъ практиковъ, и все на свѣтъ погубить; а если могутъ, то поднимаютъ суматоху, будто спасаются отъ смерти, и рѣзкими, необдуманнѣйшими движеніями, кашія внушаютъ только слѣпымъ ушасомъ, начинаютъ кричать все, или, вѣрнѣе сказать, колотиться обо все, что попадаетъ имъ въ глаза и подѣ руки, — свѣтъ погибни, лишь бы только избавиться отъ страшной опасности: *pegeat mundus, taceat* литература. Свѣта, погубить, они не могутъ, — это не въ человѣческой власти, — и литературу погубить не заставитъ, — этого тоже не въ состояніи сдѣлать человѣческая власть, потому что литература движется историческими событіями, отъ ихъ возвышенія то возвышается, то понижаетъ голосъ, а не отъ произвола нѣсколькихъ людей, — но руки себѣ часто они обколачиваютъ до сильнаго лома въ спину, такъ что и жалко и отвратительно смотрѣть на нихъ: жалко потому что бьются люди совершенно понапрасну; отвратительно потому, что изны ихъ движенія.

Чтожь тутъ толковать о безсиліи литературы, когда она возбуждаетъ страхи? Что сдѣлалось съ гордой теоріею о ея ничтожествѣ?—А что такое съ этою теоріею, можемъ узнать, вслушавшись въ крики, вырывающіяся у бѣдныхъ испуганныхъ практиковъ въ порывахъ чувствуемаго смертельнаго безпокойства: въ порывахъ страсти высказываются задуманныя мысли человѣка. „Литература безсильна, — да, она безсильна на зло она можетъ много сдѣлать; улучшеніи быта она не произведетъ, но можетъ возбудить безпорядочныя и безразсудныя стремленія къ разврату; добрыхъ убѣжденій она не распространитъ, но подорвать уваженіе къ порядку и нравственности она можетъ“, такъ вошіютъ практики, хлывая руками направо и налево. А, вотъ какъ уже перевернулась теория литературы, значить, не безсильная игра въ слова; нѣтъ, вамъ она является чѣмъ-то въ родѣ чумы, холеры. Но если такъ, почему же вы дѣствуете сообразно такому мнѣнію? Дурное и вредное надобно искоренять; объявите же прямо, что надобно стараться объ истребленіи литературы. Пріятно было бы услышать такое прямодушное сознаше; пріятно

во-первыхъ потому, что всегда отрадно видѣть человѣка излагающимъ свои мнѣнія съ благородною откровенностью; во-вторыхъ потому, что мы тогда знали бы по крайней мѣрѣ, что надобно дѣлать для угожденія вамъ. Но нѣтъ, никто не отваживается сказать, что желаетъ уничтоженія литературы, — ее каждый объявляетъ предметомъ своего уваженія, любви, заботливости: практики говорятъ только, что желаютъ уничтожить злоупотребленія литературы, а самую литературу желаютъ видѣть процвѣтающею. Тутъ нѣтъ здраваго смысла: кто же говорить, что онъ уважаетъ и любитъ чуму или холеру, и желаетъ имъ процвѣтать, а возстааетъ только противъ злоупотребленій холеры и чумы? Притомъ же, и самый способъ уничтоженія этихъ, будто бы, злоупотребленій, избирается вовсе нелогическій: литературою недовольны за то, что слышать отъ нея непріятности себѣ; что нужно сдѣлать, когда слышишь отъ человѣка непріятное? Надобно постараться задобрить, смягчить человѣка, внушить ему расположеніе къ себѣ; а если я въ отвѣтъ на сказанное имъ непріятное для меня слово вздумую его бранить и преслѣдовать, достигну ли я своей цѣли? Напротивъ, чѣмъ больше я буду возставать противъ него, чѣмъ больше успѣю надѣлать ему бѣдъ, тѣмъ больше возстановлю его противъ себя, и вмѣсто случайно попавшагося въ его рѣчь непріятнаго слова, доведу его до постоянного ожесточенія противъ меня. Я наживу себѣ врага, и только. Тутъ не должно быть середины: или старайтесь приобрести дружбу, или прямо поражайте на смерть: всякими средними мѣрами только увеличатся ваши непріятности. Въ отвѣтъ на это практики опять говорятъ уже не то, что слышали мы отъ нихъ прежде.

„Но кто же хочетъ возстановлять противъ себя литературу? — говорятъ практики. — Мы очень хорошо знаемъ выгоду, доставляемую союзомъ съ нею; именно того мы и хотимъ достигнуть, чтобы она была въ союзѣ съ нами.“ — Вотъ какъ! они вѣроятно думаютъ, что имѣютъ въ виду полезныя цѣли (кто же не думаетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ благонамѣренномъ?), и однако же находятъ, что союзъ съ литературою былъ бы для нихъ полезенъ, — значитъ, литература уже признается не безсильною на добро. Какъ это пріятно для литературы, но съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ это далеко отъ гордыхъ теорій о ничтожности литературы, которыми они начали! И такъ, союзъ съ литературою. Но и тутъ практики никакъ не могутъ сообразить своихъ дѣйствій съ своими же собственными желаніями. Чтобы союзникъ могъ быть полезенъ, надобно предоставлять ему его возависимость, — безъ этого условія союзъ не только не приведетъ ни къ чему хорошему, онъ просто невозможенъ. Когда одинъ изъ союзниковъ хочетъ отнять у другаго независимость, это будетъ уже не союзъ, а покореніе, завоеваніе, — покореніе совершается не иначе какъ войною, одна изъ воюющихъ сторонъ покоряется другой не иначе, какъ только будучи доведена до совершеннаго истощенія силъ, — какую же пользу можетъ потомъ принести ея содѣйствіе, если она совершенно обезсидена? Она будетъ только въ тягость побѣдителю. Да и возможна ли побѣда, когда человѣкъ, заговорившій тономъ вражды и совершеннаго презрѣнія, кончаетъ увѣреніемъ въ томъ, что онъ желаетъ союза, — не высказывается ли въ этомъ увѣреніи его сознаніе о невозможности дойти враждою до желаннаго имъ результата?

Читатель видит, что практики, недовольные литературою за то, будто бы она беретъ на себя слишкомъ много, не заслуживаютъ гнѣва: они просто достойны сожалѣнн, какъ люди, которые сами не знаютъ, что говорить и дѣлать, которыхъ поступки противорѣчатъ ихъ собственнымъ желаніямъ: имъ слѣдуетъ привести въ порядокъ свои мысли; ихъ слѣдуетъ убѣждать въ томъ, чтобы они болѣе заботились о здоровомъ пониманіи вещей, — это принесетъ имъ большую пользу, не только по отношенію къ ихъ дѣйствіямъ, касающимся литературы, но и по всѣмъ другимъ отношеніямъ. Имъ недостаетъ логики; мыслительныя способности ихъ мало развиты, — въ томъ вся бѣда; имъ нужно побольше учиться и побольше думать. Добрая воля и сила есть у нихъ; невѣжество — вотъ корень всѣхъ ихъ ошибокъ. Ахъ, если бы они были хотя сколько нибудь образованными людьми! Тогда они видѣли бы, что нужно имъ держаться одного чего нибудь: или считать литературу безсильной, бесполезной и безвредной, — и предоставить ей жить и быть, какъ ей угодно; или считать ее вредной, — и заботиться объ ея уничтоженіи; или считать ее полезною и предоставить ей независимость, потому что только независимость даетъ ей и охоту и силу быть полезною ихъ союзницею. Но всѣ эти три несомвѣстныя понятія страннымъ образомъ совмѣстились въ ихъ головѣ, и они сами не знаютъ, какъ имъ быть, что имъ дѣлать, — и они не замѣчаютъ гибельнаго противорѣчія въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, потому что недостаточно образованы для того, чтобы могли мыслить логически, недостаточно понимаютъ сами, что дѣлать, для того, чтобы могли поступать благоразумно и сообразно своимъ собственнымъ цѣлямъ. Читатель, вы быть можетъ отворачивались отъ этихъ людей съ негодованіемъ, какъ отъ людей злонамѣренныхъ, — о, нѣтъ, они желаютъ добра, какъ и вы, они только не знаютъ, въ чемъ добро и какъ достичь его; потому, когда вамъ встрѣчается въ жизни такой человѣкъ, старайтесь просвѣтить и вразумить его: не гнѣва, а состраданія и пособія онъ достоинъ. Самое недовольство его литературою такъ наивно, что своею ребяческою недалекостью невольно смягчаетъ ваше сердце.

Совсѣмъ иное дѣло недовольство нашею литературою въ ипохондрикахъ, осуждающихъ ее за то, что она дѣлаетъ слишкомъ мало. Это люди, чуть ли не въ самомъ дѣлѣ злые. Почему и на что они злы, хорошенько не разберешь. Но съ перваго взгляда на нихъ, съ перваго слова ихъ, приходитъ вамъ подозрѣніе, что они злы. Практики, съ которыми мы разеуждали прежде, почти все люди, живущіе въ комфортѣ, пользующіеся или хорошимъ здоровьемъ, или изящными недугами, какъ то подагрю, гастритомъ; ипохондрики, съ которыми мы теперь начинаемъ разеуждать, люди большею частью худощавые, съ жолчнымъ или по крайней мѣрѣ геморроидальнымъ цвѣтомъ лица; хорошимъ здоровьемъ ни одинъ изъ нихъ не пользуется, не пользуется даже подагрю или гастритомъ — куда имъ до такихъ комфортабельныхъ страданій! У нихъ преобладаютъ болѣзни, болѣзни сердца, груди и головы. Звукъ ихъ голоса отзывается чѣмъ-то ядовитымъ; они, не имѣя права никому говорить назидательно-увѣщательнымъ тономъ, составляющимъ привилегію практиковъ, стараются вознаграждать себя за то язвительностью; ипохондрику такого рода высшее наслажденіе въ жизни — уколоть того, съ кѣмъ говорить, п осыпать насмѣшками того и то, о комъ и о чемъ говорить.

„Вы радуетесь ва вашу литературу, говорить такой человекъ:—будто бы она въ самомъ дѣлѣ занимается тѣмъ нибудь полезнымъ—желаю вамъ радоваться. И какъ, изъ самомъ дѣлѣ, не восхищаться: удивительно, на сколько впередъ подвинула она нашъ бытъ, сколькими улучшеніями мы ей обязаны. Составилась компанія и взяла на откупъ постройку желѣзныхъ дорогъ, — вы, господа русскіе журналисты, публицисты и писатели, немедленно принялись доказывать пользу желѣзныхъ дорогъ, ихъ необходимость для Россіи, какъ это своевременно, какъ это полезно! Сдѣлано дѣло, вы тотчасъ же принимаетесь доказывать, что его нужно было сдѣлать. Составленъ пониженный тарифъ, вы тотчасъ неумолимо начинаете доказывать, что низкій тарифъ лучше высокаго; вы статью за статью разбираете новый тарифъ и объясняете совершенно справедливо, что каждая статья его назначаетъ пошлину на товаръ именно въ такомъ размѣрѣ, который необходимъ для выгодъ нашей промышленности. Превосходно, слова нѣтъ, но позвольте васъ спросить, не запоздали ли ваши превосходныя рѣчи? Когда дѣло сдѣлано, не поздно ли доказывать его надобность? Вѣдь она гораздо яснѣе, нежели словами, доказана уже тѣмъ самымъ, что оно сдѣлано. Я не вижу въ вашей литературѣ ни малѣйшаго сходства съ Эгерією, мудрые совѣты которой принесли столько пользы Риму; она скорѣе похожа на нимфу Эхо, о которой я не слыхивалъ, чтобы ей приписывалась какая-нибудь польза: миеологи говорятъ, что она занимается повтореніемъ чужихъ словъ для развлечения себя отъ скуки. По совѣсти говоря, признайтесь, что вы занимаетесь повтореніемъ задовъ для развлечения отъ собственной скуки и для развлечения скуки читателей, и только. Вы удивительно точно и ясно объясняете то, что давно признано полезнымъ и что уже исполнено; вы, какъ говорятъ французы, отлично отворяете уже отворенную дверь, или, говоря по русски, толчете воду. Не то съ вопросами, которые въ самомъ дѣлѣ требуютъ объясненія,—вы или совершенно умалчиваете о нихъ, или говорите въ такихъ общихъ фразахъ, изъ которыхъ совершенно нельзя понять, какимъ же образомъ сдѣлать это дѣло, если оно признано полезнымъ, или почему полезно это дѣло, котораго польза еще не всѣми признана. Возьмемъ хотя бы вопросъ о взяточничествѣ. Никто не защищаетъ взяточничества, всѣ признають его обычаемъ дурнымъ и вреднымъ,—и вы, по своему похвальному правилу, обрадовавшись тому, что всѣ объ этомъ говорятъ, заговорили тоже самое, что и безъ васъ всѣ говорили,—именно, начали утверждать, что взяточничество—дурной и вредный обычай. Друзья мои, въ этихъ ли разсужденіяхъ надобность? Нужно было бы показать средства, какъ намъ избавиться отъ взяточничества,—вотъ это не для всѣхъ ясно, вотъ объ этомъ стоитъ говорить литературѣ. Сказала ли она хотя слово объ этомъ? Сказала, съ гордостью возражаете вы: она указала на гласность, какъ на средство противъ взяточничества. О, горькая необходимость разрушать мечты юности! Да развѣ съ этимъ словомъ соединено какое нибудь ясное понятіе въ вашихъ указаціяхъ? Мало ли что называется гласностью?—и повѣсти, которыхъ такъ много напечатано въ вашихъ журналахъ, по вашему гласность; и та статейка въ какой-то газетѣ, гдѣ нѣкто, очень почтенный человекъ, съ паеосомъ и торжественностью борется за оружіе гласности, чтобы изобличить буфетчика,

подавшего ему дурно приготовленную котлетку въ какомъ-то трактирѣ,— и тонкій намекъ о тѣмъ, что неизвѣстно когда и неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно кто, неизвѣстно съ кѣмъ, поступилъ не то несправедливо, не то неучтиво. а что то и гдѣ то было не совсѣмъ повраившееся вамъ. Это гласность! Друзья мои, вы, сколько мнѣ кажется, принимаете муху за слона. Да, я и забылъ: вы еще съ восторгомъ и гордостью намекнули, что взяточничество происходитъ отъ произвола,—но какой это произволъ, чей это произволъ, осталось неизвѣстно; еще менѣе извѣстно, существуютъ ли казія нибудь средства противъ этого таинственнаго произвола. Да, опять чуть было не забылъ: средство противъ него вами указано,—таже самая гласность, то есть объявленіе въ фельетонной статейкѣ о котлеткѣ, дурно приготовленной. По правдѣ говоря, читая эти превращенія мухи въ слона, думаешь, что едва ли не лучше было бы вовсе не писать объ этомъ,—тогда по крайней мѣрѣ не было бы профанировано великое имя гласности. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическаго размѣра все, чего касается ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и желанія и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы. А вѣдь вопросъ о взяточничествѣ разобранъ вами все таки гораздо полнѣе и точнѣе другихъ вопросовъ,—если чѣмъ нибудь, то именно имъ должна гордиться ваша такъ называемая гласность. Хорошо же объяснила она другіе вопросы, если о томъ, который объяснила она лучше всѣхъ другихъ, въ результатѣ сказала она только ту прекрасную мысль, что въ трактирахъ ве слѣдуетъ подавать плохихъ котлетокъ.

„Не напоминаетъ ли вся ваша литература того русскаго путешественника, который, обозрѣвъ всю Европу, замѣтилъ только, что въ Гамбургѣ хороши сигары? Нечего сказать, стоило ѣздить по Европѣ только для такого открытія; стоило и вамъ толковать о гласности и о прочемъ, чтобы изобличить какую-то котлетку.—Я чувствую, что вы негодуете на меня за эту котлетку. Но что же мнѣ дѣлать? Надъ нею совершился важнѣйшій подвигъ вашей литературы за тотъ годъ, которымъ вы восхищались и который теперь оканчивается.

„Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имѣютъ понятія о томъ, что такое литература, достойная этого имени. Истинно заслуживаетъ имени своего литература только тогда, когда говоритъ обо всемъ, что важнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи происходитъ въ обществѣ, разсматриваетъ всѣ эти факты со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, объясняетъ, отъ какихъ причинъ происходитъ каждый фактъ, чѣмъ онъ поддерживается, казія явленія должны быть вызваны къ жизни для его усиленія, если онъ благотворенъ, или для его ослабленія, если онъ вреденъ. Такая литература руководитъ мнѣшіемъ общества, приготовляетъ и облегчаетъ улучшенія въ національной жизни, предотвращаетъ своими указаніями и совѣтами ошибки и бѣдствія.

„Есть ли въ вашей литературѣ что нибудь подобное? Она не руководитъ мнѣшіемъ общества. — Куда ей до такого вліянія!— Она рада, рада ужъ. если ей удастся иногда сдѣлаться слабымъ, блѣднымъ отраженіемъ той

или другой изъ мыслей, овладѣвшихъ обществомъ безъ ея посредничества; кто захотѣлъ бы слѣдить по ней за тѣмъ, что происходитъ въ наней жизни, тотъ зналъ бы развѣ одинъ, да и то самый ничтожный, изъ тысячи фактовъ. о которыхъ будетъ говорить исторія, да и этотъ фактъ показываетъ литература вамъ въ искаженномъ видѣ. Восхищайтесь же подвигами вашей литературы. если вы не знаете ни крута дѣйствій, ни обязанностей, принадлежащихъ литературѣ, достойной своего имени. А человѣку, понимающему, чѣмъ должна быть литература, жалко смотрѣть на вашу литературу и забавно видѣть ваше довольство ею“.

Что сказать на эти горьшія слова жолчныхъ ипохондриковъ? Отвѣтъ вовсе не затруднителенъ намъ теперь, когда мы знаемъ мнѣнія цвѣтущихъ здоровьемъ или пользующихся подагрой практиковъ. Мы только иротивопоставимъ горькимъ укоризнамъ назидательную теорію о безсиліи литературы. и упреки разсѣются сами собою. Литература наша не руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, не управляетъ событіями—что жъ изъ того? — такихъ претензій и не должна имѣть литература; событія готовятся событиями, а не словами; общественное мнѣніе воспитывается опытомъ жизни и фактами, такъ или иначе отражающимися на состояніи общества, а не журнальными статьями или книгами. Потому о ходѣ исторіи намъ нечего заботиться,—онъ развивается и безъ помощи литературы; вѣдь начались же у насъ безъ ея содѣйствія строиться желѣзныя дороги,—такъ явится и все, чему явиться придется пора. А наша литература, если и не дѣлаетъ всего, что слѣдовало бы ей дѣлать, дѣлаетъ все, что можетъ; да и чего инаго желали бы жолчные ипохондрики? Они просто больны и раздражительны, на ихъ слова не слѣдовало бы обращать никакого вниманія, и если мы дали имъ изложить ихъ мнѣніе, то единственно съ цѣлью показать читателямъ, какъ нелѣпы бываютъ мнѣшія и желанія людей болѣзненно раздражительныхъ.

Насъ просили помѣстить въ „Современникъ“ слѣдующее извѣщеніе объ открытіи въ Петербургѣ учебнаго заведенія для дѣвицъ, основаннаго на началахъ совершенно новыхъ у насъ; мы съ удовольствіемъ исполняемъ это желаніе, ожидая много хорошаго отъ мысли, руководившей учрежденіемъ курсовъ, слушательницы которыхъ не будутъ отвлекаемы отъ жизни въ своемъ семейномъ кругу.

„Давно уже общимъ мнѣніемъ призваны нѣкоторые недостатки женскаго воспитанія у насъ въ Россіи. Недостатки эти пропеходятъ главнымъ образомъ оттого, что воспитаніе дѣвочекъ мало соображается съ особенностями ихъ женской природы и съ будущимъ ихъ назначеніемъ. Возможно лучшее образованіе дается у насъ дѣвицамъ въ различныхъ женскихъ институтахъ. По веку эти институты суть заведенія закрытыя, т. е. дѣвицы, получающія здѣсь свое образованіе, тутъ же должны и *воспитываться*, т. е. во все время курса жить въ заведеніи, отчуждаясь такимъ образомъ отъ семейной жизни. Это обстоятельство не совсемъ благоприятно дѣйствуетъ и на развитіе мальчишковыхъ, по общему убѣжденію людей, специально занимавшихся вопросами объ общественномъ воспитаніи. Тѣмъ болѣе для дѣвочки губительно отчужденіе отъ семьи въ ранніе годы ея жизни. Кругъ, въ которомъ, при современномъ положеніи и устройствѣ общества, должна женщина дѣйствовать,—есть именно кругъ семейный. Поэтому вужно

заранѣе, съ малыхъ лѣтъ приучать ее къ жизни въ семействѣ, не подвергая тому холодному формализму, который ненабѣженъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ при многочисленности воспитанницъ и орл отсутствіи ностонннаго *роднаго* надзора, при которомъ дисциплина замѣняется дѣтской любовью. Но весьма немногія матери въ состояніи сами воспитывать дочерей своихъ и давать имъ полное и современное образованіе. Равнымъ образомъ не всѣ могутъ имѣть для дѣтей своихъ хорошихъ учителей, особенно такихъ, которымъ можно бы было поручить образованіе дѣвочекъ. А между тѣмъ для дѣвочекъ нѣтъ у насъ открытыхъ учебныхъ заведеній, куда бы онѣ могли приходять только для слушанія уроковъ, возвращаясь послѣ класса домой. Женскіе пансіоны наши также болшею частію запинаются не однимъ обученіемъ, но и воспитаніемъ дѣвицъ, принимая ихъ совсѣмъ на житье пзъ родительскаго дома. Кромѣ того, въ нашихъ заведеніяхъ вообще при обученіи дѣвочекъ слѣдуютъ обыкновенному способу, принятому и для мальчиковъ, т. е. заставляютъ ихъ заучивать правила, выучивъ опредѣленія, запоминать общія, отвлеченныя положенія, для нихъ едина понятныя. Такой методъ преподаванія и для мальчиковъ довольно затруднителенъ и бесплоденъ, для дѣвочекъ же онъ искудобенъ еще болѣе, потому что онѣ, отличаясь, вавъ извѣстно, по самой природѣ своей, болшею мягкостью и болшимъ развитіемъ чувства и воображенія, требуютъ и въ самыхъ урокахъ болѣе одушевленія и конкретности въ представленіи предметовъ. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ еще не было заведенія, которое имѣло бы въ виду удовлетвореніе всѣмъ изложеннымъ нами условіямъ, и матери, желавшія развить умъ своихъ дочерей и дать имъ солидное образованію, весьма рѣдко могли удовлетворить своему желанію....

„Съ цѣлію устранить, во возможности, указанные недостатки и облегчить затрудненія матерей семейства въ образованіи дочерей своихъ, открываются нынѣ въ Петербургѣ „курсы ученія для дѣвицъ, воспитывающихся въ своихъ семействахъ“ (Athénée des familles), подъ управленіемъ г-жи Труба, бывшей наставницы Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны. По своей основной мысли и наоравленію, это заведеніе совершенно отлично отъ всѣхъ, доселѣ у насъ бывшихъ пансіоновъ. Для того, чтобы пользоваться курсами въ заведеніи г-жи Труба, дѣвицамъ нѣтъ надобности выходить изъ круга семейной жизни; онѣ должны только пріѣзжать сюда для слушанія лекцій, а потомъ отправляются домой, гдѣ готовятъ свои уроки къ слѣдующему классу. Главная цѣль курсовъ—развить умственныя способности дѣвицъ и сообщить имъ знанія прочныя и основательныя. Поэтому принято—во всѣхъ урокахъ избѣгать школьнаго педантизма и механическаго заучиванія наизусть, и, напротивъ, прилагать всѣ возможныя старанія, чтобы дѣвицы сами приучались соображать, рассуждать, находить связь и отношенія между предметами и пр. Всѣ работы, какія раздаются ученицамъ на домъ, приспособлены къ той же цѣли, т. е. чтобы въ исполненіи ихъ участвовала не одна память, а вмѣстѣ и самостоятельная дѣятельность разсудка и воображенія. Этихъ способомъ достигается во-первыхъ то, что дѣти приучаются лучше, легче и основательнѣе мыслить, а во-вторыхъ то, что самыя свѣдѣнія, приобретаемыя ими, не будутъ имъ стоить такого нучительнаго и часто бесплоднаго труда, какъ при заучиваніи наизусть, а между тѣмъ будутъ живѣе, полнѣе и тверже.

„Заведеніе находящееся подъ управленіемъ госпожи Труба, основано въ обширныхъ размѣрахъ. Въ немъ учреждено пять курсовъ: элементарный, въ который поступаютъ дѣвочки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, второй—отъ двѣнадцати до шестнадцати, высшій—отъ пятнадцати до шестнадцати, дополнительный—отъ шестнадцати, и наконецъ, спеціальныя для образованія наставницъ. Въ этихъ курсахъ заключаются всѣ необходимыя для общаго образованія отрасли знанія: Законъ Божій, чтеніе, грамматика, ариететка, географія, всеобщая исторія, исторія русская, русская словесность, сравнительная словесность, космографія, естественныя науки. Кромѣ общаго курса, для тѣхъ, кто желалъ бы усовершенствоваться въ одномъ какомъ нибудь предметѣ, назначаются отдѣльныя курсы дополнительные. Такимъ образомъ можно записываться, напримѣръ, отдѣльно на курсы какого нибудь изъ новыхъ языковъ, на курсы изящныхъ искусствъ, музыки, пѣнія, рисованія, и проч. По каждому предмету приглашены учредительницею курсовъ знающіе наставники болшею частію уже соста-

ившіе себѣ извѣстность въ педагогической практикѣ. Кромѣ того, при урокахъ постоянно присутствуютъ репетиторши, которыя, слѣдя за объясненіями учителя, могутъ потомъ помогать матерямъ въ направленіи ученія дѣтей и въ изясненіи какихъ либо трудностей. Для этой цѣли, по желанію родителей, онѣ могутъ быть отпускаемы къ нимъ на домъ, получая по рублю серебромъ за двухъ-часовой урокъ.

„Всѣ эти удобства предоставляются родителямъ за плату весьма умѣренную, если сравнить ее съ тѣмъ издержками, какія дѣлаются въ хорошихъ семействахъ на плату за уроки различнымъ учителямъ. Въ заведеніи г-жи Труба можно записываться не иначе, какъ на все продолженіе курсовъ, съ платою по третямъ года: за полный ученый курсъ—элементарный и второй—46 р. сер., курсъ высшій—60 р., курсъ для образованія наставницъ—40 р. въ треть. Курсъ дополнительный состоитъ изъ специальныхъ курсовъ, за которые плата полагается въ мѣсяцъ, за каждый отдѣльно. Курсы наукъ имѣютъ по одному уроку въ недѣлю, и плата за нихъ простирается отъ 4 до 10 р. въ мѣсяцъ, по каждому предмету. Курсы новыхъ языковъ и изящныхъ искусствъ, по два урока въ недѣлю—отъ 6 до 12 р. въ мѣсяцъ. Въ числѣ этихъ предметовъ есть такіе, которые у васъ не входятъ обыкновенно въ курсъ домашняго воспитанія, напримеръ, естественныя науки въ размѣрахъ довольно обширныхъ,—исторія изящныхъ искусствъ. Кромѣ новыхъ языковъ есть еще отдѣльные курсы словесности—французской, нѣмецкой и авглійской. Каждый урокъ, во всѣхъ курсахъ, и по всѣмъ предметамъ, продолжается два часа.

„Заведеніе, основанное г-жею Труба, совсѣмъ уже сформировано, и 3 декабря начинаются курсы. Полное число воспитанницъ предположено: въ курсахъ наукъ—отъ 20 до 25, въ курсахъ иностранныхъ языковъ, въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ—отъ 14 до 15, а въ третьемъ (литература) отъ 20 до 25, въ курсахъ музыки, пѣнія и танцевъ—8, въ курсахъ рисованія и живописи—отъ 12 до 15.

„Каждый день, съ 1 до 5 часовъ, можно записываться на курсы у г-жи Труба, на углу Итальянской улицы и Екатерининскаго канала, въ домѣ княгини Енгальчевой (бывшемъ Модена), квартира № 2“.

Намъ пріятно также сообщить читателямъ о появленіи справочной книги, которою значительно облегчаются изслѣдованія по вопросу, имѣющему первостепенную важность въ русской жизни.

Помощникъ бібліотекаря въ Дрезденѣ, докторъ философіи Безикъ, составилъ по порученію нѣсколькихъ соотечественниковъ нанихъ каталогъ разныхъ сочиненій и статей подъ заглавіемъ: „Systematisches Verzeichniss von „Büchern, Zeitschriften, zerstreuten Abhandlungen und einzelnen Aufsätzen betreffend die Literatur und Geschichte der Privatunterthansverhältnisse, von der aeltesten bis auf die neueste Zeit, so wie ihrer „Aufhebung in den verschiedenen Ländern Europa's, verfasst von D-r F. „L. Boesick“. Каталогъ этотъ напечатанъ въ Дрезденѣ въ нынѣшнемъ году въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и продается въ Петербургѣ у книгопродавцевъ Клузеля, Давыдова и въ конторѣ Коммиссіонерства Языкова в Комп., а въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Щепкина по 50 коп.—Обращаемъ на этотъ трудъ вниманіе лицъ, занимающихся историческими и юридическими изслѣдованіями отношеній между разными сословіями, какъ на весьма важное пособіе для ученыхъ трудовъ ихъ.